ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ.

ОТЪ КЯХТЫ НА ИСТОКИ ЖЕЛТОЙ РѢКИ,

ИЗСЛѢДОВАНІЕ СѢВЕРНОЙ ОКРАИНЫ ТИБЕТА И ПУТЬ ЧЕРЕЗЪ ЛОБЪ-НОРЪ ПО БАССЕЙНУ ТАРИМА.

Н. М. Пржевальскаго.

Съ 3 картами, 29 фототипіями и 3 политипажами.

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., 78.
1888.

ПЕРЕВОДЪ БЕЗЪ СОГЛАСІЯ АВТОРА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

4° Geo.u. 139 b

Bayerische Staatsbibliothek
<36646824710011

ОТЪ КЯХТЫ
НА ИСТОКИ ЖЕЛТОЙ РѢКИ,

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

СѢВЕРНОЙ ОКРАИНЫ ТИБЕТА

И

ПУТЬ ЧЕРЕЗЪ ЛОБЪ-НОРЪ ПО БАССЕЙНУ ТАРИМА.

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

2. Ex.

FgT/87/4969

1815п/82

ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ.

A V/2

ОТЪ КЯХТЫ
НА ИСТОКИ ЖЕЛТОЙ РѢКИ,
ИЗСЛѢДОВАНІЕ
СѢВЕРНОЙ ОКРАИНЫ ТИБЕТА
И
ПУТЬ ЧЕРЕЗЪ ЛОБЪ-НОРЪ ПО БАССЕЙНУ ТАРИМА.

Н. М. Пржевальскаго.

Съ 3 картами, 29 фототипіями и 3 политипажами.

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., 78.
1888.

ПЕРЕВОДЪ БЕЗЪ СОГЛАСІЯ АВТОРА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

4° Geo.m. 139 b

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА
Екатерининскій кан., д. № 78.
2838

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Его Императорскому Высочеству

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

ВЫСОКОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ моихъ новѣйшихъ изслѣдованій

въ Центральной Азіи,

съ чувствомъ глубокой благодарности

всепреданнѣйше посвящаю эту книгу.

Генеральнаго Штаба
Генералъ-маіоръ Пржевальскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Четвертое» путешествіе по Центральной Азіи представляетъ собою продолженіе *научныхъ рекогносцировокъ*, которыя ранѣе произведены были мною въ той же части азіатскаго материка. Самый характеръ экспедиціи и система изслѣдованій оставались прежніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и описаніе вновь совершеннаго путешествія сдѣлано въ прежней повѣствовательной формѣ. Прибавлены лишь двѣ главы, въ началѣ и концѣ книги, не прямо къ данному разсказу относящіяся. Первая изъ этихъ главъ трактуетъ о способахъ нашихъ путешествій; другая, представляетъ въ сжатомъ очеркѣ выводы изъ непосредственныхъ наблюденій надъ обитателями Центральной Азіи [1]).

При составленіи настоящей книги я пользовался, какъ и прежде, широкою помощью со стороны разныхъ спеціалистовъ, а именно: наблюденія широты (16 пунктовъ) и долготы (4 пункта) вычислены астрономомъ Пулковской Обсерваторіи *В. К. Делленомъ;* барометрическія опредѣленія высотъ [2])—генералъ-маіоромъ *К. В. Шарнгорстомъ;* двѣ карты маршрутно-глазомѣрной съемки, равно какъ и отчетная карта [3]) четырехъ моихъ путешествій, исполнены въ Военно-Топографическомъ Отдѣлѣ Главнаго Штаба; рисунки съ фотографій г. Роборовскаго сдѣланы фототипіею г. *Классеномъ;* горныя породы опредѣлены профессоромъ *А. А. Иностранцевымъ;* растенія—академикомъ *К. И. Максимовичемъ;* изъ млекопитающихъ грызуны и нѣ-

[1]) Глава эта была напечатана отдѣльною статьею въ декабрской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1886 годъ.

[2]) Списокъ астроном. пунктовъ и абс. высотъ для IV путешествія помѣщенъ въ XXIII томѣ Извѣстій Русскаго Географическаго Общества.

[3]) Взята изъ карты Азіатской Россіи, изд. Военно-Топограф. Отдѣломъ Главнаго Штаба; нанесены вновь лишь мои пути.

которые другіе мелкіе виды опредѣлены ученымъ консерваторомъ Зоологическаго музея Академіи Наукъ *Е. А. Бюхнеромъ*[1]; пресмыкающіяся—академикомъ *А. А. Штраухомъ;* рыбы—ученымъ-консерваторомъ того же Академическаго музея *С. М. Герценштейномъ.* Всѣмъ этимъ лицамъ и учрежденіямъ приношу искреннюю признательность.

Научныя коллекціи, добытыя въ настоящее путешествіе, распредѣлены мною по прежнему: зоологическая передана музею Импер. Академіи Наукъ; ботаническая—Императорскому Ботаническому саду; небольшой минералогическій сборъ—Геологическому кабинету С.-Петербургскаго Университета.

Въ началѣ минувшаго 1887 года Государю Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было пожертвовать 25,000 рублей на изданіе Академіею Наукъ зоологическихъ результатовъ моихъ путешествій. Къ разработкѣ этихъ результатовъ еще ранѣе было приступлено[2] и, вѣроятно, въ нынѣшнемъ году появятся первые выпуски. Вскорѣ также будутъ изданы Географическимъ Обществомъ первые выпуски Монгольской и Тангутской флоры, описываемой[3] академикомъ К. И. Максимовичемъ, какъ равно и, обрабатываемыя нынѣ А. И. Воейковымъ, мои метеорологическія наблюденія.

Н. Пржевальскій.

Іюнь 1888 года.
С.-Петербургъ.

[1]) Крупныя млекопитающія и всѣ птицы опредѣлены мною.

[2]) Академикъ А. А. Штраухъ обрабатываетъ пресмыкающихся и земноводныхъ; ученые консерваторы: Е. А. Бюхнеръ описываетъ млекопитающихъ, С. М. Герценштейнъ—рыбъ. Насѣкомыя частію уже описаны разными специалистами. Птицы будутъ обработаны мною, лишь только представится для этого значительный періодъ свободнаго времени.

[3]) «Diagnoses plantarum novarum asiaticarum», Bulletin de l'Académie Imperiale des siences de St.-Pétersbourg. Томы XXIII—XXXI.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

ИРИНЧИНОВЪ. БЕЗСОНОВЪ. ДОБРЫНИНЪ. ДОРДЖЕЕВЪ. ХЛѢБНИКОВЪ. БЛИНКОВЪ. ПРОТОПОПОВЪ. ТЕЛЕШОВЪ. РОДІОНОВЪ. ЖАРНИКОВЪ. ЖАРКОЙ. МАКСИМОВЪ.

НЕФЕДОВЪ. ИВАНОВЪ. ПЕРЕВАЛОВЪ. СОКОВИКОВЪ. ПОЛУЯНОВЪ. ЮСУПОВЪ.

КОНВОЙ ЭКСПЕДИЦІИ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Вас. Остр. Кадетская лин. № 7-2.

ГЛАВА I.

Какъ путешествовать по Центральной Азіи.

Личность путешественника.— Факторы успѣха.— Составъ экспедиціи.— Матеріальныя средства.— Планъ путешествія.—Снаряженіе: а) дома, б) на границѣ.—Укладка багажа.—Экспедиціонныя животныя.—Порядокъ вьюченья и хожденій съ верблюдами.—Обыденная жизнь въ пути.—Продовольствіе.—Гигіена.—Отношенія къ туземцамъ.—Проводники и переводчики.—Система научныхъ работъ.—Задачи будущихъ изслѣдованій.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу о своемъ *четвертомъ* путешествіи по Центральной Азіи, признаю умѣстнымъ напечатать главу — какими способами выполнялись мною такія путешествія [1]). Дѣлаю это съ цѣлью подѣлиться своею опытностью съ будущими изслѣдователями тѣхъ же странъ и убѣжденъ, что мои совѣты, провѣренные многолѣтнимъ опытомъ, значительно пригодятся для путешественниковъ-новичковъ. Пусть только они твердо помнятъ, что кабинетныя теоріи и практическое дѣло— двѣ вещи разныя; что «лучшее часто является врагомъ хорошаго», и что «не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо оговорить, что мои «рецепты» путешествія пригодны лишь для пустынь Центральной Азіи и для той исключительной обстановки, въ которую попадаетъ тамъ путешественникъ при своихъ *научныхъ рекогносцировкахъ*. Таковыми именно и были всѣ мои странствованія. Подробныя же изслѣдованія болѣе доступныхъ мѣстностей, на

[1]) Подобную главу я намѣревался приложить еще къ изданію своего «Третьяго путешествія по Центральной Азіи», но не успѣлъ тогда ее написать. Въ началѣ названной книги помѣщены были лишь рисунки (юрта, палатка, вьючный багажъ, завьюченный верблюдъ и др.), прямо относящіеся до предлагаемаго описанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта глава можетъ служить детальнымъ пополненіемъ къ описанію всѣхъ моихъ путешествій по Центральной Азіи.

небольшихъ сравнительно площадяхъ, или еще лучше специальными станціями—къ чему именно и должны привести предварительныя быстролетныя развѣдки—могутъ и должны совершаться при измѣненныхъ условіяхъ, частію же и совсѣмъ иными способами. Во всякомъ случаѣ, даже тѣ специальныя указанія, которыя будутъ приведены ниже, обнимаютъ собою суть дѣла лишь въ общихъ чертахъ и, конечно, могутъ измѣняться при условіяхъ иной обстановки путешествія. Предлагается, такъ сказать, общая канва, пополнять которую, сообразно обстоятельствамъ, вполнѣ зависитъ отъ самого путешественника.

Съ его личности и начнемъ свое повѣствованіе.

Личность путешественника.

Хотя, конечно, трудно, даже невозможно подъискать человѣка по данной формулѣ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя характерныя черты, съ бо́льшими или меньшими ихъ варіаціями, необходимо должны быть присущи тому индивидууму, для котораго выпадетъ завидная доля научнаго изслѣдователя далекихъ странъ Центральной Азіи. Не ковромъ тамъ будетъ постлана ему дорога, не съ привѣтливой улыбкой встрѣтитъ его дикая пустыня, и не сами полѣзутъ ему въ руки научныя открытія. Нѣтъ! Цѣною тяжелыхъ трудовъ и многоразличныхъ испытаній, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, придется заплатить даже за первыя крохи открытій. Поэтому для человѣка, ставшаго во главѣ подобнаго дѣла, безусловно необходимы какъ крѣпость физическая, такъ и сила нравственная. Цвѣтущее здоровье, крѣпкіе мускулы и еще лучше атлетическое сложеніе съ одной стороны, а съ другой—сильный характеръ, энергія и рѣшимость—вотъ тѣ качества, которыя всего надежнѣе будутъ гарантировать успѣхъ предпріятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, необходима научная подготовка, специальная хотя бы въ немногомъ, но при хорошемъ умственномъ развитіи вообще и при достаточномъ знакомствѣ съ различными отраслями предстоящихъ изслѣдованій. Далѣе, прирожденная страсть къ путешествію и беззавѣтное увлеченіе своимъ дѣломъ явятся могучими рычагами успѣха, ибо будутъ поддерживать и согрѣвать въ тѣ трудныя минуты, которыя придется переносить не одинъ разъ. Въ дальнѣйшихъ деталяхъ своей личности путешественникъ долженъ быть отличнымъ стрѣлкомъ и еще лучше страстнымъ охотникомъ; не долженъ гнушаться никакой черной работы, какъ, напримѣръ, вьюченья верблюдовъ, сѣдланья лошадей, укладки багажа и пр., словомъ, ни въ какомъ случаѣ не держать себя бѣлоручкою; не долженъ имѣть избалованныхъ вкуса и привычекъ, ибо въ путешествіи придется жить въ грязи и питаться чѣмъ Богъ послалъ; не долженъ знать простуды, такъ какъ зиму и лѣто станетъ

проводить на открытомъ воздухѣ; долженъ быть отличнымъ ходокомъ; наконецъ, долженъ имѣть ровный, покладистый характеръ, чѣмъ быстро пріобрѣтетъ расположеніе и дружбу своихъ спутниковъ.

Вообще для путешественника, въ высокомъ значеніи этого слова, требуется сочетаніе многихъ незаурядныхъ физическихъ и нравственныхъ качествъ, безъ чего крупный успѣхъ дѣла, даже при самой лучшей внѣшней обстановкѣ, мало будетъ обезпеченъ. Откровенно говоря, путешественникомъ нужно родиться, да и пускаться вдаль слѣдуетъ лишь въ годы полной силы. Съ другой стороны, само путешествіе неминуемо окажетъ благодѣтельное вліяніе на своего дѣятеля: его здоровье и характеръ закалятся, выработается находчивость и навыкъ къ практической работѣ, словомъ, пріобрѣтутся такія качества, которыя впослѣдствіи могутъ быть съ пользою приложены къ любому дѣлу.

Но и при всѣхъ благопріятныхъ данныхъ относительно личности путешественника успѣхъ его задачи весьма много будетъ зависѣть отъ общей суммы тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, при которыхъ придется дѣйствовать. Въ особенности важно устроеніе, такъ сказать, организма самой экспедиціи. Отъ бо̀льшей или меньшей удачи выбора спутниковъ и ихъ отношеній къ руководителю дѣла всегда будетъ много, даже очень много зависѣть весь ходъ предпріятія. Какъ въ живомъ организмѣ всѣ органы стремятся къ достиженію одной общей цѣли и для того всецѣло подчиняются велѣніямъ органа высшаго, такъ и въ организмѣ экспедиціонномъ безусловно долженъ быть одинъ руководитель дѣла. Пусть даже онъ имѣетъ свои недостатки, пусть по временамъ ошибается, безъ чего, конечно, не можетъ обойтись ни одинъ смертный, все-таки активное дѣйствіе единой воли, изъ десяти разъ на девять, скорѣе и успѣшнѣе приведетъ къ желанной цѣли, чѣмъ неминуемая разноголосица нѣсколькихъ распорядителей предпріятія. Съ другой стороны, личный примѣръ начальника, его умѣнье привязать къ себѣ своихъ спутниковъ и вдохнуть въ нихъ собственную горячую любовь къ избранному дѣлу,—вотъ что будетъ также служить не малою гарантіею успѣшнаго выполненія заданной цѣли. Говорю это относительно организаціи *военнаго* отряда. Съ таковымъ совершалъ я всѣ свои путешествія и полагаю, что составъ экспедиціи для продолжительной научной рекогносцировки невѣдомыхъ и труднодоступныхъ мѣстностей въ глубинѣ Центральной Азіи изъ статскихъ людей едва-ли возможенъ. Въ такомъ отрядѣ неминуемо воцарится неурядица, и дѣло скоро рушится само собою. При томъ же военный отрядъ необходимъ, чтобы гарантировать личную безопасность самихъ изслѣдователей и до- Факторы успѣха.

стигнуть иногда силою того, чего нельзя добиться мирнымъ путемъ. Невоенный человѣкъ можетъ быть принятъ развѣ въ качествѣ спеціальнаго изслѣдователя, но съ условіемъ полнаго подчиненія начальнику экспедиціи. Этотъ послѣдній и его помощники также будутъ надежнѣе изъ людей военныхъ, разумѣется, при условіи ихъ годности для дѣла путешествія. Конвой долженъ состоять изъ служащихъ солдатъ и казаковъ. Дисциплину въ отрядѣ слѣдуетъ ввести неумолимую, рядомъ съ братскимъ обращеніемъ командира съ своими подчиненными. Весь отрядъ долженъ жить одною семьею и работать для одной цѣли подъ главенствомъ своего руководителя. Когда это будетъ достигнуто, многія невзгоды путешествія стушуются сами собою, и прибавится новый крупный залогъ успѣшнаго достиженія цѣли.

И все таки не одинъ разъ этотъ успѣхъ будетъ висѣть на волоскѣ!

Въ самомъ дѣлѣ—вѣдь маленькая кучка экспедиціи, брошенная въ глубь Азіатскихъ пустынь, болѣе чѣмъ корабль на океанѣ изолирована отъ остальнаго міра. Она несетъ съ собою все для собственнаго существованія, для своихъ научныхъ работъ, для борьбы съ встрѣчаемыми препятствіями. Послѣднихъ же очень и очень много: съ одной стороны дикая природа пустыни съ ея безводіемъ, жарами, морозами, бурями и другими физическими невзгодами; съ другой—подозрительное, нерѣдко и враждебное населеніе. Гдѣ же тутъ по мелочамъ взвѣшивать шансы успѣха, или расчитывать навѣрняка. Подобные расчеты неминуемо лопнутъ какъ мыльный пузырь. Всего лучше намѣчать програму путешествія лишь крупными чертами, предоставляя развитіе деталей въ зависимости отъ условій, которыя выяснятся на мѣстѣ. Вообще слѣдуетъ держаться какъ можно меньше теоріи, но всего болѣе практики и не забывать, что во всякомъ живомъ дѣлѣ «обстоятельства повелѣваютъ».

Наконецъ смѣлость и рискъ, въ особенности сопутствуемые счастьемъ, представляютъ важнѣйшіе элементы успѣха. Правда, счастіе, какъ извѣстно, выражаетъ собою болѣе или менѣе прихотливую случайность, но разъ эта случайность повернула въ вашу сторону, шансы достиженія цѣли умножаются на столько, какъ ни при одномъ изъ заурядныхъ факторовъ дѣла.

Еще слѣдуетъ замѣтить, что путешественнику-новичку необходимо сперва испробовать свои силы на небольшой и не особенно трудной экспедиціи [1]), дабы пріобрѣсть нѣкоторую опытность и потомъ уже пускаться въ болѣе крупное предпріятіе.

[1]) Каковою для меня было путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ въ 1867, 68 и 69 гг.

Состав экспедиціи.

Смотря по тому какими матеріальными средствами располагаетъ путешественникъ, и какія намѣчаются имъ цѣли, составъ экспедиціоннаго отряда можетъ быть бо̀льшій или меньшій. Численность малой экспедиціи можно опредѣлить отъ 8—10 человѣкъ всѣхъ участниковъ путешествія; большой же—отъ 20—25 человѣкъ, а если средства позволяютъ, то и съ надбавкомъ. Правда, при первомъ своемъ путешествіи по Центральной Азіи въ 1871, 72 и 73 гг. я ходилъ здѣсь самъ-четвертъ, при томъ имѣлъ ничтожныя матеріальныя средства, но такой фокусъ можетъ удастся лишь на одинъ разъ изъ десяти и при исключительномъ счастіи. Для недалекихъ изслѣдованій въ сопредѣльныхъ нашей Сибири частяхъ Монголіи и даже въ бо̀льшей части этой страны, гдѣ народъ вообще смирный и притомъ къ русскимъ весьма расположенный, достаточно при начальникѣ экспедиціи съ его помощникомъ четырехъ казаковъ, а для изслѣдованій на спеціальныхъ станціяхъ—и того менѣе.

Во всякомъ случаѣ, даже при большомъ составѣ экспедиціи, персоналъ спеціальныхъ изслѣдователей, какъ это ни кажется парадоксальнымъ, долженъ быть по возможности ограниченъ. Повторяю, что средства, мною рекомендуемыя, цѣликомъ пригодны лишь для быстролетныхъ научныхъ рекогносцировокъ, а при такой задачѣ многостороннія детальныя изслѣдованія будутъ тяжелою обузою, нерѣдко прямо во вредъ главной цѣли, не говоря уже о трудности, часто даже невозможности согласить противоположные интересы разныхъ спеціалистовъ. Пусть лучше пойдутъ нѣсколько отдѣльныхъ экспедицій, каждая съ своею собственною задачею—успѣхъ ихъ дѣла гораздо болѣе будетъ обезпеченъ, чѣмъ при коллективномъ шествіи.

Если взвѣсить выгоды и невыгоды большой и малой экспедицій, то не колеблясь слѣдуетъ отдать предпочтеніе послѣдней передъ первою. Начать съ того, что для малаго состава экспедиціоннаго отряда гораздо легче подобрать годныхъ людей и удобнѣе съ ними управляться; гораздо менѣе потребуется денежныхъ средствъ какъ на снаряженіе, такъ и на расходы въ пути; нужно меньше вьючныхъ животныхъ, которыхъ всегда трудно, а часто и невозможно достать; гораздо менѣе требуется запасовъ продовольствія, воды и топлива, что весьма важно въ безплодной пустынѣ; легче забраться въ труднодоступныя (со стороны физическихъ препятствій) мѣстности и можно долѣе оставаться, не боясь безкормицы, въ мѣстахъ, почему либо особенно важныхъ для научныхъ изслѣдованій; наконецъ, небольшая экспедиція всегда болѣе верткая и потому скорѣе всюду проскользнетъ.

На сторонѣ болѣе крупной экспедиціи, рядомъ съ ея недостатками, главнымъ образомъ относительно тяжеловѣсности, стоятъ сравнительно меньшія выгоды: можно нѣсколько увеличить персоналъ помощниковъ начальника экспедиціи, черезъ что скорѣе и подробнѣе будутъ обслѣдованы попутныя мѣстности; можно взять лишняго переводчика и препаратора; для казаковъ легче нести трудную экспедиціонную службу; болѣе шансовъ проникнуть силою къ дикарямъ, при случаѣ же защититься и отъ ихъ нападеній; наконецъ, можно устраивать складочные пункты, что весьма важно, даже вполнѣ необходимо для изслѣдованія Тибета. Именно для путешествія въ этой странѣ требуется большая экспедиція; для остальныхъ же частей Центральной Азіи достаточно и уменьшеннаго состава экспедиціоннаго отряда.

Но какъ бы тамъ ни было—большая или малая экпедиція пойдетъ въ Центральную Азію, во всякомъ случаѣ, при снаряженіи этой экспедиціи, для ея начальника на первомъ планѣ должна стоять забота объ удачномъ выборѣ спутниковъ, въ особенности своихъ помощниковъ. И тѣмъ труднѣе такая задача, что, какъ извѣстно, «въ душу человѣка не влѣзешь», а при фальши и маскировкѣ нашей цивилизованной жизни весьма легко принять позолоченную мѣдь за чистое золото. Поэтому удача выбора много будетъ зависѣть и отъ счастія. Я лично почти всегда былъ счастливъ въ выборѣ товарищей и весьма обязанъ имъ успѣхами своихъ путешествій. Посовѣтовать же можно при выборѣ помощниковъ не исключительно гоняться за ихъ спеціальными знаніями, но обращать также большое вниманіе и на нравственныя качества человѣка; притомъ брать людей молодыхъ, сильныхъ и энергическихъ.

Съ неменьшимъ вниманіемъ слѣдуетъ отнестись и къ составу экспедиціоннаго конвоя. Для него всего лучше будетъ отрядъ смѣшанный изъ солдатъ и казаковъ. Недостатки первыхъ вознаградятся способностями вторыхъ и наоборотъ. При томъ слѣдуетъ опять-таки брать людей молодыхъ и лучше неженатыхъ. Такіе субъекты, еще неискушенные жизнью, всегда энергичнѣе, откровеннѣе, безкорыстнѣе, болѣе увлекаются дѣломъ, между собою живутъ дружнѣе и по родинѣ не скучаютъ. Кромѣ того, при выборѣ нижнихъ чиновъ изъ солдатъ не слѣдуетъ брать жителей городовъ или большихъ деревень при желѣзныхъ дорогахъ, также бывшихъ рабочими на фабрикахъ или состоявшихъ въ какой либо профессіи, какъ напр. лакеями, поварами, кучерами и т. п. Всего надежнѣе жители удаленныхъ отъ желѣзныхъ дорогъ деревень, да и изъ нихъ люди самые бѣдные, лишь бы они были физически крѣпки и не совсѣмъ глупы. Къ казакамъ примѣнима въ боль-

шинствѣ та же мѣрка; отчасти ихъ можно брать и по рекомендаціи уже ходившихъ раньше въ экспедицію надежныхъ казаковъ, строго однако наблюдая, чтобы не попасться на удочку кумовства. Еще надо замѣтить, что солдаты и казаки гораздо лучше рядовые, ибо, помимо всего прочаго, для нихъ постоянная въ перспективѣ приманка быть за отличіе произведенными въ унтеръ-офицеры или урядники властію начальника экспедиціи. Вообще по многолѣтнему своему опыту могу свидѣтельствовать, что наши солдаты и казаки — это идеальные для трудныхъ и рискованныхъ путешествій люди: они смѣлы, выносливы, неприхотливы и легко дисциплинируются; кромѣ того, изъ тѣхъ же казаковъ выходятъ хорошіе препараторы и сносные переводчики.

Матеріальныя средства.

Если не принимать въ расчетъ перваго моего путешествія въ Центральной Азіи, для котораго, по неизвѣстности ожидаемыхъ результатовъ, отпущены были ничтожныя денежныя суммы [1]), то по опыту трехъ послѣдующихъ моихъ путешествій можно приблизительно опредѣлить матеріальныя средства, необходимыя для выполненія данной экспедиціи въ той же Центральной Азіи. Тѣмъ болѣе, что мои здѣсь путешествія совершались при различномъ числѣ участниковъ и имѣли различную продолжительность. Всѣ три путешествія, слѣдующія за первымъ, были вполнѣ обезпечены относительно матеріальныхъ средствъ. Эти послѣднія отпускались какъ деньгами, такъ и натурою. Къ натуральному отпуску относились: часть инструментовъ для астрономическихъ и гипсометрическихъ наблюденій, какъ равно и для съемки; затѣмъ винтовки Бердана и револьверы съ патронами къ тѣмъ и другимъ для вооруженія казаковъ. Въ расчетъ денежныхъ средствъ входили [2]):

[1]) По двѣ тысячѣ кредитныхъ рублей въ годъ на всѣ расходы путешествія, считая въ томъ числѣ и экспедиціонное жалованье по 200 металическихъ руб. ежегодно каждому изъ двухъ казаковъ. Какъ теперь помню, что когда, послѣ обслѣдованія юго-восточной Монголіи, Ордоса и Ала-шаня въ первый (1871) годъ своего путешествія мы отправлялись на два года въ землю тангутовъ и въ Тибетъ, то въ карманѣ у насъ осталось послѣ покупки верблюдовъ и необходимаго снаряженія лишь 178 рублей; въ подспорье было еще рублей на 400 разныхъ товаровъ, которые мы продали потомъ Ала-шаньскому князю. Съ такими ничтожнѣйшими средствами, но при счастіи и энергіи мы пробрались тогда вчетверомъ черезъ провинцію Гань-су, объятую дунганскимъ возстаніемъ, затѣмъ черезъ Куку-норъ, Цайдамъ и Сѣв. Тибетъ до верховья Голубой рѣки. Здѣсь у насъ оказалось въ наличности лишь 10 рублей денегъ, притомъ верблюды начали дохнуть, и мы принуждены были возвратиться въ Ала-шань, пробывъ въ пути 15 мѣсяцевъ.

[2]) Здѣсь показанъ предварительный расчетъ IV-го путешествія, продолжавшагося два года, при личномъ составѣ въ 21 человѣкъ. Расчеты II-го и III-го путешествій въ деталяхъ мало разнились, но общая цифра расхода на нихъ была меньше, вслѣдствіе меньшаго числа участниковъ этихъ экспедицій.

a) *единовременно*—на снаряженіе экспедиціи [1]) (научные инструменты, препараты для коллекцій, часть оружія, аптека, фотографія и пр.)—2,000 рублей [2]); на подъемъ—мнѣ 1,200, обоимъ помощникамъ по 500, препаратору 300, переводчику 100 рублей.

b) *на каждый годъ путешествія*: прибавочное жалованье — мнѣ 1,500, помощникамъ по 750 рублей; экспедиціонное жалованье—казакамъ [3]) по 240 рублей каждому, препаратору 600, переводчику 500 рублей; на вьючныхъ верблюдовъ (съ вьючными сѣдлами)—6,300; верховыя лошади (со смѣною ихъ) препаратору, переводчику и одному казаку—250; на проводниковъ и по временамъ переводчиковъ изъ туземцевъ 1,000; продовольствіе нижнихъ чиновъ, препаратора и переводчика по 120 рублей на каждаго; на подарки туземцамъ 1,000 [4]); на непредвидѣнные расходы 1,000 рублей.

Всего на Лобъ-норское мое путешествіе отпущено было 24,700 рублей; на 1-е Тибетское 20,000 рублей въ добавокъ къ тѣмъ 5,550 рублямъ, которые остались отъ Лобъ-норскаго путешествія; наконецъ на 2-е Тибетское выдано было изъ государственнаго казначейства 43,580 рублей. Въ счетъ этой суммы, какъ равно и предыдущихъ, отпускалось по 10,000 рублей золотомъ въ номинальной его цѣнѣ [5]). Кромѣ того, какъ намъ, такъ и нижнимъ чинамъ экспедиціи сохранено было на все время путешествія получаемое на службѣ содержаніе съ выдачею его мнѣ и моимъ помощникамъ за два года впередъ золотою монетою. Наконецъ, отпускались двойные прогоны для насъ и ординарные для нижнихъ чиновъ, какъ равно для перевозки экспедиціоннаго багажа и собранныхъ коллекцій — отъ Петербурга до начальнаго и обратно въ Петербургъ отъ конечнаго пунктовъ экспедицій.

Изъ общихъ суммъ, отпущенныхъ на два послѣднія путешествія, осталось отъ третьяго путешествія—2,000 рублей, а отъ четвертаго—1,330 рублей, которыя и были возвращены Географическому Обществу.

[1]) Подробно о снаряженіи экспедиціи будетъ разсказано ниже.

[2]) Оказалось мало; со снаряженіемъ на границѣ истрачено было 4,062 рубля; дефицитъ пополненъ небольшимъ остаткомъ отъ продовольствія нижнихъ чиновъ и большимъ остаткомъ изъ расчета проводниковъ. Расходъ на послѣднихъ за все время путешествія былъ очень малъ (941 рубль), такъ какъ сначала мы шли знакомымъ путемъ, а потомъ нерѣдко безъ вожаковъ по мѣстамъ безлюднымъ.

[3]) Составъ нижнихъ чиновъ экспедиціи былъ смѣшанный изъ солдатъ и казаковъ, но для краткости я всюду буду называть тѣхъ и другихъ казаками.

[4]) Оказалось много; остаткомъ дополнены были «непредвидѣнные расходы».

[5]) Золото это оба раза было промѣнено, посредствомъ перепродажи и купли на китайское серебро.

Для наглядности прилагаю краткую отчетную табличку общаго расчета всѣхъ четырехъ моихъ путешествій.

ПУТЕШЕСТВІЯ.	Общее число участниковъ экспедиціи.	Продолжительность пребыванія въ Китайскихъ предѣлахъ.				Длина пройд. съ карав. пути, кромѣ бок. разъѣзд. и экскурсій.	Общ. стоим. собст. экспедиціи, безъ прог. и служ. сод. всѣхъ чиновъ.	Общій средній расходъ на каждаго человѣка (въ рубляхъ).		
								За все время путешествія.	Въ годъ.	Въ мѣсяцъ.
		год.	мѣс.	дн.		верстъ.				
I. Монгольское .	4	2	10	12	Съ 7 ноябр. 1870—19 сент. 1873 г.	11100	6000[1])	—	—	—
II. Лобъ-норское.	9[2])	1	2	14	Съ 12 авг. 1876—3 іюля 1877 г.[3]) и съ 28 авг. — 20 дек. 1877 г.[4]).	3980	19150	2128	1764	147
III. 1-е Тибетское	13	1	7	9	Съ 21 март. 1879—1 ноября 1880 г.	7180	23550	1811	1128	94
IV. 2-е Тибетское	21	2	—	7	Съ 21 окт. 1883—29 окт. 1885 г.	7325	42250	2012	996	83
Всего . .	47[5])	7	8	12	—	29585	90950	—	—	—

Для расплаты во время путешествія необходимо чистое китайское серебро, которое состоитъ изъ крупныхъ слитковъ (ямбовъ), вѣсомъ около 4½ фунтовъ, и слитковъ болѣе мелкихъ, наконецъ изъ разной величины нарубленныхъ кусочковъ. Всюду это серебро принимается по вѣсу, при чемъ не менѣе, если только не болѣе 5% придется путешественнику терять на обвѣшиваніи и на другихъ плутняхъ китайцевъ[6]).

[1]) Кромѣ небольшой траты (на снаряженіе и частью на проѣздъ) изъ собственныхъ средствъ.

[2]) При трехъ послѣднихъ путешествіяхъ состоялъ переводчикъ тюркскаго и китайскаго языковъ таранчинецъ изъ Кульджи; онъ показанъ въ общемъ счетѣ участниковъ экспедицій.

[3]) Считая отъ выступленія изъ Кульджи до возвращенія въ этотъ городъ.

[4]) Отъ вторичнаго выступленія изъ Кульджи до прихода въ постъ Зайсанскій.

[5]) Изъ нихъ нѣкоторые побывали въ составѣ экспедиціонныхъ отрядовъ по нѣскольку разъ, а именно: я и старшій урядникъ Иринчиновъ участвовали во всѣхъ четырехъ путешествіяхъ; подпоручикъ Эклонъ — во II и III путешествіяхъ; подпоручикъ Роборовскій—въ III и IV путешествіяхъ; переводчикъ кульджинскій таранча Абдулъ-Юсуповъ—во II, III и IV путешествіяхъ; урядникъ Чебаевъ—въ I и II путешествіяхъ; старшій урядникъ Телешовъ—въ III и IV путешествіяхъ. Если исключить эти дубликаты и прибавить двухъ казаковъ, сопровождавшихъ меня въ 1871 году при I-мъ путешествіи и потомъ уволенныхъ, то общее число участниковъ четырехъ моихъ путешествій будетъ 37 человѣкъ.

[6]) Для взвѣшиванія серебра китайцы употребляютъ маленькіе вѣсы въ родѣ нашего безмѣна. Въ костяномъ коромыслѣ этихъ вѣсовъ нерѣдко просверливается продольная

Опредѣленной монеты въ Китаѣ нѣтъ, за исключеніемъ самой мелкой, состоящей изъ сплава чугуна съ цинкомъ и называемой чохи или чжосы; эта монета чуть не на каждомъ шагу имѣетъ разный курсъ. Притомъ чохи совсѣмъ негодны для перевозки по своей тяжеловѣсности [1]). Наши кредитные рубли принимаются туземцами лишь въ пограничныхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Ургѣ, Кобдо, Улясутаѣ и нѣсколько дальше внутри Вост. Туркестана — въ Яркендѣ, Хотанѣ и даже Кэріи. Металлическіе рубли, равно какъ и золото, въ Центральной Азіи вовсе не ходятъ. Китайское серебро мы покупали въ Кяхтѣ или Семипалатинскѣ; въ послѣднемъ оно дешевле.

Планъ путешествія.

Какъ выше было упомянуто, программу путешествія слѣдуетъ намѣчать лишь самыми крупными чертами, ибо никоимъ образомъ заранѣе невозможно предугадать тѣ обстоятельства, которыя явятся на мѣстѣ и часто неожиданно. Тѣмъ болѣе, что напередъ нельзя собрать достаточно вѣрныхъ свѣдѣній о такихъ неизвѣстныхъ странахъ, каковыми еще недавно были многія части Центральной Азіи, да и нынѣ пребываетъ значительная половина Тибета. Даже о мѣстностяхъ, гораздо болѣе близкихъ и менѣе обширныхъ, до посѣщенія ихъ образованными путешественниками, сплошь и рядомъ получаются самые нелѣпые разсказы всего чаще отъ бывалыхъ тамъ торговцевъ и самозванныхъ изслѣдователей. Мнѣ лично въ теченіе своей долголѣтней страннической жизни пришлось выслушать не одинъ коробъ подобныхъ глупостей, упоминать о которыхъ здѣсь, конечно, неумѣстно. Такіе разсказчики лгутъ частію по своему невѣжеству, частію умышленно для большаго интереса разсказа.

Во всякомъ случаѣ, предварительно путешествія въ какую либо мѣстность необходимо знакомство съ этимъ краемъ литературное. Какъ бы ни были бѣдны, а нерѣдко и противорѣчивы свѣдѣнія такого рода, они все таки принесутъ значительную пользу, хотя бы тѣмъ, что отчасти выяснятъ путешественнику, на что именно должно обращать больше вниманія. Затѣмъ уже спеціальныя изслѣдованія въ большемъ или меньшемъ ихъ объемѣ будутъ находиться въ зависимости отъ условій путешествія, какъ равно отъ личныхъ склонностей и подготовки

пустота, въ которую пускаютъ нѣсколько капель ртути и отверстіе задѣлываютъ. Переводя ртуть въ передній конецъ коромысла при отпускѣ серебра, а при полученіи его угоняя ту же ртуть въ задъ коромысла, китаецъ ловко дѣйствуетъ въ свою пользу. Кромѣ того въ слитки серебра нерѣдко наливаютъ свинецъ или задѣлываютъ кусочки желѣза.

[1]) Среднимъ числомъ на нашъ металлическій рубль приходится 7—8 фунтовъ китайскихъ чохъ.

самого путешественника. Скажу при этомъ, что онъ всегда долженъ жертвовать меньшимъ бо̀льшему и никоимъ образомъ не упускать изъ виду общей задачи ради мелкихъ частностей.

Среднюю продолжительность «летучей» экспедиціи, о которой постоянно идетъ у насъ рѣчь, слѣдуетъ опредѣлить въ два года, или около того. Бо̀льшій срокъ вынести трудно — можетъ надорваться здоровье, не хватитъ запасовъ, не выдержатъ верблюды. Всего лучше подгонять такимъ образомъ, чтобы пробыть въ странствованіи два лѣта и одну зиму, слѣдовательно начинать путешествіе раннею весною. Если же это невозможно, то нужно выступать въ путь съ нашей китайской границы раннею осенью, но никакъ не лѣтомъ, когда сильные жары сразу невыгодно отразятся на людяхъ и на верблюдахъ, еще не пріученныхъ къ подобнымъ походамъ. По моему, уже лучше, чѣмъ лѣтомъ, начинать путь зимою, когда отгулявшіеся на лѣтнемъ кормѣ верблюды сильны и выносливы, а люди все-таки могутъ хотя отчасти укрыться отъ холодовъ въ войлочныхъ юртахъ. Но при всѣхъ предварительныхъ расчетахъ времени одинаково необходимо накидывать по крайней мѣрѣ мѣсяцъ опозданія, — такъ выведено мною изъ опыта.

Китайскимъ паспортомъ изъ Пекинскаго Цзунъ-ли-ямыня (коллегія иностранныхъ дѣлъ) запастись необходимо, и чѣмъ важнѣе прописанъ будетъ санъ путешественника, тѣмъ лучше. При всемъ томъ, китайскія власти непремѣнно постараются тайными происками тормазить научныя изслѣдованія путешественника, въ особенности, если познаютъ въ немъ мастера своего дѣла. Какъ бы ни восхваляли нѣкоторые путешественники любезность китайцевъ и ихъ предупредительность относительно путешествующихъ европейцевъ, позволяю себѣ въ этомъ слишкомъ сомнѣваться, по крайней мѣрѣ для Центральной Азіи. Въ данномъ случаѣ всего вѣрнѣе выходило одно изъ двухъ: или китайцы сразу смѣтили, что путешественникъ человѣкъ безвредный въ смыслѣ своей старательности и подготовки, или, пользуясь его неопытностію и довѣрчивостію, успѣшно отводили отъ нежелательныхъ розысканій. При томъ происки китайскіе относительно европейца-путешественника многократно увеличиваются въ Центральной Азіи вообще, а въ Тибетѣ въ особенности. Между тѣмъ именно Тибетъ нынѣ самая неизвѣстная часть Азіи, и слѣдовательно, страна въ высшей степени заманчивая для путешественниковъ. Но проникнуть туда мирнымъ способомъ едва ли возможно. Правда, при усиленныхъ настояніяхъ въ Пекинѣ, китайцы вѣроятно выдадутъ паспортъ въ Тибетъ для путешественника, направляющагося съ сѣвера, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ то уже и было со мною, всячески постараются

сначала затруднить путь, а если это не удастся, то воздвигнуть болѣе сильную преграду въ видѣ распаленнаго невѣжества и фанатизма дикой массы. Къ счастію эта масса слишкомъ труслива, такъ что достаточно небольшаго вооруженнаго отряда, чтобы отворить заповѣдныя двери въ столицу Далай-ламы.

Снаряженіе.

Если на предыдущихъ страницахъ говорилось почти исключительно о внутренней, нравственной, такъ сказать, сторонѣ путешествія, представляющей собою живую душу и главнѣйшую пружину всякаго дѣла, то вмѣстѣ съ тѣмъ столь же полное вниманіе слѣдуетъ обратить и на сторону матеріальную. Лишь въ гармоническомъ сочетаніи обоихъ этихъ факторовъ получаются истинные задатки успѣха. И опять таки — какъ въ здоровомъ только тѣлѣ живетъ бодрый духъ, такъ и въ экспедиціонномъ организмѣ, для привольнаго воплощенія различныхъ внутреннихъ его элементовъ, безусловно необходима прочная, вполнѣ цѣлесообразная, если такъ можно выразиться, оболочка. Лишь при подобномъ условіи пойдутъ правильно всѣ отправленія этого своеобразнаго организма, и его главная функція — научная работа — будетъ выполняться безъ помѣхи.

Начнемъ съ самаго рожденія ребенка, называемаго экспедиціею, т. е. отъ первоначальнаго ея снаряженія. Это снаряженіе по своему существу распадается на два отдѣла: домашній и пограничный. Но для того и другого безусловно необходимо правило: *не брать ничего лишняго и откинуть всякій комфортъ*. Притомъ «летучая» экспедиція всенепремѣнно должна быть *съ собственными людьми и животными*, дабы какъ можно меньше находиться въ зависимости отъ туземцевъ.

а) дома.

При снаряженіи дома, т. е. въ предѣлахъ Европейской Россіи, всего лучше въ Петербургѣ или Москвѣ, слѣдуетъ запастись всѣмъ тѣмъ, чего трудно или вовсе нельзя достать въ пограничныхъ съ Китаемъ нашихъ городахъ. Въ длинномъ спискѣ такого снаряженія важно предусмотрѣть все до мелочей, но въ необходимой лишь пропорціи. Всякое излишество пропадетъ даромъ и будетъ только тяжелою обузою. Между тѣмъ, въ общемъ вѣсѣ экспедиціоннаго багажа имѣетъ значеніе каждый лишній фунтъ, ибо въ сущности для работы вьючныхъ верблюдовъ онъ представляетъ собственную тяжесть, помноженную на число дней движенія. Притомъ обиліе запасовъ еще не вполнѣ гарантируетъ отъ того, что въ этихъ запасахъ не придется нуждаться впослѣдствіи. Такъ напр., кожаная обувь легко можетъ испортиться отъ сильной жары, платье безъ конца будетъ рваться при экскурсіяхъ по колючимъ кустарникамъ, часы и даже хронометры начнутъ останавливаться отъ холода

или набившейся въ механизмъ тончайшей лёссовой пыли, упавшiй при переправѣ въ бродъ черезъ рѣку верблюдъ можетъ подмочить лучшiя вещи и пр. и пр. Кромѣ того большая часть такъ называемыхъ «удобствъ», рекомендуемыхъ путешественникамъ по Европѣ, окажутся негодными въ Азiи. Здѣсь, лицомъ къ лицу съ неумолимыми требованiями суровой обстановки, сильное здоровье будетъ самый лучшiй докторъ; крѣпкiй желудокъ — лучшiй поваръ; мускулистыя ноги лучше всякихъ мудреныхъ сапоговъ; кирпичный чай — лучшiй водоочиститель и т. п. Всякiя починки и прикрашиванiя собственной личности, такъ широко практикуемыя въ фальшивомъ бытѣ нашихъ городовъ, рушатся сразу на здоровой почвѣ страннической жизни. Здѣсь одно можно сказать: здоровье слабое сломится, сильное же еще болѣе закалится.

Обыкновенно мѣсяца три, или около того, занимался я, совмѣстно съ своими помощниками, «домашними» сборами въ путешествiе. Здѣсь, конечно, невозможно дать вполнѣ подробный списокъ такой заготовки, да всего и не припомнишь. Укажу на главнѣйшее.

Для научныхъ работъ мы брали съ собою: Небольшой универсальный инструментъ (работы Брауэра, съ точностiю отсчета до 20 секундъ) для опредѣленiя широтъ. Довольно сильную зрительную трубу Фраунгофера (только при четвертомъ путешествiи) для опредѣленiя долготъ. Барометръ Паррота для абсолютныхъ опредѣленiй высотъ; къ нему запасныя трубки (числомъ 10) и ртуть (5—6 фунтовъ); кипятить эти трубки необходимо умѣть самому. Бусоли (3) Шмалькальдера, для маршрутно-глазомѣрной съемки. Термометры (5—6) Цельзiя для метеорологическихъ наблюденiй; эти термометры должны быть безъ деревянной или металлической оправы, но въ крѣпкихъ картонныхъ футлярахъ. Гипсотермометръ, въ подспорье къ барометру. Психрометръ для опредѣленiя влажности воздуха. Компасы (3 — 4) въ подспорье къ бусолямъ. Бинокли (не громоздкiе) служатъ въ пути и на охотѣ. Очки необходимы съ синими стеклами и притомъ съ сѣтками съ боковъ (отъ блеска снѣга). Фонарь для астрономическихъ наблюденiй ночью.

Для препарированiя чучелъ птицъ и млекопитающихъ: ножички (небольшiе складные), пэнсетки, кисточки, бруски, плоскогубцы, подпилки, иголки, нитки (все это въ особомъ ящичкѣ); мышьяковое мыло (15 фунт. сухаго), гипсъ (10 фунт.) и квасцы (1 пудъ — найдутся на границѣ); наконецъ запасы ваты и пакли (также съ границы, частiю можно достать и во время путешествiя); впрочемъ, пакля часто добывалась изъ старыхъ изорвавшихся веревокъ.

Для собиранія спиртовыхъ коллекцій, т. е. гадовъ и рыбъ, мы запасались тремя сортами (малыя—для 2 фунтовъ воды, среднія—для 4 фунтовъ и побольше—для 6 фунт. воды) квадратныхъ (за неимѣніемъ ихъ можно и круглыя) банокъ съ притертыми пробками и гуттаперчевой на нихъ покрышкой. Эти банки помѣщались—по 12 малыхъ, по 9 среднихъ и по 6 большихъ—въ ящикахъ (по одному для каждаго сорта банокъ) съ гнѣздами, обитыми, равно какъ и крышка, войлокомъ; наливались спиртомъ [1]), который мы брали съ границы; впослѣдствіи русскій спиртъ замѣнялся крѣпкою китайскою водкою. Для сбора гербарія покупалось 5—6 стопъ пропускной бумаги. Насѣкомыя укладывались на вату въ квадратныя картонныя коробки по три слоя въ каждой; бабочки завертывались въ бумажки и также клались въ коробки, но безъ ваты. Для экономіи мѣста пустыя коробки при перевозкѣ вставлялись по три одна въ другую. Пауки и муравьи собирались въ спиртъ въ маленькіе стеклянные цилиндры съ обыкновенными пробками, частію и въ небольшія (квадратныя) стекляныя баночки (въ три унціи воды) съ притертыми пробками. Этикеты на горныхъ породахъ наклеивались гумми-арабикомъ. Сверхъ того, при IV путешествіи мы имѣли съ собою небольшую фотографію съ пятьюстами запасныхъ сухихъ пластинокъ.

Вооруженіе экспедиціи отпускалось казенное: пѣхотныя винтовки Бердана и револьверы Смита и Вессона. Такихъ винтовокъ мы брали по одной на каждаго человѣка и, кромѣ того, двѣ — три запасныхъ; мелкія запасныя части получались въ количествѣ 5 экземпляровъ на общее число винтовокъ, а также и револьверовъ. Этихъ послѣднихъ было по два у меня и у моихъ помощниковъ; по одному у каждаго изъ нижнихъ чиновъ. Наши револьверы возились въ кабурахъ у сѣделъ; нижніе же чины носили револьверы на поясномъ ремнѣ [2]) вмѣстѣ съ двумя патронташами (одинъ съ 20-ю патронами Бердана, другой — съ 81-ю револьверными) и штыкомъ отъ винтовки. Во время пути эти винтовки были у всѣхъ за плечами; только я часто бралъ охотничью двухстволку для стрѣльбы птицъ. По бою и вообще по солидности лучше Берданки пѣхотныя; драгунокъ у насъ было лишь нѣсколько. Оружіе возилось нами въ кожаныхъ чехлахъ, безъ всякой внутри подкладки (иначе при мокротѣ сильно ржавѣетъ); осмотръ и чистка (смазка бараньимъ саломъ или прованскимъ масломъ, но только слегка) произво-

[1]) При первоначальной перевозкѣ отъ мѣста заготовки до границы эти банки можно наложить чѣмъ угодно, только не слишкомъ тяжелымъ.

[2]) Эти ремни нужно купить вмѣстѣ съ прочимъ «домашнимъ» снаряженіемъ.

дились очень часто. Патроновъ достаточно взять по 500 на винтовку, а если идти глубоко въ Тибетъ, то по 800 и по 100 на револьверъ. Эти патроны (казенные), мы получали на границѣ, въ отправномъ пунктѣ экспедиціи.

Обращеніе съ оружіемъ, въ особенности съ револьверами, должно быть со стороны солдатъ и казаковъ крайне осторожное; у насъ нѣсколько разъ бывали случаи неожиданнаго револьвернаго выстрѣла, къ счастію сходившіе благополучно. Вообще револьверы можно, даже должно, исключить изъ вооруженія нижнихъ чиновъ; взамѣнъ того имъ слѣдуетъ носить при себѣ больше патроновъ къ винтовкамъ.

Кромѣ казенныхъ берданокъ, къ которымъ для мѣткости стрѣльбы иногда привинчивались (по сибирскому обычаю) сошки, т. е. особые подпорки на концѣ цѣвья, я имѣлъ для охоты за звѣрями прекрасный, работы Ланкастера, двухствольный малокалиберный штуцеръ Express, подаренный мнѣ еще въ 1875 году товарищами по генеральному штабу. Для стрѣльбы же птицъ мы брали двухствольныя шомпольныя ружья (калибръ №№ 12, 14 и 16), а у меня при IV-мъ путешествіи было еще ружье скорострѣльное, работы Пёрде, калибръ № 12. Сверхъ ожиданія, изъ этого ружья при уменьшенномъ (до $^1|_4$) зарядѣ самой мелкой дроби можно хорошо бить мелкихъ птичекъ для чучелъ. Невыгода же дробовой скорострѣлки при далекомъ путешествіи та, что требуется тащить съ собою много пустыхъ громоздкихъ при укладкѣ гильзъ и разныхъ къ нимъ приложеній.

Какъ припасы для скорострѣльнаго ружья, такъ равно самую мелкую дробь (дунстъ), да, пожалуй, и самую крупную (№ 0000 и картечь), слѣдуетъ брать съ мѣста первоначальнаго снаряженія. Остальные же нумера дроби (сравнительно хорошей—фабрика въ Барнаулѣ), можно купить въ главныхъ сибирскихъ городахъ и всего удобнѣе въ Томскѣ. При четвертомъ путешествіи, мы взяли съ собою 15 пудовъ дроби [1]); осталось ея пуда четыре или пять. Порохъ (4 пуда) мы получили (въ Кяхтѣ) казенный, но онъ оказался не совсѣмъ хорошъ (казанской фабрикаціи); лучше купить пороху въ Петербургѣ. Тамъ же нужно запастись патронташами, ягдташами, пистонами, пыжами и прочимъ охотничьимъ снаряженіемъ. Лягавой собаки вовсе не слѣдуетъ брать въ далекое путешествіе, ибо она навѣрное погибнетъ.

[1]) А именно, считая англійскими нумерами: картечи—20 фунтовъ; № 0000—1 пудъ; № 00 и № 0—20 фунт.; № 1—1 пудъ, № 2—1 пудъ; № 4—2 пуда; № 5—1 пудъ; № 6—3 пуда; № 9—20 фунт.; № 10—20 фунт.; дунстъ—4 пуда (осталось его пуда два).

Одежду мы имѣли всегда простую. Форменнаго военнаго платья постоянно не носили; надѣвали таковое лишь при визитахъ монгольскимъ князьямъ и крупнымъ китайскимъ начальникамъ.

Для лѣтней одежды всего пригоднѣе блуза или пиджакъ, равно какъ и панталоны, изъ коломянки, или изъ какой-нибудь другой матеріи, только не шерстяной. Въ болѣе прохладное время весьма удобна кожаная куртка, еще же лучше длиннополая тужурка, изъ толстаго драпа съ подкладкой (безъ ваты) изъ сатина. Въ такой тужуркѣ отлично ходить на охоту раннею весною или осенью и даже зимою, надѣвая еще, въ случаѣ большаго мороза, теплую (лучше изъ байки, чѣмъ вязаную) рубашку [1]). Фуражки, кромѣ теплыхъ, носившихся въ сильные морозы, мы имѣли форменныя—суконныя, или изъ коломянки (въ лѣтніе жары). Зимою мы носили полушубки [2]), а казаки шубы, которыми они и покрывались во время спанья. Въ сильные холода мы надѣвали панталоны изъ бараньяго мѣха шерстью внутрь, а также войлочные (обшитые внизу кожею) сапоги. Казаки устраивали себѣ сибирскіе унты и ичиги; въ нихъ можно помѣстить сколько угодно теплыхъ чулокъ или суконныхъ подвертокъ. Кстати скажу, что въ Сибири, именно въ Барнаулѣ, частію и въ Томскѣ, выдѣлываются превосходные черные полушубки и шубы, которые очень прочны въ носкѣ и вовсе не боятся мокроты. Этимъ теплымъ одѣяніемъ непремѣнно слѣдуетъ запастись какъ для себя, такъ и для казаковъ; теплыя панталоны всего лучше сшить изъ тѣхъ-же, барнаульской выдѣлки, бараньихъ шкуръ. Теплыя зимнія шапки хороши сибирскія изъ мѣха пыжиковъ, т. е. молодыхъ сѣверныхъ оленей; можно также сдѣлать изъ мерлушки; во всякомъ случаѣ, теплая шапка должна быть съ отворачиваемымъ козырькомъ, наушниками и назатыльникомъ. Наконецъ шерстяные носки или чулки и шерстяныя же перчатки дополняютъ собою зимнее одѣяніе.

Изъ бѣлья мы носили ситцевыя рубашки и холщевые кальсоны. Тѣхъ и другихъ нужно полторы или двѣ дюжины на два года путе-

[1]) Въ такомъ одѣяніи, т. е. въ драповой тужуркѣ, съ поддѣтою внизъ теплою рубашкою, отлично лазить зимою по горамъ, даже при довольно большомъ (до 20° Ц. на восходѣ солнца) морозѣ—легко, не потѣешь и вѣтеръ не продуваетъ. Когда поднимется и обогрѣетъ солнце, тогда снимешь, бывало, теплую рубашку и подоткнешь на спину подъ поясной ремень. Еще пройдутъ часа два—жарко становится и въ драповомъ пиджакѣ; тогда взамѣнъ его надѣваешь ту же теплую рубашку, а пиджакъ завьючиваешь на спину. Если охота продолжится до вечера, такъ что опять захолодѣетъ, то снова перемѣняешь свое одѣяніе, только въ обратномъ порядкѣ.

[2]) Очень легокъ и тепелъ полушубокъ изъ лисьяго мѣха, покрытаго сѣрымъ касторомъ.

шествія. За тѣмъ полотенца и платки имѣли обыкновенные; наволочки же дѣлали цвѣтныя (сѣрыя), ибо онѣ, равно какъ и ситцевое бѣлье, не такъ быстро пачкаются. Спали мы всѣ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, на войлокахъ, разостланныхъ по голой землѣ внутри палатки или юрты. Казаки покрывались шубами; мы же имѣли одѣяла изъ бараньяго мѣха для зимы и байковыя для болѣе теплаго времени года. Подушекъ у казаковъ почти не было; ихъ замѣняло снятое и въ изголовье положенное платье. У насъ имѣлись небольшія подушки, для которыхъ, кстати скажу, сафьянныя наволочки зимою негодны, ибо нахолодѣвшая кожа морозитъ уши. Хорошо подстилать подъ себя зимою полушубокъ— мягче лежать, да и вставая утромъ надѣнешь этотъ полушубокъ согрѣтымъ.

Обувью намъ всегда служили простые охотничьи сапоги съ голенищами не выше колѣна. Нужно только, чтобы эти сапоги были просторны, а двойныя въ нихъ подошвы поставлены не снаружи, иначе легко запутаться въ стремени, при частомъ слѣзаніи съ верховаго коня [1]) Смазывать сапоги слѣдуетъ баранымъ саломъ и довольно часто, въ особенности при ходьбѣ по солончакамъ. При всемъ томъ сапоги въ путешествіи уничтожаются быстро, рѣдкая пара выноситъ безъ починки больше трехъ мѣсяцевъ; въ горахъ же, при лазаніи по каменнымъ осыпямъ, сапоги изнашиваются чуть не въ недѣлю. Въ виду этого, въ подобныхъ мѣстахъ надѣвались самые что ни на есть старые обноски. Зимою мы надѣвали въ сапоги шерстяные носки или рѣже такіе же чулки; лѣтомъ холщевыя портянки. То же самое, съ приложеніемъ иногда суконныхъ подвертокъ, дѣлали и казаки. Эти послѣдніе, износивъ взятую съ мѣста обувь, или, въ видахъ ея экономіи, довольствовались самодѣльными ичигами. Въ отрядѣ постоянно оказывалось нѣсколько сапожниковъ, которые мастерили обувь себѣ и своимъ товарищамъ; кромѣ того всегда какъ то находились доморощенные слесаря и столяры, такъ что со стороны техническихъ, такъ сказать, знаній недостатка не было. На счетъ обуви еще слѣдуетъ замѣтить, что этимъ матеріаломъ необходимо запастись вдоволь, иначе придется плохо, когда обосѣешь; мѣстная обувь, если и можно гдѣ-либо ее достать, совершенно негодна даже для казаковъ.

Походнымъ жилищемъ для насъ служили лѣтомъ палатки, зимою войлочныя юрты; о тѣхъ и другихъ будетъ рѣчь впереди. Лучшее

[1]) Такъ и случилось однажды со мною; лошадь испугалась и потащила меня по землѣ съ ногою, увязшею въ стремени.

сѣдло для верховой ѣзды во время путешествія—это казачье на манеръ охотничьяго; напереди его кабуры, сзади ремни для приторочиванія. Такое сѣдло, купленное мною въ 1876 году за 80 рублей у «Вальтеръ и Кохъ» въ Петербургѣ, выходило, съ легкими обновленіями, три путешествія, и теперь еще годно на службу. При нуждѣ не дурны также сѣдла сартовскія и китайскія; сидѣть на нихъ довольно удобно и спины лошадямъ не сбиваютъ.

Продовольственные запасы съ мѣста первоначальнаго снаряженія слѣдуетъ ограничить необходимымъ, расчитывая при томъ на строгую экономію въ ихъ расходованіи. Презервы негодны, да ими и невозможно запастись на все время путешествія, въ особенности при томъ волчьемъ аппетитѣ, который является въ пустыняхъ. Главный продуктъ нашего мяснаго здѣсь довольствія была баранина, частью звѣри и птицы, убиваемые на охотѣ. Но какъ подспорье къ столь однообразной пищѣ можно взять, если позволяютъ средства, кое-какія произведенія цивилизованныхъ странъ. Изъ нихъ сахаръ всегда найдется на границѣ; остальное нужно закупить въ Москвѣ или Петербургѣ.

Но вообще предметы, такъ сказать, экспедиціонной роскоши, слѣдуетъ исключить при скудныхъ денежныхъ средствахъ; да и при средствахъ достаточныхъ можно допустить лишь въ сравнительно гомеопатической дозѣ. Для четвертаго путешествія, лучше другихъ обставленнаго, нами были взяты слѣдующіе запасы этого рода: коньякъ — 24 бутылки; ликеръ (взамѣнъ вина, которое мерзнетъ)—12 бут.; клюквенный экстрактъ — 25 — 30 бутылочекъ фунтовыхъ [1]); лимонной кислоты—3 ф.; сухихъ прессованныхъ овощей—1½—2 пуда; крупы перловой—20 ф.; макаронъ—½ пуда; муки картофельной—15 ф.; грибовъ сухихъ — 20 ф.; пикулей — 12 банокъ (эти банки идутъ потомъ подъ спиртовыя коллекціи); сои — 10 бутылочекъ; горчицы сухой — 6 ф.; уксусной кислоты — 5 ф.; масла прованскаго (идетъ спеціально для смазки ружей) — 5 бутылокъ; изжареннаго и смолотаго кофе—5 ф.; мяснаго экстракта Либиха—8—10 полуфунтовыхъ банокъ; сгущеннаго молока — 15 — 20 жестянокъ [2]); перцу и лавроваго листа — по 5 ф.; сардинокъ и другой презервованной рыбы 140 жестянокъ. Все это въ пустынѣ кажется необычайно вкуснымъ, хотя бы даже мерзлая сардинка, съѣденная безъ хлѣба, за неимѣніемъ онаго. Табаку ни я,

[1]) Слѣдуетъ брать всѣ бутылки и бутылочки съ широкими горлами, дабы впослѣдствіи собирать въ нихъ ящерицъ, змѣй, мелкихъ рыбъ и другія спиртовыя коллекціи.

[2]) Какъ ни странно, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что, не смотря на обиліе скота, молоко очень трудно добывать у кочевниковъ.

ни одинъ изъ моихъ помощниковъ, не курили, такъ что въ этомъ отношеніи не предстояло заботы; брали мы лишь небольшой запасъ сигаръ для угощенія мѣстныхъ князей. Казаки курили почти всѣ, но безъ разбора, что попадется; запасались табакомъ на границѣ и въ путешествіи по жилымъ мѣстамъ.

Въ дальнѣйшемъ спискѣ первоначальнаго заготовленія слѣдуютъ столярный и частью слесарный инструменты, а именно (въ двойномъ комплектѣ): молотокъ, стамеска, долото, напилокъ, брусокъ, буравчикъ, коловоротъ и перки, тиски ручные, клещи, пилы—ручная и простая, топоры—большой и малый, плоскогубцы и острогубцы, брусокъ, шубный клей (2 ф.) и гвозди; затѣмъ паяльникъ; къ нему нашатырь и олово (6—8 ф.—идетъ и на луженіе посуды). Все это неминуемо потребуется во время путешествія, когда приходится почти исключительно расчитывать на собственныя средства. Случалось, впрочемъ, что по временамъ кое-какую работу исполняли намъ и туземцы.

Для этихъ послѣднихъ, главнымъ же образомъ для ихъ властей, необходимо запастись подарками, безъ которыхъ шагу нельзя ступить въ Азіи — разъ по нелѣпому обычаю взаимнаго передариванія, а затѣмъ «для смазки», какъ говорится, при всякомъ нужномъ дѣлѣ. Изъ числа такихъ подарковъ туземцамъ наиболѣе нравятся: небольшія складныя нейзильберныя зеркала; желѣзныя вещи: ножи, ножницы, бритвы (въ футлярахъ), частію иголки; серебряные карманные часы, въ особенности большихъ размѣровъ, и съ заводомъ безъ ключа; ящички съ музыкою (скоро только ихъ портятъ); оружіе—преимущественно револьверы; стереоскопы, въ особенности съ соблазнительными картинками; бинокли, зажигательныя стекла, магній, магниты, духи и ручное мыло; сигары; нѣкоторыя каменныя вещи (купить ихъ можно по пути въ Екатеринбургѣ): шкатулки малахитовыя или изъ другаго камня, красивыя каменныя плитки, сердоликовыя кольца, печати и пр.; гармоніи (громоздко возить); раскрашенныя фотогр. портреты (лучше кабинетныя) женщинъ; карточки самого путешественника; плисъ и сукно (красное и желтое)—то и другое, впрочемъ, громоздко для перевозки. Всякіе игрушечные фокусы также навѣрное понравятся, равно какъ и нѣкоторыя лубочныя картины. Въ буддійскихъ земляхъ хорошимъ подаркомъ служитъ книга Тараната, изданная нашею Академіею Наукъ. Возили мы также съ собою небольшую электро-магнитную машинку, которая всюду производила громадный эффектъ. Зато калейдоскопъ, праксиноскопъ, антоскопъ, микроскопъ и телефонъ, въ особенности два послѣдніе, мало дѣлали впечатлѣнія. По-

дарки слѣдуетъ давать не особенно щедро, да и деньгами ни въ какомъ случаѣ не сорить.

По письменной части мы брали съ собою: чистыя переплетеныя (по заказу) для дневниковъ книги (4), форматомъ въ $^1|_4$ листа писчей бумаги и около 600 страницъ въ каждой; такія же книги (3), но въ форматѣ $^1|_2$ листа писчей бумаги и отъ 450—500 страницъ въ каждой, для записыванія всего, что касалось млекопитающихъ и птицъ, которыми мы спеціально занимались; бумагу писчую, почтовую и разграфленную для съемки; конверты, карандаши (невыдвижные) обыкновенные и цвѣтные, стальныя перья и ручки къ нимъ, чернила (въ пузырькахъ слѣдуетъ немного отлить, чтобы не лопнули при замерзаніи), чернильницы плотно закрывающіяся, резинку и сургучъ. Письма изъ путешествія приходилось писать рѣдко; работы же по записыванію изслѣдованій всегда было достаточно.

Походная аптека должна ограничиться самыми необходимыми лѣкарствами, употребленіе которыхъ будетъ извѣстно начальнику экспедиціи или его помощникамъ; подспорьемъ можетъ служить популярный лѣчебникъ. Впрочемъ, при большой экспедиціи слѣдуетъ взять фельдшера, которому поручить также работы по собиранію коллекцій. Еще лучше если найдется пригодный для путешествія докторъ, только не баринъ, чего именно слѣдуетъ пуще огня бояться. Но прежде всего нужно расчитывать на крѣпкое здоровье и рисковать случайностями [1]. Тѣмъ болѣе, что правильное леченіе серьезной болѣзни невозможно на громадной абс. высотѣ, на жарахъ, морозахъ и другихъ физическихъ невзгодахъ пустыни.

Вотъ списокъ походной аптеки: хина, желудочныя капли Тильмана и Иноземцева, опійная настойка, касторовое масло, англійская соль, горчишники Rigollot, мятная эссенція, ляписъ, Бертолетова соль и сѣрный цвѣтъ (идутъ также для приготовленія разрывныхъ пуль), свинцовый экстрактъ, іодная настойка, полутора-хлористое желѣзо, нашатырный спиртъ, соляная, салициловая и карболовая кислоты, двууглекислая сода и виннокаменная кислота, Дауэровъ порошокъ, корень ипекакуаны, настойка арники и арника сухая, гуммозный пластырь, пластырь англійскій, политань, американскія капли отъ зубной боли, вата кровоостанавливающая и карболовая, бинты разные, гуттаперчевая бумага, гипсъ

[1]) Фактъ на лицо: при всѣхъ своихъ путешествіяхъ я не потерялъ ни одного человѣка, да и серьезныхъ заболѣваній за это время было только два, которыя также прошли благополучно.

и очищенный деготь; кромѣ того, спринцовки, кисточки, иголки и шелкъ, ланцеты, бандажъ, суспренсоріи, вѣски съ разновѣсомъ, клизопомпъ и децимальный термометръ. Пузырьки съ замерзающими жидкостями слѣдуетъ наливать неполные. При этомъ нужно пожелать, чтобы большая часть вышепоименованныхъ лѣкарствъ вернулась нетронутою, какъ то къ счастію и бывало при всѣхъ нашихъ путешествіяхъ.

Затѣмъ назову еще нѣкоторые предметы первоначальнаго заготовленія: парусина (500 аршинъ—половина поплотнѣе, другая потоньше) на три походныя палатки, а также на мѣшки съ мукою и крупою; скобы, петли (къ нимъ винты) и замки (небольшіе) висячіе къ экспедиціоннымъ ящикамъ, которые, равно какъ и палатки, должны быть изготовлены на границѣ; брезенты (2—3 большихъ) для покрышки въ непогоду багажа; кисея и желѣзные обручи для сачковъ ловить насѣкомыхъ; трубочки стеклянныя (еще лучше свинцовыя) для выдуванія собираемыхъ птичьихъ яйцъ; ярославское полотно для подвертокъ на ноги; тесемки, пуговицы, бичевки, нитки (немного на катушкахъ, побольше (фунт. 4—5) въ моткахъ); нитки бумажныя для завертки чучелъ птицъ; большія мѣдныя иглы для обшивки (рогожами) сначала заготовленнаго багажа, затѣмъ для шитья вьючныхъ верблюжьихъ сѣделъ; плоскія большія желѣзныя иглы для подшивки сыромятною кожею протершихся у верблюдовъ пятокъ; большія пэнсетки для ловли змѣй, скорпіоновъ и ядовитыхъ пауковъ; воскъ ($^1|_2$ фунта) вощить нитки или дратву и залѣплять разрывные патроны; шилья, щетина, дратва и варъ для сапожнаго мастерства; вѣсы кантаръ (до 1 пуда); 2 желѣзныя миски, 4 желѣзныя тарелки и 2—3 уполовника для кухни; мыло ручное (въ томъ числѣ и дегтярное) 10—12 дюжинъ для себя и для подарковъ; вытяжная мѣрка (7 футовъ) и складной аршинъ; небольшіе (отъ $^1|_4$—$^1|_2$ ведра) гуттаперчевые, обшитые парусиною мѣшки для возки воды у сѣдла начальника экспедиціи и его помощниковъ; головные гребни для себя и для казаковъ; бенгальскіе огни и римскія свѣчи для потѣхи иногда туземцевъ и на случай подать сигналъ заблудившемуся на охотѣ (еще лучше ракеты, если выдержатъ перевозку); квадратныя жестянки [1]) (7—8), размѣрами отъ 8 — 10 вершковъ въ длину, отъ 4 — 5 въ ширину и столько же въ вышину, (съ крышкою сверху) для укладки лѣкарствъ (часть ихъ въ походной аптечкѣ) и разныхъ мелочей; два небольшія (12 и 20 саженъ въ длину) невода, сачки и удочки для

[1]) Эти жестянки слѣдуетъ сдѣлать такими, чтобы онѣ входили одна въ другую при перевозкѣ до начальнаго пункта экспедиціи.

рыбной ловли; капканы (непремѣнно большіе) для ловли волковъ и лисицъ, что, впрочемъ, всегда у насъ выходило плохо; огородныя сѣмена [1]); подковные гвозди, а съ границы надо взять и подковы (50) на шипахъ (такихъ нельзя достать въ пути); наконецъ, народныя книжки для чтенія казакамъ и книги для собственнаго чтенія въ свободныя минуты; впослѣдствіи эти книги идутъ на обертку чучелъ мелкихъ птицъ и на другое употребленіе. Посовѣтую все обвязывать хорошими нитками, которыя пригодятся впослѣдствіи.

Весь обширный багажъ домашняго заготовленія долженъ быть тщательно уложенъ въ деревянные ящики, обшитые рогожами и увязанные крѣпкими веревками. Перевозка лѣтомъ будетъ сначала по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ до Томска или Семипалатинска. Далѣе слѣдуетъ везти на почтовыхъ тройкахъ, уложивъ пудовъ по 30—35 на крѣпкіе (съ тормазами) ходы, которые безъ труда можно купить въ Томскѣ. На тѣхъ же ходахъ помѣстятся и солдаты, взятые въ экспедицію изъ Европейской Россіи. Самому слѣдуетъ ѣхать въ тарантасѣ (а не на перекладной), чтобы поберечь свои силы. Зимою почтовая перевозка выйдетъ длиннѣе, ибо тогда нельзя будетъ воспользоваться пароходными сообщеніями Западной Сибири. При зимней дорогѣ, если нѣтъ большихъ ухабовъ, можно положить за Ураломъ пудовъ по 40 на тройку въ открытыя сани и тамъ же посадить по одному солдату. Для себя нужны сани (кошева) съ верхомъ, въ какихъ обыкновенно ѣздятъ по Сибири. Если же путь экспедиціи въ глубь Центральной Азіи будетъ лежать черезъ Вост. Туркестанъ, то удобнѣе направиться со всѣми заготовленіями по Закаспійской желѣзной дорогѣ, которая, какъ извѣстно, скоро дойдетъ до Самарканда. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ пересылать багажъ черезъ наши транспортныя конторы—ихъ аккуратность извѣстна каждому отправителю.

Наконецъ, можно посовѣтывать не брать передъ отправленіемъ въ экспедицію никакихъ порученій и не давать никакихъ обязательствъ относительно имѣющихъ быть результатовъ путешествія. Письма съ родины слѣдуетъ просить писать какъ можно болѣе конспектомъ, а въ день отъѣзда желать поменьше проводовъ.

б) на границѣ. Не менѣе хлопотъ по снаряженію придется испытать и въ томъ пограничномъ пунктѣ, откуда предполагаемая экспедиція начнетъ свое движеніе въ глубь Азіи. Такими пунктами для меня были: Кульджа

[1]) Были взяты при IV путешествіи, дабы сѣять лѣтомъ на складочныхъ пунктахъ, однако казаки оказались плохими огородниками.

(при второмъ путешествіи), Зайсанскъ (при третьемъ путешествіи) и дважды Кяхта (при первомъ и четвертомъ путешествіи).

Для успѣшнаго пограничнаго снаряженія, гдѣ бы оно ни производилось, весьма важно заручиться содѣйствіемъ крупной мѣстной власти, т. е. генералъ-губернатора или губернатора, всего же лучше того и другого. Лично я постоянно встрѣчалъ въ этихъ высшихъ представителяхъ мѣстной администраціи самое полное сочувствіе къ своему дѣлу и широкую готовность помочь всѣми зависящими средствами; но не всегда находилъ такую любезность отъ нашихъ мелкихъ пограничныхъ чиновниковъ. Упоминаю объ этомъ не въ укоръ имъ, а исключительно для свѣдѣнія будущихъ путешественниковъ, которымъ въ данномъ случаѣ не мѣшаетъ быть осторожными.

На первомъ планѣ пограничнаго снаряженія должна стоять забота о выборѣ солдатъ и казаковъ въ конвой экспедиціи. Нѣсколько солдатъ необходимо взять изъ Европейской Россіи [1]) для сопровожденія въ передній путь экспедиціоннаго багажа, а въ обратный—собранныхъ коллекцій. Главный же контингентъ экспедиціоннаго отряда слѣдуетъ выбрать въ исходномъ пунктѣ путешествія или въ пунктахъ ближайшихъ къ нему. По опыту рекомендую забайкальскихъ казаковъ, хотя весьма вѣроятно, что и другіе казаки, при умѣломъ ихъ выборѣ, окажутся столь же подходящими для трудной экспедиціонной службы. Солдатъ лучше взять изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ; за неимѣніемъ ихъ — изъ линейныхъ. Принадлежность къ сектѣ старовѣровъ будетъ служить не малою рекомендаціею хорошихъ нравственныхъ качествъ. При томъ необходимо брать только по желанію, т. е. охотниковъ, которымъ предварительно не худо представить въ возможно мрачной окраскѣ ихъ будущую дѣятельсть. Выбранныхъ нижнихъ чиновъ всего лучше не сразу зачислять въ составъ экспедиціи, но продержать нѣкоторое время (недѣли двѣ—три) въ прикомандированіи, причемъ можно, въ особенности помощникамъ начальника экспедиціи, съ достаточною подробностію оцѣнить пригодность новичковъ. Въ случаѣ ненадежности котораго-либо изъ нихъ, безъ труда можно его перемѣнить; двинувшись же въ путь это дѣло крайне неудобное. Кромѣ того, всѣхъ нижнихъ чиновъ, тотчасъ же по выборѣ ихъ, хотя бы не окончательномъ, слѣдуетъ ежедневно, во время пограничнаго снаряженія, упражнять практическою стрѣльбою.

[1]) При IV путешествіи я взялъ съ собою 4 солдатъ изъ полковъ гренадерскаго корпуса, стоявшихъ въ Москвѣ; выборъ былъ вполнѣ удаченъ.

Одновременно съ выборомъ конвойныхъ людей должны идти въ пограничномъ пунктѣ заботы о дальнѣйшемъ устроеніи экспедиціи: дополненіе багажа, заготовленіе продовольствія, наконецъ, снаряженіе по части передвиженія. При этомъ опять-таки нужно «глядѣть въ оба», ибо надувательство и эксплоатація, за малыми исключеніями, явятся на каждомъ шагу. Для нижнихъ чиновъ экспедиціи необходимо закупить, всего лучше по пути въ Томскѣ, хорошія бараньи шубы, теплыя (изъ пыжиковъ) шапки и теплыя рукавицы; также рукавицы кожаныя для защиты рукъ отъ колючихъ кустарниковъ, употребляемыхъ для топлива. Остальное одѣяніе и обувь должны пріобрѣсть сами казаки изъ экспедиціоннаго жалованья; нужно только наблюдать, чтобы они не особенно скряжничали. Въ томъ же Томскѣ слѣдуетъ купить хорошія кожи (черныя и сыромятныя) для вьючныхъ сумъ; впрочемъ, такія кожи можно достать и въ Иркутскѣ, только нѣсколько дороже; въ Кяхтѣ же выдѣлка кожъ плохая.

Далѣе, въ пограничномъ пунктѣ окончательнаго снаряженія, необходимо пріобрѣсть: чай, всего удобнѣе кирпичный, черный; казаки пьютъ его непомѣрно много—на 21 человѣка нашего отряда при четвертомъ путешествіи выходило около $^1|_2$ фунта чаю въ сутки, иногда же и болѣе. Сахаръ, расчитывая кромѣ своего запаса, по 2 фунта въ мѣсяцъ каждому казаку; впрочемъ, можно обойтись и безъ этой дачи [1]). Спиртъ, котораго мы взяли 5 ведеръ, при четвертомъ путешествіи; расходовался этотъ спиртъ, главнымъ образомъ, для коллекцій; изрѣдка (примѣрно разъ или два въ недѣлю) да и то зимою, или въ случаѣ большихъ трудовъ, приготовленная изъ того же спирта (разведеннаго почти на половину водою) водка давалась (по чаркѣ) казакамъ. Возится спиртъ въ банкахъ для спиртовыхъ коллекцій и въ хорошо запаянныхъ (снаружи обшитыхъ войлокомъ) жестянкахъ съ горлышкомъ вверху. Чаю слѣдуетъ взять сравнительно немного 3—4 пуда, ибо его можно будетъ впослѣдствіи купить у китайцевъ; у нихъ же можно достать (но только дорого въ застѣнныхъ владѣніяхъ) и сахаръ-леденецъ; рисовая водка, весьма крѣпкая, также найдется вездѣ у китайскихъ торговцевъ.

Затѣмъ другія покупки пограничной заготовки: стеариновыя свѣчи—по двѣ на каждую недѣлю путешествія; простое мыло (50 фунтовъ, какъ можно болѣе сухое) для мытья бѣлья (казаки берутъ каждый для себя мыло особо); спички зажигательныя (ихъ можно вездѣ почти до-

[1]) У меня казаки получали сахаръ (да и то не всегда) только при IV путешествіи.

стать у китайцевъ); веревки для увязки вьюковъ и ихъ вьюченья [1]); войлоки для спанья (на каждаго казака $1^1|_4$ аршина въ ширину при длинѣ въ $2^1|_2$ — 3 аршинъ; возится подъ сѣдломъ какъ потникъ) и для вьючныхъ верблюжьихъ сѣделъ [2]); бумаги китайской (тысяча листовъ) для завертки чучелъ птицъ; вата и пакля (то и другое можно достать и у китайцевъ) для набивки этихъ чучелъ; квасцы (1 пудъ, также есть у китайцевъ) для препарировки шкуръ млекопитающихъ; далемба (родъ нашей бязи—вездѣ есть въ Китаѣ) для обшивки тѣхъ же шкуръ и для тряпокъ; запасныя подковы (50) съ шипами (въ Китаѣ ихъ не дѣлаютъ); кусокъ (60 аршинъ) плиса для подарковъ; для той же цѣли можно, пожалуй, взять и кусокъ желтаго или краснаго сукна.

Изъ продовольственныхъ запасовъ, кромѣ вышеназванныхъ — чая и сахара, на границѣ необходимо закупить: дзамбы, т. е. поджаренной пшеничной, овсяной или ячменной муки, которая, въ родѣ нашего толокна, замѣняетъ собою хлѣбъ въ пустынѣ [3]); крупы гречневой и ячной (той и другой пуда по четыре), которыхъ въ Китаѣ не найдется, взамѣнъ тамъ вездѣ будетъ рисъ, просо, гуамянъ и финтяуза [4]); муки пшеничной (ее также вездѣ можно достать у китайцевъ); немного чернаго печенаго хлѣба и черныхъ сухарей, для первыхъ двухъ - трехъ недѣль пути; десятка два барановъ, которыхъ нужно гнать живьемъ; масла коровьяго (2—3 пуда) для дзамбы; изрѣдка масло можно будетъ доставать и потомъ у кочевниковъ. Вообще какъ теперь, такъ и впослѣдствіи, продовольственныхъ запасовъ слѣдуетъ закупать сразу побольше, чтобы возможно меньше испытывать непріятную процедуру мелкой торговли и обезпечивать себя на болѣе продолжительное время.

Къ отдѣлу продовольствія необходимо отнести и снаряженіе походной кухни. Сюда требуется [5]): 2 мѣдныя чаши большія (3 — 4 ведра емкости каждая), съ плоскими крышками, выпуклымъ (для скорѣйшаго закипанія) дномъ и ручками (скобками) по бокамъ—для варки пищи и чая для казаковъ; 1 чаша, также мѣдная, небольшая (для одного ведра

[1]) На границѣ трудно достать хорошихъ веревокъ; часть ихъ необходимо привезти съ собою, купить гдѣ либо по пути, хотя бы, напр., въ Томскѣ и Иркутскѣ; на обвязку вьюковъ пойдутъ веревки и отъ привезеннаго багажа.

[2]) Если эти сѣдла будутъ заготовляться, какъ было у меня при IV путешествіи, въ Ургѣ, то тамъ всего лучше купить и нужные для этого войлоки.

[3]) Въ продажѣ дзамбы на нашей границѣ не найдется, слѣдуетъ купить зерно (ячмень, овесъ или пшеницу), поджарить его и отдать измолоть.

[4]) То и другое родъ нашей вермишели—гуамянъ изъ пшеничной, а финтяуза изъ гороховой муки; мы всегда предпочитали первую послѣдней.

[5]) Имѣя въ виду двойной комплектъ, при необходимости устраивать складочные пункты.

воды); всѣ эти чаши нужно сдѣлать по заказу еще въ Европейской Россіи; 3 мѣдныхъ чайника — одинъ большой, два поменьше, для дальнихъ экскурсій отъ бивуака; небольшой котелокъ; два желѣзныхъ треножника для чайниковъ и котелка; эти треножники служатъ также для подвѣшиванія термометра при метеорологическихъ наблюденіяхъ на бивуакѣ; 2 тагана для большихъ чашъ; 2 сковороды, 2 уполовника и 2 щипцовъ для подкладыванія въ огонь аргала [1]); наконецъ, 2 желѣзныхъ ведра. Изъ посуды: деревянныя чашки и деревянныя ложки для казаковъ, а для начальниковъ экспедиціи и двухъ его помощниковъ, кромѣ такихъже деревянныхъ чашекъ — 2 желѣзныя миски, 4 желѣзныя тарелки и 3 металлическія ложки (можно и деревянныя) [2]). Посуду слѣдуетъ изрѣдка лудить во время путешествія. Варить пищу назначаются казаки поочередно, на двѣ недѣли каждый.

Для походнаго жилья необходимы палатки лѣтомъ и юрты зимою; въ крайнемъ случаѣ можно (хотя и очень трудно) проводить круглый годъ въ палаткѣ. Эта послѣдняя, наилучшая для подобнаго путешествія, должна быть монгольскаго образца, выработаннаго долголѣтнимъ опытомъ кочевниковъ. Кое-гдѣ, напр. въ Ургѣ или даже Кяхтѣ, такія палатки можно купить готовыми [3]), но гораздо лучше сшить собственныя изъ двойной парусины (сверху поплотнѣе, снизу потоньше), купленной въ Европейской Россіи. Кстати скажу, что гдѣ-бы ни происходила пограничная заготовка, необходимо, на это время, получить въ свое распоряженіе казенныхъ мастеровыхъ—сапожниковъ, портныхъ, столяровъ и слесарей. Если среди мѣстныхъ обывателей и найдутся люди названныхъ профессій, то, во первыхъ, они сдерутъ въ три-дорога, а во вторыхъ, всего чаще, окажутся ненадежными какъ по качеству своей работы, такъ и по времени ея исполненія.

Форма монгольской палатки въ основной ея части крышевидная; сзади удлиненный, скошенный сверху до земли, придатокъ; спереди та-

[1]) Аргалъ—сухой пометъ животныхъ, главное топливо въ пустынѣ.

[2]) Для наглядности о принадлежностяхъ походной кухни, см. мое «Третье Путешествіе въ Центральной Азіи» табл. V. Здѣсь слѣва вверху стоитъ на таганѣ мѣдная чаша; справа подвѣшенъ на треножникъ чайникъ; въ срединѣ того же верхняго ряда—желѣзная миска (въ нее кладется вареное мясо) и большая деревянная чашка, а подъ ними—чашка маленькая и сковорода. Въ второмъ ряду: слѣва—раздувальный мѣхъ, ручка для сковороды и щипцы для подкладыванія аргала; въ нижнемъ ряду — слѣва кастрюля (безъ нея можно и обойтись), а справа желѣзное ведро; въ срединѣ же кожаный мѣшокъ для укладки мелкой посуды, справа и слѣва его два небольшихъ холщевыхъ мѣшечка—одинъ для чая, другой для сахара.

[3]) Безъ труда палатки монгольскаго образца можно купить у китайцевъ въ Калганѣ, Пекинѣ, да вѣроятно и въ другихъ городахъ, ближайшихъ къ монгольской границѣ.

кой же придатокъ, но разрѣзанный во всю свою длину для входа. Внутри двѣ деревянныя стойки съ поперечною, также деревянною перекладиною, продѣтою въ желѣзныя наверху стоекъ кольца. Внизу кругомъ пришиты крѣпкія (всего лучше изъ сыромятной кожи) петли, которыми посредствомъ желѣзныхъ (1 футъ длиною) колышковъ (по монгольски шороновъ) вся палатка прикрѣпляется къ землѣ. Рисунокъ подобной палатки помѣщенъ на табл. II моего «Третьяго путешествія по Центральной Азіи» [1]). Привожу здѣсь еще нѣсколько деталей: длина каждаго бока (отъ верхней перекладины до земли) 3³|₄ аршина; ширина того же бока 3¹|₂ арш.; вышина стоекъ 2³|₄ арш.; поперечная ширина палатки внизу—5¹|₄ аршинъ; длина зада, т. е. задняго придатка (отъ основанія задней стойки до вершины задняго угла) 3³|₄ арш.; длина переда (отъ основанія передней стойки) 3³|₄ аршина. Бока сшиты изъ трехъ полотнищъ парусины; на придаткахъ, переднемъ и заднемъ, по 4 полотнища (по два съ каждой стороны), вырѣзанныя кверху клиньями; эти отрѣзки также клиньями вставлены внизу. Веревокъ, непремѣнно волосяныхъ [2]), на бокахъ по 4, на заднемъ придаткѣ—3, на переднемъ — 4; фалды передняго разрѣза должны заходить одна за другую; здѣсь двѣ-три завязки. Такихъ размѣровъ палатка можетъ вмѣщать 7 — 8 человѣкъ. Вся она двойная; въ крайнемъ случаѣ передній придатокъ можетъ быть сдѣланъ и изъ ординарной парусины.

Зимнимъ жилищемъ, какъ выше сказано, должна служить юрта, рисунокъ которой помѣщенъ на той же таблицѣ, гдѣ и палатка, а описаніе можно найдти въ моей «Монголія и страна тангутовъ» т. I, стр. 34, 35 и 331. Въ юртѣ среднихъ размѣровъ могутъ помѣститься 10 — 12 человѣкъ, при нуждѣ и болѣе. Пріобрѣсти такое жилье можно покупкою въ Ургѣ, а также у богатыхъ монголовъ [3]) или киргизовъ.

Далѣе по части снаряженія слѣдуютъ вьючные ящики и кожаныя сумы. Первые служатъ для собиранія въ нихъ коллекцій и для перевозки наиболѣе подверженнаго порчѣ багажа; въ сумы же укладывается

[1]) На этомъ рисункѣ одна фалда переда палатки отворочена; внутри видна передняя стойка, постланные на землѣ войлоки и два обшитые сыромятною кожею ящика (съ дневниками, инструментами и пр.), которые всегда вносились въ нашу палатку и замѣняли столъ при письменной работѣ.

[2]) Волосяныя веревки не съеживаются отъ мокроты и не стягиваютъ черезъ это (во время дождя) морщинами бока палатки; зимою волосяныя или даже шерстяныя веревки также удобнѣе пеньковыхъ для вьюченья.

[3]) На Куку-норѣ и въ Цайдамѣ юрту достать крайне трудно.

багажъ, нетребующій особенно осторожнаго обращенія. Всѣ ящики дѣлаются изъ сухихъ досокъ, толщиною въ $^1|_2$ вершка, или немного менѣе при малыхъ размѣрахъ ящика; для прочности пазы снаружи обиваются сырою бычачьею кожею; дно прикрѣпляется желѣзными (по двѣ на большихъ и по одной на малыхъ бокахъ) скобами; кромѣ того на днѣ, чтобы оно не касалось земли, прибиваются двѣ поперечныя деревянныя планки; на малыхъ бокахъ прибиваются кожаныя ручки; крышка дѣлается на петляхъ и запирается висячимъ замкомъ, на пробойкѣ. Наконецъ, всѣ ящики красятся красною или какою-либо другою краскою. Рисунокъ такого ящика можно видѣть на табл. III моего «Третьяго путешествія по Центральной Азіи».

Размѣрами ящики должны быть различны, а именно (мѣряя по наружности):

	Длина	Ширина	Вышина съ крышкою.
	въ вершкахъ.		
Большіе	22	9—11	12—13
Средніе [1])	15—19	9—11	12—13
Малые	16—18	9	11

Кромѣ того, требуется одна пара ящиковъ (длина 14 в., ширина $9^1|_2$ в., вышина 11 в.), обитыхъ сыромятною кожею и съ внутреннимъ замкомъ. Эти ящики служатъ для укладки наиболѣе цѣнныхъ и необходимыхъ вещей (записныя книги, хронометры и другіе научные инструменты, рабочій ящичекъ, подручная аптечка и пр.) и всегда вносятся въ палатку, гдѣ отчасти служатъ вмѣсто стола. Въ большіе ящики укладываются чучела птицъ; въ средніе—гербаріи, въ малые—горныя породы (въ мѣшкахъ), частію спиртовые препараты и разные другіе предметы [2]). Кромѣ того, мелкіе и средніе ящики необходимы въ случаѣ продолжительныхъ экскурсій въ сторону отъ складочнаго пункта.

Вьючныя сумы шьются изъ черной кожи съ сыромятною оторочкою на внутреннемъ разрѣзѣ; здѣсь эти сумы зашнуровываются проч-

[1]) Двѣ пары среднихъ ящиковъ, спеціально для гербарія, дѣлаются такихъ размѣровъ, чтобы въ нихъ укладывались рядомъ два листа пропускной бумаги, въ которую собираются растенія.

[2]) Подробно объ укладкѣ багажа будетъ разсказано ниже.

нымъ, также сыромятнымъ, ремешкомъ; сверхъ шнуровки имѣется кожаная покрышка, застегиваемая тремя изъ сыромятной кожи петлями. Размѣры такой сумы: длина 19 вершковъ, ширина — 9 в., вышина — 9 вершк. Впослѣдствіи эти сумы по мѣрѣ своего опорожненія идутъ на починку и шитье казачьихъ сапоговъ.

Помимо ящиковъ и сумъ необходимы двойные (внутри изъ парусины или далембы, а снаружи изъ грубой шерстяной или пеньковой ткани) мѣшки, въ которыхъ возится мука, дзамба и крупа; зерно для лошадей вьючится въ мѣшкахъ ординарныхъ; въ такіе же мѣшки сваливаются и разныя походныя мелочи. Впослѣдствіи всѣ эти мѣшки, мало по малу, идутъ на обшивку препарированныхъ звѣриныхъ шкуръ.

На табл. III моего «Третьяго Путешествія», помѣщены рисунки: вьючной сумы и мѣшка съ мукою; тамъ же изображенъ и патронный ящикъ. Для облегченія мы бросали деревянную укупорку этого ящика и оставляли лишь цинковую обложку, которую обшивали толстымъ войлокомъ и обвязывали, какъ и всѣ вьюки, веревками для вьюченья. Такимъ способомъ патроны Бердана (нашей войсковой укладки — по 875 штукъ въ ящикѣ), сохраняются отлично при вьючной перевозкѣ и уменьшается почти на $^1|_2$ пуда тяжесть каждаго ящика.

На границѣ же слѣдуетъ заготовить двѣ пары боченковъ для воды (ланхоны по монгольски). Эти боченки (см. табл. IV моего «Третьяго Путешествія»), каждый вмѣстимостью $4^1|_2$ ведра, дѣлаются, для удобства вьюченья, плоскими; вышина — $13^1|_2$ вершковъ, наибольшій діаметръ — $10^1|_2$ вершковъ, наименьшій — $6^3|_4$ вершк., толщина дерева въ $^1|_2$ вершка. Снаружи на каждомъ по 3 желѣзныхъ обруча, вверху по два ушка для вьюченья и отверстіе, закрываемое втулкою. Подспорьемъ къ боченкамъ съ водою, въ случаѣ большаго безводнаго перехода, у насъ служили свѣжія снятыя мѣшкомъ шкуры съ убиваемыхъ для ѣды барановъ; нужно только внутри такую шкуру немного посолить. Вода въ ней въ теченіе сутокъ не портится, даже лѣтомъ. При четвертомъ путешествіи я бралъ на пробу каучуковые обшитые парусиною мѣшки, вмѣстимостью по 5 ведеръ воды каждый; однако мѣшки эти оказались непригодными по своей непрочности.

Укладка багажа.

Заготовивъ экспедиціонный багажъ, нужно умѣло его уложить. Для этого требуется большая сноровка. Тѣмъ болѣе, что помимо извѣстнаго вѣса каждаго вьюка, или по крайней мѣрѣ вьючной пары, необходимо разсортировать вещи такимъ образомъ, чтобы предметы болѣе нужные находились ближе подъ рукою, чтобы стекло не разбилось о вещь тяжелую, чтобы порохъ не лежалъ со спичками, ѣда съ мышьяковымъ мы-

ломъ, платье съ жидкостью и т. д. Словомъ, каждый предметъ долженъ быть уложенъ не зря, а съ извѣстнымъ расчетомъ.

Въ данномъ случаѣ мы поступали такимъ образомъ: когда заготовленіе уже окончено, то, отобравъ и уложивъ предметы, нетребующіе сортировки (патронные ящики, дзамба, мука, крупа, кухня, палатки и пр.), а также раскупоривъ привезенный изъ Европейской Россіи багажъ, мы сносили вещи въ одну общую кучу посрединѣ большой комнаты; по бокамъ ея уставлялись (пустыми) всѣ вьючные ящики и сумы. Тѣ и другія должны имѣть каждая свой нумеръ, крупно намалеванный чернилами на крышкѣ ящика и сбоку испода верхней кожаной покрышки сумы. Затѣмъ начиналась сортировка. Сначала вещи размѣщались по своимъ вьюкамъ примѣрно, причемъ, конечно, то то, то другое переносилось туда и сюда; затѣмъ повѣрялась правильность размѣщенія предметовъ въ зависимости отъ ихъ качества, бо̀льшей или меньшей сподручности и отъ самого вѣса каждой вьючной пары. Этотъ вѣсъ не долженъ превышать 10—12 пудовъ. Въ ящики слѣдуетъ укладывать вещи наиболѣе ломкія, или такія, которыя нежелательно измять, или болѣе цѣнныя, или добавочныя для нужнаго вѣса вьюка. Впослѣдствіи въ ящики укладываются коллекціи—чучела птицъ и мелкихъ млекопитающихъ, гербаріи, коробки съ насѣкомыми, часть спиртовыхъ предметовъ и пр. Для этого всю пустоту ящиковъ, послѣ ихъ укладки, наполняютъ ватою и паклею, которыя потомъ идутъ на набивку чучелъ птицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняютъ уложенныя вещи отъ тряски въ пути. Въ ящикахъ же помѣщаются и всѣ нужные инструменты [1]), даже барометръ, который мы уставляли въ наклонномъ положеніи на двухъ желѣзныхъ, обвернутыхъ войлокомъ, скобахъ, прибитыхъ вверху и внизу боковой стѣнки большаго ящика. Хронометры мы также никогда не возили на себѣ, а укладывали ихъ (пару) въ собственныхъ ящичкахъ въ одинъ общій ящикъ, на который надѣвался сначала полотняный (отъ пыли), а потомъ войлочный (для мягкости) футляръ; затѣмъ хронометры плотно укладывались въ одинъ изъ ящиковъ, вносившихся въ нашу палатку или юрту. Зимою въ сильные холода ящикъ съ хронометрами завертывался, кромѣ того, въ мѣхъ, а на ночь ставился подъ изголовье.

Для спиртовыхъ коллекцій, какъ уже было ранѣе сказано, мы имѣли различной величины стеклянныя съ притертыми пробками банки,

[1]) Главнымъ образомъ въ той парѣ, которая ежедневно вносится въ нашу палатку или юрту.

которыя устанавливались въ три ящика съ гнѣздами, обклеенными войлокомъ; частью тѣхъ же коллекцій наполнялись опорожненныя бутылки и банки.

Въ сумы помѣщаются такіе предметы, которые не требуютъ особенно тщательной укладки и не боятся порчи отъ случайныхъ ударовъ, какъ-то: бѣлье, простое платье, обувь, сахаръ, серебро, дробь и проч. При этомъ на дно каждой сумы слѣдуетъ положить войлокъ, а всякій твердый предметъ обвернуть паклею. Серебро и дробь служатъ прекраснымъ матеріаломъ для уравновѣшиванія вьючныхъ сумъ. Слѣдуетъ только наблюдать, чтобы эти тяжелые предметы не скучивались слишкомъ въ одномъ вьюкѣ.

Вмѣстѣ съ окончательною разсортировкою и укладкою экспедиціоннаго багажа должно итти и записываніе содержимаго каждаго вьюка, иначе невозможно будетъ помнить, гдѣ что положено. Впослѣдствіи, когда часть запасовъ уменьшится, или вовсе израсходуется, или, наконецъ, когда многое изъ багажа нужно будетъ оставить на складочномъ пунктѣ, всегда слѣдуетъ дѣлать подобный же реэстръ въ особой записной книжечкѣ [1]). Черезъ это крайне облегчается отыскиваніе нужныхъ предметовъ, тѣмъ болѣе въ укупоренныхъ вьюкахъ. Увязываются всѣ эти вьюки крѣпкими, не слишкомъ толстыми пеньковыми веревками. Образчикъ такой увязки показанъ на таблицѣ III моего «Третьяго путешествія по Центральной Азіи».

Экспедиціонныя животныя.

Теперь начнемъ о движущей силѣ экспедиціи, т. е. о тѣхъ животныхъ, которыя тащатъ по пустынямъ какъ самого путешественника

[1]) Приведу здѣсь образчикъ такихъ реэстровъ изъ нашей записной книжечки. *Ящикъ № 8*: мышьяковое мыло. Бинты и суспренсоріи. Сухая горчица. Бумага писчая, почтовая и конверты. Патроны револьверные (для уравновѣшиванія вьюка). Жестянка большая, въ ней: двѣ запасныя мѣрки (складной аршинъ и вытяжная), очки (15 паръ) синіе казачьи (на случай невыносимаго блеска снѣга), ртуть для барометра, кипятильникъ, 6 гребней запасныхъ, пуговицы запасныя, мелкія письменныя принадлежности (стальныя перья, карандаши, сургучъ и пр.), бритвы и правило, двѣ резиновыя накладки (запасныя) на банки съ притертыми пробками. Деревянный ящикъ съ зажигательными спичками. Чашки деревянныя запасныя. Пакля и вата. *Ящикъ № 3*: труба астрономическая. Барометръ и запасныя на него трубки. Книги для чтенія. 2 фонаря. Подставка на гипсотермометръ. 5 термометровъ запасныхъ. Вѣсы кантаръ. Бумага для съемки. Коробки для насѣкомыхъ. Три штыка. Кинжалъ. Воскъ. Мыло ручное. Удочки и лесы къ нимъ. Шапки всѣ. Пакля и вата. *Сума № 16*: дробь № 6—25 фунтовъ. Квасцы. Лимонная кислота. Нитки, бичевки и иголки. Олово и нашатырь. Шубный клей. Бязь и кисея. Черный каленкоръ (для фотографіи). Тужурка и шинель Роборовскаго. Полушубокъ Козлова. *Сума № 17*: патроны Бердана (25 пачекъ) расходовые. Подковы и къ нимъ гвозди. Сапожныя принадлежности. Парусина. Мѣшки для воды гуттаперчевые. Панталоны мои теплыя. Сапоги (одна пара) Телешова. *Сума № 19*: 15 ямбовъ серебра. Мѣшокъ серебра мелкаго. Кожи черная и сыромятная. Двѣ шинели казачьихъ и т. д.

съ его спутниками, такъ и весь экспедиціонный багажъ. Изъ этихъ животныхъ лошадь годна здѣсь только подъ верхъ, да и то въ ограниченномъ числѣ, въ виду постоянной и продолжительной безкормицы; мулъ годится лишь въ мѣстностяхъ гористыхъ и непремѣнно плодородныхъ, ибо требуетъ хорошаго для себя корма; домашній якъ, служащій какъ верховое и вьючное животное въ Тибетѣ, хорошъ опять-таки лишь въ своихъ мѣстахъ, да притомъ, какъ и мулъ, не можетъ тащить большаго вьюка; оселъ какъ вьючное и быкъ какъ упряжное животное для летучей экспедиціи вовсе негодны. Одинъ только верблюдъ—этотъ всѣмъ извѣстный хотя по имени «корабль пустыни» — способенъ выполнить долгую и надежную службу для путешественника, лишь бы онъ умѣлъ какъ слѣдуетъ обращаться со столь своеобразнымъ животнымъ.

Лучшіе въ Центральной Азіи верблюды, вездѣ здѣсь двугорбые, находятся въ Сѣверной Монголіи, гдѣ издавна ведется караванная чайная торговля. Въ Ала-шанѣ, на Куку-норѣ и въ Цайдамѣ верблюды мельче ростомъ и слабосильнѣе, притомъ содержатся въ маломъ количествѣ. Въ Вост. Туркестанѣ верблюдовъ очень мало и они плохи. Въ Тибетѣ верблюда нѣтъ вовсе. Въ нашихъ киргизскихъ степяхъ верблюдовъ много, но они въ общемъ слабѣе сѣверно-монгольскихъ и, не будучи пріучены къ постоянной караванной службѣ, менѣе выносливы въ пустынѣ, хотя при строгомъ выборѣ все-таки хороши.

Во всякомъ случаѣ путешественнику необходимо сразу пріобрѣсть не только хорошихъ, но даже отличныхъ верблюдовъ, не заботясь объ ихъ дороговизнѣ [1]). Отъ качества этихъ животныхъ весьма много будетъ зависѣть весь ходъ путешествія. Тѣмъ болѣе, что слабыхъ или испорченныхъ верблюдовъ весьма трудно, часто даже невозможно замѣнить во время пути—разъ по неимѣнію кочевниками во многихъ мѣстахъ названныхъ животныхъ, затѣмъ по всегдашней неохотѣ монголовъ ихъ продавать, наконецъ, вслѣдствіе нерѣдкихъ секретныхъ запрещеній такой для путешественника продажи со стороны китайцевъ. При снаряженіи экспедиціи на западной китайской границѣ, т. е. со стороны нынѣшняго Степного генералъ-губернаторства или изъ Туркестана, верблюдовъ слѣдуетъ купить у киргизовъ; если же исходнымъ пунктомъ путешествія будетъ Кяхта—то въ Ургѣ у монголовъ.

[1]) Въ началѣ ноября 1883 года, при снаряженіи въ IV путешествіе, я заплатилъ въ Ургѣ за 56 отличныхъ верблюдовъ 6757 руб., слѣдовательно каждый изъ нихъ обошелся по 120 руб. слишкомъ. У нашихъ киргизовъ хорошихъ верблюдовъ можно купить почти вдвое дешевле.

Для ознакомленія съ характеромъ и образомъ жизни монгольскаго верблюда отсылаю читателя къ своей «Монголія и страна тангутовъ» т. I, стр. 84—93. Здѣсь же сдѣлаю только нѣкоторыя указанія относительно экспедиціонной службы описываемаго животнаго.

Наружные признаки хорошаго верблюда слѣдующіе: плотное коренастое сложеніе, хотя бы ростъ былъ и не крупный; большіе, широко разставленные горбы; широкій, не слишкомъ скошенный задъ и широкія лапы. Въ общемъ нелегченые самцы (по монгольски *бурунъ*) сильнѣе, но они не годятся въ періодъ течки (въ февралѣ), ибо становятся тогда очень злыми и даже опасными; верблюды-мерины (по монгольски *атанъ*) всего лучше для караванной службы; пригодны для этого также и самки (по монгольски *инга*), хотя онѣ довольно слабосильны.

Начинаютъ вьючить верблюда настоящимъ вьюкомъ съ 5-лѣтняго возраста [1]) и свою караванную службу онъ несетъ лѣтъ до 20 или 25; живетъ же лѣтъ 30 и даже 40 при хорошемъ уходѣ. Время полной силы описываемаго животнаго продолжается отъ 7—13 лѣтъ. Въ этотъ именно періодъ верблюдъ всего надежнѣе для далекаго путешествія.

Возрастъ верблюда, по крайней мѣрѣ не очень стараго, опредѣляется по его переднимъ зубамъ (рѣзцамъ). Вотъ какъ различаютъ это монголы:

1-й	годъ	(ботого)	молочные зубы.
2-й	»	(тормо)	
3-й	»	теряетъ молочные зубы.	
4-й	»	(хоеръ-шудуту) выростаетъ средняя пара переднихъ зубовъ (рѣзцовъ).	
5-й	»	(дурбанъ-шудуту тайлокъ)	4 зуба переднихъ, болѣе окрѣпли и выполнились.
6-й	»	—	
7-й	»	(гунцасанъ или	всѣ 6 зубовъ переднихъ, къ 8-ми годамъ совершенно выполнились.
8-й	»	цорганъ-шудуту)	
9-й	»	начинаютъ остриться средніе рѣзцы и	
10-й	»	поднашиваться.	
11-й	»	остается немного, чтобы средней парѣ сравняться съ сосѣдними двумя рѣзцами.	
12-й	»	два среднихъ рѣзца снашиваются до уровня двухъ сосѣднихъ.	
13-й	»	начинаетъ снашиваться вторая пара рѣзцовъ.	

[1]) Легкимъ вьюкомъ вьючатъ верблюда отъ трехъ лѣтъ.

14-й годъ почти сравниваются 4 среднихъ рѣзца съ двуми крайними.

15-й » остается запасъ двухъ среднихъ рѣзцовъ самый малый.

16-й » (тэкшилии)—всѣ рѣзцы выравниваются.

17-й » начинаютъ снашиваться крайніе рѣзцы.

18-й » (оранъ-души)—на половину снашиваются всѣ передніе зубы.

19-й » } (маханъ-шуду) } всѣхъ рѣзцовъ едва замѣтные остатки, а у иныхъ и того нѣтъ.
20-й »

21-й годъ и болѣе (ихэ-маханъ-шуду)—безъ рѣзцовъ, шатаются коренные.

Измѣненіе зубовъ много также зависитъ отъ мѣстности и отъ корма верблюда.

Но и въ годы полной силы, верблюдъ становится менѣе выносливымъ лѣтомъ въ періодъ линянія. Кромѣ того, это животное весьма боится сырости, а также докучныхъ насѣкомыхъ. За то холодъ для верблюда осѣдланнаго, или вообще съ покрытою спиною нипочемъ. Кормъ требуется самый невзыскательный—дырисунъ, полынь, лукъ, тамарискъ, мирикарія, хармыкъ, саксаулъ, будоргана и проч. солянковыя растенія, — каковой вездѣ найдется въ пустынѣ. При этомъ необходимъ *гуджиръ*, т. е. соляной налетъ, обильный всюду на солончаковой почвѣ Центральной Азіи. При неимѣніи гуджира, слѣдуетъ давать верблюдамъ раза два—три въ мѣсяцъ обыкновенную поваренную соль. Безъ водопоя верблюдъ можетъ пробыть, въ особенности при кормѣ водянистыми солянковыми растеніями, съ недѣлю, если погода не жаркая; лѣтомъ же верблюдовъ слѣдуетъ поить ежедневно, а черезъ день или два непремѣнно; зимою, взамѣнъ воды, верблюды довольствуются снѣгомъ. Изъ болѣзней, которымъ подвержено описываемое животное, наиболѣе распространенныя: простуда, выражающаяся частымъ глухимъ кашлемъ, сапъ, трудно излечимый; сарлунъ, болѣзнь почекъ, по словамъ монголовъ, весьма опасная; хамунъ, т. е. чесотка, и хаса, при которой опухаютъ лапы. Монголы лечатъ своихъ верблюдовъ различными средствами, главнымъ образомъ прижиганіемъ язвъ и прокалываніемъ опухолей; также даютъ ревень, поятъ чаемъ или козлинымъ, даже заячьимъ супомъ и т. п. [1]). Путешественнику же всего лучше сбыть заболѣвшаго верблюда или, если случится хаса сразу у многихъ верблюдовъ (какъ то и было

[1]) Кромѣ того, по повѣрью монголовъ, полезно для здоровья верблюдовъ поить ихъ изъ колодца, въ которомъ намочена потная одежда человѣка.

у насъ въ Цайдамѣ при четвертомъ путешествіи), то терпѣливо ожидать на мѣстѣ пока болѣзнь пройдетъ сама собою. Въ случаѣ если верблюдъ въ пути протретъ себѣ подошву лапы и станетъ хромать, то ему слѣдуетъ подшить, пристегивая къ здоровой части подошвы широкою плоскою иглою, кусокъ сыромятной кожи и тогда хромота проходитъ. Если же верблюдъ собьетъ себѣ вьюкомъ спину, что всего чаще можетъ случиться лѣтомъ при облинявшей шерсти, тогда необходимо черезъ день или два промывать загноившуюся рану соленою водою, или еще лучше мочею, а лѣтомъ сверхъ того мазать дегтемъ или нагаромъ изъ трубки (какъ дѣлали мои казаки), чтобы мухи не клали свои яйца; для той же цѣли нужно не оставлять лѣтомъ рану безъ покрышки; если же, несмотря на предосторожности, въ ранѣ появятся личинки мухъ, то ихъ необходимо по-возможности выбирать пэнсеткою передъ промываніемъ. Та же операція производится и въ носахъ верблюдовъ, пораненныхъ продѣтыми въ нихъ костыльками. Рану на спинѣ верблюда въ дорогѣ очень трудно вылѣчить, въ особенности лѣтомъ; нѣсколько успѣшнѣе пойдетъ такое лѣченіе, если животное вовсе освободить отъ вьюка.

У монголовъ верблюды ходятъ въ караванахъ цѣлую зиму; лѣтомъ же, съ апрѣля по сентябрь, отпускаются въ степь на отдыхъ и поправку. Отгулявшихся и отжирѣвшихъ къ осени верблюдовъ нельзя прямо вьючить; предварительно ихъ необходимо «вывязать», т. е. продержать дней десять и болѣе безъ пищи при водопоѣ черезъ два дня въ третій. Послѣ такого поста у верблюдовъ опадаютъ ихъ непомѣрные животы и, по объясненію монголовъ, запасенный лѣтомъ жиръ дѣлается болѣе прочнымъ. Весною и зимою подобной вывязки дѣлать не слѣдуетъ, хотя бы верблюды поступившіе въ караванъ, были еще не «ѣзжанные» въ этомъ году.

Въ караванѣ верблюдъ идетъ до послѣднихъ силъ, но усталость животнаго дѣлается замѣтною гораздо раньше. Въ такомъ случаѣ, если возможно, усталаго верблюда всего лучше продать или промѣнять на здороваго, ибо отдохнуть и поправиться въ непродолжительный срокъ истощенный верблюдъ не можетъ; для этого ему нужно по крайней мѣрѣ $^1|_2$ года или даже цѣлый годъ времени [1]).

Съ верблюдами всюду можно пройдти по Центральной Азіи. Мы ходили благополучно съ этими животными и по безводнымъ пустынямъ и по гигантскимъ горнымъ хребтамъ и по высокому нагорью сѣвернаго

[1]) Истомленные верблюды гораздо быстрѣе поправляются, если имъ давать ежедневно муку или зерно, къ чему многіе изъ нихъ скоро привыкаютъ.

Тибета. Только въ болѣе южныхъ частяхъ Тибета, да на восточной его окраинѣ, представляющей собою горную альпійскую страну, путешественнику необходимо замѣнить верблюдовъ яками или мулами. Съ первыми мнѣ не пришлось ни разу путешествовать. Съ мулами же мы ходили дважды (при первомъ и третьемъ путешествіяхъ) въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. По этому двукратному опыту могу посовѣтовать только при самой крайней необходимости брать въ свой караванъ названныхъ животныхъ.

Начать съ того, что мулъ можетъ тащить лишь вдвое меньшій по вѣсу вьюкъ нежели верблюдъ, притомъ обѣ половины этого вьюка необходимо уравновѣсить чуть не до золотниковъ; затѣмъ требуетъ постоянно хорошаго подножнаго и зерноваго корма; далѣе — упрямъ и непослушенъ, такъ что чуть не каждому животному требуется особый погонщикъ; боится холода и непогоды; неспокоенъ на ночной привязи. Преимущества же вьючнаго мула передъ верблюдомъ тѣ, что первый лучше лазитъ по горамъ и можетъ пройдти здѣсь въ мѣстностяхъ недоступныхъ для верблюдовъ; затѣмъ идетъ нѣсколько быстрѣе, безопасенъ отъ покормки ядовитыми горными травами, которыя безъ разбора ѣстъ верблюдъ и черезъ то нерѣдко погибаетъ; наконецъ мулъ удобенъ для мѣстностей культурныхъ, гдѣ верблюдъ совсѣмъ не годится [1]).

Лошадь, какъ вьючное животное, для пустынь вовсе не пригодна. Въ мѣстахъ же гористыхъ, обильныхъ кормомъ, она можетъ таскать на себѣ пяти или шестипудовый вьюкъ, только не слишкомъ громоздкій. Правда, относительно корма и климатическихъ вліяній степная лошадь далеко выносливѣе мула, за то этотъ послѣдній смирнѣе и болѣе силенъ при хорошемъ продовольствіи. Вообще лошади могутъ быть взяты въ экспедицію только подъ верхъ, да и то въ ограниченномъ числѣ. Слѣдуетъ притомъ выбирать лошадей молодыхъ и смирныхъ; послѣднихъ трудно достать. Подковывать лошадей нужно только для горъ и вообще для мѣстности каменистой.

Такимъ образомъ для далекихъ путешествій по Центральной Азіи несомнѣнно всего пригоднѣе верблюды. Нужно только старательно и умѣло съ ними обращаться, къ чему, при строгомъ надзорѣ, казаки скоро привыкаютъ. Отдѣльныхъ погонщиковъ мы никогда съ собою не брали.

[1]) Нѣсколько подробнѣе о мулѣ см. мое «Третье путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 347 и 348.

Каждому верблюду, еще на второмъ году его жизни, монголы протыкаютъ переносицу и вставляютъ туда деревянный костылекъ, къ которому прикрѣпляется тонкая веревка, называемая бурундукъ. Этотъ бурундукъ служитъ вмѣсто уѣзды и для привязыванія животнаго; послѣднее смолоду еще пріучается по командѣ ложиться на землю, что необходимо при навьючиваніи и развьючиваніи. Порядокъ вьюченья.

Для сѣдланія верблюдовъ подъ вьюкъ употребляются войлочныя сѣдла двоякаго образца—монгольскаго и такъ называемое бамбай. Первое состоитъ изъ шести или семи войлоковъ; ими обвертываютъ горбы и спину животнаго, сверху же привязываютъ особыя деревянныя палки, на которыя давитъ вьюкъ. Бамбай состоитъ изъ двухъ войлочныхъ, толсто и плотно набитыхъ соломою или сухимъ касатикомъ [1]), мѣшковъ, къ которымъ также прикрѣплены продольныя палки. Первый изъ этихъ способовъ сѣдланія, почти исключительно употребляемый монголами, выгоднѣе тѣмъ, что болѣе гарантируетъ спину верблюда отъ надавливанія вьюкомъ; притомъ устраняетъ опрокидываніе въ особенности громоздкаго вьюка, что можетъ случиться при сѣдланіи бамбаями. За то эти послѣдніе не требуютъ никакого искусства при сѣдланіи и также быстро снимаются, какъ и накладываются на спину верблюда. Рисунокъ того и другого сѣдла помѣщенъ на табл. IV моего «Третьяго путешествія» [2]).

Для большой экспедиціи посовѣтую брать на общее число вьючныхъ сѣделъ одну треть бамбаевъ (для вьюковъ негромоздкихъ), остальныя же сѣдла—монгольскія. Какъ тѣ, такъ и другія необходимо выбивать отъ излишней пыли и грязи, а лѣтомъ ежедневно просушивать отъ пота; подобная просушка должна производиться повременамъ и зимою, въ тихую теплую погоду. Передъ сѣдланіемъ каждаго верблюда нужно тщательно очищать его спину отъ сора и мелкихъ камешковъ, которые набиваются въ шерсть, когда расѣдланное животное катается по землѣ. Соблюденіе этого правила весьма важно, ибо небольшой камешекъ, или какая нибудь колючка, могутъ при нажатіи вьюкомъ сдѣлать рану на спинѣ.

Средній вѣсъ вьюка, который безъ труда можетъ далеко нести сильный верблюдъ, равняется 10—12 пудамъ. Только въ сѣверномъ Ти-

[1]) Касатикомъ (джантакъ по монгольски) лучше набивать вьючныя сѣдла, ибо при голодовкѣ верблюды достаютъ другъ у друга солому изъ этихъ сѣделъ и съѣдаютъ ее; касатика же не ѣдятъ. Можно также нѣсколько бамбаевъ наложить паклею, которая впослѣдствіи пригодится для набивки чучелъ большихъ птицъ.

[2]) Справа монгольское сѣдло, слѣва бамбай.

бетѣ на разрѣженномъ воздухѣ этого высокаго нагорья, верблюжій вьюкъ долженъ быть уменьшенъ до 6 пудовъ. Притомъ вьюкъ громоздкій труднѣе нести верблюду въ особенности при вѣтрѣ, нежели вьюкъ среднихъ размѣровъ. Нехорошо также скучивать тяжесть, какъ напр. серебро, патроны или дробь, въ одинъ малый по объему вьюкъ—онъ будетъ сильно давить на спину. Нельзя дѣлать вьюка и высокимъ, ибо онъ можетъ перевернуться. Обѣ половины вьюка также должны быть по-возможности уравновѣшены и лежать на одинаковой высотѣ на спинѣ верблюда. Здѣсь каждый вьюкъ удерживается двумя костыльками, которые вкладываются въ петли веревочной обвязки обѣихъ половинъ того же вьюка. Затѣмъ, если кладь еще не велика, то добавляютъ сверху разные не уложенныя во вьюки вещи [1]), и все это крѣпко увязывается длинною (саженъ до пяти) веревкою. При этомъ спачала нужно вьючить менѣе тяжелые и менѣе громоздкіе вьюки. Завьюченныхъ верблюдовъ не слѣдуетъ долго держать на мѣстѣ, имъ лучше идти. Словомъ, при вьюченьи встрѣчается много мелочей, которыя быстро усвоятся практикою и соблюденіе которыхъ совершенно необходимо. Съ первыхъ дней путешествія обыкновенно все не ладится, пока не настроится. У меня въ отрядѣ при четвертомъ путешествіи вьюченье было доведено до совершенства, такъ что весь бивуакъ снимался и около 40 верблюдовъ завьючивались менѣе чѣмъ въ $^1|_2$ часа. Рисунокъ завьюченныхъ верблюдовъ можно видѣть на табл. VI и VII моего «Третьяго путешествія». Наконецъ слѣдуетъ еще сказать, что помимо завьюченныхъ и верховыхъ верблюдовъ въ экспедиціонномъ караванѣ необходимо имѣть и верблюдовъ запасныхъ, по крайней мѣрѣ по одному на каждый десятокъ общаго числа этихъ животныхъ.

Хожденіе съ верблюдами.

Во время пути всѣ завьюченные верблюды пристегиваются одинъ къ другому за бурундуки, но не на глухой узелъ, иначе животное, рванувшись въ сторону, или попятившись назадъ, или наконецъ нагнувшись сорвать кормъ, можетъ легко испортить себѣ переносицу. Партія въ 7—8 верблюдовъ составляла у насъ отдѣльный эшелонъ, который сопровождался двумя верховыми, также на верблюдахъ, казаками; изъ нихъ одинъ велъ эшелонъ, а другой ѣхалъ въ его хвостѣ и наблю-

[1]) Какъ-то: запасныя ружья, ящики со спиртовыми коллекціями, палатки, сума съ мелочами и пр. Все это укладывается смотря по удобству. Такъ, хотя большіе но удобные для вьюченья предметы, напр. палатки или войлоки и принадлежности для спанья, вьючатся сверху патронныхъ ящиковъ; мелкія же вещи завертываются въ войлокъ и вьючатся сверху ящиковъ большихъ. Кухня возится на особомъ верблюдѣ или даже на двухъ.

далъ верблюдовъ. Послѣдніе, нужно замѣтить, очень трусливы и испугавшись чего либо, хотя бы неожиданно выскочившаго зайца, опрометью бросаются въ сторону. Если же свалится сѣдло или вьюкъ, то верблюдъ дѣлается совсѣмъ сумасшедшимъ, начинаетъ лягаться и удираетъ куда глаза глядятъ; сосѣдніе верблюды также нерѣдко слѣдуютъ примѣру своего товарища. Вотъ почему, въ особенности въ началѣ, подъ болѣе цѣнныя или громоздкія вещи, нужно вьючить надежныхъ, смирныхъ верблюдовъ и соединять ихъ въ одинъ или два передніе эшелона. Притомъ и въ этихъ эшелонахъ бурундукъ верблюда, который везетъ, положимъ, научные инструменты, долженъ быть въ рукахъ у передоваго казака.

Вслѣдъ за первымъ эшелономъ идетъ тотчасъ второй, затѣмъ третій и т. д. до послѣдняго, за которыми уже слѣдуютъ кухня, излишніе казаки, запасные или больные верблюды и бараны для ѣды — словомъ, здѣсь арьергардъ подъ присмотромъ одного изъ помощниковъ начальника экспедиціи. Самъ же я, въ сопровожденіи казака и проводника, всегда ѣхалъ шаговъ за сто или двѣсти впереди перваго эшелона [1]). Въ случаѣ если какой-либо вьюкъ дорогою искривится или ослабнетъ, его тотчасъ слѣдуетъ перевьючить, что исполняется эшелонными и свободными казаками. Остальные эшелоны не дожидаются остановившагося, который, исправивъ вьюкъ, прибавляетъ шагу и вскорѣ догоняетъ караванъ. По песку и мелкой галькѣ, словомъ, въ настоящей пустынѣ, верблюдъ идетъ отлично; также хорошо онъ взбирается со вьюкомъ и на горные перевалы не слишкомъ крутые. Зато по грязи верблюдъ почти не можетъ идти—скользитъ и падаетъ; черезъ ледъ также нужно насыпать пескомъ или мелкою галькою дорожку, иначе верблюды не пройдутъ. Рѣки же при переправѣ въ бродъ, хотя бы фута три, даже до четырехъ глубиною, верблюдъ переходитъ благополучно, если на днѣ нѣтъ большихъ камней. При такихъ переправахъ, какъ и вообще на опасныхъ мѣстахъ, вьючныхъ верблюдовъ слѣдуетъ ободрять крикомъ. Верховые верблюды, на которыхъ всегда ѣздили мои казаки, засѣдлываются обыкновенными лошадиными сѣдлами, только съ болѣе длинными подпругами. Въ караванѣ такіе верблюды идутъ спокойно. Для влѣзанія и слѣзанія нужно положить животное; впрочемъ слѣзать можно и прямо спрыгивая со стремени.

Вожакъ перваго, т. е. головнаго эшелона долженъ соразмѣрять весь ходъ каравана. Средняя скорость движенія вьючнаго верблюда по

[1]) Рисунокъ нашего каравана въ пути см. мое «Третье путешествіе», табл. между страницами 54—55.

удобной для него мѣстности равняется 4½ верстамъ въ часъ. Впрочемъ, въ караванѣ, при нерѣдкихъ задержкахъ, скорость движенія для цѣлаго перехода можетъ быть принята лишь по 4 версты въ часъ. Средній переходъ для продолжительной научной экспедиціи равняется 20 — 25 верстамъ, хотя верблюдъ безъ устали пройдетъ верстъ 40 или около того. Съ начала путешествія слѣдуетъ дѣлать небольшіе переходы и чаще дневать, пока верблюды не привыкнутъ къ дорогѣ. Выходить съ мѣста бивуака необходимо лѣтомъ какъ можно раньше, на самомъ разсвѣтѣ (иногда и до него), чтобы въ жаръ не мучить себя и животныхъ. Зимою лучше выступать съ восходомъ солнца и можно идти цѣлый день, но передъ вечеромъ необходимо покормить верблюдовъ.

Большіе безводные переходы слѣдуетъ дѣлать въ два пріема, въ одинъ день, или еще лучше выступать съ полудня, ночевать посрединѣ дороги съ запасною водою и на завтра приходить на новый бивуакъ.

По приходѣ на мѣсто, верблюдовъ слѣдуетъ тотчасъ же развьючить и лѣтомъ связать попарно (бурундуками за заднюю часть сѣдла), чтобы они отдохнули и простыли. Для этого требуется часа два-три времени. Затѣмъ нужно разсѣдлать и пустить на покормку. Въ сильный жаръ хорошо накрывать спины верблюдовъ войлокомъ, или даже не разсѣдлывать, пока жара не спадетъ хотя немного. Вьючныя сѣдла, какъ выше сказано, нужно ежедневно просушивать. Лошади также выдерживаются подъ сѣдлами съ часъ, или около того. Зимою верблюдовъ разсѣдлывать не слѣдуетъ; лишь изрѣдка, примѣрно разъ въ недѣлю, и то въ хорошую теплую погоду, можно снять сѣдла, чтобы животныя провѣтрили свои спины. Поить верблюдовъ лѣтомъ слѣдуетъ, если возможно, ежедневно, но лишь послѣ покормки. Каждый верблюдъ выпиваетъ около 5 ведеръ воды и пьетъ долго съ разстановками, при чемъ отвратительно шлепаетъ своими отвислыми губами. Засѣдлывать вновь верблюдовъ слѣдуетъ на закатѣ солнца; тогда же необходимо осмотрѣть и приготовить всѣ вьюки, чтобы на завтра утромъ не было помѣхи для вьюченья. На ночь верблюды укладываются другъ подлѣ друга въ нѣсколько рядовъ и привязываются своими бурундуками къ длинной веревкѣ, прикрѣпленной къ желѣзнымъ колышкамъ (шоронамъ отъ палатки), крѣпко забитымъ въ землю; лежатъ обыкновенно спокойно до утра. Передъ вьюченьемъ за ½ часа верблюдовъ слѣдуетъ поднять (оставляя на привязи), чтобы они могли свободно помочиться. Наконецъ нужно упомянуть и о томъ, что въ ненастье багажъ (сложивши въ кучу) на бивуакѣ нужно покрывать брезентомъ; въ сильный

жаръ, каждый вьюкъ покрывается войлокомъ, или шинелями, даже шубами казаковъ.

Обыденная жизнь въ пути.

Обращаясь затѣмъ къ разсказу объ обыденной жизни во время экспедиціи, приходится опять отослать читателя къ моему «Третьему путешествію», стр. 52—60 [1]), и къ подробному тамъ описанію прибавить здѣсь лишь кое-что.

Прежде всего нужно напомнить о томъ, что для успѣха дѣла ни въ какомъ случаѣ нельзя имѣть парадной обстановки и вообще держать себя бариномъ. Наоборотъ, чѣмъ болѣе путешественникъ будетъ, такъ сказать, въ «черной шкурѣ», тѣмъ лучше. Помимо безконечнаго удобства при такомъ условіи самаго путешествія и въ особенности научныхъ изслѣдованій, личный примѣръ начальника, какъ и вездѣ, магически дѣйствуетъ на подчиненныхъ,—они легче переносятъ строгія требованія своего дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ является нравственная подкладка дисциплины, какъ одного изъ важныхъ элементовъ успѣха. Мы лично при всѣхъ путешествіяхъ жили одинаково съ казаками — въ однѣхъ и тѣхъ же палаткахъ, спали на одинаковыхъ войлокахъ, ѣли изъ одной чаши. И казаки умѣли все это цѣнить и понимать. Никогда, даже въ тяжелыя минуты различныхъ невзгодъ, я не слыхалъ въ своемъ отрядѣ ни малѣйшаго ропота, ни одного намека на излишнія трудности.

При всемъ томъ, экспедиціонная служба должна быть строго распредѣлена между казаками. Помимо работъ общихъ для всѣхъ, какъ-то: сѣдланія, вьюченья и водопоя верблюдовъ, установки бивуака, собиранія на топливо аргала и пр., остальныя работы распредѣлялись у насъ при четвертомъ путешествіи (да и при другихъ, только въ меньшемъ масштабѣ) слѣдующимъ образомъ [2]): поочередно каждый изъ казаковъ назначался на двѣ недѣли поваромъ съ ежедневно смѣнявшимся помощникомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и дневной дежурный по отряду; на ночь назначались три смѣны одиночныхъ, а въ опасныхъ мѣстахъ и парныхъ караульныхъ; трое казаковъ съ ежедневною смѣною пасли верблюдовъ, лошадей и барановъ; одинъ казакъ съ двухнедѣльною очередью сѣдлалъ нашихъ лошадей; наконецъ двое казаковъ (изъ нихъ одинъ препараторъ) находились при насъ постоянно [3]), и еще одинъ назначался къ намъ по очереди на два-три мѣсяца.

[1]) См. также «Монголія и страна тангутовъ», стр. 147—149.

[2]) При четвертомъ путешествіи у меня была заведена книга «Приказы по экспедиціонному отряду»; въ нее заносились болѣе важныя распоряженія.

[3]) Люди эти уволены были отъ очередной должности повара и отъ пастбы верблюдовъ; дежурили ночью лишь при усиленномъ караулѣ.

Работы въ экспедиціи всегда имѣлось достаточно, какъ для насъ, такъ и для казаковъ. Въ свободное же время казаки ходили на охоту или отдыхали въ своихъ палаткахъ, а то и на открытомъ воздухѣ. Лѣтомъ по вечерамъ, въ особенности передъ дневками, казаки развлекали себя пѣснями и игрою на гармоніи; любители при этомъ иногда плясали. Нѣкоторые изъ безграмотныхъ казаковъ, во время моего четвертаго путешествія, выучились читать и даже писать; занимались съ ними иногда мои помощники, чаще же другіе грамотные казаки. Для всѣхъ ихъ имѣлись народныя книжки на чтеніе; будучи прочитанными, эти книжки прятались обратно въ багажъ и черезъ полгода, или того менѣе, вновь читались съ прежнимъ интересомъ. Наконецъ каждую пройденную тысячу верстъ караваннаго пути мы праздновали тѣмъ или другимъ способомъ. Упоминаю обо всѣхъ этихъ мелочахъ въ виду того, что скука, если она привяжется, будетъ страшнѣйшимъ врагомъ для нижнихъ чиновъ экспедиціи.

Дисциплинарныя взысканія, которымъ изрѣдка приходилось подвергать провинившихся въ чемъ-либо казаковъ, заключались въ назначеніи не въ очередь пасти верблюдовъ или сѣдлать лошадей и на ночныя дежурства. Но еще разъ повторяю, что экспедиціонные казаки при всѣхъ моихъ путешествіяхъ, за рѣдкими единичными исключеніями, вели себя примѣрнымъ образомъ, хотя, конечно, въ отрядѣ всегда имѣлись разные оттѣнки усердія и способностей.

Теперь хотя конспектомъ о нашей обыденной жизни въ пути.

Помѣщаемся лѣтомъ въ палаткахъ, зимою въ юртахъ; при насъ двое или трое казаковъ, остальные отдѣльно. Лѣтомъ въ жаръ палатка покрывается войлоками или одѣялами, а хвостъ ея приподнимается на аршинъ отъ земли для протока воздуха; внутри иногда поливаемъ почву водою. Во время сильнаго дождя палатку нужно окапывать канавкою; въ сильный вѣтеръ внизу обкладывать войлоками (отъ верблюжьихъ сѣделъ монгольскаго образца), а при бурѣ нажимать эти войлоки тяжелыми вьюками (всего лучше мѣшками съ мукою, или патронными ящиками), къ которымъ привязывать палатку перекинутыми черезъ нея веревками. Въ мѣстахъ, гдѣ много скорпіоновъ, тарантуловъ, фалангъ или змѣй, слѣдуетъ передъ вечеромъ хорошенько осмотрѣть все въ палаткѣ, и бока ея внизу окопать почвою, чтобы не было внутрь прохода [1]). Огонь въ

[1]) Соблюденіе этого правила необходимо, иначе можно подвергнуться самой непріятной случайности. Такъ, въ іюлѣ 1879 года, въ горахъ Нанъ-шань близъ Са-чжеу, я вытрясъ утромъ изъ своего сапога змѣю; на Уссури въ 1868 г. нашелъ змѣю въ одной

палаткѣ мы раскладывали лишь въ крайнемъ случаѣ, но казаки, пользовавшіеся нерѣдко палаткою вмѣсто юрты зимою, днемъ держали тамъ огонь; было довольно тепло, только дымно. Холодные мѣсяцы, съ октября по мартъ, иногда немного болѣе, мы проводили въ юртѣ, бока которой въ сильные морозы обтягивались двойнымъ войлокомъ, иногда же кромѣ войлока, обставлялись шкурами убитыхъ звѣрей. Во время сильной бури юрту также необходимо привязывать къ тяжелымъ вьюкамъ. При огнѣ въ юртѣ довольно тепло. Топливомъ въ пустынѣ служитъ, главнымъ образомъ, аргалъ, т. е. сухой пометъ [1]), всего лучше отъ рогатаго скота. Ночью въ юртѣ огня не держимъ. Морозъ здѣсь тогда обыкновенно доходитъ до 10 — 15° С., иногда же и до 26° С., если на дворѣ ртуть мерзнетъ, что также случается въ пустыняхъ Центральной Азіи. Спимъ всегда раздѣвшись подъ одѣялами изъ бараньяго мѣха, сверху которыхъ въ большіе холода еще набрасываются байковыя одѣяла. Спать тепло, но худо вставать и еще хуже раздѣвшись лѣзть подъ нахолодѣвшее одѣяло; укутываешься съ головою. Ночью встаешь повѣрить исправность дежурства казаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ слегка облегчиться. Лѣтомъ ложимся спать съ наступленіемъ сумерокъ, встаемъ на разсвѣтѣ. Зимою ложимся въ 7 час. вечера (послѣ термометрическаго наблюденія) и встаемъ въ 6 часовъ утра. За исключеніемъ душныхъ лѣтнихъ ночей и высокаго нагорья Тибета, всегда спимъ крѣпко и спокойно. Казаки спятъ обыкновенно попарно — зимою въ юртѣ или палаткѣ, лѣтомъ почти всегда на открытомъ воздухѣ между багажемъ.

Относительно чистоты какъ всей обстановки, такъ и собственнаго тѣла, въ особенности зимою, лучше и не говорить — грязь вездѣ и всюду. Впрочемъ, руки и лицо мы моемъ каждый день, исключая періода

изъ вьючныхъ сумъ. Въ Илійскомъ краѣ, въ Чжунгаріи, Хами и Восточн. Туркестанѣ, мы неоднократно ловили фалангъ и тарантуловъ въ своей палаткѣ, даже въ постелѣ. Одинъ изъ моихъ казаковъ, именно Иринчиновъ, еще до поступленія ко мнѣ въ экспедицію, былъ ужаленъ близъ г. Калгана скорпіономъ въ бокъ, во время ночнаго сна. Вообще въ путешествіи необходима постоянная бдительность даже въ мелочахъ. Такъ напр., караванъ подходитъ къ бивуаку; тамъ вмѣсто колодца маленькая лужа воды. Недоглядите—экспедиціонныя собаки залѣзутъ въ эту воду и намутятъ ее; другого же питья взять негдѣ.

[1]) Зажигать аргалъ нужно умѣло—иначе будетъ много дыма и мало огня. Необходимо сначала аккуратно уложить названное топливо трубою (въ одинъ футъ вышины), съуживающеюся кверху; затѣмъ огонь положить внутрь этой трубы. Ея бока загорятся тогда равномѣрно; по мѣрѣ сгоранія слѣдуетъ сверху подкладывать новый аргалъ. Самый очагъ устраивается въ юртѣ посрединѣ, какъ разъ противъ верхняго отверстія; въ палаткѣ—также посрединѣ, или ближе къ передней ея части.

сильныхъ холодовъ. Лѣтомъ при всякой возможности купаемся. Бѣлье мѣняемъ однажды дней въ десять, лѣтомъ немного чаще; прачками служатъ казаки по назначенію въ очередь. Постельные войлоки довольно часто выбиваются отъ густой въ нихъ пыли; излишняя грязь въ юртѣ или палаткѣ сметается обыкновенно крыломъ убитаго ягнятника или грифа. Платье и обувь изнашиваются до послѣдней возможности, а затѣмъ бросаются; предварительно, впрочемъ, что можно починяютъ для себя казаки.

Съ бивуака, какъ уже было говорено, выходимъ лѣтомъ обыкновенно на разсвѣтѣ, зимою на восходѣ солнца. Средній переходъ занимаетъ 6—7 часовъ времени. Караванъ идетъ эшелонами. Я ѣду немного впереди, вмѣстѣ съ казакомъ и проводникомъ и дѣлаю съемку; одинъ помощникъ ѣдетъ сзади каравана, другой въ срединѣ его, иногда же и со мною. Двигаемся всегда шагомъ [1]) и при томъ часто идемъ пѣшкомъ. Лѣтомъ въ сильный жаръ иногда смачиваешь голову водою, которая возится у сѣдла въ небольшомъ гуттаперчевомъ мѣшкѣ, обшитомъ для прочности парусиною. Для питья тогда еще имѣется на ближайшемъ вьючномъ верблюдѣ бутылка съ чаемъ или съ водою, въ которую прибавленъ клюквенный экстрактъ. По пути, кромѣ съемки, стрѣляемъ встрѣчныхъ птицъ и звѣрей, собираемъ растенія, ловимъ ящерицъ и пр., словомъ, коллектируемъ. По приходѣ на мѣсто тотчасъ развьючиваются верблюды и устраивается бивуакъ; дѣлается все это съ лихорадочною поспѣшностію. Между тѣмъ два казака (поваръ и дежурный) на кухнѣ уже мастерятъ чай, который скоро закипаетъ, если аргалъ не сырой. Живо отливаютъ чайникъ въ нашу палатку или юрту; казаки же усаживаются вокругъ чаши на кухнѣ, или зимою въ своей палаткѣ. Начинается чаепитіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и завтракомъ; для этого ѣдимъ съ чаемъ дзамбу. Потомъ всѣ за работы: казаки пасти верблюдовъ, собирать аргалъ, рѣзать и обдирать на обѣдъ барана и пр.; мы же дѣйствуемъ по иной части — препарируемъ убитыхъ дорогою птицъ или звѣрей, укладываемъ на просушку собранныя растенія, перевожу я на чистый планшетъ свою съемку и т. п. Затѣмъ въ длинный лѣтній день отдыхаемъ немного, до обѣда, а потомъ идемъ на экскурсіи въ окрестностяхъ. Зимою же въ день перехода экскурсій предпринимать некогда, ибо на бивуакъ приходишь близко къ закату солнца. Обѣдаемъ тогда въ пору ужина. Передъ вечеромъ — лѣтомъ водопой и сѣдланіе

[1]) При постоянной ѣздѣ шагомъ во время пути съ караваномъ всего лучше сидѣть на сѣдлѣ то обыкновеннымъ порядкомъ, то попеременно на ляжкахъ.

верблюдовъ, если на завтра опять предстоитъ переходъ; если же выпадаетъ дневка, то верблюды остаются засѣдланными. Въ томъ и другомъ случаѣ ихъ укладываютъ на ночь въ нѣсколько рядовъ, возлѣ бивуака, по возможности на мягкомъ грунтѣ; когда зимою лежитъ снѣгъ, то его расчищаютъ. Бараны также привязываются (продѣвая головою въ петлю длинной веревки) тутъ же на бивуакѣ. Лошади наарканиваются нѣсколько въ сторонѣ, гдѣ есть хотя бы только подобіе подножнаго корма.

На дневкѣ утромъ идемъ на экскурсію или на охоту; обѣдаемъ рано, нѣсколько разъ пьемъ чай; остальное время—писаніе или наблюденія; иногда что нибудь и почитаешь изъ взятыхъ съ собою книгъ. Казаки въ это время чистятъ оружіе [1]), починяютъ свою и нашу одежду или обувь, исправляютъ вьючныя сѣдла и самые вьюки, наконецъ отдыхаютъ или ходятъ на охоту. Дневки дѣлаются чаще или рѣже, смотря по мѣстности и времени года.

Продовольствіе.

Неудобства большой экспедиціи всего сильнѣе сказываются относительно продовольствія экспедиціоннаго отряда. Тѣмъ болѣе, что часто въ Центральной Азіи лишь съ трудомъ можно достать необходимое и еще труднѣе таскать все это съ собою на вьюкахъ. Когда при первомъ путешествіи я ходилъ по пустынямъ самъ-четвертъ, тогда мы были, почти какъ птицы небесныя, свободны отъ излишнихъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ — продовольствовались исключительно охотою, другихъ запасовъ требовалось намъ немного, да и хватало ихъ надолго. Совсѣмъ иначе происходило при четвертомъ путешествіи, когда отрядъ состоялъ изъ 21 человѣка. Тогда добыча охоты, за исключеніемъ Сѣвернаго Тибета, являлась только какъ подспорье къ продуктамъ, пріобрѣтаемымъ отъ туземцевъ. Но другаго исхода не было, ибо, повторяю, для научнаго изслѣдованія Тибета нуженъ надежный отрядъ и складочные для запаснаго багажа пункты.

Какъ при большой, такъ и при малой по численности экспедиціи, равно необходимо самому продовольствовать казаковъ, а никакъ не выдавать имъ на руки порціонныя деньги, хотя бы даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пищу безъ труда можно покупать у туземцевъ. Заготовлять продовольственные запасы слѣдуетъ, какъ уже было выше говорено, сразу въ

[1]) Еще разъ повторяю, что въ путешествіи по Центральной Азіи слѣдуетъ возможно меньше смазывать масломъ или саломъ какъ оружіе, такъ и инструменты—иначе все крайне загрязнится мельчайшею лёссовою пылью, которая проникаетъ здѣсь всюду, даже въ механизмъ хронометровъ.

возможно большемъ количествѣ. Платить всегда придется дороже мѣстныхъ цѣнъ, да притомъ постоянно выслушивать плаксивыя жалобы на неурожай, падежъ скота, его худобу и т. п.

Три главныхъ продукта составляли всегдашнее наше питаніе во время путешествія — это баранина, дзамба и чай. Первая необходима какъ мясное довольствіе и выгодна тѣмъ, что, противоположно всякому другому мясу, никогда не надоѣдаетъ; дзамба съ большимъ удобствомъ замѣняетъ собою хлѣбъ; наконецъ чай составляетъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, лучшее питье, безъ котораго не обходится даже кочевникъ.

Барановъ всюду можно купить у номадовъ. Лучшіе изъ нихъ по вкусу мяса курдючные монгольскіе, худшіе тибетскіе; хороши бараны и въ Вост. Туркестанѣ, въ особенности на Лобъ-норѣ. Средней величины монгольскій баранъ даетъ отъ 50—60 фунтовъ мяса; тибетскій и туркестанскій на $^1|_3$ меньше. Обыкновенная цѣна барана въ Сѣверной Монголіи 2 лана (4 метал. рубля); на Куку-норѣ и въ Тибетѣ 1 ланъ, въ Вост. Туркестанѣ 6—20 теньге [1]), смотря по величинѣ. Купленныхъ барановъ слѣдуетъ гнать живьемъ сзади каравана [2]) и рѣзать по мѣрѣ надобности. Хорошо имѣть одного или двухъ постоянныхъ вожаковъ, изъ числа тѣхъ же барановъ. Иногда мы покупали и рогатый скотъ, преимущественно яковъ, у тангутовъ. Мясо домашняго яка, въ особенности молодой яловой коровы, очень вкусно. Это мясо, частью и баранье (можно также отъ жирной коровы), мы иногда сушили въ запасъ (пуда 4—5) и варили, когда не могли добыть мяса свѣжаго. Приготовленіе такой сушеной говядины очень просто: слѣдуетъ взять хорошее жирное мясо, нарѣзать его длинными тонкими пластинками, затѣмъ окунуть въ сильно кипящую соленую воду и развѣсить по натянутымъ веревкамъ для просушки на солнцѣ. Въ сухомъ климатѣ черезъ 3 — 4 дня мясо будетъ готово. Лѣтомъ изрѣдка (примѣрно разъ въ мѣсяцъ) его слѣдуетъ провѣтривать высыпая днемъ на какую нибудь подстилку.

Подспорьемъ къ мясной пищѣ служитъ, какъ вышеупомянуто, охота, иногда и рыбная ловля. Однако на рыбу, какъ на продуктъ питанія, нельзя полагаться во время путешествія, ибо постная пища не годится при постоянныхъ трудахъ и вѣчномъ моціонѣ. Охота доставляетъ болѣе существенное довольствіе — звѣрей и птицъ. Впрочемъ, послѣднія

[1]) Мелкая серебряная монета, равняется нашему гривеннику, по металлическому курсу.

[2]) Если бараны дики (какъ то всегда бываетъ у тангутовъ) и дорогою разбѣгаются въ стороны, то ихъ слѣдуетъ связать попарно.

хотя бы то были фазаны, казакамъ не особенно нравятся. Звѣрями же мы почти исключительно питались при путешествіяхъ по сѣверному Тибету.

Другой весьма важный продуктъ экспедиціоннаго продовольствія составляетъ дзамба, спеціальное мучное кушанье для всего Тибета, частію и для Монголіи. Дѣйствительно, дзамба превосходно замѣняетъ, конечно для неизбалованнаго вкуса, хлѣбъ въ пустынѣ, не громоздка для перевозки и долго можетъ сохраняться безъ порчи. Ѣдятъ ее заваривая горячимъ чаемъ, съ прибавкою соли и масла; послѣднее можетъ быть замѣнено бараньимъ жиромъ [1]); въ крайнемъ случаѣ обходятся и безъ него. Кладутъ также въ дзамбу для вкуса сушеный творогъ (чура); недурно прибавить и мяснаго экстракта Либиха. Замѣшать все это нужно въ крутую, въ родѣ нашего толокна; можно развести чаемъ и пожиже, тогда получится незавидный супъ. Наѣдаться слишкомъ не слѣдуетъ, ибо дзамба, въ особенности крупно смолотая, разбухаетъ въ желудкѣ и отягощаетъ его. Требуется дзамбы отъ $^3|_4$ — 1 фунта въ день на человѣка. Выгода этого хлѣба еще и та, что его можно ѣсть горячимъ, что очень важно при путешествіи зимою. Приготовляется дзамба изъ поджареннаго и затѣмъ измолоннаго зерна пшеницы или ячменя; лучшею считается ячменная [2]). Прожарить зерно (въ чугунной чашѣ) слѣдуетъ умѣло — не слишкомъ пережечь, ибо тогда дзамба будетъ горька, и не мало дожарить, ибо такая дзамба отсырѣетъ впослѣдствіи, и даже можетъ испортиться. Самое лучшее дзамбу дѣлать по заказу (при собственномъ наблюденіи) на границѣ и въ попутныхъ городахъ. Чай, безъ котораго также невозможно обойтись при путешествіи, мы всегда брали кирпичный, какъ болѣе удобный для перевозки. Притомъ на дурной водѣ, каковая обыкновенно встрѣчается въ пустынѣ, ароматъ и качество, даже самаго лучшаго чая, утрачиваются; наконецъ расходъ чая всегда бываетъ большой, ибо казаки пьютъ его безъ конца. Мы сами обыкновенно пили чай 3 — 4 раза въ сутки, а на дневкахъ и болѣе. Для питья, въ чай очень хорошо прибавлять лимонной кислоты или клюквеннаго экстракта (послѣдній лучше); сахаръ также почти необходимъ. Чай можно всюду купить въ китайскихъ городахъ, хотя нерѣдко и дорого.

[1]) Зимою 1879—80 г. въ Сѣв. Тибетѣ мы постоянно ѣли дзамбу съ медвѣжьимъ жиромъ за неимѣніемъ масла или сала.

[2]) Еще лучше дзамба овсяная, но ее можно достать только въ Ургѣ или заготовить на нашей границѣ.

Дальнѣйшими предметами экспедиціоннаго продовольствія служатъ: пшеничная мука, изъ которой по временамъ (обыкновенно на дневкахъ) можно печь (въ золѣ, на сковородѣ, или въ выкопанной въ лёссовой глинѣ печкѣ) булки и лепешки; иногда же можно состряпать и пирожки или сварить лапшу. Рисъ и просо, которые всюду можно купить у китайцевъ; изъ этихъ крупъ варится супъ, иногда (обыкновенно на ужинъ) каша. Гуамянъ и финтяуза (то и другое—родъ нашей вермишели), любимѣйшая ѣда китайцевъ; первая гораздо лучше послѣдней. Наконецъ—масло, которое изрѣдка можно покупать у туземцевъ. Только масло это необходимо перетопить и очистить [1]), ибо оно всегда приготовлено до безобразія грязно. Зимою масло, крѣпко застывшее, возится въ бараньихъ брюшинахъ, лѣтомъ въ деревянной посудѣ (неудобно и портится на жарѣ). Наконецъ въ мѣстахъ осѣдло-населенныхъ, мы покупали, гдѣ можно было достать, булки и яйца; молоко же, только въ рѣдкость доставали у номадовъ. Сервировка нашего стола всегда была самая что̀ ни на есть упрощенная: деревянныя чашки, иногда желѣзныя тарелки, ложки деревянныя или нейзильберныя и складные ножи; собственные пальцы вмѣсто вилокъ; салфеткою служилъ кусокъ полотна, до невозможнаго его загрязненія. Всякая брезгливость должна быть отложена въ сторону. Аппетитъ постоянно бываетъ необычайный. Среднимъ числомъ на каждаго человѣка выходитъ до 3 фунтовъ мяса въ сутки, а при обиліи звѣрей и болѣе. Баранина у насъ почти всегда варилась, изрѣдка жарилась на вертелѣ; звѣриное мясо также варилось, рѣже жарилось; птицъ обыкновенно жарили на маслѣ или чаще на бараньемъ салѣ; рыбу иногда жарили, чаще же варили изъ нея уху.

Дурную воду, каковая обыкновенно встрѣчается въ Гоби, всего лучше исправлять, заваривая чаемъ; никакіе водоочистители въ путешествіи по Центральной Азіи негодны, да съ ними нѣтъ времени и возиться. Кстати скажу, что отыскивать воду въ пустынѣ, если не найдется колодца, слѣдуетъ, по примѣтамъ номадовъ, всегда въ ложбинахъ, смотря по качеству почвы и по растительности. Въ Монголіи трава дырисунъ—вѣрный признакъ сырости почвы. Кромѣ того, нерѣдко можно найдти воду въ пескахъ съ твердою глинистою подпочвою.

Гигіена. Что касается до гигіеническихъ условій во время путешествія, то они, повидимому, самыя неблагопріятныя—вѣчная грязь на тѣлѣ, часто

[1]) Для этого мы клали купленное масло въ чашу и растапливали на огнѣ; затѣмъ нужно бросить въ кипящее масло горсть дзамбы и дать немного остынуть. Тогда грязь и шерсть осядутъ на дно, чистое же масло можно сливать.

дурная вода для питья, пронизывающій до костей холодъ, палящій зной, разрѣженный воздухъ громадныхъ высотъ, зимою дымъ въ юртѣ, иногда невыносимый для глазъ блескъ снѣга, ежедневная усталость нерѣдко до утомленія и пр. и пр. За то вольная жизнь и дѣло по душѣ, постоянный моціонъ, чистый воздухъ, крѣпкій сонъ, отсутствіе мелочныхъ тревогъ и фальши обыденной жизни, восторженная радость успѣха и т. п. сказываются болѣе полезными факторами относительно здоровья путешественника и прочно закаляютъ его силы. Но, конечно, натура слабая или надорванная не вынесетъ подобной закалки и неминуемо скоро сломится. Вотъ почему, повторяю еще разъ, въ путешествіе, подобное рекомендуемому, можно пускаться только крѣпкому человѣку, иначе онъ пропадетъ безъ пользы. Да и на сильный организмъ напряженные труды многихъ лѣтъ путешествій неминуемо кладутъ свою печать и, рано или поздно, «укатаютъ лошадку крутыя горки». Въ виду этого путешественнику необходимо быть осмотрительнымъ, излишне не тратить своихъ силъ, хотя, конечно, такой совѣтъ весьма трудно выполнить на практикѣ для энергическаго, увлекающагося человѣка.

Но какъ бы тамъ ни было, а со стороны гигіенической въ быстролетное путешествіе по Центральной Азіи нужны прежде всего не докторъ и аптека, но сильные организмы самихъ участниковъ экспедиціи. Все остальное имѣетъ здѣсь лишь второстепенное значеніе, хотя опять-таки необходимо быть запасливымъ на всякій случай и захватить съ собою кое-какіе ранѣе поименованные аптечные матеріалы. При большомъ составѣ экспедиціи, какъ было выше говорено, можно взять и фельдшера, которому поручить вмѣстѣ съ тѣмъ другое какое-либо дѣло, напримѣръ, по части собиранія коллекцій, или производство метеорологическихъ наблюденій и т. п. При своихъ путешествіяхъ мы употребляли изъ походной аптеки лишь хининъ [1]), да иногда желудочныя капли и всегда всѣ возвращались здоровы и невредимы. Серьезныхъ заболѣваній за все время долголѣтнихъ странствованій случилось только два: одно по собственной неосторожности моего помощника М. А. Пыльцова, наѣвшагося, будучи разгоряченнымъ на охотѣ въ горахъ Алашаньскихъ, снѣга для утоленія жажды и заполучившаго горячку, а другое, сильный зудъ тѣла, случилось со мною, какъ результатъ большихъ жаровъ и соленой пыли, т. е. такихъ вліяній, устранить которыя нельзя никакими лѣкарствами.

[1]) Пріемъ въ пять гранъ отлично помогаетъ при головной боли отъ разрѣженнаго воздуха на громадныхъ высотахъ.

Что же касается до возможности быть раненымъ, сломать себѣ руку или ногу и т. п., то такими случайностями необходимо рисковать, иначе лучше сидѣть дома, чѣмъ отправляться въ трудное и далекое путешествіе [1]). Здѣсь гораздо необходимѣе позаботиться о томъ, чтобы имѣть прочную обувь, теплую одежду и сытную мясную пищу [2]). Это вполнѣ необходимо. Затѣмъ можно посовѣтывать, во время самаго путешествія не пить сырой воды, а тѣмъ болѣе холодной, зимою [3]); не мыть тѣло или хотя бы голову во время холодовъ; лѣтомъ въ жары почаще обмывать свѣжею водою половыя части, не наѣдаться слишкомъ на высокихъ нагорьяхъ, не истомлять тамъ себя излишнею ходьбою и т. д. Впрочемъ, гигіеническая сноровка всегда хорошо извѣстна туземцамъ и съ помощію ихъ совѣтовъ вскорѣ пріобрѣтется самимъ путешественникомъ. Могу одно еще добавить, что сухой климатъ Центральной Азіи вообще весьма здоровый, за исключеніемъ лишь высокаго нагорья Тибета, да отчасти болотистыхъ мѣстностей Цайдама и Лобъ-нора.

Отношенія къ туземцамъ.

Поговоримъ теперь объ отношеніяхъ путешественника къ туземцамъ, среди которыхъ придется путешествовать.

Прежде всего нужно упомянуть о томъ, что научная цѣль путешествія нигдѣ не будетъ понята мѣстнымъ населеніемъ и черезъ то путешественникъ всюду явится подозрительнымъ человѣкомъ. Это въ лучшемъ случаѣ. Въ худшемъ же—къ подозрительности присоединится и ненависть къ пришельцу.

Такимъ образомъ, путешественнику, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, придется вѣдаться, съ одной стороны, съ невѣжествомъ и грубостью массы, а съ другой—съ проходимствомъ и лицемѣріемъ единичныхъ личностей, съ которыми ему необходимо будетъ сталкиваться. Понятно, что при такихъ условіяхъ ласковое, довѣрчивое обращеніе ни къ чему хорошему не приведетъ. Если и въ обыденной нашей жизни всѣ поученія братства, любви, довѣрія, самопожертвованія и т. п. болѣе и болѣе становятся лишь сладкими мечтами безъ серьезнаго ихъ при-

[1]) Вообще нельзя даже предвидѣть, на какія непріятныя случайности можно натолкнуться при путешествіи. Такъ, напримѣръ, въ іюлѣ 1871 года нашъ проводникъ по Ордосу оказался зараженнымъ сифилисомъ, но прожилъ съ нами въ одной палаткѣ полтора мѣсяца, ибо въ разоренной дунганами и безлюдной мѣстности, этого негодяя некуда было прогнать.

[2]) Въ караванахъ буддійскихъ богомольцевъ, слѣдующихъ изъ Монголіи въ Тибетъ и обратно, много умираетъ людей, главнымъ образомъ вслѣдствіе дурнаго питанія.

[3]) Въ январѣ 1880 года я выпилъ дорогою въ Цайдамѣ чашку холодной воды изъ ключа и заполучилъ кровавый поносъ.

мѣненія на практикѣ, то въ живомъ дѣлѣ путешествія, лицомъ къ лицу съ суровою обстановкою дѣйствительности, еще рѣзче и рельефнѣе выступаютъ неумолимыя требованія «борьбы за существованіе», какъ въ прямомъ смыслѣ этого выраженія, такъ и въ переносномъ, принимая научныя работы экспедиціи за умственную, такъ сказать, функцію этого своеобразнаго организма. И если голова, управляющая такимъ организмомъ, понимаетъ свое дѣло на чистоту, безъ подслащиванія горькаго и безъ побѣлѣнія грязнаго, то она неминуемо должна, хотя быть можетъ иногда и противъ воли, дѣйствовать по холодному расчету разсудка, помимо сердечныхъ подсказываній и увлеченій. Опытомъ многихъ лѣтъ пришелъ я къ такому неутѣшительному выводу. Когда въ первый (1871) годъ путешествія по Центральной Азіи мы были еще новичками и весьма довѣрчиво относились къ туземцамъ, то, не говоря уже про постоянное безконечно-надоѣдливое любопытство, нахальство и эксплоатацію, которымъ мы подвергались вездѣ въ населенныхъ мѣстахъ, насъ мало-по-малу совершенно обворовали [1]), даже украли молотокъ, которымъ забивались колышки нашей палатки, и мы вынуждены были возить съ собою для этой цѣли простой булыжникъ. Въ послѣдующіе годы того же путешествія мы были гораздо осторожнѣе, но все-таки еще не вѣрили и не хотѣли вѣрить въ тѣ горькія практическія истины, которыя высказаны выше. Только опытъ позднѣйшихъ экспедицій окончательно убѣдилъ меня, что для успѣха далекихъ и рискованныхъ путешествій въ Центральной Азіи необходимы три проводника: деньги, винтовка и нагайка. Деньги — потому, что мѣстный людъ настолько корыстенъ, что не задумаясь продастъ отца роднаго; винтовка—какъ лучшая гарантія личной безопасности, тѣмъ болѣе при крайней трусости туземцевъ, многія сотни которыхъ разбѣгутся отъ десятка хорошо вооруженныхъ европейцевъ; наконецъ, нагайка также необходима потому, что мѣстное населеніе, вѣками воспитанное въ дикомъ рабствѣ, признаетъ и цѣнитъ лишь грубую осязательную силу. Но, конечно, винтовка и нагайка могутъ служить только какъ лѣкарства въ случаяхъ крайней необходимости. И повѣрьте, разъ путешественникъ будетъ снащенъ подобнымъ образомъ, изъ десяти разъ на девять его цѣль будетъ достигаться безъ помѣхи и безъ излишняго

[1]) Однажды, именно 30 ноября 1871 г., у насъ украли съ пастбища всѣхъ караванныхъ верблюдовъ и мы принуждены были въ глубокую зиму простоять 17 сутокъ на одномъ мѣстѣ, пока не добыли себѣ новыхъ животныхъ. См. «Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 189—192.

употребленія столь «варварскихъ» средствъ; будутъ и «волки сыты и овцы цѣлы».

Всего болѣе коробитъ путешественника лицемѣрное недоброжелательство китайцевъ. Наружно они оказывали намъ почетъ, но въ то же время изподтишка всюду старались устроить тѣ или другія пакости. Тангуты относились къ намъ съ нескрываемою враждебностью, даже нѣсколько разъ вооруженными нападали на насъ въ Тибетѣ, за то и были проучены. Монголы держали себя обыкновенно индифферентно; иногда же, вдали отъ границы нашей или китайской, оказывались весьма добродушными. Наконецъ восточно-туркестанцы, при четвертомъ моемъ путешествіи, были очень къ намъ расположены. Впрочемъ, такая неожиданность происходила главнымъ образомъ отъ желанія, въ виду китайскихъ угнетеній, прислужиться къ русскимъ вообще; въ 1876—77 гг. при путешествіи на Лобъ-норъ, я встрѣтилъ совсѣмъ иной пріемъ въ томъ же Восточномъ Туркестанѣ. Еще необходимо путешественнику-новичку не смѣшивать искренній привѣтъ съ тѣмъ зудомъ любопытства, который на время заставляетъ азіата даже позабыть свое недружелюбіе къ чужеземному пришельцу ради того, чтобы поглазѣть на невиданнаго человѣка. Но какъ скоро возгорается подобный пылъ, также скоро онъ и пропадаетъ. Обыкновенно мы были «интересны» только на нѣсколько часовъ, много на сутки; затѣмъ напускное радушіе пропадало и мы по прежнему встрѣчали недружелюбіе и лицемѣріе.

Тѣ отношенія, которыя придется имѣть путешественнику къ мѣстному населенію, заключаются въ слѣдующемъ: закупка продовольствія и ремонтъ багажа; покупка, изрѣдка и наемъ, вьючныхъ животныхъ; наемъ проводниковъ; добываніе распросныхъ свѣдѣній. Что касается до перваго, т. е. до закупки продовольствія, то, въ мѣстахъ обильныхъ скотомъ, всюду можно купить барановъ, а въ мѣстахъ культурныхъ и торговыхъ можно закупить чай, муку, крупу и пр. Въ случаѣ, если бы по китайскому наущенію такая продажа была запрещена [1]), то можно припугнуть грабежомъ, и дѣло сладится. Точно также мѣстами можно купить и все необходимое для ремонта багажа, какъ-то: войлоки, веревки, треноги, мѣшки и т. п. Несравненно труднѣе пріобрѣсть вьючныхъ животныхъ, именно, верблюдовъ. Тѣмъ болѣе, китайцы хорошо знаютъ, что на усталыхъ животныхъ далеко пройдти нельзя, и путешественникъ поневолѣ долженъ будетъ отказаться отъ своей цѣли. Поэтому, еще разъ повторю,

[1]) Какъ то было относительно насъ въ декабрѣ 1879 года за хребтомъ Танъ-ла въ Тибетѣ, и лѣтомъ 1885 года въ Восточномъ Туркестанѣ въ оазисахъ Черченъ и Кэрія.

безусловно необходимо на границѣ запастись въ достаточномъ числѣ отличными верблюдами. По пути таковыхъ нельзя будетъ вовсе достать, въ лучшемъ же случаѣ можно будетъ купить, но сравнительно плохихъ и немного, лишь въ Ала-шанѣ, на Куку-норѣ и въ Цайдамѣ. Верховыя лошади продаются почти всюду, но гораздо труднѣе купить вьючныхъ муловъ въ попутныхъ китайскихъ городахъ.

Относительно проводниковъ всегда много хлопотъ, въ особенности для Тибета; но объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

Что же касается до распросныхъ свѣдѣній, то ими слѣдуетъ пользоваться съ крайнею осторожностью и распрашивать умѣло, иначе легко попасть въ большой просакъ. Прежде всего обо всемъ желаемомъ нужно развѣдывать между прочими разсказами, какъ будто мимоходомъ; далѣе, необходимо ставить вопросы такимъ образомъ, чтобы разсказчикъ самъ повѣствовалъ, а не поддакивалъ за вами; необходимо провѣрять одно и то же свѣдѣніе различною постановкою вопроса; наконецъ всего лучше распрашивать про мѣстность, впереди или назадъ лежащую, а не про ту, въ которой путешественникъ находится въ данное время. И при всемъ томъ придется выслушивать тысячи глупостей и обмановъ, [1]) частью умышленныхъ, частью же какъ продуктъ умственной ограниченности разсказчиковъ и переводчика.

Весьма полезно, даже необходимо, въ избѣжаніе излишнихъ подозрѣній со стороны туземцевъ, оффиціально ставить какую-нибудь отдаленную цѣль путешествія, напримѣръ посѣщеніе Пекина, Лхассы и т. п. и производить всѣ свои изслѣдованія какъ-будто попутно. Не грѣхъ пользоваться и невѣжествомъ массы, если это облегчаетъ достиженіе научной цѣли [2]). Кромѣ того, при путешествіи по Центральной Азіи не слѣдуетъ спрашивать у туземцевъ позволенія сдѣлать то или

[1]) Такъ напримѣръ, при I путешествіи монголы Цайдама единогласно увѣряли меня, что Цайдамскія болота тянутся не прерываясь до самого Лобъ-нора, чего въ дѣйствительности не оказалось; въ концѣ декабря 1876 г. мы прошли и даже ночевали въ 10 верстахъ (на ключѣ Ащи-булакъ) отъ Лобъ-нора, не узнавъ ничего о названномъ озерѣ и не подозрѣвая столь близкаго его сосѣдства (погода стояла пыльная, видѣть самимъ нельзя было); лѣтомъ 1884 года въ сѣв.-вост. Тибетѣ нашъ вожакъ многократно увѣрялъ насъ, что ничего не знаетъ о существованіи большихъ озеръ на верховьѣ Желтой рѣки и, уличенный въ обманѣ, клялся всѣми богами, что страдаетъ плохимъ зрѣніемъ на большихъ высотахъ и проч. и проч.

[2]) Такъ напримѣръ, астрономическія наблюденія слѣдуетъ объяснять гаданіемъ; собираніе растеній—составленіемъ изъ нихъ лѣкарствъ и т. п. Въ Тибетѣ туземцы были убѣждены, что я заколдованъ отъ смерти; монголы Цайдама выдумали, что если у насъ украсть что либо, то пропавшая вещь постоянно станетъ кричать: «я здѣсь, здѣсь», пока не будетъ нами отыскана. Предсказаніе бури по паденію барометра считается за великое волшебство и т. д.

другое. Всего чаще получится отказъ или найдутся какія либо непредвидѣнныя препятствія; совершившійся же фактъ всегда молчаливо признается. Попутнымъ властямъ слѣдуетъ давать подарки, но опять такимъ образомъ, чтобы они ясно видѣли, что это не средство заискивать передъ ними, а добровольно брошенная подачка.

Таковы вкратцѣ способы отношеній, мною практиковавшіеся и мною рекомендуемые. Конечно, можно путешествовать и нѣсколько иначе, совершенно мирнымъ путемъ, только тогда навѣрное нельзя далеко пробраться и многое для науки сдѣлать въ трудно доступныхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, во всемъ Тибетѣ. Притомъ даже въ менѣе дикихъ мѣстахъ неминуемо придется вынести многое множество униженій и оскорбленій въ различныхъ видахъ и формахъ. Конечно, можно утѣшать себя тѣмъ, что это исходитъ отъ непониманія и наивности, но все-таки не особенно сладко получать презрѣніе, брань и даже побои хотя бы отъ наивныхъ людей. Впрочемъ, какъ кому по характеру. Мнѣ же кажется, что путешественникъ въ далекихъ и дикихъ странахъ Азіи, помимо научныхъ изслѣдованій, нравственно обязанъ высоко держать престижъ своей личности, уже ради того впечатлѣнія, изъ котораго слагается въ умахъ туземцевъ общее понятіе о характерѣ и значеніи цѣлой національности.

Проводники и переводчики.

Относительно проводниковъ, какъ равно и переводчиковъ, вопросъ весьма трудный, заботливый и мало гарантированный для путешественника. Вкратцѣ рѣшеніе его можно резюмировать одинаково для обѣихъ названныхъ профессій: изъ десяти разъ на девять будетъ или плутъ, или дуракъ, чаще же то и другое совмѣстно. Даже, различіе національностей тутъ не при чемъ. Нѣсколько гарантируетъ только «простота» человѣка. Если же инородецъ — будетъ ли то монголъ, тюркъ или тангутъ—вкусилъ плодовъ нашей или китайской цивилизаціи и говоритъ по русски или по китайски, то всенепремѣнно онъ патентованный выжига и проходимецъ. Однако волею-неволею приходится иногда брать такія личности; держать ихъ слѣдуетъ въ ежовыхъ рукавицахъ, за услуги же платить хорошо.

Проводниковъ всего лучше получать черезъ посредство мѣстныхъ властей, а не по собственному ихъ найму. Въ первомъ случаѣ больше будетъ гарантій. Китайцевъ-вожаковъ по возможности слѣдуетъ избѣгать. Платить нужно поденно, считая въ томъ числѣ и дневки; на обратный путь давать уменьшенную плату, при расчетѣ вдвое или даже втрое большей скорости ѣзды. Лошадь у вожака должна быть своя; продовольствіе отъ экспедиціи. Средняя плата отъ 4—5

цинъ [1]) въ сутки въ передній путь. Нанимать гораздо лучше на болѣе продолжительное время. Въ одиночку рѣдко кто пойдетъ. Поэтому обыкновенно берутся два проводника, съ платою каждому особо. Впередъ много денегъ давать не слѣдуетъ.

Каждый проводникъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и шпіонъ, которому поручается отъ мѣстныхъ властей слѣдить за путешественникомъ и обманывать его всегда, когда только возможно. Поэтому на разсказы вожаковъ, въ особенности относительно впереди лежащаго пути, много полагаться не слѣдуетъ. Въ случаѣ же уличенія въ умышленной лжи необходимо безъ церемоніи тотчасъ же расправиться съ обманщикомъ: иначе обманы станутъ расти прогрессивно. Лучшіе вожаки — все-таки изъ монголовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда туземцы, по наущенію китайцевъ, желавшихъ затормазить нашъ путь, не давали намъ вожаковъ [2]), или, когда таковыхъ дѣйствительно найдти нельзя было, мы прибѣгали къ разъѣздамъ для развѣдки мѣстности. Ѣздили въ такіе разъѣзды попарно, или втроемъ, иногда верстъ за сотню, обыкновенно же менѣе. Отправлялись—или я самъ съ двумя казаками, или который-либо изъ моихъ помощниковъ, или же назначались одни казаки. Послѣдніе мастера на такого рода службу. Такъ напримѣръ, при четвертомъ путешествіи двое изъ нихъ совершили гигантскій разъѣздъ въ теченіе 12 сутокъ для отысканія пути изъ ур. Гасъ на Лобъ-норъ [3]).

Разъѣзды фактически показываютъ туземцамъ, что можно обойдтись и безъ ихъ услугъ; въ виду этого проводники нерѣдко находятся скорѣе. Но вообще разъѣзды весьма утомительны, да притомъ въ безводной пустынѣ очень рискованны, а иногда и вовсе невозможны.

Что же касается до вожаковъ на экскурсіяхъ, то мы никогда таковыхъ не брали и всегда обходились вполнѣ благополучно.

Относительно переводчиковъ еще труднѣе, чѣмъ съ вожаками, тѣмъ болѣе, что и роль первыхъ гораздо важнѣе для дѣла путешествія. Если не гоняться за многимъ и предпочесть недомеканіе умышленному обману, то для монгольскаго языка наилучшіе переводчики изъ нашихъ забайкальскихъ казаковъ; для тюркскаго же—изъ казаковъ сибирскихъ

[1]) Отъ 80 коп. до 1 рубля на нашу звонкую монету.

[2]) Какъ напримѣръ, при III путешествіи во время нашего пребыванія въ Са-чжеуском Нанъ-шанѣ, или при слѣдованіи въ томъ же году по сѣв. Тибету; при IV путешествіи, при изслѣдованіи большихъ озеръ на верховьѣ Желтой рѣки, или по пути изъ ур. Гасъ на Лобъ-норъ и пр.

[3]) Объ этомъ будетъ разсказано въ VI главѣ настоящей книги.

и семирѣченскихъ. Нужно только выбирать, обращая побольше вниманія на нравственную сторону человѣка. Для китайскаго языка переводчика среди казаковъ отыскать очень трудно, а для тангутскаго и вовсе нельзя. Поэтому, въ томъ и другомъ случаѣ можно брать монголовъ или тангутовъ, знающихъ по монгольски, и поневолѣ довольствоваться переводами черезъ два лица къ третьему. Дайте туземцу переводчику какую угодно плату, онъ все-таки будетъ постоянно обманывать, а при слабомъ обращеніи и совсѣмъ верхомъ на шею сядетъ.

Помимо умышленнаго обмана и проходимства, путешественнику при быстролетной экспедиціи крайне трудно, часто и вовсе невозможно добывать распросами подробныя свѣдѣнія, въ особенности этнографическія. Приходится поневолѣ довольствоваться чѣмъ Богъ послалъ, а по возвращеніи на родину выслушивать упреки въ неполнотѣ тѣхъ или другихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ никакъ не посовѣтую брать патентованныхъ переводчиковъ, если бы даже таковые и нашлись. За очень рѣдкими исключеніями подобный переводчикъ будетъ лишь «бариномъ» въ экспедиціи; для дѣла же всего вѣрнѣе станетъ радѣть на столько, на сколько ему будетъ выгодно или заблагоразсудится.

Система научныхъ работъ.

Теперь начнемъ о самомъ жизненномъ вопросѣ экспедиціи—о ея научныхъ работахъ. Эти работы по существу своему распадаются на три отдѣла: наблюденія, писаніе и собираніе коллекцій. Но каковы бы ни были спеціальныя задачи путешественника, онъ долженъ твердо помнить, что при летучей экспедиціи слишкомъ детальныя изслѣдованія невозможны, что необходимо прежде всего имѣть въ виду общую цѣль и, какъ уже было говорено выше, постоянно жертвовать меньшимъ бо̀льшему. Лишь при такомъ условіи *научная рекогносцировка* будетъ имѣть свой опредѣленный характеръ, прямо вытекающій изъ основнаго положенія—стараться исполнять то, что «возможно», а не то, что «желательно» сдѣлать. Повторяю это въ виду постоянныхъ искушеній, которымъ легко поддаться изслѣдователю малоизвѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ мѣстностей, гдѣ обиліе новизны просто туманитъ голову даже опытному путешественнику. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо всего болѣе наблюдать, т. е. собирать голые факты и записывать ихъ безъ разглагольствованій *всегда на свѣжую память*, иначе при быстромъ накопленіи новыхъ впечатлѣній прежніе образы сильно поблѣднѣютъ, а въ подробностяхъ и совсѣмъ забудутся.

На первомъ планѣ, конечно, должны стоять изслѣдованія чисто географическія, затѣмъ естественно-историческія и этнографическія. Послѣднія, какъ выше упомянуто, весьма трудно собирать мимолетомъ,

въ особенности при незнаніи туземнаго языка и при подозрительности туземцевъ относительно истинныхъ цѣлей путешественника. Поэтому, при всѣхъ моихъ экспедиціяхъ въ Центральной Азіи этнографическія изысканія производились лишь на столько, на сколько то можно было выполнить въ зависимости отъ исключительныхъ условій этихъ путешествій. Кромѣ того, для насъ слишкомъ много было работы по другимъ отраслямъ научныхъ изслѣдованій, такъ что этнографическія наблюденія и по этой причинѣ не могли вестись съ желаемою полнотою.

При описаніяхъ необходимо точно раздѣлять свѣдѣнія, добытыя распросами отъ собственныхъ изысканій; строго говоря, только эти послѣднія и имѣютъ научную цѣну. Весьма полезно для полноты изслѣдованій пройдти взадъ и впередъ по одной и той же мѣстности. При томъ нужно замѣтить, что работы въ экспедиціи всегда пропасть; время же летитъ очень быстро—не успѣешь оглянуться, какъ прошелъ мѣсяцъ, другой, а затѣмъ живо мелькнетъ и цѣлый годъ. Весьма важно держаться въ научныхъ работахъ извѣстной системы, выработанной опытомъ. Вотъ почему я опишу здѣсь нѣсколько подробнѣе практиковавшіеся нами способы научныхъ изслѣдованій.

Эти послѣднія при всѣхъ нашихъ путешествіяхъ заключались въ слѣдующемъ: маршрутно-глазомѣрная съемка; астрономическія опредѣленія широтъ, а при четвертомъ путешествіи и долготъ; барометрическое опредѣленіе абсолютныхъ высотъ; метеорологическія наблюденія; спеціальныя изслѣдованія надъ млекопитающими и птицами; этнографическія изысканія, насколько было возможно; общій дневникъ; собираніе коллекцій—зоологической, ботанической и частью минералогической; наконецъ, при третьемъ путешествіи мой помощникъ поручикъ Роборовскій, насколько умѣлъ, рисовалъ, а во время четвертаго путешествія, при удобныхъ случаяхъ, дѣлалъ фотографическіе снимки.

Прежде всего нужно имѣть постоянно при себѣ небольшую записную книжечку [1]) и заносить въ нее всякое наблюденіе или явленіе въ виду самого предмета; въ той же книжечкѣ отмѣчается первоначально и съемка; наконецъ, хорошо записывать тамъ же что-либо дѣльное, случайно взбредшее на умъ. Ежедневно запасъ карманной книжечки опорожняется и уже болѣе подробно записывается то въ общій дневникъ, то въ спеціальные отдѣлы, смотря по тому, куда что годится. Для млекопитающихъ и птицъ у насъ велись особыя книги (въ

[1]) Такую книжечку, въ видахъ ея быстраго расходованія, я прямо сшивалъ изъ листа писчей бумаги, сложеннаго въ 16-ю или 32-ю долю.

форматѣ полулиста писчей бумаги), въ которыя записывались всѣ спеціальныя наблюденія какъ отдѣльно по видамъ, такъ и относительно географическаго распространенія, періодическихъ явленій жизни и т. п. Другія изслѣдованія, кромѣ съемки и астрономическихъ наблюденій, помѣщались отдѣльно по рубрикамъ въ одной книгѣ (форматъ $^1|_4$ листа писчей бумаги), носившей названіе дневника. Удобство такого компактнаго дневника то, что можно имѣть подъ рукою всякую справку изъ сдѣланныхъ наблюденій. Добытые матеріалы не записываются зря, но систематизируются по мѣрѣ ихъ накопленія. За два года путешествія обыкновенно набиралось три—четыре подобныхъ книжки. Здѣсь въ первой, самой большой рубрикѣ, называвшейся «общій дневникъ», заносились всѣ описанія физико-географическія и этнографическія, какъ равно разныя другія замѣтки и каждодневный ходъ путешествія [1]). Слѣдующая рубрика заключала въ себѣ метеорологическія наблюденія, производившіяся по извѣстной формѣ [2]) ежедневно четыре раза (на восходѣ солнца [3]), въ 7—8 часовъ утра, въ 1 часъ по-полудни и въ 7—8 час. вечера); тамъ же помѣщались названія мѣстъ наблюденій и разстояній между ними; затѣмъ барометрическія опредѣленія абсолютныхъ высотъ, какъ равно изрѣдка производившіяся наблюденія надъ температурою почвы, воды и влажностью воздуха. По истеченіи каждаго мѣсяца въ общемъ дневникѣ дѣлались описанія климатическихъ явленій за этотъ мѣсяцъ. Дальнѣйшія рубрики того же дневника заключали въ себѣ списки собираемыхъ коллекцій, но объ этомъ поговоримъ немного ниже; теперь же о съемкѣ и объ астрономическихъ наблюденіяхъ.

Съемку я всегда производилъ самъ и притомъ маршрутно-глазомѣрную. Въ населенныхъ мѣстностяхъ Центральной Азіи такую работу, какъ наиболѣе подозрительную, слѣдуетъ, по возможности, дер-

[1]) Отдѣльныя описанія пройденныхъ мѣстностей, или какихъ-либо изслѣдованій и наблюденій записывались, кромѣ того, общимъ конспектомъ, изъ котораго по окончаніи изслѣдованія тотчасъ же составлялось и самое описаніе. Соблюденіе такого правила весьма важно. Лучше обождать день или два, чѣмъ идти далѣе, не закончивъ, на сколько возможно, описаніе какой-либо пройденной области, напримѣръ, горнаго хребта, рѣки, озера, пустыни, племени и т. п. Впослѣдствіи изъ такихъ отдѣльныхъ описаній, *сдѣланныхъ на мѣстѣ*, получится драгоцѣнный матеріалъ для полной научной обработки всего путешествія.

[2]) Форму эту можно видѣть во II томѣ моей «Монголія и страна тангутовъ», гдѣ напечатанъ метеорологическій дневникъ I путешествія. Метеорологическія наблюденія всѣхъ моихъ путешествій обрабатываются нынѣ нашимъ извѣстнымъ метеорологомъ А. И. Воейковымъ.

[3]) Наблюдалась только температура воздуха взамѣнъ ночнаго показанія термометра minimum.

жать въ секретѣ отъ туземцевъ. Въ особенности необходимо было это дѣлать при первомъ моемъ путешествіи. Теперь же номады нѣсколько пріобыкли къ нашимъ странствованіямъ, а китайцы, по свидѣтельству позднѣйшихъ путешественниковъ, даже довольно равнодушно смотрятъ на съемку, какъ на неминуемое со стороны «янъ-гуйзовъ» [1]) зло.

Съемочную работу я производилъ бусолью Шмалькальдера, въ помощь которой имѣлся карманный компасъ. Засѣчки дѣлались, держа бусоль въ обѣихъ рукахъ на уровнѣ глазъ; засѣкались — направленіе пути и важные боковые предметы; второстепенныя засѣчки нерѣдко производились компасомъ, не слѣзая съ коня. Разстоянія въ пути измѣрялись часами по ходу верблюдовъ; въ гористыхъ мѣстностяхъ — на глазъ. Всѣ данныя записывались въ карманную книжечку и по приходѣ на бивуакъ переносились на чистый планшетъ. При подобныхъ условіяхъ слишкомъ детальныя выраженія мѣстности (въ особенности вычерчиваніе горъ) невозможны, да и не къ чему. Такая съемка должна быть прежде всего географическою и выражать лишь общую характеристику мѣстности, захватывая возможно бо̀льшій раіонъ. Разспросныя свѣдѣнія слѣдуетъ наносить весьма осторожно и притомъ всегда съ оговоркою объ ихъ источникѣ. Помѣхою съемки нерѣдко служатъ: густая лёссовая пыль, въ особенности въ Восточномъ Туркестанѣ; затѣмъ дождь и снѣгъ лѣтомъ въ Тибетѣ; наконецъ, дымъ отъ весеннихъ пожаровъ травы, какъ то случалось для насъ въ юго-вост. Монголіи [2]) и на озерѣ Куку-норѣ.

Астрономическія опредѣленія широты важнѣйшихъ пунктовъ, по полуденной высотѣ солнца и по высотѣ полярной звѣзды, производились мною при всѣхъ путешествіяхъ маленькимъ (съ точностію отсчета до 20 секундъ) универсальнымъ инструментомъ; время при этомъ опредѣлялось по зенитнымъ разстояніямъ солнца. При четвертомъ путешествіи я имѣлъ довольно сильную трубу Фрауенгофера и опредѣлялъ долготы посредствомъ покрытій звѣздъ луною.

При всѣхъ своихъ путешествіяхъ мы занимались составленіемъ естественно-историческихъ коллекцій, въ особенности зоологической и ботанической. Въ первую поступали млекопитающія, птицы, гады, рыбы и насѣкомыя [3]); ботаническій же сборъ заключалъ въ себѣ всѣ нахо-

[1]) Т. е. «заморскихъ чертей» — общая кличка для всѣхъ европейцевъ въ Китаѣ, безъ различія національностей.

[2]) Собственно въ горной окраинѣ отъ г. Гу-бей-коу до г. Долонъ-нора, гдѣ мы проходили въ мартѣ 1871 года.

[3]) А также моллюски, которыхъ кое-когда удавалось находить.

димыя нами растенія. Препарированіемъ птицъ занимались какъ я самъ [1]), такъ и мои помощники, частью же обученные препараторы изъ казаковъ [2]); звѣриныя шкуры умѣли обдѣлывать почти всѣ казаки; рыбъ и гадовъ также всѣ ловили при случаѣ; насѣкомыхъ собирали мои помощники, а при четвертомъ путешествіи вольнонаемный обыватель г. Троицкосавска [3]); растенія собирались мною и моими помощниками [4]); горныя породы были собираемы во время другихъ экскурсій; наконецъ при четвертомъ путешествіи собирались и образчики почвы.

Чучела птицъ лѣтомъ просушивались обыкновенно въ заду палатки, частію же (крупныя) въ большихъ ящикахъ, въ которыхъ они и возились, завернутыя въ бумагу и переложенныя ватою. Мелкія пташки, до окончательнаго ихъ высыханія, помѣщались въ небольшомъ деревянномъ ящичкѣ, откуда почти ежедневно выкладывались на просушку. Зимою препарированныя птицы прямо замораживались. Всѣ птичьи чучела, послѣ ихъ высыханія, укладывались окончательно (самые крупные подъ низъ) въ большіе ящики, изъ которыхъ расходовалась вата для набивки тѣхъ же чучелъ. Вмѣстѣ съ птицами помѣщались и чучела мелкихъ млекопитающихъ. Крупныя же шкуры, послѣ просушки, свертывались и обшивались каждая китайскою далембою, или вообще какою-нибудь тряпкою; затѣмъ помѣщались въ большіе мѣшки, которые обшивались войлокомъ и увязывались какъ вьюкъ. На каждый экземпляръ млекопитающаго или птицы привязывалась этикетка, на которой обозначалось: латинское названіе даннаго вида [5]), время и мѣсто его добычи; кромѣ того, ставился нумеръ, подъ которымъ въ дневникѣ, въ рубрикѣ «коллекціи» [6]), записывались въ отдѣльной графѣ для каждаго вида опять его нумеръ и названіе; затѣмъ для птицъ помѣчались цвѣтъ глазъ, клюва и ногъ, а также общая длина и размахъ крыльевъ. Для млекопитающихъ же, въ особенности крупныхъ, дѣлались болѣе детальныя измѣренія, а для всѣхъ записывались цвѣтъ глазъ, копытъ или когтей. Въ случаѣ если набиралось много экземпляровъ одного и того же вида, тогда вышеприведенныя записи впослѣдствіи

[1]) При I и II путешествіяхъ.

[2]) Таковыми были при III путешествіи отставной унтеръ-офицеръ Коломейцевъ, а при IV—старшій урядникъ Телешовъ.

[3]) Онъ же прислуживалъ при фотографіи и собиралъ растенія.

[4]) Главнымъ образомъ, поручикомъ Роборовскимъ, при III и IV путешествіяхъ.

[5]) Если видовое названіе не было извѣстно, то ставилось только родовое; слѣдуетъ также записать и мѣстное названіе, если его можно узнать; въ спеціальныхъ отдѣлахъ возлѣ каждаго вида не худо ставить его нумеръ въ коллекціи.

[6]) Для каждой коллекціи имѣлась особенная рубрика.

уже не производились. Черепа маленькихъ млекопитающихъ оставлялись при шкурахъ; большихъ же и среднихъ сохранялись въ ящикахъ [1]). Яйца птицъ, которыя удавалось находить, также поступали въ коллекцію. Для этого изъ каждаго яйца извлекалось содержимое посредствомъ особой (стеклянной или свинцовой) вытяжной трубочки, вставленной въ небольшое, осторожно въ скорлупѣ сдѣланное, отверстіе. Затѣмъ на всѣхъ яйцахъ одного гнѣзда ставился одинаковый нумеръ, а въ дневникѣ записывалось время и мѣсто нахожденія; сами же яйца укладывались осторожно въ вату, въ деревянные или жестяные ящички. Пресмыкающіяся и земноводныя, собираемыя нами въ коллекцію, помѣщались въ спиртъ въ стеклянныя съ притертыми пробками банки; чаще же въ обыкновенныя бутылки и бутылочки. У каждаго экземпляра, за исключеніемъ самыхъ мелкихъ, сбоку прорѣзывалось отверстіе, чтобы спиртъ скорѣе могъ проникнуть въ полость брюха. Этикетки приклеивались на стклянки, съ общею помѣткою времени и мѣста (также абсолютной его высоты) даннаго сбора. То-же самое дѣлалось и для рыбъ; у нихъ также сбоку надрѣзывалось брюхо; мелкіе экземпляры помѣщались въ стклянкахъ; средніе же и крупные — въ большихъ стеклянныхъ банкахъ. Къ большимъ рыбамъ иногда на каждый экземпляръ клались этикетки подъ жабры. Рыбу мы ловили бреднемъ и сачками; гадовъ собирали какъ по пути съ караваномъ, такъ и во время экскурсій. На птицъ и звѣрей охотились постоянно. Моллюски живые помѣщались обыкновенно въ спиртѣ; раковины же мертвыхъ укладывались подобно яйцамъ птицъ; затѣмъ для каждаго вида въ дневникѣ отмѣчалось время и мѣсто нахожденія.

Растенія собирались какъ во время движенія съ караваномъ, такъ, гораздо болѣе, на особыхъ для того экскурсіяхъ; затѣмъ укладывались въ листы пропускной бумаги, гдѣ помѣчались; нумеръ даннаго вида, и окраска его цвѣтовъ. Въ дневникѣ же, въ отдѣльной графѣ каждаго вида, записывалось: нумеръ вида (по порядку), его названіе, если таковое было извѣстно, мѣсяцъ, число и мѣсто нахожденія, почва и въ какомъ количествѣ встрѣчается. Для этого мною были приняты сокращенные знаки, рекомендуемые профессоромъ Кауфманомъ въ его описаніи Московской флоры, а именно: $\underset{\cdot}{-}$ обозначало растенія рѣдкія, $\overset{\cdot\cdot}{\underset{\cdot}{-}}$ обыкновенныя, но не сплошными группами, $\overset{\cdot\cdot}{\underset{\cdot\cdot}{-}}$ часто встрѣчающіяся и сплошными группами. Для деревьевъ и кустарниковъ давались ихъ приблизительные размѣры. Всѣ растенія высушивались на солнцѣ, даже въ мѣстностяхъ обильныхъ лѣтними дождями. Первоначально послѣ уклад-

[1]) За невозможностью перевозки большіе черепа собирались не отъ всѣхъ экземпляровъ.

ки въ листы бумаги, каждая пачка растеній помѣщалась между двумя (такихъ же какъ бумага размѣровъ) деревянными досками, увязывалась бичевкой и ставилась подъ какую-нибудь тяжесть, всего лучше подъ патронный ящикъ. На другой день листы съ растеніями выкладывались (обыкновенно на войлокѣ) [1]) по три-четыре вмѣстѣ для просушки на солнцѣ; перекладочные листы пропускной бумаги въ это время также просушивались. Держать на солнцѣ растенія слѣдуетъ недолго, отъ 3—4 часовъ, смотря, впрочемъ, по большей или меньшей силѣ нагрѣванія. Приэтомъ необходимо замѣнять верхніе болѣе нагрѣвшіеся листы нижними и средними. Послѣ первоначальной просушки, на растенія кладется еще болѣе тяжелый прессъ. Черезъ два-три дня, а въ жаркихъ и сухихъ мѣстностяхъ еще того скорѣе, растенія высыхаютъ окончательно. Тогда ихъ увязываютъ въ отдѣльныя (всего лучше по мѣстностямъ) пачки, надписываютъ на каждой такой пачкѣ общее время и мѣсто собиранія и укладываютъ окончательно въ одинъ изъ экспедиціонныхъ ящиковъ. Сѣмена, которыя мы собирали, просушивались въ тѣни, обыкновенно въ палаткѣ, затѣмъ завертывались въ бумагу отдѣльно по сортамъ и увязывались въ общую пачку бо̀льшей или меньшей величины.

На горныхъ породахъ наклеивались этикетки съ обозначеніемъ мѣста нахожденія, абс. его высоты и нѣкоторыхъ другихъ примѣчаній. Впрочемъ, минералогическій сборъ у насъ былъ небольшой, и мы имъ мало занимались. Образчики почвы, собиравшіеся при четвертомъ путешествіи, завертывались въ бумагу каждый отдѣльно и за нумеромъ, противъ котораго въ дневникѣ отмѣчалась мѣстность и ея абсолютная высота. Предметы этнографической коллекціи, какъ-то: мѣстная одежда, утварь, орудія и пр. мы не собирали по неудобству, часто даже невозможности перевозки столь громоздкихъ вещей. Наконецъ при третьемъ путешествіи, какъ выше было сказано, мой помощникъ В. И. Роборовскій дѣлалъ карандашомъ наброски, главнымъ образомъ этнографическихъ типовъ, а во время четвертаго путешествія имѣлъ съ собою небольшую камеръ-обскуру, съ заготовленными сухими пластинками. Рисованіе въ путешествіи, конечно, удобнѣе, хотя для типовъ лишь фотографическіе снимки имѣютъ научную цѣну. За то фотографировать можно (да и то не всегда съ добровольнаго согласія) только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе дружелюбно къ путешественнику, какъ для насъ было на

[1]) Приэтомъ, чтобы не разнесло вѣтромъ, на каждую пачечку слѣдуетъ положить камней; за неимѣніемъ ихъ мы клали деревянныя палки отъ верблюжьихъ сѣделъ и запасные желѣзные шороны отъ палатокъ.

Лобъ-норѣ и въ оазисахъ вост. Туркестана. Неудобна же фотографія тѣмъ, что, во первыхъ, не всегда и не вездѣ можетъ быть примѣнима (жары, морозы, лёссовая пыль въ воздухѣ, дурная вода, недружелюбіе и подозрительность туземцевъ), а во вторыхъ, легко можетъ подвергнуться порчѣ въ пути и даже совсѣмъ погибнуть.

За всѣ четыре путешествія нами собрано было:

		Видовъ.		Экземпляровъ.
Млекопитающихъ	крупныхъ и средних	115		303
	мелкихъ			400
Птицъ		425		5,000
Яицъ птичьихъ			около	400
Пресмыкающихся и земноводныхъ .		50	»	1,200
Рыбъ		75	»	800
Моллюсковъ		20	»	400
Насѣкомыхъ.		?	»	10,000
Растеній		1,700		15—16,000

За исключеніемъ части насѣкомыхъ [1]), вся зоологическая коллекція передана мною въ музей Императорской Академіи Наукъ; ботаническая—въ Императорскій Ботанической садъ; минералогическій сборъ—въ геологическій музей с.-петербургскаго университета.

Не лишнее упомянуть здѣсь и о дальнѣйшей судьбѣ научныхъ результатовъ, добываемыхъ во время путешествія.

По выходѣ на границу экспедиція всегда быстро растаетъ. По первому разу сбываются, конечно, за безцѣнокъ, верблюды, лошади и всѣ принадлежности походной жизни. Затѣмъ солдаты и казаки направляются (на почтовыхъ) къ мѣстамъ своего служенія. Всѣ же коллекціи окончательно укупориваются и на почтовыхъ, всего лучше по зимнему пути, везутся къ предѣламъ Европейской Россіи. Взятые отсюда солдаты слѣдуютъ конвоемъ при этихъ коллекціяхъ; ѣдемъ здѣсь же и мы. Если груза много, такъ что потребуется значительное число почтовыхъ троекъ [2]), то необходимо раздѣлить ихъ по двѣ-три вмѣстѣ и слѣдовать

[1]) Розданныхъ разнымъ спеціалистамъ.

[2]) На каждую тройку мы клали около 30 пудовъ багажа, зимою даже болѣе и, кромѣ того, садили сюда еще одного конвойнаго солдата. Экипажи непремѣнно должны быть свои — лѣтомъ ходы, зимою большія сани. Коллекціи изъ III путешествія вѣсили съ укупоркою около ста пудовъ; изъ IV-го еще болѣе. Кромѣ того, тогда же попутно отъ г. Каракола (Семирѣченской области) до Семипалатинска, слѣдовали съ нами всѣ казаки, такъ что мы ѣхали на двѣнадцати почтовыхъ тройкахъ, двигавшихся по три вмѣстѣ на разстояніи дня пути.

эшелонами. При содѣйствіи мѣстнаго начальства почтовыя лошади должны быть заготовлены вездѣ по пути, иначе проволочки и остановки явятся безъ конца. Въ первомъ же пунктѣ желѣзной дороги коллекціи сдаются на товарный поѣздъ по адресу въ Петербургъ, куда не замедля является и самъ путешественникъ съ своими помощниками. Здѣсь вскорѣ начинается разборка привезенныхъ коллекцій и дѣлаются публичныя сообщенія [1]) о минувшемъ путешествіи. Распросовъ о немъ нѣтъ конца. Затѣмъ понемногу жгучій интересъ новизны стушевывается, путешественникъ можетъ вздохнуть свободнѣе, и приняться за разработку добытаго имъ научнаго матеріала. Черезъ годъ или два, смотря по тому, на сколько путешественникъ располагаетъ своимъ временемъ, долженъ явиться подробный отчетъ о совершонномъ путешествіи. Разработка же различными спеціалистами привезенныхъ коллекцій и другихъ научныхъ матеріаловъ обыкновенно всегда болѣе или менѣе запаздываетъ.

Для новичковъ-путешественниковъ не забуду сказать и о томъ, что даже при полномъ успѣхѣ путешествія и самыхъ искреннихъ симпатіяхъ общества къ путешественнику, все-таки не обойдется безъ единичныхъ проявленій недоброжелательства и литературнаго лаянія. Но да не смущаетъ сіе молодыхъ путешественниковъ. Пусть только они поменьше пускаются въ безплодную полемику и не забываютъ, что даже въ лучшемъ случаѣ критической оцѣнки — «критика легка, но искусство трудно».

Задачи будущихъ изслѣдованій.

Переживаемый нами эпическій, такъ сказать, періодъ путешествій по Центральной Азіи, вѣроятно, протянется недолго. Уже и теперь сравнительно немного осталось здѣсь мѣстностей, непосѣщенныхъ европейскими путешественниками. Болѣе обширныя невѣдомыя площади лежатъ лишь въ Тибетѣ, да отчасти въ южной Гоби. Впрочемъ, въ этой послѣдней, при однообразіи физико-географическихъ условій пустыни, мало найдется новаго внѣ тѣхъ путей, которыя нынѣ проложены путешественниками на географическія карты.

Такимъ образомъ, дальнѣйшія изслѣдованія Центральной Азіи сами собою распадаются на два отдѣла: научныя рекогносцировки, оставшихся неизвѣстныхъ мѣстностей, и на детальное изученіе болѣе доступныхъ или уже развѣданныхъ быстролетными путешествіями странъ. Для перваго способа написаны предыдущія страницы; для второго онѣ могутъ пригодиться лишь отчасти. Тѣмъ болѣе, что для него, помимо малень-

[1]) Такія же сообщенія дѣлались мною при возвращеніи изъ IV путешествія въ главныхъ попутныхъ сибирскихъ городахъ и въ Москвѣ.

никъ, мирныхъ, такъ сказать, экспедицій, всего лучше можно рекомендовать устройство спеціальныхъ станцій въ выгодныхъ для того пунктахъ. Нѣсколько ученыхъ партій могутъ безъ помѣхи другъ другу размѣститься по такимъ станціямъ и заняться своими работами. Результаты несомнѣнно будутъ громадные по многимъ, даже очень многимъ, отраслямъ изслѣдованій. Достаточно указать на нетронутыя почти здѣсь области геологіи и антропологіи, на скудныя свѣдѣнія по метеорологіи, энтомологіи и пр. и пр. Кромѣ того, спеціально научное изученіе Центральной Азіи несомнѣнно принесетъ матеріальныя выгоды при открытіи и эксплоатаціи разныхъ металловъ и минераловъ; наконецъ, кто знаетъ, современемъ быть можетъ пойдетъ на пользу человѣка и громадная движущая сила здѣшнихъ бурь.

Для крупныхъ научныхъ рекогносцировокъ можно указать, отдѣльно для каждой, слѣдующіе раіоны:

1) Все Сѣверо-Тибетское плато. Для изслѣдованія его потребно два года. Караванъ на верблюдахъ. Крайне необходимы складочные пункты. Географическія открытія будутъ на каждомъ шагу. По зоологіи и ботаникѣ найдется сравнительно немного.

2) Тибетъ восточный и страна Амдо—горныя альпійскія области. Богатѣйшія флора и фауна. Для изслѣдованія потребно 2—3 года. Караванъ на мулахъ, лошадяхъ и якахъ.

3) Южный Тибетъ отъ Лхассы до Гартока. Путешествіе дорогое. Караванъ на якахъ и лошадяхъ. Срокъ изслѣдованія $1^1|_2$—2 года.

Помимо этихъ трехъ, нынѣ самыхъ лакомыхъ истому путешественнику раіоновъ, найдутся для научныхъ рекогносцировокъ и другія, хотя не столь заманчивыя, области, а именно:

a) Памиръ съ прилежащими къ нему частями Гиндукуша и Каракорума.

b) Восточный Тянъ-шань отъ Карашара до Хами и западный Алтай отъ меридіана Кобдо почти до сѣвернаго изгиба Желтой рѣки въ Ордосѣ.

c) Хребты Алтынъ-тагъ и Нанъ-шань съ сосѣдними частями сѣв. Цайдама.

d) Горная окраина всей юго-восточной Монголіи со включеніемъ Ала-шаньскихъ горъ.

e) Весь Большой Хинганъ и мѣстности къ востоку отъ него.

f) Наконецъ, необходимо болѣе детальное изученіе сосѣдней къ нашей сибирской границѣ сѣверной части Монголіи.

Для спеціальныхъ научныхъ станцій, изъ которыхъ изслѣдователи, смотря по роду своихъ занятій, будутъ предпринимать и недалекія экскурсіи, можно на первое время рекомендовать слѣдующіе пункты:

Зоологамъ—Карашаръ и Сининъ; археологамъ—Черченъ; этнографамъ—также Сининъ; метеорологамъ—Кашгаръ или Хотанъ, опять Сининъ и Ургу; геологи же всюду найдутъ для себя непочатое поле.

Такимъ образомъ, соединенныя усилія, съ одной стороны, піонеровъ науки, а съ другой—ея присяжныхъ жрецовъ, снимутъ окончательно, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ, темную завѣсу, еще такъ недавно покрывавшую почти всю Центральную Азію, и прибавятъ нѣсколько новыхъ блестящихъ страницъ къ исторіи прогресса нашего вѣка.

ГЛАВА II.

Поперекъ великой Гоби.

Общій планъ путешествія.—Снаряженіе экспедиціи въ Петербургѣ, Кяхтѣ и Ургѣ.—Описаніе этого монгольскаго города.—Путь нашъ по сѣверной Гоби.—Характеристика монголовъ.—Настоящая пустыня.—Механическая работа бурь.—Великолѣпная заря.—Переходъ по сѣверному Ала-шаню.—Пребываніе въ городѣ Дынь-юань-инъ.—Слѣдованіе черезъ южный Ала-шань.—Интересное случайное свѣдѣніе.—Повѣрка абсолютныхъ высотъ пройденнаго пути.—Зимній климатъ Гоби.

Успѣхъ трехъ предшествовавшихъ моихъ путешествій по Центральной Азіи, обширныя, оставшіяся тамъ еще невѣдомыми, площади, стремленіе продолжать, насколько хватитъ силъ, свою завѣтную задачу, наконецъ, заманчивость вольной страннической жизни—все это толкало меня, окончивъ отчетъ о своей третьей экспедиціи, пуститься въ новое путешествіе. Его раіонъ и программа намѣчались сами собою при взглядѣ на карту Центральной Азіи, съ обозначенными тамъ уже пройденными мною путями. Всѣ они оканчивались болѣе или менѣе глубоко на нагорьѣ Тибета, графически, такъ сказать, указывая на трудную, но въ то же время наиболѣе заманчивую площадь для предстоящихъ изслѣдованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ближайшее знакомство съ путешествіями по Тибету убѣдило меня въ необходимости устраивать, въ извѣстныхъ мѣстахъ, опорные, складочные пункты и изъ нихъ уже предпринимать экскурсіи сравнительно налегкѣ. Общій планъ путешествія.

Въ февралѣ 1883 года представленъ былъ мною Императорскому Русскому Географическому Обществу планъ новаго четвертаго путешествія, задачею котораго ставилось изслѣдованіе сѣвернаго Тибета отъ истоковъ Желтой рѣки до Лобъ-нора и Хотана съ побочными, если будетъ возможность, путями, даже до столицы Далай-ламы. Однако, эта послѣдняя цѣль опять отъ насъ ускользнула; при томъ на этотъ

разъ мы не особенно къ ней стремились, въ виду обширности и научной важности главной задачи.

Хотя при первомъ взглядѣ на карту Центральной Азіи нетрудно замѣтить, что ближайшій путь къ Тибету ведетъ изъ предѣловъ нашего Семирѣчья или Ферганы, но мною была избрана болѣе кружная, за то и болѣе вѣрная дорога черезъ Кяхту. Причиною этому служили многія вѣскія обстоятельства. Начать съ того, что, двинувшись изъ Кяхты, мы направлялись до самаго Тибета знакомымъ, дважды, мѣстами даже трижды, нами пройденнымъ путемъ, слѣдовательно, въ крайнемъ случаѣ могли обойдтись и безъ вожаковъ; затѣмъ до самой Гань-су нигдѣ не встрѣчали китайцевъ, съ деморализованными солдатами которыхъ легко могли бы имѣть столкновеніе, слѣдуя по восточному Туркестану; далѣе, мы пріобрѣтали въ сѣв. Монголіи наилучшихъ, пріученныхъ къ постояннымъ караваннымъ движеніямъ, верблюдовъ; въ Забайкальѣ можно было лично выбрать конвойныхъ казаковъ, изъ которыхъ многіе знаютъ монгольскій языкъ, употребляемый и въ Тибетѣ; наконецъ, слѣдуя изъ Кяхты, мы меньше возбуждали подозрѣній въ китайскихъ властяхъ, даже въ Пекинѣ, чѣмъ направляясь въ Тибетъ съ ближайшихъ къ нему мѣстностей нашей границы, по враждебному китайцамъ магометанскому населенію Кашгаріи. Здѣсь китайцы могли затормазить наше движеніе, не давая проводниковъ, безъ которыхъ намъ едва-ли удалось бы пробраться даже на Лобъноръ. Между тѣмъ, когда мы вышли на тотъ же Лобъ-норъ со стороны Тибета, китайцы волею-неволею должны были выпроводить отъ себя непрошенныхъ гостей и провести насъ по неизслѣдованнымъ еще частямъ Восточнаго Туркестана. Всѣ эти соображенія побудили меня накинуть лишнюю тысячу верстъ караваннаго пути, за то дѣйствовать съ большими шансами успѣха.

Снаряженіе экспедиціи въ Петербургѣ.

Какъ при прежнихъ моихъ путешествіяхъ, такъ и теперь, Географическое Общество и Военное Министерство оказали мнѣ полное содѣйствіе къ осуществленію проектируемой экспедиціи. Государь Императоръ милостиво соизволилъ на командировку какъ меня лично, такъ равно моихъ помощниковъ: поручика В. И. Роборовскаго, сопровождавшаго меня въ третьемъ путешествіи, и вольноопредѣляющагося П. К. Козлова. Также конвойныхъ казаковъ и солдатъ и на отпускъ для расходовъ экспедиціи изъ государственнаго казначейства 43,580 рублей [1]). Сверхъ того, намъ и нижнимъ чинамъ экспедиціи сохранено было все

[1]) Изъ нихъ 10,000 руб. золотомъ по номинальной его цѣнѣ.

получаемое на службѣ содержаніе, съ выдачею таковаго мнѣ и поручику Роборовскому за два года впередъ золотою монетою; затѣмъ мнѣ, названному офицеру и вольноопредѣляющемуся Козлову выданы были двойные прогоны отъ Петербурга до Кяхты и обратно отъ конечнаго пункта выхода на нашу границу; ординарные же прогоны отпущены были для перевозки въ передній путь экспедиціоннаго багажа съ четырьми конвойными солдатами, а въ обратный—собранныхъ во время путешествія коллекцій; изъ военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба выдана намъ была часть инструментовъ (2 хронометра, зрительная труба Фрауенгофера, барометръ Паррота, нѣсколько бусолей) для научныхъ работъ; наконецъ, для вооруженія экспедиціи отпущены были — 23 винтовки Бердана и 25 револьверовъ Смита и Вессона съ 15,000 патроновъ для первыхъ и съ 4,000 для вторыхъ [1]).

Благодаря широкимъ матеріальнымъ средствамъ, мы могли достаточно хорошо снарядиться по части одежды, обуви, добавочныхъ научныхъ инструментовъ, препаратовъ для коллекцій, походныхъ и охотничьихъ принадлежностей и пр., словомъ, всего того, о чемъ подробно изложено въ I главѣ настоящей книги. Суматоха всей этой заготовки, вмѣстѣ съ проволочками казенныхъ отпусковъ и небольшимъ отдыхомъ въ деревнѣ, заняла болѣе четырехъ мѣсяцевъ времени. Лишь въ началѣ августа могли мы выѣхать изъ Петербурга, а $^{9}|_{21}$ числа [2]) того же мѣсяца почтовый поѣздъ Нижегородской дороги умчалъ насъ изъ Москвы къ Нижнему. Багажа набралось болѣе 150 пудовъ. Персоналъ экспедиціи состоялъ пока—изъ меня, двухъ вышеупомянутыхъ моихъ помощниковъ, четырехъ солдатъ, выбранныхъ въ Москвѣ изъ гренадерскаго корпуса, старшаго урядника Забайкальскаго казачьяго войска Иринчинова и переводчика для тюркскаго и китайскаго языковъ таранчинца изъ города Кульджи Абдула Юсупова [3]); остальные казаки и солдаты должны были поступить въ составъ экспедиціи изъ Забайкалья.

Грустныя минуты разставанья съ людьми близкими при отъѣздѣ изъ Москвы скользнули темною тучкою по ясному небу нашего радостнаго настроенія: впереди на цѣлыхъ два года, или даже болѣе, предстояла теперь намъ жизнь, полная тревогъ, новизны, свободы, служенія славному дѣлу... На слѣдующій день мы сѣли въ Нижнемъ-Новгородѣ на

[1]) Патроны эти, какъ равно винтовки и револьверы, заранѣе были доставлены въ Кяхту.

[2]) Всѣ числа въ этой книгѣ по старому стилю.

[3]) Оба послѣдніе—Иринчиновъ и Юсуповъ—были командированы въ Москву для присутствованія при священномъ Государя Императора короновании и теперь ѣхали съ нами попутно.

пароходъ и черезъ четверо сутокъ были въ Перми. Затѣмъ перевалили по желѣзной дорогѣ за Уралъ, проѣхали на шести почтовыхъ тройкахъ отъ Екатеринбурга до Тюмени и, за мелководьемъ р. Туры, еще на 130 верстъ далѣе до деревни Іевлевой, гдѣ 21 августа снова помѣстились на пароходъ. Этотъ послѣдній, имѣя баржу съ пятьюстами ссыльныхъ на буксирѣ, повезъ насъ внизъ по рѣкѣ Тоболу. Невдалекѣ отъ Тобольска мы пересѣли на другой, болѣе сильный пароходъ и, буксируя все ту же арестантскую баржу, поплыли внизъ по Иртышу до его устья, а затѣмъ вверхъ по мутной, довольно быстрой Оби. Слѣдуя днемъ и ночью, мы вошли на десятыя сутки своего пароходнаго отъ д. Іевлевой плаванія въ устье р. Томи, за мелководьемъ которой еще разъ перемѣнили пароходъ и вскорѣ прибыли въ Томскъ. Здѣсь трое сутокъ употреблены были на покупку экипажей (два тарантаса и четверо ходовъ), зимняго для насъ и казаковъ одѣянія, какъ равно и нѣкоторыхъ мелочей экспедиціоннаго заготовленія. Затѣмъ на шести почтовыхъ тройкахъ, слѣдовавшихъ по парно, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути, мы выѣхали къ Иркутску. Лошади по станціямъ были для насъ заготовлены. Тѣмъ не менѣе, правильное слѣдованіе эшелонами вскорѣ нарушилось по причинѣ сквернѣйшей дороги. Погода стояла отвратительная—постоянные дожди, иногда со снѣгомъ. Ѣхать по ночамъ оказалось рѣшительно невозможнымъ. Да и днемъ тяжело нагруженные экипажи нерѣдко ломались или увязали въ грязи. Ради всего этого тринадцать сутокъ употреблено было на проѣздъ 1500 верстъ между Томскомъ и Иркутскомъ. Проведя въ этомъ послѣднемъ пятеро сутокъ опять въ различныхъ хлопотахъ, мы двинулись, на почтовыхъ же, далѣе; благополучно и скоро переправились на пароходѣ черезъ Байкалъ, снова сѣли на почтовыхъ и 26 сентября прибыли въ Кяхту, чѣмъ закончились наши переѣзды въ предѣлахъ отечества.

Въ Кяхтѣ.

Въ Кяхтѣ предстояло окончательное снаряженіе экспедиціи, по крайней мѣрѣ, относительно ея персонала и вьючнаго багажа. Что касается до перваго, самаго жизненнаго для путешествія вопроса, то въ данномъ случаѣ, какъ и прежде, я руководился, при сформированіи своего конвоя, тѣми данными, которыя перечислены въ 1-й главѣ этой книги. По рекомендаціи прежнихъ моихъ спутниковъ выбраны были семь новыхъ надежныхъ казаковъ, а трое солдатъ взяты изъ линейнаго баталіона; кромѣ того, для собиранія насѣкомыхъ, растеній и для прислуживанія при небольшой фотографіи, которую имѣлъ съ собою В. И. Роборовскій, нанятъ былъ одинъ изъ обывателей сосѣдняго Кяхтѣ города Троицкосавска.

Такимъ образомъ окончательно сформировался личный составъ экспедиціоннаго отряда изъ 21 человѣка, а именно: *начальникъ экспедиціи*; его помощники—поручикъ *В. И. Роборовскій* и вольноопредѣляющійся *П. К. Козловъ*; препараторъ — младшій урядникъ *Пантелей Телешовъ*, уже сопутствовавшій мнѣ при третьемъ путешествіи; старшій урядникъ *Дондокъ Иринчиновъ*—спутникъ всѣхъ моихъ прежнихъ путешествій; новые казаки—*Кондратій Хлѣбниковъ*, *Никита Максимовъ*, *Григорій Соковиковъ*, *Бани Дарджеевъ*, *Семенъ Жаркой*, *Владиміръ Переваловъ* и *Семенъ Полуяновъ*; солдаты-гренадеры, привезенные изъ Москвы—*Петръ Нефедовъ*, *Гавріилъ Ивановъ*, *Павелъ Блинковъ*, *Михаилъ Безсоновъ*; солдаты, выбранные изъ линейнаго баталіона въ г. Троицкосавскѣ—*Алексѣй Жарниковъ*, *Григорій Добрынинъ* и *Евстафій Родіоновъ*; наконецъ, вольнонаемные—обыватель г. Троицкосавска *Михаилъ Протопоповъ* и таранчинецъ *Абдулъ Юсуповъ*.

Тотчасъ по выборѣ новыхъ солдатъ и казаковъ приступлено было къ ежедневнымъ упражненіямъ ихъ въ стрѣльбѣ изъ берданокъ и револьверовъ. Умѣнье хорошо стрѣлять изъ тѣхъ и другихъ ставилось, помимо всего прочаго, непремѣннымъ условіемъ для окончательнаго зачисленія въ экспедиціонный отрядъ. Казаки твердо это знали и, что называется, лѣзли вонъ изъ кожи, чтобы не ударить лицомъ въ грязь при окончательномъ испытаніи. Послѣднее произведено было мною передъ выступленіемъ изъ Кяхты. Результаты оказались весьма удовлетворительными, въ особенности въ виду того, что впереди предстояла еще широкая практика стрѣльбы при охотахъ за звѣрями.

Другая половина нашихъ заботъ въ Кяхтѣ обращена была на изготовленіе вьючныхъ и походныхъ вещей: ящиковъ, сумъ, палатокъ и пр., какъ равно на закупку дополнительнаго багажа, а именно: сахара, чая, спирта, муки, крупы, войлоковъ и т. п. По приказанію тогдашняго генералъ-губернатора Восточной Сибири, генералъ-лейтенанта Д. Г. Анучина, въ мое распоряженіе предоставлены были рабочіе изъ мѣстнаго казачьяго отдѣла и изъ линейнаго баталіона. Они изготовили намъ 3 палатки, 24 деревянныхъ ящика, 26 кожаныхъ сумъ и нѣсколько десятковъ холщевыхъ мѣшковъ, сшили недостававшую часть теплаго одѣянія, сработали разныя мелочи и пр., словомъ, окончательно снарядили насъ для похода. Матеріалы, потребные для всѣхъ этихъ работъ, частью были привезены нами съ собою, въ большинствѣ же пріобрѣтены въ Кяхтѣ, гдѣ они, кстати сказать, очень дороги и по бо́льшей части плохаго качества. Относительно закупокъ дополнительнаго багажа намъ помогли кяхтинскіе купцы, по прежнему весьма радушно

принявшіе насъ, какъ своихъ гостей. Въ особенности много и обязательно содѣйствовалъ намъ А. М. Лушниковъ, у котораго мы купили также двѣнадцать пудовъ китайскаго серебра для расходовъ за-границею.

Тѣмъ временемъ урядникъ Иринчиновъ былъ командированъ мною въ Ургу для покупки вьючныхъ верблюдовъ. Остальные казаки, помимо стрѣльбы въ цѣль, занимались собственнымъ снаряженіемъ въ предстоящій путь; кромѣ того, обучались у прежнихъ моихъ спутниковъ увязкѣ вьюковъ и исполненію различныхъ мелочныхъ работъ экспедиціи. Когда все было настроено и приготовлено, потребовалось еще два дня на окончательную разсортировку и укладку экспедиціоннаго багажа. Для перевозки его въ Ургу мы наняли обратный монгольскій караванъ, привозившій въ Кяхту чай. Выгодно было подобное обстоятельство еще тѣмъ, что новые казаки и солдаты могли по пути научиться отъ монголовъ вьюченью и обращенью съ караванными верблюдами.

Выступленіе изъ Кяхты назначено было на 21 октября. Въ этотъ день весь экспедиціонный багажъ, увязанный и разсортированный по вьюкамъ, выложенъ былъ съ утра на дворѣ нашего обширнаго помѣщенія. Нанятые монголы подогнали къ Кяхтѣ своихъ верблюдовъ и ожидали только приказанія вести ихъ для вьюченья. По желанію казаковъ отслуженъ былъ напутственный молебенъ, а затѣмъ предложенъ всей экспедиціи кяхтинскими старшинами прощальный обѣдъ. Ровно въ три часа по-полудни верблюды были завьючены и выстроены на улицѣ. Тамъ собрались въ большомъ числѣ провожавшіе казаковъ ихъ родственники и посторонніе зѣваки. Начались прощанія, напутствованія... у многихъ показались слезы... Наконецъ, караванъ двинулся и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже на китайской землѣ. Такъ началось четвертое мое путешествіе по Центральной Азіи. Опять невѣдомое лежало впереди; опять судьба всего дѣла не одинъ разъ должна была висѣть на волоскѣ; но опять счастіе не отвернулось отъ меня...

Девять сутокъ употреблено было нами на переходъ отъ Кяхты до Урги, гдѣ разстояніе верстъ 300 съ небольшимъ. Мѣстность эта несетъ тотъ же характеръ, какъ и въ прилежащей части Забайкалья, начиная отъ самого Хамаръ-дабана, который ограничиваетъ собою область сибирской тайги. Далѣе къ югу, тотчасъ за прорывомъ р. Селенги, путникъ впервые встрѣчаетъ лёссовую почву, характерную для всей внутренней Азіи, и прекрасныя степи, залегающія между горными хребтами. Эти послѣдніе мѣстами довольно высоки, имѣютъ въ общемъ восточно-западное направленіе и покрыты лѣсами (преимущественно хвойными), главнымъ образомъ на сѣверныхъ склонахъ, частію и на склонахъ

южныхъ верхняго своего пояса. Въ нижней же горной области залегаютъ прекрасные луга.

На пространствѣ между Кяхтою и Ургою горные хребты составляютъ западные отроги Кэнтея и намѣчаютъ собою долины лѣвыхъ притоковъ Орхона, изъ которыхъ наибольшія—Иро, Хара-голъ и Тола. Лѣсовъ по горамъ (бѣлая береза, сосна, лиственница, рѣже береза черная, осина и кедръ) еще довольно много, но страна, въ общемъ, имѣетъ болѣе степной характеръ. Приволье для кочевой жизни здѣсь полное. Земледѣліе же существуетъ лишь въ небольшихъ размѣрахъ на рѣкахъ Баянъ-голъ и Хара-голъ у поселившихся тамъ китайцевъ. Абсолютная высота мѣстности, поднятой въ Кяхтѣ на 2.400 футовъ, держится по долинамъ главныхъ рѣкъ приблизительно около той же цифры и лишь въ Ургѣ поднимается до 4.000 футовъ.

Погода во все время нашего пребыванія въ Кяхтѣ, да и въ первой половинѣ пути къ Ургѣ, стояла отличная, постоянно ясная и теплая. Въ послѣднихъ же числахъ октября выпалъ небольшой снѣгъ, и сразу начались сильные морозы.

Прибывъ въ Ургу, мы помѣстились въ домѣ нашего консульства, которое стоитъ особнякомъ, недалеко отъ берега р. Тола, въ срединѣ разстоянія между монгольскою и китайскою частями той же Урги. Присланный сюда заранѣе изъ Кяхты урядникъ Иринчиновъ сторговалъ у монголовъ 56 отличныхъ верблюдовъ, за которыхъ мы заплатили 6.757 кредитныхъ рублей. Вьючныя сѣдла для этихъ верблюдовъ сшили экспедиціонные казаки. Помимо цѣлой кучи войлоковъ, потребовавшихся на такія сѣдла, мы закупили въ Ургѣ недостававшіе намъ предметы походнаго снаряженія, какъ-то: семь верховыхъ лошадей, двѣ юрты, 30 барановъ для ѣды, дзамбу, муку, рисъ, немного ячменя лошадямъ, треноги, вьючныя веревки и пр. Исключая лошадей, почти за все остальное приходилось платить страшно дорого. Достаточно сказать, что пудъ ячменя стоилъ пять рублей; сквернѣйшая дзамба покупалась по той же цѣнѣ; за пастбу своихъ верблюдовъ въ окрестностяхъ Урги мы платили монголу съ подпаскомъ болѣе трехъ рублей въ сутки и т. д. Въ Ургѣ.

Въ Ургѣ также сдѣлано было распредѣленіе экспедиціонной службы казаковъ на дежурства, варку пищи, пастбу верблюдовъ, сѣдланіе нашихъ верховыхъ лошадей и пр. Затѣмъ, наканунѣ выступленія, я прочелъ своему маленькому отряду слѣдующій приказъ: «Товарищи! Дѣло, которое мы теперь начинаемъ — великое дѣло. Мы идемъ изслѣдовать невѣдомый Тибетъ, сдѣлать его достояніемъ науки. Государь Импера-

торъ и вся Россія, мало того, весь образованный міръ съ довѣріемъ и надеждою смотрятъ на насъ. Не пощадимъ же ни силъ, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить нашу громкую задачу и сослужить тѣмъ службу какъ для науки, такъ и для славы дорогаго отечества». Будущая дѣятельность моихъ спутниковъ оправдала такія надежды.

Описаніе этого монгольскаго города.

Теперь нѣсколько словъ о самой Ургѣ.

Этотъ городъ, называемый монголами *Богдо-курень*, или *Да-курень* [1]), составляетъ, какъ извѣстно, религіозный центръ всей Монголіи; кромѣ того, служитъ важнымъ административнымъ и торговымъ пунктомъ для центральной и сѣверо-восточной ея части, т. е. Халхи. Расположена Урга въ обширной, обставленной горами, долинѣ р. Тола и состоитъ изъ двухъ частей: монгольскаго города, или собственно *Куреня* и города китайскаго, отстоящаго отъ перваго верстъ на пять къ востоку и называемаго *Маймачэнъ* [2]). Монгольскій городъ лежитъ на небольшой р. Сельби, недалеко отъ впаденія ея справа въ р. Тола. Въ восточной, населенной исключительно ламами (т. е. лицами духовными), части этого города живетъ высшій святитель Монголіи — *хутухта*, представляющій собою третье послѣ Далай-ламы лицо буддайской іерархіи. Здѣсь же находится училище для приготовленія ламъ и построены важнѣйшія кумирни, изъ которыхъ наибольшая — храмъ *Майдари*. Громадный, сдѣланный изъ желтой позолоченной мѣди, идолъ этого божества, представляющій собою сидящаго человѣка, имѣетъ $7\frac{1}{2}$ саженъ вышины и вѣситъ, какъ говорятъ, до десяти тысячъ пудовъ. Статуя эта была отлита въ г. Долонъ-норѣ и по частямъ привезена въ Ургу. Позади главнаго идола, помѣщающагося въ срединѣ названной кумирни, расположены еще пять большихъ идоловъ, а на восточной и западной стѣнахъ въ шкафахъ разставлены 10,000 (по словамъ ламъ) маленькихъ, также литыхъ, божковъ. Изъ другихъ кумиренъ (сумэ) въ той же восточной части Куреня находятся: *Цокчинъ*, въ родѣ нашего кафедральнаго собора; *Дучинъ-галабыйнъ* съ позолоченнымъ куполомъ и четырьмя, также позолоченными, башенками по угламъ крыши; *Барунъ-ёрго*, состоящая изъ войлочной юрты, въ которой, по преданію, нѣкогда жилъ Абатай-ханъ, первый распространитель буддизма въ Монголіи; затѣмъ 4 кумирни лѣкарей, астрологовъ и др. спеціальностей; наконецъ, маленькія аймачныя кумирни (дугуны), числомъ

[1]) Т. е. «Священное» или «Большое стойбище».

[2]) Въ переводѣ «торговый городъ».

28. Эти послѣднія помѣщаются каждая въ простой юртѣ, съ деревянною къ ней пристройкою въ родѣ алтаря. За исключеніемъ дворца хутухты и главныхъ кумиренъ, остальныя жилища описываемой ламской части Куреня состоятъ или изъ небольшихъ глиняныхъ мазанокъ, или изъ войлочныхъ юртъ. Тѣ и другія обнесены высокимъ частоколомъ. Улицы и переулки между такими постройками крайне грязны и тѣсны. На нихъ, какъ и въ другихъ китайскихъ городахъ, выбрасываются всѣ нечистоты; тутъ же обыватели, нисколько не стѣсняясь, отправляютъ свои естественныя надобности. Общее число ламъ во всей Ургѣ доходитъ, какъ говорятъ, до 10,000 человѣкъ. Всѣ эти ламы, равно какъ самъ хутухта и кумирни, содержатся на счетъ добровольныхъ приношеній монголовъ. Кромѣ того, на содержаніе хутухты идутъ доходы со всего шабинскаго вѣдомства, заключающаго въ себѣ около 125 тысячъ душъ, подаренныхъ ургинскому святителю разными монгольскими князьями. Эти подданные хутухты живутъ какъ въ окрестностяхъ Урги, такъ и въ другихъ частяхъ сѣверной Монголіи. Вѣдаетъ ихъ *шандзиба*.

Нѣсколько лучше выглядываетъ сосѣдняя ламскому кварталу торговая часть того же Куреня, гдѣ живутъ, кромѣ монголовъ, китайскіе торговцы, а также нѣсколько русскихъ купцовъ. Здѣсь находится рыночная площадь, обстроенная лавками китайскихъ и нашихъ торговцевъ. Послѣдніе, впрочемъ, имѣютъ лишь съ десятокъ лавокъ, да и то не въ собственныхъ, а въ нанимаемыхъ у китайцевъ помѣщеніяхъ [1]). На самой площади производится разная мелочная торговля, и монголы продаютъ свой скотъ; тутъ же постоянно шляются, кромѣ покупателей и зѣвакъ, нищіе, разные музыканты, странствующіе ламы и т. п. сбродъ. Воровство и драки, иногда до убійства, случаются здѣсь нерѣдко.

Самую западную часть Куреня составляетъ *Гандань,* гдѣ живутъ ламы, изучающіе цанитъ, т. е. высшую догматику буддизма. На площади здѣсь находятся двѣ большія кумирни, посвященныя этому ученію; тутъ же погребаются нынѣ и ургинскіе хутухты. Для бренныхъ остатковъ простыхъ монголовъ и неважныхъ ламъ имѣется верстахъ въ двухъ къ сѣверо-востоку отъ Куреня, въ ущельи Кундуй, кладбище, куда вывозятъ трупы и оставляютъ поверхъ земли. Ихъ съѣдаютъ полудикія собаки, во множествѣ живущія здѣсь въ норахъ.

Недалеко отъ западной окраины Куреня выстроена въ недавнее время китайская крѣпость, представляющая собою небольшое, квадрат-

[1]) Китайскіе торговцы, частью и ремесленники, все болѣе и болѣе поселяются въ Куренѣ. Русскіе купцы стали селиться въ той же Ургѣ со времени открытія здѣсь нашего консульства въ 1861 году.

ной формы, глиняное укрѣпленіе, нелѣпо расположенное вблизи командующихъ высотъ. Гарнизонъ этого форта состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ китайскихъ солдатъ.

Другая часть Урги, т. е. *Маймачэнъ*, лежитъ, какъ выше упомянуто, верстахъ въ пяти къ востоку отъ Курени, также недалеко отъ праваго берега р. Тола. Этотъ городъ, какъ и всѣ китайскіе города, состоитъ изъ кучи, тѣсно сплоченныхъ, глиняныхъ фанзъ, помѣщающихся за глиняными же заборами. Форму Маймачэнъ имѣетъ квадратную и пересѣкается грязными, кривыми, мѣстами довольно широкими улицами. Внутренняя часть города, въ которой живутъ болѣе богатые китайскіе купцы и частью помѣщаются ихъ лавки [1]), обнесена высокимъ деревяннымъ тыномъ. Внѣ этого тына китайцы живутъ смѣшанно съ монголами [2]) и торгуютъ въ мелочную, или занимаются разными ремеслами (скорняки, кузнецы, столяры, портные и др.); здѣсь же находится базаръ и харчевни. Кромѣ того, въ Маймачэнѣ имѣются двѣ гостинницы для пріѣзжихъ, 4 кумирни (3 китайскія и 1 монгольская) и китайскій театръ, въ которомъ по временамъ играютъ наѣзжіе актеры.

Общее число жителей въ Маймачэнѣ простирается до 8 тысячъ человѣкъ; въ Куренѣ же и около него, гдѣ живутъ власти, насчитывается 22 тысячи душъ. Впрочемъ, цифра здѣшняго населенія сильно измѣняется, смотря по бо̀льшему или меньшему наплыву торговцевъ и богомольцевъ. Къ празднованію Новаго года (въ февралѣ) и въ особенности лѣтомъ (въ іюлѣ) къ празднику въ честь Майдари, въ Ургу стекаются, какъ говорятъ, до 100 тысячъ человѣкъ. Однако нынѣ эти празднества много сократились вслѣдствіе всеобщаго обѣднѣнія монголовъ.

Маймачэнскіе и другіе китайцы, проживающіе въ Ургѣ, занимаются, какъ выше сказано, главнымъ образомъ торговлею, въ меньшемъ числѣ разными ремеслами. По свѣдѣніямъ нашего ургинскаго консула г. Шишмарева въ Ургѣ нынѣ 215 торговыхъ китайскихъ домовъ и лавокъ и 120 китайскихъ же домовъ, занимающихся ремеслами, огородничествомъ и т. п. Общій оборотъ здѣшней китайской торговли опредѣляется въ 9 милліоновъ рублей ежегодно. Предметами этой торговли служатъ обиходные

[1]) Большая часть китайскихъ лавокъ находится въ Куренѣ; Маймачэнъ служитъ, главнымъ образомъ, складочнымъ мѣстомъ для товаровъ.

[2]) Монгольскіе дворы обнесены частоколомъ, внутри котораго располагаются жилыя юрты; здѣсь же обыкновенно имѣется и деревянное помѣщеніе (байшинъ) для лѣтняго жилья.

для монголовъ, равно какъ и другіе товары, получаемые или изъ Россіи съ ярмарокъ сибирскихъ и нижегородской [1]), или товары китайскіе изъ Пекина (шелковыя матеріи, предметы китайской роскоши и пр.), или, наконецъ, товары иностранные (дриллингъ, далемба, ситцы), идущіе сюда черезъ Тянъ-дзинъ и Калганъ. Торговля съ монголами ведется почти исключительно мѣновая. Китайскіе купцы разсылаютъ по улусамъ съ товарами своихъ приказчиковъ, чего не дѣлаютъ наши ургинскіе торговцы. Послѣдніе торгуютъ исключительно въ лавкахъ и нѣкоторые наши товары, какъ-то: желѣзныя, чугунныя и мѣдныя издѣлія, юфть, плисъ и частью сукно, довольно хорошо покупаются монголами. Впрочемъ, сбытъ товаровъ русскими купцами за послѣдніе три года былъ невеликъ—на 75,000 рублей ежегодно [2]). Кромѣ того, наши торговые дома въ Ургѣ, равно какъ и нѣкоторые китайскіе, занимаются транспортировкою чая отсюда въ Кяхту. Чай этотъ, въ количествѣ болѣе милліона пудовъ [3]), доставляется изъ Калгана въ Ургу зимою монголами на вьючныхъ верблюдахъ, въ меньшемъ количествѣ лѣтомъ китайскими подрядчиками на быкахъ, запряженныхъ въ телѣги. Первый способъ доставки несравненно быстрѣе, за то почти вдвое дороже [4]). Въ послѣдніе годы, вслѣдствіе особенно холодныхъ зимъ, безкормицы и падежа верблюдовъ, перевозка чая черезъ Гоби сильно затрудняется. Притомъ этотъ транзитъ много подрываетъ морская доставка того же чая изъ мѣстъ его производства — Хань-коу и Фу-чжоу—въ Одессу. Тѣмъ не менѣе движеніе русскихъ чаевъ по Монголіи ежегодно увеличивается [5]). За перевозку этого чая наши купцы уплачиваютъ монголамъ до 2 милліоновъ рублей, главнымъ образомъ чистымъ китайскимъ серебромъ, въ меньшемъ количествѣ кирпичнымъ чаемъ. Торговыми дѣлами китайцевъ въ Ургѣ вѣдаетъ особый манчжурскій чиновникъ (дзаргучей), который получаетъ ничтожное казенное жалованье, но имѣетъ очень большіе доходы съ купцовъ, такъ что за назначеніе на названную должность въ Пекинѣ платятъ солидныя суммы.

[1]) Въ 1885 г. привезено въ Ургу китайцами русскихъ товаровъ на 400,000 рублей.

[2]) По частному сообщенію лица, близко знакомаго съ этимъ дѣломъ.

[3]) По свѣдѣніямъ отъ того же ургинскаго консула, чая, принадлежащаго только русскимъ купцамъ, транспортировалось черезъ Ургу въ 1883, 1884 и 1885 гг. отъ 254—281 тысячъ ящиковъ (мѣстъ); каждый такой ящикъ байховаго чая вѣситъ среднимъ числомъ около $2^1/_2$ пудовъ, кирпичнаго болѣе $3^1/_2$ пудовъ.

[4]) Средняя цѣна за перевозку чая вьюкомъ на верблюдахъ изъ Калгана въ Ургу равняется 3 китайскимъ ланамъ серебра (6 нашихъ серебряныхъ рублей) съ каждаго ящика. Срокъ доставки полагается отъ 30—40 дней.

[5]) Судя по отчетамъ ургинскаго консула.

Земледѣлія въ окрестностяхъ Урги нѣтъ, вѣроятно, по причинѣ суроваго климата; лишь въ Маймачэнѣ китайцы имѣютъ небольшіе огороды, на которыхъ выращиваютъ капусту, картофель, лукъ, чеснокъ и др. огородныя овощи.

Ходячею монетою въ Ургѣ, кромѣ китайскаго серебра и нашихъ кредитныхъ рублей, служатъ чайные кирпичи, вѣсомъ каждый въ китайскій гинъ ($1^1|_2$ нашихъ фунта) и среднимъ числомъ въ 60 копѣекъ. Эти кирпичи, кромѣ того, еще распиливаются на 30 кусочковъ, называемыхъ шара-цай и стоящихъ по двѣ копѣйки. Неудобство подобной монеты вынуждаетъ болѣе солидные торговые китайскіе дома выпускать отъ себя особые, цѣнящіеся на число чайныхъ кирпичей, кредитные билеты, называемые тезцы [1]).

Всѣ китайцы, живущіе въ Ургѣ (какъ равно и возлѣ нашей Кяхты), люди безсемейные, ибо по закону не могутъ вывозить сюда изъ отечества своихъ женъ и семейства. Взамѣнъ этого они обзаводятся наложницами изъ монголокъ. Кромѣ того, безбрачные ламы сильно способствуютъ развитію разврата среди тѣхъ же монголовъ. Сифилисъ здѣсь сильно распространенъ, и несчастные, имъ зараженные, даже въ лучшемъ случаѣ пользуются только варварскимъ лѣченіемъ ламъ; въ большинствѣ же разносятъ эту болѣзнь по улусамъ, или нерѣдко погибаютъ отъ нея.

Управленіе Ургою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и двумя восточными аймаками (Тушету-хана и Цыценъ-хана) Халхи, находится въ рукахъ двухъ амбаней: одного—изъ манчжуръ, другого—изъ мѣстныхъ монгольскихъ князей. Впрочемъ, значеніе послѣдняго падаетъ съ каждымъ годомъ. Тяжелымъ бременемъ ложится вся эта администрація на подвѣдомственныя названнымъ управителямъ аймаки и шабинское вѣдомство. Такъ, для манчжурскаго амбаня, получающаго лишь 600 ланъ въ годъ казеннаго жалованья, ежедневно полагается 27 барановъ, вмѣсто которыхъ амбань беретъ деньгами отъ $^3|_4$—1 лана ($1^1|_2$—2 нашихъ серебр. рублей) за каждаго; кромѣ того отпускаются на счетъ монголовъ деньги на приправы къ столу; затѣмъ полагается прислуга, а отъ каждаго изъ 48 подвѣдомственныхъ хошуновъ ежегодно должны доставить одну, двѣ или даже три хорошихъ лошади, вмѣсто которыхъ опять выдаются деньги—по 50 ланъ (100 серебр. рублей) съ головы. Не мало стоятъ также 12 манчжурскихъ секретарей, служащихъ въ управленіи (ямынѣ) того же амбаня.

[1]) Такихъ тецзовъ въ послѣднее время выпущено китайцами на сумму до милліона рублей.

Въ Ургѣ, какъ извѣстно, находится русское консульство, которое помѣщается въ двухэтажномъ домѣ съ флигелями и службами. Расположена эта постройка на возвышенномъ мѣстѣ, недалеко отъ берега р. Тола, въ срединѣ разстоянія между монгольскимъ и китайскимъ городами. Въ этомъ промежуткѣ раскиданы, кромѣ того, и другія зданія, принадлежащія частью мѣстной администраціи и духовенству, частью монгольскимъ князьямъ, пріѣзжающимъ въ Ургу на праздники и сеймы. При консульствѣ находится также почтовое отдѣленіе. Другія почтовыя отдѣленія въ предѣлахъ Китая содержатся нами въ Калганѣ, Пекинѣ и Тянъ-дзинѣ. Почту—тяжелую однажды въ мѣсяцъ, а легкую трижды въ теченіе мѣсяца—возятъ по подряду отъ Кяхты до Калгана монголы, а далѣе китайцы, преимущественно мусульмане.

Изъ примѣчательностей въ окрестностяхъ Урги можно указать на горный кряжъ *Ханъ-ула*, который стоитъ на лѣвомъ берегу р. Тола и протянулся съ востока на западъ верстъ на 30. На обоихъ своихъ склонахъ онъ покрытъ густымъ лѣсомъ хвойныхъ породъ, какъ-то: лиственницы, сосны, ели и пихты. Лѣсъ этотъ послѣдній къ сторонѣ Гоби. Въ немъ водятся въ изобиліи звѣри: косули, маралы, кабаны, волки, медвѣди и, какъ говорятъ, даже соболи. Охота и порубка деревьевъ здѣсь строго запрещены, ибо Ханъ-ула съ давнихъ поръ почитается монголами священною. Ежегодно два раза приносятся здѣсь жертвы, а для охраны заповѣднаго лѣса, вокругъ подошвы всей горы, поставлены юрты сторожевыхъ монголовъ.

Путь нашъ по Сѣверной Гоби.

Въ Ургѣ мы получили паспортъ изъ пекинскаго цзунъ-ли-ямына и утромъ 8 ноября двинулись въ путь. Въ караванѣ состояло 40 завьюченныхъ верблюдовъ, 14 подъ верхомъ казаковъ, 3 запасныхъ и 7 верховыхъ лошадей. Багажа набралось болѣе 300 пудовъ. Всѣ вьючные верблюды были раздѣлены на 6 эшелоновъ, сопровождаемыхъ каждый двумя казаками. Остальные казаки ѣхали частью въ срединѣ каравана вмѣстѣ съ вольноопредѣляющимся Козловымъ, частью въ арьергардѣ, гдѣ постоянно слѣдовалъ поручикъ Роборовскій. Самъ я ѣхалъ немного впереди каравана съ вожакомъ-монголомъ и урядникомъ Телешовымъ. Старшій урядникъ Иринчиновъ, назначенный мною вахмистромъ экспедиціоннаго отряда, велъ головной эшелонъ и соразмѣрялъ ходъ всего каравана. Наконецъ, позади завьюченныхъ верблюдовъ, т. е. въ арьергардѣ нашей колонны, одинъ изъ казаковъ на верховой лошади гналъ кучку барановъ для продовольствія. Таковъ былъ обычный порядокъ нашего движенія по пустынямъ Центральной Азіи. Сначала, конечно, многое не ладилось, въ особенности относительно вьюченья верблюдовъ;

но скоро казаки привыкли къ этой немудреной работѣ, и дѣло пошло какъ слѣдуетъ.

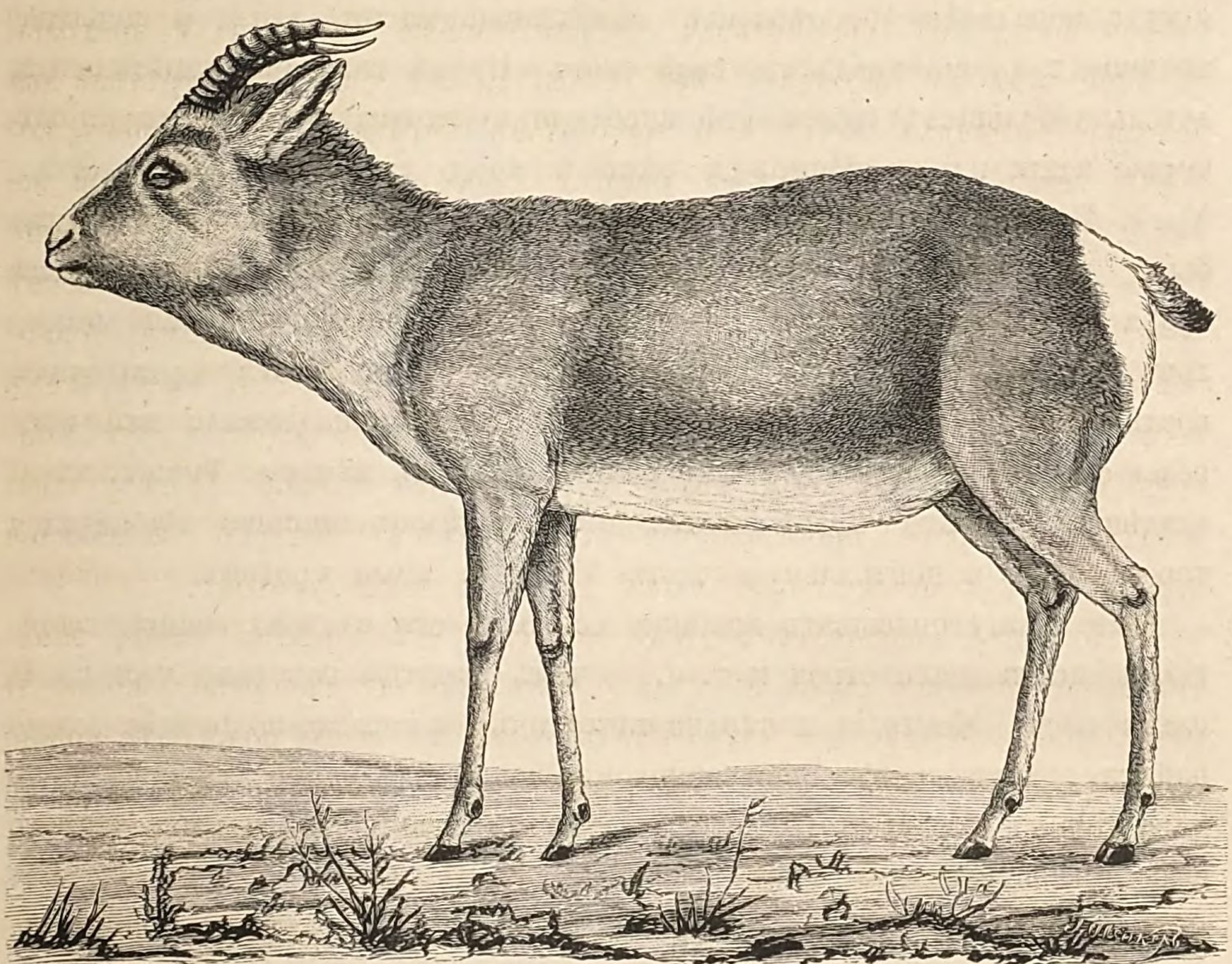
Мы направлялись теперь поперекъ Гоби тѣмъ самымъ путемъ черезъ Ала-шань, гдѣ я проходилъ уже дважды: въ 1873 году при возвращеніи изъ перваго путешествія и въ 1880 г., возвращаясь изъ третьей своей экспедиціи. Да и далѣе изъ Ала-шаня, вплоть до Тибета, нашъ путь долженъ былъ лежать по мѣстамъ, трижды нами пройденнымъ при прежнихъ путешествіяхъ. Вотъ почему нынѣшній разсказъ о пути черезъ Гоби и далѣе въ Цайдамъ, словомъ, II и III-я главы настоящей книги будутъ носить весьма сжатый характеръ; лишь вскользь будетъ упоминаться о томъ, о чемъ уже говорено было въ описаніяхъ моего перваго и третьяго путешествій [1]).

Сдѣлавъ первый переходъ въ 21 версту и передневавъ затѣмъ на берегу р. Тола, тамъ, гдѣ находятся сѣнокосы нашего консульства и гдѣ въ послѣдній разъ до самой Гань-су мы встрѣтили лѣсныя и кустарныя заросли съ ихъ спеціальною фауною, мы двинулись далѣе по степному раіону сѣв. Гоби. Этотъ раіонъ, широкою полосою окаймляющій собою съ сѣвера и востока восточную часть центральной азіатской пустыни, появляется здѣсь благодаря сравнительно достаточному количеству лѣтнихъ дождей, которые приносятся съ сѣвера вѣтрами Сибири, а съ востока юго-восточнымъ китайскимъ муссономъ. Смачиваемая этою влагою песчано-глинистая почва пустыни поростаетъ прекрасною для корма скота травою, и дикая безплодная Гоби превращается въ привольную для номадовъ степь. По нашему пути, прямо на югъ отъ Урги, такая мѣстность залегала въ ширину верстъ на триста, приблизительно до почтовой улясутайской дороги. Впрочемъ, вполнѣ хорошая степь тянется лишь верстъ на сотню отъ Урги; затѣмъ травяной покровъ становится бѣднѣе, мѣстами вовсе пропадаетъ и пустыня мало-по-малу является во всей своей неприглядной наготѣ.

Съ выступленіемъ нашимъ изъ Урги начались сильные морозы, доходившіе до замерзанія ртути. Снѣгъ же лишь тонкимъ ($^1|_4$—$^1|_3$ фута) слоемъ покрывалъ землю, да и то мѣстами не сплошь. Верстъ черезъ 150 отъ Урги снѣговой покровъ началъ чаще прерываться и еще черезъ полсотню верстъ исчезъ окончательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало гораздо теплѣе, ибо днемъ почва все-таки нагрѣвалась солнцемъ при постоянно

[1]) Такъ къ настоящей главѣ относятся почти сполна главы I, II, VI и XIV моей «Монголія и страна тангутовъ» и глава XVIII моего «Третьяго путешествія». Въ этой послѣдней главѣ болѣе обстоятельно изложено о Гоби, какъ равно и о нашемъ пути изъ Ала-шаня на Ургу.

почти ясной погодѣ [1]). Короткіе зимніе дни вынуждали насъ идти отъ восхода до заката солнца. Дневокъ сначала мы вовсе не дѣлали, да и въ дальнѣйшемъ движеніи черезъ Гоби дневали изрѣдка, ибо при слѣдованіи по пройденному уже дважды пути, притомъ зимою, научной работы по части географическихъ и естественно-историческихъ изысканій было мало. Изъ крупныхъ звѣрей намъ попадались лишь антилопы-дзерены, по которымъ мы много разъ пускали свои неудачные

Дзеренъ (Antilope gutturosa) [2]).

выстрѣлы. Звѣри были напуганы монголами, да притомъ на просторѣ степи даже дальнобойная берданка иногда не доноситъ пулю до цѣли. Зимующихъ птицъ почти не было видно, кромѣ единичныхъ сарычей, да изрѣдка встрѣчавшихся лапландскихъ пуночекъ. Мѣстность отъ невысокихъ горъ, сопровождающихъ лѣвый берегъ р. Тола, всюду имѣла

[1]) Замѣчательно, что среди халхаскихъ монголовъ, также какъ и въ разныхъ мѣстахъ южныхъ окраинъ нашего государства (Туркестанъ, Кавказъ, Крымъ), существуетъ повѣрье, что сильные холода «русскіе съ собою принесли».

[2]) Самецъ въ зимней шерсти. $^1/_{12}$ натур. величины.

одинаковый характеръ и представляла собою хаосъ холмовъ и мелкихъ горокъ, насыпанныхъ безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Поближе къ почтовой улясутайской дорогѣ начали попадаться солончаки, и на нихъ характерныя растенія пустыни — *бударгана*, *хармыкъ* и *Reaumuria* [1]), сразу всѣ вмѣстѣ, невзрачными стелющимися кустиками. Рѣкъ или рѣчекъ не было вовсе, но довольно часто встрѣчались колодцы и небольшіе ключи. Одинъ изъ нихъ, именно Тугулымъ-булэ [2]), считается цѣлебнымъ, и лѣтомъ возлѣ него живутъ больные монголы. Навстрѣчу намъ иногда попадались богомольцы, направлявшіеся въ Ургу, и монголы, гнавшіе туда же продавать свой скотъ. Кромѣ того, мы встрѣтили два довольно большихъ (всего 120 верблюдовъ) каравана ала-шаньцевъ, которые везли изъ г. Нингъ-ся рисъ и просо для продажи въ той же Ургѣ. Подножнаго корма въ степной полосѣ, гдѣ мы шли, всюду еще было достаточно, въ особенности на безводныхъ мѣстахъ; къ веснѣ трава эта будетъ съѣдена до-чиста многочисленными стадами монголовъ. Разбросанныя въ одиночку, или по двѣ—три вмѣстѣ, юрты этихъ послѣднихъ всюду встрѣчались намъ на пути. Принадлежали эти монголы сначала шабинскому вѣдомству, а затѣмъ аймаку Тушету-хана, владѣнія котораго простираются отъ предѣловъ нашего Забайкалья черезъ Ургу и центральную часть Гоби до земли уротовъ.

Характеристика монголовъ.

Не стану описывать жилища монгола, его одежды, пищи, занятій, общественнаго строя и т. п., о чемъ вкратцѣ говорено уже во II главѣ моей «Монголія и страна тангутовъ» и гораздо подробнѣе можно найдти у другихъ путешественниковъ; попытаюсь набросать здѣсь лишь характерныя черты этого кочевника по своимъ личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ.

Подобно тому какъ у другихъ номадовъ, такъ и у монголовъ, вслѣдствіе нивелирующихъ условій кочевой жизни, общая характеристика внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ цѣлаго народа почти одинакова для различныхъ его племенъ и сословій. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, выражается преобладающее значеніе массы, стадности, безъ рѣзкихъ индивидуальныхъ уклоненій и обособленій. Цѣликомъ же монгольскій народъ отличается отъ сосѣднихъ кочевниковъ тѣмъ, что достигъ, сравнительно, болѣе высокой стадіи развитія, имѣетъ собственныя письмена, печатные законы, изучаетъ тибетскую грамоту, всецѣло преданъ вопросамъ ре-

[1]) Эти растенія впервые встрѣтились въ 8 верстахъ южнѣе кумирни Табитэ, слѣдовательно, подъ $46^1/_3{}^0$ сѣв. шир.

[2]) На моей картѣ, приложенной къ «Монголія и страна тангутовъ», этотъ ключъ ошибочно названъ Тугрумъ-булэ.

лигіи, словомъ, выработалъ извѣстную, хотя и уродливую культуру. Въ то же время національная жизнь у монголовъ почти забыта, и родовой бытъ уже исчезъ.

Обитая въ странѣ, имѣющей хотя и незавидный, но тѣмъ не менѣе здоровый климатъ, не зная извращеннаго склада и треволненій нашей жизни, съизмальства пріученный ко всѣмъ трудностямъ родной пустыни, полною грудью вдыхающій ея чистый воздухъ, монголъ пользуется довольно крѣпкимъ физическимъ складомъ, хорошимъ здоровьемъ и нерѣдко достигаетъ глубокой старости. Правда, приращеніе населенія въ Монголіи идетъ туго, вслѣдствіе стѣсненныхъ экономическихъ условій, безбрачія ламъ, иногда эпидемическихъ болѣзней (оспа, тифъ) и т. п., но за то среди нарождающихся младенцевъ, при суровыхъ условіяхъ быта и обстановки, несомнѣнно происходитъ строгій естественный подборъ сильнѣйшихъ, и не выживаетъ, какъ въ нашихъ городахъ, всякая калѣчь на горе себѣ и другимъ. Только ламы при кумирняхъ, въ особенности тѣ, которые болѣе строгаго посвященія, выглядываютъ, какъ и наши кабинетные сидни, болѣзненными и тщедушными. Истый же сынъ пустыни, коренной монголъ, всегда здоровъ, безпеченъ и счастливъ, гарцуя на своемъ конѣ по безграничнымъ равнинамъ.

Внѣшній обликъ монгола достаточно извѣстенъ изъ различныхъ описаній. Скажу только, что сѣверные монголы, т. е. халхазцы и наши буряты всего лучше сохранили коренной типъ своей расы. Тѣ же монголы, которые живутъ вблизи Собственнаго Китая, много окитаились какъ по наружному виду, такъ еще болѣе относительно своихъ нравственныхъ качествъ. Подобная нравственная порча составляетъ обыденное явленіе среди монголовъ, кочующихъ и вблизи нашей сибирской границы. Какъ отъ насъ, такъ и отъ китайцевъ номады перенимаютъ лишь худшія стороны цивилизаціи, безъ измѣненія своихъ прежнихъ грубыхъ или дурныхъ склонностей.

Войлочная юрта составляетъ подвижное жилище монгола; домашній скотъ обусловливаетъ все его существованіе. Земледѣлія монголы не знаютъ вовсе; въ ремеслахъ же ограничиваются лишь выдѣлкою немногихъ предметовъ домашняго обихода. Кирпичный чай, завариваемый съ солью и молокомъ, съ масломъ или саломъ и мукою, равно какъ молоко въ разныхъ видахъ, не исключая и опьяняющаго кумыса, наконецъ мясо барановъ, иногда рогатаго скота и лошадей, или еще рѣже верблюдовъ, составляютъ обыденную пищу того же номада. При случаѣ онъ не брезгаетъ и падалью, въ особенности если издохшая скотина жирна.

6*

Приготовляется монгольская пища всегда крайне грязно. Такъ, чай нерѣдко варится изъ сквернѣйшей воды, бараньи внутренности для супа обыкновенно не моются, масло полно шерсти и грязи; посуда лишь изрѣдка вытирается вмѣсто полотенца сухимъ аргаломъ (пометомъ скота), деревянныя чашки, изъ которыхъ пьютъ чай или супъ, вылизываются языкомъ и носятся за пазухою и т. п. Обжорство монголовъ превосходитъ всякое вѣроятіе, конечно, если представится для того удобный случай; зато эти люди способны и подолгу голодать. Сами номады, не исключая и женщинъ, никогда не моютъ своего тѣла; лишь изрѣдка обтираютъ лицо грязною, мокрою тряпкою или ополаскиваютъ его жирнымъ бараньимъ бульономъ [1]). Помимо толстаго слоя грязи на тѣлѣ, одежда обоихъ половъ кишитъ паразитами, истребленіе которыхъ составляетъ обыденное занятіе даже при чужихъ людяхъ. Изъ внѣшнихъ чувствъ у монголовъ всего лучше зрѣніе. Остальныя чувства не особенно тонки, да имъ и невозможно развиться: обоняетъ монголъ только аргальный дымъ въ своей юртѣ; осязаетъ лишь войлоки, шкуры, шерсть, аргалъ и т. п.; о вкусѣ мало имѣетъ понятія, ибо всю жизнь потребляетъ только соленый чай, кислое молоко и кумысъ, да изрѣдка обжирается бараниною; наконецъ, слухъ номада не изощряется ничѣмъ, кромѣ ржанія лошадей, мычанія коровъ, блеянія барановъ, отвратительнаго крика верблюдовъ, дикихъ звуковъ шаманскаго бубна, да глухаго завыванья бури въ пустынѣ.

Бѣдна, незавидна жизненная обстановка монгола, бѣденъ и его внутренній міръ. Впрочемъ, здѣсь не можетъ быть приложима строгая оцѣнка по европейской мѣркѣ, ибо номадъ представляетъ собою низшую, уже отживающую стадію общечеловѣческаго развитія.

Въ глубинѣ своей родной пустыни, вдали отъ развращающаго вліянія нашей или китайской жизни, монголъ обладаетъ довольно многими похвальными качествами: онъ добродушенъ, гостепріименъ, достаточно честенъ, хорошій семьянинъ, ведетъ жизнь почти патріархальную, доволенъ и счастливъ по своему. Въ общемъ и всѣ монголы, противоположно другимъ кочевникамъ, нрава весьма мирнаго: крупныя преступленія, въ особенности убійства, здѣсь очень рѣдки, нѣтъ даже спеціально-организованнаго, какъ напр., у киргизовъ, воровства скота, такъ-называемой баранты. Однако, удаль мужчины и здѣсь много цѣнится прекраснымъ поломъ. Этотъ послѣдній, по нашимъ понятіямъ, далеко

[1]) Зимою монголы иногда, взамѣнъ умыванья, вымазываютъ во время ѣды свое лицо бараньимъ жиромъ, обыкновенно отъ того же самаго куска, который попадаетъ въ ротъ.

не можетъ похвалиться своею нѣжностью и красотою. У монголовъ, подобно тому какъ и у другихъ народовъ, понятіе о красотѣ сообразуется съ преобладающимъ типомъ своей расы, поэтому плосколицая и скуластая женщина здѣсь всего привлекательнѣе. Нравственная распущенность монгольскихъ дѣвушекъ весьма большая, но спеціальной проституціи нѣтъ, исключая развѣ городовъ. На женщинахъ лежатъ всѣ домашнія работы и уходъ за дѣтьми; въ другія дѣла онѣ не вмѣшиваются. Вообще женщины въ Монголіи гораздо дѣятельнѣе мужчинъ. Послѣдніе лѣнивы до крайности. Эта лѣнь проглядываетъ на каждомъ шагу обыденной жизни номада. Дома, въ своей юртѣ, онъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ, лишь изрѣдка съѣздитъ взглянуть на скотъ, который пасется по близости. Затѣмъ большую часть дня проводитъ въ чаепитіи, составляющемъ для монголовъ какое-то священнодѣйствіе; или въ поѣздкахъ по сосѣднимъ юртамъ для того же чаепитія зимою, а лѣтомъ—чтобы напиться до отвала кумыса или ареки [1]). Пѣшая ходьба во всеобщемъ презрѣніи у монголовъ, конечно, ради той же лѣни. Поэтому, номадъ, если только имѣетъ возможность, шагу не сдѣлаетъ безъ верховой лошади, постоянно привязанной возлѣ его юрты. Даже во время пастбы скота, на что обыкновенно употребляются совершенно бѣдные люди по найму, или подростки семьи, изрѣдка женщины, пастухъ сидитъ по цѣлымъ днямъ на лошади или коровѣ, которая пасется вмѣстѣ со всѣмъ стадомъ. Немного оживаетъ номадъ лишь осенью, или зимою, когда отправляется съ караваномъ верблюдовъ транспортировать чай, соль и китайскіе товары.

При всей своей лѣни, монголы весьма любопытны и словоохотливы, но далеко не веселаго нрава. Даже дѣти здѣсь рѣзвятся очень мало. Пѣсни также слышатся рѣдко; притомъ онѣ обыкновенно заунывныя, или воспѣваютъ предметы быта и обстановки номада. Общественныя веселья, такъ-называемая байга̀ (состязанія въ скачкѣ, борьбѣ, стрѣльбѣ въ цѣль и пр.), устраиваются лишь въ Ургѣ и другихъ важныхъ религіозныхъ пунктахъ, разъ или два въ годъ, во время большихъ праздниковъ, да и то съ каждымъ годомъ эти традиціонныя празднества становятся бѣднѣе. Вѣжливость у монголовъ выражается во взаимномъ угощеніи нюхательнымъ табакомъ или закуренною трубкою, иногда въ обмѣнѣ хадаками (небольшіе, въ видѣ полотенца, куски шелковой матеріи), которыя замѣняютъ наши визитныя карточки, въ обоюдныхъ разспросахъ о здоровьи скота и т. п. Угощаютъ гостей, прежде всего,

[1]) Забродившее кислое молоко.

чаемъ, а лѣтомъ молокомъ или кумысомъ. Для хорошаго пріятеля или своего начальника, монголъ не поскупится зарѣзать барана, который обыкновенно съѣдается до-чиста.

Насчетъ лѣкарствъ номады вообще весьма падки; считаютъ цѣлебною всякую дрянь (желчь медвѣдя или дикаго яка, сердце горнаго барана, высушенную летучую мышь или жабу и т. п.) и охотно прибѣгаютъ къ варварскому лѣченію своихъ ламъ. Затѣмъ слѣдуетъ сказать, что тѣ же номады вообще жадны на деньги и на скотъ. Имѣя тысячныя стада, монголъ нерѣдко ѣстъ лишь издыхающихъ животныхъ и не скупится только на пожертвованія въ кумирни.

Умомъ монголы не богаты, хотя у нихъ нельзя отнять обыденной смётки. Притомъ номадъ, какъ и вообще неразвитый человѣкъ, отличается удивительною способностью помнить мелочи изъ собственнаго быта и обстановки. Такъ, монголъ не только знаетъ «въ лицо» всѣхъ своихъ лошадей, но легко отыщетъ своего заблудившагося барана въ тысячномъ стадѣ другого владѣльца, припомнитъ масть и отличительные признаки лошади, на которой ѣздилъ много лѣтъ тому назадъ, подробно опишетъ свое платье, надѣвавшееся въ молодости и т. п. Кромѣ того, монголы весьма памятливы на мѣстность и легко оріентируются въ пустынѣ; наконецъ, подмѣчаютъ и знаютъ многія явленія природы. Точныхъ измѣреній для времени и разстояній не понимаютъ. Время считается по днямъ, ночамъ, недѣлямъ, мѣсяцамъ и годамъ; большія разстоянія опредѣляются по числу дней ѣзды на верблюдѣ или на верховой лошади, а малыя обыкновенно лишь словами «близко», или «далеко», иногда же и по дневному движенію солнца. Оріентировка, хотя бы въ юртѣ, всегда производится по странамъ свѣта; нашей «правой» или «лѣвой» стороны монголы не знаютъ.

Рядомъ съ ограниченными умственными способностями, лѣнивымъ и апатичнымъ складомъ характера, трусость и ханжество составляютъ самыя присущія монголу качества. Первое изъ нихъ, т. е. трусость, помимо общаго ея господства въ характерѣ всѣхъ азіятцевъ, сильно развита нынѣ у монголовъ вслѣдствіе отсутствія политической для нихъ дѣятельности, усыпляющаго воздѣйствія китайцевъ, наконецъ и вслѣдствіе вліянія самой пустыни, нигдѣ непредставляющей простора для активной работы человѣка. На той же самой почвѣ лѣниваго, пассивнаго склада характера номада прочно укоренилось и широко развилось религіозное ханжество, въ которое погружена вся жизнь нынѣшняго монгола. Помимо безчисленнаго множества ламъ, составляющихъ, по крайней мѣрѣ треть всего мужскаго населенія описываемой страны,

здѣсь всѣ, отъ простолюдина до владѣтельнаго князя, отдають религіозному культу какъ свои лучшія стремленія, такъ и большую часть своихъ матеріальныхъ средствъ. Но рядомъ со столь широкимъ господствомъ буддизма, или, вѣрнѣе, современнаго ламаизма, у монголовъ уживаются немалые остатки прежняго шаманства и фетишизма. Не говоря уже про поклоненіе горамъ, рѣкамъ, озерамъ и др. предметамъ неодушевленной природы, монголы вѣруютъ во многое множество различныхъ примѣтъ, гаданій и волшебства, начиная отъ лопаточной кости барана, играющей большую роль въ суевѣріяхъ этого народа, до различныхъ отчитываній ламъ и дикихъ представленій изступленнаго шамана.

Въ общемъ резюме: отсутствіе энергіи и настойчивости, рядомъ съ мимолетностью впечатлѣній и неразвитостью, словомъ, чисто дѣтская натура—вотъ крупныя черты характера монгола. Сюда слѣдуетъ прибавить его трусость, религіозное ханжество и грубыя понятія нравственныя. Но путешественникъ мирится съ этимъ дикаремъ, когда встрѣчаетъ въ глухой пустынѣ его гостепріимство и видитъ передъ собою простаго безхитростнаго человѣка. Грустно лишь то, что даже у дикарей-номадовъ, какъ и при сложномъ строѣ цивилизованнаго быта, въ практической жизни обыкновенно выигрываетъ нравственно-худшій человѣкъ. Тамъ, какъ и у насъ, прогрессируютъ порокъ и проходимство въ ущербъ добрыхъ сердечныхъ качествъ. Конечно, встрѣчаются и исключенія, но они ничтожны сравнительно съ огульнымъ пошибомъ.

Настоящая пустыня.

Черезъ 18 дней по выходѣ изъ Урги, мы оставили позади себя степной раіонъ сѣв. Гоби и вступили близъ колодца Дыби-добо въ настоящую пустыню, ту самую, которая залегаетъ съ востока на западъ черезъ всю Центральную Азію, а по нашему пути протянулась безъ перерыва до окрайнихъ горъ Гань-су. Южная, бо̀льшая часть этой пустыни изобилуетъ сыпучими песками, наполняющими то спорадически, то чаще громадными сплошными массами, обширныя пространства отъ западныхъ предѣловъ Таримскаго бассейна до восточной части Ордоса. Меньшая, т. е. центральная часть Гоби, еще болѣе безплодная, покрыта щебнемъ и галькою; мѣстами встрѣчаются здѣсь солончаки и небольшія площади лёссовой глины; песчаные же наносы попадаются лишь кое-гдѣ и притомъ необширные. Относительно топографическаго рельефа, мѣстность какъ южной, такъ и центральной Гоби представляетъ собою волнистыя равнины, по которымъ тамъ и сямъ разбросаны отдѣльныя горки, группы холмовъ и небольшіе хребтики, изрѣдка выростающіе въ довольно значительные горные хребты. Поднятіе надъ уровнемъ моря, т. е. абсолютная высота всей страны различна въ различныхъ ея частяхъ, но въ

общемъ, исключая горъ, не превышаетъ 5,500 футовъ и не опускается ниже 2,000 футовъ. Бѣдность водою весьма велика, въ особенности въ центральной Гоби. Атмосферные осадки составляютъ всегда здѣсь большую рѣдкость. Флора и фауна также бѣдныя, но притомъ рѣзко типичныя и оригинальныя, конечно, въ зависимости отъ исключительныхъ условій своего существованія.

Почти цѣлый мѣсяцъ тащились мы поперекъ центральной Гоби, до сѣверной границы Ала-шаня. Помимо холодовъ и иногда бурь пустыня давала постоянно себя чувствовать своимъ безплодіемъ и безводіемъ. Степныя пастбища исчезли и лишь мѣстами, въ распадкахъ холмовъ или по русламъ бывшихъ дождевыхъ потоковъ, наконецъ, по окраинамъ солончаковъ и сыпучаго песка, росли невзрачныя травы и корявые кустарники; между послѣдними, тотчасъ за хребтомъ Хурху, встрѣтился саксаулъ. Обширныя, совершенно оголенныя площади иногда раскидывались на десятки верстъ. Ни ручьевъ, ни рѣкъ, ни даже ключей, по нашему пути не встрѣчалось. За то нерѣдки были колодцы, всегда неглубокіе (отъ 3 — 7 футовъ) и обыкновенно съ дурною водою. Однако привычные къ подобнымъ невзгодамъ наши верблюды шли хорошо, и только лошади немного уставали. Животная жизнь также обѣднѣла до крайности, хотя и появились новые исключительно пустынѣ свойственные виды млекопитающихъ и птицъ. По пути всюду попадались кочующіе въ разбродъ монголы, и ихъ стада, повидимому, чувствовали себя хорошо, не смотря на скудость пастбищъ. Просторъ этихъ послѣднихъ, обиліе соли въ почвѣ, сухой климатъ, отсутствіе лѣтомъ докучныхъ насѣкомыхъ и подножный кормъ въ теченіе круглаго года — вотъ тѣ факторы, которые дѣлаютъ возможнымъ существованіе скота номадовъ, даже въ самой дикой пустынѣ. Впрочемъ, здѣшнія стада были не многочисленны, и сами монголы жили гораздо бѣднѣе, чѣмъ ихъ собратья въ сѣверной Гоби.

Изъ научныхъ работъ мы производили теперь, лишь метеорологическія наблюденія, повѣряли барометромъ абс. высоты мѣстности, собирали образчики горныхъ породъ и почвы, да кое-какія сѣмена; кромѣ того препарировали изрѣдка попадавшихся птицъ. Изъ звѣрей добыли пока только одного дзерена. Спеціально устроенныя нами охоты: въ горахъ Хурху за горными козлами, а немного южнѣе этихъ горъ за баранами Дарвина [1]), оказались неудачными, главнымъ образомъ, вслѣдствіе сильныхъ холодовъ.

[1]) *Ovis Darvini*, открытый мною здѣсь же осенью 1880 г.

Проводниковъ мы брали отъ самой Урги изъ мѣстныхъ монголовъ. Пройдти безъ вожака въ здѣшнихъ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ рѣзко очерченныхъ рельефовъ мѣстности, а слѣдовательно и прочной оріентировки, почти невозможно, въ особенности лѣтомъ въ періодъ сильныхъ жаровъ.

По южную сторону горъ Хурху пустыня нѣсколько измѣнила свой характеръ, именно тѣмъ, что сдѣлалась болѣе песчаною. Въ пескахъ же появились, иногда довольно обширныя, заросли саксаула, а по сухимъ русламъ дождевыхъ потоковъ мѣстами стали появляться ильмовыя деревья, которыя еще чаще растутъ въ западномъ углу земли уротовъ, прилегающей къ сѣв. Ала-шаню.

Погода во время нашего слѣдованія, какъ по средней, такъ и по сѣв. Гоби, стояла почти постоянно ясная. Сильные морозы, встрѣтившіе насъ близъ Урги, вскорѣ полегчали, хотя ночное охлажденіе атмосферы все-таки почти постоянно было велико. Въ тихую же погоду днемъ становилось довольно тепло, но при вѣтрѣ и днемъ всегда чувствовался холодъ. Снѣгъ, какъ уже было говорено, лежалъ лишь въ окрестностяхъ Урги да въ сѣверной половинѣ степной Гоби. Далѣе къ югу пустыня была совершенно свободна отъ зимняго покрова. Только близъ горъ Хурху и въ самыхъ этихъ горахъ небольшіе снѣжные бураны вновь побѣлили почву. Вслѣдъ затѣмъ вѣтеръ сдулъ этотъ снѣгъ съ открытыхъ мѣстъ и наметалъ лишь небольшіе сугробики возлѣ кустовъ и камней. Въ южной же части земли уротовъ, по саксаульнымъ зарослямъ, да и въ другихъ здѣсь мѣстахъ, мы встрѣтили сплошной снѣгъ глубиною до $^1/_2$ фута, а въ сугробахъ отъ 1—2 футовъ. Затишья нерѣдко выпадали въ ноябрѣ; въ декабрѣ бури случались чаще. Вообще осень наиболѣе спокойное, относительно вѣтровъ, время для Гоби и для всей Центральной Азіи. Весною же здѣсь бури бываютъ всего сильнѣе и чаще [1]).

Эти бури, обыкновенно западныя или сѣверо-западныя, являются могучими дѣятелями въ геологическихъ образованіяхъ и измѣненіяхъ рельефа поверхности пустыни, словомъ, производятъ здѣсь ту же активную работу, какую творитъ текучая вода нашихъ странъ. Механическая работа бурь.

Нужно видѣть во-очію всю силу разгулявшагося въ пустынѣ вѣтра, чтобы оцѣнить вполнѣ его разрушающее дѣйствіе. Не только пыль и песокъ густо наполняютъ въ это время атмосферу, но въ воздухѣ иногда поднимается мелкая галька, а болѣе крупные камешки катятся по поверхности почвы. Намъ случалось даже наблюдать [2]), какъ камни, вели-

[1]) Подробно о буряхъ въ Центр. Азіи и объ ихъ причинахъ, см. мое «Третье Путешествіе», стр. 32—35, 185, 186 и 187.

[2]) У сѣвернаго подножія хребта Алтынъ-тагъ близъ Лобъ-нора.

чиною въ кулакъ, попадали въ углубленія довольно крупныхъ горныхъ обломковъ и, вращаемые тамъ бурею, производили глубокія выбоины или даже протирали насквозь двухфутовую каменную толщу.

Тѣ же бури являются главною причиною образованія столь характерной для всей внутренней Азіи лёссовой почвы. Продуктъ этого лёсса получается частью изъ выдуваемыхъ прежнихъ водяныхъ осадковъ, не менѣе же вырабатывается бурями изъ разрушающихся горныхъ породъ. Такое разрушеніе, при большой интенсивности климатическихъ вліяній, идетъ въ пустынѣ сравнительно быстро. Громадныя каменныя глыбы дробятся сначала на крупные, потомъ на болѣе мелкіе куски, наконецъ, на кусочки, образующіе щебень и гальку на поверхности почвы. Тутъ-то и начинается наиболѣе активная работа вѣтровъ. Неустанною, живою силою дѣйствуютъ они изъ года въ годъ на инертную массу камня и дробятъ гальку пустыни, постоянно ударяя въ нее пескомъ или хрящемъ, или сталкивая мелкіе камешки другъ съ другомъ, или, наконецъ, перекатывая ихъ съ мѣста на мѣсто. Крайности холода и тепла, нерѣдко являющіяся въ пустынѣ крупными скачками, также помогаютъ разрушающей силѣ вѣтровъ. Въ результатѣ получается дробленіе горныхъ породъ на самыя мелкія частицы. Бури поднимаютъ ихъ въ воздухъ, перетираютъ здѣсь еще болѣе въ смѣси съ готовымъ пескомъ и осаждаютъ, наконецъ, полученный мельчайшій порошокъ въ лёссовыя толщи. Такимъ образомъ постепенно сглаживается рельефъ пустыни, съ одной стороны, разрушеніемъ здѣшнихъ горныхъ хребтовъ, а съ другой—засыпаніемъ долинъ, ущелій, котловинъ и вообще неровностей горнаго скелета какъ крупными продуктами разрушенія, такъ и лёссовою пылью.

Тѣ же бури постоянно работаютъ и надъ песчаными массами, залегающими въ южной Гоби. Только здѣсь работа вѣтровъ менѣе, такъ сказать, продуктивна, ибо помимо образованія матеріала для лёсса провѣиваніемъ песка и выдуваніемъ разрыхленій почвы, она выражается въ непроизводительномъ взбалтываніи песчаныхъ залежей, которыя только по своимъ окраинамъ оказываютъ незначительное поступательное движеніе. На высокомъ нагорьѣ Тибета активная работа бурь также всюду выражается весьма рѣзко, тѣмъ болѣе, что здѣсь, въ подспорье къ атмосферическимъ дѣятелямъ сухой Гоби, присоединяются во многихъ мѣстахъ постоянные лѣтніе дожди.

Великолѣпная заря.

Во время движенія черезъ сѣверную и среднюю Гоби и по сѣв. Ала-шаню, словомъ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1883 года, мы бывали почти ежедневно свидѣтелями великолѣпной вечерней и утренней зари. Въ

прежнія свои путешествія по Центральной Азіи я ни разу не наблюдалъ здѣсь такого явленія. По всему вѣроятію, оно обусловливалось тѣми самыми причинами, которыя породили подобныя же, быть можетъ только менѣе интенсивныя, зари, наблюдавшіяся одновременно съ нашими въ другихъ частяхъ земнаго шара. Вотъ какъ происходило это явленіе въ Гобійской пустынѣ.

Послѣ яснаго, какъ обыкновенно здѣсь зимою, дня, передъ закатомъ солнца, чаще же тотчасъ послѣ его захода, на западѣ появлялись мелкія перистыя или перисто-слоистыя облака. Вѣроятно, эти облака въ разрѣженномъ состояніи висѣли и днемъ въ самыхъ верхнихъ слояхъ атмосферы, но теперь дѣлались замѣтными вслѣдствіе болѣе удобнаго для глаза своего освѣщенія скрывшимся за горизонтъ солнцемъ. Вслѣдъ за тѣмъ весь западъ освѣщался ярко-бланжевымъ свѣтомъ, который вскорѣ сверху становился фіолетовымъ, изрѣдка испещреннымъ тѣневыми полосами. Въ это время съ востока поднималась полоса ночи— внизу темно-лиловая, сверху фіолетовая. Между тѣмъ, на западѣ фіолетовый цвѣтъ исчезалъ, вблизи же горизонта появлялся здѣсь, на общемъ свѣтло-бланжевомъ фонѣ, въ видѣ растянутаго сегмента круга, цвѣтъ ярко-оранжевый, иногда переходившій затѣмъ въ свѣтло-багровый, иногда и въ темно-багровый или почти кровяно-красный. На востокѣ тѣмъ временемъ фіолетовый цвѣтъ пропадалъ и все небо становилось мутно-лиловымъ.

Среди измѣняющихся переливовъ свѣта на западѣ, ярко, словно брилліантъ, блестѣла Венера, скрывавшаяся за горизонтъ почти одновременно съ исчезаніемъ зари, длившейся отъ захода солнца до своего померканія цѣлыхъ полтора часа. Почти все это время дивная заря отбрасывала тѣнь и особеннымъ, какимъ-то фантастическимъ свѣтомъ, освѣщала всѣ предметы пустыни. Утренняя заря часто бывала также не менѣе великолѣпна, но только переливы цвѣтовъ шли тогда въ обратномъ порядкѣ; иногда же эта заря начиналась прямо багровымъ свѣтомъ. При полной лунѣ описанное явленіе было менѣе рѣзко. Въ пыльной атмосферѣ сѣв. Ала-шаня оно наблюдалось нами рѣже, чѣмъ въ центральной и сѣверной Гоби.

Путь по сѣв. Ала-шаню.

Перейдя за хребтомъ Хурху черезъ Галбынъ-гоби, а затѣмъ черезъ юго-западный уголъ аймака уротовъ, мы вступили близъ кум. Баянъ-тухумъ въ сѣверные предѣлы Ала-шаня. Мѣстность, какъ и прежде, несла дикій, вполнѣ пустынный характеръ; безплодіе всюду было ужасное. Вмѣстѣ съ сыпучими песками появилась къ югу отъ горъ Хурху черезъ весь Ала-шань почти постоянная пыль въ воздухѣ. Сѣвернѣе

названныхъ горъ, гдѣ преобладаетъ галечная почва, эта пыль наполняла собою атмосферу лишь во время сильной бури. Когда буря стихала, быстро осѣдала и пыль, вѣроятно недостаточно еще здѣсь мелкая, чтобы подольше держаться въ воздухѣ. Въ Ала-шанѣ же, да и во всей южной Гоби, со включеніемъ бассейна Тарима, пыльная атмосфера составляетъ въ теченіе круглаго года самое обыденное явленіе, ибо послѣ каждой бури, даже небольшаго сравнительно вѣтра, мельчайшая пыль, уже вполнѣ переработанная и выдутая изъ песковъ или съ обширныхъ лёссовыхъ площадей, долго виситъ въ атмосферѣ и осѣдаетъ очень медленно.

По случаю крайней безкормицы, длившейся болѣе мѣсяца, наши верховыя лошади сильно ослабѣли, и двѣ изъ нихъ были брошены; верблюды же шли молодцами, несмотря на тяжелые вьюки.

Миновавъ широкую гряду безплодныхъ холмовъ, которыми расплывается къ сторонѣ Ала-шаня хребетъ Хара-наринъ-ула, мы спустились на нѣсколько меньшую абсолютную высоту и остановились дневать возлѣ ключа Аршанты, у подножія довольно высокой изолированной горной группы Ханъ-ула. На ней водится множество *куку-амановъ* (Pseudois Burrhel), впервые въ нынѣшнее путешествіе нами встрѣченныхъ. Охотѣ за названными звѣрями была посвящена дневка. Однако добычи оказалось мало—всего одинъ куку-аманъ, несмотря на обиліе выстрѣловъ. Съ непривычки, казаки горячились, да и самъ я сдѣлалъ изъ берданки нѣсколько промаховъ сряду по великолѣпному экземпляру аргали Дарвина. Здѣсь кстати замѣтить, что монголы нерѣдко также охотятся за звѣрями. У записныхъ охотниковъ мы видали въ Халхѣ, да и въ Ала-шанѣ, малокалиберныя кремневыя винтовки, которыя изготовляются въ Тобольскѣ и славятся по всей Сибири. Монголы покупаютъ эти винтовки въ Ургѣ отъ нашихъ торговцевъ и, вѣроятно, уже сами иногда передѣлываютъ кремневое ружье на фитильное.

На томъ же ключѣ Аршанты намъ повстрѣчался монгольскій лама, ходившій пѣшкомъ на богомолье въ знаменитую кумирню Гумбумъ, близъ Синина, и теперь возвращавшійся обратно. Дорогою такіе странники пользуются гостепріимствомъ въ попутныхъ стойбищахъ. Встрѣченный лама тащилъ за плечами тяжелую ношу, въ которой, кромѣ необходимой одежды, въ изобиліи имѣлись разныя тибетскія святости—лѣкарства, курительныя при богослуженіи свѣчи, писанныя молитвы или заклинанія и т. п. Все это лама, конечно, продастъ на родинѣ съ хорошимъ барышемъ и такимъ образомъ, кромѣ отмоленныхъ своихъ грѣховъ, попользуется и матеріальными выгодами.

Дальнѣйшій нашъ путь лежалъ по прежнему на югъ мимо озера осадной соли Джаратай или, какъ его теперь намъ называли, Джартатай. Мѣстность, какъ и передъ тѣмъ, была отвратительная: сыпучіе пески, кое-гдѣ поросшіе саксауломъ, смѣнялись площадями соленой лёссовой глины, по которой росли хармыкъ и бударгана; поближе къ горамъ залегала голая галька. Бѣдность водою доходитъ здѣсь до крайности. Само озеро Джаратай, гдѣ добывается превосходная осадочная соль, было такъ занесено песками и пылью, что почти не отличалось по цвѣту отъ сосѣдней пустыни. На берегу названнаго озера, въ солончаковомъ пескѣ, найдены нами были два вида прѣсноводныхъ раковинъ—*Limnaeus sp.*, *Planorbis sp.*, уже вымершихъ здѣсь, но, вѣроятно, принадлежащихъ къ живущимъ еще нынѣ видамъ. Мѣстами эти раковины, выдутыя вѣтромъ, насыпаны были, словно галька, на твердомъ солончаковомъ лёссѣ.

Снѣгъ въ Ала-шанѣ попадался лишь мѣстами, да и то въ небольшихъ сугробикахъ возлѣ кустарниковъ и вообще выдающихся предметовъ на поверхности почвы. Въ голыхъ сыпучихъ пескахъ такіе сугробики были занесены пескомъ иногда на два фута глубиною. Тѣмъ не менѣе, антилопы хара-сульты умѣютъ находить подобныя снѣговыя залежи и, раскапывая заметавшій ихъ песокъ, пользуются снѣгомъ взамѣнъ воды.

Погода по прежнему стояла ясная, холодная по ночамъ и довольно теплая днемъ, когда не было вѣтра. Солнце, несмотря на зиму, грѣло ощутительно, и въ затишье сыпучій песокъ на крутыхъ скатахъ, обращенныхъ къ солнцу, нагрѣвался, несмотря на конецъ декабря, до $+27,5^{0}$. До такой же цифры или даже болѣе нагрѣвалась во время пути наша одежда на сторонѣ тѣла, обращенной къ солнцу; между тѣмъ какъ на сторонѣ тѣневой въ это самое время термометръ показывалъ морозъ [1]).

Отъ озера Джаратай до Ала-шаньскаго города Дынь-юань-инъ, гдѣ имѣетъ свое пребываніе мѣстный владѣтельный князь и куда мы теперь направлялись, разстояніе немного болѣе сотни верстъ. Дорога, хорошо наѣзженная, идетъ сначала по бугристой мѣстности, поросшей хармыкомъ, а затѣмъ по сыпучему песку, покрытому рѣдкимъ саксауломъ. Послѣдній до того былъ засыпанъ лёссовою пылью, что стоило лишь тряхнуть дерево, чтобы съ него слетѣлъ цѣлый столбъ этой пыли. Мѣстами среди саксаульника попадаются небольшія солончаковыя пло-

[1]) Такъ напр., 2 января въ полдень, при слѣдованіи верхомъ съ караваномъ, у меня за спиною, въ тѣни, термометръ показывалъ $-3,0^{0}$, а на груди, на солнечномъ пригрѣвѣ, въ то же самое время температура была $+30,3^{0}$.

щадки лёссовой глины, обильно поросшія зеленѣющими и зимою кустиками *Haloxylon?* На такихъ площадкахъ обыкновенно живутъ *пустынные жавороночки* (Alaudula cheleënsis); *саксаульныя сойки* (Podoces Hendersoni) и *саксаульные воробьи* (Passer Stoliczkae) обитаютъ съ ними по сосѣдству и составляютъ всегдашнюю принадлежность здѣшнихъ саксаульныхъ зарослей.

Не доходя 8 верстъ до колодца Тарлынъ (засыпаннаго нынѣ пескомъ) намъ встрѣтился новый колодезь Шыни-худукъ, черезъ который пролегаетъ вновь открытый, а быть можетъ и прежній, теперь возобновленный, путь изъ г. Дынъ-ху на Желтой рѣкѣ въ г. Сого̀. Исторія съ этимъ послѣднимъ городомъ только теперь разъяснилась для насъ окончательно [1]). Оказывается, что именемъ Сого̀ монголы называютъ небольшой китайскій городокъ Чженъ-фань, относящійся къ провинціи Гань-су и лежащій въ изгибѣ Великой стѣны, верстахъ въ 40—50 къ сѣверо-востоку отъ г. Гань-чжоу. Въ описываемомъ городкѣ отъ 7—8,000 жителей китайцевъ; въ окрестностяхъ много китайскихъ деревень, обитатели которыхъ занимаются земледѣліемъ. Вода, орошающая поля и самый городъ, приходитъ отъ Гань-чжоу, затѣмъ теряется въ песчаной пустынѣ. Черезъ Ала-шань въ Сого̀ ведутъ два пути: вышеуказанный изъ г. Дынь-ху, и другой изъ г. Дынь-юань-инъ. Оба они трудные для караванныхъ животныхъ. Кромѣ того, изъ Сого̀ ходятъ на верблюдахъ прямикомъ черезъ пустыню къ устью р. Эцзинэ, гдѣ лежатъ два большія соленыя озера. Путь этотъ еще труднѣе, ибо въ одномъ мѣстѣ приходится трое сутокъ слѣдовать безъ воды.

Вскорѣ за колодцемъ Тарлынъ сыпучіе пески отходятъ въ сторону отъ дороги и тянутся, верстахъ въ 30 или 40 отъ нея, далѣе къ югу. Исчезаетъ на время и саксаулъ, взамѣнъ котораго на почвѣ, еще достаточно песчаной, мѣстами же солончаковой, появляются *Artemisia campestris*, *Reaumuria*, *Salsola* и др. солянковыя; въ изобиліи вскорѣ начинаетъ попадаться страшно колючій *Oxythropis acyphylla*, образующій, вслѣдствіе наноса пыли и песка, большія (3 — 5 фут. въ діаметрѣ) кочки, много напоминающія ощетинившагося ежа, именемъ котораго (дзара) монголы и называютъ это растеніе. Ближе къ г. Дынь-юань-инъ мѣстность дѣлается волнистѣе, плодороднѣе и обильно поростаетъ *полынью*, какъ мелкою (Artemisia pectinata), такъ и кустарною (Art. campestris). Громадный Ала-шаньскій хребетъ, до сихъ поръ мало замѣтный въ пыльной атмосферѣ, теперь стоялъ возлѣ насъ уже совсѣмъ близко; онъ былъ покрытъ снѣгомъ до своего подножія.

[1]) О городѣ Сого̀ мы прежде неоднократно слышали въ Ала-шанѣ, но не могли толкомъ узнать его положенія.

На предпослѣднемъ къ городу Дынь-юань-инъ переходѣ насъ встрѣтили съ привѣтствіемъ посланцы отъ ала-шаньскаго князя (вана) и двухъ его братьевъ. За день передъ тѣмъ, совершенно неожиданно, дорогою повстрѣчался намъ старый пріятель монголъ Мыргынъ-булытъ, съ которымъ въ 1871 году, при первомъ посѣщеніи Ала-шаня, мы охотились въ здѣшнихъ горахъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе двѣнадцати лѣтъ, но старикъ первый узналъ меня и чрезвычайно обрадовался, хотя къ сожалѣнію былъ изрядно пьянъ, по случаю какой-то выгодной торговой сдѣлки. На бивуакѣ я хорошенько угостилъ своего пріятеля и сдѣлалъ ему небольшіе подарки. Затѣмъ Мыргынъ-булытъ отправился въ Чаджинъ-тохой [1]), гдѣ нынѣ постоянно живетъ и куда теперь слѣдовалъ съ караваномъ.

На третій день новаго 1884 года, мы достигли наконецъ города Дынь-юань-инъ и въ полутора верстахъ отъ него разбили свой бивуакъ. Отъ Урги пройдено было, среднимъ числомъ, 1050 верстъ [2]).

Въ пятый уже разъ пришлось мнѣ быть въ названномъ ала-шаньскомъ городѣ. Разоренный въ своей внѣстѣнной части дунганами еще въ 1869 году, онъ обстроился лишь за послѣдніе два-три года. Внутри же стѣны, гдѣ городъ уцѣлѣлъ отъ непріятельскаго погрома, все осталось по старому. Какъ прежде, такъ и теперь тамъ живетъ владѣтельный князь со своимъ штатомъ и помѣщаются лавки китайскихъ торговцевъ. Пребываніе въ городѣ Дынь-юань-инъ.

Расположенъ Дынь-юань-инъ среди пустыни невдалекѣ отъ Ала-шаньскихъ горъ. Вода, питающая городъ, какъ равно разбросанныя вокругъ него жилища и небольшія поля, получается изъ ключей; изрѣдка во время сильнаго дождя или быстраго таянія выпавшаго въ горахъ снѣга, сюда добѣгаетъ р. Бугутуй. Населеніе описываемаго города едва ли превышаетъ четыре или пять тысячъ душъ. Оно состоитъ изъ ламъ, княжескихъ чиновниковъ и торгующихъ китайцевъ; здѣсь же ютятся и простые монголы. Эти послѣдніе, какъ и во всемъ Ала-шанѣ, живутъ бѣдно. При томъ ала-шаньскіе монголы, уже получившіе достаточную китайскую закваску, далеко не походятъ на халхасцевъ, какъ по наружному виду, такъ еще болѣе по своимъ нравственнымъ, или, вѣрнѣе, безнравственнымъ качествамъ.

На другой день послѣ прибытія въ Дынь-юань-инъ, мы имѣли свиданіе съ владѣтельнымъ княземъ и двумя его братьями. Встрѣтились

[1]) Довольно большая населенная китайцами культурная площадь на лѣвомъ берегу Хуанъ-хэ въ сѣв.-восточномъ углу Ала-шаня.

[2]) Въ 1873 г. разстояніе отъ Дынь-юань-ина до Урги вышло по нашему измѣренію 1066 верстъ, въ 1880—1047 и 1883—1089 верстъ.

какъ старые знакомые, хотя, конечно, не малую долю дружескаго пріема со стороны ала-шаньскихъ князей обусловили наши хорошіе имъ подарки. Впрочемъ, младшій и лучшій изъ этихъ князей — Гыгенъ, какъ кажется, былъ радъ непритворно. Онъ даже угостилъ насъ, къ немалому нашему удивленію, шампанскимъ. Оказывается, что ала-шаньскіе князья, воспитанные вполнѣ на китайскій ладъ, познали, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Пекинъ, веселящее дѣйствіе названнаго вина и съ тѣхъ поръ получаютъ его, равно какъ и коньякъ, изъ Тянь-дзина. Старшій же князь (ванъ) вошелъ во вкусъ до того, что, какъ говорятъ по секрету, нерѣдко напивается до-пьяна.

Какъ въ прежнія мои посѣщенія Ала-шаня, такъ и теперь, всѣ три князя оказались безстыжими попрошайками и постоянно клянчили черезъ переводчика о новыхъ подаркахъ; при томъ вывѣдывали, какія у насъ имѣются хорошія вещи. Къ сожалѣнію, теперь у князей уже не было ихъ близкаго довѣреннаго и нашего стариннаго пріятеля ламы Балдынъ-сорджи, столь искуснаго во всѣхъ развѣдываніяхъ и выпрашиваніяхъ. Онъ умеръ на пути въ Пекинъ. Погибъ также и другой здѣшній нашъ пріятель, Мукдой, сопровождавшій насъ осенью 1880 года въ Ургу. Тамъ онъ надѣлалъ какихъ-то плутней и, возвратившись въ Ала-шань, повѣсился, въ виду неминуемой кары.

Въ ала-шаньскомъ городѣ мы повстрѣчали европейца, агента торговой англійской компаніи, нѣмца Грезель, занимавшагося здѣсь покупкою шерсти, главнымъ образомъ, верблюжьей. Собирается ея въ Ала-шанѣ (по сообщенію того же Грезеля) ежегодно отъ 500 — 700 пудовъ; цѣна стоитъ отъ 3—4 металлическихъ рублей за пудъ на наши деньги. Монополія продажи шерсти въ рукахъ князей, которые, какъ справедливо объяснялъ намъ тотъ же нѣмецъ, большіе плуты и кругомъ въ долгахъ. Вся купленная въ Ала-шанѣ шерсть (верблюжья и баранья) свозится въ февралѣ въ г. Ше-тцуи-дзе (на р. Хуанъ-хэ, близъ г. Дунъ-ху) и отсюда, лишь только вскроется Желтая рѣка, отправляется на баркахъ внизъ по ней въ г. Бауту [1]). Тамъ эта шерсть немного очищается отъ грязи и затѣмъ транспортируется въ Тянь-дзинъ, гдѣ уже окончательно выбивается машинами на европейскихъ фабрикахъ (причемъ теряется около 10°|₀ по вѣсу), прессуется и отправляется въ Англію. Ала-шаньская верблюжья шерсть по качеству наилучшая — нѣжная и песочнаго (красновато-желтаго) цвѣта; у верблюдовъ же сѣверной

[1]) Большимъ мѣстомъ для скупки монгольской шерсти служитъ также городъ Куку-хото.

Монголіи шерсть болѣе темная и грубая. Кромѣ шерсти, вышеназванный агентъ покупаетъ и ревень, для чего ѣздитъ въ г. Сининъ.

Цѣлую недѣлю простояли мы возлѣ Дынь-юань-ина, запасаясь необходимыми въ дальнѣйшій путь покупками, которыя хотя были и незначительны, однако пріобрѣтеніе ихъ требовало большихъ хлопотъ. Едва-едва, и то съ помощью Гыгена, мы купили для себя 23 пуда дзамбы, по нѣскольку пудовъ риса, проса, пшеничной муки, ячменя для корма лошадей и т. п. мелочей. Самъ же ванъ продалъ намъ 11 хорошихъ верблюдовъ, такъ что теперь въ нашемъ караванѣ считалось 67 этихъ животныхъ. Хлопоталъ я купить еще штукъ 8—10, но болѣе хорошихъ верблюдовъ въ продажѣ не нашлось.

Пока совершались торговыя сдѣлки, которыми спеціально завѣдывали урядникъ Иринчиновъ и переводчикъ Абдулъ Юсуповъ, мы производили экскурсіи въ окрестностяхъ своего бивуака и однажды съѣздили въ сосѣднія Ала-шаньскія горы, въ ущелье р. Бугутуй. Эта рѣчка, какъ было вышеупомянуто, только при сильномъ въ горахъ дождѣ, или при быстромъ таяніи снѣга, добѣгаетъ до Дынь-юань-ина; въ обыденное же время вода теряется въ почвѣ вскорѣ по выходѣ изъ горъ. Но все-таки въ теченіе долгихъ лѣтъ названная рѣчка вырыла въ наносной и лёссовой почвѣ западнаго подножія Ала-шаньскихъ горъ глубокую и широкую лощину по направленію своего теченія. Бока этой лощины, расходящіеся подъ острымъ угломъ отъ горъ къ пустынѣ, почти отвѣсны и имѣютъ отъ 30—50 саженъ вышины; поперечникъ-же самой ложбины въ средней ея части простирается отъ 3—5 верстъ. Подобные овраги, только гораздо меньшихъ размѣровъ, вымыты по направленію всѣхъ другихъ ущелій Ала-шаньскихъ горъ, въ которыхъ лѣтомъ иногда случаются сильные ливни.

Подробно Ала-шаньскій хребетъ описанъ въ моей «Монголія и страна тангутовъ» т. I, стр. 171—175 и 363—368. Скажу здѣсь только, что достаточное плодородіе, вмѣстѣ съ отсутствіемъ голыхъ каменныхъ осыпей въ нижнемъ и среднемъ поясѣ названныхъ горъ, составляетъ характерное ихъ отличіе отъ близко-лежащихъ на сѣверѣ того же Ала-шаня хребтовъ Ханъ-ула и Хара-наринъ-ула, да и отъ многихъ другихъ горныхъ группъ Центральной Азіи. Причина этого явленія заключается въ томъ, что на западный, ближайшій къ пустынѣ, склонъ Ала-шаньскаго хребта, вздымающагося высокою, отвѣсною стѣною, въ изобиліи осѣдаетъ лёссовая пыль, приносимая господствующими западными вѣтрами, а лѣтніе дожди добѣгающаго еще сюда юго-восточнаго китайскаго муссона смачиваютъ эту почву и дѣлаютъ ее пригодною для растительности.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Лѣса, которые покрываютъ собою средній поясъ какъ западнаго, такъ и восточнаго склона Ала-шаньскаго хребта [1]), со времени усмиренія дунганской смуты, сильно истребляются китайцами и уже много порѣдѣли. Также усердно преслѣдуются мѣстными охотниками здѣшніе звѣри—куку-яманы, кабарга и маралы. Словомъ, теперь Ала-шаньскій хребетъ былъ далеко не такимъ дѣвственнымъ, какимъ мы нашли его при первомъ посѣщеніи Ала-шаня въ 1871 году. Тогда, благодаря разбоямъ дунганъ, эти горы цѣлый десятокъ лѣтъ стояли безлюдными, лѣса росли спокойно и звѣри въ нихъ множились привольно.

При настоящей своей поѣздкѣ въ Ала-шаньскій хребетъ, мы пробыли здѣсь только одинъ день. Однако, довольно далеко поднимались пѣшкомъ вверхъ по ущелью р. Бугутуй. Неглубокій ($^1|_3$—$^1|_2$ фута) снѣгъ покрывалъ лишь сѣверные склоны горъ и нѣсколько обильнѣе лежалъ на днѣ ущелій. Птицъ въ горахъ мы нашли мало; звѣрей не видали вовсе. Вечеромъ, когда мы возвратились къ тому мѣсту, гдѣ ожидалъ насъ казакъ съ лошадьми, случилась довольно комичная исторія. Собираясь уѣзжать изъ горъ, мы неожиданно замѣтили, шагахъ въ пяти или шестистахъ отъ себя, какого-то крупнаго звѣря, кормившагося на крутомъ горномъ склонѣ. По случаю наступившихъ сумерокъ нельзя было даже въ бинокль разобрать, какое именно это животное; по бѣлому же брюху и неясно различаемымъ рогамъ я принялъ его за большого самца аргали. Подкрадываться по засыпанной снѣгомъ кручѣ было невозможно, притомъ темнѣло, такъ что, не сходя съ мѣста, я пустилъ изъ берданки нѣсколько пуль въ загадочнаго звѣря. Послѣдній убѣжалъ, но вскорѣ опять показался повыше на скалѣ. Тогда я рѣшилъ оставить звѣря въ покоѣ до утра и мы поѣхали на свой бивуакъ. Здѣсь я назначилъ къ бывшему съ нами казаку еще двухъ человѣкъ и приказалъ всѣмъ имъ ѣхать съ полуночи въ горы туда, гдѣ мы оставили звѣря, и утромъ убить его. Казаки съ радостью приняли такое порученіе и еще до разсвѣта были уже на мѣстѣ; затѣмъ, когда повиднѣло, оставили лошадей въ ущельи и осторожно полѣзли въ горы искать желанную добычу. Но каково же было ихъ разочарованіе, когда, подкравшись со всѣми предосторожностями къ ближайшимъ скаламъ, они увидѣли передъ собою небольшаго домашняго яка, вѣроятно, отбившагося отъ своего стада и бродившаго, гдѣ попало по горамъ. «Хотѣли даже застрѣлить эту язву», говорили по возвращеніи

[1]) Въ этихъ лѣсахъ встрѣчается, по опредѣленію академика К. И. Максимовича, *японскій можжевельникъ* (Juniperis rigida); въ моей «Монголія и страна тангутовъ», стр. 365, онъ названъ *Juniperus communis*.

на бивуакъ сконфуженные охотники, на которыхъ еще долго потомъ сыпались насмѣшки товарищей.

Покончивъ своими сборами въ Дынь-юань-инѣ, мы выступили отсюда 10-го января и направились прежнимъ путемъ черезъ южный Ала-шань къ предѣламъ Гань-су. Дорога, удобная и для колеснаго движенія, была отлично наѣзжена, благодаря тому, что по ней часто ходятъ теперь караваны монгольскихъ богомольцевъ изъ Халхи и другихъ частей Монголіи въ кумирню Гумбумъ и обратно; рѣже слѣдуютъ здѣсь караваны торговые. Сыпучіе пески, отошедшіе на время къ западу, снова придвинулись къ самой дорогѣ и мѣстами пускали черезъ нея неширокіе рукава. Слѣва высокою стѣною тянулся Ала-шаньскій хребетъ. Мѣстность же, по которой мы теперь шли, представляла равнину, кое-гдѣ волнистую и полого поднимавшуюся къ названнымъ горамъ. По этой равнинѣ, на лёссовой солончаковой почвѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ южнаго Ала-шаня, мы встрѣтили теперь довольно хорошій для здѣшней мѣстности подножный кормъ. Монголы объясняли, что причиною такой для нихъ благодати были частые, сравнительно съ другими годами, дожди, падавшіе минувшимъ лѣтомъ въ южномъ Ала-шанѣ. Слѣдованіе черезъ южный Ала-шань.

Погода, какъ теперь, такъ и во время нашего пребыванія въ Дынь-юань-инѣ, словомъ, въ теченіе всей первой половины января, стояла отличная, чисто весенняя. Хотя ночные морозы доходили до -22^0, но днемъ, даже въ тѣни, термометръ поднимался до $+5,9^0$; въ полдень на солнечномъ пригрѣвѣ показывались пауки и мухи; въ незамерзающихъ близъ Дынь-юань-ина ключахъ плавали креветы и зеленѣла трава; по утрамъ слышалось весеннее пѣніе пустыннаго жавороночка. Все это обусловливалось затишьями при ясной, хотя и постоянно пыльной атмосферѣ; со второй же половины января опять задули вѣтры и снова наступили холода.

Сдѣлавъ три перехода до колодца Шангынъ-далай, памятнаго мнѣ еще отъ перваго путешествія, когда, въ іюнѣ 1873 года, нашъ караванъ едва не заблудился въ пустынѣ и нашелъ спасеніе возлѣ названнаго колодца [1]), мы остались теперь здѣсь на дневку. Какъ въ день прихода, такъ и на слѣдующій день, охотились въ небольшой горной группѣ, находящейся вблизи Шангынъ-далая. Эта группа состоитъ исключительно изъ песчаниковъ, и высшею своею точкою, на которой сложенъ монголь-

[1]) «Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 361 и 362. Теперь вмѣсто одного на Шангынъ-далаѣ выкопано шесть колодцевъ.

скій «обо», не поднимается (на глазъ) болѣе тысячи футовъ надъ окрестною мѣстностью. Въ нижнемъ и даже среднемъ поясѣ описываемая горная группа, подобныя которой разбросаны кое-гдѣ островками по песчаному морю Ала-шаня, занесена сыпучимъ пескомъ. Изъ него торчатъ голыя скалы, а на поверхности того же песка, вразсыпную, ростетъ флора сосѣдней пустыни. Изъ звѣрей держались здѣсь только *лисицы*, которыя охотились за *горными куропатками* (Caccabis chukar); изъ птицъ мы добыли десятка два хорошихъ экземпляровъ и между ними новый видъ завирушки, названной впослѣдствіи мною именемъ одного изъ моихъ помощниковъ — *Accentor Koslowi*.

Отъ Шангынъ-далая путь нашъ лежалъ черезъ кумирню Соктокурэ по-прежнему по волнистой лёссовой равнинѣ, въ изобиліи поросшей мелкою полынью и кое-гдѣ бударганою, спорадически же корявыми кустарниками, свойственными южному Ала-шаню. Между ними у *Pyptanthus chinensis* уже начинали разбухать цвѣточныя почки. Сыпучіе пески опять тянулись влѣво отъ насъ и, наконецъ, рукавомъ, верстъ на 12 шириною, стали поперекъ дороги. Затѣмъ, снова раскинулась обширная лёссовая площадь, по которой мы свернули вправо съ большой дороги и, перейдя черезъ двѣ неширокія песчаныя гряды, вышли на ключевое урочище *Баянъ-булыкъ*, лучшее изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами въ Ала-шанѣ. Нужно при этомъ замѣтить, что послѣдній переходъ мы сдѣлали на старую память безъ проводника, ибо нашъ вожакъ, отпросившійся, по случаю новаго года, съѣздить въ ближайшія монгольскія юрты, исчезъ безслѣдно.

На Баянъ-булыкѣ мы провели четверо сутокъ спеціально для того, чтобы сдѣлать астрономическое опредѣленіе положенія этого мѣста. Къ сожалѣнію, хорошая погода, какъ нарочно, испортилась—небо сдѣлалось облачнымъ, задулъ холодный вѣтеръ и даже шелъ небольшой снѣгъ. Такъ желаемое наблюденіе и неудалось. Хорошо еще, что мѣсто было отличное—кормное и съ прекрасною ключевою водою. По окрестнымъ пескамъ держались въ большомъ числѣ антилопы хара-сульты, приходившія ночью и даже днемъ къ Баянъ-булыку на водопой и покормку. Монголы, которые въ числѣ нѣсколькихъ семействъ живутъ въ описываемомъ урочищѣ, ловятъ этихъ антилопъ въ капканы. Мы же охотились съ винтовками и убили пять отличныхъ экземпляровъ. Кромѣ того, на Баянъ-булыкѣ держалось довольно много мелкихъ птичекъ и, ежедневно по утрамъ, прилетали сюда на водопой большія стада *больдуруковъ* (Syrrhaptes paradoxus). Послѣднія не попадались намъ ранѣе въ сѣверной и средней Гоби; зимовали же въ южномъ Ала-шанѣ вслѣдствіе оби-

лія здѣсь сульхира, мелкія сѣмена котораго служатъ пищею для названныхъ птицъ. Вообще, по пути черезъ Гоби мы встрѣтили очень мало зимующихъ пернатыхъ, да и то нерѣдко лишь единичными экземплярами. Главная тому причина—безкормица, частію же и сильные холода пустыни.

Урочище Баянъ-булыкъ вкраплено въ юго-западной окраинѣ одной изъ самыхъ обширныхъ песчаныхъ площадей Ала-шаня, называемой мѣстными монголами *Тынгери*. По своей архитектурѣ эти сыпучіе пески представляютъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, безчисленное множество невысокихъ холмовъ и уваловъ, съ выдутыми между ними то воронкообразными, то удлиненными котловинами. Преобладающее направленіе песчаныхъ уваловъ въ Тынгери меридіональное, но много встрѣчается и исключеній. Отдѣльные холмики имѣютъ отъ 50—70, иногда до 100 футовъ вышины, увалы же всегда ниже; тянутся они обыкновенно отъ 15—30 саженъ; глубина котловинъ саженъ 5—7. Съ навѣтреной стороны покатость песка всегда пологая и самый песокъ сбитъ здѣсь довольно твердо; со стороны же подвѣтреной, въ особенности у холмовъ, песокъ всегда рыхлый и образуетъ крутую осыпь. Иногда по вершинамъ уваловъ тянутся невысокіе острые гребни. Навѣтреная поверхность какъ холмовъ, такъ и уваловъ почти всегда испещрена волнистыми, обыкновенно перпендикулярными къ направленію господствующаго вѣтра, линіями, много напоминающими собою легкую зыбь на поверхности тихой воды. На днѣ котловинъ иногда обнажается подпочва, состоящая изъ твердой лёссовой глины. По котловинамъ же, преимущественно на ихъ западныхъ скатахъ, коегдѣ ростутъ плотными кучками—*сульхиръ* (Agriophyllum gobicum) и обыкновенный *тростникъ*; рѣже торчитъ здѣсь деревцо *Hedysarum arbuscula* или кустъ *Myricaria platyphylla*. Все это встрѣчается лишь недалеко въ глубь песчаныхъ залежей. На самыхъ ихъ окраинахъ, гдѣ къ песку болѣе примѣшана лёссовая глина, растительность пустыни сравнительно обильнѣе. Затѣмъ внутри сплошныхъ песчаныхъ площадей царствуетъ безплодіе и безводіе. Впрочемъ, по словамъ монголовъ, коегдѣ въ пескахъ южнаго Ала-шаня попадаются ключевыя урочища, подобныя Баянъ-булыку; изрѣдка соленую воду можно добывать, выкапывая неглубокія ямы въ лёссовой подпочвѣ.

Тропа отъ Баянъ-булыка черезъ южный рукавъ песковъ Тынгери, всего на протяженіи 14 верстъ, была хорошо проторена. Она вьется здѣсь по уваламъ и скатамъ песчаныхъ холмовъ. Песокъ былъ снизу подмерзши, и наши верблюды шли по немъ легко.

Перейдя вслѣдъ затѣмъ чрезъ невысокую гряду наносныхъ холмовъ, окаймляющихъ собою возвышенное лёссовое плато, протянувшееся до окраинныхъ горъ Гань-су, мы держали, болѣе чѣмъ на сотню верстъ, путь почти прямо на западъ вдоль все тѣхъ же сыпучихъ песковъ. Лёссовая почва равнины, по которой мы теперь шли, была покрыта, благодаря дождямъ минувшаго лѣта, обильнѣе, чѣмъ прежде, растительностью. Изъ новинокъ намъ встрѣтились на первомъ переходѣ нѣсколько поперечныхъ дорогъ, которыя, по сообщенію проводника, вели изъ разныхъ частей южнаго Ала-шаня въ г. Дырисунъ-хото. Затѣмъ, слѣдуя далѣе, мы встрѣтили два новыхъ или, правильнѣе, прежнихъ, нынѣ возобновленныхъ, колодца—*Баянъ-тохой*, въ 115 футовъ глубиною и *Элумъ-тутухумъ* [1]), въ 92 фута глубины. Подъ стать къ нимъ лежалъ и третій, извѣстный изъ прежнихъ моихъ путешествій, колодецъ возлѣ фанзы *Янъ-джонза*; онъ имѣетъ глубину въ 180 фут. Температура воды въ этихъ колодцахъ, измѣренная нами 24, 25 и 26 января 1884 г., была: для перваго +10,0, для второго +12,2 и для третьяго +10,3°. Вѣроятно, такіе же глубокіе колодцы вырыты въ здѣшней лёссовой почвѣ и въ другихъ осѣдлыхъ мѣстахъ западной части описываемой равнины. Здѣсь, до дунганскаго разоренія, кое-гдѣ жили китайцы и занимались земледѣліемъ. Поля ихъ орошались частью дождями, частью же скопленною въ извѣстныхъ резервуарахъ дождевою водою. Урожай въ дождливый годъ бывалъ хорошій; въ засуху же хлѣбъ почти пропадалъ.

Отъ фанзы Янъ-джонза, гдѣ, какъ намъ теперь сообщали, пролегаетъ южная граница Ала-шаня [2]), сыпучіе пески уходятъ къ западу и сѣверо-западу, оставляя неширокую культурную полосу вдоль сѣвернаго подножія Нанъ-шаня. Мы же направились къ югу и, перейдя полуразрушенный валъ Великой стѣны, разбили свой бивуакъ близъ китайскаго города Даджинъ, принадлежащаго уже провинціи Гань-су.

Интересное случайное свѣдѣніе.

Незадолго передъ тѣмъ пришлось намъ выслушать отъ своего вожака очень интересное свѣдѣніе, которое было провѣрено нами еще у нѣсколькихъ туземцевъ. Узнали мы слѣдующее:

[1]) Первый изъ нихъ лежитъ въ двухъ или трехъ верстахъ западнѣе обозначеннаго на моей картѣ и нынѣ засыпаннаго пескомъ колодца Цохоръ-тологой; второй находится еще на двадцать верстъ западнѣе.

[2]) Эта граница, какъ оказывается по теперешнимъ распросамъ, идетъ нѣсколько иначе, чѣмъ показано на картѣ моей маршрутно-глазомѣрной съемки, приложенной къ I тому «Монголія и страна тангутовъ». По новымъ свѣдѣніямъ, за полную достовѣрность которыхъ также нельзя ручаться, южная ала-шаньская граница въ указываемомъ раіонѣ идетъ отъ фанзы Янъ-джонза вдоль песковъ до колодца Цохоръ-тологой и уже отсюда сворачиваетъ къ востоку.

Верстахъ въ двадцати къ сѣверу отъ фанзы Янъ-джонза, среди голыхъ песковъ, лежитъ довольно плодородная для здѣшнихъ мѣстностей лёссовая площадь, выгодная для пастьбы скота, но вовсе лишенная воды. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ одинъ богатый монголъ вздумалъ выкопать здѣсь колодецъ и нанялъ для этой цѣли китайскихъ рабочихъ. Послѣдніе приступили къ дѣлу и рыли усердно. Почва состояла изъ слоевъ лёссовой глины и чистаго песка; камней или гальки не было вовсе. Когда прорыли землю до глубины пятидесяти ручныхъ саженей, то рабочіе неожиданно наткнулись на очагъ, сложенный изъ трехъ камней, по древне-монгольскому обычаю, практикуемому при случаѣ и донынѣ. Подъ очагомъ лежала зола, и земля была красноватаго цвѣта—знакъ, что огонь на этомъ мѣстѣ клали довольно долгое время. Испугавшись подобной находки, китайцы прекратили работу, такъ что колодецъ остался неоконченнымъ и нынѣ, вѣроятно, опять уже засыпался. Положимъ, что цифра въ 50 саженъ преувеличена. Тогда возьмемъ среднюю величину изъ трехъ измѣренныхъ нами вышеназванныхъ колодцевъ[1]). Получится 130 футовъ и это будетъ, вѣроятно, глубина, на которой найденъ былъ очагъ. Теперь спрашивается: сколько времени нужно было для наслоенія этой толщи, принимая даже въ расчетъ сравнительно быстрый вѣтровой наносъ песка и лёсса? Когда жили люди, раскладывавшіе найденный очагъ и кто они такіе были?

Вернемся ненадолго опять къ пройденной пустынѣ.

Повѣрка абсолютныхъ высотъ пройденнаго пути.

Какъ выше упомянуто, мы производили по своему пути довольно часто (черезъ переходъ или два) опредѣленія абсолютныхъ высотъ мѣстности посредствомъ барометра Паррота. При первомъ здѣсь путешествіи тѣ же наблюденія дѣлались анероидомъ и гипсометромъ (точкою кипѣнія воды). Затѣмъ, при вторичномъ слѣдованіи черезъ Гоби, осенью 1880 г., абсолютныя высоты опредѣлялись также посредствомъ барометра Паррота. Эти высоты, какъ равно и всѣ другія для трехъ послѣднихъ моихъ путешествій, вычислены генералъ-маіоромъ К. В. Шарнгорстомъ. Соотвѣтствующими пунктами для барометрическихъ наблюденій втораго и третьяго путешествій приняты были таковыя же наблюденія въ Пекинѣ и Ташкентѣ. Но съ 1884 г. метеорологическихъ наблюденій въ названныхъ пунктахъ не производилось; поэтому для четвертаго моего путешествія лишь ноябрь и декабрь 1883 г. отнесены къ Пекину. Для соотвѣтствующихъ же наблюденій 1884 года приняты наблюденія въ Иркутскѣ, а для 1885 — въ Барнаулѣ; кромѣ того взяты въ расчетъ

[1]) Баянъ-тохой 115, Элумъ-тутухумъ—92 и возлѣ фанзы Янъ-джонза—180 фут.

изобары. Въ результатѣ, какъ и слѣдовало ожидать, получились цифры немного измѣненныя противъ прежнихъ наблюденій. Но такъ какъ ни для тѣхъ, ни для другихъ вычисленій нѣтъ достаточно вѣрнаго критерія, то всего лучше принять пока среднія высоты изъ прежнихъ и нынѣшнихъ моихъ барометрическихъ опредѣленій. Эти высоты для главнѣйшихъ пунктовъ пройденной Гоби будутъ слѣдующія [1]):

	Фут.		Фут.
г. Урга	4,300	кл. Чиргу-булыкъ	3,700
ключъ Хайрхынъ	4,200	оз. Джаратай-дабасу . . .	3,400
кл. Тугрумъ-булэ	4,400	г. Дынь-юань-инъ	4,900
кол. Тирисъ	4,500	кл. Баянъ-булыкъ	4,900
кол. Будунъ-шабактай . .	5,200	кол. Шургулъ-худукъ . .	5,600
кол. Деберъ	4,900	фанза Янъ-джонза	5,600
кол. Дзере-худукъ. . . .	5,400	близъ г. Даджинъ. . . .	6,300
кол. Сучжанъ	3,200		

Зимній климатъ Гоби.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о климатѣ, по нашимъ «бродячимъ», какъ ихъ можно назвать, метеорологическимъ наблюденіямъ. Эти наблюденія въ теченіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ—ноября, декабря и января—по пути черезъ Гоби, хотя и не вносятъ особенно новыхъ данныхъ относительно климатическихъ явленій пустыни, но все-таки нѣсколько дополняютъ прежнія отрывочныя свѣдѣнія. Тѣмъ болѣе, что подобныхъ зимнихъ наблюденій въ поперечникѣ Гоби никѣмъ еще не дѣлалось до сихъ поръ [2]).

Въ общемъ характеристику зимняго климата пройденныхъ мѣстностей составляли: постоянно низкая ночная температура, рядомъ съ довольно иногда высокою температурою при затишьи днемъ и нерѣдкими крутыми скачками отъ тепла къ холоду; преобладающая ясная атмосфера; малое количество выпадающаго снѣга и сильная сухость воздуха; частыя затишья и нечастыя сравнительно бури, исключительно отъ сѣв.-запада или запада. При томъ наиболѣе суровыми оказались сѣверная и сред-

[1]) Подробныя показанія всѣхъ нашихъ барометрическихъ наблюденій будутъ напечатаны вмѣстѣ съ наблюденіями метеорологическими, обработкою которыхъ нынѣ занятъ извѣстный нашъ метеорологъ А. И. Воейковъ.

[2]) За всѣ четыре путешествія по Центральной Азіи мнѣ удалось производить зимнія метеорологическія наблюденія въ Гоби: во второй половинѣ ноября и въ декабрѣ 1880 г., по пути изъ Урги въ Калганъ; въ ноябрѣ и декабрѣ 1871 г., при слѣдованіи изъ Алашаня по юго-восточной Монголіи также въ Калганъ. Затѣмъ зимою 1876—77 гг. я дѣлалъ тѣ же наблюденія на нижнемъ Таримѣ и Лобъ-норѣ съ горами Алтынъ-тагъ, а въ ноябрѣ и декабрѣ 1887 г. въ Чжунгаріи.

няя Гоби; въ Ала-шанѣ же, какъ и вообще въ юго-восточной окраинѣ Монголіи, зима гораздо слабѣе.

Детально, по мѣсяцамъ, нынѣшнія наши наблюденія даютъ слѣдующіе выводы.

Въ первой трети ноября холода въ сѣв. Гоби стояли умѣренные, въ Ургѣ до —24,5° на восходѣ солнца [1]). Затѣмъ, послѣ сильнаго сѣверо-западнаго съ замятелью вѣтра, термометръ на солнечномъ восходѣ 9-го ноября упалъ до —33,5°; на слѣдующее утро до —37,0° (ночью же вѣроятно и болѣе), а 11-го ноября, не только на восходѣ солнца, но даже при наблюденіи въ 8 часовъ утра ртуть замерзала. Столь низкую температуру, при всѣхъ своихъ путешествіяхъ по Центральной Азіи, я наблюдалъ до сихъ поръ лишь однажды, именно въ Чжунгарской пустынѣ въ первой трети декабря 1877 года, когда ртуть термометра замерзала по утрамъ и даже по вечерамъ пять сутокъ сряду.

Вышеуказанному охлажденію атмосферы сѣв. Гоби отчасти способствовалъ и снѣгъ, который, какъ уже было говорено, не толстымъ ($^1|_4$—$^1|_3$ фута) слоемъ почти сплошь покрывалъ землю въ окрестностяхъ Урги и верстъ на 150 далѣе къ югу. Этотъ снѣгъ выпалъ въ концѣ октября, когда сильный сибирскій буранъ пронесся внутрь Гоби до хребта Хурху, быть можетъ и далѣе. Въ открытыхъ равнинахъ пустыни снѣгъ вскорѣ былъ сдутъ вѣтромъ въ овраги, частью смѣшался съ пескомъ и уничтожился на солнцѣ, частью же и прямо испарился въ здѣшней сухой атмосферѣ.

Лишь только исчезъ снѣжный покровъ, какъ сразу стало теплѣе, ибо почва днемъ отчасти нагрѣвалась солнцемъ. Въ особенности дѣлалось тепло въ тихую ясную погоду въ послѣдней трети ноября, когда термометръ, при наблюденіяхъ въ 1 часъ пополудни показывалъ въ тѣни до —1,8°, но все-таки не выше точки замерзанія. Однако мѣстные монголы сообщали намъ, что подобное тепло въ это время года составляетъ у нихъ (подъ 45 и 44° сѣв. шир.) явленіе исключительное. Средняя температура описываемаго мѣсяца, выведенная изъ трехъ ежедневныхъ наблюденій [2]), составляетъ — 18,1°; maximum средней температуры дня —9,7°; minimum —34,1°.

Буря въ ноябрѣ случилась лишь одна, но дней съ сильнымъ вѣтромъ [3]), т. е. почти бурею, считалось еще семь. Какъ эти вѣтры, такъ

[1]) Повторяю, что наблюденія на восходѣ солнца ежедневно дѣлались нами взамѣнъ ночнаго показанія термометра minimum.

[2]) Въ 8 часовъ утра, въ 1 часъ пополудни и въ 7 часовъ вечера.

[3]) Обозначавшимися въ нашемъ метеорологич. дневникѣ цифрою 3.

и другіе, болѣе слабые, имѣли преобладающее западное направленіе, съ рѣдкими отклоненіями къ сѣверу и югу. Затишья выпадали также нерѣдко. Атмосфера стояла почти постоянно ясною. Вполнѣ облачныхъ дней въ теченіе всего ноября было только 4, полуоблачныхъ 3. Облака всего чаще являлись слоистыя и перисто-слоистыя. Снѣгъ за весь мѣсяцъ падалъ лишь однажды, еще въ окрестностяхъ Урги, да и то небольшой.

Въ декабрѣ, который мы провели въ средней Гоби и сѣверномъ Ала-шанѣ между 44 и 39° сѣв. шир., холодъ распредѣлялся равномѣрнѣе, хотя по временамъ случались весьма крутые скачки температуры. Такъ, 2-го декабря въ 1 часъ пополудни термометръ въ тѣни поднялся до +5,8°, на слѣдующій день въ тотъ же часъ наблюденія было —10,0°, а еще черезъ день —16,8°; или 20 декабря въ 1 часъ пополудни наблюдалось въ тѣни +2,0°, а на другой день въ тотъ же часъ —10,8°. При этомъ слѣдуетъ оговорить, что въ теченіе всего описываемаго мѣсяца выше нуля въ тѣни замѣчено лишь два вышеуказанныхъ раза. Minimum ночной температуры доходилъ въ декабрѣ лишь до — 27,7°. Средняя температура всего мѣсяца была значительно меньшая, чѣмъ для ноября, всего —13,0°; maximum средней дневной температуры равнялся —5,7°; minimum —19,5°. Вѣтры въ декабрѣ дули гораздо чаще, чѣмъ въ ноябрѣ. Между ними преобладали западные и сѣверо-западные; въ сѣверномъ же Ала-шанѣ нерѣдко случались вѣтры юго-западные и южные. Настоящихъ бурь было 4; дней съ сильнымъ вѣтромъ также 4 и столько же ночей. Въ средней Гоби, сѣвернѣе горъ Хурху, лишь при бурѣ атмосфера наполнялась пылью и пескомъ; какъ только стихалъ бушевавшій вѣтеръ воздухъ становился чистымъ. Южнѣе же названныхъ горъ, гдѣ залегаютъ обширныя песчаныя и лёссовыя площади, не только каждая буря, но даже иногда слабый вѣтеръ поднимали въ воздухѣ болѣе или менѣе густую пыль, отъ которой атмосфера уже не очищалась. Пыль эта въ тихую погоду держалась слоемъ не толще 600 — 700 футовъ отъ земли, какъ то пришлось намъ наблюдать съ высокихъ Ала-шаньскихъ горъ.

Снѣгъ въ декабрѣ падалъ пять разъ, всегда мелкими, сухими, какъ песокъ, кристалликами и въ небольшомъ количествѣ. Приносился онъ сѣв.-западными и западными вѣтрами. Нѣсколько дольше и ровнѣе лежалъ лишь въ саксаульныхъ заросляхъ. Въ болѣе же открытыхъ мѣстахъ сдувался бурями въ небольшіе, въ формѣ валиковъ или языковъ, сугробики на подвѣтреной сторонѣ кустовъ, камней и другихъ неровностей почвы, представлявшей тогда невообразимую пестроту. Непогода и облач-

ность въ описываемомъ мѣсяцѣ выпадали серіями; затѣмъ все-таки ясныхъ дней было 22 и полуясныхъ 2. Теплѣе въ декабрѣ стало въ послѣдней его трети, когда мы вошли въ Ала-шань. Здѣсь, въ тихую ясную погоду, при —7,0° въ тѣни въ 1 часъ пополудни, песокъ на крутыхъ склонахъ, обращенныхъ къ солнцу, нагрѣвался до +27,5°. Миражи въ декабрѣ случались нерѣдко въ тихую ясную погоду на галечныхъ и солончаковыхъ равнинахъ средней Гоби; рѣже замѣчалось названное явленіе въ пескахъ Ала-шаня.

Въ этомъ послѣднемъ, именно въ средней и южной его частяхъ, мы провели почти весь январь, который при значительно меньшемъ, чѣмъ предыдущій мѣсяцъ, холодѣ вообще характеризовался сравнительно теплою погодою въ первой своей половинѣ и болѣе холодною во второй. Средняя температура для всего января была лишь — 8,4°; maximum средней дневной температуры —1,9°, minimum —12,9°. Хотя по ночамъ морозы и въ первой половинѣ января стояли довольно значительные (до —22,0°), но при наблюденіяхъ въ 1 часъ пополудни термометръ десять разъ показывалъ выше нуля (до +5,9°); погода почти постоянно была ясная (хотя и пыльная), тихая или маловѣтреная. Снѣгу въ южномъ Ала-шанѣ не встрѣчалось вовсе. Хотя онъ и выпалъ здѣсь ранѣе нашего прихода (вѣроятно, при буранахъ въ половинѣ декабря), но былъ задутъ пескомъ и уничтоженъ солнцемъ.

Со второй половины января стало гораздо холоднѣе, ибо погода сдѣлалась облачною и начали дуть вѣтры, преимущественно сѣверо-западные, иногда же и восточные. Однако собственно бурь въ январѣ случилась лишь одна. Въ послѣдней трети описываемаго мѣсяца по временамъ шелъ небольшой снѣгъ, обыкновенно послѣ значительной, какъ и всегда въ Гоби, предварительной потуги. Замѣчательно, что этотъ снѣгъ падалъ хлопьями, если былъ принесенъ восточнымъ вѣтромъ, т. е. изъ Собственнаго Китая. Всего дней ясныхъ въ январѣ (за исключеніемъ 4 послѣднихъ его сутокъ, когда мы были уже на нагорьи Гань-су) считалось 13, полуясныхъ 3; такъ что облачность въ этомъ мѣсяцѣ была гораздо значительнѣе, чѣмъ въ ноябрѣ и декабрѣ.

ГЛАВА III.

Черезъ Гань-су, Куку-норъ и Цайдамъ.

Окрайній къ Ала-шаню хребетъ.—Степь Чагрынская.—Новая антилопа.—Пребываніе въ горахъ Сѣверно-тэтунгскихъ.—Стоянка близъ кумирни Чертынтонъ.—Погода въ февралѣ.—За хребтомъ Южно-тэтунгскимъ.—Опять въ кумирнѣ Чейбсенъ.—Дальнѣйшее наше движеніе.—Ожиданіе близъ деревни Бамба̀.—Слѣдованіе на Куку-норъ.—Слѣпышъ и пищуха.—Климатъ ранней весны.—Путь по сѣверо-западному берегу оз. Куку-нора.—Бѣдный пролетъ птицъ.—Переходъ до кумирни Дуланъ-китъ.—Слѣдованіе по восточному Цайдаму.—Прибытіе къ князю Дзунъ-засакъ.—Вынужденныя крутыя мѣры.—Погода въ апрѣлѣ и началѣ мая.—Свѣдѣнія о хошунѣ Шанъ.

Окрайній къ Ала-шаню хребетъ.

Южною границею песчаной пустыни Ала-шаня служитъ хребетъ Нанъ-шань, образующій восточную часть громадной, нигдѣ непрерывающейся горной стѣны, которая огораживаетъ собою все нагорье Тибета къ сторонѣ южной Гоби и котловины Таримскаго бассейна. Эта гигантская ограда, принадлежащая системѣ Куэнъ-люня, несетъ по мѣстностямъ различныя названія и имѣетъ различный физико-географическій характеръ. Но общій топографическій ея складъ одинаковъ на всемъ протяженіи и представляетъ, подобно тому какъ для нѣкоторыхъ другихъ хребтовъ Центральной Азіи, только въ бо̀льшемъ масштабѣ, полное развитіе дикаго горнаго рельефа къ сторонѣ низкаго подножія; наоборотъ, несравненно меньшее распространеніе тѣхъ же горныхъ формъ въ противоположномъ склонѣ на высокое плато [1]).

Та часть Нанъ-шаня, черезъ которую какъ теперь, такъ и въ прежнія путешествія намъ пришлось подниматься отъ г. Даджинъ на

[1]) Болѣе подробно о тѣхъ же горахъ, какъ равно и о другихъ мѣстностяхъ, описываемыхъ въ настоящей главѣ, см. «Монголія и страна тангутовъ», гл. IX, X, XI и XIII. «Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ», стр. 34—39. «Третье путешествіе въ Центральной Азіи», гл. VI, VII, VIII, XIV и XVII; кромѣ того, конецъ главы VII, главы X и XI настоящей книги.

нагорье Гань-су, называется китайцами *Мо-мо-шань* [1]) и нигдѣ не достигаетъ снѣговой линіи. Вѣчно-снѣговыя группы—*Куліанъ* и *Ліанъ-чжу* лежали западнѣе нашего пути и теперь вовсе не были видны въ пыльной атмосферѣ.

Подъемъ отъ Даджина черезъ окрайній хребетъ весьма пологій; онъ идетъ ущельемъ небольшой рѣчки; дорога колесная. Черезъ 28 верстъ отъ входа въ названное ущелье лежитъ на абс. высотѣ около 8,000 футовъ перевалъ; отъ него небольшой спускъ къ маленькому китайскому городку Да-и-гу. Отсюда колесная дорога направляется на городъ Сунъ-шань и далѣе въ г. Лань-чжоу, но мы свернули къ западу, чтобы слѣдовать на Куку-норъ прежнимъ горнымъ путемъ, достаточно намъ знакомымъ. Двигаясь въ этомъ направленіи, мы вскорѣ пересѣкли еще двѣ рядомъ лежащія вѣтви окрайняго хребта, изъ которыхъ задняя имѣетъ перевалъ на абс. высотѣ около 10,000 футовъ.

Весь окрайній хребетъ въ направленіи нами пройденномъ состоитъ исключительно изъ песчаниковъ, и только въ ближайшемъ къ г. Даджинъ нижнемъ поясѣ встрѣчается тальковый сланецъ. Эти горныя породы лишь изрѣдка обнажены, но большею частью засыпаны лёссовою пылью, постоянно приносимою изъ сосѣдней пустыни. Части хребта, ближайшія къ Ала-шаню, почти совершенно безплодны, но далѣе вглубь горъ, съ увеличеніемъ абс. высоты, лёссовая почва, смачиваемая лѣтними дождями, становится плодородною и покрывается травою. Въ самомъ верхнемъ поясѣ наружнаго хребта и слѣдующей за тѣмъ его вѣтви, появляются небольшіе еловые лѣса, и въ изобиліи растутъ свойственные горамъ Гань-су кустарники — *Caragana jubata*, *Potentilla* и *Salix;* луга здѣсь превосходные. При этомъ необходимо замѣтить, что по ущельямъ какъ описываемыхъ, такъ и другихъ горъ Гань-су растетъ ядовитая трава (Lolium?), которую мѣстный скотъ не трогаетъ, но пришлыя животныя ѣдятъ безъ разбора и черезъ то сразу слабѣютъ, иногда же издыхаютъ, если много наѣдятся. Во время нашего прохода небольшой снѣгъ лежалъ лишь на сѣверныхъ склонахъ верхняго и средняго пояса окрайняго хребта. Сюда, на хорошія пастбища, прикочевали теперь во множествѣ, вѣроятно изъ болѣе высокихъ снѣговыхъ горъ, *куку-яманы* (Pseudois Nahoor), нѣсколько штукъ которыхъ мы убили по пути.

Оставивъ позади себя окрайній хребетъ, мы вышли на довольно обширное холмистое степное плато, которое приходитъ съ востока и Степь Чагрынская.

[1]) Такъ, по крайней мѣрѣ, китайцы зовутъ ближайшій къ г. Даджинъ окрайній хребетъ.

залегаетъ по лѣвому берегу средняго теченія р. *Чагрынъ-голъ*—одного изъ лѣвыхъ притоковъ верхней Хуанъ-хэ. Средняя абсолютная высота посѣщенной нами части этого плато около 9,000 футовъ. Оно прорѣзано нѣсколькими небольшими рѣчками, стекающими съ окрайнаго хребта къ Чагрыну. Эти рѣчки текутъ въ узкихъ, довольно глубокихъ долинахъ. Шире, но и съ меньшей (около 8,000 фут.) абсолютной высотою, лишь долина самаго Чагрына, обильно усѣянная китайскими деревнями, большею частью возобновленными послѣ дунганскаго разоренія. По боковымъ же притокамъ на плато много этихъ деревень лежитъ еще въ запустѣніи. Также заброшены до сихъ поръ и золотоносныя шахты, иногда во множествѣ встрѣчающіяся со стороны Чагрынской степи у подножія окрайняго хребта. Помню хорошо, что, когда въ іюнѣ 1872 г., мы впервые проходили черезъ описываемую мѣстность, то здѣсь не было души человѣческой. Лишь разоренныя жилища, да мѣстами валявшіеся черепа и скелеты, свидѣтельствовали тогда объ ужасахъ недавней безпощадной рѣзни.

По правому берегу Чагрына, гдѣ встрѣчаются остатки древней глиняной стѣны, пролегаетъ большая колесная дорога изъ г. Лань-чжоу на Желтой рѣкѣ въ города Лянь-чжоу, Гань-чжоу, Су-чжоу и далѣе въ западныя владѣнія Китая. Эта дорога хорошо содержится, и движеніе по ней нынѣ весьма значительное.

Сама степь Чагрынская всюду поростаетъ отличною кормною травою, которая при нашемъ теперь проходѣ стояла почти не тронутою. Домашняго скота нигдѣ не было видно. Лишь въ изобиліи бродили на болѣе открытыхъ мѣстахъ антилопы, да нерѣдко попадались волки и лисицы. Чтобы поохотиться за этими звѣрями, кстати же дать покормиться и отдохнуть караваннымъ животнымъ, мы провели трое сутокъ въ описываемой степи. За это время убито было девять антилопъ, въ томъ числѣ одинъ превосходный старый самецъ.

Новая антилопа.

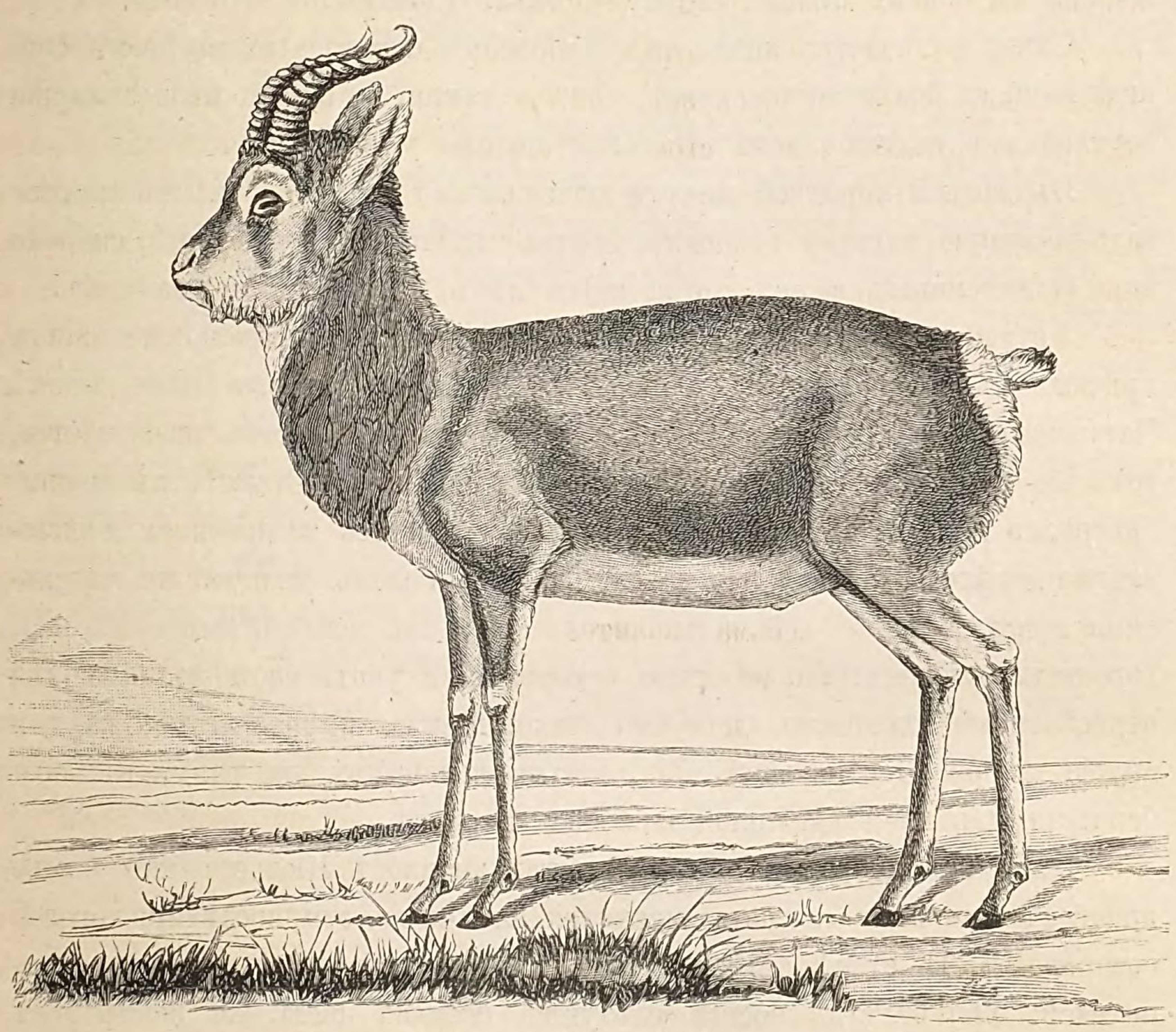
Сверхъ ожиданія, но къ большой нашей радости, здѣшняя антилопа, которую ранѣе мы принимали (въ лѣтней шкурѣ) за гобійскаго дзерена (Antilope gutturosa), оказалась новымъ видомъ. Названа она теперь мною именемъ великаго натуралиста Кювье—*Antilope Cuvieri*.

Ростомъ эта антилопа немного меньше, чѣмъ Antilope gutturosa [1]). Самецъ въ зимней шерсти: цвѣтъ туловища свѣтло-песчаный; брюхо и

[1]) Вотъ главнѣйшіе размѣры Antilope Cuvieri:

	самецъ	самка
длина головы	9,5 дюйм.	9,5 дюйм.
» шеи	5,3 »	5,5 »

зеркало на заду бѣлыя. Бока и передъ шеи сѣровато-бурые; волоса спереди шеи удлинены и образуютъ подобіе гривы, какъ у марала и нѣкоторыхъ аргали; при томъ эти волоса болѣе мягки, чѣмъ на другихъ частяхъ тѣла. Морда тупая, какъ у Ant. gutturosa, въ общемъ съ окраскою немного болѣе свѣтлою, чѣмъ туловище; переносица изъ-сѣра бурая; почти такого же цвѣта широкія полосы отъ глазъ по щекамъ; впереди и сзади глазъ бѣлыя пятна. Въ передней части щекъ и под-

Антилопа Кювье (Antilope Cuvieri n. sp.) [1]).

бородка волосы удлинены, образуютъ небольшія баки и родъ бороды, какъ у тибетской A. picticauda. Подбородокъ и верхняя часть горла, гдѣ

длина туловища	24,0	дюйм.	23,5	дюйм.
вышина у загривка	25,5	»	25,5	»
» у заднихъ ногъ	27,5	»	27,0	»
объемъ туловища посрединѣ.	28,5	»	28,0	»
хвостъ (безъ волосъ)	4,0	»	4,0	»
длина роговъ по изгибу	11,0	»	—	
разстояніе между верхн. концами роговъ	5,5	»	—	

[1]) Самецъ въ зимней шерсти 1/10 натур. величины.

кадыкъ (который замѣтно не выдается), бѣлые. Уши средней величины, спереди бѣлыя, сзади свѣтло-песочнаго цвѣта, какъ и волоса задней части шеи, которые немного удлинены. Слезныхъ ямокъ нѣтъ. У основанія роговъ мало замѣтные удлиненные пучки волосъ. Рога довольно отлого поставлены, мелко-рубчаты и круто заворочены концами внутрь. Ноги свѣтло-песочнаго цвѣта, снаружи бурыя; копыта маленькія и тонкія, почти чернаго цвѣта. Возлѣ мужскаго органа большая железа. Хвостъ съ боковъ бѣлый, сверху—цвѣта туловища.

Самка отличается лишь малозамѣтнымъ буроватымъ цвѣтомъ спереди шеи, но болѣе явственнымъ, чѣмъ у самца, на переносицѣ, снаружи переднихъ и заднихъ ногъ. Паховой железы у нея нѣтъ.

Въ лѣтней короткой шерсти описываемая антилопа имѣетъ красновато-песочную окраску туловища. Бурый цвѣтъ на переносицѣ, спереди шеи (удлиненныхъ волосъ тогда здѣсь нѣтъ) и ногъ мало замѣтенъ.

Антилопа Кювье обитаетъ спорадически въ Центральной Азіи и притомъ въ ограниченныхъ раіонахъ. Она найдена была нами, кромѣ Чагрынской степи, на озерѣ Куку-норѣ. Кромѣ того, какъ оказывается, тотъ же видъ встрѣченъ былъ нами въ 1871 г. въ Ордосѣ, въ долинѣ сѣвернаго изгиба Желтой рѣки. Подобно другимъ антилопамъ описываемая держится стадами иногда въ 30—50 головъ, иногда же маленькими кучками въ 5—10 экземпляровъ. Живетъ исключительно въ плодородныхъ степяхъ. Не особенно осторожна и убить ее, тѣмъ болѣе на пересѣченной мѣстности, довольно легко. Только звѣрь этотъ, какъ и другіе звѣри Центральной Азіи, весьма выносливъ на рану, въ особенности изъ малокалиберной винтовки Бердана.

Нами замѣчено, что, по количеству антилопъ Кювье, самки далеко преобладаютъ надъ самцами, несмотря на то, что эти послѣдніе гораздо осторожнѣе. Въ стадѣ старые самцы исполняютъ роль вожаковъ и охранителей; при бѣгствѣ всегда слѣдуютъ позади; послѣ же выстрѣловъ обыкновенно бросаютъ самокъ, вѣроятно, какъ менѣе осторожныхъ, и уходятъ въ стороны.

Вновь открытая антилопа, какъ кажется, можетъ завершить собою списокъ этихъ животныхъ для Центральной Азіи. Новый изъ нихъ видъ едва ли здѣсь еще найдется, развѣ какой-нибудь горный въ южномъ Тибетѣ. Изъ семи же видовъ, обитающихъ во всей Центральной Азіи спеціально ей свойственны только четыре, а именно: *дзеренъ* (A. gutturosa) въ сѣверной и юго-восточной Монголіи; *антилопа Кювье* (A. Cuvieri) въ Ордосѣ, Гань-су и на Куку-норѣ; *оронго* (A. Hodgsoni) и *ада* (A. picticauda) въ сѣверномъ Тибетѣ; послѣдняя также въ горахъ къ сѣверу

отъ Куку-нора. Затѣмъ въ той же Центральной Азіи распространяются изъ другихъ областей: *антилопа горная* (A. caudata) изъ Собственнаго Китая; найдена была нами лишь въ горахъ Муни-ула и Сырунъ-булыкъ на сѣверномъ изгибѣ Желтой рѣки; *сайга* (A. saiga), встрѣчающаяся только въ западной Чжунгаріи, гдѣ находитъ свою восточную границу; наконецъ, *хара-сульта* (A. subgutturosa), распространенная отъ Каспійскаго моря до Собственнаго Китая, обитаетъ по Центральной Азіи: въ Чжунгаріи, въ бассейнѣ Тарима, въ средней и южной Гоби съ Ордосомъ, а также на нагорьѣ Тибета—въ Цайдамѣ и въ урочищѣ Гасъ къ югу отъ Лобъ-нора.

Пребываніе въ горахъ Сѣв.-тэтунгскихъ.

Тотчасъ за рѣкою Чагрынъ, въ направленіи нашего пути, т. е. къ западу, высились два громадные параллельные хребта, составляющіе расширенныя вѣтви того же Нанъ-шаня и сопровождающіе по обоимъ берегамъ теченіе другого притока верхней Хуанъ-хэ—р. *Тэтунгъ-голъ*, или *Датунъ-хэ*. Оба эти хребта—*Сѣверно-* и *Южно-тэтунгскій*—уже описаны ранѣе мною [1]). Здѣсь упомяну только, что они обильно орошены, имѣютъ весьма богатую флору, фауну и значительное населеніе, словомъ, несутъ характеръ, свойственный многимъ другимъ горнымъ хребтамъ верхняго бассейна Желтой рѣки.

Мы вошли въ Сѣверно-тэтунгскій хребетъ ущельемъ р. Ярлынъ-голъ и провели пять сутокъ въ среднемъ поясѣ горъ, тамъ, гдѣ появляются прекрасные лѣса, свойственные этой части Гань-су. Мѣсто нашего бивуака было отличное; охоты и экскурсіи по окрестнымъ горамъ ежедневно доставляли много цѣнныхъ экземпляровъ для коллекціи. Впервые отъ самой Урги встрѣтили мы теперь благодатный уголокъ и радовались этому, какъ дѣти. Погода днемъ стояла довольно теплая. Однако всѣ сѣверные склоны горъ были засыпаны снѣгомъ, въ верхнемъ поясѣ отъ 2—3 футовъ глубиною. Склоны же южные всюду были безснѣжны, и почва здѣсь на солнечномъ пригрѣвѣ не замерзала. Такое обстоятельство, т. е. безснѣжіе, въ теченіе всей зимы, южныхъ горныхъ склоновъ весьма выгодно какъ для мѣстныхъ звѣрей, такъ и въ особенности для птицъ. Тѣ и другія находятъ достаточно для себя пищи въ суровое время года, да притомъ на солнечномъ пригрѣвѣ, несмотря на ночные морозы, днемъ довольно тепло. Поэтому въ горахъ Гань-су встрѣчаются зимою многіе нѣжные виды пернатыхъ (Ruticilla nigrogularis, Accentor rubeculoides, A. nipalensis, Carpodacus dubius, C. Davidianus, C. rubi-

[1]) «Монголія и страна тангутовъ», стр. 229—248; подробнѣе и съ исправленіями «Третье путешествіе по Центральной Азіи», стр. 405—420.

cilloides, Merula Kessleri, etc.), неулетѣвшихъ на югъ. Выгодно для птицъ въ тѣхъ же горахъ и обиліе ягодныхъ кустарниковъ, а для звѣрей труднодоступность мѣстности. Впрочемъ, крупныхъ звѣрей здѣсь сравнительно немного, хотя нельзя сказать, чтобы было и мало.

По горамъ всюду прекрасныя пастбища, въ особенности въ верхнемъ альпійскомъ поясѣ. Здѣсь кочуютъ тангуты въ своихъ черныхъ палаткахъ со стадами яковъ и барановъ. Въ нижнихъ долинахъ, гдѣ возможно земледѣліе, обитаютъ всего болѣе китайцы, впрочемъ, лишь въ восточной части описываемыхъ горъ. Плодородіе этихъ послѣднихъ обусловливается двумя главными причинами: постояннымъ наносомъ лёссовой пыли изъ недалекой Гоби, а затѣмъ ежегодными лѣтними дождями, доставляемыми сюда юго-восточнымъ китайскимъ муссономъ. Зимою же снѣга выпадаетъ сравнительно немного, и сухость воздуха весьма велика, такъ что трава даже на альпійскихъ лугахъ растирается руками въ пыль; въ лѣсахъ же опавшій листъ и мохъ высушены бываютъ какъ сухарь.

Перевалъ черезъ Сѣверно-тэтунгскій хребетъ лежитъ на абсолютной высотѣ 11,500 футовъ [1]). Подъемъ и спускъ здѣсь отличные, доступные для колесной ѣзды. Только какъ на этомъ перевалѣ, такъ и въ горныхъ ущельяхъ, частыя наледи льда много задерживали наше движеніе, ибо на такихъ мѣстахъ приходилось насыпать землею тропинку для верблюдовъ. Однако весь нашъ караванъ слѣдовалъ благополучно, и верблюды еще разъ доказали, что, при умѣломъ обращеніи, съ ними, можно проходить очень высокія горы.

Вслѣдъ за спускомъ съ главнаго хребта, пришлось пересѣкать его боковые отроги, числомъ три. Въ среднемъ изъ нихъ тропинка вьется на протяженіи болѣе трехъ верстъ по живописнѣйшему ущелью. Здѣсь опять въ изобиліи были встрѣчены разныя птицы, и между ними красивый китайскій франколинъ или по тангутски *сермунъ* (Ithaginis sinensis [2]); не мало также было *ушастыхъ фазановъ* (Crossoptilon auritum) и еще болѣе *фазановъ Штрауха* (Phasianus Strauchi). Послѣдніе держатся преимущественно по горнымъ долинамъ и въ нижнемъ поясѣ альпійскихъ кустарниковъ. Охотясь здѣсь за этими фазанами, мой помощникъ В. И. Роборовскій случайно набрѣлъ на небольшую пещеру, въ которой жилъ буддійскій отшельникъ. Послѣдній, встревоженный выстрѣлами,

[1]) По среднему выводу изъ барометрическихъ наблюденій на этомъ перевалѣ въ 1880 году и нынѣшнемъ. Повторяю, что всѣ абсолютныя высоты по пройденнымъ ранѣе мною путямъ взяты нынѣ средція.

[2]) Не *Ithaginis Geoffroyi*, какъ прежде была опредѣлена мною эта птица по худому ея экземпляру.

сначала что-то съ жаромъ и жестикуляціею говорилъ; затѣмъ снялъ свою туфлю и отрясъ съ нея прахъ въ сторону чужеземца, видимо проклиная его за нарушеніе своего покоя. Жилища подобныхъ аскетовъ изрѣдка встрѣчаются въ горахъ Гань-су и Куку-нора.

Сдѣлавъ еще небольшой переходъ, мы вышли 13 февраля на рѣку Тэтунгъ-голъ, которая срединою своего русла уже очистилась въ это время отъ льда. По счастью, въ двухъ мѣстахъ ледъ еще уцѣлѣлъ и нашъ караванъ переправился по немъ на другую сторону названной рѣки. Тамъ мы расположили свой бивуакъ, какъ разъ напротивъ кумирни Чертынтонъ, въ прекрасномъ живописномъ мѣстѣ, о которомъ мечтали еще отъ самой Урги. Дѣйствительно, какъ въ короткое предыдущее время путешествія, такъ и во все послѣдующее, мы ни разу не имѣли такой отличной стоянки и даже нигдѣ во всей Центральной Азіи не встрѣчали столь очаровательной мѣстности, какъ по среднему теченію Тэтунгъ-гола. Здѣсь прекрасные обширные лѣса съ быстротекущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ ручьями, роскошные альпійскіе луга, устланные лѣтомъ пестрымъ ковромъ цвѣтовъ, рядомъ съ дикими, недоступными скалами и голыми каменными осыпями самаго верхняго горнаго пояса, внизу же быстрый, извилистый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ каменныхъ громадъ—все это сочетается въ такомъ грандіозномъ величіи, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію. И еще сильнѣе чувствуется обаятельная прелесть этой чудной природы для путешественника, только что покинувшаго утомительно-однообразныя, безжизненныя равнины Гоби...

Стоянка близъ кумирни Чертынтонъ.

Стойбище наше устроено было теперь на абсолютной высотѣ 7,600 футовъ, на ровной сухой площадкѣ возлѣ ильмовой рощи, за которою тотчасъ протекалъ красавецъ Тэтунгъ. Съ другой же стороны нашего бивуака тянулся въ горы вѣковой хвойный и мѣшанный лѣсъ[1]), въ которомъ, по случаю близости кумирни, охота для туземцевъ запрещена. На продовольствіе мы покупали у тангутовъ домашнихъ яковъ, мясо которыхъ превосходное; сосѣдніе китайцы доставляли намъ яйца и булки. Словомъ, выгодно было для насъ во всѣхъ отношеніяхъ. Только для верблюдовъ не имѣлось подножнаго корма, и мы, взамѣнъ его, по-

[1]) Деревья лѣсовъ Южно-тэтунгскаго хребта поименованы въ описаніи моего «Третьяго путешествія», стр. 409 и 410. Слѣдуетъ только исправить опечатку на стр. 409, гдѣ *ель* (Picea Schrenkiana) показана отъ 100—200 футовъ вышиною, вмѣсто 80—100 фут. какъ въ дѣйствительности. Кромѣ названной ели, въ тѣхъ же лѣсахъ растетъ и другой видъ этого дерева—*Picea obovata*.

купали солому въ ближайшихъ китайскихъ фанзахъ; кромѣ того, давали своимъ животнымъ соль, предусмотрительно привезенную изъ Ала-шаня. Но все-таки верблюды много похудѣли въ продолженіе двухнедѣльной стоянки на описываемомъ мѣстѣ. Все это время посвящено было охотѣ въ сосѣднихъ лѣсахъ, на что мы получили согласіе донира (управителя) кумирни Чертынтонъ, прежняго нашего знакомца. Помимо охотничьихъ экскурсій въ одиночку, мы устраивали и небольшія облавы. Загонщиками служили поочередно казаки. Убито было такимъ способомъ нѣсколько косуль, лисицъ и двѣ кабарги. Но маралов, за которыми главнымъ образомъ мы охотились, добыть не могли, несмотря на то, что звѣрь этотъ здѣсь не рѣдокъ. Ходить по горнымъ лѣсамъ теперь было крайне трудно; подкрасться къ осторожному звѣрю почти невозможно. На сѣверныхъ склонахъ ущелій почва была засыпана снѣгомъ или обледенѣлая; въ лиственныхъ же лѣсахъ сухой, наваленный на землю, листъ немилосердно шумѣлъ подъ ногами охотника; къ этому еще прибавлялся, даже при малѣйшемъ вѣтрѣ, громкій шелестъ отвислой коры красной березы (Betula Bhojpattra). Когда же выпадалъ снѣгъ, то скользота всюду на крутыхъ склонахъ не давала возможности пройдти, какъ слѣдуетъ, нѣсколько десятковъ шаговъ.

Гораздо удачнѣе были наши экскурсіи за птицами, ибо послѣднихъ всюду по лѣсамъ встрѣчалось множество и онѣ держались въ болѣе доступныхъ мѣстахъ. Помимо мелкихъ пташекъ, ежедневно десятками попадавшихъ въ коллекцію, мы добывали по временамъ и осторожныхъ ушастыхъ фазановъ. Однажды казакъ Телешовъ случайно наткнулся на стадо красивыхъ сермуновъ (Ithaginis sinensis) и убилъ ихъ 11 штукъ.

Охотники тангуты приносили къ намъ на продажу звѣриныя шкуры, и такимъ путемъ мы получили шесть видовъ, о существованіи которыхъ въ здѣшнихъ горахъ ранѣе не знали. Эти виды слѣдующіе: *каменная куница* (Mustela foina) и *рысь* (Felis lynx), довольно здѣсь обыкновенныя; *красный волкъ* (Canis alpinus), какъ и всюду рѣдкій; *дикая кошка* (Felis chaus?) [1]) и *барсъ обыкновенный* (Felis uncia), встрѣчающіеся не часто; наконецъ, великолѣпный, очень рѣдкій *барсъ китайскій* (Felis Fontanieri). Послѣдній былъ убитъ туземцами на верховьяхъ Тэтунга стрѣлою, настороженною возлѣ приманки на тропѣ звѣря.

Какъ ни хороши сами по себѣ горные лѣса окрестностей Чертынтона, но въ нихъ во время нашего теперь здѣсь пребыванія, т. е. во

[1]) Другой видъ дикой кошки (Felis scripta) ранѣе былъ добытъ нами въ тѣхъ же горахъ Гань-су.

второй половинѣ февраля, все еще спало зимнимъ сномъ. Лишь кое-гдѣ на солнечномъ пригрѣвѣ начинали распускаться почки березы, но ихъ побивали ночные морозы. Пѣнія птицъ вовсе не было слышно за исключеніемъ свиста *хый-ла-по* (Pterorhinus Davidi), да изрѣдка раннимъ утромъ отрывистаго крика ушастыхъ фазановъ. Изъ прилетныхъ мѣстныхъ птицъ появились въ это время только *горные кулики* (Ibidorhyncha Struthersii), а изъ пролетныхъ въ теченіе всего февраля замѣчены лишь *крахаль* (Mergus merganser), два вида *утокъ* (Anas boschas, A. penelope) и азіятскій *коршунъ* (Milvus melanotis). Впрочемъ, необходимо оговорить, что водяныя и голенастыя птицы, которыя обыкновенно характеризуютъ собою ранній весенній перелетъ, несомнѣнно проносились, не останавливаясь и даже не заглядывая въ тѣ горы, гдѣ мы теперь находились.

Погода въ теченіе февраля, который весь мы провели на высокомъ нагорьѣ Гань-су, въ общемъ была холодная, въ особенности въ первой половинѣ этого мѣсяца. Однако днемъ, когда стояло тихо и ясно, солнце грѣло довольно сильно, и температура въ тѣни въ 1 часъ пополудни доходила въ концѣ февраля до $+12{,}7^0$; по ночамъ же термометръ упадалъ, въ первой половинѣ описываемаго мѣсяца до $-24{,}0^0$, а во второй до $-15{,}7^0$. Снѣгу, какъ сказано выше, нигдѣ не было по долинамъ и на южныхъ склонахъ горъ, даже до самыхъ высокихъ вершинъ. На сѣверныхъ же скатахъ не только горъ, но и всѣхъ ущелій, снѣгъ лежалъ вездѣ до самаго дна глубокихъ долинъ. Въ нижнемъ горномъ поясѣ онъ имѣлъ толщину нѣсколькихъ дюймовъ, въ среднемъ— отъ $^1/_2-1$ фута, а въ самомъ верхнемъ насыпанъ былъ на два, мѣстами на три фута глубины. Новый снѣгъ въ теченіе февраля падалъ (всегда хлопьями) 6 разъ и обыкновенно небольшой; днемъ онъ растаивалъ на солнцѣ и только однажды пролежалъ сутки въ долинѣ Тэтунга. Погода въ февралѣ.

Ясныхъ дней въ продолженіе февраля считалось 16, да 5 дней были ясны на половину. Вообще ясность и облачность быстро смѣняли одна другую. Притомъ нерѣдко атмосфера наполнялась густою пылью, приносимою изъ сосѣдней пустыни. Обыкновенно послѣ этого падалъ снѣгъ и воздухъ очищался на нѣсколько сутокъ. Буря случилась только одна; сильныхъ вѣтровъ было два; часто выпадали затишья или дулъ только слабый вѣтеръ. Преобладающее направленіе вѣтровъ трудно было опредѣлить, ибо оно зависѣло отъ положенія ущелій, въ которыхъ производились наблюденія.

Повторяю—въ ясную, тихую погоду въ февралѣ сильно отзывалось весною; на солнечномъ пригрѣвѣ показывались пауки и мухи, а 21 числа замѣчена была первая ночная бабочка. Но лишь только задувалъ вѣтеръ

или набѣгали облака, сразу становилось холодно, и всѣ проблески ранней весны быстро исчезали.

За хребтомъ Южно-тэтунгскимъ.

Покинувъ 27 февраля свою прекрасную стоянку въ долинѣ Тэтунга, мы направились вверхъ по ущелью р. Рангхта на перевалъ черезъ хребетъ Южно-тэтунгскій. Узкая, мѣстами каменистая тропа, для верблюдовъ была довольно затруднительна, тѣмъ болѣе, что нерѣдко попадались накипи льда, а взадъ и впередъ сновали китайцы съ вьючными ослами, на которыхъ они возятъ отсюда лѣсъ въ ближайшіе города. Деревянныя избы тангутовъ и еще чаще ихъ черныя палатки всюду были разсыпаны по ущелью, въ срединѣ котораго мы провели двое сутокъ для экскурсій на границѣ лѣсной области. Приблизительно эта граница проходитъ здѣсь на абсолютной высотѣ 10—10½ тысячъ футовъ; лишь *можжевеловое дерево* (Juniperus Pseudo-Sabina) поднимается вверхъ по южнымъ горнымъ склонамъ до 12 тыс. футовъ абсолютной высоты. Здѣсь предѣлъ альпійскихъ кустарниковъ; выше ихъ тысячи на полторы футовъ слѣдуютъ альпійскіе луга, которые, въ верхнемъ своемъ раіонѣ, мѣшаются съ каменными розсыпями и, наконецъ, вполнѣ уступаютъ мѣсто какъ каменнымъ осыпямъ, такъ и голымъ скаламъ, вѣнчающимъ высшія части горъ. Переночевавъ у самой подошвы перевала, мы взошли на него раннимъ утромъ слѣдующаго дня, пока еще почва была подмерзши и мало встрѣчалось китайскихъ каравановъ. На протяженіи около версты подъемъ былъ весьма крутъ; тропинка по немъ вьется зигзагами. Вьючнымъ верблюдамъ всходить было очень трудно, и одного изъ нихъ мы бросили; остальные взобрались благополучно. Абсолютная высота самаго перевала равняется 12,400 футамъ. Спускъ на противоположную сторону гораздо легче. Мы быстро сошли по немъ и вскорѣ расположились въ небольшомъ боковомъ ущельи, гдѣ бивуакировали уже нѣсколько разъ въ прежнія свои путешествія.

Отсюда на слѣдующій день я послалъ переводчика и одного изъ казаковъ въ г. Сининъ къ тамошнему амбаню (губернатору), который вѣдаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ Куку-норомъ, Цайдамомъ и тангутами на верховьяхъ Желтой рѣки. Посланные должны были предъявить нашъ пекинскій паспортъ, извѣстить амбаня о нашемъ прибытіи и просить вожаковъ изъ Цайдама на истоки Желтой рѣки. Сами же мы остались на прежнемъ стойбищѣ въ горахъ и провели здѣсь четверо сутокъ: разъ—для охотничьихъ экскурсій въ альпійской области, а затѣмъ по случаю нездоровья В. И. Роборовскаго, который однако вскорѣ поправился. Тогда мы вышли изъ горъ и двинулись къ кумирнѣ Чейбсенъ прежнимъ знакомымъ путемъ по густому населенію изъ китайцевъ, частью осѣдлыхъ

тангутовъ и племени далды. Выпавшій передъ тѣмъ и растаявшій на солнцѣ снѣгъ развелъ на дорогѣ сильнѣйшую грязь, такъ что мы съ своими верблюдами ползли по-черепашьи. Приходилось даже мѣстами при спускахъ насыпать на жидкую грязь болѣе сухую землю, иначе верблюды вовсе не могли пройдти: ихъ плоскія подошвы скользили какъ ледянки.

Забылъ я еще сказать, что, передъ выходомъ изъ Южно-тэтунгскихъ горъ, насъ посѣтилъ мой старинный пріятель тангутъ Рандземба, тотъ самый, съ которымъ въ 1872 г. впервые мы шли изъ Ала-шаня въ Чейбсенъ [1]). Этотъ прекрасный человѣкъ живетъ по прежнему въ тэтунгскихъ горахъ, но охотою уже не занимается, ибо получилъ довольно высокій духовный санъ.

Опять въ кумирнѣ Чейбсенъ.

Прійдя къ Чейбсену, мы расположили свой бивуакъ въ разстояніи около версты отъ кумирни на знакомомъ лугу, гдѣ и прежде много разъ бивуакировали. Абсолютная здѣсь высота мѣстности 9,300 фут. Старые знакомцы, и въ томъ числѣ монголъ Джигджитъ, встрѣтили насъ очень радушно. Въ самой кумирнѣ, помимо прежнихъ своихъ пріятелей, мы посѣтили новаго гыгена, который оказался большою тупицею. Другой гыгенъ изъ кумирни Янъ-гуань-сы, лежащей недалеко отъ Чертынтона, человѣкъ намъ вовсе незнакомый, но умный и энергичный, нарочно пріѣхалъ въ Чейбсенъ, чтобы повидаться съ нами.

Кумирня Чейбсенъ стоитъ по прежнему—ни лучше, ни хуже; прилегающія же къ ней постройки, нѣкогда разоренныя дунганами, теперь большею частью возобновлены. Число ламъ болѣе двухсотъ и они живутъ, какъ во всѣхъ кумирняхъ, словно трутни въ пчелиныхъ ульяхъ. Жаль только, что отношенія рабочихъ пчелъ къ своимъ дармоѣдамъ гораздо умнѣе, нежели отношенія людей къ подобнымъ же субъектамъ. Какъ обыкновенно въ кумирняхъ, въ Чейбсенѣ ежедневно совершаются богомоленія и очень часто религіозныя процессіи. Во время одной изъ нихъ намъ случайно привелось быть свидѣтелями возмущающей сцены: цѣлая толпа ламъ шествовала съ молитвами и трубными звуками, а тутъ же, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ этой процессіи, собаки пожирали выброшенный трупъ недавно умершаго мальчика. Никто изъ мимо проходившихъ молельщиковъ не обратилъ на это вниманія. Самое грубое оскорбленіе нравственнаго человѣческаго чувства прошло безслѣдно, а между тѣмъ ламы большаго постриженія считаютъ за грѣхъ убить собственнаго паразита.

[1]) «Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 210 и 211.

На другой день прибытія къ Чейбсену вернулись наши посланцы изъ Синина, и съ ними пріѣхалъ китайскій чиновникъ, присланный амбанемъ насъ привѣтствовать и передать письма, полученныя на наше имя изъ Пекина. По обыкновенію, китаецъ не скупился на разныя обѣщанія и увѣренія въ желаніи услужить намъ. Въ дѣйствительности же на этотъ разъ, какъ и въ прежнія мои путешествія, сладкія китайскія рѣчи далеко не приводились въ исполненіе. Правда, сининскій амбань не препятствовалъ нашему движенію на Куку-норъ и далѣе въ Цайдамъ, но отказывался дать проводниковъ на истоки Желтой рѣки, отговариваясь неимѣніемъ людей, знающихъ тамошнюю мѣстность. При этомъ, тотъ же амбань, заботясь, будто бы, о нашей безопасности, назначилъ, не смотря на всѣ протесты моего переводчика, къ намъ конвой изъ нѣсколькихъ десятковъ китайскихъ солдатъ при двухъ офицерахъ. Нечего и говорить, что конвой этотъ былъ данъ исключительно съ цѣлью соглядатайства; въ дѣйствительности же ни отъ какой серьезной опасности защитить не могъ, да въ этомъ мы и не нуждались. При отъѣздѣ китайскаго чиновника обратно въ Сининъ я поручилъ ему передать амбаню мою просьбу убрать ни къ чему ненужныхъ намъ солдатъ.

Несмотря на дурную по большей части погоду и нерѣдко падавшій снѣгъ, пролетъ птицъ усилился: съ 9-го марта начали большими стадами летѣть *даурскія галки* (Monedula daurica), *грачи* (Frugilegus pastinator) и *сѣрые журавли* (Grus cinerea); показались также *черные аисты* (Ciconia nigra) и *водяныя щеврицы* (Anthus aquaticus).

Дальнѣйшее наше движеніе.

Простоявъ четверо сутокъ возлѣ Чейбсена, мы направились отсюда на Куку-норъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ шли въ іюлѣ 1880 г. Этотъ путь пролегалъ черезъ городокъ Шинъ-ченъ до большой дунганской деревни Бамба за которою далѣе къ западу осѣдлое населеніе не встрѣчается. Въ раіонѣ же восточнѣе Бамба, всюду густое земледѣльческое населеніе, которое по нашему пути состояло отъ Чейбсена до г. Шинъ-ченъ изъ тангутовъ, а западнѣе Шинъ-чена — изъ дунганъ; между тѣми и другими живутъ китайцы. Деревни обыкновенно не очень большія, но частыя; кое-гдѣ встрѣчаются жилища, выкопанныя въ лёссовыхъ обрывахъ. Всѣ холмы и даже частью горы сплошь здѣсь обработаны; поля на нихъ расположены террасами. Въ половинѣ марта, во время нашего прохода, земледѣліе уже началось и вездѣ по полямъ рабочіе развозили, какъ удобреніе, пережженый дернъ, который добывается съ недоступныхъ для паханія залежей. Такое средство практикуется, вѣроятно, многіе вѣка, такъ что полевыя террасы образовались,

быть можетъ, подобнымъ способомъ. Почва всюду лёссовая. Обиліе лѣтнихъ дождей устраняетъ необходимость искусственной поливки посѣвовъ и черезъ то многократно увеличиваетъ площадь обработываемой земли.

Всюду среди жителей мы видѣли множество ребятъ и подростковъ, народившихся уже послѣ дунганскаго разоренія. Его слѣды здѣсь теперь совершенно незамѣтны. Излишняя густота населенія вмѣстѣ съ нечистотою, вѣроятно, и порождаетъ накожныя болѣзни, столь обильныя между здѣшними китайцами. На видъ они также весьма плюгавы. Дунганы своимъ типомъ гораздо красивѣе, притомъ бодрѣе и чище. Осѣдлые же тангуты почти совершенно окитаились.

Во всѣхъ попутныхъ намъ деревняхъ жители высыпали на дорогу смотрѣть невиданныхъ людей. На бивуакахъ эти зрители также невыносимо надоѣдали своимъ назойливымъ любопытствомъ. Опять, почти ежедневно падавшій снѣгъ сильно мѣшалъ движенію нашего каравана. Дважды, именно послѣ перваго небольшаго перехода отъ Чейбсена, а затѣмъ, верстахъ въ 12-ти къ юго-западу отъ г. Шинъ-ченъ, мы принуждены были дневать вслѣдствіе совершенной невозможности идти съ верблюдами по размокшей лёссовой глинѣ. На первой дневкѣ мѣстность оказалась весьма обильною *фазанами* (Phasianus Strauchi) и мы, отлично поохотившись, убили 54 экземпляра этихъ красивыхъ птицъ. На другой невольной остановкѣ за г. Шинъ-ченъ мы пробыли даже двое сутокъ. Во второй день вышли съ бивуака, но, пробившись часа два при подъемѣ на гору, вынуждены были вернуться къ покинутому стойбищу. Здѣсь, какъ и всегда послѣ нашего ухода, китайцы, собаки, вороны и коршуны собирали разные остатки. Завидя наше возвращеніе, все это общество бросилось врассыпную на уходъ.

Вблизи того же бивуака находилось старинное китайское кладбище, на которомъ сохранились каменныя ворота и нѣсколько довольно высокихъ (около 10 футовъ) каменныхъ же столбовъ, врытыхъ въ землю. На нѣкоторыхъ изъ этихъ столбовъ были высѣчены грубыя изображенія лошадей и бурхановъ (идоловъ). У первыхъ были отбиты сравнительно недавно ноги, а у послѣднихъ головы. Сдѣлано это было, по объясненію мѣстныхъ китайцевъ, потому, что каменные бурханы пасли по ночамъ на ближайшихъ поляхъ своихъ каменныхъ лошадей. Поселяне обращались съ жалобой къ начальству и получили разрѣшеніе отбить ноги и головы у этихъ воровъ.

Ожиданіе близъ деревни Бамба.

Миновавъ большую, населенную дунганами, деревню Бамба, мы вошли въ ближайшія горы и здѣсь, верстахъ въ четырехъ отъ названной деревни, разбили свой бивуакъ въ ущельи на берегу р. Рако-голъ—

лѣваго притока Сининской рѣки. Абсолютная высота нашего стойбища равнялась 8,800 футамъ. Окрестныя горы, составляющія боковой отрогъ южной цѣпи Нанъ-шаня и протянувшіяся отсюда къ городу Донкыру, сплошь почти были покрыты невысокимъ лѣсомъ изъ березы, лозы, вразсыпную ели, частью и другихъ деревьевъ; по дну же ущелій, не мало и по горамъ, растутъ здѣсь густѣйшія кустарныя заросли, среди которыхъ преобладаютъ облѣпиха и барбарисъ. Однако лѣса эти своею красотою, да и качествомъ, далеко не похожи на тѣ, которые мы встрѣтили близъ кумирни Чертынтонъ. Здѣсь, т. е. въ окрестностяхъ дер. Бамбà и далѣе къ городу Донкыру, деревья сильно вырубались во время дунганской смуты мѣстными жителями. Теперь порубка эта, какъ говорятъ, запрещена. Звѣрей въ описываемыхъ лѣсахъ мало. Изъ птицъ въ окрестностяхъ нашего стойбища встрѣчались тѣ же виды, что̀ и прежде, но болѣе рѣдкихъ куриныхъ (Crossoptilon auritum, Ithaginis sinensis, Tetraophasis obscurus) здѣсь не было; однако *фазаны* (Ph. Strauchi) въ изобиліи держались по кустарникамъ; возлѣ самой дер. Бамбà попадались: *сѣрыя цапли* (Ardea cinerea var. brag.), *турлушки* (Turtur sp.) и *китайскіе скворцы* (Sturnus cineraceus). Только стрѣлять птицъ вблизи жилья было почти невозможно, ибо за охотникомъ всюду слѣдовала густая толпа зрителей.

Впрочемъ, здѣшніе дунганы, сильно угнетаемые китайцами, всюду старались выразить намъ свое сочувствіе. Мѣстный дунганскій начальникъ, человѣкъ весьма почтенный, не одинъ разъ, иногда украдкою, пріѣзжалъ въ нашъ лагерь и горько жаловался на злосчастную судьбу своихъ единовѣрцевъ. Симпатіи этого дунганина къ русскимъ были такъ велики, что онъ хранилъ, какъ святыню, добытый гдѣ-то портретъ Императора Александра II. Китайскій конвой, который всетаки слѣдовалъ за нами, расположился также въ дер. Бамбà. Здѣсь солдаты принялись пьянствовать и грабить жителей. Завязалась драка, въ которой нѣсколько дунганъ были ранены. Тогда я послалъ нарочнаго къ сининскому амбаню съ повторительною просьбою убрать отъ насъ своихъ солдатъ, творящихъ подобныя безобразія. Тѣмъ не менѣе конвой не убирали, и я впослѣдствіи отдѣлался отъ него лишь крайнею мѣрою— угрозою стрѣлять, если грабители солдаты не уйдутъ во-свояси.

За деревнею Бамбà намъ уже не предстояло болѣе встрѣчать культурныхъ земледѣльческихъ мѣстностей вплоть до оазисовъ Восточнаго Туркестана; слѣдовательно, необходимо было обезпечить себя продовольствіемъ на цѣлый годъ. Небольшая часть этого продовольствія (чай, рисъ и др.) была закуплена въ Сининѣ при поѣздкѣ туда нашего переводчика. Но

главный запасъ—всего болѣе дзамбы и муки—предстояло сдѣлать теперь въ ближайшемъ торговомъ пунктѣ, именно въ г. Донкырѣ. Туда и былъ отправленъ для этой цѣли В. И. Роборовскій съ переводчикомъ и нѣсколькими казаками.

Въ ожиданіи возвращенія этихъ посланныхъ, мы занимались на бивуакѣ экскурсіями по окрестнымъ горамъ. Не смотря на дурную погоду (по ночамъ снѣгъ, днемъ пыльная мгла), весна начала заявлять свои права: 20 марта замѣчена была первая дневная бабочка, и въ тотъ же день я нашелъ первый цвѣтомъ—*генціану* (Gentiana squarrosa). Вообще, погода стояла холодная и до крайности сырая. Эта сырость вредно дѣйствовала на верблюдовъ; притомъ же и кормъ для нихъ былъ плохой. Поэтому, простоявъ четверо сутокъ вблизи д. Бамбà, мы перекочевали верстъ на пятнадцать вверхъ по р. Рако-голъ и устроились въ нижнемъ поясѣ альпійской области. Здѣсь хотя кустарниковъ и частью березовыхъ деревьевъ росло еще много, но горы главнымъ образомъ были покрыты прекрасными лугами. Однако спеціально альпійскихъ птицъ и звѣрей почти не было, ибо они всегда предпочитаютъ держаться въ самомъ верхнемъ поясѣ своей области. Внизу ея мы встрѣтили теперь *тарабагановъ* (Arctomys robustus), только что проснувшихся отъ зимней спячки. Ожили также и муравьи въ своихъ небольшихъ муравейникахъ, изрѣдка попадавшихся по горнымъ лугамъ.

На пятыя сутки нашего пребыванія на новой стоянкѣ вернулись посланные изъ Донкыра. Тамъ все устроилось какъ нельзя лучше, хотя и не обошлось безъ большихъ хлопотъ. Притомъ денегъ потрачено было не мало [1]), несмотря на сравнительную дешевизну мѣстныхъ произведеній; привозные же, главнымъ образомъ пекинскіе, товары здѣсь очень дороги. Всѣ закупки препровождены были въ Цайдамъ, къ князю Дзунъ-засакъ на 34 верблюдахъ, нанятыхъ у цайдамскихъ монголовъ, пріѣзжавшихъ въ Донкыръ и теперь возвращавшихся обратно. Съ этимъ караваномъ отправился одинъ изъ нашихъ казаковъ и китайскій переводчикъ изъ числа двухъ, командированныхъ сининскимъ амбанемъ для сопровожденія насъ по Куку-нору и Цайдаму.

Слѣдованіе на Куку-норъ.

Какъ только вернулся В. И. Роборовскій съ своими спутниками, мы въ этотъ же день завьючили караванъ и пошли далѣе ущельемъ р. Рако-голъ. По мѣрѣ поднятія вверхъ, луга все болѣе и болѣе заполоняли собою горы; кустарники же росли лишь небольшими

[1]) Продовольственные запасы, сдѣланные въ Сининѣ и Донкырѣ, съ покупкою нѣсколькихъ лошадей и доставкою въ Цайдамъ, стоили намъ 740 ланъ, т. е. около 1,500 нашихъ металлическихъ рублей.

площадками на сѣверныхъ склонахъ ущелій; среди этихъ кустарниковъ попадались въ одиночку довольно крупныя ели.

Верстахъ въ тридцати отъ д. Бамбà, на абсолютной высотѣ около 10 т. фут., ущелье р. Рако-голъ оканчивается, и далѣе къ западу раскидывается плато, составляющее какъ бы преддверіе болѣе обширныхъ степей Куку-нора. Лѣса и кустарники исчезаютъ окончательно; взамѣнъ ихъ всюду отличная трава, во многихъ мѣстахъ даже не скормленная скотомъ. Вмѣстѣ со степью появляются, свойственныя здѣсь ей, млекопитающія и птицы: *антилопы Кювье* (Antilope Cuvieri), *куланы* (Asinus Kiang), всюду во множествѣ *пищухи* (Lagomys ladacensis) и *земляные вьюрки* (Onychospiza Taczanowskii, Pyrgilauda ruficollis), а далѣе на Куку-норѣ крупные тибетскіе *жаворонки* (Melanocorypha maxima), достигающіе до полутора футовъ въ размахѣ крыльевъ самца. Кочевниковъ на описываемомъ плато нигдѣ теперь не было.

Не смотря на привольныя степи, верблюды наши начали заявлять, какъ они попортились во время почти двухмѣсячнаго пребыванія на малопригодномъ для нихъ кормѣ и въ особенности на сырости пройденной гористой области Гань-су. Одинъ изъ этихъ верблюдовъ былъ уже оставленъ въ Бамбà; теперь пришлось сразу бросить четырехъ усталыхъ, да столько же имѣлось кандидатовъ на подобную участь.

Перевалъ нашъ къ озеру Куку-нору лежалъ на перешейкѣ между горнымъ хребтомъ съ восточной стороны этого озера и короткимъ отрогомъ южной вѣтви Нань-шаня. Абсолютная высота этого перевала равняется 11,200 футовъ. Какъ подъемъ, такъ и спускъ здѣсь весьма пологіе, даже мало замѣтные, ибо указанный перевалъ лишь на 500 фут. выше уровня самаго Куку-нора. Небольшой снѣгъ, быть можетъ давно выпавшій, вездѣ лежалъ на сѣверныхъ склонахъ горъ; въ степяхъ же Куку-нора снѣга вовсе не было. Само озеро, по случаю пыльной атмосферы, чуть виднѣлось бѣлою полосою еще нерастаявшаго зимняго льда.

Тотчасъ за вышеописаннымъ переваломъ раскидываются прекрасныя солончаковыя степи, которыя широкою полосою облегаютъ сѣверный и западный берега оз. Куку-нора; къ южному его берегу довольно близко придвигаются горы, а на восточномъ, также не слишкомъ удаленномъ отъ горъ, въ двухъ мѣстахъ, лежатъ обширные сыпучіе пески.

Лишь только мы вышли въ куку-норскую степь, здѣсь установилась на трое сутокъ прекрасная, теплая и сухая погода, каковой мы давно уже не видали. Соблазнившись такою погодою, какъ равно обиліемъ антилопъ и кулановъ, мы устроили дневку, спеціально посвященную охотѣ за названными звѣрями. Послѣдніе были, однако, достаточно на-

пуганы, а степь слишкомъ открыта; поэтому, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, стрѣльбы оказалось много, добычи же, сравнительно, мало. Затѣмъ, въ одинъ переходъ мы вышли къ самому берегу Куку-нора на устье р. Балема. Къ немалому нашему удивленію русло названной рѣки оказалось совершенно безъ воды, тогда какъ въ началѣ іюля 1880 года, когда мы провели нѣсколько дней на устьѣ той же Балема, рѣка эта имѣла, по случаю лѣтнихъ дождей, отъ 15—20 саженъ ширины и, при быстромъ теченіи, была почти непроходима въ бродъ.

Слѣпышъ и пищуха.

Однимъ изъ характерныхъ обитателей степей Куку-нора, какъ равно и высокаго нагорья сѣвернаго Тибета отъ верховьевъ Желтой рѣки до Ладака, служитъ *пищуха* (Lagomys ladacensis) [1]), небольшой грызунъ, ростомъ съ обыкновенную крысу, только куцый. Другой, не менѣе замѣчательный грызунъ—*слѣпышъ* (Siphnaeus Fontanieri), величиною равный съ предыдущимъ, подземный житель, какъ нашъ кротъ, обитаетъ въ сосѣдней Куку-нору гористой области Гань-су, распространяясь отсюда на верховья Желтой рѣки и далѣе въ Сы-чуань, словомъ, по всей тангутской странѣ. Оба названныхъ звѣрька водятся въ чрезвычайномъ обиліи, только раіоны ихъ распространенія строго разграничены. Лишь мѣстами—на западной сторонѣ Куку-нора по долинамъ Бухайнъ-гола и Цайцза-гола, да на высокихъ луговыхъ степяхъ верховья Желтой рѣки, намъ приходилось встрѣчать пищуху и слѣпыша, живущихъ совмѣстно. Въ другихъ сопредѣльныхъ мѣстностяхъ они исключаютъ одинъ другаго, или, вѣрнѣе, требуютъ различныхъ условій для своего существованія.

Мѣстожительствомъ слѣпыша, котораго монголы называютъ *номынъ-цохоръ*, а тангуты—*псюлунъ*, служатъ луговые горные склоны и горныя долины съ мягкою не каменистою почвою. Въ такихъ мѣстахъ описываемые звѣрьки выкапываютъ весною (начиная съ февраля) безчисленное множество кучекъ земли. Часто эти кучки въ буквальномъ смыслѣ стоятъ одна возлѣ другой, такъ что луговая мѣстность совершенно обезображивается, разъ по внѣшнему виду, а затѣмъ потому, что трава здѣсь ростетъ гораздо хуже, иногда и вовсе пропадаетъ; кромѣ того, поверхность почвы дѣлается шероховатою. Въ такое безобразное состояніе приведена, напр., большая луговая равнина возлѣ кумирни Чейбсенъ и многіе другіе луга по южному склону Южно-тэтунгскихъ горъ. Слѣпышъ заходитъ также въ альпійскую, отчасти даже въ лѣсную горную область и здѣсь творитъ по лугамъ тоже самое, что и въ между-горныхъ долинахъ. Одна только культура успѣшно борется

[1]) Встрѣчается также въ сѣверномъ Цайдамѣ и на верховьяхъ р. Тэтунгъ-голъ.

съ вреднымъ звѣрькомъ и вытѣсняетъ его съ мѣстностей обрабатываемыхъ.

Живетъ слѣпышъ, какъ выше упомянуто, подобно кроту подъ землею и только изрѣдка показывается на поверхности почвы—ночью или въ сумрачную погоду. Случалось не разъ, что этотъ звѣрекъ во время ночи вскапывалъ землю въ нашей палаткѣ. Однако, поймать его очень трудно, развѣ попадется случайно.

Лишь только оканчивается гористая область Гань-су и начинаются высокія степи Куку-нора, какъ тотчасъ же исчезаетъ слѣпышъ, а взамѣнъ его появляется, едва ли еще не въ бо́льшемъ обиліи, вышеупомянутая пищуха, называемая монголами *ама-цаганъ*, или *оготоно* [1]). Этотъ звѣрекъ поселяется въ норахъ, не слишкомъ глубокихъ, и всего чаще расположенныхъ на покатыхъ луговыхъ склонахъ; менѣе охотно, но все-таки въ значительномъ числѣ, обитаетъ на совершенныхъ равнинахъ, вѣроятно потому, что здѣсь сильные дожди иногда заливаютъ норы и губятъ множество ихъ жильцовъ [2]). Въ сѣверномъ Тибетѣ описываемая пищуха держится какъ по луговымъ, преимущественно сѣвернымъ склонамъ горъ, такъ и по кочковатымъ здѣсь болотамъ (мотоширикамъ), только не черезъ-чуръ водянистымъ; восходитъ, напр. на Танъ-ла, до 17,000 фут. абс. высоты. Ниже 9,000 фут. куку-норская пищуха нигдѣ не встрѣчается.

Въ мѣстахъ привольныхъ для обитанія этого звѣрька, его норы сплошь дырявятъ землю. Иногда на площади нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ приходится, по меньшей мѣрѣ, двѣ-три норы на каждую квадратную сажень поверхности почвы. Ѣхать рысью верхомъ по такимъ залежамъ рѣшительно невозможно, ибо лошадь постоянно спотыкается, проваливаясь въ норки. Сами звѣрьки безпрестанно снуютъ передъ путникомъ, перебѣгая изъ одной норы въ другую, или сидятъ неподвижно у отверстія тѣхъ же норъ. Впрочемъ, пищуха довольно осторожна и выходитъ изъ своего убѣжища лишь убѣдившись въ безопасности. Для этого звѣрекъ, обыкновенно, высовываетъ изъ норы сначала одну головку и, поднявъ ее вверхъ, долго осматривается вокругъ; увѣрившись, что все спокойно, вылѣзаетъ совсѣмъ и кормится или грѣется на солнцѣ; въ бурю или непогоду вовсе не показывается изъ норы. Голосъ куку-

[1]) Послѣднее названіе въ переводѣ означаетъ «куцый». Спеціально оно принадлежитъ той пищухѣ (Lagomys ogotono), которая водится въ степяхъ сѣверной и восточной Монголіи.

[2]) Такой случай мы видѣли въ концѣ іюня 1880 года на Куку-норѣ. См. «Третье путешествіе», стр. 395.

норской пищухи протяжный, довольно громкій, но тонкій пискъ, варьируемый на нѣсколько тоновъ. Періодъ течки бываетъ весною, но онъ проходитъ незамѣтно, какъ вообще у мелкихъ грызуновъ.

Не смотря на достаточно хитрый нравъ описываемаго звѣрька, его во множествѣ истребляютъ какъ четвероногіе, такъ и крылатые хищники. Тибетскіе медвѣди, волки, лисицы, кярсы и даже барсуки добываютъ пищухъ, выкапывая ихъ изъ норъ; орлы, сарычи и соколы ловятъ тѣхъ же звѣрьковъ съ налета. Названныя птицы, спеціально ради обилія пищухъ, держатся во множествѣ во время перелетовъ по степямъ Куку-нора; частью остаются здѣсь и на зимовку. Однако, плодливость звѣрька быстро вознаграждаетъ опустошенія, причиняемыя вышеназванными хищниками, а по временамъ и сильными лѣтними дождями. При крайней мокротѣ пищухи иногда переселяются цѣлыми стаями на болѣе сухія мѣста [1]).

Тамъ, гдѣ поселяются пищухи, онѣ выѣдаютъ до̀-чиста траву и всѣ ея корни (выкапывая ихъ изъ земли), такъ что обширныя луговыя площади какъ на Куку-норѣ, такъ и въ сѣверномъ Тибетѣ нерѣдко становятся совершенно голыми. Тогда звѣрьки переселяются по сосѣдству, выѣденная же ими поверхность понемногу вновь заростаетъ и современемъ, вѣроятно, опять будетъ занята пищухами. Замѣчательно, что эти послѣднія всегда живутъ вмѣстѣ съ двумя или даже тремя видами земляныхъ вьюрковъ (Onychospiza Taczanowskii, Pyrgilauda ruficollis, Pyrgilauda barbata и др.), которые ночуютъ, спасаются при опасности, да и гнѣздятся въ норахъ описываемыхъ звѣрьковъ.

Какъ ни ничтожна куку-норская пищуха сама по себѣ, но въ массѣ эти звѣрьки оказываютъ не маловажное вліяніе на переработку и видоизмѣненіе мѣстностей своего обитанія. Такъ, оголенныя площади глинистой почвы, равно какъ и глина, выкапываемая милліонами пищухъ изъ своихъ норъ, доставляютъ обильный матеріалъ для лёссовой пыли, которая уносится бурями со степей Куку-нора въ сосѣднiй Китай или понемногу засыпаетъ самое озеро. Въ сѣверномъ Тибетѣ копательная работа тѣхъ же пищухъ является причиною всегдашней изборожденности луговыхъ горныхъ склоновъ, откуда бури и лѣтніе дожди выносятъ разлыхленную звѣрьками почву. Большая часть ея осѣдаетъ въ междугорныхъ долинахъ и такимъ образомъ, въ связи съ другими факторами, способствуетъ быстрѣйшему засыпанію этихъ долинъ.

[1]) Въ началѣ іюля 1880 г. В. И. Роборовскій встрѣтилъ на р. Ара-халдзынъ-голъ (въ 8-ми верстахъ восточнѣе перевала отъ д. Бамба̀ къ Куку-нору) въ вечернія сумерки стадо

Климатъ ранней весны.

Первый весенній мѣсяцъ—мартъ, проведенный нами, кромѣ трехъ послѣднихъ дней, въ горной области Гань-су, отличался обиліемъ выпадающаго снѣга, низкою температурою и крайнимъ непостоянствомъ погоды вообще.

Всего въ мартѣ считалось 16 снѣжныхъ сутокъ (дождя ни одного); притомъ снѣгъ падалъ хлопьями и иногда (въ особенности ночью) въ значительномъ количествѣ. Днемъ же, лишь только проглядывало солнце, этотъ снѣгъ быстро растаявалъ, и почва очень скоро просыхала. Столь быстрое испареніе доставляло матеріалъ для новыхъ облаковъ и новаго снѣга. Притомъ, быть можетъ, уже начиналъ пригонять сюда влагу юго-восточный муссонъ Китайскаго моря. Если же дѣйствія этого муссона еще не было, то обиліе влаги можно объяснить таяніемъ зимняго снѣга, какъ въ самыхъ горахъ Гань-су, такъ и въ сосѣднихъ имъ мѣстностяхъ.

Частое выпаденіе снѣга, вмѣстѣ съ быстрымъ его таяніемъ и нерѣдко облачною погодою (ясныхъ дней въ мартѣ было 12, полуясныхъ—8), обусловливало низкую температуру для всего описываемаго мѣсяца. Ночные морозы, правда, не были велики, только до $-13,7^0$; за то и днемъ тепло въ тѣни не превосходило $+13,7^0$. Притомъ, въ теченіе марта термометръ, при наблюденіяхъ въ 1 часъ пополудни, четыре раза показывалъ ниже нуля, а 25-го и 26-го числа упалъ въ тотъ же часъ до $-2,3^0$ и $-2,1^0$. Между тѣмъ, на сосѣднемъ болѣе сухомъ, хотя также весьма высокомъ, Куку-норѣ, при нашихъ здѣсь наблюденіяхъ въ мартѣ 1873 года въ 1 часъ пополудни, ни разу не было замѣчено ниже нуля. Выводъ средней мѣсячной температуры за мартъ для Куку-нора ($+0,2^0$) также выше, нежели для Гань-су ($-0,3^0$) за тотъ же мѣсяцъ.

Вообще погода въ мартѣ отличалась своимъ непостоянствомъ. Обыкновенно послѣ выпавшаго ночью снѣга утро было ясное; затѣмъ поднимался вѣтеръ, приносившій бо́льшее или меньшее количество пыли. На слѣдующій день пыль эта сгущалась въ атмосферѣ и опять падалъ ночью снѣгъ, ненадолго очищавшій воздухъ. Вѣтры въ мартѣ дули почти поровну какъ съ востока, такъ и съ запада; съ послѣдняго обыкновенно приходили бури. Ихъ случилось въ теченіе всего мѣсяца 5 (изъ которыхъ 2 на Куку-норѣ), да дней съ сильнымъ вѣтромъ было также 5. Нерѣдко выпадали и затишья, въ особенности въ первой половинѣ этого мѣсяца.

около полусотни куку-норскихъ пищухъ, спасавшихся отъ дождей и бѣжавшихъ плотною кучею вверхъ по названной рѣкѣ на болѣе сухія мѣста.

Не смотря на перемежающіеся холода и на значительный перевѣсъ ихъ надъ тепломъ, весенняя жизнь начала пробуждаться со второй половины марта: на солнечномъ пригрѣвѣ съ этого времени стала пробиваться зелень; насѣкомыя (пауки, мухи), когда выпадала хорошая погода, появлялись даже на альпійскихъ лугахъ; 20 числа, какъ выше говорено, встрѣчена была первая дневная бабочка и найденъ первый цвѣтокъ. Но вообще до самаго конца марта весна въ горахъ очень мало было замѣтна: сѣверные горные склоны были тогда еще значительно покрыты снѣгомъ, часто подновляемымъ; новый снѣгъ нерѣдко засыпалъ даже долины, хотя обыкновенно и на короткое время; рѣчки, которыя побольше, очистились къ концу мѣсяца отъ льда, до 10 тыс. фут. абсолютной высоты, но на маленькихъ рѣчкахъ и на ключахъ еще лежалъ толстый ледъ. Даже озеро Куку-норъ, на берегъ котораго мы вышли 31 марта, сплошь было покрыто зимнимъ льдомъ, и только вдоль береговъ тянулись узкія полосы талой воды.

Въ болѣе низкихъ частяхъ той же Гань-су, какъ, напримѣръ, въ равнинѣ Сининской или внизъ по Хуанъ-хэ къ городу Лань-чжеу, весна въ мартѣ, конечно, наступала энергичнѣе, но наши наблюденія не относятся къ тѣмъ мѣстностямъ и захватываютъ исключительно болѣе высокую горную область.

Путь по сѣв.-зап. берегу оз. Куку-нора.

Въ тотъ самый день, когда мы пришли на устье р. Балема, поднялась передъ вечеромъ сильная буря, продолжавшаяся съ небольшими перерывами всю ночь и весь слѣдующій день. Какъ обыкновенно, воздухъ наполнился тучами пыли и мелкаго песка; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось холодно. Тою же бурею много поломало ледъ на Куку-норѣ и очистило вдоль сѣвернаго его берега полосу верстъ на 5—6 шириною. Черезъ это сдѣлалось невозможнымъ ранѣе предполагавшееся нами измѣреніе по льду глубины озера [1]) на значительное разстояніе отъ берега. Опредѣлена была опять лишь абсолютная высота Куку-нора и въ среднемъ выводѣ она дала 10,700 футовъ [2]). Помимо льда на самомъ озерѣ, болота на берегу его также были еще замерзши. Вообще нынѣшняя весна на Куку-норѣ наступала гораздо позднѣе, нежели та, которую мы наблюдали здѣсь въ 1873 году. Тогда ледъ взломало 25-го марта, и черезъ недѣлю озеро было совершенно свободно. Между тѣмъ нынче

[1]) Такое измѣреніе сдѣлано было нами на разстояніи трехъ верстъ отъ берега въ концѣ февраля 1880 г. на южной сторонѣ Куку-нора, недалеко отъ устья р. Галдынъ-хари, см. «Третье путешествіе», стр. 316.

[2]) По барометрическому опредѣленію въ 1880 году высота Куку-нора равнялась 10,800 футамъ; менѣе точнымъ способомъ (точкою кипѣнія воды) абсолютная высота для Куку-нора найдена была мною въ 1872 и 1873 гг. въ 10,500 футовъ.

тотъ же ледъ поломало лишь 1 апрѣля; очистилось же озеро, вѣроятно, не ближе половины этого мѣсяца.

Простоявъ трое сутокъ на устьѣ р. Балема, мы пошли далѣе, направляясь не самымъ берегомъ Куку-нора, но наискось отъ него къ большой тибетской дорогѣ, куда и вышли по рѣчкѣ Дунду-нарынъ [1]. По пути, какъ и ранѣе при слѣдованіи къ устью р. Балема, намъ часто попадались стойбища тангутовъ, рѣже монголовъ. Первые сильно тѣснятъ послѣднихъ и съ каждымъ годомъ становятся все болѣе и болѣе хозяевами Куку-нора. По обширной степи, поросшей дырисуномъ и другими кормными травами, всюду паслись большія стада (яки, хайныки, коровы, бараны, лошади), принадлежавшія тѣмъ же тангутамъ. Завидя нашъ караванъ, они поспѣшно отгоняли эти стада въ стороны, вѣроятно вслѣдствіе разныхъ нелѣпыхъ слуховъ, впереди насъ пущенныхъ китайцами. Послѣдніе, какъ и прежде, всюду увѣряли туземцевъ, что истинная цѣль нашего путешествія — отыскиваніе золота и драгоцѣнныхъ камней. Глупая толпа, конечно, вѣрила этимъ баснямъ и подозрительно на насъ смотрѣла.

Встрѣтивъ большую тибетскую дорогу, мы пошли по ней прежнимъ знакомымъ путемъ, пересѣкая рѣчки Уланъ-хошунъ [2], Дэль, Бага-уланъ и вышли на р. Бухаинъ-голъ—самый большой изъ всѣхъ притоковъ Куку-нора. Эта рѣка въ своемъ низовьѣ лишь срединою русла (да и то не вездѣ) очистилась отъ зимняго льда, хотя вверхъ по тому же Бухаинъ-голу льда почти уже не было. Не смотря на первую треть апрѣля, пять дней сряду падалъ снѣгъ, сильно замерзавшій по ночамъ. Раннимъ утромъ являлась зима настоящая: сплошная бѣлая пелена, морозъ и холодный вѣтеръ, свинцоваго цвѣта низко нависшія облака. Мерзли мы хуже, чѣмъ зимою, не смотря на то, что ѣхали въ тепломъ одѣяніи, которое вновь было вынуто изъ вьюковъ. Однако на холмахъ степи начали уже пробиваться зеленые ростки *лапчатки* (Potentilla sp.); другаго пробужденія растительной жизни на Куку-норѣ въ эту пору года еще не было. Среди пернатыхъ также царствовало затишье и лишь въ короткіе сроки сносной погоды можно было услышать въ степяхъ плохое пѣніе рогатыхъ жаворонковъ и земляныхъ вьюрковъ, или плаксивый пискъ *Podoces humilis*; на болотахъ же изрѣдка раздавалось пѣніе

[1]) Эта рѣчка не показана на моей прежней (1872, 1873 и 1880 гг.) съемкѣ Куку-нора, ибо она лежитъ между рр. Балема и Уланъ-хошунъ, гдѣ мы теперь впервые проходили.

[2]) Въ этой довольно значительной лѣтомъ рѣкѣ такъ же, какъ и въ р. Балема, текучей воды теперь не было.

большаго тибетскаго жаворонка, звонкій свистъ красноногихъ куликовъ и хриплый крикъ горныхъ гусей.

На Бухайнъ-голѣ мы провели двое сутокъ по случаю Свѣтлаго праздника. Христосуясь съ казаками, я далъ каждому, вмѣсто краснаго яйца, по полуимперіалу. Изъ запасовъ еще московскихъ, до сихъ поръ почти нерасходовавшихся, мы полакомились теперь коньякомъ [1] и кое-какими презервами; подѣлились, конечно, и съ казаками. Словомъ, праздникъ встрѣченъ былъ и проведенъ съ нѣкоторымъ комфортомъ. Послѣ полудня ловили рыбу въ очистившихся отъ льда заливахъ Бухайнъ-гола и поймали болѣе сотни довольно крупныхъ (отъ 1—2 фут.) рыбъ, между которыми, кромѣ ранѣе открытаго мною *Schizopygopsis Przewalskii*, оказались еще два новыхъ вида—*Sch. leptocephalus n. sp.*, *Sch. gracilis n. sp.* Помимо экземпляровъ, положенныхъ въ спиртъ для коллекціи, мы сварили вечеромъ отличную уху. Названная рыба весьма вкусная; только икра ея, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ рыбъ, обитающихъ въ водахъ высокихъ нагорій Центральной Азіи, негодится для ѣды, ибо очень вредно дѣйствуетъ на желудокъ. Мнѣ приходило на мысль—не служитъ ли такое свойство способомъ сохранить икру отъ истребленія послѣ нереста?

Слѣдующій послѣ праздника день нашей стоянки на Бухайнъ-голѣ посвященъ былъ охотѣ. Но какъ теперь, такъ и до сихъ поръ наши охоты на Куку-норѣ были не особенно добычливы по причинѣ сравнительно малаго количества пролетныхъ птицъ хотя бы водяныхъ. Тоже самое замѣчено было здѣсь нами въ мартѣ 1873 года и въ февралѣ 1880 года. Даже столь обыденныхъ въ весеннюю пору большихъ утиныхъ стай мы не видали на Куку-норѣ ни разу. При томъ для гнѣздёнія утки не остаются здѣсь вовсе. Горные же *гуси* (Anser indicus), *турпаны* (Casarca rutila) и *чайки* (Larus ichthyaëtus, L. brunneicephalus) плодятся въ достаточномъ числѣ, равно какъ и *красноногіе кулики* (Totanus calidris) по болотамъ. Кромѣ этихъ птицъ, изъ другихъ пролетныхъ чаще встрѣчаются на самомъ озерѣ *бакланы* (Phalacrocorax carbo), а по степямъ *орлы* (Aquila bifasciata, A. clanga?) и *сарычи* (Archibuteo aquilinus, Buteo sp.); лѣтомъ для ловли рыбы являются сюда *орланы* (Haliaëtus Macei). Бѣдный пролетъ птицъ.

Къ 1-му апрѣля, т. е. ко дню нынѣшняго нашего прихода на Куку-норъ, въ прилетѣ здѣсь замѣчено было лишь 18 видовъ перна-

[1]) При путешествіи зимою на постоянномъ холодѣ, даже непьющему человѣку, по временамъ хочется выпить чего-нибудь спиртнаго; лѣтомъ такого позыва не бываетъ.

тыхъ[1]). Проходя въ мартѣ по гористой области Гань-су, мы также очень мало встрѣчали здѣсь пролетныхъ птицъ[2]). Словомъ, нынѣшняя весна относительно орнитологическихъ наблюденій дала лишь отрицательные результаты. Въ Гань-су, во время нашего тамъ пребыванія, прилетъ мелкихъ лѣсныхъ пташекъ еще не начинался; водяныя же породы, вѣроятно, держались на своихъ временныхъ остановкахъ, болѣе открытыхъ и низкихъ рѣчныхъ долинахъ, куда мы не заходили.

Что же касается до Куку-нора, то причина крайней бѣдности здѣшняго весенняго (да, вѣроятно, и осенняго) пролета обусловливается, во-первыхъ, долгимъ замерзаніемъ какъ самаго озера, такъ и его притоковъ; во-вторыхъ, отсутствіемъ удобныхъ мѣстъ для отдыха и покормки; наконецъ, быть можетъ, и неудобнымъ положеніемъ этого озера къ сторонѣ высокаго нагорья сѣвернаго Тибета и какъ разъ на меридіанѣ наиболѣе широкаго мѣста безплодной Гоби. Все это заставляетъ пролетныя стаи держать свой путь восточнѣе по Собственному Китаю вплоть до сѣвернаго изгиба Желтой рѣки въ Ордосѣ и уже отсюда перелетать пустыню въ кратчайшемъ направленіи.

Между тѣмъ, другой торный путь пролетныхъ, преимущественно водяныхъ, птицъ лежитъ гораздо западнѣе черезъ Лобъ-норъ, опять-таки по возможности облетая высокое и холодное нагорье сѣвернаго Тибета. Однако, это послѣднее не безусловно избѣгается пролетными птицами, въ особенности осенью. Нѣкоторые виды (Grus cinerea, Grus virgo, Aquila, Buteo, Motacilla etc.) летятъ тогда здѣсь въ довольно большомъ количествѣ; да и весною, въ особенности позднею, быть можетъ, часть пернатыхъ пролетаетъ изъ-за Гималаи прямикомъ на сѣверъ.

Переходъ до кумирни Дуланъ-китъ.

Перейдя поперекъ широкой долины Бухаинъ-гола, мы вошли въ горы Южно-куку-норскія и здѣсь остались дневать на берегу р. Цайцза-голъ подъ высокими отвѣсными скалами. На этихъ скалахъ нѣсколько паръ горныхъ гусей устроили свои гнѣзда и уже высиживали яйца. Возлѣ самки, занятой этимъ дѣломъ, обыкновенно находился и самецъ. Сосѣднія пары иногда прилетали въ гости другъ къ другу. Присутствіемъ нашимъ гуси почти вовсе не стѣснялись. Зато имъ приходилось зорко оберегать свои гнѣзда отъ вороновъ. Однажды на нашихъ гла-

[1]) Впрочемъ, вѣроятно, ихъ было нѣсколько больше. Въ 1873 г., при болѣе подробномъ наблюденіи весенняго прилета въ февралѣ въ Цайдамѣ, а въ мартѣ на Куку-норѣ, къ 1 апрѣля въ прилетѣ считалось 39 видовъ птицъ.

[2]) Всего въ февралѣ и мартѣ нынѣшняго года, при слѣдованіи по Гань-су, наблюдалось нами въ пролетѣ и прилетѣ также 18 видовъ птицъ.

захъ двое этихъ нахаловъ, пользуясь тѣмъ, что гусыня на минуту слетѣла съ гнѣзда, мигомъ бросились къ нему, схватили въ клювы по яйцу и пустились на уходъ. Замѣтившіе покражу гуси погнались за своими грабителями. Тогда вòроны поспѣшно спрятали уворованныя яйца въ разсѣлинахъ скалъ, а сами улетѣли въ сторону.

На той же Цайцза-голѣ мы замѣтили вечеромъ, 10-го апрѣля, первую летучую мышь и впервые слышали голосъ лягушки. Вообще даже съ небольшимъ удаленіемъ отъ ледяной площади Куку-нора стало замѣтно теплѣе. Начали появляться и лѣтнія птицы—*Corydalla Richardii*, *Ruticilla rufiventris*, *Budytes sp.*

Окрестныя нашему бивуаку горы были безлѣсны; поэтому, въ день дневки, мы предприняли экскурсію верстъ за десять отъ своей стоянки на противоположную сторону долины Цайцза-гола и тамъ въ кустарникахъ, обильно покрывающихъ горы, убили отличнаго самца *тибетскаго медвѣдя* (Ursus lagomyiarius). Добытый экземпляръ, будучи раненымъ, пролежалъ въ кустахъ, пока его опять отыскали, часа три и за это время отъ боли и злости изгрызъ и съѣлъ поврежденную пулею свою переднюю лапу и часть другой лапы здоровой.

Дальнѣйшій путь нашъ по большой тибетской дорогѣ, которою мы теперь слѣдовали, лежалъ сначала верстъ на 20 вверхъ по отличной луговой долинѣ Цайцза-гола, а затѣмъ на перевалъ черезъ хребетъ Южно-куку-норскій. Этотъ послѣдній, въ верхнемъ поясѣ своего сѣвернаго, да немного и южнаго склона, былъ засыпанъ снѣгомъ, частью зимнимъ, частью вновь наваленнымъ недавними мятелями. Впрочемъ, снѣгъ покрывалъ лишь сѣверные склоны горъ и ихъ ущелій, хотя на альпійскихъ лугахъ достигалъ глубины отъ 1—2 футовъ. На самомъ перевалѣ, имѣющемъ 13,000 футовъ абс. высоты, снѣга было немного. Какъ подъемъ, такъ и спускъ здѣсь очень хорошіе и пологіе. Жителей отъ Куку-нора до сихъ поръ мы нигдѣ не встрѣчали, несмотря на прекрасныя, часто нетронутыя пастбища.

По южную сторону Южно-куку-норскихъ горъ или, правильнѣе, между главнымъ здѣсь хребтомъ и его южнымъ рукавомъ, залегаетъ на абс. высотѣ, приблизительно равной Куку-нору, обширная степная равнина Дабасунъ-гоби. Почти по срединѣ ея находится большое (около 40 верстъ въ окружности) озеро осадочной соли. Мѣстность названной равнины и на ближайшихъ склонахъ окрестныхъ горъ принимаетъ степной, частью даже пустынный характеръ. Воды здѣсь мало, почва лёссовая, мѣстами солончаковая; изъ растеній, кромѣ дырисуна, нерѣдко встрѣчаются хармыкъ, бударгана и Reaumuria; появляются антилопы

хара-сульты и саксаульныя сойки (Podoces Hendersoni); довольно много ящерицъ и, къ удивленію, не мало весною клещей, которыхъ мы также встрѣчали и на степяхъ Куку-нора. Въ сѣверо-западной части описываемой равнины, поближе къ горамъ, замѣтны слѣды нѣсколькихъ старыхъ арыковъ (канавъ), которыми нѣкогда орошались небольшія пашни, нынѣ поросшія дырисуномъ. Впрочемъ, въ недальнемъ разстояніи отсюда монголы и нынѣ обработываютъ нѣсколько клочковъ земли, на которыхъ засѣваютъ ячмень и бобы.

Въ Дабасунъ-гоби стало гораздо теплѣе; только западныя бури дули по-прежнему, преимущественно съ полудня до вечера; на обширной равнинѣ въ это время бѣгали, кромѣ того, частые и большіе вихри.

За невысокимъ (12,100 фут. абс. высоты), даже мало замѣтнымъ со стороны Дабасунъ-гоби, переваломъ, тибетская дорога выходитъ къ небольшой кумирнѣ Дуланъ-китъ—ставкѣ куку-норскаго вана. Окрестныя здѣсь горы покрыты, въ поясѣ отъ $11^1|_2$—$12^1|_2$ или 13,000 фут., довольно обширными лѣсами, состоящими исключительно изъ *можжевеловаго дерева* (Juniperus Pseudo-Sabina, *арца* по монгольски), и *ели* (Picea obovata? [1]). Въ этихъ лѣсахъ водятся маралы и кабарга, но ни тѣхъ, ни другихъ добыть намъ не удалось.

Въ Дуланъ-китѣ мы встрѣтили нѣсколько старыхъ знакомыхъ и между ними прежняго тосалакчи, который все еще правилъ восточною частью куку-норской земли, ибо новый ванъ, нынѣ выбранный на мѣсто умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ не получалъ своего утвержденія изъ Пекина.

Потеплѣвшая еще въ Дабасунъ-гоби погода теперь сдѣлалась даже жаркою, такъ что мы, наконецъ, могли, впервые отъ самой Кяхты, вымыть свои до невозможности грязныя головы и надѣли лѣтнее платье. Вмѣстѣ съ тѣмъ начался и сборъ насѣкомыхъ, а для предстоящаго ботаническаго сбора приготовлена была пропускная, уложенная въ доски, бумага.

Верблюды наши, въ большинствѣ, оказались теперь значительно уставшими и исхудалыми. Изъ нихъ восемь мы бросили на Куку-норѣ, а десять, наиболѣе слабыхъ, оставили въ Дабасунъ-гоби на попеченіе тамошнихъ монголовъ [2]). Для дальнѣйшаго же пути по восточному Цайдаму наняты были въ Дуланъ-китѣ 23 новыхъ верблюда. Вмѣстѣ съ тѣмъ урядникъ Иринчиновъ посланъ былъ съ однимъ изъ казаковъ къ

[1]) Ранѣе была опредѣлена какъ Picea Schrenkiana.

[2]) Впослѣдствіи изъ этихъ верблюдовъ мы получили только четырехъ, да и то плохо откормившихся.

западно-цайдамскому князю Курлыкъ-бэйсе, чтобы купить тамъ новыхъ верблюдовъ.

Отъ кумирни Дуланъ-китъ путь нашъ лежалъ по восточному Цайдану и въ первой своей половинѣ проходилъ по мѣстности болѣе возвышенной, покрытой голыми площадями лёссовой глины или гальки съ вкрапленными тамъ и сямъ солончаками и довольно обширными залежами сыпучихъ песковъ. На послѣднихъ мѣстами росъ саксаулъ, котораго мы не видали отъ Ала-шаня. Безплодіе вездѣ царило ужасное. Общій пейзажъ мѣстности былъ тотъ же, что и зимою—всюду сѣро, желто, безъ зелени, почти безъ жизни. Погода также стояла отвратительная: густая пыль постоянно наполняла атмосферу, западныя бури дули почти ежедневно, сухость воздуха была крайняя, днемъ донимали жары, по ночамъ морозы. Слѣдованіе по восточному Цайдаму.

Въ южной половинѣ того же восточнаго Цайдама на совершенной равнинѣ, съ среднею абсолютною высотою въ 9,200 футовъ, залегаютъ обширные солончаки, иногда совсѣмъ голые и покрытые твердою, какъ камень, соляною корою, или въ меньшемъ количествѣ появляются тѣ же сыпучіе пески или, наконецъ, еще рѣже встрѣчаются ключевыя болота, представляющія здѣсь собою сравнительно лучшіе уголки, по крайней мѣрѣ относительно обилія подножнаго корма.

По нашему пути такая мѣстность начиналась отъ болота Иргыцыкъ, болѣе другихъ обширнаго. Многочисленные здѣсь ключи сливаютъ свою воду въ р. Балгатынъ-голъ, которая далѣе принимаетъ названіе Булунгиръ-гола и впадаетъ справа въ Баянъ-голъ—наибольшую рѣку во всемъ Цайдамѣ. Однако, мало отраднаго нашли мы и на Иргыцыкѣ, гдѣ провели трое сутокъ для зоологическихъ изслѣдованій. Хотя болото было оттаявши (однако, не вполнѣ), но зелени на немъ не имѣлось вовсе. Изсохшій прошлогодній тростникъ, мѣстами поломанный бурями, весь былъ занесенъ соленою пылью, которая обдавала охотника на каждомъ шагу. Внизу на почвѣ лежалъ тотъ же грязный полугнилой тростникъ, а подъ нимъ—мутная вода и липкая лёссовая грязь. Изъ птицъ обильны были только гнѣздившіеся *красноногіе кулики* (Totanus calidris), да *фазаны* (Phasianus Vlangalii); послѣдніе держались болѣе сухихъ мѣстъ и по утрамъ усердно токовали. Изъ другихъ гнѣздившихся птицъ найдены здѣсь, но большею частью въ ограниченномъ количествѣ: *сѣрые гуси* (Anser cinereus), яйца которыхъ оказались почти вполнѣ насиженными; *кряковныя утки* (Anas boschas), *черношейные журавли* (Grus nigricollis), *лысухи* (Fulica atra), *хохлатыя гагары* (Podiceps cristatus), *рѣчныя крачки* (Sterna hirundo), *камышевки* (Calamodyta certhiola) и *болотныя овсянки*

(Cynchramus pyrrhuloides); изъ пролетныхъ же—*береговыя ласточки* (Cotyle riparia), и неожиданно встрѣченъ былъ, также на пролетѣ, *каменный дроздъ* (Petrocincla saxatilis). Въ ключевыхъ ручьяхъ Иргыцыка мы наловили довольно много рыбы—*Schizopygopsis Stoliczkai* и *Schizopygopsis sifanensis n. sp.* Въ другихъ мѣстностяхъ того же восточнаго Цайдама, именно на р. Баянъ-голъ и въ ключахъ близъ хырмы Дзунъ-засакъ, нами были немного позднѣе еще добыты два вида *губачей* (Diplophysa dispar. n. sp., D. scleroptera n. sp.) и два вида *гольцовъ* (Nemachilus Stoliczkai, N. chondrostoma n. sp.).

Отъ болота Иргыцыкъ мы прошли по своей прежней (зимней) дорогѣ только 12 верстъ и затѣмъ свернули влѣво въ обходъ солончаковыхъ болотъ, которыя въ эту пору года были непроходимы. Впрочемъ и по новому пути также довольно часто встрѣчались небольшія болотца, иногда озерки въ котловинахъ между сыпучими песками. Эти послѣдніе весьма напоминали собою Ала-шань, только были нѣсколько плодороднѣе. Кромѣ саксаула, по здѣшнимъ пескамъ росли— *чагеранъ* (Hedysarum arbuscula), *мохнатый тростникъ* (Psamma villosa) и *кустарный чернобыльникъ* (Artemisia campestris); по солончаковымъ же мѣстамъ—*тамарискъ* (Tamarix Pallasii, T. laxa), *хармыкъ* (Nitraria Schoberi), *кендырь* (Apocinum venetum), *сугакъ* (Licium ruthenicum, иногда L. turcomanicum) и обыкновенный *тростникъ* (Phragmites communis). Не смотря на конецъ апрѣля, кустарники еще не распускали своихъ почекъ; лишь кое-гдѣ начинали, почти незамѣтно, зеленѣть мохнатый тростникъ да кустарный чернобыльникъ. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ на солнечномъ пригрѣвѣ мы встрѣтили нѣсколько цвѣтущихъ кустиковъ тамариска (Tamarix laxa) — и это были лишь вторые за всю нынѣшнюю весну цвѣты, послѣ генціаны, найденной нами въ горахъ Гань-су, еще 20-го марта. Столь позднее для Цайдама развитіе весенней растительности обусловливается сильною сухостью здѣшней атмосферы и почти постоянными въ теченіе всего апрѣля ночными морозами.

Во второй половинѣ своего пути къ Баянъ-голу мы встрѣтили небольшой его притокъ—Шара-голъ, о которомъ прежде не знали. Эта рѣчка притекаетъ изъ окрайнихъ восточному Цайдаму высокихъ горъ. На ея низовьѣ теперь кочевали монголы, со своими стадами. Ихъ юрты, какъ и на Куку-норѣ, стояли болѣе или менѣе скученно для лучшей совмѣстной защиты отъ тангутскихъ разбойниковъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ *оронгынъ*.

На переправѣ черезъ Баянъ-голъ мы снова вышли на свой прежній (1872—73 гг.) путь. Сама переправа совершилась благополучно, бла-

годаря малой водѣ. Плесъ рѣки имѣлъ отъ 120—150 саженъ въ поперечникѣ, но главное на немъ русло расширялось не болѣе какъ на 15 саженъ при глубинѣ около двухъ футовъ; дно было довольно крѣпкое. Лѣтомъ, при большой водѣ, вслѣдствіе дождей въ тибетскихъ горахъ, откуда притекаетъ Баянъ-голъ, переправа черезъ него весьма затруднительна, иногда, пожалуй, и вовсе невозможна [1]).

Прибытіе къ князю Дзунъ-засакъ.

Переночевавъ, послѣ переправы, на небольшой рѣчкѣ Хара-усу мы прибыли наконецъ утромъ 1-го мая къ хырмѣ [2]) князя Дзунъ-засакъ, бывшей уже дважды (въ 1872 и 79 гг.) базисомъ нашихъ путешествій по сѣверному Тибету. Отсюда и нынѣ, по заранѣе составленному плану, должно было начаться изслѣдованіе невѣдомыхъ мѣстностей того же Тибета непродолжительными экскурсіями въ стороны отъ опорныхъ складочныхъ пунктовъ. Такой способъ наиболѣе здѣсь удобный при неминуемой грузности всего экспедиціоннаго каравана и при необходимости давать по временамъ продолжительный отдыхъ вьючнымъ верблюдамъ.

Теперь закончился предварительный, такъ сказать, актъ нашего путешествія. Поперекъ двухъ третей Центральной Азіи перетащены были всѣ необходимыя для выполненія главной цѣли средства и запасы. Для этого потребовалось болѣе шести мѣсяцевъ времени, въ теченіе котораго нами пройдено (отъ Кяхты до хырмы Дзунъ-засакъ) 2,400 верстъ. Переходовъ сдѣлано было 119, такъ что, среднимъ числомъ на каждый изъ нихъ приходится 20 верстъ. Эта цифра можетъ быть принята за нормальную для далекихъ научныхъ экспедицій въ Центральной Азіи.

Мѣстность, въ которой мы теперь намѣревались устроить свой складочный пунктъ, т. е. юго-восточный уголъ Цайдама, принадлежитъ двумъ наслѣдственнымъ князьямъ: Дзунъ-засаку и восточному его сосѣду Барунъ-засаку. Оба эти князя очень неважные, такъ какъ во владѣніи (хошунѣ) каждаго изъ нихъ имѣется лишь по 300 юртъ или семействъ. Подати въ княжескую казну поступаютъ здѣсь натурою: по одному барану и по нѣсколько фунтовъ масла въ годъ съ каждой юрты. Болѣе зажиточный изъ цайдамскихъ князей—Курлыкъ-бэйсе, во владѣніи котораго считается около 500 юртъ. Онъ же состоитъ и старшимъ надъ четырьмя остальными цайдамскими хошунными владѣтелями (засаками).

[1]) При переправахъ немного ниже, черезъ тотъ же Баянъ-голъ, въ началѣ сентября 1879 года и въ началѣ февраля 1880 г., мы нашли эту рѣку въ скромныхъ размѣрахъ. См. «Третье Путешествіе» стр. 169, 170 и 308.

[2]) Жилье, обнесенное квадратною глиняною стѣною для защиты отъ разбойниковъ.

Вынужденныя крутыя мѣры.

Первымъ и самымъ важнымъ для насъ дѣломъ по прибытіи къ Дзунъ-засаку было — купить новыхъ верблюдовъ, а также найти проводника для предстоящей лѣтней экскурсіи на истоки Желтой рѣки и далѣе къ югу, словомъ, въ сѣверо-восточный Тибетъ. Обо всемъ этомъ мы давно уже просили сининскаго амбаня, отъ котораго и ѣхали съ нами въ Цайдамъ двое переводчиковъ съ приказаніями словеснымъ и письменнымъ исполнить всѣ наши требованія. Полагаю только, что подобная забота была лишь показною; въ дѣйствительности же сининскій амбань предписывалъ, конечно секретно, цайдамскимъ князькамъ, какъ то было и въ 1879 году, «ласково насъ отговаривать» [1]) отъ путешествія въ Тибетъ; другими словами, всѣми зависящими средствами препятствовать нашему туда движенію.

Подобныя подозрѣнія не замедлили оправдаться на дѣлѣ. Лишь только пріѣхалъ къ намъ Дзунъ-засакъ, и я передалъ ему свои требованія, какъ этотъ князь сразу началъ отговариваться неимѣніемъ хорошихъ верблюдовъ, равно какъ и людей, знающихъ мѣстность въ сѣв.-восточномъ Тибетѣ; неохотно также отозвался и на предложеніе продать намъ полсотни барановъ и немного ячменя для корма лошадей. Тогда я припугнулъ Дзунъ-засака и назначилъ ему четырехдневный срокъ для доставки всего требуемаго; въ противномъ случаѣ грозилъ прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ. Дѣйствовать рѣшительно было тѣмъ необходимѣе, что теперь вернулся изъ курлыкскаго хошуна урядникъ Иринчиновъ и привелъ съ собою всего шесть да и то неважныхъ верблюдовъ. Наши же, за исключеніемъ нѣсколькихъ, вовсе не годились для новаго пути въ Тибетъ и требовали отдыха на цѣлое лѣто.

Въ теченіе четырехъ сутокъ отсрочки, данныхъ мною Дзунъ-засаку, мы спеціально занимались сортировкою своего багажа, отбирали изъ него то, что должно было слѣдовать съ нами въ Тибетъ; прочее же оставлялось на складѣ. Между тѣмъ Дзунъ-засакъ вызвалъ къ себѣ своего сосѣда Барунъ-засака, и оба они, совмѣстно съ своими приближенными, обдумывали какъ ловчѣе отъ насъ отдѣлаться. Всего криводушнѣе былъ самъ Дзунъ-засакъ—выжига отъ природы, да еще напрактиковавшійся въ различныхъ плутняхъ, проживая на большой караванной дорогѣ тибетскихъ богомольцевъ. Въ результатѣ, къ концу четвертаго дня, намъ были приведены на продажу десятка два никуда негодныхъ верблюдовъ

[1]) Подлинное выраженіе сининскаго амбаня въ переданномъ нашему посольству, зимою 1879—80 гг., донесеніи названнаго сановника пекинскому Цзунъ-ли-ямыну, относительно препятствій, встрѣченныхъ тогда мною въ Цайдамѣ при слѣдованіи въ Тибетъ.

и столько же плохихъ барановъ; относительно проводника послѣдовалъ полный отказъ. Тогда, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, я посадилъ Дзунъ-засака подъ арестъ у насъ въ лагерной палаткѣ, возлѣ которой былъ поставленъ вооруженный часовой; помощникъ князя, едва ли еще не бо́льшій негодяй, былъ привязанъ на цѣпь подъ открытымъ небомъ, а одинъ изъ приближенныхъ, осмѣлившійся во время осмотра верблюдовъ ударить нашего переводчика Абдула, былъ тотчасъ же высѣченъ. Такія мѣры возымѣли желаемое дѣйствіе, какъ непосредственно на самого Дзунъ-засака, такъ и косвенно на его сосѣда, Барунъ-засака. У послѣдняго отыскался для насъ проводникъ, а черезъ два дня намъ были доставлены и проданы 14 хорошихъ верблюдовъ, 46 отличныхъ барановъ и часть продовольствія. Тогда арестованные были отпущены во-свояси.

Такимъ образомъ мы добыли все, что было нужно. Правда, свѣжихъ верблюдовъ оказалось маловато — только 20; но мы могли взять въ подмогу къ нимъ нѣсколько изъ своихъ прежнихъ, наиболѣе крѣпкихъ. Складъ же нашъ рѣшено было устроить въ хырмѣ Барунъ-засака, возлѣ которой кормъ для верблюдовъ очень хорошій. Туда мы и перекочевали 8-го мая.

Погода въ апрѣлѣ и началѣ мая.

Обратимся еще разъ назадъ, спеціально для характеристики климата второй половины весны въ мѣстностяхъ нами въ это время посѣщенныхъ.

На Куку-норѣ мы провели первую треть апрѣля и встрѣтили тамъ лишь два состоянія погоды: облачность и снѣгъ при восточномъ вѣтрѣ; безоблачное небо, пыль и бури — при вѣтрѣ западномъ. При этомъ восточный вѣтеръ дулъ чаще, а вмѣстѣ съ нимъ и часто падалъ снѣгъ [1]) мокрыми хлопьями, какъ въ нашихъ странахъ. Этотъ снѣгъ быстро таялъ на солнцѣ; отъ земли тогда валилъ паръ, изъ котораго вновь образовывались облака и вновь разрѣшались снѣгомъ. Озеро Куку-норъ, какъ уже говорено выше, къ началу апрѣля еще сплошь было покрыто толстымъ льдомъ, и только неширокія полыньи тянулись вдоль береговъ. Затѣмъ сильною бурею 1-го числа значительно раздвинуло эти полыньи и много поломало ледъ вообще. Но все-таки 7-го апрѣля, при нашемъ послѣднемъ переходѣ вдоль сѣв.-западной части описываемаго озера, оно еще сплошь было покрыто здѣсь льдомъ. Совершенно очистился Куку-норъ въ этомъ году, вѣроятно, не ближе половины апрѣля; громоздкіе же валы льда, обыкновенно выбрасываемаго на берега, вѣроятно, пролежали

[1]) Всего 5 снѣжныхъ дней въ первой трети апрѣля.

здѣсь до начала мая, быть можетъ и дольше. Такимъ образомъ обиліе и долгое залеганіе льда на обширной площади Куку-нора обусловливаетъ низкую весеннюю температуру окрестностей этого озера.

Съ переходомъ нашимъ за хребетъ Южно-куку-норскій, въ Дабасунъ-гоби вдругъ стало теплѣе и гораздо суше. Дневное тепло еще болѣе усилилось, когда мы перевалили вторую вѣтвь тѣхъ же Южно-куку-норскихъ горъ и вышли въ Цайдамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь наступила и сильная сухость воздуха. Снѣгъ со второй трети апрѣля уже не падалъ вовсе; равно какъ не было и дождя. На сѣверѣ же надъ Нанъ-шанемъ, всегда (при не слишкомъ пыльной атмосферѣ) видны были тучи, въ особенности съ полудня до вечера.

Однако, хотя дневное тепло въ Цайдамѣ достигало въ апрѣлѣ въ 1 часъ пополудни до $+25{,}2^0$ въ тѣни, но по ночамъ почти постоянно бывали морозы [1]), доходившіе, даже въ послѣдніе дни описываемаго мѣсяца, до $-9{,}7^0$ на восходѣ солнца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, часто дули бури почти исключительно съ запада; такихъ бурь въ апрѣлѣ считалось 10, кромѣ 7 дней съ сильнымъ вѣтромъ, также почти все западнымъ. Атмосфера постоянно была наполнена болѣе или менѣе густою пылью, такъ что даже громадныя горы, какъ Бурханъ-Будда, видны бывали лишь изрѣдка, не надолго и неясно.

Не лучшая погода стояла въ восточномъ Цайдамѣ и въ первой трети мая — тѣ же бури и пыльная сухая атмосфера, жара днемъ (до $+26{,}3^0$), по ночамъ иногда морозы (до $-2{,}8^0$). Цвѣтовъ и зелени также еще не имѣлось, какъ въ апрѣлѣ. Лишь по ключевымъ солончаковымъ болотамъ начинала въ это время пробиваться молодая травка. Вода въ такихъ болотахъ замѣтно прибывала съ каждымъ днемъ, вѣроятно, вслѣдствіе наполненія подземныхъ ключей таявшимъ на окрайнихъ тибетскихъ горахъ снѣгомъ. По словамъ монголовъ, подобная прибыль воды замѣчается на цайдамскихъ болотахъ ежегодно въ теченіе мая и іюня; съ средины же лѣта вода идетъ опять на убыль.

Свѣдѣнія о хошунѣ Шанъ.

Случайно узнали мы теперь и о новомъ въ Цайдамѣ владѣніи, о которомъ въ прежнія здѣсь путешествія, не знаю почему, никто не заикнулся намъ ни единымъ словомъ.

Новооткрытое игрушечное княжество (хошунъ) называется *Шанъ* и лежитъ въ самомъ юго-восточномъ углу цайдамской котловины. Жителей въ Шанѣ около 300 семействъ: тангуты, тибетцы, монголы и разные бѣглые. Отъ китайцевъ они не зависятъ, но подчиняются тибет-

[1]) Въ теченіе всего апрѣля только 4 ночи были безморозныя.

скому Банчинъ-Ирембучи, который назначаетъ сюда на десятилѣтній срокъ довѣреннаго ламу для управленія. Этому ламѣ платятся и подати, часть которыхъ, однажды въ три года, отсылается въ Тибетъ. Главное занятіе жителей Шана—скотоводство; въ небольшомъ количествѣ сѣютъ они ячмень для собственной потребы. По временамъ пріѣзжаютъ сюда торгующіе китайцы изъ г. Донкыра и дунганы изъ д. Бамба.

ГЛАВА IV.

Изслѣдованіе истоковъ Желтой рѣки.

Неизвѣстность впереди лежавшихъ мѣстностей. — Раздѣленіе нашего отряда. — Подъемъ на хребетъ Бурханъ-Будда.—Легенда о происхожденіи этого названія.—Топографическій рельефъ прилежащей части Тибета.—Переходъ до котловины Одонь-тала.—Истоки Хуанъ-хэ.—Жертвоприношенія китайцевъ.—Нашъ бивуакъ.—Неудачный разъѣздъ. — Мѣстность къ водораздѣлу Голубой рѣки.—Флора и фауна. — Трудный путь. — Суровый климатъ.—О тибетскомъ медвѣдѣ. — Горная страна къ югу отъ водораздѣла.—Слѣдованіе по ней. — Остановка на р. Ды-чю.—Описаніе этой рѣки.—Лѣтняя флора окрестныхъ горъ.

Неизвѣстность впереди лежавшихъ мѣстностей.

Въ рѣдкихъ случаяхъ, въ особенности въ наше время, доводится путешественнику стоять у порога столь обширной невѣдомой площади, каковая разстилалась передъ нами изъ юго-восточнаго Цайдама. Прямикомъ отсюда къ западу до меридіана Кэріи и отъ параллели Лобъ-нора до южныхъ частей Тибета залегала мѣстность, гдѣ, за исключеніемъ лишь небольшой восточной части, никогда еще не ступала нога европейца. Да и для самихъ китайцевъ страна эта представляетъ полнѣйшую terra incognita. Мало того, даже неприхотливый дикарь обитаетъ здѣсь лишь кое-гдѣ по окраинамъ, ибо громадная абсолютная высота и ужасный климатъ, къ тому же большею частью крайнее безплодіе, дѣлаютъ на этихъ заоблачныхъ нагорьяхъ жизнь невозможною для человѣка. Только стада дикихъ звѣрей, иногда въ баснословномъ обиліи, бродятъ по скуднымъ пастбищамъ и живутъ привольно вдали отъ тѣсноты и безпощадныхъ гоненій культурныхъ странъ [1]).

Наиболѣе заманчивою, да кстати и ближайшею теперь къ намъ частью невѣдомаго района былъ его сѣв.-восточный уголъ, гдѣ лежатъ истоки знаменитой Желтой рѣки Китая. Изслѣдовать эти истоки китайцы

[1]) Подробнѣе о сѣверномъ Тибетѣ см. мое «Третье путешествіе», гл. IX.

пытались еще въ глубокой древности—во II в. до Р. Х. при династіи старшихъ Ханей. Въ результатѣ получилось тогда нелѣпое представленіе, котораго, быть можетъ, и до сихъ поръ держатся китайцы, что настоящіе истоки Желтой рѣки лежатъ въ верховьяхъ Тарима, вода котораго, притекая въ оз. Лобъ-норъ, скрывается подъ землею и, пробѣжавъ такимъ образомъ чуть не тысячу верстъ, снова выходитъ на поверхность почвы въ видѣ многочисленныхъ ключей котловины Одонь-тала въ сѣв.-вост. углу тибетскаго нагорья. Дальнѣйшія изслѣдованія истоковъ Желтой рѣки, или какъ ее китайцы называютъ *Хуанъ-хэ*, были произведены въ IX в. нашей эры при Таньской династіи, затѣмъ въ XIII в. при династіи Юань и наконецъ въ прошломъ вѣкѣ при нынѣшней Манчжурской династіи. Эти описанія, въ особенности послѣднее, довольно подробныя въ топографическихъ деталяхъ, лишены научной основы, а потому и на географическія карты наносились лишь приблизительно. Что же касается до изслѣдованій по части физической географіи и естествознанія, то въ этомъ отношеніи китайцы всегда и вездѣ были до крайности слабы. Наконецъ недавно, именно въ 1881 году, черезъ истоки Желтой рѣки прошелъ одинъ изъ пундитовъ (обученный съемкѣ индусъ), которыхъ по временамъ секретно снаряжаетъ въ Тибетъ Остъ-индское Геодезическое Бюро. Этотъ пундитъ еще хуже, чѣмъ китайцы, изобразилъ верховья Желтой рѣки, показавъ здѣсь вмѣсто двухъ большихъ озеръ только одно [1]).

[1]) Revised sketch map illustrating the explorations of A— K — in great Tibet and Mongolia 1879 — 1882 (in 3 sheets). Dehra Dun, June 1884. Нельзя обойдти молчаніемъ нѣкоторыхъ *странностей* этой карты. Она издана (на 3 листахъ) Остъ-индскимъ Геодезическимъ Бюро (Trigonometrical Branch, Survey of India) и заключаетъ въ себѣ маршрутно-глазомѣрную съемку славнаго путешествія, совершеннаго съ 1879—1882 г. въ Тибетѣ названнымъ пундитомъ A— K— (имена пундитовъ для ихъ личной безопасности скрываются), съ нанесеніемъ во многихъ мѣстахъ прилегающихъ территорій и путей другихъ путешественниковъ. Цитируемая карта (масштабъ 24 версты въ англ. дюймѣ) представляетъ уже 2-е исправленное (іюньское) изданіе, долженствующее замѣнить, по словамъ замѣтки на поляхъ той же карты, невѣрные январскіе оттиски.

Вышеупомянутыя же странности описываемой карты, заключаются въ слѣдующемъ:

Пундитъ A— K — въ значительной части своего пути, именно отъ ключа Ніеръчунгу (за хребтомъ Танъ-ла) черезъ урочище Тенгеликъ въ Цайдамѣ до оазиса Са-чжеу и отъ озера Тосо-норъ до окрестностей хырмы Дзунъ-засакъ, также въ Цайдамѣ, шелъ тѣмъ самымъ путемъ, который въ большинствѣ пройденъ былъ мною при третьемъ путешествіи по Центральной Азіи. Исправленное (іюньское) изданіе карты появилось спустя около года послѣ выхода въ свѣтъ описанія моего «Третьяго Путешествія», къ которому приложены двѣ карты моей маршрутно-глазомѣрной съемки и одна изъ нихъ относится къ нагорью сѣвернаго Тибета. Изъ сличенія этой карты съ январскимъ изданіемъ марштута пундита (General Report on the Operations of the Survey of India 1882—83, стр. 40 и карта № 15 на 3 листахъ) оказывается, что обѣ съемки много разнятся между собою. Тогда какъ въ іюньскомъ, т. е. *исправленномъ* изданіи той же съем-

Раздѣленіе нашего отряда.

Поставивъ цѣлью предстоящей нашей лѣтней экскурсіи изслѣдованіе истоковъ Желтой рѣки и мѣстности далѣе къ югу, на сколько окажется возможнымъ, мы устроили свой складочный пунктъ, какъ упомянуто въ предыдущей главѣ, въ хырмѣ князя Барунъ-засакъ. Резиденція эта, какъ и у Дзунъ-засака, представляетъ десятка два небольшихъ глиняныхъ конуръ, обнесенныхъ невысокою глиняною же стѣною. Внутри имѣется колодецъ, но воды въ немъ мало; хорошій ключъ лежитъ версты за три. Тамъ же въ обиліи и кормъ для верблюдовъ.

Весь оставленный багажъ нашъ помѣстился въ двухъ наиболѣе просторныхъ конурахъ. Для караула назначены были 6 казаковъ подъ начальствомъ старшаго урядника Иринчинова. Двое изъ этихъ казаковъ ежедневно пасли верблюдовъ; остальные находились на складѣ. Для развлеченія отъ крайней скуки, казакамъ даны были народныя книжки для чтенія и сѣмена кое-какихъ овощей на посѣвъ. Впрочемъ, казаки ока-

ки пундита является удивительное согласіе его географическихъ координатъ съ моими не только по широтѣ, но и по долготѣ. Подобное обстоятельство тѣмъ болѣе странно, что А— К— не опредѣлялъ долготъ и слѣдовательно эти долготы могли получиться лишь прокладкою на картѣ маршрута пундита. Можно было бы подумать, что этотъ маршрутъ, въ его исправленномъ видѣ, представляетъ, съ самыми малыми измѣненіями, простое перемѣщеніе моей съемки на 2 — 3 минуты восточнѣе даннаго мною положенія. Но въ одномъ изъ замѣчаній на поляхъ той же карты говорится: что «*Куку-норскій* маршрутъ полковника Пржевальскаго заимствованъ изъ карты, появившейся въ D-r Petermann's Mittheilungen за іюль 1883 г.». Такъ какъ карта, приложенная къ названной книжкѣ Географическихъ Извѣстій д-ра Петермана, заключаетъ въ себѣ маршрутъ *всего* моего третьяго путешествія, то необходимо полагать, что британскіе картографы игнорировали этотъ маршрутъ, который даже и не обозначенъ на ихъ картѣ; тогда какъ пути моихъ путешествій, перваго и второго, и кусочекъ третьяго (по южному берегу Кукунора) проведены зеленою краскою.

Между тѣмъ нѣкоторыя данныя приводятъ къ другимъ соображеніямъ и выводамъ. Именно, при сличеніи исправленной карты пундита и моей, невольно бросается въ глаза, что совершенно почти сходные наши маршруты вдругъ расходятся по долготѣ на сѣверной оконечности пути пундита — въ хырмѣ равнины Сыртынъ на 36 минутъ и въ г. Са-чжеу на 25 минутъ въ дугѣ. Оба эти пункта поставлены у англичанъ на вышеуказанныя цифры западнѣе. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ мой маршрутъ оказался неточнымъ и на стр. II предисловія къ «Третьему путешествію» мною оговорено: «*городъ Са-чжеу отнесенъ слишкомъ на западъ* (курсивъ въ подлинникѣ). Онъ долженъ быть подвинутъ верстъ на 50 къ востоку и вмѣстѣ съ тѣмъ пропорціонально подвинутъ къ востоку же весь нашъ путь отъ колодца Ку-фи черезъ Сыртынъ и сѣв. Цайдамъ до озера Курлыкъ-норъ». Такой выводъ сдѣланъ былъ мною, уже по отпечатаніи карты, изъ сличенія разстояній отъ Са-чжеу до Анъ-си-чжеу, на моей картѣ и на картѣ приложенной къ путешествію графа Сечени (Kreitner, Im fernen Osten), прослѣдовавшаго въ 1879 году между двумя названными городами. Въ вышеупомянутыхъ же Географическихъ Извѣстіяхъ Петермана, на стр. 309, также указано разногласіе между моимъ маршрутомъ и маршрутомъ г. Сечени относительно положенія Са-чжеу на $^1/_2$ градуса, но *вмѣсто востока на западъ*. Противорѣчіе это произошло очевидно вслѣдствіе вкравшейся у Петермана ошибки: вмѣсто «westlicher» тамъ слѣдуетъ читать «östlicher». Британскіе же картографы, позволительно думать, не вслѣдствіе простой случайности, унесли на исправленной своей

зались плохими огородниками. Читать же книжки большею частію очень любили какъ теперь, такъ и во всякое свободное время путешествія. Нѣсколько человѣкъ безграмотныхъ, бывшихъ въ нашемъ экспедиціонномъ отрядѣ, даже выучились во время похода читать, а нѣкоторые и писать.

Съ конца мая или начала іюня, когда на цайдамскихъ болотахъ появляется уже черезъ-чуръ много оводовъ, комаровъ и мошекъ, оставленные на складѣ верблюды должны были откочевать на одинъ переходъ въ сѣверную окраину горъ Бурханъ-Будда, гдѣ гораздо прохладнѣе, нѣтъ мучающихъ насѣкомыхъ, и подножный кормъ въ устьяхъ большихъ ущелій мѣстами очень хорошій. Для караула и пастьбы при верблюдахъ имѣли слѣдовать пятеро казаковъ; двое же, со смѣною черезъ 20 дней, находились въ караулѣ на складочномъ пунктѣ. Такова была инструкція, данная мною остающимся казакамъ.

картѣ г. Са-чжеу, какъ разъ по Петермановской опечаткѣ вмѣсто востока къ западу еще на 25 минутъ противъ и безъ того слишкомъ западной моей установки.

Въ вышедшемъ въ 1884 г. подробномъ описаніи путешествія пундита А— К— (Rep. on the explorations in G. Tibet and Mongolia by A— K— 1879—82, prepared by J. B. N. Hennessey, p. 1) черезъ-чуръ западное положеніе г. Са-чжеу (92°, 30′ отъ Гринв.) на неисправленной (январской) картѣ пундита объяснено неожиданно вкравшеюся ошибкою— принятіемъ вмѣсто 2½° восточнаго склоненія магнитной стрѣлки тѣхъ же 2½° склоненія западнаго, ошибкой, конечно, непонятною для такого спеціально ученаго учрежденія, какъ Остъ-индское Геодезическое Бюро. Затѣмъ въ сообщеніи, сдѣланномъ въ Лондонскомъ Геогр. Обществѣ 8 декабря 1884 г. (Proceed. of R. G. S. № 2, 1885 p. 85, 86) генералъ Walker объясняетъ новую ошибку слишкомъ западной установки Са-чжеу (94°, 2′ отъ Гринв.) на исправленной (іюньской) картѣ возрастаніемъ магнитнаго склоненія съ увеличеніемъ широты мѣста. На приложенной къ тому же сообщенію, третьей по счету картѣ, Са-чжеу поставленъ подъ 94°, 22′ отъ Гринв., т. е. на долготѣ почти той же, которая дана мною (94°, 28′) на картѣ при «Третьемъ путешествіи» и, какъ выше сказано, ошибочна (по Крейтнеру долгота Са-чжеу 94°, 58′; по прокладкѣ новаго моего маршрута на картѣ при настоящей книгѣ—94°, 54′). Такимъ образомъ въ обоихъ вышеприведенныхъ объясненіяхъ проглядываетъ очевидная натяжка для разъясненія темнаго вопроса по исправленію сѣверной части маршрута пундита. Необычайное же сходство его исправленнаго маршрута съ моимъ въ другихъ мѣстностяхъ, остается неразъясненнымъ.

Теперь далѣе. Изъ хырмы Барунъ-засакъ въ юго-вост. Цайдамѣ я прошелъ въ 1884 г. (при четвертомъ путешествіи) черезъ истоки Желтой рѣки до р. Ды-чю (Голубой) въ окрестностяхъ кумирни Нямцу. На этомъ пространствѣ съемка пундита, за три почти года передо мною здѣсь проходившаго, какъ оказывается, весьма невѣрная. Желающіе могутъ сравнить въ деталяхъ цитируемую англійскую карту и карту моей маршрутно-глазомѣрной съемки, приложенную къ настоящей книгѣ. Сразу въ глаза бросаются слѣд. важныя ошибки англійской карты: 1) показаніе на истокахъ Хуанъ-хэ одного большаго озера, вмѣсто двухъ, съ покон-вѣка изображаемыхъ на картахъ китайскихъ; 2) озеро это неправильно нанесено по геогр. координатамъ; 3) Одонь-тала изображена невѣрно; 4) рѣка Джагынъ-голъ, впадающая въ западное озеро, показана подъ именемъ Дукбулакъ, верховьемъ Ялунъ-цзяна — главнаго лѣваго притока верхней части Голубой рѣки. Словомъ, въ вышеуказанномъ раіонѣ, Остъ-индское Геодезическое Бюро, руководствуясь, при составленіи карты маршрута пундита, свѣдѣніями, только имъ однимъ доставленными, рѣзко и невѣдомо для себя удалилось отъ дѣйствительности.

Другіе участники экспедиціи, числомъ 14 человѣкъ, въ сопровожденіи вожака-монгола и одного изъ сининскихъ переводчиковъ-китайцевъ, знавшаго тангутскій языкъ, должны были отправиться на предстоящую экскурсію, срокъ для которой опредѣлялся отъ 3 —4 мѣсяцевъ. Снарядились мы налегкѣ, да несовсѣмъ. Имѣя всѣ данныя разсчитывать на недружелюбную и даже враждебную встрѣчу со стороны независимыхъ тангутскихъ племенъ, мы должны были запастись продовольствіемъ (кромѣ мяса) на 4-хъ-мѣсячный срокъ и достаточнымъ количествомъ боевыхъ патроновъ; затѣмъ различные препараты для коллекцій, ящики для ихъ помѣщеній, охотничьи принадлежности, инструменты и пр. представляли собою не малое количество багажа. Между тѣмъ въ разрѣженномъ воздухѣ высокихъ нагорій Тибета вьюкъ даже для сильнаго верблюда не долженъ превышать 6—7 пудовъ.

Въ новый нашъ караванъ поступило 26 завьюченныхъ верблюдовъ, 2 запасныхъ, 1 верховой (для вожака передняго эшелона) и 15 верховыхъ лошадей. Тронулись мы въ путь 10 мая.

Подъемъ на хребетъ Бурханъ-Будда.

Чтобы попасть на плато Тибета, намъ необходимо было перевалить черезъ хребетъ *Бурханъ-Будда*, составляющій западную часть той горной окраины, которая высокою, двойною, мѣстами даже тройною, стѣною ограждаетъ съ юга котловину Цайдама. Хребты этой окраины принадлежатъ главному кряжу центральнаго Куэнъ-люня, и о нихъ будетъ расказано впослѣдствіи. Теперь же относительно Бурханъ-Будда упомянемъ [1]), что названный хребетъ тянется съ запада на востокъ верстъ на 150, отъ прорыва западнаго Номохунъ-гола [2]) до окрестностей озера Тосо-норъ, и несетъ всюду крайне дикій характеръ. Южный склонъ на плато Тибета, какъ обыкновенно въ окраинныхъ азіятскихъ горахъ, гораздо короче и сравнительно мягче, нежели обширный сѣверный скатъ въ цайдамскую котловину. Нигдѣ описываемый хребетъ не переходитъ за снѣговую линію и лишь касается ея нѣсколькими вершинами своей восточной части. Впрочемъ, исключительно выдающихся точекъ въ Бурханъ-Будда нѣтъ, и весь хребетъ, какъ хорошо видно при ясной погодѣ, представляетъ собою подобіе гигантскаго вала, поднимающагося, среднимъ числомъ, отъ 7—7½ т. футовъ надъ равнинами Цайдама. Затѣмъ крайнее безплодіе, въ особенности западной части сѣвернаго склона, составляетъ другую характеристику Бурханъ-Будда, въ которомъ изъ горныхъ по-

[1]) О Бурханъ-Будда см. также «Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 302—305, и «Третье путешествіе», стр. 201.

[2]) Въ восточной части Бурханъ-Будда есть другая рѣчка Номохунъ-голъ, по ущелью которой мы и поднимались теперь на перевалъ черезъ названный хребетъ.

родъ нами найдены: гранитъ, гнейсъ, сіенитъ, сіенитовый порфиръ, порфиритъ, діоритъ, зеленокаменная порода, мелкозернистый грюнштейнъ, глинистый и кремнистый сланцы. Дикія, глубоко врѣзанныя ущелья бороздятъ сѣверный склонъ описываемаго хребта. По нимъ иногда текутъ небольшія рѣчки, которыя, по выходѣ изъ горъ, тотчасъ же теряются въ почвѣ [1]). Только двѣ болѣе значительныя рѣчки—*Номохунъ-голъ* и *Алакъ-норъ-голъ*, притекающія съ плато Тибета, прорываютъ Бурханъ-Будда и впадаютъ въ цайдамскій Баянъ-голъ.

Вдоль сѣвернаго подножія описываемаго хребта, какъ у многихъ другихъ центрально-азіятскихъ горъ, залегаетъ широкою полосою покатая безплодная равнина, почва которой состоитъ изъ хряща, гальки, мѣстами лёсса и валуновъ. По нашему пути такая равнина имѣла верстъ 20 въ поперечникѣ и при устьѣ ущелья р. Номохунъ-голъ возвышалась на 1,300 футовъ надъ своимъ подножіемъ [2]). Немного ниже устья названнаго ущелья, равно какъ и сосѣдняго, образуемаго рѣчкою Хату-голъ, лежатъ небольшія пашни, на которыхъ монголы Барунъ-засака сѣютъ ячмень и пшеницу. Кое-гдѣ на пройденной равнинѣ встрѣчались крупные (3—4 фута выш.) кусты *ягоднаго хвойника* (Ephedra glauca), а по сухому руслу Номохунъ-гола, ближе къ горамъ, росли—*балга-мото* (Myricaria germanica var. squamosa) и *сугакъ* (Lycium sp.), начинавшіе цвѣсти; кромѣ того найденъ былъ, уже одѣвшійся листвою, одиночный *тополь*. Вообще, не смотря на значительное повышеніе мѣстности, кустарная растительность была въ это время болѣе здѣсь развита, нежели на солончаковыхъ равнинахъ Цайдама.

Отъ входа въ ущелье Номохунъ-гола до высшей точки перевала черезъ Бурханъ-Будда разстояніе 32 версты. Подъемъ пологій и дѣлается болѣе крутымъ лишь на послѣднихъ 8—9 верстахъ. Идти съ верблюдами довольно удобно, хотя, конечно, огромное поднятіе надъ морскимъ уровнемъ много затрудняетъ вьючныхъ животныхъ. Высшая точка перевала имѣетъ 16,100 фут. абсолютной высоты; окрестныя вершины поднимаются еще (на глазъ) футовъ на 600—800. Значительно же восточнѣе лежатъ, сколько кажется, нѣсколько высшія горы, имѣющія даже лѣтомъ небольшой снѣгъ на сѣверной сторонѣ своихъ вершинъ. Описываемый перевалъ называется *Номохунъ-дабанъ*. Спускъ по южную его сторону на плато Тибета также не крутой и удобный

[1]) Изъ такихъ рѣчекъ въ средней части сѣв. склона Бурханъ-Будда намъ извѣстны: *Сангинъ-голъ*, *Бургасутай-голъ*, *Улясутай-голъ*, *Номохунъ-голъ*, *Хату-голъ и Ихэ-голъ*.

[2]) Абсолютная высота хырмы Барунъ-засакъ 9,200 фут.; устье ущелья р. Номохунъ-голъ—10,500 фут.

для караваннаго хожденія. Само ущелье Номохунъ-гола не широко, мѣстами даже узко. Почва здѣсь, равно какъ и по скатамъ окрестныхъ горъ, состоитъ изъ мелкаго наноса и лёссовыхъ отложеній. Ближе къ наружной окраинѣ горы почти совершенно безплодны, но въ средней части хребта, благодаря, вѣроятно, чаще, нежели далѣе къ западу [1]), падающимъ во время лѣта дождямъ, растительность сравнительно лучше; здѣсь по ущелью растетъ *дырисунъ*, горные же скаты нерѣдко покрыты двумя или тремя видами *мелкихъ злаковъ*, иногда образующихъ сносные луга. Только цайдамскіе монголы лишь изрѣдка пасутъ по нимъ свой скотъ, опасаясь разбойниковъ тангутовъ. Кромѣ того, на сѣверныхъ склонахъ ущелій встрѣчаются небольшіе лѣса *можжевеловаго дерева* (Juniperus Pseudo-Sabina) и площади кустиковъ *курильскаго чая* (Potentilla fruticosa). Въ верхнемъ поясѣ Бурханъ-Будда разстилаются довольно скудные альпійскіе луга, которые на сѣверномъ склонѣ не доходятъ футовъ на 500—600 до перевала; на склонѣ же южномъ не достигаютъ того же перевала лишь на 200—300 футовъ. Теперь, во время нашего прохода (въ половинѣ мая) растительная жизнь альпійской области еще вовсе не пробуждалась. По ущелью же Номохунъ-гола, въ среднемъ поясѣ горъ, мы встрѣтили цвѣтущіе кусты (7—9 футовъ вышины) *балга-мото* (Myricaria germanica var. squamosa), которое восходитъ здѣсь до $11^1|_2$ т. футовъ абсолютной высоты [2]); затѣмъ въ ничтожномъ количествѣ найдены были въ цвѣту два вида *касатика* (Iris Bungei, Iris Tigridia var. flavescens), *одуванчикъ* (Taraxacum sp.), *твердочашечникъ* (Androsace tapete n. sp.) и *первоцвѣтъ* (Primula pumilio). Вообще свѣжей зелени даже въ среднемъ поясѣ описываемыхъ горъ было еще очень мало. По Номохунъ-голу, вверхъ отъ $11^1|_2$ т. фут., еще держались большіе пласты льда, а на самомъ перевалѣ лежалъ глубокій снѣжный сугробъ. Однако всѣ окрестныя нашему пути горы были свободны отъ зимняго снѣга, который, впрочемъ, и выпадаетъ здѣсь лишь въ незначительномъ количествѣ.

Изъ звѣрей, по ущелью Номохунъ-гола, мы видѣли *куку-ямановъ* (Pseudois Nahoor), *волковъ*, *зайцевъ* и *тарабагановъ* (Arctomys robustus); на перевалѣ и за переваломъ попались, впервые за нынѣшнее путешествіе, два небольшихъ стада *дикихъ яковъ* (Poëphagus mutus n. sp.). Изъ птицъ встрѣчались по ущелью: *горихвостки* (Ruticilla rufiventris), *гор-*

[1]) Какъ, напримѣръ, по ущелью перевала, пройденнаго нами въ 1872 и 1873 гг., и по ущелью западнаго Номохунъ-гола.

[2]) По ущелью западнаго Номохунъ-гола кустарникъ балга-мото, постепенно мельчая, восходитъ до 13 т. фут. абс. высоты.

ные вьюрки (Montifringilla Adamsi, Leucosticte haematopygia), *завирушки* (Accentor nipalensis), *Carpodacus rubicilla* и др.; возлѣ перевала найдены были *уллары* (Megaloperdix thibetanus), *бородачи* (Gypaëtus barbatus), *снѣжный* и *бурый грифы* (Gyps nivicola, Vultur monachus). Но вообще орнитологическая фауна, какъ и во всемъ сѣверномъ Тибетѣ, была очень бѣдная.

На подъемъ по ущелью р. Номохунъ-голъ и отсюда на перевалъ нами употреблено было два дня. Какъ люди, такъ и животныя взошли благополучно. Только у всѣхъ насъ, съ непривычки къ подобной высотѣ, разболѣлись головы, и чувствовалась общая слабость организма. Однако, за переваломъ все это скоро прошло.

Легенда о происхожденіи этого названія.

Узнали мы теперь отъ цайдамскихъ монголовъ легенду о происхожденіи названія описываемыхъ горъ. Эта легенда гласитъ слѣдующее [1]):

Много лѣтъ тому назадъ Далай-лама послалъ своего батырь-ламу (богатырь-лама) на сѣверъ розыскать двухъ гыгеновъ (воплощенное божество) и оставить одного изъ нихъ въ Богдо-курени (Ургѣ), другого же привезти въ Тибетъ. Послѣдняго, если онъ будетъ ребенкомъ или мальчикомъ, строго-на-строго приказано было во все время пути держать на рукахъ и не садить ни разу на землю.

Пріѣхавъ на Куку-норъ, посланный лама созвалъ цайдамскихъ и куку-норскихъ ламъ съ ихъ учениками. Затѣмъ посадилъ всѣхъ собравшихся въ рядъ на землю и, вынувъ свою саблю, началъ, подходя къ каждому, дѣлать этою саблею какъ бы ударъ въ грудь. У одного юноши-ламы сердце сильно забилось, и это было указаніемъ на то, что онъ есть желаемый гыгенъ. Распустивъ собраніе, батырь-лама повезъ своего избранника въ Богдо-курень и водворилъ его тамъ кутухтою. Затѣмъ отыскалъ въ Монголіи такимъ же способомъ другого гыгена-мальчика и, держа его на рукахъ, повезъ въ Тибетъ. Благополучно достигнувъ Цайдама, батырь-лама направился далѣе черезъ окраинія горы, встрѣтилъ здѣсь множество звѣрей и, будучи страстнымъ охотникомъ, вздумалъ на нихъ поохотиться. Такъ какъ это неудобно было сдѣлать, имѣя на рукахъ святаго мальчика, то посланецъ рискнулъ нарушить запрещеніе Далай-ламы, разсчитывая, что ничего худаго изъ того не выйдетъ. Посадивъ гыгена на камень, батырь-лама вдоволь поохотился; затѣмъ возвратился и хотѣлъ опять взять на руки мальчика,

[1]) Легенда эта отлична отъ прежняго намъ разсказа относительно названія Бурханъ-Будда. «Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 303.

по послѣдній, какъ оказалось, приросъ къ камню, такъ что оторвать тѣло не было никакой возможности. Тогда батырь-лама отсѣкъ саблею верхнюю половину туловища и повезъ ее съ собою въ Тибетъ. Приросшая же часть тѣла окаменѣла и ее до сихъ поръ, по увѣренію расказчиковъ, можно видѣть гдѣ-то въ горахъ, получившихъ съ тѣхъ поръ названіе Бурханъ-Будда, т. е. Богъ-Будда.

Топографическій рельефъ прилежащей части Тибета.

Топографическій рельефъ, прилежащей сюда части Тибета, т. е. той, которая залегаетъ отъ вышеописаннаго хребта до истоковъ Желтой рѣки и большихъ озеръ ея верхняго теченія, въ общемъ тотъ же самый, какъ и для многихъ другихъ частей сѣверно-тибетскаго плато. Вслѣдъ за спускомъ по южному склону Бурханъ-Будда въ высоколежащую (13,400 фут. абсолютной высоты) долину р. *Алакъ-норъ-голъ*, далѣе къ югу тотчасъ же начинается новое повышеніе мѣстности, достигающее вскорѣ обычной для плоскогорья сѣвернаго Тибета цыфры—14—15 т. футовъ. По южную сторону той же долины и къ югу отъ оз. *Алакъ-нора*, изъ котораго вытекаетъ упомянутая рѣчка, стоитъ на протяженіи 60 верстъ невысокій горный кряжъ, служащій связью между двумя большими хребтами на западѣ и востокѣ. Первый, т. е. западный хребетъ, обрывисто упирающійся къ сторонѣ оз. Алакъ-нора громадными, отчасти снѣговыми вершинами *Бурла-абгай*, [1]) составляетъ, по всему вѣроятію, восточный уголъ горъ Шуга. Восточный же отъ Алакъ-нора хребетъ, извѣстный въ ближайшей сюда своей части подъ монгольскимъ именемъ *Хара-сай*, и отдѣльными вершинами также касающійся снѣговой линіи, стоитъ, въ достаточномъ, впрочемъ, удаленіи, къ сѣверу отъ большихъ озеръ верхней Хуанъ-хэ. Далѣе къ востоку этотъ хребетъ соединяется въ окрестностяхъ озера *Тосо-норъ*, быть можетъ, съ горами Бурханъ-Будда, или, болѣе вѣроятно, съ восточно-снѣговою группою *Амне-мачинъ* (также *Амне-мусунъ*), которая наполняетъ большой верхній изгибъ Желтой рѣки. Такимъ образомъ и въ сѣверо-восточномъ углу Тибета сохраняется характерное для всей этой страны западно-восточное направленіе главныхъ хребтовъ и двойственность горной ограды къ сторонѣ цайдамской котловины.

Къ югу отъ этой ограды, въ раіонѣ нынѣ описываемомъ, поднимается, какъ выше сказано, волнистое плато, часто покрытое небольшими, обыкновенно въ безпорядкѣ насыпанными, горами. Болѣе значительную

[1]) Въ концѣ іюля того же 1881 г., когда мы здѣсь обратно проходили, на сѣверной сторонѣ близъ самой вершины угловой группы Бурла-абгай виденъ былъ нерастаявшій зимній снѣгъ; то же замѣчено нами тогда и на нѣкоторыхъ вершинахъ восточнаго отъ Алакъ-нора хребта.

вышину и болѣе опредѣленное направленіе имѣлъ только лежавшій нѣсколько западнѣе нашего пути хребетъ *Акта*, дугообразно протянувшійся отъ сѣверо-востока къ юго-западу верстъ на сорокъ. Кромѣ того, на самомъ нашемъ пути высилась довольно большая (около $16^1|_2$ тыс. футовъ абсол. высоты) одиночная гора *Урундуши*, замѣнившая собою, какъ теперь оказалось, цѣлый хребетъ, о которомъ намъ прежде много толковали цайдамскіе проводники.

Недалеко отъ горъ Акта и Урундуши лежатъ истоки Желтой рѣки, какъ равно и большія озера ея верхняго теченія. Что же касается до самаго плато, то оно продолжается къ югу до спуска въ горную область р. Ды-чю, т. е. верхняго теченія Голубой рѣки, къ востоку охватываетъ вышеназванныя озера, а на западѣ, вѣроятно небольшимъ вздутіемъ, составляетъ водораздѣлъ истоковъ Хуанъ-хэ отъ рѣкъ, принадлежащихъ Цайдаму.

Переходъ до котловины Одонь-тала.

Переночевавъ въ день перехода черезъ Бурханъ-Будда недалеко за переваломъ, мы спустились на слѣдующее утро по южному склону названнаго хребта въ долину р. Алакъ-норъ-голъ. Идти съ верблюдами было довольно хорошо, хотя въ средней части спуска тропинка направляется по узкому ущелью. Окрестныя горы имѣютъ несравненно болѣе мягкій характеръ, нежели на сѣверномъ склонѣ того же Бурханъ-Будда. За то тамъ нѣсколько плодороднѣе. На южномъ же склонѣ описываемыхъ горъ почва (лёссовая) покрыта лишь разсыпанными, едва на вершокъ отъ земли поднимающимися, кустиками *Kochia prostrata*, да кое-гдѣ мелкимъ злакомъ *Ptilagrostis sp.* Тѣмъ не менѣе здѣсь въ достаточномъ числѣ держатся *аргали*, какой видъ — неизвѣстно, ибо мы не добыли экземпляра.

Озеро Алакъ-норъ оставалось нѣсколько западнѣе нашего пути. Оно образуется, вѣроятно, изъ ключей и рѣчекъ, стекающихъ съ окрестныхъ горъ, и имѣетъ около 20 верстъ въ окружности; вода въ немъ, по словамъ нашего проводника, прѣсная. Изъ сѣверо-восточнаго угла названнаго озера выбѣгаетъ небольшая рѣчка Алакъ-норъ-голъ [1]), которая течетъ сначала верстъ на 50 прямо къ востоку между хребтами Бурханъ-Будда и Хара-сай, по неширокой глинисто-солончаковой долинѣ; затѣмъ прорываетъ восточный край Бурханъ-Будда и впадаетъ въ р. Баянъ-голъ [2]).

[1]) Сажени три въ ширину при глубинѣ 1—2 фута во время малой воды. Впрочемъ, таковы размѣры Алакъ-норъ-гола лишь вскорѣ по выходѣ изъ оз. Алакъ-норъ.

[2]) Баянъ-голъ вытекаетъ изъ оз. Тосо-норъ и въ верхнемъ своемъ теченіи называется *Играй-голъ*.

Перейдя тотчасъ за долиною Алакъ-норъ-гола сквознымъ ущельемъ безводной въ то время рѣчки черезъ невысокій хребетъ, въ которомъ тангуты лѣтомъ копаютъ золото, мы начали опять полого подниматься на плато и вскорѣ очутились за 14 тыс. фут. абсолютной высоты. Путь былъ трудный, ибо помимо движенія въ разрѣженномъ воздухѣ, приходилось слѣдовать съ карованомъ, какъ и во всемъ сѣверномъ Тибетѣ, безъ тропинки, напрямикъ, нерѣдко по рыхлой глинистой почвѣ, изрытой безчисленнымъ множествомъ пищуховыхъ (Lagomys ladacensis) норъ, въ которыя верховыя лошади безпрестанно проваливались своими копытами. Безплодіе вокругъ являлось ужасное; почва большею частью была вовсе оголена, и лишь кое-гдѣ попадались небольшіе клочки кочковатыхъ болотъ (мото-шириковъ), или маленькія площадки тощаго злака, или, наконецъ, тамъ и сямъ пестрѣли небольшія желтоватыя пятна *твердочашечника* (Androsace tapete n. sp.), или красноватыя—стелящагося кустарничка *Myricaria prostrata*. Этотъ единственный здѣсь представитель кустарной флоры кое-гдѣ начиналъ цвѣсти, несмотря на ежедневные ночные морозы, холода днемъ и нерѣдко поднимавшіяся мятели. Влажная болотистая почва оттаяла въ это время не болѣе, какъ на одинъ футъ, по ключамъ лежали накипи льда, и небольшія озера еще были замерзши. Намъ приходилось зябнуть хуже, чѣмъ зимою, въ сырой, морозной палаткѣ безъ топлива, за неимѣніемъ почти онаго. Ежедневно у когонибудь изъ членовъ экспедиціоннаго отряда являлась небольшая простуда или головная боль, но пріемъ или два по 5 гранъ хины быстро уничтожали болѣзнь. Къ довершенію трудностей теперь приходилось дѣлать по пути глазомѣрную съемку, которую при этомъ путешествіи я началъ отъ хырмы Дзунъ-засакъ въ Цайдамѣ [1]).

Почва мѣстности, по которой мы теперь шли отъ южнаго склона хребта Бурханъ-Будда до истоковъ Желтой рѣки, большею частью солончаковая. Далѣе къ югу отъ названныхъ истоковъ солончаки на томъ же высокомъ плато не встрѣчаются. Въ описываемомъ же теперь раіонѣ образованію солончаковъ способствуетъ приносимая вѣтрами изъ Цайдама и въ обиліи осѣдающая соленая пыль. Другое вліяніе сухой, лѣтомъ раскаленной атмосферы Цайдама на ближайшія части Тибета проявляется въ уменьшеніи здѣсь лѣтнихъ водяныхъ осадковъ, вслѣдствіе чего количество болотъ (мото-шириковъ) въ описываемомъ раіонѣ гораздо меньшее, какъ равно и вся мѣстность безплоднѣе, чѣмъ въ болѣе удаленныхъ

[1]) До хырмы Дзунъ-засакъ мы шли отъ Кяхты по мѣстности, уже снятой мною въ прежнія путешествія.

отъ Цайдама частяхъ того же сѣверо-восточнаго Тибета. Во время нашего теперь здѣсь прохода, т. е. въ половинѣ мая, періодъ лѣтнихъ дождей еще не наступилъ; зимняя же и осенняя засуха испарили всю воду не только на мото-ширикахъ, но и во многихъ ключахъ.

Не смотря однако на крайнее безплодіе мѣстности, съ подъемомъ нашимъ на высокое плато тотчасъ началось баснословное обиліе тибетскихъ звѣрей—дикихъ яковъ, хулановъ, антилопъ и др. Передъ нами опять явилась первобытная картина животной жизни, еще нетревожимой человѣкомъ. Послѣ долгой зимы звѣри теперь были исхудалые; нѣкоторые начинали линять, такъ что шкуры часто не годились для коллекціи. Для ѣды же мы гнали съ собою изъ Цайдама небольшое стадо барановъ, мясо которыхъ несравненно лучше и питательнѣе звѣринаго. Ради всего этого охота-бойня была воспрещена казакамъ, да и сами мы, по возможности, отъ нея воздерживались.

Миновавъ высокую столовидную гору Урундуши и перейдя затѣмъ неширокую гряду въ безпорядкѣ насыпанныхъ горокъ, мы вышли къ восточному устью обширной болотистой котловины *Одонь-тала*, на которой лежатъ истоки знаменитой Желтой рѣки Китая. Это былъ первый крупный успѣхъ нынѣшняго нашего путешествія, да и въ общемъ прибавилось для насъ рѣшеніе еще одной важной географической задачи.

Теперь объ истокахъ Хуанъ-хэ. Согласно китайскаго описанія, сдѣланнаго въ концѣ прошлаго вѣка, Желтая рѣка беретъ свое начало съ восточнаго склона хребта Баянъ-хара-ула подъ именемъ *Алтынъ-гола* [1]). Этотъ послѣдній протекаетъ къ сѣверо-востоку около 150 верстъ (300 китайскихъ *ли* [2]), принимаетъ въ себя нѣсколько незначительныхъ рѣчекъ и проходитъ обширную, болѣе 150 верстъ (300 ли) въ окружности, наполненную ключами, котловину, называемую монголами *Одонь-тала*, китайцами же — *Синъ-су-хай*. Первое названіе означаетъ въ переводѣ «звѣздная степь», второе — «звѣздное море». То и другое даны по случаю многочисленныхъ родниковъ, бьющихъ изъ-подъ земли, и похожихъ, для смотрящаго съ высоты, на звѣзды, разсѣянныя по небосклону. Ключи Одонь-тала сливаются въ тотъ же Алтынъ-голъ, который протекаетъ затѣмъ болѣе 50 верстъ (100 ли) Истоки Хуанъ-хэ.

[1]) *Іоакинфъ*. «Исторія Тибета и Куку-нора», часть II, стр. 180—185. Его же: «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», часть I, стр. XXIII и XXIV, и «Статистическое описаніе Китайской имперіи», часть I, стр. 8—11. Въ двухъ послѣднихъ, какъ и во всѣхъ рѣшительно описаніяхъ истоковъ Желтой рѣки, расказывается одно и то же по китайскимъ свѣдѣніямъ. Одинаково изображена эта мѣстность и на всѣхъ географическихъ картахъ.

[2]) Китайская *ли* равняется 267 нашимъ саженямъ.

къ сѣверо-востоку и впадаетъ въ озеро *Цзярынъ-норъ*. По выходѣ изъ этого озера, описываемая рѣка, пробѣжавъ отъ 15—25 верстъ (30—50 ли) на юго-востокъ впадаетъ въ другое озеро *Нъорынъ-норъ* и, вылившись отсюда, называется монголами *Хатунь-голъ*, т. е. Царица-рѣка [1]). Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи Хатунь-голъ направляется сначала къ югу, потомъ къ востоку вдоль южной подошвы высочайшихъ горъ *Амэ-малзинъ-мусунь-ола* (Амне-мачинъ). Пробѣжавъ здѣсь болѣе 350 верстъ (700 ли) и принявъ нѣсколько десятковъ рѣчекъ, Хатунь-голъ круто поворачиваетъ къ сѣверо-западу, потомъ опять къ сѣверо-востоку до китайской границы въ Сининъ-фу, гдѣ и вступаетъ въ предѣлы Собственнаго Китая. Здѣсь описываемая рѣка, протекшая уже отъ истока Алтынъ-гола около 1,200 верстъ (2,300 ли), получаетъ китайское названіе *Хуанъ-хэ*, т. е. *Желтой рѣки*, вслѣдствіе желтоватаго цвѣта своей воды [2]), взмучиваемой лёссовою глиною. Таково вкратцѣ китайское описаніе, въ общемъ довольно вѣрное. Но, повторяю, здѣсь мы имѣемъ лишь топографическія детали, да и то безъ надлежащей ихъ установки на картѣ.

Обратимся къ собственнымъ изслѣдованіямъ.

Какъ упомянуто выше, мы вышли въ восточную окраину котловины Одонь-тала, которая называется тангутами *Гарматынъ* [3]) и протягивается въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу верстъ на 70; въ ширину же имѣетъ около 20 верстъ. Вся эта площадь, нѣкогда бывшая дномъ обширнаго озера, нынѣ покрыта множествомъ кочковатыхъ болотъ (мото-шириковъ), ключей и маленькихъ озерковъ. Въ общемъ Одонь-тала представляетъ, только въ увеличенныхъ размѣрахъ, то же самое, что и безчисленные мото-ширики, разбросанные по всему сѣверо-восточному Тибету въ высокихъ горныхъ долинахъ и на сѣверныхъ склонахъ горъ. Абсолютная высота мѣстности по нашему барометрическому опредѣленію равняется для Одонь-тала 14 тыс. фут. Вся котловина, за исключеніемъ лишь выхода въ ея сѣверо-восточномъ углу, окружена невысокими горами, составляющими съ южной стороны отроги водораздѣльнаго къ бассейну Ды-чю хребта, вѣроятно, Баянъ-хара-ула, или болѣе восточныхъ его продолженій; на сѣверѣ къ той же Одонь-тала близко подходитъ хребетъ Актá, а на западѣ и востокѣ ее замыкаютъ невысокія горныя группы, въ безпорядкѣ разбросанныя по сосѣднему плато. Вѣчно снѣговыхъ горъ въ области истоковъ Желтой

[1]) Тангуты называютъ ее *Ма-чю*.

[2]) Такой цвѣтъ, по китайскому описанію, Хуанъ-хэ получаетъ нѣсколько ниже по выходѣ изъ озера Нъоринъ-норъ, что невѣрно.

[3]) Въ переводѣ также означаетъ «звѣздная степь».

рѣки нѣтъ вовсе; онѣ являются (по распроснымъ свѣдѣніямъ) только далѣе внизъ по верхнему теченію этой рѣки, вскорѣ по выходѣ ея изъ большихъ озеръ. Кромѣ озерковъ и мото-шириковъ по Одонь-тала вьются небольшія рѣчки, образующіяся частью изъ тѣхъ же ключей, частью сбѣгающія съ окрайнихъ горъ. Всѣ эти рѣчки сливаются въ два главныхъ потока, изъ которыхъ одинъ приходитъ съ сѣверо-запада, другой—отъ юго-юго-запада. Оба эти потока, названія которыхъ мы узнать не могли, по величинѣ равны. Первый изъ нихъ вытекаетъ, по распроснымъ свѣдѣніямъ, двумя вѣтвями изъ горъ *Хара-дзагынъ* и *Уджай-махлацы*, вѣроятно небольшихъ хребтиковъ на водораздѣльномъ вздутіи плато; второй—по всему вѣроятію, вытекаетъ изъ водораздѣльнаго къ сторонѣ Ды-чю хребта и, быть можетъ, есть Алтынъ-голъ китайскихъ описаній. Но только ни въ какомъ случаѣ онъ не больше сѣверной вѣтви, съ которою соединяется въ сѣверо-восточномъ углу Одонь-тала у подошвы горнаго отрога, вдающагося клиномъ съ юго-востока. Отсюда, т. е. собственно отъ сліянія всей воды Одонь-тала, и зарождается знаменитая Желтая рѣка, получающая у своей колыбели монгольское названіе *Саломà*. Здѣсь же высится только что упомянутая гора, на которой ежегодно китайцы совершаютъ жертвоприношенія духу истоковъ Желтой рѣки, о чемъ будетъ расказано немного далѣе. Географическая широта, опредѣленная мною по полуденной высотѣ солнца и по высотѣ полярной звѣзды на бивуакѣ, въ трехъ верстахъ ниже сліянія истоковъ Желтой рѣки, равняется 34^0, $55'3$, а долгота, полученная прокладкою нашего маршрута [1]), найдена равною 96^0, $52'$ къ востоку отъ Гринвичскаго меридіана.

По выходѣ изъ Одонь-тала Желтая рѣка тотчасъ принимаетъ съ сѣвера небольшую рѣчку и, направляясь къ востоку, верстъ черезъ 25 впадаетъ въ большое озеро, рядомъ съ которымъ, далѣе къ востоку, лежитъ другое обширное озеро; черезъ него также проходитъ описываемая рѣка. Объ этихъ озерахъ будетъ подробно расказано въ слѣдующей главѣ. Теперь же будемъ продолжать о новорожденной Хуанъ-хэ.

На короткомъ протяженіи самаго верхняго своего теченія, т. е. отъ истока изъ Одонь-тала до впаденія въ западное озеро, Желтая рѣка раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которые быстро бѣгутъ невдалекѣ другъ отъ друга и нерѣдко между собою соединяются. Такихъ рука-

[1]) Опредѣлить долготу истоковъ Желтой рѣки не удалось по случаю облачной или пыльной погоды. Прокладка маршрута произведена была отъ точно установленныхъ по географическимъ координатамъ пунктовъ—кум. *Чертынтонъ* въ Гань-су и р. *Уту-мурень* (ур. Уланъ-гаджиръ) въ южномъ Цайдамѣ.

вовъ, по близости нашей переправы, было два—три, мѣстами четыре. Каждый изъ нихъ весною имѣлъ отъ 10—13 саженъ ширины, при глубинѣ 1—1½ фут.; кое-гдѣ встрѣчались омутки фута 3—4 глубиною. Ширина всего русла рѣки, покрытаго галькою, простиралась до полуверсты; однако такая площадь сполна никогда не заливается. Вода весною весьма свѣтлая, но мутится послѣ выпавшаго и растаявшаго снѣга; лѣтомъ же, въ періодъ дождей, вода въ р. Саломà постоянно очень мутная отъ размываемой лёссовой глины. Тогда число рукавовъ рѣки и глубина ихъ увеличиваются, такъ что переправа въ бродъ часто невозможна.

Долина, сопровождающая описываемое теченіе Хуанъ-хэ, имѣетъ отъ 5—10 верстъ ширины и представляетъ степную равнину, въ изобиліи покрытую на южной сторонѣ рѣки мото-ширками и маленькими озерками, такъ что въ сущности она является восточнымъ продолженіемъ той же Одонь-тала. Подножный кормъ здѣсь весьма хорошій, но жителей нигдѣ нѣтъ.

Не смотря на незначительные сравнительно размѣры р. Саломà, мы встрѣтили въ ней множество рыбы, вѣроятно вошедшей сюда изъ большаго озера. Вся эта масса принадлежала главнымъ образомъ къ одному роду *Schizopygopsis*—расщепобрюхихъ карповыхъ, исключительно свойственныхъ высокому нагорью сѣвернаго Тибета, со включеніемъ Цайдама, Куку-нора и горной области Гань-су. Нами теперь добыто было 4 вида, все новые—*Schizopygopsis extremus n. sp.*, *Sch. gasterolepidus n. sp.*, *Sch. labiosus n. sp.*, *Sch. maculatus n. sp.* Изъ нихъ три первые принадлежатъ спеціально истокамъ Желтой рѣки и, вѣроятно, также большимъ здѣсь озерамъ; четвертый же видъ (Sch. maculatus) найденъ былъ нами ранѣе въ другихъ частяхъ сѣверо-восточнаго Тибета и въ бассейнѣ верхней Хуанъ-хэ близъ Гоми, Гуй-дуя и на р. Тэтунгъ-голъ. Наконецъ, въ ключахъ долины той же р. Саломà, частью и въ ней самой, добытъ былъ теперь нами одинъ видъ *гольца* (Nemachilus Stoliczkai), широко распространеннаго по горной области верхней Хуанъ-хэ, на Куку-норѣ, въ Цайдамѣ и во всемъ сѣверномъ Тибетѣ. Замѣчено нами, что послѣ ѣды здѣшней, какъ и другой рыбы высокихъ водоемовъ Центральной Азіи всегда сильно клонитъ ко сну.

Жертвоприношенія китайцевъ.

На сѣверо-восточной окраинѣ Одонь-тала, тамъ гдѣ изъ сліянія двухъ главныхъ истоковъ родится Желтая рѣка, стоитъ, какъ выше сказано, невысокая (на глазъ—футовъ 700—800 надъ окрестностью) гора, составляющая уголъ незначительнаго хребта, протянувшагося сюда съ востока отъ большаго озера. На вершинѣ этой горы сложенъ изъ

камня маленькій «обо», и здѣсь ежегодно приносятся жертвы духамъ, питающимъ истоки великой китайской рѣки. Для этой цѣли наряжается изъ г. Синина, по распоряженію тамошняго амбаня, чиновникъ въ рангѣ генерала съ нѣсколькими меньшими чинами. Они пріѣзжаютъ въ Цайдамъ, забираютъ съ собою хошунныхъ цайдамскихъ князей, или ихъ повѣренныхъ, и въ 7-мъ мѣсяцѣ, т. е. въ концѣ нашего іюля или въ началѣ августа, отправляются на Одонь-тала. Сюда же къ жертвенной горѣ стекаются въ это время монголы Цайдама, и еще болѣе тангуты изъ ближайшихъ мѣстностей.

Оправившись немного съ дороги, посольство восходитъ на священную гору, становится возлѣ «обо» и читаетъ, присланную изъ Пекина на желтой бумагѣ за подписью Богдо-хана, молитву, въ которой духи Одонь-тала упрашиваются давать воду Желтой рѣкѣ, питающей около сотни милліоновъ населенія Китая. Затѣмъ приносится жертва—изъ одной бѣлой лошади, бѣлой коровы, девяти бѣлыхъ барановъ, трехъ свиней (ихъ привозятъ тушами) и нѣсколькихъ бѣлыхъ же курицъ. Все это закалывается, мясо раздѣляется между богомольцами и съѣдается [1]). Тѣмъ оканчивается вся церемонія. На Одонь-тала посольство проводитъ двое или трое сутокъ и возвращается обратно. На путевыя его издержки высылается изъ Пекина 1,300 ланъ серебра. Кстати сказать, что одновременно подобное же моленіе производится и на озерѣ Куку-норѣ по слѣдующему, какъ гласитъ преданіе, случаю:

Въ началѣ прошлаго столѣтія китайскій императоръ Канъ-си послалъ своего дядю съ конвоемъ солдатъ въ Тибетъ, чтобы описать эту страну. Посланецъ успѣшно выполнилъ порученіе и вышелъ изъ Тибета въ Сы-чуань, но здѣсь былъ убитъ тангутами. Въ ту же самую ночь Канъ-си увидѣлъ во снѣ убитаго дядю, который объяснилъ императору, что исполнилъ свое дѣло, но погибъ отъ разбойниковъ. Канъ-си опечалился этимъ сномъ, однако немного. Тогда правая половина его трона вдругъ потемнѣла и оставалась такою въ теченіе трехъ сутокъ. Принявъ подобное знаменіе за гнѣвъ Божій о малой печали по убитомъ дядѣ, императоръ приказалъ ежегодно два раза, въ 3-мъ и 7-мъ мѣсяцахъ, производить моленіе за покойника на оз. Куку-норѣ. Такъ исполнялось при жизни самого Канъ-си. Нынѣ же богослужебный обрядъ въ 3-мъ мѣсяцѣ дѣлается только въ Сининѣ возлѣ западныхъ воротъ. Но въ 7-мъ мѣсяцѣ моленіе, болѣе торжественное, устраивается

[1]) По прежнимъ намъ сообщеніямъ—«Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 306,—жертвенныя животныя отпускаются на свободу; впрочемъ, послѣднія свѣдѣнія гораздо вѣроятнѣе.

въ кумирнѣ Хой-тинъ-цза, лежащей въ горахъ недалеко отъ западнаго берега Куку-нора. Въ названную кумирню пріѣзжаетъ тогда сининскій амбань со своимъ штабомъ и собираются монгольскіе князья какъ съ Куку-нора, такъ и изъ пяти куку-норскихъ же хошуновъ, кочующихъ по южную сторону Желтой рѣки; кромѣ того стекаются въ большомъ числѣ богомольцы—монголы и тангуты. Для угощенія этихъ молельщиковъ и на другіе расходы изъ Пекина отпускается тысяча ланъ серебра. Изъ Пекина же высылается желтое съ дракономъ знамя и написанная на желтой канфѣ, скрѣпленная подписью Богдо-хана, молитва: въ ней богъ воды Хэ-лунъ-ванъ упрашивается помогать убитому дядѣ Канъ-си. Канфа эта по прочтеніи молитвы сжигается. Затѣмъ приносятся въ жертву—двѣ бѣлыхъ коровы, четыре свиньи и двѣнадцать бѣлыхъ барановъ. Кромѣ того монгольскіе князья дѣлаютъ разныя жертвы, каждый по своему состоянію. Тѣмъ же князьямъ выдаются здѣсь и награды отъ Богдо-хана.

Нашъ бивуакъ. Еще не позднимъ утромъ 17-го мая перешли мы вбродъ нѣсколько мелкихъ рукавовъ новорожденной Хуанъ-хэ и разбили свой бивуакъ на правомъ ея берегу, въ трехъ верстахъ ниже выхода изъ Одонь-тала. Такимъ образомъ, давнишнія наши стремленія увѣнчались наконецъ успѣхомъ: мы видѣли теперь во-очію таинственную колыбель великой китайской рѣки и пили воду изъ ея истоковъ. Радости нашей не имѣлось конца... Къ довершенію наслажденія и погода выдалась какъ нарочно довольно хорошая, хотя по ночамъ по прежнему продолжали стоять порядочные (до —9,6°) морозы. Сама Хуанъ-хэ была свободна отъ зимняго льда и замерзала лишь ночью на мелкихъ рукавахъ; притомъ раннимъ утромъ по рѣкѣ обыкновенно шла небольшая шуга; недалеко же вверхъ отъ нашего бивуака еще лежалъ зимній ледъ въ 2—3 фута толщиною.

Рыбы въ рѣкѣ, какъ выше упомянуто, биткомъ было набито. Сейчасъ, конечно, устроилось и рыболовство, по истинѣ баснословное обиліемъ улова. Небольшимъ бреднемъ всего въ 13 саженъ, притомъ въ омуткахъ не длиннѣе 15—25 шаговъ, мы вытаскивали сразу пудовъ шесть, восемь и даже десять рыбы, каждая отъ 1—1½ изрѣдка до 2 футовъ величиною. Такъ можно было ловить по всей рѣкѣ, переходя отъ одного омутка къ другому. Во время протягиванія бредня куча метавшейся рыбы чуть не сбивала съ ногъ вошедшихъ въ воду казаковъ. Безъ особеннаго труда мы могли бы наловить въ теченіе дня нѣсколько сотъ пудовъ рыбы. Сколько же ея въ сосѣднихъ большихъ озерахъ, въ которыхъ отъ самаго ихъ созданія никто изъ людей не ло-

вилъ, да притомъ и нѣтъ хищныхъ рыбъ! Но такое богатство пропадаетъ пока задаромъ, ибо китайцы сюда не показываются, а монголы и тангуты рыбы вовсе не ѣдятъ.

Ради обилія той же рыбы, возлѣ нашего бивуака во множествѣ держались *орланы* (Haliaëtus Macei) и обыкновенныя *чайки* (Larus brunneicephalus). Послѣднія, какъ весьма искусные рыболовы, безъ труда находили себѣ добычу, но ее сейчасъ же отнимали у нихъ орланы, которые только такимъ способомъ и продовольствовались. Впрочемъ, при обиліи рыбы ея хватало вдосыть какъ для названныхъ птицъ, такъ и для *крахалей* (Mergus merganser), которыхъ также здѣсь было не мало. Даже медвѣди, весьма изобильные въ сѣв.-вост. Тибетѣ, искушались неподходящимъ для нихъ промысломъ рыболовства и нерѣдко съ этою цѣлью бродили по берегу рѣки.

Экскурсіи вверхъ и внизъ по ней помѣшали намъ побывать въ день прихода на вершинѣ жертвенной горы. Туда ходилъ только нашъ проводникъ и, возвратившись, увѣрялъ, что ничего вдаль не видно. На слѣдующій день передъ вечеромъ я взошелъ на эту гору вмѣстѣ съ В. И. Роборовскимъ. Широкій горизонтъ раскинулся тогда передъ нами. Къ западу, какъ на ладони, видна была Одонь-тала, усѣянная ключевыми озерками, ярко блестѣвшими подъ лучами заходившаго солнца; къ востоку широкою гладью уходила болотистая долина Желтой рѣки, а за нею величаво лежала громадная зеркальная поверхность западнаго озера. Около часа провели мы на вершинѣ жертвенной горы, наслаждаясь открывшимися передъ нами панорамами и стараясь запечатлѣть въ своей памяти ихъ мельчайшія детали. Затѣмъ, по приходѣ на бивуакъ, мы призвали къ допросу проводника, но послѣдній, какъ ловкій плутъ, началъ клятвенно увѣрять, что на большихъ высотахъ у него «застилаетъ глаза», и потому вдаль видѣть онъ ничего не можетъ.

Неудачный разъѣздъ.

Для обслѣдованія, сколько возможно, видѣннаго озера рѣшено было на завтра отправиться въ разъѣздъ. Поѣхалъ я самъ съ двумя казаками. Провизіи мы взяли на трое сутокъ, захватили также съ собою и шубы на случай столь обыденной въ Тибетѣ непогоды. Всѣми запасами была навьючена одна лошадь; три другія шли подъ верхомъ. До полудня мы сдѣлали 17 верстъ внизъ по долинѣ лѣваго берега Желтой рѣки и, встрѣтивъ хорошее, кормное для лошадей мѣстечко, остановились здѣсь на привалъ. Живо были разсѣдланы лошади, стреножены и отпущены на траву; сами же мы собрали немного аргала, вскипятили на немъ чай и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо закусили привезенною съ собою бараниною. Затѣмъ, пока накормятся лошади, двое изъ насъ задре-

мали; одинъ же оставался на караулѣ. Вскорѣ этотъ караульный разбудилъ меня и указалъ на двухъ медвѣдей, спокойно прогуливавшихся въ разстояніи отъ насъ немного болѣе версты. Сонъ мой какъ рукой сняло. Живо забросилъ я на плечи свой штуцеръ-Express и вмѣстѣ съ казакомъ Телешовымъ отправился къ заманчивымъ звѣрямъ. Придя на мѣсто, гдѣ они были, мы встрѣтили вмѣсто двухъ, четырехъ медвѣдей и, пострѣлявъ довольно по нимъ, убили самца и самку; другой самецъ, набѣжавшій съ испугу прямо на нашъ бивуакъ, былъ убитъ остававшимся тамъ казакомъ. Такимъ образомъ мы добыли въ коллекцію сразу трехъ рѣдкостныхъ тибетскихъ медвѣдей—*Ursus lagomyiarius n. sp.* Шерсть у нихъ, не смотря на вторую половину мая, была еще превосходная.

Какъ на самой охотѣ, такъ и гораздо болѣе при обдираніи потомъ шкуръ, мы провозились до наступленія сумерокъ. Пришлось остаться ночевать на мѣстѣ привала, но такая задержка оказалась къ нашему благополучію.

Послѣ хорошей и теплой, въ теченіе цѣлаго дня, погоды къ вечеру заоблачнѣло, а когда совсѣмъ стемнѣло, неожиданно поднялась гроза (первая въ нынѣшнемъ году) и притомъ съ сильною мятелью. Громъ вскорѣ пересталъ, но мятель, вмѣстѣ съ бурею отъ сѣверо-запада, не унималась въ теченіе цѣлой ночи. Къ утру снѣгъ выпалъ на 1 футъ глубиною; сугробы же намело въ 2—3 фута. Я спалъ на войлокѣ въ ложбинкѣ, и меня совершенно занесло снѣгомъ. Подъ такою покрышкою было тепло, хотя и несовсѣмъ пріятно, когда таявшій отъ дыханія снѣгъ начиналъ пускать капли воды подъ бокъ, иногда и за шею. Казакамъ приходилось еще хуже, такъ какъ они поочередно караулили и сильно мерзли. Съ разсвѣтомъ едва-едва могли мы развести огонь изъ запаснаго съ вечера аргала; напившись чаю, немного согрѣлись. Затѣмъ остались на томъ же мѣстѣ ждать, пока уймется мятель и можно будетъ съ ближайшихъ горъ осмотрѣть и засѣчь бусолью, по крайней мѣрѣ, ближайшія части озера. Однако мятель не унималась, а наши лошади, простоявши на холодѣ безъ корма цѣлую ночь, сильно озябли. Поэтому въ 9 часовъ утра рѣшено было ѣхать обратно. Но не на радость былъ для насъ этотъ путь. Бѣдствовали мы еще цѣлыхъ пять часовъ: верховыя лошади безпрестанно спотыкались, идя по глубокому снѣгу, прикрывшему безчисленныя норы пищухъ; по временамъ мы залѣзали въ топкія болота, изъ которыхъ едва назадъ выбирались; рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ со снѣгомъ билъ прямо въ лицо, самый же снѣгъ блестѣлъ нестерпимо; направленіе пути пришлось угадывать чутьемъ,

ибо по сторонамъ ничего не было видно. Порядочно измученные вернулись мы лишь къ двумъ часамъ пополудни къ своей стоянкѣ. Здѣсь обогрѣлись и обсушились. Только нѣсколько дней потомъ у меня и у обоихъ казаковъ болѣли глаза отъ нестерпимаго снѣжнаго блеска.

Мятель стихла лишь къ вечеру; затѣмъ небо разъяснѣло, и къ утру грянулъ морозъ въ 23 градуса; на горахъ же, вѣроятно, еще болѣе. И это случилось 20 мая подъ 35° сѣв. широты. Весьма краснорѣчивый фактъ для характеристики климата тибетскаго нагорья! Весь слѣдующій день зима вокругъ насъ была полная—все бѣло, ни одной проталины, санный путь отличный. Лишь къ вечеру снѣгъ немного стаялъ на южныхъ склонахъ горъ. Идти впередъ нечего было и думать, пока не сойдетъ снѣгъ, по крайней мѣрѣ, хотя въ долинахъ. Между тѣмъ наши верблюды не ѣли уже двое сутокъ, да и лошадямъ отпускалось лишь по три пригоршни ячменя на утреннюю и вечернюю дачу. Не сладко приходилось теперь и звѣрямъ, въ особенности антилопамъ оронго, которыя, пробѣгая по обледенѣлому ночью снѣгу, рѣзали себѣ въ кровь ноги и, вѣроятно, легко доставались въ добычу волкамъ. Отъ холода и недостатка пищи погибло также много птицъ, въ особенности мелкихъ пташекъ.

Мѣстность къ водораздѣлу Голубой рѣки.

Отъ котловины Одонь-тала мѣстность далѣе къ югу снова поднимается на абсол. высоту, близкую 15 т. футовъ. На этомъ плато по прежнему всюду стоятъ невысокія (на глазъ футовъ тысячу, чаще же и того менѣе надъ окрестностью) горы, то какъ попало набросанныя, то вытянутыя въ небольшіе хребты, имѣющіе въ общемъ все-таки восточно-западное направленіе. Характеръ этихъ горъ также прежній: отсутствіе скалъ и крутыхъ недоступныхъ массъ, луговые или совершенно оголенные пологіе скаты и всюду удободоступность. Только въ описываемомъ раіонѣ гораздо больше, нежели къ сѣверу отъ Одонь-тала, ручьевъ, рѣчекъ и кочковатыхъ болотъ, т. е. мото-шириковъ [1]). Эти послѣдніе залегаютъ здѣсь всюду какъ по долинамъ, такъ и по горнымъ склонамъ; лѣтомъ, въ періодъ дождей, сплошь наполняются водою. Кромѣ того, на мото-ширикахъ встрѣчается множество маленькихъ лужъ и озерковъ. Происхожденіемъ они обязаны, главнымъ образомъ, дикимъ якамъ, которые своими могучими рогами копаютъ болотистую почву, частью для того, чтобы поваляться въ грязи, частью же въ періодъ возбужденнаго состоянія во время течки. Многими тысячами быковъ ежегодно выкапываются эти сначала небольшія ямы,

[1]) О происхожденіи мото-шириковъ см. «Третье путешествіе», стр. 216.

которыя затѣмъ размываются лѣтними дождями и выдуваются зимними бурями. Но тѣ и другія сносятъ лишь мягкій, поверхностный слой почвы, подъ которымъ всегда лежатъ болѣе крупные обломки горныхъ породъ. Поэтому всѣ озерки на мото-ширикахъ неглубоки—отъ 1—2 рѣже до 3 футовъ.

Другой, повидимому, ничтожный звѣрекъ, но играющій большую роль въ переработкѣ почвы сѣверо-восточнаго Тибета—это *пищуха* (Lagomys ladacensis), о которой было уже говорено въ предыдущей главѣ. Безчисленное количество этихъ пищухъ нерѣдко сплошь дырявятъ своими норами обширныя площади на тибетскомъ плато. Осыпавшіяся или залитыя дождемъ норы постоянно замѣняются новыми. Вырытая же рыхлая глина уносится вѣтромъ, или смывается съ горныхъ склоновъ дождями—остаются оголенныя мѣста и болѣе или менѣе значительныя ямки. Затѣмъ сами звѣрьки, выкапывая корни травы, также рыхлятъ и обезображиваютъ почву. Вотъ почему во всемъ сѣверо-восточномъ Тибетѣ такъ часто встрѣчаются, въ особенности на горныхъ склонахъ, голыя плѣши и нѣтъ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ ровной луговой поверхности. Кромѣ того, работа пищухъ, въ связи съ атмосферными дѣятелями, уже уничтожившими въ сѣверномъ Тибетѣ почти всѣ скалы, вѣроятно понемногу, въ теченіе вѣковъ, способствуетъ засыпанію горныхъ долинъ и черезъ то сглаживанію рельефа страны.

Болотистый характеръ описываемаго плато не прерывается до самаго водораздѣла къ бассейну Ды-чю, т. е. къ верховью Голубой рѣки. Этотъ водораздѣлъ образуется восточнымъ продолженіемъ хребта Баянъ-хара-ула; по нашему же пути обозначался лишь небольшимъ горбылемъ съ абсол. высотою въ 14,700 футовъ. Жителей на плато къ югу отъ Одонь-талà, также какъ и къ сѣверу отъ этой котловины, нѣтъ вовсе. Что касается до флоры и фауны той же мѣстности, то онѣ одинаковы съ другими частями сѣвернаго или, вѣрнѣе, сѣверо-восточнаго Тибета. Общая характеристика здѣшняго растительнаго и животнаго царствъ сдѣлана въ описаніи моего «Третьяго путешествія», стр. 188—197. Теперь добавлю лишь вновь добытыя частности.

Флора. Относительно своей весенней флоры плато сѣверо-восточнаго Тибета представляетъ большую бѣдность. Даже въ концѣ мая зелень здѣсь почти не показывалась и все было сѣро, какъ зимою. Только кое-гдѣ на мото-ширикахъ боязливо выглядывалъ цвѣтущій *первоцвѣтъ* (Primula nivalis var. farinosa), а по косогорамъ на солнечномъ пригрѣвѣ иногда встрѣчались также цвѣтущіе *адонисъ* (Adonis coerulea) и чуть замѣтный *молочай* (Euphorbia sp.); на голыхъ глинистыхъ скатахъ горъ вразсыпную

торчали полузеленые пучки *Przewalskia tangutica*; по берегамъ рѣчекъ изрѣдка цвѣли: *лапчатка* (Potentilla nivea?), розовый *лютикъ* (Ranunculus involucratus n. sp.) и *Saussurea sorocephala*; здѣсь же кое-гдѣ вылѣзали изъ земли листья нелѣкарственнаго *ревеня* (Rheum spiciforme) и ползучими кустиками залегала *Myricaria prostrata* съ мелкими, но красивыми розовыми цвѣточками; наконецъ, на влажныхъ песчано-глинистыхъ мѣстахъ скупо цвѣли—*Oxygraphis glacialis*, синій и палевый *касатики* (Iris Tigridia, I. Tigridia var. fluvescens).

Всѣ эти невзрачные представители весенней флоры тибетскаго плато [1]) обыкновенно являлись карликами, запрятанными почти сполна отъ непогоды въ почвѣ и выставляющими наружу лишь цвѣтки, да немногіе листья. Впрочемъ, здѣшнія растенія (какъ и въ альпійской области высокихъ горъ) удивительно пріучены къ климатическимъ невзгодамъ своей родины. Не говоря уже про снѣгъ и небольшіе холода, которыхъ нисколько не боятся тибетскіе цвѣты, даже послѣ случившагося въ 23 градуса мороза и снѣга на 1 футъ глубиною, болѣе двухъ сутокъ покрывавшаго почву, лишь немногіе изъ вышеназванныхъ цвѣтовъ погибли. Бо́льшая же ихъ часть невредимо красовалась, какъ только растаялъ снѣжный покровъ.

Животная жизнь описываемой мѣстности, какъ и во всемъ сѣв. Тибетѣ, весьма бѣдна разнообразіемъ видовъ, но очень богата массою индивидуумовъ. По мото-ширикамъ всюду здѣсь пасутся *дикіе яки*, (Poëphagus mutus n. sp.) нерѣдко стадами въ нѣсколько сотъ, иногда даже болѣе тысячи экземпляровъ; много также *хулановъ* (Asinus Kiang), еще болѣе антилопъ *оронго́* (Pantholops Hodgsoni); весьма обыкновенны—антилопа *а́да* (Procapra picticauda), *медвѣдь* (Ursus lagomyiarius n. sp.), *тибетскій волкъ* (Canis chanko) и *кярса* (Vulpes Eckloni n. sp.); безчисленное множество *пищухъ* (Lagomys ladacensis), а мѣстами *полевокъ* (Arvicola Blythii) чуть не сплошь дырявятъ почву своими норами; по горамъ кое-гдѣ живутъ *тарабаганы* (Arctomys robustus); тамъ же водятся—*куку-яманъ* (Pseudois Nahoor) и бѣлогрудый *аргали* (Ovis Hodgsoni?). Вслѣдствіе суроваго климата лишь немногіе изъ этихъ млекопитающихъ приступили къ линянію даже въ концѣ мая, медвѣди же въ теченіе всего іюня, иные даже въ началѣ іюля, еще носили хорошую зимнюю шерсть. Фауна.

Среди птицъ на плато сѣв.-вост. Тибета также большая бѣдность относительно разнообразія видовъ, да и количество экземпляровъ, за

[1]) О лѣтней флорѣ той же мѣстности будетъ расказано въ слѣдующей главѣ.

исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ породъ, большею частью весьма ограниченное. Всему этому причиною крайне невыгодныя физико-географическія условія страны, главное же — недостатокъ удобныхъ мѣстъ для жительства и бѣдность корма. Какъ теперь, такъ и при обратномъ (въ іюлѣ) слѣдованіи по тому же плато, нами найдено было лишь 40 видовъ пернатыхъ; изъ нихъ 12 осѣдлыхъ, 19 гнѣздящихся и 9 пролетныхъ. Среди осѣдлыхъ наиболѣе здѣсь обыкновенны: *грифы* (Gypaëtus barbatus, Vultur monachus, Gyps nivicola), *вороны* (Corvus corax), большие *тибетскіе жаворонки* (Melanocorypha maxima), *земляные вьюрки* (Onychospiza Taczanowskii, Pyrgilauda ruficollis, Pyrgilauda barbata n. sp.) и *Podoces humilis*. Всѣ они плохіе пѣвуны, такъ что весьма мало оживляли, даже въ маѣ, унылыя тибетскія пустыни. Изъ гнѣздящихся видовъ чаще другихъ намъ встрѣчались: *красноногіе кулики* (Totanus calidris) по мото-ширикамъ; по рѣчкамъ и озерамъ—*турпаны* (Casarca rutila), *индѣйскіе гуси* (Anser indicus), *чайки* (Larus brunneicephalus, L. Ichthyaëtus) и *крачки* (Sterna hirundo); по открытымъ степнымъ долинамъ—*монгольскіе зуйки* (Aegialites mongolicus); изрѣдка по мото-ширикамъ — *черношейные журавли* (Grus nigricollis). Изъ пролетныхъ въ значительномъ количествѣ найдены были лишь задержавшіеся по верхней Хуанъхэ, по случаю обилія рыбы—*орланы* (Haliaëtus Macei) и *крахали* (Mergus merganser).

Какъ осѣдлыя, такъ и прилетающія на лѣто птицы сѣв.-тибетскаго плато гнѣздятся очень поздно, вѣроятно, по случаю сильныхъ и продолжительныхъ весеннихъ холодовъ. Такъ, до начала іюня мы не нашли здѣсь молодыхъ ни одного вида, да и яйца встрѣтили лишь у Otocoris nigrifrons, Archibuteo aquilinus? [1]) и Grus nigricollis. Гнѣздо этого вида журавлей, найденное 26 мая, сдѣлано было изъ сырой травы на мелкомъ плесѣ небольшого озерка. Два яйца, въ немъ находившіяся, оказались уцѣлѣвшими отъ недавняго мороза въ 23 градуса и глубокаго въ то же время снѣга. Вообще въ самыхъ суровыхъ условіяхъ приходится большей части тибетскихъ птицъ высиживать свои яйца и воспитывать молодыхъ. Тѣхъ и другихъ, вѣроятно, гибнетъ не мало, хотя здѣшнія птицы весьма, повидимому, привычны къ климатическимъ невзгодамъ. Мнѣ случалось находить гнѣзда Leucosticte haematopygia, въ которыхъ небольшія еще птенцы были совершенно мокры отъ падавшаго на нихъ снѣга; на мото-ширикахъ мы встрѣчали въ холодъ и мятель

[1]) Гнѣздо этого сарыча, за неимѣніемъ другихъ матеріаловъ, сдѣлано было (на скалѣ) изъ реберъ разныхъ звѣрей.

молодыхъ Melanocorypha maxima почти въ пуху, однако уже оставившихъ свое гнѣздо.

Но странно, почему въ сѣв. Тибетѣ, при столь невыгодныхъ условіяхъ, остаются гнѣздится тѣ виды птицъ, которые почти всѣ главною массою летятъ на сѣверъ и, конечно, находятъ тамъ несравненно бо́льшее для себя приволье? Или почему гнѣздятся въ томъ же Тибетѣ Totanus calidris, Aegialites mongolicus, даже Cotyle riparia, когда подъ бокомъ въ Цайдамѣ лѣтуютъ многіе ихъ собратья въ обстановкѣ гораздо болѣе выгодной?

Для жизни пресмыкающихся и земноводныхъ плато сѣв.-вос. Тибета почти совершенно негодно. Ни змѣй, ни лягушекъ или жабъ здѣсь нѣтъ вовсе; только въ долинѣ верхней Хуанъ-хэ и на ея здѣсь озерахъ найдены были нами два вида ящерицъ *Phrynocephalus Roborowskii n. sp.*, *Phrynocephalus n. sp.* Рыбы, наоборотъ, всюду много. Помимо видовъ, поименованныхъ при расказѣ объ истокахъ Хуанъ-хэ, нами еще добыты въ другихъ здѣсь рѣчкахъ: два новыхъ вида *расщепохвостовъ* (Schizopygopsis maculatus n. sp., Schizopygopsis n. sp.) и два (одинъ новый) вида *губачей* (Diplophysa kungessana, D. scleroptera n. sp.). Насѣкомыхъ весною встрѣчалось очень мало, да и лѣтомъ они здѣсь немногочисленны относительно разнообразія видовъ.

Трудный путь.

Двое лишнихъ сутокъ провели мы на Одонь-тала въ ожиданіи пока немного растаетъ столь некстати выпавшій снѣгъ, и вьючнымъ верблюдамъ можно будетъ двигаться хотя съ горемъ пополамъ. Дѣйствительно, трудно и очень приходилось нашимъ караваннымъ животнымъ по выходѣ изъ долины Хуанъ-хэ. Кормъ былъ крайне плохой — только прошлогодняя ощипанная дикими яками и твердая какъ проволока тибетская осока (Kobresia) по мото-ширикамъ; затѣмъ ледяная кора, покрывавшая ночью во многихъ мѣстахъ еще уцѣлѣвшій снѣгъ, рѣзала въ кровь ноги лошадямъ и въ особенности верблюдамъ. Не лучше было этимъ послѣднимъ шагать съ вьюками по обледенѣлымъ кочкамъ мото-шириковъ, или вязнуть на растаявшей днемъ рыхлой почвѣ голыхъ безтравныхъ площадей. Ползти намъ приходилось по-черепашьи, безпрестанно исправляя вьюки или поднимая падавшихъ животныхъ. Двое изъ нихъ—верблюдъ и лошадь — вскорѣ были брошены окончательно. Огромная абс. высота и холодная дурная погода отражались на нашемъ здоровьи головною болью и легкою простудою. Вѣроятно, отъ послѣдней у нѣсколькихъ казаковъ на лицѣ, преимущественно же на губахъ и ушахъ, появилась сыпь, которую мы прижигали растворомъ карболовой кислоты; внутрь давалась хина. Ходить много пѣшкомъ было весьма трудно, ибо одышка и усталость чувствовались очень скоро.

Проводникъ нашъ хотя въ общемъ зналъ направленіе пути, но рѣшительно не сообщалъ, отговариваясь своимъ невѣдѣніемъ, именъ ни горъ, ни рѣчекъ, ни какихъ-либо попутныхъ урочищъ. Едва-едва могли мы добиться отъ него названія (да и то исковерканнаго, какъ оказалось впослѣдствіи) наибольшей изъ встрѣченныхъ теперь нами рѣчекъ, именно *Джагынъ-гола*. Дорогою всюду попадалось множество звѣрей, въ особенности дикихъ яковъ, но мы безъ нужды ихъ не стрѣляли. Птицъ для коллекціи добывалось мало, какъ равно и растеній. Послѣднихъ до конца мая собрано было на тибетскомъ плато лишь 16 видовъ.

На седьмыя сутки по выходѣ изъ Одонь-тала мы перешли черезъ водораздѣлъ области истоковъ Хуанъ-хэ къ бассейну верхняго теченія Янъ-цзы-цзяна или *Ды-чю*, какъ называютъ здѣсь эту рѣку тангуты. Восточное продолженіе хребта Баянъ-хара служитъ такимъ водораздѣломъ. На мѣстѣ же нашего перехода значительныхъ горъ не было, такъ что перевалъ со стороны плато вовсе незамѣтенъ. Абс. высота этого перевала, какъ выше сказано, 14,700 футовъ.

Суровый климатъ.

Погода, какъ и прежде, продолжала стоять отвратительная. Вообще въ теченіе двухъ послѣднихъ третей мая, проведенныхъ нами на плато сѣв.-восточнаго Тибета, лишь урывками перепадало весеннее тепло. Обыкновенно же стояли холода не только ночью, но и днемъ при вѣтрѣ или облачности. Изъ записанныхъ тогда нами метеорологическихъ наблюденій видно, что, помимо безобразнаго для этого времени года мороза въ 23 градуса, термометръ до конца мая ни разу не показывалъ на восходѣ солнца выше нуля, да и въ 1 часъ пополудни только однажды поднялся до $+17,0^0$; случалось же, что въ это время температура не превышала $+0,7^0$. Солнце, стоявшее близко зенита, если выглядывало изъ-за облаковъ, жгло очень сильно, но его лучи, вѣроятно вслѣдствіе разрѣженія воздуха, являлись весьма блѣдными, много похожими на свѣтъ полной луны; при томъ и ясное небо казалось голубовато-сѣрымъ. Однако ясныхъ дней мы наблюдали только 1, да 7 дней были ясны на половину. По ночамъ же небо болѣе очищалось отъ облаковъ. Въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Цайдаму, въ атмосферѣ обыкновенно стояла пыль, но къ югу отъ Одонь-тала этой пыли не замѣчалось; впрочемъ, воздухъ, быть можетъ, очищался тогда часто падавшимъ снѣгомъ. Во второй половинѣ мая считалось 11 снѣжныхъ дней и только однажды, да и то за перевалом къ р. Ды-чю, шелъ дождь. Первая гроза, довольно сильная, случилась вмѣстѣ съ мятелью 20 мая; затѣмъ еще двѣ небольшія грозы выпали до конца описываемаго мѣсяца. Вообще теперь видимо наступалъ періодъ атмосферныхъ осадковъ, столь обильныхъ лѣтомъ въ сѣв.-

вост. Тибетѣ. Быстрому образованію облаковъ много способствовало и быстрое таяніе выпадавшаго снѣга подъ отвѣсными почти солнечными лучами.

Вѣтры днемъ дули часто, но не имѣли какого-либо значительно преобладающаго направленія; при томъ достигали лишь средней силы. Обыкновенно вѣтеръ (всегда холодный) налеталъ порывами, и нѣсколько разъ мѣнялся въ одинъ и тотъ же день; по ночамъ большею частью было тихо. Сырость въ почвѣ и атмосферѣ къ югу отъ Одонь-тала стояла очень большая. Къ сѣверу же отъ этой котловины, по сосѣдству съ Цайдамомъ, какъ выше было говорено, гораздо суше; тамъ и мото-шириковъ, вѣроятно по той же причинѣ, несравненно меньше.

О тибетскомъ медвѣдѣ.

Драгоцѣнною зоологическою добычею, которую мы пріобрѣли при проходѣ черезъ плато сѣверо-восточнаго Тибета, были прекрасныя, почти ежедневно въ нашу коллекцію поступавшія, шкуры *тибетскаго медвѣдя* (Ursus lagomyiarius n. sp.), открытаго мною въ 1879 г. и отчасти уже описаннаго въ моемъ «Третьемъ путешествіи» [1]). Теперь добавлю нѣкоторыя новыя данныя объ этомъ животномъ.

Во всемъ сѣверо-восточномъ Тибетѣ, не исключая и горной области Ды-чю, названный медвѣдь встрѣчается часто, иногда даже и очень. Держится какъ въ горахъ, такъ и въ открытыхъ долинахъ высокаго плато, въ мѣстностяхъ совершенно безлѣсныхъ, хотя не избѣгаетъ и лѣсовъ въ бассейнѣ верхней Хуанъ-хэ и по р. Ды-чю, вообще въ тангутской странѣ. Распространенъ, вѣроятно, во всемъ сѣверномъ Тибетѣ, гдѣ нами былъ найденъ къ западу до окраинихъ горъ Лобъ-нора, а къ югу за Танъ-ла. Туземцами не преслѣдуется. Наоборотъ, монголы Цайдама называютъ медвѣдя *тынгери-нохой*, т. е. «божья собака», и считаютъ его священнымъ животнымъ; то же мнѣніе отчасти раздѣляютъ и тангуты. У тѣхъ и другихъ, равно какъ у китайцевъ, сердце и желчь описываемаго звѣря почитаются очень хорошимъ лѣкарствомъ, вылѣчивающимъ даже отъ слѣпоты.

Нравъ тибетскаго медвѣдя трусливый. Только медвѣдица отъ дѣтей иногда бросается на охотника; самецъ же, будучи даже раненымъ, всегда удираетъ. При томъ описываемый медвѣдь и не кровожаденъ. Намъ иногда случалось видѣть этого звѣря возлѣ самаго стада пасущихся хулановъ, которые не обращали даже вниманія на опаснаго сосѣда.

Главную пищу тибетскаго медвѣдя составляютъ пищухи (Lagomys ladacensis), которыхъ онъ добываетъ изъ норъ; затѣмъ копаетъ и ѣстъ

[1]) Стр. 216—219. Тамъ же и рисунокъ этого медвѣдя.

разныя коренья; весною любитъ касатикъ, лѣтомъ крапиву, не брезгуетъ и рыбою, если удастся ее поймать. Крупныхъ звѣрей не трогаетъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не представится удобный случай полакомиться больнымъ или издохшимъ животнымъ. Не давитъ также въ мѣстахъ, обитаемыхъ тангутами, домашній скотъ, хотя бы барановъ.

Цвѣтъ шерсти описываемаго медвѣдя весьма измѣнчивъ. Въ общемъ преобладаетъ темно-бурый у самца, и болѣе свѣтлый, бѣлясый у самки; притомъ у послѣдней шерсть всегда длиннѣе, мягче и гуще. Случилось мнѣ видѣть также почти чернаго самца и совсѣмъ сивую самку. Линяютъ тибетскіе медвѣди, какъ выше было сказано, очень поздно; даже въ срединѣ лѣта мы убивали экземпляры еще съ хорошею зимнею шерстью. Новая шерсть отростаетъ вполнѣ также поздно — не ближе октября. Къ этому времени медвѣди, какъ и у насъ, дѣлаются очень жирны; затѣмъ залегаютъ въ зимнюю спячку по скаламъ и пещерамъ въ горахъ[1]). Изъ мѣстностей сѣвернаго Тибета, ближайшихъ къ восточному Цайдаму, медвѣди приходятъ сюда осенью ѣсть сладко-соленыя ягоды хармыка; объѣдаются ими до полнаго разстройства желудка.

При самкѣ ходятъ обыкновенно два, рѣже одинъ или трое молодыхъ—нынѣшнихъ или прошлогоднихъ. Однажды осенью нами была встрѣчена медвѣдица съ пятью медвѣжатами, часть которыхъ, вѣроятно, она приняла къ себѣ изъ состраданія. Самцы въ качествѣ пѣстуновъ при медвѣжатахъ въ Тибетѣ не состоятъ. Ревъ описываемаго звѣря я слышалъ только отъ раненыхъ экземпляровъ, да и то не громкій.

Не преслѣдуемый человѣкомъ, тибетскій медвѣдь вовсе не остороженъ; притомъ же онъ плохо видитъ; за то отлично чуетъ по вѣтру. Замѣтивъ что-либо подозрительное, обыкновенно становится на-дыбки. Ходитъ неуклюже, какъ и нашъ косолапый; при нуждѣ бѣгаетъ въ галопъ довольно быстро, но не продолжительно. Случайно разрознившаяся пара, или медвѣдица отъ молодыхъ, отыскиваютъ другъ друга по слѣду чутьемъ, какъ собаки. На рану этотъ звѣрь, какъ и у насъ, весьма выносливъ, въ особенности отъ малокалиберныхъ пуль Бердана. Тѣмъ не менѣе, при обиліи медвѣдей въ Тибетѣ ихъ можно настрѣлять

[1]) Интересное свѣдѣніе на счетъ зимней спячки описываемаго медвѣдя сообщили мнѣ еще при третьемъ путешествіи тибетцы, живущіе за Танъ-ла. Здѣсь по р. Танъ-чю, верстахъ въ 30 ниже впаденія въ нее р. Санъ-чю, есть скалы, въ которыя ежегодно собираются на зимнюю лежку до двухсотъ, по словамъ расказчиковъ, медвѣдей. Лежатъ они чуть не рядомъ другъ съ другомъ. Мѣстные жители боятся и не ходятъ тогда въ эти скалы. Насколько такое сообщеніе вѣрно—сказать трудно.

вдоволь. Такъ, однажды, именно въ юго-восточной части Одонь-тала, съ полудня до вечера, я убилъ трехъ старыхъ медвѣдей и трехъ медвѣжатъ, да еще трехъ медвѣдей убили въ то же время мои помощники. Случались и незабвенные для охотника выстрѣлы: дуплетомъ изъ штуцера-Express я убилъ однажды на полтораста шаговъ большаго медвѣдя и такую же медвѣдицу; или такимъ же дуплетомъ свалилъ на двѣсти шаговъ пару старыхъ аргали; или разъ за разомъ, не сходя съ мѣста, убилъ медвѣдицу и трехъ бывшихъ съ нею медвѣжатъ и пр. Притомъ охоты за болѣе рѣдкими звѣрями, какъ медвѣди или аргали, даже въ Тибетѣ весьма заманчивы; между тѣмъ, на другихъ здѣсь звѣрей, встрѣчающихся на каждомъ шагу, почти не обращаешь вниманія. Но что сильно мѣшаетъ охотамъ въ Тибетѣ—это огромное поднятіе страны надъ уровнемъ моря, вслѣдствіе чего въ разрѣженномъ воздухѣ вскорѣ являются у охотника при пѣшей ходьбѣ одышка и усталость, сплошь и къ ряду устраняющіе мѣткость выстрѣла.

Какъ теперь, такъ и при обратномъ слѣдованіи по плато сѣверо-восточнаго Тибета мы лишь изрѣдка отправлялись спеціально на охоту за медвѣдями; обыкновенно же били ихъ, встрѣчая ежедневно во время пути съ караваномъ. Всего убито было нами и нѣкоторыми изъ казаковъ около 60 медвѣдей. Половина лучшихъ изъ этихъ шкуръ поступила въ нашу коллекцію.

Горная страна къ югу отъ водораздѣла.

Почти вовсе незамѣтный по нашему пути со стороны тибетскаго плато водораздѣлъ истоковъ Желтой рѣки и верховья Янъ-цзы-цзяна рѣзко разграничивалъ собою характеръ прилежащихъ мѣстностей: къ сѣверу отъ этого водораздѣла залегаетъ плато общее для всего сѣвернаго Тибета; къ югу тотчасъ же является горная альпійская страна. Здѣсь горы сразу становятся высоки, круты и трудно доступны, хотя все-таки сначала не достигаютъ снѣговой линіи, которая проходитъ въ этихъ мѣстахъ на абсол. высотѣ, близкой 17 т. футовъ. Впрочемъ, дикій характеръ описываемыхъ горъ растетъ съ каждымъ десяткомъ верстъ внизъ по р. Ды-чю; тамъ вскорѣ является и снѣговая вершина *Гаты-джу*. Вмѣстѣ съ тѣмъ хребты, сбѣгающіе отъ водораздѣла, принимаютъ меридіанальное направленіе и становятся богаче какъ своею флорою, такъ и фауною. Однако, скалъ въ поясѣ, ближайшемъ къ плато, сравнительно немного, да и горныя породы по прежнему состоятъ почти исключительно изъ сланцевъ. Быстрыя рѣчки текутъ въ каждомъ ущельѣ; всѣ онѣ впадаютъ въ Ды-чю; лѣтомъ весьма многоводны. Такой характеръ, по всему вѣроятію, несутъ горы и на противоположномъ, т. е. лѣвомъ берегу той же Ды-чю. Вверхъ по этой рѣкѣ горная область

исподволь становится болѣе мягкою въ своихъ рельефахъ и постепенно переходитъ къ однообразію тибетскаго плато.

Климатъ описываемой горной мѣстности отличается, какъ и для всего Тибета, своею суровостью. По словамъ туземцевъ, зимою выпадаетъ здѣсь глубокій снѣгъ[1]) и стоятъ (вѣроятно по ночамъ) сильные морозы; весною господствуютъ морозы и бури; лѣтомъ каждый день дождь или снѣгъ; осенью также мало бываетъ хорошей погоды. Относительно здѣшняго растительнаго и животнаго царствъ въ общемъ можно сказать, что по Ды-чю, какъ и по верхней Хуанъ-хэ, высоко поднимается западно-китайская флора и фауна; но къ той и къ другой, въ особенности же къ послѣдней, примѣшаны виды, свойственные сѣверотибетскому плато. Впрочемъ, внизъ по Ды-чю эти виды, вѣроятно, скоро исчезаютъ и замѣняются спеціально китайскими или восточно-тибетскими; при томъ и разнообразіе формъ несомнѣнно быстро увеличивается.

Вѣроятно, вслѣдствіе близкаго сосѣдства тибетскаго плато, значительно отодвигающаго высоту снѣговой линіи для здѣшней широты, и болѣе южнаго положенія описываемой горной области, растительные въ ней пояса поднимаются гораздо выше, нежели въ бассейнѣ верхней Хуанъ-хэ[2]). Такъ, альпійскіе луга, правда, уже очень скудные, восходятъ на абсолютную высоту до 16 т. фут.; альпійскіе кустарники—*лоза* (Salix sp.), *таволга* (Spiraea sp.) и крошечная *жимолость* (Lonicera parvifolia?) поднимаются до 14½ т. фут.; немного ниже ихъ растетъ колючій *верблюжій хвостъ* (Caragana jubata); *можжевеловое дерево* (Juniperus Pseudo-Sabina) восходитъ до 13½ т. фут. Здѣсь-же появляются еще нѣкоторые кустарники: два вида *жимолости* (Lonicera hispida, L. rupicola), желтый *курильскій чай* (Potentilla fruticosa var.), *карагана* (Caragana n. sp.), встрѣчающаяся и въ Монголіи; изрѣдка *барбарисъ* (Berberis chinensis var crataegina), еще рѣже *смородина* (Ribes sp.), а по берегу самой Ды-чю—*бала-мото* (Myricaria germanica var. daurica). Другихъ древесныхъ или кустарныхъ породъ въ предѣлахъ нами обслѣдованныхъ, т. е. отъ спуска съ плато до лѣваго берега Ды-чю, гдѣ абс. высота 13,100 футовъ, нѣтъ вовсе. Травянистая же флора въ намѣченномъ раіонѣ хотя довольно разнообразна, но все-таки несравненно бѣднѣе, чѣмъ на горныхъ лугахъ верхней Хуанъ-хэ. При томъ, конечно, вслѣдствіе высокаго поднятія надъ уровнемъ моря, здѣшняя растительность, даже въ первой трети іюня (при нашемъ слѣдованіи по этимъ мѣстамъ), мало была развита. Альпій-

[1]) На южныхъ склонахъ горъ снѣгъ, вѣроятно, не лежитъ, какъ и въ горахъ Гань-су.

[2]) См. мое «Третье путешествіе», стр. 406 въ выноскѣ.

скіе кустарники въ это время еще даже не распускали свои почки, да и травянистыя породы цвѣли очень скупо. Лишь кое-гдѣ на солнечныхъ оголенныхъ скатахъ горныхъ ущелій красовались крупные цвѣты розовой *Incarvillea compacta* и палеваго *мака* (Meconopsis integrifolia); здѣсь же цвѣлъ отлично пахучій низенькій кустарничекъ *жимолости* (Lonicera parvifolia?) и часто пестрили почву, издали похожія на ситецъ, кучки мелкихъ бѣлыхъ или розовыхъ цвѣточковъ *твердочашечника* (Androsace tapete n. sp.). Затѣмъ помимо палеваго и синяго *касатика* (Iris Tigridia) въ тѣхъ же ущельяхъ встрѣчались—два вида *лютика* (Ranunculus pulchellus, R. tricuspis); *хохлатка* (Corydalis scaberula n. sp.), *очитокъ* (Sedum quadrifidum), три вида *Oxytropis*, *Hypecoum leptocarpum*, *сумочникъ* (Capsella Thomsoni), *гулявникъ* (Sisymbrium humile), *песчанка* (Arenaria kansuensis?), *лапчатка* (Potentilla nivea), *курослѣпникъ* (Caltha scaposa), *мытникъ* (Pedicularis versicolor), *Parrya villosa n. sp.*, изрѣдка *адонисъ* (Adonis coerulea), *настурція* (Nasturtium thibeticum), *Thermopsis alpina*, *Rheum pumilum* и крошечная *генціана* (Gentiana squarrosa). Въ верхнемъ поясѣ альпійской области въ это время начинали цвѣсти: *желтоголовникъ* (Trollius pumilus), *мыкёръ* (Polygonum viviparum var.), *сухоребрица* (Draba glacialis?), *яснотка* (Lamium rhomboideum?), *лукъ* (Allium n. sp.), два вида *камнеломки* (Saxifraga unguiculata?, S. Przewalskii?), два вида *хохлатки* (Corydalis pauciflora var. latiloba, C. conspersa n. sp.), *астрагалъ* (Astragalus sp.), *Oxytropis melanocalyx, Oxytropis leucocyanea?*, *Coluria longifolia*, *Lagotis brachystachya*, *лютикъ* (Ranunculus affinis var. thibetica), *василистникъ* (Thalictrum rutaefolium) и *анемонъ* (Anemone imbricata n. sp.); послѣдній замѣчательно варьируетъ колерами своихъ цвѣтовъ [1]). Повторяю, что многія изъ вышеназванныхъ растеній цвѣли теперь въ ограниченномъ количествѣ и, подобно тому какъ на сосѣднемъ плато Тибета, обыкновенно прятались своими стеблями въ почву отъ постоянныхъ непогодъ.

Въ животномъ царствѣ описываемый горный раіонъ представляетъ гораздо менѣе разнообразія прежде всего потому, что собственно лѣсная область, съ ея спеціальною фауною, здѣсь только что зарождается. Въ особенности же мало прибываетъ видовъ млекопитающихъ, даже мелкихъ грызуновъ. Изъ крупныхъ звѣрей вновь появляются только — *кабарга* (Moschus sifanica n. sp.), обильная всюду по кустарникамъ, и *бѣломордый маралъ* (Cervus albirostris n. sp.), довольно рѣдкій. За то дикій якъ, куланъ и антилопы исчезаютъ. Тибетскій же *медвѣдь* (Ursus lagomyiarius

[1]) Такъ мы встрѣчали, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ сѣв.-вост. Тибета, цвѣты Anemone imbricata—бѣлые, темно-сиреневые, искрасна-бурые, буровато-розовые, лиловые, палевые и желтые.

n. sp.) весьма обыкновененъ. Много также по открытымъ горнымъ склонамъ ущелій *тарабаганов*ъ (Arctomys robustus) и *зайцевъ* (Lepus sp.); обыкновенны — *волкъ* и *лисица*; мѣстами множество *пищухъ* (Lagomys ladacensis) дырявятъ почву долинъ своими норами. Въ рѣдкихъ скалахъ верхняго горнаго пояса обильно держатся *куку-яманы* (Pseudois Nahoor); тамъ же встрѣчаются — *барсъ* (Irbis sp.) и *рысь* (Linx sp.). Послѣдняя попадается и на плато Тибета, гдѣ иногда даже днемъ ловитъ антилопъ оронгò [1]). Среди птицъ нѣсколько разнообразнѣе, хотя все-таки весьма бѣдно. Нами найдено, правда за короткое время пребыванія [2]) въ описываемой горной области, 49 видовъ пернатыхъ, гнѣздящихся и осѣдлыхъ. Изъ нихъ лишь 15 видовъ свойственны исключительно западному Китаю и Гималаѣ; остальные обитаютъ также на сосѣднемъ плато и въ другихъ мѣстахъ Центральной Азіи. Чаще другихъ встрѣчались: въ верхнемъ альпійскомъ поясѣ—*грифы* (Gyps himalayensis, Gypaëtus barbatus), *уллар*ъ (Megaloperdix thibetanus), *клушица* (Fregilus graculus) и *горные вьюрки* (Leucosticte haematopygia, Fringillauda nemoricola, Montifringilla Adamsi); по высокимъ тамъ же долинамъ—тибетскій и чернолобый *жаворонки* (Melanocorypha maxima, Otocoris nigrifrons), *земляные вьюрки* (Onychospiza Taczanowskii, Pyrgilauda ruficollis) и *Podoces humilis;* въ кустарной и лѣсной области—*горихвостки* (Ruticilla rufiventris, R. frontalis), *дроздъ Кесслера* (Merula Kessleri), *дубоносъ* (Mycerobas carneipes), *Carpodacus davidianus*, *кукушка* (Cuculus conorinus), *пѣночка* (Abrornis affinis), *синичка* (Leptopoecile Sophiae), *чечотка* (Linota brevirostris), *желтая плисица* (Budytes citreola), *завирушка* (Accentor fulvescens), *ласточки* (Cotyle rupestris, Cecropis daurica), *сорока* (Pica bottanensis), *коршунъ* (Milvus melanotis), *удодъ* (Upupa epops), *даурская галка* (Monedula daurica), *вóронъ* (Corvus corax) и *си-фаньская куропатка* (Perdix sifanica).

Пресмыкающихся и земноводныхъ, какъ слѣдуетъ ожидать, очень мало въ суровой горной области. Мы добыли здѣсь лишь одинъ видъ *ящерицы* (Phrynocephalus n. sp.), *лягушку* (Rana sp.), и одну *змѣю* (Trigonocephalus Blanhoffii). Рыбы также мало въ быстротекущихъ горныхъ рѣчкахъ, но въ самой Ды-чю довольно много. Всего въ пройденномъ горномъ раіонѣ нами добыто 7 видовъ рыбъ [3]), а именно: въ р.

[1]) Такой случай мы видѣли на открытой долинѣ, въ половинѣ мая 1884 г. по пути отъ р. Алакъ-норъ-голъ къ Одонь-тала.

[2]) Весь іюнь 1884 г.

[3]) Изъ нихъ только одинъ былъ извѣстенъ; остальные шесть оказались новыми. При прежнихъ посѣщеніяхъ (въ январѣ 1873 г., въ октябрѣ и декабрѣ 1879 г.) на тибетскомъ плато той же Ды-чю, мы не могли поймать въ ней рыбы, по случаю зимняго времени года.

Дяо-чю—*расщепохвостъ* (Schizopygopsis sifanensis n. sp.), *голецъ* (Nemachilus stenurus n. sp.) и *губачъ* (Diplophysa gracilis n. sp.); въ Ды-чю — *маринка* (Schizothorax dolichanema n. sp.), два вида *расщепохвоста* (Schizopygopsis malacanthus n. sp., Sch. microcephalus n. sp.) и красивый съ мелкими крестообразными черными пятнышками *Ptychobarbus conirostris*. Изъ насѣкомыхъ въ іюнѣ довольно обильны были лишь жесткокрылыя; много также встрѣчалось пауковъ. Въ описываемыхъ горахъ появляются и жители—кочевые *тангуты*. О нихъ будетъ расказано въ слѣдующей главѣ.

Миновавъ водораздѣлъ двухъ великихъ китайскихъ рѣкъ, мы вошли черезъ 20 верстъ пути въ настоящую альпійскую область горъ, тамъ гдѣ р. *Дяо-чю* прорываетъ высокій поперечный хребетъ, по всему вѣроятію, отдѣляющійся отъ водораздѣльнаго. Круто теперь измѣнился характеръ мѣстности и природы: взамѣнъ утомительнаго однообразнаго плато встали горы, съ ихъ изборожденнымъ рельефомъ, мото-ширики исчезли, на смѣну имъ явились зеленѣющія по дну ущелій лужайки, показались цвѣты, насѣкомыя, иныя птицы. Отъ самыхъ Южно-кукунорскихъ горъ мы ничего подобнаго не видали. Въ гербарій сразу прибавилось болѣе 30 видовъ цвѣтовъ, тогда какъ до сихъ поръ, т. е. за апрѣль и май, мы нашли лишь 45 видовъ цвѣтущихъ растеній. Притомъ хотя мы спустились теперь только на тысячу футовъ противъ высоты тибетскаго плато, но всѣ чувствовали себя гораздо лучше, быть можетъ также и вслѣдствіе перемѣны мѣстности. Однако, несмотря на наступавшій уже іюнь, по горнымъ рѣчкамъ встрѣчались толстые (до 2 футовъ) пласты зимняго льда, альпійскіе кустарники еще не трогали своихъ почекъ, снѣгъ падалъ по прежнему, почти ежедневно, и нерѣдко толстымъ слоемъ устилалъ верхній горный поясъ.

Слѣдованіе по ней.

Послѣ дневки на берегу р. Дяо-чю, вода которой въ это время стояла довольно высоко и была совершенно краснаго цвѣта отъ размываемой въ верховьѣ красной глины, мы пошли внизъ по названной рѣчкѣ, наугадъ, ибо проводникъ вовсе не зналъ здѣшней мѣстности. Встрѣчавшіяся теперь нерѣдко недавнія стойбища тангутовъ подавали надежду, что вскорѣ мы доберемся до этихъ кочевниковъ. Однако, черезъ 14 верстъ пути пришлось остановиться, ибо наша рѣчка впала въ другую гораздо бо́льшую, черезъ которую мы едва переправились; впереди же виднѣлись скалы и тѣснины, слѣдовательно мѣстность предстояла еще худшая для верблюдовъ. Рѣшено было послать обоихъ проводниковъ, Абдула и китайца, разыскать тангутовъ, чтобы взять отъ нихъ вожака. Посланные возвратились на слѣдующій день и привели

тангутскаго старшину (бей-ху), со свитою около 20 человѣкъ. Сначала эти тангуты вели себя довольно нахально, но когда увидѣли, что съ нашей стороны поблажки не будетъ, то сдѣлались болѣе привѣтливыми и повели насъ внизъ по р. *Бы-чю* [1]). Послѣдняя имѣла при средней водѣ около 15 саженъ ширины и глубину на бродахъ въ 2—3 фута; ложе рѣки каменистое, и теченіе очень быстрое; въ большую воду бродовъ нѣтъ вовсе; въ сухое же время года, воды въ Бы-чю немного. Вытекаетъ эта рѣка, вѣроятно, изъ водораздѣльнаго хребта и впадаетъ слѣва въ Ды-чю.

Отношенія наши съ тангутами вскорѣ улучшились на столько, что они продали намъ нѣсколько лошадей, десятка два барановъ и довольно много сарлочьяго [2]) масла; притомъ же ихъ старшина вызвался быть нашимъ проводникомъ. Небольшіе подарки и угощеніе русскимъ спиртомъ окончательно упрочили нашу дружбу съ этимъ старшиною. Однако на распросы про окрестную страну, онъ отвѣчалъ уклончиво или отговаривался незнаніемъ; увѣрялъ только, что черезъ Ды-чю переправиться съ верблюдами, при настоящей большой водѣ, намъ будетъ невозможно. Эту горькую истину мы и сами предугадывали, видя, какъ затруднительно переходить теперь съ верблюжьимъ караваномъ даже небольшія горныя рѣчки. Никто и никогда на верблюдахъ здѣсь еще не ходилъ. Многіе изъ тангутовъ вовсе не видали этихъ животныхъ и даже брали ихъ пометъ на показъ своимъ домочадцамъ.

Большія услуги при сношеніяхъ съ тангутами оказалъ намъ сининскій китаецъ-переводчикъ, проведшій въ молодости девять лѣтъ въ плѣну у тѣхъ же тангутовъ и отлично знавшій ихъ языкъ. Цайдамскій проводникъ, также говорившій по тангутски, оказался, какъ переводчикъ, никуда негоднымъ и былъ теперь отъ насъ разсчитанъ. Онъ отправился сначала къ тангутамъ, гдѣ имѣлъ знакомыхъ, а затѣмъ пробрался обратно въ Цайдамъ.

Внизъ по р. Бы-чю мы могли пройдти только 15 верстъ, да и то съ большимъ трудомъ; затѣмъ свернули вправо на обходный путь къ р. Ды-чю. Здѣсь тотчасъ же пришлось взойдти на перевалъ въ 15,500 футовъ абсолютной высоты. Далѣе мы спустились на р. *Тала-чю*, а по ней на р. *Бы-джунъ*—правый притокъ Бы-чю. Въ ущельяхъ изрѣдка попадались черныя палатки тангутовъ. Ихъ многочисленныя стада яковъ и барановъ до-чиста выѣли молодую траву, такъ что наши караванныя

[1]) Или правильнѣе Бё-чю, т. е. «рѣка букашекъ». Дѣйствительно, какъ теперь, такъ и при обратномъ слѣдованіи, мы собрали здѣсь довольно много жуковъ.

[2]) Сарлокомъ монголы зовутъ домашняго яка.

животныя часто голодали. При томъ же трудная дорога сильно утомила вьючныхъ верблюдовъ; одинъ изъ нихъ усталъ совершенно и былъ брошенъ.

Окрестныя нашему пути горы несли прежній характеръ: онѣ были высоки и круты, но почти вовсе лишены скалъ въ своемъ верхнемъ поясѣ; здѣсь залегали только оголенные скаты; пониже тѣ же скаты становились луговыми; мѣстами на сѣверныхъ склонахъ появлялись внизъ отъ $14^1|_2$ т. фут. абсол. высоты небольшія площадки кустиковъ *таволги* (Salix sp.). Цвѣтущихъ растеній вообще было немного, притомъ все прежнія, уже нами собранныя для гербарія. Птицъ также мы добывали сравнительно мало, а изъ звѣрей встрѣчали лишь кабаргу, да изрѣдка медвѣдей. Погода стояла попрежнему отвратительная—часто выпадалъ снѣгъ, нерѣдко глубокій, ночные морозы достигали — 5,7°. Но, какъ вообще въ высокихъ горахъ, лишь только проглядывало солнце и сгоняло снѣжный покровъ, мигомъ появлялись цвѣты, пауки, насѣкомыя, даже бабочки, и начинали пѣть птицы, словомъ, весенняя жизнь закипала во всю ширь до новой непогоды.

Провожавшій насъ тангутскій старшина вскорѣ возвратился обратно, оставивъ проводникомъ своего родственника—управителя сосѣдняго хошуна. На прощаньи тотъ же пріятель по секрету сообщилъ намъ быть осторожными на всякій случай. Новый вожакъ оказался также хорошимъ и услужливымъ. Вскорѣ мы узнали, что въ молодости это былъ славный воинъ между тангутами; одно его имя наводило страхъ на непріятелей. «Удалой я былъ безъ конца», говорилъ намъ этотъ теперь уже хилый старикъ, «бывало, одинъ кидался на сотни враговъ». Любилъ онъ страстно также и охоту за звѣрями. Однажды на такой охотѣ раненый дикій якъ бросился на смѣльчака и своими рогами пробилъ ему животъ. «Я схватилъ», говорилъ намъ тотъ же старикъ, «этого яка за другой рогъ и саблею перерѣзалъ ему горло; затѣмъ лишился чувствъ». Товарищи подняли раненаго и отвезли домой. Здѣсь страшную рану зашили шерстяными нитками и больной выздоровѣлъ, но съ тѣхъ поръ сильно ослабѣлъ и почти не владѣетъ ногами, хотя все-таки ѣздитъ верхомъ.

Съ новымъ вожакомъ мы прошли сначала немного вверхъ по р. Бы-джунъ, а затѣмъ свернули влѣво по ея притоку *Чюмъ-ча-ума*, на перевалъ черезъ большой хребетъ, который тянется здѣсь параллельно лѣвому берегу Ды-чю и вѣроятно принадлежитъ системѣ южнаго склона водораздѣльныхъ горъ. Перевалъ этотъ называется *Конъ-чюнъ-ла* и имѣетъ 15,900 фут. абсол. высоты. Окрестныя вершины поднимаются (на

глазъ) еще фут. на тысячу или около того, но все-таки не достигаютъ снѣговой линіи. Однако теперь на сѣверныхъ склонахъ этихъ вершинъ лежалъ еще большой снѣгъ, частью зимній, частью вновь выпавшій. Самый перевалъ былъ совершенно безснѣженъ; на рѣчкѣ же Чюмъ-ча-ума вверхъ отъ 14½ т. футовъ мѣстами попадались пласты зимняго льда, иногда толщиною въ 3—4 фута. Какъ подъемъ, такъ и спускъ на описываемомъ перевалѣ весьма затруднительны для вьючныхъ верблюдовъ; зимою же, при глубокомъ снѣгѣ, на этихъ животныхъ, вѣроятно, и вовсе нельзя здѣсь пройдти.

Подъ самымъ переваломъ мы остановились ночевать и собрали десятка полтора вновь цвѣтущихъ растеній. Однако многіе растительные виды высокой области еще не разцвѣтали и вообще альпійскій поясъ здѣшнихъ горъ еще вовсе не былъ наряженъ по-лѣтнему.

Обождавъ на слѣдующій день до полудня, пока растаетъ выпавшій ночью снѣгъ, мы вскорѣ поднялись на гребень перевала и по другую его сторону пошли внизъ ущельемъ р. *Конъ-чюнъ-чю.* Наклонъ этого ущелья въ верхней его части крутой; окрестныя горы высоки и дики; скаты ихъ луговые, вверху голые. Небольшія скалы начали попадаться лишь въ средней части описываемаго ущелья, которое здѣсь же дѣлается и каменистымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляются на горахъ кустарники—сначала Salix, Spiraea и Caragana, затѣмъ другіе прежде поименованные; еще ниже показываются и можжевеловыя деревья. Протяженіе всего ущелья равняется 23 верстамъ—отъ высшей точки перевала до устья р. Конъ-чюнъ-чю. Здѣсь мы вышли, утромъ 10-го іюня, на берегъ р. Ды-чю, составляющей, о чемъ уже говорено было, верховье знаменитаго Янъ-цзы-цзяна, или Голубой рѣки, какъ назвали ее французы. Мѣсто нашего выхода лежало на 13,100 фут. абс. высоты; по географическимъ же координатамъ—подъ 33° 47′,1 сѣв. шир. и подъ 95° 54′5 вост. долготы отъ Гринвича [1]).

Остановка на р. Ды-чю.

Для бивуака нашего выбрано было прекрасное мѣстечко подъ скалами въ разстояніи полуверсты отъ берега Ды-чю. Къ ней тотчасъ же я и отправился вмѣстѣ съ В. И. Роборовскимъ. Полюбовавшись красивымъ видомъ нижележащаго ущелья (изображеннаго на приложенномъ рисункѣ), мы опредѣлили засѣчками бусоли ширину рѣки, измѣрили температуру въ ней воды и затѣмъ спокойно усѣлись на камень. Вдругъ со скалъ противоположнаго берега раздался выстрѣлъ и пуля ударила

[1]) Долгота по случаю облачной погоды опять не была опредѣлена астрономически, но получилась прокладкою моего маршрута на картѣ.

въ песокъ возлѣ насъ. Сначала мы не знали, въ чемъ дѣло, но вскорѣ послѣдовали еще два выстрѣла, и пули опять прилетѣли къ намъ. Теперь не оставалось сомнѣнія, что тангуты предательски стрѣляютъ именно въ насъ; сами же разбойники были спрятавшись въ скалахъ. Лишь спустя немного показались нѣсколько человѣкъ, перебѣгавшихъ отъ одной скалы къ другой, и я пустилъ въ нихъ съ десятокъ пуль изъ бывшей съ нами берданки. Были-ли убитые или нѣтъ — не знаю.

Случай этотъ ясно показалъ, что кругомъ насъ теперь враги, и что, слѣдовательно, необходимо быть на-сторожѣ. Поэтому, прежде всего, мы перенесли свой бивуакъ изъ-подъ скалъ, откуда тангуты могли задавить насъ камнями, на открытое мѣсто; ночной караулъ былъ усиленъ, да притомъ всѣ спали не раздѣваясь и съ оружіемъ наготовѣ; увеличено было также число казаковъ, ежедневно наряжаемыхъ пасти верблюдовъ. Съ такими предосторожностями мы могли считать себя почти въ безопасности.

Обычнымъ чередомъ потекли наши занятія на новомъ бивуакѣ, гдѣ проведена была цѣлая недѣля. Ежедневно мы производили экскурсіи по ближайшимъ окрестностямъ, собирали здѣсь растенія, стрѣляли птицъ, иногда охотились за звѣрями и ловили рыбу въ Ды-чю. Сравнительно съ тибетскимъ плато, научная добыча теперь была многократно лучшая, хотя сама по себѣ не особенно богатая. Вновь цвѣтущихъ растеній собрано было 73 вида, птицъ настрѣляно съ полсотни экземпляровъ, а изъ звѣрей убитъ былъ казаками прекрасный экземпляръ бѣломордаго марала; въ спиртовую коллекцію попало нѣсколько ящерицъ и десятка два рыбъ изъ Ды-чю. Только рыболовство въ этой рѣкѣ оказалось весьма затруднительнымъ вслѣдствіе большой глубины, быстраго теченія и отсутствія заливовъ или рукавовъ. Кормъ въ окрестностяхъ нашей стоянки былъ превосходный, такъ что верблюды и лошади наѣдались до-сыта и отлично отдыхали. Погода теперь хотя стояла довольно теплая (до $+21,3^0$ въ 1 часъ дня), но дождь, иногда сопровождаемый грозою, лилъ по нѣсколько разъ въ теченіе сутокъ. Всѣ дождевыя тучи приносились съ запада. Постоянная сырость много мѣшала просушиванію нашихъ коллекцій, да и багажъ трудно было уберечь отъ непогоды. Пастухи днемъ и караульные ночью также постоянно мокли, но молодцы-казаки не обращали на это вниманія.

Въ продолженіе двухъ сутокъ послѣ перестрѣлки съ тангутами, никого изъ мѣстныхъ жителей мы не видали. Даже черныя палатки, стоявшія на противоположномъ берегу Ды-чю, укочевали куда-то. На-

конецъ, къ намъ пріѣхалъ лама изъ недалекой тангутской кумирни *Джоу-дунъ*. Этотъ лама объяснялъ нашему китайцу-переводчику, что тангуты стрѣляли въ насъ по ошибкѣ, принявъ за разбойниковъ, нерѣдко пріѣзжающихъ сюда для грабежа. Конечно, подобное объясненіе было чистый вздоръ, и я велѣлъ передать тому же ламѣ, что если подобное стрѣляніе повторится, то оно не дешево обойдется нападающимъ. Нѣкоторое вразумленіе, вѣроятно, уже получилось и при отвѣтной нашей стрѣльбѣ, иначе тангуты не преминули бы вновь побезпокоить насъ хотя ночью.

На слѣдующій день изъ той же кумирни пришли нѣсколько ламъ. По нашей просьбѣ они доставили мѣстную лодку, чтобы попробовать возможность переправы черезъ Ды-чю. Лодка эта внѣшнимъ своимъ видомъ сильно напоминала большой кузовъ простыхъ саней и была сдѣлана изъ деревянныхъ, скрѣпленныхъ между собою обручей, обтянутыхъ невыдѣланными шкурами домашнихъ яковъ. Въ такихъ ладьяхъ переправляются черезъ здѣшнія рѣки люди и мелкій скотъ; лошади же и яки обыкновенно слѣдуютъ вплавь. Переправить подобнымъ образомъ верблюдовъ черезъ быстротекущую, глубокую Ды-чю нечего было и думать. Да притомъ уставшія наши животныя даже послѣ (почти невозможной) благополучной переправы не въ состояніи были бы пройдти далеко по труднодоступной горной странѣ. Потерявъ же своихъ верблюдовъ, мы могли очутиться въ положеніи почти безвыходномъ. Двинуться внизъ по Ды-чю ея берегомъ было также нельзя, ибо путь этотъ не далѣе версты отъ нашего бивуака преграждали высокія скалы [1]). Слѣдованіе вверхъ по той же рѣкѣ хотя, быть можетъ, и удалось бы, только несомнѣнно съ большимъ трудомъ, но для насъ подобное направленіе являлось безцѣльнымъ, ибо приводило къ ранѣе нами обслѣдованной части тибетскаго плато.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ я рѣшилъ отложить попытку переправы черезъ Ды-чю или движенія вверхъ по ней. Взамѣнъ того намѣчено было вернуться прежнимъ путемъ къ истокамъ Желтой рѣки и заняться изслѣдованіемъ большихъ озеръ ея верхняго теченія.

Описаніе этой рѣки.

Теперь о самой Ды-чю.

Эта рѣка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы на нее вышли, т. е. при устьѣ маленькой рѣчки Конъ-чюнъ-чю, стѣснена горами и имѣетъ при боль-

[1]) По словамъ тангутовъ, на разстояніи 3—4 дней пути внизъ отъ устья р. Конъ-чюнъ-чю, Ды-чю пробивается черезъ такія громадныя и недоступныя скалы, что по нимъ могутъ лазить только дикіе звѣри.

конецъ, къ намъ пріѣхалъ лама изъ недалекой тангутской кумирни *Джоу-дунъ*. Этотъ лама объяснялъ нашему [illegible]-переводчику, что тангуты стрѣляли въ насъ по ошибкѣ, принявъ за разбойниковъ, нерѣдко пріѣзжающихъ сюда для грабежа. Конечно, подобное объясненіе было чистый вздоръ, и я велѣлъ передать тому же ламѣ, что если подобное стрѣляніе повторится, то оно не дешево обойдется нападающимъ. Нѣкоторое вразумленіе, вѣроятно, уже получилось и при отвѣтной нашей стрѣльбѣ, иначе тангуты не преминули бы вновь побезпокоить насъ хотя ночью.

На слѣдующій день изъ той же кумирни пришли нѣсколько ламъ. По нашей просьбѣ они доставили мѣстную лодку, чтобы попробовать возможность переправы черезъ Ды-чю. Лодка эта [illegible] большой кузовъ [illegible] сдѣлана изъ [illegible], скрѣпленныхъ между [illegible] обтянутыхъ [illegible] шкурами домашнихъ [illegible] пере- [illegible]

[illegible]

[illegible] далѣе [illegible] Двинуться внизъ по Ды-чю [illegible] путь этотъ не далѣе версты отъ нашего бивуака [illegible] высокія скалы[1]). Слѣдованіе вверхъ по той же рѣкѣ [illegible], и удалось бы, только несомнѣнно съ большимъ трудомъ [illegible] насъ подобное направленіе являлось безцѣльнымъ, [illegible] нами [illegible] части тибетскаго плато.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ [illegible] переправы черезъ Ды-чю или движенія вверхъ по ней. [illegible] было вернуться [illegible] и заняться изслѣдованіемъ [illegible]

Описаніе этой рѣки. Теперь о самой Ды-чю.

Эта рѣка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы на нее вышли, [illegible] маленькой рѣчки [illegible], стѣснена горами [illegible]

[1]) По [illegible] тангутовъ, на [illegible] Конъ-[illegible]-чю, Ды-чю [illegible] черезъ такія [illegible] скалы, что по нимъ могутъ лазить [illegible] дикіе звѣри.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

РѢКА ДЫ-ЧЮ (ВЕРХОВЬЕ ГОЛУБОЙ РѢКИ) ПРИ УСТЬѢ Р. КОНЪ-ЧЮНЪ-ЧЮ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 72.

шой лѣтней водѣ отъ 50—60 саж. ширины[1]). Теченіе весьма быстрое, хотя бо̀льшею частію ровное; лишь мѣстами вода бѣшено скачетъ по камнямъ, загромождающимъ русло. Плаваніе вдоль по рѣкѣ, хотя бы въ лодкахъ, почти невозможно. Вода лѣтомъ чрезвычайно мутная, совершенно желтая. Ея температура въ половинѣ іюня колебалась днемъ отъ +8,8° — +12,8°. Послѣ сильнаго дождя уровень рѣки быстро повышался на 3—4 фута.

Общее направленіе Ды-чю въ части описываемой — съ западо-сѣверо-запада къ востоко-юго-востоку[2]); зигзаги русла, иногда крутые, многочисленны; рукавовъ нѣтъ. Лишь въ семи дняхъ пути вверхъ по теченію, слѣдовательно, недалеко отъ устья Напчитай-уланъ-мурени, описываемая рѣка, какъ намъ сообщали, раздѣляется на семь рукавовъ, которые, при малой водѣ, переходимы въ бродъ. Мѣсто это называется *Чамаръ-абданъ* и представляетъ единственный бродъ въ разсматриваемой части Ды-чю.

Уровень названной рѣки, какъ уже было дважды упомянуто, лежитъ при устьѣ р. Конъ-чюнъ-чю на 13,100 ф. абсол. высоты. Между тѣмъ, та же Ды-чю при переходѣ черезъ нее караванной тибетской дороги у сѣверной подошвы Танъ-ла протекаетъ на абсол. высотѣ 14,600 ф[3]). Разстояніе названныхъ пунктовъ, не считая мелкихъ зигзаговъ рѣки, немного болѣе 400 верстъ, слѣдовательно, паденіе Ды-чю на плато Тибета равняется почти 4 футамъ на версту. Внизъ же отъ устья Конъ-чюнъ-чю до Батана, лежащаго отсюда въ разстояніи около 500 верстъ и на абсол. высотѣ 8,150 фут., Ды-чю спадаетъ почти на 5,000 фут., такъ что средній наклонъ рѣки въ верхней части горной ея области простирается до 100 фут. на версту прямого протяженія.

Флора окрестныхъ горъ.

Теперь, за недѣлю нашего пребыванія на р. Ды-чю и при обратномъ отсюда слѣдованіи къ плато Тибета, словомъ, во второй половинѣ іюня, флора, разсматриваемой горной области, быстро подвинулась впередъ въ своемъ лѣтнемъ развитіи. Прежде всего бросалось въ глаза,

[1]) На плато Тибета мы нашли (оба раза зимою) ширину той же Ды-чю: на переправѣ черезъ нее караванной дороги сѣверныхъ богомольцевъ близъ плато Танъ-ла отъ 30—40 саж., а при устьѣ Напчитай-уланъ-мурени, гдѣ описываемая рѣка, вѣроятно, временно расширяется, въ 108 саж. «Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 337; «Третье путешествіе», стр. 233.

[2]) Такое направленіе держится и нѣсколько далѣе внизъ по теченію; затѣмъ Ды-чю, какъ извѣстно, стремится прямо на югъ.

[3]) О верхней Ды-чю или Муруй-усу см. «Третье путешествіе», стр. 225, 226 и 233. На послѣдней страницѣ необходимо исправить опечатку—именно абсол. высота уровня Ды-чю близъ Танъ-ла показана въ 14,000 фут.; слѣдуетъ же, какъ обозначено на приложенной къ книгѣ картѣ, 14,600 футовъ.

что недавніе изжелта-сѣрые горные склоны, отъ глубокихъ долинъ вплоть до безплодныхъ розсыпей верхняго пояса, теперь всюду позеленѣли; зелеными стали, наконецъ, и тѣ кустарники (Salix sp., Spiraea sp.), которые растутъ небольшими площадками въ нижнемъ поясѣ альпійской области. Но, какъ уже говорено было, флора описываемыхъ горъ, главнымъ образомъ, травянистая; при томъ же здѣшнія, какъ и другія альпійскія травы никогда не достигаютъ большаго роста, обыкновенно-же являются карликами въ нѣсколько дюймовъ вышины. Нѣтъ нигдѣ здѣсь густыхъ травянистыхъ зарослей даже по долинамъ; нѣтъ сплошнаго ковра цвѣтовъ, столь украшающихъ въ лѣтнюю пору года луга нашихъ странъ. Какъ и вообще въ горахъ, флора мѣстности описываемой довольно богата разнообразіемъ видовъ, но, сравнительно, бѣдна количествомъ экземпляровъ. Лишь кое-гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ футовъ можно встрѣтить сплошныя пятна цвѣтовъ одного и того же вида; обыкновенно же здѣшніе цвѣты мало пестрятъ почву своими колерами и всегда являются въ разнообразномъ смѣшеніи породъ. Они обречены проводить свою кратковременную жизнь среди самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій. Но ни ночные морозы, ни снѣгъ, часто выпадающій въ верхнемъ горномъ поясѣ, ни постоянные почти холода, быстро смѣняющіеся жгучими лучами солнца, ничто это не можетъ погубить даже самыхъ нѣжныхъ видовъ—до того унаслѣдовали, черезъ длинный, конечно, рядъ генерацій, горныя растенія способность примѣняться ко всѣмъ климатическимъ невзгодамъ своей родины.

Въ общемъ флора горъ лѣваго берега Ды-чю значительно сходствуетъ съ альпійскою флорою горной области верхняго теченія Желтой рѣки, хотя, конечно, въ разсматриваемомъ раіонѣ встрѣчаются и виды, исключительно свойственные сѣверо-восточному Тибету.

Изъ наиболѣе характерныхъ растеній, цвѣтшихъ во второй половинѣ іюня, можно отмѣтить: для нижняго горнаго пояса — всѣ поименованныя на стр. 170 кустарники, присоединивъ къ нимъ вьющійся по обрывамъ *ломоносъ* (Clematis orientalis); по луговымъ горнымъ склонамъ—альпійскую *хохлатку* (Corydalis capnoides var. thibetica), *мелколепестникъ* (Erigeron uniflorus), *буркунъ* (Medicago platycarpos), *крестовникъ* (Senecio campestris), голубой *макъ* (Meconopsis racemosa), *колокольчикъ* (Campanula aristata), *астрагалы* (Astragalus scythropus, A. confertus, Astragalus n. sp.), *Oxytropis kansuensis*, *Oxytropis heterophylla*, *Lloydia serotina*, *Parrya villosa n. sp.* etc.; по рѣчнымъ здѣсь долинамъ и по дну ущелій—разноцвѣтные *Oxytropis*, *мытникъ* (Pedicularis amoena?),

змѣеголовникъ (Dracocephalum heterophyllum?), *лютикъ* (Ranunculus pulchellum var. Pseudo-hirculus), *одуванчикъ* (Taraxacum sp.), *молочай* (Euphorbia sp.), *чернобыльникъ* (Artemisia n. sp.), *колосникъ* (Elymus n. sp.), *мятликъ* (Poa annua), два вида *осоки* (Carex sp.), *Saussurea arenaria*, *Morina sp.*, *Triglochin maritimum*, *Plecostigma pauciflorum*; на старыхъ здѣсь же стойбищахъ — *джума* (Potentilla anserina), *живучка* (Ajuga lupulina), а повыше — *живокость* (Delphinium albocoeruleum); на галькѣ и пескѣ возлѣ рѣчекъ—*ревень* (Rheum spiciforme), *фіалки* (Viola biflora, V. tianschanica), *куколь* (Melandryum apetalum), красивый *очитокъ* (Sedum algidum), *Anaphalis Hancockii*, отлично пахучая *Stellera Chamaejasme*.

Въ области альпійскихъ кустарниковъ: *мытники* (Pedicularis cheilanthifolia, P. Przewalskii, P. sima), изъ которыхъ послѣдній пахнетъ мускусомъ, *Cremanthodium discoideum*, лиловый *касатикъ* (Iris gracilis), красивая *хохлатка* (Corydalis dasyptera), маленькій *ревень* (Rheum pumilum), лилово-розовый *астрагалъ* (Astragalus scythropus), бѣлая *генціана* (Gentiana n. sp.), синій *лукъ* (Allium cyaneum) еще не разцвѣтшій, крупный, прекрасно пахучій *первоцвѣтъ* (Primula nivalis var. farinosa), *лапчатка* (Potentilla nivea), *молоточникъ* (Deschampsia koelerioides var.), *Avena n. sp.* и довольно рѣдкій пунцовый *макъ* (Meconopsis punicea n. sp.); здѣсь же по скаламъ—красивая *лещица* (Isopyrum grandiflorum), *селезеночникъ* (Chrysosplenium uniflorum), *камнеломка* (Saxifraga Przewalskii), два вида *папоротниковъ* (Asplenium sp., Cystopteris fragilis, послѣдній рѣдко) и весьма жгучая гималайская *крапива* (Urtica hyperborea).

Въ верхнемъ поясѣ альпійскихъ луговъ, частію и по сосѣднимъ розсыпямъ: крошечный *мыкёръ* (Polygonum viviparum var.) и *анемонъ* (Anemone imbricata n. sp.), пониже въ горахъ также весьма обыкновенные, но болѣе крупные; *камнеломки* (Saxifraga tangutica, S. flagellaris), прелестныя *хохлатки* (Corydalis scaberula, C. crista galli, C. melanochlora, C. mucronata), *мытникъ* (Pedicularis versicolor), *василистникъ* (Thalictrum rutaefolium); три вида *Saussurea*, изъ нихъ одна съ весьма хорошимъ запахомъ; *гималайская буковица* (Trollius pumilus), маленькій съ мохнатыми листьями *ревень* (Rheum pilosum n. sp.), *сухоребрица* (Draba alpina var. algida), *яснотка* (Lamium rhomboideum), *генціана* (Gentiana barbata), *вероника* (Veronica sp.), *Parrya prolifera n. sp. Koenigia fertilis, Pomatosace Filicula, Dilophia fontana*. Многіе названные виды переходятъ изъ одной области въ другую, такъ что растительность здѣшнихъ горъ достаточно между собою перетасована.

ГЛАВА V.

Изслѣдованіе истоковъ Желтой рѣки. (прод.).

Свѣдѣнія о тангутахъ камъ и голыкъ. — Нашъ обратный путь. — Охота за горными баранами. — Опасная случайность.—Вновь на тибетскомъ плато.—Мѣстность по р. Джагынъ-голъ.—Развѣдочныя поѣздки.—Тяжелая служба казаковъ.— Большія озера верхней Хуанъ-хэ. — Нападеніе тангутовъ. — Дальнѣйшее наше движеніе. — Вторичное нападеніе тангутовъ. — Путь по берегу озеръ Русскаго и Экспедиціи.—Климатъ тибетскаго лѣта.—Слѣдованіе къ Бурханъ-Будда.—Переходъ черезъ этотъ хребетъ.—Продолжительная остановка въ сѣверной его окраинѣ.—Преданіе о народѣ мангасы.

Свѣдѣнія о тангутахъ-камъ.

Встрѣченные нами въ горной области Ды-чю тангуты значительно отличаются отъ своихъ собратій, живущихъ въ Гань-су и на Куку-норѣ, но гораздо ближе стоятъ къ ёграямъ на Танъ-ла и къ голыкамъ, обитающимъ на верхней Хуанъ-хэ отъ выхода этой рѣки изъ большихъ озеръ [1]). Описываемые тангуты носятъ общее названіе *камъ* [2]), и распространяются отъ плато Тибета внизъ по р. Ды-чю, а также за Танъ-ла до границы собственно Далай-ламскихъ владѣній. Раздѣляются на 25 хошуновъ, управляемыхъ родовыми старшинами *бэй-ху*. Всѣми ими завѣдуетъ общій начальникъ *чанъ-ху*. Каждый хошунъ называется по имени своего управителя, рѣже по имени главной кумирни, въ немъ находящейся. Эти кумирни, возлѣ которыхъ обыкновенно заведено небольшое земледѣліе, составляютъ общественные и религіозные центры и замѣняютъ собою города, которыхъ здѣсь нѣтъ вовсе. Количество населенія во всѣхъ 25 хошунахъ опредѣлить, конечно, нельзя; но цифра эта должна быть невелика, такъ какъ въ пройденномъ нами хошунѣ

[1]) По прежнимъ свѣдѣніямъ голыки обитаютъ также и на Ды-чю. («Третье путешествіе», стр. 238). Быть можетъ, подъ ними и разумѣлись описываемые тангуты. Вообще подробнѣе о тангутахъ въ дополненіе того, что будетъ изложено ниже, см. «Третье путешествіе», стр. 252—261, 327, 328, 342—347.

[2]) Тѣмъ-же именемъ, какъ извѣстно, называется и восточно-тибетская провинція.

Нямъ-цу [1]), по сообщенію его начальника, считается лишь около 200 палатокъ.

Всѣ тангуты-камъ подчинены вѣдѣнію сининскаго амбаня. Они освобождены отъ поставки солдатъ и отбыванія повинностей натурою, но платятъ однажды въ три года по сто ланъ серебра съ каждаго хошуна. Для сбора этой подати пріѣзжаютъ въ концѣ трехлѣтія два китайскихъ чиновника въ сопровожденіи небольшаго отряда солдатъ.

По наружному своему типу описываемые тангуты представляютъ: ростъ средній, рѣже большой, сложеніе плотное, коренастое; глаза большіе, но не косые и всегда черные; носъ не сплюснутый, иногда даже орлиный; скулы обыкновенно не слишкомъ выдаются; уши средней величины; такихъ безобразныхъ по величинѣ ушей, какъ у тангутовъ по верхней Хуанъ-хэ къ югу отъ Гуй-дуя и Гоми, мы нигдѣ здѣсь не видали; волоса черные, грубые, длинные, спадающіе на плечи; подстригаются эти волоса лишь на лбу, чтобы не лѣзли въ глаза, косы вовсе не носятъ; усы и борода почти не ростутъ, притомъ, вѣроятно, ихъ выщипываютъ; зубы отличные бѣлые, но не такъ безобразно спереди посаженные, какъ у тибетцевъ за Танъ-ла [2]); черепъ въ общемъ болѣе удлиненный, нежели округлый; цвѣтъ кожи, какъ у всѣхъ другихъ хара-тангутовъ, грязно-свѣтло-коричневый, чему отчасти способствуетъ и то, что тѣло никогда не моется. Замѣчательно, что описываемые тангуты (какъ быть можетъ и другіе ихъ собратья) издаютъ сильный, противный запахъ, болѣе рѣзкій и иной, чѣмъ у монголовъ, которые также не отличаются благовоніемъ.

Китайцы называютъ тангутовъ-камъ *хунъ-морлъ* [3]), т. е. «краснокожіе». Нѣкоторые изъ нихъ своими физіономіями съ длинными, разсыпанными по плечамъ волосами, много напоминали мнѣ краснокожихъ индѣйцевъ Сѣв. Америки, каковыхъ случалось видѣть на картинкахъ; всего же болѣе эти, какъ и другіе тангуты, походятъ на цыганъ, съ примѣсью монгольскаго типа. Женщины здѣсь также весьма безобразны [4]); онѣ завѣдуютъ хозяйствомъ и дѣтьми; внѣ домашней обстановки ничего не значатъ. Въ семейномъ быту практикуется многомужіе (поліандрія). Иногда у одной женщины бываетъ до семи мужей, которые должны

[1]) Кумирня того-же имени, расположенная на р. Бы-чю, находилась нѣсколько восточнѣе нашего пути. Въ ней, какъ намъ говорили, до 400 ламъ.

[2]) См. «Третье путешествіе», стр. 252 и тамъ-же на рисункѣ.

[3]) Быть можетъ, такое названіе пріурочивается китайцами и къ другимъ хара-тангутамъ.

[4]) Впрочемъ, мы видѣли только двухъ здѣшнихъ тангутокъ, да и то пожилыхъ.

быть непремѣнно братьями; лица посторонніе въ такой союзъ не допускаются. Обычай многомужія намъ объясняли, какъ и прежде, тѣмъ, что съ каждой палатки, въ которой имѣется замужняя женщина, взимается большая подать, размѣръ которой опредѣляется достаткомъ плательщицы. Женщины же незамужнія, или наложницы, никакихъ податей не платятъ. Поэтому тангуты, въ видахъ необходимой экономіи, стараются заводить общихъ женъ, или чаще живутъ съ наложницами. Дѣти этихъ послѣднихъ называются «божьими дѣтьми» и пользуются правами дѣтей законныхъ. Родство считается только съ мужской стороны.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ бараньей шубы, которая, ради холоднаго климата, носится круглый годъ. Шуба эта надѣвается на голое тѣло и подпоясывается такимъ образомъ, что образуетъ на спинѣ мѣшокъ, куда кладутся — чашка, кисетъ съ курительнымъ или нюхательнымъ табакомъ, иногда разные другіе предметы. За поясомъ впереди живота заткнута сабля. При непогодѣ сверхъ шубы накидывается плащъ изъ грубаго сукна бараньей шерсти. Панталонъ многіе вовсе не знаютъ; сапоги-же носятъ всѣ изъ цвѣтной шерстяной ткани съ подошвами сыромятной кожи. Голова обыкновенно остается непокрытою; изрѣдка-же надѣвается войлочная шляпа съ узкою высокою тульею и широкими полями. Одежда женщинъ, вѣроятно, не особенно отличается отъ мужской.

Жилищемъ, какъ и для другихъ тангутовъ, служитъ, сдѣланная изъ грубой ткани яковыхъ волосъ, черная палатка. Вверху ея продольный разрѣзъ для выхода дыма съ глинянаго очага, на которомъ днемъ постоянно горитъ аргалъ; здѣсь варится и пища. На земляномъ полу той же палатки часто нѣтъ ни шкуръ, ни войлоковъ. Всю свою одежду тангуты носятъ на себѣ и въ ней же засыпаютъ, обыкновенно прямо на землѣ, лицомъ внизъ и скорчившись какъ животныя. Вмѣстѣ съ людьми въ палаткѣ помѣщаются молодые барашки и телята яковъ. Вонь и грязь въ подобномъ жильѣ невообразимыя, въ особенности во время дождя.

Для пищи служитъ, главнымъ образомъ, молоко въ разныхъ видахъ; затѣмъ чай, дзамба и рѣже мясо. Ѣдятъ по нѣсколько разъ въ день, сообразуясь съ аппетитомъ. Дзамба, приготовленная изъ ячменя, составляетъ единственную и весьма любимую мучную пищу. Завариваютъ ее какъ и вездѣ горячимъ чаемъ съ солью. Подобная ѣда въ Тибетѣ до того во всеобщемъ употребленіи, что, напр., тангуты, желая укорить своего подростка, обыкновенно говорятъ: «дзамбы еще замѣсить не умѣешь».

Исключительное занятіе описываемыхъ тангутовъ скотоводство, главнымъ образомъ разведеніе яковъ и барановъ (не курдючныхъ); въ гораздо меньшемъ числѣ содержатся козы, а для верховой ѣзды лошади. Послѣднія небольшаго роста и безъ хорошихъ статей, но сильныя и выносливыя. Кромѣ скотоводства, кое-гдѣ возлѣ кумиренъ, тѣ же тангуты засѣваютъ въ небольшомъ количествѣ ячмень, для собственнаго пропитанія. Затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ копаютъ золото, вообще изобильное въ Тибетѣ. Многіе, вѣроятно вся молодежь, промышляютъ грабежомъ богомольцевъ, направляющихся въ Лхассу, или торговыхъ каравановъ, затѣмъ цайдамскихъ монголовъ, частью же и своихъ собратій. Впрочемъ, сами тангуты умалчивали о подобныхъ подвигахъ; за то постоянно жаловались на ежегодные грабежи голыковъ съ верховья Желтой рѣки. Дѣйствительно, вѣроятно, не мало бываетъ здѣсь разныхъ дракъ, ибо почти всѣ мужчины, нами видѣнные, имѣли нерѣдко значительное число заживших ранъ. Для лучшей обороны при нападеніяхъ, въ нѣкоторыхъ ущельяхъ сложены невысокія поперечныя загородки изъ камней.

Нравственныя качества тангутовъ-камъ тѣ же самыя, что и у прочихъ ихъ собратій. Ханжество и суевѣріе, рядомъ съ грубостью, лѣнью, корыстію и эгоизмомъ — вотъ отличительныя черты характера представителей этого племени. Чувство привязанности къ людямъ близкимъ, проявляется у нихъ, пожалуй, не болѣе, чѣмъ и у многихъ животныхъ относительно себѣ подобныхъ. Богатство или власть, частью удаль и сила физическая—единственные здѣсь критеріумы достоинства человѣка.

Замѣчательно, что, подобно многимъ звѣрямъ, тѣ же тангуты, не выносятъ пристальнаго на нихъ взгляда. Лишь только, бывало, подольше посмотришь на котораго либо изъ нихъ, онъ сейчасъ же опускаетъ свои глаза внизъ и даже отводитъ голову въ сторону.

Языкъ описываемыхъ тангутовъ, по словамъ нашего китайца-переводчика, разнится отъ говора тангутовъ, живущихъ на Куку-норѣ, въ Гань-су и на верховьяхъ Желтой рѣки близъ Гуй-дуя, но много сходствуетъ съ языкомъ чистыхъ тибетцевъ.

Во время привѣтствія лица важнаго, тангуты-камъ, также какъ и тибетцы, высовываютъ языкъ; при прощаніи же съ пріятелемъ стукаютъ другъ друга головами. Хадаки при знакомствахъ и встрѣчахъ во всеобщемъ употребленіи. «Обо» на горныхъ перевалахъ складываются довольно часто. За малымъ количествомъ камней въ горахъ, эти «обо» дѣлаются небольшихъ размѣровъ и на нихъ обыкновенно сносятся куски кварца. Кромѣ того, тѣ же тангуты собираютъ отколовшіяся плиты сланца, вырѣзываютъ на нихъ надписи, вѣроятно религіозныя, и скла-

дываютъ эти плиты всего чаще по долинамъ, въ продолговатыя (иногда сажени 4 — 5 въ длину и отъ 1 — 2 саженъ въ ширину) кучи, называемыя *амне*.

Голыкъ.

Другое тангутское племя, обитающее въ томъ же сѣверо-восточномъ углу Тибета — это *голыки*, кочевья которыхъ находятся по обоимъ берегамъ верхняго теченія Желтой рѣки, отъ выхода ея изъ большихъ озеръ, до прорыва черезъ хребетъ Амне-мачинъ включительно. По собраннымъ свѣдѣніямъ, названное племя еще недавно жило въ Сы-чуани, но во время послѣдняго дунганскаго возстанія перекочевало на верхнюю Хуанъ-хэ. Китайской власти надъ собою голыки не признаютъ. Управляется наслѣдственнымъ княземъ и имѣетъ родовыхъ старшинъ. Численность всего племени, какъ намъ говорили, весьма значительна — отъ 14—15,000 палатокъ; бытъ кочевой; занятія—скотоводство, частію промывка золота, всего же болѣе грабежъ прилегающихъ мѣстностей Цайдама, Куку-нора, восточнаго Тибета и Сы-чуани. Словомъ, племя это вполнѣ разбойничье.

Китайцы боятся проникнуть къ голыкамъ; самихъ ихъ казнятъ, если случайно попадутся въ руки. Въ Лхассу голыковъ не пускаютъ. Если же голыкъ будетъ встрѣченъ тамъ среди богомольцевъ, то его садятъ на чучело лошади изъ соломы и возятъ по городу, чтобы осрамить.

До послѣдняго времени голыки признавали духовное главенство Далай-ламы, хотя имѣли собственныхъ ламъ. Нѣсколько же лѣтъ тому назадъ, у нихъ народился свой Далай-лама, вслѣдствіе чего произошелъ расколъ [1]). Усмирять этихъ раскольниковъ, а кстати подчинить непокорное племя своей власти, пытались китайскія войска изъ г. Хо-чжеу, но безуспѣшно. По образу жизни и обстановкѣ, голыки не отличаются отъ тангутовъ-камъ; сходствуютъ съ ними также и по своему наружному типу. Языкъ отличенъ отъ говора тангутовъ куку-норскихъ.

Вотъ все, что мы могли распросами узнать объ этомъ интересномъ племени, съ которымъ намъ пришлось имѣть впослѣдствіи лишь вооруженное столкновеніе.

Нашъ обратный путь.

Порѣшивъ возвратомъ къ истокамъ Желтой рѣки, мы покинули 18-го іюня берега Ды-чю и направились прежнимъ путемъ вверхъ по ущелью р. Конъ-чюнъ-чю. Однако на первый разъ продвинулись только семь верстъ и остались дневать, ради экскурсій по окрестнымъ горамъ. Къ удивленію, погода четверо сутокъ сряду стояла хорошая, ясная. Богатый ботаническій сборъ добыли мы теперь по кустамъ и

[1]) Объ этомъ мы слышали на верхней Хуанъ-хэ еще въ 1880 году. «Третье путешествіе», стр. 392.

лугамъ альпійской горной области. Птицъ-же попрежнему встрѣчали сравнительно немного. Удачно поохотились только за уларами (Megaloperdix thibetanus) и даже нашли гнѣздо этой интересной птицы. Въ немъ лежало шесть сильно уже насиженныхъ яицъ. Само гнѣздо помѣщалось на мелкой горной осыпи подъ небольшимъ камнемъ, гдѣ выгребена была маленькая ямка, и дно ея устлано нѣсколькими перьями того-же улара. Самка сидѣла на яйцахъ такъ крѣпко, что В. И. Роборовскій схватилъ ее руками, но сильная птица вырвалась и улетѣла.

На перевалъ Конъ-чюнъ-ла взошли мы благополучно; только здѣсь насъ угостила сильная мятель. По рѣчкамъ близъ перевала еще встрѣчались остатки зимняго льда, а на окрестныхъ горахъ лежалъ снѣгъ, значительно, впрочемъ, меньшій, чѣмъ двѣнедѣли тому назадъ, когда мы впервые этими мѣстами проходили. Альпійскіе луга вблизи того-же перевала, слѣдовательно въ самомъ верхнемъ своемъ поясѣ, являлись уже крайне тощими. Изъ цвѣтущихъ травъ по нимъ теперь преобладали — *мыкеръ* (Polygonum viviparum var.) и *мытникъ* (Pedicularis versicolor), оба немного болѣе дюйма вышиною; на голыхъ-же глинистыхъ скатахъ, нѣсколько, впрочемъ, пониже, мѣстами въ изобиліи цвѣла *яснотка* (Lamium rhomboideum?) съ грубыми, напоминающими ревень, листьями.

Еще два небольшихъ перехода привели насъ къ р. Бы-джунъ. Здѣсь дневали поневолѣ, ради покупки барановъ у тангутовъ. Послѣдніе укочевали съ нашего пути въ сторону, такъ что пришлось посылать ихъ разыскивать. Однако бараны были куплены безъ особенныхъ препятствій. Гораздо труднѣе было намъ управляться съ этими баранами дорогою. Привыкши постоянно лазить по горамъ и дикія по своей натурѣ, глупыя животныя низачто не шли въ хвостѣ каравана, но постоянно убѣгали въ стороны. Тоже самое повторялось и во время пастбы на бивуакѣ. Связываніе за рога попарно мало усмиряло тѣхъ-же барановъ. Нѣсколькихъ изъ нихъ пришлось застрѣлить, а двое ушли въ горы и пропали безслѣдно. Таковы, впрочемъ, были всѣ бараны, покупаемые нами у тангутовъ; монгольскіе-же, наоборотъ, почти всегда вели себя смирно и отлично шли дорогою.

Какъ прежде въ горахъ Ды-чю, такъ и теперь, ежедневно, лишь только мы начинали вьючить свой караванъ, отовсюду слетались снѣжные грифы (Gyps himalayensis), садились на ближайшихъ вершинахъ и ожидали нашего ухода. Затѣмъ, лишь только караванъ начиналъ трогаться, эти громадныя птицы [1]) опрометью, на захватъ другъ передъ другомъ,

[1]) Подробно о снѣжномъ грифѣ см. «Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 349—352; т. II, стр. 6—8. «Третье путешествіе», стр. 262—264.

бросались на нашъ бивуакъ, чтобы поживиться здѣсь разными остатками. Жадность грифовъ была на столько велика, что они не обращали вниманія на оставшихся еще возлѣ бивуака людей и не улетали иногда даже послѣ перваго выстрѣла. Наповажены они подобнымъ образомъ тангутами, которые, равно какъ и монголы, считаютъ грифа священною птицею и никогда его не убиваютъ.

Подвигаясь попрежнему весьма медленно, вслѣдствіе постоянно почти дурной погоды и трудности вьючнымъ верблюдамъ ходить въ дикихъ горахъ, мы перешли еще одинъ высокій перевалъ и спустились на р. Бы-чю. По обоимъ склонамъ этого перевала, который лишь на 400 фут. ниже Конъ-чюнъ-ла, теперь во множествѣ цвѣли въ верхнемъ поясѣ альпійскихъ луговъ и на сосѣднихъ розсыпяхъ — маленькая *буковица* (Trollius pumilus), желтая *хохлатка* (Corydalis n. sp.) и желтый *мытникъ* (Pedicularis versicolor); между ними разсыпаны были бѣлыя пятна *твердочашечника* (Androsace tapete n. sp.). Вообще растительность въ горахъ теперь находилась въ полномъ лѣтнемъ развитіи, и подножный кормъ, благодаря также отсутствію тангутскихъ стадъ, укочевавшихъ на другія мѣста, всюду былъ превосходный.

Вверхъ по Бы-чю мы прошли также очень удобно, ибо вода въ этой рѣкѣ, вѣроятно временно, стояла теперь значительно ниже, чѣмъ въ началѣ іюня. Донимали насъ только постоянные дожди, падавшіе всего чаще послѣ полудня и ночью. Всѣ дождевыя тучи приносились съ запада и нерѣдко были грозовыми; въ самомъ верхнемъ поясѣ горъ дождь замѣнялся снѣгомъ. Температура вообще была низка не только ночью, но и днемъ при облачной погодѣ. Зато мы вовсе не видѣли комаровъ, мошекъ или мухъ, словомъ, какихъ-либо мучающихъ насѣкомыхъ.

Охота за горными баранами.

На р. Бы-чю мы опять дневали на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ почти мѣсяцъ назадъ впервые встрѣтили насъ тангуты. Здѣсь высится большая, состоящая изъ сланца, мергеля и конгломерата, гора, на которой водится множество горныхъ барановъ; за ними рѣшено было поохотиться.

Этотъ звѣрь, называемый монголами *куку-яманъ*, тангутами *рнаа* а по тюркски *кукмекъ*, представляетъ собою характерное животное высокихъ горныхъ хребтовъ южной половины Центральной Азіи; встрѣчается здѣсь часто и притомъ въ двухъ видахъ, научное названіе которыхъ—*Pseudois Burrhel* и *Pseudois Nahoor*. Впрочемъ, различіе этихъ видовъ не велико и заключается главнымъ образомъ въ измѣненномъ погибѣ роговъ, которые у P. Nahoor подняты своими концами вверхъ, тогда какъ у P. Burrhel направлены тѣми-же концами внизъ; однако

встрѣчаются и переходныя формы тѣхъ же роговъ. Кромѣ того, окраска черныхъ частей туловища у P. Nahoor болѣе блѣдная; наконецъ, ростомъ онъ нѣсколько крупнѣе—съ большаго домашняго барана.

По своему характеру и образу жизни, тотъ и другой куку-яманы совершенно сходны. Голосъ у нихъ также одинаковъ и при томъ весьма странный—громкій отрывистый свистъ, который обыкновенно издаетъ самецъ (изрѣдка свиститъ и самка), замѣтивъ опасность. Оба вида занимаютъ различные раіоны географическаго распространенія. Такъ, P. Burrhel найденъ былъ нами въ Центральной Азіи лишь въ хребтѣ Алашаньскомъ, затѣмъ въ горной группѣ Ханъ-ула въ сѣв. части того-же Ала-шаня, и, наконецъ, въ хребтѣ Хара-нуринъ-ула, ограждающемъ лѣвый берегъ Желтой рѣки на ея сѣв.-западномъ изгибѣ въ Ордосѣ. Здѣсь-же проходитъ и сѣверная граница куку-ямана вообще—этого звѣря нѣтъ въ другихъ хребтахъ Монголіи и въ Тянъ-шанѣ. Наоборотъ P. Nahoor широко распространенъ по всему тибетскому нагорью. Мы встрѣчали названнаго барана по всей сѣверной оградѣ этого нагорья—въ Наньшанѣ, Алтынъ-тагѣ и западномъ Куэнъ-люнѣ, какъ равно въ горахъ на верховьяхъ Желтой и Голубой рѣкъ, на Танъ-ла, Бурханъ-Будда и въ другихъ хребтахъ сѣв. Тибета.

Всюду куку-яманъ является жителемъ дикихъ неприступныхъ скалъ альпійской области высокихъ горъ, и лишь въ сѣв. Тибетѣ иногда встрѣчается въ горахъ болѣе доступныхъ, хотя все-таки скалистыхъ. Лазитъ по скаламъ превосходно. Держится стадами болѣе или менѣе многочисленными. Весьма чутокъ и остороженъ. Болѣе довѣрчивъ лишь въ сѣв. Тибетѣ, гдѣ не преслѣдуется человѣкомъ [1]).

На такихъ-то непуганныхъ куку-ямановъ намъ и пришлось теперь поохотиться. Жаль только, что нельзя было вдоволь пострѣлять, ибо въ мясѣ мы не нуждались, да и возить его съ собою не могли; требовалось лишь добыть нѣсколько хорошихъ экземпляровъ для коллекціи.

...Почти у самаго подножія обѣтованной горы разбили мы свой бивуакъ. Громадныя отвѣсныя скалы, вѣнчающія ея вершину и разсыпанныя на западномъ склонѣ, гордо поднимались въ вышину; широкими полосами сбѣгали отъ нихъ каменныя осыпи; кое-гдѣ небольшими площадками являлись скудныя лужайки; на противоположномъ же скатѣ залегали отличные луга. Далеко по сторонамъ, во всемъ сонмѣ окрестныхъ горъ не было видно подобной каменной вершины, хотя послѣд-

[1]) Подробнѣе о куку-яманѣ и объ охотѣ за нимъ см. «Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 174—179; т. II—рисунки обоихъ видовъ. «Третье путешествіе», стр. 208—210; также рисунокъ Pseudois Nahoor между стр. 118—119.

няя и не выдѣлялась своею высотою. Коренные жители скалъ — куку-яманы, грифы и уллары, нашли здѣсь для себя привольное убѣжище, тѣмъ болѣе, что сама гора, сколько кажется, считается священною у мѣстныхъ тангутовъ.

Съ самаго прихода осматривали мы въ бинокль заповѣдныя скалы, откуда изрѣдка доносился громкій крикъ улларовъ; громадные грифы садились по тѣмъ же скаламъ или плавно кружили въ вышинѣ надъ нашей стоянкой; по временамъ пролетала крикливая стайка клушицъ, или одиночный вòронъ — и только.

Но вотъ солнце порядочно уже опустилось къ западу и словно изъ земли выросло на той же горѣ стадо куку-яймановъ. Они паслись на небольшой лужайкѣ возлѣ скалъ. Простымъ даже глазомъ хорошо было отъ насъ видно, какъ звѣри щипали траву, старые самцы пристально осматривались по сторонамъ, молодые барашки рѣзвились... Трудно было не искуситься подобнымъ соблазномъ — и, уступая общей просьбѣ своихъ спутниковъ, я отпустилъ нѣсколько человѣкъ на охоту; самъ отправился съ П. К. Козловымъ на ту же гору, но только за птицами для коллекціи; поэтому мы взяли гладкоствольныя ружья. Казаки пошли нѣсколько раньше въ обходъ наверхъ скалъ; мы полѣзли къ тѣмъ же скаламъ снизу. Планъ былъ тотъ, что спугнутые нами куку-яманы побѣгутъ вверхъ и наскочатъ на засѣвшихъ тамъ охотниковъ.

Когда мы разошлись, звѣри, смѣтившіе недоброе, куда-то исчезли. Я поднимался вверхъ западнымъ бокомъ горы; г. Козловъ лѣзъ ея срединою. Условлено было первымъ намъ не стрѣлять, развѣ по какой-нибудь рѣдкой птицѣ, но таковой не отыскалось; мало было даже птицъ вообще. Раскаяніе брало меня, что не пошелъ со штуцеромъ за куку-яманами, но теперь дѣло это было непоправимо. Однако, на всякій случай я вложилъ въ свое Пёрде пульные патроны и присѣлъ за камень на боковомъ скатѣ горы. Черезъ нѣсколько времени вверху прогремѣли выстрѣлы, немного спустя раздалось эхо сброшенныхъ внизъ камней и, наконецъ, послышался глухой топотъ большаго убѣгавшаго стада куку-яймановъ. Опрометью неслись они возлѣ высокихъ верхнихъ скалъ, перебѣжали на моихъ глазахъ чуть не по отвѣсной каменной кручѣ, спустились въ небольшое ущелье, а затѣмъ... о, великая радость! прямехонько направились въ мою сторону. Пуще прежняго притаился я въ своей засадкѣ; даже боялся глядѣть черезъ камень и только слушалъ, какъ приближался ко мнѣ топотъ звѣрей. Думалось — подпущу ихъ какъ можно ближе и уложу пару изъ обоихъ стволовъ. Такъ дѣйствительно и случилось, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Пре-

дательскій вѣтерокъ выдалъ чуткимъ животнымъ мое присутствіе... Все стадо сразу пріостановилось, а затѣмъ быстро шарахнулось въ сторону и снова остановилось, столпившись плотною кучею шагахъ въ полутораста отъ моей засадки. Тогда разъ за разомъ пустилъ я двѣ пули, разсчитывая, что онѣ найдутъ виноватыхъ. Послѣ этихъ выстрѣловъ куку-яманы бросились на прежнія скалы; двое же остались на мѣстѣ убитыми наповалъ.

Вскорѣ наверху опять начались выстрѣлы, — то казаки палили по возвратившимся звѣрямъ, но при наступавшихъ уже сумеркахъ сдѣлали много промаховъ. Одинъ изъ казаковъ въ это время даже стрѣлялъ, какъ онъ объяснялъ, «большую лисицу съ длиннымъ хвостомъ», оказавшуюся барсомъ, пробѣжавшимъ потомъ невдалекѣ отъ г. Козлова.

Тѣмъ и закончилась наша вечерняя охота.

Назавтра, утромъ, мы снарядились опять на ту же гору за куку-яманами. Подзадоривала насъ также и надежда встрѣтить видѣннаго наканунѣ барса, но отыскать его не удалось. Опять нѣсколько охотниковъ зашли напередъ вверхъ на скалы; другіе полѣзли снизу. Стрѣлять велѣно было лишь крупныхъ самцовъ; самокъ даромъ не бить.

Я взялъ винтовку Бердана и отправился въ засадку невдалекѣ отъ вчерашняго мѣста. Здѣсь высилась громадная скала конгломерата и по ея лишь слегка наклонному боку, тамъ, гдѣ развѣ можно пробраться мыши, вчера пробѣжало благополучно цѣлое стадо куку-ямановъ. Несомнѣнно, звѣри знали эту дорогу, и послѣ выстрѣловъ нашихъ охотниковъ должны были опять здѣсь спасаться. Насторооживъ винтовку, я прилегъ за большой камень. Ожидать пришлось довольно долго. Тихо и спокойно было вокругъ; лишь по временамъ накрапывалъ дождикъ изъ пробѣгавшихъ тучъ. Ягнятники и грифы, чуявшіе добычу, то высоко парили въ облакахъ, то спускались ниже скалъ и налетали на меня совершенно близко. Я слѣдилъ за полетомъ этихъ могучихъ птицъ и любовался ими. Наконецъ, отрывисто раздался гулъ одиночнаго выстрѣла... Довольно заниматься грифами, нужно пристально сторожить ближайшія скалы... Высоко на нихъ вскорѣ показалась стройная фигура куку-ямана и быстро исчезла. Еще напряженнѣе сосредоточилось мое вниманіе, еще сильнѣе забилось сердце страстнаго охотника... Вотъ, вотъ, думалось, явятся желанные звѣри и руки невольно сжимали приготовленную винтовку... Но куку-ямановъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Видно бросились они на другую сторону горы и не подойдутъ къ засадкѣ... Сомнѣніе начинало брать верхъ надъ надеждою, радостное настроеніе замѣнялось уныніемъ, ажитація проходила... Вдругъ, какъ ошпаренный,

выскочилъ впереди меня большой самецъ куку-яманъ, постоялъ нѣсколько секундъ и пустился легкою рысью поперекъ отвѣса конгломератовой стѣны, повыше ея средины. За вожакомъ показалось цѣлое стадо и тѣмъ же невѣроятнымъ путемъ бѣжало въ недальнемъ отъ меня разстояніи. Нѣсколько мгновеній я смотрѣлъ совсѣмъ озадаченный на такое необычайное искусство куку-ямановъ; мнѣ казалось, что это двигались тѣни, а не животныя, и только жалобное блеяніе барашковъ разрушило иллюзію. Передовые звѣри миновали уже средину каменной стѣны, когда я наконецъ опомнился и выстрѣлилъ въ рогатаго вожака. Словно оторванный отъ скалы камень громыхнулся онъ внизъ, сдѣлалъ два-три рикошета по стѣнѣ и кувыркаясь покатился далеко по крутому луговому скату. Стадо на мгновеніе пріостановилось... Я послалъ второй выстрѣлъ— и другой самецъ еще съ большимъ грохотомъ полетѣлъ съ высоты, но, попавши внизу на камни, вскорѣ остановился. Между тѣмъ стадо частью продолжало бѣжать впередъ, частью повернуло по той-же стѣнѣ вверхъ и взобралось по такой отвѣсной каменной кручѣ, что у меня, глядя снизу, морозъ дралъ по кожѣ. Я даже не сталъ болѣе стрѣлять, соображая, что упавшій съ подобной высоты звѣрь едва-ли будетъ годенъ для коллекціи. Вернувшіеся назадъ куку-яманы вскорѣ опять попали подъ выстрѣлы нашихъ охотниковъ, пока наконецъ не залегли въ неприступныхъ скалахъ.

Всего въ этотъ день убито было съ десятокъ звѣрей, но нѣкоторыхъ изъ нихъ достать мы не могли. Шерсть на шкурахъ, несмотря на конецъ іюня, была еще хорошая, зимняя. Мяса взяли немного, остальное пошло въ добычу грифамъ, которые еще во время нашей охоты слетѣлись сюда во множествѣ и устроили пиръ-горою лишь только мы возвратились на свой бивуакъ.

Опасная случайность.

Послѣ охотничьей дневки мы проползли въ продолженіе четырехъ сутокъ только 23 версты. Постоянные сильные дожди крайне затрудняли движеніе каравана, да притомъ вода въ рѣчкахъ прибыла такъ много, что о переправахъ въ бродъ, по собственному желанію, нечего было и думать. Пришлось мѣстами обходить броды по горамъ или ожидать временнаго спада той-же воды. Тогда наудалую мы лѣзли въ быстрину и кое-какъ переправлялись. Однако на одной изъ подобныхъ переправъ чуть было не приключилось великое для насъ несчастіе — В. И. Роборовскій едва не утонулъ въ р. Дяо-чю.

Вода въ названной рѣчкѣ, въ этотъ памятный намъ день, къ утру немного сбыла и верховые казаки отыскали бродъ, глубиною болѣе трехъ футовъ, при ширинѣ русла около 15 саженъ. Теченіе было очень бы-

строе; дно усыпано крупными валунами. Однако караванъ прошелъ благополучно; остались на той сторонѣ рѣки лишь наши бараны, которыхъ казаки вскорѣ также вогнали въ воду, но здѣсь ихъ понесло внизъ по теченію. Тогда В. И. Роборовскій и нѣсколько казаковъ бросились въ рѣку, чтобы перехватить уплывавшихъ барановъ. Двое изъ нихъ съ розмаха ударились въ лошадь г. Роборовскаго, и та вмѣстѣ съ сѣдокомъ повалилась въ воду. Быстрое теченіе подхватило и понесло. По счастію г. Роборовскій успѣлъ высвободить свои ноги изъ стремянъ, иначе онъ захлебнулся бы навѣрное. Лошадь вскорѣ справилась и вышла на берегъ. Роборовскій же, барахтаясь изо всѣхъ силъ, никакъ не могъ совладать съ быстриною; тѣмъ болѣе, что винтовка, висѣвшая у него черезъ плечо, сползла ремнемъ на руки и мѣшала плыть. Раза два-три г. Роборовскій прятался съ головою въ мутную воду рѣки и срывался съ валуновъ, за которые хотѣлъ уцѣпиться. Все это было дѣломъ одной-двухъ минутъ. Казаки, находившіеся на той и на этой сторонѣ рѣки, бросились на помощь, но испуганныя лошади не лѣзли теперь въ воду, веревки же или чего другого на первыхъ порахъ ни у кого не оказалось. Между тѣмъ г. Роборовскій значительно приблизился къ берегу, гдѣ глубина поменьше; тогда одинъ изъ казаковъ вбѣжалъ въ воду и вытащилъ Всеволода Ивановича. Послѣдній сначала немного отдохнулъ, затѣмъ переѣхалъ прежнимъ бродомъ на нашу сторону, переодѣлся здѣсь и, отдѣлавшись лишь ушибомъ колѣна, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ путь съ караваномъ.

Такъ въ путешествіи, подобномъ нашему, бѣда можетъ грянуть во всякую минуту нежданно-негаданно....

Вновь на тибетскомъ плато.

Утромъ 3-го іюля, мы поднялись прежнимъ путемъ на водораздѣлъ Желтой и Голубой рѣкъ и взошли опять на плато Тибета. Здѣсь мало что напоминало лѣтнюю пору года: трава на мото-ширикахъ едва отросла на одинъ дюймъ, дожди нерѣдко замѣнялись снѣгомъ, по ночамъ порядочно морозило. Притомъ обиліе атмосферныхъ осадковъ было до крайности велико, ради чего болота, топи, разлившіяся рѣчки, встрѣчались чуть не на каждомъ шагу и сильно тормазили движеніе каравана. Въ особенности труденъ былъ для насъ первый переходъ — отъ названнаго водораздѣла до р. Джагынъ-голъ. Разстояніе здѣсь только 15 верстъ, но мы шли ихъ семь часовъ и измучились ужасно. Всѣ попутные мото-ширики сплошь были залиты водою, а оголенныя площади рыхлой глины съ щебнемъ размочены въ топкую грязь; словомъ, пришлось идти по сплошному почти болоту. Затѣмъ, лишь только мы тронулись съ мѣста, какъ пошелъ снѣгъ, который, при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, вскорѣ

превратился въ мятель, залѣплявшую глаза. Холодъ пронизывалъ до костей не только насъ, но и облинявшихъ теперь верблюдовъ. Послѣдніе безпрестанно спотыкались, падали и вязли въ грязи. Приходилось ихъ развьючивать и вытаскивать; намокшія сѣдла и вьюки дѣлались значительно тяжелѣе; верблюды выбивались изъ силъ. Едва-едва добрались мы передъ вечеромъ до Джагынъ-гола. Здѣсь должны были удовольствоваться самымъ скромнымъ, даже для экспедиціи, ужиномъ, ибо намокшій аргалъ вовсе не горѣлъ. Ночью небо разъяснѣло и къ утру морозъ въ $-4{,}0^0$ не только закрѣпилъ выпавшій наканунѣ снѣгъ, но даже покрылъ стоячую воду довольно прочною ледяною корою.

Мѣстность по р. Джагынъ-голъ.

По выходѣ на р. Джагынъ-голъ, рѣшено было слѣдовать по ней до самаго устья. Вытекаетъ названная рѣка, вѣроятно, отъ водораздѣльныхъ къ сторонѣ Ды-чю горъ и впадаетъ въ восточное изъ двухъ большихъ озеръ верхней Хуанъ-хэ. Длина всего теченія не болѣе 140—150 верстъ. Притоки—мелкія рѣчки, и лишь одна болѣе значительная приходитъ съ юга, вѣроятно, отъ водораздѣла. Въ среднемъ своемъ теченіи Джагынъ-голъ имѣлъ при большой лѣтней водѣ отъ 25—30 саженъ ширины и глубину на бродахъ въ три фута; тамъ, гдѣ горы сжимаютъ русло, ширина его уменьшается мѣстами почти вдвое. Въ низовьѣ рѣка дѣлается шире и глубже; притомъ разбивается на небольшіе рукава; броды здѣсь встрѣчаются рѣже. Впрочемъ, при малой водѣ Джагынъ-голъ несомнѣнно всюду переходимъ въ бродъ, тѣмъ болѣе, что теченіе здѣсь далеко не такое быстрое, какъ въ рѣчкахъ горной области Ды-чю.

Верстахъ въ двадцати выше своего впаденія въ восточное озеро, тотъ же Джагынъ принимаетъ слѣва небольшую протоку изъ озера западнаго, а еще верстъ черезъ десять ниже отдѣляетъ справа рукавъ, который соединяется, близъ самаго восточнаго озера, съ рѣкою, притекающею съ юга, изъ высокихъ горъ, стоящихъ по всему вѣроятію, также на водораздѣлѣ. Въ низовьѣ этой рѣки, равно какъ и по Джагынъ-голу послѣ отдѣленія праваго рукава, залегаютъ сплошные мото-ширики, усѣянные множествомъ небольшихъ озерковъ.

Въ общемъ бассейнъ Джагынъ-гола представляетъ, какъ и другія сосѣднія части Тибета, мѣстность холмистую и гористую, въ которой долины составляютъ подчиненную форму поверхности. Горы имѣютъ мягкія формы, пологіе скаты и вовсе лишены скалъ; поэтому здѣсь нѣтъ настоящихъ осыпей; но голыя площадки, состоящія, какъ и вездѣ въ Тибетѣ, изъ рыхлой глины со щебнемъ, часто занимаютъ значительныя пространства, или являются какъ плѣши на луговыхъ горныхъ склонахъ. Въ дождливую лѣтнюю пору года, эти оголенныя мѣста нерѣдко пред-

ставляютъ топи, въ особенности на ровныхъ площадяхъ, или у подножія скатовъ. Затѣмъ большая часть высокихъ междугорныхъ долинъ, равно какъ и самыхъ склоновъ горъ не слишкомъ крутыхъ, заняты мото-шириками.

Растительность на этихъ мото-ширикахъ, какъ уже не разъ говорено было, крайне бѣдная. Все заполоняетъ здѣсь *тибетская осока* (Kobresia thibetica), въ іюлѣ только начинающая отростать; затѣмъ вразсыпную попадались теперь на тѣхъ же болотахъ — *лютикъ* (Ranunculus sp.), *мелколепестникъ* (Erigeron uniflorus), и *твердочашечникъ* (Androsace tapete n. sp.). Болѣе разнообразная, хотя все-таки весьма бѣдная, карликовая по своему росту флора цвѣла въ сравнительно низкихъ долинахъ и по горнымъ склонамъ. Тамъ и здѣсь встрѣчались: нѣсколько новыхъ видовъ *Saussurea*, а также *Saussurea sorocephala* и *Saussurea arenaria*, *полынь* (Artemisia n. sp.), *лапчатка* (Potentilla nivea?), зеленоцвѣтный *прикрытъ* (Aconitum Anthora), *василистникъ* (Thalictrum rutaefolium), *астра* (Aster alpinum), розовый и палевый *мытники* (Pedicularis sima?, Pedicularis n. sp.), прижатое къ землѣ какое то *зонтичное*, *мыкёръ* (Polygonum viviparum var.), *сухоребрица* (Draba glacialis), *песчанка* (Arenaria kansuensis), *синій макъ* (Meconopsis racemosa), гималайская *крапива* (Urtica hyperborea), *Tretocarya pratensis, Oxytropis leucocyanea?, Avena n. sp.*, *Nasturtium thibeticum n. sp.*, *Przewalskia tangutica var.*, начавшая уже надувать свои плодовыя коробки и, обыкновенно густыми, небольшими площадками на рыхлой глинѣ, *Cremanthodium plantaginoides*, только что теперь зацвѣтавшій.

О животной жизни этой мѣстности было говорено въ третьей главѣ настоящей книги. Теперь прибавились лишь насѣкомыя, но въ ограниченномъ весьма количествѣ; только шмелей встрѣчалось довольно много, да на мото-ширикахъ мѣстами въ изобиліи ползали черныя гусеницы какой то бабочки. Изъ крупныхъ звѣрей, вылинявши вполнѣ въ началѣ іюля, были хуланы и антилопы-àда. Медвѣди же и антилопы оронгò еще носили плохую зимнюю шерсть, но она уже лѣзла и замѣнялась новымъ густымъ подшерсткомъ; изрѣдка въ болѣе низкихъ долинахъ случалось, впрочемъ, встрѣчать медвѣдей вполнѣ облинявшихъ. Замѣчательно, что теперь, т. е. лѣтомъ, мы ни разу не встрѣтили во всемъ сѣв.-вост. Тибетѣ молодыхъ оронгò, тогда какъ дѣтеныши антилопы-àда попадались нерѣдко. Даже самки оронгò въ іюлѣ встрѣчались лишь изрѣдка. Между тѣмъ, въ половинѣ мая при слѣдованіи на истоки Желтой рѣки мы встрѣчали большія (200 — 300 экз.) стада исключительно изъ самокъ оронгò. Какъ кажется, онѣ шли на западъ, вѣроятно,

чтобы метать тамъ дѣтей, быть можетъ, въ безплодной долинѣ между хребтами Марко-Поло и Гурбу-Найджи, о чемъ упомянуто въ описаніи моего «Третьяго путешествія», стр. 295 и 296.

Жителей на Джагынъ-голѣ нигдѣ нѣтъ, и не встрѣчается даже слѣдовъ прежнихъ кочевій.

Развѣдочныя поѣздки.

Направившись, какъ вышеупомянуто, внизъ по Джагынъ-голу, и не имѣя теперь съ собою проводника, мы должны были прибѣгнуть къ средству не разъ уже нами практиковавшемуся, именно къ предварительной развѣдкѣ мѣстности посредствомъ разъѣздовъ. Въ такіе разъѣзды отправлялись обыкновенно втроемъ — я, или одинъ изъ моихъ помощниковъ, и двое казаковъ. Въ виду почти постоянно ненастной погоды и крайней необходимости быть на-сторожѣ, теперешніе наши разъѣзды не отдалялись отъ бивуака болѣе какъ на одинъ караванный переходъ, такъ что, отправившись по утру, къ вечеру того-же дня возвращались обратно. Снаряжались на-легкѣ и брали съ собою по сотнѣ патроновъ на человѣка. Дорогою иногда случалось убивать медвѣдей; другихъ звѣрей не трогали. Ихъ-же, какъ обыкновенно въ этой части Тибета, всюду было множество. Однажды В. И. Роборовскій во время подобнаго разъѣзда встрѣтилъ большую рѣдкость, именно двухъ бѣлыхъ дикихъ яковъ. Они паслись довольно далеко на противоположной сторонѣ Джагынъ-гола, брода черезъ который въ этомъ мѣстѣ не оказалось, да притомъ нужно было спѣшить на бивуакъ. Такъ заманчивые яки и остались нетронутыми; на другой-же день мы ихъ не нашли.

Во время разъѣздовъ съемка не производилась; за то подробно обслѣдывались перевалы, броды на рѣкахъ, болота и т. п., словомъ, мѣстность изучалась относительно удобства движенія каравана. Ѣздили всегда только скорымъ шагомъ, но не рысью, чтобы не истомлять лошадей. Обыкновенно къ полдню отъѣзжали верстъ 20—25; дѣлали здѣсь привалъ — кормили лошадей и сами закусывали; затѣмъ, отдохнувъ часа два, возвращались обратно тѣмъ-же путемъ или новымъ, если не сразу находилась удобная для верблюдовъ дорога. На слѣдующій день караванъ передвигался по обслѣдованному пути на новое мѣсто, откуда опять посылался разъѣздъ. Если-же впереди лежащая мѣстность могла быть осмотрѣна съ недалекой отъ бивуака горы, или вообще по соображенію не представляла особенныхъ препятствій, тогда мы шли впередъ временно безъ разъѣздовъ.

Внизъ по Джагынъ-голу путь былъ довольно удобный. Здѣсь даже нашлась по лѣвому берегу рѣки тропинка, проторенная, вѣроятно, партіями грабителей. Однако мы передвигались медленно, разъ по случаю необходимыхъ разъѣздовъ, а еще и потому, что наши верблюды за

послѣднее время много устали и испортились. Пятеро изъ нихъ уже были брошены, кромѣ того имѣлись новые кандидаты на подобную-же участь.

Не легко теперь было и всѣмъ намъ. Помимо громадной абсолютной высоты и неминуемаго ослабленія здѣсь организма, насъ донимали постоянные дожди, нерѣдко замѣнявшіеся снѣгомъ; изрѣдка перепадавшія ясныя ночи, не смотря на іюль, сопровождались морозами (до — 5,0°); по утрамъ тогда падалъ иней, стоячая вода покрывалась льдомъ. Сырость всюду была ужасная. Спали мы на мокрыхъ войлокахъ, носили мокрое платье. Оружіе наше постоянно ржавѣло; собираемыя въ гербарій растенія невозможно было просушить; вьюки и войлочныя сѣдла верблюдовъ также почти не переставали мокнуть и чрезъ то значительно прибавляли своей тяжести. Тяжелая служба казаковъ.

Еще сильнѣе отзывались всѣ эти невзгоды на казакахъ. На бивуакѣ двое изъ нихъ ежедневно пасли караванныхъ животныхъ, нерѣдко подъ проливнымъ дождемъ, или сильною мятелью. Дежурный и поваръ на такомъ-же дождѣ или снѣгѣ варили чай и обѣдъ. Наконецъ послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, измокшіе, озябшіе и усталые казаки становились поочередно, обыкновенно также при непогодѣ, на двѣ смѣны ночнаго караула.

Достаточно мученій приносила казакамъ и возня съ единственнымъ топливомъ здѣшней мѣстности — аргаломъ дикихъ яковъ или хулановъ. Смачиваемый постоянными дождями, этотъ аргалъ вовсе не горѣлъ. Приходилось разламывать его на кусочки и урывками просушивать на солнцѣ, которое, изрѣдка проглядывая, жгло довольно сильно. Такой полусухой аргалъ собирался потомъ въ мѣшки и сохранялся какъ драгоцѣнность. Его подбавляли въ аргалъ сырой и раздували огонь кожанымъ мѣхомъ. Обыкновенно при подобной процедурѣ требовалось болѣе часа времени, чтобы вскипятить чай. Когда-же падалъ дождь или снѣгъ, то приходилось иногда дѣлать изъ войлока навѣсъ надъ очагомъ и возиться вдвое дольше съ раздуваніемъ того-же аргала. Случалось, что на такую работу ночные караульные употребляли почти цѣлую ночь. Словомъ, служба казаковъ теперь была до крайности тяжелая, но они, какъ и прежде, держали себя молодцами и честно исполняли свой долгъ.

Теперь о большихъ озерахъ верхней Хуанъ-хэ.

Въ предыдущей главѣ говорено было, что Желтая рѣка, образовавшись изъ ключей и рѣчекъ Одонь-тала, вскорѣ затѣмъ проходитъ черезъ два большія озера. Въ нихъ скопляются воды значительной площади верховья новорожденной рѣки и сразу увеличиваютъ ея размѣры. Большія озера верхней Хуанъ-хэ.

Оба эти озера издревле извѣстны китайцамъ подъ именами — западное Цзярынъ-норъ и восточное Нъоринъ-норъ. Но такъ какъ положеніе тѣхъ-же озеръ на географическихъ картахъ правильно установлено не было и никѣмъ изъ европейцевъ они не посѣщались, то, по праву перваго изслѣдователя, я назвалъ на мѣстѣ восточное озеро *Русскимъ*, а западное озеромъ *Экспедиціи*. Пусть первое изъ этихъ названій свидѣтельствуетъ, что къ таинственнымъ истокамъ Желтой рѣки впервые проникъ русскій человѣкъ, а второе—упрочитъ память нашей здѣсь экспедиціи, которая, какъ будетъ расказано ниже, оружіемъ завоевала возможность научнаго описанія тѣхъ же озеръ.

Оба они лежатъ на абс. высотѣ 14,000 футовъ рядомъ другъ съ другомъ и раздѣляются лишь горнымъ перешейкомъ, шириною верстъ на десять, мѣстами быть можетъ и менѣе. По величинѣ, какъ то, такъ и другое озеро имѣютъ около 130 верстъ въ окружности. Формою своею каждое изъ нихъ образуетъ неправильную, напоминающую эллипсисъ фигуру, съ тою разницею, что оз. Экспедиціи вытянуто по направленію отъ запада къ востоку, Русское-же—отъ юга къ сѣверу. Берега обоихъ озеръ почти сплошь гористы и значительно изрѣзаны, въ особенности въ южной части оз. Русскаго. Здѣсь-же лежатъ три маленькихъ островка; два другихъ, нѣсколько бо̀льшихъ, находятся близъ западнаго берега оз. Экспедиціи. Береговыя горы не поднимаются, сколько можно судить на глазъ, выше 400—600 футовъ надъ уровнемъ обоихъ озеръ. Эти горы то подходятъ къ самому берегу и образуютъ здѣсь небольшіе скалистые (сланецъ) мысы, то отступаютъ немного въ сторону, окаймляя котловины нѣкогда бывшихъ заливовъ тѣхъ-же озеръ, нынѣ обыкновенно занятыя небольшими высыхающими озерками. Тамъ, гдѣ горы не придвигаются къ самимъ озерамъ, по ихъ берегамъ тянется наносный увалъ отъ 7 — 10, мѣстами-же отъ 15 — 20 футовъ вышиною. Глубина описываемыхъ озеръ, вѣроятно, не особенно велика; измѣрить ее, хотя-бы недалеко отъ берега, мы не могли безъ лодки. Вода совершенно прѣсная. Ея температура во второй половинѣ іюля колебалась (у береговъ) между $+10{,}5^0$ и $+17{,}8^0$.

Въ оз. Экспедиціи впадаютъ съ сѣвера, кажется, двѣ, быть можетъ, порядочныя рѣчки [1]); съ запада въ него вливается р. Салома̀, т. е. новорожденная Хуанъ-хэ. Эта послѣдняя вытекаетъ вновь изъ восточной заливообразной части того же озера и, прорвавъ гористый перешеекъ,

[1]) Хорошо разсмотрѣть нельзя было съ южнаго берега; на сѣверномъ же берегу мы не были.

впадаетъ въ сѣверную часть оз. Русскаго. Послѣднее принимаетъ сверхъ того на юго-западѣ р. Джагынъ-голъ и рядомъ другую, пока безыменную, приходящую съ юга. Обѣ эти рѣки, равно какъ и Хуанъ-хэ въ оз. Экспедиціи, окрашиваютъ лѣтомъ своею мутною, почти желтою, водою широкую (5 — 6 верстъ въ поперечникѣ) полосу вдоль южныхъ береговъ обоихъ озеръ; остальная же ихъ вода свѣтлая, темно-зеленаго цвѣта [1]).

Однако, несмотря на обиліе воды, притекающей въ особенности лѣтомъ въ описываемыя озера, оба они, подобно многимъ другимъ озерамъ Внутренней Азіи, уменьшаются въ своихъ размѣрахъ, другими словами, усыхаютъ. Наглядно объ этомъ свидѣтельствуютъ: постепенно высыхающія озерки въ береговыхъ котловинахъ, нѣкогда также бывшихъ заливами, обширныя болота по р. Саломà, въ низовьяхъ Джагынъ-гола и сосѣдней при устьѣ ему рѣчки, наконецъ, береговые увалы какъ нынѣшній, такъ и прежніе; слѣды послѣднихъ мѣстами можно замѣтить въ нѣкоторомъ разстояніи отъ настоящей береговой черты.

Желтая рѣка окончательно выходитъ изъ озеръ въ сѣверо-восточной части оз. Русскаго. Далѣе эта рѣка называется тангутами *Ма-чю*; стремясь къ востоку, она дѣлаетъ крутую дугу (вѣроятно, не столь большую, какъ обыкновенно изображаютъ на картахъ) для обхода вѣчно снѣговаго хребта Амне-мачинъ, прорываетъ поперечныя гряды Куэнъ-люня и направляется въ предѣлы Собственнаго Китая. Неизвѣстныя нынѣ части описываемой рѣки лежатъ отъ выхода ея изъ оз. Русскаго до устья р. Чурмынъ, гдѣ мы были въ 1880 году. На этомъ протяженіи, занимающемъ (не считая мелкихъ извилинъ теченія), вѣроятно, около 400 верстъ, Хуанъ-хэ спадаетъ на 4,800 футовъ [2]). Бòльшая часть такого паденія несомнѣнно приходится на прорывы горныхъ хребтовъ, гдѣ теченіе Желтой рѣки, сколько намъ приходилось видѣть при третьемъ путешествіи, чрезвычайно стремительное.

Окрестности описываемыхъ озеръ, какъ выше было сказано, гористы, но ближайшія горы не высоки, имѣютъ мягкія формы, луговые скаты и почву глинисто-песчаную; подножный кормъ отличный, въ особенности на оз. Русскомъ. Здѣсь по горамъ въ изобиліи растутъ злаки: *Ptilagrostis mongolica var., Ptilagrostis n. sp., Avena n. sp., Elymus n.*

[1]) Вѣроятно, такою же мутною полосою обозначается и въ сѣв. части оз. Русскаго протекающая здѣсь вода Хуанъ-хэ.

[2]) Уровень Желтой рѣки при устьѣ р. Чурмынъ лежитъ на абсол. высотѣ 9,200 футовъ («Третье путешествіе», стр. 341); вообще о верхней Хуанъ-хэ см. тамъ же, главы XV и XVI.

sp., *Triticum cristatum?*, *Trisetum n. sp.*, *Poa? sp.*, *Poa trivialis*, *Elymus junceus;* два послѣдніе встрѣчаются кустиками по берегу самаго озера; тамъ же и *кустарный чернобыльникъ* (Artemisia laciniata?), а по небольшимъ скаламъ—*ломоносъ* (Clematis orientalis var.), *очитокъ* (Sedum Rhodiola) и *лукъ* (Allium monadelphum). По горнымъ склонамъ въ половинѣ іюля цвѣли: синяя и палевая *генціаны* (Gentiana n. sp.), альпійская *астра* (Aster alpinus), темно-розовый и желтый *мытники* (Pedicularis labellata, Pedicularis n. sp.?), палевый *Oxytropis sp.*, синій *лукъ* (Allium cyaneum), зеленоцвѣтный *прикрытъ* (Aconitum Anthora), два вида *чернобыльника* (Artemisia rupestris?, A. macrobotrya?), *Saussurea apus var.*, *Saussurea n. sp.*; мѣстами обиленъ былъ также *мышьякъ* (Thermopsis alpina), уже отцвѣтшій. По береговымъ мото-ширикамъ, которые здѣсь выглядываютъ лучше и покрыты другимъ видомъ *тибетской осоки* (Kobresia? digyna n. sp.), въ это время красовались: золотисто-желтые *Cremanthodium plantaginoides* и *Cremanthodium lineare*, *Saussurea pygmaea*, *Saussurea uniflora var. pumila* и *камнеломка* (Saxifraga hirculus var. vestita). Изъ кустарниковъ по горамъ встрѣчались лишь низенькіе (въ $^1|_2$ фута) кустики *бѣлолозника* (Eurotia? n. sp.); кромѣ того, на западномъ берегу оз. Экспедиціи мы нашли небольшую песчаную площадку, поросшую *тальникомъ* (Salix sp.) отъ 1—2, рѣже до 3 футовъ вышиною, да на р. Саломà встрѣтили крошечную ($^1|_3$—$^1|_2$ ф.) *облепиху* (Hippophaë rhamnoides). Однако, несмотря на прекрасныя пастбищныя мѣста, тангуты на тѣхъ же озерахъ не живутъ, быть можетъ по причинѣ сравнительно открытой мѣстности, не представляющей надежнаго убѣжища при постоянныхъ взаимныхъ грабежахъ.

Рыбы въ обоихъ озерахъ очень много; вѣроятно, здѣсь тѣ же виды, которые водятся въ рр. Саломà и Джагынъ-голъ [1]); быть можетъ есть и новые.

Изъ водяныхъ птицъ много гнѣздится *индѣйскихъ гусей* (Anser indicus) и частью большихъ *крахалей* (Mergus merganser); обильны также рѣчныя *крачки* (Sterna hirundo) и обыкновенныя *чайки* (Larus brunneicephalus); нерѣдки—*чайка-рыболовъ* (Larus Ichthyaëtus), *чайка серебристая* (Larus argentatus?), *бакланы* (Phalacracorax carbo) и *турпаны* (Casarca rutila); но утокъ лѣтомъ нѣтъ вовсе. По береговымъ болотамъ много *куликовъ-красноножекъ* (Totanus calidris), а по степнымъ мѣстамъ—*тибетскихъ жаворонечковъ* (Calandrella thibetana). Вообще, орнитологическая фауна здѣсь бѣдная, какъ и во всемъ Тибетѣ. Изъ насѣкомыхъ

[1]) Поименованные въ предыдущей главѣ; въ самыхъ озерахъ рыбы мы не добыли.

въ половинѣ іюля мы встрѣтили по берегамъ описываемыхъ озеръ множество какихъ-то некусающихся мошекъ; на мото-ширикахъ, также какъ по Джагынъ-голу, мѣстами чрезвычайно обильны были черныя гусеницы, обыкновенно дочиста поѣдавшія тибетскую осоку.

Пробравшись внизъ по Джагынъ-голу, мы разбили 11 іюля свой бивуакъ на правомъ берегу этой рѣки, тамъ, гдѣ слѣва въ нее впадаетъ протока изъ оз. Экспедиціи. Впереди насъ виднѣлись обширныя болота, слѣдовательно необходимо было разъѣздомъ осмотрѣть мѣстность. На такую развѣдку отправился въ слѣдующій день В. И. Роборовскій съ двумя казаками. Самъ же я ѣздилъ за день передъ тѣмъ на оз. Экспедиціи; теперь рѣшилъ вновь отправиться туда съ двумя казаками и проѣхать возможно дальше по перешейку, раздѣляющему оба озера. Поѣздка моя расчитывалась на двое сутокъ, но Роборовскій долженъ былъ въ тотъ же день возвратиться къ бивуаку. Раннимъ утромъ мы направились каждый въ свою сторону. Однако мнѣ скоро пришлось вернуться, ибо вода въ Джагынъ-голѣ ночью много прибыла, такъ что переправа въ бродъ, не смотря на старательные поиски, оказалась невозможной. Удовольствовался я лишь тѣмъ, что проѣхалъ немного внизъ по Джагынъ-голу и съ небольшой тамъ горки сдѣлалъ бусолью засѣчки ближайшихъ частей оз. Русскаго; пробраться къ нему также было невозможно по топкимъ болотамъ. Передъ вечеромъ возвратился г. Роборовскій съ извѣстіемъ, что пройдти напрямикъ черезъ болота и черезъ рѣку, по нимъ протекающую, нельзя; нужно будетъ двигаться въ обходъ вверхъ по этой рѣкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Роборовскій сообщилъ, что видѣлъ большую партію тангутовъ, расположившихся на ночлегъ верстахъ въ двѣнадцати отъ нашего бивуака. Предполагая, что это былъ проходящій караванъ, я не обратилъ на такое извѣстіе особеннаго вниманія. Тѣмъ болѣе, что по ночамъ мы имѣли возлѣ себя оружіе наготовѣ, казаки держали караулъ, и обѣ наши собаки отлично сторожили.

Нападеніе тангутовъ.

Наступившая теперь ночь была облачная и очень темная; прошла она благополучно; только собаки сильно лаяли, но часовые наши этимъ не тревожились, предполагая, что кругомъ бивуака бродятъ дикіе яки, которыхъ днемъ очень много паслось по окрестнымъ долинамъ. На разсвѣтѣ дежурный казакъ разбудилъ г. Козлова посмотрѣть показаніе термометра и побудилъ также своихъ товарищей, чтобы вставать; самъ же пошелъ къ огню и началъ раздувать его ручнымъ мѣхомъ. Въ эту минуту вдругъ послышался лошадиный топотъ, и тотчасъ же часовой увидѣлъ большую толпу всадниковъ, скакавшихъ прямо на нашъ бивуакъ; другая куча неслась на насъ сзади. «Нападеніе!» крикнулъ казакъ и

выстрѣлилъ. Тангуты громко, но какъ-то пискливо, загикали и пришпорили своихъ коней. Въ одинъ мигъ выскочили мы изъ обѣихъ палатокъ и открыли учащенную пальбу по разбойникамъ, до которыхъ въ это время разстояніе было около полутораста шаговъ. Не ожидая подобной встрѣчи и, вѣроятно, расчитывая застать насъ врасплохъ спящими, тангуты круто повернули въ стороны и назадъ отъ нашего бивуака. Мы провожали негодяевъ частою пальбою. Къ сожалѣнію, утро стояло сѣрое и еще слабо разсвѣло, такъ что нельзя было мѣтко прицѣлиться, въ особенности вдаль. Однако возлѣ нашего бивуака валялись двѣ убитыя лошади и одинъ убитый тангутъ. Кромѣ того, видно было, какъ падали и другіе разбойники, но ихъ ловко подхватывали съ собою товарищи. Таковъ обычай у тангутовъ, промышляющихъ грабежами. По ихъ повѣрью, если убитый не будетъ привезенъ домой въ свою палатку [1]), то его душа станетъ вредить всему хошуну. Надъ товарищами погибшаго наряжается въ данномъ случаѣ строгое слѣдствіе. Во время стрѣльбы и суматохи восемь нашихъ верховыхъ лошадей, именно тѣ, которыя были куплены въ бассейнѣ Ды-чю, услыхавъ знакомое гиканье и испугавшись пальбы, сорвались съ привязей и удрали къ тангутамъ; еще одна лошадь оказалась раненой въ животъ, такъ что пришлось ее дострѣлить.

Выбравшись изъ сферы нашихъ выстрѣловъ, разбойники раздѣлились на нѣсколько кучъ и съ вершинъ ближайшихъ холмовъ стали за нами наблюдать. Мы же прочистили свои винтовки, напились чаю, завьючили верблюдовъ и рѣшили самимъ теперь напасть на тангутскій бивуакъ, перекочевавшій ночью не далѣе какъ верстъ на шесть отъ нашей стоянки. Необходимо это было сдѣлать, чтобы отогнать негодяевъ отъ близкаго сосѣдства и отбить у нихъ охоту къ дальнѣйшимъ на насъ нападеніямъ.

Лишь только караванъ нашъ двинулся въ направленіи тангутскаго бивуака, всѣ до единаго разбойники мигомъ поскакали на свое стойбище. Мы продолжали медленно туда подвигаться съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами на поясѣ и съ сотнею боевыхъ патроновъ у каждаго въ запасѣ; вьючные верблюды и уцѣлѣвшія верховыя лошади шли плотною кучею. Когда такимъ образомъ мы приблизились къ стойбищу разбойниковъ версты на двѣ, то въ бинокль видно было, что вся ихъ ватага, человѣкъ около 300, выстроилась впереди бивуака верхомъ въ линію; сзади же стояли кучею запасныя и вьючныя лошади. Каза-

[1]) Гдѣ трупъ всетаки выбросятъ на съѣденіе грифамъ и волкамъ.

лось, что тангуты рѣшили дать намъ теперь отпоръ, но не тутъ-то было. Подпустивъ насъ еще немного, разбойники повернули своихъ коней и ну удирать. Но такъ какъ позади тѣхъ же разбойниковъ протекала непроходимая въ бродъ рѣка, то они вынуждены были двинуться наискось мимо насъ въ разстояніи около версты. Тогда, видя, что тангуты уходятъ, догнать же ихъ намъ невозможно, я рѣшилъ палить отсюда, и разъ за разомъ мы пустили 14 залповъ. Несмотря на дальнее разстояніе, пули наши ложились хорошо въ кучу всадниковъ, которые въ топи мото-шириковъ не могли быстро ускакать. Наконецъ, тангуты вышли за предѣлъ самаго дальняго полета нашихъ пуль, и мы прекратили стрѣльбу. Всего, какъ теперь, такъ и утромъ, нами было выпущено около 500 патроновъ. Число же убитыхъ и раненыхъ разбойниковъ мы полагали въ десять человѣкъ; убито было также нѣсколько лошадей.

Кто именно были нападавшіе на насъ тангуты, мы, конечно, не знали. Быть можетъ они пришли съ Ды-чю и давно уже слѣдили за нами. Подтвержденіемъ подобной догадки служитъ то обстоятельство, что нѣсколько дней сряду на нижнемъ Джагынъ-голѣ большія стада дикихъ яковъ постоянно шли отъ востока къ западу поперекъ нашего пути. Теперь мы соображали, что этихъ звѣрей пугали, вѣроятно, разбойники, слѣдовавшіе стороною параллельно съ нами и выжидавшіе удобнаго случая для нападенія. На убитомъ утромъ, возлѣ нашего бивуака, тангутѣ казаки нашли саблю, пику, фитильное ружье, порохъ и полный мѣшечекъ (около 50) пуль [1]); видимо, разбойникъ еще не расходовалъ этотъ запасъ и только недавно снарядился.

Раздѣлавшись съ тангутами, мы вскорѣ вышли на сухое мѣсто, гдѣ и раскинули свой бивуакъ. На общей радости всѣ солдаты и казаки были произведены мною за военное отличіе въ унтеръ-офицеры и урядники. Грозная бѣда миновала удачно. Счастье опять намъ послужило, хотя бы и тѣмъ, что наканунѣ я не могъ переправиться черезъ Джагынъ-голъ и уѣхать втроемъ отъ своего крошечнаго отряда.

На слѣдующій день мы пошли далѣе и, спустившись немного къ югу, переправились въ бродъ черезъ ту самую рѣку, которая впадаетъ въ оз. Русское, близъ устья Джагынъ-гола. Въ память нападенія тангутовъ я назвалъ эту рѣку *Разбойничья*. Притекаетъ она, какъ выше сказано, вѣроятно, изъ высокихъ, частью снѣжныхъ горъ [2]), Дальнѣйшее наше движеніе.

[1]) Камешки, облитые свинцомъ; дальность боя этими пулями изъ длиннаго фитильнаго ружья при большомъ зарядѣ пороха до 300 шаговъ.

[2]) Небольшой снѣгъ лежалъ на сѣверныхъ склонахъ этихъ горъ близъ самыхъ вершинъ.

которыя теперь виднѣлись на югѣ, быть можетъ на водораздѣлѣ къ бассейну Ды-чю. На мѣстѣ нашей переправы названная рѣка имѣла около 30 саженъ ширины при глубинѣ на бродахъ въ три фута.

Теперь въ караванѣ у насъ осталось 7 верховыхъ лошадей и 24 верблюда, но пятеро изъ нихъ были очень плохи; да и прочіе достаточно уже устали. Для облегченія вьюковъ мы принуждены были бросить половину всего запаса дзамбы; дорогою же шли поочередно пѣшкомъ. При такомъ положеніи, конечно, нельзя пробраться куда-либо далеко, но для насъ крайне желательно было обслѣдовать хотя отчасти оз. Русское. На случай новаго нападенія тангутовъ усилены были прежнія мѣры предосторожности: разъѣзды не посылались, чтобы намъ не раздѣляться, бивуакъ располагался на открытой мѣстности тыломъ къ непроходимому болоту или озеру по ночамъ, дежурили парные часовые, всѣ спали одѣтыми съ оружіемъ на-готовѣ, караванныхъ животныхъ пасли возлѣ самаго бивуака, на экскурсіи или на охоту далеко не уходили.

Сдѣлавъ одинъ переходъ съ р. Разбойничьей на оз. Русское, мы направились ощупью по его южному берегу. Препятствій для движенія каравана здѣсь не встрѣчалось. Только дожди сильно донимали по-прежнему. Они мѣшали дѣлать съемку и не дали вовсе фотографировать прекрасный видъ самаго озера. Жителей не было; даже звѣрей встрѣчалось сравнительно мало. На озерѣ мѣстами во множествѣ плавали индѣйскіе гуси. Однажды, во время пути, мы застали на береговомъ озеркѣ большое стадо этихъ гусей — выводки молодыхъ со стариками. Искушеніе было слишкомъ велико, чтобы не поохотиться. Живо достали мы изъ вьюковъ дробовики и втроемъ въ теченіе получаса убили 85 гусей. Полсотни взяли съ собою на продовольствіе; остальныхъ бросили за невозможностью возить; ихъ съѣли впослѣдствіи медвѣди.

Вторичное нападеніе тангутовъ.

На берегу оз. Русскаго намъ пришлось испытать вторичное нападеніе тангутовъ, на этотъ разъ уже днемъ. Теперь мы имѣли дѣло съ голыками, тѣмъ самымъ разбойничьимъ племенемъ, которое въ числѣ, какъ говорятъ, 14,000 палатокъ обитаетъ по Желтой рѣкѣ внизъ отъ выхода ея изъ оз. Русскаго. Трудно сказать—знали или нѣтъ эти голыки о бывшемъ недавно на насъ нападеніи. Вѣрнѣе, что знали и, быть можетъ, теперь выискалась партія удальцовъ, чтобы отмстить намъ за недавнее побитіе своихъ собратій, да кстати уничтожить подозрительныхъ людей и попользоваться ихъ караваномъ. Малочисленность наша, конечно, ободряла разбойниковъ. Съ своей стороны мы рѣшили, если уже не миновать намъ новаго нападенія, то стараться вызвать его

днемъ, когда скорострѣльныя берданки могли какъ слѣдуетъ быть пущены въ дѣло. Случай помогъ такому рѣшенію.

Именно на третій день пути по берегу оз. Русскаго, передъ полуднемъ, когда уже подходило время становиться бивуакомъ, замѣчены были вдали трое тангутовъ, которые, по увѣренію нашего китайца-переводчика, несомнѣнно составляли одинъ изъ разъѣздовъ, слѣдившихъ за нами. Расположивъ свой бивуакъ на берегу озера, я отправилъ поручика Роборовскаго съ тѣмъ-же переводчикомъ-китайцемъ и четырьмя казаками къ замѣченнымъ тангутамъ и приказалъ ни въ какомъ случаѣ не стрѣлять по нимъ; наоборотъ, стараться всѣми мѣрами показать, что мы ихъ боимся. Такъ и вышло. Разбойники съ зажженными у своихъ ружей фитилями проѣхали мимо нашего разъѣзда, издали спросили у переводчика много-ли всѣхъ насъ, и куда мы идемъ; наконецъ, видя, что, даже при двойномъ числѣ людей, ихъ не осмѣливаются тронуть, погнали своихъ коней и ускакали въ горы. Нашъ-же разъѣздъ возвратился на бивуакъ.

Часа черезъ два послѣ этого казаки, пасшіе караванныхъ животныхъ, замѣтили опять трехъ тангутовъ, которые выѣхали изъ ближайшаго ущелья и направились въ нашу сторону. Подозрѣвая недоброе, пастухи тотчасъ-же стали отгонять къ бивуаку верблюдовъ и лошадей. Тогда одинъ изъ тангутовъ, подскакавъ поближе, началъ кричать и махать руками, чтобы животныхъ не угоняли; однако казаки продолжали свое дѣло. Когда верблюды съ лошадьми были къ намъ пригнаны, изъ того-же ущелья, версты за двѣ отъ нашего бивуака, показалась шайка человѣкъ въ 300 конныхъ тангутовъ, и направилась въ нашу сторону. Быстро изготовились мы принять непрошенныхъ гостей. Успѣли даже привязать верблюдовъ, а лошадей крѣпко стреножить, чтобы не удрали во время стрѣльбы. Озеро обезпечивало нашъ тылъ, впереди-же бивуака лежала довольно широкая окаймленная горами равнина. Невыгодно было намъ лишь то, что по этой равнинѣ протягивалось нѣсколько параллельныхъ прежнихъ береговыхъ валовъ отъ 10—15 фут. вышиною. Тангутскій разъѣздъ теперь опять показался вблизи насъ; сдѣланъ былъ по немъ выстрѣлъ, но безуспѣшно.

Между тѣмъ вся шайка разбойниковъ, приблизившись къ намъ на разстояніе около версты, съ громкимъ гиканьемъ бросилась въ атаку. Гулко застучали по влажной глинистой почвѣ копыта коней, частоколомъ замелькали длинныя пики всадниковъ, по встрѣчному вѣтру развѣвались ихъ суконные плащи и длинные черные волосы... Словно туча неслась на насъ эта орда дикая, кровожадная... Съ каждымъ мгно-

веньемъ рѣзче и рѣзче выдѣлялись силуэты коней и всадниковъ... А на другой сторонѣ, впереди своего бивуака, молча съ прицѣленными винтовками, стояла наша маленькая кучка — 14 человѣкъ, для которыхъ теперь не было иного исхода какъ смерть или побѣда...

Когда разстояніе между нами и разбойниками сократилось до 500 шаговъ, я скомандовалъ «пли», и полетѣлъ нашъ первый залпъ; затѣмъ началась учащенная пальба. Однако тангуты продолжали скакать, какъ ни въ чемъ не бывало. Ихъ командиръ скакалъ нѣсколько влѣво отъ шайки берегомъ самаго озера и, ободряя своихъ подчиненныхъ, громко кричалъ (какъ намъ потомъ переводилъ китаецъ): «бросайтесь, бросайтесь, съ нами Богъ (курьезно!), онъ намъ поможетъ». Черезъ нѣсколько мгновеній лошадь подъ этимъ командиромъ была убита, и самъ онъ, вѣроятно раненый, согнувшись побѣжалъ назадъ. Тогда вся шайка, недоскакавшая до насъ менѣе двухсотъ шаговъ, сразу повернула вправо и скрылась за ближайшій увалъ. Тамъ разбойники спѣшились и открыли въ насъ пальбу на разстояніи около 300 шаговъ. Мы-же не могли стрѣлять въ закрытыхъ уваломъ тангутовъ. Тогда я рѣшилъ на удалую штурмомъ выбить ихъ изъ этой засады. Все равно — тангуты могли насъ перестрѣлять на совершенно открытой мѣстности, или, ободрившись нашею нерѣшительностью, снова броситься въ атаку. Теперь-же роли выгодно для насъ перемѣнялись—мы сами шли на разбойниковъ и такою дерзостью искупали свою малочисленность.

Оставивъ для прикрытія бивуака поручика Роборовскаго съ пятью казаками, съ остальными семью я отправился выбивать тангутовъ. Эти послѣдніе, увидавъ, что мы бѣжимъ къ нимъ, открыли по насъ частую пальбу, которая затѣмъ вдругъ стихла. Когда-же первый изъ насъ, именно урядникъ Телешовъ, взбѣжалъ на увалъ, то оказалось, что разбойники бросили свою отличную позицію, чтобы успѣть во время сѣсть на коней. Конечно, при этомъ произошла не малая суматоха, пользуясь которою мы открыли съ занятаго теперь увала пальбу въ кучу разбойниковъ и убили нѣсколькихъ. Но, какъ и прежде, тангуты подхватывали на всемъ скаку почти всѣхъ погибшихъ или раненыхъ товарищей и увозили ихъ съ собою.

Отбитые съ ближайшей къ намъ позиціи разбойники скрылись за слѣдующій увалъ. Тогда, воспользовавшись нѣсколькими свободными минутами, мы живо протерли смоченными тряпками закоптѣлые, сильно нагрѣвшіеся стволы своихъ винтовокъ и пополнили запасъ патроновъ. Ихъ принесъ къ намъ на увалъ переводчикъ-китаецъ, тотъ самый, который, при первомъ ночномъ нападеніи, забился въ палаткѣ подъ войлоки

и долго не выходилъ оттуда. Теперь-же онъ набрался храбрости и кромѣ патроновъ притащилъ ведро воды для питья.

Засѣвшіе на второмъ увалѣ тангуты вскорѣ открыли опять по насъ стрѣльбу. Пришлось ихъ вновь выбивать. Но нельзя было оставить и занятый увалъ, иначе мы могли быть отрѣзанными отъ своего бивуака. Тогда я остался самъ-третей на этомъ увалѣ и послалъ вольноопредѣляющаго Козлова съ 4 казаками впередъ и нѣсколько въ сторону, на небольшую горку, откуда пальбою берданокъ разбойники вскорѣ были прогнаны изъ новой своей засады. Между тѣмъ часть шайки, человѣкъ около 50, полагая, что нашъ бивуакъ оставленъ безъ прикрытія, бросились туда, но были встрѣчены пальбою оставленныхъ людей и отбиты. Тогда, видя всюду неудачу, тангуты начали отступать къ горамъ, останавливаясь гдѣ можно за бугорками и небольшими увалами. Мы провожали негодяевъ пальбою, пока только могли долетать пули берданокъ. Наконецъ вся орда выбралась изъ сферы нашихъ выстрѣловъ и, собравшись въ кучу, остановилась, вѣроятно, для перевязки раненыхъ. Въ это время выѣхала изъ горъ новая партія человѣкъ въ пятьдесятъ, вѣроятно остававшихся на бивуакѣ; они присоединились теперь къ своимъ товарищамъ. Мы оставались на прежнихъ позиціяхъ—я съ семью казаками на увалѣ, г. Роборовскій съ пятью на бивуакѣ—ожидая новаго нападенія. Но тангуты, простоявъ еще немного, направились, въ наступавшіе уже сумерки, въ горы тѣмъ самымъ ущельемъ, которымъ выѣхали. Когда разбойники скрылись, мы вернулись на свой бивуакъ. Здѣсь оказалась раненою одна лошадь, которой тангутская пуля попала въ ногу. Всѣ-же мы опять уцѣлѣли. Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ, и за это время мы выпустили около 800 патроновъ. Разбойниковъ было убито и ранено, по нашему общему заключенію, до 30 человѣкъ.

Но испытанія наши еще не окончились. Съ большимъ вѣроятіемъ можно было расчитывать, что тангуты попробуютъ атаковать насъ ночью, и мы продежурили ее напролетъ, усѣвшись въ двѣ кучки на обоихъ флангахъ своего бивуака. Начавшійся вскорѣ дождь лилъ почти не переставая, бушевалъ сильный западный вѣтеръ, тьма стояла кромѣшная. Однако разбойники такъ были удовольствованы днемъ, что не рѣшились сдѣлать ночное нападеніе, которое давало имъ большіе шансы, избавляя отъ губительнаго дѣйствія нашихъ винтовокъ на значительномъ разстояніи.

Утромъ дождь еще болѣе усилился, и намъ пришлось поневолѣ нетрогаться съ мѣста. Въ перемежку непогоды показывались разбойничьи разъѣзды по горамъ. Къ полудню немного разъяснѣло. Въ это время съ

противоположной вчерашнему нападенію стороны нашего бивуака опять появились тангуты. Нѣсколько человѣкъ ихъ направились прямо къ намъ. Мы уже чуть было не открыли стрѣльбу, какъ эти новые тангуты начали махать своими шляпами и вслѣдъ затѣмъ подъѣхали поближе. Весь отрядъ нашъ стоялъ на-готовѣ, подозрѣвая обманъ. Но оказалось, что то были передовые большаго каравана, который слѣдовалъ сзади на 500 вьючныхъ якахъ. Везли они на р. Ды-чю покупки (дзамба, рисъ, просо, чай, табакъ и пр.), сдѣланныя въ Сининѣ. Вскорѣ пришелъ и самъ караванъ, при которомъ слѣдовало около 160 тангутовъ, вооруженныхъ фитильными ружьями, саблями и частью стрѣлами. Нашлись даже знакомые нашего китайца-переводчика. Узнавъ о близости разбойниковъ и о вчерашнемъ на насъ нападеніи, караванные тангуты, которыхъ также грабятъ голыки, сильно струсили и послали на ближайшія горы разъѣзды.

Важную вещь сообщили намъ прибывшіе тангуты, именно, что на верблюдахъ теперь въ большую воду невозможно переправиться черезъ Желтую рѣку по выходѣ ея изъ оз. Русскаго. Караванные яки перебрались черезъ ту-же рѣку вплавь. Въ виду такого обстоятельства намъ пришлось отказаться отъ прежняго намѣренія пройдти сѣвернымъ берегомъ обоихъ большихъ озеръ. Удачно было и то, что, кромѣ снятаго южнаго берега, общая фигура оз. Русскаго, приблизительный выходъ изъ него Желтой рѣки, абсолютная высота и пр. были уже опредѣлены; южный-же берегъ оз. Экспедиціи мы могли снять при возвратномъ теперь пути, какъ равно опредѣлить засѣчками главные пункты сѣвернаго берега того же озера.

Путь по берегу оз. Русскаго и Экспедиціи.

По уходѣ тангутскаго каравана мы завьючили своихъ верблюдовъ и, распрощавшись съ памятнымъ для насъ мѣстомъ, пошли обратно южнымъ берегомъ оз. Русскаго. Хотя до склада нашего въ Цайдамѣ еще лежало 300 верстъ, но разъ мы повернули въ эту сторону, подобное разстояніе казалось не слишкомъ далекимъ, ибо надежда на отдыхъ подкрѣпляла силы. По прежнему мы шли на половину пѣшкомъ; по ночамъ-же дежурили теперь всѣ вмѣстѣ на двѣ смѣны — одна половина отряда съ вечера до полуночи, другая съ полуночи до утра. Не надолго выпавшая хорошая погода нѣсколько облегчала эти ночныя дежурства. Ради той-же погоды вода въ рѣчкахъ немного сбыла, и мы перешли благополучно въ бродъ какъ р. Разбойничью, такъ и Джагынъ-голъ въ его низовьѣ. Иногда по пути случалось встрѣчать свѣжіе слѣды небольшихъ конныхъ партій. Вѣроятно разбойники слѣдили за нами своими разъѣздами, но нападать болѣе не рѣшались.

На пятыя сутки вышли мы къ южному берегу оз. Экспедиціи. Окрестности здѣсь менѣе плодородны, чѣмъ на оз. Русскомъ, хотя все-таки пастбища хорошія. Мутная вода р. Саломà рѣзкою, широкою полосою проходитъ вдоль всего берега; за нею виднѣется чистая, зеленоватая вода самаго озера. Даже послѣ бури эти воды не перемѣшиваются.

Водяныхъ птицъ на оз. Экспедиціи также много. По небольшимъ береговымъ болотамъ изрѣдка гнѣздятся и черношейные журавли (Grus nigricollis). Мы поймали 24 іюля пару молодыхъ этого вида еще въ пуху, не смотря на близкій конецъ лѣта для здѣшнихъ мѣстностей. Вѣроятно, то былъ вторичный поздній выводъ; яйца-же первой кладки погибли отъ весеннихъ холодовъ. Такое явленіе конечно здѣсь обыденно, чѣмъ, мнѣ кажется, и можно объяснить сравнительную рѣдкость названныхъ журавлей, никѣмъ не преслѣдуемыхъ въ раіонѣ ихъ распространенія, исключительно по высокому тибетскому нагорью.

Два дня шли мы берегомъ оз. Экспедиціи и затѣмъ направились къ мѣсту прежней переправы черезъ р. Саломà. Сносная погода, побаловавшая насъ нѣсколько дней, теперь опять закрутила попрежнему. Падалъ не только дождь, но даже и снѣгъ какъ зимою; по утрамъ-же морозило. Впрочемъ, въ сѣв.-вост. Тибетѣ такое состояніе погоды лѣтомъ нормальное, о чемъ свидѣтельствуютъ и наши здѣсь метеорологическія наблюденія. Для общихъ изъ нихъ выводовъ относительно лѣтняго климата пройденныхъ мѣстностей вернемся нѣсколько назадъ.

Климатъ тибетскаго лѣта.

Первый лѣтній мѣсяцъ—іюнь, весь былъ проведенъ нами въ гористой области Ды-чю на абсол. высотѣ отъ 13 или 13½ т. футовъ въ долинахъ, до 16 т. фут. на перевалахъ. Весь этотъ мѣсяцъ характеризовался обиліемъ атмосферныхъ осадковъ и низкою своею температурою.

Подобно тому, какъ въ продолженіе всего мая, такъ и въ первой трети іюня падалъ еще снѣгъ вмѣсто дождя, затѣмъ снѣгъ выпадалъ лишь вверхъ отъ 14½ т. футовъ, да и то не постоянно въ послѣдней трети описываемаго мѣсяца. Грозы, числомъ 13, случались всегда послѣ полудня и приходили съ запада, или, рѣже, отъ сѣверо-запада. Съ запада-же, съ рѣдкимъ сравнительно отклоненіемъ къ югу или сѣверу, приносились и всѣ атмосферные осадки, не смотря на то, что внизу иногда дулъ противный вѣтеръ [1]). Такимъ образомъ нынѣшнія наши наблюденія подтверждаютъ мою прежнюю догадку, что обильные лѣтомъ

[1]) Направленіе слабыхъ вѣтровъ весьма трудно, иногда-же вовсе нельзя было точно наблюдать въ узкихъ горныхъ ущельяхъ.

атмосферные осадки на сѣверно-тибетскомъ нагорьѣ приносятся изъ-за Гималая юго-западнымъ муссономъ Индѣйскаго океана [1]). Быстрому образованію облаковъ и скопленію въ нихъ электричества способствовало также быстрое испареніе выпадавшей влаги въ разрѣженномъ воздухѣ подъ жгучими лучами здѣшняго солнца. Всего снѣжныхъ сутокъ въ іюнѣ считалось 7, дождливыхъ 19; притомъ дождь исключительно шелъ послѣ полудня и ночью. Градъ, всегда съ грозою, падалъ 4 раза, мелкій, не крупнѣе горошины. Вѣтры дули обыкновенно слабые; бурь (небольшихъ) случилось 3 изъ подъ грозовыхъ тучъ; кромѣ того, дважды вѣтеръ достигалъ средней силы. Затишья стояли часто какъ днемъ, такъ и ночью. Пыли въ атмосферѣ не было вовсе.

За исключеніемъ 4-хъ случайно сряду ясныхъ сутокъ (16, 17, 18 и 19 чиселъ), безоблачная погода всегда выпадала лишь урывками на нѣсколько часовъ, не болѣе. Въ это время вертикально почти стоявшее солнце грѣло очень сильно; но въ тѣни термометръ ни разу не показывалъ, при наблюденіяхъ въ 1 часъ дня, выше $+21{,}3^0$, да и то лишь въ сравнительно глубокой долинѣ Ды-чю. Притомъ едва только солнце закрывалось тучею, или хотя облакомъ, температура быстро понижалась. Въ рѣдкія ясныя ночи термометръ на разсвѣтѣ всегда показывалъ ниже нуля и даже въ послѣдней трети іюня упадалъ до $-4{,}8^0$, на абс. высотѣ въ 14 т. футовъ. На сѣверныхъ склонахъ горъ вверхъ отъ 16 или $16^1|_2$ т. фут., въ первой половинѣ іюня вездѣ лежалъ снѣгъ, частью зимній, частью вновь выпадавшій; только къ концу описываемаго мѣсяца этого снѣга стало меньше. На горныхъ-же рѣчкахъ и въ это время, вверхъ отъ $14^1|_2$ т. фут. встрѣчались нерѣдко большіе и довольно толстые (до 2 футовъ) пласты зимняго льда. Средняя температура за весь іюнь, выведенная изъ нашихъ бродячихъ наблюденій, равняется $+9{,}0^0$.

Другой лѣтній мѣсяцъ—іюль, мы провели на плато сѣв.-восточнаго Тибета въ раіонѣ отъ водораздѣла къ бассейну Ды-чю до хребта Бурханъ-Будда. Абсолютная высота мѣстности колебалась здѣсь между 14 и 15 т. футовъ. Общая характеристика этого мѣсяца та-же, что и для іюня—низкая температура и обиліе водяныхъ осадковъ. Даже въ рѣдкіе ясные дни, іюльское тепло, въ 1 часъ дня въ тѣни, не превосходило $+20{,}9^0$; въ концѣ мѣсяца температура упадала въ тотъ-же часъ наблюденія до $+2{,}5^0$. Средняя температура за весь іюль равнялась $+7{,}9^0$. Въ ясныя ночи всегда бывали морозы (до $-5{,}3^0$), и почва нерѣдко покрывалась инеемъ; вода на мото-ширикихъ тогда замерзала; случалось,

[1]) См. «Третье путешествіе», стр. 188 и 379.

что ледъ этотъ растаивалъ лишь къ полудню. Вѣтры въ іюлѣ дули обыкновенно умѣренные или слабые; бурь считалось только 2; вѣтровъ сильныхъ 5. Преобладающее, хотя и не особенно, вѣтровое направленіе было западное и сѣв.-западное. Затишья стояли не рѣдко. Атмосферные осадки падали очень часто. Всего въ теченіе іюля считалось 13 дождливыхъ сутокъ и 10 снѣжныхъ. Да при томъ въ метеорологическомъ нашемъ журналѣ помѣчались ненастными лишь тѣ дни, когда дождь или снѣгъ падали на нашемъ бивуакѣ. На высокихъ горахъ тѣ-же осадки бывали почти ежедневно, въ продолженіе всего мѣсяца. Въ началѣ и концѣ его разражались мятели какъ зимою. Съ послѣднихъ чиселъ іюля снѣгъ вездѣ замѣнялъ дождь, даже въ болѣе низкой (13,400 фут.) долинѣ р. Алакъ-норъ-голъ. Съ этого времени на плато Тибета уже наступила осень, хотя выпадавшій снѣгъ всегда таялъ даже на высокихъ горахъ. Грозъ въ іюлѣ считалось 9; иногда онѣ бывали сильны и сопровождались дважды мелкимъ градомъ. Радуга появлялась лишь изрѣдка, обыкновенно передъ вечеромъ.

Всѣ атмосферные осадки приносились, какъ и въ бассейнѣ Ды-чю, съ запада, хотя-бы внизу дулъ иной вѣтеръ. Притомъ быстрому образованію облаковъ способствовало и быстрое испареніе выпадавшей влаги. Обиліе послѣдней было такъ велико, что весь сѣв.-восточный Тибетъ, не только въ долинахъ, но даже и на горахъ, часто представлялъ непроходимыя топи. Вода въ рѣкахъ и рѣчкахъ стояла очень высоко; мото-ширики были налиты ею черезъ край, тогда какъ зимою многія изъ этихъ рѣчекъ, равно какъ и всѣ мото-ширики, совершенно высыхаютъ.

Въ раіонѣ ближайшемъ къ Цайдаму, т. е. отъ верховья Желтой рѣки до хребта Бурханъ-Будда, излишнее выпаденіе влаги парализировалось сухою пылью, приносимою сюда вѣтрами изъ цайдамскихъ равнинъ. Поэтому, въ указанной мѣстности, какъ было говорено въ предыдущей главѣ, сравнительно мало мото-шириковъ, но довольно обильны солончаки, которыхъ нѣтъ къ югу отъ верховьевъ Желтой рѣки.

Слѣдованіе къ Бурханъ-Будда.

Покинувъ оз. Экспедиціи, мы въ тотъ-же день перешли черезъ р. Саломà, немного ниже мѣста прежней нашей переправы; здѣсь больше рукавовъ, слѣдовательно бродъ удобнѣе. По счастью, никогда насъ непокидавшему, названная рѣка незадолго передъ тѣмъ порядочно сбыла, да и то въ одномъ мѣстѣ пришлось переходить на 4-футовой глубинѣ. Вода была совершенно мутная отъ размываемой красной глины, которая, при высокомъ уровнѣ рѣки, осаждается на низкихъ ея берегахъ. Прежняго обилія орлановъ и чаекъ здѣсь теперь не нашлось, вѣ-

роятно потому, что въ мутной высокой водѣ для птицъ не легко ловить рыбу. Кромѣ того, орланы (Haliaëtus Macei) большею частью улетѣли гнѣздиться на сѣверъ. Впрочемъ, немногіе изъ нихъ еще остались, но промышляли другимъ способомъ, именно сопровождали иногда медвѣдей, копавшихъ пищухъ, и ловили этихъ звѣрьковъ, когда тѣ выскакивали изъ своихъ норъ.

Отъ р. Саломà мы направились въ Цайдамъ прежнимъ своимъ путемъ. Теперь голыки остались назади; поэтому ночныя дежурства всѣмъ отрядомъ на двѣ смѣны были отмѣнены и ставились только парные часовые.

Мѣстность, гдѣ мы теперь проходили, представляетъ, какъ уже говорено было въ предшествовавшей главѣ, высокое плато, служащее раздѣломъ водъ съ одной стороны къ верховью Желтой рѣки, а съ другой текущихъ въ Цайдамъ. Несмотря на лѣтнюю пору, скудость цвѣтущихъ травъ и растительности вообще была поразительная. Даже на мото-ширикахъ тибетская осока едва поднималась отъ земли. Тамъ и сямъ на рыхлой почвѣ встрѣчались цвѣтущія — *Cremanthodium plantagineum* и маленькая *генціана* (Gentiana n. sp.); изрѣдка попадался невзрачный *прикрытъ* (Delphinium albocoeruleum), растущій кочками *очистокъ* (Sedum algidum), или прижатое къ землѣ *зонтичное*; обильнѣе были лишь — *мелколепестникъ* (Erigeron uniflorus) и *Saussurea n. sp.* по мото-ширикамъ. Затѣмъ большая часть долинъ и горныхъ склоновъ стояли совершенно оголенными.

Цайдамъ уже привѣтствовалъ насъ своею пылью, которая приносилась сѣверными вѣтрами и иногда довольно густо наполняла атмосферу. Рядомъ съ тѣмъ по утрамъ стояли морозы, а днемъ урывками шелъ снѣгъ. Однажды, именно 29-го іюля, разыгралась совершенно зимняя мятель: снѣгъ сплошь покрылъ землю; холодъ стоялъ такой, что даже средняя температура этого дня вышла ниже нуля (— 0,5°). Но какъ и прежде замороженные и засыпанные снѣгомъ цвѣты не погибли; даже *водяной лютикъ* (Ranunculus aquatilis), тотъ самый, который ростетъ въ нашихъ стоячихъ водахъ, благополучно цвѣлъ, лишь только растаивалъ ледъ на мото-ширикахъ.

Приближеніе осени напоминали появившіяся въ послѣдней трети іюля пролетныя птицы — *удоды* (Upupa epops), которые попадались довольно часто, одиночный *кроншнепъ* (Numenius major), замѣченный еще 17-го іюля, и *кулички* (Totanus ochropus, Tringa Temminckii, Actitis hyppoleucus), изрѣдка встрѣчавшіеся въ одиночку, или небольшими стайками.

Передъ выходомъ въ долину Алакъ-норъ-гола, въ 8-ми верстахъ къ югу отъ ключа Олонъ-булыкъ, тамъ, гдѣ, еще при слѣдованіи въ передній путь, замѣчены были нами слѣды разработокъ золота, мы встрѣтили теперь партію человѣкъ въ 30 тангутовъ, занимавшихся этимъ промысломъ. Пріискъ лежитъ передъ прорывомъ черезъ горный хребетъ небольшой рѣчки, въ которой вода бываетъ только лѣтомъ въ періодъ дождей. Золотоносная почва состоитъ изъ песка съ галькою известковаго глинистаго сланца; въ боковыхъ стѣнахъ ущелья залегаетъ песчаникъ. Разработка производилась тангутами до невѣроятности примитивнымъ способомъ. Почва копалась прямо съ поверхности не глубже какъ на 2 фута. Орудіями для такой работы служили нѣсколько маленькихъ деревянныхъ лопатъ въ родѣ нашего совка, главнымъ же образомъ развороченныя на широкомъ своемъ концѣ рога дикаго яка. Для промывки употреблялись небольшія (фута 2 въ длину и отъ 1—1½ фут. въ ширину) деревянныя корытца. Ихъ наполняли золотоносною почвою и ставили тутъ же въ рѣчку подъ наклонную струю воды, которая уносила песокъ и гальку, оставляя на днѣ лишь болѣе крупные кусочки золота; мелкій золотой песокъ также уносился водою, да за нимъ не стоило и гоняться при обиліи крупныхъ зернышекъ. Тангуты показывали ихъ нашему переводчику горстями, предлагая промѣнять на серебро. По словамъ тѣхъ же тангутовъ, золота всюду много въ сѣв.-восточномъ Тибетѣ. Напр., на р. Ды-чю одинъ рабочій (нужно замѣтить весьма лѣнивый) можетъ добыть въ день отъ 7—8 золотниковъ драгоцѣннаго металла. Такъ по крайней мѣрѣ насъ увѣряли.

Переходъ черезъ этотъ хребетъ.

Изъ долины Алакъ-норъ-гола намъ пришлось опять переходить черезъ хребетъ Бурханъ-Будда. Употреблено было на это четверо сутокъ— такъ долго по причинѣ усталости верблюдовъ, а затѣмъ, чтобы подробнѣе ознакомиться съ флорою самихъ горъ. На первый день мы поднялись до перевала Номохунъ-дабанъ и здѣсь ночевали. Южный склонъ Бурханъ-Будда теперь былъ также безплоденъ, какъ и весною; только въ ущельяхъ возлѣ рѣчекъ, да въ самомъ верхнемъ поясѣ вблизи розсыпей встрѣчались небольшія, скудныя растительностью, луговыя площадки. Отличная ясная погода вполнѣ благопріятствовала трудному для верблюдовъ подъему черезъ названный перевалъ. Взошли мы на него утромъ 1-го августа. Снѣгу не было вовсе по окрестнымъ горамъ; лишь на самомъ перевалѣ въ защитѣ отъ солнца лежалъ небольшой пластъ того сугроба, по которому мы шли здѣсь въ половинѣ мая.

Альпійскіе луга на сѣверномъ склонѣ Бурханъ-Будда нѣсколько лучше, хотя все-таки весьма бѣдны и далеко не могутъ сравняться съ

тѣми же лугами Нанъ-шаня или сосѣднихъ горъ на верхнемъ теченіи Желтой рѣки. Всего нами теперь было собрано въ альпійской области сѣвернаго и южнаго склона пройденнаго перевала 30 видовъ цвѣтущихъ растеній, еще небывшихъ въ гербаріи нынѣшняго лѣта. Изъ нихъ можно назвать: восемь видовъ *Saussurea* (S. medusa, S. tangutica, S. phaeantha, S. pygmaea, S. sorocephala?, еще три новыхъ) весьма характернаго растительнаго рода для сѣв.-восточнаго Тибета; пять видовъ генціаны (Gentiana falcata, G. Olivieri var., G. algida? G. tenella, G. detonsa?); три вида *Cremanthodium* (C. plantagineum, C. humile, C. discoideum); *Polygonum Bistorta var.* мѣстами сплошь растущая, *камнеломка* (Saxifraga unguiculata), *скерда* (Crepis glomerata), *Pleurogyne spathulata*, *лютикъ* (Ranunculus affinis var. Stracheyanus), красивый синій *прикрытъ* (Aconitum rotundifolium), желтый и розовый *мытники* (Pedicularis lasiophrys, P. labellata).

Звѣрей въ альпійской области теперь мы не встрѣчали вовсе. Изъ птицъ же, впервые за все лѣто, добыли новый видъ, именно краснаго горнаго вьюрка, котораго я назвалъ именемъ своего достойнаго помощника—*Leucosticte Roborowskii.*

Вмѣстѣ съ переваломъ за Бурханъ-Будда круто измѣнился и климатъ: взамѣнъ недавняго холода и сырости теперь наступили сухость и тепло, все болѣе усиливавшіяся по мѣрѣ нашего спуска ущельемъ Номохунъ-гола. Физіономія горъ, относительно ихъ растительности, также измѣнялась, хотя и не столь рѣзко. Пониже альпійскихъ луговъ, въ раіонѣ 13½—12½ тыс. футовъ, горные склоны по ущелью, гдѣ мы теперь проходили, одѣты были довольно сносными лугами, на которыхъ растутъ злаки—*овсянка* (Festuca sp.) и *мятникъ* (Poa sp.), *лукъ* (Allium Przewalskianum) и кустиками *касатикъ* (Iris sp.), въ нынѣшнемъ году не цвѣтшій. Возлѣ самой рѣки и на ближайшихъ горныхъ скатахъ внизъ отъ 12½ тыс. фут. начинаетъ попадаться *дырисунъ* (Lasiagrostis splendens), который вскорѣ становится обыкновеннымъ растеніемъ узкой долины Номохунъ-гола.

Въ средней части того же ущелья, въ полосѣ отъ 13—12 тыс. футовъ, рѣдкимъ насажденіемъ лѣпится по скаламъ *можжевеловое дерево* (Juniperus Pseudo-Sabina), а по сѣвернымъ горнымъ склонамъ нерѣдко сплошь растутъ невысокіе кусты *курильскаго чая* (Potentilla fruticosa). Но въ общемъ горы здѣсь все-таки безплодны. Лишь кое-гдѣ въ узкихъ ущельяхъ, запертыхъ сіенитовыми скалами, прокидывается на маленькихъ площадкахъ лучшая растительность. Въ такихъ укромныхъ уголкахъ попадаются представители горной флоры верхняго теченія

Желтой рѣки, достигающіе здѣсь своей западной границы, каковы: *жимолость* (Lonicera hispida) и горная *лоза* (Salix sp.); изъ травъ же—*валеріана* (Valeriana officinalis?), *мытники* (Pedicularis ternata, P. longiflora), *бубенчики* (Adenophora) трехъ видовъ и *астрагалъ* (Astragalus scythropus); по скаламъ растетъ не лѣкарств. *ревень* (Rheum spiciforme); кромѣ того, найдены были еще три вида *Saussurea* (S. pulvinata, S. Przevalskii?, S. sylvatica?).

Ниже лѣснаго и кустарнаго раіона сѣверный склонъ пройденной части Бурханъ-Будда дѣлается совершенно безплоднымъ. На голой, желтовато-бурой лёссовой почвѣ, которою засыпаны здѣсь всѣ горныя породы, произрастаютъ рѣдкими кустиками лишь *Reaumuria Kaschgarica var. Przewalskii*, *Reaumuria songarica*, *бударгана* (Kalidium caspium), *Halogeton glomeratus*, словомъ, растенія пустыни, да и тѣ встрѣчаются всего чаще на ближайшихъ къ Номохунъ-голу горныхъ скатахъ. Далѣе, возлѣ самой рѣки и по сосѣднимъ склонамъ горъ растутъ: *хармыкъ* (Nitraria Schoberi), *сугакъ* (Lycium chinense, L. turcomanicum), *чагеранъ* (Hedysarum multijugum), *полынь* (Artemisia n. sp.), *Calimeris alyssoides* и *Calimeris altaica*—всѣ внизъ отъ 11½ т. фут. абсол. высоты. Отсюда же берега самого Номохунъ-гола нерѣдко густо окаймлены саженными кустами *балга-мото* (Myricaria germanica var. squamosa), по которымъ вьется роскошный *ломоносъ* (Clematis orientalis var.). Кромѣ того въ узкой полосѣ орошенной почвы, въ особенности возлѣ ключей, встрѣчаются небольшія площадки, густо заросшія травами, среди которыхъ и въ заросляхъ балга-мото найдены были теперь цвѣтущими: *астрагалъ* (Astragalus adsurgens), *генціана* (Gentiana barbata?), *ежесьмянка* (Echinospermum sp.), *очитокъ* (Sedum Roborowskii), *лактукъ* (Lactuca tatarica, L. versicolor), *лебеда* (Chenopodium bryoniaefolium?), *крестовый корень* (Cnicus sp.), *Saussurea crassifolia, Scorzonera divaricata, Acroptilon Picris,* нашъ обыкновенный *тминъ* (Carum carvi), *костеръ* (Bromus japonicus), *луговой ячмень* (Hordeum pratense), *сумочникъ* (Capsella procumbens), *полынь* (Artemisia Sieversiana, Artemisia n. sp.); кое-гдѣ торчали мясистые стебли *Cynomorium coccineum*, а на старыхъ стойбищахъ густо росли наши же сорныя травы—*жеруха* (Lepidium latifolium) и *лебеда* (Chenopodium album). Все это сопровождаетъ берегъ Номохунъ-гола еще версты на двѣ-три по выходѣ изъ горъ, затѣмъ исчезаетъ вмѣстѣ съ самою рѣкою, вода которой теряется въ почвѣ.

Птицъ въ пройденныхъ горахъ встрѣчалось, какъ и прежде, мало. Обыкновенны были лишь *горныя куропатки* (Caccabis magna), *стѣнолазы* (Tichodroma muraria), *сорокопуты* (Lanius arenarius), *бѣлыя плисицы* (Motacilla paradoxa) и *водяные дрозды* (Cinclus kashmiriensis).

Продолжительная остановка въ сѣв. его окраинѣ.

Спустившись по Номохунъ-голу до выхода изъ горъ, мы перекочевали въ сосѣднее ущелье р. *Хату-голъ*, гдѣ въ это время паслись оставленные на складѣ наши верблюды. Мѣсто здѣсь было довольно прохладное (11 тыс. фут. абс. выс.) и кормное; вода и топливо имѣлись въ изобиліи. Ради всего этого мы рѣшили сами тамъ устроиться, чтобы немного отдохнуть и обождать до второй половины или до конца августа, пока уменьшатся жары, а главное пропадутъ мучающія скотъ насѣкомыя, которыя лѣтомъ кишатъ по цайдамскимъ болотамъ.

На складѣ нашемъ все оказалось благополучно. Цѣлое лѣто казаки поочередно вдвоемъ караулили багажъ въ хырмѣ Барунъ-засака, остальные пять человѣкъ жили съ верблюдами въ сѣверной окраинѣ Бурханъ-Будда. Разбойники-тангуты ни разу не осмѣлились напасть ни на складъ, ни на нашихъ верблюдовъ, хотя въ окрестностяхъ грабили монголовъ и даже убили нѣсколько человѣкъ. Оставленные при складѣ верблюды отлично отдохнули и откормились. Такихъ имѣлось 50, остальные же 16, изъ числа пришедшихъ теперь съ нами, были утомленные и исхудалые. Требовалось пріобрѣсть еще хотя десятокъ хорошихъ верблюдовъ, и съ этою цѣлью былъ командированъ въ Дабасунъ-гоби и въ ставку куку-норскаго вана урядникъ Иринчиновъ съ тремя казаками. Съ ними же отправился обратно въ Сининъ и китаецъ-переводчикъ, хорошо вообще служившій намъ въ Тибетѣ. Съ этимъ китайцемъ мы послали теперь письма на родину черезъ Сининъ и Пекинъ.

На новомъ стойбищѣ мы провели двѣ недѣли. Сначала занимались просушиваніемъ собранныхъ въ Тибетѣ коллекцій и пополненіемъ замѣтокъ о пройденномъ пути; казаки тѣмъ временемъ починяли износившіяся вьючныя принадлежности, какъ равно одежду и обувь. Вскорѣ все это было кончено; затѣмъ мы отдыхали и благодушествовали, запасаясь силами на дальнѣйшій путь. Великимъ наслажденіемъ было теперь для насъ чтеніе литературныхъ книгъ, нѣсколько которыхъ привезли намъ изъ склада. Казаки также читали народныя книжки; вечеромъ же, утѣшались гармоніею, пѣснями и даже иногда пляскою. По утрамъ мы обыкновенно ходили на охоту, въ окрестностяхъ бивуака, за горными куропатками, или подкарауливали грифовъ на издохшемъ недавно верблюдѣ; кромѣ того, стрѣляли для коллекціи пролетныхъ *жавороночковъ* (Calandrella brachydactyla) и *щевригъ* (Corydalla Richardii). Ботаническія экскурсіи также очень мало доставляли добычи—разъ, по бѣдности окрестной флоры вообще, а затѣмъ потому, что бо̀льшая часть растительныхъ видовъ уже окончила періодъ своего цвѣтенія. Помимо *балга-мото*, въ изобиліи росшаго по рѣкѣ и вообще растеній, поме-

нованныхъ для нижней части ущелья Номохунъ-гола, теперь здѣсь были найдены: *мышьякъ* (Thermopsis alpina), *пижма* (Tanacetum n. sp.), нѣсколько видовъ *полыни* (Artemisia pectinata, A. campestris, Artemisia n. sp.), *подорожникъ* (Plantago mongolica?), *гвоздика* (Silene conoidea), *цапельникъ* (Erodium Stephanianum), *Pleurogyne brachyanthera, Kochia mollis.*

Жителей вблизи насъ не было, за исключеніемъ одного ламы, прикочевавшаго къ нашему бивуаку, чтобы безъ опаски пасти своихъ барановъ и пользоваться остатками нашей кухни. У этого ламы мы купили въ добавленіе къ двумъ своимъ караульнымъ собакамъ новаго пса, который сразу заявилъ свои способности къ путешествію. Именно отправился вмѣстѣ съ посланными покупать верблюдовъ казаками и прошелъ съ ними въ Дабасунъ-гоби, слѣдовательно за 200 верстъ отъ нашего бивуака. Тамъ на бѣднаго Дырму, такъ звали новаго пса, напали злыя собаки и порядкомъ его погрызли. Во избѣжаніе новой трепки, Дырма махнулъ одинъ назадъ, нигдѣ не сбился съ пути, сдѣлалъ даже безводный переходъ въ 50 верстъ и на другія сутки явился благополучно къ нашей стоянкѣ. Впрочемъ, какъ оказывается, не одни псы предаются здѣсь столь дальнему бѣгству по дикимъ пустынямъ. Тоже самое случается и съ лицами прекраснаго пола. Такъ недавно владѣтель западно-цайдамскаго тайджинерскаго хошуна ѣздилъ въ Пекинъ и оставилъ часть своей свиты въ Ала-шанѣ. Прельстившись тамошними красавицами, многіе оставшіеся монголы женились и повезли потомъ новыхъ женъ въ свой Цайдамъ. Здѣсь одна изъ ала-шанокъ, соскучившись по родинѣ, тихомолкомъ осѣдлала лошадь своего супруга и безъ всякаго вожака махнула обратно. Бѣглянка была поймана лишь за 300 верстъ отъ мѣста своего побѣга.

Иногда къ намъ пріѣзжали монголы, которые караулятъ перевалы черезъ Бурханъ-Будда отъ разбойниковъ-тангутовъ, или какъ ихъ здѣсь называютъ оронгынъ. Лишь только завидятъ этихъ послѣднихъ, караульные тотчасъ даютъ знать въ Цайдамъ; тамъ всѣ прячутся, куда могутъ. Подобные караулы содержатся лѣтомъ въ главныхъ ущельяхъ Бурханъ-Будда отъ обоихъ прилегающихъ къ этимъ горамъ хошуновъ—Дзунъ-засака и Барунъ-засака. Кромѣ того цайдамскіе монголы стараются кочевать въ топкихъ болотахъ, куда коннымъ оронгынамъ трудно пробраться. Однако разбойники ежегодно грабятъ и убиваютъ тѣхъ же монголовъ. Эти постоянные грабежи довели несчастныхъ цайдамцевъ до того, что они при насъ собирались подавать черезъ сининскаго амбаня богдыхану просьбу о дозволеніи переселиться на Алтай.

Преданіе о народѣ мангасы.

Въ окрестностяхъ нашего бивуака было засѣяно монголами хошуна Барунъ-засакъ нѣсколько десятинъ ячменя. Здѣсь же встрѣчалось довольно много старыхъ оросительныхъ для полей канавъ (арыковъ), прекрасно устроенныхъ быть можетъ китайцами, или какимъ-либо другимъ народомъ, нѣкогда въ этихъ мѣстахъ обитавшимъ. По мѣстному преданію, во времена Чингисъ-хана, въ нынѣшнемъ Цайдамѣ жилъ народъ *мангасы*, занимавшійся кромѣ скотоводства и земледѣліемъ. Видѣнные теперь нами остатки арыковъ, цайдамцы относятъ къ тѣмъ временамъ, хотя это едва-ли вѣрно, ибо арыки, правда, мѣстами выложенные камнемъ, не могли бы такъ долго и хорошо сохраниться, развѣ ихъ потомъ возобновляли. Кромѣ того, жители Барунъ-засака увѣряли насъ, что недалеко отъ ставки ихъ хошуннаго князя находятся развалины хырмы, нѣкогда принадлежавшей тѣмъ же мангасы. Теперь эти развалины занесены пескомъ и пылью, изъ подъ которыхъ цайдамцы достаютъ кирпичи и пишутъ на нихъ заклинанія противъ оронгынъ. Дальнѣйшія преданія относительно мангасы говорятъ, что послѣднимъ правителемъ этого народа былъ Шара-голъ-ханъ, имѣвшій свою ставку въ южномъ Цайдамѣ, тамъ гдѣ нынѣшнее урочище Тенгеликъ. Когда, спустя немного, мы проходили черезъ это урочище, то на полпути между нимъ и р. Номохунъ-голъ (западнымъ) встрѣтили небольшую глиняную постройку квадратной формы, съ куполомъ наверху и входнымъ отверстіемъ внизу. Внутри этого помѣщенія ничего не было; куполъ же оказался пробитымъ съ одной стороны. Проводникъ объяснилъ намъ, что здѣсь похороненъ великій шаманъ древнихъ мангасы. Этотъ шаманъ творилъ своими чарами много зла какъ китайцамъ, такъ и монголамъ. Тогда одинъ святой лама превратился въ хищную птицу и заклевалъ колдуна. Мангасы потеряли въ немъ свою силу, и ихъ безъ труда покорилъ Гэсэръ-ханъ.

ГЛАВА VI.

Путь по южному и западному Цайдаму.

Второй періодъ путешествія.—Сборы и выступленіе на дальнѣйшій путь.—Неожиданная задержка на р. Номохунъ-голъ.—Климатъ августа.—Общій характеръ южнаго Цайдама.—Переходъ до р. Найджинъ-голъ.—Осенній пролетъ птицъ.—Тайджинерскій хошунъ.—Легенда о происхожденіи русскихъ.—Слѣдованіе къ р. Уту-мурени.—Урочище Уланъ-гаджиръ.—Безплодный раіонъ къ сѣверо-западу отъ него.—Нашъ здѣсь путь.—Погода за сентябрь и октябрь.—Таинственное урочище Гасъ.—Наше въ немъ пребываніе.—Разъѣздъ къ Лобъ-нору.

Второй періодъ путешествія.

Изслѣдованіемъ сѣв.-вост. угла Тибета закончился первый актъ нынѣшняго нашего путешествія [1]). Дальнѣйшій путь намѣчался теперь къ западу въ таинственное урочище Гасъ, о которомъ мы часто слышали въ прежнія свои странствованія. Минувшею весною добавились новыя свѣдѣнія отъ дунганъ д. Бамба̀, сообщившихъ намъ, что до послѣдняго магометанскаго возстанія ихъ торговцы нерѣдко ѣздили изъ Синина на Лобъ-норъ и далѣе. Часть предстоящаго пути, именно по южному Цайдаму отъ хырмы Дзунъ-засакъ до р. Найджинъ-голъ, мы прошли въ 1880 году при возвращеніи изъ Тибета. Теперь рѣшено было—дойдти до Гаса, устроить тамъ новый складъ и въ теченіе зимы заняться изслѣдованіемъ окрестныхъ мѣстностей; къ веснѣ же перекочевать на Лобъ-норъ.

Сборы и выступленіе въ дальнѣйшій путь.

Покинувъ долгую стоянку на р. Хату-голъ мы перешли къ хырмѣ Барунъ-засакъ и верстахъ въ четырехъ отъ нея раскинули свой бивуакъ на хорошемъ кормномъ для верблюдовъ мѣстѣ, обильномъ ключевою водою. Сюда перевезенъ былъ весь остававшійся лѣтомъ на складѣ багажъ и мы занялись новою его сортировкою по вьюкамъ. Работа эта продолжалась нѣсколько дней. Въ особенности много было возни съ разными мелочами и съ окончательною укладкою собранныхъ коллекцій.

[1]) Переходъ отъ Кяхты въ Цайдамъ, по мѣстностямъ ранѣе нами посѣщеннымъ, можно считать какъ бы вступленіемъ къ четвертому путешествію.

Теперь намъ приходилось таскать эти коллекціи съ собою до самаго окончанія путешествія.

Вскорѣ возвратился урядникъ Иринчиновъ и привелъ 13 верблюдовъ, купленныхъ имъ съ большимъ трудомъ, мѣстами чуть не силою, ибо монголы боялись продавать. Теперь, за исключеніемъ издохшихъ и брошенныхъ верблюдовъ, на лицо у насъ имѣлось 75 этихъ животныхъ; изъ нихъ 64 были очень хорошіе, вполнѣ надежные для дальняго пути.

Относительно продовольствія мы также были обезпечены по крайней мѣрѣ на полгода, за исключеніемъ лишь мяса, которое въ жилыхъ мѣстахъ можно было добыть покупкою барановъ, въ безлюдныхъ же— охотою. Только для корма предстоящею зимою лошадей едва-едва могли купить 8 пудовъ ячменя. Мы предлагали Барунъ-засаку и его подданнымъ, у которыхъ имѣлись запасы этого зерна, промѣнять намъ на лишнюю дзамбу, привезенную еще весною изъ г. Донкыра, по два мѣшка дзамбы на одинъ мѣшокъ зерна. Однако здѣшніе выжиги-монголы, привыкшіе драть съ богомольцевъ, не соглашались на такое условіе, ни на продажу ячменя, разсчитывая даромъ попользоваться запасомъ, который мы не могли весь забрать съ собою. Тогда, чтобы не давать потачки, я приказалъ высыпать лишнюю дзамбу въ ближайшее болото. На другой день тѣ же монголы охали и ахали, что упустили столь выгодную для себя сдѣлку.

26 августа двинулись мы въ новый путь. Сначала прошли мимо хырмы Дзунъ-засакъ, а затѣмъ направились къ западному Номохунъ-голу. До этой рѣки разстояніе отъ Дзунъ-засака равняется 60 верстамъ. Торная тропинка вьется по зарослямъ тамариска и хармыка; иногда выдаются болотистыя, образуемыя подземными ключами, площади, поросшія мелкимъ тростникомъ и довольно сноснымъ подножнымъ кормомъ. За исключеніемъ такихъ мѣстъ, почва всюду лёссовая глина пополамъ съ солью, притомъ высохшая словно камень, такъ что даже звенитъ подъ ногами. Для животныхъ бѣда ходить по такой землѣ, тѣмъ болѣе во время лѣтней жары. Теперь же еще стояла таковая, не смотря на порядочные (до — 7,5°), впрочемъ случайные, какъ намъ говорили туземцы, ночные морозы.

Неожиданная задержка на р. Номохунъ-голъ.

Быть можетъ отъ сказанныхъ причинъ, а быть можетъ и отъ чего другаго, наши верблюды по пути къ Номохунъ-голу вдругъ начали заболѣвать особенною болѣзнью, извѣстною монголамъ подъ именемъ *хаса́*. Ей подвержены здѣсь и въ Монголіи, кромѣ верблюдовъ, рогатый скотъ и бараны, но лошади такъ не заболѣваютъ. Наружнымъ образомъ названная болѣзнь выражается въ опухоли ступни и нижней

части голени всѣхъ четырехъ ногъ животнаго; внутри у него въ это время жаръ; аппетитъ однако не совсѣмъ пропадаетъ, развѣ при сильной степени заболѣванія; въ такомъ случаѣ изо рта иногда идетъ пѣна. Болѣзненный періодъ продолжается отъ одной до двухъ или трехъ недѣль, смотря по напряженности болѣзни, возрасту и силѣ животнаго; притомъ въ жаркую погоду хаса̀ вообще бываетъ упорнѣе. Проходитъ эта болѣзнь или безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ временной слабости, или, при сильной степени развитія, у болѣвшаго верблюда сходятъ подошвы лапъ, а у барановъ и рогатаго скота копыта; изрѣдка животное даже издыхаетъ. Сама болѣзнь, какъ говорятъ, заразительна. Раціональныхъ способовъ лѣченія хасы монголы не знаютъ. Намъ совѣтовали прокалывать опухшія ступни и выпускать оттуда кровь; держать верблюдовъ больными ногами по нѣсколько часовъ въ холодной водѣ; поить и кормить тѣхъ же верблюдовъ черезъ трое сутокъ; давать больнымъ животнымъ отваръ заячьяго мяса или гороховой муки; наконецъ окуривать ихъ дымомъ сушеной рыбы. По нашему же опыту, всего лучше предоставить болѣзнь ея собственному теченію, только не вьючить въ это время верблюдовъ и пасти ихъ на мягкой почвѣ.

Къ счастью, таковая именно и нашлась на Номохунъ-голѣ. Здѣсь нежданно-негаданно намъ пришлось провести 18 сутокъ, ибо послѣ перваго появленія хасы въ теченіе нѣсколькихъ дней въ нашемъ караванѣ заболѣли 54 верблюда. Нечего и говорить, на сколько это перепугало насъ, тѣмъ болѣе, что новыхъ верблюдовъ достать было негдѣ; слѣдовательно, отъ того или другого исхода верблюжьей болѣзни вполнѣ зависѣло наше дальнѣйшее путешествіе. Почти одновременно съ нами та же болѣзнь постигла большой тангутскій караванъ, который на 2,000 якахъ шелъ изъ Тибета въ Сининъ. Теперь этотъ караванъ стоялъ близъ Дуланъ-кита и въ Дабасунъ-гоби, ожидая пока выздоровѣютъ вьючные яки. Кромѣ того, по сообщенію монголовъ, хаса̀ появилась и въ хошунахъ восточнаго Цайдама. Однако отъ всего этого намъ становилось не легче. Даже при благопріятномъ исходѣ болѣзни верблюдовъ мы все-таки теряли болѣе полумѣсяца лучшаго для путешествія осенняго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ опаздывали своимъ приходомъ въ Гасъ. Но инаго исхода не было—приходилось покориться необходимости и терпѣливо ждать.

Мѣстность, гдѣ мы теперь бивуакировали, была та самая, которую мы посѣтили почти въ ту же пору года въ 1879 году [1]). Какъ тогда, такъ

[1]) «Третье путешествіе», стр. 199 и 200.

и теперь мы встрѣтили здѣсь засѣянныя монголами поля ячменя, всего около 20 десятинъ. Обработка земли отвратительная, но ячмень, благодаря прекрасной лёссовой почвѣ, намытой Номохунъ-голомъ, и обильному орошенію арыками изъ той же рѣки, родится очень хорошій—высокій, густой и съ крупнымъ колосомъ. Эти пашни расположены вблизи глиняныхъ стѣнъ пустой хырмы *Номохунъ-хото*. По новымъ свѣдѣніямъ, названная хырма была выстроена здѣсь для китайскаго гарнизона, который однако не могъ долго удержаться противъ нападеній голыковъ. По уходѣ китайцевъ, монголамъ достались поля, довольно обширныя и хорошо обработанныя, но теперь до крайности запущенныя.

Благодаря достаточному орошенію въ описываемой мѣстности, т. е. на нижнемъ Номохунъ-голѣ, развивается нѣсколько лучшая, по крайней мѣрѣ для Цайдама, растительность. *Тамарискъ* (Tamarix Pallasii) является здѣсь деревомъ отъ 20—25 футовъ вышиною, при толщинѣ у корня своего корявого ствола отъ 1—1½ футовъ; кромѣ того, здѣсь же обиленъ *хармыкъ* (Nitraria Schoberi) и три вида *сугака* (Lycium chinense, L. ruthenicum, L. turcomanicum). Ближе къ наружной окраинѣ этихъ, сопровождающихъ рѣку, зарослей, на болѣе соленой почвѣ, въ изобиліи растутъ: *бѣлолозникъ* (Eurotia ceratoides), *чагеранъ* (Hedysarum multijugum) и *ломоносъ* (Clematis orientalis var.); изъ травъ же — *Saussurea crassifolia, Kochia mollis, Kochia scoparia var., Salicornia herbacea, Suaeda salsa, Salsola Kali* и еще четыре или пять видовъ солянокъ. На засѣянныхъ ячменемъ поляхъ, въ особенности по арыкамъ, роскошно развиваются тѣ же, что и у насъ, сорныя для хлѣба травы [1]): *костеръ* (Bromus japonicum), *острица* (Asperugo procumbens), *осотъ* (Sonchus oleraceus), *лебеда* (Chenopodium album), *воловикъ* (Lycopsis sp.), *ежесѣмянка* (Echinospermum sp.), *Acroptilon Picris, лактукъ* (Lactuca tatarica), *крестовникъ* (Senecio resedifolius), *спорышъ* (Polygonum aviculare), *жеруха* (Lepidium latifolium), *крестовый корень* (Cnicus sp.) и *полынка* (Artemisia maritima?, A. Sieversiana); четыре послѣдніе вида растутъ преимущественно по старымъ пашнямъ. Кое-что изъ названной флоры попало въ нашъ гербарій, который мы теперь и закончили для нынѣшняго года. Въ этомъ гербаріи считалось 542 растительныхъ вида.

Въ виду продолжительной стоянки на Номохунъ-голѣ бивуакъ нашъ былъ устроенъ здѣсь болѣе тщательно. Палатки помѣщались, первый разъ за все нынѣшнее лѣто, въ тѣни высокихъ кустовъ тамариска, багажъ уложенъ былъ въ порядкѣ, кухня отведена поодаль. Чтобы

[1]) Сорною же травою растетъ здѣсь по ячменю обыкновенный *овесъ*.

имѣть воду не столь грязную, какая текла въ ближайшихъ арыкахъ, иногда же вовсе въ нихъ пропадала, когда поливали дальнія поля, казаки выкопали нѣсколько ямъ, глубиною около сажени. Эти ямы наполнялись изъ тѣхъ же арыковъ водою, которая здѣсь хорошо отстаивалась, хотя обыкновенно держалась не дольше сутокъ, вслѣдствіе просачиванія въ почву. Лишь спустя немного, когда осѣвшая лёссовая муть покрыла стѣнки и дно нашихъ импровизованныхъ колодцевъ, вода въ нихъ стала держаться подольше.

Охотничьи экскурсіи въ ближайшихъ окрестностяхъ бивуака мало доставляли добычи для зоологической коллекціи. Изъ осѣдлыхъ и гнѣздящихся птицъ достаточно было лишь *саксаульныхъ соекъ* (Podoces Hendersoni), *сорокопутовъ* (Lanius isabellinus), *славокъ* (Sylvia minuscula), *Rhopophilus deserti, полевыхъ воробьевъ* (Passer montanus), да *фазановъ* (Phasianus Vlangalii) на поляхъ ячменя. Этихъ фазановъ мы били спеціально для ѣды, ибо они, какъ и другія мѣстныя птицы, находились еще въ сильномъ линяніи и на чучела не годились. Осенній пролетъ, не смотря на горячую его пору, былъ весьма бѣдный. Въ значительномъ лишь количествѣ летѣли, въ первой трети сентября, тѣ же птицы, что и въ августѣ—*удоды* (Upupa epops), бѣлыя *плисицы* (Motacilla baikalensis) и *жавороночки* (Calandrella brachydactyla); водяныя породы вовсе не показывались; другія же пернатыя являлись обыкновенно лишь единичными особями. Удачно только мы добыли теперь цѣлый десятокъ экземпляровъ красиваго маленькаго *голубка* (Turtus humilis), очень рѣдкаго въ Центральной Азіи. Рыбы въ нижнемъ Номохунъ-голѣ не было вовсе. Изъ пресмыкающихся же найденъ здѣсь только одинъ видъ ящерицы—*Phrynocephalus Roborowskii n. sp.*—общій для всего южнаго Цайдама.

Сюда пришли теперь по ежегодному своему обычаю *медвѣди* (Ursus lagomyiarius) изъ Тибета, спеціально на ягоды хармыка. Косолапый звѣрь объѣдается этими ягодами въ продолженіе двухъ осеннихъ мѣсяцевъ и затѣмъ возвращается на зимнюю спячку въ Тибетъ; вѣроятно, также залегаетъ и въ окрайнихъ къ Цайдаму тибетскихъ горахъ. Монголы сильно боятся этихъ медвѣдей, иногда даже укочевываютъ отъ ихъ близкаго сосѣдства, или угоняютъ звѣря верхами въ другое мѣсто; стрѣлять же не рѣшаются. Во время нынѣшней нашей стоянки на одного изъ солдатъ, пасшихъ верблюдовъ, монголы нагнали, такимъ образомъ, медвѣдя на нѣсколько шаговъ, и звѣрь былъ убитъ изъ берданки. За недѣлю передъ тѣмъ казаки убили еще одного медвѣдя, до того занявшагося ягодами хармыка, что охотники подошли къ нему близко вовсе незамѣченными. Однако въ нынѣшнемъ году медвѣди въ Цайдамѣ про-

были недолго, только до конца сентября, ибо ягоды хармыка рано осыпались вслѣдствіе августовскихъ морозовъ.

Свободное отъ экскурсіи, охоты и другихъ занятій время посвящалось чтенію, которое, какъ я уже говорилъ, доставляетъ здѣсь большое наслажденіе; да притомъ мы замѣтили, что память, напряженно неработающая въ пустыняхъ, отличается особенною впечатлительностью. Среди однообразно протекавшихъ дней, большимъ праздникомъ для насъ былъ пріѣздъ посланца сининскаго амбаня съ письмами, высланными изъ Пекина еще 19 мая; изъ Россіи же эти письма были отправлены семь-восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы получили отъ пекинскаго посольства немного газетъ. Къ сожалѣнію, изъ нихъ узнали, что мало добраго творится на бѣломъ свѣтѣ.

Томительное пребываніе наше на р. Номохунъ-голъ продолжалось, какъ выше сказано, 18 сутокъ. Заболѣвшіе верблюды черезъ недѣлю начали выздоравливать и наконецъ поправились на столько, что можно было продолжать путь. У семерыхъ сошли подошвы лапъ [1]) и мы промѣняли монголамъ этихъ верблюдовъ на лошадей. Послѣднихъ теперь имѣлось въ нашемъ караванѣ 19, верблюдовъ же—67. Однако большую часть нашихъ верблюдовъ еще нельзя было вьючить, пока они не окрѣпнутъ послѣ болѣзни. Въ виду этого мы наняли у монголовъ Дзунъ-засака 45 лошадей, чтобы перевезти на нихъ часть вьюковъ (главнымъ образомъ продовольствія), въ урочище Галмыкъ, лежащее въ 145 верстахъ къ западу отъ Номохунъ-гола.

Погода во все время нашего здѣсь пребыванія стояла отличная—ясная и очень теплая. Кстати вспомнимъ и о погодѣ минувшаго августа.

Климатъ августа.

Первая половина этого мѣсяца (до 18 числа), проведена была нами въ сѣверной окраинѣ Бурханъ-Будда, на абс. высотѣ 11,000 футовъ; вторая—въ котловинѣ Цайдама, при абс. высотѣ около 2,000 футовъ ниже. Отсутствіе атмосферныхъ осадковъ, почти постоянно ясная погода, рѣзкіе контрасты между морозами ночью и жарами днемъ, частыя затишья и огромная сухость воздуха— вотъ характерныя черты климата описываемаго мѣсяца. Дѣйствительно, погода сразу круто измѣнилась, лишь только 1 августа мы перевалили съ плато Тибета черезъ Бурханъ-Будда къ Цайдаму. Вмѣсто прежнихъ каждодневныхъ дождей или снѣга, теперь, въ теченіе всего августа, дождь только моросилъ 3 раза, да и то лишь въ сѣверной окраинѣ Бурханъ-Будда [2]); въ цайдамской же

[1]) Кромѣ того одинъ верблюдъ издохъ.

[2]) Ближе къ гребню этого хребта дождь падалъ сильнѣе и чаще; иногда замѣнялся снѣгомъ; тоже самое было и лѣтомъ по словамъ остававшихся при верблюдахъ казаковъ.

равнинѣ дождя не падало вовсе. Его не было здѣсь ни разу въ теченіе всего лѣта, по словамъ казаковъ, карауливших нашъ складъ. Между тѣмъ не только на весьма близкомъ Цайдаму плато Тибета, но даже и на болѣе удаленномъ Куку-норѣ, лѣтомъ падаютъ обильные дожди, приносимые, какъ показали наши настоящія и прежнія наблюденія, юго-западнымъ муссономъ Индѣйскаго океана. Въ Цайдамѣ, именно въ восточной его части [1]), эта влага осадиться не можетъ вслѣдствіе сильнаго нагрѣванія обширныхъ солончаковыхъ или песчано-галечныхъ равнинъ.

Результатомъ отсутствія атмосферныхъ осадковъ во всемъ Цайдамѣ является лѣтомъ крайняя сухость воздуха и постоянно почти безоблачное небо, хотя атмосфера всегда болѣе или менѣе бываетъ наполнена лёссовою пылью, поднятою довольно частыми и сильными (какъ сообщали караульные казаки) вѣтрами. Жара здѣсь также въ это время очень велика, и солончаковыя болота (за исключеніемъ ключевыхъ) къ началу осени совершенно высыхаютъ.

Въ августѣ, при тихой и ясной погодѣ, днемъ также всегда было жарко на солнцѣ, хотя при наблюденіяхъ въ 1 часъ пополудни, термометръ въ тѣни ни разу не показывалъ выше $+ 23,0^0$. Въ тихія, ясныя ночи постоянно случались морозы до $-3,0^0$ въ первой и до $-7,5^0$ въ послѣдней трети описываемаго мѣсяца. Словомъ, климатъ является вполнѣ континентальнымъ. Вѣтры дули слабые, преимущественно съ запада и сѣверо-запада [2]); четыре раза случались вѣтры болѣе сильные и однажды была буря; затишье стояло не рѣдко. Грозъ въ продолженіе августа не замѣчено. Сухость воздуха постоянно была очень велика. Ясныхъ дней въ теченіе описываемаго мѣсяца считалось 22, да кромѣ того 3 дня были ясны на половину; по ночамъ же облачность случалась чаще.

Общій характеръ южнаго Цайдама.

Южный Цайдамъ, по которому лежалъ теперь нашъ путь, представляетъ собою обширную солончаковую котловину, протянувшуюся верстъ на 400 отъ востока къ западу при средней ширинѣ около сотни верстъ [3]). Вся эта площадь несомнѣнно бывшая, притомъ сравнительно

[1]) Западный Цайдамъ не лежитъ въ раіонѣ названнаго муссона.

[2]) Отмѣченное въ нашемъ метеорологич. журналѣ направленіе вѣтровъ для первой половины августа, почти постоянно сѣверное днемъ и южное ночью, обусловливалось положеніемъ ущелья р. Хату-голъ въ сѣв. окраинѣ Бурханъ-Будда, гдѣ мы тогда бивуакировали.

[3]) Если принять административныя границы Цайдама и отнести къ нему урочище Гасъ къ югу отъ Лобъ-нора, равно какъ ур. Сыртынъ къ югу отъ Са-чжеу, то протяженіе всей этой страны съ востока на западъ выйдетъ болѣе 700 верстъ, съ сѣвера же на югъ—до 300 верстъ. Подробнѣе о Цайдамѣ см. «Третье путешествіе», гл. VIII, а также стр. 303 и 304.

недавно, дномъ обширнаго озера, поднята на одинаковую абс. высоту, около 9,000 футовъ. Ее окаймляютъ на югѣ окраинія горы сѣв. Тибета; на востокѣ западныя продолженія нѣкоторыхъ хребтовъ верхней Хуанъ-хэ; на сѣверѣ и западѣ обширный пустынный раіонъ того же Цайдама. Съ пограничныхъ южныхъ и частію восточныхъ хребтовъ сбѣгаютъ рѣчки, обыкновенно теряющіяся въ почвѣ при выходѣ изъ горъ. Только три изъ нихъ болѣе значительныя—*Баянъ-голъ, Найджинъ-голъ* и *Уту-мурень* протекаютъ внутрь описываемой котловины и образуютъ на своихъ устьяхъ небольшія соленыя озера. Впрочемъ, мѣстные монголы нынѣ говорили намъ, что три названныя рѣчки образуютъ посрединѣ южно-цайдамскихъ солончаковъ общее довольно обширное озеро *Дабасунъ-норъ*, которое увеличивается и уменьшается въ своихъ размѣрахъ, смотря по притоку воды [1]); зимою же не замерзаетъ вслѣдствіе большой солености. Насколько это свѣдѣніе вѣрно, сказать трудно.

Но и теряющіяся при выходѣ изъ горъ рѣчки не пропадаютъ для Цайдама безслѣдно. Пробравшись подъ землею черезъ покатую равнину, сопровождающую, какъ обыкновенно въ Центральной Азіи, подножіе горныхъ хребтовъ, эти рѣчки выходятъ снова на поверхность почвы въ видѣ ключей болѣе или менѣе значительныхъ и частыхъ. Такіе ключи, промывая излишнюю соль и доставляя влагу окружающей почвѣ, образуютъ сравнительно лучшія болотистыя площади [2]), поросшія, какъ уже было говорено, *тростникомъ, колосникомъ* (Elymus), *осокою,* мѣстами *злакомъ* (Alopecurus longiaristatus), вообще сноснымъ подножнымъ кормомъ. На этихъ только болотахъ и возможно пасти свои стада мѣстнымъ монголамъ. Изрѣдка тѣ же ключи располагаются вдоль по сухимъ рѣчнымъ русламъ, которыя лѣтомъ, при сильныхъ въ горахъ дождяхъ, временно превращаются въ настоящія рѣки [3]).

Орошенная подземною водою небольшая часть южно-цайдамской котловины обозначается, помимо ключевыхъ болотъ, зарослями кустарниковъ, главнымъ образомъ, *тамариска* и *хармыка;* рѣже встрѣчаются

[1]) По словамъ тѣхъ же монголовъ, цайдамскій Дабасунъ-норъ имѣетъ во время большой воды слишкомъ сотню верстъ въ длину, при ширинѣ отъ 15—20 верстъ.

[2]) Подобнымъ способомъ образованія цайдамскихъ ключевыхъ болотъ можно объяснить фактъ, приведенный въ концѣ III-й главы настоящей книги, именно, что вода въ этихъ болотахъ, безъ всякой видимой причины, прибываетъ въ маѣ и іюнѣ; съ средины же лѣта уменьшается. Въ первомъ случаѣ, прибыль воды обусловливается сначала таяніемъ снѣга, а потомъ обиліемъ дождей въ горахъ; убыль же зависитъ отъ излишняго испаренія на лѣтнихъ жарахъ самаго Цайдама при уменьшенномъ, сравнительно, притокѣ воды съ горъ, гдѣ снѣгъ тогда стаялъ, дожди же къ концу лѣта уменьшились.

[3]) Таковыми по нашему пути отъ Найджинъ-гола до Уту-мурени, были ключи: *Торай*, *Дзуха*, *Хоргоинъ* и *Наринъ-дзуха.*

здѣсь *кендыръ* и *сугакъ*; травы между этими кустами нѣтъ вовсе, кромѣ мелкаго тростника, да и то не вездѣ. Такая сравнительно лучшая въ Цайдамѣ площадь тянется вдоль покатой отъ южныхъ горъ безплодной глинисто-песчаной и галечной равнины лентою верстъ на 10—15—20 въ ширину. Къ сѣверу отъ нея залегаютъ голые солончаки, наполняющіе собою все остальное пространство цайдамской котловины. Въ большей части этихъ солончаковъ, вѣроятно, никогда не ступала нога человѣка. Поперечные пути имѣются лишь въ крайней восточной и крайней западной части описываемой котловины. Западный путь ведетъ съ р. Уту-мурени въ ур. Сыртынъ. По словамъ монголовъ, здѣсь приходится идти два дня (60—70 верстъ) поперекъ голыхъ, сильно взъерошенныхъ солончаковъ; воду и дрова необходимо брать съ собою; мѣстами соль стоитъ на пути кубами въ 5—6 футовъ вышиною. Вообще весь Цайдамъ такъ богатъ солью, какъ ни одна изъ другихъ мѣстностей Центральной Азіи.

Переходъ до р. Найджинъ-голъ.

Нанявъ, какъ было выше сказано, у монголовъ Дзунъ-засака 45 лошадей подъ вьюкъ до р. Найджинъ-голъ, мы отправили туда утромъ 15 сентября этотъ караванъ. Въ конвой было назначено шесть казаковъ. Въ тотъ же день послѣ полудня выступили сами, завьючивъ неболѣвшихъ верблюдовъ и болѣе сильныхъ изъ выздоровѣвшихъ. Какъ обыкновенно послѣ долгой стоянки, сначала вьюки не ладились, такъ что мы прошли въ первый день только пять верстъ до главнаго русла Номохунъ-гола. Здѣсь воды не оказалось, но поздно вечеромъ она пришла изъ горъ. Въ ту же ночь поднялась сильная западная буря, наполнившая воздухъ тучами пыли и песка. Послѣ недавнихъ жаровъ сразу стало прохладно, даже холодно, ибо на слѣдующій день нѣсколько разъ моросилъ снѣгъ; на горахъ же Бурханъ-Будда этотъ снѣгъ выпалъ до самаго ихъ подножія. Вообще осень видимо наступала, о чемъ свидѣтельствовали также пожелтѣвшіе листья кустарниковъ и засохшій тростникъ на болотахъ.

Подвигаясь весьма тихо, чтобы не утруждать слабыхъ еще верблюдовъ, мы употребили девять сутокъ на переходъ до Найджинъ-гола. Мѣстность по всему пути была отвратительная: сплошная равнина, поросшая тамарискомъ и кое-гдѣ хармыкомъ; иногда выдаются здѣсь непокрытыя кустарникомъ площади, на нихъ часто растетъ мелкій тростникъ, рѣже кендыръ; изрѣдка встрѣчаются ключи, вода которыхъ, почти всегда, болѣе или менѣе, соленая. Почва — сплошь солончаковая глина, твердая какъ камень; кое-гдѣ соль залегаетъ и въ чистомъ видѣ среди голыхъ солончаковъ. По всему пути вьется узкая тропинка, довольно

хорошо наѣзженая. Безъ такой тропинки пройдти здѣсь невозможно; трудно также и безъ вожака, ибо поперечныя, ведущія къ кочевьямъ, тропинки нерѣдко пересѣкаютъ главную. Жителей по нашему пути нигдѣ не было. Они откочевали въ стороны изъ боязни разбойниковъ, которые грабятъ въ Цайдамѣ всего болѣе осенью.

На четвертыя сутки послѣ бури, круто перемѣнившей ясную и жаркую лѣтнюю погоду на прохладную и (сначала) облачную осеннюю, намъ пришлось испытать большую въ Цайдамѣ рѣдкость, именно сильный дождь, который шелъ съ полуночи до разсвѣта. Этотъ дождь такъ размочилъ солончаковую глину, что идти сдѣлалось весьма трудно—верблюды скользили и падали, къ нашимъ же сапогамъ липли тяжелые куски грязи. Едва доползли мы до Найджинъ-гола, куда казаки съ караваномъ лошадей пришли тремя сутками ранѣе. Общій нашъ бивуакъ былъ устроенъ теперь на р. *Дульцинъ-голъ*, составляющей рукавъ Найджинъ-гола и теряющейся въ солончакахъ. Долина этого рукава, тамъ, гдѣ мы стояли, имѣла съ полверсты ширины, поросла кустарникомъ балга-мото и изобиловала ключами. Кромѣ *фазановъ* (Phasianus Vlangalii) здѣсь въ изобиліи водились *зайцы* (Lepus sp.); въ лёссовыхъ же обрывахъ (20—30 фут. вышиною), обставляющихъ бока названной долины, держались *филины* (Bubo sp.). Сама рѣка Найджинъ-голъ [1]) протекаетъ двумя, вскорѣ, впрочемъ, соединяющимися рукавами; первый изъ нихъ лежитъ западнѣе Дульцинъ-гола въ разстояніи одной версты, а второй верстахъ въ трехъ еще далѣе. Оба эти рукава, по величинѣ, почти равны и имѣли при средней водѣ отъ 10—12 саженъ ширины, глубину же на бродахъ въ 2 фута. Судя по береговымъ наносамъ, вода во время прибыли повышается здѣсь на 3—4 фута. Кустарниковъ на описываемыхъ рукавахъ нѣтъ. Рыбы въ нихъ много, такъ что западный рукавъ носитъ мѣстное названіе «Загасунъ-голъ», т. е. рыбья рѣка. Впрочемъ, мы нашли здѣсь лишь одинъ видъ *разщепохвоста* (Schizopygopsis Eckloni n. sp.), встрѣченный при третьемъ путешествіи въ р. Шуга на плато Тибета; въ ключахъ же добыли два вида *гольца* (Nemachilus Stoliczkai, N. chondrostoma n. sp.) и два вида *губача* (Diplophysa dispar n. sp., D. scleroptera n. sp.). На лѣвомъ берегу обоихъ рукавовъ Найджинъ-гола находятся небольшія пашни монголовъ тайджинерскаго хошуна. Эти монголы живутъ также въ ур. *Галмыкъ*, которое лежитъ на западной сторонѣ вышеописанной рѣки и представ-

[1]) О верхнемъ и среднемъ теченіи этой рѣки см. «Третье путешествіе», стр. 297—302.

ляетъ собою обширную, болѣе 30 верстъ отъ востока къ западу, болотисто-солончаковую площадь, изобилующую ключами и поросшую мелкимъ тростникомъ.

Осеннiй пролетъ птицъ.

Съ прибытiемъ на р. Найджинъ-голъ, т. е. въ концѣ сентября, уже почти окончился осеннiй пролетъ птицъ для здѣшнихъ мѣстностей. Этотъ пролетъ, какъ выше было говорено, отличался большою своею бѣдностью. То же самое наблюдалось нами въ Цайдамѣ и въ 1879 году. Тогда, въ августѣ, замѣчено было 28 пролетныхъ видовъ; въ сентябрѣ 10 [1]). Нынѣ въ августѣ наблюдалось на пролетѣ 18 видовъ пернатыхъ, а въ сентябрѣ 15. Изъ этого общаго числа только 5 видовъ — *жавороночки* (Calandrella brachydactyla), *удоды* (Upupa epops), *бѣлыя плисицы* (Motacilla baikalensis), *сѣрые и малые журавли* (Grus cinerea, G. virgo)— летѣли въ большомъ количествѣ; остальныя же являлись въ ничтожномъ числѣ или даже единичными, быть можетъ, заблудившимися экземплярами. Пролетныхъ гусей и лебедей вовсе не было видно; утки показывались какъ рѣдкость, въ одиночку, или маленькими стайками на немногихъ рѣчкахъ и на болѣе обширныхъ ключевыхъ болотахъ. Изъ голенастыхъ нѣсколько чаще замѣчены *ржанки* (Charadrius xanthocheilus), да вышеназванные журавли, которые съ 18—25 сентября большими стадами высоко, не останавливаясь, неслись къ югу и, вѣроятно, за одинъ махъ перелетали черезъ весь Тибетъ [2]).

Впрочемъ, не для однихъ только журавлей, но вообще поспѣшность составляетъ въ Центральной Азiи характерную черту пролета какъ весенняго, такъ даже и осенняго. Притомъ пролетъ осенью начинается рано — съ первыхъ чиселъ августа. Обусловливается все это невыгодными физико-географическими условiями здѣшнихъ пустынь, гдѣ очень мало, часто вовсе нѣтъ мѣстъ, удобныхъ для покормки и отдыха, а климатъ также крайне неблагопрiятенъ. Съ другой стороны, ничтожный пролетъ въ Цайдамѣ зависитъ отъ невыгоднаго положенiя этой страны въ глубинѣ Центральной Азiи. Сюда птицамъ, проводящимъ лѣто въ нашей Сибири, вовсе не дорога, ибо онѣ должны летѣть поперекъ самыхъ дикихъ частей Гоби и Тибета. Вотъ почему, за немногими исключенiями, пернатые странники направляются, какъ показали наблюденiя нашихъ путешествiй, или восточнѣе на Ордосъ и Ала-шань, или далеко

[1]) Вторую половину сентября мы провели тогда на сосѣднемъ южному Цайдаму тибетскомъ нагорьѣ.

[2]) Почти въ тѣ же самые дни, т. е. во второй половинѣ сентября, мы наблюдали въ 1872 году въ горахъ Гань-су, а въ 1879 году въ юго-восточномъ Цайдамѣ и ближайшей къ нему части Тибета, пролетныя стаи журавлей, высоко въ облакахъ несшiяся на югъ.

западнѣе — частью (водяныя) на Лобъ-норъ, гораздо же болѣе къ верховьямъ Тарима. Средина Гоби и прилежащія къ ней съ юга также среднія части тибетскаго нагорья остаются для пролетныхъ птицъ запретною страною, куда въ общемъ попадаютъ или сильные летуны (хищники, журавли, турпаны), или неопытные и заблудившіеся экземпляры [1]).

Тайджинерскій хошунъ.

Тайджинерскій хошунъ, о которомъ было упомянуто выше, занимаетъ бо́льшую часть южнаго Цайдама и весь Цайдамъ западный [2]) съ урочищемъ Гасъ, даже нѣсколько далѣе. Словомъ, этотъ хошунъ своею площадью превосходитъ остальные четыре цайдамскіе хошуна вмѣстѣ взятые. Однако, число жителей въ немъ незначительно, всего около 500 семействъ. Хотя эти монголы, равно какъ прочіе цайдамцы и кукунорцы, по своему происхожденію принадлежатъ къ племени олютовъ, но по наружному типу отличаются отъ своихъ собратій. Тайджинерцы нерѣдко напоминаютъ тюркскій типъ, въ особенности тѣ индивидуумы, у которыхъ хорошо растутъ усы и борода. Такая закваска тюркской крови могла произойдти отъ помѣси съ лобъ-норцами или другими туркестанцами; съ ними до дунганскаго возстанія сношенія здѣсь были частыя.

Сами тайджинерцы объясняли намъ, что ихъ предки жили на Кукунорѣ, откуда ушли подъ начальствомъ возставшаго противъ китайцевъ *Данджинъ-хунъ-тайджи* или просто *хунъ-тайджи* [3]). Этотъ послѣдній направился сначала черезъ Курлыкъ и Сыртынъ въ Са-чжеу; взялъ и разграбилъ названный городъ. Затѣмъ черезъ Гасъ пошелъ на Лобъ-норъ и далѣе къ Турфану, въ которомъ поселилась часть его сподвижниковъ. Они приняли магометанство, равно какъ и самъ хунъ-тайджи; о дальнѣйшей судьбѣ его неизвѣстно. Во время движенія къ Лобъ-нору около сотни спутниковъ того же хунъ-тайджи остались на жительство въ западномъ Цайдамѣ и были вновь приняты въ китайское подданство. Ихъ начальникъ получилъ титулъ засака, а хошунъ сталъ называться по имени хунъ-тайджи — тайджинерскимъ.

Своимъ характеромъ и образомъ жизни тайджинерцы ничѣмъ не отличаются отъ другихъ цайдамскихъ монголовъ: такіе же ханжи, лѣнтяи и плуты; такая же у нихъ грязь, какъ на тѣлѣ, такъ и во внѣш-

[1]) Какъ дополненіе сказаннаго см. «Третье Путешествіе», стр. 444—446.

[2]) Восточною границею тайджинерскаго хошуна служитъ западный Номохунъ-голъ и хошунъ Курлыкъ-бэйсе.

[3]) Быть можетъ одинъ изъ князей олютовъ, господствовавшихъ на Куку-норѣ въ 17 в. по Р. Х.

ней обстановкѣ. Когда однажды мы купили здѣсь масла и упрекнули продавцовъ въ томъ, что это масло полно шерсти и грязи, то они не задумавшись отвѣчали: «нужно жить, какъ велитъ Богъ; онъ посылаетъ грязь, ее слѣдуетъ и принимать. Хорошій праведный кочевникъ долженъ въ теченіе года съѣсть фунта три шерсти отъ своихъ стадъ, а земледѣлецъ-китаецъ столько же земли со своего поля». Женщины тайджинерцевъ далеко не цѣломудренны, въ особенности пастушки, которыя нерѣдко дѣлаются матерями, имѣя лишь 13 или 14 лѣтъ отъ роду.

Въ тотъ же хошунъ, лѣтъ 30 тому назадъ, пришли изъ Тибета около 30 семействъ длинноволосыхъ тангутовъ. Они стали кочевать въ горахъ на верховьяхъ Уту-мурени; держали стада яковъ и барановъ; вели себя мирно. Проживъ лѣтъ десять, ушли обратно въ Тибетъ. По другимъ свѣдѣніямъ, 8 палатокъ этихъ тангутовъ живутъ на занятыхъ мѣстахъ и понынѣ. Такъ, въ глубинѣ Азіи, до сихъ поръ еще шляются мелкія орды съ одного мѣста на другое.

Легенда о происхожденіи русскихъ.

Интересную сообщили намъ тайджинерскіе монголы легенду о происхожденіи русскихъ. Впрочемъ, подъ этимъ именемъ, быть можетъ, разумѣлись всѣ вообще европейцы. Изъ нихъ монголы знаютъ только русскихъ, какъ своихъ пограничныхъ сосѣдей. Поэтому, людей разныхъ европейскихъ національностей тѣ же номады зовутъ общимъ именемъ «оросъ-хунъ», т. е. русскій человѣкъ. «Въ давнія времена, говорили теперь намъ, жилъ гдѣ-то въ Центральной Азіи, отшельникомъ въ пещерѣ, добродѣтельный лама, проводившій, вдали отъ людей, все свое время въ молитвахъ къ Богу. Случайно къ тому же мѣсту прикочевала семья номадовъ, состоявшая изъ старухи-матери и ея дочери. Дочь эта, пасши свой скотъ, наткнулась на пещеру, въ которой жилъ святой лама, бывшій въ это время больнымъ. Сострадательная дѣвушка принесла больному кислаго молока, но лама не хотѣлъ вкусить подобной пищи. Наконецъ, уступая просьбамъ дѣвицы, съѣлъ принесенное молоко и продолжалъ питаться имъ каждый день, пока не выздоровѣлъ. Затѣмъ, въ благодарность за свое спасеніе, лама женился на доброй дѣвушкѣ. Когда объ этомъ узналъ царь той страны, то послалъ войско убить ламу, совершившаго для своего званія великій грѣхъ женитьбы. Лишь только войско начало приближаться къ жилищу ламы, этотъ послѣдній нарвалъ метелокъ тростника и обтыкалъ ими вокругъ своей юрты. Затѣмъ, помолившись Богу, превратилъ всѣ эти метелки въ воиновъ, которые побили царское войско. Разгнѣванный царь послалъ другую рать, а за нею и третью, но всѣ онѣ были также побиты, ибо сотворенные молитвами ламы воины въ свою очередь ломали метелки тростника и пре-

вращали ихъ въ людей, такъ что въ непродолжительномъ времени у святого ламы составилось войско многочисленное. Послѣ побитія третьей рати царь оставилъ въ покоѣ ламу; но этотъ послѣдній не пожелалъ болѣе жить на землѣ и улетѣлъ на небо въ верхнее отверстіе своей юрты вмѣстѣ съ дымомъ очага. Оставшейся женѣ своей лама предоставилъ править сотвореннымъ изъ тростника народомъ, отъ котораго и произошли русскіе. У нихъ, поясняли разсказчики, тѣло бѣлое и волосы нерѣдко русые, потому что стебли тростника желтоватые, а метелки лишь немного темнѣе».

Слѣдованіе къ р. Уту-мурени.

Нанятые у Дзунъ-засака монголы съ вьючными лошадьми были отпущены обратно по приходѣ нашемъ къ Найджинъ-голу. Оставилъ я лишь на время при себѣ того переводчика, который недавно привезъ намъ письма изъ Синина. Этотъ переводчикъ, родомъ дунганинъ, былъ весьма услужливъ и полезенъ при сношеніяхъ съ туземцами. Отъ своего амбаня онъ имѣлъ порученіе, помимо доставки писемъ, съѣздить на р. Ды-чю въ кумирню Нямъ-цу и разузнать тамъ, кто именно нападалъ на насъ въ Тибетѣ. Вѣроятно, сининскій амбань опасался оффиціальной жалобы съ моей стороны и желалъ подробно разузнать дѣло, чтобы впослѣдствіи «отписаться».

Названный переводчикъ отправленъ былъ теперь впередъ на р. Уту-мурень заготовить тамъ для насъ вожака на дальнѣйшій путь и купить на продовольствіе барановъ. Вслѣдъ затѣмъ двинулись и мы, завьючивъ своихъ верблюдовъ, которые почти совсѣмъ оправились послѣ недавней болѣзни. Только еще у семерыхъ стали сходить подошвы лапъ и эти верблюды пресмѣшно шлепали своими ногами, словно шли въ калошахъ. Экспедиціонные казаки ѣхали теперь на лошадяхъ, за исключеніемъ лишь головнаго вожака каравана, каковымъ при всѣхъ экспедиціяхъ былъ у меня старшій урядникъ Иринчиновъ. Много, очень много услугъ оказалъ этотъ человѣкъ дѣлу нашихъ путешествій и, какъ бурятъ родомъ, незамѣнимъ былъ при сношеніяхъ съ монголами.

Пройдя по южной окраинѣ болотистаго урочища Галмыкъ, мы снова вошли въ полосу кустарниковъ, по которымъ и лежалъ нашъ путь до р. Уту-мурени. Разстояніе здѣсь 177 верстъ. Общій характеръ мѣстности тотъ же, что и прежде, почва та же. Только хармыкъ и тамарискъ еще хуже—корявѣе и рѣже разсажены. Зато попутные ключи были обильнѣе водою, правда, солоноватою, но на вкусъ не противною. Мѣстами по этимъ ключамъ росъ тростникъ, въ которомъ во множествѣ держались фазаны. Охотились мы за ними весьма усердно, и мнѣ слу-

чалось убивать въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, притомъ безъ лягавой собаки, до пятидесяти экземпляровъ. Старые самцы были очень жирны, но еще не вполнѣ вылиняли. Фазанами продовольствовался теперь весь нашъ отрядъ.

Общее восточно-западное направленіе нашего пути измѣнилось съ Найджинъ-гола на сѣверо-западное или, правильнѣе, западо-сѣверо-западное. Окрайнія горы съ юга по-прежнему стояли высокою крутою стѣною; только разстояніе до этихъ горъ теперь нѣсколько увеличилось. На этой расширенной площади ближе къ р. Уту-мурени высилась небольшая горная группа *Хоргоинъ-ула*, съ запада много занесенная пескомъ.

Погода во время нашего пути стояла довольно хорошая—въ концѣ сентября облачная, въ началѣ же октября ясная. Дневное тепло доходило до $+ 15,2^0$ въ тѣни; ночные морозы до $- 12,9^0$. Пыль болѣе или менѣе наполняла атмосферу. Въ особенности въ концѣ сентября эта пыль бывала такъ густа, что высокія окрайнія горы иногда чуть виднѣлись. Какъ эта пыль, такъ и общій равнинный характеръ мѣстности сильно затрудняли съемку, ибо не на что было оріентироваться. Приходилось орудовать компасомъ и иногда довольствоваться только направленіемъ собственной тѣни; бусолью же дѣлались засѣчки горъ и ихъ выдающихся мысовъ.

1-го октября мы замѣнили свою палатку войлочною юртою, уцѣлѣвшею еще отъ прошлой зимы. Въ юртѣ гораздо теплѣе и удобнѣе во время холодовъ; несносно только ежедневно ставить и разбирать это жилье во время пути. Для казаковъ на Уту-мурени была куплена также юрта, но весьма плохая; притомъ въ ней могла помѣщаться лишь половина экспедиціоннаго отряда; остальные казаки провели зиму въ палаткѣ.

Наконецъ, 7-го октября, мы пришли къ р. Уту-мурени, которая по новымъ свѣдѣніямъ, сколько кажется, болѣе достовѣрнымъ, вытекаетъ изъ снѣговой группы *Харза* въ хребтѣ Марко-Поло на тибетскомъ нагорьѣ [1]). По пути въ горахъ и у подножія ихъ въ цайдамской равнинѣ Уту-мурень пополняется водою многихъ ключей, а затѣмъ въ сѣверо-восточной части урочища Уланъ-гаджиръ принимаетъ слѣва р. *Батыганту*. Эта послѣдняя беретъ свое начало также въ окрайнихъ тибетскихъ горахъ на обширной, залегающей между двумя параллельными хребтами, высокой долинѣ *Цаганъ-тохой*. Здѣсь, какъ намъ го-

[1]) А не изъ оз. Хуйтунъ-норъ, лежащаго въ горахъ немного сѣвернѣе названной группы. («Третье путешествіе», стр. 293). По добытымъ нынѣ свѣдѣніямъ озера Хуйтунъ-норъ на указанномъ мѣстѣ нѣтъ вовсе.

ворили, много ключей и прекрасныя пастбища, на которыхъ лѣтомъ пасется монгольскій скотъ изъ Уланъ-гаджира.

Въ среднемъ своемъ теченіи Уту-мурень, тамъ, гдѣ мы ее переходили [1]), гораздо меньше Найджинъ-гола. Она имѣетъ всего отъ 2—3 саж. ширины и, при малой водѣ, глубину 1—2 фут.; теченіе очень быстрое, вода свѣтлая; ложе рѣки врѣзано въ почву на сажень, иногда болѣе. Лѣтомъ, во время дождей въ горахъ, вода въ описываемой рѣчкѣ много прибываетъ и, по словамъ монголовъ, дѣлается красною отъ размываемой глины. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, Уту-мурень течетъ отъ Уланъ-гаджира еще верстъ 50—60 къ сѣверо-востоку и затѣмъ впадаетъ въ оз. Дабасунъ-норъ.

Изъ рыбъ въ описываемой рѣкѣ мы добыли только одинъ видъ *губача* (Diplophysa dispar n. sp.), а въ ключахъ Уланъ-гаджира нашли два вида *гольца* (Nemachilus Stoliczkai, N. chondrostoma n. sp.).

Урочище Уланъ-гаджиръ.

Не одинъ разъ вышеупоминавшееся урочище *Уланъ-гаджиръ* лежитъ на лѣвомъ берегу той же Уту-мурени и протягивается отъ юго-востока къ сѣверу-западу верстъ на 50. Названіе его въ переводѣ означаетъ «красный грибъ» и дано описываемому урочищу потому, что на южной здѣсь окраинѣ часто встрѣчаются невысокіе, по мнѣнію монголовъ, на грибы похожіе, бугры изъ песка и лёссовой глины. По своему характеру Уланъ-гаджиръ совершенно походитъ на Галмыкъ, подобно которому образуется подземною водою, вѣроятно отдѣляющеюся отъ Уту-мурени и ея притока Батыганту. Вся площадь описываемаго урочища изобилуетъ ключами, обыкновенно глубоко (отъ 5—7 фут.), бьющими изъ-подъ земли и имѣетъ болотисто-солончаковую почву, поросшую всего болѣе низкимъ тростникомъ; возлѣ же ключей, вода которыхъ большею частью солоноватая, этотъ тростникъ выше и гуще. Абсолютная высота мѣстности почти одинакова, какъ и для всего южнаго Цайдама, именно 8,800 футовъ. Пастбища въ Уланъ-гаджирѣ довольно хороши, въ особенности вблизи Уту-мурени; поэтому здѣсь всегда живутъ монголы. Есть даже двѣ небольшія глиняныя хырмы, но онѣ лежали въ сторонѣ отъ нашего пути. По дальности разстоянія разбойники оронгыны пріѣзжаютъ грабить въ Уланъ-гаджиръ лишь изрѣдка и передъ нашимъ сюда приходомъ три года сряду не появлялись.

Отъ близко-лежащихъ при выходѣ изъ горъ ущелій рр. Уту-мурени и Батыганту, вплоть до Уланъ-гаджира, слѣдовательно верстъ на 25, разстилается совершенно безплодная равнина съ почвою изъ лёссо-

[1]) Немного выше сліянія съ р. Батыганту.

вой глины, песка и гальки. Лѣтомъ, во время сильныхъ дождей, въ горахъ вода бѣжитъ по всей этой равнинѣ; тогда пути здѣсь нѣтъ. Нельзя также пройдти съ караваномъ и по самому Уланъ-гаджиру, пока болота не замерзнутъ. Вообще поздняя осень, которая теперь уже наступила, можетъ считаться единственнымъ лучшимъ временемъ для путешествія по всему южному Цайдаму. Весною и лѣтомъ пройдти съ верблюдами здѣсь почти невозможно — болота топки, жарко, гибель мучающихъ насѣкомыхъ; зимою вьючнымъ животнымъ также трудно, ибо кормъ на ночлегахъ будетъ уже съѣденъ мѣстнымъ скотомъ.

Изъ Уланъ-гаджира ведутъ два пути: одинъ въ ур. Гасъ, другой въ ур. Сыртынъ. Этотъ послѣдній, о которомъ было упомянуто выше, направляется, какъ говорили намъ монголы, внизъ по Уту-мурени до ея устья, затѣмъ обходитъ оз. Дабасунъ-норъ и пересѣкаетъ ур. Махай.

Въ Уланъ-гаджирѣ мы провели пять сутокъ. Мѣстные монголы, свѣдавъ о скоромъ прибытіи къ нимъ нашей экспедиціи, откочевали въ стороны и попрятались со своими стадами, такъ что ихъ едва можно было розыскать. Однако, видя, что мы дурнаго не дѣлаемъ, вскорѣ возвратились на прежнія свои мѣста. Съ помощью сининскаго переводчика мы купили у тѣхъ же монголовъ 60 барановъ, юрту для казаковъ, немного масла и промѣняли трехъ усталыхъ лошадей на свѣжихъ. Гораздо затруднительнѣе было отыскать проводника на дальнѣйшій путь въ Гасъ. Однако, и это, самое важное для насъ дѣло, уладилось послѣ настоятельныхъ съ нашей стороны требованій и при содѣйствіи того же сининскаго переводчика. Послѣдній былъ вознагражденъ за свои услуги и отправленъ обратно.

Въ Уланъ-гаджирѣ (на берегу Уту-мурени) удалось сдѣлать астрономическое опредѣленіе широты и долготы, такъ что мѣсто это хорошо теперь установлено по географическимъ координатамъ. Широта получилась равною 36^0, $55,8'$; долгота же вышла 93^0, $13'$ отъ Гринвича.

Въ ближайшихъ къ нашему бивуаку тростникахъ водилось множество *фазановъ* (Phasianus Vlangalii)—тотъ самый видъ, что и для всего Цайдама. Охота за ними была такъ добычлива, что я бралъ съ собою казака, иногда же двухъ, съ мѣшками, собирать убитыхъ; притомъ еще довольно часто подстрѣленные убѣгали въ тростникѣ. Кромѣ фазановъ по болотамъ держались въ небольшомъ числѣ пролетныя, быть можетъ даже оставшіяся на зимовку, утки, главнымъ образомъ *кряквы* (Anas boschas) и нерѣдко попадались *водяные коростели* (Rallus aquaticus).

13 октября, въ сопровожденіи новаго вожака и другаго монгола, назначеннаго ему въ товарищи, выступили мы съ Уту-мурени въ Гасъ.

По самому Уланъ-гаджиру, еще не совсѣмъ замерзшему, съ верблюдами идти нельзя было, поэтому мы направились южною окраиною той же болотистой площади. Прошли здѣсь 47 верстъ. Затѣмъ ключевыя болота замѣнились голыми солончаками и такими же залежами лёссовой глины; на сѣверѣ еще ранѣе почва начала волноваться невысокими увалами и холмами. Наконецъ еще черезъ полсотни верстъ мы вступили въ безплодный раіонъ, по которому слѣдовали до самаго ур. Гасъ.

Безплодный раіонъ къ сѣверо-западу отъ него.

Этотъ раіонъ простирается къ сѣверо-западу и сѣверу до окрайнихъ горъ системы Алтынъ-тага и охватываетъ широкою полосою съ сѣвера болотисто-солончаковыя равнины всего южнаго Цайдама [1]). Столь обширная площадь характеризуется крайнимъ безводіемъ и безплодіемъ, такъ что монголы называютъ ее общимъ именемъ «шала», т. е. глина. Почва состоитъ здѣсь изъ лёсса, песка и мелкой гальки; выступающихъ наружу горныхъ породъ мы не видали. Абсолютная высота колеблется отъ $9^1|_2$—$11^1|_2$ т. футовъ, иногда быть можетъ и болѣе. Форма поверхности въ общемъ волнистая и холмистая, нерѣдко равнинная, всегда изборожденная частыми бурями. Даже слабый вѣтеръ поднимаетъ здѣсь болѣе или менѣе густую пыль. При постоянномъ господствѣ западныхъ вѣтровъ эта пыль уносится далеко къ востоку и образуетъ лёссовыя толщи въ ближайшихъ частяхъ Собственнаго Китая, или, осаждаясь тамъ на горахъ и смачиваемая дождями лѣтняго муссона, обусловливаетъ обильную растительность этихъ горъ. Въ описываемый же раіонъ періодическіе дожди не заходятъ, поэтому здѣсь является совершенная пустыня. Ея поверхность почти вовсе лишена растительности и только кое-гдѣ можно встрѣтить одинокіе кустики *бѣлолозника*, *бударганы* и *Reaumuria*, изрѣдка впрочемъ скученные узкою полосою вдоль сухихъ руслъ, намѣчающихъ сбѣгъ воды при крайне рѣдкомъ здѣсь дождѣ. За то разрушающее дѣйствіе вѣтровъ видно на каждомъ шагу. Они изрыли рыхлую почву пустыни неширокими долинами, ущельями и оврагами; мѣстами насыпали массы песка; мѣстами обдѣлали лёссовую глину въ форму башенъ или кубовъ, то въ одиночку, то кучами разбросанныхъ. Лѣтомъ здѣсь страшные жары, зимою сильные морозы, крайняя же сухость воздуха господствуетъ круглый годъ. Изъ живыхъ существъ въ описываемой пустынѣ бродятъ лишь дикіе верблюды да изрѣдка залетаютъ вòроны и грифы. Но и среди столь ужасной мѣстности коегдѣ выдаются, какъ-бы оазисами, небольшія площади, на которыхъ вы-

[1]) Протягиваясь мимо Сыртына черезъ Курлыкъ до болота Иргыцыкъ и равнины Сырхэ къ югу отъ Дуланъ-кита.

ступаетъ въ видѣ ключей подземная вода, сбѣгающая со снѣговыхъ вершинъ окрайныхъ сѣверныхъ и южныхъ горъ. Такимъ путемъ образовались лежавшія по нашему пути урочища—*Гансы* и *Гасъ*. Въ болѣе удаленныхъ отъ горъ частяхъ той же пустыни вѣроятно нѣтъ и подобныхъ оазисовъ; тамъ могильное царство въ полномъ смыслѣ этого слова.

Отъ небольшаго соленаго озерка *Гашунъ-норъ*, встрѣченнаго въ крайнемъ западномъ углу южно-цайдамскихъ солончаковъ, намъ предстоялъ безводный переходъ, какъ оказалось потомъ, въ 67 верстъ. Запасшись водою, мы прошли это разстояніе въ три пріема: съ мѣста вышли въ полдень и ночевали, сдѣлавъ 25 верстъ; на слѣдующій день, пройдя еще 25 верстъ, отдыхали часа два и, наконецъ, въ позднія сумерки добрались въ довольно плодородное ур. Гансы. Верблюды все время оставались безъ корма; лошадямъ трижды дали по три пригоршни ячменя. Идти каравану было очень хорошо. Такъ и вездѣ въ Центральной Азіи—чѣмъ хуже и безплоднѣе мѣстность, тѣмъ лучше по ней путь съ верблюдами и наоборотъ. Однако дорогою теперь не мало встрѣчалось костей барановъ и рогатаго скота. Тѣ и другіе гибнутъ здѣсь отъ безводія во время перекочевокъ тайджинерскихъ монголовъ на нестравленный кормъ въ ур. Гансы.

Нашъ путь по немъ.

Это урочище лежитъ на абс. высотѣ 9,300 футовъ среди безплодной пустыни и представляетъ собою впадину, имѣющую около 50 верстъ въ окружности и вѣроятно нѣкогда бывшую дномъ озера. Теперь здѣсь находится только въ юго-восточной части небольшое соленое озерко, вода котораго пополняется маленькою рѣчкою, образующеюся изъ ключей. Ключи находятся также и въ западной части описываемой котловины. Почва здѣсь всюду солончаковая; мѣстами чистая соль занимаетъ порядочныя площади. Растительность возлѣ ключей и тамъ, гдѣ соли поменьше, довольно хорошая для Цайдама. Кромѣ *тростника*, здѣсь растетъ *колосникъ* (Elymus), нѣсколько видовъ мелкихъ *злаковъ* и *сложноцвѣтныхъ*, кое-гдѣ попадается *хармыкъ*, но тамариска нѣтъ. Изъ птицъ мы встрѣтили небольшія стада запоздалыхъ пролетныхъ *утокъ* (A. boschas, A. acuta, Querquedula circia, Fuligula cristata) и пару, вѣроятно заблудившихся, *лебедей* (Cygnus Bewickii?); среди мѣстныхъ пернатыхъ найдены были *саксаульныя сойки* (Podoces Hendersoni) и два вида *жаворонковъ* (Alauda arvensis? A. cheleensis?); фазановъ здѣсь нѣтъ вовсе. Изъ млекопитающихъ въ Гансы держатся *хара-сульты* (Antilope subgutturosa); кромѣ того встрѣчаются мелкія полевки—*Arvicola sp. A. Blythyi*; первыя живутъ по болотамъ, послѣднія въ норахъ на сухихъ лугахъ возлѣ ключей.

На другой день прихода въ описываемое урочище, именно 19 октября, мы праздновали годовщину своего путешествія. Со дня выхода изъ Кяхты пройдено было до сихъ поръ караваннаго пути 3980 верстъ. Въ общемъ дѣло экспедиціи шло удачно, да и шансы успѣха въ будущемъ теперь намѣтились уже довольно рельефно.

Отъ ключей западной окраины ур. Гансы до восточнаго угла ур. Гасъ намъ опять предстоялъ безводный переходъ въ 57 верстъ. Мѣстность здѣсь также совершенная пустыня, вздутая почти въ срединѣ указаннаго разстоянія, до $11^1|_2$ т. фут. абс. высоты. Подъемъ со стороны Гансы весьма пологій и ровный; спускъ же къ Гасу во второй своей половинѣ нѣсколько хуже, ибо почва становится рыхлѣе и появляются бугры. Выступивъ изъ Гансы передъ полуднемъ, мы сначала немного заблудились, но проводники вскорѣ замѣтили свою ошибку и по небольшимъ «обо», поставленнымъ какъ примѣты пути, отыскали истинную дорогу. Послѣдняя мѣстами здѣсь замѣтна, мѣстами совершенно задута вѣтрами. Такимъ образомъ обычай буддистовъ ставить «обо» по дорогамъ и на перевалахъ теперь много пригодился. До вечера того же дня мы прошли почти половину всего безводнаго разстоянія и ночевали съ запасною водою, но безъ корма для животныхъ; въ особенности худо было лошадямъ, ибо ночью поднялся снѣжный буранъ и сдѣлалось очень холодно [1]). На слѣдующій день вторая половина пути была благополучно пройдена, и послѣ полудня мы поставили свой бивуакъ въ восточной окраинѣ ур. Гасъ.

Погода за сентябрь и октябрь.

Между тѣмъ уже близился конецъ октября, первая половина котораго, равно какъ и весь сентябрь, проведены были нами въ солончаковыхъ равнинахъ южнаго Цайдама; вторую половину октября мы пробыли въ безплодномъ раіонѣ Цайдама западнаго и въ ур. Гасъ. Начнемъ съ сентября.

Въ общемъ въ первой половинѣ этого мѣсяца погода стояла ясная и днемъ жаркая; во второй же половинѣ, наоборотъ, было облачно и прохладно.

Послѣ ночныхъ морозовъ (до—7,5°), случившихся въ послѣдней трети августа, въ продолженіе всего сентября ночная температура не падала ниже—6,5°; чаще же (19 разъ) стояла выше точки замерзанія. При томъ дневное тепло въ сентябрѣ достигало, при наблюденіяхъ въ тѣни въ 1 часъ пополудни, бо́льшей цифры (+25,4°), нежели въ августѣ [2]).

[1]) На восходѣ солнца—17, 8°.

[2]) Maximum температуры въ августѣ въ 1 часъ пополудни въ тѣни равнялся +23,0°. Однако слѣдуетъ помнить, что первую половину названнаго мѣсяца мы провели

Въ первой, ясной половинѣ сентября, обыкновенно послѣ нѣсколькихъ почти безоблачныхъ жаркихъ дней, задувалъ довольно сильный западный вѣтеръ, и не надолго небо покрывалось облаками. На окрайнихъ тибетскихъ горахъ и, вѣроятно, на самомъ плато Тибета, въ это время падалъ снѣгъ, который однако стаивалъ даже въ верхнемъ поясѣ ближайшихъ горъ. Но послѣ ночной бури съ 17 на 18-е число наступила серія непогоды, продолжавшаяся около двухъ недѣль. Въ это время въ Цайдамѣ почти постоянно было облачно и воздухъ наполненъ пылью; на тибетскихъ же горахъ каждодневно падалъ снѣгъ. Въ Цайдамѣ ночью съ 21 на 22 число шелъ проливной дождь; помимо этого небольшой дождь падалъ дважды въ описываемомъ мѣсяцѣ, да трижды только крапалъ; утромъ 18-го числа моросилъ снѣгъ. При всемъ томъ сухость воздуха, въ особенности въ ясную погоду, была очень велика. Вѣтры въ сентябрѣ преобладали западные, иногда (6 разъ) довольно сильные; настоящая буря случилась только одна; затишья стояли часто; грозъ не было вовсе, но надъ Тибетомъ дважды по вечерамъ замѣчена сверкавшая молнія.

По словамъ мѣстныхъ монголовъ, осень въ нынѣшнемъ году наступила въ Цайдамѣ рано, что, по примѣтамъ тѣхъ же номадовъ, предвѣщаетъ теплую зиму и раннюю весну.

Въ октябрѣ ночные морозы, постепенно увеличиваясь, достигли во второй половинѣ этого мѣсяца до $-22{,}3^0$ на восходѣ солнца. Дневное тепло падало нѣсколько быстрѣе: послѣ $+15{,}2^0$ въ тѣни въ 1 часъ пополудни 3-го числа, въ тотъ же часъ наблюденія въ первой половинѣ октября термометръ понижался до $+5{,}0^0$; во второй же половинѣ октября, именно 24 числа, въ первый разъ въ 1 часъ дня замѣчено ниже нуля ($-0{,}7^0$) и затѣмъ эта полдневная температура упала въ концѣ описываемаго мѣсяца до $-3{,}0^0$. Впрочемъ, солнце грѣло довольно сильно и при тихой погодѣ днемъ было тепло; но становилось холодно, лишь только поднимался хотя бы незначительный вѣтерокъ. Болота замерзли окончательно около 20 числа; озеро Гасъ, вода котораго очень солона, было совершенно свободно отъ льда даже въ началѣ ноября.

Въ общемъ погода въ октябрѣ стояла почти исключительно ясная (ясныхъ дней 23, полуясныхъ 5, облачныхъ 3), но нерѣдко атмосфера была наполнена, словно дымомъ, пылью, которую поднималъ даже слабый вѣтеръ. Облачность случалась всего чаще къ вечеру или во второй половинѣ ночи. На окрайнихъ тибетскихъ горахъ въ это время падалъ

въ сѣверной окраинѣ Бурханъ-Будда при абс. высотѣ почти на 2 т. футовъ большей, чѣмъ въ Цайдамѣ.

снѣгъ, иногда до самой ихъ подошвы, но обыкновенно небольшой. Днемъ сильно преобладали затишья; по ночамъ же часто дулъ слабый западный вѣтеръ; тоже западное направленіе вѣтра почти исключительно замѣчено и днемъ; бурь наблюдалось только двѣ. Атмосферныхъ осадковъ собственно въ Цайдамѣ за весь октябрь было крайне мало; только однажды ночью случился снѣжный буранъ, да въ другой разъ утромъ моросилъ снѣгъ.

Таинственное урочище Гасъ.

Урочище Гасъ [1]), куда мы теперь пришли и о которомъ часто слышали въ прежнія путешествія на Лобъ-норѣ и въ Цайдамѣ, лежитъ въ сѣверо-западномъ углу этого послѣдняго, тамъ, гдѣ сѣверныя и южныя окрайнія горы, т. е. Алтынъ-тагъ и главный кряжъ средняго Куэнъ-люня, значительно сближены между собою. Подобно Гансы, Гасъ представляетъ солончаковую равнину, или, вѣрнѣе, впадину съ абсол. высотою около 9,000 футовъ. Только площадь, занимаемая солончаками, здѣсь обширнѣе. Она протягивается верстъ на 70 съ востока на западъ, при ширинѣ верстъ въ 20 или около того. Въ сѣверной части и почти въ срединѣ общаго протяженія этихъ солончаковъ лежитъ озеро Гасъ, имѣющее до 45 верстъ въ окружности и своею формою напоминающее зерно фасоли. Это озеро очень мелко, такъ что у берега, по крайней мѣрѣ, южнаго, гдѣ мы проходили, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ глубина не превосходитъ 2—3 дюймовъ. При томъ вода чрезвычайно соленая, ради чего не замерзаетъ и зимою. Большія отложенія соли находятся на днѣ самаго озера и разбросаны по его берегамъ. Послѣдніе вездѣ представляютъ голый солончакъ и лишь на юго-западномъ берегу лежатъ небольшія тростниковыя болота, сопровождающія низовье единственной, въ оз. Гасъ впадающей, рѣчки, образуемой подземными ключами, верстахъ въ 30 западнѣе. Эта-то рѣчка, пополняя притокомъ своей воды сильное лѣтнее испареніе, поддерживаетъ существованіе описываемаго озера, которое въ прежнія времена, вѣроятно, было гораздо обширнѣе и занимало всѣ окрестные солончаки. Нынѣ по этимъ солончакамъ много ключей, образуемыхъ подземною водою, сбѣгающею какъ съ ближайшихъ, такъ и значительно къ западу удаленныхъ снѣговыхъ вершинъ Чаменъ-тага и окрайнихъ тибетскихъ горъ [2]). На сѣверной же сторонѣ оз. Гасъ, гдѣ снѣговыхъ вершинъ нѣтъ, площадь солончаковъ весьма узкая, и за нею тотчасъ лежитъ совершенно безплодная пустыня. Отсюда, т. е. съ сѣверной окраины Гаса, существуетъ путь въ Курлыкъ-Цайдамъ. Путь этотъ, по словамъ

[1]) А не Гастъ, какъ называли намъ прежде.

[2]) Объ этихъ горахъ будетъ расказано подробно въ слѣдующей главѣ.

нашего вожака-монгола, весьма трудный, ибо пролегаетъ по безплодной пустынѣ, въ которой лишь изрѣдка встрѣчаются небольшія солончаковыя площади, съ ключевою водою. Въ самомъ Гасѣ, тамъ, гдѣ соль сплошь лежитъ на поверхности почвы иногда толстымъ слоемъ, подобныя мѣста, конечно, совершенно безплодны и издали кажутся покрытыми снѣгомъ или льдомъ. Тамъ-же, гдѣ соли поменьше и въ особенности возлѣ ключей, или на небольшихъ болотахъ, ими образуемыхъ, растетъ въ изобиліи *хармыкъ*, а изъ травъ, кромѣ *тростника*, *колосникъ*, иногда *дырисунъ*, кое-какіе другіе *злаки* и *сложноцвѣтныя*, такъ что пастбища въ подобныхъ мѣстахъ довольно хороши.

Изъ звѣрей въ описываемомъ урочищѣ водятся въ большомъ числѣ *хуланы* (Asinus Kiang) и *зайцы*; довольно много также *хара-сультъ* и *волковъ*; изрѣдка попадаются *лисицы*; осенью на ягоды хармыка являются изъ Тибета *медвѣди* (Ursus lagomyiarius), которые залегаютъ на зимнюю спячку въ норахъ, выкапываемыхъ въ лёссовыхъ буграхъ близъ юго-западнаго берега большаго озера. Здѣсь же лѣтомъ держатся въ тростникахъ *кабаны*, ежегодно весною приходящіе съ Лобъ-нора и на зиму отправляющіеся обратно. Среди мелкихъ грызуновъ попадаются въ большомъ числѣ оба вида *полевокъ*, найденныхъ въ ур. Гансы; кромѣ того, встрѣчены два новыхъ вида грызуновъ—*Gerbillus Roborowskii n. sp.* и осторожный *Brachyurus Przewalskii n. sp.*

Птицъ въ Гасѣ вообще мало. Найдены здѣсь были: *саксаульная сойка* (Podoces Hendersoni) и *жаворонки* (Otocoris longirostris?, Calandrella cheleënsis, изрѣдка Alauda arvensis? и Melanocorypha maxima); въ кустахъ хармыка попадались зимующіе *сорокопуты* (Lanius sphaenocercus?), а на незамерзающихъ ключахъ, также зимующіе: *водяной пастушокъ* (Rallus aquaticus) [1]), *бекасъ отшельникъ* (Scolopax solitaria), *водяная щеврица* (Anthus aquaticus) и *утки* (всего болѣе Anas boschas), за которыми охотятся *сокола* (Falco Hendersoni); кромѣ того здѣсь встрѣчены, вѣроятно случайно залетѣвшія: стайка (5 экз.) обыкновенныхъ *скворцовъ* (Sturnus vulgaris) и пара пестрозобыхъ *песочниковъ* (Pelidna cinclus), одинокій *бекасъ* (Scolopax gallinago) и одинокіе дрозды—*рябинникъ* (Turdus pilaris) и большой *черный* (Merula maxima). На покормку сѣменами ситника (Juncus maritimus), растущаго по берегамъ западной рѣчки, прилетали довольно большія стада *больдуруковъ* (Syrrhaptes paradoxus). Фазановъ въ Гасѣ нѣтъ вовсе; они не могли пробраться сюда черезъ пустыни—ни съ Лобъ-нора, ни изъ Уланъ-гаджира. Не нашли мы также

[1]) Вѣроятно живетъ здѣсь осѣдло.

въ здѣшнихъ ключахъ и рыбы; даже не было гольцовъ (Nemachilus), которые повсемѣстно встрѣчаются въ ключахъ Цайдама и Тибета; впрочемъ, быть можетъ, они запрятались по случаю наступавшей зимы.

Климатъ Гаса тотъ же, что и въ сосѣдней пустынѣ, т. е. сухой и крайне континентальный. Зима здѣсь безснѣжная, но съ большими ночными морозами. Лѣтомъ, по словамъ нашего вожака, нѣкогда прожившаго въ Гасѣ два года сряду, дожди здѣсь случаются, какъ большая рѣдкость. Такимъ образомъ, эта мѣстность, равно какъ и весь западный Цайдамъ, да вѣроятно и прилегающія части Тибета, лежатъ внѣ области юго-западнаго индѣйскаго муссона, проливающаго столько влаги на Тибетъ сѣверо-восточный. Съ другой стороны, выпаденію въ Гасѣ лѣтомъ хотя бы слабыхъ дождей, вѣроятно, препятствуетъ, какъ и во всемъ Цайдамѣ, сильное нагрѣваніе почвы на окрестныхъ обширныхъ безплодныхъ площадяхъ.

Въ административномъ отношеніи Гасъ принадлежитъ Цайдаму, именно тайджинерскому хошуну, но монголы живутъ здѣсь лишь изрѣдка и временно. Объясняли они намъ это отдаленностью мѣстности и большимъ затрудненіемъ, въ особенности для мелкаго скота, перейдти черезъ обширныя безводныя и безплодныя пространства. Кромѣ того, въ періодъ дунганской смуты тѣ же монголы опасались нападеній магометанъ, которые, дѣйствительно, вырѣзали нѣсколько монгольскихъ семействъ, жившихъ тогда въ Гасѣ. Нынѣ здѣсь нѣтъ постоянныхъ жителей. На ключевыхъ же истокахъ западной рѣчки [1]) видны развалины древней хырмы и слѣды прежнихъ пашенъ. Лѣтомъ въ горахъ, окаймляющихъ обширную къ западу отъ Гаса лежащую долину, появляются тайкомъ изъ Восточнаго Туркестана золотокопатели. Въ самый Гасъ, какъ сообщалъ намъ монголъ-вожакъ, осенью приходятъ охотники съ Лобъ-нора и изъ оазиса Черченъ; изрѣдка они остаются здѣсь зимовать; охотятся спеціально на хулановъ, шкурами которыхъ платятъ подать китайцамъ. Наконецъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, лѣтъ 25 назадъ въ Гасѣ нѣсколько времени кочевали тангуты, въ числѣ около 20 палатокъ; явились они сюда изъ Тибета, куда и ушли обратно.

Хотя самъ по себѣ Гасъ ничуть не лучше другихъ мѣстностей Цайдама, напр. урочищъ Галмыкъ или Уланъ-гаджиръ, но цайдамскіе монголы почему-то особенно имъ восхищаются. У нихъ даже существуетъ про это мѣсто пѣсня, восхваляющая подвиги вышеупомянутаго

[1]) Въ 6—7 верстахъ къ сѣверу отъ урочища Чӧнъ-яръ.

Данджинъ-хунъ-тайджи и, какъ говорятъ, имъ самимъ сочиненная передъ походомъ на Лобъ-норъ. Пѣсня эта въ переводѣ слѣдующая:

«Бѣлый гасынскій дырисунъ колышется вѣтромъ. Одинъ маленькій данджинъ отправляется отсюда къ сѣверу. Вѣтеръ, сбрасывающій верхніе юрточные войлоки, онъ за вѣтеръ не считаетъ. Дождь, промачивающій шубу—дождемъ не считаетъ. Обширную безводную глину, на которой устаетъ куланъ—глиною не считаетъ. Лебедь блудитъ въ пыльномъ туманѣ—туманомъ не считаетъ. Сининскія ворота саблею рубилъ, самъ виноватъ сталъ и убѣжалъ. Бурю бурею не считаю. Морозъ, въ который щеки отмерзаютъ, морозомъ не считаю. О, Господи! помилуй и прости мою душу!»

Перекочевавъ изъ восточной окраины ур. Гасъ ближе къ большому озеру на ключъ *Ихынъ-дырисунъ-намыкъ*, гдѣ въ изобиліи встрѣчались—подножный кормъ, хорошая вода и хармыкъ для топлива, я послалъ урядника Иринчинова, переводчика Абдула и вожака-монгола вдоль по тому же Гасу розыскать кого-либо изъ людей, если таковые здѣсь имѣлись. Самъ съ двумя казаками поѣхалъ въ окрайнія, къ югу лежащія горы, до подошвы которыхъ отъ насъ теперь было лишь около 20 верстъ. На этомъ хребтѣ, названномъ мною впослѣдствіи *Цайдамскимъ*, высилась въ томъ же южномъ направленіи вѣчно-снѣговая группа, извѣстная монголамъ подъ именемъ *Ихынъ-гасынъ-хоргу*, т. е. «вершина Гаса сальная». Такое имя дано потому, что рѣчка, сбѣгающая съ этихъ снѣговыхъ горъ, доставляетъ подземнымъ путемъ свою воду въ уроч. Гасъ; ледники же, по мнѣнію монголовъ, издали блестятъ, какъ застывшее сало. Другая снѣговая вершина того же хребта, называемая *Ихынъ-гансынъ-хоргу* (вершина Гансы сальная) лежитъ восточнѣе и подземною водою питаетъ ур. Гансы.

Наше въ немъ пребываніе.

Мы направились въ ущелье, образуемое рѣчкою, сбѣгающею съ западной снѣговой группы. Путь лежалъ по покатой отъ горъ совершенно безплодной равнинѣ. Ну и поработали же здѣсь вѣтры! Всѣ рѣшительно попадавшіеся намъ камни, крупные и мелкіе, притомъ нужно замѣтить, гранитные, были исковерканы и представляли собою формы блюдъ, чашекъ, башмаковъ, раковинъ и т. п. Сами горы въ нижнемъ и среднемъ поясѣ совершенно безплодны и засыпаны лёссомъ, изъ котораго наружу выдаются отдѣльныя гранитныя скалы. По дну же ущелья возлѣ быстрой рѣчки, которая тотчасъ пропадаетъ внѣ горъ, растутъ: *дырисунъ*, изрѣдка *колосникъ* и въ небольшомъ количествѣ кустарники—*бама-мото*, *бѣлолозникъ?*, *Reaumuria*, *бударгана* и *хармыкъ*. Изъ звѣрей въ тѣхъ же горахъ водятся *куку-яманы*, *аргали* и *дикіе яки*. Изъ птицъ

мы встрѣтили *кэкликовъ* (Caccabis magna), *стѣнолазовъ* (Tichodroma muraria), *завирушекъ* (Accentor fulvescens); конечно, есть *ягнятники* и *бурые грифы;* снѣжный же грифъ держится на плато Тибета и только изрѣдка залетаетъ въ Цайдамъ.

Переночевавъ въ горахъ, мы возвратились на слѣдующій день къ своему бивуаку. Вернулись также и посланные разыскивать людей. Они никого не нашли, но встрѣчали слѣды весьма недавнихъ стойбищъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, то были охотники и золотоискатели изъ оазисовъ Черченъ и Чархалыкъ. Бо̀льшею частью они ушли изъ Гаса ранѣе нашего туда прихода; оставшіеся же замѣтили по дыму нашъ бивуакъ и удрали, не зная какіе появились здѣсь люди.

Пройдя затѣмъ по южному берегу оз. Гасъ, мы остановились верстахъ въ пяти отъ юго-западной оконечности этого озера на ключахъ *Айхынъ*. Названіе это въ переводѣ означаетъ «страшный», но чѣмъ страшны описываемые ключи, проводникъ объяснить намъ не могъ, хотя увѣрялъ, что ихъ боятся даже звѣри и никогда здѣсь не пьютъ воды. Собственно Айхынъ—два ключа въ разстояніи около 400 шаговъ одинъ отъ другого. Оба они сильно бьютъ изъ-подъ земли и образуютъ вокругъ себя порядочныя и довольно глубокія озерки. Притомъ западный ключъ, вѣроятно, минеральный, такъ какъ пахнетъ сѣрнистымъ водородомъ; его температура въ полдень 2-го ноября была $+ 11,2^0$; восточнаго же ключа $+ 5,1^0$. На обоихъ ключахъ мы встрѣтили водяныхъ пастушковъ (Rallus aquaticus) и довольно много зимующихъ утокъ, главнымъ образомъ кряквъ; они попадались намъ и потомъ на ключахъ и рѣчкахъ западной части Гаса. Вблизи нашей стоянки по низовью расплывшейся здѣсь рѣчки росъ большой тростникъ. Въ немъ лѣтомъ держатся кабаны. Теперь же В. И. Роборовскій встрѣтилъ въ этомъ тростникѣ медвѣдицу съ пятью медвѣжатами и убилъ одного изъ нихъ; желудокъ этого медвѣженка былъ набитъ мелкими сѣменами ситника (Juncus maritimus), въ изобиліи здѣсь растущаго. Медвѣди, какъ выше было сказано, приходятъ въ Гасъ осенью на ягоды хармыка и остаются здѣсь на зимнюю спячку. Мы видѣли теперь нѣсколько десятковъ норъ, выкопанныхъ этими звѣрями въ лёссовыхъ буграхъ невдалекѣ отъ ключей Айхынъ. Однако, всѣ эти норы оказались пустыми, ибо медвѣди ложатся въ нихъ нѣсколько позднѣе, во второй половинѣ ноября; кромѣ того, ягоды хармыка въ нынѣшнемъ году рано осыпались, такъ что медвѣди ушли обратно въ Тибетъ, гдѣ, вѣроятно, и залегли на зиму.

Въ окрестностяхъ тѣхъ же тростниковыхъ болотъ держались большія табуны хулановъ, которыхъ вообще очень много въ Гасѣ. По сло-

вамъ нашего вожака эти звѣри съѣдаютъ къ веснѣ здѣшній кормъ до чиста.

Отъ ключей Айхынъ мы пошли далѣе къ западу въ ур. *Балгынъ-баши*, откуда, сдѣлавъ еще 9 верстъ, добрались въ ур. *Чöнъ-яръ*, лежащее на ключевомъ истокѣ рѣчки *Ногынъ-голъ*. Мѣсто это отличное—обильное кормомъ, водою и хармыкомъ для топлива; въ окрестностяхъ много антилопъ хара-сультъ, которыхъ можно бить на продовольстіе, словомъ, удобно во всѣхъ отношеніяхъ для продолжительной стоянки. Здѣсь и рѣшено было устроить новый нашъ складъ на время зимней экскурсіи къ Тибету.

Разъѣздъ къ Лобъ-нору.

Но предварительно отправленія на такую экскурсію необходимо было развѣдать дорогу къ Лобъ-нору. До него, судя по проложенному на картѣ новому нашему пути, оставалось сравнительно недалеко, по крайней мѣрѣ до тѣхъ мѣстностей Алтынъ-тага, которыя посѣщены были мною въ 1877 году [1]). Во всякомъ случаѣ разъѣздъ предстоялъ гигантскій, ибо необходимо было ощупью розыскать удобный для вьючныхъ верблюдовъ переходъ черезъ Алтынъ-тагъ, словомъ, тотъ заброшенный калмыцкій путь въ Тибетъ, о которомъ я слышалъ во время лобъ-норскаго путешествія. Вѣрный мой сподвижникъ урядникъ Иринчиновъ и казакъ Хлѣбниковъ назначены были на такое важное для нашей экспедиціи дѣло; къ нимъ приданъ былъ уланъ-гаджирскій вожакъ-монголъ, который, хотя и искусился хорошею платою, но, какъ потомъ оказалось, служилъ только лишнею обузою. Посланные отправились на верблюдахъ и взяли съ собою продовольствія на двѣ недѣли; ночевать должны были подъ открытымъ небомъ.

Одновременно урядникъ Телешовъ и еще одинъ казакъ посланы были въ другой разъѣздъ—къ западу, въ направленіи предстоящаго намъ пути. Имъ велѣно было проѣхать на два-три перехода впередъ и настрѣлять для ѣды антилопъ, ибо теперь мы должны были экономить своихъ барановъ на предстоящую зимнюю экскурсію. Этотъ разъѣздъ вернулся черезъ трое сутокъ. Посланные осмотрѣли мѣстность верстъ на 70 отъ нашей стоянки, убили семь антилопъ-оронгò, часть мяса которыхъ и четыре отличныя для коллекціи шкуры привезли съ собою. Только съ однимъ изъ казаковъ, именно Телешовымъ, чуть было не приключилась бѣда: на него, неожиданно бросился смертельно-раненый самецъ оронго и пробилъ своими острыми рогами шубу на высотѣ ляжки лѣвой

[1]) См. «Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ», стр. 38; также на картѣ, приложенной къ этой брошюрѣ.

ноги, такъ что даже эта нога застряла между рогъ. Ударь звѣрь немного повыше въ животъ, и Телешовъ былъ-бы раненъ смертельно [1]).

Въ ожиданіи возвращенія посланныхъ отыскивать дорогу на Лобъ-норъ мы занимались на складѣ сортировкою багажа, отбирая изъ него лишь самое необходимое на новый путь; затѣмъ производили небольшія экскурсіи и охотились въ окрестностяхъ своего бивуака. Отъ прежняго склада у Барунъ-засака мы находились теперь на разстояніи 723 верстъ. Погода стояла почти постоянно ясная и днемъ довольно теплая; ночные же морозы прибывали съ каждымъ днемъ и достигали въ первой половинѣ ноября до $-29{,}2^0$ на восходѣ солнца; затишья выпадали часто; дважды случилась сильная буря отъ сѣвера и сѣверо-запада. Животныя наши, какъ верблюды, такъ и лошади, отлично теперь отдыхали на прекрасномъ подножномъ кормѣ.

На двѣнадцатыя сутки послѣ отправленія вернулись люди изъ дальняго разъѣзда и принесли радостную вѣсть, что путь къ Лобъ-нору найденъ. Большимъ трудомъ купленъ былъ такой успѣхъ. На протяженіи около 50 верстъ по гребню Алтынъ-тага казаки лазили во всѣ ущелья, нерѣдко спускались по нимъ на другую сторону хребта, и встрѣтивъ здѣсь непроходимую мѣстность, возвращались обратно, пока наконецъ не напали на истинный путь. По немъ посланные проѣхали верстъ 60 до выхода изъ Алтынъ-тага. Судя по примѣтамъ, этотъ путь лежалъ ущельемъ р. Курганъ-сай, гдѣ я проходилъ въ 1877 году, что и дѣйствительно подтвердилось впослѣдствіи.

Такимъ образомъ счастіе вновь послужило намъ какъ нельзя лучше. Случайно найденная тропа черезъ Алтынъ-тагъ отворяла теперь для насъ двери въ бассейнъ Тарима, да притомъ въ ту его часть, гдѣ еще не бывали европейцы отъ времени знаменитаго Марко-Поло.

[1]) За всѣ мои путешествія это былъ единственный случай нападенія раненаго оронго на охотника.

ГЛАВА VII.

Зимняя экскурсія изъ урочища Гасъ.

Топографическій рельефъ главнаго кряжа средняго Куэнъ-люня.—Новый нашъ складъ.—Путь по рѣкѣ Зайсанъ-Сайту.—Погода въ ноябрѣ.—Хребты: Чаменъ-тагъ, Цайдамскій, Колумба и Московскій.—Вновь на плато Тибета.—Озеро Незамерзающее.—Хребетъ моего имени.—Слѣдованіе по Долинѣ вѣтровъ.—Ея описаніе.—Удобный здѣсь путь въ Китай.—Обратное наше движеніе.— Климатъ декабря.—Экскурсія на рѣку Хатынъ-занъ.—Аргали Далай-ламы.—Возвращеніе на складочный пунктъ.—Отъ Гаса до Алтынъ-тага.—Переходъ черезъ этотъ хребетъ.—Прибытіе на Лобъ-норъ.

Топографическій рельефъ главн. кряжа средняго Куэнъ-люня.

Знаменитый Куэнъ-люнь, этотъ «позвоночный столбъ Азіи», какъ называетъ его баронъ Рихтгофенъ, до послѣдняго нашего путешествія оставался совершенно неизвѣстнымъ на 12^0 по долготѣ, считая отъ меридіана цайдамской рѣки Найджинъ-голъ почти до меридіана оазиса Кэрія въ восточномъ Туркестанѣ. Нынѣ намъ удалось пройдти вдоль этой невѣдомой полосы древнѣйшаго изъ хребтовъ Азіи и, до нѣкоторой степени, выяснить здѣсь топографическій рельефъ главнаго его кряжа. Этотъ послѣдній, въ раіонѣ нами разсматриваемомъ, представляетъ собою дугообразный выгибъ, восточная и западная оконечности котораго лежатъ почти на одинаковой широтѣ около 36 параллели, тогда какъ поднятая сѣверная часть касается какъ разъ 38^0 сѣв. широты. Немного западнѣе отсюда, на 87^0 вост. долготы (отъ Гринв.), тамъ, гдѣ отъ главной цѣпи описываемаго хребта отдѣляется еще сѣвернѣе лежащій Алтынъ-тагъ, можетъ быть проведена западная граница той средней части Куэнъ-люня, которая, по изысканіямъ барона Рихтгофена [1]), простирается къ востоку приблизительно до 104^0 вост. долготы (отъ Гринв.) и характеризуется широкимъ развѣтвленіемъ на систему параллельныхъ цѣпей. Главная изъ нихъ, т. е. собственный Куэнъ-люнь,

[1]) «China», томъ I.

служитъ, какъ и во всей западной своей части, гигантскою оградою высокаго нагорья сѣв. Тибета, на этотъ разъ къ сторонѣ пустынь и солончаковыхъ равнинъ Цайдама; затѣмъ прорѣзываетъ верховья Желтой рѣки и далеко уходитъ къ востоку внутрь Китая. Что именно указанная цѣпь—главная, это подтверждаетъ ея непрерывное протяженіе, въ связи съ восточными и западными частями того же Куэнъ-люня, болѣе чѣмъ на 40^0 по долготѣ, тогда какъ другіе хребты расширеннаго средняго пояса разсматриваемой горной системы оканчиваются немного восточнѣе или западнѣе меридіана г. Ланъ-чжеу. Даже тотъ громадный снѣговой хребетъ, который, по добытымъ въ нынѣшнее наше путешествіе свѣдѣніямъ [1]), отдѣляется въ западномъ Куэнъ-люнѣ близъ прорыва кэрійской рѣки и тянется въ направленіи къ юго-востоку на цѣлый мѣсяцъ пути, соединяясь, быть можетъ, съ хребтомъ Танъ-ла или съ горами, лежащими сѣвернѣе озера Тенгри-норъ, не можетъ считаться за главную цѣпь описываемыхъ горъ, ибо во всякомъ случаѣ онъ оканчивается гораздо ранѣе, упираясь въ меридіанальное направленіе хребтовъ на верховьяхъ индо-китайскихъ рѣкъ и сосѣдней части Янъ-цзы-цяна.

Такимъ образомъ, главный кряжъ средняго Куэнъ-люня, замѣтить нужно, вездѣ двойной, мѣстами даже тройной, составляетъ, какъ выше упомянуто, почти на всемъ своемъ протяженіи, сѣверную ограду тибетскаго плато къ болѣе низкому Цайдаму. Притомъ, какъ обыкновенно для окраинныхъ горъ въ Центральной Азіи, характеризуется полнымъ развитіемъ дикаго горнаго характера лишь къ сторонѣ ниже лежащаго подножія, т. е. въ данномъ случаѣ къ сѣверу, тогда какъ южный, тибетскій склонъ тѣхъ же горъ гораздо короче и принимаетъ болѣе мягкія формы.

Восточная половина разсматриваемой части Куэнъ-люня къ западу до рѣки Найджинъ-голъ, или даже до рѣки Уту-мурени, была уже описана въ моемъ «Третьемъ путешествіи» [2]). Напомню теперь только, что къ сторонѣ цайдамской котловины здѣсь стоятъ въ восточно-западномъ направленіи наружные хребты: *Бурханъ-Будда*, *Го-шили*, *Толай*, *Торай*, *Цозсонэ* и *Дзуха*. Два послѣдніе, какъ оказалось, замѣнили собой хребты Юсунъ-обо и Цаганъ-ниръ, здѣсь прежде мною помѣщаемые, согласно распроснымъ свѣдѣніямъ. По новымъ распросамъ, отчасти также сбивчивымъ, *Юсунъ-обо* стоитъ между верховьями рѣкъ Уту-мурени и Батыганту; названіе же *Цаганъ-ниръ* (въ переводѣ «бѣлое лицо») при-

[1]) См. гл. X настоящей книги.

[2]) Стр. 178, 179, 201, 204, 210, 211, 292, 293, 296, 297 и 298.

своено тремъ снѣговымъ группамъ—*Шара-гуи*, *Умыкэ* и *Харза*—въ хребтѣ Марко-Поло.

Параллельно передовой оградѣ, въ той же восточной части средняго Куэнъ-люня, стоятъ хребты: *Шуга*, съ восточнымъ безыменнымъ продолженіемъ къ горамъ *Амне-мачинъ*; затѣмъ *Гурбу-гундзуга* и *Гурбу-найджи*. Наконецъ, третью параллельную цѣпь составляетъ хребетъ *Марко-Поло*, который возникаетъ отъ слiянія рѣкъ Шуга и Уянъ-харза и прослѣженъ нами къ западу до снѣговой группы Харза. Отъ меридіана этой группы и рѣки Уту-мурени разсматриваемая сѣверо-тибетская ограда принимаетъ западо-сѣверо-западное направленіе, сохраняя прежній двойственный, иногда же и тройственный характеръ своего строенія. Въ ближайшей къ Цайдаму наружной ея части вскорѣ высится громадная снѣговая вершина *Джинъ-ри*, къ которой, по всему вѣроятію, примыкаетъ съ востока хребетъ *Гарынга*. Между названнымъ хребтомъ и западною частью горъ Марко-Поло лежитъ, по сообщенію монголовъ, узкимъ корридоромъ, сначала безплодная, а затѣмъ обильная ключами долина, гдѣ находится урочище *Цаганъ-тохой* и беретъ начало р. Батыганту, выбѣгающая въ Цайдамъ къ Уту-мурени.

Къ западо-сѣверо-западу отъ Джинъ-ри тянется, верстъ на 200, до прорыва рѣки Зайсанъ-Сайту, хребетъ, названный мною именемъ *Колумба* [1]). Верстахъ въ 50 къ югу отъ той же Джинъ-ри высится обширный снѣговой хребетъ, уходящій отсюда къ западу и составляющій, быть можетъ, главную цѣпь этой части Куэнъ-люня. Онъ названъ былъ мною первоначально Загадочнымъ [2]). Затѣмъ, по иниціативѣ нѣкоторыхъ членовъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и по рѣшенію его Совѣта, этотъ хребетъ окрещенъ моимъ именемъ [3]). Высшая же его точка, видѣнная нами, какъ и весь хребетъ, лишь издали, названа мною, по своей формѣ, *Шапкою Мономаха*.

Сѣвернѣе хребтовъ Колумба и Гарынга, параллельно имъ, стоитъ уже упомянутый въ предъидущей главѣ, хребетъ *Цайдамскій*, который

[1]) Новыя названія даны мною тѣмъ хребтамъ, туземныхъ именъ которыхъ узнать мы не могли, или таковыхъ вовсе не имѣется, какъ то не рѣдко бываетъ для горъ Центральной Азіи, гдѣ мѣстные жители обыкновенно отличаютъ названіями лишь отдѣльныя вершины, или перевалы, или, наконецъ, части одного и того же хребта.

[2]) «Извѣстія Геогр. Общ.», т. XXI, стр. 240. Я предполагалъ, основываясь частью и на распросахъ, что разсматриваемый хребетъ отдѣляется отъ Джинъ-ри, къ которой также примыкаетъ съ востока и хребетъ Марко-Поло. Однако въ недавно опубликованномъ отчетѣ (Proceed. of. R. G. S. Decemb. 1887) о путешествіи изъ Индіи по вост. Туркестану и прилежащей части Тибета г. Кэри (Carey), дошедшаго до разсматриваемыхъ снѣговыхъ горъ, выяснено, что подобныхъ связей не существуетъ.

[3]) «Извѣстія Геогр. Общ.», т. XXII, стр. 200 и 480.

на востокѣ оканчивается узкимъ клиномъ въ пустынѣ Цайдама, на западѣ примыкаетъ къ рѣкѣ Зайсанъ-Сайту, а отъ двухъ вышеназванныхъ хребтовъ отдѣляется на всемъ своемъ протяженіи узкою долиною; по средней ея части протекаетъ рѣка *Хатынъ-занъ*. Подобныя корридорообразныя долины, съ восточно-западнымъ направленіемъ, составляютъ характерную черту главнаго кряжа средняго Куэнъ-люня.

Далѣе, на продолженіи хребта Колумба, за прорывомъ рѣки Зайсанъ-Сайту, встаетъ новый, опять таки вѣчно-снѣговой хребетъ, который я назвалъ *Московскимъ*, а высшую его точку горою *Кремль*. Этотъ хребетъ тянется къ западу верстъ на 100 и примыкаетъ къ *Токузъ-дабану*, вѣроятно тамъ, гдѣ отъ главнаго кряжа Куэнъ-люня отдѣляется къ сѣверу *Алтынъ-тагъ*, вскорѣ послѣ того соединяющійся съ *Чаменъ-тагомъ*. Токузъ-дабанъ имѣетъ уже юго-западное направленіе и, приблизительно, отъ выхода Черченской рѣки изъ горъ соединяется съ громаднымъ, частями вѣчно-снѣговымъ хребтомъ, который принадлежитъ западному Куэнъ-люню, огораживаетъ собою котловину Тарима и названъ мною до прорыва Кэрійской рѣки *Русскимъ хребтомъ* [1]). Къ нему или, быть можетъ, къ сосѣднему Токузъ-дабану, вѣроятно, примыкаетъ и хребетъ моего имени.

Преобладающія горныя породы описываемой западной части главнаго кряжа средняго Куэнъ-люня [2]) суть кремнистый сланецъ и гранитъ, иногда съ прослойками кварца. Общій характеръ тѣхъ же горъ, относительно ихъ восточной половины, состоитъ въ бóльшей высотѣ и, чрезъ то, въ бóльшемъ обиліи вѣчно-снѣговыхъ вершинъ; въ сравнительно маломъ количествѣ скалъ, по крайней мѣрѣ въ вѣчно-снѣговыхъ группахъ; въ маломъ числѣ и размѣрахъ рѣчекъ, стекающихъ съ этихъ группъ и въ крайнемъ безплодіи мѣстности вообще. Рядомъ съ бѣдностью флоры, является здѣсь и бѣдная фауна. За то всюду много золота, которое въ будущемъ, скорѣе чѣмъ что-либо другое, приманитъ сюда алчнаго европейца.

Новый нашъ складъ.

По возвращеніи разъѣзда, отыскивавшаго дорогу на Лобъ-норъ, оба уланъ-гаджирскіе проводника были отправлены обратно, съ приличнымъ вознагражденіемъ за свои услуги. Мы остались одни среди дикой пустыни и на предстоящей зимней экскурсіи должны были сами розыскивать для себя путь. Впрочемъ, дѣло это было привычное, а зимою, когда можно возить запасъ льда, даже не особенно трудное.

1) Объ этомъ хребтѣ будетъ разсказано въ X гл. настоящей книги.

2) Горныя породы восточной половины той же части Куэнъ-люня поименованы при описаніи этихъ горъ въ «Третьемъ путешествіи»; также въ главѣ IV настоящей книги.

На складѣ въ урочищѣ Чöнъ-яръ оставлены были, подъ завѣдываніемъ урядника Иринчинова, шесть казаковъ и переводчикъ Абдулъ-Юсуповъ; затѣмъ верблюды, лошади, продовольственные бараны и багажъ. Казаки, поочередно, должны были пасти экспедиціонныхъ животныхъ и держать по ночамъ караулъ; въ свободное же время занимались кое-какими работами, грамотою и охотились за хара-сультами. Но все-таки, несмотря на относительно бо̀льшее спокойствіе, оставляемые казаки сильно завидовали своимъ товарищамъ, которые шли теперь въ походъ. Тамъ предстояла ежедневная новизна и разныя приключенія, словомъ, болѣе активная жизнь; на складѣ же изо дня въ день все шло разъ заведеннымъ порядкомъ, и скука, особенно въ зимнее время, иногда являлась непрошенною гостьею.

Караванъ на предстоящую экскурсію былъ сформированъ небольшой. Мы брали съ собою лишь 25 верблюдовъ[1]), 4 верховыя лошади и десятка полтора барановъ для ѣды; багажъ былъ также уменьшенъ до крайности, и всѣ запасы разсчитаны только на два мѣсяца.

19-го (31-го) ноября мы тронулись въ путь, опредѣливъ первоначально пройти къ западу по обширной, изъ глазъ уходившей долинѣ, названной впослѣдствіи мною, ради постоянныхъ здѣсь вѣтровъ и бурь— *Долиною вѣтровъ*. Путь по рѣкѣ Зайсанъ-Сайту.

Отъ урочища Чöнъ-яръ сразу же предстоялъ 35-ти-верстный, безводный переходъ по совершенно безплодной равнинѣ, покрытой пескомъ, лёссомъ и мелкою галькою; притомъ мѣстность на этомъ протяженіи полого повышалась на 1,300 футовъ. Вышли мы послѣ полудня; ночевали въ рединѣ съ запасною водою и дровами; на слѣдующій день еще рано пришли на рѣку Засайнъ-Сайту, къ тому мѣсту, гдѣ эта рѣка, вслѣдствіе болѣе крутаго наклона мѣстности, скрывается подъ землею съ тѣмъ, чтобы вновь выйти на поверхность почвы въ видѣ многочисленныхъ ключей урочища Чöнъ-яръ и другихъ, лежащихъ въ западной части, солончаковыхъ болотъ Гаса. Эти ключи образуютъ здѣсь нѣсколько ручьевъ, сливающихся затѣмъ въ одну рѣчку, впадающую, какъ уже было говорено, въ юго-западный уголъ названнаго озера.

Сама рѣка Зайсанъ-Сайту [2]) вытекаетъ изъ ледниковъ южнаго склона г. Кремль въ хребтѣ Московскомъ, отдѣляетъ его отъ хребтовъ Колумба и Цайдамскаго, затѣмъ направляется къ востоку по Долинѣ

[1]) 12 подъ вьюки, 9 верховыхъ и 4 запасныхъ.

[2]) Такое названіе дано монголами, потому что на этой рѣкѣ когда-то жилъ Засакъ Сайту, временно прикочевавшій сюда изъ Курлыкъ-Цайдама. Туркестанцы, какъ намъ говорили впослѣдствіи, называютъ ту же рѣку *Юсупъ-аликае* (охотничье мѣсто Юсупа).

вѣтровъ и скоро теряется въ почвѣ; пройдя подземнымъ путемъ верстъ 20, снова выходитъ многочисленными ключами на поверхность и течетъ довольно порядочною рѣкою до новаго вышеописаннаго подземнаго исчезновенія. Недалеко отсюда къ той же Зайсанъ-Сайту приходитъ съ юговостока рѣка *Хатынъ-занъ* [1]), которая вытекаетъ съ г. Джинъ-ри и сбираетъ въ себя воду южнаго склона ледниковъ хребта Колумба. Однако и эта рѣка зимою не добѣгаетъ верстъ на десять до Зайсанъ-Сайту; лѣтомъ же обѣ онѣ несомнѣнно открыто соединяются.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы пришли теперь на Зайсанъ-Сайту, т. е. въ нижнемъ ея теченіи, названная рѣка имѣла по льду отъ 20—25 саж. ширины [2]); самый ледъ былъ толщиною до $2^1|_2$ футовъ; подъ нимъ вода текла не глубже какъ на $1^1|_2$ фута. По обоимъ берегамъ рѣки залегаетъ долина, вся отъ 1—2 верстъ въ ширину. Почва здѣсь лёссъ и песокъ, надутые вѣтрами. Растительность—*злакъ*, похожій на дырисунъ, кое-гдѣ мелкій *тростникъ* и нѣсколько видовъ *сложноцвѣтныхъ*; изъ кустарниковъ же *Myricaria* и *Oxytropis*. Пастбища вообще хороши, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ нѣтъ комаровъ и мошекъ, обильныхъ, какъ говорятъ, въ самомъ Гасѣ. Справа и слѣва разсматриваемой долины, вплоть до окрайнихъ сѣверныхъ и южныхъ горъ, залегаютъ, съ довольно крутымъ наклономъ, безплодныя равнины. При устьѣ же Хатынъ-зана, на лѣвомъ берегу Зайсанъ-Сайту, высится небольшая отдѣльная группа, также безплодная. На описанной выше долинѣ держится много тибетскихъ антилопъ *оронго́*; бываютъ и *хуланы*; дикіе *яки* заходятъ лишь случайно.

Мы направились вверхъ по Зайсанъ-Сайту и сначала шли хорошо, имѣя подъ рукою подножный кормъ, воду и топливо; но все это сразу кончилось, лишь только миновались ключевые истоки нашей рѣки. Голая пустыня сразу явилась впереди, и какъ далеко она простиралась, мы не знали. Пришлось вернуться на тѣ же ключи и отправиться въ разъѣздъ. Поѣхалъ я самъ съ двумя казаками. Къ большой радости, мы въ тотъ же день отыскали неожиданно пропавшую рѣку, да кромѣ того, пользуясь ясною погодою, осмотрѣли далеко протянувшуюся къ западу Долину вѣтровъ и снѣговые хребты, ее окаймляющіе. Вслѣдъ затѣмъ мы передвинулись всѣмъ караваномъ ко вновь найденной водѣ. Оказалось по барометрическому измѣренію, что мѣстность здѣсь, на протя-

[1]) У туркестанцевъ эта рѣка, какъ намъ сообщали, извѣстна подъ именемъ *Атъ-атъ-канъ* (застрѣлилъ лошадь).

[2]) Накипи льда, тамъ, гдѣ рѣка Зайсанъ-Сайту теряется въ почвѣ, были втрое, мѣстами вчетверо шире.

женіи 23 верстъ, повышается на 800 футовъ, ради чего водой небогатая рѣка скрывается подъ землею.

Въ общемъ мы поднялись теперь до $11^1|_2$ т. фут. абс. высоты. Безплодны тутъ стали даже берега рѣки, и для нашихъ караванныхъ животныхъ наступила трудная пора. Кромѣ того, помимо ежедневныхъ ночныхъ морозовъ, участились сильные вѣтры, все западные, прямо намъ навстрѣчу. Въ особенности трудно было дѣлать въ такую погоду съемку; леденящій вѣтеръ до того надувалъ въ лицо, что послѣ дневнаго перехода нерѣдко болѣли глаза и голова. Пошли мы вверхъ по розысканной части Зайсанъ-Сайту галечною равниною, гдѣ лишь изрѣдка торчали уродливые кустики *бударганы*, *бѣлолозника* и *Reaumuria*. Здѣсь случайно найдена была мертвая перепелка (Coturnix communis), вѣроятно, погибшая отъ истощенія во время перелета; ранѣе того, въ столь же безплодной мѣстности, мы нашли мертваго дрозда (Turdus pallens). Видно, не мало гибнетъ въ здѣшнихъ пустыняхъ мелкихъ пернатыхъ, даже изъ числа тѣхъ сравнительно немногихъ экземпляровъ, которые по неопытности рѣшаются летѣть прямикомъ на югъ.

Прежнее западное направленіе нашего пути измѣнилось теперь сначала на юго-западное, а затѣмъ на южное, тамъ, гдѣ рѣка Зайсанъ-Сайту прорываетъ окрайнія тибетскія горы. Мы направились сюда, разсчитывая сначала побывать на сосѣднемъ плато Тибета, а затѣмъ уже идти по Долинѣ вѣтровъ, которая теперь оставалась вправо и далеко уходила къ западу. По этой долинѣ, при осмотрѣ съ горъ, виднѣлись мѣстами накипи льда, слѣдовательно, можно было двигаться съ караваномъ и безъ предварительнаго разъѣзда.

Ущелье рѣки Зайсанъ-Сайту, куда мы вскорѣ вошли, оказалось весьма удобнымъ для прохода даже съ верблюдами. Главный кряжъ средняго Куэнъ-люня, въ единственномъ здѣсь мѣстѣ, значительно понижается и смягчается въ своихъ дикихъ, недоступныхъ формахъ. Все ущелье тянется на 17 верстъ и служитъ раздѣломъ (конечно, условнымъ) хребтовъ Цайдамскаго и Московскаго. Окрестныя горы почти совершенно безплодны и въ бо̀льшей своей части засыпаны лёссомъ. Лишь по берегу самой рѣки попадались намъ небольшія площадки осоки, да и тѣ были выѣдены звѣрями. Близъ южной части описываемаго ущелья снова исчезаетъ (по крайней мѣрѣ зимою) рѣка Зайсанъ-Сайту на протяженіи 17 верстъ довольно широкой безплодной долины. Къ западу отъ нея тянется хребетъ Московскій; къ югу же и востоку, за невысокими горами, мѣстами прерванными крутыми взъемами, залегаетъ плато Тибета, на которомъ, невдалекѣ отсюда, стоитъ западный уголъ хребта Колумба.

Погода въ ноябрѣ.

Между тѣмъ минулъ ноябрь, который въ первыхъ двухъ третяхъ былъ проведенъ нами въ урочищѣ Гасъ на абс. высотѣ около 9 т. футовъ; въ послѣдней же трети — въ западной части Долины вѣтровъ при абсолютной высотѣ отъ $10^1/_2 - 12$ т. футовъ.

Подобно октябрю, ноябрь отличался ясною погодою; въ теченіе этого мѣсяца считалось 24 ясныхъ дня и только 6 облачныхъ. Частыя непогоды надъ Тибетомъ, случавшіяся въ октябрѣ, теперь кончились, хотя въ окрайнихъ тибетскихъ горахъ все-таки больше являлись облака, нежели въ Гасѣ и въ Долинѣ вѣтровъ.

Снѣгъ здѣсь не падалъ вовсе въ теченіе ноября, да и въ продолженіе всей зимы снѣгъ идетъ въ описываемыхъ мѣстахъ какъ рѣдкость, притомъ въ самомъ ничтожномъ количествѣ; сухость же воздуха постоянно весьма велика.

Во время ясной тихой погоды солнце въ ноябрѣ грѣло довольно сильно, хотя при безвѣтріи термометръ, наблюдавшійся въ 1 часъ пополудни, опускался въ тѣни до $-6,5^0$. Если же днемъ поднимался умѣренный вѣтеръ, только не съ ранняго утра, но когда солнце обогрѣвало почву, то температура въ указанный часъ наблюденій достигала въ тѣни иногда до $+3,9^0$. Вѣтры преобладали западные, хотя днемъ нерѣдко случались затишья; по ночамъ же почти всегда дулъ слабый или умѣренный западный, иногда юго-западный вѣтеръ. Бурь, также западныхъ и сѣверо-западныхъ, считалось 7, слѣдовательно, гораздо больше, чѣмъ въ октябрѣ. Но вообще бури выпадали серіями, какъ это и прежде замѣчено нами въ Тибетѣ и Цайдамѣ, относительно хорошей или дурной погоды. При бурѣ атмосфера всегда наполнялась тучами пыли. Впрочемъ, учащеніе бурь и вѣтровъ началось съ послѣдней трети ноября [1]), когда мы вошли въ Долину вѣтровъ, гдѣ самая конфигурація мѣстности обусловливаетъ почти постоянный западный вѣтеръ. Ночные морозы въ Гасѣ доходили до $-29,2^0$; въ Долинѣ вѣтровъ, при отсутствіи ночнаго затишья, температура въ послѣдней трети ноября не падала ниже $-26,0^0$.

Теперь о горахъ, по близости которыхъ мы находились.

Хребты: Чаменъ-тагъ,

Сѣверною оградою пройденной нами восточной половины Долины вѣтровъ служитъ хребетъ *Чаменъ-тагъ*, о которомъ я слышалъ еще во время своего лобъ-норскаго путешествія [2]). Этотъ хребетъ протяги-

[1]) Собственно съ 18-го числа.

[2]) Только тогдашнія распросныя свѣдѣнія не сходятся съ нынѣшними нашими изслѣдованіями. Именно лобъ-норцы говорили мнѣ, что «если идти къ югу по старой дорогѣ, которою прежде (до дунганскаго возстанія) калмыки ходили въ Тибетъ, то тот-

вается отъ востока къ западу болѣе чѣмъ на 100 верстъ и соединяется съ одной стороны съ Алтынъ-тагомъ, а съ другой, съ тѣмъ безводнымъ и безплоднымъ, неимѣющимъ названія хребтомъ, который стоитъ къ сѣверу отъ Гаса. Ширина Чаменъ-тага не превосходитъ 10—15 верстъ; тѣмъ не менѣе описываемый хребетъ на всемъ протяженіи достигаетъ громадной абсолютной высоты, и въ трехъ группахъ—на обѣихъ своихъ оконечностяхъ и по срединѣ—переходитъ за предѣлы вѣчнаго снѣга. Судя по положенію ледниковъ, самая высокая изъ этихъ группъ западная. Съ сѣвернаго ея склона, какъ намъ говорили, течетъ рѣчка, которая прорываетъ Алтынъ-тагъ и выбѣгаетъ къ Лобъ-нору. Вѣроятно это Чархалыкъ-дарья. Съ того же склона восточной снѣговой группы подземная вода образуетъ озерко Гашунъ-норъ и солончаки возлѣ него. Наконецъ, южный склонъ ледниковъ описываемаго хребта питаетъ подземною также водою рѣку Зайсанъ-Сайту.

Какъ сказано выше, Чаменъ-тагъ стоитъ узкою и крутою стѣною; но отъ долинъ сѣверной и въ особенности южной его подошвы поднимаются къ подножію высокихъ горъ довольно крутые скаты на тысячу, мѣстами, быть можетъ, и на двѣ тысячи футовъ по вертикалу. Эти скаты несутъ характеръ прилежащихъ къ нимъ долинъ, т. е. совершенно безплодны. Безплодіе же характеризуетъ и весь Чаменъ-тагъ, по крайней мѣрѣ южный его склонъ. Ключей или ручьевъ здѣсь нѣтъ вовсе; скаты горъ вездѣ очень круты и въ верхнемъ поясѣ усыпаны

часъ же за Алтынъ-тагомъ разстилается высокая равнина, шириною верстъ пятьдесятъ. За нею стоитъ опять поперечный хребетъ (верстъ 20 шириною), неимѣющій особаго названія, а за этимъ хребтомъ вновь является равнина, шириною верстъ до сорока. Эта равнина обильна ключевыми болотами, и по южную ея сторону высится огромный, вѣчно снѣговой хребетъ Чаменъ-тагъ» («Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ», стр. 36). По этимъ даннымъ, названіе Чаменъ-тагъ принадлежитъ хребтамъ Цайдамскому, Колумба и Московскому въ совокупности. Такъ свидѣтельствуетъ и г. Кэри. Между тѣмъ уланъ-гаджирскіе проводники, пришедшіе съ нами въ Гасъ, прямо указывали на описываемый хребетъ, какъ на Чаменъ-тагъ; да и по нынѣшнимъ распросамъ на Лобъ-норѣ дознано, что Чаменъ-тагомъ называется снѣговой хребетъ, мимо котораго нужно проходить съ Лобъ-нора въ Гасъ, т. е. ближайшій къ Алтынъ-тагу. Вся эта безтолковщина еще разъ подтверждаетъ, какъ мало слѣдуетъ полагаться на распросныя свѣдѣнія. До окончательнаго выясненія, которой изъ этой части Куэнъ-люня принадлежитъ названіе Чаменъ-тагъ, я оставляю имена, данныя мною описываемымъ хребтамъ на мѣстѣ ихъ открытія. Въ случаѣ же, если Чаменъ-тагомъ туземцы называютъ горы, о которыхъ говорили мнѣ при первомъ посѣщеніи Лобъ-нора и нынѣ указывали г. Кэри, тогда мои названія — Московскій, Цайдамскій и Колумба могутъ быть приняты какъ частныя, ибо эти хребты отдѣлены другъ отъ друга и разнятся своимъ характеромъ. Нынѣшній же мой Чаменъ-тагъ, т. е. тотъ хребетъ, который ограждаетъ съ сѣвера Долину вѣтровъ, можетъ быть тогда названъ *Безъименнымъ*, слѣдовательно получитъ сполна то имя, которое дано мною лишь западному продолженію тѣхъ же горъ (см. стр. 278 настоящей книги). Во всякомъ случаѣ это не есть Алтынъ-тагъ, какъ показано у г. Кэри.

розсыпями; ущелья также крутыя, узкія и почти безплодныя. Въ нихъ и по склонамъ нижняго горнаго пояса лишь изрѣдка торчатъ невзрачные кустики *ягоднаго хвойника* (Ephedra), *чернобыльника, бѣлолозника?, Reaumuria* и *бударганы*; кое-гдѣ прокидываются *Clematis, Statice, мелкіе злаки и сложноцвѣтныя.*

Изъ млекопитающихъ въ Чаменъ-тагѣ держатся *хуланы, аргали* (Ovis Dalai-lamae n. sp.), вѣроятно и *куку-яманы*; кромѣ того *волки, лисицы, зайцы* и *пищухи*; въ небольшомъ количествѣ попадаются также *дикіе яки.* Изъ птицъ замѣчены нами *бурые грифы* (Vultur monachus), *ягнятники* (Gypaëtus barbatus), *клушицы* (Fregilus graculus), рогатый и чернолобый *жаворонки* (Otocoris albigula, O. Teleschowi n. sp.), *уллары* (Megaloperdix thibetanus, M. himalayanus) и *Carpodacus rubicilla.* Вообще фауна описываемыхъ горъ, какъ равно ихъ флора, весьма бѣдныя, такъ что тюркское названіе Чаменъ-тагъ, т. е. «цвѣточный хребетъ», не оправдывается на дѣлѣ.

Цайдамскій, На южной сторонѣ той же восточной половины Долины вѣтровъ и сѣверо-западнаго Цайдама стоитъ другой обширный хребетъ, названный мною, какъ уже было говорено, *Цайдамскимъ.* Онъ тянется отъ востока къ западу на 320 верстъ параллельно хребтамъ Колумба и Гарынга, отдѣляясь отъ нихъ неширокою долиною. На востокѣ описываемый хребетъ теряется узкимъ рукавомъ [1]) въ Цайдамской равнинѣ, недалеко отъ ур. Уланъ-гаджиръ; на западѣ же примыкаетъ къ хребту Московскому, отъ котораго отдѣляется ущельемъ р. Зайсанъ-Сайту, или, вѣрнѣе, поперечною продушиною, лежащею верстахъ въ пяти восточнѣе этого ущелья.

Въ общемъ Цайдамскій хребетъ узокъ, особенно въ своей западной половинѣ; къ востоку же отъ прорыва рѣки Хатынъ-занъ дѣлается нѣсколько шире и выше. Здѣсь лежатъ двѣ снѣговыя вершины—*Ихынъ-Гансынъ-хоргу* и *Ихынъ-Гасынъ-хоргу.* Между ними тотъ же хребетъ нѣсколько понижается и представляетъ съ сѣвера изъ Цайдама какъ бы выровненный валъ, южный склонъ котораго дѣйствительно состоитъ изъ массива, покатаго къ долинѣ Хатынъ-зана. Здѣсь же, недалеко отъ восточной снѣговой вершины, лежитъ, какъ намъ говорили цайдамскіе проводники, перевалъ *Шара-голъ,* который приводитъ въ названную долину, вѣроятно изъ ур. Гансы. Кромѣ того, верстахъ въ 25-ти западнѣе прорыва Хатынъ-зана, сколько кажется, находится еще одно поперечное ущелье въ самой узкой части описываемаго хребта. Общій

[1]) Въ направленіи этого рукава стоитъ еще изолированная горка.

его характеръ—безплодіе и безводіе. Горныя здѣсь породы, гранитъ и сланцы, въ своихъ наружныхъ частяхъ изуродованы атмосферными дѣятелями, главнымъ образомъ бурями, и бо̀льшею частью засыпаны лёссомъ [1]).

Параллельно Цайдамскому хребту стоитъ къ сторонѣ тибетскаго плато новый громадный хребетъ, названный мною именемъ великаго человѣка, открывшаго Новый Свѣтъ. Этотъ хребетъ *Колумба*, какъ уже было сказано, отдѣляется отъ снѣговой вершины Джинъ-ри къ сѣверо-западу, а затѣмъ со своей средины поворачиваетъ прямо на западъ и оканчивается острымъ клиномъ, не доходя верстъ 25 до ущелья р. Зайсанъ-Сайту. Общее протяженіе всего хребта до 200 верстъ. Сѣвернымъ склономъ онъ обрывается въ долину Хатынъ-зана и на западное ея продолженіе; южнымъ, болѣе короткимъ, высится стѣною къ плато Тибета. Колумба,

Вездѣ описываемый хребетъ узокъ, такъ что имѣетъ лишь около 20 верстъ въ болѣе расширенной своей срединѣ. Притомъ западная половина ниже восточной, покрытой въ бо̀льшей части вѣчнымъ снѣгомъ. Здѣсь, на протяженіи верстъ 25 отъ Джинъ-ри, ледяныя вершины хребта Колумба, пожалуй, не менѣе обильны снѣгомъ, чѣмъ сама названная гора. Западная половина того же хребта, только въ своей крайней западной части, переходитъ за снѣговую линію въ небольшой группѣ, да и то лишь на сѣверномъ ея склонѣ.

Общій характеръ хребта Колумба одинаковъ съ другими цѣпями западной половины главнаго кряжа средняго Куэнъ-люня; здѣсь преобладаютъ тѣ же горныя породы; также сравнительно мало скалъ, въ особенности на южномъ склонѣ; то же безплодіе и, вѣроятно, то же обиліе золота.

Третій хребетъ, стоящій на продолженіи двухъ вышеописанныхъ и ограждающій съ юга Долину вѣтровъ, получилъ названіе *Московскаго*. Какъ выше было сказано, онъ тянется въ восточно-западномъ направленіи верстъ на 100, или немного болѣе, до соединенія съ Токузъ-дабаномъ. За исключеніемъ небольшой восточной части, новый хребетъ сплошь покрытъ ледниками, еще болѣе обширными въ его срединѣ, гдѣ поднимается и высшій здѣсь пикъ—гора *Кремль*. Она имѣетъ, если смотрѣть съ востока, со стороны высокаго плато, правильную форму тупаго конуса и по своей высотѣ, пожалуй, не ниже Джинъ-ри. Громадные ледники покрываютъ какъ сѣверный, такъ и южный скаты этой горы, а на восточной ея сторонѣ лежитъ обширное ледяное поле. Московскій.

[1]) Въ дополненіе о томъ же хребтѣ см. въ предыдущей главѣ стр. 243 и 244.

Южный склонъ хребта Московскаго, сколько кажется, расширеннаго близъ соединенія съ Токузъ-дабаномъ, крутъ и обрывистъ, по крайней мѣрѣ въ своей восточной части; склонъ же сѣверный, хотя и крутой, но довольно ровный, въ особенности противъ наивысшей средины этихъ горъ. Здѣсь частыя бури Долины вѣтровъ засыпали многія ущелья, уничтожили скалы и вообще сгладили горный рельефъ. Впрочемъ, и на южномъ склонѣ Московскаго хребта скалъ сравнительно немного, что составляетъ также его характерную черту, какъ въ двухъ сосѣднихъ хребтахъ—Цайдамскомъ и Колумба, да и во многихъ другихъ на плато Тибета. Каменная порода, встрѣченная нами въ восточной и западной частяхъ описываемаго хребта, одна и та же—кремнистый сланецъ.

Съ южнаго склона ледниковъ горы Кремль вытекаетъ, какъ еще прежде говорено, р. Зайсанъ-Сайту. Что именно и куда течетъ съ того-же склона всей западной части Московскаго хребта—неизвѣстно. Съ сѣверной же его стороны, несмотря на обиліе здѣсь ледниковъ, не сбѣгаетъ ни одной рѣчки, хотя нѣсколько сухихъ рѣчныхъ руслъ, встрѣченныхъ нами зимою въ Долинѣ вѣтровъ, показывали, что лѣтомъ въ нихъ бываетъ вода во время рѣдкихъ дождей и таянія ледниковъ. Въ общемъ хребетъ Московскій весьма безплоденъ, особенно на своемъ южномъ склонѣ. На сѣверномъ склонѣ тѣхъ же горъ, въ нижнемъ ихъ поясѣ, кое-гдѣ попадаются мелкіе *злаки* (Carex, Avena, Ptilagrostis), а также крошечныя *Oxytropis*, *Tanacetum*, *Androsace*, *Saussurea*, *Saxifraga*; двѣ послѣднія восходятъ до 15 т. фут. абс. высоты. Изъ кустарниковъ на прорывѣ р. Зайсанъ-Сайту найдены были—какой-то *бобовый*, едва выползающій изъ земли, и *бѣлолозникъ*? (Eurotia?) въ $^1|_2$ фута вышиною. Тибетской осоки (Kobresia), столь обильной по мото-ширикамъ сѣв.-вост. Тибета, здѣсь нѣтъ вовсе, какъ равно въ другихъ теперь описываемыхъ хребтахъ и прилежащихъ къ нимъ мѣстностяхъ. Нѣтъ и самихъ мото-шириковъ, т. е. кочковатыхъ болотъ, что опять таки служитъ вѣскимъ указаніемъ на отсутствіе періодическихъ лѣтнихъ дождей.

Фауна Московскаго хребта, какъ всей этой части Куэнъ-люня, весьма бѣдная и почти не разнится отъ фауны сѣв.-восточнаго Тибета. Изъ крупныхъ звѣрей въ описываемыхъ горахъ живутъ *хуланы*, *аргали* (Ovis Dalai-lamae n. sp.), *куку-яманы* и въ небольшомъ числѣ *дикіе яки*; водятся еще *волки*, *зайцы*, *тарабаганы* и *мелкіе грызуны*. Птицъ встрѣчено было также очень мало какъ по числу видовъ, такъ и по количеству экземпляровъ. Тому главная причина безплодіе мѣстности, частію и ужасный климатъ. Собственно въ горахъ попадались *грифы* (Vultur monachus), *ягнятники* (Gypaëtus barbatus), *клушицы* (Fregilus

graculus), *уллары* (Megaloperdix thibetanus), *горные вьюрки* (Montifringilla Adamsi), рогатые *жаворонки* (Otocoris albigula?) и, весьма рѣдко, тибетскіе *больдуруки* (Syrrhaptes thibetanus).

Жителей въ тѣхъ-же горахъ и прилежащихъ къ нимъ мѣстностяхъ нѣтъ вовсе. Но вездѣ въ ущельяхъ мы находили слѣды недавнихъ стойбищъ туркестанцевъ, которые лѣтомъ приходятъ сюда, украдкою отъ китайцевъ, изъ ближайшихъ оазисовъ Таримской котловины и занимаются добычею золота.

Вновь на плато Тибета.

Черезъ два маленькихъ перехода, къ югу отъ ущелья р. Зайсанъ-Сайту, мы взошли на плато Тибета. Высшая точка этого подъема, окаймленнаго небольшими горами, имѣла 13,800 футовъ абс. высоты; между тѣмъ какъ пологій взъемъ, лежащій немного отсюда сѣвернѣе и которымъ мы возвращались обратно, оказался на 700 футовъ ниже.

Обширная широкая равнина раскинулась теперь передъ нами и уходила къ востоку за горизонтъ. Съ сѣвера ее рѣзко окаймлялъ хребетъ Колумба, который въ этой западной своей части стоитъ къ сторонѣ Тибета, хотя обрывистою, но сравнительно невысокою стѣною. На юго-востокѣ и югѣ виднѣлись въ безпорядкѣ набросанные холмы и гряды невысокихъ горъ; за ними выглядывалъ своими снѣговыми вершинами громадный хребетъ, впослѣдствіи названный моимъ именемъ. Наконецъ, среди упомянутой равнины, вдоль по ней, раскидывалось большое озеро, къ удивленію нашему еще не покрытое льдомъ. Озеро это я тутъ же назвалъ *Незамерзающимъ* [1]). Къ нему мы и направились по безплодной пологопокатой равнинѣ. Впрочемъ, сначала, на протяженіи верстъ около десяти срединою этой равнины, тамъ, гдѣ пролегаетъ сухое русло рѣчки и почва песчана, встрѣчались порядочныя площадки мелкой осоки, еще не съѣденной звѣрями; затѣмъ мы шли по голой галькѣ. До озера все время казалось вотъ-вотъ рукою подать, а между тѣмъ мы ночевали, не дойдя еще 18 верстъ до него, среди небольшой, случайно попавшейся, площадки кустарнаго чернобыльника. Голодные верблюды и лошади обрадовались даже такому корму, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ намъ и дровами; воду добыли изъ привезеннаго съ собою льда. На завтра мы продолжали свой путь къ тому-же озеру, еще не зная, найдемъ или нѣтъ годную для питья воду; запасный же ледъ почти весь вышелъ. Къ нашему благополучію, близъ западнаго берега ново-открытаго озера, которое оказалось весьма соленымъ, нашлись среди солончаковъ нѣсколько замерзшихъ ключей, на которыхъ ледъ былъ совершенно прѣсный;

[1]) Въ отчетѣ г. Кэрн оно названо *Чонъ-кумъ-куль*.

его натаяли мы для себя, дали по ведру воды и лошадямъ. Последнія уже много исхудали отъ безкормицы и холодовъ; но верблюды шли молодцами.

Переночевавъ близъ оз. Незамерзающаго, о которомъ будетъ расказано несколько ниже, мы пошли къ юго-востоку, въ направленіи еще съ перевала виденной речки. Однако, на деле оказалось, что то было сухое русло, местами покрытое солончаками, которые издали походили на ледъ. Пришлось остановиться въ окраине совершенно безплодныхъ лёссовыхъ холмовъ. Опять наши животныя принуждены были довольствоваться ничемъ. Несколько еще уцелевшихъ барановъ до того проголодались, что рвали клочьями и жадно ели шерсть съ уложенныхъ на ночь верблюдовъ.

По приходе на этотъ бивуакъ, я отправился съ г. Роборовскимъ на рекогносцировку окрестной местности. Верстахъ въ трехъ отъ своего стойбища мы взобрались на вершину одного изъ глиняныхъ холмовъ, откуда разстилался широкій горизонтъ. Но мало для себя утешительнаго мы здесь увидели. На сколько хваталъ глазъ, къ юго-востоку и югу сплошь тянулись те-же лёссовые холмы. Они были безплодны и, какъ обыкновенно, изуродованы всевозможнымъ образомъ: здесь стояли башни, крепости, конусы различныхъ формъ и величинъ, мосты, подземные ходы, вертикальныя стены, корридоры и т. п. Средняя высота этихъ холмовъ достигала отъ 300—500 футовъ; некоторые-же изъ нихъ поднимались футовъ на 800 или даже на тысячу. Притомъ къ стороне озера Незамерзающаго, эта гряда холмовъ обрывалась отвесною стеною. Местами рыхлый лёссъ былъ сцементированъ въ твердую массу, местами попадались небольшіе слои гипса; на вершинахъ же холмовъ и по дну рытвинъ, сверхъ лёсса, лежала крупная галька.

Осмотревъ тщательно въ подзорную трубу все окрестности, мы пришли къ убежденію, что дальше идти намъ нельзя. Безплодные лёссовые холмы залегали къ югу далеко; за ними виднелись горы, а тамъ вставалъ снеговой хребетъ; словомъ, местность, по всему вероятію, представляла большія, иногда быть можетъ непреодолимыя трудности, въ особенности для нашихъ значительно истомленныхъ животныхъ. Затемъ, въ другомъ направленіи—къ востоку, вдоль по южному берегу оз. Незамерзающаго, хотя заметны были кое-где площадки травы, а также ледъ на ключахъ и, повидимому, не представлялось препятствій для движенія каравана, но идти сюда намъ было не къ чему, ибо окрайняя гряда хребта Колумба безъ того видна была верстъ на сто; пройдти же далее этого, во всякомъ случае, мы не могли. Да наконецъ

необходимо было спѣшить, пока еще не устали верблюды, осмотромъ западной половины Долины вѣтровъ и окрестныхъ ей горъ. Въ виду всего этого рѣшено было вернуться съ плато Тибета и продолжать путь къ западу отъ р. Зайсанъ-Сайту. На слѣдующій день мы опять бивуакировали на берегу оз. Незамерзающаго.

Озеро Незамерзающее.

Это озеро лежитъ, при абсол. выс. 11,700 футовъ, на обширной высокой равнинѣ, раскинувшейся у южнаго подножія хребта Колумба. Своею формою оно походитъ, сколько то можно было видѣть издали, на рукавъ, вытянутый отъ востока къ западу. Длина въ сказанномъ направленіи болѣе 50 верстъ, ширина же, по крайней мѣрѣ въ западной части, довольно равномѣрная, всего лишь около 10 верстъ [1]). Вода чрезвычайно соленая [2]), издали прекраснаго темно-голубого цвѣта. Вслѣдствіе своей излишней солености, описываемое озеро, вѣроятно, никогда не замерзаетъ. По крайней мѣрѣ, при нашемъ здѣсь посѣщеніи въ первой трети декабря, несмотря на бывшіе уже морозы въ $-34{,}4^0$, лишь возлѣ самаго берега тянулась неширокая (мѣстами до $^1|_4$ версты) полоса рыхлаго льда въ 1 футъ толщиною. Температура воды подъ этимъ льдомъ, измѣренная нами 8 декабря въ 2 часа пополудни, была $-11{,}0^0$. Въ тихія, сильно морозныя ночи надъ всѣмъ озеромъ поднимался густой туманъ, представлявшій издали красивую, ярко-бѣлую пелену при освѣщеніи взошедшимъ солнцемъ.

Вблизи юго-западнаго своего берега оз. Незамерзающее очень мелко; да, вѣроятно, и все оно не глубоко; притомъ значительно уменьшается въ размѣрахъ, на сколько объ этомъ можно судить по обширнымъ, нѣкогда покрытымъ водою солончакамъ, прослѣженнымъ нами къ югу, вплоть до гряды безплодныхъ лёссовыхъ холмовъ. Западная часть того-же озера не имѣетъ притоковъ; но въ восточную его половину, вѣроятно, впадаютъ нѣкоторыя рѣчки [3]), вытекающія со снѣговой части хребта Колумба и съ хребта моего имени; кромѣ того, подземная вода является здѣсь въ видѣ ключей.

Берега описываемаго озера, какъ и вся прилегающая къ нимъ равнина, представляютъ собою пустыню, только не тибетскаго, а скорѣе западно-панъ-шаньскаго (близъ Са-чжеу) характера. Помимо невзрач-

[1]) На восточной части того же озера г. Кэри опредѣляетъ его ширину въ 18 англ. миль (27 нашихъ верстъ).

[2]) Нами привезенъ образчикъ этой воды. Химическій анализъ ея сдѣланъ профессоромъ Дерптскаго университета К. Г. Шмидтомъ и помѣщенъ въ *Bull. Acad. Sc. St. Petersbourg*. Томъ XXXI, стр. 279—283 и въ *Mél. phys. et chim.* Т. XII, стр. 570—576.

[3]) Г. Кэри встрѣтилъ здѣсь даже большую рѣку, вытекающую, какъ мнѣ кажется, съ Джинъ-ри.

ныхъ *солянокъ* и изрѣдка *Polygonum*, здѣсь кое-гдѣ встрѣчаются площадки мелкой *осоки* (замѣняющей восточно-тибетскую Kobresia), а на галькѣ мѣстами растутъ корявые кустики *Artemisia, Eurotia?, Reaumuria*, иногда и *Oxytropis*. Звѣри, какъ напр., *хуланы*, бываютъ здѣсь лишь проходомъ; изъ птицъ мы встрѣтили только *больдуруковъ* (Syrrhaptes paradoxus), да рогатыхъ *жаворонковъ* (Otocoris albigula?). Словомъ, во флорѣ и фаунѣ бѣдность полная. Таково, вѣроятно, и вплоть до южныхъ снѣговыхъ горъ, т. е. до хребта моего имени.

Хребетъ моего имени.

Этотъ хребетъ, какъ уже было говорено, названъ мною первоначально «Загадочнымъ», потому что мы видѣли его лишь издали и нанесли на свою съемку только приблизительно. Намъ удалось отмѣтить, да и то лишь одною засѣчкою, здѣсь гору, какъ кажется, самую высокую, которая по своей формѣ, напоминающей большую мѣховую шапку, названа мною—*Шапка Мономаха*. Къ востоку отъ нея виднѣлись еще нѣсколько снѣговыхъ вершинъ; крайняя изъ нихъ лежала, какъ казалось, не далѣе 40 верстъ отъ г. Джинъ-ри; слѣдовательно, можно было предположить, что описываемый хребетъ примыкаетъ къ этой горѣ, чего въ дѣйствительности [1]) не оказалось. Затѣмъ, верстахъ въ 70 къ югу отъ оз. Незамерзающаго, мы ясно видѣли рядъ снѣговыхъ вершинъ, опять-таки всего вѣрнѣе, того-же самаго хребта, промежуточная часть котораго, къ горѣ Шапка Мономаха, была отъ насъ закрыта ближайшими, сравнительно невысокими, горами. Далѣе къ западу объ описываемомъ хребтѣ ничего положительнаго неизвѣстно. Лишь отъ рѣки Зайсанъ-Сайту и потомъ съ перевала на плато Тибета, мы видѣли далеко въ юго-западномъ направленіи высокій, острый по своей формѣ, снѣговой пикъ, который, быть можетъ, принадлежитъ тому же хребту въ его крайней западной части. Въ такомъ случаѣ, судя по аналогіи съ другими вѣтвями главнаго кряжа средняго Куэнъ-люня, можно предполагать, что хребетъ моего имени протягивается къ западу до соединенія съ Русскимъ хребтомъ или съ Токузъ-дабаномъ.

Такимъ образомъ хребетъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, составляетъ южную вѣтвь западной части главнаго кряжа средняго Куэнъ-люня, или, быть можетъ, именно и есть главная здѣсь его цѣпь. Косвеннымъ подтвержденіемъ послѣдняго предположенія служитъ то обстоятельство, что мѣстность, окрестная оз. Незамерзающему, несетъ не вполнѣ тибетскій характеръ, но частью и западно-цайдамскій; да и само названное озеро образовалось въ обширной выемкѣ между двумя хреб-

[1]) По изслѣдованію г. Кэри.

тами. Къ собственно тибетскому плато, вѣроятно, прилегаетъ самый южный изъ нихъ, т. е. хребетъ моего имени, который во всякомъ случаѣ не ниже, если только не выше хребтовъ Колумба и Московскаго.

На возвратномъ пути отъ оз. Незамерзающаго мы нѣсколько сократили свою дорогу и прямикомъ вышли на р. Зайсанъ-Сайту; затѣмъ, спустившись внизъ по ея ущелью, свернули къ западу въ Долину вѣтровъ. На два-три перехода мѣстность здѣсь была еще ранѣе съ горъ осмотрѣна, такъ что явилась возможность двигаться безъ разъѣзда; тѣмъ болѣе, что подножный кормъ на песчаныхъ площадкахъ возлѣ ключей встрѣчался пока довольно сносный, да и сами эти ключи, иногда съ большимъ ледянымъ наплывомъ, попадались нерѣдко; топливомъ же служили корявые кустики бѣлолозника, и стелющейся мирикаріи. Слѣдов. по Долинѣ вѣтровъ.

Дневокъ мы давно уже не дѣлали, но каждый день подвигались небольшими переходами. Походнымъ жилищемъ нашимъ была войлочная юрта; казаки же, кромѣ тѣхъ, которые при насъ находились, помѣщались въ палаткѣ. Ежедневныя дежурства, пастба верблюдовъ съ лошадьми и ночные караулы шли у казаковъ обыденнымъ чередомъ. Молодцами они держали себя по прежнему, несмотря на всѣ трудности и лишенія. Тѣ и другія увеличивались для насъ съ каждымъ днемъ, ибо, съ одной стороны, взятые лишь въ обрѣзъ запасы поневолѣ заставляли экономить даже такіе предметы нашего довольствія, какъ кирпичный чай и дзамба, а съ другой, сильные холода и бури донимали насъ теперь почти безъ перерыва.

Уже въ первой половинѣ декабря ночные морозы четыре раза переходили за—30^0; вскорѣ затѣмъ усилились до замерзанія ртути. Притомъ леденящій вѣтеръ, исключительно западный, постоянно дулъ намъ на встрѣчу; выпадавшій иногда небольшой снѣгъ еще болѣе усиливалъ стужу. Бури также случались нерѣдко. Въ особенности памятна намъ осталась такая буря 15 декабря, т. е. вскорѣ по выходѣ въ Долину вѣтровъ. Началась она съ утра и продолжалась до вечера, всего же болѣе разыгралась между 11 и 3 часами дня. Сильнѣйшіе порывы вѣтра подняли въ воздухъ тучи песчаной пыли, до того густой, что, несмотря на средину дня, наступила какая-то желто-сѣрая мгла. Ничего не было видно за 30—40 шаговъ; на встрѣчу бури невозможно было повернуться, ибо захватывало дыханіе, песокъ же залѣплялъ глаза; притомъ морозъ даже въ 1 часъ дня достигалъ—$11{,}3^0$. Небо все время было покрыто облаками, и въ 3 часа пополудни пошелъ снѣгъ. Тогда буря отрывисто стихла, а пыль также быстро исчезла изъ атмосферы. Затѣмъ, спустя часа полтора, буря вновь поднялась въ прежнемъ направ-

леніи, но уже съ меньшею силою и, постепенно ослабѣвая, стихла къ полуночи. Нечего и говорить, что нашъ бивуакъ до того занесло пескомъ и пылью, что на завтра пришлось лопатою откапывать этотъ наносъ.

По мѣрѣ движенія нашего къ западу, Долина вѣтровъ полого повышалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось ея безплодіе. Въ нижнемъ поясѣ сѣвернаго склона Московскаго хребта, вдоль котораго мы шли теперь близко, мѣстами виднѣлась трава, въ особенности по ущельямъ. Громадные ледники средней части тѣхъ же горъ сильно блестѣли на полуденномъ солнцѣ. Отъ нихъ къ Долинѣ вѣтромъ шелъ довольно крутой, но совершенно ровный скатъ, по которому, пожалуй, можно было въѣхать верхомъ до вѣчныхъ льдовъ, только не на нашихъ усталыхъ лошадяхъ. Впрочемъ, мы и не думали теперь о такой поѣздкѣ. имѣя главною цѣлью добраться до перевала чрезъ окраинія горы въ Таримскую котловину. Къ большой своей радости, да притомъ и не ожидая такъ скоро, мы дошли 19 декабря до этого перевала, который со стороны Долины вѣтровъ совершенно незамѣтенъ, хотя лежитъ на абсолютной высотѣ 12,900 футовъ. Отсюда далѣе къ западу идетъ сначала также весьма пологій скатъ, а затѣмъ, верстъ черезъ 15—20, тамъ, гдѣ хребетъ Алтынъ-тагъ придвигается къ Токузъ-дабану, начинается ущелье Черченской рѣки, выбѣгающей въ Таримскую котловину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Алтынъ-тагъ, который вскорѣ оканчивается, упираясь въ заворотъ названной рѣки, вздымается въ обширную вѣчно-снѣговую группу—единственную во всемъ этомъ хребтѣ. По распроснымъ впослѣдствіи свѣдѣніямъ, указанная снѣговая группа туземнаго имени не имѣетъ и ее, пожалуй, можно назвать *Черченская,* такъ какъ своею водою она питаетъ рѣку и оазисъ того же имени. Съ сѣвернаго склона названной снѣговой группы другая рѣчка бѣжитъ, вѣроятно, въ урочище *Вашъ-шари*. Отъ вершины спуска съ Долины вѣтровъ до ближайшаго восточно-туркестанскаго оазиса Черченъ, гдѣ разстояніе около 200 верстъ, путь удобенъ для вьючныхъословъ и лошадей; съ нѣсколько бо̀льшимъ трудомъ здѣсь можно пройдти и на верблюдахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи насъ увѣряли жители Лобъ-нора и Черчена. Да и сами мы видѣли достаточно протоpенныя тропинки съ Долины вѣтровъ и окрестныхъ ей горъ въ Черченское ущелье. То ѣздятъ взадъ и впередъ на вьючныхъ ослахъ золотопромышленники, о которыхъ уже упоминалось ранѣе.

Какъ ни соблазнителенъ былъ для насъ путь къ теплому Черчену, гдѣ притомъ въ обиліи можно было достать продовольствіе, и лично

осмотрѣть дорогу по ущелью, но мы не могли всѣмъ этимъ воспользоваться, ибо безъ того много удалились отъ своего склада, истомили бывшихъ теперь съ нами лошадей и отчасти верблюдовъ; наконецъ, должны были во время попасть на Лобъ-норъ. Вотъ почему мы только взглянули на желанный спускъ къ Черчену и на слѣдующій день повернули обратно по Долинѣ вѣтровъ.

Эта новооткрытая долина, о которой уже нѣсколько разъ было урывками говорено, тянется верстъ на 200 отъ востока къ западу, съ небольшимъ уклоненіемъ на югъ въ своей западной половинѣ. Ее ограждаютъ хребты—Чаменъ-тагъ и частью Алтынъ-тагъ съ сѣвера, Московскій и западная часть Цайдамскаго съ юга; восточная же сторона открывается въ котловину озера Гасъ. Средняя ширина той же долины, если считать и скаты отъ окрайнихъ горъ, простирается до 20 верстъ въ западной ея половинѣ и до 40 верстъ въ половинѣ восточной, болѣе расширенной. Абсолютная высота значительно, но въ общемъ постепенно, увеличивается отъ востока къ западу: вблизи урочища Чонъ-яръ она достигаетъ $9^1|_2$ т. футовъ, тогда какъ на спускѣ въ Черченское ущелье поднимается почти до 13 т. футовъ. Ея описаніе.

Въ углубленной ложбинѣ, занимающей средину Долины вѣтровъ, почти на всемъ ея протяженіи, течетъ въ восточной половинѣ рѣка Зайсанъ-Сайту, дважды скрывающаяся здѣсь подъ землею. Въ западной части той же долины продольная ложбина обозначается зимою лишь широкимъ, покрытымъ галькою, русломъ рѣчки, по которому не рѣдко встрѣчаются замерзшіе ключи. Лѣтомъ, во время таянія снѣговъ на хребтѣ Московскомъ, по этому руслу, вѣроятно, бѣжитъ вода, какъ равно и по боковымъ притокамъ, стекающимъ съ тѣхъ же снѣговыхъ горъ.

Климатъ Долины вѣтровъ, помимо своей суровости, отличается, по крайней мѣрѣ во время зимы, постояннымъ господствомъ западныхъ вѣтровъ, ради чего дано мною и самое названіе этой долинѣ. Затишья выдаются здѣсь, какъ рѣдкость, на часъ или два, не больше; иногда же вѣтеръ превращается въ бурю, которая, какъ обыкновенно въ Тибетѣ, бушуетъ только днемъ. Такая постоянная вѣтренность, притомъ исключительно въ западномъ направленіи, объясняется общимъ протяженіемъ описываемой долины съ запада на востокъ, какъ разъ по преобладающему въ сѣв. Тибетѣ движенію вѣтровъ; затѣмъ близостью громадныхъ снѣговыхъ горъ, съ которыхъ внизъ стремится болѣе холодный, слѣдовательно, и болѣе тяжелый воздухъ. Тоже обстоятельство, вмѣстѣ съ большимъ абсолютнымъ поднятіемъ, обусловливаетъ здѣсь и суровость климата. Правда, въ восточной, болѣе низкой части разсматриваемой

долины теплѣе, какъ и въ самомъ урочищѣ Гасъ; въ западной же ея половинѣ, болѣе высокой, мы наблюдали во второй половинѣ декабря морозъ, достигавшій точки замерзанія ртути, чего въ прежнія путешествія ни разу не замѣчали во всемъ сѣверномъ Тибетѣ, не исключая и Танъ-ла. Лѣтомъ здѣсь также, вѣроятно, холодно, и по ночамъ случаются морозы; дожди же, судя по безплодію мѣстности, падаютъ лишь изрѣдка.

Почва описываемой долины состоитъ изъ песка, лёсса и гальки. Вдали отъ воды она большею частью совершенно безплодна, или мѣстами покрыта вразсыпную корявыми кустиками *бѣлолозника?*, *бударганы* и *Reaumuria*. Послѣдняя вверхъ отъ 12 т. футовъ замѣняется ползучею тибетскою *Myricaria*; да и бѣлолозникъ? здѣсь едва уже поднимается отъ земли. Въ нижнемъ теченіи рѣки Зайсанъ-Сайту по ней встрѣчается, какъ было говорено, нѣсколько лучшая растительность и довольно хорошія пастбища. Далѣе къ западу лишь возлѣ ключей растетъ мелкая *осока*, а еще выше появляются кучки *твердочашечника* (Androsace sp.), доставляющія кормъ многочисленнымъ пищухамъ. Вообще, по характеру своей флоры, какъ равно и по абсолютной высотѣ, восточная половина Долины вѣтровъ (до прорыва черезъ горы рѣки Зайсанъ-Сайту) можетъ быть отнесена къ Цайдаму; западная же—къ сѣверному Тибету.

Фауна той же долины бѣдная, какъ и въ сосѣднихъ здѣсь мѣстностяхъ. Обильны только антилопы *ороңгó*, которыхъ мы вовсе не нашли вблизи озера Незамерзающаго; нѣтъ ихъ также въ урочищѣ Гасъ, да и во всемъ Цайдамѣ. *Хуланы*, *волки* и *зайцы* въ описываемой долинѣ также не рѣдки; *дикіе яки* бываютъ здѣсь лишь проходомъ изъ однѣхъ горъ въ другія. Вблизи перевала къ Черченскому ущелью мы встрѣтили норы *тарабагановъ* (Arctomys sp.) и нашли въ большомъ количествѣ три, сколько кажется, новыхъ вида *пищухи* (Lagomys). Птицъ также мало во всей Долинѣ вѣтровъ. Нами найдены здѣсь были лишь *земляные вьюрки* (Pyrgilauda ruficollis, P. barbata n. sp., Onychospiza Taczanowskii), рогатые *жаворонки* (Otocoris albigula?) и тибетскіе *больдуруки* (Syrrhaptes thibetanus); рѣдко показывались даже *грифы* и *вороны*.

Человѣка манитъ сюда лишь золото, котораго, какъ намъ говорили, особенно много въ урочищѣ *Бугулукъ*. Мѣстами мы сами видѣли недавнія раскопки, обыкновенно не глубже 1—2 футовъ отъ поверхности почвы. Работа производится, конечно, самымъ первобытнымъ способомъ. По слѣдамъ иногда видно было, что промышленники таскали золотоносную почву на себѣ въ мѣшкахъ за версту и болѣе къ текучей водѣ.

Удобный здѣсь путь въ Китай.

Вышеописанная Долина вѣтровъ весьма замѣчательна тѣмъ, что здѣсь, какъ оказалось, пролегаетъ лучшій и наиболѣе короткій путь изъ

южныхъ оазисовъ Восточнаго Туркестана чрезъ Цайдамъ въ западный Китай. Этотъ путь прослѣженъ нами до спуска въ Черченское ущелье, караванное движеніе по которому, согласно многократнымъ нашимъ распросамъ, также не представляетъ особенныхъ затрудненій. Правда, новооткрытый путь, въ значительной своей части, пролегаетъ по солончакамъ южнаго Цайдама и имѣетъ два большихъ безводныхъ перехода въ Цайдамѣ сѣверо-западномъ, но вѣдь въ пустыняхъ Центральной Азіи нигдѣ нѣтъ совершенно удобной дороги на большемъ протяженіи, на то здѣсь и пустыня. Притомъ указанныя неудобства ничтожны, сравнительно съ крайнимъ безводіемъ песковъ Кумъ-тагъ и трудною горною дорогою по безплодному Алтынъ-тагу на болѣе сѣверномъ, въ тотъ же Китай, Лобъ-норскомъ пути. Южнѣе же, на плато Тибета, пройдти съ караваномъ еще болѣе трудно, вслѣдствіе разрѣженнаго воздуха огромной абсолютной высоты, отсутствія древеснаго или кустарнаго топлива и общаго безплодія мѣстности. При этомъ необходимо оговорить, что лѣтомъ по всѣмъ тремъ отмѣченнымъ направленіямъ караванное движеніе одинаково должно быть пріостанавливаемо: въ сѣверномъ Тибетѣ по случаю дождей, отъ которыхъ разливаются рѣки и мокнетъ аргалъ (сухой пометъ), единственное здѣсь топливо; въ Цайдамѣ солончаковыя болота въ это время обильны водою и кишатъ мучающими насѣкомыми; наконецъ, на Лобъ-норскомъ пути, въ безплодномъ Кумъ-тагѣ, черезчуръ жарко, а въ Алтынъ-тагѣ всегда безкормица и трудныя ущелья. Но слѣдуетъ также помнить, что въ лѣтніе мѣсяцы по всѣмъ пустынямъ Центральной Азіи ходить съ караванами весьма трудно, и туземцы въ это время никогда не пускаются въ далекій путь.

Хотя на предыдущихъ страницахъ настоящей книги подробно описаны мѣстности, нами пройденныя, слѣдовательно, и новооткрытый путь, но, въ виду исключительнаго интереса, позволю себѣ повторить здѣсь въ сжатомъ видѣ болѣе важныя данныя, касающіяся этой дороги.

Начну съ востока отъ г. Донкыра, какъ исходнаго пункта западнаго Китая къ Цайдаму. Отъ этого города весьма удобный путь ведетъ на плато оз. Куку-нора, развѣтвляясь, огибаетъ его съ сѣвера и юга, а затѣмъ, соединившись близъ устья р. Бухайнъ-гола, весьма пологими подъемомъ и спускомъ, переваливаетъ, на абс. выс. 12,900 фут., черезъ хребетъ Южно-куку-норскій въ степную долину Дабасунъ-гоби. Слѣдуя къ западу по этой долинѣ, та же дорога вскорѣ пересѣкаетъ, опять-таки весьма удобнымъ переваломъ, другую вѣтвь Южно-куку-норскихъ горъ; далѣе идетъ по небольшому ущелью р. Дуланъ-голъ, затѣмъ на протяженіи 15 верстъ по солончаковой равнинѣ, и, прорѣзавъ неболь-

шой горный отрогъ, выходитъ, верстъ чрезъ 30 отсюда, къ урочищу Иргицыкъ, гдѣ уже начинаются солончаковыя болота Цайдама. Путь по юго-восточной его части, на протяженіи 70 верстъ до хырмы Дзунъ-засакъ, не представляетъ особенныхъ трудностей, если имѣть хорошаго вожака, знающаго обходы топкихъ мѣстъ; переправа въ бродъ чрезъ протекающую здѣсь р. Баянъ-голъ также не затруднительна, за исключеніемъ высокой лѣтней воды. Всего отъ г. Донкыра до хырмы Дзунъ-засакъ, у подножія горъ Бурханъ-Будда, 465 верстъ [1]). Эта дорога та самая, по которой давнымъ-давно ходятъ въ Лхассу караваны монгольскихъ богомольцевъ, частью и торговцевъ изъ Тибета въ г. Сининъ и обратно. Вездѣ на вышеописанномъ пути подножнаго корма, воды и топлива достаточно; словомъ, пройдти съ вьюками удобно не только на верблюдахъ, но также на якахъ или лошадяхъ.

Отъ хырмы Дзунъ-засакъ новый путь сворачиваетъ къ западу и на протяженіи 380 верстъ [2]), именно до ур. Уланъ-гаджиръ на р. Уту-мурени, слѣдуетъ вдоль южной окраины безплодныхъ солончаковыхъ равнинъ южнаго Цайдама по кустарной полосѣ, гдѣ, благодаря близкому сосѣдству высокихъ тибетскихъ горъ, ключи, иногда въ видѣ маленькихъ рѣчекъ, встрѣчаются на разстояніи 10—15 верстъ, и лишь одинъ 37-верстный переходъ [3]) безводенъ. Кромѣ того здѣсь лежатъ три порядочныя рѣчки—Номохунъ-голъ, Найджинъ-голъ и Уту-мурень; на двухъ послѣднихъ подножный кормъ въ изобиліи. Его большею частью достаточно, по крайней мѣрѣ осенью, и на ключахъ; кустарное же топливо всюду въ обиліи. Путевая тропа, хорошо наѣзженная мѣстными монголами, выбита въ твердой, какъ камень, солончаковой глинѣ. Топкія болотныя мѣста, по крайней мѣрѣ болѣе обширныя, встрѣчаются лишь изрѣдка, и ихъ вездѣ можно обойдти.

Отъ ур. Уланъ-гаджиръ, которое заканчиваетъ собою болотисто-солончаковыя равнины Цайдама, дальнѣйшій путь измѣняетъ свое прежнее западное направленіе на сѣверо-западное; вмѣстѣ съ тѣмъ вскорѣ является болѣе возвышенная холмистая пустыня съ безплодною песчано-галечною почвою. Здѣсь сразу лежатъ два большихъ безводныхъ перехода: одинъ въ 67 верстъ отъ крайнихъ болотъ Уланъ-гаджира [4]) до ур.

[1]) Это если идти по южному берегу Куку-нора; при слѣдованіи же по сѣверной сторонѣ названнаго озера путь удлиняется верстъ на 40.

[2]) Отъ хырмы Дзунъ-засакъ до р. Номохунъ-голъ 57 верстъ; отсюда до р. Найджинъ-голъ 146 верстъ; отъ Найджинъ-голъ до р. Уту-мурени 177 верстъ.

[3]) Между ключами Дзуха̀ и Хоргонинъ.

[4]) Болотисто-солончаковая мѣстность тянется по описываемому пути еще на 95 верстъ къ сѣверо-западу отъ р. Уту-мурени.

Гансы, обильнаго кормомъ и водою; другой—въ 57 верстъ отъ ур. Гансы до ур. Гасъ. Это послѣднее, довольно обширное, изобилуетъ водою, хорошими пастбищами и мѣстами хармыкомъ для топлива, такъ что представляетъ отличное мѣсто для болѣе продолжительнаго отдыха караванныхъ животныхъ. На сосѣднихъ же рр. Зайсанъ-Сайту и Хатынъ-занъ эти животныя могутъ хорошо откормиться въ теченіе лѣта. Всего отъ р. Уту-мурени до ур. Чöнъ-яръ (гдѣ былъ нашъ складочный пунктъ), въ западной части Гаса, 316 верстъ. За исключеніемъ двухъ вышеуказанныхъ безводныхъ переходовъ, по пути нѣтъ недостатка ни въ водѣ, ни въ топливѣ, ни въ подножномъ кормѣ.

Отъ ур. Чöнъ-яръ дальнѣйшій путь въ восточный Туркестанъ раздѣляется: прямикомъ къ сѣверу можно пройдти на Лобъ-норъ; слѣдуя же къ западу приходятъ въ оазисъ Черченъ. То и другое направленія удобны для караваннаго движенія даже на верблюдахъ. О пути на Лобъ-норъ будетъ подробно расказано ниже при описаніи нашего туда слѣдованія изъ ур. Чöнъ-яръ. Теперь упомяну только, что разстояніе отъ этого урочища до деревни Абдалъ на Лобъ-норѣ 252 версты, на протяженіи которыхъ встрѣчаются два безводныхъ перехода: одинъ въ 72 версты, другой въ 52 версты; притомъ мѣстность гораздо безплоднѣе, чѣмъ на пути западномъ къ Черчену.

Здѣсь первый, 35-ти верстный отъ ур. Чонъ-яръ, переходъ приводитъ къ обильному водою и подножнымъ кормомъ нижнему теченію р. Зайсанъ-Сайту, по которой слѣдуютъ вверхъ на протяженіи 60 верстъ. Далѣе описываемый путь направляется по той же Долинѣ вѣтровъ, въ западной половинѣ которой кормъ и топливо скудны, но сама мѣстность весьма удобна для движенія каравана. Черезъ 225 верстъ отъ ур. Чöнъ-яръ лежитъ начало спуска въ Черченское ущелье. О дальнѣйшей здѣсь дорогѣ мы имѣемъ лишь распросныя свѣдѣнія. По нимъ, какъ было говорено выше, движеніе черезъ окрайній къ Черчену хребетъ не представляетъ затрудненій для вьючныхъ ословъ, или лошадей; нѣсколько труднѣе пройти здѣсь на верблюдахъ. Отъ высшей точки спуска до названнаго оазиса около 200 верстъ. Проходятъ ихъ въ восемь дней, а именно: два дня отъ начала спуска съ Долины вѣтровъ до истока Черченской рѣки изъ многочисленныхъ ключей, питаемыхъ сосѣдними ледниками Алтынъ-тага и Токузъ-дабана; затѣмъ три дня идутъ внизъ по новорожденной рѣкѣ; далѣе переваливаютъ черезъ западный уголъ Алтынъ-тага [1]) и, спустившись внизъ по той же Черченъ-дарьѣ,

[1]) Перевалъ этотъ дѣлается для того, чтобы избѣжать трудныхъ подъемовъ и спусковъ черезъ боковые отроги Токузъ-дабана, упирающіеся въ лѣвый берегъ Черченъ-

приходятъ на третій день (вмѣстѣ съ переваломъ) въ оазисъ Черченъ. Сюда, по описанному отъ г. Донкыра пути, всего около 1590 верстъ, а до Лобъ-нора черезъ Гасъ 1413 верстъ.

Таковъ найденный теперь нами путь изъ западнаго Китая въ Восточный Туркестанъ. Странно, что китайцы, сколько извѣстно, имъ не пользовались для своихъ сношеній съ названною страною, начавшихся еще во II вѣкѣ до Р. Х., при династіи старшихъ Ханей. Эти сношенія то мирныя, то завоевательныя, то оживленныя, то иногда вовсе прекращавшіяся, въ зависимости отъ политическихъ комбинацій, какъ въ Центральной Азіи вообще, такъ и въ самомъ Китаѣ, производились въ первые вѣка нашей эры исключительно черезъ Лобъ-норъ. Дорога шла отъ нынѣшняго г. Са-чжеу на Лобъ-норъ, нынѣшній Черченъ, Хотанъ (Юйтянь), Яркендъ (Соцзюй), Кашгаръ (Сулэ) и далѣе въ западныя страны. Тѣмъ же самымъ путемъ, продолжавшимся черезъ Балхъ (Бактра) и Мервъ (Маргіана) къ южному берегу Каспійскаго моря направлялась древняя торговля запада съ Китаемъ. Съ VIII вѣка по Р. Х. Лобъ-норскій путь потерялъ свое исключительное значеніе для сношеній Китая съ далекимъ западомъ и замѣнился болѣе удобнымъ направленіемъ по Тянъ-шаню, но все таки не окончательно затерялся. Здѣсь проходилъ въ концѣ 13-го вѣка знаменитый Марко-Поло, а въ первой четверти 15-го вѣка проѣхало обратно изъ Китая въ Гератъ посольство Шаха-Рока. Изъ дневника названнаго посольства имѣются послѣднія свѣдѣнія объ этой дорогѣ. Только едва ли она была съ тѣхъ поръ совершенно покинута [1]).

Мнѣ кажется, что главная причина, почему китайцы всегда предпочитали нѣсколько болѣе кружную и, на пространствѣ отъ Са-чжеу до Лобъ-нора, весьма трудную по пустынѣ дорогу, пути, нами описанному, заключалась въ томъ, что лобъ-норскій путь, кромѣ указанной пустыни, сплошь шелъ по культурнымъ мѣстностямъ къ востоку отъ Са-чжеу, да и отъ Лобъ-нора къ Черчену встрѣчалъ, вѣроятно, болѣе осѣдлыхъ

дарьи. Такихъ отроговъ, какъ говорятъ, девять; ради чего и самъ хребетъ получилъ названіе *Токузъ-дабанъ*, т. е. «девять переваловъ».

[1]) По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами въ нынѣшнее путешествіе на Лобъ-норѣ, дунганы-торговцы ѣздили сюда изъ Са-чжеу до послѣдняго магометанскаго возстанія. По ихъ словамъ, путь былъ весьма трудный—безкормица и нѣтъ хорошей воды. Лобъ-норцы также знали, что изъ Черчена черезъ Гасъ можно проѣхать въ Китай. Дорогу эту они назвали *Кумюръ-Салды-іолъ* и говорили намъ по преданію, что здѣсь лѣтъ болѣе сотни тому назадъ (вѣроятно въ половинѣ прошлаго вѣка, при завоеваніи китайцами Восточнаго Туркестана), прошли отряды китайскихъ войскъ для военныхъ дѣйствій противъ Хотана и другихъ южныхъ оазисовъ Таримскаго бассейна.

пунктовъ, чѣмъ теперь; позднѣе же имѣлъ прекрасную станцію въ городѣ Лобъ. Кромѣ того, быть можетъ, въ древности пустынная полоса къ востоку отъ Лобъ-нора до Са-чжеу не была такъ безводна, какъ въ нынѣшнее время. Да наконецъ, болота Цайдама въ тѣ времена могли быть болѣе недоступны, чѣмъ нынѣ; кочевыя же племена, здѣсь и на Куку-норѣ обитавшія, могли безнаказанно грабить торговые караваны, какъ и до сихъ поръ то дѣлаютъ голыки въ Тибетѣ.

Нынѣ все это перемѣнилось. Вслѣдствіе всеобщаго обѣдненія Центральной Азіи водою, пустыня къ западу отъ Лобъ-нора сдѣлалась почти непроходимою, а городъ Лобъ давно уничтоженъ; слѣдовательно, каравану изъ Са-чжеу придется идти по крайне безводной и безплодной мѣстности около 600 верстъ до перваго восточно-туркестанскаго оазиса Чархалыкъ. Да и далѣе, къ оазису Черченъ, дорога на половину (до р. Черченъ-дарья) весьма маловодная и малокормная. Такъ что нынѣ путь изъ южныхъ оазисовъ Восточнаго Туркестана въ Китай наилучшій по направленію, нами рекомендуемому. Еще бо̀льшее значеніе пріобрѣтаетъ этотъ путь въ виду того, что р. Таримъ, какъ въ нынѣшнее путешествіе нами дознано, почти навѣрное судоходна для небольшихъ рѣчныхъ пароходовъ отъ сліянія рр. Яркендской и Аксуйской вплоть до Лобъ-нора.

Обратное наше движеніе.

Повернувъ отъ перевала съ Долины вѣтровъ въ обратный путь, мы зашли прежде всего на ближайшую часть Московскаго хребта, чтобы измѣрить здѣсь нижній предѣлъ ледниковъ. Забравшись всѣмъ караваномъ въ окраину горъ, я и г. Роборовскій отправились пѣшкомъ къ ледникамъ, до которыхъ казалось совершенно близко. Между тѣмъ пришлось лѣзть четыре версты въ кручу, большею частью по голой розсыпи, на сильномъ морозѣ съ вѣтромъ. Послѣ двухчасоваго пути, мы достигли нижняго края одного изъ ледниковъ. Барометръ показалъ здѣсь 15,500 фут. абсолютной высоты. Нужно только замѣтить, что ледникъ этотъ лежалъ въ ущельи сѣвернаго склона горъ.

Идти внизъ по Долинѣ вѣтровъ было гораздо легче уже потому, что постоянный западный вѣтеръ дулъ въ спину, а солнце, хотя сколько нибудь, грѣло на встрѣчу, да и не требовалось дѣлать съемки обратною дорогою. Однако, короткіе зимніе дни и усталость нашихъ лошадей не позволяли двигаться большими переходами. Погода по прежнему стояла очень холодная; но 25-го и 26-го декабря атмосфера наполнилась густою пылью, принесенною, вѣроятно, бурею, разразившеюся въ котловинѣ Тарима, и эта пыль, нагрѣвшись солнцемъ, быстро нагрѣла воздухъ, такъ что 27 декабря, даже при облачномъ небѣ, термометръ въ

1 часъ дня показывалъ $+7,8^0$. Затѣмъ, вскорѣ опять наступилъ холодъ, но менѣе сильный, чѣмъ былъ до сихъ поръ. Зависѣло это частью и отъ того, что мы спустились Долиною вѣтровъ болѣе чѣмъ на 2 т. футовъ по вертикалу до ключевыхъ истоковъ нижняго теченія рѣки Зайсанъ-Сайту. Здѣсь устроена была на двое сутокъ дневка, чтобы отдохнуть, а главное настрѣлять антилопъ оронгò для продовольствія, какъ въ дальнѣйшемъ пути, такъ и по приходѣ на складъ. На первой же охотѣ убиты были 23 названныя антилопы; больше стрѣлять не стали, ибо некуда было вьючить мясо. Черезъ два за тѣмъ перехода внизъ по рѣкѣ Зайсанъ-Сайту мы встрѣтили новый 1885 годъ, правда, при обстановкѣ болѣе чѣмъ скромной, зато съ радостнымъ сердцемъ, въ виду уже исполненнаго за годъ истекшій и съ лучшими надеждами на успѣхи въ году наступающемъ.

Климатъ декабря.

Минувшій декабрь, проведенный нами до 13 числа въ горахъ по рѣкѣ Зайсанъ-Сайту и въ окрестностяхъ озера Незамерзающаго, а затѣмъ на Долинѣ вѣтровъ, въ общемъ при абсолютной высотѣ отъ $10^1|_2$—13 т. футовъ, относительно климатическихъ явленій, характеризовался сильными холодами, постоянными почти вѣтрами, нерѣдко превращавшимися въ бури, и скудостью атмосферныхъ осадковъ.

Въ Долинѣ вѣтровъ, за все время нашего тамъ пребыванія, лишь урывками, на часъ или два, выпадало затишье; затѣмъ днемъ и ночью постоянно дулъ вѣтеръ, все западный (съ небольшимъ уклоненіемъ отъ юга) по направленію названной долины. Восемь разъ въ теченіе описываемаго мѣсяца, этотъ вѣтеръ превращался (всегда днемъ) въ бурю, поднимавшую въ воздухъ тучи пыли и песка; кромѣ того, восемь разъ днемъ и два раза ночью, западный вѣтеръ достигалъ также значительной силы. Каждой почти бурѣ предшествовала и сопутствовала обыкновенно небольшая облачность; передъ бурей же и во время ея по Долинѣ вѣтровъ бѣгали частые, довольно большіе вихри.

Въ двухъ первыхъ третяхъ декабря небо бòльшею частью оставалось яснымъ. Но въ послѣдней трети этого мѣсяца наступила почти постоянная облачность. Въ то же время, съ 25 числа, при довольно тихой погодѣ, атмосфера наполнилась густою пылью, вѣроятно, принесенною бурею, разразившеюся въ бассейнѣ Тарима. Пыль эта продержалась въ воздухѣ шесть сутокъ, и, нагрѣваясь солнцемъ, иногда проглядывавшимъ сквозь облака, нагрѣла атмосферу, какъ уже было сказано выше, до $+7,8^0$ въ тѣни въ 1 часъ дня 27 декабря. Та же пыль уравновѣсила распредѣленіе тепла, по крайней мѣрѣ, въ нижнихъ слояхъ воздуха, такъ что теперь стояли единственныя затишья, наблю-

давшіяся нами въ Долинѣ вѣтровъ. Барометръ же упалъ на 10—12 мм., сравнительно съ его показаніями на тѣхъ самыхъ мѣстахъ мѣсяцемъ ранѣе.

Другую характерную черту декабря составляла его весьма низкая температура: въ ночь съ 19-го на 20-ое число ртуть замерзла, а въ теченіе всего этого мѣсяца, морозъ на восходѣ солнца 8 разъ переходилъ за 30°, да, кромѣ того, 6 разъ былъ болѣе 25°; даже въ 1 часъ по полудни термометръ упадалъ до—18,0°. Притомъ слѣдуетъ оговорить, что морозы могли бы быть еще сильнѣе, если бы по ночамъ почти постоянно не дулъ западный вѣтеръ. Однако, и при этомъ повышающемъ ночную температуру явленіи и при меньшей абсолютной высотѣ, средняя температура нынѣшняго декабря (—15,5°) все-таки нѣсколько ниже, чѣмъ была средняя температура (—14,5°) въ 1872 году того же мѣсяца, проведеннаго нами на плато сѣверо-восточнаго Тибета, по пути отъ рѣки Шуга до болота Хуйтунъ-ширикъ, между 13½—15 т. фут. абсолютной высоты, и лишь немного не достигаетъ средней температуры (—16,3°) декабря 1879 г., когда мы были за хребтомъ Танъ-ла и на пути отсюда до хребта Думбуре на абсолютной высотѣ отъ 14½—16½ т. фут.

Снѣгъ въ описываемомъ мѣсяцѣ шелъ всего 5 разъ и только побѣлялъ землю; даже въ горахъ онъ выпадалъ не глубже чѣмъ на 1—2 дюйма. Въ долинахъ снѣгъ этотъ вскорѣ сдувало вѣтромъ, смѣшивало съ пескомъ и пылью, такъ что онъ быстро пропадалъ.

Экскурсія на рѣку Хатынъ-занъ.

На другой день Новаго года я отправилъ двухъ казаковъ съ нѣсколькими вьючными верблюдами на складочный пунктъ, въ урочище Чонъ-яръ. Сами же мы предприняли непродолжительную экскурсію по рѣкѣ Хатынъ-занъ, чтобы выяснить окончательно расположеніе окрестныхъ ей хребтовъ и прослѣдить названную рѣку. Эта послѣдняя, какъ уже было говорено, зимою не добѣгаетъ верстъ на 10 до рѣки Зайсанъ-Сайту. Пройдя это разстояніе, мы встрѣтили широкія накипи льда, образуемыя постояннымъ, небольшимъ притокомъ воды. По обоимъ берегамъ рѣки здѣсь густо растетъ *балга-мото* (Myricaria) и мѣстами *колосникъ* (Elymus); попадаются также *ломоносъ* (Clematis) и *Ephedra*, а на пескѣ колючій *Oxytropis;* въ кустарныхъ заросляхъ иногда выходятъ изъ подъ земли незамерзающіе ключи. Съ такимъ характеромъ Хатынъ-занъ прорываетъ и хребетъ Цайдамскій короткимъ, но довольно широкимъ ущельемъ. Далѣе вверхъ, описываемая рѣка течетъ по широкой долинѣ, между хребтами Колумба на югѣ и Цайдамскимъ на сѣверѣ. Эта долина въ видѣ корридора, значительно повышающагося, притомъ изборожденнаго, по крайней мѣрѣ въ восточной своей части, гли-

нявыми холмами и увалами, продолжается къ западу, раздѣляя всѣ тѣ же хребты, до самаго ущелья рѣки Зайсанъ-Сайту. Къ востоку долина Хатынъ-зана, отъ заворота этой рѣки (если смотрѣть вверхъ по теченію) къ своимъ истокамъ съ горы Джинъ-ри, расширяется и продолжается также на всю длину хребта Цайдамскаго; затѣмъ сливается съ безплодными равнинами Цайдама. Невдалекѣ передъ тѣмъ, въ описываемую долину выбѣгаетъ съ ледниковъ Джинъ-ри рѣка Баянъ-голъ, которая вскорѣ теряется въ почвѣ. Всего въ длину съ востока на западъ разсматриваемая долина имѣетъ около 270 верстъ. Лучшая ея часть лежитъ по Хатынъ-зану. Здѣсь по обоимъ берегамъ рѣки, которая зимою изрѣдка, на короткіе промежутки, также теряется въ почвѣ, растутъ *бага-мото* и *колосникъ* до 12 т. ф. абсолютной высоты; кромѣ того, встрѣчаются, стелящаяся *Myricaria, ревень* (Rheum sp.), нѣсколько *злаковъ* и кочками травянистый *Oxytropis*.

По ближайшимъ къ Хатынъ-зану частямъ ея долины, почва которой состоитъ изъ лёсса, песка и мелкой гальки, растутъ рѣдкими кустиками: кустарный *чернобыльникъ* (Artemisia sp.) *Reaumuria, бударгана,* изрѣдка *Ptilagrostis* и *Statice*. Изъ звѣрей держатся здѣсь *хуланы*; иногда приходятъ *аргали* (Ovis Dalai-lamae, n. sp.), *яки* и *оронгò*; зайцевъ и мелкихъ *грызуновъ* мало. Среди птицъ, кромѣ общихъ всей здѣшней мѣстности и уже нѣсколько разъ поименованныхъ, найдены были: *саксаульныя сойки* (Podoces Hendersoni) и одна пара *Podoces humilis*, *завирушки* (Accentor fulvescens), *вьюрки* (Erythrospiza mongolica, Passer Stoliczkae), а по ключамъ — *бекасъ-отшельникъ* (Scolopax solitaria). Лѣтомъ сюда пріѣзжаютъ золотоискатели, какъ то видно было по раскопкамъ почвы и слѣдамъ недавнихъ стойбищъ.

По Хатынъ-зану пролегаетъ почти заброшенный нынѣ путь западно-монгольскихъ богомольцевъ чрезъ Лобъ-норъ въ Лхассу. Перейдя Алтынъ-тагъ, эти богомольцы идутъ на западную окраину Гаса или на низовье рѣки Зайсанъ-Сайту и отсюда вверхъ по Хатынъ-зану; черезъ хребетъ Колумба переваливаютъ, вѣроятно, въ раіонѣ между западною снѣговою его частью и меридіаномъ восточной оконечности озера Незамерзающаго [1]). Дальнѣйшихъ подробностей о той же дорогѣ узнать мы не могли. Лишь впослѣдствіи намъ говорили на Лобъ-норѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ указаннымъ путемъ прошла въ Тибетъ и обратно партія торгоутовъ, человѣкъ около сотни [2]); семеро изъ нихъ умерли дорогою.

[1]) Вѣроятно переваломъ *Амбань-Ачканъ*, которымъ проходилъ г. Кэри.

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ торгоутовъ было меньше—около 30 человѣкъ.

Отъ сворота рѣки Зайсанъ-Сайту мы сдѣлали вверхъ по Хатынъ-зану 80 верстъ. Далѣе не пошли, ибо наши лошади въ конецъ устали, да и продовольственные запасы почти совсѣмъ истощились. Но чтобы осмотрѣть, на сколько возможно, мѣстность еще впереди, я отправился съ послѣдняго бивуака въ недалекую окраину Цайдамскаго хребта и, поднявшись здѣсь тысячи на полторы футовъ, сдѣлалъ всѣ необходимыя засѣчки бусолью. Случайно выпавшая на нѣсколько часовъ хорошая, ясная погода, вполнѣ благопріятствовала этой экскурсіи. Высокія горы вверхъ и внизъ по долинѣ Хатынъ-зана были отлично видны на далекомъ протяженіи. Между ними громадная Джинъ-ри рельефно выдѣлялась на свѣтло-голубомъ фонѣ неба. Ея ледники блестѣли на солнцѣ, словно гигантскія зеркала. Гривою протягивалась отъ названной горы къ западу, верстъ на 25—30, такая же громадная ледниковая масса, вѣроятно зачатокъ хребта Колумба. Долина наша къ востоко-юго-востоку уходила за горизонтъ. Въ ближайшей ея части замерзшій Хатынъ-занъ тянулся серебряною лентою и, заворачивая круто къ югу, прятался въ горахъ, вблизи своихъ истоковъ. Къ сѣверу совсѣмъ близко высилась западная снѣговая группа Цайдамскаго хребта и заслоняла собою болѣе далекій въ эту сторону горизонтъ.

Такимъ образомъ, въ связи съ предшествовавшими изысканіями, достаточно выяснилось теперь положеніе какъ ближайшихъ къ намъ хребтовъ, такъ и долины Хатынъ-зана. Можно было возвратиться и на складъ.

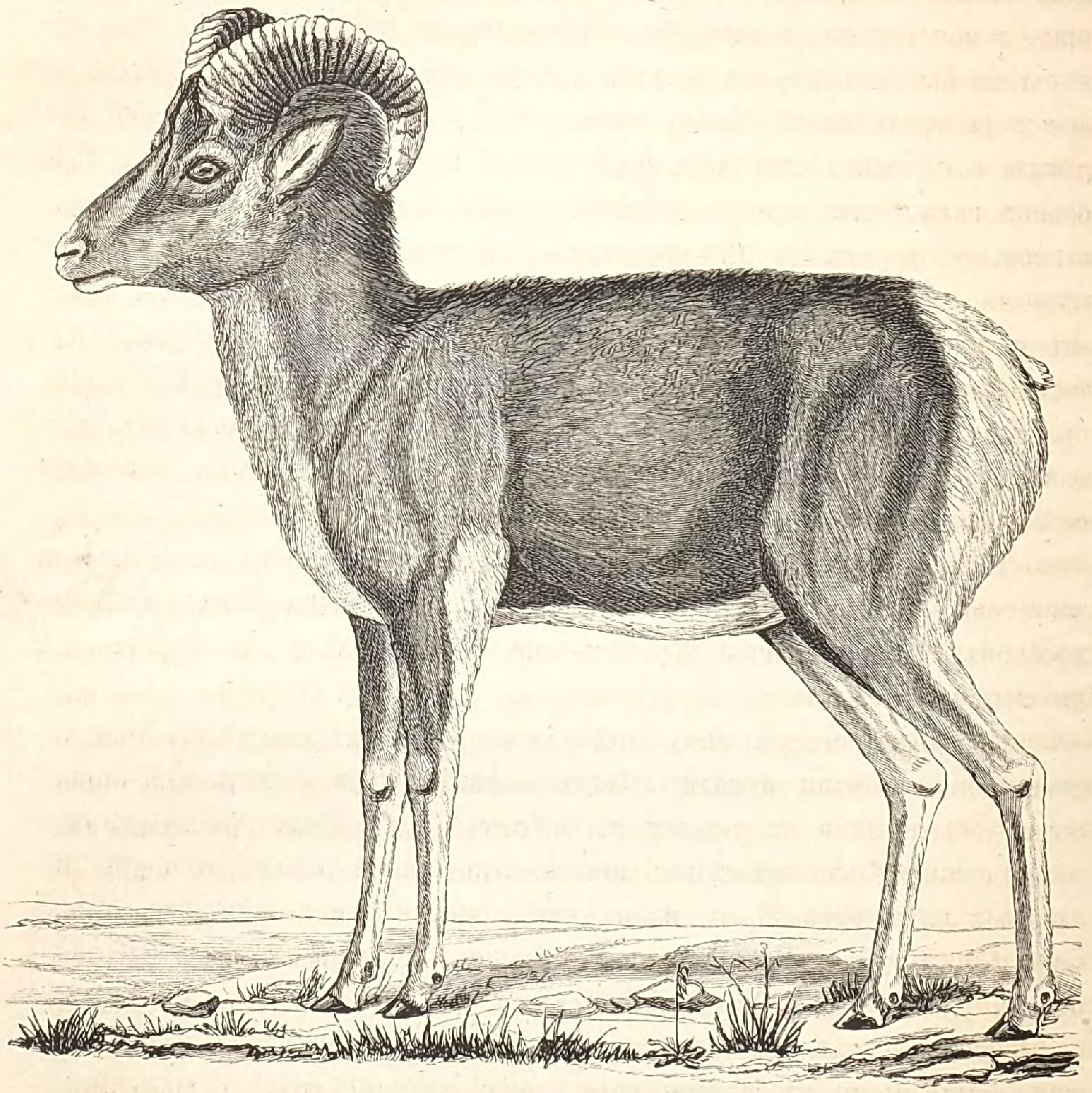
Аргали Далай-ламы.

Незадолго передъ тѣмъ мнѣ удалось убить въ долинѣ же Хатынъ-зана самца и самку аргали; мѣсяцемъ ранѣе пара названныхъ звѣрей была добыта нами въ ущельи р. Зайсанъ-Сайту. Если принять во вниманіе сравнительно небольшіе признаки, которыми различаются уже извѣстные виды аргалей, то вновь найденный можетъ составить также особый видъ. Предлагаю его назвать именемъ земного божества Тибета— *аргали Далай-ламы* (Ovis Dalai-lamae n. sp.).

Этотъ аргали отличается своими небольшими рогами [1]); затѣмъ темно-бурыми, у иныхъ экземпляровъ даже черными возлѣ паховъ пятнами, напоминающими такого же цвѣта полосы у куку-ямановъ. Бѣлая манишка на груди самца мало замѣтна; гораздо бѣлѣе конецъ морды, брюхо, весь задъ, задняя сторона переднихъ и заднихъ ногъ. Окраска

[1]) Рога 5—6-ти-лѣтняго самца, изображеннаго на приложенномъ политипажѣ, имѣютъ по наружному изгибу $23^1/_2$ дюйма, при $13^1/_2$ дюйм. въ окружности основанія; у очень старой самки рога по наружному изгибу $18^1/_2$ дюймовъ, въ окружности основанія $7^1/_2$ дюймовъ.

остальной части туловища, равно какъ шеи и головы, сѣровато-бурая, болѣе темная, черноватая на спинѣ, въ особенности по ея передней части и на загривкѣ, гдѣ волоса удлинены. Вышина самца у переднихъ ногъ почти 4 фута, старой самки 3 ф. 5 дюйм.; длина туловища самца 5 ф. 5 дюйм., самки—5 ф. 1 дюймъ; вѣсъ самца отъ 5—5½ пудовъ, самка приблизительно на одинъ пудъ легче.

Аргали Далай-ламы (Ovis Dalai-lamae n. sp.) [1]).

Помимо западной части главнаго кряжа средняго Куэнъ-люня новый аргали водится въ Чаменъ-тагѣ и, вѣроятно, въ Алтынъ-тагѣ; быть можетъ тотъ же видъ обитаетъ въ Русскомъ и Кэрійскомъ хреб-

[1]) Самецъ (5—6 лѣтъ) въ зимней шерсти; 1/12 натуральной величины.

тахъ. Въ раіонахъ своего распространенія описываемый звѣрь встрѣчается только изрѣдка, притомъ лишь парами или пары двѣ вмѣстѣ; стадъ, хотя бы небольшихъ, мы ни разу не видали; очень рѣдко попадались намъ даже черепа погибшихъ экземпляровъ.

По образу жизни и характеру аргали Далай-ламы совершенно сходствуетъ съ другими своими собратьями [1]). Въ пустынныхъ горахъ своей родины держится, по возможности, на лучшихъ мѣстахъ нижняго горнаго пояса, откуда заходитъ и въ сосѣднія долины.

Возвращеніе на складочн. пунктъ.

Если-бы отъ конечнаго нашего пункта на р. Хатынъ-занъ можно было перевалить на сѣверную сторону Цайдамскаго хребта, то мы сократили бы вдвое свой обратный путь. Но такой возможности не представилось, и нужно было возвращаться прежнею дорогою. Однако это неудобство какъ-то забывалось, въ виду ожидаемаго вскорѣ прибытія на складъ, гдѣ мы надѣялись хотя немного успокоиться отъ трудовъ и невзгодъ зимняго путешествія. За послѣднее время эти невзгоды обострились до крайности. Помимо холодовъ и постоянной грязи вездѣ и во всемъ, у насъ уже не осталось никакихъ продовольственныхъ запасовъ, кромѣ кирпичнаго чая и сквернѣйшей дзамбы, смолотой изъ неочищеннаго ячменя съ остями; казаки мѣтко называли этотъ продуктъ «мохнатая дзамба». Въ звѣриномъ мясѣ хотя мы не нуждались, но это мясо, обыкновенно вареное для ѣды, также опротивѣло до-нельзя, чего, нужно замѣтить, никогда мы не испытывали относительно баранины. Притомъ верблюды наши достаточно уже устали и, вѣроятно, отъ постояннаго вьюченья сдѣлались почти всѣ невыносимыми упрямцами и крикунами; верховыя лошади едва переставляли ноги и безпрестанно спотыкались дорогою, такъ что ѣхать на нихъ было чистымъ наказаньемъ.

При такой обстановкѣ сдѣлали мы три перехода обратно внизъ по Хатынъ-зану, а отсюда въ два пріема перешли безводною мѣстностью до ур. Чонъ-ярь, гдѣ радостно встрѣтились съ остававшимися людьми нашего отряда. Это было 11-го января 1885 г. Въ отсутствіи, т. е. на зимней экскурсіи, мы провели 54 сутки, обошли 784 версты и удачно обслѣдовали одинъ изъ самыхъ невѣдомыхъ уголковъ Центральной Азіи.

На складѣ нашемъ все оказалось благополучно. Оставшіеся казаки были живы и здоровы. Верблюды совершенно отдохнули и поправились на хорошемъ подножномъ кормѣ, что весьма важно было для дальнѣйшаго пути, ибо разсчитывать достать свѣжихъ верблюдовъ въ

[1]) См. «Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 321—323.

бассейнѣ Тарима мы не могли, какъ то и подтвердилось впослѣдствіи. Относительно же лошадей вышло не такъ удачно. Тѣ, которыя ходили съ нами, совершенно истомились, да и остававшіяся на отдыхѣ далеко не поправились какъ слѣдуетъ; четырехъ изъ нихъ пришлось бросить.

По приходѣ на складъ, гдѣ и погода сдѣлалась теплѣе, тотчасъ-же началась стрижка, умываніе и пр., словомъ, приведеніе себя въ образъ человѣческій; послѣ этого мы воспользовались лучшими продуктами изъ своихъ запасовъ. Всѣ минувшія невзгоды теперь стушевались, и лишь въ отрадномъ образѣ являлся въ воспоминаніи успѣхъ совершоннаго путешествія.

Трое сутокъ употреблено было на переустройство багажа, просушиваніе собранныхъ зоологическихъ коллекцій, дополнительныя писанія и пр. Затѣмъ мы покинули свою прекрасную стоянку и направились къ сѣверу на Лобъ-норъ, по пути, отысканному разъѣздомъ еще въ ноябрѣ прошлаго года.

От Гаса до Алтынъ-тага.

На другой день по выходѣ изъ урочища Чонъ-яръ, мы перешли въ самомъ узкомъ мѣстѣ тотъ хребетъ, который служитъ непосредственнымъ продолженіемъ Чаменъ-тага и, протягиваясь къ востоку-сѣверо-востоку верстъ на 160, по всему вѣроятію, соединяется съ Алтынъ-тагомъ; если же не доходитъ до него, то лишь на самый незначительный промежутокъ. Хребетъ этотъ не имѣетъ туземнаго имени (по крайней мѣрѣ узнать таковое мы не могли), и я назвалъ его *Безъименнымъ*, тѣмъ болѣе, что еще въ 1877 году лобъ-норцы сообщали намъ [1]) о неимѣющихъ имени горахъ, сосѣднихъ Алтынъ-тагу. Общій характеръ описываемаго хребта—крайнее безводіе и безплодіе. Въ западной своей части онъ значительно понижается и прилегаетъ здѣсь къ котловинѣ урочища Гасъ. Въ срединѣ же и далѣе къ востоку поднимается (судя на глазъ) быть можетъ до 13—14 т. футовъ абс. выс. Къ востоку отъ этой восточной половины Безъименнаго хребта залегаетъ пустынная площадь сѣверо-западнаго Цайдама, гдѣ, какъ уже было говорено въ предыдущей главѣ, по всему вѣроятію, большихъ горъ нѣтъ и мѣстность представляетъ перепутанную сѣть оголенныхъ холмовъ и уваловъ, рядомъ съ безплодными равнинами болѣе или менѣе обширными. Такая-же равнина является по сѣверную сторону описываемаго хребта и Чаменъ-тага вплоть до Алтынъ-тага.

Перевалъ чрезъ Безъименный хребетъ, гдѣ мы теперь проходили, лежитъ въ западной, низкой части этихъ горъ и возвышается лишь на

[1]) «Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ», стр. 36.

700—800 футовъ надъ ближайшею мѣстностью урочища Гасъ. Подъемъ отсюда весьма пологій; спускъ же на противоположную сторону круче и идетъ, на протяженіи 2—3 верстъ, узкимъ ущельемъ. Горы здѣсь состоятъ изъ конгломерата и сланца, сильно разрушенныхъ и засыпанныхъ лёссомъ. Мѣстами, въ особенности къ востоку, залегаютъ значительныя, какъ кажется, лёссовыя толщи.

По западную сторону описываемаго перевала встрѣчается довольно обширная котловина, занятая солончаками. Въ южной ея окраинѣ, ближе къ восточной снѣговой части Чаменъ-тага, изобильны ключи и лежитъ небольшое, тѣми-же ключами образуемое, озерко *Гашунъ-норъ*. Вода въ немъ чрезвычайно соленая и не замерзаетъ вовсе. По ключамъ растетъ немного травы и густой тростникъ, который теперь былъ истоптанъ и съѣденъ хуланами.

Запасшись льдомъ на ключахъ Гашунъ-нора, мы двинулись отсюда поперекъ той обширной долины, о которой упомянуто выше. Она залегаетъ до Алтынъ-тага на сѣверѣ; съ запада же на востокъ протягивается верстъ на 150. Рыхлая здѣсь почва состоитъ изъ щебня, песка и лёсса; воды нѣтъ вовсе; равно какъ нѣтъ растительной и животной жизни; лишь изрѣдка встрѣчаются слѣды дикихъ верблюдовъ. Въ окрестностяхъ нашего пути, т. е. отъ Гашунъ-нора прямо на сѣверъ до южнаго подножія Алтынъ-тага, описываемая долина имѣетъ болѣе 40 верстъ въ поперечникѣ. Съ тою же шириною она тянется и на западъ; къ востоку значительно съуживается. Абсолютная высота, при двойномъ скатѣ отъ окрайнихъ сѣверныхъ и южныхъ горъ къ срединѣ равнины, опять-таки по направленію нами пройденному, колеблется между 10—11 т. футовъ; но къ востоку и западу мѣстность, быть можетъ, нѣсколько повышается.

Два дня употребили мы на переходъ вышеописанной долины. Во второй половинѣ этого пути шли тропинкой, по которой ѣздятъ лобъ-норцы въ Гасъ. Здѣсь-же ходятъ, по крайней мѣрѣ прежде чаще ходили, богомольцы торгоуты въ Тибетъ. Мы даже видѣли давній колесный слѣдъ. Это, вѣроятно, ѣхалъ въ телѣгѣ какой нибудь важный лама, или богатый князь на поклоненіе въ Лхассу; въ непроходимыхъ для двуколки мѣстахъ, ее, конечно, разбирали и клали на вьюкъ. Такимъ образомъ важныя монгольскія особы изрѣдка до сихъ поръ путешествуютъ изъ Урги въ столицу Далай-ламы.

Переходъ черезъ этотъ хребетъ.

Хребетъ Алтынъ-тагъ, о которомъ не разъ упоминалось выше и возлѣ котораго мы теперь находились, былъ открытъ мною въ концѣ 1876 года во время Лобъ-норскаго путешествія. Его названіе въ пере-

водѣ означаетъ «золотой хребетъ» [1]) и дано, вѣроятно, вслѣдствіе обилія здѣсь золота. При общемъ направленіи отъ запада-юго-запада къ востоко-сѣверо-востоку описываемый хребетъ тянется на 700 верстъ—отъ верховья р. Черченской до снѣговой группы Анембаръ-ула, близъ Са-чжеу. Здѣсь Алтынъ-тагъ соединяется непосредственно съ Нанъ-шанемъ; на западѣ же примыкаетъ къ Токузъ-дабану съ его дальнѣйшими продолженіями. Такимъ образомъ является непрерывная, огораживающая съ сѣвера высокое нагорье Тибета, цѣпь горъ отъ верхней Хуанъ-хэ до Памира. Алтынъ-тагъ лежитъ какъ разъ въ срединѣ этой громадной цѣпи и, подобно другимъ окраиннимъ горамъ Центральной Азіи, пускаетъ на высокое плато лишь незначительный скатъ, но вполнѣ развивается къ сторонѣ своего низкаго подножія, т. е. къ Лобъ-норской пустынѣ. За снѣговую линію тотъ-же хребетъ переходитъ лишь въ крайней западной части, близъ истока Черченской рѣки; но тѣмъ не менѣе на всемъ своемъ протяженіи весьма высокъ, дикъ и трудно-доступенъ. Изъ поперечныхъ проходовъ намъ извѣстенъ здѣсь лишь тотъ, по которому мы теперь спускались; онъ же, какъ говорятъ, и самый удобный. Къ западу отъ этого прохода лежитъ (по распроснымъ свѣдѣніямъ) также поперечный путь вверхъ по рѣкѣ Джахансай [2]), но тамъ трудно пройдти даже на вьючныхъ ослахъ или лошадяхъ. Быть можетъ, въ разсматриваемомъ хребтѣ существуютъ и другія поперечныя тропы; во всякомъ случаѣ ихъ немного и для караванныхъ верблюдовъ онѣ недоступны.

Характеристикой Алтынъ-тага могутъ также служить его высокія, обыкновенно продольныя общему направленію хребта, долины съ лёссовою почвою, но безводныя, а потому чрезвычайно бѣдныя растительностью [3]). Вообще описываемый хребетъ очень бѣденъ водою. Ключи здѣсь встрѣчаются лишь изрѣдка; притомъ вода въ нихъ иногда горько-соленая. Изъ рѣчекъ же, помимо *Черченъ-дарьи*, огибающей западный уголъ Алтынъ-тага, по порядку отсюда къ востоку слѣдуютъ лишь незначительныя: *Вашъ-шари-дарья*, *Чархалыкъ-дарья*, *Джахансай-дарья*, *Курганъ-булакъ* и *Джаскансай-дарья*. Въ восточной половинѣ того-же Алтынъ-тага, совершенно неизвѣстной, воды, по всему вѣроятію, еще меньше.

При такомъ маловодіи, обусловленномъ отсутствіемъ вѣчно-снѣговыхъ вершинъ и малымъ количествомъ водяныхъ осадковъ, раститель-

[1]) Алтынъ—«золото» по монгольски; тагъ—«хребетъ» по тюркски.

[2]) Тамъ проходилъ г. Кэри.

[3]) Наибольшая изъ такихъ долинъ намъ извѣстная—это *Бектаръ*; она лежитъ въ 15—20 верстахъ къ сѣверу-востоку отъ ключеваго истока р. Курганъ-булакъ.

ная и животная жизнь описываемыхъ горъ весьма бѣдныя. Проведя здѣсь въ 1877 году весь январь, мы нашли всего 13 видовъ млекопитающихъ и 18 видовъ птицъ [1]). Тѣ и другія почти всѣ встрѣчаются въ сосѣднихъ хребтахъ тибетскаго нагорья. Жителей въ Алтынъ-тагѣ нѣтъ; но лѣтомъ и осенью пріѣзжаютъ сюда охотники съ Лобъ-нора и изъ оазиса Чархалыкъ.

Въ направленіи, нами пройденномъ, южный склонъ Алтынъ-тага имѣетъ всего лишь нѣсколько верстъ въ ширину и подъемъ здѣсь со стороны плато Тибета на перевалъ къ Лобъ-нору совершенно незамѣтенъ. Вершина этого спуска лежитъ на абс. высотѣ 11,100 футовъ. Главная же ось Алтынъ-тага, обозначенная грядою высокихъ скалистыхъ (черный известнякъ, рѣже мраморъ) пиковъ, проходитъ верстахъ въ четырехъ сѣвернѣе и прорывается узкимъ ущельемъ, по которому мы спускались. Идти здѣсь съ верблюдами было затруднительно, ибо кое-гдѣ боковыя стѣны наноса обвалились и засыпали дорогу; пришлось въ нѣсколькихъ мѣстахъ ее расчищать. Далѣе препятствій для движенія каравана уже не встрѣчалось. Какъ долины, такъ и большая часть склоновъ верхняго пояса здѣшнихъ горъ засыпаны лёссомъ. Воды нѣтъ [2]); безплодіе ужасное. Изъ растеній встрѣчаются вразсыпную лишь *Reaumuria*, кустарная *Artemisia*, *бѣлолозникъ? бударгана*; изрѣдка по скаламъ *ломоносъ*. Птицъ мы не видѣли вовсе. Изъ звѣрей же держатся *кукуяманы* (Pseudois Nahoor), и *аргали* (Ovis Dalai-lamae n. sp.); заходятъ также *дикіе яки и дикіе верблюды*. Снѣгъ на южномъ склонѣ Алтынъ-тага лежалъ только въ верхнемъ поясѣ въ ущельяхъ и рытвинахъ сѣверныхъ скатовъ горъ, да и то небольшими пластами.

Черезъ 26 верстъ отъ вершины спуска, понизившись почти на 3 т. футовъ, мы пришли на ключевой истокъ р. *Курганъ-булакъ*, или *Курганъ-сай*, въ то самое мѣсто, чрезъ которое пролегалъ нашъ путь въ январѣ 1877 года. Тогда мы продвинулись отсюда еще на 93 версты къ востоку [3]), въ направленіи къ г. Са-чжеу. Дорога эта для верблюдовъ очень трудная; мѣстность безплодная и маловодная. Но все таки пройти здѣсь въ названный оазисъ лучше, чѣмъ другимъ отъ Лобъ-нора путемъ—чрезъ безводные пески Кумъ-тагъ.

[1]) «Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ», стр. 37 и 38. Тамъ поименованы эти виды. Слѣдуетъ только исправить; вмѣсто Ovis Polii—*Ovis Dalai-lamae*; вмѣсто Podoces tarimensis—*Podoces Hendersoni*. Вообще дополнительно объ Алтынъ-тагѣ см. указанную брошюру, стр. 34—38.

[2]) Первый ключъ по нашему пути встрѣтился въ 15 верстахъ отъ пройденнаго перевала, слѣдовательно, въ 72 верстахъ отъ ключей близъ Гашунъ-нора. На всемъ этомъ пространствѣ воды нѣтъ вовсе.

[3]) До ключа Галечанъ-булакъ.

Встрѣтивъ при входѣ въ ущелье Курганъ-сай хорошій для верблюдовъ подножный кормъ, мы остались здѣсь дневать. Въ ту же ночь, не смотря на значительно меньшую, чѣмъ до сихъ поръ, абс. высоту, грянулъ на разсвѣтѣ морозъ въ—29,7°. Такого холода мы еще не наблюдали въ январѣ, даже по ту сторону Алтынъ-тага. Впрочемъ, лишь только поднялось солнце, температура быстро повысилась и въ 1 часъ дня термометръ въ тѣни показывалъ уже+0,9°.

Возлѣ нашего теперь бивуака, на небольшемъ холмѣ, лежало маленькое, полуразрушенное глиняное укрѣпленіе [1]), которое нѣкогда запирало здѣсь проходъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, такія-же древнія заставы встрѣчаются въ нѣкоторыхъ другихъ ущельяхъ Алтынъ-тага.

Въ слѣдующіе затѣмъ два перехода мы спустились по Курганъ-сайскому ущелью къ выходу изъ описываемаго хребта. Мѣстность понизилась до 5,800 фут. абс. выс. Сама р. Курганъ-булакъ течетъ прерывисто—то исчезаетъ въ почвѣ, то вновь появляется; въ окраинѣ же Алтынъ-тага вовсе пропадаетъ. Вода въ этой рѣчкѣ горько-соленая. Накипи льда мѣстами были довольно велики и для перехода ихъ съ верблюдами пришлось, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, насыпать тропинку землею или пескомъ. Боковыя горы того-же ущелья, въ верхней его части, высоки и скалисты; онѣ состоятъ изъ гранита, доломита и роговообманковой породы; въ среднемъ поясѣ скалъ меньше, и здѣсь преобладаетъ мраморъ; наружную окраину къ сторонѣ Лобъ-нора занимаютъ холмы изъ гальки и лёсса.

Разсматриваемыя горы совершенно безплодны, но по ущелью растутъ: *мирикарія* (Myricaria germanica, var.), которая встрѣтилась намъ еще на абс. высотѣ въ 9 т. футовъ, внизъ же отъ 7 т. футовъ замѣняется *тамарискомъ* (Tamarix laxa?); футовъ на 500 отсюда пониже впервые попадается, хотя изрѣдка, разнолистный тополь, или, по мѣстному, *тугракъ* (Populus diversifolia). Въ томъ же ущельи найдены: *хармыкъ* (Nitraria Schoberi), *сугакъ* (Lycium sp.), *ягодный хвойникъ* (Ephedra sp.), *Halostahys* caspia въ 7 фут. вышиною, *Zygophyllum sp.* (въ верхнемъ поясѣ), *чагеранъ* (Hedysarum sp.), *Reaumuria, бударгана*; въ изобиліи *тростникъ* (Phragmites communis), который восходитъ до 9 т. фут. аб. выс. *дырисунъ*, или по тюркски *чій* (Lasiagrostis splendens), въ небольшомъ количествѣ; *жеруха* (Lepidium sp.), *Karelinia caspica* и, при выходѣ изъ горъ, *джантакъ* (Alhagi camelorum).

[1]) «Курганъ» по тюркски; «хырма» по монгольски.

Изъ звѣрей мы встрѣтили только обыкновеннаго *волка*; видѣли слѣды *барса, тигра* и *кабановъ*. Птицъ нашли также немного—*кеклика* (Caccabis chukar), *клушицу* (Fregilus graculus), *ворона* (Corvus corax), *завирушку* (Accentor fulvescens), *пустынную синичку* (Leptopoecile Sophiae) и, вѣроятно зимующую, *горихвостку* (Ruticilla sp.). Судя по наносамъ кустарнаго лома на заворотахъ ущелій, лѣтомъ въ Алтынъ-тагѣ падаютъ, хотя вѣроятно изрѣдка, значительные дожди.

По выходѣ изъ ущелья Курганъ-сай, дальнѣйшій путь нашъ лежалъ къ западо-сѣверо-западу поперекъ обширной, покатой отъ подножія Алтынъ-тага къ Лобъ-нору, равнины. Двойнымъ переходомъ, съ ночевкою по срединѣ, прошли мы здѣсь 52 безводныхъ версты до ключа *Ащи-булакъ*. Вначалѣ, верстъ на восемь отъ Курганъ-сая, тянулись глиняные холмы; въ ихъ окраинѣ мы встрѣтили мѣсто своего здѣсь бивуака зимою 1877 года. Не смотря на то, что съ тѣхъ поръ минуло уже восемь лѣтъ, еще хорошо сохранились слѣды нашей юрты и лежбищъ верблюдовъ; цѣлы были уголья нашего костра и даже оставшіяся тогда лишнія дрова. Прибытіе на Лобъ-норъ.

Почва равнины, по которой мы затѣмъ шли, состоитъ изъ гальки, лёсса и песка, рыхло насыпанныхъ; мѣстами валяются камни, обдѣланные бурями въ разныя причудливыя формы, какъ напр., сѣделъ, башмаковъ, блюдецъ и т. п. Иногда встрѣчаются протянувшіяся отъ горъ русла, обозначающія собою направленіе рѣдкихъ дождевыхъ потоковъ. Сама равнина безплодна; лишь въ раіонѣ ближайшемъ къ горамъ, вразсыпную растутъ—корявые кусты *саксаула, Calligonum, Reaumuria* и *Ephedra*. Тропинка хорошо наѣзжена и при томъ часто обозначена сложенными изъ камней кучами (обò), иногда весьма большими.

На ключѣ Ащи-булакъ, вода котораго горько-соленая, мы спустились уже до уровня Лобъ-нора, т. е. на 2,600 фут. абс. высоты. Такъ низко не были отъ самой Кяхты. Нечего говорить, что теперь стало теплѣе, хотя въ нынѣшнемъ году зима на Лобъ-норѣ стояла холодная и даже на нѣсколько дней выпадалъ снѣгъ. До сихъ поръ еще лежали, въ укрытыхъ отъ солнца мѣстахъ, занесенные лёссовой пылью, снѣжные сугробики.

Отъ Ащи-булака мы прошли сначала 10 верстъ до южнаго берега Лобъ-нора, а затѣмъ 27 верстъ вдоль по этому берегу. Мѣстность здѣсь отвратительная—голый солончакъ, взъерошенный на своей поверхности, словно застывшія волны. Такая полоса, бывшее дно озера, облегаетъ верстъ на десять въ ширину южный берегъ Лобъ-нора въ мѣстности нами пройденной; къ востоку-же, вѣроятно, значительно рас-

ширяется. На самомъ Лобъ-норѣ еще лежалъ теперь сплошной ледъ, болѣе фута толщиною. Замерзшая полоса чистой, не поросшей тростникомъ воды, протянувшаяся вдоль южнаго берега названнаго озера и имѣвшая въ 1877 году отъ 1—3 верстъ въ ширину, нынѣ стала болѣе чѣмъ на половину уже, вслѣдствіе общаго уменьшенія воды въ Лобъ-норѣ. Здѣсь мы теперь радостно увидѣли первыхъ вѣстниковъ ранней весны—небольшое стадо утокъ и двѣ стайки лебедей. Люди же еще не показывались, хотя по временамъ изъ тростниковъ озера поднимался дымъ, обозначавшій присутствіе жилья человѣческаго. Какъ оказалось потомъ, лобъ-норцы вскорѣ насъ замѣтили, но, не зная кто идетъ къ нимъ, попрятались въ тростникахъ. Подозрѣвая это, я послалъ съ послѣдней ночевки впередъ переводчика Абдула и урядника Иринчинова (бывшихъ со мной въ 1877 г. на Лобъ-норѣ) въ деревню Абдалъ, резиденцію Лобъ-норскаго правителя Кунчиканъ-бека. Посланные нашли названную деревню совершенно пустою; только послѣ громкихъ приглашеній нашего переводчика жители вылѣзли изъ тростниковъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, они весьма намъ обрадовались, поспѣшно поѣхали на встрѣчу и даже вынесли только-что испеченный хлѣбъ. Въ сопровожденіи этой свиты, мы сдѣлали еще нѣсколько верстъ и около полудня 28 января 1885 года раскинули свою стоянку возлѣ деревни *Новый Абдалъ*, лежащей въ четырехъ верстахъ западнѣе стараго Абдала, гдѣ мы бивуакировали всю весну 1877 г.

Съ выходомъ теперь на Лобъ-норъ замкнулась третья линія моихъ путей по Центральной Азіи. Всѣ они ведутъ въ Тибетъ отъ разныхъ пунктовъ нашей съ Китаемъ границы: первый направляется изъ Кяхты чрезъ Ургу, Ала-шань, Гань-су, Куку-норъ и Цайдамъ; второй—изъ Кульджи чрезъ Юлдусъ, Курля, Лобъ-норъ и Гасъ; третій—изъ Зайсана чрезъ Хами, Са-чжеу и Цайдамъ. Наконецъ, въ томъ же 1885 году прибавленъ былъ нами четвертый путь, также въ Тибетъ, изъ предѣловъ Семирѣчья, чрезъ Аксу и Хотанъ.

ГЛАВА VIII.

Лобъ-норъ и нижній Таримъ.

Первое мое здѣсь путешествіе.—Очеркъ нижняго теченія Тарима.—Озеро Лобъ-норъ.—Его флора и фауна.—Мѣстные жители.—Ихъ численность и управленіе, наружный типъ, одежда, жилище, домашняя обстановка, пища, занятія, обычаи, языкъ и вѣрованія, умственныя и нравственныя качества; характеристика Кунчиканъ-бека.—Свѣдѣнія о пребываніи русскихъ староверовъ на Лобъ-норѣ.

Первое мое здѣсь путешествіе.

Немного болѣе десяти лѣтъ тому назадъ мѣстности, о которыхъ ниже пойдетъ рѣчь, представляли собою одинъ изъ самыхъ невѣдомыхъ уголковъ Центральной Азіи. Хотя по китайскимъ описаніямъ [1]) извѣстно было, что рѣка Таримъ собираетъ въ себя воды главнѣйшихъ рѣкъ обширной котловины Восточнаго Туркестана и впадаетъ въ оз. Лобъ-норъ, но положеніе этого озера и направленіе къ нему нижняго Тарима показывались на китайской картѣ, а съ нея скопированы были и на карты европейскія, совершенно невѣрно. Мало того, даже громадный Алтынъ-тагъ, стоящій вблизи южнаго берега Лобъ-нора и протянувшійся на востокъ къ г. Са-чжеу, а на западъ, въ связи съ другими хребтами, къ гг. Кэріи и Хотану, былъ совершенно неизвѣстенъ [2]),

[1]) Изъ нихъ главнѣйшее (по крайней мѣрѣ изъ переведенныхъ на европейскіе языки) для нынѣшняго Вост. Туркестана, какъ извѣстно, есть книга *Си-юй-вынь-цзянь-лу* (Описаніе западнаго края), составленная въ концѣ прошлаго вѣка манчжурскимъ чиновникомъ, видѣвшимъ лично описываемую страну. Переводъ и извлеченіе изъ этой книги на русскомъ языкѣ сдѣланы у Іоакинфа въ «Описаніи Чжунгаріи и Вост. Туркестана»; помѣщены также въ «Землевѣдѣніи Азіи» Риттера, въ отдѣлѣ «Восточный Туркестанъ», перев. Григорьева. О томъ же бассейнѣ Тарима трактуетъ и болѣе новая китайская книга *Си-юй-шуй-дао-цзи*, написанная также китайцемъ-очевидцемъ и изданная въ 1823 году. Переводъ въ извлеченіи этой книги, сдѣланный В. М. Успенскимъ, напечатанъ въ VI томѣ «Записокъ» Императорскаго Русскаго Географич. Общества по отдѣленію этнографіи.

[2]) Предполагалось, согласно китайскимъ описаніямъ, что болота и топи Лобъ-нора, перемѣшиваясь съ песчаными площадями и горными грядами, тянутся на юго-востокъ

не смотря на то, что вдоль всѣхъ этихъ горъ еще въ глубокой древности пролегалъ оживленный караванный путь въ Китай. Относительно природы разсматриваемой мѣстности, т. е. о ея климатѣ, флорѣ и фаунѣ, также не имѣлось почти никакихъ свѣдѣній [1]). Мнѣ лично выпала счастливая доля быть первымъ, послѣ венеціанца Марко-Поло, европейцемъ—очевидцемъ и изслѣдователемъ таинственнаго Лобъ-нора съ нижнимъ Таримомъ, какъ равно невѣдомыхъ мѣстностей, лежащихъ отсюда къ юго-западу до Хотана. Послѣдній путь пройденъ въ нынѣшнее наше путешествіе. На Лобъ-норѣ же и Таримѣ я былъ впервые въ концѣ 1876 г. и въ первой трети 1877 г. во время своего втораго путешествія по Центральной Азіи [2]).

Бѣгло вспоминая объ этомъ путешествіи, скажу, что исходнымъ нашимъ пунктомъ былъ тогда временно принадлежавшій Россіи г. Кульджа. Отсюда мы выступили, въ числѣ 9 человѣкъ [3]) съ 24 караванными верблюдами, въ половинѣ августа 1876 года и, пройдя вверхъ по долинамъ рр. Или и Кунгеса, а затѣмъ вдоль по Малому Юлдусу черезъ Тянъ-шань, спустились въ половинѣ октября въ долину Хайду-гола близъ г. Карашара. Очутившись такимъ образомъ во владѣніяхъ кашгарскаго Якубъ-бека, мы тотчасъ же попали здѣсь подъ самый строгій надзоръ, который почти не прекращался во все время нашего шестимѣсячнаго пребыванія въ предѣлахъ Джитышара [4]). Однако Якубъ-бекъ, занятый въ это время усиленными приготовленіями къ борьбѣ съ китайцами и нежелавшій ради того дѣлать что либо непріятное русскимъ—тѣмъ болѣе, что тогдашній генералъ-губернаторъ нашего Туркестана К. П. фонъ-Кауфманъ письменно просилъ оказать мнѣ содѣйствіе—не воспрепятствовалъ нашему движенію на Лобъ-норъ. Счастли-

и югъ отъ названнаго озера до Куку-нора и Тибета. Въ сѣверо-восточномъ углу послѣдняго, согласно китайской гипотезѣ, вода Тарима, пробирающаяся отъ Лобъ-нора подъ землею, снова выходитъ на поверхность почвы въ видѣ многочисленныхъ ключей ур. Синъсу-хай или Одонь-тала и даетъ начало Желтой рѣкѣ.

[1]) Сообщаемыя на этотъ счетъ данныя въ вышеназванной китайской книгѣ Си-юй-вынь-цзянь-лу крайне отрывочны, иногда же просто нелѣпы.

[2]) Отчетъ объ этомъ путешествіи подъ заглавіемъ «Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ» представленъ былъ мною въ 1877 году Географическому Обществу и напечатанъ въ XIII томѣ «Извѣстій» этого Общества; изданъ также отдѣльною брошюрою. Теперь сжато повторяются нѣкоторыя изложенныя тогда данныя для связи съ нижеслѣдующимъ болѣе полнымъ описаніемъ Лобъ-нора. Нѣкоторыя измѣненія противъ названнаго отчета, въ особенности относительно туземцевъ, явились теперь потому, что, при нынѣшнемъ посѣщеніи Лобъ-нора, мы были гораздо свободнѣе въ своихъ изслѣдованіяхъ, и мѣстные жители относились къ намъ гораздо откровеннѣе.

[3]) Я, мой помощникъ г. Эклонъ, переводчикъ и 6 казаковъ.

[4]) Т. е. «Седьмиградія»—такъ называлось царство Якубъ-бека по числу семи въ немъ городовъ.

вымъ случаемъ напали мы сверхъ того на одного изъ близкихъ къ владѣтелю Джитышара людей—Заманъ-бека, выходца изъ нашего Закавказья. Этотъ Заманъ-бекъ назначенъ былъ сопутствовать намъ на Лобъноръ и на сколько могъ постоянно дѣйствовалъ въ нашу пользу [1]). Тѣмъ не менѣе мы были почти всегда изолированы отъ мѣстнаго населенія и окружены постояннымъ шпіонствомъ со стороны другихъ клевретовъ Якубъ-бека. Научныя изслѣдованія, въ особенности этнографическія изысканія, весьма много черезъ это тормазились, иногда совершенно были невозможны. Такъ даже я не дѣлалъ въ передній путь съемки, чтобы не возбудить излишнихъ подозрѣній. При томъ насъ повели сначала самою трудною дорогою, вѣроятно, съ цѣлію заставить добровольно вернуться. Однако наружно намъ оказывался извѣстный почетъ и, по азіятскому обычаю, отпускалась безденежно провизія; снабжены мы были также свѣжими верблюдами взамѣнъ уставшихъ изъ нашего каравана.

Перейдя изъ долины Хайду-гола въ г. Курля, мы выступили отсюда 4 ноября къ Лобъ-нору. Сначала слѣдовали 85 верстъ до Тарима; на этомъ пути дважды переправлялись съ верблюдами вплавь черезъ рр. Конче-дарья и Инчике-дарья. Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ по лѣвому берегу Тарима до переправы черезъ него, называемой Айрылганъ. На этомъ пространствѣ изрѣдка встрѣчались поселенія туземцевъ; пришлось также переправляться (на плоту) черезъ значительный рукавъ Тарима—Кюкъ-ала-дарья, въ который вскорѣ впадаетъ р. Конче-дарья. Самый же рукавъ соединяется вновь съ Таримомъ возлѣ названной переправы, за которою мы шли по правому берегу Тарима почти до самаго впаденія его въ оз. Кара-буранъ. Затѣмъ минуя, совершенно противъ воли, названное озеро, а вмѣстѣ съ нимъ и Лобъ-норъ, мы спустились еще верстъ 40 къ югу до деревни Чархалыкъ, гдѣ наши спутники нашли для себя удобнымъ зимовать. Оставивъ большую часть багажа, переводчика и трехъ казаковъ въ томъ же Чархалыкѣ, я налегкѣ предпринялъ въ концѣ декабря экскурсію къ западу въ горы Алтынъ-тагъ, чтобы познакомиться съ этимъ хребтомъ и убить дикаго верблюда. Послѣднее не удалось [2]), но мѣстность мы осмотрѣли болѣе чѣмъ на 250 верстъ по пути отъ Чархалыка къ оазису Са-чжеу. Вернувшись въ

[1]) По смерти Якубъ-бека и послѣдовавшемъ затѣмъ покореніи Вост. Туркестана китайцами, Заманъ-бекъ былъ ласково принятъ въ нашихъ предѣлахъ и теперь состоитъ на службѣ въ Семирѣчьи.

[2]) Впослѣдствіи мы добыли для своей коллекціи три прекрасныя шкуры дикихъ верблюдовъ и одного верблюженка отъ лобъ-норскихъ охотниковъ.

началѣ февраля 1877 года къ Лобъ-нору, мы пробыли здѣсь до последней трети марта, наблюдая весенній пролетъ птицъ; затѣмъ прежнимъ путемъ направились вверхъ по Тариму и 23 апрѣля прибыли въ г. Курля. Здѣсь я имѣлъ свиданіе съ Якубъ-бекомъ, который принялъ меня весьма ласково и любезно. Несомнѣнно, что вліяніе Заманъ-бека много помогло такому настроенію этого коварнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма замѣчательнаго человѣка. Звѣзда его была теперь уже на закатѣ. Черезъ три недѣли послѣ нашего свиданія Якубъ-бекъ скончался скоропостижно [1]). Вслѣдъ затѣмъ рушилось и царство имъ созданное.

Изъ Курля мы пошли въ началѣ мая прежнею дорогою за р. Хайду-голъ и въ Тянъ-шань, гдѣ оставались нѣсколько дольше по случаю падежа караванныхъ верблюдовъ. Получивъ новыхъ вьючныхъ животныхъ, мы ускорили свой путь и въ началѣ іюля 1877 г. прибыли обратно въ Кульджу.

Главнѣйшіе географическіе результаты этого путешествія заключались: въ опредѣленіи истиннаго положенія нижняго Тарима и оз. Лобъ-нора, которое передвинулось на географическихъ картахъ на цѣлый градусъ къ югу по широтѣ и столько же, даже немного болѣе, къ востоку по долготѣ; въ открытіи громаднаго Алтынъ-тага, черезъ что тибетское нагорье поднялось къ сѣверу почти на 3^0 широты, выяснилась связь между Куэнъ-люнемъ и Нанъ-шанемъ, и опредѣлилось направленіе древнихъ здѣсь путей.

Начнемъ о нижнемъ Таримѣ [2]).

Очеркъ нижн. течен. Тарима.

Почти на меридіанѣ г. Карашара и немного выше 41 параллели, тамъ гдѣ приходящая изъ ледниковъ Мусарта рѣка, извѣстная въ нижнемъ своемъ теченіи подъ именемъ *Угенъ-дарьи*, впадаетъ при абс. выс. мѣстности около 2,900 футовъ въ Таримъ [3]), послѣдній круто измѣняетъ свое прежнее западно-восточное направленіе на юго-восточное, а потомъ на южное и пробѣгаетъ такимъ образомъ еще около 250 верстъ (не считая извилинъ теченія) до впаденія въ оз. Кара-буранъ. Это *нижнее* теченіе Тарима, помимо общаго измѣненія его направленія, характеризуется

[1]) По однимъ свѣдѣніямъ (Куропаткинъ. «Кашгарія», стр. 211) Якубъ-бекъ скончался отъ апоплексическаго удара. Въ нынѣшнее же путешествіе мы неоднократно слышали отъ туземцевъ, что Якубъ-бекъ былъ отравленъ правителемъ Хотана Ніязъ-бекомъ, подкупленнымъ китайцами. Отраву, какъ говорятъ, положилъ въ пищу одинъ изъ любимыхъ прислужниковъ (бачей) Якубъ-бека.

[2]) Подробнѣе о той же части Тарима см. «Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ» стр. 17—24, 29, 31, 44, 45 и 47.

[3]) По недавнему изслѣдованію г. Кэри Угенъ-дарья составляетъ рукавъ самаго Тарима. Наши свѣдѣнія о самостоятельности Угенъ-дарьи почерпнуты были въ 1876—77 гг. изъ распросовъ туземцевъ.

значительною глубиною какъ главной рѣки, такъ равно ея рукавовъ и притоковъ. Всѣ они текутъ довольно быстро по рыхлой лёссовой или песчаной почвѣ и вырыли себѣ корытообразныя русла. Средняя глубина самаго Тарима на описываемомъ протяженіи не менѣе 2—3 саженъ, хотя ширина его, достигающая при впаденіи Угенъ-дарьи 50—60 саженъ, уменьшается по мѣрѣ удаленія къ югу. Но и въ самомъ узкомъ мѣстѣ, именно на переправѣ *Айрылганъ*, тотъ же Таримъ все-таки имѣетъ отъ одного берега до другого 15 саженъ при глубинѣ въ 21 футъ; вслѣдъ затѣмъ опять расширяется вдвое и болѣе, соединившись съ своимъ главнымъ рукавомъ *Кюкъ-ала-дарья*. Этотъ послѣдній отдѣляется отъ описываемой рѣки верстахъ въ 50 ниже устья Угенъ-дарьи и вскорѣ принимаетъ слѣва рѣку *Конче-дарья*, составляющую стокъ озера *Багарашъ* (*Баграчъ-куль* или по монгольски *Денгисъ*). Въ ту же Конче-дарья значительно выше впадаетъ справа рѣка *Инчике-дарья*, которая, по распроснымъ свѣдѣніямъ, представляетъ отдѣлившійся далеко западнѣе рукавъ Угенъ-дарьи [1]). Эта Инчике-дарья на мѣстѣ нашей переправы въ ноябрѣ 1876 года, имѣла при большой водѣ 7—8 саж. ширины и глубину около 10 фут.; въ концѣ апрѣля слѣдующаго года, глубина той же рѣки была вдвое меньше. Конче-дарья, черезъ которую мы переправлялись въ томъ же ноябрѣ 1876 г., имѣла глубину отъ 10—14 футовъ при ширинѣ отъ 7—10 саженъ. Наконецъ Кюкъ-ала-дарья, вскорѣ послѣ своего отдѣленія отъ Тарима, имѣла 20—25 саженъ ширины (иногда съуживалась до 12 саженъ), а послѣ принятія рѣка Конче-дарья расширялась на 30—35 саженъ [2]); глубина этого рукава нами не измѣрена, но она также весьма значительная. Ниже Айрылгана Таримъ идетъ однимъ русломъ до впаденія въ оз. Кара-буранъ, куда въ томъ же мѣстѣ притекаетъ съ юго-запада р. *Черченъ-дарья*.

Помимо вышепоименованныхъ притоковъ и развѣтвленій, другихъ значительныхъ рукавовъ нижній Таримъ не имѣетъ. Нѣтъ ихъ также, судя по массѣ воды, которую приноситъ къ Айрылгану Кюкъ-ала-дарья, и къ востоку отъ этой послѣдней или отъ нижней Конче-дарья. Такъ было во время перваго нашего здѣсь путешествія. Послѣ же того, согласно свѣдѣніямъ, полученнымъ нами нынѣ на Лобъ-норѣ, гидрографія

[1]) По свѣдѣніямъ г. Кэри, Инчике-дарья составляетъ продолженіе Шахъ-ярской рѣки. При малой водѣ та же Инчике-дарья, какъ намъ говорили, не добѣгаетъ до Конче-дарья; только едва ли это вѣрно.

[2]) Измѣрено въ 16 верстахъ восточнѣе д. *Ени-су*, слѣдовательно, въ 35 верстахъ выше новаго соединенія Кюкъ-ала-дарья съ Таримомъ близъ переправы Айрылганъ.

нижняго Тарима нѣсколько измѣнилась. Именно лобъ-норцы увѣряли насъ, что, верстахъ въ 40 выше переправы Айрылганъ, Кюкъ-ала-дарья прорвала свой лѣвый берегъ и часть ея воды, выливаясь черезъ этотъ прорывъ, течетъ верстъ на пять къ востоку, гдѣ образуетъ порядочное замкнутое озеро въ урочищѣ *Чибилекъ.* Причиною этого прорыва, по сообщенію лобъ-норцевъ, служило то обстоятельство, что нѣсколько ранѣе самъ Таримъ образовалъ близъ д. Кара-кыръ новый значительный рукавъ, который направляется теперь въ р. Конче-дарья и увеличиваетъ здѣсь массу воды. Конечно, все это можетъ быть принято окончательно за истину лишь послѣ засвидѣтельствованія очевидцемъ—европейцемъ.

По обоимъ берегамъ нижняго Тарима, отчасти по его рукавамъ и притокамъ, залегаютъ болѣе или менѣе обширныя тростниковыя болота и озера, которыя почти всѣ искусственно устроены туземцами (для рыболовства и пастбы скота) отводомъ воды на болѣе низкія площади окрестностей рѣки [1]). Эти то болота, при сильномъ лѣтнемъ испареніи, поглощаютъ значительную массу воды нижняго Тарима. Кромѣ того много воды расходуется на орошеніе оазисовъ, черезъ которые протекаютъ верховья главныхъ рѣкъ, образующихъ своимъ сліяніемъ рѣку описываемую.

По словамъ туземцевъ вода въ Таримѣ ежегодно прибываетъ лѣтомъ (конечно, отъ дождей и таянія снѣговъ въ горахъ, гдѣ лежатъ главные истоки); осенью же уменьшается и достигаетъ низшаго уровня ко времени своего замерзанія [2]). Послѣднее обыкновенно происходитъ на нижнемъ Таримѣ въ концѣ ноября или въ первой половинѣ декабря; весеннее вскрытіе бываетъ въ началѣ февраля [3]), такъ что рѣка остается подъ льдомъ мѣсяца два или немного болѣе.

Помимо ежегодной своей прибыли и убыли Таримъ періодически то богатѣетъ, то бѣднѣетъ водою и въ общемъ, судя по размѣрамъ нынѣшняго Лобъ-нора, приноситъ теперь сюда гораздо меньше воды, чѣмъ въ прежнія времена, хотя вѣроятно не особенно отдаленныя.

Пробѣжавъ, какъ выше сказано, послѣ соединенія съ Кюкъ-ала-дарья, однимъ русломъ шириною отъ 30—40 саженъ, верстъ болѣе 70

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. «Отъ Кульджи за Тянь-шань и Лобъ-норъ», стр. 18.

[2]) Однако въ 1876 г. вода въ Таримѣ въ ноябрѣ стояла довольно высоко.

[3]) Въ 1876 г. нижній Таримъ замерзъ окончательно между 15 и 20 декабря; вскрылся возлѣ Лобъ-нора 4 февраля. Въ исключительно холодную зиму 1884—85 г. Таримъ (по словамъ лобъ-норцевъ) замерзъ еще въ ноябрѣ; вскрылся же близъ Лобъ-нора только 27 февраля.

прямо на югъ, Таримъ круто поворачиваетъ къ востоко-сѣверо-востоку и тотчасъ же образуетъ своими разливами сначала оз. *Кара-буранъ*, а немного далѣе оз. *Лобъ-норъ*. Причиною крутаго поворота описываемой рѣки служитъ повышеніе мѣстности къ подножію Алтынъ-тага. Вдоль этого повышенія и залегаютъ оба названныхъ озера. О послѣднемъ пойдетъ рѣчь впереди. Относительно же Кара-бурана скажу, что это озеро, нынѣ, какъ говорятъ, уменьшившееся, подобно Лобъ-нору, въ своихъ размѣрахъ, имѣло въ 1877 году въ длину отъ 30—35 верстъ, при ширинѣ верстъ 10—12; глубина всюду здѣсь незначительная. По берегамъ, въ особенности на южномъ, залегаютъ обширные солончаки, которые на востокѣ соединяются съ солончаками, окаймляющими Лобъ-норъ, такъ что въ давнія времена, при бо̀льшей массѣ воды въ Таримѣ, оба озера вѣроятно составляли одно цѣлое. Съ запада, кромѣ Тарима, въ Кара-буранъ впадаетъ р. Черченъ-дарья. Самъ же Таримъ въ описываемомъ озерѣ теряется лишь мѣстами и не надолго. Однако столь широкій разливъ, тѣмъ болѣе при сильномъ лѣтнемъ испареніи, много ослабляетъ главную рѣку, которая по выходѣ изъ Кара-бурана дѣлается почти вдвое у̀же, хотя все-таки сохраняетъ прежнюю значительную глубину. Такъ протекаетъ Таримъ еще верстъ 15 и затѣмъ начинаетъ образовывать разливъ оз. Лобъ-нора, въ которомъ исчезаетъ окончательно. Однако возлѣ деревни Старый Абдалъ, т. е. передъ вступленіемъ въ Лобъ-норъ, Таримъ имѣетъ еще отъ 15—18 саженъ ширины, при глубинѣ въ 2—3 сажени и при скорости теченія отъ 170—150 футовъ въ минуту. Такимъ образомъ все нижнее теченіе описываемой рѣки, отъ впаденія въ нее Угенъ-дарьи до Лобъ-нора, вполнѣ удобно, если къ тому представится когда-либо надобность, для плаванія рѣчными пароходами. Топливо для нихъ доставятъ туграковые лѣса, которые растутъ по Тариму почти до оз. Кара-бурана.

Что касается до сухопутныхъ дорогъ съ нижняго Тарима, то помимо вьючнаго пути изъ г. Курля на Лобъ-норъ [1]) съ вѣтвію отъ оз. Кара-буранъ въ д. Чархалыкъ и далѣе, существуютъ, по словамъ туземцевъ, еще двѣ дороги въ г. Турфанъ: одна, колесная, изъ д. Маркатъ; другая, вьючная, отъ переправы Айрылганъ. По первой ежегодно пріѣзжаютъ изъ Турфана за сборомъ податей; по второй нѣсколько лѣтъ тому назадъ прошла партія богомольцевъ торгоутовъ [2]) въ Лхассу и

[1]) Сначала отъ г. Курля до переправы черезъ р. Конче-дарья, быть можетъ и до д. Ахтарма, идетъ колесная дорога. Впрочемъ на колесахъ можно съ трудомъ проѣхать вдоль всего нижняго Тарима.

[2]) Та самая, о которой упомянуто въ концѣ предыдущей главы.

обратно. Къ западу же и востоку отъ нижняго Тарима путей нѣтъ вовсе; тамъ недоступная песчаная пустыня, по которой лишь изрѣдка бродятъ дикія верблюды.

Перейдемъ къ описанію самаго Лобъ-нора.

Озеро Лобъ-норъ.

Это озеро представляетъ собою обширное тростниковое болото, образовавшееся, какъ выше сказано, разливомъ послѣдней воды Тарима. Такому обстоятельству много способствуютъ боковыя канавы, прорываемыя отъ береговъ рѣки мѣстными жителями для удобства рыбной ловли. Многія изъ этихъ канавъ выкопаны недавно; другія же существуютъ отъ старыхъ временъ. Такимъ образомъ, почти вся западная половина Лобъ-нора образована болѣе или менѣе искусственно рукою человѣка. Иначе, весьма вѣроятно, Таримъ не расплывался бы еще нѣкоторое время и на своемъ устьѣ образовалъ бы озеро менѣе обширное.

Нынѣшній Лобъ-норъ [1]) протягивается отъ юго-запада къ сѣв.-востоку (по распросн. свѣд.) верстъ на 100, или немного менѣе. Западный край озера возлѣ д. Старый Абдалъ, лежитъ подъ 39^0, $31',2$ сѣв. широты и подъ 88^0, $59',8$ вост. долготы отъ Гринвича [2]). Абсолютная здѣсь высота 2,600 футовъ [3]). Наибольшая ширина Лобъ-нора достигаетъ, по словамъ туземцевъ, до 20 верстъ въ срединѣ общаго протяженія этого озера. Здѣсь Таримъ, какъ рѣка, исчезаетъ, но образуетъ въ направленіи къ сѣверо-востоку обширный разливъ очень мелкой воды, сплошь поросшій огромнымъ тростникомъ. По распроснымъ свѣдѣніямъ, вода эта застоявшаяся, красноватаго цвѣта и весьма соленая. Въ западной же половинѣ Лобъ-нора, постоянно освѣжаемой изъ Тарима, вода совершенно прѣсная; лишь немного солоновата она возлѣ отмелыхъ береговъ, слѣдовательно также на мѣстѣ застоя.

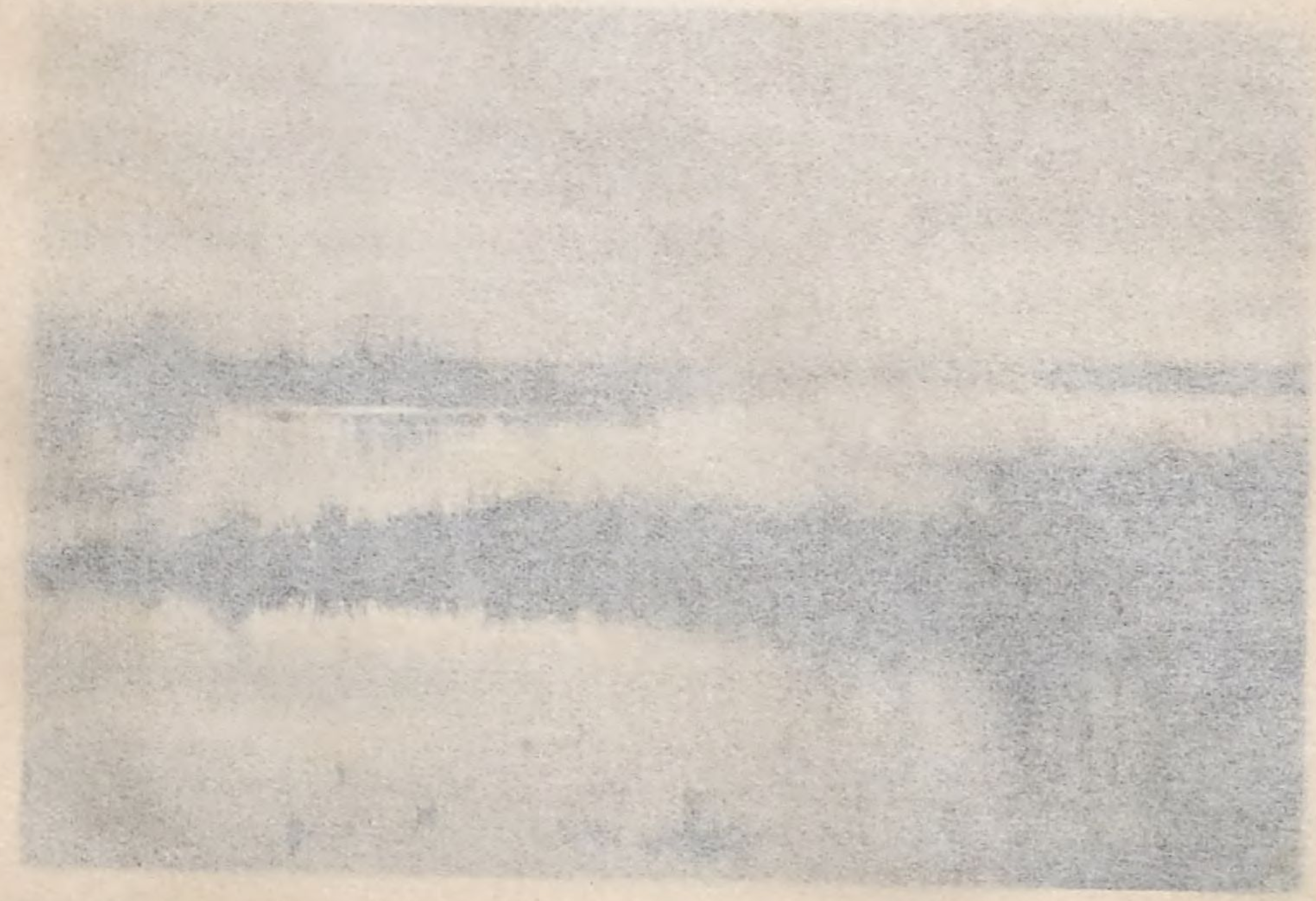
[1]) Туземцы называютъ его также *Чонъ-куль* (т. е. большое озеро) или *Кара-курчинъ*. по имени здѣшняго административнаго участка. Имя «Лобъ», по словамъ тѣхъ же туземцевъ, дано монголами, но что оно значитъ—неизвѣстно. Согласно китайскому описанію, «Лобъ» по тюркски означаетъ «мѣсто соединенія водъ» (Записки Импер. Русскаго Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи. Т. VI, стр. 148). Въ древности нынѣшній Лобъ-норъ назывался *Пу-чанъ-хай* или *Пу-ми-хай*. Извѣстенъ сталъ китайцамъ со II вѣка до Р. Х. Первыя свѣдѣнія о томъ же озерѣ европейцы получили отъ Марко Поло.

[2]) Въ нынѣшнее пребываніе на Лобъ-норѣ намъ удалось дважды опредѣлить указанную долготу покрытіемъ звѣздъ луною; данныя получились болѣе точныя, нежели въ 1877 году, когда та же долгота была опредѣлена посредствомъ зенитныхъ разстояній луны.

[3]) Взята средняя цыфра, причемъ десятки менѣе полусотни отброшены. Изъ 41 ежедневныхъ барометр. наблюденій въ февралѣ и мартѣ 1877 года средняя абс. высота Лобъ-нора получилась въ 2,500 футовъ. Изъ 49 барометр. наблюденій на томъ же самомъ мѣстѣ (вблизи д. Старый Абдалъ), также въ февралѣ и мартѣ 1885 г., абс. высота (съ принятіемъ въ расчетъ изобаръ) вышла равною 2,783 футамъ.

ОЗЕРО ЛОБЪ-НОРЪ БЛИЗЪ ДЕРЕВНИ УЙТУНЪ

В. И. Роборовскій

ОЗЕРО ЛОБЪ-НОРЪ БЛИЗЪ ДЕРЕВНИ УЙТУНЪ

[illegible] что [illegible]

[illegible]

[illegible] въ 160, [illegible] Абдалъ, [illegible] Тарим, [illegible]

[illegible]

[1]) [illegible]

по [illegible]

цевъ, [illegible]

«Лобъ [illegible]

Общества [illegible]

назывался [illegible]

Первыя свѣдѣнія [illegible]

[2]) Въ [illegible]

западную долготу [illegible]

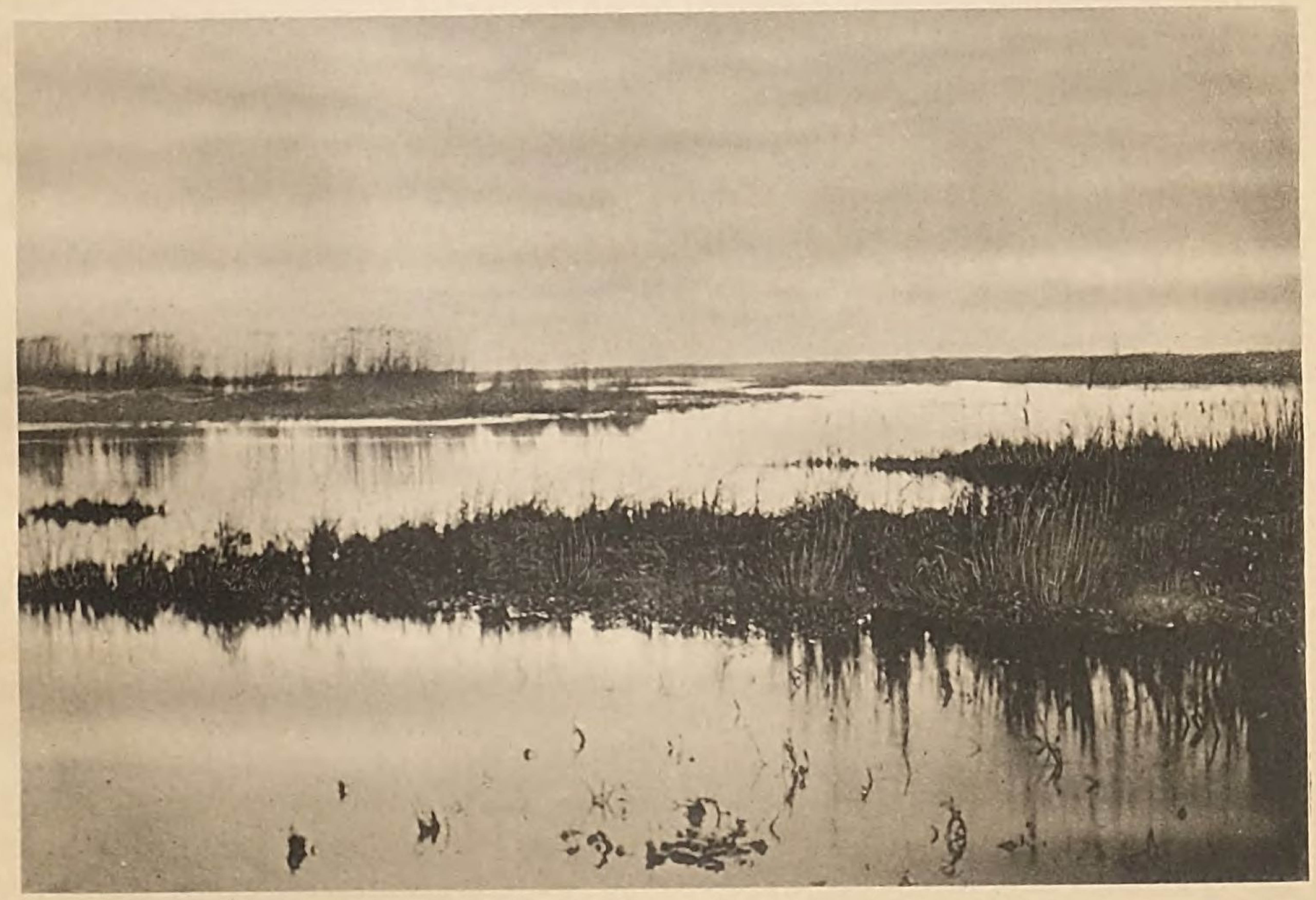
1877 году, [illegible]

луны.

[3]) [illegible] 1877 [illegible] 2,723 футамъ.

ОЗЕРО ЛОБЪ-НОРЪ БЛИЗЪ ДЕРЕВНИ УЙТУНЪ.

Фотограф съ нат. В. И. Роборовскаго

ОЗЕРО ЛОБЪ-НОРЪ БЛИЗЪ ДЕРЕВНИ УЙТУНЪ.

Фототипiя В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7 2.

Постепенно бѣднѣя водою, восточная половина Лобъ-нора отъ меридіана поселенія Кара-курчинъ начинаетъ съуживаться; наконецъ верстъ черезъ 40 (какъ намъ говорили) вода совсѣмъ пропадаетъ. Лѣтъ 8—10 тому назадъ, когда воды въ описываемомъ озерѣ было больше, восточный его край протягивался, по сообщенію туземцевъ, неширокимъ (5—7 верстъ въ поперечникѣ) клиномъ значительно далѣе къ сѣверо-востоку [1]). Нынѣ воды здѣсь нѣтъ, тростникъ высохъ и поломанъ бурями. Въ западной, прѣсной половинѣ Лобъ-нора, по крайней мѣрѣ $^3|_4$ всей его площади также поросли густымъ тростникомъ отъ 1—2, иногда до 3 саженъ вышиною. Свободныя отъ тростника водяныя пространства, обыкновенно необширныя, разбросаны по этимъ зарослямъ, притомъ скученнѣе къ западному краю описываемаго озера. Вдоль южнаго его берега протягивается здѣсь неширокая (нынѣ отъ $^1|_2$—1 версты въ поперечникѣ) полоса чистой воды. Кромѣ того довольно обширная водяная площадь образовалась (о чемъ будетъ сказано ниже) между деревнями Кумъ-чапканъ и Уйтунъ.

Глубина по всему Лобъ-нору незначительная — обыкновенно отъ 3—5, иногда до 7 футовъ, изрѣдка футовъ до 15; въ отмеляхъ южнаго берега всего на 1—2 фута. Вода, какъ и въ Таримѣ, свѣтлая. Вообще воды въ Лобъ-норѣ, при нынѣшнемъ нашемъ посѣщеніи этого озера, было значительно меньше, чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ. Убыль эта, по словамъ туземцевъ, началась лѣтъ черезъ пять послѣ нашего ухода, и зависитъ конечно отъ уменьшенія количества воды, приносимой Таримомъ. Послѣднее явленіе тѣ же туземцы объясняютъ прорывомъ въ сторону части Кюкъ-ала-дарья въ 40 верстахъ выше Айрылгана, а еще и тѣмъ, что нынѣ, съ умноженіемъ земледѣлія въ оазисахъ подъ Тянь-шанемъ и Куэнъ-люнемъ, больше требуется верховой таримской воды для орошенія полей. Впрочемъ, періодическая прибыль и убыль воды, какъ въ Таримѣ, такъ и въ Лобъ-норѣ, замѣчена здѣшними стариками-туземцами. Да кромѣ того описываемое озеро постоянно, хотя и медленно, уменьшается въ своихъ размѣрахъ, другими словами усыхаетъ. Объ этомъ явленіи наглядно свидѣтельствуютъ большіе солончаки, облегающіе тотъ же Лобъ-норъ. Въ особенности обширны, по словамъ туземцевъ, эти солончаки на сѣверо-востокѣ озера, гдѣ они уходятъ отъ послѣднихъ тростниковъ за горизонтъ. Здѣсь мѣстами соль лежитъ, какъ говорятъ, большими кучами. Воды прѣсной нѣтъ, нѣтъ также и под-

[1]) До меридіана р. Джасcraнсай.

ножнаго корма; слѣдовательно обойдти вокругъ Лобъ-нора, хотя бы на верблюдахъ, очень трудно.

Таримъ, какъ выше упомянуто, пробѣгаетъ рѣкою вдоль всей западной половины Лобъ-нора. Въ 1877 году я проѣхалъ здѣсь въ лодкѣ до д. Кара-курчинъ, за которою рѣка вскорѣ исчезаетъ; но даже и передъ этимъ исчезаніемъ русло ея рѣзко было обозначено и имѣло отъ 3—4 саженъ ширины при глубинѣ отъ 7—10 футовъ. Нынѣ лобъ-норское теченіе Тарима нѣсколько измѣнилось. Именно верстахъ въ 3—4 ниже д. Кумъ-чапканъ лобъ-норцы прокопали въ 1878 году канаву, въ которую хлынула большая часть таримской воды. Вскорѣ канава эта была размыта въ глубокое русло, имѣющее до 10 саженъ ширины, при весьма быстромъ теченіи. Пробѣжавъ такимъ образомъ менѣе ½ версты, новый рукавъ Тарима образовалъ по направленію къ д. Уйтунъ, на мѣстѣ голой песчаной площади, озеро верстъ до 12 въ окружности, при глубинѣ отъ 3—5 футовъ. Ради такого уклоненія въ сторону значительной массы воды и ея большаго испаренія на обширной площади новаго озера, затѣмъ вслѣдствіе уменьшенія общаго количества воды, приносимой къ Лобъ-нору Таримомъ, русло этого послѣдняго, внизъ отъ описаннаго прорыва, нынѣ съузилось противъ 1877 года вдвое, мѣстами даже втрое; такъ что до д. Кара-курчинъ теперь можно пробраться только въ маленькомъ челнокѣ. Помимо Тарима оз. Лобъ-норъ не имѣетъ другихъ притоковъ, хотя въ древности сюда, быть можетъ, добѣгали вытекающія изъ сосѣдняго Алтынъ-тага рѣчки—*Джахансай*, *Курганъ-буланъ* и *Джаскансай*, нынѣ теряющіяся въ почвѣ по выходѣ изъ горъ [1]).

Что же касается до предположенія о существованіи другаго Лобъ-нора въ прямомъ направленіи Тарима къ востоку отъ заворота при устьѣ Угенъ-дарьи, какъ о томъ высказался въ 1878 году баронъ Рихтгофенъ [2]), то помимо возраженій, мною тогда представленныхъ [3]), мы подробно распрашивали теперь на этотъ счетъ лобъ-норцевъ, и они единогласно давали отвѣтъ отрицательный, объясняя притомъ, что, на сколько доходятъ мѣстныя преданія, обитаемое ими озеро всегда было на нынѣшнемъ мѣстѣ.

Его флора. Относительно своей флоры и фауны Лобъ-норъ представляетъ еще бо́льшую бѣдность, нежели самъ Таримъ, который также далеко не мо-

[1]) Джахансай-дарья и нынѣ лишь верстъ на 25 не добѣгаетъ до Лобъ-нора.

[2]) Лекція, читанная 6 апрѣля 1878 года въ Берлинскомъ Геогр. Обществѣ и напечатанная отдѣльною брошюрою: Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutenant Przewalski's Reise nach dem Lop-noor und Altyn-tagh.

[3]) Извѣстія Импер. Рус. Геогр. Общества 1879 г., вып. I, стр. 1—7.

жетъ похвалиться обиліемъ и разнообразіемъ органической жизни. Въ особенности бѣдна флора описываемаго озера. Правда, оба раза мы были здѣсь раннею весною, когда растительность почти еще не пробуждалась, но по всѣмъ даннымъ и лѣтомъ на Лобъ-норѣ едва ли можно найдти среди растеній особенно лишнее противъ того, что состоитъ на лицо зимою. Тѣмъ болѣе, что въ другихъ частяхъ таримскаго бассейна, именно въ апрѣлѣ 1877 года, на всемъ нижнемъ Таримѣ и въ апрѣлѣ же 1885 г. на Черченской рѣкѣ, мы почти ничего не могли собрать для своего гербарія.

Вотъ списокъ найденныхъ нами на Лобъ-норѣ растеній: въ самомъ озерѣ—*тростникъ* (Phragmites communis) наиболѣе здѣсь обильный, *ситовникъ* (Scirpus, sp.), который часто растетъ по неглубокимъ озеркамъ, *куга* (Typha latifolia) также довольно обыкновенная, *водяная сосенка* (Hippuris vulgaris), *частуха* (Alisma sp.) и *ряска* (Lemna sp.), встрѣчающіяся лишь изрѣдка; по берегамъ и ближайшимъ окрестностямъ: *солянка* (Salicornia herbacea) нерѣдко сплошными площадями, *ситникъ* (Scirpus maritimus) въ меньшемъ количествѣ и кое-гдѣ *Karelinia caspica*; затѣмъ кустарники—*кендырь* (Apocynum venetum, быть можетъ есть и A. pictum), изъ волоконъ котораго туземцы ткутъ холстъ для своей одежды, *тамарискъ* (Tamarix laxa) и *Halostachys caspia* [1]). Всего слѣдовательно девять видовъ травъ и три или четыре вида кустарниковъ [2]).

Фауна Лобъ-нора, какъ и во всей таримской котловинѣ, много сходствуетъ, по крайней мѣрѣ относительно млекопитающихъ и птицъ, съ фауною Западнаго Туркестана, не смотря на то, что обѣ эти страны раздѣляются громаднымъ Тянъ-шанемъ. Отчасти та же фауна заключаетъ въ себѣ виды общіе для всей Гоби, но существенно разнится отъ сосѣдней фауны тибетскаго нагорья. Затѣмъ имѣетъ немногіе виды спеціально ей свойственные—какъ напр. *Nesokia brachyura n. sp.*, *Gerbillus Przewalskii n. sp.*, *Podoces Biddulphi*, *Phasianus insignis* и др. [3]). При этомъ нужно замѣтить, что зоологическія изысканія въ Восточномъ Туркестанѣ произведены до сихъ поръ лишь урывками [4]), слѣдовательно не могутъ считаться достаточно полными. Хотя съ другой стороны Фауна.

[1]) При первомъ на Лобъ-норъ путешествіи это растеніе ошибочно было принято за саксаулъ, на который весьма походитъ. Кромѣ того для Лобъ-нора тогда поименованъ былъ Butomus, котораго нынѣ мы не нашли.

[2]) Колючки, тугракп и джиды, обыкновенныхъ по Тариму, на Лобъ-норѣ нѣтъ вовсе.

[3]) Виды пресмыкающихся и рыбъ, свойственные восточной части таримскаго бассейна, будутъ подробно поименованы ниже.

[4]) Въ юго-западной части страны—англичанами (двѣ экспедиціи Форсайта къ Якубъ-беку въ началѣ семидесятыхъ годовъ); въ восточной—мною при двухъ здѣсь путешествіяхъ.

однообразіе физическихъ условій всей равнинной части таримскаго бассейна не сулитъ значительныхъ добавленій къ тому, что уже здѣсь найдено среди позвоночныхъ животныхъ.

Относительно млекопитающихъ оз. Лобъ-норъ да и весь внѣгорный бассейнъ Тарима весьма бѣдны какъ числомъ видовъ, такъ большею частію и по количеству экземпляровъ. Главная тому причина—крайнее однообразіе и пустынность страны. Вотъ списокъ дикихъ млекопитающихъ Лобъ-нора [1]): *летучая мышь* (Vesperugo sp.), *ёжъ* (Erinaceus auritus?); *кутора* (Sorex sp.); *ласка* (Mustela vulgaris); *выдра* (Lutra sp.) нами не добытая, но которую хорошо знаютъ туземцы; *волкъ* (Canis lupus); *лисица* (Vulpes vulgaris); *тигръ* (Felis tigris); два вида *дикой кошки*, (*малунъ*—Felis Shawiana и F. caudata), *степная крыса* (Nesokia brachyura n. sp.); два вида *песчанокъ* (Gerbillus Przewalskii n. sp., G. meridianus); *мышь* (Mus Wagneri); *заяцъ* (Lepus Stoliczkanus?); *кабанъ* (Sus scrofa); *дикій верблюдъ* (Camelus bactrianus ferus [2]); *маралъ* (Cervus n. sp.?); *хара-сульта* (Antilope subgutturosa). Всего слѣдовательно 19 видовъ. Для другихъ частей восточной половины таримскаго бассейна сюда пока прибавятся только:—*летучая мышь* (Plecotus auritus) *тушканчикъ* (Dipus sp.), *песчанка* (Gerbillus lepturus n. sp.) и, быть можетъ, новый видъ *зайца* (Lepus sp.), найденнаго нами на Хотанъ-дарьѣ. Изъ домашнихъ млекопитающихъ частью на Лобъ-норѣ и всюду по оазисамъ Вост. Туркестана встрѣчаются: *собака*, *кошка*, *лошадь*, *оселъ*, *мулъ*, *верблюдъ* (изрѣдка), *рогатый скотъ*, *коза* и *овца*; кромѣ того китайцы коегдѣ завели нынѣ *свиней*.

Орнитологическая фауна Лобъ-нора сравнительно богаче, чѣмъ по другимъ классамъ млекопитающихъ; но опять-таки она та же самая, что и для всей восточной части таримской впадины. Здѣсь за оба путешествія нами найдено 134 вида птицъ, располагающихся слѣдующимъ образомъ по отрядамъ: хищныя—21; воробьиныя—50; кричащія—2; голубиныя—4; куриныя—3; голенастыя—26; водяныя—28. Изъ этого общаго числа лишь 25 видовъ осѣдлы; болѣе 10 видовъ являются на зимовку; до 60 видовъ остаются большимъ или меньшимъ количествомъ особей гнѣздиться; остальные бываютъ только на пролетѣ [3]). Изъ числа зиму-

[1]) Болѣе подробный и исправленный, нежели приведенный въ моемъ отчетѣ—«Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ», стр. 20.

[2]) О дикомъ верблюдѣ см. подробно въ вышеназванномъ отчетѣ, стр. 39–45, и мое «Третье Путешествіе», стр. 43 и 44.

[3]) Приведенныя цифры могутъ быть приняты лишь приблизительно въ виду неразработанности пока добытаго орнитологическаго матеріала.

ющихъ пернатыхъ обильнѣе на Таримѣ лишь *черногорлый дроздъ* (Turdus atrogularis); остальныя попадаются въ незначительномъ количествѣ. Причина этому—недостатокъ корма. Въ оазисахъ зимовыхъ птицъ больше, но все-таки мало сравнительно съ тѣмъ, на что, повидимому, можно разсчитывать при безснѣжьи и теплой здѣшней зимѣ. Относительно весенняго пролета на Лобъ-норѣ будетъ подробно разсказано въ слѣдующей главѣ; о птицахъ гнѣздящихся поговоримъ попутно при дальнѣйшемъ описаніи путешествія. Здѣсь же назову только наиболѣе характерные для Лобъ-нора и Тарима виды изъ осѣдлыхъ пернатыхъ [1]).

Въ тростниковыхъ заросляхъ всюду въ изобиліи встрѣчается *усатая синица* (Panurus barbatus) и два вида *камышевой овсянки* (Cynchramus schoeniclus, C. pyrrhuloides); по окраинамъ тѣхъ же тростниковъ обыкновенно держится *фазанъ* (Phasianus insignis); на солончакахъ встрѣчаются стайки маленькихъ *жаворонковъ* (Calandrella leucophaea?), между тѣмъ какъ крупный *хохлатый жаворонокъ* (Galerita magna) держится предпочтительно жилыхъ мѣстъ; здѣсь и нашъ *полевой воробей* (Passer montanus), вмѣстѣ съ своимъ собратомъ *Passer Stoliczkae*, который живетъ также въ тростникахъ Лобъ-нора и въ туграковыхъ лѣсахъ. *Черная ворона* (Corvus sp.), не рѣдко съ выцвѣтшими отъ жары и сухости въ коричневый цвѣтъ крыльями, на Лобъ-норѣ гнѣздится на тростникѣ за неимѣніемъ деревьевъ; между тѣмъ *ворона сѣрая* (Corvus cornix), весьма обыкновенная по оазисамъ западной части таримскаго бассейна, восточнѣе Хотанской рѣки составляетъ исключительную рѣдкость. На Лобъ-норѣ же встрѣчается и *дятелъ* (Picus leptorrhynchus), весьма обыкновенный въ туграковыхъ лѣсахъ Тарима; въ густыхъ заросляхъ колючки и тамариска почти всюду раздается звонкій свистъ *Rhopophilus deserti;* наконецъ въ мѣстахъ болѣе пустынныхъ держится бѣлохвостая *степная сойка* (Podoces Biddulphi), спеціально принадлежащая бассейну Тарима.

Изъ класса пресмыкающихся въ той же восточной части таримской котловины найдены были нами 8 видовъ ящерицъ и 1 видъ змѣи.

[1]) Списокъ птицъ для нижняго Тарима и Лобъ-нора по даннымъ, добытымъ въ первое мое здѣсь путешествіе, помѣщенъ въ моемъ отчетѣ—«Отъ Кульджи за Тяньшань и на Лобъ-норъ», стр. 21—24, 60, 62, 63. Необходимо только сдѣлать теперь въ немъ нѣкоторыя исправленія, именно: вмѣсто Podoces tarimensis n. sp. слѣдуетъ поставить *Podoces Biddulphi*; вмѣсто Myophoneus Temminckii, неправильно опредѣленнаго по молодому экземпляру,—*Merula maxima*; вмѣсто Passer ammodendri—*Passer Stoliczkae*; еще прибавить слѣдуетъ случайно пропущеннаго *Phasianus insignis*. При томъ нужно оговорить, что списокъ пернатыхъ для восточной части таримскаго бассейна въ нынѣшнее наше путешествіе значительно пополнился.

Собственно на Лобъ-норѣ встрѣчены: *Phrynocephalus axillaris,* распространяющійся отсюда до Хотана и по Хотанской рѣкѣ въ Аксу; *Eremias Pylzowi*—къ западу до Хотана; *Stellio Stoliczkanus*, добытый нами близъ Лобъ-нора въ оазисѣ Чархалыкъ, далѣе встрѣченный въ оазисѣ Нія; затѣмъ два вида изъ семейства гекконовъ—*Teratoscincus Przewalskii,* тамъ же, гдѣ и предыдущій видъ, и *Alsophylax Przewalskii*—на Лобъ-норѣ, по Черченской рѣкѣ и въ оазисѣ Черченъ. Помимо Лобъ-нора изъ ящерицъ найдены: *Phrynocephalus Roborowskii n. sp.* въ оазисѣ Кэрія, въ предгорьяхъ Русскаго и Кэрійскаго хребтовъ; два, быть можетъ, новые вида *Eremias*, частью въ тѣхъ же мѣстахъ, кромѣ того въ Хотанѣ, на рр. Хотанской и Аксуйской. Въ послѣднихъ мѣстностяхъ добытъ единственный видъ змѣи—*Tropidonotus hydrus.* Изъ земноводныхъ встрѣчена на нижнемъ Таримѣ, въ Чархалыкѣ, Нія, Хотанѣ и на Аксуйской рѣкѣ одна и та же жаба—*Bufo viridis.*

Среди рыбъ въ восточной части таримскаго бассейна нами найдено 13 видовъ (изъ нихъ 7 спеціально свойственные бассейну Тарима), принадлежащихъ къ двумъ семействамъ—карповыхъ (Cyprinoidae) и вьюновыхъ (Cobitidae), почти исключительно господствующихъ въ водахъ Центральной Азіи. При томъ среди всѣхъ вообще центрально-азіатскихъ рыбъ встрѣчается мало родовъ, за то большое разнообразіе видовъ. Такъ и на Лобъ-норѣ съ Таримомъ: всѣ 13 видовъ здѣсь собранные принадлежатъ, по изслѣдованію г. Герценштейна, четыремъ родамъ — *Schizothorax, Aspiorrhynchus, Nemachilus и Diplophysa.*

На самомъ Лобъ-норѣ добыто нами 7 видовъ рыбъ, 1 видъ на нижнемъ Таримѣ и 5 видовъ въ другихъ рѣкахъ таримской котловины. Семь лобъ-норскихъ видовъ, встрѣчающихся, по всему вѣроятію, сполна и въ нижнемъ Таримѣ, слѣдующіе: *Aspiorrhynchus Przewalskii*, называемый туземцами *тазекъ-балыкъ* — новый родъ и видъ, установленные покойнымъ профессоромъ Кесслеромъ. Это самая крупная рыба здѣшнихъ мѣстностей; достигаетъ, какъ говорятъ, до полутора пудовъ вѣсомъ. По словамъ туземцевъ, держится болѣе въ Таримѣ; въ озера мало заходитъ. Ловятъ ее въ сѣти и на удочку; права хищнаго; мясо очень вкусное, напоминаетъ судака; найдена также въ Черченъ-дарьѣ. Далѣе слѣдуетъ 4 вида *маринки,* а именно: *Schizothorax lacustris*, *Sch. chrysochlorus*, *Sch. altior n. sp.*, *Sch. punctatus.* Держатся они преимущественно въ озерахъ. Наичаще встрѣчается Schizothorax altior, которую лобъ-норцы зовутъ *отуръ-балыкъ* (средняя рыба); мясо ея довольно вкусно. Среди Schizothorax punctatus попадаются *нерѣдко* экземпляры съ закругленнымъ близъ хвоста туловищемъ и односторонне лишь развитымъ

хвостовымъ плавникомъ. Лобъ-норцы не считаютъ такіе экземпляры уродами, но особымъ видомъ, который зовутъ *минлай-балыкъ* [1]). Еще видъ маринки—*Schizothorax microlepidotus* найденный нами въ 1877 году на нижнемъ Таримѣ, по всему вѣроятію, также встрѣчается въ Лобъ-норѣ. Наконецъ здѣсь и на нижнемъ Таримѣ водятся два вида гольца—*Nemachilus tarimensis, N. yarkandensis*; послѣдній встрѣчается также въ рр. Черченской, Кэрійской, Хотанской и Аксуйской; кромѣ того, найденъ былъ нами въ оазисѣ Са-чжеу.

Помимо вышепоименованныхъ рыбъ, восточной части таримскаго бассейна свойственны еще 5 видовъ: двѣ маринки—*Schizothorax latifrons n. sp., Sch. malacorrhynchus n. sp.*, обѣ встрѣчаются въ Аксуйской рѣкѣ; два гольца—*Nemachilus bombifrons n. sp., N. Strauchi n. sp.;* первый добытъ въ Черченской рѣкѣ, въ оазисѣ Нія, въ предгорьяхъ Кэрійскаго хребта и въ р. Аксуйской; послѣдній—въ рр. Черченской и Аксуйской. Наконецъ губачь—*Diplophysa scleroptera n. sp.* нынѣ добытъ въ р. Аксуйской, а внѣ таримскаго бассейна найденъ въ Гань-су, Куку-норѣ, Цайдамѣ и сѣв.-вост. Тибетѣ.

По количеству, рыбы въ Лобъ-норѣ и въ Таримѣ вообще много. Однако лобъ-норцы жалуются на ея постепенное уменьшеніе, причиною чего считаютъ обмелѣніе ихъ озера. По словамъ тѣхъ же лобъ-норцевъ, мѣстная рыба ежегодно совершаетъ періодическіе переходы: лобъ-норская направляется вверхъ по Тариму; таримская же идетъ въ Лобъ-норъ; послѣдняя всегда бываетъ менѣе жирна, нежели первая.

Отъ животнаго міра Лобъ-нора перейдемъ къ его обитателямъ.

Мѣстные жители.

Нынѣшнее незначительное населеніе Лобъ-нора, равно какъ и нижняго Тарима, мало имѣетъ достовѣрныхъ преданій о своемъ прошломъ даже въ ближайшую къ намъ эпоху. О древнихъ же здѣсь временахъ скудныя свѣдѣнія почерпаются лишь изъ китайскихъ источниковъ. По нимъ извѣстно, что еще за столѣтіе до Р. Х. при открытіи Китаемъ сношеній съ бассейномъ Тарима, на Лобъ-норѣ существовало небольшое государство *Лэу-лань*, позднѣе называвшееся *Шань-шань*. Черезъ него пролегала потомъ главная дорога изъ Китая въ Хотанъ, Кашгаръ и далѣе въ западныя страны. Съ замѣною въ VII или VIII вѣкѣ по Р. Х.

[1]) Такіе же экземпляры попадаются, какъ говорили намъ туземцы, въ верхнемъ Таримѣ при сліяніи рр. Яркендской и Аксуйской. По словамъ лобъ-норцевъ, въ ихъ озерѣ и въ Таримѣ изрѣдка встрѣчается еще рыба, туловище которой по срединѣ выгнуто на подобіе сѣдла; поэтому ее называютъ *егеръ-балыкъ* (сѣдло рыба). Длиною бываетъ до $1^1/_2$ футовъ. Плаваетъ плохо. Добыть такой уродливый экземпляръ въ свою коллекцію намъ не удалось.

этого пути болѣе сѣвернымъ вдоль Тянъ-шаня о Лобъ-норѣ почти забыли. Лишь въ концѣ XIII вѣка здѣсь проходилъ Марко-Поло, который повѣствуетъ о большомъ городѣ Лобъ, населенномъ магометанами и принадлежавшемъ великому хану [1]). Въ этомъ городѣ караваны, слѣдовавшіе къ востоку, отдыхали и запаслись всѣмъ необходимымъ на цѣлый мѣсяцъ пути страшною пустынею до г. Са-чжеу. Въ первой четверти XV столѣтія черезъ Лобъ-норъ проѣхало обратно изъ Китая въ Гератъ посольство Шаха-Рака, сына знаменитаго Тимура. Затѣмъ о Лобъ-норѣ опять нѣтъ свѣдѣній. Со второй же половины XVIII столѣтія, послѣ завоеванія Западнаго края китайцами, появились китайскія описанія Вост. Туркестана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Лобъ-нора. Въ главнѣйшемъ изъ этихъ описаній, именно въ книгѣ Си-юй-вынь-цзянь-лу, о жителяхъ Лобъ-нора говорится: «При этомъ озерѣ (т. е. Лобъ-норѣ) лежатъ только два селенія, каждое въ 500 дворовъ. Жители не занимаются ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ, а лишь однимъ рыболовствомъ; кромѣ того они дѣлаютъ шубы изъ лебяжьяго пуха, ткутъ холсты изъ дикой конопли и привозятъ пойманную ими рыбу на продажу въ г. Курля. Они не могутъ ѣсть ни хлѣба, ни мяса, подобно другимъ людямъ, потому что желудокъ ихъ извергаетъ эту пищу. Хотя они говорятъ тюркскимъ языкомъ, но магометанскаго закона не держатся» [2]).

Мѣстныя преданія нынѣшнихъ лобъ-норцевъ объ ихъ происхожденіи сбивчивы и неопредѣленны. Одни изъ нихъ считаютъ своими предками монголовъ, отдѣлившихся отъ нѣкоего Алъ-батая и пришедшихъ на Лобъ-норъ съ Или; другіе говорятъ, что ихъ предки—монголы, были одноплеменны съ калмыками и принадлежали четыремъ родамъ: *Тыметъ*, *Еметъ*, *Аиннасъ* и *Іаиннасъ*; наконецъ, по третьему сказанію, пришельцы-монголы встрѣтили на Лобъ-норѣ племя *мачинъ*, съ которымъ вскорѣ и смѣшались [3]). Жили лобъ-норцы первоначально въ городѣ *Лобъ*; назывались *кеврія*; исповѣдывали буддизмъ. Затѣмъ были силою обращены въ магометанство имамомъ Джаферъ-Садыкомъ, впослѣдствіи ими же убитомъ [4]). Новообращенные магометане лобцы принадлежали къ сектѣ

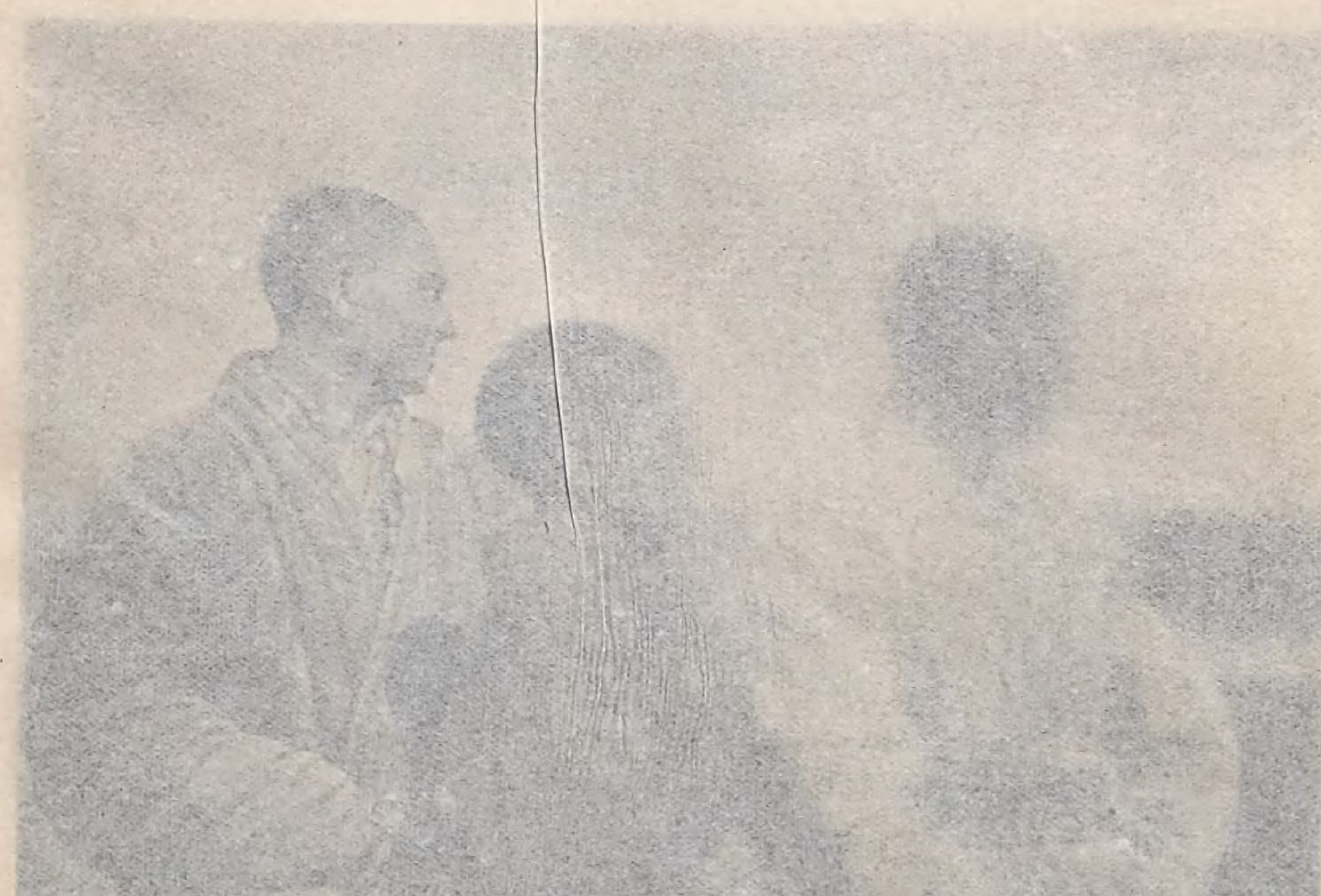
[1]) Въ то время, какъ извѣстно, въ Вост. Туркестанѣ властвовали потомки Чингисъ-хана по линіи сына его Джагатая.

[2]) Землевѣдѣніе Азіи Риттера, пер. Семенова. Ч. I, стр. 17. Тоже самое у Іоакинфа «Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. 115.

[3]) По тому же преданію, нынѣшніе беки на Лобъ-норѣ и Таримѣ прямые потомки мачинцевъ; простолюдины—помѣсь мачинцевъ и монголовъ. О племени мачинъ будетъ разсказано въ XI главѣ этой книги.

[4]) Нынѣ гробница (мазаръ) этого, весьма почитаемаго въ Вост. Туркестанѣ магометанскаго святаго, находится верстахъ въ 60 къ сѣверу отъ оазиса Нія.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

ЛОБЪ-НОРЦЫ ИЗЪ ДЕРЕВНИ АБДАЛЪ.

[illegible] о Лобъ-норѣ почти за-[illegible] Марко-Поло, который [illegible] магометанами и [illegible] караваны, слѣдо-[illegible] имымъ на цѣлый [illegible] въ первой четверти XV [illegible] изъ Китая въ Гератъ [illegible]. Затѣмъ о Лобъ-норѣ [illegible] XVIII столѣтія, послѣ [illegible] китайскія описанія [illegible] Лобъ-нора. Въ главнѣйшемъ [illegible]-цзянь-лу, о жителяхъ [illegible] (т. е. Лобъ-норѣ) лежатъ [illegible]. Жители не занимаются ни [illegible] однимъ рыболовствомъ; кромѣ [illegible], ткутъ холсты изъ дикой [illegible] на продажу въ г. Курля. [illegible] подобно другимъ людямъ, по-[illegible]. Хотя они говорятъ турк-[illegible] держатся» [2]).

Мѣстныя преданія [illegible] объ ихъ происхожде-ніи сбивчивы и неопредѣленны. Одни изъ нихъ считаютъ своими пред-ками монголовъ, отдѣлившихся отъ нѣкоего Алъ-батая и пришедшихъ на Лобъ-норъ съ Или; другіе говорятъ, что ихъ предки—монголы, были одноплеменны съ калмыками и принадлежали четыремъ родамъ: *Тыметъ*, *[illegible]*, *[illegible]* и *Ганнасъ*; наконецъ, по третьему сказанію, пришельцы-[illegible] встрѣтили на Лобъ-норѣ племя *мачинъ*, съ которымъ вскорѣ и [illegible] [3]). Жили лобъ-норцы первоначально въ городѣ *Лобъ*; назы-[illegible] *кеpія*; исповѣдывали буддизмъ. Затѣмъ были силою обращены въ магометанство имамомъ Джаферъ-Садыкомъ, впослѣдствіи ими же убитомъ [4]). Новообращенные магометане лобцы принадлежали къ сектѣ

[1]) Въ [illegible], какъ извѣстно, въ Вост. Туркестанѣ властвовали потомки Чин-гисъ-хана [illegible] сына его Джагатая.

[2]) [illegible]ніе Азіи Риттера, пер. Семенов[illegible] стр. 17. Тоже самое у Іоакинфа «Описаніе [illegible]аріи и Вост. Туркестана», стр. [illegible]

[3]) [illegible] же преданію, нынѣшніе беки [illegible] и Таримѣ [illegible] мачин[illegible] простолюдины—помѣсь мачинцевъ [illegible]. О племени мачинъ будетъ разс[illegible] въ XI главѣ этой книги.

[4]) Нынѣ гробница (мазаръ) этого, [illegible] въ Вост. Туркестанѣ ма-гометанскаго святаго, находится верстахъ [illegible] Ніа.

ЛОБЪ-НОРЦЫ ИЗЪ ДЕРЕВНИ АБДАЛЪ.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

ЛОБЪ-НОРЦЫ ИЗЪ ДЕРЕВНИ АБДАЛЪ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 72.

[illegible]

[illegible]

суннитовъ, но въ дѣлахъ вѣры оказались не тверды. За это на нихъ ополчился маулана Юсупъ-Секкаки и подступилъ съ войсками къ городу. Испуганные жители хотѣли откупиться данью, но маулана ея не принялъ и разорилъ г. Лобъ [1]). Случилось это, по мѣстному преданію, за три года передъ тѣмъ какъ Туглукъ-Тимуръ-ханъ принялъ магометанство, слѣдовательно въ 1373 году нашей эры [2]). Изъ небольшаго числа уцѣлѣвшихъ жителей города Лобъ, 15 семействъ маулана увелъ въ Аксу и поселилъ ихъ близъ этого города въ д. Яръ-баши; немногіе ушли въ Кэрію, гдѣ водворились въ д. Кагалыкъ [3]), а также въ Хотанъ, гдѣ образовали поселеніе Лобъ [4]); наконецъ еще часть перебралась въ тростники Лобъ-нора, и потомки этихъ бѣглецовъ живутъ тамъ донынѣ. По другому сказанію, уже послѣ разоренія г. Лобъ, на Лобъ-норѣ существовало небольшое самостоятельное государство, изъ правителей котораго прославился *Оттогушъ-ханъ*, имѣвшій свою столицу на мѣстѣ нынѣшняго поселенія Чархалыкъ [5]). На сына и наслѣдника [6]) названнаго хана напалъ изъ Гаса монгольскій (олютскій?) князь Хунъ-тайджи [7]), побѣдилъ лобъ-норскаго владѣтеля и разорилъ его городъ. Изъ уцѣлѣвшихъ жителей одна часть убѣжала тогда въ Хотанъ [8]), другая въ тростники Лобъ-нора, гдѣ и теперь живетъ въ седьмомъ уже поколѣніи.

[1]) Слѣды этого города, или правильнѣе оазиса, видны понынѣ на р. Джахансай-дарья, верстахъ въ 30 къ югу отъ д. Старый Абдалъ на Лобъ-норѣ. На правомъ берегу названной рѣчки, среди совершенной пустыни, разбросанно торчатъ глиняные остовы сакель, стѣнъ, изрѣдка башенъ. Эти руины тянутся верстъ на 6 въ поперечникѣ отъ запада къ востоку; въ окружности имѣютъ, какъ намъ говорили, до 15 верстъ. Такую площадь, быть можетъ и бо́льшую, занималъ нѣкогда цвѣтущій оазисъ (т. е. городъ съ окружающими его селеніями) Лобъ. Теперь все это засыпано пескомъ и мелкою галькою; даже р. Джахансай течетъ нѣсколько западнѣе развалинъ. Лобъ-норцы называютъ это мѣсто «*Коне-шари*», т. е. старый городъ.

[2]) Туглукъ-Тимуръ-ханъ былъ одинъ изъ лучшихъ монгольскихъ властителей Восточнаго Туркестана. Послѣ принятія имъ въ 754 г. геджры магометанства, эта религія сдѣлалась господствующею въ бассейнѣ Тарима.

[3]) Преданіе повѣствуетъ, что когда лобскіе бѣглецы явились въ Кэрію, тамошній владѣтель, подозрѣвая въ нихъ людей хитрыхъ и злоумышленныхъ, рѣшилъ испробовать простоту пришельцевъ. Онъ велѣлъ имъ подать для угощенія два блюда—одно съ черными ягодами шелковицы, другое съ черными жуками. Лобцы стали ѣсть жуковъ вмѣсто ягодъ. Тогда кэрійскій князь оставилъ свои подозрѣнія и поселилъ бѣглецовъ въ деревнѣ Кагалыкъ близъ Кэріи. Эта деревня существуетъ понынѣ; жители ея называются *конгузъ-лыкъ* (жуковые люди).

[4]) Нынѣ это поселеніе находится въ оазисѣ Сампула, лежащемъ противъ Хотана на правой сторонѣ р. Юрунъ-кашъ.

[5]) Слѣды стариннаго небольшого города здѣсь видны до сихъ поръ.

[6]) По одному сказанію имя этого наслѣдника было *Магометъ-Абдулъ-Азисъ*, по другому—*Ахметъ-ханъ*.

[7]) Тотъ самый, о которомъ было говорено въ VI главѣ этой книги.

[8]) Гдѣ основано вышеупомянутое поселеніе Лобъ.

Трудно сказать, которое изъ двухъ преданій достовѣрнѣе. Скорѣе всего, что при обѣихъ выше изложенныхъ катастрофахъ часть побѣжденныхъ скрывалась на Лобъ-норѣ, а также по болотамъ нижняго Тарима и оставалась тамъ на жительство. Позднѣе, когда китайцы, уничтоживъ чжунгаръ, завладѣли Вост. Туркестаномъ, они ссылали въ тѣ же мѣстности преступниковъ, которые нерѣдко женились на туземкахъ; частью приходили сюда и бѣглые. Такимъ образомъ сложилось небольшое, но весьма разнородное по своему типу, нынѣшнее населеніе Лобънора и нижняго Тарима. Обѣ эти мѣстности составляютъ одно цѣлое и называются туземцами общимъ именемъ *Лобъ*.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія жителей здѣсь было гораздо больше, чѣмъ теперь. Тогда на самомъ Лобъ-норѣ считалось, какъ говорятъ, слишкомъ 500 семействъ; но вскорѣ оспа уничтожила значительную часть этого населенія. Немного ранѣе такого бѣдствія близъ Лобъ-нора была основана деревня Чархалыкъ, выходцами изъ Хотана. Подъ ихъ цивилизующимъ вліяніемъ лобъ-норцы научились сѣять хлѣбъ и вообще начали понемногу выходить изъ состоянія полной дикости. Нынѣ лишь внутри самаго Лобъ-нора осталось немного семействъ, живущихъ по старинному. На Таримѣ такихъ дикарей почти нѣтъ, ибо здѣшнее населеніе болѣе подвергалось наплыву, а слѣдовательно и вліянію бѣглыхъ и ссыльныхъ изъ оазисовъ Вост. Туркестана.

Ихъ численность и управленіе.

Въ 1876—77 гг., при первомъ моемъ здѣсь путешествіи, на нижнемъ Таримѣ находилось 9 поселеній, въ которыхъ состояло 134 двора, а въ нихъ 1184 жителей [1]); на Лобъ-норѣ съ оз. Кара-бураномъ было 10 деревень (еще одна въ Чархалыкѣ) съ населеніемъ въ 70 семействъ, считавшихъ въ себѣ около 300 душъ обоего пола [2]). Нынѣ, по сообщенію лобъ-норскаго правителя Кунчиканъ-бека, подъ его вѣдѣніемъ также около 70 семействъ, и въ нихъ до 400 душъ. Распредѣленіе дворовъ по деревнямъ значительно измѣнилось; за тѣмъ, деревни Кумъ-лукъ и Шакелъ брошены; основаны же новыя—*Кая-куюкъ*, *Тукмакъ-кюль* и *Новый Абдалъ*; въ послѣдней живутъ лишь зимою для удобства пастбы скота. На нижнемъ Таримѣ, по словамъ Кунчиканъ-бека, деревни Кутметъ-кюль и Уйманъ-кюль брошены; кромѣ того основаны новыя— *Ени-кюль* и *Улукъ-кюль*; дворы по деревнямъ тоже перетасовались [3]).

[1]) «Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ», стр. 26.

[2]) Тамъ же, стр. 49.

[3]) Такъ въ д. Маркатъ вмѣсто прежнихъ 14 дворовъ нынѣ число ихъ увеличилось до 60. Впрочемъ окончательной вѣры этимъ распроснымъ свѣдѣніямъ о таримскомъ населеніи давать не слѣдуетъ.

КАРА-КУРЧИНЦЫ.

Фотограф. съ нат. | В. И. Роборовскаго

КАРА-КУРЧИНЦЫ.

[illegible] В. [illegible], С. Петербургъ, Кадетская лин. № 12.

Трудно сказать, которое изъ двухъ [illegible] достовѣрнѣе. Скорѣе всего, что при обѣихъ [illegible] часть побѣжденныхъ [illegible] на Лобъ-норъ, а также по [illegible] нижняго Тарима [illegible] уничтожена [illegible] Вост. Туркестанъ, [illegible] въ тѣ же [illegible]; [illegible] Такимъ образомъ [illegible] небольшое [illegible] населенiе Лобъ-нора [illegible] составляло одно цѣлое [illegible].

[illegible] нынѣшняго столѣтiя [illegible] больше, чѣмъ теперь. Тогда на самомъ [illegible] 500 семействъ, но вскорѣ [illegible] часть этого населенiя. Немного ранѣе [illegible] деревня Чархалыкъ, [illegible] лобъ-норцы [illegible] понемногу выходить изъ со- [illegible] внутри самаго Лобъ-нора осталось [illegible] по старому. На Таримѣ такихъ ди- [illegible] подвергалось наплыву, [illegible] изъ оазисовъ Вост. Туркестана.

[illegible]

Въ 1876—77 гг., при первомъ моемъ здѣсь путешествiи, на нижнемъ Таримѣ [illegible] 9 [illegible] состояло 134 двора, а въ нихъ 1141 [illegible] [1]; на Лобъ-норѣ съ оз. Кара-бураномъ было 10 деревень ([illegible] Чархалыкѣ) съ населенiемъ изъ 70 семействъ, считавшихъ въ себѣ около 300 душъ обоего пола [2]. Нынѣ, по сообщенiю лобъ-норскаго правителя [illegible]-бека, подъ его вѣдѣнiемъ также около 70 семействъ, и въ нихъ до 400 душъ. Распредѣленiе дворовъ по деревнямъ значительно измѣнилось, [illegible] деревни Кунъ-лукъ и Шакелъ брошены; основаны же новыя — [illegible], *Тукманъ-кюль* и *Новый Абдалъ*; въ послѣдней живутъ [illegible] для удобства пастбы скота. На нижнемъ Таримѣ, по [illegible]-бека, деревни Кутметъ-кюль и Уйманъ-кюль брошены, [illegible] основаны новыя — *Ени-кюль* и *Улугъ-кюль*; дворы по [illegible] перетасовались [3].

[1]) «Отъ Кульджи за Тянь-шань и [illegible]», стр. [illegible].

[2]) Тамъ же, стр. 43.

[3]) Такъ въ д. Маркатъ [illegible] увеличилось до [illegible]. [illegible] окончательной [illegible] о таримскомъ населенiи давать не слѣдуетъ.

КАРА-КУРЧИНЦЫ.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

КАРА-КУРЧИНЦЫ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 72.

Въ общемъ число дворовъ во всѣхъ нижне-таримскихъ деревняхъ нынѣ отъ 180—200.

Въ административномъ отношеніи населеніе Лобъ-нора и нижняго Тарима раздѣляется на два участка: собственно лобъ-норцевъ, или *кара-курчинцевъ* [1]), и таримцевъ, или *кара-кульцевъ* [2]). Тѣми и другими управляютъ наслѣдственные беки: лобъ-норцами—*Кунчиканъ-бекъ* (изъ рода Джаханъ), кара-кульцами—*Насыръ-бекъ*; послѣдній считается старшимъ. Общій же князь—*Джунганъ* (Дзюнъ-ванъ?) обоихъ участковъ живетъ въ Турфанѣ. Въ свою очередь онъ подчиненъ таранчинскому вану (нынѣ ваньша [3]) въ Хами.

Помимо содержанія обоихъ своихъ бековъ, лобъ-норцы и таримцы платятъ ежегодно турфанскому князю по 40 теньге [4]) съ мужчины; кромѣ того посылаютъ подарки—мѣха, скотъ и пр. Турфанскій князь отсылаетъ каждый годъ хамійской ваньшѣ: 9 выдръ, нѣсколько другихъ звѣриныхъ шкуръ и стадо барановъ; въ отдарокъ получаетъ шелковыя матеріи. Кромѣ вышеупомянутыхъ податей, съ тѣхъ же лобъ-норцевъ и таримцевъ нынѣ идутъ неопредѣленные, но весьма большіе поборы для китайцевъ. Эти послѣдніе пріѣзжаютъ сюда ежегодно, иногда по нѣсколько разъ, и привозятъ разное дешевое тряпье въ видѣ подарковъ; въ обмѣнъ же забираютъ, часто силою, скотъ, мѣха, деньги, что у кого найдется; наконецъ, по временамъ, китайцы производятъ сборы для разныхъ случайныхъ своихъ надобностей [5]). Словомъ, описываемое населеніе до того отягощено нынѣ поборами, что не мало мужчинъ бросили свои жилища и превратились въ нищихъ, или ушли съ Лобъ-нора въ д. Чархалыкъ, въ наемные работники.

Наружный типъ.

По своему наружному типу лобъ-норцы и таримцы представляютъ пеструю смѣсь физіономій. Въ общемъ однако преобладаетъ тюркскій типъ съ большою примѣсью монгольскаго. Послѣдній выражается всего

[1]) *Кара-курчинъ*, или правильнѣе *Кара-кошунъ*, въ переводѣ означаетъ «черный хошунъ» (удѣлъ или княжество).

[2]) По имени озера *Кара-куль* (близъ д. Маркатъ), гдѣ живетъ управитель нижняго Тарима.

[3]) Лобъ-норцы называютъ ее «вѣтка отъ дерева съ золотыми корнями», разумѣя подъ этимъ царствующій въ Китаѣ домъ и считая ваньшу родственницею богдыхана.

[4]) Мелкая серебряная монета, цѣною равняющаяся приблизительно нашему гривеннику. Число плательщиковъ на Лобъ-норѣ около сотни человѣкъ.

[5]) Такъ въ мартѣ 1885 г., во время нашего пребыванія на Лобъ-норѣ, присланъ былъ сюда китайскій приказъ—немедленно отправить всѣхъ взрослыхъ мужчинъ съ лошадьми въ Турфанъ строить тамъ крѣпость; въ добавокъ требовалось: 2 ямбы серебра, 25 пудовъ птичьихъ перьевъ и 500? пудовъ пушистыхъ головокъ куги (*Typha*). Приказаніе это было исполнено лишь отчасти; притомъ дана взятка.

рѣзче въ выдающихся скулахъ и маломъ количествѣ волосъ на лицѣ. Ростъ описываемаго населенія средній и ниже; высокіе рѣдки. Сложеніе вообще неплотное, грудь впалая; тѣмъ не менѣе руки сильныя, вѣроятно вслѣдствіе постоянной гребли въ лодкахъ; кожа тѣла бѣлая, или, вѣрнѣе, грязно-бѣлая. Черепъ—формы эллиптической по наклонной оси, такъ какъ затылокъ у большинства сильно выдается назадъ; лобъ низкій; брови правильныя; глаза большіе черные, рѣже каріе; носъ высокій, прямой, иногда горбатый; скулы большею частію выдающіяся, но менѣе чѣмъ у кровныхъ монголовъ; губы толстыя; зубы мелкіе и бѣлые; уши средней величины; баки почти вовсе не растутъ, борода и усы также плохіе. Волосы на головѣ черные [1]), нерѣдко съ болѣе свѣтлымъ, кофейнымъ оттѣнкомъ, въ особенности у женщинъ; у мужчинъ борода иногда бываетъ еще свѣтлѣе. Мужчины брѣютъ свою голову [2]), усы и бороду оставляютъ. Женщины—дѣвушки раздѣляютъ волосы на головѣ пополамъ и заплетаютъ ихъ сзади въ мелкія косички, концы которыхъ связываютъ на спинѣ въ пучокъ. Замужнія женщины носятъ двѣ косы. Кара-курчинцы, обитающіе внутри Лобъ-нора, представляютъ тотъ же типъ, только болѣе плюгавый—мельче ростомъ, корявѣе и слабосильнѣе; кромѣ того цвѣтъ кожи у нихъ темнѣе, быть можетъ отъ постоянной грязи.

Не смотря на невыгодныя физическія условія своего существованія, обитатели Лобъ-нора и Тарима пользуются хорошимъ здоровьемъ. Мы видѣли здѣсь стариковъ болѣе 70 и даже въ 90 слишкомъ лѣтъ, которые были еще очень бодры [3]). Только женщины на Лобъ-норѣ нерѣдко умираютъ при родахъ, а дѣвочки — въ дѣтскомъ возрастѣ; оттого женщинъ по числу меньше, нежели мужчинъ. Но вообще дѣтей достаточно какъ въ д. Абдалъ, такъ и въ ближайшихъ къ ней поселеніяхъ Лобъ-нора. Изъ мѣстныхъ болѣзней самый страшный здѣсь бичъ оспа; обыкновенныя — воспаленіе глазъ и язвы на

[1]) Но густо-черныхъ, какъ сажа, волосъ, обыденныхъ у монголовъ на Лобъ норѣ, мы не видали.

[2]) По словамъ лобъ-норцевъ, они стали брить головы лишь съ тѣхъ поръ, какъ поселились хотанцы въ Чархалыкѣ; въ Кара-курчинѣ же этотъ обычай принятъ еще позднѣе. Ранѣе того лобъ-норцы только подрѣзывали свои волосы, когда тѣ слишкомъ длинно отростали.

[3]) Такъ правителю Лобъ-нора Кунчиканъ-беку, весьма живому и дѣятельному, притомъ безъ малѣйшей сѣдины, въ 1885 г. было 73 года; одному изъ его совѣтниковъ 91 годъ, другому 93 года; оба они еще вполнѣ бодрые и совершенно здоровые. Притомъ послѣдній (отецъ нашего проводника Эркиджана), будучи страстнымъ охотникомъ и рыболовомъ, досихъ поръ еще подолгу бродитъ въ холодной весенней водѣ безъ всякой простуды. Въ Кара-курчинѣ мы видѣли также 91-лѣтнюю старуху; ея портретъ здѣсь приложенъ.

[illegible] волосъ на лицѣ. [illegible] Сложеніе [illegible] вѣроятно [illegible] ширѣе, [illegible] такъ [illegible] низкій; [illegible] малый, [illegible] еще [illegible] уши [illegible] также [illegible] свѣтлымъ, ко- [illegible] у мужчинъ борода [illegible] ¹), усы и [illegible] на головѣ [illegible] которыхъ [illegible] косы, [illegible] тѣхъ же [illegible] отъ по- [illegible]

[illegible] ванія, обитатели Лобъ-нора [illegible] здоровьемъ. Мы видѣли здѣсь стариковъ болѣе 70 и даже за 80 [illegible] лѣтъ, которые были еще очень бодры ³). Только женщины на Лобъ-норѣ нерѣдко умираютъ при родахъ, а дѣвочки — въ дѣтскомъ возрастѣ; оттого женщинъ по числу меньше, нежели мужчинъ. [illegible] дѣтей [illegible] какъ въ д. Абдалъ, такъ и [illegible] къ ней поселкахъ Лобъ-нора. Изъ мѣстныхъ [illegible] здѣсь быть оспа; обыкновенныя — [illegible]

¹) Не густо-черныхъ, какъ сажа, волосъ [illegible] мы не видали.

²) По словамъ лобъ-норцевъ, они стали [illegible] Чархалыкѣ; въ Кара-[illegible] позднѣе. Ранѣе того лобъ-норцы только [illegible] длинно отростали.

³) Такъ правителю Лобъ-нора Кун[illegible] томъ безъ малѣйшей сѣдины, въ 1885 г. было [illegible], другому 93 года; оба они еще вполнѣ [illegible] Послѣдній (отецъ нашего проводника Эрандж[illegible] и рыболовомъ, досихъ поръ еще водою бродитъ въ [illegible] простуды. Въ Кара-курчинѣ мы видѣли также 91-лѣтняго [illegible] здѣсь приложен[illegible]

КАРА-КУРЧИНЦЫ.

Фотограф съ нат. В. И. Роборовскаго

СТАРУХА ИЗЪ КАРА-КУРЧИНА.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

КАРА-КУРЧИНЦЫ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

тѣлѣ, преимущественно на головѣ; лихорадки и горячки лобъ-норцы не знаютъ. Язвы на тѣлѣ лечатъ ртутью, принимая ее внутрь; отъ той же болѣзни и отъ нѣкоторыхъ другихъ пьютъ отваръ какого-то Іерусалимскаго корня, привозимаго въ Вост. Туркестанъ изъ Россіи. Леченія оспы не знаютъ; заболѣвшаго ею бросаютъ на произволъ судьбы, вся же деревня перебирается на другое мѣсто.

Главнымъ матеріаломъ для одежды всѣхъ лобъ-норцевъ [1]) служитъ кендыревый холстъ собственнаго приготовленія. Изъ него шьются панталоны и рубашки, которыя всегда носятъ какъ мужчины, такъ и женщины. Изъ того же холста дѣлаются армяки или халаты, составляющіе верхнее одѣяніе для обоихъ половъ. У болѣе цивилизованныхъ лобъ-норцевъ—жителей д. Абдалъ и ближайшихъ къ ней [2]), халаты иногда шьются изъ дабы или маты синяго, коричневаго, рѣже краснаго цвѣта; кромѣ того, абдалинцы приготовляютъ для халатовъ грубую ткань изъ бараньей шерсти, или изъ шерсти дикихъ верблюдовъ. Зимою абдалинцы надѣваютъ бараньи шубы, составляющія рѣдкость въ Кара-курчинѣ. Тамъ для теплоты кендыревый холстъ подбивается лишь утиными шкурками. Немногія же старухи кара-курчинки, придерживаясь старины и по крайней бѣдности, всю свою одежду, не исключая рубашекъ и панталонъ, шьютъ изъ утиныхъ шкуръ, предварительно выдѣлывая ихъ рыбьимъ жиромъ или солью. На голову кара-курчинцы надѣваютъ зимою шапку изъ лисьяго мѣха, лѣтомъ — матерчатую или войлочную тюбетейку. Женщины Кара-курчина зимою носятъ шапочки изъ утиныхъ (рѣже лебединыхъ) шкурокъ, перьями наружу; лѣтомъ повязываютъ голову платкомъ изъ кендыря. Въ Абдалахъ мужчины носятъ зимою бараньи, рѣже лисьи шапки, лѣтомъ тюбетейки [3]); женщины повязываютъ головы платками на манеръ нашихъ деревенскихъ бабъ. Даже платки теперь здѣсь обыкновенно московскихъ фабрикъ, полученные отъ китайцевъ въ обмѣнъ на барановъ [4]). Обувью въ Кара-курчинѣ служатъ у мужчинъ и женщинъ чирки (въ родѣ калошъ или лаптей) изъ звѣриной шкуры; голень обматывается, какъ у нашихъ крестьянъ, носящихъ лапти, большою онучею изъ кен- Одежда.

[1]) Одежда таримцевъ почти не разнится; она описана въ моемъ отчетѣ. «Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ», стр. 26 и 27.

[2]) Для краткости буду называть тѣхъ и другихъ абдалинцами, въ отличіе отъ болѣе дикихъ кара-курчинцевъ внутри оз. Лобъ-нора. Притомъ теперь же оговариваю, что почти все расказанное объ абдалинцахъ можетъ быть отнесено и къ таримцамъ.

[3]) Чалмы у лобъ-норцевъ мы не видали.

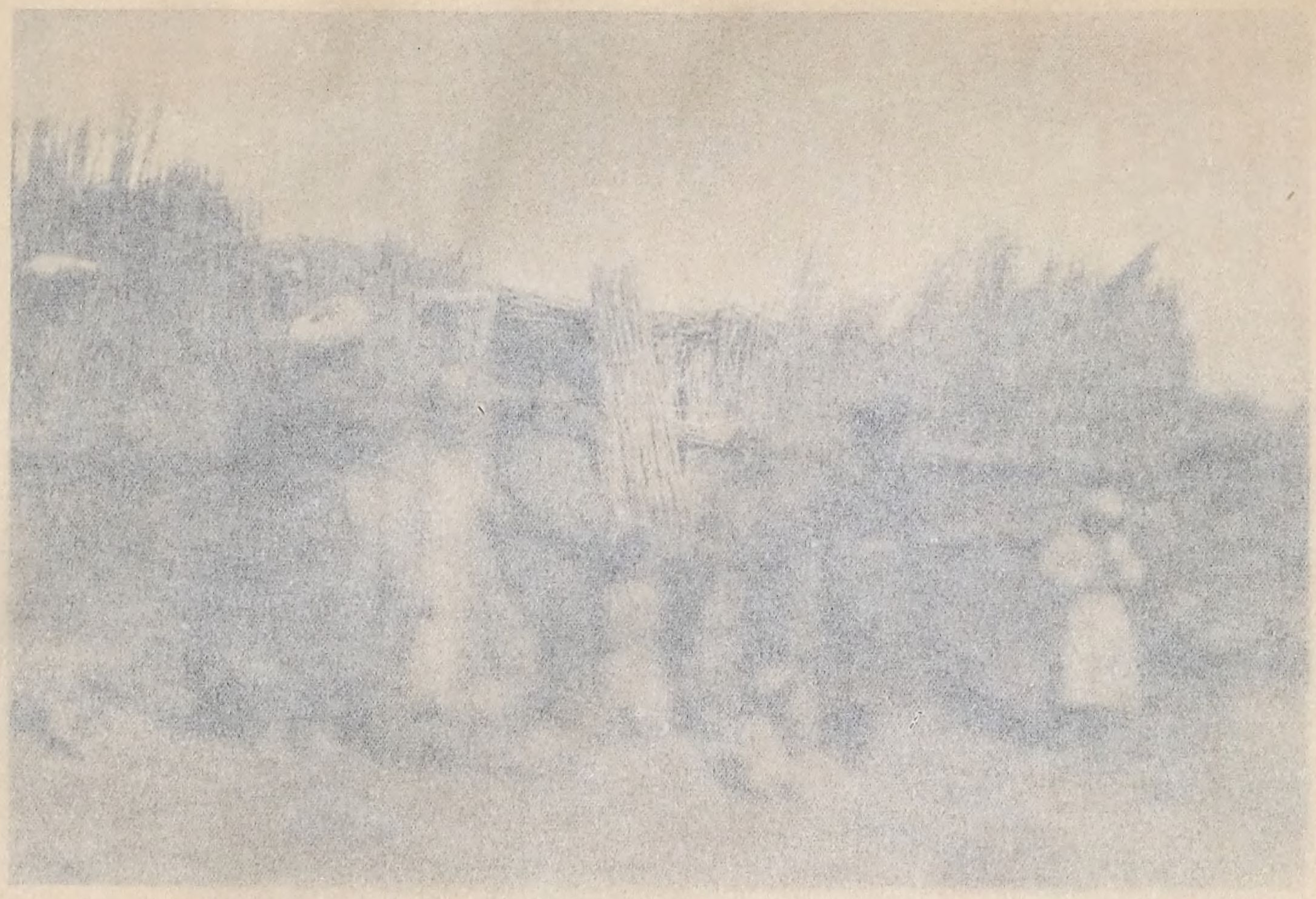
[4]) За каждый ситцевый платокъ, цѣною въ Москвѣ 10—15 копѣекъ, китайцы берутъ съ лобъ-норцевъ по барану, которые здѣсь теперь стоятъ отъ 4—5 рублей.

дыря, и окручивается сверху веревкою. Абдалинцы носятъ ичиги, даже самодѣльные сапоги съ каблуками; у женщинъ, которыя и здѣсь не прочь щегольнуть, каблуки дѣлаютъ выше. Лѣтомъ жители Лобъ-нора большею частью ходятъ босыми, не исключая и самаго Кунчиканъ-бека.

Жилище. Всѣ обитатели Лобъ-нора и нижняго Тарима живутъ въ тростниковыхъ помѣщеніяхъ, называемыхъ по мѣстному *сатма̀*. Такое жилье представляетъ квадратную загородку длиною въ 5—6 саженъ большихъ фасовъ, обращенныхъ обыкновенно къ сѣверу и югу, и сажени 3—4 по длинѣ фасовъ меньшихъ, расположенныхъ на восточную и западную стороны горизонта [1]). По угламъ и въ самыхъ фасахъ на нѣкоторомъ разстояніи вкопаны корявые, часто неочищенные отъ коры, стволы туграка, поддерживающіе всю постройку. Въ Кара-курчинѣ вмѣсто тугра-ковыхъ столбовъ, за неимѣніемъ этого дерева, ставятся плотно связанные снопы тростника. Стѣны описываемаго жилья обставляются тростникомъ вышиною въ сажень или немного болѣе. Вмѣсто потолка настилается тотъ же тростникъ; въ срединѣ оставляется небольшое (фута $1^1|_2$ въ поперечникѣ) отверстіе для свѣта и выхода дыма отъ огня. Въ одномъ изъ фасовъ, обыкновенно южномъ, дѣлается входъ, прикрываемый тростниковою же дверью. Внутренность всего жилища раздѣляется тростниковыми перегородками на три или четыре отдѣленія, смотря по зажиточности хозяина. Первое отъ входа самое большое отдѣленіе, на срединѣ котораго въ ямкѣ расположенъ очагъ, предназначается для обыденнаго пребыванія семьи и для пріема посѣтителей. Изъ другихъ, меньшихъ отдѣленій одно служитъ спальнею, другое кухнею, гдѣ находится глиняный очагъ для приготовленія пищи, третье кладовою; нерѣдко кухня дѣлается особо отъ жилаго помѣщенія. Вмѣсто полокъ на внутреннихъ стѣнахъ сатма̀ подвѣшиваются обломки старыхъ лодокъ. Вокругъ очага большой комнаты постланъ для сидѣнья тростникъ; онъ же служитъ взамѣнъ подушекъ и постелей въ спальнѣ; изрѣдка впрочемъ, для постели собираются метелки тростника и утиныя перья.

У болѣе зажиточныхъ близъ сатма̀ дѣлаются глиняные загоны для скота съ тростниковою покрышкою. Впрочемъ такіе загоны мы видѣли лишь въ д. Абдалъ, которая считается столицею Лобъ-нора. Здѣсь тростниковыя жилища просторнѣе и чище нежели въ Кара-курчинѣ. Тамъ иногда сатма̀ стоятъ даже на болотѣ за неимѣніемъ сухаго мѣста; въ такомъ случаѣ въ жиломъ помѣщеніи тростникъ настилается толстымъ слоемъ на сырую почву.

[1]) Чаще же встрѣчаются сатма̀ меньшей величины.

Фотограф. съ нат.

[illegible] Абдалинцы носятъ ичиги, да- [illegible] у женщинъ, которыя и здѣсь [illegible] Этомъ жители Лобъ-нора [illegible] и самаго Кунчиканъ-бека.

[illegible] Тарима живутъ въ тростни- [illegible] по мѣстному *сатмà*. Такое жилье [illegible] длиною въ 5—6 саженъ большихъ [illegible] къ сѣверу и югу, и сажени 3—4 [illegible] на восточную и западную [illegible] [1] [illegible] въ самыхъ фасахъ на нѣкоторомъ [illegible] очищенные отъ коры, стволы [illegible] Въ Кара-курчинѣ вмѣсто тугра- [illegible] дерева, ставятся плотно связан- [illegible] жилья обставляются трост- [illegible] болѣе. Вмѣсто потолка на- [illegible] въ срединѣ оставляется небольшое (фута [illegible] свѣта и выхода дыма отъ огня. Въ [illegible] дѣлается входъ, прикрывае- [illegible] всего жилища раздѣляется [illegible] на три или четыре отдѣленія, смотря по [illegible] самое большое отдѣленіе, на срединѣ котораго въ ямкѣ расположенъ очагъ, предназначается для обыденнаго пребыванія семьи и для пріема посѣтителей. Изъ другихъ, меньшихъ отдѣленій одно служитъ спальнею, другое кухнею, гдѣ находится [illegible] очагъ для приготовленія пищи, третье кладовою; нерѣдко [illegible] отъ жилаго помѣщенія. Вмѣсто полокъ на внутреннихъ стѣнахъ сатмà подвѣшиваются обломки старыхъ лодокъ. Во- [illegible] комнаты постланъ для сидѣнья тростникъ; онъ же [illegible] подушекъ и постелей въ спальнѣ; изрѣдка впрочемъ, [illegible] собираются метелки тростника и утиныя перья.

У болѣе зажиточныхъ близъ сатмà дѣлаются глиняные загоны для [illegible] съ тростниковою покрышкою. Впрочемъ такіе загоны мы видѣли [illegible] въ д. Абдалъ, которая считается столицею Лобъ-нора. Здѣсь тростниковыя жилища просторнѣе и чище нежели въ Кара-курчинѣ. Тамъ иногда сатмà стоятъ даже на болотѣ за неимѣніемъ сухаго мѣста; въ такомъ случаѣ въ жиломъ помѣщеніи тростникъ настилается толстымъ слоемъ на сырую почву.

[1] Чаще же встрѣчаются сатмà [illegible].

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

ТРОСТНИКОВОЕ ЖИЛИЩЕ (САТМА)

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Вас. Остр. Кадетская лин. № 7-2.

Какъ на Тарим̆ѣ, такъ и на Лобъ-норѣ вышеописанныя сатма̀ скучиваются въ деревни, обыкновенно небольшія. Мѣста такихъ деревень непостоянны; онѣ находятся въ зависимости отъ удобства рыбной ловли и пастбы скота. Сами жилища защищаютъ своихъ обитателей лишь отъ лѣтняго зноя, но не спасаютъ отъ холода и бурь. При небольшомъ ремонтѣ служатъ 3—4 года. Часто подвержены пожарамъ отъ малѣйшей оплошности въ обращеніи съ огнемъ.

Домашняя обстановка.

Изъ предметовъ домашняго обихода мы встрѣчали въ обиталищѣ лобъ-норца: чугунную чашу для варки пищи, мѣдный чайникъ (кунганъ) для кипяченія воды, чугунокъ въ видѣ сковороды для печенія хлѣба, волосяныя сита для просѣиванія муки, топоръ, деревянныя ведра, такія же блюда, чашки и ложки, цыновки изъ стеблей куги (Турһа), служащія вмѣсто скатерти во время ѣды, и въ рѣдкость—войлоки; быть можетъ имѣются еще кое-какія хозяйственныя мелочи, но ихъ во всякомъ случаѣ немного. У кара-курчинцевъ даже подобный инвентарь обыкновенно бываетъ неполный, такъ что, взамѣнъ чугунной чаши, иногда употребляется большой черепокъ отъ чаши разбитой, а мѣднаго чайника или сковороды часто нѣтъ вовсе.

Исключительною собственностью женщинъ, кромѣ ихъ платья, служатъ—веретена, прялки, иногда грубый ткацкій станокъ, немного иголокъ и др. мелочей. Мужчины, почти всѣ, имѣютъ огнива, бритвы и ножи; послѣдніе носятъ за поясомъ въ кожаныхъ ножнахъ [1]), а за пазухою жестяную, деревянную или кожаную коробочку съ табакомъ, который не курятъ, но жуютъ. Необходимую принадлежность каждаго семейства составляютъ еще лодки, выдолбленныя изъ стволовъ туграка, сѣти и удочки для рыболовства; также связки сухой рыбы и холстины изъ кендыря; затѣмъ нерѣдки капканы для ловли хара-сультъ, лисицъ и волковъ. Ружья имѣются на всемъ Лобъ-норѣ лишь у семи человѣкъ—фитильныя съ мелкими прямыми нарѣзами. Кара-курчинцы обыкновенно носятъ все свое платье на себѣ; въ немъ и спятъ, не раздѣваясь. Абдалинцы, помимо обыденнаго платья, почти всѣ имѣютъ праздничную одежду. Денегъ, вѣроятно, ни у тѣхъ, ни у другихъ нѣтъ. При томъ лучшія свои вещи лобъ-норцы не держатъ дома, во избѣжаніе случайности отъ пожара или грабежа отъ китайцевъ, но зарываютъ эти вещи въ песокъ въ мѣстахъ извѣстныхъ лишь самимъ хозяевамъ.

Противоположно монголамъ и тангутамъ абдалинцы опрятны и чистоплотны. Лѣтомъ купаются часто, зимою постоянно умываются.

[1]) Иногда здѣсь же носятся и бруски для натачиванія этихъ ножей.

Посуду содержатъ въ чистотѣ, пищу также чисто приготовляютъ; передъ ѣдою и послѣ нея моютъ руки. Одежда у нихъ хотя простая, но, сколько возможно, чистая; праздничное же одѣяніе весьма опрятное. Кара-курчинцы—тѣ грязны и оборваны, при томъ сильно пахнутъ рыбою, какъ и всѣ вообще обитатели Лобъ-нора и Тарима. Отъ нихъ деревень рыбный запахъ слышенъ по вѣтру довольно далеко.

Пища. Дѣйствительно рыба составляетъ здѣсь главный продуктъ питанія. Исключая зимняго времени, она ловится ежедневно; на зиму заготовляется въ сухомъ видѣ. Свѣжую рыбу обыкновенно варятъ; сушеную нерѣдко поджариваютъ, предварительно смочивъ ее соленой водой. Рыбій отваръ пьютъ вмѣсто чая. Изъ рыбы также добываютъ жиръ, который употребляется взамѣнъ масла. Подспорьемъ къ рыбной пищѣ служатъ весною и осенью утки, а зимою отчасти мясо звѣрей — хара-сультъ, дикихъ верблюдовъ и др.; кабановъ здѣшніе жители, какъ магометане, не ѣдятъ. Абдалинцы ко всему этому добавляютъ баранье мясо (изрѣдка) и пшеничный хлѣбъ, который все болѣе и болѣе входитъ здѣсь въ употребленіе. Зерно имѣютъ со своихъ пашенъ и мелютъ его на своихъ же крошечныхъ водяныхъ мельницахъ [1]). Кара-курчинцы хлѣба не знаютъ; нѣкоторые изъ нихъ вовсе не могутъ его ѣсть, равно какъ и баранье мясо. За то они ѣдятъ, какъ и всѣ впрочемъ лобъ-норцы, мясо пеликановъ и выпей (Botaurus Stellaris) [2]); послѣднее считается полезнымъ отъ кашля и боли живота; вкусомъ, какъ говорятъ, походитъ на фазанье. Наконецъ на Лобъ-норѣ и Таримѣ всѣ жители употребляютъ въ пищу поджаренные корни кендыря, а весною молодые побѣги тростника, которые считаются даже лакомствомъ [3]). Изъ метелокъ тростника лѣтомъ изрѣдка вывариваютъ темную тягучую массу, сладкую на вкусъ. Слѣдуетъ также упомянуть, что лобъ-норцы и таримцы, противоположно монголамъ, охотно пьютъ сырую воду.

Занятія. Какъ выше сказано, рыба служитъ главною пищею описываемаго населенія; поэтому рыболовство составляетъ спеціальное здѣсь занятіе въ теченіе весны, лѣта и осени. Ловятъ рыбу сѣтями и на удочку.

[1]) Такія мельницы встрѣчаются на Лобъ-норѣ и нижнемъ Таримѣ. Устройство ихъ весьма незатѣйливое: вода приводится жолобомъ, сдѣланнымъ изъ выдолбленнаго ствола туграка; маленькій жерновъ движется посредствомъ небольшаго колеса, спицы котораго имѣютъ форму челнока для усиленія удара воды; поверхъ жернова поставлено коническое лукошко, куда сыплются зерна. На подобной мельницѣ можно смолоть не болѣе нѣсколькихъ пудовъ въ день.

[2]) Прежде, какъ говорятъ, ѣли даже баклановъ.

[3]) На Лобъ-норѣ даже собаки и кошки ѣдятъ свѣжіе побѣги тростника; рогатый скотъ лазитъ за ними по шею въ воду, а при случаѣ плаваетъ черезъ глубокія мѣста.

КАРА-КУРЧИНКИ

Фотограф. съ нат.

КАРА-КУРЧИНКИ

Посуду содержатъ въ чистотѣ, пищу также чисто приготовляютъ; передъ ѣдою и послѣ нея моютъ руки. Одежда у нихъ хотя простая, но, сколько возможно, чистая; праздничное же платье всегда опрятное. Кара-курчинцы — тѣ грязны и оборваны, при томъ сильно пахнутъ рыбою, какъ и всѣ вообще обитатели Лобъ-нора и Тарима. Отъ ихъ деревень рыбный запахъ слышенъ по вѣтру довольно далеко.

Пища. Дѣйствительно рыба [illegible] главный предметъ питанія. Исключая зимняго времени, [illegible] заготовляется въ сухомъ видѣ. [illegible] сушеную нерѣдко [illegible] водой. Рыбій [illegible] жиръ, который употребляется [illegible]. [illegible] въ рыбной пищѣ служатъ [illegible] — кара-сультъ, [illegible] какъ магометане, [illegible] мясо (изрѣдка) [illegible] здѣсь въ [illegible] его на своихъ [illegible] хлѣба не [illegible] какъ и [illegible] мясо [illegible] показ-нымъ [illegible] фазаны. [illegible] на Лобъ-норѣ и Таримѣ [illegible] употребляютъ въ пищу [illegible]ные корни кендыря, а весною молодые побѣги тростника, [illegible] считаются даже лакомствомъ [3]). Изъ [illegible] вывариваютъ темную тягучую [illegible]. Слѣдуетъ [illegible] упомянуть, что лобъ-норцы [illegible], охотно пьютъ сырую воду.

Рыболовство. [illegible] выше сказано, рыба служитъ [illegible] описываемаго [illegible], поэтому рыболовство [illegible] здѣсь занятіе [illegible] весны, лѣта и осени. [illegible] рыбу сѣтями и на удочку.

[1]) Такія мельницы встрѣчаются на Лобъ-норѣ и нижнемъ Таримѣ. Устройство [illegible] приводится жолобомъ, сдѣланнымъ изъ выдолбленнаго [illegible] движется посредствомъ небольшаго колеса, спицы [illegible] для усиленія удара воды; поверхъ жернова поставлено [illegible] зерна. На подобной мельницѣ можно смолоть не [illegible] въ день.

[2]) [illegible] ѣли даже баклановъ.

[3]) [illegible] даже собаки и кошки ѣдятъ [illegible]; рогатый [illegible] по шею въ воду, а при [illegible] глубокія мѣста.

КАРА-КУРЧИНКИ.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

КАРА-КУРЧИНКИ.

Фототипія В. Классенъ С.Петербургъ Кадетская лин. № 7 2

Сѣти небольшія, собственнаго приготовленія изъ нитокъ кендыря, устраиваются такимъ образомъ, что рыба сама въ нихъ запутывается [1]); удочки грубой работы дѣлаются, сколько кажется, въ Чархалыкѣ. Ежедневно утромъ и вечеромъ мужчины осматриваютъ свои снасти и собираютъ попавшую рыбу. При обиліи ея рѣдко кто возвращается безъ добычи. Для удобства рыбной ловли устраиваются (какъ было уже упомянуто) на Таримѣ, частью и на Лобъ-норѣ, искусственныя озера въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уровень Тарима, вслѣдствіе осѣданія на берегахъ и въ самомъ ложѣ рѣки приносимой вѣтромъ пыли, какъ равно выдуванія почвы по сосѣдству, выше окрестной мѣстности. Тогда стоитъ лишь прокопать въ берегѣ небольшую канаву и вода, сюда хлынувшая, затопитъ бо̀льшую или меньшую площадь. Обыкновенно это дѣлается весною; затѣмъ спускная канава засыпается. Вмѣстѣ съ водою въ новообразованное озеро заплываетъ и рыба, которая проводитъ здѣсь лѣто, отъѣдается и жирѣетъ. Между тѣмъ площадь озера, подвергнутая сильному испаренію въ теченіе цѣлаго лѣта, значительно уменьшается, рыбѣ становится тѣсно и душно. Тогда спускная канава вновь отворяется и здѣсь ставятъ сѣти, въ которыя кучами лѣзетъ рыба, почуявшая свѣжую воду. Подобная операція повторяется на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ сряду. Впослѣдствіи на такихъ озерахъ выростаетъ тростникъ, который служитъ здѣсь главнымъ кормомъ для скота. Большая часть нижне-таримскихъ озеръ образовались подобнымъ образомъ.

Для рыболовства, конечно, необходимы лодки, которыя всѣ здѣсь малыхъ размѣровъ (12—14 фут. въ длину; фута $1^1|_2$, иногда и того менѣе, въ ширину) въ родѣ нашихъ душегубокъ; выдалбливаются онѣ изъ стволовъ тургака; на зиму, во избѣжаніе растрескиванія отъ сухости воздуха, закапываются въ песокъ. Лобъ-норцы управляютъ своими лодками въ высшей степени искусно; ѣздятъ въ нихъ какъ сидя, такъ и стоя.

Ловля утокъ нитяными петлями, въ особенности при весеннемъ и осеннемъ пролетѣ, составляетъ также обыденное занятіе лобъ-норцевъ. Зимою или, чаще, осенью, нѣкоторые изъ нихъ ѣздятъ на охоту въ Алтынъ-тагъ за дикими верблюдами и яками; дома же промышляютъ звѣрей капканами, въ особенности кара-курчинцы. Они скотоводствомъ вовсе не занимаются. Но абдалинцы держатъ значительное количество барановъ, затѣмъ рогатый скотъ, немного лошадей и ословъ. Еще больше развито скотоводство на Таримѣ, главнымъ образомъ разведеніе барановъ. Послѣдніе на Лобъ-норѣ курдючные, большого роста, очень

[1]) Иногда рыба загоняется въ сѣти ударами веселъ по водѣ.

жирны и даютъ превосходное мясо; таковые же вѣроятно и на Таримѣ [1]). Съ каждымъ годомъ абдалинцы усиленно начинаютъ заниматься хлѣбопашествомъ. Удобныхъ для этого мѣстъ на самомъ Лобъ-норѣ нѣтъ. Поэтому обрабатываютъ землю въ Чархалыкѣ и на р. Джахансай, недалеко отъ развалинъ города Лобъ. Сѣютъ всего болѣе пшеницу, затѣмъ ячмень, кукурузу и хлопокъ; садятъ также въ небольшомъ количествѣ овощи—арбузы, дыни, лукъ и морковь.

Всѣ сообщенія и перекочевки производятся главнымъ образомъ на лодкахъ; зимою—по льду Тарима. Тогда подъ лодки поддѣлываются небольшія салазки. На такихъ салазкахъ абдалинцы возятъ по льду и дрова (тамарискъ) для топлива; въ Кара-курчинѣ топливомъ служитъ тростникъ.

Вообще среди описываемаго населенія мужчины исполняютъ всѣ работы внѣ дома. Женщины же вѣдаютъ домашними занятіями—ухаживаютъ за дѣтьми, варятъ пищу, прядутъ нитки и ткутъ холстъ изъ кендыреваго волокна, шьютъ одежду и пр.; иногда собираютъ по близости дрова и осматриваютъ сѣти въ отсутствіе мужчинъ. Притомъ женщины постоянно сидятъ дома и ни въ какія общественныя дѣла не вмѣшиваются.

Обычаи. Многоженство, какъ вообще у магометанъ, дозволяется, но на Лобъ-норѣ, сколько кажется, не практикуется, быть можетъ по отсутствію достатка. Впрочемъ, и здѣсь мужъ воленъ прогнать свою жену и взять другую; вообще жениться можно на самое короткое время; за то распутство сильно наказывается. Въ бракъ мужчины вступаютъ съ 16 лѣтъ, а женщины съ 15, не ранѣе; при этомъ требуется лишь согласіе родителей обѣихъ сторонъ. Женихъ лѣтъ за пять до свадьбы, слѣдовательно еще мальчикомъ, поступаетъ въ домъ невѣсты къ ея отцу для различныхъ работъ. Съ нимъ въ видѣ калыма даютъ лодку, сѣти, пленки для ловли утокъ, сушеную рыбу, рыбій жиръ и связки кендыреваго волокна; у абдалинцевъ къ этому присоединяется еще корова, лошадь или оселъ. Наканунѣ свадьбы женихъ подноситъ своей невѣстѣ двѣ лисьихъ шкуры, немного хлѣба печенаго или въ зернѣ и при этомъ, въ видѣ хадака [2]), пучекъ связанныхъ косичекъ сѣрой цапли, называемый *кошъ*.

[1]) При первомъ здѣсь путешествіи, когда мы получали барановъ отъ имени Якубъ-бека, намъ постоянно приводили мелкихъ и часто худыхъ, увѣряя, что лучшихъ на Таримѣ и Лобъ-норѣ не водится. Конечно, то были плутни завѣдывавшаго тогда нашимъ довольствіемъ какого-то хаджи. Между тѣмъ въ своемъ отчетѣ («Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ», стр. 28) я помѣстилъ, что туземные бараны мелки ростомъ, и съ малымъ курдюкомъ, что для Лобъ-нора, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ наоборотъ.

[2]) Столь употребительнаго у монголовъ и тибетцевъ.

[illegible] таковые же вѣроятно и на Та-[illegible] усиленно начинаютъ заниматься [illegible] на самомъ Лобъ-норѣ нѣтъ. [illegible] Чархалыкѣ и на р. Джахансай, не-[illegible] Сѣютъ всего болѣе пшеницу, за-[illegible] сажаютъ также въ небольшомъ коли-[illegible] лукъ и морковь.

[illegible] производятся главнымъ образомъ на [illegible] Тарима. Тогда подъ лодки подделываются [illegible] На этихъ салазкахъ абдалинцы возятъ по льду и [illegible] топливо; въ Кара-курчинѣ топливомъ служитъ [illegible]

[illegible] описываемаго населенія мужчины исполняютъ всѣ [illegible] Женщины же вѣдаютъ домашними занятіями—уха-[illegible] варятъ пищу, прядутъ нитки и ткутъ холстъ изъ [illegible] шьютъ одежду и пр.; иногда собираютъ по бли-[illegible] въ отсутствіе мужчинъ. Притомъ жен-[illegible] общественныя дѣла не вмѣ-[illegible]

Многоженство, [illegible] дозволяется, но на Лобъ-норѣ, [illegible], не практикуется, быть можетъ по отсутствію достатка. Впрочемъ, и здѣсь мужъ воленъ прогнать свою жену и взять другую; вообще жениться можно на самое короткое время; за то распутство сильно наказывается. Въ бракъ мужчины вступаютъ съ 16 лѣтъ, а женщины съ 15, не ранѣе; при этомъ требуется лишь согласіе родителей обѣихъ сторонъ. [illegible] лѣтъ за пять до свадьбы, слѣдовательно еще мальчикомъ, поступаетъ въ домъ невѣсты къ ея отцу для различныхъ работъ. Съ нимъ въ видѣ калыма [illegible] лодку, сѣти, пленки для ловли утокъ, сушеную рыбу, рыбій жиръ и [illegible] кендыреваго волокна; у абдалинцевъ къ этому присоединяется [illegible] корова, лошадь или [illegible]. Наканунѣ свадьбы женихъ подноситъ своей невѣстѣ двѣ лисьихъ [illegible], немного хлѣба печенаго или въ [illegible] и при этомъ, въ видѣ [illegible] [2], пучекъ связанныхъ косичекъ [illegible] цапли, называемый *кошъ*.

[1] При первомъ [illegible] путешествіи, когда мы получали барановъ отъ имени Якубъ-бека, [illegible] приводили мелкихъ и часто худыхъ, увѣряя, что лучшихъ на Таримѣ и Лобъ-норѣ не водится. Конечно, то были [illegible] тогда нашимъ [illegible] ходжи. Между тѣмъ въ своемъ отчетѣ («Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ», стр. 28) я помѣстилъ, что [illegible] бараны мелки ростомъ, и [illegible], что для Лобъ-нора, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ наоборотъ.

[2] [illegible] употребительнаго у монголовъ и тибетцевъ.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

КАРА-КУРЧИНКИ СЪ ДѢТЬМИ.

Свадьба совершается въ жилищѣ невѣсты. Молодые садятся противъ входа у задней стѣнки. Справа отъ жениха помѣщаются мужчины, слѣва отъ невѣсты—женщины и дѣвушки. Отецъ невѣсты угощаетъ гостей рыбою и утками, а также бараниною и хлѣбомъ, если имѣются эти продукты. Послѣ трапезы тотъ же отецъ невѣсты закрываетъ молодыхъ двумя халатами, и ахунъ, или лицо его заступающее, читаетъ молитву; молодые и гости въ это время стоятъ. По совершеніи молитвы вѣнчаніе считается оконченнымъ; гости расходятся, кромѣ двухъ женщинъ, которыя провожаютъ новобрачныхъ на противоположную сторону Тарима [1]), гдѣ ставится небольшая кендыревая палатка. Въ ней молодые остаются ночевать. Утромъ тѣ же женщины приносятъ имъ для мытья воду. Затѣмъ новобрачные отправляются съ визитами по домамъ своей деревни. Здѣсь имъ дарятъ, смотря по достатку,—рыбу, кендырь, холстъ, деревянную посуду и пр. Послѣ визитовъ молодые отправляются въ свое жилище, гдѣ новая жена подноситъ мужу 12 рубахъ изъ кендыреваго холста и 12 такихъ же панталонъ; вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ бывшей невѣсты даритъ своему зятю лодку, сѣти, домашнюю утварь и пр.; абдалинцы кромѣ того даютъ скотъ. Празднуется свадьба только одинъ день. Въ это время устраиваются гонки на лодкахъ, а въ Абдалахъ—скачки на лошадяхъ и ослахъ. Молодые также принимаютъ участіе въ этихъ увеселеніяхъ.

Изъ дѣтей, мальчики находятся преимущественно на попеченіи отца; дѣвочки же—на попеченіи матери. Тѣхъ и другихъ учатъ молиться, затѣмъ правиламъ вѣжливости и уваженія къ старшимъ. Въ Абдалахъ мы застали теперь даже школу, которою завѣдывалъ ахунъ изъ Хотана, вскорѣ, впрочемъ, опять покинувшій Лобъ-норъ. Мальчики съ отроческаго возраста пасутъ барановъ, помогаютъ своимъ отцамъ ловить рыбу и утокъ; сдѣлавшись постарше, ходятъ также на охоту. Дѣвочки прислуживаютъ матерямъ и обучаются ими домашнему хозяйству. Обрѣзаніе мальчиковъ совершается на седьмомъ году жизни, иногда раньше или немного позже, если некому въ срокъ сдѣлать операцію.

При похоронахъ у тѣхъ же лобъ-норцевъ покойника прежде всего моютъ, затѣмъ одѣваютъ въ пять бѣлыхъ рубахъ изъ маты; первая такая рубаха достигаетъ лишь до пояса, остальныя постепенно удлиняются, такъ что пятая закрываетъ босыя ноги. Въ Кара-курчинѣ, за неимѣніемъ маты, рубахи дѣлаются изъ кендыря. Голова у

[1]) Деревни лобъ-норцевъ почти всѣ расположены на берегу Тарима, который, какъ было выше сказано, не теряется во всей западной половинѣ Лобъ-нора.

мертваго мужчины окручивается бѣлою повязкою, у женщины покрывается лишь платкомъ спереди. Потомъ покойника несутъ на носилкахъ къ ахуну, или къ лицу его замѣняющему, и тотъ читаетъ молитвы. Въ головахъ носилокъ придѣлывается шестъ, на которой у мужчинъ надѣвается чалма, а у женщинъ платокъ. Хоронятъ въ день смерти или же на слѣдующій. Для могилы выкапываютъ на кладбищѣ яму, приблизительно равную кубической сажени. Въ этой ямѣ съ западной стороны дѣлается ниша, въ которую кладутъ покойника (на тростниковой подстилкѣ) на бокъ, лицомъ къ западу, головою къ югу; потомъ ниша задѣлывается и яму засыпаютъ. Прежде могилы не засыпали, но обставляли внутри тростникомъ и дѣлали тростниковую покрышку. Въ Каракурчинѣ умершаго кладутъ въ лодку, покрываютъ ее другою лодкою и этотъ гробъ ставятъ въ густомъ тростникѣ; кругомъ обтягиваютъ сѣти. Поминки по усопшемъ совершаются на 1, 3, 7 и 40 дни послѣ смерти. Тогда ходятъ на могилу; въ домѣ же покойника его родственники и близкіе знакомые получаютъ угощеніе. На кладбищахъ втыкаются шесты съ привязанными къ нимъ хвостами дикихъ яковъ, цвѣтными тряпками и т. п. украшеніями. Наслѣдство получается лишь послѣ смерти обоихъ родителей, ибо если одинъ изъ нихъ умретъ, то домомъ управляетъ другой, будетъ ли то отецъ или мать, все равно. При дѣлежѣ наслѣдства сыновья получаютъ поровну, но отъ каждой ихъ части отдѣляется $^1|_9$ доля для дочерей. Впрочемъ, все это примѣнимо лишь къ болѣе зажиточнымъ абдалинцамъ.

Привѣтствуютъ лобъ-норцы другъ друга при встрѣчѣ, какъ и другіе мусульмане, словами «*ассаляу-маликэмъ*», на что получается отвѣтъ «*валикемъ-ассалямъ*»; при этомъ дѣлаютъ руками жестъ, словно гладятъ бороду, затѣмъ складываютъ руки внизу груди и наклоняютъ туловище немного впередъ, какъ у насъ при легкомъ поклонѣ. Обращаясь одинъ къ другому, тѣ же лобъ-норцы говорятъ «*доакль*» (сдѣлай одолженіе). Когда женщина обращается съ какою-нибудь просьбою къ мужчинѣ, то считается вѣжливостію, если она слегка ударяетъ кавалера рукою по спинѣ или между плечъ и приговариваетъ: «*чикъ, чикъ, чикъ, чиракъ-якъ*», что собственно смысла не имѣетъ, а въ переводѣ означаетъ «выходи и зажги свѣтильникъ». Если же мужчина обращается къ женщинѣ, то, кромѣ обычнаго «доакль», вѣжливый кавалеръ говоритъ—«*джинимъ сангá*» (въ переводѣ—«я жертвую собою для тебя»).

Въ свободное отъ обыденныхъ занятій время лобъ-норцы ходятъ одинъ къ другому въ гости, всего чаще мужчины къ мужчинамъ, женщины къ женщинамъ. При особыхъ торжествахъ тѣ и другія сходятся

Фотограф. съ нат.

мертваго мужчины окручивается [illegible], у женщины покрывается лицо платкомъ спереди. [illegible] покойника несутъ на носилкахъ къ [illegible], или къ [illegible] и [illegible] молитвы. Въ головахъ покойника [illegible] у мужчинъ надѣвается чалма, а у женщинъ платокъ. Хоронятъ [illegible] или же на слѣдующій. Для могилы выкапывается на кладбищѣ яма, приблизительно [illegible] кубической сажени. Въ этой ямѣ [illegible] стороны [illegible], въ которую кладутъ покойника [illegible] лицомъ къ западу, головою къ [illegible] и яму засыпаютъ. Прежде могилы не [illegible] тростникомъ и дѣлали тростниковую покрышку. Въ Кара-[illegible] умершаго кладутъ въ лодку, покрываютъ ее другою лодкою и этотъ гробъ ставятъ въ густомъ тростникѣ; кругомъ обтягиваютъ [illegible]. Поминки по усопшемъ совершаются на 1, 3, 7 и 40 дни послѣ смерти. Тогда ходятъ на могилу; въ домѣ же покойника его родственники и близкіе [illegible] получаютъ угощеніе. На кладбищахъ втыкаются шесты съ [illegible] къ нимъ хвостами [illegible] яковъ, [illegible] украшеніями. Наслѣдство получается лишь послѣ смерти обоихъ [illegible], ибо если одинъ изъ нихъ умретъ, то домомъ управляетъ другой, будетъ ли то отецъ или мать, все равно. При дѣлежѣ наслѣдства сыновья получаютъ поровну, но отъ каждой ихъ части отдѣляется 1/3 доли для дочерей. Впрочемъ, все это примѣняется лишь къ болѣе зажиточнымъ абдалинцамъ.

Привѣтствуютъ лобъ-норцы другъ друга при встрѣчѣ, какъ и другіе мусульмане, словами «*ассаляу-маликэмъ*», на что [illegible] «*[illegible]-ассаляма*»; при этомъ дѣлаютъ руками [illegible] складываютъ руки внизу груди и [illegible] туловище [illegible] впередъ, какъ у насъ при легкомъ [illegible] тѣ же лобъ-норцы говорятъ [illegible]. [illegible] женщина обращается съ какою-нибудь [illegible] вѣжливостію, если она слегка ударяетъ [illegible] или между плечъ и приговариваетъ: [illegible], что собственно смысла не имѣетъ, а въ [illegible] и зажги свѣтильникъ». Если же мужчина [illegible] къ женщинѣ, то, кромѣ обычнаго «деакль», вѣжливый [illegible] — «*джаннимъ сина*» (въ переводѣ—«я [illegible]»).

Въ свободное отъ обыденныхъ [illegible] ходятъ одинъ къ другому въ гости, [illegible], женщины къ женщинамъ. При особыхъ [illegible] тѣ и другія сходятся

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

КАРА-КУРЧИНЦЫ.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

вмѣстѣ. Во время угощенія гостей хозяинъ сидитъ [1]) съ ними, но самъ не ѣстъ; хозяйка прислуживаетъ. Игръ и плясокъ здѣсь нѣтъ; также нѣтъ и музыкальнымъ инструментовъ. Пѣсни поются рѣдко, обыкновенно при ѣздѣ въ лодкѣ; мотивъ ихъ заунывный. Абдалинцы, сколько мы замѣтили, любятъ шутить другъ надъ другомъ. Женщины нерѣдко ссорятся, какъ и у насъ, при чемъ попрекаютъ одна другую разными сплетнями; бѣдность, какъ и при ссорахъ нашихъ простолюдиновъ, служитъ не малымъ укоромъ при ругатнѣ.

Судъ на Лобъ-норѣ производится выборными старшинами подъ предсѣдательствомъ Кунчиканъ-бека. Обычаи замѣняютъ незнаніе шаріата. Забавно было видѣть, какъ на одномъ изъ судебныхъ разбирательствъ всѣ судьи кричали: «Магометъ сказалъ, Магометъ сказалъ», но ни одинъ изъ нихъ не зналъ, что именно сказалъ Магометъ.

Языкъ и вѣрованія.

Языкъ обитателей Лобъ-нора и нижняго Тарима тотъ же тюркскій, какъ и во всемъ Восточномъ Туркестанѣ; отличается лишь значительною примѣсью монгольскихъ словъ [2]). Впрочемъ, слова эти теперь по немногу выводятся и замѣняются словами хотанскихъ поселенцевъ, живущихъ въ Чархалыкѣ. Нынѣ лобъ-норцы насъ увѣряли, что лучше понимаютъ говоръ жителей Курля, нежели хотанцевъ [3]). Съ своей стороны могу замѣтить, что нашъ переводчикъ, родомъ таранчинецъ изъ Кульджи, свободно объяснялся какъ на Лобъ-норѣ, такъ и въ Хотанѣ. Кромѣ того, у лобъ-норцевъ есть собственный языкъ, которымъ они объясняются между собою и котораго не понималъ нашъ переводчикъ. Мы слышали, что этотъ языкъ тотъ же тюркскій, но только исковерканный, какъ бываетъ искаженный русскій говоръ у нашихъ офеней. Всегда лобъ-норцы говорятъ громко и скоро, при томъ нерѣдко сразу нѣсколько человѣкъ, въ особенности если желаютъ сообщить что либо интересное.

Относительно своей религіи обитатели Лобъ-нора и Тарима—магометане суннитскаго толка, господствующаго во всемъ Вост. Туркестанѣ. Религіознымъ фанатизмомъ не отличаются. Ежедневный намазъ совершается лишь въ Абдалахъ. Посты соблюдаются только стариками. Ѣсть и пить съ нами лобъ-норцы также не гнушались. Суевѣрій у нихъ, какъ кажется, немного; въ злого духа не вѣрятъ.

[1]) Лобъ-норцы, подобно другимъ туркестанцамъ, всегда сидятъ на пяткахъ, а не скрестивши ноги, какъ то дѣлаютъ монголы или тангуты.

[2]) Такъ, напр., на языкѣ лобъ-норцевъ: братъ—*ахха*, мать—*эдже*, сѣть—*гульмю*, войлокъ—*токумъ*, веревка—*аргамчи*, пуговица - *топчэ*, доска—*шалъ*, угощеніе—*хишикъ*, подарокъ—*бэлэкъ*, глубокій—*гюнъ*, шапка—*тэлпэкъ* и пр.

[3]) При первомъ путешествіи говорили на оборотъ. «Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ», стр. 51

Высокочтимую святость всего Лобъ-нора составляетъ небольшой *мазаръ* [1]), находящійся близъ д. Старый Абдалъ, въ одной отъ нея верстѣ вверхъ по Тариму. Здѣсь, шагахъ въ пятидесяти отъ лѣваго берега рѣки, на небольшомъ глинисто-песчаномъ бугрѣ, верхушка котораго выровнена площадкою, сдѣлана изъ тростника съ тураковыми столбами по фасамъ квадратная загородка, имѣющая сажени три въ сторонѣ каждаго фаса и около одной сажени вышины; плоская крыша также тростниковая. Съ южной стороны оставленъ входъ, запираемый тростниковою дверью, а съ запада придѣлана другая небольшая загородка, отдѣленная отъ главной тростниковою стѣною западнаго фаса. Въ этой то небольшой загородкѣ закопана въ землю главная святость—мѣдная чашка и кромѣ того лежитъ небольшой красный флагъ, также святой. Къ стѣнкѣ западнаго фаса, отдѣляющаго большое помѣщеніе отъ малаго придѣланы, на высотѣ футовъ трехъ отъ земли, небольшія туграковыя подмостки, на которыхъ въ порядкѣ разложены: нѣсколько десятковъ маральихъ роговъ, головы хара-сультъ и домашнихъ барановъ, а также нѣсколько хвостовъ яковъ и пара ихъ роговъ. Въ маленькой загородкѣ также находятся подобныя приношенія; снаружи же ея на туграковыхъ подмосткахъ набросана куча маральихъ роговъ. Наконецъ, кое-гдѣ по сторонамъ всей постройки торчатъ невысокіе шесты съ привязанными къ нимъ яковыми хвостами.

По мѣстному преданію, въ давнія времена проходили изъ Хотана черезъ Лобъ-норъ шестеро магометанскихъ святыхъ съ одною при нихъ собакою. Эти святые и подарили за какую-то услугу одному изъ предковъ Кунчиканъ-бека вышеупомянутую мѣдную чашку, а затѣмъ прислали изъ Турфана красный флагъ и бумагу на владѣніе обоими подаренными драгоцѣнностями. Бумага эта завернута въ шелковую матерію и положена въ небольшой весьма грубой работы туграковый ящикъ, поставленный между маральими рогами въ стѣнкѣ западнаго фаса большого помѣщенія. Сами святые, какъ гласитъ легенда, ушли въ пещеру недалеко къ сѣверу отъ Турфана, сказавъ, что «мы еще вернемся»; собака лежитъ окаменѣлою у входа въ эту пещеру. По тому же преданію, во время пути святыхъ въ Турфанъ, ихъ преслѣдовали, съ цѣлью убить, монголы. Разбойники эти искали намѣченныя жертвы по слѣду собаки. Тогда у нея были отрублены ноги, но собака все таки не отстала отъ своихъ хозяевъ. Лобъ-норцы весьма чтятъ эту святость и увѣряли насъ, что только она одна удерживаетъ ихъ жить въ

[1]) «Мазаръ» собственно означаетъ «гробница» или «кладбище».

[illegible] Лобъ-нора составляетъ небольшой мазаръ [1], [illegible] близъ д. Старый Абдалъ, въ одной отъ нея верстѣ [illegible] шагахъ въ пятидесяти отъ лѣваго берега рѣки, [illegible] бугрѣ, верхушка котораго вы-[illegible] съ туграковыми столбами [illegible] сажени три въ сторонѣ каж-[illegible] плоская крыша также [illegible] входъ, запираемый тростни-[illegible] другая небольшая загородка, [illegible] стѣною западнаго фаса. Въ этой [illegible] въ землю [illegible] святость—мѣдная [illegible] также святой. [illegible] помѣщеніе отъ ма-[illegible] небольшія тугра-[illegible]: нѣсколько де-[illegible] домашнихъ барановъ, [illegible] роговъ. Въ маленькой [illegible] снаружи же ея на [illegible] роговъ. Наконецъ, [illegible] шесты съ [illegible].

По мѣстному преданію, [illegible] времена проходили изъ Хотана черезъ Лобъ-норъ шестеро [illegible]етанскихъ святыхъ съ одною при нихъ собакою. Эти святые и [illegible] за какую-то услугу одному изъ предковъ Кунчиканъ-бека [illegible]нутую мѣдную чашку, а затѣмъ прислали изъ Турфана [illegible] обоими по-[illegible] ма-[illegible] туграковый [illegible] западнаго [illegible] ушли [illegible] еще [illegible] По тому [illegible] преслѣдовали, [illegible] замѣченныя жертвы [illegible] ноги, но собака все [illegible] Лобъ-норцы весьма чтятъ эту свя-[illegible]лько она одна удерживаетъ ихъ жить въ

[1] «Мазаръ» [illegible] означаетъ «гробница» или «кладбище».

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

ДЕРЕВНЯ УЙТУНЪ ВЪ КАРА-КУРЧИНѢ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 72.

такомъ худомъ мѣстѣ какъ Лобъ-норъ. Кара-курчинцы же почти не имѣютъ понятія, за что именно почитается вышеописанный мазаръ. «Знаемъ только, что святое, а въ чемъ эта святость заключается—не понимаемъ», говорили они намъ.

Умственныя и нравственныя качества.

Въ умственномъ отношеніи лобъ-норцы и таримцы, какъ вообще тюрко-монголы, стоятъ выше чистыхъ монголовъ. При томъ на Лобъ-норѣ, болѣе нежели въ чемъ либо, замѣтна значительная рознь духовныхъ способностей между абдалинцами и кара-курчинцами. Первые обладаютъ достаточною умственною смёткою, хитры и отчасти уже плутоваты; послѣдніе гораздо проще и умственно-ограниченнѣе. Приведу здѣсь дословно нравственную характеристику кара-курчинцевъ, сдѣланную мною при первомъ знакомствѣ съ этими людьми [1]).

«Бѣдный и слабый физически кара-курчинецъ бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой этотъ человѣкъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ—вотъ тѣ предметы которыми только и надѣлила несчастнаго мачиха-природа. Понятно, что при такой обстановкѣ, при томъ безъ вліяній извнѣ, невозможно развитіе ни умственное, ни нравственное. Тѣсный кругъ понятій кара-курчинца не переходитъ за берега роднаго озера; остальной міръ для него не существуетъ. Вѣчная борьба съ нуждою, голодомъ, холодомъ, наложила печать апатіи и угрюмости на характеръ несчастнаго: онъ никогда почти не смѣется. Умственныя способности также не идутъ далѣе того, сколько нужно, чтобы поймать рыбу или утку, да исполнить другія житейскія заботы. Иные даже считать не умѣютъ далѣе сотни, быть можетъ и того менѣе». Въ добавокъ къ этому про всѣхъ вообще лобъ-норцевъ можно сказать, что они весьма миролюбивы, гостепріимны и живутъ согласно между собою. Нерѣдко достаточный помогаетъ бѣдному, чему большой примѣръ подаетъ самъ Кунчиканъ-бекъ. Крупныя преступленія, какъ напр., убійство, здѣсь не извѣстны; мелкое воровство начало случаться лишь въ послѣднее время, когда, вслѣдствіе тяжести налоговъ, появились нищіе.

Какъ и всѣ вообще азіатцы, лобъ-норцы достаточно лѣнивы, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень любопытны и словоохотливы. Къ удивленію нашему, абдалинцы знали теперь черезъ хотанцевъ про Макарьевскую (Нижегородскую) ярмарку, а также слышали о желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ и воздушныхъ шарахъ. Не чужда тѣмъ-же лобъ-норцамъ

[1]) «Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ», стр. 53.

и удаль физическая. «Мы радуемся, молодѣемъ», говорили они намъ, «когда наступитъ лѣто и можно вдоволь ѣздить на лодкахъ по Лобъ-нору и Тариму». Быстрота такой ѣзды весьма здѣсь цѣнится, и многіе лобъ-норцы, нерѣдко мальчики, удивляли насъ искусствомъ управлять, даже при вѣтрѣ, своими маленькими и вертлявыми челноками.

Характеристика Кунчиканъ-бека.

Не полонъ будетъ сдѣланный выше очеркъ лобъ-норцевъ, если не привести здѣсь характеристику ихъ правителя Кунчиканъ-бека [1]), человѣка рѣдкой нравственности и добраго до безконечности. Какъ выше было упомянуто, этотъ бекъ изъ рода Джаханъ, имѣлъ въ 1885 году уже 73 года отъ роду, но еще находился въ полной силѣ и обладалъ отличнымъ здоровьемъ. Своими подчиненными онъ любимъ какъ отецъ родной, да и самъ смотритъ на нихъ какъ на собственныхъ дѣтей, — никакихъ поборовъ не требуетъ, кромѣ поставки дровъ и подмоги во время посѣва или собиранія хлѣба; при всякой же нуждѣ пособляетъ неотложно. Ради этого живетъ самъ въ большой бѣдности [2]). Прежде, во времена Якубъ-бека, достояніе лобъ-норскаго правителя заключалось въ шести ямбахъ серебра, тысячномъ стадѣ барановъ и 12 лошадяхъ. Нынѣ все это китайцы отобрали разными вымогательствами частью отъ самого Кунчиканъ-бека, частью за неисправную уплату податей его подчиненными. Въ особенности много пришлось заплатить за отмѣну приказанія носить косы. Такое украшеніе до того не понравилось лобъ-норцамъ, что самъ Кунчиканъ-бекъ, у котораго коса выросла уже въ $^1|_4$ аршина, нарочно ѣздилъ въ г. Курля, отдалъ тамошнимъ властямъ послѣднія деньги и едва добылъ разрѣшеніе снова брить головы. Ранѣе того, вскорѣ послѣ завоеванія Кашгаріи, китайцы вздумали переселить лобъ-норцевъ на Таримъ въ окрестности д. Ахтарма. Для этой цѣли сначала былъ уведенъ туда Кунчиканъ-бекъ со своимъ семействомъ. Тогда лобъ-норцы стали умолять китайцевъ возвратить ихъ «отца роднаго» и получили на это согласіе лишь за большую взятку.

Характерную черту Кунчикана-бека составляетъ еще то, что онъ терпѣть не можетъ городовъ и страшно боится всякаго начальства. Какъ говорятъ, за всю свою жизнь правитель Лобъ-нора лишь раза два-три былъ въ г. Курля; дальше Чархалыка не ѣздитъ и ни одинъ крупный начальникъ его въ глаза не видалъ. Въ случаѣ требованія явиться, напр., въ Турфанъ, Кунчиканъ-бекъ обыкновенно спѣшно соби-

[1]) Имя это въ переводѣ означаетъ «бекъ-восходящее солнце».

[2]) Все имущество Кунчиканъ-бека, въ 1885 году состояло, кромѣ нѣсколькихъ сѣтей и лодокъ, изъ десятка барановъ, 1 лошади, 2 коровъ и 3 ословъ; наличными деньгами было $1^1/_2$ лана ($4^1/_2$ кред. рубля), но и тѣ пришлось отдать въ уплату податей.

[illegible] «Мы [illegible], говорили они намъ, [illegible] лѣто [illegible] на лодкахъ по Лобъ-нору [illegible]. [illegible] цѣнится, и многіе лобъ-[illegible] искусствомъ управлять, даже [illegible] вѣтрѣ, своими [illegible] челноками.

Не полонъ [illegible] очеркъ лобъ-норцевъ, если не привести здѣсь [illegible] Кунчиканъ-бека [1]), человѣка рѣдкой [illegible] безконечности. Какъ выше было упомянуто [illegible] Джаханъ, имѣлъ въ 1885 году уже [illegible] въ полной силѣ и обладалъ [illegible] онъ любимъ какъ отецъ [illegible] на собственныхъ дѣтей, — [illegible] поставки [illegible] и подмоги во [illegible] при всякой [illegible] нуждѣ пособляетъ [illegible] въ большой [illegible] [2]). Прежде, [illegible] лобъ-нор[illegible] заключа-[illegible] ежегодн[illegible] и 12 ло-[illegible] обязательствами [illegible] уплату по-[illegible] заплатить за [illegible]. Такое [illegible] не понравилось лобъ-норцамъ, что самъ Кунчиканъ-бекъ, у котораго коса выросла уже въ ¼ аршина, нарочно ѣздилъ въ г. [illegible], отдалъ тамошнимъ властямъ послѣднія деньги и едва добылъ разрѣшеніе снова брить головы. Ранѣе того, вскорѣ послѣ завоеванія Кашгаріи, китайцы вздумали переселить лобъ-норцевъ на Таримъ въ окрестности д. [illegible]. Для этой [illegible] былъ уведенъ туда Кунчиканъ-бекъ со [illegible]. [illegible] лобъ-норцы стали умолять китайцевъ возвратить ихъ [illegible] и получили на это [illegible] лишь за большую [illegible].

[illegible] черту Кунчикана-бека [illegible], что онъ [illegible] не можетъ [illegible] и страшно [illegible] начальства. [illegible], за всю свою жизнь [illegible] раза [illegible] въ г. [illegible]; дальше [illegible] и ни одного [illegible] начальника [illegible] въ глаза не видалъ. [illegible] требованія [illegible], напр., въ Турфанъ, Кунчиканъ-бекъ [illegible] собн-

[1]) Имя это въ переводѣ означаетъ «бекъ-восходящ[illegible]».

[2]) Все имущество Кунчиканъ-бека, въ 1885 [illegible] нѣсколькихъ [illegible] и лодокъ, [illegible] десятка барановъ, 1 лошади, [illegible] наличными деньгами было 1½ [illegible] (4½ кред. рубля), но и тѣ [illegible] на уплату податей.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

ПРАВИТЕЛЬ ЛОБЪ-НОРА КУНЧИКАНЪ-БЕКЪ СЪ СЫНОМЪ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Вас. Остр. Кадетская лин. № 7-2.

рается въ путь и уѣзжаетъ съ посланнымъ за нимъ человѣкомъ. Станціи три-четыре ѣдетъ какъ ни въ чемъ не бывало. Затѣмъ тихомолкомъ выпиваетъ слабый растворъ табаку, послѣ чего подвергается рвотѣ и даже обмороку. Болѣзнь слѣдовательно на лицо и Кунчиканъ-бекъ возвращается назадъ; начальству-же посылается взятка.

Двое сыновей Кунчиканъ-бека умерли; двое другихъ при немъ находятся. Старшій изъ нихъ—*Тохта* исполняетъ должность ахуна на Лобъ-норѣ; младшій—*Джаханъ* будетъ наслѣдовать своему родителю [1]). О томъ же Кунчиканъ-бекѣ лобъ-норцами сложена пѣсня, въ которой восхваляется его доброта, рядомъ съ небывалымъ богатствомъ и доблестями. Намъ удалось записать лишь первую половину этой пѣсни. Вотъ она:

«Кунчиканъ-бекъ, восходящее солнце, солнце нашъ господинъ! облагодѣтельствовалъ ты весь міръ; какъ голосъ ласточки, ты лелѣешь слухъ всѣхъ; заперъ ты въ своемъ загонѣ тридцать лошадей-мериновъ (на лицо всего одна кляча); не отказываешься, видя нужду, помогать сиротамъ. Прежде одинъ ты былъ нашъ князь, ныньче ихъ много (подразумѣваются китайцы). Тохта-ахуна и Джахана (сыновья) Богъ тебѣ далъ. Твои пріятели китайцы (иронія) посылаютъ тебѣ дары, за которые берутъ деньги. Шэхинъ-язъ и Абдурахманъ (умершіе сыновья) похожи были на ястребовъ. Во дворѣ твои бараны—что можетъ сравниться съ ними. Постели хорошую постель, окутайся хорошею шубою. Когда работники пашутъ твои пашни, никто проѣхать не можетъ (смыслъ—такъ обширны пашни, въ которыхъ всего нѣсколько десятинъ). Тридцать батмановъ [2]) хлѣба выдалъ ты на посѣвъ, завьючьте ими скотъ. Надѣнь на себя латы, иди воевать въ Румъ [3]). Просѣйте муку, напеките хлѣба въ дорогу. Живешь ты въ большомъ богатствѣ, о тебѣ сплетничаютъ въ народѣ, иные ненавидятъ твое доброе сердце. Сидишь ты на коврѣ (это тростниковая цыновка), халатъ на тебѣ цвѣта полной луны (изъ кендырнаго холста, окрашеннаго въ желтый цвѣтъ корою джиды)» и т. д.—Пѣсня продолжается еще столько же.

Свѣдѣнія о пребываніи русск. старовѣровъ на Лобъ-норѣ.

При нынѣшнемъ посѣщеніи Лобъ-нора, равно какъ и при первомъ здѣсь путешествіи, намъ удалось собрать свѣдѣнія о пребываніи въ этихъ мѣстахъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, партіи русскихъ старовѣровъ. Новыя данныя нѣсколько пополняютъ прежнія [4]), частью же измѣняютъ ихъ.

[1]) На приложенной фотографіи вмѣстѣ съ Кунчиканомъ снятъ и этотъ мальчикъ.

[2]) Батманъ вѣситъ отъ 10—12 пудовъ.

[3]) *Румъ*—по тюркски, называется Турція.

[4]) «Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ», стр. 33.

Года за два съ небольшимъ до начала магометанскаго возстанія въ Вост. Туркестанѣ, слѣдовательно въ 1860 году, какъ говорили теперь намъ лобъ-норцы, къ нимъ неожиданно пришли четверо русскихъ и осматривали мѣстность. Затѣмъ двое изъ нихъ отправились обратно; двое другихъ остались на Лобъ-норѣ. Спустя восемь мѣсяцевъ русскіе вновь явились сюда партіею около сотни человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей. Всѣ они отлично говорили по киргизски и объяснили, что пришли изъ лежащихъ далеко къ сѣверу горъ, въ которыхъ живутъ киргизы и торгоуты — слѣдовательно изъ Алтая. Причиною переселенія выставляли гоненіе своей вѣры. Поселились пришельцы на р. Джахансай—близъ развалинъ г. Лобъ и въ Чархалыкѣ, гдѣ вскорѣ выстроили себѣ деревянный домъ[1]), по другимъ свѣдѣніямъ даже нѣсколько домовъ; занялись хлѣбопашествомъ. Съ туземцами жили въ согласіи, но мало или вовсе не помогали другъ другу, такъ что нѣкоторые побирались милостынею въ Чархалыкѣ.

Однако не долго пришлось новымъ колонистамъ жить на Лобъ-норѣ. Черезъ годъ послѣ ихъ прибытія сюда явился изъ Турфана, по приказанію китайскаго губернатора съ китайскимъ же войскомъ, князь всѣхъ лобъ-норцевъ и таримцевъ и разорилъ поселеніе старовѣровъ. Эти послѣдніе сначала хотѣли сопротивляться силою и приглашали жителей Чархалыка дѣйствовать совмѣстно. Для вящшаго соблазна къ такому союзу, старовѣры увѣряли, что у нихъ есть колдунья, которая можетъ сотворить сколько угодно воиновъ. Чархалыкцы полюбопытствовали сначала увидѣть такое чудо, а затѣмъ уже обѣщали свою помощь. Тогда была призвана сама чародѣйка, которая не смущаясь заявила, что дѣйствительно можетъ сдѣлать требуемое количество людей, но для этого необходимо имѣть пухъ куги (Турһа), изъ котораго слѣдуетъ замѣсить тѣсто. Куга не растетъ въ Чархалыкѣ, и плутоватая баба конечно расчитывала, что, за неимѣніемъ нужнаго матеріала, основательно можно уклониться отъ исполненія требуемаго чуда. На несчастье же колдуньи куги очень много на Лобъ-норѣ, куда чархалыкцами былъ отправленъ нарочный гонецъ. Вскорѣ цѣлый мѣшокъ требуемаго растенія былъ привезенъ, и чародѣйка, видя себя припертою къ стѣнѣ, по неволѣ приступила къ таинственной работѣ. Нетерпѣніе туземцевъ относительно того, что выйдетъ, было всеобщее. Еще же болѣе оказалось ихъ разочарованіе, когда старуха, спустя немного, объявила, что потеряла свою волшебную книгу и не можетъ сотворить людей, не зная

[1]) Быть можетъ церковь.

требуемыхъ заклинаній на память. Тогда чархалыкцы, видя себя обманутыми, наотрѣзъ отказались отъ помощи русскимъ. Тѣ не рѣшились одни драться съ китайцами, которые сожгли ихъ дома и жестоко всѣхъ избили. «Стонъ и вопль стояли всеобщіе», говорили намъ чархалыкцы. Лишь четыре семьи ушли въ Са-чжеу, гдѣ, по приказанію китайскаго начальника, всѣ мужчины были казнены; куда дѣлись женщины, лобъ-норцы не знаютъ. Уничтоживъ поселеніе старовѣровъ, китайцы отвели ихъ самихъ въ Турфанъ. Что сталось далѣе съ этими несчастными—неизвѣстно, ибо вскорѣ началось здѣсь возстаніе магометанъ противъ Китая. Говорятъ, нѣсколько человѣкъ тѣхъ же русскихъ пробрались впослѣдствіи на Или, гдѣ выдали себя за магометанъ и были ласково приняты Кульджинскимъ султаномъ.

ГЛАВА IX.

Весна на озерѣ Лобъ-норѣ.

Унылая зимняя картина Лобъ-нора.—Нашъ бивуакъ на берегу Тарима.—Сношенія съ туземцами.—Первые вѣстники весны.—Валовой прилетъ. — Охота-бойня. — Ловля утокъ мѣстными жителями.—Вскрытіе Тарима.—Вечерняя охота на стойкахъ.—Быстрый отлетъ къ сѣверу. — Появленіе другихъ видовъ птицъ.—Раннее утро въ тростникахъ Лобъ-нора.—Характеристика климата здѣшней весны.—Общіе выводы изъ наблюденій пролета.

Унылая зимн. картина Лобъ-нора.

Немного найдется во всей Центральной Азіи мѣстностей, столь заманчивыхъ для путешественника издали и, въ сущности, такъ мало оправдывающихъ его надежды, какъ Лобъ-норъ. Казалось-бы, что масса воды, приносимой сюда Таримомъ, должна была образовать обширное и глубокое озеро, отрадный оазисъ среди пустыни; но далеко не то вышло въ дѣйствительности. Остановленный въ своемъ стремленіи къ югу вздутіемъ Алтынъ-тага, Таримъ круто поворачиваетъ къ востоку и тотчасъже начинаетъ расплываться въ этомъ направленіи. На многіе десятки верстъ расходятся воды названной рѣки и образуютъ обширные отмелые разливы — сначала оз. Кара-бурана, а потомъ и самого Лобънора. Это послѣднее тянется къ сѣверо-востоку до тѣхъ поръ, пока просачивающая почва и испареніе окончательно не поглотятъ доставляемую сюда влагу. Тогда снова является безводная пустыня. И не только въ этой пустынѣ, но даже на ея площадяхъ, покрытыхъ водою, органическая жизнь, въ особенности растительная, встрѣчаетъ крайне неблагопріятныя условія для своего существованія. Черезъ-чуръ соленая лёссовая почва или голый песокъ, вмѣстѣ съ крайнею сухостью атмосферы въ теченіе круглаго года, сильными бурями, въ особенности весною, и необычайными жарами лѣтомъ—все это какъ разъ противодѣйствуетъ развитію даже скудной флоры. Она дѣйствительно существуетъ здѣсь на сухо-

пути только въ немногихъ свойственныхъ пустынямъ формахъ. Не лучше и на самомъ Лобъ-норѣ, гдѣ почти сплошь поростаютъ—огромный тростникъ, куга и ситникъ; мѣстами выпадаютъ небольшія и неглубокія площади чистой воды; по берегамъ стелются голые солончаки, за которыми тотчасъ залегаетъ дикая пустыня, а на югѣ встаетъ громадный хребетъ, также почти совершенно безплодный.

Животная жизнь описываемой мѣстности много разнообразнѣе растительной, но въ общемъ все-таки бѣдная, за исключеніемъ лишь краткаго періода весенняго и осенняго перелета птицъ. Наконецъ человѣкъ обитаетъ здѣсь лишь по горькой нуждѣ, хотя и свыкся съ своею злосчастною судьбою. Таковъ общій видъ и характеръ Лобъ-нора. Для полноты слѣдуетъ еще указать на постоянно пыльную, словно дымомъ наполненную атмосферу, окрашенную солнцемъ въ буровато-желтый цвѣтъ; во время же бури здѣсь наступаетъ совершенная пыльная мгла.

Еще болѣе унылый характеръ имѣетъ описываемое озеро зимою, когда холодъ угонитъ на югъ всѣхъ гнѣздящихся и перелетныхъ птицъ, зеленѣющій же лѣтомъ тростникъ пожелтѣетъ и засохнетъ. Покроется тогда и вода Лобъ-нора льдомъ болѣе фута толщиною, соберется въ кучи и уйдетъ на свои становища вся здѣшняя рыба; даже ловъ ея туземцами прекращается. Словомъ, не только въ окрестной пустынѣ, гдѣ мертвое царство господствуетъ отъ вѣка, но даже и на самомъ озерѣ въ это время водворяется подавляющая тишина и безжизненность. Правда, въ густыхъ тростникахъ по прежнему бродятъ кабаны, за которыми нерѣдко охотится тигръ; лисица, малунъ и волкъ подкарауливаютъ зайцевъ и мелкихъ грызуновъ; наконецъ, по солончакамъ кое-гдѣ пробѣжитъ хара-сульта или въ рѣдкость забредетъ дикій верблюдъ—но всѣ эти проблески животной жизни весьма скрытны, мимолетны и случайны.

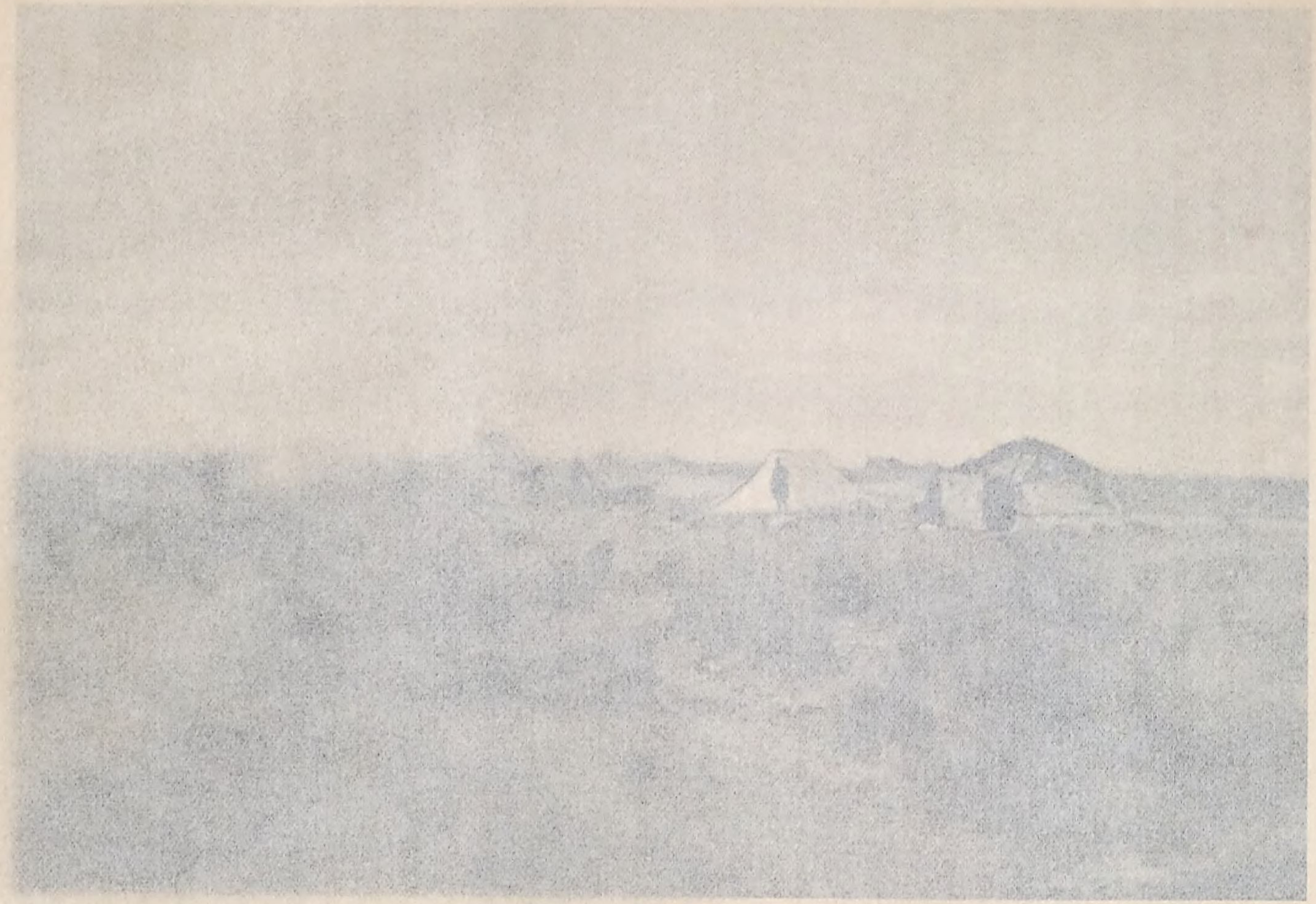
Нѣсколько болѣе заявляютъ тогда о себѣ лишь оставшіяся пернатыя Лобъ-нора: въ тростникахъ раздается по временамъ оригинальный пискъ усатыхъ синицъ, нерѣдки камышевыя стренатки и саксаульные воробьи; тихимъ, неслышнымъ полетомъ промелькнетъ иногда зимующій лунь; изрѣдка можно вспугнуть фазана; возлѣ жилья держатся черныя вороны, иногда и полевые воробьи; по береговымъ солончакамъ попадаются стайки малыхъ жаворонковъ, а въ кустахъ тамариска можно найдти дятла, услышать свистъ Rhopophilus или отрывистое трещаніе саксаульной сойки—но и только. Даже туземцы зимою на Лобъ-норѣ какъ-то мало замѣтны. Лишь поднимающійся по временамъ изъ тростниковъ озера дымъ свидѣтельствуетъ о присутствіи здѣсь человѣческаго жилья, которое безъ проводника весьма трудно и отыскать.

Нашъ бивуакъ на берегу Тарима.

Какъ разъ въ концѣ такого мертваго сезона, именно въ послѣднихъ числахъ января 1885 г., пришли мы на Лобъ-норъ. Лишь одною недѣлею позднѣе явились мы сюда и въ 1877 году при первомъ посѣщеніи описываемаго озера. Такимъ образомъ въ обѣ весны мы захватили самый раннiй пролетъ птицъ и наблюдали его на одномъ и томъ же мѣстѣ. Уступая просьбамъ лобъ-норцевъ, мы первоначально поставили теперь свой бивуакъ немного ниже по Тариму возлѣ д. Новый Абдалъ, гдѣ и пробыли десять сутокъ. Время это было посвящено приведенію въ порядокъ записокъ о зимнихъ изслѣдованіяхъ и ближайшему знакомству съ мѣстными жителями; отправлены также были черезъ Кунчиканъ-бека извѣстія на родину о нашемъ путешествіи, но они къ сожалѣнію не сразу туда дошли. Охотничьи экскурсіи въ ближайшихъ окрестностяхъ нашей стоянки еще мало доставляли добычи. Неудачна также была и охота за тигромъ, который ночью задавилъ у насъ собаку, а у туземцевъ двѣ коровы. Выслѣдить звѣря безъ снѣга оказалось невозможнымъ; поэтому мы караулили вечерами у задавленной добычи, но тигръ рано не приходилъ; являлся же сюда ночью, когда темь стояла хоть глазъ коли. Пробовали мы настороживать заряженную винтовку, но и это ни къ чему не привело; такъ звѣрь и ушелъ совершенно безнаказанно.

Къ наступленію валоваго прилета птицъ мы укочевали на прежнее мѣсто, гдѣ стояли бивуакомъ въ 1877 году — на правомъ берегу Тарима, въ одной верстѣ отъ д. Старый Абдалъ. Здѣсь опять дважды было произведено астрономическое опредѣленіе широты и долготы, такъ что нынѣ пунктъ этотъ довольно вѣрно установленъ на географическихъ картахъ.

Новый нашъ бивуакъ, фотографическій снимокъ котораго здѣсь приложенъ, находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега Тарима. Двѣ палатки и двѣ юрты поставлены были просторно; въ срединѣ сложенъ багажъ; кухня устроена въ растрепавшейся юртѣ, гдѣ частью помѣщались и казаки; верблюжьи сѣдла и другія принадлежности вьюченья сложены были нѣсколько въ сторонѣ. Сами верблюды, числомъ 64, за неимѣніемъ для нихъ достаточнаго корма на Лобъ-норѣ, отправлены были на р. Джахансай подъ присмотромъ четырехъ казаковъ, смѣнявшихся еженедѣльно. Предварительно однако мы привезли къ бивуаку на своихъ верблюдахъ запасъ дровъ (тамариска) на все время стоянки. Наконецъ слѣдуетъ сказать, что мѣсто, гдѣ мы теперь бивуакировали, какъ показалъ опытъ еще перваго нашего здѣсь пребыванія, было отличное для наблюденія пролета птицъ и для охоты за ними.

В. И. Роборовскаго

[illegible] [illegible] на Лобъ норѣ

[illegible] сезона, именно въ послѣд-
[illegible] на Лобъ-норъ. Лишь одною
[illegible] въ 1877 году при первомъ по-
[illegible] образомъ въ обѣ весны мы за-
[illegible] и наблюдали его на одномъ и
[illegible] лобъ-норцевъ, мы первоначально
[illegible] ниже по Тариму возлѣ д. Новый
[illegible] Время это было посвящено при-
[illegible] изслѣдованіяхъ и ближайшему
[illegible] отправлены также были черезъ
[illegible] о нашемъ путешествіи, но они къ
[illegible] экскурсіи въ ближайшихъ
[illegible] мало доставляли добычи. Неудачна
[illegible] который ночью задавилъ у насъ со-
[illegible] звѣря безъ снѣга оказа-
[illegible] караулили вечерами у задавленной
[illegible] являлся же сюда ночью, когда
[illegible] настораживать заряженную
[illegible] такъ звѣрь и ушелъ со-
[illegible]

[illegible] мы укочевали на прежнее
[illegible] году — на правомъ берегу Та-
[illegible] Здѣсь опять дважды было
[illegible] опредѣленіе широты и долготы, такъ что
[illegible] установленъ на географическихъ
[illegible]

[illegible] фотографическій снимокъ котораго здѣсь
[illegible] шагахъ отъ берега Тарима. Двѣ
[illegible] были просторно; въ срединѣ сложенъ
[illegible] растрепавшейся юртѣ, гдѣ частью помѣща-
[illegible] сѣдла и другія принадлежности вьюченья
[illegible] въ сторонѣ. Сами верблюды, числомъ 64, за
[illegible] достаточнаго корма на Лобъ-норѣ, отправлены
[illegible] подъ присмотромъ четырехъ казаковъ, смѣняв-
[illegible] Предварительно однако мы привезли къ бивуаку
[illegible] запасъ дровъ (тамариска) на все время стоянки.
[illegible] что мѣсто, гдѣ мы теперь бивуакировали,
[illegible] еще перваго нашего здѣсь пребыванія, было
[illegible] пролета птицъ и для охоты за ними.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

НАШЪ БИВУАКЪ НА ЛОБЪ-НОРѢ.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

На счетъ своего продовольствія мы также устроились хорошо. Еще вскорѣ по прибытіи на Лобъ-норъ промѣнены были туземцамъ 8 нашихъ усталыхъ лошадей и два такихъ же верблюда, на 36 отличныхъ барановъ, которые пошли для ѣды [1]; къ нимъ впослѣдствіи въ изобиліи присоединились утки и частью рыба; пшеничную муку мы покупали у лобъ-норцевъ [2], а хлѣбъ изъ нея для насъ пекла жена самого Кунчиканъ-бека. На продовольствіе оставшихся лошадей, которыхъ теперь необходимо было хорошенько откормить, покупалась у туземцевъ пшеница и снопы высушеннаго зеленаго тростника. Сами мы помѣщались въ болѣе уцѣлѣвшей юртѣ; казаки проводили день обыкновенно на дворѣ, спали же частью въ дырявой юртѣ, которую чуть не ежедневно чинили, частью въ сосѣдней палаткѣ; другая палатка назначена была для просушки коллекцій и для препарированія птицъ.

Обыденный порядокъ нашей жизни оставался ненарушимымъ за все время долгой стоянки на Лобъ-норѣ. На восходѣ солнца мы вставали и пили чай; потомъ занимались писаніемъ, распросами туземцевъ, препарированіемъ птицъ и пр., словомъ, каждый своимъ дѣломъ часовъ до 9 утра, когда завтракали. Вслѣдъ за тѣмъ отправлялись на охоту [3]; часовъ около трехъ или четырехъ по-полудни возвращались на стойбище и обѣдали, послѣ чего принимались за прежнія занятія; затѣмъ пили снова чай и наконецъ часовъ въ 8 вечера всѣ ложились спать. Очередные казаки, въ одиночку на три смѣны, держали караулъ до утра. Такая спокойная жизнь и обильная пища вскорѣ выгодно подѣйствовали на наше здоровье. Только съ приходомъ на Лобъ-норъ, быть можетъ, вслѣдствіе крутой перемѣны климата и абс. высоты, у многихъ изъ насъ появились на лицѣ прыщи и лишаи; въ теченіе мѣсяца болѣзнь эта прошла безъ послѣдствій.

Сношенія съ туземцами.

Выше было уже говорено, что въ нынѣшнее посѣщеніе Лобъ-нора туземцы приняли насъ весьма радушно, совершенно противоположно тому, какъ вели они себя при первомъ моемъ здѣсь путешествіи. Тогда, по наивному теперь признанію самихъ лобъ-норцевъ, «имъ было велѣно ничего намъ не расказывать, или сообщать ложь». Подъ вліяніемъ такого приказа отъ своихъ властей, туземцы и сами смотрѣли

[1] Часть мяса этихъ барановъ была высушена въ запасъ на дальнѣйшій путь.

[2] Нынѣ на Лобъ-норѣ, какъ и вездѣ въ Восточномъ Туркестанѣ, все стало несравненно дороже противъ прежняго. Такъ, баранъ, стоившій въ 1877 г. на Лобъ-норѣ 6—10 теньге, теперь продавался уже за 30—50 теньге, смотря по величинѣ.

[3] Раньше на охоту ходить не стоило, ибо только къ полудню слетались утки на жировку.

на насъ какъ на людей подозрительныхъ. Нынѣ же мы явились на Лобъ-норъ совершенно неожиданно, такъ что китайцы не успѣли по своему настроить мѣстныхъ жителей, да при томъ эти послѣдніе на опытѣ убѣдились, что ничего дурнаго мы не дѣлаемъ. Къ тому же еще прибавилась, столь широко нынѣ распространенная во всемъ Восточномъ Туркестанѣ, ненависть къ самимъ китайцамъ и надежда на русскихъ, какъ на возможныхъ избавителей отъ гнета китайскаго. Словомъ, въ нынѣшнее наше путешествіе какъ на Лобъ-норѣ, такъ и далѣе по Восточному Туркестану, обстоятельства весьма благопріятно сложились въ нашу пользу.

Прежде туземцы Лобъ-нора и Тарима вовсе къ намъ не показывались и даже старались по возможности избѣгать нашей встрѣчи; теперь лобъ-норцы, въ особенности жители д. Абдалъ и ближайшихъ къ ней, постоянно посѣщали нашъ бивуакъ, дружились съ казаками, приносили имъ хлѣбъ или рыбу и не отказывались отъ нашего угощенія. Нѣсколько человѣкъ пришли къ намъ даже изъ Кара-курчина, а также пріѣхали изъ Чархалыка собственно для того, чтобы повидаться [1]). Кунчиканъ-бекъ чуть не постоянно при насъ находился и всегда радъ былъ исполнить каждое наше желаніе. Словомъ, непритворное радушіе выказывалось намъ на каждомъ шагу. Обо всемъ, что сами знали, лобъ-норцы теперь откровенно намъ расказывали; прежней подозрительности не осталось и слѣда. Тѣ же лобъ-норцы, даже женщины, охотно согласились снять съ себя фотографіи, а впослѣдствіи наперебой лѣзли фотографироваться. Довѣріе и дружба къ намъ туземцевъ простирались до того, что они позволили выбрать для коллекціи пару маральихъ роговъ, изъ числа собранныхъ въ своемъ высокочтимомъ мазарѣ. Когда мы перешли на другой бивуакъ отъ д. Новый Абдалъ, ея жители ускорили свою перекочевку въ д. Старый Абдалъ, чтобы быть къ намъ поближе. Затѣмъ, какъ только начала ловиться рыба, намъ почти ежедневно приносили въ подарокъ лучшіе изъ пойманныхъ экземпляровъ. Съ своей стороны мы старались ласково обходиться съ добродушными лобъ-норцами, не скупясь за все имъ платили и дѣлали подарки старшинамъ. Такъ Кунчиканъ-беку были подарены карманные часы и стереоскопъ. Старикъ былъ въ восторгѣ и, похвастанши этими

[1]) О нашемъ прибытіи на Лобъ-норъ сочинена была даже легенда, въ которой расказывалось, что за нѣсколько времени ранѣе одинъ изъ туземцевъ-стариковъ видѣлъ во снѣ надвигавшуюся съ востока кучку мелкихъ звѣздъ съ крупною звѣздою въ срединѣ; мѣстные гадальщики объяснили, что это означаетъ скорый приходъ русскихъ подъ начальствомъ русскаго офицера, уже бывшаго на Лобъ-норѣ.

подарками передъ своими приближенными, живо шмыгнулъ въ маленькой лодочкѣ вверхъ по Тариму, гдѣ въ укромномъ мѣстѣ закопалъ въ песокъ полученныя вещи.

Однако не безпечально продолжались искреннія, доброжелательныя къ намъ отношенія лобъ-норцевъ. Одинъ изъ нихъ, совсѣмъ еще молодой, укралъ у насъ, для изготовленія капкана, три желѣзныхъ колышка отъ палатки, и былъ пойманъ казакомъ на мѣстѣ преступленія. Не только Кунчиканъ-бекъ, но и вся деревня Абдалъ, родина виновнаго, до крайности были возмущены подобнымъ поступкомъ. Тотчасъ собрался судъ старшинъ и единогласно приговорилъ воришку къ смертной казни. Только мое заступничество спасло несчастнаго. Но все-таки его сильно наказали палками и выселили въ «отдаленныя» мѣста Лобъ-нора. Въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ судъ, приговоръ и его исполненіе были окончены.

Немного спустя послѣ этого происшествія, неожиданно были возвращены посланныя мною, вскорѣ по прибытіи на Лобъ-норъ, письма въ Россію. Вѣроятно они дошли до г. Курля, откуда ихъ вернули вспять китайцы. Оффиціально же Кунчиканъ-бекъ, отправлявшій эти письма, получилъ отъ старшаго надъ нимъ таримскаго управителя Насыръ-бека, конечно по приказанію китайцевъ, бумагу слѣдующаго содержанія:

«Кунчиканъ-беку отъ Насыръ-бека».

«Вы свои распоряженія оставьте. Вы послали пакетъ отъ русскихъ для отправки въ Кульджу. Я посылаю этотъ пакетъ вамъ назадъ. Вы нашли себѣ новаго да-женя [1]). Наши начальники—китайцы; Кульджею управляютъ они же. Когда есть наши начальники китайцы, вы не должны слушать русскихъ. Пріѣхали 20 русскихъ, хотя бы пріѣхало ихъ двѣ тысячи, намъ все равно. Какъ смѣли вы служить имъ самовольно, зная русскія мысли [2]). Получивши это письмо, поѣзжайте ко мнѣ день и ночь отдать отчетъ не дальше трехъ сутокъ. Насыръ-бекъ Кадырисъ».

Самъ Кунчиканъ-бекъ не поѣхалъ по этому требованію, но отправилъ вмѣсто себя довѣреннаго человѣка. Съ нимъ я опять послалъ тѣже письма для доставки ихъ въ наше кульджинское консульство. Впослѣдствіи эти злополучныя письма вновь къ намъ вернулись съ комическимъ объясненіемъ китайцевъ, что «въ трактатѣ у нихъ съ

[1]) Въ переводѣ «большой начальникъ»—рѣчь идетъ обо мнѣ.

[2]) Въ словахъ «зная русскія мысли» достаточно обрисовалось то мнѣніе, которое имѣютъ о нашихъ путешествіяхъ азіатцы.

Россіею нѣтъ обязательства препровождать русскія письма съ Лобъ-нора» [1]).

Съ этого времени начались постоянныя относительно насъ каверзы и подвохи со стороны китайцевъ, въ особенности, когда мы пошли на Хотанъ. Объ этомъ не одинъ разъ будетъ рѣчь впереди. Теперь упомяну только, что неожиданное появленіе наше на Лобъ-норѣ произвело не малый переполохъ среди туземцевъ ближайшихъ частей Вост. Туркестана. Съ одной стороны до Кэріи и даже далѣе, а съ другой черезъ Курля и Карашаръ къ Турфану, быстро разнеслась вѣсть, что на Лобъ-норъ пришло русское войско воевать противъ китайцевъ. Туземцы охотно повѣрили этой нелѣпости и мѣстами, какъ напр. въ Кэріи, готовы были даже произвести возстаніе. Китайцы струхнули не на шутку. Для разъясненія дѣла изъ Кэріи командированъ былъ на Лобъ-норъ китайскій чиновникъ съ переводчикомъ. Когда эти посланцы явились къ намъ, мы показали имъ свой пекинскій паспортъ и объяснили цѣль своего путешествія. Китаецъ уѣхалъ обратно нѣсколько успокоенный. Тѣмъ не менѣе онъ всячески старался, конечно безуспѣшно, отговорить насъ отъ пути съ Лобъ-нора въ Хотанъ, предлагая взамѣнъ идти черезъ Курля на Кульджу.

Первые вѣстники весны.

Полнымъ контрастомъ зимняго запустѣнія Лобъ-нора является кипучая здѣсь суматоха перелетныхъ птицъ въ періодъ ранней весны. Тамъ, гдѣ за недѣлю или двѣ передъ тѣмъ почти въ рѣдкость можно было встрѣтить живое существо, теперь, словно по мановенію волшебника, вдругъ появляются цѣлыя тучи пернатыхъ созданій. Ихъ гонитъ сюда изъ теплыхъ странъ юга тотъ всемогущій голосъ природы, который пробуждаетъ въ каждой перелетной птицѣ неудержимое стремленіе поскорѣе попасть съ мѣста зимовки на свою сѣверную родину, на радость брачной тамъ жизни и трудную пору вывода дѣтей, а также собственнаго линянія. И вотъ лишь только солнце замѣтно начнетъ пригрѣвать охолодѣвшія пустыни Лобъ-нора, какъ уже сюда являются пернатые гонцы изъ Индустана. Быстро снуютъ они вдоль замерзшаго еще озера и опять большею частью на время исчезаютъ— затѣмъ, какъ говорятъ туземцы, чтобы снова вернуться за Гималай и повѣдать своимъ собратьямъ о результатахъ осмотра.

Какъ бы тамъ ни было, но уже 27 и 28 января мы встрѣтили на Лобъ-норѣ небольшіе стайки *лебедей* (Cygnus olor?) и *утокъ шило-*

[1]) Тѣ же письма были отосланы мною потомъ уже изъ Черчена въ кашгарское наше консульство.

хвостей (Anas acuta). Сплошной ледъ еще покрывалъ тогда всю воду, такъ что прилетнымъ гостямъ рѣшительно негдѣ было присѣсть, развѣ только въ незамерзающихъ, какъ говорятъ, мѣстами тростникахъ Кара-курчина. Туда и направлялись замѣченныя стайки, но вскорѣ летѣли обратно, спѣшно и суетливо, видимо отыскивая талую воду. Вслѣдъ затѣмъ появившіяся птицы исчезли до 7 февраля, когда опять появились уже значительныя стада тѣхъ же шилохвостей. Онѣ хотя и не гнѣздятся на Лобъ-норѣ, но на весеннемъ прилетѣ составляютъ рѣшительно преобладающій видъ надъ всѣми другими породами утокъ. Лебедей же здѣсь вообще немного [1]; въ теченіе какъ настоящей весны, такъ и весны 1877 года, мы видали ихъ лишь изрѣдка и въ маломъ числѣ. Однако туземцы говорятъ, что тѣхъ же прилетныхъ лебедей бываетъ гораздо больше въ Кара-курчинѣ и на оз. Кара-буранъ.

Одновременно съ первыми лебедями и утками показались на Лобъ-норѣ и *орлы* (Aquila fulva?) сначала изрѣдка, а затѣмъ нѣсколько чаще, когда начался валовой пролетъ водяныхъ породъ. Не запоздали и *турпаны* (Casarca rutila)—первый единичный экземпляръ замѣченъ былъ 31 января; до половины февраля ихъ было очень мало; нѣсколько больше прилетѣло во второй половинѣ этого мѣсяца [2]; гнѣздятся на Лобъ-норѣ изрѣдка, но гораздо чаще въ дуплахъ туграка по Тариму и Черченъ-дарьѣ. 2 февраля прилетѣли, также въ одиночку,—*чайка рыболовъ* (Larus ichthyaëtus) и *сѣрый гусь* (Anser cinereus). Первая встрѣчается на Лобъ-норѣ лишь изрѣдка, хотя, быть можетъ, здѣсь гнѣздится; сѣрые же гуси на пролетѣ, какъ весною, такъ (по распросамъ) и осенью держатся большими стаями; многіе гнѣздятся. Замѣчательно, что на Лобъ-норѣ лишь въ рѣдкость появляется весною пестроголовый *индѣйскій гусь* (Anser indicus), гнѣздящійся въ большомъ числѣ въ Тянъ-шанѣ и Хангаѣ. Нынѣшнею весною этотъ гусь вовсе нами не былъ замѣченъ [3]; осенью же, по словамъ лобъ-норцевъ, посѣщаетъ ихъ озера въ большомъ числѣ.

Въ періодъ со 2 по 9 февраля въ прилетѣ не было замѣчено ни одного новаго вида; не прибывало также ничтожное количество и прилетѣвшихъ уже породъ, исключая только утокъ-шилохвостей. Погода

[1]) Намъ ни разу не удалось добыть лебедя на Лобъ-норѣ, чтобы точно опредѣлить видъ; судя же по описанію туземцевъ здѣсь бываетъ только Cygnus olor.

[2]) Вообще въ нынѣшнюю весну турпановъ на Лобъ-норѣ, было меньше, нежели въ 1877 году.

[3]) Весною же 1877 г. я видѣлъ на Лобъ-норѣ нѣсколько экземпляровъ индѣйскихъ гусей.

въ это время стояла еще холодная, ночные морозы доходили до—22,1°, перепадали также и бури. Вообще, по случаю болѣе суровой зимы [1]), весна на Лобъ-норѣ въ нынѣшнемъ году нѣсколько опоздала. Не смотря на то, что уже минула первая треть февраля, на самомъ озерѣ и на Таримѣ еще лежалъ сплошной ледъ и вовсе не было хотя бы малыхъ полыней или забереговъ. Между тѣмъ въ 1877 году Таримъ уже вскрылся 4 февраля. Туземцы, основываясь на своихъ примѣтахъ, пророчили намъ теперь, что теплая погода наступитъ не ранѣе того, какъ февральская луна пройдетъ созвѣздіе Оріона, что и дѣйствительно исполнилось.

По мѣрѣ того какъ близилось желанное тепло, прилетали на Лобъ-норъ и новыя птицы, но все-таки еще въ самомъ маломъ числѣ. Такъ 9 февраля показались утки *красноноски* (Fuligula rufina), которыя весною составляютъ послѣ шилохвостей преобладающій здѣсь видъ; нынѣ же, за позднимъ вскрытіемъ Лобъ-нора, эти утки не рѣдко улетали на оз. Кара-буранъ или вверхъ по Тариму; многія изъ нихъ остаются въ этихъ мѣстахъ и для вывода молодыхъ. 10 числа прилетѣли красивыя *утки пѣганки* (Tadorna cornuta) и *бакланы* (Phalacrocorax carbo). Первыя бываютъ на Лобъ-норѣ въ ограниченномъ числѣ, хотя здѣсь и гнѣздятся. Бакланы же весьма изобильны на пролетѣ во второй половинѣ февраля и въ началѣ марта; однако выводить дѣтей не остаются, развѣ изрѣдка по Тариму. 11—появились, нерѣдко здѣсь гнѣздящіяся *обыкновенныя чайки* (Larus brunneicephalus), а 12—*чирянки* (Querquedula crecca) и *кряковыя утки* (Anas boschas). Тѣ и другія при пролетѣ бываютъ на Лобъ-норѣ въ ограниченномъ числѣ, хотя вѣроятно и гнѣздятся. 13 февраля впервые услышали мы гуканье *выпи* (Botaurus stellaris). По увѣренію лобъ-норцевъ, эта плохо летающая птица зимуетъ въ значительномъ числѣ по незамерзающимъ кое-гдѣ тростникамъ Кара-курчина, и ея весеннее гуканье слышится тамъ съ конца января, недѣли за двѣ до начала валоваго прилета утокъ. Нынѣ возлѣ д. Абдалъ голосъ выпи совпалъ какъ разъ съ первыми днями такого прилета.

Валовой прилетъ [2]).

Хотя еще 6 и 7 февраля выпала довольно теплая погода, но вслѣдъ за тѣмъ опять захолодѣло почти на цѣлую недѣлю. Наконецъ съ 12

[1]) Лобъ-норцы говорили намъ, что помимо нынѣшней холодной зимы, въ недавнее время у нихъ были еще двѣ такія же зимы. Изъ нихъ одна случилась въ 1877—78 гг., когда въ Кульджинскомъ краѣ вымерзли сады, а въ Джунгарской пустынѣ мы наблюдали въ началѣ декабря нѣсколько ночей сряду морозы, переходившіе точку замерзанія ртути. Въ холодныя зимы на Лобъ-норѣ и въ Алтынъ-тагѣ погибло много зайцевъ; находили также замерзшихъ фазановъ.

[2]) Термины «прилетъ» и «пролетъ», въ настоящемъ описаніи нерѣдко мѣшаются, потому что собственно для Лобъ-нора появленіе сюда на временное пребываніе громад-

числа тепло начало прибывать постепенно, изрѣдка впрочемъ также нарушаясь холодами и бурями; вмѣстѣ съ тѣмъ и ледъ сталъ сильно таять. Съ этого времени, т. е. съ 12 февраля, нынѣ начался валовой прилетъ водяныхъ птицъ на Лобъ-норѣ [1]). Какъ весною 1877 года, такъ и теперь, главную массу составляли шилохвости, за тѣмъ красноноски и сѣрые гуси; нѣсколько позднѣе значительно умножились бакланы, а также утки полухи, утки свищи и отчасти бѣлоглазые нырки. Другіе же виды утокъ какъ-то терялись въ громадной массѣ преобладавшихъ породъ. Затѣмъ чайки и бѣлыя цапли хотя были весьма замѣтны, но числомъ своимъ незначительны, какъ равно и нѣкоторыя голенастыя, прилетѣвшія на Лобъ-норъ въ февралѣ. Вообще, чтобы продолжать вышепоименованный порядокъ пролетныхъ птицъ въ описываемомъ мѣсяцѣ, назову ихъ въ послѣдовательности прилета: 14 февраля появились—*крачки чеграва* (Sterna caspia) и *чайки серебристыя* (Larus argentatus?); 15—*нырки бѣлоглазые* (Fuligula nyroca); 16—*утки полухи* (Anas strepera); 17—*утки свищи* (Anas penelope); 18—*кулики красноножки* (Totanus calidris); 20—*чернохвостые сукалени* (Limosa melanura); 21—*бѣлыя цапли* (Ardea alba); 22 (быть можетъ немного раньше)—*красноголовые нырки* (Fuligula ferina); 25—*утки соксуны* (Anas clypeata); 28—*приморскіе зуйки* (Aegialites cantianus). Всего въ нынѣшнюю весну въ прилетѣ на Лобъ-норѣ къ 1 марта состояло 23 вида птицъ, а весною 1877 года 27 видовъ.

Но какъ прежде, такъ и теперь прилетныя стаи являлись на Лобъ-норъ исключительно съ западо-юга-запада, а не съ юга, какъ, повидимому, слѣдовало бы ожидать. Причина этому конечно та, что птицы, зимующія въ Индіи, не рѣшаются раннею весною летѣть изъ-за Гималаи прямо на сѣверъ къ Лобъ-нору черезъ высокое и холодное нагорье всего Тибета, но пересѣкаютъ эту трудную мѣстность вѣроятно тамъ, гдѣ она наиболѣе съужена, именно къ Хотану и Кэріи, минуя притомъ громадные ледники Кара-корума [2]). Спустившись въ теплую котловину Тарима и встрѣтивъ здѣсь съ одной стороны убѣгающую за горизонтъ пустыню, а съ другой—громадный хребетъ, высокою стѣною ее окаймляющій, словомъ, мѣстность совершенно для себя непригодную, пролетныя стаи, руководимыя, быть можетъ, бывалыми товарищами, ле-

ной массы птицъ слѣдуетъ назвать *прилетомъ*; тогда какъ сами по себѣ эти птицы были *пролетными*, т. е. такими, которыя лишь частью или вовсе не остаются гнѣздиться въ данной мѣстности.

[1]) Общая картина весенняго здѣсь пролета была почти одинакова какъ въ первую весну (1877 г.), нами на Лобъ-норѣ проведенную, такъ и въ описываемую.

[2]) По распросамъ жителей оазисовъ Нія, Кэрія и Полу, весною здѣсь, высоко и не останавливаясь, пролетаютъ къ Лобъ-нору большія стада водяныхъ птицъ.

тятъ вдоль окрайнихъ горъ къ Лобъ-нору и являются сюда съ западо-юго-запада. Осенью же, какъ говорили намъ туземцы, гуси, не рѣдко направляются съ Лобъ-нора прямо на югъ за Алтынъ-тагъ [1]), слѣдовательно черезъ Тибетъ, гдѣ въ это время достаточно тепло, и вода еще не замерзши.

Валовой прилетъ водяныхъ птицъ на Лобъ-норѣ продолжается весною недѣли двѣ или около того. Въ этотъ періодъ утки и гуси появляются здѣсь въ такомъ громадномъ количествѣ, какое мнѣ приходилось видѣть, при весеннемъ же пролетѣ, только на озерѣ Ханка въ Уссурійскомъ краѣ. Но тамъ страна совсѣмъ иная, поэтому иная и картина весенней жизни пернатыхъ [2]). Въ общемъ на Ханка имъ несравненно привольнѣе, чѣмъ на пустынномъ Лобъ-норѣ. Здѣсь только по нуждѣ, за неимѣніемъ чего лучшаго, табунятся пернатыя странники, выжидая пока начнутъ хотя немного таять льды и снѣга нашей Сибири. Тогда чуть не мигомъ отхлынетъ вся масса водяныхъ птицъ съ Лобъ-нора на сѣверъ. Но во всякомъ случаѣ, какъ Лобъ-норъ, такъ и Таримъ, служатъ великою станціею для перелетныхъ птицъ, которыя, если-бы не существовало таримской системы, конечно, не могли бы за одинъ махъ переноситься въ этомъ направленіи отъ Гималаи за Тянъ-шань и обратно.

Въ горячую пору прилета, стаи утокъ и гусей являются на Лобъ-норъ почти безпрерывно въ теченіе цѣлаго дня, вѣроятно также и ночью. Лишь въ сильную бурю, которая обыкновенно дуетъ здѣсь отъ сѣверо-востока, прилетъ временно останавливается, да и то не всегда [3]). Однако всего болѣе происходитъ тотъ-же прилетъ по утрамъ часовъ до десяти. Стаи утокъ и гусей обыкновенно несутся торопливо, но не болѣе какъ шаговъ на 100 — 150 надъ землею. Иногда, впрочемъ, утиное стадо летитъ очень высоко и нерѣдко съ шумомъ бури бросается внизъ къ своимъ собратьямъ. Случается, что сильно утомленныя утки, усѣвшись на ледъ, заворачиваютъ всѣмъ обществомъ головы подъ крылья и вѣроятно спятъ.

Въ началѣ валоваго прилета, когда талой воды на западномъ Лобъ-норѣ еще нѣтъ, всѣ прилетныя стаи направлялись вдоль озера въ Каракурчинъ. Тамъ, на небольшихъ полыньяхъ, проводили ночь и слѣдую-

[1]) Тогда, по словамъ лобъ-норцевъ, въ ур. Гасъ много бываетъ гусей. Самое имя «Гасъ» по тюркски означаетъ «гусь». Впрочемъ, нынѣ гусей тамъ, какъ говорятъ, встрѣчается меньше.

[2]) См. мое «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ», главу VII—«Весна на озерѣ Ханка».

[3]) Вѣроятно, если буря захватитъ пролетныя стада тамъ, гдѣ имъ рѣшительно негдѣ присѣсть, то они продолжаютъ летѣть.

щее утро. Къ полудню тѣ же стада возвращались кормиться на западный край озера, въ окрестности нашего бивуака, гдѣ всего изобильнѣе росла низкая солянка—*Salicornia herbacea*, составляющая весною на Лобъ-норѣ главную пищу утокъ, частью и гусей. Только птицы эти не ѣдятъ названную солянку сухою и пыльною, но лишь размокшую и обмытую въ водѣ, какъ это бывало на всѣхъ оттаивавшихъ днемъ лужахъ и закрайкахъ льда. Сюда собирались громаднѣйшія стада почти исключительно шилохвостей, ибо красноноски, прилетавшія также въ большомъ количествѣ въ началѣ второй половины февраля, не садились на ледъ, но улетали вверхъ по Тариму или въ Кара-курчинъ. Когда же, съ послѣдней трети февраля, ледъ на Лобъ-норѣ началъ сильно таять и забереговъ по озерамъ образовалось много, да притомъ они не слишкомъ замерзали ночью, утки и гуси уже не улетали на ночь въ Кара-Курчинъ, но держились круглыя сутки приблизительно однѣхъ мѣстъ.

Теперь съ полудня, а тогда весь день, тѣ же птицы, въ особенности утки, роемъ летали надъ тростниками Лобъ-нора. На мѣстахъ покормки, также и на чистинахъ льда, нерѣдко собирались стада шилохвостей въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ; издали еще бывало слышно ихъ глухое бормотанье или шлепанье по грязи; стада красноносокъ въ то же время съ шумомъ пролетаютъ взадъ и впередъ, розыскивая свободную отъ льда воду; селезни полухи гоняются за самками, издавая голосъ похожій на грубое трещанье; изрѣдка свистятъ самцы утки свища; стада сѣрыхъ гусей, пролетая съ зычнымъ крикомъ, то направляются вдоль Лобъ-нора, то опускаются на чистины льда; по временамъ громко голосятъ турпаны, или забавно кричатъ чайки; лѣниво взмахивая крыльями, пролетаютъ бѣлыя цапли, рѣзко бросающіяся въ глаза своею матовою бѣлизною; бакланы, большими вытянутыми въ линію стадами, направляются вверхъ и внизъ по Тариму; наконецъ изрѣдка слышится шумъ тяжелаго взмаха крыльевъ нѣсколькихъ мимо летящихъ лебедей — такова ежедневная картина ранней весенней жизни пролетныхъ птицъ на Лобъ-норѣ. Однако въ общемъ здѣсь далеко нѣтъ того птичьяго веселья, какое бываетъ у насъ весною. «Правда, глазъ наблюдателя всюду близъ воды видитъ движеніе и суету, цѣлый птичій базаръ, но воздухъ весьма мало оглашается радостными пѣснями и голосами весны нашихъ странъ. Всѣ пернатые гости Лобъ-нора держатся кучами, не играютъ, не веселятся, зная, что здѣсь для нихъ только временная станція, что впереди еще лежитъ далекій трудный путь [1])».

[1]) «Отъ Кульджи за Тянъ-шань и на Лобъ-норъ», стр. 60.

Охота-бойня.

Съ началомъ валоваго прилета утокъ начались и наши каждодневныя охоты за ними. Онѣ были также баснословно удачны, какъ и весною 1877 года; нынче, пожалуй, даже удачнѣе, ибо теперь, при меньшей водѣ въ Лобъ-норѣ, уменьшились площади чистаго льда, такъ что къ птицамъ легче было подкрадываться изъ тростника; затѣмъ, по случаю болѣе поздней весны, ледъ на озерахъ дольше не трогался, ради чего гуси и утки держались скученнѣе по оттаявшимъ закрайкамъ тѣхъ же озеръ.

На охоту мы отправлялись обыкновенно часовъ съ десяти утра, когда въ окрестностяхъ нашего бивуака начинали собираться утиныя стаи на покормку. При томъ въ эту пору дня уже достаточно тепло, что особенно важно для охотника, если случится, какъ и бывало нерѣдко, провалиться сквозь ледъ иногда до пояса. Облекались мы въ самое худое одѣяніе, такъ какъ приходилось часто ползать по тростнику, по льду и грязи. Сѣрое же запачканное платье всего пригоднѣе въ этомъ случаѣ еще и потому, что мало примѣтно издали; притомъ какъ обувь, такъ и одежда пачкались и рвались на подобныхъ охотахъ безъ конца.

Замѣтивъ, гдѣ сидитъ утиное стадо, къ которому обыкновенно прилетаютъ все новыя и новыя кучи тѣхъ же утокъ, идешь, бывало, туда и, приблизившись на нѣсколько сотъ шаговъ, начинаешь подкрадываться, сначала согнувшись, а потомъ ползкомъ изъ-за тростника. Если приходится ползти по чистому льду, поверхность котораго отъ дѣйствія пыли и солнца здѣсь обыкновенно ноздреватая, то рукамъ и въ особенности колѣнямъ достается не мало. Въ вѣтреную погоду подходъ всего лучше, ибо шелестъ тростника мѣшаетъ уткамъ услышать шорохъ охотника. Впрочемъ, занятыя ѣдою, утиныя стаи вообще мало осторожны. Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы изучили излюбленныя мѣста этихъ стай, какъ равно и подходы къ нимъ, такъ что дѣйствовали навѣрняка. Кромѣ того, у насъ устроены были засадки, но изъ нихъ убивалось сравнительно немного, да и сидѣть тамъ скука одолѣвала, въ особенности когда надъ головою безпрестанно пролетаютъ утки. Послѣднія обыкновенно снуютъ во всѣхъ направленіяхъ надъ тростниками Лобъ-нора, и отчасти напоминаютъ издали лѣтніе рои комаровъ на нашихъ болотахъ.

Присутствіе большаго утинаго стада слышится за нѣсколько сотъ шаговъ по глухому бормотанью, а поближе—по щекотанью клювовъ и шлепанью самихъ птицъ въ грязи. Подобравшись къ такому стаду шаговъ на сотню, или около того, украдкою посмотришь сквозь трост-

никъ и сообразишь отсюда ли стрѣлять, или можно подкрасться поближе; въ послѣднемъ случаѣ ползешь дальше еще осторожнѣе. Сердце замираетъ отъ опасенія какъ бы птицы не улетѣли; но онѣ по прежнему спокойно шлепаютъ въ грязи, пощипывая солянки... Вотъ наконецъ до стаи не болѣе 60—70 шаговъ, нужно стрѣлять отсюда. Опять осторожно посмотришь, гдѣ птицы сидятъ кучнѣе, и наконецъ посылаешь одинъ выстрѣлъ въ сидячихъ, а другой въ поднявшееся съ шумомъ бури стадо. Съ убитыми и ранеными, часть которыхъ удастся изловить, добыча обыкновенно бываетъ отъ 8—14 утокъ; однажды, впрочемъ, двойнымъ выстрѣломъ я убилъ 18 шилохвостей. Притомъ многія, даже тяжело раненыя, сгоряча разлетаются въ стороны и достаются орламъ или воронамъ; послѣднія нерѣдко слѣдятъ издали за стрѣлкомъ. Таскать съ собою убитую кучу утокъ тяжело и неудобно; поэтому спрячешь ихъ по близости въ тростникъ на замѣченномъ мѣстѣ, а самъ отправляешься дальше къ новымъ стаямъ, гдѣ повторяется тоже самое. Выстрѣлы мало пугаютъ утиныя стада, онѣ только перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Одиночекъ и даже въ небольшія кучки не стрѣляешь, жадничая на добычу. Но вообще при стрѣльбѣ, даже въ большія кучи и на разстояніи не слишкомъ далекомъ, убивается все таки меньше, чѣмъ можно ожидать, ибо туловище каждой утки обыкновенно спрятано въ грязи или солянкахъ, такъ что дробь бьетъ главнымъ образомъ по шеямъ и головамъ; взлетѣвшее же стадо всегда не такъ густо, какъ сидячее на землѣ. Здѣсь иногда значительная площадь до того бываетъ покрыта утками, что въ буквальномъ смыслѣ негдѣ ткнуть пальцемъ. Если такая стая сидитъ на чистомъ льду, то близко къ ней подкрасться невозможно; тогда пускаешь два заряда самой крупной дроби шаговъ на полтораста, даже далѣе; иногда случалось убивать на такомъ разстояніи отъ 3—5 экземпляровъ. Гораздо труднѣе достаются гуси. Хотя ихъ также очень много на Лобъ-норѣ, но эти осторожныя птицы не лѣзутъ легко подъ выстрѣлы, какъ глупыя утки. Обыкновенно гуси садятся на болѣе просторныхъ чистинахъ льда и подальше отъ тростника, такъ что подкрасться книмъ въ мѣру хорошаго выстрѣла удается лишь изрѣдка; притомъ эта птица чрезвычайно крѣпка на рану. Гораздо чаще приходилось убивать гусей въ летъ, когда, отправляешься, бывало, на стойку стрѣлять птицъ по выбору для коллекціи.

Къ концу охоты, обыкновенно часовъ около трехъ пополудни или немного позднѣе, приходитъ съ бивуака казакъ съ мѣшкомъ и забираетъ добычу. Иногда же и самъ на обратномъ пути до того обвѣшаешься утками, что насилу домой добредешь. Впрочемъ, такая бойня скоро

надоѣдаетъ, такъ что послѣ нѣсколькихъ подобныхъ охотъ мы сдѣлались довольно равнодушны къ тѣмъ массамъ птицъ, которыя ежедневно можно было видѣть возлѣ нашего бивуака. Съ другой стороны въ послѣдней трети февраля утиныя стаи болѣе разсыпались по талой водѣ, а ледъ днемъ мало держалъ человѣка, такъ что охота стала труднѣе и менѣе добычлива; да, наконецъ, набивать черезъ край мы по возможности остерегались. Однако въ періодъ валоваго пролета, т. е. съ 12 февраля по 1 марта, нами было принесено на бивуакъ 655 утокъ и 34 гуся [1]). Весь нашъ отрядъ продовольствовался этими птицами; излишнее отдавалось лобъ-норцамъ.

Ловля утокъ мѣстными жителями.

Эти послѣдніе добываютъ утокъ въ нитяныя петли, которыя ставятъ по залитымъ водою солянкамъ, гдѣ птицы исключительно кормятся съ прилета. Устройство подобной ловушки до крайности просто. Именно, на данной мѣстности къ землѣ прикрѣпляютъ на высотѣ груди сидячей утки двѣ тростинчины въ одну поперечную линію, оставляя въ срединѣ между ихъ концами проходъ, куда ставится петля. Эта петля привязывается къ небольшому тамарисковому прутику; однимъ концомъ его крѣпко втыкаютъ въ почву, а другимъ настороживаютъ вмѣстѣ съ петлею. На покормкѣ утка, идя по землѣ, встрѣчаетъ положенныя тростинчинки, не можетъ перелѣзть черезъ нихъ и направляется въ проходъ, гдѣ залѣзаетъ въ петлю, которая тотчасъ же задергивается настороженнымъ прутикомъ. Попадается птица обыкновенно своею шеею, рѣже лапкою, или даже за большія маховыя перья. Въ первомъ случаѣ утка бываетъ задавлена; при двухъ же другихъ нерѣдко отрывается и летаетъ съ ниткою на ногѣ. Подобныхъ ловушекъ на Лобъ-норѣ весною ставится множество. Ежедневно туземцы ихъ осматриваютъ и выбираютъ попавшихъ утокъ. Послѣднихъ ловятъ въ теченіе весны обыкновенно по сотнѣ, а прежде лавливали и по двѣ сотни на человѣка. Попадаются въ тѣ же петли иногда кулики, турпаны, гуси и даже бакланы; только сильныя птицы переѣдаютъ нитку, или прямо отрываются и улетаютъ. На гусей ставятъ петли изъ болѣе крѣпкихъ нитокъ и съ сильнымъ тамарисковымъ прутомъ, такъ, чтобы пойманная птица сразу была задавлена или приведена въ невозможность перекусить петлю. Много мѣшаютъ подобной ловлѣ вороны, орлы, даже кабаны, которые съѣдаютъ попавшихся птицъ. Кромѣ весны туземцы Лобъ-нора ловятъ въ петли на осеннемъ пролетѣ, а также лѣтомъ молодыхъ утокъ

[1]) Если же добавить убитыхъ еще въ первой трети марта, то всего раннею весною мы добыли на Лобъ-норѣ 743 утки и 42 гуся, не считая множества раненыхъ.

и гусей. Тѣхъ и другихъ иногда откармливаютъ къ зимѣ; особенно хорошо привыкаютъ сѣрые гуси. Случается также добывать въ петли экземпляры съ зажившими дробовыми ранами. «Черезъ это мы давно знали, что птицы улетаютъ въ ваши страны и тамъ ихъ стрѣляютъ дробью», говорили намъ лобъ-норцы.

Въ нынѣшнюю сравнительно холодную зиму и болѣе позднюю весну ледъ на Таримѣ и Лобъ-норѣ держался значительно дольше, нежели весною 1877 года. Тогда Таримъ вскрылся возлѣ д. Абдалъ 4 февраля, хотя до половины этого мѣсяца, въ наступившій затѣмъ холодъ, по рѣкѣ иногда шла шуга и даже мѣстами вновь появлялся сплошной ледъ. Нынѣ по льду Тарима, правда, уже посинѣвшему и растрескавшемуся, можно было ходить до 20 февраля; окончательно уничтожился этотъ ледъ только 27 числа. Также и на самомъ Лобъ-норѣ. Весною 1877 года ледъ уже много растаялъ здѣсь къ 20 или 23 февраля; совершенно очистилось озеро бурею 4 марта. Между тѣмъ въ нынѣшнемъ году лобъ-норскій ледъ былъ еще совсѣмъ почти цѣлъ въ половинѣ февраля, да и къ концу этого мѣсяца растаялъ большею частію лишь въ заберегахъ и въ небольшихъ полыньяхъ; совершенно исчезъ только къ половинѣ марта.

Вскрытіе Тарима.

Но какъ на Таримѣ, такъ и на Лобъ-норѣ зимній ледъ уничтожается исключительно солнечнымъ пригрѣвомъ при пособіи падающей послѣ каждой бури на тотъ же ледъ песчаной пыли. Частички этой пыли, болѣе нагрѣваясь солнцемъ, протаиваютъ внутрь льда, поверхность котораго становится черезъ это ноздреватою [1]). Съ другой стороны, весною ледъ, въ особенности на Таримѣ, протачивается снизу водою. Та и другая причины въ совмѣстномъ результатѣ дѣлаютъ, что передъ своимъ разрушеніемъ ледъ Лобъ-нора становится много похожимъ на пчельные соты, легко разламывается и окончательно растаиваетъ на солнцѣ.

Ледохода по нижнему Тариму почти не бываетъ, развѣ ничтожный, въ родѣ шуги. Послѣ вскрытія того же Тарима, вода въ немъ временно дѣлается нѣсколько мутною и немного (на 1 футъ или около того) прибываетъ, вѣроятно отъ таянія осенней прибыли въ сосѣднихъ верхнихъ частяхъ рѣки. Въ это время таримская вода направляется по отводнымъ канавамъ и постепенно заливаетъ высохшія или обмелѣвшія площади искусственныхъ озеръ.

[1]) Вслѣдствіе того же протаиванія песчаной пыли внутрь льда, этотъ послѣдній на Лобъ-норѣ и Таримѣ, сдѣлавшись послѣ каждой бури совершенно грязнымъ на своей поверхности, снова становится бѣлымъ, лишь только хорошо пригрѣетъ солнце даже зимою.

Вечерняя охота на стойкахъ.

Съ конца февраля, когда Таримъ вскрылся и озера уже значительно оттаяли, прежняя наша охота-бойня прекратилась. Взамѣнъ ея мы пользовались хотя не особенно добычливою, но весьма заманчивою охотою за утками на вечернихъ стойкахъ. Лучшее мѣсто для такихъ стоекъ — промежутокъ среди двухъ или нѣсколькихъ озерковъ, на которыхъ утки привыкли кормиться; при томъ необходимо выбрать мѣсто посуше и съ тростникомъ, гдѣ бы можно было спрятаться; наконецъ стойка не должна быть возлѣ самой воды, ибо упавшихъ туда птицъ безъ собаки трудно будетъ достать. Такія удобныя мѣста находились невдалекѣ отъ нашего бивуака.

На закатѣ солнца мы отправлялись вдвоемъ или втроемъ, каждый къ своему мѣстечку, и разсаживались въ тростникѣ. Пока еще свѣтло, утки довольно осторожны, а потому спрятаться нужно получше; даже фуражку съ головы слѣдуетъ снять, чтобы меньше быть замѣтнымъ. Ждать перелета обыкновенно приходится недолго. Смотришь—то тамъ, то здѣсь промелькнутъ утки—одиночка, пара или небольшая стайка, но все еще стороною или высоко. Съ лихорадочнымъ волненіемъ слѣдишь за этими утками; ждешь не дождешься, пока которая нибудь налетитъ въ мѣру выстрѣла. И вотъ, наконецъ, прямо на охотника летитъ пара шилохвостей, или нѣсколько селезней полухъ гонятъ самку. Мигомъ ружье на-готовѣ; самъ же еще болѣе притаишься въ засадкѣ. Но напрасна такая осторожность—птицы не подозрѣваютъ опасности и плавно налетаютъ на нѣсколько десятковъ шаговъ. Блеснетъ огонь выстрѣла и одна изъ утокъ, свернувшись клубкомъ, упадетъ на землю. Быстро вложишь въ ружье новый патронъ и ждешь новыхъ утокъ, спугнутыхъ тѣмъ же выстрѣломъ. Если онѣ не налетятъ, то поднимешь убитую птицу и снова спрячешься въ засадкѣ. Опять напряженно смотришь впереди себя и по сторонамъ. Вотъ мелькнулъ длинною струею огонь изъ ружья сосѣда и загремѣлъ выстрѣлъ... Опять суматоха между утками, успѣвшими было снова усѣсться на озеркахъ... Между тѣмъ все больше и больше надвигаются сумерки; утки начинаютъ летать тише и ниже; все чаще и чаще раздаются по нимъ выстрѣлы... На сосѣднихъ болотахъ тѣмъ временемъ идетъ пиръ горою, въ особенности у гусей, громкое гоготанье которыхъ не умолкаетъ ни на минуту; кромѣ того свистятъ полухи и шилохвости, крякаютъ утиныя самки, по временамъ гукаетъ выпь... Все хлопочетъ, радуется, суетится для одной и той же великой цѣли природы—размноженія.

Незамѣтно проходитъ болѣе часа времени; вечерняя заря погасаетъ, звѣзды одна за другой зажигаются на небосклонѣ. Стрѣлять

теперь уже нельзя въ темнотѣ. Тогда выходишь изъ засадки и, забравъ убитыхъ утокъ, отправляешься вмѣстѣ съ товарищами на бивуакъ; по пути передаются другъ другу расказы объ удачахъ или неудачахъ минувшей охоты.

При хорошемъ летѣ мнѣ приходилось убивать за вечеръ по восьми утокъ. Случайно, но только рѣдко, налетаютъ на засадку гуси и также попадаютъ подъ выстрѣлъ. Пораженныя неожиданностью эти осторожныя птицы, какъ шальныя, бросятся въ сторону, и еще долго послѣ того слышится въ вечерней тишинѣ тревожный крикъ улетающаго стада...

Быстрый отлетъ къ сѣверу.

Вскрытіе Тарима, спѣшное таяніе льда по озерамъ, а главное ежедневно значительно прибывавшее тепло напомнили пернатымъ гостямъ Лобъ-нора, что наступило время дальнѣйшаго отлета. И начали пролетныя стаи спѣшить въ новый путь, теперь уже прямо на сѣверъ, черезъ пустыни и горы, на раздолье малолюдной Сибири. Тамъ многіе изъ этихъ странниковъ вскорѣ найдутъ мѣста своего лѣтованья; другіе же полетятъ все дальше и дальше, черезъ лѣсныя дебри, или по многоводнымъ рѣкамъ на пустынныя тундры Полярнаго моря, быть можетъ даже на его острова, и наконецъ осядутся здѣсь на время короткаго лѣта. Быстро промелькнетъ оно всюду на сѣверѣ, и вновь наступитъ для птицъ отлетная пора. Опять покинутъ онѣ свои облюбленныя мѣста и двинутся обратно къ югу, но уже не спѣшно и радостно, какъ летѣли отсюда весною, наоборотъ—медленно, лѣниво, нерѣдко съ большими остановками, видимо неохотно, по горькой лишь нуждѣ покидая свою родину...

Нынѣшній отлетъ съ Лобъ-нора совпалъ какъ разъ съ тѣмъ же отлетомъ весною 1877 года. Начался онъ съ послѣднихъ дней февраля и всего сильнѣе происходилъ въ первыхъ числахъ марта. Днемъ мало было замѣтно улетавшихъ стадъ; зато ночью почти постоянно слышался въ вышинѣ шумъ ихъ спѣшнаго полета. Къ 5-му числу марта утокъ на Лобъ-норѣ уменьшилось примѣрно на $^2|_3$ противъ того, сколько ихъ было здѣсь въ февралѣ; къ первому же дню нашей весны, т. е. къ 9-му марта, едва ли осталась и десятая доля прежняго обилія. Гуси улетали не такъ спѣшно, быть можетъ потому, что многіе изъ нихъ остаются гнѣздиться на Лобъ-норѣ. При томъ здѣсь въ теченіе первой половины марта еще продолжался, конечно, сравнительно слабый, пролетъ запоздавшихъ стаекъ утокъ и гусей.

Появленіе другихъ видовъ птицъ.

Собственно съ первыхъ чиселъ марта наступила пора пролета мелкихъ пташекъ, частью и голенастыхъ. Относительно послѣднихъ на Лобъ-норѣ полная бѣдность, какъ при пролетѣ, такъ еще болѣе при гнѣзде-

ніи. Изъ прилетныхъ же лѣтнихъ пташекъ здѣсь, и болѣе по нижнему Тариму, чаще другихъ гнѣздятся лишь *сорокопуты* (Lanius arenarius), *славки* (Sylvia minuscula?), *варакушки* (Cyanecula coerulecula), *камышевки* (Acrocephalus turdoides), а также *скворцы* (Sturnus vulgaris) и *стрыжи* (Cypselus murarius) въ дуплахъ туграковыхъ деревьевъ.

Вотъ таблица нынѣшняго прилета на Лобъ-норѣ въ первыхъ двухъ третяхъ марта [1]):

1-го числа (быть можетъ нѣсколько раньше) прилетѣли *чирки* (Querquedula circia) и *краснозобые дрозды* (Turdus ruficollis); оба вида здѣсь рѣдки даже пролетомъ. 2-го марта появились *сѣрыя цапли* (Ardea cinerea), также довольно здѣсь рѣдкія и нынѣ запоздавшія почти на цѣлый мѣсяцъ противъ прилета весною 1877 года; *сорокопуты* (Lanius arenarius), въ большомъ числѣ здѣсь гнѣздящіеся; *желтоголовыя плисицы* (Budytes citreola), также довольно обыкновенныя на гнѣзденіи. 5-го марта прилетѣли *бѣлыя плисицы* (Motacilla personata), на Лобъ-норѣ рѣдкія. 6-го—*лысухи* (Fulica atra), въ большомъ количествѣ здѣсь гнѣздящіяся и также нынѣ запоздавшія болѣе чѣмъ на двѣ недѣли; *скворцы* (Sturnus vulgaris), которые на самомъ Лобъ-норѣ не гнѣздятся, но по Тариму весьма обыкновенны; въ тотъ же день замѣчены *нырки - чернеть* (Fuligula cristata), по всему вѣроятію раньше прилетавшіе, но не обильные на Лобъ-норѣ. 7-го марта встрѣченъ *чеккань плѣшанка* (Saxicola leucomela), весьма здѣсь рѣдкій. 9-го—*ходулочникъ* (Hybsibates himantopus), также рѣдкій. 10-го *чекканъ черногорлый* (Saxicola atrogularis), довольно обыкновенный здѣсь и на гнѣзденіи. 12—*кроншнепъ* (Numenius arquatus), позднѣе не особенно рѣдкій на пролетѣ и, быть можетъ, иногда гнѣздящійся на болотахъ Тарима. 18-го замѣчены три *пеликана* (Pelicanus crispus?), которые весною появляются здѣсь въ рѣдкость; въ срединѣ же лѣта, по словамъ туземцевъ, прилетаютъ на Лобъ-норъ въ большомъ числѣ и остаются до осенняго отлета.

Если прибавить сюда прилетъ въ послѣдней трети марта, уже внѣ Лобъ-нора, по пути нашему къ Черчену, то въ это время были замѣчены только: 24 числа *коршуны* (Milvus melanotis); 29—*славки* (Sylvia minuscula?) и 31-го—*стрыжи* (Cypselus murarius). Всего слѣдовательно въ нынѣшнемъ мартѣ на Лобъ-норѣ и по сосѣдству съ нимъ въ прилетѣ наблюдалось 17 видовъ птицъ; въ томъ-же мѣсяцѣ 1877 года встрѣчено двумя видами больше. Но вообще въ мартѣ прилетъ на

[1]) 20-го числа этого мѣсяца, какъ нынѣ, такъ и весною 1877 года, мы ушли съ Лобъ-нора.

Лобъ-норѣ сталъ мало замѣтенъ; тѣмъ болѣе, что со второй трети этого мѣсяца погода сдѣлалась гораздо чаще бурною и атмосфера почти постоянно была наполнена густою пылью. Эта пыль, мелкая и липкая какъ мука, обильно насѣдала всюду на кустарники и тростникъ, такъ что въ послѣднемъ невозможно было пройдти безъ того, чтобы не залѣпило глаза; выстрѣлъ по птицѣ, летящей надъ тѣмъ же тростникомъ, сбивалъ цѣлые клубы этой пыли; даже при ходьбѣ по низкимъ солянкамъ вслѣдъ за человѣкомъ столбомъ поднималась пыль, словно на проѣзжей дорогѣ во время сухаго лѣта.

Однако, въ продолженіе первой трети марта погода стояла хорошая, даже жаркая, какъ лѣтомъ [1]). Въ это время болѣе оживился и Лобъ-норъ. Правда, прежняя масса утокъ быстро уменьшалась съ каждымъ днемъ, за то оставшіяся птицы, равно какъ и вновь прилетѣвшія, болѣе стали веселиться по весеннему; на Таримѣ и по растаявшимъ озерамъ начала плескаться рыба; всюду на влажныхъ мѣстахъ показались въ изобиліи пауки, мухи, стрекозы и отчасти комары. Послѣдніе, по словамъ туземцевъ, вскорѣ начнутъ высыпать роями и въ теченіе цѣлаго лѣта составляютъ бичъ здѣшней мѣстности.

Для насъ въ особенности заманчивы были теперь, кромѣ вечернихъ охотъ на стойкахъ, такія же охоты на ранней утренней зарѣ. Предпринимались онѣ спеціально за гусями, цаплями и другими осторожными птицами, которыя держатся обыкновенно вдали отъ береговъ; поэтому и засадки устраивались возможно подальше въ тростникѣ. Добычею своею мы часто не могли похвалиться, но въ высшей степени оригинальна и интересна была самая обстановка такой охоты. Раннее утро въ тростникахъ Лобъ-нора.

... Съ вечера приготовлены—ружье, патроны и охотничье одѣяніе. Дежурному на послѣдней смѣнѣ казаку приказано разбудить чуть забрежжитъ заря. Быстро промелькнетъ ночь и живо откликнешься на будящій зовъ дежурнаго. Одѣнешься и тихомолкомъ выйдешь изъ юрты, въ которой крѣпкимъ сномъ спятъ товарищи. Едва замѣтная полоска свѣта начинаетъ отливать на востокѣ, но еще не слышно голосовъ птицъ; только изрѣдка гогочутъ гуси да гукаетъ выпь. Поспѣшно отправляешься къ своей засадкѣ. Тропинки туда хотя нѣтъ, но мѣстность хорошо знакома, такъ что и въ темнотѣ знаешь, гдѣ перейдти поперечную канаву, или пролѣзть сквозь тростникъ. Нѣсколько утокъ и гусей, вспугнутыхъ по пути, шумно захлопали крыльями и отлетѣли въ сторону. Но вотъ и засадка—маленькій клочекъ полусырой земли среди

[1]) До +30,3° въ тѣни въ 1 часъ пополудни.

разливовъ и тростника; послѣднимъ заранѣе огорожено то мѣсто, гдѣ нужно спрятаться. Снимаешь фуражку, чтобы лучше укрыться и садишься на тростниковую подстилку. Ждать приходится не долго. На востокѣ побѣлѣла уже порядочная полоса неба и одна за другой начинаютъ просыпаться птицы. Громче и усерднѣе загоготали гуси, запищали въ тростникѣ лысухи, учащеннѣе раздается гуканье выпи и звонкій голосъ водяного коростеля, свистятъ, крякаютъ и кыркаютъ разныя утки; затѣмъ, когда еще посвѣтлѣетъ, запоютъ жавороночки, камышевыя стренатки и сорокопуты; по временамъ раздается отвратительное карканье вороны и крикъ лѣниво летящей чайки или сѣрой цапли... Не разнообразна и не богата серія лобъ-норскихъ пѣвуновъ, но и такимъ радуешься въ здѣшнихъ пустыняхъ; все-таки это жизнь, а не могильное молчаніе безплодныхъ равнинъ, гдѣ только завываніе бури нарушаетъ вѣковую тишину...

Однако наслажденіе природою не совершенно поглощаетъ вниманіе охотника. Онъ прислушивается и напряженно осматривается по сторонамъ, выжидая добычи. Нѣсколько разъ утки пролетали черезъ засадку, даже садились возлѣ на чистую воду, но на нихъ не обращается вниманія. Гуси то парами, то небольшими стайками перелетаютъ съ мѣста на мѣсто; передовые самцы гогочутъ въ знакъ успокоенія товарищей. Но ошибся одинъ изъ такихъ вожаковъ и навелъ стадо на роковое мѣсто. Охотникъ издали замѣтилъ добычу и еще болѣе притаился въ своемъ уголкѣ. Когда же птицы налетѣли почти на голову—быстро вскинуто ружье и выстрѣлъ или два загремѣли въ тишинѣ ранняго утра. Тяжело шлепнулся на воду убитый гусь, съ громкимъ крикомъ начали улепетывать остальные... Грохотъ выстрѣла переполошилъ и другихъ птицъ по близости. Бросились онѣ, которая куда, сами не зная, въ чемъ дѣло и гдѣ опасность. По всѣмъ направленіямъ засновали утки; лысуха низко перелетѣла изъ одного тростника въ другой; ближайшіе гуси также поднялись и полетѣли въ стороны... Охотникъ тѣмъ временемъ вложилъ въ свое ружье новый патронъ и ждетъ новой добычи. Въ суматохѣ нерѣдко вновь налетаютъ гуси и опять раздаются по нимъ выстрѣлы. Затѣмъ по немногу все успокоивается и начинаетъ веселиться по прежнему.

Между тѣмъ восходитъ солнце, но не яркое, какъ у насъ, а какимъ-то мутнымъ дискомъ, сначала чуть замѣтнымъ сквозь нижніе слои пыльной атмосферы; вверху же небо довольно чисто и лишь кое-гдѣ по немъ разсыпаны легкія перистыя облака [1]). Теплота, не смотря на

[1]) Такую хорошую погоду мы имѣли лишь въ первой трети марта.

раннее утро, довольно значительная; росы нѣтъ, хотя кругомъ вода и болота. Съ восходомъ солнца начинается летъ утокъ вдоль Лобъ-нора—это запоздавшія пролетныя стаи направляются къ сѣверу, а нѣкоторыя изъ нихъ только что сюда прилетѣли. Такія стада обыкновенно идутъ внѣ выстрѣла; шумъ ихъ крыльевъ напоминаетъ порывы сильнаго вѣтра. Мѣстныя же птицы летаютъ низко, не торопясь и не въ одномъ направленіи, но какъ попало. Утокъ по прежнему не стрѣляешь, развѣ изрѣдка пустишь зарядъ въ стайку красноносокъ; ожидаешь бѣлую цаплю, или большую чайку, которыя нужны для коллекціи. Но эти птицы рѣдки на Лобъ-норѣ, такъ что, прождавъ иногда напрасно часовъ до семи утра, выходишь изъ засадки и со скудною добычею возвращаешься на бивуакъ.

Характеристика климата здѣшней весны.

Теперь попытаемся сдѣлать выводы относительно весенняго климата Лобъ-нора по даннымъ двукратныхъ и притомъ одновременныхъ здѣсь нашихъ наблюденій [1]). Въ общемъ, характерныя черты этого климата составляютъ: раннее тепло съ перемежающимися еще долго потомъ холодами, сильныя бури исключительно отъ сѣверо-востока, постоянно пыльная атмосфера, частая облачность и отсутствіе водяныхъ осадковъ.

Раннее весеннее тепло на Лобъ-норѣ обусловливается, помимо южнаго положенія этой мѣстности, ея сравнительно небольшимъ поднятіемъ надъ морскимъ уровнемъ, обиліемъ быстро нагрѣвающихся сыпучихъ песковъ, отчасти пыльною атмосферою, которая скорѣе воспринимаетъ солнечное тепло. Тѣ же причины много повышаютъ дневную температуру и зимнихъ мѣсяцевъ, въ особенности при безвѣтріи, которое тогда здѣсь господствуетъ. Впрочемъ, февраль, т. е. первый мѣсяцъ лобъ-норской весны, не можетъ похвалиться слишкомъ теплою погодою, ибо средняя температура этого мѣсяца въ 1877 г. была только—$0{,}5^0$; для болѣе же поздней весны 1885 года—$1{,}7^0$. Ночные морозы въ первомъ февралѣ достигали—$15{,}3^0$; во второмъ—$22{,}1^0$. Maximum дневнаго тепла, при наблюденіяхъ въ 1 часъ пополудни, для февраля 1877 г. равнялся$+14{,}0^0$; для того же мѣсяца 1885 г.$+12{,}9^0$. Число дней, средняя температура которыхъ выше нуля, въ оба мѣсяца было только по 12. Необходимо также замѣтить, что наши наблюденія производились на самомъ Лобъ-норѣ, обширная ледяная поверхность котораго конечно спо-

[1]) Съ 4 февраля до 20 марта 1877 и съ 28 января до 20 марта 1885 года; въ послѣдней трети марта 1877 года наблюденія производились на нижнемъ Таримѣ, а въ послѣдней трети марта 1885 г.—по пути съ Лобъ-нора черезъ Чархалыкъ къ р. Черченъ-дарья.

собствовала ощутительному пониженію температуры, тѣмъ болѣе при господствѣ здѣсь весною сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, дующихъ вдоль озера [1]).

Гораздо сильнѣе проявляется весеннее тепло на Лобъ-норѣ въ мартѣ, средняя температура котораго въ 1877 году была $+8,1^0$, а въ 1885 $+11,1^0$; minimum температуры на восходѣ солнца для перваго мѣсяца — $7,5^0$, для втораго — $7,2^0$; maximum тепла въ 1 часъ пополудни для марта 1877 г. $+24,3^0$, для марта же 1885 г. $+30,3^0$. Однако равномѣрность мартовскаго тепла сильно нарушается частыми бурями и перепадающими ночными морозами, даже до — $5,1^0$ въ концѣ этого мѣсяца. Обѣ названныя причины, вмѣстѣ съ крайнею сухостію атмосферы, сильно задерживаютъ развитіе весенней растительности, которая начинаетъ пробуждаться въ здѣшнихъ мѣстахъ лишь со второй половины или даже съ конца марта.

Другую характерную черту весенняго климата Лобъ-нора составляютъ, какъ выше сказано, сильныя бури, которыя приходятъ здѣсь исключительно отъ сѣверо-востока. Въ этомъ же направленіи преобладаютъ и болѣе слабые вѣтры [2]). Только въ февралѣ бури еще рѣдки: въ 1877 г. ихъ было 3, въ 1885 г.—1 [3]). Собственно бурный сезонъ начинается съ марта и продолжается черезъ апрѣль и май. Въ особенности сильны и продолжительны бываютъ, по словамъ туземцевъ, описываемыя бури со второй половины апрѣля; лѣтомъ бурь на Лобъ-норѣ почти вовсе не случается.

Мы лично наблюдали въ мартѣ 1877 года 8 бурныхъ дней, въ томъ же мѣсяцѣ 1885 г.—12 [4]). Каждая такая буря обыкновенно начинается слабымъ вѣтромъ, который быстро усиливается; гораздо рѣже буря приходитъ вдругъ послѣ полнаго затишья. Въ томъ и другомъ случаѣ барометръ предварительно много падаетъ. Притомъ во время

[1]) Мѣстные жители, да и казаки, пасшіе верблюдовъ на р. Джахансай, въ 25 верстахъ отъ Лобъ-нора, говорили, что тамъ гораздо теплѣе, чѣмъ на нашемъ бивуакѣ.

[2]) При нашихъ ежедневно три раза производившихся наблюденіяхъ въ продолженіе февраля и марта 1877 г. и въ тѣ же мѣсяцы 1885 г., всего изъ 354 наблюденій—119 разъ дулъ сѣв.-вост. вѣтеръ, 184 раза стояло затишье, падавшее всего болѣе на утро и вечеръ; затѣмъ остальные вѣтры распредѣлялись слѣд. образомъ: сѣв.—2, вост.—14, юго-вост.—9, южный—0, юго-зап.—10, зап.—12, сѣв.-зап.—4.

[3]) Кромѣ того дней съ сильнымъ также сѣв.-вост. вѣтромъ, обозначавшимся въ нашемъ метеорологическомъ журналѣ цыфрою 3 (при 5—балльной оцѣнкѣ) наблюдалось въ февралѣ 1877 г.—1, а въ февралѣ 1885 г.—3. Эти вѣтры, также какъ и бури, приносили густую пыль.

[4]) Сверхъ того, дней съ сильнымъ сѣв.-восточнымъ вѣтромъ въ первомъ мартѣ было 4, а во второмъ 5.

бури постоянно бываетъ облачно и холодно. Почти всегда буря начинается днемъ и никогда не продолжается менѣе полусутокъ; гораздо чаще дуетъ цѣлыя сутки, изрѣдка же двое или трое сутокъ, а иногда цѣлую недѣлю. Стихаетъ всегда быстро, по временамъ отрывисто; случается, что за такимъ отрывистымъ затишьемъ буря снова поднимается съ прежнею силою. Каждая буря наполняетъ атмосферу тучами песчаной, глинистой и солончаковой, словомъ, лёссовой пыли, иногда до того густой, что даже днемъ наступаетъ совершенная мгла. Если буря приходитъ вдругъ послѣ затишья, то столбы этой пыли, темно-бурой и бѣлой (послѣдняя съ голыхъ солончаковъ), издали несутся исполинскими клубами, высоко поднимающимися вверхъ и быстро измѣняющими свои контуры [1]).

Причины частыхъ весеннихъ бурь на Лобъ-норѣ, равно какъ ихъ исключительно сѣверо-восточное направленіе, зависятъ, помимо общаго распредѣленія воздушныхъ теченій, вѣроятно и отъ того, что здѣшняя, сравнительно низкая, а потому скорѣе согрѣвающаяся весною мѣстность лежитъ рядомъ съ болѣе холодными въ это время частями высокой Гоби [2]). Такое обстоятельство нарушаетъ атмосферное равновѣсіе тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе становится согрѣваніе на Лобъ-норѣ, да и вообще въ Таримской котловинѣ, по крайней мѣрѣ въ восточной ея части. Затѣмъ усиливающіеся въ самой Гоби лѣтніе жары возстановляютъ равновѣсіе воздуха; весьма рѣдко нарушается оно также зимою и осенью, ибо разница температуръ обѣихъ указанныхъ мѣстностей въ тѣ поры года далеко не такъ значительна, какъ весною.

Послѣ каждой бури густая пыль, обыкновенно еще сутки, или даже нѣсколько сутокъ, держится въ воздухѣ, потомъ является новая буря и опять несетъ тучи пыли, такъ что эта послѣдняя въ теченіе бурнаго сезона почти постоянно густо наполняетъ атмосферу Лобъ-нора. Впрочемъ, здѣсь, какъ и во всей котловинѣ Тарима, въ продолженіе круглаго года болѣе или менѣе густая пыль, поднимаемая въ воздухъ даже слабымъ вѣтромъ, застилаетъ, словно дымомъ, дальній горизонтъ; ясный кругъ остается только близъ зенита. Случается на Лобъ-норѣ, что и при тихой погодѣ пыль въ воздухѣ вдругъ начинаетъ густѣть, а иногда, впрочемъ рѣдко, даже сильный сѣв.-вост. вѣтеръ не приноситъ пыли. Въ первомъ случаѣ, вѣроятно, въ верхнихъ слояхъ атмосферы господствуетъ достаточно сильный вѣтеръ и гонитъ эту пыль изъ высо-

[1]) Такой ураганъ наблюдался нами 26 марта 1877 г. на нижнемъ Таримѣ.

[2]) Абсолютная высота Гоби между Хами и Са-чжеу достигаетъ 5½ т. футовъ.

кихъ долинъ Алтынъ-тага; второе обстоятельство имѣетъ мѣсто лишь послѣ сильной бури, уже выдувшей слабый верхній слой почвы; новаго же ея разрыхленія еще не успѣло произойдти.

При сильной бурѣ, да и послѣ нея, поднятая въ воздухъ пыль, обыкновенно мелкая какъ высѣянная мука, проникаетъ рѣшительно всюду; отъ нея невозможно уберечь даже хронометры и другіе инструменты; глаза отъ этой пыли становятся воспаленными, дыханіе затрудняется. Солнечный дискъ, даже при ясномъ небѣ, кажется синеватымъ; при восходѣ и закатѣ его подолгу вовсе не бываетъ видно. Въ рѣдкость также видали мы съ Лобъ-нора и громадный Алтынъ-тагъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ атмосферная пыль, подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, способствуетъ быстрѣйшему нагрѣванію воздуха.

Во время каждой бури облака, какъ выше сказано, густо заволакиваютъ собою весь небосклонъ [1]). Поэтому съ наступленіемъ бурнаго сезона, на Лобъ-норѣ является и частая облачность атмосферы. Въ февралѣ, когда бурь сравнительно немного, полная облачность случается лишь изрѣдка. Но даже и при ясной погодѣ, небо, въ особенности по утрамъ, часто бываетъ подернуто, словно дымкою, легкими перистыми или перисто-слоистыми облаками. При томъ ясность небеснаго свода всегда маскируется болѣе или менѣе густою пылью, наполняющею атмосферу. Въ облачные дни, если нѣтъ бури, облака всего чаще только заволакиваютъ небо какъ туманомъ, сквозь который тускло свѣтитъ солнце. Такое состояніе атмосферы, весьма обыкновенное въ Центральной Азіи, обозначалось въ нашемъ метеорологическомъ журналѣ терминомъ «пасность». Всего за оба февраля мы наблюдали 40 ясно-пыльныхъ дней, 10 облачныхъ или пасныхъ и 6 съ тучами пыли [2]). За оба же марта ясно-пыльныхъ дней было только 20 (считая и полуясные), облачныхъ и пасныхъ—22, съ тучами пыли—20.

Что касается до водяныхъ осадковъ, то они на Лобъ-норѣ, какъ и во всей котловинѣ Тарима, составляютъ большую рѣдкость въ теченіе круглаго года. За обѣ лобъ-норскія весны, не смотря на частую облачность, мы наблюдали лишь однажды, именно 22-го марта 1885 г. и то близъ поселенія Чархалыкъ, моросившій въ продолженіе двухъ часовъ дождь съ небольшою притомъ грозою. Росы или тумана, даже на самомъ Лбоъ-норѣ, никогда не бываетъ. Сухость воздуха здѣсь на

[1]) Форму этихъ облаковъ, вслѣдствіе густой тогда пыли въ воздухѣ, невозможно опредѣлить; во всякомъ случаѣ они вмѣстѣ съ пылью совершенно заслоняютъ солнце.

[2]) Т. е. такихъ, когда густая пыль совершенно закрывала собою даже небесный сводъ; иногда при подобномъ состояніи атмосферы временно наступала мгла.

столько велика, что трупы, хотя бы большихъ животныхъ (напр. ословъ), не гніютъ, но высыхаютъ и притомъ довольно скоро.

Общіе выводы изъ наблюденій пролета.

Въ заключеніе настоящей главы сдѣлаю нѣсколько выводовъ относительно пролета птицъ какъ на Лобъ-норѣ, такъ и вообще въ бассейнѣ Тарима [1]).

Главную характерную черту этого пролета весною составляетъ раннее появленіе большихъ стай водяныхъ птицъ и долгое ихъ здѣсь пребываніе. То и другое обусловливается теплымъ климатомъ Таримской котловины и обиліемъ, по крайней мѣрѣ на Лобъ-норѣ, пищи (солянокъ) для громадной массы утокъ и гусей. Въ началѣ марта они быстро отлетаютъ на сѣверъ; лишь небольшое сравнительно число, да и то не всѣхъ видовъ, остаются на гнѣзденіе. Помимо водяныхъ птицъ, представители другихъ отрядовъ пернатаго царства бываютъ при пролетѣ на Лобъ-норѣ, а по многимъ даннымъ и на всемъ Таримѣ, большею частью въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Тому причиною вѣроятно служатъ, помимо трудности перелета для слабыхъ пташекъ черезъ высокое нагорье Тибета, недостатокъ въ Таримской котловинѣ для нихъ корма (мало болотъ, мало насѣкомыхъ, нѣтъ ягодъ и пр.) и мѣстъ удобныхъ для отдыха, а также пыльныя бури, господствующія здѣсь въ теченіе болѣе поздней весны. Нѣкоторые обыденные виды какъ-то—*бекасъ* (Scolopax gallinago), *чибесъ* (Vanellus cristatus), *журавль сѣрый* (Grus cinerea), *журавль малый* (Grus virgo), *турухтанъ* (Machetes pugnax), *улитъ прудовой* (Totanus stagnatilis), *улитъ темный* (Totanus fuscus), *камнешарка* (Strepsilas interpres), *бѣлый аистъ* (Ciconia Boyciana), *чепураволчекъ* (Ardeola minuta) вовсе не показываются на Лобъ-норѣ, по крайней мѣрѣ весною [2]). При томъ за исключеніемъ четырехъ первыхъ видовъ остальные ни разу не были найдены нами во всей Центральной Азіи; впервые же встрѣчены въ Хотанѣ на осеннемъ пролетѣ. Такимъ образомъ Хотанская рѣка составляетъ для этихъ видовъ крайнюю восточную черту ихъ залета въ глубь Центральной Азіи [3]).

Выше говорено было, что всѣ прилетныя на Лобъ-норъ стаи водяныхъ птицъ являются съ западо-юго-запада изъ окрестностей Хотана

[1]) Здѣсь излагаются изъ нашихъ наблюденій лишь самые краткіе выводы, на сколько они служатъ для общей характеристики пролета въ описываемыхъ мѣстностяхъ. Детально о томъ же предметѣ будетъ объяснено при спеціальномъ описаніи центрально-азіатскихъ птицъ.

[2]) Весною 1877 г. нами были замѣчены на Лобъ-норѣ двѣ пары вѣроятно заблудившихся сѣрыхъ журавлей.

[3]) Въ Собственномъ Китаѣ эти виды опять встрѣчаются кромѣ Machetes pugnax и Ardeola minuta.

и Кэріи. Тѣмъ же путемъ вѣроятно сюда слѣдуютъ и другія позднѣе прилетающія птицы [1]), но въ количествѣ ограниченномъ. Весьма мало ихъ также и по нижнему Тариму. Кромѣ того, наши наблюденія осенью 1885 г. на Хотанской рѣкѣ показали, что пролетъ съ сѣвера въ это время года здѣсь также крайне бѣдный. Наоборотъ, позднею уже осенью, въ началѣ октября 1885 г., мы замѣтили на переправѣ черезъ Таримъ при сліяніи рр. Аксуйской и Яркендской, что вверхъ по этой послѣдней направляются всѣ пролетныя въ то время стада сѣрыхъ гусей, утокъ и баклановъ. Вѣроятно здѣсь лежитъ другой болѣе западный для котловины Тарима путь пролета [2]), покрайней мѣрѣ водяныхъ птицъ.

Изъ этихъ и другихъ отрывочныхъ данныхъ можно съ извѣстнымъ вѣроятіемъ заключить, что, какъ весною, такъ и осенью, пролетныя по бассейну Тарима птицы главною своею массою пересѣкаютъ высокое Тибетское нагорье въ болѣе узкой западной его части, да и здѣсь вѣроятно слѣдуютъ двумя путями—восточнѣе и западнѣе громадныхъ ледниковъ Мусъ-тага (Каракорума). Раннею весною по обоимъ этимъ путямъ летятъ стаи водяныхъ птицъ, изъ которыхъ однѣ слѣдуютъ на Лобъ-норъ и нижній Таримъ; другія по р. Яркендской [3]) направляются къ верхнему Тариму, затѣмъ вдоль его, также разсыпаются по рѣкамъ и озерамъ подъ Тянъ-шанемъ. Въ Таримской котловинѣ водяныя птицы выжидаютъ болѣе теплой погоды и тогда, почти всею своею массою, быстро отлетаютъ на сѣверъ. Осенью тѣ же водяныя породы возвращаются прежними путями, съ тою лишь разницею, что, быть можетъ, захватываютъ съ Лобъ-нора болѣе широкую полосу тибетскаго нагорья.

Весенній пролетъ мелкихъ пташекъ, частью и голенастыхъ, по восточному пути черезъ Лобъ-норъ крайне незначительный; можно думать, что не обильнѣе этотъ пролетъ и по западно-таримскому пути. Гораздо

[1]) Хотя и не всѣ. Такъ, 4 апрѣля 1877 года на нижнемъ Таримѣ нами сразу были встрѣчены въ достаточномъ числѣ по тростниковымъ болотамъ *камышевки* (Acrocephalus turdoides) и *погоныши* (Ortygometra parva), которыя несомнѣнно лѣтомъ живутъ и на Лобъ-норѣ. Между тѣмъ, слѣдуя въ апрѣлѣ 1885 г. по Черченской рѣкѣ, мы ни разу не встрѣтили вышеназванныхъ птицъ; нѣтъ ихъ также въ оазисахъ Нія и Кэрія; лишь погоныши (Ortyg. Bailloni) въ концѣ августа найдены были въ Хотанѣ. Весьма вѣроятно, что оба трактуемыхъ вида прилетаютъ въ Восточный Туркестанъ гораздо западнѣе Лобъ-нора и подвигаются сюда уже внизъ по Тариму.

[2]) Гипотетически ранѣе указанный нашимъ извѣстнымъ орнитологомъ Н. А. Сѣверцовымъ въ его «Etudes sur le passage des oiseaux dans l'Asie Centrale». Нужно еще замѣтить, что Хотанская рѣка осенью во всемъ своемъ нижнемъ теченіи, частью и среднемъ, совершенно безводна.

[3]) Частью, быть можетъ, и по р. Хотанской.

вѣроятнѣе, какъ отчасти подтверждаютъ изслѣдованія г. Сѣверцова [1]), что болѣе позднія птицы главною массою направляются весною изъ Пенджаба къ сѣверу черезъ Памиръ и Гиндукушъ; осенью слѣдуютъ обратно тѣмъ же путемъ. Въ Таримскій бассейнъ залетаютъ лишь сравнительно немногіе представители тѣхъ же видовъ, частью остающіеся здѣсь гнѣздиться, частью вразсыпную пролетающіе и дальше на сѣверъ.

[1]) См. названную на предъид. стр. брошюру.

ГЛАВА X.

Отъ Лобъ-нора до Кэріи.

Третій періодъ путешествія.—Выступленіе съ Лобъ-нора.—Поселеніе Чархалыкъ.—Урочище Вашъ-шари.—Сыпучіе пески.—Среднее теченіе Черченской рѣки.—Нашъ здѣсь путь.—Оазисъ Черченъ.—Слѣды древнихъ городовъ.—Хребетъ Русскій.—Двойная дорога.—Большой безводный переходъ.—Погода въ апрѣлѣ.—Слѣдованіе къ золотому пріиску Копа.—Ущелья рѣкъ: Мольджа, Бостанъ-туракъ и Толанъ-ходжа.—Движеніе къ оазису Нія.—Его описаніе.—Общій характеръ здѣшнихъ оазисовъ.—Стоянка въ деревнѣ Ясулгунъ.—Климатъ мая.—Прибытіе въ Кэрію.

Третій періодъ путешествія.

Продолжительное 50-дневное пребываніе на Лобъ-норѣ, среди добрыхъ, привѣтливыхъ туземцевъ, отлично подкрѣпило наши силы на дальнѣйшій путь. Пришлось это какъ нельзя болѣе кстати послѣ всѣхъ трудовъ зимняго путешествія въ Тибетѣ и передъ началомъ изслѣдованій въ мѣстностяхъ совершенно иного, чѣмъ до сихъ поръ, характера. Теперь открывался третій періодъ нашего странствованія, обнимавшій собою движеніе по Восточному Туркестану до самаго конца экспедиціи. Помимо прежнихъ обыденныхъ условій путешествія, по временамъ видоизмѣнявшихся въ зависимости отъ измѣненія физическихъ качествъ страны, со стороны ея населенія намъ сопутствовали два постоянныхъ фактора; большое расположеніе туземцевъ и, какъ прежде, скрытая ненависть китайцевъ. Пользуясь первымъ и по возможности игнорируя второе, наконецъ все съ прежнимъ счастьемъ, мы достаточно успѣшно выполнили вновь свою задачу.

Выступленіе съ Лобъ-нора.

Выступленіе съ Лобъ-нора первоначально назначено было ранѣе половины марта. Требовалось только сдѣлать повторительное астрономическое наблюденіе и съѣздить въ лодкѣ внизъ по Тариму. Первое сразу удалось, но поѣздку пришлось на время отложить вслѣдствіе сильной бури, дувшей цѣлую недѣлю почти безъ перерыва. Наконецъ буря эта

стихла; тогда я и г. Роборовскій, въ сопровожденіи переводчика, казака и Кунчиканъ-бека со свитою, отправились на нѣсколькихъ лодкахъ въ д. Уйтунъ, куда были вызваны кара-курчинцы, чтобы снять съ нихъ фотографіи. Проѣхать въ самый Кара-курчинъ мы не могли, ибо спѣшили своимъ отходомъ, да и пробраться туда теперь трудно по случаю засоренія Тарима. Сдѣлавъ небольшой денежный подарокъ фотографировавшимся и переночевавъ въ Уйтунѣ, гдѣ цѣлую ночь вокругъ насъ гукали выпи и пищали лысухи, мы на другой день вернулись на свой бивуакъ. Здѣсь почти все уже было готово къ выступленію, и наши верблюды, числомъ 64, пришли съ р. Джахансай. Несмотря на довольно хорошій тамъ кормъ, эти верблюды нисколько не поправились тѣломъ, развѣ только отдохнули.

Еще одни сутки употреблены были на послѣдніе сборы; наконецъ 20-го марта 1885 года, въ день моего ухода отсюда же въ 1877 году, мы двинулись съ Лобъ-нора. Грустно было разставаться съ обсиженнымъ мѣстечкомъ, гдѣ такъ хорошо охотились мы всю весну, да притомъ пользовались искренностью и доброжелательствомъ со стороны туземцевъ. Эти послѣдніе чуть не поголовно пришли изъ ближайшихъ деревень прощаться съ нами; Кунчиканъ-бекъ вызвался даже быть провожатымъ на нѣсколько дней.

Теперь нашъ путь лежалъ къ поселенію Чархалыкъ, до котораго отъ Лобъ-нора около сотни верстъ. Разстояніе это было пройдено въ три дня съ небольшимъ. Мѣстность представляетъ собою ровную площадь, въ общемъ пустынную, но все-таки съ различнымъ характеромъ. Сначала верстъ на десять къ югу отъ деревни Новый Абдалъ залегаетъ глинисто-солончаковая равнина, совершенно безплодная. Она тянется къ востоку и западу вдоль Лобъ-нора и Кара-бурана. Весьма вѣроятно, что эта равнина нѣкогда была покрыта водою обоихъ названныхъ озеръ, составлявшихъ тогда одно цѣлое. Вслѣдъ за указанною равниною является бугристая глинисто-песчаная полоса, поросшая чуть не всѣми представителями кустарной флоры таримской котловины. Здѣсь мы нашли *Halostachys caspia*, *тамарискъ* (Tamarix laxa), *колючку* (Halimodendron argenteum), *кендырь* (Apocynum venetum), *джантакъ* (Alhagi camelorum), *солодку* (Glycyrrhiza uralensis), *сугакъ* (Lycium turcomanicum?) и *Calligonum mongolicum*; мѣстами попадался *тугракъ* (Populus diversifolia), а также *тростникъ* (Phragmites communis) и *Karelinia caspica*. Тамъ, гдѣ подобныя заросли погуще, туземцы Восточн. Туркестана называютъ ихъ *джангалъ*.

Идти съ караваномъ въ кустарной полосѣ было очень трудно, тѣмъ болѣе, что рыхлая почва мигомъ разминалась въ пыль, которая залѣ-

пляла глаза. Ради-радехоньки мы были, когда послѣ 15 верстъ подобнаго пути добрались до солоноватаго ключа *Тулекъ-кули*, нѣкогда случайно открытаго однимъ изъ лобъ-норцевъ и названнаго его именемъ. На завтра лишь четыре версты пришлось слѣдовать по кустарникамъ. Затѣмъ мы вышли на безплодную галечную равнину, которая широкою полосою облегаетъ подножіе Алтынъ-тага. Путь здѣсь сталъ удобнѣе, хотя все-таки мы шли возлѣ кустарной полосы. Сильная буря отъ сѣв.-востока несла тучи пыли, но по счастію дула намъ сзади. Ночевать пришлось въ окраинѣ тѣхъ же кустовъ, возлѣ колодца *Яндашъ-какъ*, который состоитъ изъ двухъ небольшихъ ямъ, засыпанныхъ, какъ оказалось, пескомъ. Воду откапывали и довольствовались ею въ скудной порціи. Слѣдующій день выдался прохладный; при томъ часа два моросилъ дождь, хотя немного обмывшій кустарники отъ насѣвшей на нихъ пыли; послѣ полудня даже гремѣлъ громъ—все это рѣдкость большая въ здѣшнихъ мѣстахъ. Двойнымъ переходомъ мы сдѣлали еще 39 верстъ по той же галечной равнинѣ, а на завтра утромъ пришли въ Чархалыкъ.

Поселеніе Чархалыкъ.

Эта деревня, или по тюркски «кишлакъ», посѣщенная мною еще въ концѣ 1876 года, лежитъ на рѣчкѣ того же имени, вытекающей изъ недалекаго Алтынъ-тага или, быть можетъ, съ сѣвернаго склона Чаменъ-тага и впадающей въ Черченъ-дарью [1]). Основано названное поселеніе около половины текущаго столѣтія выходцами изъ Кэріи [2]). Само мѣсто, какъ говорятъ, было случайно найдено кэрійскими охотниками, которые пробрались изъ Черчена въ Гасъ, а оттуда черезъ Алтынъ-тагъ къ нынѣшнему Чархалыку. Здѣсь они встрѣтили разрушенные стѣны небольшаго города [3]) и развалившіяся сакли, въ которыхъ много валялось изломанныхъ прялокъ. Послѣднія называются по тюркски «чархъ»; отъ этого и будущее поселеніе получило названіе *Чархалыкъ*. Жителей не было вовсе ни здѣсь, ни далѣе къ Черчену; въ большомъ числѣ бродили только дикіе верблюды. Лобъ-норцы въ то время находились вполнѣ изолированными въ эту сторону и жили совершенно дикарями, какъ нынѣ живутъ они только въ Кара-курчинѣ. Въ дальнѣйшемъ своемъ пути къ Черчену тѣ же кэрійскіе охотники открыли слѣды другаго древняго города и назвали его *Вашъ-шари* (т. е. городъ Ваша), по имени

[1]) При малой водѣ Чархалыкская рѣка туда не добѣгаетъ.

[2]) Ихъ здѣсь называютъ вообще хотанцами.

[3]) Эти стѣны видны до сихъ поръ. Узнать какихъ либо о нихъ преданій мы не могли болѣе того, что уже написано на этотъ счетъ въ VIII главѣ настоящей книги, стр. 301.

одного изъ своихъ товарищей (Вашъ-вашъ), нашедшаго это мѣсто. Возвратясь домой, тѣ же охотники расказали о своихъ открытіяхъ. Тогда нѣсколько семействъ кэрійцевъ пожелали переселиться на новое мѣсто. Въ числѣ этихъ переселенцевъ находился нѣкій *Полатъ-бекъ*, который первый завелъ въ нынѣшнемъ Чархалыкѣ земледѣліе, прокопалъ арыки (оросительныя канавы) и насадилъ плодовыя деревья. Впослѣдствіи тотъ же Полатъ-бекъ былъ здѣсь аксакаломъ (волостнымъ старшиною) и умеръ теперь при насъ, имѣя болѣе 70 лѣтъ отъ роду.

Въ настоящее время въ Чархалыкѣ живутъ 33 семейства лобънорцевъ и 8 семействъ прежнихъ поселенцевъ, всего около 150 душъ обоего пола [1]). Главное занятіе жителей земледѣліе, частью скотоводство. Изъ хлѣбовъ сѣютъ пшеницу, ячмень и кукурузу; кромѣ того, разводятъ табакъ, хлопокъ, арбузы, дыни, лукъ и морковь. Въ садахъ растутъ абрикосы, персики, сливы, виноградъ и гранаты; однако послѣдніе два сорта фруктовъ даютъ плохой сборъ. Хлѣба же и овощи родятся очень хорошо, какъ вообще на не слишкомъ соленой лёссовой почвѣ при достаточномъ ея орошеніи. Помимо того, здѣшній лёссъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, весьма проченъ для построекъ. Изъ постороннихъ занятій у чархалыкцевъ, какъ и у лобъ-норцевъ, развита ловля мелкихъ звѣрей (лисицъ, малуновъ, волковъ, хара-сультъ, въ горахъ куницъ) капканами; послѣднихъ зимою ставится такъ много, что большая часть здѣшнихъ кошекъ и собакъ имѣютъ раненыя ноги.

Между прочими обитателями Чархалыка, мы встрѣтили теперь здѣсь какого-то юродиваго святошу съ восьмью при немъ учениками (суфи). Ихъ наставникъ считаетъ себя потомкомъ имама Раббану. Святостью и чудесами прославился, какъ говорятъ, дѣдъ чархалыкскаго святоши, жившій въ Кэріи и называвшійся Эиса̀-ходжа. Такъ однажды во время молитвы изъ его рта вдругъ вышло пламя и сожгло уголъ мечети. Умеръ онъ также чудеснымъ образомъ. Именно въ 1814 году, какъ сообщали намъ расказчики, въ Кэріи появилась сильная холера. Смертность была такъ велика, что грудные младенцы сосали своихъ мертвыхъ матерей. Тогда Эиса̀-ходжа собралъ народъ и объявилъ ему, что болѣзнь послана какъ божеское наказаніе, но что онъ принимаетъ всю кару на себя

[1]) Многія изъ семействъ лобъ-норцевъ живутъ одною половиною въ Чархалыкѣ, гдѣ обрабатываютъ землю, а другою на Лобъ-норѣ. При первомъ моемъ посѣщеніи того же Чархалыка въ концѣ 1876 года, во времена правленія Якубъ-бека, здѣшнее населеніе состояло изъ 12 семействъ прежнихъ поселенцевъ, 9 семействъ лобъ-норцевъ и около 150 человѣкъ ссыльныхъ обоего пола. Послѣдніе жили въ небольшомъ глиняномъ укрѣпленіи («курганъ» по мѣстному) и обрабатывали землю для казны.

одного. Затѣмъ сдѣлалъ распоряженіе относительно своихъ похоронъ, заболѣлъ и умеръ; эпидемія тотчасъ же прекратилась.

Благодаря болѣе укрытому и удаленному отъ охлаждающаго вліянія Лобъ-нора положенію Чархалыка, растительность здѣсь начала развиваться уже по весеннему: ива зеленѣла, на тугракѣ распустились цвѣтовыя сережки, въ садахъ цвѣли абрикосы. Показались также *скорпіоны*, большія *ящерицы* (Stellio Stoliczkanus) и множество *клещей*. Послѣдніе ползали всюду по землѣ и кучами впивались въ голые пахи нашихъ верблюдовъ, такъ что для этихъ бѣдныхъ животныхъ прибавилась новая серьезная невзгода.

Въ Чархалыкѣ мы сдѣлали кое-какія покупки продовольствія и при этомъ убѣдились, что здѣшніе жители далеко не похожи на простодушныхъ лобъ-норцевъ. Встрѣченъ былъ здѣсь также Свѣтлый праздникъ; гостемъ нашимъ былъ Кунчиканъ-бекъ. Съ нимъ вскорѣ пришлось разстаться окончательно, ибо на дальнѣйшій путь до Черчена мы взяли теперь новаго вожака, по имени Сэйфи, того самаго, который въ январѣ 1877 года былъ моимъ провожатымъ въ Алтынъ-тагѣ. Однако выступленіе наше изъ того же Чархалыка было задержано на сутки сильною бурею, которая вдругъ поднялась ночью. Конечно, воздухъ тотчасъ же наполнился тучами пыли и наступила такая мгла, что на разстояніи двухъ шаговъ не было видно нашихъ бѣлыхъ палатокъ. Послѣднія едва держались подъ напоромъ вѣтра, несмотря на то, что были обложены тяжелыми вьюками и привязаны къ нимъ. На весь багажъ и на насъ самихъ нанесло въ теченіе ночи толстый слой пыли; утромъ едва можно было продрать глаза; носъ и уши также были набиты этою пылью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ обыкновенно при бурѣ, стало холодно, да такимъ крутымъ скачкомъ, что утромъ 26 марта р. Чархалыкъ-дарья покрылась льдомъ [1]), а еще черезъ сутки морозъ на восходѣ солнца достигалъ —5,1°. Вообще съ наступленіемъ отъ второй трети марта сезона бурь, мы имѣли до сихъ поръ, да и значительно впередъ, лишь два состоянія погоды: жаръ въ затишье, или бурю съ холодомъ.

Урочище Вашъ-шари. Въ четыре небольшихъ перехода пройдено было нами 77 верстъ отъ Чархалыка до урочища Вашъ-шари. Мѣстность здѣсь такая же, какъ и отъ Лобъ-нора: бугристая кустарная полоса къ Черченской рѣкѣ и къ сторонѣ Алтынъ-тага безплодная галечная равнина. Тропинка ле-

[1]) Тогда какъ 24 марта вода въ той же Чархалыкъ-дарьѣ имѣла въ полдень 18° тепла.

[illegible] сдѣлалъ распоряженіе относительно своихъ похоронъ, [illegible] эпидемія тотчасъ же прекратилась.

Благодаря болѣе закрытому и удаленному отъ охлаждающаго вліянія Лобъ-нора положенію Чархалыка, растительность здѣсь начала развиваться уже по-весеннему: ива зеленѣла, на тугракѣ распустились цвѣточныя почки, въ садахъ цвѣли абрикосы. Показались также *скорпіоны*, большія ящерицы (Stellio Stoliczkanus) и множество *клещей*. Послѣдніе ползали всюду по землѣ и кустамъ, впивались въ голые пахи нашихъ верблюдовъ, такъ что для этихъ бѣдныхъ животныхъ прибавилась новая [illegible] невзгода.

Въ Чархалыкѣ мы сдѣлали кое-какія покупки продовольствія и при этомъ убѣдились, что здѣшніе жители далеко не похожи на простодушныхъ лобъ-норцевъ. Встрѣченъ былъ здѣсь также Свѣтлый праздникъ; гостемъ нашимъ былъ Кунчиканъ-бекъ. Съ нимъ вскорѣ пришлось разстаться окончательно, ибо на дальнѣйшій путь до Черчена мы взяли теперь новаго вожака, по имени Сейфи, того самаго, который въ январѣ 1877 года былъ нашимъ проводникомъ въ Алтынъ-тагѣ. Однако выступленіе наше изъ [illegible] Чархалыка было задержано на сутки сильною бурею, которая [illegible] поднялась ночью. Конечно, воздухъ тотчасъ же наполнился тучами пыли и наступила такая мгла, что на разстояніи двухъ шаговъ не было видно нашихъ бѣлыхъ палатокъ. Послѣднія едва держались подъ напоромъ вѣтра, несмотря на то, что были обложены тяжелыми вьюками и привязаны къ нимъ. На весь багажъ и на насъ самихъ нанесло въ теченіе ночи толстый слой пыли; утромъ едва можно было продрать глаза; носъ и уши также были набиты этою пылью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ обыкновенно при бурѣ, стало холодно, да притомъ крутымъ скачкомъ, что утромъ 26 марта р. Чархалыкъ-дарья затянулась льдомъ [1], а еще черезъ сутки морозъ на восходѣ солнца достигалъ −5,1°. Вообще съ наступленіемъ отъ второй трети марта періода бурь, мы имѣли до сихъ поръ, да и значительно позднѣе, только два состоянія погоды: жаръ въ затишье, или бурю съ холодомъ.

Урочище Вашъ-шари. Въ четыре небольшихъ перехода пройдено было нами 77 верстъ отъ Чархалыка до урочища Вашъ-шари. Мѣстность здѣсь такая же, какъ и около Лобъ-нора: бугристыя кустарныя заросли къ Черченской рѣкѣ и къ подножію Алтынъ-тага безплодная галечная равнина. Тропинка ле-

[1] Тогда какъ 21 марта вода въ той же Чархалыкъ-дарьѣ имѣла въ полдень 18° тепла.

Фотограф съ нат. В. И. Роборовскаго

ЧАРХАЛЫКСКІЙ АКСАКАЛЪ (СТАРШИНА) СЭЙФИ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 72.

житъ большею частію по этой послѣдней. Вода на ночлегахъ добывается изъ колодцевъ, но ея мало; кормъ плохой даже для верблюдовъ.

Густая пыль по прежнему наполняла атмосферу; не видно было даже высокаго Алтынъ-тага, вблизи котораго лежалъ нашъ путь. Производство глазомѣрной съемки крайне затруднялось еще тѣмъ, что рѣшительно невозможно было оріентироваться. Приходилось довольствоваться всего болѣе частыми засѣчками дороги посредствомъ компаса. Такое неудобство относительно съемки періодически продолжалось почти во все время нашего путешествія по Восточному Туркестану.

Вышеупомянутое ур. Вашъ-шари лежитъ при абс. выс. въ 3,400 футовъ, на рѣчкѣ того же имени, вытекающей изъ сосѣдняго Алтынъ-тага, или, быть можетъ, изъ снѣговой Черченской группы [1]); при большой водѣ эта рѣчка добѣгаетъ до Черченъ-дарьи, при малой—немного раньше теряется въ солончакахъ. Прекрасная лёссовая почва описываемаго урочища разработана пока лишь въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ. Все остальное покрыто крупными тураковыми деревьями и джангаломъ. Жителей при насъ было только шесть семействъ, четыре года тому назадъ переселившихся изъ Хотана и Кэріи, чтобы «быть подальше отъ начальства», какъ они сами намъ объясняли. Кромѣ того, сюда же приходятъ нѣкоторые чархалыкцы [2]) сѣять въ концѣ марта пшеницу и ячмень; мѣсяцемъ позднѣе садятъ кукурузу, арбузы и дыни; плодовыя деревья только еще разводятся. Урожай бываетъ очень хорошій (пшеница самъ 25), но воды для орошенія полей весною мало, ибо много ея теряется въ песчаной почвѣ пустыни, по которой протекаетъ р. Вашъ-дарья отъ Алтынъ-тага. Переселенцы расчитываютъ, когда число ихъ здѣсь умножится, выкопать отъ самыхъ горъ большой и глубокій арыкъ, по которому вода могла бы притекать на поля, не пропадая понапрасну въ пескахъ.

Въ семи верстахъ къ юго-западу отъ обитаемаго нынѣ ур. Вашъ-шари видны слѣды древняго города, чрезъ который тогда вѣроятно протекала и здѣшняя рѣчка. Нынѣ это мѣсто покрыто множествомъ коническихъ песчано-лёссовыхъ бугровъ (бархановъ), футовъ 25—30 вышиною; по нимъ растетъ тамарискъ. Кое-гдѣ на свободныхъ площадкахъ встрѣ-

[1]) Туземцы говорятъ, что р. Вашъ-дарья образуется изъ ключей на сѣверномъ склонѣ Алтынъ-тага. Однако подобному показанію, какъ и вообще распроснымъ свѣдѣніямъ, много довѣрять нельзя. Такъ даже относительно настоящаго имени описываемаго урочища мы не могли окончательно толку добиться: одни называли Гасъ-шари, другіе Васъ-шари, наконецъ третьи (большинство) Вашъ-шари.

[2]) Они намѣрены также переселиться въ Вашъ-шари.

чаются остатки сакель изъ глины, рѣже изъ обожженаго кирпича. Тутъ же валяются черепки глиняной посуды и человѣческія кости; иногда находятъ мѣдныя монеты; мѣстами, какъ говорятъ, торчатъ изсохшіе поломанные стволы тополей и абрикосовыхъ деревьевъ. Какихъ временъ этотъ городъ и кто въ немъ жилъ—для туземцевъ неизвѣстно.

Изъ животнаго царства въ туграковыхъ лѣсахъ Вашъ-шари встрѣчается довольно птицъ, обыденныхъ для такихъ лѣсовъ и въ другихъ частяхъ таримскаго бассейна; достаточно также зайцевъ, но мелкихъ грызуновъ очень мало; въ сосѣдней пустынѣ держатся хара-сульты, а въ джангалѣ кабаны, которые сильно портятъ хлѣбныя поля переселенцевъ. Пресмыкающихся и земноводныхъ мы здѣсь не видали.

Туграковыя деревья вблизи воды теперь уже были покрыты цвѣтовыми сережками; почки на джидѣ начинали распускаться; кое-гдѣ пробивались зеленые ростки травы.

Новая сильная буря, продолжавшаяся двое сутокъ, помѣшала предположенной нашей экскурсіи въ окрестностяхъ описываемаго урочища. Опять воздухъ наполнился густою пылью и температура быстро понизилась: послѣ жары въ $+29,3^0$ въ тѣни въ одинъ часъ пополудни 29 марта, черезъ сутки на восходѣ солнца термометръ упалъ на $-2,2^0$; еще же черезъ сутки, какъ разъ для 1 апрѣля, морозъ былъ въ $-5,0^0$.

Сыпучіе пески. Тотчасъ за ур. Вашъ-шари передъ нами явились сыпучіе пески, которые до сихъ поръ тянулись по лѣвому берегу Черченской рѣки, а теперь перешли также на правую ея сторону и залегли здѣсь до Алтынъ-тага. Это тѣ самые пески, которые наполняютъ собою, по крайней мѣрѣ, $^3/_4$ всей площади таримской котловины и превращаютъ ее въ дикую недоступную пустыню. Они тянутся не прерываясь по правому берегу внѣгорнаго теченія Яркендской рѣки и всего Тарима, а отсюда залегаютъ сплошь къ югу почти до окраинныхъ горъ Тибета. На лѣвой сторонѣ Тарима тѣ же пески встрѣчаются далеко меньшими площадями и, только за Лобъ-норомъ, вновь группируются въ обширный *Кумъ-тагъ*, раскинувшійся къ оазису Са-чжеу. Но если даже взять площадь описываемыхъ песковъ въ раіонѣ собственно таримской котловины, то и тогда ихъ протяженіе съ востока на западъ—отъ нижняго Тарима до Яркенда—будетъ 950 верстъ; наибольшая же ширина на меридіанѣ Кэріи 370 верстъ. Словомъ, эти сыпучіе пески залегаютъ сплошь на такое обширное пространство, какъ нигдѣ во всей Средней Азіи отъ Китая до Каспійскаго моря; притомъ по своей недоступности они также могутъ занять первенствующее мѣсто.

Какъ и въ другихъ частяхъ Центральной Азіи, таримскіе пески насыпаны то удлиненными увалами или грядами, то невысокими (отъ 20—60 футовъ) холмами (барханами) [1]). Навѣтреная сторона тѣхъ и другихъ пологая, часто выпуклая, песокъ здѣсь обыкновенно крупнѣе и сплоченъ довольно твердо; сторона же подвѣтреная, въ особенности у холмовъ, крутая, нерѣдко почти обрывомъ; песокъ здѣсь рыхлый. По положенію какъ выпуклыхъ, такъ и вогнутыхъ частей холмовъ и уваловъ, затѣмъ по преобладающему (перпендикулярно господствующему вѣтру) направленію послѣднихъ можно видѣть исключительное появленіе бурь отъ сѣв.-востока, по крайней мѣрѣ, въ восточной части таримской котловины. Эти-то бури, отдувая песокъ къ юго-западу, быть можетъ и спасаютъ нижній Таримъ отъ сильнаго засоренія, или перемѣщенія русла рѣки болѣе къ сѣверу.

За исключеніемъ узкихъ окраинъ, прилежащихъ къ рѣкамъ, таримскіе пески совершенно оголены. Однако, по словамъ туземцевъ, въ этихъ пескахъ попадаются котловины, покрытыя скудною растительностью; здѣсь обыкновенно можно достать воду и не глубоко. Мы сами при слѣдованіи отъ Вашъ-шари къ Черченской рѣкѣ поперекъ довольно широкаго (12 верстъ) песчанаго мыса, встрѣтили здѣсь нѣсколько подобныхъ площадокъ. По нимъ, равно какъ и по сосѣднимъ пескамъ, росли — *тростникъ, джантакъ, солодка* и *Karelinia caspica;* изрѣдка торчали одинокіе кусты *тамариска*. Почва этихъ ложбинъ была рыхлая, песчано-солончаковая, мѣстами сырая; вода держалась на глубинѣ 3 — 4 футовъ. Твердыхъ глинистыхъ площадей, называемыхъ въ нашемъ Туркестанѣ *такырами*, въ таримскихъ пескахъ мы не видали. Изъ животныхъ на тѣхъ же солончаковыхъ площадкахъ найдены: *ящерицы, скорпіоны, муравьи* и *жесткокрылыя насѣкомыя;* въ самыхъ пескахъ, даже въ глубинѣ ихъ, держатся *хара-сульты* и *дикіе верблюды*.

Нечего говорить, что сыпучіе пески таримскаго бассейна представляютъ собою, какъ вездѣ, самаго страшнаго врага культуры. Здѣсь, какъ и въ Западномъ Туркестанѣ, многія процвѣтавшія въ древности мѣстности уничтожены, и вообще раіонъ культурныхъ площадей стѣсняется все болѣе и болѣе; область же сыпучаго песка расширяется.

Причина столь роковаго для туземцевъ явленія заключается во всеобщемъ усыханіи Средней Азіи, начавшемся еще отъ той геологической эпохи, когда оба здѣшніе бассейна—ханъ-хайскій и туранскій

[1]) Въ Вост. Туркестанѣ, да быть можетъ и вообще на тюркскомъ языкѣ, холмы сыпучаго песка называются *дёмъ*.

были покрыты водами внутренняго азіатскаго моря. Съ тѣхъ поръ усыханіе продолжается до нашихъ дней и, быть можетъ, теперь идетъ въ таримскомъ бассейнѣ еще быстрѣе, ибо ничтожные атмосферные осадки далеко не уравновѣшиваютъ здѣсь сильное испареніе, причиняемое высокою температурою и сухими вѣтрами. Не говоря уже про Лобъ-норъ, нѣкоторыя рѣчки, стекающія съ южныхъ окраинныхъ горъ, на памяти мѣстныхъ стариковъ были многоводнѣе. Еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуютъ путешественнику, о томъ же уменьшеніи живительной влаги и о прогрессѣ мертвящихъ силъ пустыни, засыпанные пескомъ нѣкогда цвѣтущіе оазисы и города. Про многіе изъ нихъ извѣстно изъ китайскихъ лѣтописей; нѣкоторые мы видѣли сами; наконецъ объ иныхъ слышали отъ туземцевъ, которые говорятъ, что въ старину на площади между Хотаномъ, Аксу и Лобъ-норомъ лежали 23 города и 360 селеній, нынѣ не существующихъ. Въ то время, по мѣстному преданію, можно было изъ г. Куча пройдти на Лобъ-норъ «по крышамъ домовъ»—такъ густо сидѣло населеніе на пустынномъ нынѣ Таримѣ. Еще и теперь жители Хотана, Кэріи, Нія и другихъ пока уцѣлѣвшихъ оазисовъ ежегодно осенью и зимою ходятъ въ пески искать оголенные бурями остатки древнихъ поселеній. Тамъ, какъ говорятъ, находятъ иногда золото и серебро. Попадаются даже уцѣлѣвшія сакли, а въ нихъ одежда и войлоки; то и другое обыкновенно истлѣло до того, что отъ прикосновенія рукою разсыпается въ пыль. Искатели отправляются пѣшкомъ, но везутъ на верблюдахъ, иногда же несутъ на собственныхъ плечахъ, вьюки шестовъ, которые, съ навязанными на нихъ красными или синими тряпками, втыкаютъ на болѣе высокихъ песчаныхъ холмахъ и такимъ образомъ обезпечиваютъ себѣ обратный путь. Одинъ изъ подобныхъ искателей прошелъ, какъ намъ сообщали, даже до Тарима, направившись къ сѣверу изъ оазиса Нія.

Среднее теченіе Черченской рѣки.

Въ 60 верстахъ къ западу отъ ур. Вашъ-шари мы вышли на среднее теченіе Черченской рѣки, къ которому можно отнести все ея протяженіе на прорывѣ черезъ сыпучіе пески. Здѣсь названная рѣка, несмотря на свою быстроту, все-таки не можетъ, подобно нижнему Тариму, провести для себя глубокую борозду въ песчаной почвѣ пустыни [1]); взамѣнъ того идетъ широкимъ плёсомъ по зыбучему песчаному дну. Главное русло, обозначенное струею болѣе быстрой воды, извивается отъ одного берега къ другому; въ промежуткахъ этихъ изворотовъ (по крайней мѣрѣ при невысокой водѣ) то текутъ узкіе рукава, то спо-

[1]) Въ самомъ низовьѣ та же Черченъ-дарья течетъ по солончакамъ глубокимъ корытообразнымъ русломъ.

койно стоятъ небольшіе заливы, то всего чаще залегаетъ мокрый песокъ, покрытый тонкимъ слоемъ липкой глины. Ширина главнаго русла Черченъ-дарьи, въ описываемой части ея теченія, 30 — 35 саженъ, при глубинѣ отъ двухъ до нѣсколькихъ футовъ; мѣстами, въ особенности на заворотахъ рѣки, встрѣчаются омуты въ сажень или около того глубиною; всего же съ незанятыми водою плесами разстояніе одного берега до другого отъ 100—150, иногда до 200 саженъ. Вода совершенно грязная вслѣдствіе примѣси глины и мелкаго песку. Дно, какъ сказано выше, зыбучее, такъ что ноги человѣка быстро увязаютъ даже въ болѣе твердыхъ мѣстахъ; въ заводняхъ же, гдѣ теченіе тихо или его вовсе нѣтъ, пробраться совсѣмъ нельзя. Главное русло рѣки часто перемѣщается и, при болѣе высокомъ лѣтнемъ стояніи воды, отмываетъ на излучинахъ значительныя площади береговъ, какъ то можно видѣть по прерванному направленію прежнихъ тропинокъ.

Несмотря на все безобразіе Черченъ-дарьи (грязная вода, мелководье, зыбучее дно), въ ней водится довольно много рыбы. Мы добыли здѣсь въ свою коллекцію пять видовъ, а именно: *маринку* (Schizothorax chrysochlorus), *тазекъ-балыкъ* (Aspiorrhynchus Przewalskii), и три вида *гольца*: (Nemachilus yarkandensis, N. Stoliczkai, N. bombifrons n. sp.); изъ нихъ два послѣдніе на Лобъ-норѣ не были найдены.

Берега описываемой рѣки сопровождаются полосою весьма бѣдной древесной и кустарной растительности. Такая полоса, обозначающая собою прирѣчную долину, имѣетъ на переправѣ Чархалыкскаго пути отъ 8—10 верстъ въ ширину, но вскорѣ съуживается на 2—3 версты; затѣмъ, ближе къ Черчену, снова достигаетъ прежнихъ размѣровъ. Изъ деревьевъ въ описываемой долинѣ растетъ лишь *тугракъ* (Populus diversifolia), да и то рѣдкимъ насажденіемъ. Уродливое и корявое дерево это достигаетъ 30 — 40, иногда 50 футовъ вышины, при толщинѣ въ 2 — 3, изрѣдка даже въ 4 фута; кора на немъ почти всегда растрескавшаяся, у старыхъ экземпляровъ часто отвислая и засыпанная пылью; на изломахъ же вмѣсто сока вывѣтривается бѣлый соляной налетъ. Древесина на подѣлки не годна; при томъ взрослое дерево обыкновенно имѣетъ внутри пустоту. Въ особенности безобразны старыя тураковыя деревья, у которыхъ почти всегда обломаны верхушки и часть сучьевъ. Иногда такое дерево, растущее ближе къ песчаной пустынѣ, бываетъ на половину или совершенно засыпано пескомъ. Случается, что цѣлая площадь туграка засыхаетъ, вѣроятно отъ прекращенія подземнаго питанія водою. Такія изсохшія деревья стоятъ безъ сучьевъ, словно исковерканные столбы; они не гніютъ въ здѣш-

немъ крайне сухомъ воздухѣ, но распадаются на слои, пересыпанные пескомъ и пылью. Лишь въ молодости тугракъ бываетъ нѣсколько красивѣе, въ особенности если растетъ на солончаковомъ лёссѣ и получаетъ достаточно подземной воды; тогда быть можетъ онъ годенъ и для построекъ.

Въ тѣхъ же тураковыхъ лѣсахъ Черченъ-дарьи растутъ мѣстами скученно, мѣстами вразсыпную, два вида *тамариска* (Tamarix laxa, T. elongata; послѣдній преобладаетъ) и *Halostachys caspia*; затѣмъ всюду попадается мелкій *тростникъ*, а на пескахъ *Karelinia caspica*. Въ лучшихъ мѣстахъ, по берегу самой рѣки и на небольшихъ островахъ коегдѣ ею образуемыхъ, встрѣчаются — *облепиха* (Hippophaë rhamnoides) и изрѣдка *джида*; обыкновенны — *кендырь*, *джантакъ* и *солодка* (Glycyrrhiza uralensis); кое-гдѣ попадается *Sphaerophysa salsula* и *дикая спаржа* (Asparagus sp.). Всѣ эти кустарники и травы густо покрыты лёссовою пылью, такъ что къ нимъ невозможно прикоснуться не испачкавшись. При томъ почва, здѣсь, какъ между кустами, такъ и въ туграковыхъ лѣсахъ, оголенная лёссовая глина съ пескомъ, то покрытая довольно твердою солонцеватою корою, то совершенно рыхлая какъ пепелъ. Подъ деревьями вездѣ валяются груды обломанныхъ бурями сучьевъ и кучи сухихъ листьевъ, которые звенятъ словно каменные, если ихъ катитъ сильный вѣтеръ. Словомъ, крайне безотрадную картину представляла растительность Черченской рѣки даже весною, въ первой трети апрѣля, когда мы здѣсь проходили. Несмотря на сильные жары (до $+30{,}8^0$ въ тѣни), зелени почти вовсе не было видно; лишь кое-гдѣ на влажныхъ мѣстахъ пробивались ростки тростника, да незамѣтно цвѣли тугракъ и облепиха [1]). Взамѣнъ весеннихъ цвѣтовъ и бабочекъ въ обиліи ползали скорпіоны, въ тихую же погоду роились тучи комаровъ. Не лучше было и въ атмосферѣ: густая пыль постоянно наполняла воздухъ, застилала даль горизонта, а ближайшіе предметы окрашивала въ желто-сѣрый цвѣтъ; небо почти всегда было подернуто облаками, солнце же, если и проглядывало, то казалось матовымъ дискомъ, хотя все-таки жгло немилосердно.

Животная жизнь какъ на самой Черченъ-дарьѣ, такъ и по ея долинѣ, несмотря на время горячаго пролета, въ особенности мелкихъ пташекъ, была весьма бѣдная. Изъ звѣрей намъ попадались довольно часто *хара-сульты;* кое-гдѣ видны были слѣды *мараловъ;* водятся здѣсь также *зайцы* и *песчанки* (Gerbillus lepturus n. sp.); вѣроятно есть *волки*

[1]) Со второй трети апрѣля началъ цвѣсти тамарискъ.

и *лисицы; тигры* лишь случайно заходятъ. Изъ осѣдлыхъ птицъ обыкновенно были *саксаульныя сойки* (Podoces Biddulphi), *саксаульные воробьи* (Passer Stoliczkae), *дятлы* (Picus leptorrhynchos) и *Rhopophilus deserti*; въ зарослях джиды изрѣдка попадались *фазаны* (Phasianus insignis). Гнѣздящимися найдены также—*сорокопуты* (Lanius isabellinus), *славки* (Sylvia minuscula?), *стрыжи* (Cypselus apus) и *удоды* (Upupa epops). Водяныхъ и голенастыхъ встрѣчено было чрезвычайно мало, потому, конечно, что здѣсь нѣтъ тростниковыхъ озеръ или болотъ, вообще мѣстъ удобныхъ для отдыха, покормки и гнѣзденія. Не только днемъ, но даже раннимъ утромъ, въ рѣдкость слышался голосъ какой-либо изъ пташекъ. Могильная тишина постоянно царила какъ въ сыпучихъ пескахъ, такъ и на самомъ берегу злосчастной рѣки...

Нашъ здѣсь путь.

Тамъ, гдѣ мы вышли на берегъ Черченъ-дарьи, она течетъ на абс. высотѣ 3,500 футовъ и, съузившись въ одно русло, имѣетъ около 35 саженъ ширины, при глубинѣ брода въ 2 фута во время малой воды, каковая теперь стояла. Дно песчано-глинистое и довольно вязкое; однако наши верблюды переправились благополучно. Дальнѣйшій путь нашъ до самаго Черчена лежалъ все по лѣвому берегу той же Черченъ-дарьи. Идти здѣсь съ караваномъ довольно трудно, въ особенности гдѣ нужно переходить небольшія песчаныя гряды, упирающіяся въ рѣку. Лѣтомъ описываемый путь еще труднѣе, ибо прибавляется нестерпимая жара и тучи комаровъ.

Мы двигались небольшими переходами, иногда дневали, чтобы лучше обслѣдовать мѣстность. Но увы! слишкомъ бѣдна была научная добыча какъ среди растеній, такъ и среди животныхъ. Отъ самаго Лобъ-нора до Черчена и далѣе до горъ, словомъ, почти за весь апрѣль, мы собрали въ свой гербарій только 6 цвѣтущихъ видовъ растеній, а именно: *туракъ*, два вида *тамариска*, *облепиху*, *одуванчикъ* (Taraxacum corniculatum) и *пузырчатку* (Utricularia vulgaris); послѣдняя добыта была со дна небольшаго заливнаго отъ Черченъ-дарьи озерка. Не многимъ лучше стояло дѣло и по части зоологическихъ изысканій. Крупныхъ звѣрей, кромѣ хара-сультъ, весьма здѣсь мало, да при томъ линявшія теперь ихъ шкуры негодились для коллекціи; среди же птицъ попадались все прежніе виды и лишь изрѣдка прокидывались пролетные [1]); пресмы-

[1]) Всего въ теченіе апрѣля наблюдалось въ пролетѣ и прилетѣ 12 видовъ птицъ, въ слѣдующемъ порядкѣ ихъ появленія: 5-го числа — *Budytes cinereocapilla*; 6-го—*Hirundo rustica*; 9-го — *Aegithalus pendulinus* (встрѣчена лишь однажды стайка изъ 5 экз.); 11-го—*Sterna hirundo*; 13-го—*Locustella sp.* и *Totanus ochropus*; 15-го — *Aegialites curonicus*; 20-го—*Eudromias crassirostris*; 22-го—*Tringa Temminckii*; 23-го—*Cuculus canorus*; 27-го (уже въ горахъ)—*Anthus rosaceus*; 28-го (тамъ же)—*Phyllopneuste sp.*

кающихся и земноводныхъ почти не встрѣчалось; насѣкомыхъ также было очень мало по числу видовъ. Одно только рыболовство въ Черченъ-дарьѣ нѣсколько пополнило нашъ скудный сборъ. Между прочими мелкими рыбами пойманъ нами здѣсь въ небольшомъ и неглубокомъ заливѣ экземпляръ тазекъ-балыкъ длиною въ 4 фута [1]) и вѣсомъ въ 33 фунта.

На рыболовство мы отправлялись прямо съ бивуака въ однѣхъ рубашкахъ и босыми, дабы легче ходить по вязкому и мягкому, какъ бархатъ, глинисто-песчаному грунту рѣчнаго плёса. Тащить бредень противъ быстрой воды почти совсѣмъ нельзя было; поэтому мы пускали его внизъ по теченію, едва успѣвая слѣдовать, иногда бѣгомъ, за своею сѣтью, которую затѣмъ поворачивали къ отмелому берегу и вытаскивали. Ловить же въ болѣе тихихъ заводняхъ часто оказывалось невозможнымъ по причинѣ крайне топкаго здѣсь грунта дна. Вмѣстѣ съ рыболовствомъ происходило и купанье, правда, не особенно хорошее въ мутной водѣ Черченской рѣки [2]), но весьма подходящее при сильныхъ жарахъ, которые теперь стояли.

Однако, несмотря на то что термометръ въ тѣни въ 1 часъ пополудни показывалъ до $+30{,}8^0$, въ болѣе ясныя и тихія ночи на 10, 11 и 13 апрѣля, впрочемъ уже въ послѣдній разъ, выпадали морозы отъ $-2{,}0$ до $-2{,}9^0$. Жаркая погода наплодила гибель комаровъ и очень много скорпіоновъ. Отъ первыхъ невозможно было уберечься, въ особенности при безвѣтріи; отъ скорпіоновъ-же мы плотно закупоривали на ночь свои палатки и обсыпали ихъ снизу землею, чтобы не быть укушенными во время сна, чего ни разу не случилось.

Жителей въ пройденной нами до сихъ поръ части средняго теченія Черченской рѣки нѣтъ вовсе. Повстрѣчался намъ только небольшой караванъ, направлявшійся въ Чархаликъ. У людей этого каравана, какъ и ранѣе у своего проводника, намъ пришлось видѣть оригинальный способъ куренія, практикуемый туземцами во время пути. Курильщикъ беретъ кусокъ лёссовой глины и, смочивъ ее водою, лѣпитъ на поверхности почвы небольшой валикъ около фута длины и отъ 1—2 дюймовъ вышины. Внутри этого валика посредствомъ тростничины дѣлается горизонтальная трубочка; въ одномъ ея концѣ на поверхности того же лёссоваго валика выдавливается небольшое углубленіе, примѣрно на щепотку табаку. Къ противоположному концу горизонтальной трубочки пробивается одинаковаго діаметра трубочка вертикальная; туда встав-

[1]) 47,4 дюйма.

[2]) Ея температура въ это время доходила до $+17{,}0^0$.

ляютъ очиненную тростничинку, служащую чубукомъ. Высохнувъ, лёссъ твердѣетъ какъ камень, такъ что эта машинка довольно прочна. Передъ куреніемъ напускаютъ черезъ тростничину воды въ снарядъ, чтобы вымыть его отъ пыли; при томъ, по увѣренію курильщиковъ, мокрыя здѣсь стѣнки способствуютъ улучшенію вкуса табачнаго дыма. Затѣмъ воду вновь вытягиваютъ (а если лёссъ имѣетъ щели, то она и сама уходитъ), насыпаютъ въ наружное углубленіе табакъ и лежа на землѣ курятъ черезъ тростничину. Подобныя курилки служатъ нѣсколько времени многимъ путникамъ на мѣстахъ остановки каравановъ.

Верстъ за 60 не доходя Черчена измѣняется, сначала исподоволь, а потомъ рѣзче, характеръ какъ самой Черченъ-дарьи, такъ и ея долины. Послѣдняя снова расширяется, тураковые лѣса попадаются рѣже и вскорѣ совсѣмъ исчезаютъ. Остаются лишь густыя заросли тамариска, а по излучинамъ понизившихся береговъ рѣки и по островамъ, ею здѣсь образуемымъ, въ изобиліи растетъ облепиха; далѣе вверхъ появляются тростниковыя болота и довольно сносныя пастбища. Плёсы Черченъ-дарьи становятся вдвое у̀же, ближе къ Черчену совсѣмъ пропадаютъ. Тогда и рѣка съуживается мѣстами саженъ на 15; въ руслѣ ея начинаетъ попадаться галька. Словомъ, выше названнаго оазиса Черченъ-дарья вступаетъ въ область своего верхняго теченія, бо̀льшая половина котораго принадлежитъ окраинимъ тибетскимъ горамъ. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ къ лучшему долины описываемой рѣки, появляются кое-гдѣ пастухи со стадами барановъ, а въ 37 верстахъ не доходя Черчена лежитъ небольшая деревня *Татранъ*. Въ ней живутъ 8 семействъ, которыя занимаются хлѣбопашествомъ, частью и скотоводствомъ.

Сдѣлавъ въ Татранѣ дневку, мы затѣмъ еще разъ ночевали на срединѣ пути до Черчена возлѣ небольшаго озерка *Балыкъ-куль*. Въ немъ много валялось издохшей рыбы, которую черченцы здѣсь добываютъ посредствомъ отравы. Сюда-же выѣхали къ намъ изъ Черчена нѣсколько туземцевъ навстрѣчу. Въ сопровожденіи этихъ посланцевъ пришли мы 14 апрѣля въ самый Черченъ, гдѣ были встрѣчены мѣстными властями—хакимомъ (уѣздный начальникъ) и аксакаломъ (волостной старшина) и разбили свой бивуакъ въ тѣни ивовыхъ деревьевъ, не доходя одной версты до главной части оазиса.

Онъ лежитъ на абс. выс. 4100 футовъ по обѣ стороны Черченъ- Оазисъ Черченъ. дарьи, верстахъ въ 60-ти по выходѣ ея изъ горъ, на небольшой лёссовой площади, окруженной сыпучими песками. Эти пески на правомъ берегу Черченской рѣки придвигаются къ ней почти вплоть и

такъ идутъ къ горамъ; на лѣвой сторонѣ той-же рѣки главныя песчаныя массы лежатъ нѣсколько поодаль, хотя наносы отъ нихъ подходятъ къ самому оазису и превращаютъ его окрестности въ совершенную пустыню. Въ ней погребены остатки нѣкогда процвѣтавшей здѣсь обширной культурной площади [1]); но объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

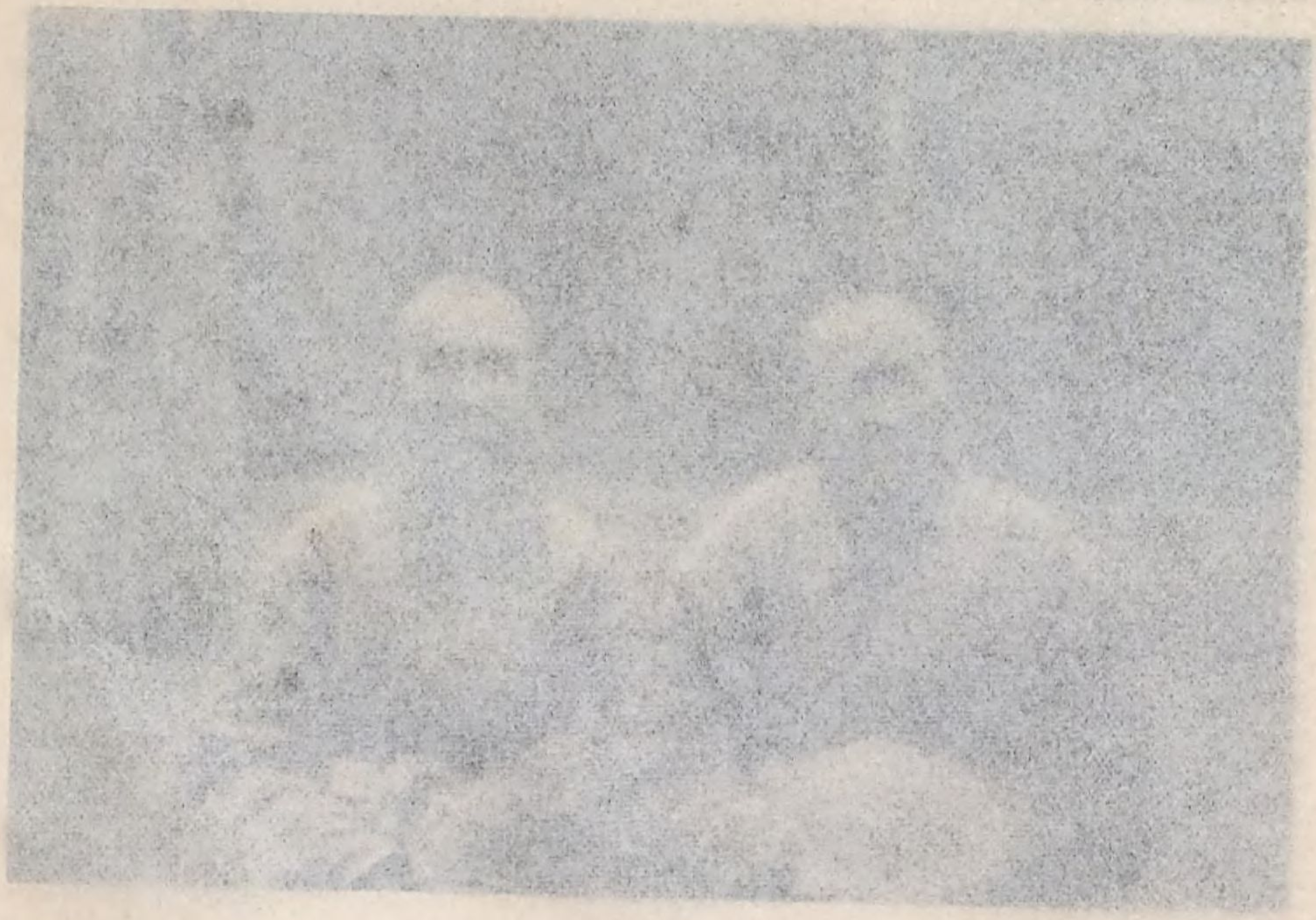
Нынѣшнее черченское поселеніе заключаетъ въ себѣ около 600 дворовъ и отъ 3 — 3½ т. жителей. Основано оно 90 лѣтъ тому назадъ [2]) колонистами изъ Кэріи, Хотана, Кашгара и Аксу. По собраннымъ свѣдѣніямъ выходцы изъ двухъ первыхъ оазисовъ принадлежатъ къ племени *мачинъ*; двухъ послѣднихъ — къ племени *ардбюль* [3]) (нынѣ это названіе почти вовсе не употребляется), которое обитаетъ, какъ намъ сообщали, отъ Аксу до Кашгара включительно. Мачинцы-же, считающіе себя кореннымъ населеніемъ въ Вост. Туркестанѣ, живутъ отъ Черчена до Хотана и по сосѣднимъ горамъ; попадаются также въ Яркендѣ. Своимъ замѣтно скуластымъ лицомъ, расплывшимся (впрочемъ лишь на концѣ) носомъ и малою растительностью волосъ на лицѣ они напоминаютъ монгольскій типъ; тогда какъ ардбюль, въ особенности пожилые и старики, весьма походятъ на семитовъ. Тѣ и другіе, какъ всѣ восточно-туркестанцы, говорятъ тюркскимъ языкомъ, но ардбюль держатъ рѣчь скороговоркою; при томъ особенно отчетливо произносятъ звукъ «с». По тѣмъ же расказамъ туземцевъ, къ востоку отъ Аксу— въ оазисахъ Бай, Куча и частью Курля живетъ племя *хурасанъ* [4]), согласно преданію пришедшее сюда еще въ глубокой древности изъ Афганистана; оно, какъ говорятъ, отличается красотою, въ особенности своихъ женщинъ. Свѣдѣнія эти, конечно, требуютъ строгой провѣрки. Положительно же можно сказать, что во всемъ Вост. Туркестанѣ среди его населенія нѣтъ однороднаго сплоченнаго типа. Наоборотъ, здѣсь больше или меньше смѣшаны различныя притекавшія въ этотъ край народности—аборигены страны, быть можетъ арійцы, затѣмъ уйгуры, китайцы, тибетцы, арабы, монголы, пришельцы изъ Западнаго Туркестана и др. При томъ изолированное положеніе Вос-

[1]) Впервые Черченъ сдѣлался извѣстнымъ со времени Марко Поло, называвшаго его *Ciarcian*. Однако позднѣйшіе переводчики и комментаторы великаго венеціанскаго путешественника невѣрно пріурочивали такое названіе къ Карашару. Лишь въ недавнее время извѣстный оріенталистъ Юль разрѣшилъ правильно такую путаницу.

[2]) Считая отъ времени нашего посѣщенія въ 1885 г.

[3]) Женщины въ Черченѣ только мачинки; ардбюль приходятъ холостыми и здѣсь женятся.

[4]) Названіе это нынѣ также не употребляется.

ЖИТЕЛИ ЧЕРЧЕНА

В. И. Роборов[illegible]

ЖИТЕЛИ ЧЕРЧЕНА.

[illegible] той-же рѣки главныя пес-[illegible], хотя наносы отъ нихъ под-[illegible] его окрестности въ со-[illegible] остатки нѣкогда процвѣтав-[illegible] [1]); но объ этомъ будетъ [illegible]

[illegible] заключаетъ въ себѣ около 600 [illegible]. Основано оно 90 лѣтъ тому на-[illegible], Кашгара и Аксу. По собран-[illegible] первыхъ оазисовъ принадлежатъ [illegible] — къ племени *ардбюль* [3]) (нынѣ [illegible]), которое обитаетъ, какъ [illegible] Кашгара включительно. Мачинцы-же, [illegible] въ Вост. Туркестанѣ, живутъ [illegible] горамъ; попадаются также въ Яр-[illegible] лицомъ, расплывшимся (впрочемъ [illegible] растительностью волосъ на лицѣ они [illegible] тогда какъ ардбюль, въ особенности [illegible] на семитовъ. Тѣ и другіе, какъ [illegible] тюркскимъ языкомъ, но ардбюль [illegible] особенно отчетливо произноситъ [illegible] туземцевъ, къ востоку отъ Аксу— въ оазисахъ [illegible], Куча и частью Курля живетъ племя *хурасанъ* [4]), согласно преданію [illegible] сюда еще въ глубокой древности изъ Афганистана; оно, [illegible], отличается красотою, въ особен-[illegible] своихъ женщинъ. [illegible], конечно, требуютъ строгой про-[illegible]. Положительно [illegible], что во всемъ Вост. Турке-[illegible] среди его [illegible] типа. На-[illegible], здѣсь [illegible] притекавшія въ [illegible] край народности [illegible] арійцы, за-[illegible] уйгуры, [illegible], арабы, монголы, пришельцы изъ [illegible] и др. [illegible] положеніе Вос-

1) [illegible] Марко Поло, называвшаго [illegible] великаго венеціанскаго [illegible]. Лишь въ не-[illegible] такую путаницу.

[illegible]

[illegible] холостыми и здѣсь [illegible]

[illegible]

ЖИТЕЛИ ЧЕРЧЕНА.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

ЖИТЕЛИ ЧЕРЧЕНА.

Фототипія Р. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 1-2.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

точно-туркестанскихъ оазисовъ, ихъ постоянное соперничество и вражда также всегда мѣшали объединенію населенія. Оно и до сихъ поръ называется не иначе какъ по городамъ или оазисамъ, безъ обозначенія одной общей національности.

Въ Черченскомъ оазисѣ нѣтъ города или вообще мѣста обнесеннаго стѣною. При Якубъ-бекѣ выстроенъ здѣсь былъ небольшой глиняный фортъ [1]), но теперь онъ совсѣмъ развалился. Нѣтъ также и торговыхъ лавокъ; лишь нѣкоторые изъ жителей торгуютъ у себя на дому, да дважды въ недѣлю собирается базаръ. Глиняныя сакли туземцевъ расположены, какъ обыкновенно въ оазисахъ, отдѣльными фермами, неподалеку одна отъ другой. Въ промежуткахъ лежатъ поля маленькими площадками, отлично обработанными. Все это орошено сѣтью арыковъ, которые, какъ и сакли, обсажены деревьями: ивою, джидою, тугракомъ и тополемъ. Кромѣ того, разведены сады, въ которыхъ растутъ яблоки, абрикосы, персики, шелковица, груши, виноградъ и гранаты. По словамъ туземцевъ, хорошо родятся только три первые сорта плодовъ; гранаты же растутъ совсѣмъ плохо; ихъ, какъ и виноградъ, на зиму прикапываютъ землею. Изъ хлѣбовъ въ томъ же Черченѣ сѣютъ: пшеницу, ячмень и рисъ; также кукурузу, бобы, клеверъ (люцерну) и табакъ; изъ овощей: арбузы, дыни, морковь и лукъ. Зерновые хлѣба родятся хорошо, хотя весенніе морозы и бури (послѣднія заметаютъ пескомъ поля) вредятъ не мало; тѣ же причины мѣшаютъ и садоводству. Въ половинѣ апрѣля, когда мы пришли въ Черченъ, тополь, ива и джида уже развернули свои листья; яблони, персики и шелковица цвѣли; абрикосы были величиною въ лещинный орѣхъ; люцерна имѣла отъ 3—5 дюймовъ роста; пшеница и ячмень поднялись на 2—3 дюйма, но верхушки этихъ всходовъ были побиты морозомъ; для посѣва кукурузы и риса приготовлялись поля.

Всего обработанной земли въ Черченѣ, мнѣ кажется, едва ли наберется одна тысяча десятинъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ оазисахъ Центральной Азіи, поля скорѣе могутъ быть названы огородами по ихъ миніатюрности и тщательности обработки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при скученности населенія, въ зависимости отъ тѣсной площади орошеннаго пространства, каждая семья производитъ лишь столько, сколько нужно для собственнаго пропитанія; въ лучшемъ случаѣ избытокъ невеликъ, гораздо же чаще бываетъ недохватъ.

[1]) Въ то время Черченъ (какъ и Чархалыкъ) служилъ мѣстомъ ссылки преступниковъ.

Среди некультурныхъ растеній въ окрестностяхъ Черчена мы встрѣтили тѣ же виды, что и на Черченъ-дарьѣ; вновь появились только: *ягодный хвойникъ* (Ephedra vulgaris), *хармыкъ* (въ маломъ количествѣ) и *сульхиръ*.

Птицъ въ описываемомъ оазисѣ также немного. Чаще другихъ попадались: *полевые* и *саксаульные воробьи*, *хохлатые жаворонки*, *горлицы* (Turtur vitticollis?), *удоды*, *скворцы* и *ласточки* (Hirundo rustica); на окрестныхъ болотахъ держались въ маломъ числѣ *турпаны*, *чибесы* [1]), *ходулочники* и *зуйки* (Aegialites curonicus), желтыя *плисицы* (Budytes citreola), *крачки* (Sterna hirundo) и др.

На другой день нашего прихода въ Черченъ поднялась сильная буря и продолжалась съ небольшими перерывами цѣлую недѣлю: первыхъ двое сутокъ отъ сѣв.-востока, затѣмъ двое сутокъ отъ юго-запада и наконецъ еще трое сутокъ опять отъ сѣв.-востока. Въ особенности напряженна была эта буря на третьи сутки, когда, послѣ отрывистаго часоваго затишья, вѣтеръ вновь подулъ съ страшною силою въ противоположномъ чѣмъ до сихъ поръ направленіи, т. е. отъ юго-запада. Тучи песка и пыли густо наполнили атмосферу, которая на восходѣ солнца нѣсколько времени была окрашена какъ бы мутнымъ заревомъ пожара; затѣмъ на цѣлый день наступила полная мгла. Палатки наши едва держались, несмотря на всѣ прикрѣпы; противъ вѣтра невозможно было ни двигаться, ни дышать, ни открыть глаза; пыль и песокъ засыпали довольно толстымъ слоемъ нашъ бивуакъ, не исключая и верблюдовъ, которые лежали цѣлыя сутки привязанными на мѣстѣ.

Эта буря поневолѣ продлила наше пребываніе въ Черченѣ. Притомъ необходимо было значительно пополнить здѣсь наши запасы и найдти вожака на дальнѣйшій путь. Относительно того и другого встрѣтилось неожиданное препятствіе со стороны весьма, повидимому, любезныхъ къ намъ— хакима и аксакала. Оба они сначала отговаривались бѣдностью жителей, скудостью прошлогодняго урожая, отсутствіемъ людей, знающихъ дорогу въ Кэрію, и т. п. побасенками. Наконецъ, будучи припугнуты, откровенно заявили, что получили отъ китайцевъ приказаніе не продавать намъ ничего съѣстнаго и не давать вожаковъ; въ крайнемъ же случаѣ велѣно вести насъ самою трудною дорогою; затѣмъ, подъ страхомъ смертной казни, туземцамъ воспрещено было входить съ нами въ какія либо сношенія, а тѣмъ паче доставлять правди-

[1]) Впервые встрѣченные нами въ Вост. Туркестанѣ. Въ болѣе западныхъ оазисахъ—Нія, Кэрія и Хотанъ—чибесы также найдены гнѣздящимися.

ЖИТЕЛИ ЧЕРЧЕНА

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

ЖИТЕЛИ ЧЕРЧЕНА.

С.Петербургъ Казанская № 72

[illegible] въ окрестностяхъ Черчена мы [illegible]-дарьѣ; вновь появились только: [illegible] (въ маломъ количествѣ) и [illegible].

[illegible] немного. Чаще другихъ [illegible] *хохлатые жаворонки, гор-*[illegible] *ласточки* (Hirundo rustica); [illegible] маломъ числѣ *турпаны, чибесы* [1]), [illegible] желтыя *плисицы* (Budytes [illegible].

[illegible] въ Черченъ поднялась сильная [illegible] перерывами цѣлую недѣлю: пер-[illegible] двое сутокъ отъ юго-запада [illegible] отъ сѣв.-востока. Въ особенности на-[illegible] когда, послѣ отрывистаго ча-[illegible] страшною силою въ противо-[illegible] т. е. отъ юго-запада. Тучи [illegible] которая на восходѣ солнца [illegible] мутнымъ заревомъ пожара; [illegible]. Палатки наши едва дер-[illegible] вѣтра невозможно было [illegible] пыль и песокъ засыпали [illegible] бивуакъ, не исключая и верблюдовъ, которые лежали цѣлыя сутки привязанными на мѣстѣ.

Эта буря поневолѣ продлила наше пребываніе въ Черченѣ. Притомъ необходимо было значительно пополнить здѣсь наши запасы и найти вожака на дальнѣйшій путь. Относительно того и другого встрѣтилось неожиданное препятствіе со стороны весьма, по видимому, любезныхъ къ намъ хакима и аксакала. Оба они сначала отговаривались бѣдностью жителей, скудостью прошлогодняго урожая, отсутствіемъ людей, знающихъ дорогу въ Кэрію, и т. п. побасенками. Наконецъ, будучи [illegible], откровенно заявили, что получили отъ китайцевъ приказаніе не продавать намъ ничего съѣстнаго и не давать вожаковъ; въ крайнемъ же случаѣ [illegible] вести насъ самою трудною дорогою; затѣмъ, подъ страхомъ смертной казни, туземцамъ воспрещено было входить съ нами въ какія либо сношенія, а тѣмъ паче доставлять правди-

[1]) [illegible] встрѣченные нами въ Вост. Туркестанѣ. Въ болѣе западныхъ оазисахъ — [illegible] и Хотанъ — чибесы также найдены гнѣздящимися.

ЖИТЕЛИ ЧЕРЧЕНА.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

ЖИТЕЛИ ЧЕРЧЕНА.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

выя свѣдѣнія на наши распросы. Словомъ, повторилось тоже самое, что обыкновенно предшествовало намъ во многихъ другихъ мѣстахъ китайскихъ владѣній. Повторился и съ нашей стороны обыденный въ подобныхъ случаяхъ пріемъ: мѣстному хакиму объявлено было, что при рѣшительномъ съ его стороны отказѣ доставить намъ, конечно, за деньги, необходимое продовольствіе, мы добудемъ это продовольствіе силою; если же не найдется вожака, то станемъ разъѣздами отыскивать путь, но вмѣстѣ съ тѣмъ захватимъ съ собою и хакима, чтобы онъ на всякій случай также узналъ дорогу въ Кэрію. Посовѣтовавшись съ своимъ братомъ аксакаломъ, черченскій хакимъ рѣшилъ исполнить наши требованія и доставилъ намъ барановъ, муку, ячмень для лошадей, разныя другія мелочи, также двухъ провожатыхъ. Кстати сказать, что въ Черченѣ продукты довольно дороги; по крайней мѣрѣ, такъ брали съ насъ.

Слѣды древнихъ городовъ.

Какъ было вышеупомянуто, рядомъ съ обитаемымъ нынѣ черченскимъ оазисомъ, среди совершенной пустыни, отчасти покрытой лёссовыми песчаными буграми, видны слѣды древней культурной площади. Здѣсь на протяженіи 7 — 8 верстъ отъ сѣвера къ югу и около двухъ или болѣе отъ востока къ западу встрѣчаются остатки башенъ, сакель и мѣста прежнихъ арыковъ. По туземному преданію, на указанномъ мѣстѣ разновременно существовали два города [1]). Древнѣйшій изъ нихъ, остатки котораго лежатъ болѣе къ сѣверу, уничтоженъ былъ около 3,000 лѣтъ тому назадъ богатыремъ *Рустемъ-дагестаномъ*. Другой, болѣе новый городъ, уже 900 лѣтъ, какъ разоренъ монголами подъ начальствомъ *Алтамыша* [2]). Послѣднимъ царемъ самаго древняго города былъ *Аплàпъ-салà*. Но въ особенности процвѣталъ этотъ городъ при *Сіявушъ-ханѣ*, который, согласно преданію, считался потомкомъ въ 7-мъ колѣнѣ отъ самого Ноя. Этотъ царь, равно какъ и жители описываемаго города, исповѣдывали также вѣру Ноя. Къ западу отъ городскихъ стѣнъ былъ выкопанъ огромный прудъ [3]), вода въ который напускалась изъ Черченъ-дарьи. Вокругъ пруда расположены были сады, цвѣтники, бе-

[1]) Вѣроятно оазиса, т. е. города, окруженнаго деревенскими поселеніями.

[2]) Эпохи разоренія того и другого города, по всему вѣроятію, слѣдуетъ значительно приблизить къ нашему времени. Быть можетъ самый древній изъ обоихъ городовъ былъ разоренъ не далѣе VIII в. нашей эры, когда арабы силою вводили магометанство въ Вост. Туркестанѣ. Рустемъ-дагестанъ, разсказы о которомъ можно часто здѣсь слышать, вѣроятно былъ одинъ изъ тогдашнихъ арабскихъ витязей. Разореніе втораго города монголами вѣроятно относится къ эпохѣ покоренія Вост. Туркестана Чингисъ-ханомъ въ первой четверти XIII вѣка. Тѣмъ болѣе, что проходившій здѣсь въ концѣ того же XIII в. Марко Поло свидѣтельствуетъ, что «область Ciarcian въ прежнее время благоденствовала и отличалась производительностью, но татары опустошили ее». «Вост. Туркестанъ» Риттера, пер. и дополненія Григорьева, стр. 431.

[3]) Нынѣ мѣсто это называется *Кашкаръ-башъ*.

сѣдки, статуи и здѣсь устраивались празднества, на которыхъ присутствовалъ Сія-вушъ-ханъ. Ему же приписываютъ основаніе обширнаго города *Шаристанъ*, слѣды котораго нынѣ видны въ пескахъ близъ Хотана. Недалеко тамъ былъ и убитъ столь прославленный ханъ, по приказанію тестя своего *Афрабъ-сіяба*. Изъ пролитой тогда крови выросла на мѣстѣ преступленія трава, называемая *пыръ-сія-вушъ-ханъ* и понынѣ, какъ говорятъ, употребляемая туземцами на лѣкарства. Кромѣ того преданіе расказываетъ, что когда о насильственной смерти Сія-вушъ-хана узналъ его другъ и одновѣрецъ Рустемъ-дагестанъ, находившійся въ то время въ Кабулѣ, то собралъ изъ преданныхъ иранцевъ войско и отправился въ походъ. При этомъ онъ покрылъ себя и свою лошадь трауромъ и произнесъ слѣдующую клятву: «не сниму меча и траура, не остригу своихъ волосъ, не утру слёзы съ глазъ, пока не отомщу за смерть друга». Дѣйствительно, когда Рустемъ-дагестанъ пришелъ со своими сподвижниками въ Вост. Туркестанъ, то покрылъ всю страну развалинами.

О болѣе новомъ городѣ особыхъ преданій мы не слыхали.

Нынѣшніе жители Черчена производятъ иногда раскопки на мѣстѣ вышеописанныхъ городовъ; гораздо же чаще ходятъ туда на поиски послѣ сильной бури, мѣстами выдувающей песокъ на значительную глубину. Случается находить мѣдныя и золотыя монеты, серебряные слитки [1]), золотыя украшенія одежды [2]), драгоцѣнные камни (алмазы? и бирюзу), бусы, желѣзныя вещи [3]), кузнечный шлакъ, мѣдную посуду и, что замѣчательно, битое стекло въ самомъ древнемъ городѣ; въ болѣе же новомъ, черченцы добываютъ для своихъ надобностей жженый кирпичъ. Затѣмъ при раскопкахъ встрѣчаются склепы и отдѣльные деревянные гробы. Въ тѣхъ и другихъ трупы (небальзамированные) обыкновенно сохранились очень хорошо, благодаря, конечно, чрезвычайной сухости почвы и воздуха. Мужчины весьма большаго роста и съ длинными волосами; женщины же съ одной или двумя косами. Однажды открытъ былъ склепъ съ 12-ю мужскими трупами въ сидячемъ положеніи. Въ другой разъ найдена была въ гробу молодая дѣвушка. У ней глаза были закрыты золотыми кружками, а голова связана отъ

[1]) Вѣсомъ до 50 китайскихъ ланъ (около $4^1/_2$ нашихъ фунтовъ); формою плоскія, четыреугольныя.

[2]) Послѣдняя всегда истлѣвшая, при томъ исключительно шерстяная (хлопчато-бумажной не находятъ) и узкаго покроя.

[3]) Какъ напр., кетмени — родъ лопаты, универсальное и понынѣ земледѣльческое орудіе во всей Средней Азіи. Въ самомъ старомъ городѣ желѣзныя вещи почти уничтожены ржавчиною.

сѣдки; статуи и здѣсь устраивались празднества, на которыхъ присутствовалъ Сія-вушъ-ханъ. Ему же приписываютъ основаніе обширнаго города *Шарастанъ*, остатки котораго нынѣ видны въ пескахъ близъ Хотана. Недалеко тамъ былъ и убитъ столь прославленный ханъ, по приказанію тестя своего *Афрасъ-сіяба*. Изъ пролитой тогда крови выросла на мѣстѣ преступленія трава, называемая *пыръ-сія-вушъ-ханъ* и понынѣ, какъ говорятъ, употребляемая туземцами на лѣкарства. Кромѣ того преданіе разсказываетъ, что когда о насильственной смерти Сія-вушъ-хана узналъ его другъ и единовѣрецъ Рустемъ-дагестанъ, находившійся въ то время въ Кабулѣ, то собралъ изъ преданныхъ иранцевъ войско и отправился въ походъ. При этомъ онъ покрылъ себя и свою лошадь трауромъ и произнесъ слѣдующую клятву: «не сниму меча и траура, не остригу своихъ волосъ, не утру слезы съ глазъ, пока не отомщу за смерть друга». Дѣйствительно, когда Рустемъ-дагестанъ пришелъ со своими сподвижниками въ Вост. Туркестанъ, то покрылъ всю страну развалинами.

О болѣе новомъ городѣ особыхъ преданій мы не слыхали.

Нынѣшніе жители Черчена производятъ иногда раскопки на мѣстѣ вышеописанныхъ городовъ, гораздо же чаще ходятъ туда на поиски послѣ сильной бури, выдувающей песокъ на значительную глубину. Случается находить мѣдныя и золотыя монеты, серебряные слитки [1], золотыя украшенія одежды [2], драгоцѣнные камни (алмазы? и бирюзу), бусы, желѣзныя вещи [3], кузнечный шлакъ, мѣдную посуду и, что замѣчательно, битое стекло въ самомъ древнемъ городѣ; въ болѣе же новомъ, черченцы добываютъ для своихъ надобностей жженый кирпичъ. Затѣмъ при раскопкахъ встрѣчаются склепы и отдѣльные деревянные гробы. Въ тѣхъ и другихъ трупы (небальзамированные) обыкновенно сохранились очень хорошо, благодаря, конечно, чрезвычайной сухости почвы и воздуха. Мужчины весьма большого роста и съ длинными волосами; женщины же съ одной или двумя косами. Однажды отрытъ былъ склепъ съ 12-ю мужскими трупами въ сидячемъ положеніи. Въ другой разъ найдена была въ гробу молодая дѣвушка. У ней глаза были закрыты золотыми кружками, а голова связана отъ

[1]) Вѣсомъ до 50 китайскихъ ланъ (около 4½ нашихъ фунтовъ); формою плоскія, четыреугольныя.

[2]) Послѣдняя всегда истлѣвшая, при томъ исключительно шерстяная (хлопчато-бумажной не находятъ) и узкаго покроя.

[3]) Какъ напр., кетмени — родъ лопаты, универсальное и понынѣ земледѣльческое орудіе во всей Средней Азіи. Въ самомъ старомъ городѣ желѣзныя вещи почти уничтожены ржавчиною.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

ЖЕНЩИНЫ ИЗЪ ОАЗИСА ЧЕРЧЕНА.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

подбородка черезъ темя золотою пластинкою; на тѣлѣ надѣта длинная, но узкая шестяная одежда (совершенно истлѣвшая), украшенная на груди нѣсколькими тонкими золотыми звѣздочками, около дюйма въ діаметрѣ; ноги оставлены босыми. Даже дерево гробовъ, какъ намъ говорили, иногда такъ хорошо сохранилось, что черченцы употребляютъ его на кое-какія подѣлки. Вмѣстѣ съ человѣческими трупами въ могилахъ попадаются кости лошадей и барановъ.

Туземцы увѣряли насъ, что слѣды древнихъ поселеній и городовъ встрѣчаются также по всему среднему теченію Черченъ-дарьи. Эти остатки всѣ лежатъ на западной сторонѣ названной рѣки, въ разстояніи 5—15 верстъ отъ нынѣшняго ея русла, отодвинувшагося слѣдовательно къ востоку. Старое русло Черченъ-дарьи мѣстами также видно между упомянутыми развалинами, нынѣ большею частью засыпанными пескомъ пустыни. По преданію, здѣсь нѣкогда жило племя мачинъ, какъ и далѣе вплоть до Лобъ-нора.

Здѣсь же кстати прибавить свѣдѣніе еще объ одномъ древнемъ городѣ по имени *Кутэкъ-шари*, мѣсто котораго туземцы указываютъ въ пескахъ на правой сторонѣ Тарима, противъ д. Ахтарма. Согласно преданію [1]), названный городъ нѣкогда былъ обширный и весьма богатый. Жители его исповѣдывали языческую вѣру (буддизмъ?); капища ихъ были такъ украшены, что нѣкоторыя колонны дѣлались изъ чистаго золота. Во время распространенія магометанства въ нынѣшнемъ Вост. Туркестанѣ одинъ изъ рьяныхъ проповѣдниковъ новой вѣры, предложилъ владѣтелю и обитателямъ описываемаго города принять ученіе пророка. Согласія на это не послѣдовало. Тогда, по молитвѣ того же магометанскаго миссіонера, поднялась страшная буря и засыпала нечестивый городъ. Однако жители его не погибли. Они, какъ гласитъ легенда, живутъ до сихъ поръ, питаясь корнями кендыря. Живы даже остались куры, такъ что изъ подъ песка иногда слышится пѣтушиное пѣніе.

Хребетъ Русскій.

Тотъ хребетъ, у подножія котораго лежалъ на значительномъ протяженіи нашъ путь изъ Черчена въ Кэрію, принадлежитъ [2]) западному Куэнъ-люню и составляетъ непосредственное продолженіе гигантскихъ хребтовъ главнаго кряжа средней части этой системы.

Примыкая на меридіанѣ западнаго угла Алтынъ-тага къ Токузъ-дабану [3]), новый хребетъ тянется отсюда на 400 слишкомъ верстъ къ

[1]) Это преданіе я слышалъ еще въ 1876 г. при первомъ путешествіи на Лобъ-норъ.

[2]) Какъ уже было сказано въ VII главѣ настоящей книги.

[3]) Возлѣ снѣговой группы, которую намъ хотя и называли *Гасынгà*, но, какъ кажется, это названіе невѣрно.

западо-юго-западу до прорыва Кэрійской рѣки, за которой встаютъ уже другіе горные хребты. Одного общаго имени хребетъ описываемый не имѣетъ ни у туземцевъ, различающихъ названіями, обыкновенно по сосѣднимъ урочищамъ, лишь отдѣльныя части горъ, ни на географическихъ картахъ, гдѣ до сихъ поръ наугадъ обозначались здѣсь безъименныя горы, да и то лишь послѣ открытія мною лобъ-норскаго Алтынъ-тага. Пользуясь правомъ перваго изслѣдователя, я назвалъ вновь открытую цѣпь горъ—*Русскимъ* хребтомъ.

На всемъ своемъ протяженіи этотъ хребетъ служитъ оградою высокаго тибетскаго плато къ сторонѣ котловины Тарима и, какъ обыкновенно для азіатскихъ горъ въ подобныхъ случаяхъ, развивается вполнѣ лишь къ сторонѣ болѣе низкаго своего подножія. Здѣсь, т. е. на сѣверномъ склонѣ Русскаго хребта, общій его характеръ составляютъ—дикость, грандіозность формъ и труднодоступность; тогда какъ южный, тибетскій склонъ несомнѣнно короче и мягче въ своемъ рельефѣ. Наиболѣе высокая, вѣчно снѣговая часть того же хребта лежитъ въ западной его окраинѣ между рр. Чижганъ и Кэрійской. Вблизи послѣдней высится громадная покрытая ледниками вершина, поднимающаяся вѣроятно выше 20 т. фут. и названная мною, въ память незабвеннаго для Россіи императора Александра Николаевича, *горой Царя-Освободителя*. Немногимъ развѣ ея меньшія (да и то едва ли) вершины лежатъ въ той же западной снѣговой группѣ вблизи истоковъ рр. *Чижганъ* и *Нія-дарья*. Въ восточной части Русскаго хребта находятся три снѣговыя группы: одна близъ Токузъ-дабана, двѣ другія—въ верховьяхъ рр. *Кара-муранъ* и *Мольджа*. Наконецъ, по распроснымъ свѣдѣніямъ [1]), еще двѣ снѣговыя группы лежатъ: одна въ верховьѣ р. *Бостанъ-туіракъ*, а другая западнѣе прорыва р. *Толанъ-ходжа*.

Вышеназванныя рѣки представляютъ полный перечень (за исключеніемъ лишь небольшихъ ключевыхъ ручьевъ) тѣхъ потоковъ, которые выбѣгаютъ съ сѣвернаго склона Русскаго хребта. Впрочемъ, нѣкото-

[1]) Необходимо оговорить, что во время нашего слѣдованія вдоль Русскаго хребта, какъ и въ теченіе всей весны, атмосфера постоянно была наполнена густою пылью, такъ что лишь урывками и весьма рѣдко приходилось видѣть намъ снѣговыя вершины; сплошь и кряду не было вовсе видно тѣхъ громадныхъ горъ, возлѣ которыхъ лежалъ нашъ путь. Поэтому даже замѣченныя снѣговыя группы опредѣлены на нашей картѣ лишь приблизительно, обыкновенно одною случайною засѣчкою. По счастливой также случайности, послѣ неожиданно выпавшаго 1 іюня дождя, очистившаго на полъ-дня атмосферу отъ пыли, мы могли увидать и кое-какъ опредѣлить положеніе наиболѣе обширной западной снѣговой части Русскаго хребта. Не будь этого дождя, мы бы и не знали о существованіи этой громадной группы за исключеніемъ развѣ горы Царя-Освободителя и ея ближайшихъ окрестностей.

рые изъ нихъ—Толанъ-хаджа по распроснымъ свѣдѣніямъ, а Кара-муранъ и Мольджа, судя по количеству воды—быть можетъ, приходятъ съ плато Тибета. Всѣ онѣ текутъ чрезвычайно быстро, по дикимъ, трудно доступнымъ ущельямъ, какъ въ самыхъ горахъ, такъ отчасти и по выходѣ изъ нихъ. Здѣсь отъ рѣзко очерченной сѣверной окраины разсматриваемаго хребта, поднятой на абс. высоту отъ 8 — 9 т. футовъ, полого склоняется къ пескамъ таримской котловины до абс. высоты въ 4—4½ т. футовъ, насыпанная продуктами вѣковаго разрушенія тѣхъ же горъ, равнина. Въ этой то пустынной равнинѣ, по крайней мѣрѣ въ ближайшей къ горамъ ея части, быстрые потоки Русскаго хребта вырыли себѣ чрезвычайно глубокія (отъ 800—1,000 фут.) траншееобразныя русла [1]). По мѣрѣ удаленія отъ горъ эти траншеи мельчаютъ, а сами рѣки вскорѣ добѣгаютъ къ сыпучимъ пескамъ, по которымъ еще текутъ нѣкоторое время, сообразно количеству приносимой воды, и затѣмъ пропадаютъ.

Преобладающую горную породу въ описываемомъ хребтѣ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной нами посѣщенной его окраинѣ, составляетъ гранитъ; кромѣ того, здѣсь встрѣчаются—сіенитъ, кварцитъ, доломитъ, кремнистый и известково-глинистый сланцы. Тотъ же хребетъ обиленъ нефритомъ, столь дорого цѣнимымъ въ Китаѣ, а изъ металловъ—золотомъ. Подобно тому какъ въ Алтынъ-тагѣ, такъ и въ Русскомъ хребтѣ, нижній и средній пояса, обращеннаго къ пустынѣ склона этихъ горъ, засыпаны толстымъ слоемъ лёссовой пыли, за исключеніемъ лишь наиболѣе выдающихся скалъ. Эти послѣднія хотя состоятъ всего чаще изъ гранита, но и такая твердая горная порода сильно здѣсь разрушается крайностями атмосферическихъ вліяній. Притомъ какъ Русскій хребетъ въ общемъ выше Алтынъ-тага, нерѣдко достигаетъ предѣловъ вѣчнаго снѣга и близко прилегаетъ къ громаднымъ снѣговымъ массамъ сосѣдняго Тибета, то здѣсь лѣтомъ, вѣроятно, не бѣдно падаютъ дожди (рѣдкіе въ Алтынъ-тагѣ), которые смачиваютъ лёссовый осадокъ и образуютъ сносные луга въ полосѣ отъ 10—12—12½ т. футовъ. Въ западной половинѣ описываемыхъ горъ лѣтніе дожди, вѣроятно, обильнѣе, а потому эта часть Русскаго хребта нѣсколько плодороднѣе восточной его половины. Однако въ общемъ весь хребетъ можетъ быть названъ весьма бѣднымъ какъ по своей флорѣ, такъ и по фаунѣ. Древесной растительности здѣсь нѣтъ вовсе. Изъ кустарниковъ же, да и то

[1]) Тоже явленіе было встрѣчено мною въ 1880 году въ бассейнѣ верхняго теченія Желтой рѣки.

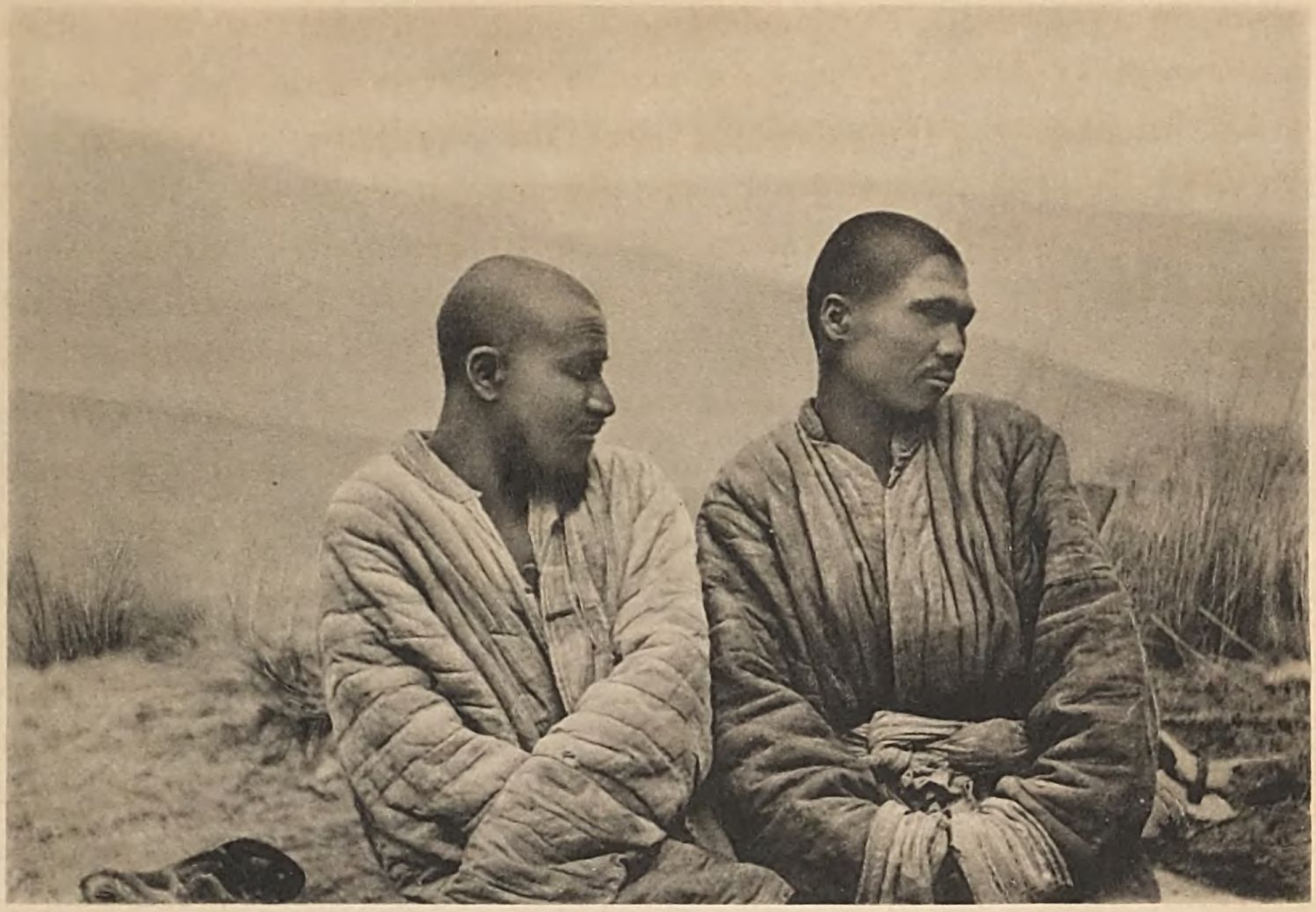
лишь по дну ущелій наружной горной окраины, найдены были нами: *тамарискъ* (Tamarix Pallasii), *мирикарія* (Myricaria germanica var. squamosa), *золотарникъ* (Caragana pygmaea? var.), *чагеранъ* (Hedysarum sp.), *хармыкъ* (Nitraria Schoberi) и *сугакъ* (Lycium turcomanicum). Изъ травъ по горнымъ лугамъ растутъ, на сколько то можно было видѣть весною (начало мая) въ восточной части хребта, главнымъ образомъ *злаки* немногихъ видовъ и мелкая *Artemisia;* затѣмъ здѣсь попадаются, обыденные для сѣверо-тибетскихъ горъ, виды *Androsace*, *Astragalus*, *Allium*, *Iris*, *Statice*, *Saxifraga*, *Rheum* и др. Вообще травянистая флора разсматриваемыхъ горъ, въ особенности западной ихъ части, вѣроятно, весьма сходствуетъ съ флорою сосѣдняго Кэрійскаго хребта, о которой будетъ говорено въ слѣдующей главѣ.

Въ раіонѣ, ближайшемъ къ сѣверной своей окраинѣ, хребетъ Русскій весьма бѣденъ млекопитающими; изъ нихъ мы встрѣтили здѣсь только *тарабагановъ* (Arctomys himalayanus), *зайцевъ* (Lepus sp.) и *пищухъ* (Lagomys rutilus?). Ближе къ гребню того же хребта и на южномъ его склонѣ нерѣдко, какъ говорятъ, встрѣчаются тибетскіе звѣри— *дикіе яки*, *куку-яманы, аргали* и др. Изъ птицъ найдены были нами тѣ же самыя, что и въ Алтынъ-тагѣ, съ прибавленіемъ лишь немногихъ лѣтнихъ видовъ [1]; притомъ тибетскій улларъ (Megaloperdix thibetanus) замѣняется здѣсь, сколько кажется, исключительно *улларомъ гималайскимъ* (Meg. himalayensis). Причина сравнительной бѣдности птицъ въ описываемыхъ горахъ заключается въ отсутствіи здѣсь лѣсныхъ и кустарныхъ зарослей; затѣмъ, вѣроятно, въ невыгодномъ положеніи самаго хребта среди двухъ обширныхъ пустынь—тибетской и таримской. Во всякомъ случаѣ по характеру орнитологической и маммалогической фауны хребетъ Русскій (какъ и Алтынъ-тагъ) долженъ быть отнесенъ къ Тибету; тогда какъ высокая, покатая отъ подножія этихъ горъ къ сыпучимъ пескамъ равнина, съ ея оригинальными ущельями принадлежитъ въ томъ же отношеніи таримской котловинѣ.

Жители въ Русскомъ хребтѣ—*мачинъ*. Ихъ мало въ восточной части горъ до р. Бостанъ-тугракъ; гораздо болѣе отъ названной рѣки къ западу и въ особенности западнѣе р. Нія-дарья. Занимаются скотоводствомъ, преимущественно разведеніемъ барановъ; засѣваютъ также ячмень (черный съ голымъ зерномъ); жилища свои выкапываютъ въ лёссѣ и только въ рѣдкихъ подгорныхъ деревняхъ, да и то не вездѣ, можно видѣть настоящую глиняную саклю [2]).

[1]) Которыя будутъ поименованы при дальнѣйшемъ изложеніи нашего здѣсь пути.

[2]) Подробно о племени мачинъ будетъ расказано въ слѣдующей главѣ.

МАЧИНЦЫ ИЗЪ ХРЕБТА РУССКАГО.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

МАЧИНЦЫ ИЗЪ ХРЕБТА РУССКАГО.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 72.

Что касается до южнаго, тибетскаго склона Русскаго хребта, то о немъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Не выяснилось даже—примыкаетъ ли сюда хребетъ моего имени въ крайней восточной снѣговой группѣ (Гасынгà), или онъ соединяется съ Токузъ-дабаномъ. Дознано только, что близъ прорыва Кэрійской рѣки, слѣдовательно, въ крайней западной части Русскихъ горъ отъ нихъ уходитъ въ Тибетъ громадный снѣговой хребетъ, который, по распроснымъ свѣдѣніямъ, тянется въ юго-восточномъ направленіи на цѣлый мѣсяцъ пути. Если это такъ, то новый хребетъ, быть можетъ, соединяется съ Танъ-ла или съ горами на сѣверной сторонѣ оз. Тенгри-норъ. Этотъ интересный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ, конечно, лишь очевидцемъ-путешественникомъ. Къ сѣверу отъ той части новаго хребта, которая стоитъ вблизи хребта Русскаго, разстилается, какъ говорятъ, обширная и обильная солью равнина, называемая по тюркски *Кызиль-тузъ*. Наконецъ, относительно проходовъ черезъ Русскій хребетъ мы могли узнать, что здѣсь существуютъ лишь немногія тропы [1]), доступныя, да и то съ большимъ трудомъ только для лошадей, ословъ или яковъ; на верблюдахъ же пройдти нигдѣ нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ сообщили, что вдоль южнаго склона описываемыхъ горъ въ глубокой древности (еще до Чингисъ-хана) пролегалъ колесный путь изъ Яркенда въ Сининъ. Дорога эта поднималась отъ Яркенда на плато Тибета, и слѣдовала здѣсь, съ переваломъ черезъ вышеописанный снѣговой хребетъ, вдоль южнаго подножія Русскаго хребта, быть можетъ, въ ур. Гасъ, а оттуда въ Сининъ. По ущелью р. Толанъ-ходжа [2]) къ указанной дорогѣ примыкала другая, также колесная, пересѣкавшая Русскій хребетъ. Оба эти пути давно заброшены и испорчены временемъ, но до сихъ поръ еще, какъ говорятъ, по нимъ валяются ободки колесъ, желѣзо отъ телѣгъ, иногда и верблюжьи кости.

Двойная дорога.

Изъ Черчена въ оазисъ Нія ведутъ двѣ дороги—*нижняя* и *верхняя*, обѣ вьючныя [3]). Первая, болѣе короткая, направляется къ западо-юго-западу вдоль сыпучихъ песковъ; вторая — окружная достигаетъ того-же оазиса, слѣдуя у подножія Русскаго хребта.

Списокъ станцій на обѣихъ дорогахъ слѣдующій:

[1]) Гдѣ именно—толкомъ мы не добились.

[2]) По другимъ же свѣдѣніямъ по ущелью р. Бостанъ-тугракъ. Въ раіонѣ обѣихъ рѣкъ хребетъ Русскій, какъ говорятъ, нѣсколько понижается.

[3]) Вообще ни къ Черчену, ни отъ него колесныхъ дорогъ нѣтъ; даже въ самомъ этомъ оазисѣ ѣздятъ только верхомъ на лошадяхъ, ослахъ, иногда и на коровахъ; ни одной колесной повозки мы здѣсь не видали.

Отъ Черчена.

По нижней дорогѣ [1])	верстъ.	По верхней дорогѣ	верстъ.
кол. Каласы	15	ур. Чекенды (безводное).	
кол. Кэтмэ	20	д. Ачанъ	86
кол. Янтакъ-кудукъ	15	р. Салганчи	15
кол. Акбай (вода худая).	15	р. Кара-муранъ [3]) (р. Митъ 8 верстъ)	27
кол. Тайланъ-тутканъ (вода худая)	17	ур. Копа̀ (пріискъ золота)	24
р. Кара-муранъ	20	р. Мольджа (кл. Комышъ-булакъ 16 в.) (кл. Бугуна 4 в.)	36
кол. Ченгеликъ	15	р. Уй-эйлакъ	35
кол. Шюданъ (на прод. р. Мольджа)	35	р. Бостанъ-тугракъ	36
ключъ Камъ-агасъ	20	р. Толанъ-ходжа (кл. Юлгунъ-булакъ 22 в.)	34
ур. Андерэ (на р. Бостанъ-тугракъ)	16	кл. Сугетъ-булакъ (р. Эякъ 11 в.)	31
кол. Хадыръ-ша (вода худая).	25	р. Чижганъ	27
ур. Яръ-тунгузъ (на р. Толанъ-хаджа)	24	оаз. Нія	40
ключи ур. Билекъ.	28		391
оазисъ Нія	25		
	290 [2])		

Такимъ образомъ нижняя дорога гораздо короче верхней; при томъ она пролегаетъ по мѣстности равнинной, изобилуетъ кормомъ для верблюдовъ и топливомъ. Невыгода же этого пути заключается, помимо сыпучаго песка, въ маломъ количествѣ и дурномъ качествѣ воды нѣкоторыхъ колодцевъ, затѣмъ въ сильныхъ жарахъ и обиліи мучающихъ насѣкомыхъ лѣтомъ. Ради этого въ названную пору года здѣсь не ѣздятъ, предпочитая болѣе кружный сѣверный путь. На немъ хотя воды достаточно, но корма гораздо меньше; кромѣ того приходится переходить глубокія ущелья рѣкъ, что въ особенности тяжело для выючныхъ верблюдовъ.

О сѣверной дорогѣ будетъ подробно изложено при дальнѣйшемъ описаніи нашего пути. Про южную же дорогу можно добавить, основы-

[1]) Согласно распросныхъ свѣдѣній, исправленныхъ относительно разстояній прокладкою маршрута на картѣ.

[2]) Если положить отъ 15—20 верстъ на изгибы этой дороги, то она будетъ заключать въ себѣ верстъ 300 съ небольшимъ.

[3]) Можно, не заходя въ Ачанъ и Салганчи, слѣдовать изъ Черчена прямо на р. Кара-муранъ; разстояніе здѣсь 104 версты, но безводныхъ.

ваясь на разспросныхъ свѣдѣніяхъ, что недостатокъ воды въ нѣкоторыхъ здѣсь колодцахъ легко устранить, если выкопать рядомъ колодцы новые; вода въ такихъ мѣстахъ, какъ говорятъ, держится неглубже какъ на 3—4 фута отъ поверхности почвы. Согласно преданію, въ раіонѣ той же нижней дороги, въ древнія времена лежало много оазисовъ, отъ которыхъ нынѣ уцѣлѣли лишь мѣстами незначительные слѣды.

Передъ выступленіемъ нашимъ изъ Черчена, переводчикъ Абдулъ-Юсуповъ сильно заболѣлъ, такъ что мы принуждены были оставить его на попеченіе мѣстнаго хакима. Затѣмъ, выходъ задержался еще на сутки, ибо наканунѣ ночью оба проводника удрали неизвѣстно куда. Взамѣнъ доставлены были два новые вожака. Одинъ изъ нихъ, родомъ афганецъ, по имени *Айсаханъ*, оказался довольно смѣтливымъ человѣкомъ. Къ сожалѣнію, безъ переводчика, который лишь черезъ мѣсяцъ присоединился къ намъ, нельзя было вывѣдать многаго, объясняясь лишь пантомимами да нѣсколькими десятками извѣстныхъ намъ тюркскихъ словъ.

Большой безводный переходъ.

25 апрѣля, мы наконецъ тронулись въ путь по «верхней» дорогѣ. На первыхъ-же порахъ пришлось здѣсь пройдти въ полтора сутокъ 86 верстъ безъ воды, да притомъ еще съ подъемомъ почти въ 5000 футовъ; ко всему этому добавилась жара и въ началѣ сыпучій песокъ. Какъ обыкновенно, вожаки не знали точно разстоянія и опредѣлили этотъ переходъ въ 50 съ небольшимъ верстъ. Такъ мы и запаслись водою, разсчитывая на завтра утромъ быть на мѣстѣ. Но уже къ полудню перваго дня выяснилось, что безводный переходъ будетъ несравненно бо̀льшій, чѣмъ насъ увѣряли. Тогда мы, какъ говорится, приналегли и прошли къ вечеру того-же дня 41 версту. Переспрошенные чуть не въ десятый разъ вожаки съ испугу бросились въ другую крайность и объявили, что мы далеко еще не сдѣлали половины всего перехода. Неутѣшительно было подобное свѣдѣніе, хотя невполнѣ мы ему повѣрили. Однако въ виду того, что запасной воды еще на цѣлый день намъ не хватитъ, я отправилъ въ полночь на лучшихъ верблюдахъ двухъ казаковъ съ однимъ изъ вожаковъ впередъ, приказавъ имъ ѣхать возможно быстрѣе, набрать воды и везти ее къ намъ навстрѣчу. Сами-же мы вышли на разсвѣтѣ и, сдѣлавъ 25 верстъ, остановились; здѣсь сварили чай изъ послѣдней воды и остались ждать возвращенія посланныхъ людей. Идти впередъ къ нимъ навстрѣчу по жарѣ было невозможно, ибо наши лошади и запасные бараны изнемогали отъ жажды. Наконецъ, въ 3 часа пополудни, вернулись посланные казаки и привезли два боченка (ланхона) воды. Тогда мы

сами напились вдоволь, напоили по немногу своихъ животныхъ (кромѣ верблюдовъ) и пошли далѣе, имѣя достовѣрныя свѣдѣнія, что впереди около 20 верстъ до мѣста остановки. Добрались мы сюда уже въ потьмахъ и, сверхъ ожиданія, не особенно усталыми.

Мѣстность, по которой мы шли, представляла собою пологую, поднимающуюся къ горамъ равнину, каковая облегаетъ все сѣверное подножіе Русскаго хребта. Первоначально верстъ на 20 нашего пути залегалъ сыпучій песокъ, который, вѣроятно небольшою полосою, тянется вверхъ по лѣвому берегу Черченъ-дарьи; далѣе тропинка вошла въ широкую рытвину и направлялась по ней также верстъ 20. Почва здѣсь и въ окрестностяхъ состояла изъ щебня съ пескомъ и лёссомъ; по ней, вначалѣ даже часто, были наметаны песчаные сугробы. Ближе къ горамъ песокъ сдѣлался рѣже; взамѣнъ того прибавилось щебня и крупныхъ валуновъ въ сухихъ руслахъ дождевыхъ потоковъ. Растительность встрѣчалась лишь кое-гдѣ по дну рытвинъ, да и то крайне бѣдная — *Calligonum, Ephedra, Reaumuria,* изрѣдка *тамарискъ*. Ближе къ горамъ эти кустарники покучнѣли; у самыхъ же горъ показались—*дырисунъ* и *золотарникъ* (Caragana pygmaea? var.). Изъ звѣрей мы видѣли только *хара-сультъ* [1]), а изъ птицъ лишь *Podoces Hendersoni,* вновь здѣсь появившуюся, тогда какъ ея сестрица Podoces Biddulphi осталась пониже въ пескахъ таримской котловины.

Подъемъ, собственно говоря, былъ мало замѣтенъ, хотя на каждую версту мы повышались среднимъ числомъ 57 футовъ [2]). Вьючная тропа внѣ песковъ проторена хорошо.

Деревня *Ачанъ,* возлѣ которой мы теперь остановились и дневали, лежитъ, при абс. выс. 9,000 футовъ, на ключахъ у самаго подножія восточной окраины Русскаго хребта, круто обрывающагося къ сторонѣ таримской котловины. Населеніе этой деревни состоитъ изъ шести семействъ мачинцевъ, которые засѣваютъ небольшія поля чернаго ячменя; всего же болѣе занимаются разведеніемъ барановъ. Эти послѣдніе отъ самаго Лобъ-нора уже не курдючные, и мелки ростомъ. Сами обитатели Ачана, какъ и всѣхъ другихъ мачинскихъ горныхъ селеній, помѣщаются въ жилищахъ, выкопанныхъ въ лёссѣ [3]).

Погода въ апрѣлѣ.

Близившійся теперь къ концу апрѣль мѣсяцъ проведенъ былъ нами на среднемъ теченіи Черченской рѣки и, лишь въ послѣднихъ своихъ дняхъ, у подножія Русскаго хребта. Выше были сдѣланы кое-какія за-

[1]) По тюркски *кара-курюкъ* или *джейранъ*.

[2]) Конечно, ближе къ горамъ наклонъ былъ круче, а вдали отъ нихъ меньше.

[3]) Эти жилища будутъ описаны въ слѣдующей главѣ.

мѣтки о погодѣ за это время, но, мнѣ кажется, лучше свести ихъ въ одно сжатое цѣлое. Въ общемъ, въ апрѣлѣ преобладала жаркая погода, хотя этотъ мѣсяцъ, подобно марту, характеризовался крайностями дневной и ночной температуры, затѣмъ постоянною густою пылью въ атмосферѣ, частою облачностью, а также господствомъ вѣтровъ исключительно отъ сѣв.-востока.

Дневные жары въ апрѣлѣ достигали $+30,8^0$ въ тѣни; между тѣмъ по ночамъ, въ первой половинѣ описываемаго мѣсяца, 4 раза случались морозы до $-5,0^0$ (1-го числа). Эти морозы, пожалуй, были бы еще значительнѣе, если бы тому не мѣшала облачность атмосферы. При томъ по ночамъ обыкновенно стояли затишья, но днемъ почти постоянно дули сѣв.-восточные вѣтры, довольно сильные и всего чаще порывами. Восемь дней было вполнѣ бурныхъ; изъ нихъ одна буря (въ Черченѣ) продолжалась цѣлую недѣлю. При бурѣ, какъ обыкновенно, небо подергивалось облаками; атмосфера же наполнялась тучами пыли. Эта пыль приносилась иногда даже не слишкомъ сильнымъ вѣтромъ, и вообще въ продолженіе всего описываемаго мѣсяца такъ густо наполняла собою воздухъ, что даже громадный Алтынъ-тагъ, возлѣ котораго не далѣе 50—60 верстъ лежалъ нашъ путь, былъ виденъ только однажды, и то не надолго.

Облачность, какъ вышеупомянуто, въ апрѣлѣ преобладала. Всего въ этомъ мѣсяцѣ считалось ясно-пыльныхъ дней 8, полу-облачныхъ 3, облачныхъ 12 и пасныхъ 7. Водяныхъ осадковъ, хотя бы росы, не было вовсе. Такое обстоятельство, вмѣстѣ съ страшною сухостью воздуха и перепадавшими ночными морозами, обусловливало тугое и слишкомъ позднее развитіе растительности. Словомъ, погода въ апрѣлѣ была также безобразна, какъ въ мартѣ, и также мало походила на весеннюю въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать это слово.

Слѣдованіе къ золотому пріиску Копа.

Дневка въ д. Ачанъ и, черезъ одинъ переходъ, еще двѣ дневки на р. Салганчи дали намъ возможность немного ознакомиться съ характеромъ Русскаго хребта въ сѣверной окраинѣ его восточной части. Однако экскурсіи наши по крутымъ труднодоступнымъ горамъ мало принесли научной добычи. Растительность на горныхъ высотахъ еще не пробудилась, мѣстами подъ скалами попадался зимній снѣгъ, а по р. Салганчи, приблизительно на $10^1|_2$ т. ф. абс. высоты, встрѣченъ былъ даже толстый пластъ льда, шаговъ около 200 длиною. Лишь на предгорьяхъ, въ укрытыхъ и обращенныхъ къ солнцу скатахъ, начиналъ отростать молодой *дырисунъ*, да низкорослый *золотарникъ* распускалъ свои листочки; кромѣ того, здѣсь же изрѣдка прокидывались цвѣтки *касатика*

(Iris Bungei?) и *твердочашечника* (Androsace squarrosula n. sp.). Изъ птицъ мы настрѣляли только *оляпокъ* (Cinclus leucogaster), *горныхъ щеврицъ* (Anthus rosaceus) и пролетныхъ *пѣночекъ* (Abrornis indica); улларовъ же добыть не могли, хотя не мало полазили за ними.

Трудная для верблюдовъ подгорная тропинка отъ Ачана до Салганчи и, по распросамъ, таковая же далѣе до ур. Копа̀, вынудила насъ идти туда южною дорогою. Послѣдняя значительно удаляется отъ горъ и нѣсколько кружнѣе; за то вьючнымъ верблюдамъ здѣсь гораздо удобнѣе, хотя первая половина пути лежитъ по мѣстности изобильной сыпучимъ пескомъ. Это тѣ самые пески, которые оставались вправо отъ насъ, на второй день слѣдованія изъ Черчена къ Ачану. Они составляютъ какъ здѣсь, такъ и далѣе вдоль сѣвернаго подножія Русскаго хребта, отпрыски главныхъ песчаныхъ массъ, залегающихъ гораздо ниже по дну таримской котловины. Помимо обыкновенныхъ песчаныхъ грядъ, правда, неособенно обширныхъ, здѣсь всюду можно встрѣтить вновь образующіеся песчаные наносы, въ видѣ невысокихъ кучъ или валиковъ возлѣ кустовъ и вообще выдающихся неровностей почвы. Формою своею эти младенцы-пески много напоминаютъ наши зимніе сугробы и совершенно походятъ на пески вполнѣ сформировавшіеся: съ подвѣтреной стороны у нихъ удлиненный пологій скатъ, со стороны противоположной господствующему (сѣв.-вост.) вѣтру—вогнутый обрывъ, и песокъ здѣсь рыхлѣе. Въ раіонѣ, ближайшемъ къ горамъ, тѣ же пески покрыты рѣдкими, но довольно высокими кустами *бѣлолозника* (?), *кустарнаго чернобыльника* и *Reaumuria*; изрѣдка попадается *сульхиръ*.

Сдѣлавъ по описываемымъ пескамъ 27 верстъ, мы пришли на р. *Кара-муранъ*. Она вытекаетъ, быть можетъ, со снѣговой группы, виднѣвшейся на гребнѣ Русскаго хребта отъ р. Салганчи; быть можетъ приходитъ и съ плато Тибета — узнать объ этомъ мы не могли. Въ среднемъ теченіи описываемая рѣчка имѣла, тамъ, гдѣ мы черезъ нее перешли, при малой водѣ отъ 3 — 4 саженъ ширины и глубину отъ 1—2 футовъ; лѣтомъ Кара-муранъ, какъ говорятъ, сильно прибываетъ, такъ что переправа, при весьма быстромъ теченіи, дѣлается невозможною. Впрочемъ, подобное повышеніе воды вѣроятно случается, какъ и въ другихъ горныхъ рѣчкахъ, лишь въ извѣстные часы дня отъ таянія ледниковъ, или послѣ сильнаго дождя въ горахъ.

Подобно другимъ болѣе значительнымъ потокамъ Русскаго хребта, Кара-муранъ вырылъ себѣ въ наносной почвѣ, покатой отъ тѣхъ же горъ равнины, глубокое и широкое ложе, которое вѣроятно еще углубляется и при томъ перемѣщается, по крайней мѣрѣ въ среднемъ теченіи

описываемой рѣки. Здѣсь нынѣшнее ея русло, покрытое крупными валунами и обозначенное отвѣсными береговыми обрывами отъ 10—25 саженъ вышиною, имѣетъ около $^1/_4$ версты ширины; тогда какъ разстояніе между самыми верхними ярусами прежде бывшихъ береговъ достигаетъ до полуторы версты. Тотъ же Кара-муранъ пересѣкаетъ «нижнюю» изъ Черчена въ Нія дорогу и затѣмъ, какъ говорятъ, течетъ еще около сотни верстъ въ сыпучихъ пескахъ. Здѣсь по берегамъ описываемой рѣки, какъ равно и по другимъ рѣчкамъ, забѣгающимъ съ Русскаго хребта въ большіе пески, растутъ туграковые лѣса и густой джангалъ, водятся тигры, кабаны и дикіе верблюды. Прямой путь изъ Черчена въ ур. Копà лежитъ, какъ оказалось теперь по съемкѣ, да и по распросамъ, прямо на Кара-муранъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переходили эту рѣку; только безводный раіонъ по этой дорогѣ тянется слишкомъ на сто верстъ.

На Кара-муранъ мы пришли 1-го мая, но далеко не пригоденъ былъ здѣсь этотъ день для маёвки: утромъ стояла пыльная мгла; съ полудня поднялся сильный сѣв.-вост. вѣтеръ, который гналъ песокъ, какъ позёмка въ нашихъ странахъ мететъ снѣгъ зимою. Палатки, багажъ, мы сами—все посыпалось пескомъ, до самой ночи; хуже всего, конечно, доставалось нашимъ глазамъ.

Въ слѣдующій день пришлось сдѣлать почти весь переходъ по сильно каменистой мѣстности, гдѣ и тропинка притомъ была плохая. Черезъ 9 верстъ отъ Кара-мурана перешли мы лѣвый его притокъ р. *Митъ*; затѣмъ еще черезъ 14 верстъ достигли ур. *Копà*, которое находится въ предгорьѣ Русскаго хребта и славится какъ пріискъ золота. По словамъ туземцевъ, это золото было открыто здѣсь въ началѣ прошлаго столѣтія [1]) и съ тѣхъ поръ разработывается то больше, то меньше. Центральное мѣсто пріиска лежитъ на абс. выс. 8,400 фут. и состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ сложенныхъ изъ булыжника сакель, въ которыхъ во время нашего прохода помѣщались два китайскихъ чиновника, надзиравшіе за работами [2]), аксакалъ, мулла, нѣсколько торговцевъ и часть рабочихъ; остальные рабочіе жили въ ямахъ и сакляхъ, выкопанныхъ въ лёссовыхъ толщахъ. Всего въ это время на описываемомъ пріискѣ работало, какъ говорятъ, до 500 человѣкъ;

[1]) Названіе «копà» въ переводѣ означаетъ «шалашъ». Оно, какъ намъ объясняли, дано описываемому урочищу потому, что первые промышленники золота жили здѣсь въ шалашахъ.

[2]) Передъ нашимъ въ Копà приходомъ оба эти чиновника удрали въ Кэрію, забравъ съ собою все накопанное золото.

во времена же Якубъ-бека число рабочихъ простиралось будто бы до 4,000. Большая часть пріиска отдается нынѣ китайцами въ аренду купцамъ-сартамъ, которые имѣютъ своихъ рабочихъ; меньшая часть— находится въ вѣдѣніи самихъ китайцевъ, и рабочіе сюда назначаются принудительно изъ жителей сосѣднихъ оазисовъ, главнымъ образомъ за неуплату податей. Какъ тѣ, такъ и другіе рабочіе получаютъ одежду, вообще всѣ предметы обихода по двойной и тройной цѣнѣ отъ своихъ хозяевъ, у которыхъ находятся въ постоянной кабалѣ. Кромѣ арендной платы, часть добываемаго золота арендаторы обязаны доставлять за уменьшенную плату серебромъ въ китайскую казну; остальное могутъ сбывать куда угодно. Съ правительственныхъ разработокъ золото прямо поступаетъ въ ту же казну черезъ завѣдующихъ чиновниковъ, которые при этомъ воруютъ немилосердно. Сильно, какъ говорятъ, развито воровство и между рабочими, хотя къ нимъ примѣняются самыя строгія кары и даже смертная казнь [1]). Замѣчательно, что рабочіе на описываемомъ пріискѣ, да по слухамъ и на другихъ, живутъ весьма мирно между собою; обыденныя драки бываютъ здѣсь рѣдко, убійствъ же вовсе не случается. Обусловливается такое отрадное явленіе мирнымъ характеромъ туземцевъ и отсутствіемъ водки. О количествѣ добываемаго въ Копа̀ золота узнать распросами мы не могли—свѣдѣнія получались самыя разнорѣчивыя: одни говорили, что золота здѣсь мало, другіе наоборотъ, много. Послѣднее, мнѣ кажется, вѣроятнѣе. Самый способъ добыванія золота прослѣдить также нельзя было, ибо по нашемъ приходѣ въ Копа̀, работы, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ къ намъ шахтахъ, были прекращены. Притомъ, конечно, по приказанію китайцевъ, мѣстныя власти слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ, и въ буквальномъ смыслѣ не спускали насъ съ своихъ глазъ. Не желая возбуждать излишнихъ подозрѣній, мы только переночевали въ Копа̀ и на завтра раннимъ утромъ пошли далѣе.

Ущелья рѣкъ: Мольджа,

Теперь намъ предстояло идти довольно долго возлѣ самаго подножія Русскаго хребта, гдѣ мѣстность, какъ уже было говорено, является собою покатую отъ горъ пустынную равнину, тамъ и сямъ изборожденную оврагами и глубоко врѣзанными въ почву ущельями рѣкъ. Вьюч-

[1]) Во времена Якубъ-бека было еще строже. Тогда на путяхъ, ведущихъ отъ ур. Копа̀ стояли караулы, на которыхъ осматривали всѣхъ людей, возвращавшихся съ пріиска. Подозрительнымъ личностямъ давали слабительное, черезъ что быстрѣе получались проглоченные кусочки золота; кромѣ того женщинъ заставляли прыгать черезъ ровъ, и при такихъ прыжкахъ иногда удавалось обнаруживать похищенные золотые самородки.

ная, хорошо наѣзженная тропа по возможности обходитъ первые и по неволѣ пересѣкаетъ послѣднія. Путь, въ особенности для верблюдовъ, трудный, тѣмъ болѣе, что и подножнаго корма всюду недостаточно.

Первый переходъ въ 36 верстъ привелъ насъ на р. *Мольджа*, ложе которой возлѣ горъ лежитъ на абс. высотѣ 7,700 футовъ и врѣзано въ наносную почву тройнымъ ярусомъ уступовъ, футовъ на 800 или даже на тысячу глубиною. Ширина этого ущелья внизу отъ 130—200 саженъ; далѣе по теченію оно нѣсколько расширяется, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижаются и высокіе берега. По распроснымъ свѣдѣніямъ, р. Мольджа вытекаетъ изъ двойной снѣговой группы Русскаго хребта, называемой *Кокъ-муранъ* и *Сарыкъ-колъ*. Пробѣжавъ отъ горъ верстъ около 50 теряется въ солончакахъ. Возможно также, что описываемая рѣка приходитъ и съ плато Тибета. Въ началѣ мая мы нашли ея ширину при малой водѣ отъ 5—6 саженъ и глубину въ 2—3 фута; мѣстами русло расширяется вдвое; лѣтомъ воды, конечно, гораздо больше; теченіе всегда очень быстрое. Дно, какъ самой рѣки, такъ и всего ущелья, усыпано крупными валунами; лишь изрѣдка выдаются небольшія площадки, густо заросшія кустами *мирикаріи* (Myricaria germanica var. squamosa); здѣсь обыкновенно пробиваются и небольшіе ключи съ превосходною водою. Кромѣ того, кое-гдѣ въ описываемомъ ущельи растутъ: *хармыкъ*, *тамарискъ*, *лоза* (Salix microstachya?) и *сугакъ* (Lycium turcomanicum), мѣстами *дырисунъ;* вразсыпную изрѣдка попадались намъ — *Cynomorium coccineum, Glaux maritima, Carex sp., Oxytropis leucocyanea? Zygophyllum Rosowi, Asparagus sp., Ranunculus sp., Lactuca sp.* Словомъ, это было первое за всю нынѣшнюю весну мѣсто, гдѣ мы собрали 14 видовъ цвѣтущихъ растеній. Однако окрестныя горы, состоящія изъ гранита и кремнистаго сланца, оказались совершенно безплодными.

Изъ птицъ въ томъ же ущельи встрѣтились: *кеклики* (Caccabis chukar), *клушицы* (Fregilus graculus), *славки* (Sylvia minuscula?), *сорокопуты* (Lanius isabellinus), *оляпки* (Cinclus leucogaster) [1]), а также запоздавшія пролетныя — *Totanus glottis, Totanus ochropus, Tringa Temminckii, Motacilla personata.* По вечéрамъ надъ ключами кружили *летучія мыши.* Вообще какъ ни бѣденъ былъ растительною и животною жизнью описываемый уголокъ, онъ все-таки, среди окружающей пустыни, производилъ весьма отрадное впечатлѣніе. Можно было даже раскинуть бивуакъ на зеленой лужайкѣ, а глаза наши, въ конецъ намозоленные желто-сѣрымъ фономъ безплодныхъ равнинъ, пріятно отдыхали на свѣ-

[1]) У двухъ послѣднихъ видовъ молодые въ это время (5 мая) уже летали.

жей зелени кустарниковъ. Для верблюдовъ нашелся довольно хорошій кормъ, ради чего нами проведены были двое сутокъ въ ущельи р. Мольджа.

Бостанъ-тугракъ.

Насилу выбрались мы отсюда по крутымъ подъемамъ береговыхъ уступовъ и продолжали свой путь вдоль подножія Русскаго хребта. Густая пыль, поднятая наканунѣ сильною бурею, совершенно скрывала отъ насъ эти горы; производство съемки крайне затруднялось. Мѣстность была прежняя, скудная растительность та же; прибавился лишь (отъ ур. Копà) кое-гдѣ по сухимъ оврагамъ *чагеранъ* (Hedysarum sp.), да чаще сталъ попадаться *золотарникъ*. Кустарники пустыни начинали развертывать свои листочки, но до того были засыпаны пылью, что зелени почти не замѣчалось. Такое обиліе пыли на подножномъ кормѣ вредно отзывалось для здоровья нашихъ верблюдовъ. Послѣдніе уже значительно устали, а лазаніе по глубокимъ ущельямъ еще болѣе надрывало ихъ силы; раньше мы бросили нѣсколькихъ; теперь пришлось сразу оставить 11 верблюдовъ на попеченіе мѣстнаго аксакала въ попутной небольшой мачинской деревнѣ *Уй-эйлакъ*, расположенной возлѣ горъ по маленькой рѣчкѣ того же имени. При экскурсіи въ ущельи этой рѣчки найдены были вновь прилетѣвшія птицы—*каменный дроздъ* (Petrocincla saxatilis), *земляная ласточка* (Cotyle riparia) и *полевая славка* (Sylvia cinerea).

Дорогою отъ самаго ур. Копà, нѣсколько разъ намъ встрѣчались небольшія партіи туземцевъ изъ оазисовъ Нія, Кэрія и др. Эти партіи направлялись, тихомолкомъ отъ китайцевъ, на цѣлое лѣто въ «Долину вѣтровъ» и въ ур. Бугулукъ добывать тамъ золото. Промышленники большею частью шли пѣшкомъ и везли на ослахъ, изрѣдка на лошадяхъ, свою поклажу; нѣкоторые тащили ее на себѣ. Черченскіе вожаки наши уже нѣсколько разъ отпрашивались вернуться домой; пробовали даже притворяться больными, но и это не помогло. Наконецъ одинъ изъ нихъ дѣйствительно заболѣлъ и былъ отпущенъ; съ нами остался афганецъ, который дошелъ до Кэріи.

Черезъ 70 верстъ отъ ущелья р. Мольджа встрѣтилось другое не меньшее по размѣрамъ ущелье р. *Бостанъ-тугракъ*. Эта рѣка, опять-таки по распроснымъ свѣдѣніямъ (ибо за густою пылью самимъ рѣшительно ничего не было видно), вытекаетъ изъ большихъ снѣговыхъ горъ на главной оси хребта Русскаго. По однимъ расказамъ указанная снѣговая группа называется *Чакты-тагъ*, по другимъ просто *Акъ-тагъ*, т. е. снѣговой хребетъ. Размѣрами своими р. Бостанъ-тугракъ тамъ, гдѣ мы ее переходили (2—3 сажени ширины, при глубинѣ отъ $1^1|_2$—2 футовъ)

меньше, нежели Мольджа, но, по словамъ туземцевъ, протекаетъ отъ горъ далѣе, такъ-что заходитъ въ большіе сыпучіе пески [1]). На пересѣченіи описываемой рѣкою «нижней» Черченской дороги лежитъ урочище *Андерэ*, а верстахъ въ 25 отсюда ниже находится, какъ говорятъ, деревня, въ которой живутъ около 20 или 30 семействъ, занимающихся хлѣбопашествомъ.

Невдалекѣ отъ окраины Русскаго хребта, тамъ, гдѣ мы проходили, ущелье р. Бостанъ-туигракъ врѣзано въ почву пустыни на глубину отъ 700—800 футовъ. Внизу это ущелье имѣетъ не болѣе 50—60 саженъ ширины и обставлено совершенно отвѣсными стѣнами отъ 200—300 футовъ вышиною. Эти вертикальныя стѣны состоятъ изъ валуновъ, мелкой гальки и песка, сцементированныхъ лёссомъ; иногда чистый лёссъ залегаетъ пластами и кубами въ нѣсколько саженъ толщиною; мѣстами огромные валуны на половину торчатъ изъ отвѣсныхъ стѣнъ, которыя кое-гдѣ даже нависли ко дну ущелья; нерѣдко тѣ же стѣны изборождены поперечными трещинами и вообще вездѣ представляютъ слѣды разрушенія. Дно описываемаго ущелья усыпано валунами и бо̀льшею частью совершенно безплодно. Лишь по берегу рѣки попадаются небольшія площадки *мирикаріи*, да кое-гдѣ растетъ *хармыкъ*; травы для корма нѣтъ вовсе. Среди птицъ встрѣтились здѣсь еще не бывшія у насъ въ коллекціи, а именно: два вида *стренатки* (Emberiza brunniceps, E. hortulana) [2]), *сорокопутъ* (Lanius sp.) и *пѣночка* (Phylloscopus tristis); кромѣ того казаки поймали, вѣроятно, заблудившуюся *камышницу* (Gallinula chloropus), которая была отпущена обратно.

Опять съ большимъ трудомъ вылѣзли мы по разсѣлинамъ береговыхъ обрывовъ изъ ущелья р. Бостанъ-туигракъ и двойнымъ переходомъ сдѣлали 34 версты до новой такой же рытвины на р. *Толанъ-ходжа*. Дорога была хорошая, хотя большею частью, какъ и прежде, песчаная; большихъ поперечныхъ овраговъ не встрѣчалось. Тѣмъ не менѣе пришлось бросить еще четырехъ уставшихъ верблюдовъ, всего 19 отъ Лобъ-нора; на лицо осталось 45, да и тѣ большею частію были плохи. Пустынная равнина отъ горъ по прежнему была покрыта довольно высокими (2—3 фута) кустами *Artemisia, Eurotia?, Reaumuria* рѣже *Caragana* и *Calligonum*. Изъ звѣрей изрѣдка встрѣчались лишь *хара-сульты* и еще рѣже *зайцы*, а изъ птицъ только—*саксаульныя сойки* (Podoces Hendersoni) и *черногорлые чекканы* (Saxicola atrogularis), да кое-когда пролетали *больдуруки* (Syrrhaptes paradoxus).

Толанъ-ходжа.

[1]) Мольджа не пробѣгаетъ въ пески потому, что ранѣе расплывается въ солончакахъ.

[2]) Найдена лишь единичнымъ экземпляромъ и болѣе этотъ видъ не встрѣчался.

Рѣка Толанъ-ходжа тамъ, гдѣ мы ее перешли [1]), течетъ на абс. выс. 8,400 футовъ по ущелью, врѣзанному въ почву на глубину отъ 800—1,000 футовъ. Спускъ и подъемъ сюда круты и очень трудны для верблюдовъ. Внизу описываемое ущелье представляетъ почти совершенно безплодную рытвину не болѣе какъ 10—20 саженъ шириною. Бока ея обставлены отвѣсными конгломератовыми стѣнами отъ 150—200 футовъ вышины. Мѣстами эта рытвина съуживается даже на 3—5 саженъ, такъ что рѣка течетъ совершеннымъ корридоромъ. Своими размѣрами р. Толанъ-ходжа, какъ мы ее видѣли ($1^1|_2$—2 саженъ ширины и 1 футъ глубины), меньше не только Кара-мурана и Мольджа, но даже сосѣдней р. Бостанъ-туграк. Тѣмъ не менѣе насъ увѣряли, что описываемая рѣка приходитъ съ плато Тибета; по другимъ свѣдѣніямъ она вытекаетъ изъ той же снѣговой группы, откуда беретъ начало и р. Бостанъ-тугракъ.

Трудно, даже невозможно было разобраться въ этомъ хаосѣ разнорѣчивыхъ показаній, тѣмъ болѣе безъ переводчика, ничего не видя собственными глазами и ежедневно подвигаясь словно ощупью въ пыльной мглѣ атмосферы. «Нижняя» Черченская дорога переходитъ черезъ р. Толанъ-ходжа въ ур. Яръ-тунгузъ. Еще верстъ черезъ 25 внизъ по той же рѣкѣ лежатъ, какъ мы слышали, пастбищныя мѣста въ ур. *Анджала*; здѣсь въ двухъ сакляхъ живутъ пастухи со скотомъ изъ оазиса Нія. Рыбы во всѣхъ вышеописанныхъ рѣчкахъ, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ мы ихъ переходили, нѣтъ вовсе.

Въ горахъ между рр. Бостанъ-тугракъ и Толанъ-ходжа, верстахъ въ 15 къ югу отъ верхней Черченской дороги, находится *мазаръ* (святая гробница) *Унчеликъ-пашимъ* (или Унчеликъ-ханымъ), гдѣ погребена родная сестра весьма почитаемаго въ Вост. Туркестанѣ, святого Имамъ-Джаферъ-Садыка. Названный мазаръ расположенъ въ ключевой долинѣ; возлѣ него, какъ говорятъ, лежатъ около сотни сакель. Богомольцы приходятъ сюда въ большомъ числѣ не только изъ ближайшихъ оазисовъ, но даже изъ Кашгара. Преданіе гласитъ, что сестра вышеназваннаго святого, преслѣдуемая мачинцами, желавшими ее убить, убѣжала въ горы и тамъ, гдѣ нынѣ находится мазаръ, уже настигаемая своими врагами, махнула платкомъ на одну изъ горъ. Тогда эта гора разступилась и приняла въ себя святую дѣвицу; но затворилась вслѣдъ за нею такъ неудачно, что защемила косу спасенной. Кончикъ этой

[1]) Здѣсь, на лѣвомъ берегу описываемой рѣки, стоитъ изолированная и довольно высокая сланцевая гора; на правомъ берегу той же рѣки горки гораздо меньше.

Рѣка Толанъ-ходжа [illegible], [illegible] мы ее перешли [1]), течетъ на абс. выс. 8,400 футовъ по [illegible], [illegible] въ почву на глубину отъ 800—1,000 футовъ. [illegible] сюда круты и очень трудны для [illegible]. [illegible] ущелье представляетъ почти совершенно [illegible] не болѣе какъ 10—20 саженъ шириною. [illegible] конгломератовыми стѣнами отъ 150—200 футовъ [illegible] съуживается даже до 3—5 [illegible] коридоромъ. [illegible] раз- [illegible] ($1\frac{1}{2}$—2 саженъ ширины [illegible], но даже [illegible], что опасы- [illegible] она [illegible] начало въ р. [illegible]

[illegible] раз- [illegible] не видя [illegible] въ пыль- [illegible] черезъ [illegible] 25 внизъ по [illegible] въ ур. [illegible] изъ [illegible], по крайней мѣрѣ, [illegible]

[illegible] и Толанъ-ходжа, верстахъ [illegible], находится *мазаръ* (свя- [illegible], гдѣ погребена [illegible] въ Вост. Туркестанѣ, святого Имамъ- [illegible] ключевой долинѣ; [illegible]. Богомольцы приходятъ [illegible] оази- совъ, но даже изъ [illegible]. Преданіе [illegible], что [illegible] убѣжала [illegible] и тамъ, гдѣ нынѣ находится мазаръ, [illegible] своими врагами, махнула платкомъ [illegible]. Тогда эта гора разступилась и приняла въ себя святую дѣвицу, [illegible] вслѣдъ за нею такъ неудачно, что [illegible]. Кончикъ этой

[1]) Здѣсь, на лѣвомъ берегу [illegible] изолированная и довольно высокая сланцевая гора; на правомъ берегу [illegible] гораздо меньше.

Фотограф съ нат. В. И. Роборовскаго.

СВЯЩЕННЫЯ ИВЫ НА КЛЮЧѢ СУГЭТѢ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 72.

косы и поныне показывается верующимъ. Изъ той же скалы бьетъ ключъ, вода котораго выноситъ мелкіе известковые камешки цвѣта краснаго, бѣлаго и желтаго. Правовѣрные весьма цѣнятъ такіе камешки и говорятъ, что это слезы скрывшейся святой, которая до сихъ поръ плачетъ внутри горы о людскихъ грѣхахъ. Черезъ описанный мазаръ и далѣе по ущелью р. Толанъ-ходжа, по словамъ туземцевъ, въ древности пролегала на плато Тибета колесная дорога, о которой уже было выше упомянуто. Быть можетъ, и теперь здѣсь удобнѣе перейдти, чѣмъ гдѣ либо черезъ Русскій хребетъ, конечно, только не на верблюдахъ.

Движеніе къ оазису Нія.

Отъ р. Бостанъ-тугракъ до оазиса Нія намъ уже не пришлось лазить по столь глубокимъ ущельямъ, какъ до сихъ поръ, ибо дорога сначала лежала нѣсколько поодаль отъ горъ, а затѣмъ отъ р. Эякъ повернула въ діагональномъ направленіи къ юго-западу. Однако усталые верблюды все-таки вынуждали дѣлать лишь небольшіе переходы. Пыльная мгла, бури, безплодіе—все это, какъ и прежде, сопровождало насъ.

На первыхъ двухъ ночевкахъ возлѣ маленькихъ ключей *Юлгунъ-булакъ* и *Сугетъ-булакъ* мы встрѣтили одиночныя сакли мачинцевъ, которые засѣваютъ небольшія лёссовыя площадки и орошаютъ ихъ водою, по временамъ добѣгающею сюда изъ горъ. На ключѣ Юлгунъ удалось снять фотографіи съ нѣсколькихъ горныхъ мачинцевъ. Вечеромъ надъ небольшою ямкою воды, образуемою тѣмъ же ключемъ, летало много *летучихъ мышей* трехъ видовъ; совмѣстно съ казаками мы набили ихъ хворостинами достаточно для своей коллекціи [1]).

Возлѣ ключа Сугетъ, лежащаго только въ шести верстахъ западнѣе Юлгуна, расположено старинное кладбище (мазаръ), на которомъ растутъ 20 громадныхъ *ивъ* (Salix alba? var.). Въ вышину названныя деревья имѣютъ лишь отъ 40—50 футовъ, но замѣчательны толщиною своихъ стволовъ. Эти стволы поднимаются невысоко надъ землею; иногда отъ самой почвы дѣлятся на части, змѣеобразно изогнутые и пускающіе новые корни. Въ особенности велики семь деревьевъ изъ общаго ихъ числа. Два изъ нихъ имѣютъ: одно въ окружности у корня $42\frac{1}{2}$ фута, другое—$36\frac{1}{2}$ фут.; еще одно со своими пятью изогнутыми и наклоненными къ землѣ стволами покрываетъ площадь въ 135 шаговъ по окружности [2]). Какъ ни быстро растетъ ива въ здѣшнемъ климатѣ, все-таки, мнѣ кажется, что описанныя деревья имѣютъ возрастъ въ нѣсколько вѣковъ.

[1]) Замѣчательно, когда убитая или раненая мышь падала на воду, ее хватали *жабы* (Bufo viridis) и утаскивали съ собою.

[2]) Первое и третье изъ описываемыхъ деревьевъ помѣщены на приложенной фототипіи.

Отъ небольшой рѣчки *Эякъ* [1]), протекающей на разстояніи 11 верстъ отъ ключа Сугетъ, дорога въ оазисъ Нія принимаетъ, какъ вышеупомянуто, юго-западное направленіе. По мѣрѣ удаленія отъ горъ растительность пустыни становится еще бѣднѣе, хотя почва вначалѣ достаточно песчана. Такъ до р. *Чижганъ*, гдѣ мы ночевали. Названная рѣчка вытекаетъ изъ ледниковъ Русскаго хребта и теряется, какъ говорятъ, не добѣгая немного «нижней» Черченской дороги, въ мѣстности поросшей туграком и джангаломъ. Вскорѣ по выходѣ изъ горъ Чижганъ, конечно, течетъ въ глубокомъ ущельи, но тамъ, гдѣ мы переходили эту рѣчку, ея русло врѣзано въ почву не глубже какъ на 5—6 саженъ; ширина такой рытвины отъ 10—15 саженъ. Сама рѣка имѣетъ двѣ-три сажени ширины и глубину отъ 1—1½ футовъ; теченіе весьма быстрое; дно и берега усыпаны крупными валунами; кое-гдѣ растутъ здѣсь *тамарискъ* и *Ephedra*.

Лишь только мы поставили на Чижганѣ свой бивуакъ, какъ пріѣхалъ на встрѣчу намъ хакимъ оазиса Нія, Надимъ-бекъ, съ нѣсколькими приближенными. По мусульманскому обычаю они привезли *дастаръ-ханъ*, т. е. угощеніе, состоявшее изъ шепталы, изюма, булокъ и т. п. Спустя около часа времени встрѣчавшіе уѣхали обратно. Нашъ вожакъ афганецъ почему-то не долюбливалъ Надимъ-бека и весьма наивно объяснялъ, за неимѣніемъ переводчика, пантомимами, что названный бекъ сильно наживается на счетъ управляемаго имъ округа. Совмѣстно съ непонятнымъ для насъ разсказомъ, афганецъ выставлялъ три пальца своей правой руки, затѣмъ отгибалъ одинъ, что обозначало только третью часть доходовъ, удѣляемую китайцамъ; два же другихъ пальца Айсаханъ пряталъ за пазуху, наглядно такимъ образомъ показывая, какъ Надимъ-бекъ набиваетъ свой карманъ.

Кстати сказать, что этотъ довольно смѣтливый вожакъ все-таки весьма плохо, какъ и всѣ туземцы, опредѣлялъ разстоянія, особенно для болѣе значительныхъ переходовъ. Единицею линейной мѣры здѣсь, какъ и въ западномъ Туркестанѣ, служитъ *ташъ*, который долженъ заключать въ себѣ 12 тысячъ шаговъ, слѣдовательно среднимъ числомъ 8 нашихъ верстъ. Но мѣра эта почти всегда произвольная, такъ что величина таша варьируется отъ 5 до 8 и даже до 9 верстъ.

Отъ р. Чижганъ мы прошли двойнымъ переходомъ въ теченіе одного дня 36 верстъ до оазиса Нія. Мѣстность по прежнему представляла

[1]) Эта рѣчка, какъ говорятъ, образуется въ горахъ изъ ключей и теряется немного ниже пересѣченія ея верхнею черченскою дорогою.

покатую безплодную равнину; только почва сдѣлалась болѣе щебневою. Мѣстами на продолженіи горныхъ ущелій приходилось переходить широкія полосы наноснаго булыжника; послѣднія же 10 верстъ этотъ булыжникъ лежалъ сплошь. Растительности по пути почти не было вовсе; лишь кое-гдѣ торчали небольшіе одиночные кустики *Reaumuria*, *Sympegma?* и *Ephedra*.

Оазисъ Нія расположенъ на абс. высотѣ 4,600 футовъ, по обѣ стороны рѣки того же имени, верстахъ въ 50 по выходѣ ея изъ хребта Русскаго. Тамъ эта рѣка называется *Улуксай* и беретъ свое начало въ обширныхъ ледникахъ. Оросивъ оазисъ Нія, она пробѣгаетъ еще верстъ 70 въ сыпучихъ пескахъ и наконецъ теряется въ почвѣ. За исключеніемъ лѣтняго періода, Нія-дарья, бѣдна водою. Во второй половинѣ мая русло ея въ описываемомъ оазисѣ было почти сухо; лишь мѣстами имѣлись искусственныя запруды, гдѣ однако воды было скоплено сравнительно немного. Жители главнымъ образомъ пользовались водою изъ колодцевъ, которые выкопаны здѣсь почти при каждой саклѣ; кромѣ того во многихъ садахъ имѣются небольшіе пруды (бостанъ). Лѣтомъ, въ періодъ дождей въ горахъ и усиленнаго таянія ледниковъ, Нія-дарья, по словамъ туземцевъ, представляетъ собою рѣку въ 25—30 саженъ шириною, при глубинѣ мѣстами до 4—5 футовъ. Его описаніе.

По распроснымъ свѣдѣніямъ въ оазисѣ Нія считается отъ 1,000—1,200 дворовъ, слѣдовательно можно положить число жителей отъ 5—6,000 душъ обоего пола. Все это мачинцы, но испорченные, какъ физически, такъ еще болѣе нравственно, главнымъ образомъ отхожимъ промысломъ на золотые пріиски. Въ особенности сильно развитъ между здѣшними обитателями сифилисъ, который, какъ говорятъ, принесли съ собою китайцы, и мѣръ къ его прекращенію никакихъ не принимаютъ. Намъ самимъ приходилось видѣть, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, невообразимо изуродованныхъ названною болѣзнью. Кромѣ того, жители Нія вообще мелки ростомъ и слабаго сложенія. Обыденное платье, по крайней мѣрѣ лѣтнее, носятъ почти всѣ изъ бѣлой, мѣстнаго производства, дабы; между тѣмъ какъ въ Черченѣ мы встрѣтили болѣе пестрое одѣяніе. Предметы же одежды тамъ и здѣсь одинаковы: длинная рубашка и панталоны, сверху халатъ, подпоясанный кушакомъ, на ногахъ чирки или сапоги (съ каблуками и желѣзными подковками), на головѣ барашковая (черная или бѣлая) шапка.

Какъ и въ другихъ оазисахъ, главное занятіе жителей Нія составляетъ земледѣліе. Сорты хлѣба и другихъ посѣвовъ тѣ же, что и въ Черченѣ; прибавился здѣсь только рисъ. Въ садахъ тѣ же фрукты.

Изъ нихъ въ половинѣ мая шелковица (бѣлая и черная) уже поспѣла; абрикосы вполнѣ сформировались, но еще были зелены; персики достигали величины мелкаго грецкаго орѣха; виноградъ, джида и ююба (Zizyphus vulgaris) цвѣли. Полевые посѣвы, за неимѣніемъ воды для орошенія полей, были плохи; только люцерна поднималась въ это время на $^1|_2$ фута; пшеница и ячмень лишь кое-гдѣ достигали 1 фута вышины; арбузы и дыни только что засѣвались. По словамъ туземцевъ, такъ бываетъ почти каждый годъ, вслѣдствіе поздняго появленія воды въ р. Нія-дарья. Помимо земледѣлія, здѣсь развито и скотоводство. На окрестныхъ оазису болотахъ много пасется барановъ, ословъ, коровъ и частью лошадей; послѣднія почти исключительно кобылы и жеребята, ибо жеребцовъ и мериновъ отбираютъ китайцы. Отхожій промыселъ обитателей Нія, какъ вышеупомянуто, составляютъ работы на золотыхъ пріискахъ, всего болѣе на ближайшемъ изъ нихъ — *Сорıакъ,* который лежитъ на р. Нія-дарья при выходѣ ея изъ горъ. На этомъ пріискѣ, какъ говорятъ, скопляется отъ 700—1,000 рабочихъ, иногда больше, иногда меньше, смотря по времени года.

На той же Нія-дарья, верстахъ въ 60 отъ оазиса, внизъ по теченію, слѣдовательно въ сыпучихъ пескахъ, находится мазаръ, гдѣ похороненъ *Имамъ-Джаферъ-Садыкъ*, высокочтимый туземцами магометанскій святой. Ежегодно къ названному мазару стекаются большія толпы богомольцевъ, даже изъ самыхъ удаленныхъ частей Вост. Туркестана.

Постоянной торговли въ оазисѣ Нія нѣтъ. Только однажды въ десять дней здѣсь бываетъ базаръ, на который пріѣзжаютъ торговцы изъ Кэріи. Торгъ производится ограниченный, предметами необходимыми для обихода мѣстныхъ жителей; достаточно привозятъ русскихъ красныхъ товаровъ (ситцы, кумачъ, платки и пр.), бываетъ также нашъ сахаръ, зажигательныя спички и т. п. Самъ оазисъ ничего для вывоза не производитъ; лишь на золотой пріискъ Соргакъ доставляется отсюда скотъ и частію хлѣбъ. Дикорастущая флора описываемаго оазиса, весьма бѣдная. Чаще другихъ здѣсь попадаются: *тамарискъ* (Tamarix Pallasii, T. elongata), *солодка* (Glycyrrhiza uralensis), *туıракъ*, *брунецъ* (Sophora alopecuroides), *Sphaerophysa salsula*, а по болотамъ *тростникъ* и *куıа*; на тѣхъ же болотахъ, верстахъ въ пяти пониже оазиса, въ изобиліи растутъ—*бѣлый шиповникъ* (Rosa Beggeriana) и *кендырь* (Apocynum venetum, A. pictum, A. Hendersoni). Всего нами было собрано въ Нія 27 видовъ цвѣтущихъ растеній. Изъ нихъ къ вышеназваннымъ можно еще добавить наиболѣе обыкновенныя: *буркунъ* (Medicago falcata), *гусеночникъ* (Eruca sativa), *вьюнокъ* (Convolvulus arvensis), *девясилъ* (Inula ammophila)

на поляхъ; *козлецъ* (Scorzonera mongolica n. sp.)—по лугамъ; *ситникъ* (Scirpus uniglumis, S. littoralis, S. Tabernaemontani), *жабикъ* (Iuncus bufonicus) *Triglochin palustre, Typha stenophylla*—по болотамъ.

Изъ крупныхъ млекопитающихъ, внизъ по Нія-дарья водится, какъ говорятъ, много *кабановъ*, а изъ мелкихъ мы нашли въ самомъ оазисѣ только *летучихъ мышей* и *песчанокъ* (Gerbillus Przewalskii n. sp.). Среди птицъ встрѣчены тѣ же, что и въ Черченѣ, съ добавленіемъ *розоваго скворца* (Pastor roseus), *полуночника* (Caprimulgus europaeus), *полевой славки* (Sylvia cinerea), *стренатки* (Emberiza brunniceps), *варакушки* (Cyanecula coerulecula), *горлицы* (Turtur auritus) и *иволги* (Oriolus kundoo) [1]). На обширныхъ болотахъ, лежащихъ по р. Нія-дарья верстахъ въ пяти ниже оазиса [2]), мы нашли много гнѣздящихся *горлицъ* (Turtur auritus), *красноногихъ куликовъ* (Totanus calidris), *Rhopophilus deserti* и *фазановъ* (Phasianus insignis); послѣдніе представляютъ тотъ самый видъ, что на Таримѣ, Лобъ-норѣ, на Черченской и Хотанской рѣкахъ, да, вѣроятно, и во всемъ таримскомъ бассейнѣ. Изъ земноводныхъ въ Нія найдена была только *жаба* (Bufo viridis), довольно здѣсь обыкновенная; изъ пресмыкающихся — 5 видовъ ящерицъ: *Eremias intermedia? Eremias Pylzowi, Phrynocephalus axillaris, Stellio Stoliczkanus, Teratoscincus Przewalskii*; змѣй, какъ говорятъ, здѣсь нѣтъ вовсе. Рыбы въ Нія-дарья мало; та, которая есть, скопилась при насъ въ запрудахъ. Здѣсь были пойманы только два вида: *маринка* (Schizothorax chrysochlorus) и *голецъ* (Nemachilus bombifrons, n. sp.). Насѣкомыхъ въ описываемомъ оазисѣ немного, даже мошекъ и комаровъ; за то изобильны *тарантулы*.

Въ оазисѣ Нія мы провели цѣлую недѣлю. Стоянка была отличная, возлѣ одной изъ запрудъ на р. Нія-дарья. Здѣсь мы купались и ловили рыбу. Кормъ для караванныхъ животныхъ также имѣлся въ обиліи. Мѣстные жители весьма къ намъ были расположены и при всякомъ удобномъ случаѣ выражали такое расположеніе. У нихъ мы покупали продукты и продовольствовались отлично. Мальчишки постоянно таскали на продажу ягоды шелковицы—бѣлыя и черныя. Сначала онѣ намъ не нравились; но потомъ мы «вошли во вкусъ» и объѣдались этими ягодами за неимѣніемъ чего лучшаго.

[1]) Иволга вѣроятно закончила собою весенній прилетъ птицъ въ таримскомъ бассейнѣ. Въ маѣ здѣсь замѣчены въ прилетѣ слѣд. виды: 1 числа — *Petrocincla saxatilis, Sylvia cinerea, Cotyle riparia*; 9—*Phylloscopus tristis*; 10—*Emberiza brunniceps*; 14—*Caprimulgus europaeus*; 18—*Oriolus kundoo*; послѣдняя прилетѣла быть можетъ немного раньше.

[2]) Здѣсь р. Нія-дарья уже вступаетъ въ сыпучіе пески; ширина ея долины въ указанномъ мѣстѣ около трехъ верстъ.

Общій характеръ здѣшнихъ оазисовъ.

Вышеописанный оазисъ Нія начинаетъ собою на юго-востокѣ таримскаго бассейна длинный рядъ такихъ же оазисовъ, которые съ бо̀льшими или меньшими промежутками, тянутся здѣсь вдоль подошвы Куэнълюня, Памира и Тянъ-шаня. Такимъ образомъ всѣ они лежатъ по окраинѣ таримской котловины, тамъ гдѣ притекающая съ горъ вода доставляетъ необходимую влагу для орошенія (частью и для выщелачиванія) весьма плодородной лёссовой почвы. Поэтому величина каждаго оазиса зависитъ прежде всего отъ мѣстнаго количества воды: на главныхъ рѣкахъ Вост. Туркестана расположены и наиболѣе обширные здѣсь оазисы; на малыхъ же рѣчкахъ, или ручьяхъ лежатъ оазисы небольшіе. Первые состоятъ изъ центральнаго мѣста—города и бо̀льшаго или меньшаго количества деревень, то скученныхъ, то разбросанныхъ иногда на значительномъ пространствѣ; въ послѣднихъ усадьбы всего чаще стоятъ отдѣльными фермами.

Общій видъ и характеръ тѣхъ и другихъ оазисовъ одинаковы. Главное занятіе жителей — земледѣліе и садоводство. Благодаря обилію рабочихъ рукъ, теплому климату и необыкновенному плодородію лёссовой почвы, при достаточномъ ея орошеніи, земледѣльческая культура достигла здѣсь, еще въ глубокой древности, высокой степени совершенства. Неутомимая нужда заставила туземцевъ до крайности изощриться въ проведеніи оросительныхъ канавъ (арыковъ), которые, развѣтвляясь словно вены и артеріи въ животномъ организмѣ, оплодотворяютъ каждый клочекъ обрабатываемой земли. Удивительнымъ для непривычнаго глаза образомъ перекрещиваются и распредѣляются эти арыки по оазису: они то текутъ рядомъ, только на разной высотѣ, то пробѣгаютъ по деревяннымъ жолобамъ одинъ надъ другимъ, то, наконецъ, струятся по тѣмъ же жолобамъ черезъ плоскія крыши сакель. Всюду вода приноситъ здѣсь собою жизнь—она не только поитъ почву, но и оплодотворяетъ ее лёссовымъ иломъ. Главные арыки, отъ которыхъ отдѣляются меньшіе, нерѣдко приводятся въ оазисъ издалека, за много верстъ отъ рѣки, которая если затѣмъ течетъ по оазису, то уже на гораздо низшемъ уровнѣ, чѣмъ поля и сады, орошаемые ея водою. Самая обработка полей, не говоря про сады и огороды, превосходная. Земля разрыхлена такъ, что въ ней нѣтъ малѣйшаго комочка; притомъ все поле выдѣлано небольшими грядками, на которыхъ сѣется зерно, а бороздки наполняются водою. Когда напустить эту воду, когда запереть ее—зависитъ отъ усмотрѣнія хозяина, до тонкости знающаго свое дѣло. Поля, обыкновенно небольшія, нерѣдко расположены террасами одно подъ другимъ для удобства поливки. Очередь пользованія водою соблюдается

строгая; за этимъ наблюдаетъ въ каждомъ оазисѣ особый старшина (мирабъ). Рисовые посѣвы дѣлаются на самыхъ низкихъ мѣстахъ и почти постоянно находятся подъ водою, какъ того требуетъ воздѣлываемое зерно.

Въ каждую саклю, въ каждый садикъ и огородъ, мало того, къ каждому большому дереву, если только оно стоитъ въ сторонѣ — всюду проведены арыки, то запирающіеся, то отворяющіеся для воды, смотря по надобности. Берега арыковъ обыкновенно обсажены тополями, ивою, джидою и шелковицею. Эти деревья доставляютъ тѣнь и служатъ для топлива. Обращаются съ ними самымъ ласковымъ, если такъ можно выразиться, образомъ. За то деревья растутъ быстро и хольно. Въ теченіе семи-восьми лѣтъ тополь даетъ строевое бревно, а черезъ 30—35 лѣтъ достигаетъ двухъ обхватовъ въ толщину, при вышинѣ около 100 футовъ. Для топлива дерево (ива, тополь) срубаютъ сажени на двѣ отъ земли и самый срубъ замазываютъ глиною, чтобы предотвратить высыханіе. Такой стволъ вскорѣ пускаетъ новые побѣги, которые быстро разростаются густою, красивою шапкою, въ особенности у ивы. Одни только засохшія деревья срубаются подъ корень.

Во всѣхъ оазисахъ засѣваютъ: на поляхъ—пшеницу, ячмень, кукурузу, рисъ, горохъ, просо, клеверъ, арбузы, дыни, табакъ и хлопокъ; въ огородахъ—лукъ, рѣдисъ, рѣдьку, морковь, огурцы, тыкву и зелень для кухни. Въ садахъ растутъ абрикосы, персики, виноградъ, яблоки, груши, сливы, гранаты, грецкіе орѣхи, ююба и шелковица [1]); здѣсь же нерѣдко имѣются небольшіе пруды (бостанъ), а также цвѣтники, въ которыхъ разводятся розы, астры, бархатцы, бальзамины и другіе цвѣты. Огороды возлѣ сакель обыкновенно весьма миніатюрны, да и овощи въ нихъ произрастающія плохи. Несравненно лучше и обширнѣе въ тѣхъже оазисахъ сады. Въ нихъ уходъ за деревьями самый заботливый, растутъ эти деревья превосходно и даютъ отличные плоды. Жаль только, что туземцы начинаютъ рвать ихъ еще сырыми, да и со зрѣлыми обращаются небрежно. Абрикосы, персики и виноградъ сушатъ. Въ такомъ видѣ эти плоды составляютъ неизмѣнную принадлежность всякаго дастаръ-хана (угощенія). Яблоки, дыни и виноградъ сохраняются свѣжими во всю зиму. Вообще, свѣжіе плоды лѣтомъ, а сушеные зимою служатъ большимъ подспорьемъ къ пищѣ мѣстнаго населенія.

Однако, какъ ни очаровательны съ виду всѣ вообще оазисы, въ особенности при рѣзкомъ контрастѣ съ сосѣднею пустынею, но въ боль-

[1]) Миндаля и фисташекъ нѣтъ въ Вост. Туркестанѣ.

шей части изъ нихъ бѣдность и нужда царятъ на каждомъ шагу. Тѣснота, вслѣдствіе многолюдства, служитъ тому главною причиною. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ Хотанѣ, Чира, Кэрія, и др. меньшихъ оазисахъ по сосѣдству [1]). Здѣсь на семью въ 5—6 душъ едва ли придется $1^1|_2$—2 десятины земли; обыкновенно земельный надѣлъ еще меньше. Правда, недостатокъ этотъ отчасти пополняется отличнымъ урожаемъ хлѣбовъ и двойнымъ посѣвомъ въ теченіе одного лѣта, а также умѣренностью туземцевъ относительно пищи. Но все-таки множество семействъ принуждены бываютъ перебиваться изо дня въ день съ весны до новой жатвы. Не говоря про то, что даже сырые абрикосы съ добавкою ягодъ шелковицы составляютъ тогда обыденную пищу для многихъ обитателей оазисовъ [2]), мы видали, какъ хозяева задолго до жатвы собираютъ на своихъ крошечныхъ поляхъ болѣе зрѣлые колосья ячменя и, набравъ ихъ горсть или двѣ, несутъ на продовольстіе семьи. Въ тѣхъ же оазисахъ можно часто видѣть привязанными подъ шелковичными деревьями ословъ или козъ, которые цѣлый день подбираютъ изрѣдка падающія на землю ягоды; сплошь и кряду встрѣчаются также наарканенные на самой малой площадкѣ чуть замѣтнаго корма ослы и одиночные бараны; нерѣдко туземецъ держитъ въ рукахъ такой арканъ и цѣлый день переводитъ свое животное съ мѣста на мѣсто; или иногда встрѣчается хозяинъ, который сбиваетъ палкою листья съ ивы, переходя отъ одного дерева къ другому, а сзади слѣдуютъ нѣсколько его барановъ и оселъ, поѣдая эти листья.

Къ столь незавидной долѣ многихъ туземцевъ слѣдуетъ еще прибавить полную деспотію всѣхъ власть имущихъ, огромныя подати, эксплоатацію кулаковъ, притѣсненія отъ китайцевъ — чтобы понять, какъ не сладко существованіе большей части жителей оазисовъ даже среди сплошныхъ садовъ ихъ родного уголка. И еще нужно удивляться, какъ при подобной обстановкѣ, лишь немного видоизмѣняемой въ теченіе долгихъ вѣковъ, не привились къ населенію крупные пороки, напр. воровство, убійство и т. п. Или уже загнанный характеръ, сдѣлался пассивнымъ къ требованіямъ жизни и замѣнилъ безусловною покорностью всякіе активные порывы.

Стоянка въ деревнѣ Ясулгунъ.

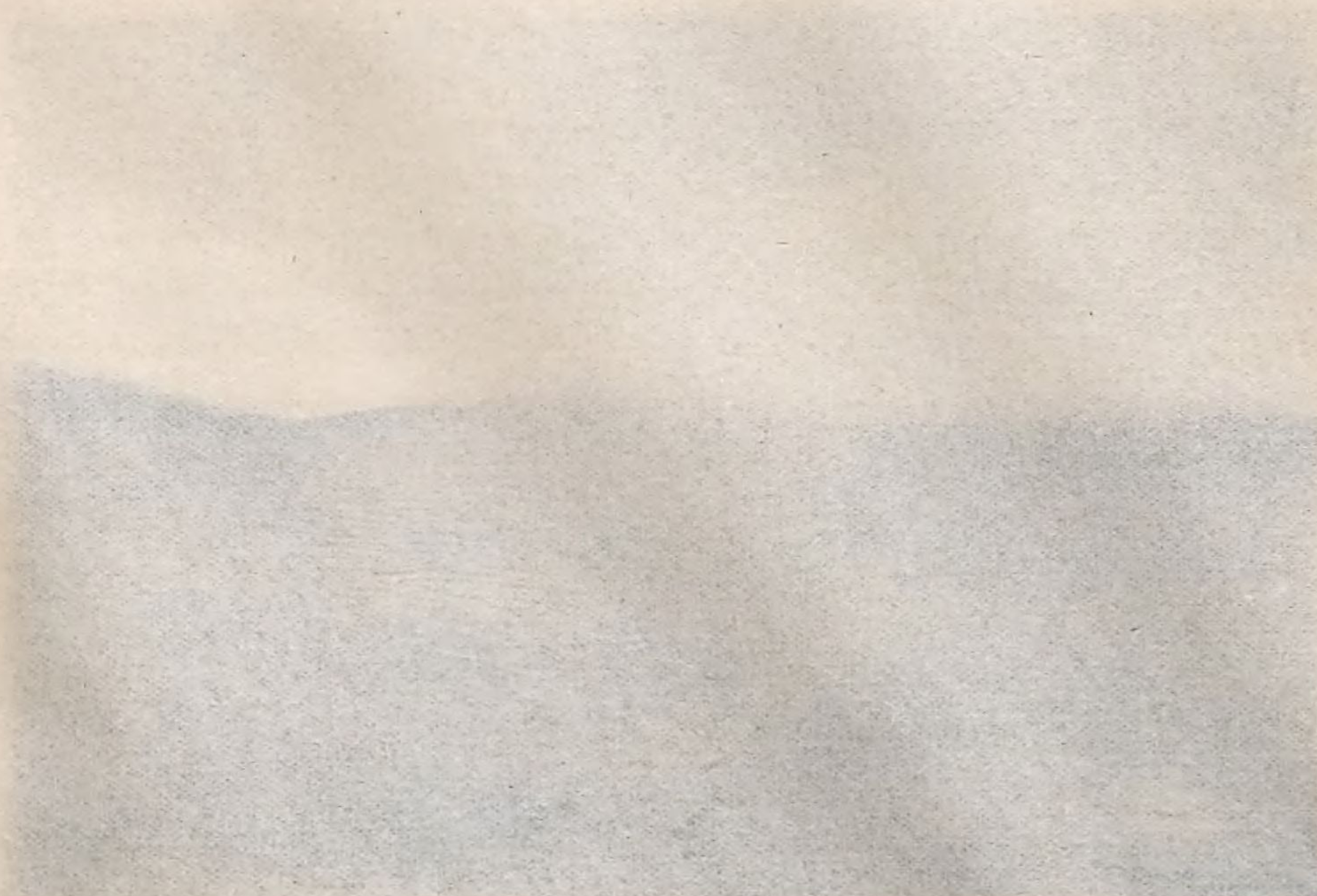
Отъ Ніи до Кэріи, гдѣ разстояніе 93 версты, дорога по прежнему вьючная, хотя съ трудомъ, пожалуй, можно проѣхать здѣсь и

[1]) Въ при-тянъ-шаньскихъ оазисахъ, какъ напр. въ Аксу, гораздо просторнѣе; тамъ можно даже значительно увеличить количество обрабатываемой нынѣ земли.

[2]) Когда же абрикосы и персики поспѣютъ, то ихъ зачастую ѣдятъ вмѣстѣ съ косточками, лишь бы набить желудокъ.

ОАЗИСЪ

Роборовскаго

ТОГО-ЖЕ ОАЗИСА

[illegible] и нужда царятъ на каждомъ шагу. Тѣ[illegible] служитъ тому главною причиною. Такъ, [illegible] Керія, и др. меньшихъ оазисахъ [illegible] 5—6 душъ едва ли придется [illegible] земельный надѣлъ еще меньше. [illegible] отличнымъ урожаемъ [illegible] одного лѣта, а также умѣ[illegible]. Но все-таки множество се[illegible] въ день съ весны [illegible] то, что даже сырые абрикосы [illegible] обыденную пищу для [illegible], какъ [illegible] задолго до [illegible] болѣе зрѣлые колосья [illegible] на пропитаніе семьи. [illegible] подъ [illegible] день подбираютъ [illegible] встрѣчаются [illegible] замѣтнаго кор[illegible] въ рукахъ [illegible] съ мѣста на мѣсто [illegible] листья съ ивы, переходя отъ [illegible] другому, [illegible] слѣдуютъ нѣсколько его барановъ и оселъ, [illegible] эти листья.

Къ столь незавидной долѣ [illegible] туземцевъ [illegible] еще прибавить полную деспотію всѣхъ [illegible] имущихъ, [illegible] подати, эксплоатацію кулаковъ, притѣсненія отъ [illegible] — чтобы понять, какъ не сладко существованіе [illegible] даже среди сплошныхъ садовъ ихъ родного угола. И еще [illegible], какъ при подобной обстановкѣ, лишь немного видоизмѣнившейся въ теченіе долгихъ вѣковъ, не привились къ населенію крупные пороки, напр. воровство, убійство и т. п. Или уже загнанный характеръ, сдѣлался пассив[illegible] требованіямъ жизни и замѣнилъ безусловною покорностью всякіе [illegible].

[illegible] до Кэріи, гдѣ [illegible], дорога по преж[illegible], хотя съ трудомъ, [illegible] проѣхать здѣсь и

[illegible]

[illegible] оазисахъ, [illegible] Аксу, гораздо просторнѣе; тамъ [illegible] увеличить [illegible] обрабатываемой нынѣ земли.

[illegible] и персики [illegible], то ихъ зачастую ѣдятъ вмѣстѣ съ [illegible] желудокъ.

ОАЗИСЪ ЯСУЛГУНЪ.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

ВИДЪ СЫПУЧИХЪ ПЕСКОВЪ БЛИЗЪ ТОГО-ЖЕ ОАЗИСА.

Фототипія В. Кіасенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

на двухколесной арбѣ. Первый безводный переходъ занимаетъ 51 версту; для небольшаго отдыха лежитъ на 15 верстъ ближе станція *Аврасъ*, гдѣ воды также нѣтъ и ее привозятъ съ собою; иногда-же лѣтомъ вода временно сюда прибѣгаетъ по сосѣднему ущелью. На днѣ этого ущелья пробовали копать колодезь и, какъ говорятъ, вырыли землю на 40 ручныхъ саженъ въ глубину, но воды не достали; работы-же были прекращены послѣ того, какъ обваломъ задавило двухъ рабочихъ.

Мѣстность на описываемомъ безводномъ переходѣ совершенная пустыня, большею частью песчаная; однако большіе пески, придвинувшіеся къ оазису Нія, лежатъ здѣсь нѣсколько поодаль. Сама дорога вообще хороша и на случай пыльной бури обозначена воткнутыми въ землю жердями. Сдѣлали мы этотъ переходъ въ три пріема съ ночевкою на станціи Аврасъ; воду привезли съ собою. Хотя жара стояла сильная ($+37{,}8^0$ въ тѣни 1 часъ дня и $+28{,}7^0$ въ 8 часовъ вечера), но верблюды наши прошли благополучно. На слѣдующій день еще рано утромъ добрались мы до деревни *Ясулгунъ*, гдѣ пробыли нѣсколько сутокъ, ожидая прибытія оставленнаго больнымъ въ Черченѣ переводчика Абдула [1]), безъ котораго трудно было обойтись въ Кэріи.

Названная д. Ясулгунъ представляетъ собою отрадный уголокъ среди дикой пустыни. Всего здѣсь 8 дворовъ, скученныхъ возлѣ довольно большого и глубокаго пруда, обсаженнаго ивами и нѣсколькими тополями. Вода въ этотъ прудъ напускается въ то время, когда приходитъ сюда изъ горъ по сухому руслу, лежащему на продолженіи р. *Тумая*; тогда-же поливаютъ и поля. Они расположены вокругъ деревни и всѣ вмѣстѣ, пожалуй, не достигаютъ одного десятка нашихъ десятинъ. При сакляхъ, какъ обыкновенно, разведены небольшіе сады; внѣ ихъ также растутъ абрикосовыя и шелковичныя деревья, достигающія до 50 футовъ вышины при діаметрѣ ствола въ 2 фута.

Жители въ Ясулгунѣ мачинцы, весьма добродушные и привѣтливые; на золотые пріиски не ходятъ. Стоянка выпала намъ здѣсь отличная, подъ шелковичными деревьями на берегу пруда, въ которомъ ежедневно по нѣсколько разъ можно было купаться. Деревенская жизнь шла при насъ обычнымъ чередомъ. Женщины хлопотали по хозяйству; мужчины осматривали поля, исправляли арыки, копались въ садахъ или сидѣли безъ всякаго дѣла; ребятишки бѣгали нагишомъ, валялись въ

[1]) О томъ, что этотъ переводчикъ выздоровѣлъ и ѣдетъ къ намъ, мы узнали еще въ Нія.

пескѣ, купались, играли [1]), иногда-же и дрались между собою; притомъ словно обезьяны лазили по сучьямъ шелковицы, доставая ягоды. Возлѣ сакель рѣзвились ласточки, чирикали воробьи, ворковали голуби, пѣли пѣтухи, клоктали насѣдки съ цыплятами... Словомъ, сельская жизнь здѣсь та же, что и у насъ; народъ сельскій также гораздо нравственнѣе городского. Въ описанной деревнѣ мы пробыли пять сутокъ и весьма подружились за это время со здѣшними жителями. На наше предложеніе снять съ нѣкоторыхъ изъ нихъ фотографіи они согласились съ условіемъ не говорить объ этомъ китайцамъ. Какъ и прежде, женщины охотнѣе фотографировались, да и сидѣли при сниманіи аккуратнѣе мужчинъ, мальчишки-же обыкновенно убѣгали, иные съ плачемъ. По вечерамъ казаки наши пѣли пѣсни и играли на гармоніи. Игра эта вездѣ чрезвычайно нравилась жителямъ Вост. Туркестана; слухъ о столь удивительномъ инструментѣ шелъ далеко впереди насъ, такъ что даже выѣзжавшія намъ навстрѣчу мѣстныя власти, обыкновенно прежде всего просили «послушать музыку».

Въ Ясулгунѣ была отпразднована нами шестая тысяча верстъ пути отъ Кяхты. Такія празднества, конечно, по средствамъ, какія имѣлись налицо, мы устраивали послѣ каждой пройденной тысячи верстъ.

Тѣ же ясулгунцы сообщили теперь намъ нѣсколько интересныхъ подробностей относительно нелѣпой трусости и секретныхъ козней противъ насъ со стороны китайцевъ. Эти послѣдніе не только всюду запретили туземцамъ входить съ нами въ близкія сношенія и сообщать правду на наши распросы, но даже приказали увести въ горы мѣстныхъ верблюдовъ, также частью лошадей и вслѣдъ за ними прогнать стадо барановъ, чтобы скрыть слѣды. Затѣмъ, узнавъ, что мы намѣрены пройдти въ Тибетъ изъ Кэріи, мѣстный китайскій начальникъ послалъ разрушить въ горахъ мостъ и испортить дорогу. Тотъ же начальникъ или, какъ его здѣсь величаютъ, амбань, приказалъ собрать въ Кэріи отъ жителей запасный хлѣбъ, сложилъ его въ восьми сакляхъ и подложилъ мину, чтобы взорвать ее въ случаѣ возстанія жителей по нашемъ приходѣ. Самъ амбань нѣсколько ночей сряду выѣзжалъ съ конвоемъ изъ города и ночевалъ въ палаткѣ, опасаясь быть застигнутымъ врасплохъ. Ранѣе того полицейскіе въ Кэріи отбирали у обывателей небольшіе ножики, носимые на поясахъ, и отламывали у этихъ ножей острые концы,

[1]) Замѣчательно, что ребятишки въ Вост. Туркестанѣ играютъ, устраивая маленькіе арыки, примѣрныя пашни и водяныя мельницы, словомъ, будущій земледѣлецъ виденъ уже въ ребенкѣ.

ШЕЛКОВИЧНЫЯ ДЕРЕВЬЯ ВЪ ОАЗИСѢ ЯСУЛГУНЪ.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскій.

ШЕЛКОВИЧНЫЯ И АБРИКОСОВЫЯ ДЕРЕВЬЯ ВЪ ОАЗИСѢ ЯСУЛГУНЪ.

[illegible] между собою; притомъ [illegible] ягоды. Возлѣ [illegible] голуби, пѣли [illegible], вольная жизнь [illegible] нравственнѣе [illegible] сутокъ и весьма [illegible]. На наше предложеніе [illegible] съ условіемъ [illegible], женщины охотнѣе [illegible] мужчинъ, [illegible]. По вечерамъ [illegible]. Игра эта вездѣ чрез- [illegible] о столь удиви- [illegible], такъ что даже [illegible] прежде всего [illegible].

[illegible] тысяча верстъ [illegible], по средствамъ, какія [illegible] пройденной тысячи [illegible].

[illegible] интересныхъ [illegible] козней про- [illegible] не только всюду запре- [illegible] и сообщать правду [illegible] въ горы мѣстныхъ верб- [illegible] стадо бара- [illegible] пройдти [illegible] разру- [illegible] начальникъ или, [illegible] приказалъ собрать въ Кэріи отъ жи- [illegible] сакляхъ и подложилъ мину, [illegible] жителей по нашемъ приходѣ. [illegible] съ конвоемъ изъ города [illegible] врасплохъ. Ра- [illegible] въ Кэріи [illegible] обывателей небольшіе но- [illegible] на поясахъ, и [illegible] ножей острые концы,

[1]) [illegible] играютъ, устраивая малень- [illegible] будущій земледѣлецъ ви- [illegible].

ШЕЛКОВИЧНЫЯ ДЕРЕВЬЯ ВЪ ОАЗИСѢ ЯСУЛГУНЪ.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

ШЕЛКОВИЧНЫЯ И АБРИКОСОВЫЯ ДЕРЕВЬЯ ВЪ ОАЗИСѢ ЯСУЛГУНЪ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. №7-2.

дабы сдѣлать такое невинное оружіе [1]) еще болѣе безопаснымъ. Кромѣ того китайцы, да и туземцы, были убѣждены, что въ большихъ ящикахъ, гдѣ возились собранныя нами коллекціи, спрятаны наши солдаты. Словомъ, какъ теперь, такъ и послѣ не прекращались нелѣпые слухи и выходки, которыми китайцы, стараясь повредить намъ, заявляли лишь свою трусость и дискредитировали себя въ глазахъ мѣстнаго населенія. Для насъ же ясно теперь стало, что изъ Восточнаго Туркестана мы не могли бы попасть въ Тибетъ и что весьма предусмотрительно нынѣшнее путешествіе начато было изъ Кяхты.

Минулъ между тѣмъ май, первая половина котораго проведена была нами на пути вдоль сѣверной подошвы хребта Русскаго на абс. выс. отъ 8—9 т. футовъ; вторая же—въ оазисахъ Нія и Ясулгунъ при абс. выс. въ 4,500 фут. Въ зависимости отъ различія этихъ высотъ обѣ половины описываемаго мѣсяца различались между собою всего болѣе относительно температуры. Хотя и въ первой половинѣ мая ночныхъ морозовъ уже не было, но все-таки термометръ понижался на восходѣ солнца до $+2,3^0$, а въ 1 часъ дня до $+13,5^0$. Съ прибытіемъ нашимъ въ оазисъ Нія (17 числа) начались постоянные жары: на восходѣ солнца тепло стояло отъ $+5,8^0$ до $+25,0^0$, а въ 1 часъ пополудни отъ $+26,0^0$ до $+37,8^0$; при этомъ только четыре раза было ниже $+30,0^0$. Климатъ мая.

Облачная погода въ маѣ рѣшительно преобладала, въ особенности въ первой половинѣ этого мѣсяца. Всего считалось въ немъ облачныхъ дней—17; полуоблачн.—5; пасныхъ—5 и ясно-пыльныхъ—4. Притомъ атмосфера постоянно была наполнена густою пылью. Она поднималась съ рыхлой песчаной почвы пустыни не только бурею, но даже и обыденнымъ вѣтромъ. Будучи принесена къ горамъ, пыль эта еще сильнѣе здѣсь сгущалась, вѣроятно потому, что не могла по своей тяжести подняться въ высшіе слои воздуха.

Несмотря на постоянную почти облачность, дождь въ теченіе всего мая лишь однажды только крапалъ въ оазисѣ Нія; еще мы наблюдали здѣсь, также однажды за весь описываемый мѣсяцъ, сверкавшую на сѣверѣ горизонта молнію. Даже въ высокихъ горахъ облака не разрѣшались, по крайней мѣрѣ, сильнымъ дождемъ, такъ какъ при подобномъ случаѣ въ сухихъ руслахъ на продолженіи горныхъ ущелій хотя бы временно появлялась вода, чего однако не случалось. Правда, во время нашего пребыванія въ Нія и Ясулгунѣ въ оба эти оазиса пришла по одному разу съ горъ вода, но это случалось послѣ особенно жаркой по-

[1]) Въ Вост. Туркестанѣ туземцамъ запрещено имѣть какое-либо оружіе.

годы, слѣдовательно отъ таянія ледниковъ. Сухость воздуха постоянно была на столько велика, что даже въ куриныхъ яйцахъ, пролежавшихъ всего одну недѣлю, бѣлокъ значительно усыхалъ.

Хотя въ теченіе мая чаще дули сѣв.-вост. вѣтры, но они не имѣли такого исключительнаго преобладанія какъ въ апрѣлѣ; притомъ же нерѣдко стояло затишье. Да и сами вѣтры большею частію являлись порывами, въ особенности въ жаркіе часы дня. Въ это время (часовъ съ 11—4) бѣгали частые и нерѣдко сильные вихри. Сколько мы замѣтили, эти вихри направлялись всегда по вѣтру; притомъ въ гору, даже крутую, вихрь обыкновенно летѣлъ очень быстро; съ горы же всегда спускался тихо. Бурь въ описываемомъ мѣсяцѣ считалось 8; изъ нихъ 4 отъ сѣв.-востока, 2 отъ юго-запада, 1 съ запада и 1 отъ сѣв.-запада. Такимъ образомъ въ юго-восточной части таримской котловины уже перестаютъ исключительно господствовать, какъ на Лобъ-норѣ, бури отъ сѣв.-востока. Косвеннымъ подтвержденіемъ тому служитъ также положеніе песчаныхъ уваловъ въ окрестностяхъ Нія и далѣе къ Кэріи. Здѣсь эти увалы указываютъ на преобладаніе западныхъ вѣтровъ, ибо своею вогнутою обрывистою стороною большею частію обращены на востокъ.

Прибытіе въ Кэрію.

Какъ только пріѣхалъ къ намъ выздоровѣвшій переводчикъ, на другой же день мы вышли изъ Ясулгуна въ Кэрію. Это было 1 іюня. Послѣ сильной бури, дувшей передъ тѣмъ цѣлыя сутки съ запада, юго-запада и юга, ночью, наканунѣ выступленія, и перемежками до полудня слѣдующаго дня, совершенно неожиданно шелъ довольно сильный дождь. Этотъ дождь осадилъ всю пыль изъ атмосферы, такъ что когда разъяснило мы увидѣли, въ первый разъ отъ самаго Лобъ-нора, чистое голубое небо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, также въ первый разъ, ясно былъ виденъ изъ оазиса *Ой-тугракъ*, куда мы въ тотъ день пришли, хребетъ Русскій въ наиболѣе высокой западной своей части. Громадною бѣлою полосою, еще подновленною только что выпавшимъ снѣгомъ, тянулся названный хребетъ, въ направленіи отъ востоко-сѣверо-востока къ западо-юго-западу. Снѣговыя вершины и ледники мѣстами выдѣлялись среди этой бѣлой массы. Въ особенности высоки были: прямо лежавшая на югъ отъ Ой-туграка вершина, названная мною горой *Царя-Освободителя*, а также оставшіяся пока безъимянными двѣ, пожалуй, неменьшія вершины, между ущельями рр. Чижганъ и Тумая. Затѣмъ по ущелью р. Пшкэ виднѣлась, уже на плато Тибета, высокая снѣговая горная цѣпь, которая, какъ было выше говорено [1]), отдѣляется отъ за-

[1]) На основаніи распросныхъ свѣдѣній.

падной окраины хребта Русскаго и уходитъ къ юго-востоку на цѣлый мѣсяцъ пути. Такимъ образомъ, намъ удалось сдѣлать важныя географическія открытія, благодаря лишь тому, что случайный дождь очистилъ на полъ-дня атмосферу отъ пыли. Дѣйствительно, въ ту же ночь подулъ съ песковъ вѣтеръ и опять все заволокло пыльнымъ туманомъ.

Оазисъ Ой-тугракъ, лежащій въ 15 верстъ не доходя съ востока до Кэріи, заключаетъ въ себѣ около 300 дворовъ мачинцевъ. Воды здѣсь мало, ибо она лишь временно приходитъ изъ горъ, по сухому руслу на продолженіи р. Ачанъ. Вокругъ оазиса пески, въ сѣверной части которыхъ лежитъ мазаръ *Камберъ-Пашима* будто-бы ученика Алія. Вообще во всемъ Вост. Туркестанѣ достаточно находится прославленныхъ святыхъ отъ временъ арабскаго нашествія. Согласно преданію, изъ десяти тысячъ арабовъ, пришедшихъ тогда сюда водворить ученіе Магомета, послѣ покоренія ими страны, въ живыхъ остались только 41 человѣкъ.

На пути изъ Ой-туграка въ Кэрію насъ встрѣтили туземныя власти и съ ними китайскій чиновникъ. По обыкновенію, они предложили дастаръ-ханъ, который во всемъ Вост. Туркестанѣ, не исключая даже Черчена и Лобъ-нора, подается на русскихъ подносахъ. Встрѣчавшіе были весьма вѣжливы и сладкорѣчивы, въ особенности китаецъ. Съ ними мы сдѣлали еще нѣсколько верстъ и перейдя въ бродъ р. Кэрія-дарья раскинули свой бивуакъ на ея берегу, вблизи самаго оазиса. Отъ Лобъ-нора удалились мы теперь на 870 верстъ.

ГЛАВА XI.

Лѣтняя экскурсія въ Кэрійскихъ горахъ.

Оазисъ Кэрія. — Наше здѣсь пребываніе. — Переходъ къ деревнѣ Ачàнъ. — Дальнѣйшее движеніе. — Камень юй или нефритъ. — Колонія Полу́. — Неудачный разъѣздъ. — Погода въ іюнѣ. — Хребетъ Кэрійскій. — Флора и фауна его сѣвернаго склона. — Племя мачинъ: наружный типъ, одежда, пища, жилище, утварь и домашняя обстановка, занятія, характеръ и обычаи, языкъ и грамотность, религія и суевѣрія, болѣзни, администрація и подати. — Нашъ путь вдоль Кэрійскихъ горъ. — Постоянные дожди. — Переходъ въ оазисъ Чира. — Посылка за складомъ въ Кэрію.

Оазисъ Кэрія.

Оазисъ Кэрія лежитъ при абс. высотѣ 4,700 футовъ на лѣвомъ берегу р. Кэрія-дарья, верстахъ въ 50 по выходѣ ея изъ горъ [1]), тамъ гдѣ временно отдѣляющійся отъ названной рѣки рукавъ помогаетъ обводненію значительной площади земли. Отъ сѣвера къ югу, описываемый оазисъ простирается верстъ на 14, при наибольшей ширинѣ около 8 верстъ; къ западу же, по хотанской дорогѣ, неширокая культурная полоса тянется еще верстъ на 13 или около того. Населеніе Кэріи составляютъ мачинцы, число дворовъ которыхъ простирается нынѣ до 3,000. Подобно тому, какъ въ Нія, такъ и здѣсь, жители испорчены нравственно—лѣнивы, плутоваты, развратны и сильно заражены сифилисомъ. Этому главная причина отхожій промыселъ на золотые пріиски Копà, Соргакъ и др. Туда же поставляется изъ Кэріи (также изъ Нія и др. оазисовъ) зерновой хлѣбъ, за удовлетвореніемъ мѣстнаго потребленія. Садоводство въ Кэріи необширно, такъ что не только сухіе фрукты, но даже свѣжіе въ большомъ количествѣ привозятся изъ оазиса Чира. Шелководство и разведеніе хлопка нынѣ также незначительны. Обрабатывающая промышленность (кустарная, какъ и въ другихъ оазисахъ),

[1]) Считая до южной оконечности описываемаго оазиса; лишь небольшой его клочекъ переходитъ на правую сторону р. Кэрія-дарья.

удовлетворяетъ лишь мѣстнымъ надобностямъ. Единственные, какъ намъ говорили, предметы вывоза отсюда составляютъ золото и камень юй (нефритъ).

Въ юго-восточной части описываемаго оазиса находится базаръ, возлѣ котораго жилыя сакли лежатъ скученнѣе; невдалекѣ помѣщаются китайскія власти и китайцами же выстроена небольшая глиняная крѣпостца (импанъ), словомъ, здѣсь, городъ. Однако торговля въ немъ не велика. Постоянно открытыхъ лавокъ нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ мелочныхъ; но дважды въ недѣлю, именно въ четвергъ и пятницу, устраивается кочующими изъ одного оазиса въ другой купцами торгъ въ родѣ нашей ярмарки [1]). На этомъ базарѣ изобильны русскіе красные товары— ситцы, кумачъ, платки, плисъ и др., также зажигательныя спички и сахаръ. Продаются они не дорого, такъ напр. аршинъ кумача стоитъ 2 теньге [2]), аршинъ матеріи въ родѣ чертовой кожи — 4 теньге, бумажный платокъ 2 теньге, гинъ ($1^1|_2$ нашихъ фунта) сахара 6 теньге. Изъ мѣстныхъ произведеній, кромѣ предметовъ одежды, много бываетъ на базарѣ мыла и съѣдобныхъ продуктовъ; послѣдніе сравнительно не дешевы. Наши кредитныя бумажки и мелкое серебро принимаются охотно.

Въ административномъ отношеніи Кэрія составляетъ центръ отдѣла третьей степени, находящагося подъ управленіемъ китайскаго чиновника, подвѣдомственнаго начальнику Хотанскаго округа [3]). Кэрійскій отдѣлъ

[1]) По субботамъ та же ярмарка переносится на другое мѣсто, въ томъ-же кэрійскомъ оазисѣ, кажется, въ западную его часть. Среди торгующихъ купцовъ встрѣчаются наши подданные, уроженцы Западнаго Туркестана, извѣстные въ Вост. Туркестанѣ подъ именемъ *андижанъ*.

[2]) *Теньге* наиболѣе распространенная въ Вост. Туркестанѣ мелкая серебряная монета, среднею стоимостью въ 10 нашихъ копѣекъ металломъ. Она заключаетъ въ себѣ 50 мѣдныхъ *пулъ* (у мачинцевъ только 30 тѣхъ же пулъ) или 25 китайскихъ мѣдныхъ *до-чанъ*. Крупныя коканскія и бухарскія теньге (стоимостью въ 20 коп.) здѣсь не ходятъ. Золотыя монеты *тилля*, обыкновенныя во времена Якубъ-бека, теперь при китайцахъ почти исчезли изъ обращенія. Китайскія серебряныя ямбы (около $4^1/_2$ фунтовъ вѣсомъ) мы мѣняли въ Кэріи и Хотанѣ отъ 1200—1250 теньге; между послѣдними нынѣ встрѣчается множество фальшивыхъ.

Кстати упомянуть, что главными единицами вѣса въ Вост. Туркестанѣ служатъ: китайскій *гинъ* ($1^1/_2$ нашихъ фунтовъ) и *чарыкъ*. Послѣдній бываетъ *большой*, заключающій въ себѣ 16 гинъ, и *малый*—въ $12^1/_2$ гинъ; 64 чарыка составляютъ *батманъ*. Сыпучія тѣла и жидкости мѣряются также на вѣсъ. Линейныя мѣры составляютъ: *ачинъ*—равный нашему аршину; раздѣляется также на четверти, вершки (сунъ) и полувершки (пунъ) *гулачъ*—маховая сажень и *ташъ* для мѣры разстояній. Послѣдній бываетъ въ 12,000 шаговъ (8 нашихъ верстъ) и въ 6,000 шаговъ (4 версты). Первый, старинный, употреблялся при Якубъ-бекѣ; послѣдній введенъ китайцами.

[3]) По другимъ свѣдѣніямъ, начальникъ Кэрійскаго отдѣла подчиненъ прямо Кашгарскому дао-таю. Въ вѣдѣніи этого послѣдняго состоятъ четыре западныхъ округа

захватываетъ обширную мѣстность—къ сѣверо-востоку до Чархалыка, а къ востоку почти до Хотанской рѣки съ оазисомъ Сампула включительно; кромѣ того сюда подчинены и горные мачинцы. Общее число жителей (все мачинцевъ) того же отдѣла простирается до 15,000 семействъ по слѣдующему приблизительному расчету: Черченъ 600 семействъ, Нія—1,000, Кэрія—3,000, Шивалъ—200?, Гулакма и Домаку—800, Чира—1,000, Сампула—5,500; горныхъ мачинцевъ: въ Русскомъ хребтѣ—1,000, въ Кэрійскомъ—2,000 семействъ.

Рѣка, питающая своею водою Кэрійскій оазисъ, притекаетъ сюда съ плато Тибета. По размѣрамъ она превосходитъ рѣки, которыя мы пересѣкали у сѣвернаго подножія Русскаго хребта, но меньше рѣки Черченской. На переправѣ дороги въ оазисъ Нія, Кэрія-дарья имѣла въ началѣ іюня, при средней водѣ, отъ 10—15 саженъ ширины и глубину брода въ 2 фута; когда же вода съ горъ прибывала, что обыкновенно случалось часовъ съ 9 утра до 3 или 4 пополудни, тогда размѣры и глубина той же рѣки значительно увеличивались. Теченіе у нея весьма быстрое; вода, лѣтомъ, грязная. Тотчасъ за Кэрійскимъ оазисомъ описываемая рѣка вступаетъ въ сыпучіе пески и, при большой лѣтней водѣ, пробѣгаетъ по нимъ въ прямомъ сѣверномъ направленіи болѣе 150 верстъ—до параллели, упирающагося въ лѣвый берегъ сосѣдней Хотанской рѣки, небольшаго хребта Мазаръ-тагъ [1]). На этомъ протяженіи берега Кэрія-дарья поросли тугракомъ и джангаломъ; зимою кое-гдѣ живутъ здѣсь пастухи со скотомъ. Далѣе широты Мазаръ-тага русло Кэрійской рѣки, нынѣ совершенно безводное, замѣтно, какъ мы слышали, тянется по сыпучимъ пескамъ почти до самаго Тарима [2]). По преданію, въ давнія времена сюда добѣгала вода той же Кэрія-дарья и лежалъ прямой путь изъ Аксуйскаго оазиса въ Кэрійскій. Въ 120 верстахъ ниже этого послѣдняго еще понынѣ, какъ говорятъ, сохраняются остатки стараго парома, на которомъ переправлялись черезъ Кэрійскую рѣку въ большую воду.

Верстахъ въ 20 ниже Кэрійскаго оазиса выкопанъ недавно отъ праваго берега Кэрія-дарья большой арыкъ, который, какъ говорятъ,

Вост. Туркестана—Кашгарскій, Янгисарскій, Яркендскій и Хотанскій. Четырьмя восточными округами—Учь-Турфанскимъ, Аксуйскимъ, Кучаскимъ и Карашарскимъ—управляетъ другой дао-тай, имѣющій свое пребываніе въ Аксу.

[1]) Отъ восточнаго угла Мазаръ-тага Кэрія-дарья, какъ намъ сообщали, отстоитъ не далѣе 60—70 верстъ.

[2]) По однимъ свѣдѣніямъ до параллели лежащаго на Хотанской рѣкѣ урочища *Янгузъ-кумъ*; по другимъ—еще сѣвернѣе до широты урочища *Зиль* на той же Хотанской рѣкѣ.

тянется верстъ на 7 и можетъ обводнить площадь земли, годную для поселенія 5—6000 семействъ. Предполагается расположить здѣсь городъ, и при нашемъ посѣщеніи Кэріи уже начинали строить на избранномъ мѣстѣ лавки и сакли.

Флора и фауна Кэріи, какъ и вообще всѣхъ оазисовъ, весьма бѣдныя. Изъ дикорастущихъ растеній, кромѣ нѣкоторыхъ, поименованныхъ при описаніи оазиса Нія, нами было собрано въ Ясулгунѣ, Ойтуракѣ и Кэріи въ концѣ мая и въ началѣ іюня лишь 10 цвѣтущихъ видовъ: *лактукъ* (Lactuca tatarica), *песобойникъ* (Cynanchum acutum), *дикая рута* (Peganum Harmala), *чина* (Lathyrus sativus?), *донникъ* (Melilotus suaveolens), *жеруха* (Lepidium latifolium?), *заразиха* (Orobanche sp.), *джантакъ* (Alhagi camelorum), *астрагалъ* (Astragalus sp.), и какое то *зонтичное*. Культурная растительность въ началѣ іюня находилась въ Кэріи въ слѣдующемъ развитіи: абрикосы поспѣвали; шелковица отходила; виноградъ достигалъ величины крупной горошины; дыни цвѣли (арбузы еще нѣтъ); пшеница и ячмень колосились, ранній ячмень кое-гдѣ поспѣвалъ; рисъ и кукуруза достигали (среднимъ числомъ) $^1/_2$ фута вышины; первый сборъ клевера (люцерны) былъ уже скошенъ.

Изъ дикихъ млекопитающихъ по сосѣдству Кэрійскаго оазиса, въ джангалахъ внизъ по Кэрія-дарья, держатся *кабаны*; въ самомъ же оазисѣ встрѣчаются *летучія мыши*, изрѣдка *мелкіе грызуны*. Птицы здѣсь тѣ же, что и въ Нія; прибавилась лишь *крачка малая* (Sterna minuta). Рыбы въ Кэрійской рѣкѣ мы поймали только одинъ видъ—*гольца яркендскаго* (Nemachilus yarkandensis). Изъ пресмыкающихся найдены въ описыв. оазисѣ три вида ящерицъ—*Phrynocephalus Roborowskii n. sp. Eremias Pylzowi, Eremias velox?*

Въ Кэріи мы провели шесть сутокъ и все это время ушло на суетливые хлопоты по снаряженію въ дальнѣйшій путь. Цѣль наша заключалась теперь въ томъ, чтобы пробраться на два-три мѣсяца на сосѣднее плато Тибета; въ случаѣ же неудачи рѣшено было заняться въ теченіе лѣта обслѣдованіемъ ближайшихъ горъ. Какъ для той, такъ и для другой мѣстности равно непригодны были наши истомленные верблюды. Поэтому мы оставляли ихъ на пастбу въ окрестностяхъ Кэріи, гдѣ имѣлъ быть устроенъ новый нашъ складъ. Для предстоящей же экскурсіи необходимо было нанять 30 лошадей и снарядиться налегкѣ. Наше здѣсь пребываніе.

Китайскія власти, которымъ далеко непонутру было наше здѣсь путешествіе, тѣмъ болѣе при большомъ расположеніи къ намъ со стороны туземцевъ, старались по прежнему изподтишка тормазить нашъ путь и творить недоброе. Такъ, незадолго до нашего прибытія въ Кэрію,

здѣсь было вывѣшено объявленіе, воспрещавшее жителямъ продавать намъ съѣстные припасы и входить съ нами въ какія-либо сношенія; въ день нашего прихода утромъ полицейскіе громогласно повторяли по улицамъ Кэріи то же приказаніе съ поясненіемъ, что мы дурные люди, путешествуемъ съ худымъ умысломъ и т. п. Свѣдавъ объ этомъ вскорѣ по прибытіи на бивуакъ въ Кэрію, я послалъ своего переводчика къ мѣстному китайскому начальнику съ предложеніемъ отмѣнить подобныя распоряженія; въ случаѣ же отказа съ его стороны, грозилъ добыть все необходимое для насъ силою. При такомъ ультиматумѣ китаецъ вынужденъ былъ исполнить наши требованія. На другой день самъ кэрійскій начальникъ, или какъ его здѣсь величаютъ, амбань, пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ. Посѣщеніе это было обставлено большой церемоніей. Китаецъ ѣхалъ въ двухколесной телѣгѣ, запряженной муломъ, въ сопровожденіи верхами нѣсколькихъ чиновниковъ и старшихъ властей изъ туземцевъ. Сзади телѣги шествовалъ отрядъ солдатъ[1]), одѣтыхъ въ форменныя красныя и синія курмы, вооруженныхъ трезубцами, сѣкирами и нѣсколькими заржавленными пистонными ружьями. Здѣсь же несли знамена, большой раскрытый красный зонтикъ (знакъ какого то достоинства) и мѣдный бубенъ, въ который немилосердно колотили; по временамъ солдаты что то кричали, вѣроятно, въ родѣ нашего «ура».

Я принялъ китайца въ своей палаткѣ, посадилъ его и мѣстнаго хакима на разостланный по землѣ войлокъ и угостилъ чаемъ; остальные чиновники, туземныя власти и переводчики стояли при входѣ въ ту же палатку. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ вопросовъ со стороны китайца о нашемъ здоровьи и благополучіи пути, я прямо перешелъ къ дѣлу. Объяснилъ, что путешествую съ научною цѣлью и что намѣренъ теперь сходить на лѣто въ Тибетъ; прошу мѣстнаго начальника, здѣсь же при мнѣ, отдать приказаніе кэрійскому хакиму нанять намъ нужныхъ для предстоящей экскурсіи лошадей, отвести помѣщеніе подъ складъ, продать съѣстные припасы и все что будетъ нужно. О прежней исторіи съ запрещеніемъ продажи я не находилъ нужнымъ упоминать, послѣ того какъ переводчикъ наканунѣ объяснилъ нашъ ультиматумъ. Китаецъ началъ увѣрять въ своей дружбѣ и всегдашней готовности быть къ нашимъ услугамъ; затѣмъ приказалъ хакиму исполнить наши требованія. Такимъ образомъ дѣло это уладилось безъ излишнихъ проволочекъ. Обратно китайскій начальникъ уѣхалъ съ тою же церемоніею.

[1]) При нашемъ посѣщеніи Кэріи, здѣсь находились съ полсотни китайскихъ солдатъ и около двухсотъ такихъ же солдатъ изъ туземцевъ.

На другой день я отдалъ визитъ въ сопровожденіи г. Роборовскаго, переводчика и нѣсколькихъ казаковъ. Намъ устроенъ былъ парадный пріемъ. Помимо солдатъ, собраны были всѣ власти Кэріи; въ воротахъ помѣщенія китайскаго начальника намъ салютовали тремя взрывами и музыкою; хозяинъ встрѣтилъ насъ и проводилъ въ свою фанзу, гдѣ самъ подавалъ намъ чай. Дѣлалось все это главнымъ образомъ для того, чтобы показать туземцамъ, что русскіе, молъ, теперь наши пріятели. Пробыли мы у китайца около часа времени; всѣ присутствующіе кромѣ насъ и самого хозяина стояли. Разговоръ, какъ и прежде, происходилъ черезъ двухъ переводчиковъ: я говорилъ своему по русски, тотъ передавалъ по тюркски китайскому переводчику, а этотъ послѣдній переводилъ уже по китайски. Самъ китайскій начальникъ, вѣроятно, желая блеснуть своею ученостью, предложилъ нѣсколько нелѣпыхъ вопросовъ, на которые получилъ, конечно, уклончивые отвѣты. Такъ, между прочимъ, китаецъ спрашивалъ: правда ли, что можно узнать высоту положенія данной мѣстности по запаху земли? Словомъ, кэрійскій начальникъ, быть можетъ даже имѣющій какую либо ученую степень, оказался такимъ же невѣждою въ дѣлѣ пониманія самыхъ простыхъ явленій природы, какъ и многое множество тѣхъ китайскихъ мандариновъ и ученыхъ, которые считаются познавшими всю суть человѣческой мудрости, выдолбивъ наизустъ нѣсколько книгъ своихъ классиковъ, но безъ малѣйшаго понятія даже объ азбучныхъ выводахъ истинной науки.

На прощаньи я опять напомнилъ китайцу относительно скорѣйшаго снаряженія насъ въ дальнѣйшій путь, и опять было повторено хакиму прежнее приказаніе. Уѣхали мы съ тѣми же парадными проводами. Вообще китайцы показывали теперь себя весьма предупредительными и вѣжливыми, хотя, конечно, на душѣ у нихъ было совсѣмъ другое. По прежнему, туземцамъ воспрещено было къ намъ ходить, и нѣкоторые подверглись за это наказанію. Туземныя власти также пріѣзжали къ намъ не иначе какъ по дѣламъ и въ сопровожденіи соглядатаевъ. Добыть нужныя свѣдѣнія можно было лишь украдкою, да и то крайне скудныя; шпіонство постоянно окружало насъ. Съ другой стороны простой народъ всячески выказывалъ намъ свои симпатіи. Во время экскурсій насъ постоянно угощали абрикосами и различною ѣдою; тоже дѣлали и для казаковъ, пасшихъ верблюдовъ, или ходившихъ на базаръ. Замѣтивъ нашъ способъ отданія чести прикладываніемъ руки къ козырьку фуражки, туземцы при встрѣчахъ съ нами стали дѣлать тоже самое, не исключая иногда и женщинъ. Про наше путешествіе какъ здѣсь, такъ и всюду въ Вост. Туркестанѣ мѣстные жители

говорили: «теперь насъ Бѣлый Царь принимаетъ», и радовались этому отъ всего сердца.

Провозившись еще нѣсколько дней со снаряженіемъ на предстоящую лѣтнюю экскурсію, мы, наконецъ, кое-какъ устроились. Наняты были 30 вьючныхъ и верховыхъ лошадей [1]) съ платою по 120 теньге въ мѣсяцъ за каждую, и закуплена часть продовольствія. Всѣ наши коллекціи, помѣщавшіяся въ 14 большихъ ящикахъ и нѣсколькихъ мѣшкахъ, сложены были въ саклѣ, отведенной мѣстнымъ хакимомъ и сданы ему на храненіе. Остальной багажъ, за исключеніемъ того, который шелъ съ нами, долженъ былъ находиться на рукахъ у казаковъ, оставляемыхъ съ верблюдами.

Переходъ къ д. Ачанъ.

Не имѣя возможности узнать достовѣрно на счетъ проходовъ въ Тибетъ, я рѣшилъ сначала поискать поперечной тропы въ западной окраинѣ Русскаго хребта, да кстати познакомиться съ характеромъ этой его части. Поэтому мы направились изъ Кэріи къ юго-юго-востоку и на третьи сутки пришли къ подножію высокихъ снѣговыхъ горъ. Мѣстность по пути залегала равнинная съ пологимъ подъемомъ и сначала совершенно безплодная; со второй же половины нашей дороги начали попадаться кустики *Eurotia*?, *Ephedra* и *Reaumuria songarica*. Почва была вначалѣ не надолго галечная, потомъ стала песчаною. Словомъ, описываемая равнина имѣла тотъ же характеръ, какъ и вдоль всей сѣверной подошвы Русскаго хребта. Верблюды пока шли съ нами, ибо мы разсчитывали найдти вблизи горъ хорошее и болѣе прохладное, чѣмъ возлѣ Кэріи, пастбище.

Съ приближеніемъ къ высокимъ горамъ мѣстность сдѣлалась холмистою, и здѣсь на небольшой рѣчкѣ Ачанъ [2]) мы встрѣтили того же имени деревню; она вытянулась отдѣльными фермами верстъ на 10 и населена мачинцами. Всего, какъ говорятъ, въ Ачанѣ около сотни дворовъ. Жители сѣютъ ячмень и пшеницу, но рисъ и кукуруза здѣсь не растутъ; нѣтъ также шелковицы и винограда, абрикосовъ же много; только теперь они были еще зелены, тогда какъ въ Кэріи уже совсѣмъ поспѣли. Кромѣ земледѣлія, жители Ачана занимаются и скотоводствомъ.

Мы разбили свой бивуакъ почти въ срединѣ общаго протяженія описанной деревни, на абс. высотѣ 9 т. футовъ. Гигантскія снѣговыя горы высились совершенно близко впереди насъ, и между

[1]) Въ добавокъ къ нимъ мы брали еще нѣсколькихъ своихъ лошадей.

[2]) Той самой, которая при большомъ дождѣ или при сильномъ таяніи снѣговъ въ горахъ доставляетъ воду въ оазисъ Ой-тугракъ.

ними рельефно выдѣлялась своею пирамидальною вершиною гора *Царя-Освободителя*. Жаль только, что густыя облака, почти постоянно окутывавшія эту гору, и пыльная атмосфера лишили насъ возможности сдѣлать тригонометрическое измѣреніе вновь названной вершины. Мнѣ кажется, что она будетъ не ниже 20 т. футовъ.

Одновременно съ нашимъ прибытіемъ въ Ачанъ китайцы прислали сюда соглядатая, который пригрозилъ здѣшнимъ жителямъ и ихъ аксакалу, такъ что мы не могли рѣшительно ничего толковаго вывѣдать относительно окрестныхъ горъ, возможности или невозможности пробраться черезъ нихъ въ Тибетъ. Пришлось отправиться въ разъѣздъ. Поѣхалъ я съ г. Козловымъ и двумя казаками вверхъ по ущелью р. Ачанъ. Расчитывали мы проѣздить двое или трое сутокъ, но вернулись въ тотъ же день. Далѣе, какъ верстъ на десять отъ бивуака, проѣхать верхомъ оказалось невозможнымъ, ибо высокія крутыя горы стѣсняютъ здѣсь ущелье въ узкій корридоръ, на днѣ котораго бурлитъ рѣка по огромнымъ валунамъ. Горныя породы, встрѣченныя нами въ посѣщенномъ ущельи, состояли изъ гранита и известково-глинистаго сланца; скалъ много, но онѣ болѣе или менѣе разрушены и засыпаны лёссомъ. Тѣмъ же лёссомъ покрытъ весь нижній и средній поясъ описываемыхъ горъ. Въ наружной ихъ окраинѣ царствуетъ совершенное безплодіе, и лишь тысячъ отъ десяти футовъ появляются рѣдкіе кустики мелкой *полыни*, а поближе ко дну ущелья кое-гдѣ растетъ *дырисунъ*. Кромѣ того, по ущелью, гдѣ мы проѣзжали, встрѣчались: *барбарисъ* (Berberis kaschgarica), *золотарникъ* (Caragana pygmaea? var.), изрѣдка бѣлый *шиповникъ* (Rosa Beggeriana) и *ломоносъ* (Clematis orientalis var. tangutica); всѣ эти кустарники цвѣли; цвѣтущихъ травянистыхъ растеній мы не нашли вовсе. Вообще хребетъ Русскій, какъ прежде, такъ и въ западной своей окраинѣ, оказался также весьма бѣднымъ флорою. Лишь въ полосѣ отъ 10—12 или $12^1|_2$ т. футовъ встрѣчаются здѣсь сносные альпійскіе луга, да и то, по всему вѣроятію, не богатые разнообразіемъ травянистой растительности. Бѣдна и горная фауна даже относительно птицъ.

Такимъ образомъ наша поѣздка принесла отрицательный результатъ. Теперь можно было почти навѣрное расчитывать, что нѣтъ проходовъ на плато Тибета и во всей западной снѣговой части Русскаго хребта. Необходимо было искать такой проходъ еще западнѣе, всего надежнѣе тамъ, гдѣ пробрался въ 1871 году изъ Ладака въ Кэрію пундитъ, отправленный на географическія развѣдки за Гималаи Остъ-Индскимъ Геодезическимъ Бюро.

Въ Ачанѣ мы окончательно снарядили свой новый караванъ на лошадяхъ. Верблюды наши оставлялись здѣсь же подъ присмотромъ пяти казаковъ. Однако немного спустя эти верблюды перекочевали опять внизъ къ оазису Ой-тугракъ, ибо возлѣ Ачана кормъ былъ плохъ и притомъ, какъ оказалось, вредный для названныхъ животныхъ.

Дальнѣйшее движеніе.

16 іюня мы двинулись въ путь съ новымъ своимъ караваномъ, въ которомъ состояло 15 верховыхъ лошадей, 22 вьючныхъ [1]) и 5 ословъ у погонщиковъ. Сначала все не ладилось, да и впослѣдствіи мало было порядка при хожденіи съ непривычными ко вьюкамъ лошадьми, такъ что не одинъ разъ приходилось вспоминать намъ про своихъ верблюдовъ. Въ два небольшихъ перехода, каждый по 18 верстъ, прошли мы теперь изъ Ачана по предгорью Русскаго хребта до рѣки Кэрійской, тамъ гдѣ въ нее впадаетъ слѣва р. *Лю-ши*; по срединѣ пути ночевали въ небольшой (около 20 дворовъ) деревни *Соктоя*, разбросанной по ущелью рѣчки того же имени, впадающей въ Кэрійскую рѣку. Мѣстность нашего слѣдованія представляла собою широкую полосу въ безпорядкѣ набросанныхъ уваловъ и холмовъ, между которыми иногда выдавались небольшія плато. Лёссовая почва скудно была покрыта мелкою *полынью* (Artemisia frigida) и бѣлоцвѣтнымъ *лукомъ* (Allium oreoprasum); повыше горные склоны мѣстами зеленѣли, вѣроятно, отъ тѣхъ же самыхъ травъ, только гуще растущихъ. По этимъ пастбищамъ въ большомъ числѣ бродили бараны, пастухи которыхъ жили здѣсь же въ конурахъ, выкопанныхъ въ лёссѣ. Въ оба нашихъ перехода, какъ и ранѣе того въ Ачанѣ, шелъ небольшой дождь, который временно очищалъ атмосферу отъ пыли, такъ что можно было видѣть сосѣднія снѣговыя вершины и сдѣлать кое-какія засѣчки для съемки. Подобная возможность выпадала, какъ теперь, такъ и послѣ, лишь изрѣдка и случайно.

Тропинка, и безъ того нерѣдко весьма трудная, мѣстами была испорчена по приказанію китайцевъ. Объ этомъ мы слышали еще въ Ачанѣ, откуда я написалъ кэрійскому начальнику письмо съ предложеніемъ исправить попорченную дорогу. Теперь ее чинили впереди насъ тѣ же самые мачинцы, которые нѣсколько дней тому назадъ портили этотъ путь. Нечего и говорить, на сколько они проклинали китайцевъ. Пріѣхавшіе старшины сосѣднихъ горныхъ мачинскихъ родовъ сами мнѣ теперь говорили: «прикажи—мы сейчасъ пойдемъ рѣзать китайцевъ».

[1]) 4—подъ ящиками для коллекцій; 3—подъ сумами съ платьемъ, бѣльемъ, дробью, серебромъ и разными мелочами; 3—подъ патронными ящиками, сверхъ которыхъ клались палатки; 2—подъ кухнею; 4—подъ дзамбою; 1—съ мукою; 1—съ рисомъ; 1—съ сушенымъ мясомъ и 3—съ ячменемъ для тѣхъ же лошадей.

Подобное предложенiе мы слышали и въ Кэрiи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, да вообще всюду, гдѣ только туземцы могли украдкою отъ китайцевъ бесѣдовать съ нами, они твердили одно и тоже: «мы ничего не желаемъ, какъ только быть подъ властью Бѣлаго Царя». «Мы знаемъ, какая справедливость теперь водворилась въ русскомъ Туркестанѣ. А у насъ—каждый китайскiй чиновникъ, даже каждый солдатъ могутъ безнаказанно бить кого угодно, отнять имущество, жену, дѣтей. Подати съ насъ берутъ непомѣрныя. Мы не можемъ долго вынести подобное положенiе. У многихъ изъ насъ заготовлено и спрятано оружiе. Одно только горе—нѣтъ головы, общаго руководителя. Дай намъ хотя простого казака; пусть онъ будетъ нашимъ командиромъ».

Кэрiйская рѣка, на которую мы теперь вышли при устьѣ р. *Лю-ши*, течетъ здѣсь на абс. выс. 8,300 футовъ [1]) въ глубокомъ ущельи, мѣстами вырытомъ узкою траншеею иногда въ два-три яруса. Вытекаетъ описываемая рѣка, какъ уже было говорено, съ плато Тибета и прорываетъ окраинiя къ Таримской котловинѣ горы, сколько кажется, въ прямомъ южномъ направленiи; при устьѣ же Лю-ши дѣлаетъ крутую излучину къ западу, а затѣмъ снова стремится на югъ. Ширина Кэрiйской рѣки, тамъ, гдѣ мы теперь черезъ нее перешли, благодаря случайно уменьшившейся лѣтней водѣ, была отъ 10—12 саженъ при глубинѣ въ 3 фута; дно усыпано крупными валунами. Мѣстами береговыя гранитныя скалы сжимаютъ рѣчное ложе на 5 — 6 саженъ; тамъ вода бурлитъ и клокочетъ. Во время высокой воды, каковая стоитъ въ теченiе цѣлаго лѣта, переправы въ бродъ почти не бываетъ, и уровень той же рѣки повышается иногда, какъ говорятъ, на цѣлую сажень. Туземцы переправляются тогда по канату, высоко натянутому съ одного берега на другой. На этомъ канатѣ скользитъ кольцо, къ которому прикрѣпляется пассажиръ, и его перетягиваютъ веревками [2]). Наканунѣ нашего перехода черезъ Кэрiйскую рѣку, когда вода въ ней еще была высока, намъ также предлагали подобный способъ переправы. При этомъ туземцы наивно показывали приготовленный запасный канатъ на тотъ случай, если ранѣе протянутый оборвется.

Ущелье горнаго теченiя Кэрiйской рѣки недоступно; но по р. Лю-ши, недалеко вверхъ отъ ея устья, тянется небольшая деревня мачинцевъ. Здѣсь мы дневали. Окрестныя горы хотя вообще бѣдны флорою и фау-

[1]) Слѣдовательно имѣетъ паденiе до Кэрiи около 40 футовъ на версту.

[2]) Подобный способъ переправы обыкновенно практикуется въ горныхъ мѣстностяхъ Тибета.

ною, но все-таки мы собрали здѣсь 21 видъ цвѣтущихъ растеній для своего гербарія, въ которомъ общее число растеній нынѣшняго года только теперь перевалило за сотню видовъ. Сгруппирована нѣсколько лучшая растительность описываемой мѣстности на обработываемыхъ небольшихъ поляхъ, а затѣмъ маленькими клочками по дну рѣчныхъ ущелій, частью и въ нижнемъ поясѣ ихъ боковыхъ скатовъ, словомъ близъ воды. По арыкамъ, орошающимъ пашни туземцевъ, и возлѣ немногихъ ключей красовались теперь темно-зеленыя площадки еще цвѣтущаго *касатика* (Iris ensata), между котораго попадались: розовый *ятрышникъ* (Orchis salina), маленькій *бѣлозоръ* (Parnassia Laxmanni), темно-лиловый *астрагалъ* (Astragalus zacharensis), *подорожники* (Plantago maritima, P. paludosa) и *сизозеленка* (Glaux maritima). На болѣе сухихъ мѣстахъ, по дну ущелій и на ближайшихъ боковыхъ ихъ скатахъ, цвѣли: *лапчатки* (Potentilla bifurca, P. multifida), *астра* (Calimeris altaica), *ковыль* (Stipa orientalis) и *полынь* (Artemisia Sieversiana); по обрывамъ лѣпились кучки *ломоноса* (Clematis orientalis var. tangutica) съ красивыми ярко-желтыми цвѣтами; въ двухъ мѣстахъ маленькія площадки возлѣ ключей, сбѣгающихъ съ кручи, были выстланы двумя видами *мха* (Hypnum), котораго мы не видали отъ восточной части Бурханъ-Будда. На поляхъ, засѣянныхъ ячменемъ, какъ сорныя травы въ этомъ хлѣбѣ, цвѣли встрѣченныя еще въ Ачанѣ: *сурѣпица* (Brassica napus), *гвоздика* (Silene conoidea) *жерухи* (Lepidium draba, L. latifolium), *костеръ* (Bromus? sp.) еще не цвѣтущій, *спорышъ* (Polygonum aviculare),, *буркунчикъ* (Medicago lupulina), *Lepyrodiclis holosteoides*, *Pennisetum hordeiforme*, *Maleolenia africana* и растеніе солончаковой пустыни *Kochia mollis*. Изъ деревьевъ здѣсь растетъ только *тополь* возлѣ жилыхъ сакель; изъ кустарниковъ—какой-то *солянковый* [1]), достигающій 4 фут. выш. и обыденный вдоль всего сѣвернаго подножія Русскаго хребта.

Воспользовавшись, какъ вышеупомянуто, случайною большою убылью воды въ Кэрійской рѣкѣ, мы переправились черезъ нее въ бродъ [2]) и пошли внизъ по лѣвому берегу той же рѣки. Здѣсь она вышла изъ высокихъ горъ и течетъ уже въ предгорьяхъ, совершеннымъ корридоромъ саженъ 10—15, иногда того менѣе, шириною. Отвѣсы боковъ этой траншеи, пробитой въ наносной почвѣ, мѣстами и въ горныхъ породахъ, высятся на 30—40 саженъ; выше еще поднимается горная кручъ, по которой

[1]) Наружнымъ видомъ весьма похожій на бѣлолозникъ (Eurotia).

[2]) Иначе пришлось бы спускаться довольно далеко внизъ по теченію и тамъ искать брода.

лѣпится тропинка. Такъ на протяженіи 18 верстъ до устья р. *Курабъ*, въ ущелье которой мы и свернули.

Въ области своего горнаго теченія Кэрійская рѣка замѣчательна обиліемъ нефрита, который у многихъ восточныхъ народовъ почитается талисманомъ и весьма дорого цѣнится въ Китаѣ. Извѣстно, что еще въ глубокой древности этотъ камень игралъ большую роль въ торговыхъ и даже политическихъ сношеніяхъ названнаго государства съ Хотаномъ [1]. Горы къ югу и юго-западу отъ этого оазиса по рѣкамъ Юрунъ-кашъ и Кара-кашъ славились съ незапамятныхъ временъ обиліемъ нефрита, настоящая родина котораго дѣйствительно находится въ западномъ Куэнъ-люнѣ. Однако извѣстія о мѣсторожденіи этого камня ограничивались до сихъ поръ лишь вышеупомянутыми Хотанскими горами, да отчасти нахожденіемъ нефритовыхъ валуновъ въ р. Яркендской. Нынѣ мы можемъ засвидѣтельствовать болѣе обширный раіонъ распространенія того же нефрита. По свѣдѣніямъ, добытымъ въ настоящее наше путешествіе, обильныя мѣстонахожденія описываемаго камня встрѣчаются въ западномъ Алтынъ-тагѣ, всего болѣе по рр. Вашъ-дарья и Черченской; затѣмъ во всемъ хребтѣ Русскомъ, въ особенности на рр. Кара-муранъ и Мольджа, наконецъ въ горахъ Кэрійскихъ [2]. По словамъ туземцевъ, описываемый камень встрѣчается въ вышеназванныхъ мѣстностяхъ прослойками или жилами, изрѣдка даже значительными глыбами въ скалахъ средняго, еще же чаще верхняго пояса горъ, иногда вблизи вѣчныхъ снѣговъ; случайно попадается и въ видѣ валуновъ по русламъ горныхъ рѣчекъ. Промышленники добываютъ нефритъ въ горахъ только лѣтомъ. Сначала отыскиваютъ жилу этого камня, а затѣмъ выламываютъ бóльшие или меньшіе его куски самыми первобытными инструментами [3]. Для облегченія труда иногда накаливаютъ огнемъ обработываемое мѣсто скалы. Добытые куски перетаскиваютъ на вьючныхъ ослахъ или на собственныхъ плечахъ.

Камень юй или нефритъ.

Китайцы называютъ нефритъ *юй* или *юй-ши*, а туркестанцы *кашъ* или *кашъ-ташъ* [4]. Различаются три сорта: *юй-ши* (яшилъ-кашъ)—зе-

[1]) Подробныя сгруппированныя свѣдѣнія о нефритѣ см. у Риттера «Восточный Туркестанъ» пер. Григорьева, стр. 82—97 и болѣе новыя въ прекрасной книгѣ г. Мушкетова «Туркестанъ», стр. 372—399.

[2]) Привезенные нами образчики нефрита съ рр. Кэрійской и Вашъ-дарья переданы, какъ и всѣ минералогическія наши коллекціи, въ геологическій кабинетъ С.-Петербургскаго университета.

[3]) Въ Хотанскихъ горахъ, по словамъ туземцевъ, нефритъ также копаютъ въ наносной почвѣ подземными галлереями.

[4]) Какъ въ первомъ такъ и во второмъ сложныхъ названіяхъ слова «ши» и «ташъ» нарицательныя и означаютъ въ переводѣ «камень».

леный, *зэ-ши* (акъ-кашъ)—молочно-бѣлый и *юй-танъ-ши* — желтовато-маслянистаго цвѣта [1]); послѣдній самый дорогой. Высоко цѣнится и молочно-бѣлый нефритъ; зеленый же самый обыденный, хотя цѣна его въ Китаѣ также значительна. Кромѣ разницы въ цвѣтѣ, лучшимъ считается нефритъ безъ трещинъ и замѣтныхъ жилокъ. Незадолго до нашего прихода въ горы на Кэрійской рѣкѣ, тамъ былъ найденъ въ жилѣ зеленаго юй-ши, кусокъ зэ-ши, имѣвшій, какъ намъ говорили, 5 четвертей въ длину, 2 четверти въ ширину и столько же въ толщину. Китайцы цѣнили такую находку въ сто ямбовъ серебра, т. е. въ десять тысячъ нашихъ металлическихъ рублей. Лучшій нефритъ отправляется, какъ и прежде, изъ Хотана въ Китай; остальной расходится по городамъ таримскаго бассейна и вывозится въ другія страны. Помимо различныхъ подѣлокъ изъ этого камня (табакерки, серьги, блюдцы, чашечки, ларчики, мундштуки, кольца и пр.), браслетъ изъ него, надѣтый на руку покойника, предохраняетъ, по вѣрованію туркестанцевъ, трупъ отъ гніенія. Богатые туземцы дѣлаютъ иногда, какъ намъ сообщали, подушку въ гробу изъ того же нефрита, разсчитывая, что чудодѣйственная его сила станетъ тогда еще больше.

Колонія Полу̀. Повернувъ съ Кэрійской рѣки вверхъ по ея лѣвому притоку — Курабъ, мы встрѣтили въ пяти верстахъ отсюда небольшую колонію магометанъ *Полу̀*. Всего ихъ 50 семействъ, живущихъ въ одной деревнѣ. По своему происхожденію эти полу̀—тибетцы и попали на нынѣшнее мѣсто, какъ гласитъ преданіе, слѣдующимъ образомъ:

Въ давнія времена въ западномъ Тибетѣ существовалъ обычай выбирать царя, и по истеченіи десяти лѣтъ правленія умерщвлять его, будь онъ хорошій или дурной правитель, все равно. Одинъ изъ такихъ царей, по имени *Хата̀мъ*, незадолго до ожидавшей его горькой участи, убѣжалъ съ тремя стами своихъ приверженцевъ и основалъ колонію на верховьѣ Кэрійской рѣки [2]). Но вскорѣ монголы напали на это поселеніе, разорили его и перебили жителей. Спасся только самъ Хата̀мъ съ женою, сыномъ и двумя дочерями. Эти бѣглецы ушли внизъ по Кэрійской рѣкѣ за окраинія тибетскія горы и, вступивъ въ браки съ мѣстными мачинками, основали нынѣшнюю колонію Полу. Ея обитатели живутъ здѣсь уже въ восьмомъ колѣнѣ.

По своему наружному типу нынѣшніе полусцы представляютъ, какъ и другіе восточно-туркестанцы, пеструю смѣсь физіономій, среди кото-

[1]) Чернаго нефрита, по увѣренію туземцевъ, у нихъ нѣтъ, равно какъ и краснаго. Послѣдняго цвѣта какой то другой, очень дорогой камень, называемый по тюркски *лахэль* (яхонтъ?), находятъ въ Хотанскихъ горахъ.

[2]) Въ урочищѣ Арашъ (Баба-хатымъ).

ПОЛУСЦЫ.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскій

ПОЛУСЦЫ

[illegible] молочно-бѣлый и *юй-тань-ши* — желтовато-[illegible] самый дорогой. Высоко цѣнится и мо-[illegible] же самый обыденный, хотя цѣна его [illegible]. Кромѣ разницы въ цвѣтѣ, лучшимъ счи-[illegible] въ замѣтныхъ жилокъ. Незадолго до на-[illegible] Кэрійской рѣкѣ, тамъ былъ найденъ въ жилѣ [illegible], имѣвшій, какъ намъ говорили, 5 четвертей [illegible] въ ширину и столько же въ толщину. Китайцы [illegible] ямбовъ серебра, т. е. въ десять тысячъ [illegible] рублей. Лучшій нефритъ отправляется, какъ и [illegible] въ Китай, остальной расходится по городамъ та-[illegible] вывозится въ другія страны. Помимо различныхъ [illegible] табакерки, серьги, блюдцы, чашечки, лар-[illegible] и пр.), браслетъ изъ него, надѣтый на руку [illegible], по вѣрованію туркестанцевъ, трупъ отъ гніенія. [illegible] иногда, какъ намъ сообщали, подушку въ [illegible], разсчитывая, что чудодѣйственная его сила [illegible]

[illegible] рѣки вверхъ по ея лѣвому притоку — [illegible] верстахъ отсюда небольшую колонію [illegible] семействъ, живущихъ въ одной де-ревнѣ. [illegible] эти полу—тибетцы и попали на ны-нѣшнее мѣсто, какъ гласитъ преданіе, слѣдующимъ образомъ:

Въ давнія времена въ западномъ Тибетѣ существовалъ обычай выби-рать царя, а по истеченіи десяти лѣтъ правленія умерщвлять его, будь онъ хо-рошій или дурной правитель, все равно. Одинъ изъ такихъ царей, по имени Хатамъ, незадолго до ожидавшей его горькой участи, убѣжалъ съ тремя стами своихъ приверженцевъ и основалъ колонію на верховьѣ Кэрійской рѣки [2]). Но вскорѣ монголы напали на это поселеніе, разорили его и пере-били жителей. Спасся только самъ Хатамъ съ женою, сыномъ и двумя до-черьми. Эти бѣглецы ушли внизъ по Кэрійской рѣкѣ за окраинія тибетскія горы и, вступивъ въ браки съ мѣстными мачинками, основали нынѣшнюю деревню [illegible]. Ея обитатели живутъ здѣсь уже въ восьмомъ колѣнѣ.

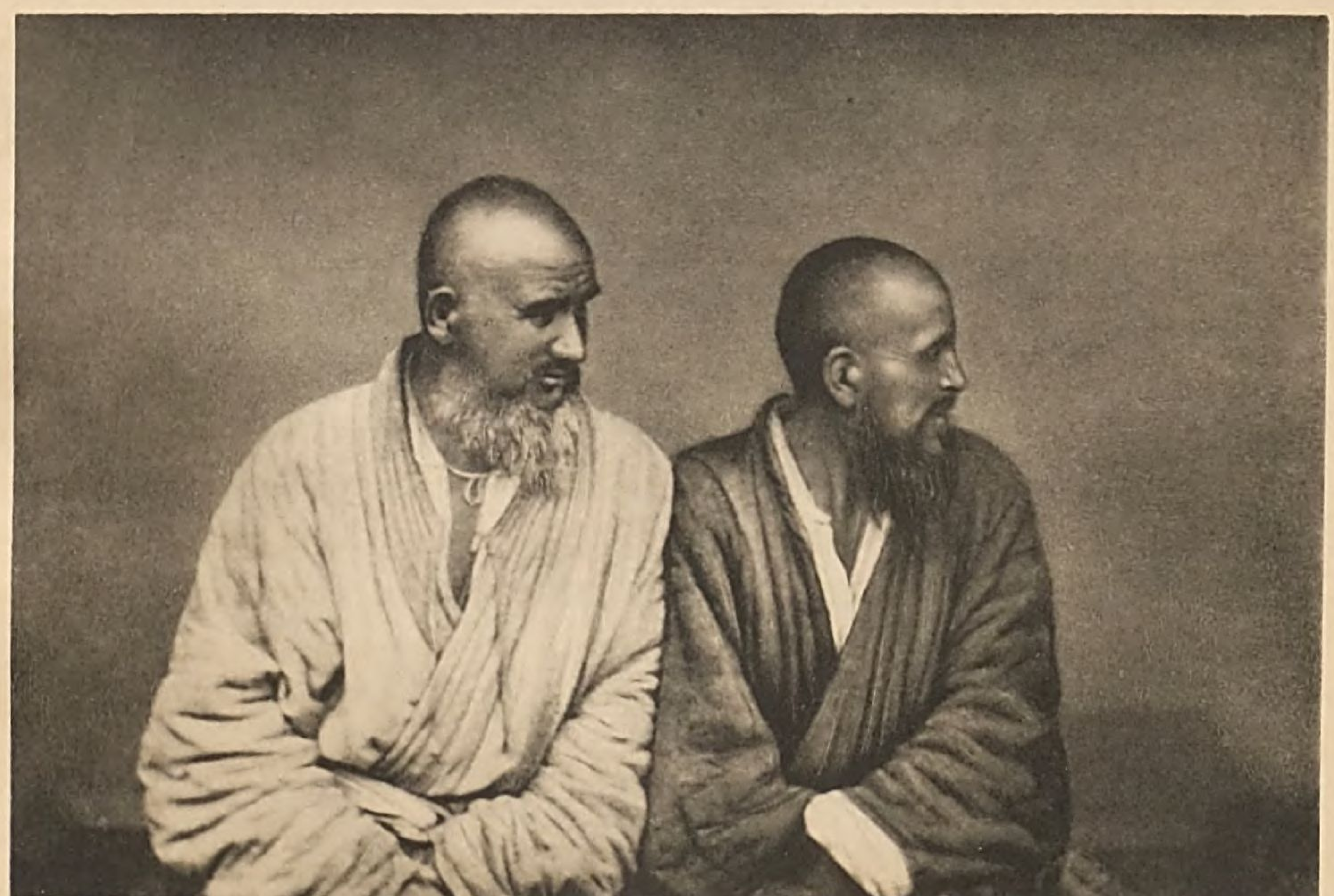
По своему наружному типу нынѣшніе полусцы представляютъ, какъ и [illegible]-туркестанцы, пеструю смѣсь физіономій, среди кото-

[1]) [illegible] нефрита, по увѣренію туземцевъ, у нихъ нѣтъ, равно какъ и краснаго. [illegible] какой то другой, очень дорогой камень, называемый по тюркски [illegible], находятъ въ Хотанскихъ горахъ.

[2]) Въ деревнѣ Арашъ (Баба-хатымъ).

ПОЛУСЦЫ.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

ПОЛУСЦЫ.

Фототипія К. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7 2.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

рыхъ преобладаетъ мачинскій типъ; лишь немногіе напоминаютъ собою тибетцевъ [1]); женщины нерѣдко походятъ на киргизокъ.

Одежда полу таже, что и у мачинцевъ. Мужчины носятъ рубашку, панталоны и халатъ, подпоясанный кушакомъ; на головѣ баранья шапка, на ногахъ сапоги. Женщины имѣютъ такое же одѣяніе и обувь; только халатъ, обыкновенно цвѣтной (бумажный или шелковый), не подпоясывается; кромѣ того, голова у женщинъ или повязана бѣлымъ покрываломъ, или покрывало это спущено на спину; поверхъ же его надѣта на голову шапка изъ бѣлаго или чернаго барашка, у богатыхъ иногда изъ мѣха выдры. Волосы свои замужнія женщины (какъ и всѣ мачинки) заплетаютъ въ двѣ косы сзади; дѣвушки носятъ 4 или 6 косъ: двѣ сзади головы, по одной или по двѣ спереди на вискахъ. Какъ женщины, такъ и дѣвушки украшаютъ свои головы и шеи ожерельями изъ камней и другими драгоцѣнностями. Замѣчательно, что полуски очень долго кормятъ грудью своихъ дѣтей — до двухъ, даже до трехлѣтняго, какъ намъ говорили, возраста; поэтому случается, что два младенца сосутъ одну и ту же мать. По образу жизни и обычаямъ полусцы почти не отличаются отъ мачинцевъ; ихъ же языкомъ и говорятъ; тибетскую рѣчь совсѣмъ забыли. Однако въ браки нынѣ вступаютъ только между собою. Характеръ описываемаго племени веселый; пѣсни, музыка и пляска составляютъ любимыя удовольствія.

Деревня Полу расположена при сліяніи рѣкъ Кураба и Тереклика на абс. высотѣ 8,200 футовъ. Глиняныя сакли въ этой деревнѣ тѣсно скучены; садовъ нѣтъ [2]), но много землепашества. Вокругъ поселенія и по обѣимъ названнымъ рѣчкамъ разбросаны поля, всего, я полагаю, около сотни десятинъ. На нихъ засѣваютъ ячмень, пшеницу и горохъ; другіе хлѣба здѣсь не растутъ.

Помимо земледѣлія, жители Полу занимаются скотоводствомъ — содержатъ много барановъ, въ меньшемъ числѣ коровъ и лошадей. Послѣднія хотя небольшаго роста, но славятся своею крѣпостью и выносливостью. Теперь лошадей у полусцевъ немного, ибо китайцы, занявъ по смерти Якубъ-бека Восточный Туркестанъ, озаботились прежде всего уничтожить туземныхъ лошадей, дававшихъ возможность быстро дѣйствовать въ случаѣ возстанія. Лошади отбирались китайцами для

[1]) Замѣчательно, что у этихъ субъектовъ передніе зубы также выдаются впередъ, хотя и не столь рѣзко какъ у тибетцевъ, видѣнныхъ нами за Танъ-ла (см. мое «Третье путешествіе», стр. 252).

[2]) Впрочемъ, мы видѣли нѣсколько большихъ деревьевъ, кажется, айвы, и нѣсколько молодыхъ абрикосовъ.

себя, частью же умерщвлялись: ихъ разстрѣливали, иногда же, по словамъ полусцевъ, заводили зимою въ рѣки, или прямо обливали на морозѣ водою и замораживали. Хозяевамъ оставлены были лишь въ небольшомъ числѣ кобылы, отъ которыхъ имѣется нынѣшній приплодъ.

Въ одной верстѣ отъ деревни Полу, вверхъ по р. Тереликъ находится мазаръ, гдѣ похороненъ *Кличъ-бура-ханъ*, сынъ черченскаго царя Алликъ-мази. Мазаръ этотъ, утыканный, какъ обыкновенно на здѣшнихъ магометанскихъ кладбищахъ, жердями съ привязанными къ нимъ тряпками и хвостами яковъ, лежитъ на вершинѣ довольно высокаго и крутаго холма, внизу котораго видны двѣ небольшія пещеры; въ нихъ иногда временно поселяются желающіе спасаться отъ мірскихъ суетъ. Затѣмъ также въ разстояніи версты отъ описываемой деревни, но уже вверхъ по р. Курабъ, видны небольшіе остатки нѣкогда бывшаго здѣсь городка мачинцевъ.

Колонія Полу входитъ въ составъ Кэрійскаго округа. Общественными дѣлами этой колоніи завѣдуетъ выборный аксакалъ. Старше же его нѣкій *хальпэ* (т. е. настоятель, или игуменъ монастыря), старикъ, который хотя и не занимаетъ опредѣленной по администраціи должности, но совѣты его слушаются охотно.

Въ Полу проведены были нами пять сутокъ. Подобно тому какъ нѣкогда въ Ясулгунѣ, такъ и здѣсь, мы вскорѣ подружились съ туземцами. Они теперь откровенно говорили, что за нѣсколько дней до нашего прихода получено было изъ Кэріи отъ китайцевъ приказаніе ничего намъ не продавать и не давать вожаковъ; притомъ китайцы чернили насъ самымъ гнуснымъ образомъ. Полусцы отчасти повѣрили этому; даже спрятали свои лучшія вещи и одежду въ горахъ, опасаясь грабежа съ нашей стороны; попрятали также и своихъ женщинъ. Видя теперь совершенно противное, тѣ же полусцы не знали какъ услужить намъ, продали все, что было нужно, и назначили вожаковъ. Китайцамъ же въ Кэрію хитро написали: «мы не можемъ исполнить ваши приказанія относительно русскихъ, ибо они грозятъ намъ силою; сами мы сопротивляться не въ состояніи. Если вы сильнѣе русскихъ, то придите сюда и расправьтесь съ ними».

Дружба наша съ жителями Полу вскорѣ возросла до того, что они дважды устроили для казаковъ танцовальный вечеръ съ музыкою и скоморохами. На одномъ изъ такихъ баловъ присутствовалъ и я со своими помощниками. Мѣстомъ для залы избранъ былъ просторный дворъ сакли и устланъ войлоками. Музыка состояла изъ инструмента въ родѣ гитары, бубна и простого русскаго подноса, въ который колотили по вре-

ней, также не употребляются: ихъ разстрѣливали, иногда же, по словамъ очевидцевъ, бросали живыми въ рѣки, или прямо обливали на морозѣ холодною водою. Хозяевамъ оставлены были лишь въ немногихъ домахъ деревья, отъ которыхъ имѣется нынѣшній приплодъ.

Въ полуверстѣ отъ деревни Полу, вверхъ по р. Тереклинъ находится мазаръ, гдѣ похороненъ *Клычь-бура-ханъ*, сынъ черченскаго царя Бадаулета. Мазаръ этотъ, утыканный, какъ обыкновенно на здѣшнихъ мусульманскихъ кладбищахъ, жердями съ привязанными къ нимъ тряпками и хвостами яковъ, лежитъ на вершинѣ довольно высокаго и крутого холма, внизу котораго видны двѣ небольшія пещеры; въ нихъ иногда временно поселяются желающіе спасаться отъ мірскихъ суетъ. Затѣмъ также въ разстояніи версты отъ описываемой деревни, но уже вверхъ по р. Курабъ, видны небольшіе остатки нѣкогда бывшаго здѣсь горнаго мѣстечка.

Деревня Полу входитъ въ составъ Керійскаго округа. Общественными дѣлами этой волости завѣдуетъ выборный аксакалъ. Старше же его здѣшній шейхъ (т. е. настоятель, или игуменъ монастыря), старикъ, который хотя и не занимаетъ опредѣленной по администраціи должности, но совѣты его слушаются охотно.

Въ Полу проведены были нами пять сутокъ. Подобно тому какъ нѣкогда въ Ясулгунѣ, такъ и здѣсь, мы вскорѣ подружились съ туземцами. Они теперь откровенно говорили, что за нѣсколько дней до нашего прихода получено было изъ Керіи отъ китайцевъ приказаніе ничего намъ не продавать и не давать вожаковъ; притомъ китайцы чернили насъ самымъ гнуснымъ образомъ. Полусцы отчасти повѣрили этому; даже спрятали свои лучшія вещи и одежду въ горахъ, опасаясь грабежа съ нашей стороны; попрятали также и своихъ женщинъ. Видя теперь совершенно противное, тѣ же полусцы не знали какъ услужить намъ, продавали все, что было нужно, и назначили вожаковъ. Китайцамъ же въ Керію хитро написали: «мы не можемъ исполнить ваши приказанія относительно русскихъ, ибо они грозятъ намъ силою; сами мы сопротивляться не въ состояніи. Если вы сильнѣе русскихъ, то придите сюда и расправьтесь съ ними».

Дружба наша съ жителями Полу вскорѣ возросла до того, что они ежедневно устраивали для казаковъ танцовальный вечеръ съ музыкою и скоморохами. На одномъ изъ такихъ баловъ присутствовалъ и я со своими помощниками. Мѣстомъ для залы избранъ былъ просторный дворъ сакли и устланъ войлоками. Музыка состояла изъ инструмента въ родѣ гитары, бубна и простого русскаго подноса, въ который колотили по вре-

ХАЛПЭ (НАСТОЯТЕЛЬ МОНАСТЫРЯ ВЪ ПОЛУ).

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

ЖЕНЩИНЫ ИЗЪ ПОЛУ.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 72.

[illegible]

[illegible]

менамъ. Всѣ гости сидѣли по бокамъ помѣщенія; для насъ были отведены почетныя мѣста. На средину выходили танцующіе—мужчина и женщина. Послѣдняя приглашается кавалеромъ вѣжливо съ поклономъ. Пляска состоитъ изъ довольно вялыхъ движеній руками и ногами въ тактъ музыки. Зрители выражаютъ свое одобреніе крикомъ во все горло; иногда же вдобавокъ къ музыкѣ поютъ пѣсни. Въ награду музыкантамъ собираются деньги на подносѣ, который, по обычаю, проносятъ надъ головами танцующихъ. Наши казаки также принимали участіе въ общемъ весельи и лихо отплясывали по своему подъ звуки гармоніи; инструментъ этотъ приводилъ слушающихъ въ восторгъ. Въ антрактахъ танцевъ появлялись скоморохи: одинъ наряженный обезьяною, другой козломъ, третій, изображавшій женщину, верхомъ на лошади; выдѣлывали они очень искусныя штуки. Сначала наше присутствіе немного стѣсняло туземцевъ, которые даже извинялись, что ихъ женщины не могли хорошо нарядиться, ибо лучшее платье, вслѣдствіе китайскихъ навѣтовъ, далеко спрятано въ горахъ; потомъ всѣ освоились и веселились отъ души. Вообще наши казаки до того очаровали мѣстныхъ красавицъ, что когда мы уходили изъ Полу, женщины плакали навзрыдъ, приговаривая: «уходятъ русскіе молодцы, скучно намъ безъ нихъ будетъ».

Неудачный разъѣздъ.

Распросами въ Полу мы узнали, что вверхъ по ущелью р. Курабъ существуетъ проходъ въ Тибетъ, но что дорога эта крайне трудная, да притомъ недавно еще умышленно испорчена китайцами. Въ прежнія времена тѣмъ же ущельемъ пробирались на плато Тибета золотоискатели; изрѣдка тибетцы привозили на продажу лѣкарства; въ 1871 году здѣсь прошелъ изъ Ладака въ Кэрію и обратно пундитъ; въ 1877 г. Курабская тропинка была немного исправлена по приказанію Хотанскаго правителя Ніязъ-бека, разсчитывавшаго этимъ путемъ удрать въ Индію по паденіи царства Якубъ-бека; затѣмъ вскорѣ та же тропа пришла въ прежнюю негодность. Вотъ все, что мы могли узнать на счетъ столь важнаго для насъ пути. Чтобы окончательно убѣдиться въ его недоступности, я отправился съ двумя казаками въ разъѣздъ вверхъ по Курабу. Первыя 9 верстъ отъ деревни Полу пройдти, даже со вьюкомъ, довольно хорошо. Затѣмъ, отъ впаденія справа въ тотъ же Курабъ р. *Тамъ-чю*, начинается дикое и узкое (мѣстами лишь саженъ 20—30 въ поперечникѣ) ущелье. Съ обѣихъ сторонъ его стѣсняютъ громадныя скалистыя горы; дно же усѣяно крупными валунами, по которымъ съ шумомъ бѣжитъ быстрый Курабъ. Перейдти эту рѣчку въ бродъ, во время высокой воды, невозможно.

Боковыя скалы описываемаго ущелья въ нижнемъ его поясѣ состоятъ изъ сланца, повыше изъ сіенита. Всѣ эти скалы изборождены трещинами и выбоинами, да притомъ посыпаны, словно мукою, лёссовою пылью, такъ что сплошь имѣютъ одинаковый сѣровато-желтый цвѣтъ. Мѣстами залегаютъ крупныя осыпи. Узкія же ущелья, то безводныя, то съ рѣчками, впадающими въ Курабъ [1]) отъ снѣговыхъ вершинъ, бороздятъ тѣ же горы. Безплодіе царитъ здѣсь всюду. Лишь кое-гдѣ, подъ навѣсомъ скалъ, или на болѣе отлогихъ горныхъ скатахъ, выдаются небольшія площадки, по которымъ растутъ чахлые кустики мелкаго *злака* и вразсыпную встрѣчаются альпійскія формы растеній, каковы: *ревень* (Rheum spiciforme), *твердочашечники* (Androsace sarmentosa var. flavescens, A. squarrosula n. sp.), *пижма* (Tanacetum fruticosulum?), *молочай* (Euphorbia sp.), *очитокъ* (Sedum quadrifidum), *астрагалы* (Astragalus sulcatus?, Oxytropis chionobia?), *Lloydia serotina*, *Omphalodes sp*. Такъ въ среднемъ поясѣ описываемыхъ горъ. Въ нижнемъ же ихъ поясѣ скаты, засыпанные лёссомъ, поростаютъ рѣдкими кустами мелкаго *лука* (Allium oreoprasum) и мелкой *полыни* (Artemisia frigida), такъ что издали иногда кажутся совсѣмъ зелеными; здѣсь же красивыми пятнами пестрѣетъ цвѣтущій *твердочашечникъ* (Androsace squarrosula n. sp.), но другихъ цвѣтовъ мы не видали. Нѣсколько лучше относительно растительности по самому ущелью Кураба, да и то лишь въ нижней его части. Тамъ встрѣчаются, опять таки въ ничтожномъ количествѣ, кустарники: *бѣлый шиповникъ* (Rosa Beggeriana), *барбарисъ* (Berberis kaschgarica), *золотарникъ* (Caragana pygmaea var.) и кое-гдѣ *облепиха*; мѣстами вьется *ломоносъ*; изъ травъ, кромѣ *лука* и *мелкой полыни*, растетъ *дырисунъ*, а въ одномъ мѣстѣ, подъ влажнымъ навѣсомъ скалы, мы нашли цвѣтущую *герань* (Geranium Pylzowianum). Собственно по ущелью мы проѣхали съ великимъ трудомъ лишь 12 верстъ. Приходилось то переходить въ бродъ или по крупнымъ валунамъ р. Курабъ [2]), то идти вдоль нея по тѣмъ же валунамъ, то, наконецъ, тропинка вилась по узкимъ карнизамъ надъ крутыми обрывами. Даже для верховыхъ лошадей здѣсь чрезвычайно трудно; съ навьюченными-же, мѣстами, вовсе нельзя пройдти. Подножный кормъ встрѣчался лишь кое-гдѣ въ нижнихъ частяхъ ущелья; далѣе вверхъ этого корма не было вовсе. Отъ почлежнаго нашего бивуака (въ 21 верстѣ отъ Полу) я ходилъ съ вожакомъ

[1]) Самъ Курабъ, по словамъ полусцевъ, вытекаетъ изъ ледниковъ Кэрійскаго хребта, но не съ плато Тибета.

[2]) Вода въ этой рѣкѣ по случаю нѣсколькихъ дней холодной погоды была не высока.

ПОЛУСЦЫ.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

ПОЛУСЦЫ.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

еще версты за двѣ черезъ высокій и крутой перевалъ къ тому мѣсту, гдѣ, какъ намъ давно уже говорили туземцы, былъ мостъ, умышленно разрушенный китайцами. Оказалось, что, вмѣсто моста, здѣсь лежало нѣсколько бревенъ для расширенія короткаго и узкаго каменнаго карниза надъ обрывомъ. Это приспособленіе было уничтожено; тропинка же въ нѣсколькихъ мѣстахъ завалена камнями [1]). Но ни то, ни другое не могло бы насъ задержать: камни съ тропинки можно было сбросить, а черезъ карнизъ перетащить багажъ на рукахъ. Несравненно болѣе препятствовалъ самый характеръ всего ущелья. Здѣсь, повторяю, съ небольшимъ даже багажемъ, каковой необходимъ при научныхъ изслѣдованіяхъ, пройдти почти невозможно, въ особенности лѣтомъ при большой водѣ. Да наконецъ, если-бы мы и пробрались, рискнувъ погубить часть багажа и вьючныхъ животныхъ, на плато Тибета, то уцѣлѣвшія лошади послѣ столь труднаго перехода сдѣлались бы совершенно негодны на дальнѣйшій путь. Всѣ эти причины заставили меня отказаться отъ намѣренія пройдти въ Тибетъ по Курабу. Взамѣнъ того, по заранѣе намѣченному плану, рѣшено было направиться къ западу вдоль высокихъ снѣговыхъ горъ и поискать тамъ, по правдѣ сказать, съ малою надеждою на успѣхъ, болѣе доступнаго прохода. Во всякомъ случаѣ мы должны были провести наступавшій іюль въ кэрійскихъ горахъ.

Погода въ іюнѣ.

Вспомнимъ теперь о погодѣ въ минувшемъ іюнѣ. Первая треть этого мѣсяца была проведена нами почти сполна въ Кэріи на абс. выс. 4,700 футовъ; послѣднія двѣ трети—въ сѣверной окраинѣ хребтовъ Русскаго и Кэрійскаго на абс. выс. отъ 8—10 т. футовъ.

Въ Кэрійскомъ оазисѣ, какъ и слѣдовало ожидать, стояли постоянные жары, непревышавшіе однако $+33,7^0$ въ тѣни въ 1 часъ пополудни и $+24,3^0$ на восходѣ солнца. Съ поднятіемъ нашимъ на бо̀льшую абс. высоту и съ приближеніемъ къ снѣговымъ горамъ сдѣлалось, конечно, гораздо прохладнѣе, хотя все-таки при ясной погодѣ солнце жгло сильно, и термометръ въ 1 часъ дня поднимался въ тѣни до $+26,9^0$. Холодно становилось въ горахъ лишь во время дождя, въ особенности если при этомъ выпадалъ снѣгъ въ верхнемъ или даже въ среднемъ горномъ поясѣ. Такъ, 29 іюня на нашемъ бивуакѣ, при абс. выс. въ $10^1|_3$ т. футовъ, въ 1 часъ пополудни наблюдалось лишь $+8,9^0$, а на восходѣ солнца слѣдующаго дня, послѣ дождливой ночи, температура упала до $+3,9^0$. Однако ночныхъ морозовъ въ горахъ до выше-

[1]) Невдалекѣ отсюда видны были слѣды ночевки людей, пріѣзжавшихъ портить дорогу.

указанной абс. высоты не случалось, потому, конечно, что ночи выпадали облачныя или вѣтряныя.

Погода въ теченіе описываемаго мѣсяца стояла большею частью облачная; ясно-пыльныхъ дней считалось—11, облачныхъ—13 и пасмурныхъ—6. Атмосфера, какъ и за всю весну, постоянно была наполнена пылью болѣе или менѣе густою. Поднималась эта пыль въ воздухъ даже слабымъ вѣтромъ, не говоря уже о буряхъ. Послѣднихъ въ продолженіе іюня случилось только 4, да дважды дулъ сильный вѣтеръ. Затишья стояли часто; на нихъ падаетъ болѣе половины общаго числа наблюденій. Вѣтры исключительнаго преобладанія не имѣли, хотя чаще другихъ случались южные съ отклоненіями къ востоку или западу.

Рѣзче всего отличался іюнь отъ мая тѣмъ, что въ описываемомъ мѣсяцѣ, какъ-бы послѣ долгой предварительной потуги, выражавшейся въ преобладаніи облачности весною, начали наконецъ перепадать дожди. Всего въ іюнѣ считалось 10 дождливыхъ дней [1]), хотя необходимо замѣтить, что дождь большею частью только моросилъ, да и то почти исключительно въ горахъ. Настоящій сильный дождь наблюдался нами лишь дважды—1 и 29 чиселъ; послѣ него атмосфера на нѣсколько часовъ совершенно была свободна отъ пыли и небо являлось голубымъ. Слабый дождь, въ особенности при своемъ началѣ, падалъ совершенно грязнымъ отъ лёссовой пыли, которую дождевыя капли захватывали въ воздухѣ. Случалось даже намъ наблюдать, что вмѣсто дождя сыпались мелкія, какъ макъ, сухія крупинки грязи, сцементированныя тѣмъ же дождемъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Барометръ передъ дождливою погодою не только не падалъ, но даже повышался, вѣроятно потому, что дожди приносились исключительно южными вѣтрами съ холоднаго тибетскаго плато. Грозъ въ іюнѣ не было вовсе; роса также не падала; сухость воздуха, за исключеніемъ дождливыхъ дней, была очень велика даже въ горахъ.

Хребетъ Кэрійскій.

Та наружная часть западнаго Куэнъ-люня, которая лежитъ между рѣками Кэрійской и Юрунъ-кашъ [2]), не имѣетъ у туземцевъ одного общаго названія. Но такъ какъ эти горы, по крайней мѣрѣ, ихъ сѣверный склонъ, принадлежатъ въ административномъ отношеніи Кэрійскому округу, притомъ своею водою питаютъ оазисы того же округа,

[1]) Ночью дождь шелъ только дважды.

[2]) Извѣстно, что Куэнъ-люнь въ указанномъ раіонѣ представляетъ собою двойной кряжъ высокихъ снѣговыхъ горъ: одинъ, наружный хребетъ, о которомъ теперь пойдетъ рѣчь, служитъ высокою оградою Тибета къ таримской впадинѣ, другой стоитъ на самомъ тибетскомъ плато.

наконецъ черезъ нихъ существуетъ проходъ изъ Тибета въ Кэрію, то, мнѣ кажется, всего удобнѣе назвать разсматриваемый хребетъ *Кэрійскимъ*. Онъ тянется отъ востока къ западу на 160 верстъ и примыкаетъ съ одной стороны къ Русскому хребту, съ другой къ Карангатагу [1]). По всей длинѣ описываемый хребетъ представляетъ сравнительно узкую, но весьма высокую и крутую стѣну горъ, сплошь переходящихъ на своемъ гребнѣ за снѣговую линію. Въ особенности обширны ледяныя массы въ средней и западной частяхъ того же хребта. Исключительно выдающихся въ немъ вершинъ мы не замѣтили, хотя мѣстами поднимаются надъ общею снѣговою громадою еще болѣе высокія группы, быть можетъ, достигающія 19—20 т. фут. абс. высоты. Собственно главный хребетъ занимаетъ раіонъ вверхъ отъ 11 т. футовъ абс. выс.; ниже, до 8 т. фут., залегаетъ верстъ на 15—20 въ ширину поясъ предгорій. Обѣ эти части однѣхъ и тѣхъ же горъ рѣзко между собою различаются.

Верхняя горная область состоитъ, какъ выше сказано, изъ громадныхъ недоступныхъ массъ, покрытыхъ вѣчными ледниками. Изъ каменныхъ породъ въ полосѣ отъ 11—13 т. фут. абс. выс. нами здѣсь найдены: известнякъ, мраморъ, сланецъ, гранитъ, сіенитъ, змѣевикъ, антиколитъ? и лидитъ. Въ той же полосѣ встрѣчаются и альпійскіе луга. Вверхъ отъ 13 т. футовъ растительность исчезаетъ—здѣсь только изборожденныя, посыпанныя лёссомъ скалы и, какъ продуктъ ихъ разложенія, обширныя розсыпи. Мѣстность совершенно недоступна, и по ней во многихъ мѣстахъ никогда не ступала нога человѣка. Еще выше раскидываются громаднѣйшіе ледники, нижній предѣлъ которыхъ, судя по аналогіи съ Са-чжеускимъ Нанъ-шанемъ и другими тибетскими горами, лежитъ на абс. выс. между 15½—16 т. футовъ [2]). Однако рѣчки, вытекающія отъ тѣхъ же ледниковъ въ таримскую котловину, всѣ небольшія, быть можетъ потому, что за исключеніемъ дождливаго лѣта въ остальныя времена года здѣсь господствуетъ сильная сухость. Наиболѣе значительныя изъ этихъ рѣчекъ—*Аксу*, *Ашкэ-эмэ*, *Нура*, *Улуксай*, *Генджи-дарья* и *Аши-дарья*.

Поясъ предгорій Кэрійскаго хребта представляетъ собою сбѣгающія отъ высокихъ горъ къ пустынѣ гривы холмовъ и уваловъ, раздѣлен-

[1]) Каранга-тагъ лежитъ между рѣками Юрунъ-кашъ и Кара-кашъ.

[2]) Намъ лично не удалось опредѣлить барометрически нижній предѣлъ ледниковъ сѣв. склона Кэрійскаго хребта; тому мѣшали постоянные въ іюлѣ дожди и крайняя недоступность мѣстности.

ныхъ продольно глубокими рѣчными ущельями. Почва здѣсь—наносъ, засыпанный лёссомъ. Благодаря обильному лѣтнему орошенію, предгорья въ полосѣ отъ 11—9½ т. фут. покрыты хорошими лугами, привольными для пастбы скота; въ нижнемъ раіонѣ тѣхъ же предгорій, въ полосѣ отъ 9½—8 т. фут., гдѣ лѣтніе дожди уже слабѣе, растительность скудная. Рѣчки, пересѣкающія описываемый поясъ, текутъ, какъ сказано выше, въ глубокихъ (иногда до 1,000 футовъ) ущельяхъ. Съ удаленіемъ отъ высокихъ горъ эти ущелья мельчаютъ и расширяются; сами же рѣчки бѣгутъ спокойнѣе. По нимъ лежатъ на окраинѣ предгорій, и еще тысячи на двѣ футовъ по вертикалу внизъ отсюда, земледѣльческія деревни мачинцевъ. Далѣе до песковъ таримской впадины тянется покатая и безплодная волнистая равнина, почва которой состоитъ изъ гальки съ пескомъ. На этой равнинѣ выбѣгающія изъ Кэрійскихъ горъ наиболѣе значительныя рѣчки протекаютъ только лѣтомъ при большой водѣ; въ остальныя времена года онѣ прячутся въ почвѣ и выходятъ вновь на ея поверхность въ оазисахъ, лежащихъ вблизи сыпучихъ песковъ.

Верстахъ въ 30 къ сѣверу отъ подножія западной части высокаго Кэрійскаго хребта высится, словно передовой фортъ, изолированная горная группа *Тэкеликъ-тагъ*. Она протягивается отъ запада къ востоку и затѣмъ къ сѣверо-востоку болѣе чѣмъ на 50 верстъ, при наибольшей ширинѣ въ 20 верстъ; въ срединѣ поднимается выше снѣговой линіи. Впрочемъ, снѣга здѣсь немного, хотя, по словамъ туземцевъ, отъ него стекаютъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ. Дикость и труднодоступность составляютъ общій характеръ описываемыхъ горъ; ихъ крутые склоны сплошь изборождены скалами; притомъ нижній и средній пояса совершенно безплодны. Лишь въ поясѣ верхнемъ появляются, какъ намъ сообщали, скудные луга, на которыхъ пасется скотъ мачинцевъ, живущихъ въ небольшомъ числѣ въ томъ же Тэкеликъ-тагѣ. Восточный уголъ этой горной группы омываетъ Аши-дарья, западный—р. Юрунъ-кашъ; обѣ онѣ текутъ здѣсь въ глубокихъ корридорахъ.

Флора. Несмотря на обиліе лѣтнихъ дождей, Кэрійскій хребетъ бѣденъ своею флорою. Причинами тому, вѣроятно, служатъ: рѣзкій контрастъ, на небольшомъ сравнительно пространствѣ, сухой и жаркой пустыни съ громадными холодными горами, а также черезчуръ крутая стѣна этихъ горъ, на которыхъ узкіе по вертикалу пояса много различаются между собою относительно температуры и орошенія; при томъ послѣднее даже въ высокомъ горномъ поясѣ обильно только въ лѣтніе мѣсяцы; остальное время года здѣсь господствуетъ засуха.

Общую характеристику описываемой растительности составляютъ полное отсутствіе деревьевъ [1]), большая бѣдность кустарниковъ и исключительное преобладаніе травянистой, всего болѣе альпійской флоры. При томъ растительный поясъ занимаетъ здѣсь, какъ выше было говорено, неширокую полосу предгорій и наружной части главнаго хребта, въ раіонѣ отъ 8—13 т. фут. абс. выс. Почва этого пояса одна и та же—лёссъ, образуемый постояннымъ осѣданіемъ атмосферной пыли. Въ зависимости, вѣроятно, отъ сравнительно меньшаго количества лѣтнихъ дождей и бо̀льшаго вліянія засухи сосѣдней пустыни, нижняя полоса вышенамѣченнаго пояса, въ раіонѣ отъ 8—9½, иногда до 10 т. фут. абс. выс., весьма бѣдна разнообразіемъ своей флоры. Здѣсь по лёссовымъ холмамъ и уваламъ растутъ только: *лукъ* (Allium oreoprasum), мелкая *полынь* (Artemisia frigida) и *дырисунъ*. Но лишь въ этомъ поясѣ встрѣчаются, всего чаще по дну ущелій, кустарники: *золотарникъ* (Caragana pygmaea var.), *мирикарія* (Myricaria germanica var. squamosa), бѣлый *шиповникъ* (Rosa Beggeriana), *барбарисъ* (Berberis kaschgarica, рѣдко Berberis integerrima), *ягодный хвойникъ* (Ephedra vulgaris?), изрѣдка *ломоносъ* (Clematis orientalis var. tangutica) и какой то *солянковый* [2]). Кромѣ того, здѣсь же въ мачинскихъ деревняхъ, лежащихъ по наружной окраинѣ предгорій, въ устьяхъ рѣчныхъ ущелій, растутъ *тополь* и *абрикосы*, а изъ хлѣбовъ на поляхъ засѣваются *ячмень*, *пшеница* и *горохъ*. Два послѣдніе вида не поднимаются выше 8 т. футовъ, тогда какъ ячмень по ущельямъ рѣкъ восходитъ до 10 т. фут. абс. высоты. По этимъ хлѣбамъ, также какъ и у насъ, въ изобиліи встрѣчаются сорныя травы, уже поименованныя при описаніи горнаго теченія Кэрійской рѣки; прибавить только слѣдуетъ *ежесмянку* (Echinospermum sp.), *лебеду* (Chenopodium Botrys), *гусеничникъ* (Eruca sativa) и *полынь* (Artemisia palustris?).

Вверхъ отъ 9½ или 10 т. футовъ дожди лѣтомъ, вѣроятно, обильнѣе и, совмѣстно съ близкимъ здѣсь сосѣдствомъ вѣчныхъ снѣговъ, много понижаютъ среднюю температуру названнаго времени года. Оттого въ этомъ раіонѣ не могутъ расти кустарники и является лишь травянистая растительность, нерѣдко густо одѣвающая горные склоны и образующая прекрасныя пастбища. Однако эта растительность не богата разнообразіемъ видовъ, и здѣшніе луга, даже въ іюлѣ, нигдѣ не представляютъ сплошного ковра цвѣтовъ, хотя бы на маленькихъ площадкахъ. При

[1]) Только въ земледѣльческихъ деревняхъ на окраинѣ предгорій встрѣчаются посаженные тополя и абрикосы.

[2]) Тотъ же, что и по всѣмъ предгорьямъ Русскаго хребта.

томъ для этихъ луговъ замѣчается то же явленіе, что и для всѣхъ горныхъ лѣсовъ Центр. Азіи, именно: склоны горъ и ущелій, обращенные на сѣверъ, одѣты лучшею растительностью, нежели склоны южные, на которые прямо ударяютъ солнечные лучи.

Въ общемъ описываемый луговой раіонъ можетъ быть раздѣленъ на два пояса: *верхній* и *нижній*. Первый изъ нихъ принадлежитъ предгорьямъ въ полосѣ отъ $9^1|_2$—11 т. фут. абс. высоты; второй поднимается вверхъ отъ 11 т. фут. до предѣла растительности. Выше 12 т. футовъ верхній луговой раіонъ переходитъ въ область розсыпей и скалъ, съ которыми появляются и новыя травы. Преобладающими растительными видами въ нижнемъ луговомъ поясѣ служатъ: *овсянка* (Festuca altaica?), растущая отдѣльными кустиками, мало поѣдаемая скотомъ; *лапчатка* (Potentilla bifurca, P. multifida); *порѣзная трава* (Leontopodium alpinum), сиреневаго цвѣта *астрагалъ* (Astragalus sp.), розовый и малиновый *Oxytropis*, *гулявникъ* (Sisymbrium humile), *жеруха* (Lepidium ruderole var. micranthum), западно-тибетская *крапива* (Urtica hyperborea) по ущельямъ, обыкновенно возлѣ грудъ большихъ камней; *анемонъ* (Anemone obtusiloba) и *твердочашечникъ* (Androsace squarrosula n. sp.), въ іюлѣ уже отцвѣтшій. Въ верхнемъ поясѣ луговъ чаще другихъ встрѣчаются: *мыкеръ* (Polygonum viviparum), палевый *твердочашечникъ* (Androsace sarmentosa var. flavescens), крошечная *фіалка* (Viola tianschanica), желтый, рѣже розовато-лиловый *Oxytropis, Omphalodes* по скаламъ, палевый *мытникъ* (Pedicularis versicolor), мѣстами *астра* (Aster alpinum), *ежесѣмянка* (Echinospermum sp.), голубовато-лиловая *герань* (Geranium Pylzowianum), *горицвѣтъ* (Lychnis opetala) обыкновенно въ одиночку, кое-гдѣ *Lloydia serotina*; на мѣстахъ прежнихъ стойбищъ и нерѣдко въ лёссовыхъ стѣнахъ старыхъ жилищъ гнѣздятся кучами *шампиньоны*. По розсыпямъ и возлѣ нихъ растутъ: *ревень* (Rheum spiciforme), *мышьякъ* (Thermopsis alpina), густыми площадками въ ложбинахъ между скалъ; изрѣдка *курильскій чай* (Potentilla fruticosa), кустарничкомъ въ $^1|_3$ фута вышиною; *пижма* (Tanacetum fruticosulum?), *валеріана* (Valeriana dioica), *бѣлозоръ* (Parnassia Laxmanni), *Braya sinuata n. sp., Lagotis glauca*, *сухоребрица* (Draba alpina), *очитокъ* (Sedum quadrifidum), маленькій *Oxytropis chionobia?*, *осока* (Carex sp.) на болѣе мокрыхъ мѣстахъ, *вероника* (Veronica ciliata), *лютикъ* (Ranunculus affinis var. dasycarpa), *камнеломки* (Saxifraga n. sp., S. oppositifolia, S. sibirica), *генціаны* (Gentiana tenella var., Gentiana n. sp., G. falcata) и др.

и фауна сѣвернаго его склона.

Хотя Кэрійскій хребетъ помѣщенъ между двумя различными зоологическими областями—тибетской и таримской, притомъ поднимается до

громадной абс. высоты, слѣдовательно представляетъ (по крайней мѣрѣ на сѣверномъ склонѣ) разнообразныя физическія условія, но онъ бѣденъ, кромѣ флоры, и своею фауною. Причинами этого явленія опять-таки служатъ: черезчуръ дикій, недоступный характеръ верхняго пояса описываемыхъ горъ и узкій сравнительно раіонъ ихъ предгорій, болѣе удобныхъ для животной жизни; отсутствіе лѣсовъ и кустарниковъ; затѣмъ сильные почти непрерывные дожди лѣтомъ при значительно низкой температурѣ, такъ что мелкія пташки не могутъ добыть себѣ и дѣтямъ пищи (насѣкомыхъ), въ особенности при отсутствіи зерновыхъ травъ; наконецъ крупнымъ звѣрямъ мѣшаетъ населенность предгорій, пастбища которыхъ лѣтомъ заняты скотомъ туземцевъ.

Въ общемъ сѣверный склонъ описываемаго хребта относительно своей фауны можетъ быть раздѣленъ на два пояса: *нижній*, обнимающій луговыя предгорья въ полосѣ отъ 8—11 т. фут. абс. высоты и *верхній*, къ которому относится альпійская область до вѣчныхъ снѣговъ. Изъ млекопитающихъ въ нижнемъ луговомъ поясѣ всего болѣе *тарабагановъ* (Arctomys himalayanus); на зиму сюда приходятъ *аргали* (Ovis sp.), откочевывающіе лѣтомъ въ верхній горный поясъ; встрѣчаются *лисицы* и, вѣроятно, *волки*; изрѣдка мы видали *летучихъ мышей*—и только. Замѣчательно, что мелкихъ грызуновъ вовсе нѣтъ на лугахъ предгорій [1]), хотя повидимому мѣстность для нихъ привольная. Весьма много на тѣхъ же лугахъ лѣтомъ домашнихъ животныхъ, въ особенности *барановъ* и *козъ*; въ меньшемъ гораздо числѣ встрѣчается здѣсь *рогатый скотъ* (коровы, яки) и *ослы*. Лѣтомъ стада поднимаются по лугамъ изрѣдка до самыхъ розсыпей, на зиму же спускаются въ окраину луговой области; частью ихъ угоняютъ для корма на низовья рѣкъ въ джангалы. Въ верхнемъ горномъ поясѣ обитаютъ: *куку-яманъ* (Pseudois Nahoor) въ большомъ количествѣ; *барсъ* (Irbis sp.)—который охотится за куку-яманами, и какъ вездѣ, рѣдокъ; *хорекъ* (Mustela alpina); *пищуха* (Lagomys rutilus?) по розсыпямъ и валунамъ возлѣ рѣчекъ; наконецъ въ Тэкеликъ-тагѣ водится, какъ намъ сообщали, *дикій козелъ* (Capra sp.), котораго нѣтъ въ хребтѣ Кэрійскомъ, но много по распроснымъ свѣдѣніямъ въ Каранга-тагѣ.

Изъ птицъ въ поясѣ предгорія Кэрійскаго хребта чаще другихъ лѣтомъ попадаются: *горная щеврица* (Anthus rosaceus), *горная чечетка* (Linota brevirostris), *Podoces humilis*, *завирушка* (Accentor fulvescens), *бѣлая плисица* (Motacilla personata), *чеккань* (Pratincola indica), *вьюрокъ*

¹) Нѣтъ также здѣсь и зайцевъ.

(Montifringilla leucura?), *коршунъ* (Milvus melanotis), *кэкликъ* (Caccabis chukar). Въ деревняхъ мачинцевъ, расположенныхъ по долинамъ нижняго пояса предгорій, водятся пернатыя, свойственныя оазисамъ: *удодъ* (Upupa epops), *деревенская ласточка* (Hirundo rustica), *розовый скворецъ* (Pastor roseus), *полевой воробей* (Passer montanus), *красный вьюрокъ* (Carpodacus erythrinus) и др.; кромѣ того здѣсь же найдена нами *Dumeticola major*?, голосъ которой весьма походитъ на трещаніе веретена у прялки. Въ верхнемъ альпійскомъ поясѣ обитаютъ: *ягнятникъ* (Gypaëtus barbatus), *грифы* (Vultur monachus, Gyps nivicola), *гималайскій уларъ* (Megaloperdix himalayanus), *горный голубь* (Columba rupestris), *клушица* (Fregilus graculus), *нипальская завирушка* (Accentor nipalensis), *Leucosticte haematopygia, Fringillauda altaica, Pyrrhospiza punicea.* Водяныя и голенастыя въ описываемыхъ горахъ не держатся. Мы видѣли здѣсь только (въ іюлѣ) нѣсколько пролетныхъ *кроншнеповъ* (Numenius arquatus?), да однажды встрѣтили вѣроятно заблудившуюся *крачку* (Hydrochelidon hybrida), ранѣе не найденную нами въ Центральной Азіи.

Изъ рыбъ въ рѣчкахъ предгорій Кэрійскаго хребта добытъ нами лишь *голецъ* (Nemachilus bombifrons n. sp.). Изъ пресмыкающихся въ тѣхъ же предгорьяхъ найдены только два вида ящерицъ—*Phrynocephalus Roborowskii n. sp., Eremias intermedius*?. Змѣй и земноводныхъ мы не встрѣчали здѣсь вовсе; мало было также и насѣкомыхъ.

Племя мачинъ: Жители въ Кэрійскихъ горахъ принадлежатъ исключительно племени *мачинъ* или *мальчи*, какъ они иногда здѣсь называются. Выше уже говорено было, что это племя считаетъ себя давнишнимъ кореннымъ населеніемъ Вост. Туркестана [1]) и обитаетъ въ юго-восточной его части какъ въ оазисахъ, такъ и въ горахъ. Послѣдніе, т. е. горные мачинцы, болѣе сохранили свой типъ; кромѣ того, отличаются отъ городскихъ или оазисныхъ лучшею нравственностью, какъ равно бо́льшею простотою одежды, пищи и самой жизни. Впрочемъ, всѣ эти различія не особенно велики. Нижеслѣдующее описаніе будетъ относиться главнымъ образомъ къ горнымъ мачинцамъ, которыхъ мы лучше могли наблюдать во время своей лѣтней экскурсіи.

наружный типъ, По наружному типу эти болѣе чистокровные мачинцы представляютъ монгольскую расу въ смѣси съ арійской, но съ преобладаніемъ, какъ кажется, послѣдней надъ первою. Ихъ лицо замѣтно скуластое, носъ

[1]) Существуетъ также мѣстное преданіе, что предки нынѣшнихъ мачинъ въ глубокой древности пришли сюда изъ Индіи и затѣмъ смѣшались съ китайцами. Послѣднихъ называли *чинъ*; именемъ же *ма*, поясняли намъ, вѣроятно назывался пришедшій изъ Индіи народъ—отсюда и вышло *мачинъ*.

[illegible] (... [illegible]tis), *кэкликъ* (Caccabis [illegible]) [illegible] по долинамъ нижней [illegible] оазисамъ: *удодъ* [illegible] rustica), *розовый скворецъ* [illegible] montanus), *красный вьюрокъ* [illegible] здѣсь же найдена нами *Du-*[illegible] на трещаніе веретена [illegible] обитаютъ: *ягнятникъ* (Gypaё-[illegible] nivicola), *гималайскій улларъ* [illegible] (Columba rupestris), *клушица* [illegible] (Accentor nipalensis), *Leucos-*[illegible], *Pyrrhospiza punicea.* Водяныя [illegible] держатся. Мы видѣли здѣсь [illegible] (Numenius arqua-[illegible] заблудившуюся *крачку* (Hydro-[illegible] въ Центральной Азіи.

[illegible] Керійскаго хребта добытъ нами [illegible] Изъ пресмыкающихся въ [illegible] ящерицъ—*Phrynoce-*[illegible]. Змѣй и земновод-[illegible] также и насѣкомыхъ.

Племя мачинъ. Жители въ Керійскихъ горахъ принадлежатъ исключительно племени мачинъ или мальчи, какъ они иногда здѣсь называются. Выше уже говорено было, что это племя считаетъ себя давнишнимъ кореннымъ обитателемъ Вост. Туркестана[1] и обитаетъ въ юго-восточной его части какъ въ оазисахъ, такъ и въ горахъ. Послѣдніе, т. е. горные мачинцы, болѣе сохранили свой типъ; кромѣ того, отличаются отъ городскихъ или оазисныхъ лучшею нравственностью, какъ равно большею простотой одежды, пищи и самой жизни. Впрочемъ, всѣ эти различія не особенно велики. Нижеслѣдующее описаніе будетъ относиться главнымъ образомъ къ горнымъ мачинцамъ, которыхъ мы лучше могли наблюдать во время своей лѣтней экскурсіи.

Наружный видъ. По наружному типу эти болѣе чистокровные мачинцы представляютъ монгольскую расу въ смѣси съ арійской, но съ преобладаніемъ, какъ кажется, послѣдней надъ первою. Ихъ лицо замѣтно скуластое, носъ

[1] Существуетъ также мѣстное преданіе, что предки нынѣшнихъ мачинъ въ глубокой древности пришли сюда изъ Индіи и затѣмъ смѣшались съ китайцами. Послѣдніе называли [illegible]; именемъ же *ма*, поясняли намъ, вѣроятно назывался пришедшій изъ Индіи народъ—отсюда и вышло *мачинъ*.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго.

РЫЖЕВОЛОСЫЕ И ГОЛУБОГЛАЗЫЕ МАЧИНЦЫ ИЗЪ КЭРІЙСКИХЪ ГОРЪ.

расплывшійся на концѣ, хотя переносица не вдавлена, какъ у настоящихъ монголовъ; ростъ волосъ на лицѣ сравнительно слабый, въ особенности на бакахъ и усахъ; глаза большіе и не косо прорѣзанные; брови правильныя; уши часто большія и значительно оттопыренныя; черепъ угловатый съ плоскимъ затылкомъ; лобъ также чаще плоскій; губы довольно толстыя; кожа на тѣлѣ темная, но свѣтлѣе чѣмъ у монголовъ; цвѣтъ глазъ и волосъ преобладаетъ черный; однако нерѣдко, мѣстами даже часто, встрѣчаются у мужчинъ (про женщинъ не знаю) голубые или сѣрые глаза и каштановые, рыжеватые, изрѣдка даже совершенно русые волосы [1]). Эти типичныя черты много сглаживаются у жителей большихъ оазисовъ и городовъ, конечно, отъ постороннихъ примѣсей. Но какъ въ горахъ, такъ и въ оазисахъ, мачинцы отличаются малымъ или только среднимъ ростомъ и слабымъ сложеніемъ.

Мужчины брѣютъ голову, усы подстригаютъ, баки и бороду не трогаютъ; иногда же баки на передней части щекъ бываютъ подбриты. Дѣвушки носятъ отъ 4—6 косъ (сзади и на вискахъ), смотря по густотѣ волосъ. По выходѣ въ замужество такая прическа оставляется до времени беременности; затѣмъ женщина заплетаетъ только двѣ косы сзади. Женскій типъ горныхъ мачинцевъ некрасивый [2]); въ оазисахъ же попадаются смазливыя физіономіи. Для красоты мачинки накрашиваютъ себѣ брови и соединяютъ ихъ выше переносицы; также румянятъ лицо [3]); иныя дѣлаютъ себѣ небольшія букли на вискахъ, или подстригаютъ волосы на лбу, какъ наши модницы.

Одежда горныхъ мачинцевъ отличается отъ одежды живущихъ въ большихъ оазисахъ и городахъ только тѣмъ, что у первыхъ она проще, чѣмъ у послѣднихъ. Универсальнымъ одѣяніемъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, служитъ халатъ, сшитый изъ бѣлой или крашеной (всего чаще темно-синей) маты, изъ ситца, русскаго тика или чертовой кожи, наконецъ изъ шелковой матеріи у достаточныхъ. У женскихъ халатовъ для украшенія нашиваются на груди (по 3—4 съ каждой стороны) широкія (около вершка) поперечныя полосы изъ шелковой или шерстяной зеленой тесьмы. Обыкновенно халатъ дѣлается стеганый на ватѣ, рѣже на одной только подкладкѣ. У мужчинъ онъ подпоясывается кушакомъ изъ цвѣтной матеріи; тѣмъ же кушакомъ бываетъ подпоясана и ру- одежда,

[1]) Такъ на лицѣ; голова же обрита.

[2]) Причинами тому здѣсь считаются: высота мѣстности, худая лѣтняя погода, всегдашняя возня со скотомъ и грязная обстановка жизни вообще.

[3]) Такъ въ оазисахъ и подгорныхъ деревняхъ. Собственно горныя мачинки, кромѣ небольшихъ исключеній, не красятся и не румянятся.

башка, если халатъ надѣтъ на распашку; сбоку на кушакѣ всегда виситъ кисетъ съ табакомъ, ножикъ (въ ножнахъ) и огниво. Женщины носятъ халатъ на распашку. Въ холодъ иногда надѣваются два халата, одинъ поверхъ другого. Подъ халатомъ у мужчинъ надѣты панталоны изъ той же маты и длинная, также въ родѣ халата, распашная изъ бѣлой, рѣже цвѣтной, матеріи рубашка; иногда воротъ этой рубашки бываетъ вышивной или покрытъ матеріею другого цвѣта. У женщинъ тѣ же панталоны и та же рубашка, но только не распашная, а съ прямымъ (по срединѣ груди) воротомъ, который застегивается двумя, рѣже тремя или четырьмя большими пуговицами (иногда серебряными) въ формѣ жолудя. На ногахъ оба пола носятъ одношовные сапоги, похожіе на наши, но сшитые на прямую колодку съ пришивною подошвою и нерѣдко съ подковами на каблукахъ. Иногда сапоги бываютъ съ калошами—у старшинъ, муллъ и вообще у зажиточныхъ людей; случается, что женщины носятъ сафьянные сапоги, узорчато вышитые тонкою мѣдною проволокою.

Зимою оба пола надѣваютъ бараньи шубы, изрѣдка покрытыя какою либо матеріею, или теплые халаты. Кромѣ того, бѣдные мачинцы въ горахъ шьютъ себѣ для защиты отъ лѣтнихъ дождей войлочные плащи. На головѣ мужчины носятъ зимою и лѣтомъ барашковыя шапки (черныя, бѣлыя и пѣгія) съ высокимъ околышемъ; иногда въ городахъ и большихъ оазисахъ надѣваютъ аракчинъ (тюбетейку); чалму мы видѣли только у муллъ. Женщины носятъ такія же какъ у мужчинъ бараньи шапки; въ праздничные дни, нѣкоторыя достаточныя щеголихи являются въ шапкахъ съ широкимъ околышемъ изъ мѣха выдры. Сверхъ головы подъ шапку женщины надѣваютъ короткія или длинныя покрывала—бѣлыя, ситцевыя, рѣже шелковыя. Однако эти покрывала рѣдко употребляются для завѣшиванія лица; такъ по крайней мѣрѣ въ горахъ.

Изъ украшеній женщины носятъ: въ ушахъ довольно большія, серебряныя съ бирюзою, серьги, которыя у иныхъ соединяются ниткою цвѣтныхъ бусъ позади шеи; на пальцы надѣваютъ кольца серебряныя или золотыя, но браслетъ не знаютъ. Иногда голову украшаютъ красными лентами (чашвакъ), которыя повязываются черезъ лобъ сзади головы и отсюда спускаются по спинѣ между двумя косами до пятокъ; на концѣ эти ленты оторачиваются бахромою. Дѣти обоего пола одѣваются въ распашныя рубашки; часто бѣгаютъ и нагишомъ.

Всѣ мачинцы держатъ себя довольно опрятно, часто моются и вообще воды не боятся, какъ монголы.

Пищу горныхъ мачинцевъ составляютъ: лѣтомъ—кислое молоко (баранье, рѣже коровье или яковое), булки изъ ячменя, пшеницы, или кукурузы и мучная болтушка на вскипяченной водѣ съ добавленіемъ того же кислаго молока; зимою молоко замѣняется чаемъ, который пьютъ съ масломъ, собраннымъ во время лѣта. Дзамбы, столь употребительной въ Тибетѣ, здѣсь вовсе не знаютъ. Мясо ѣдятъ въ рѣдкость, всего болѣе по скупости. Иногда варятъ рисъ и дѣлаютъ съ примѣсью въ него бараньяго мяса вкусную колбасу изъ бараньихъ же кишекъ. Кислое молоко разбалтывается еще въ водѣ; въ такомъ видѣ ѣдятъ его съ булками или пьютъ вмѣсто нашего квасу; не брезгаютъ также и сырою водою для питья. Вообще молоко употребляется здѣсь главнымъ образомъ кислое; при томъ съ него предварительно снимаютъ отстой для масла [1]), которое приготовляется чисто, не такъ какъ у монголовъ. Ѣда обыкновенно производится три раза въ день—утромъ, въ полдень и вечеромъ. пища,

У жителей оазисовъ, въ особенности городскихъ, пища лучше и разнообразнѣе. Тамъ важное подспорье для ѣды составляютъ фрукты, частью огородные овощи; затѣмъ въ большомъ употребленіи чай и рисъ. На базарахъ продаютъ баранье мясо [2]), съ которымъ приготовляется любимѣйшее кушанье—пловъ (пилавъ), а также пельмени; изъ муки, кромѣ булокъ, дѣлаютъ пироги, оладьи и родъ толстой вермишели; варятъ разные супы; зажиточные ѣдятъ куръ или утокъ и ихъ яйца. Много ѣсть мяса всѣ вообще мачинцы не могутъ, у нихъ дѣлается разстройство желудка. Пища приготовляется чисто, равно какъ чисто содержится и посуда.

Въ оазисахъ и городахъ жилища мачинцевъ состоятъ изъ глиняныхъ, рѣже изъ сырцоваго кирпича, сакель, называемыхъ по мѣстному *юй*. Замѣчательныхъ архитектурныхъ построекъ, нерѣдкихъ въ нашемъ Туркестанѣ, здѣсь нѣтъ. Горные же мачинцы выкапываютъ свои обиталища въ лёссѣ и только въ подгорныхъ деревняхъ, да и то не вездѣ, можно видѣть настоящую глиняную саклю. жилище,

Для устройства лёссоваго жилья выбираются подходящія къ тому мѣста, именно балки, обрывы, или крутые склоны небольшихъ холмовъ, обращенные преимущественно на югъ. Здѣсь въ лёссовой почвѣ, отли-

[1]) Масло очень дешево; мы покупали его въ горахъ по одной теньге (10 коп.) за гинъ (1½ фунта).

[2]) Мясо рогатаго скота рѣдко здѣсь употребляется въ пищу; свинина изгнана магометанскимъ закономъ. Лишь недавно китайцы стали заводить свиней, но пока ихъ еще очень мало.

чающейся, какъ извѣстно, весьма большимъ сцементированіемъ своихъ частицъ, выкапывается жилое помѣщеніе [1]). Для потолка оставляется, сводомъ фута въ три толщиною, слой того же лёсса [2]), или (рѣже) потолокъ дѣлается изъ настилки (жерди и хворостъ), поверхъ которой насыпается и утрамбовывается опять-таки лёссъ. Въ потолкѣ продѣлывается небольшая наклонная отдушина [3]) для свѣта, который кромѣ того попадаетъ въ описываемое жилье черезъ корридорообразный входъ. Во время холода и на ночь этотъ входъ завѣшивается войлокомъ; при хорошей же погодѣ, да и вообще лѣтомъ остается на весь день открытымъ. Въ одной изъ боковыхъ стѣнъ жилья устраивается очагъ съ трубою, выведенною наружу; на этомъ очагѣ горитъ бараній аргалъ и варится ѣда. Въ другой стѣнѣ, обыкновенно противоположной входу, дѣлается ниша, куда складываютъ лишнюю одежду и войлоки. Рядомъ съ главною комнатою выкапывается кладовая для помѣщенія запасовъ и еще одна или двѣ такія же комнаты, служащія спальнями и для обыденнаго пребыванія семьи. Здѣсь возлѣ стѣнъ оставляются пласты лёсса въ родѣ наръ для сидѣнья и спанья; въ стѣнахъ же дѣлаются ниши для склада пожитковъ.

Возлѣ жилаго помѣщенія выкапываютъ небольшія ямы для храненія аргала и дѣлаютъ для скота загонъ; послѣдній изрѣдка устраивается также подъ землею. Если описанное жилье помѣщено въ лёссовыхъ ямахъ или балкахъ на мѣстности равнинной, то оно даже вблизи мало замѣтно. Зимою въ подземномъ лёссовомъ жилищѣ довольно тепло; лѣтомъ же прохладно. Притомъ подобное обиталище можетъ служить, какъ намъ говорили, лѣтъ до сорока безъ всякаго ремонта; затѣмъ потолокъ и стѣны начинаютъ разрушаться.

Каждая семья мачинцевъ имѣетъ обыкновенно нѣсколько, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, подземныхъ сакель и перекочевываетъ въ нихъ, смотря по времени года и обилію корма для скота. Притомъ лёссовыя жилища не скучиваются, но располагаются или въ одиночку или совмѣстно въ небольшомъ числѣ.

Утварь и домашняя обстановка.

Какъ неприхотливо жилье горнаго мачинца, такъ же незатѣйлива его утварь и домашняя обстановка. Посуда (чашки, ложки, ковши, корыта

[1]) Пастухи нерѣдко выкапываютъ для себя маленькія конуры, гдѣ можно спасаться отъ непогоды и спать ночью.

[2]) Лёссъ такъ плотно держится, что мы видали насквозь промокшіе отъ продолжительныхъ дождей потолки, которые все-таки не осыпались.

[3]) Надъ нею иногда дѣлается небольшая, покатая на двѣ стороны, покрышка для защиты отъ дождя.

[illegible] сцементированіемъ своихъ [illegible] ¹). Для потолка оставляется, [illegible] того же лёсса ²), или (рѣже) [illegible] хворость), поверхъ которой [illegible] лёсъ. Въ потолкѣ продѣлы- [illegible] ³) для свѣта, который кромѣ [illegible] черезъ коррадорообразный входъ. [illegible] входъ завѣшивается войлокомъ; при [illegible] остается на весь день откры- [illegible] жилья устраивается очагъ съ [illegible] горитъ бараній аргалъ [illegible], обыкновенно противоположной входу, [illegible] одежду и войлоки. Рядомъ [illegible] для помѣщенія запасовъ [illegible] служащія спальнями и для [illegible] оставляются пласты [illegible] въ стѣнахъ же дѣлаются [illegible]

[illegible] небольшія ямы для хра- [illegible] нарѣдка устраи- [illegible] помѣщено въ лёссо- [illegible] или балкахъ [illegible] равнинной, то оно даже вблизи [illegible]но. Зимою въ подземномъ лёссовомъ жилищѣ довольно тепло; [illegible]е прохладно. Притомъ подобное обиталище можетъ служить, [illegible] говорили, лѣтъ до сорока безъ [illegible] ремонта; затѣмъ [illegible] и стѣны начинаютъ разрушаться.

[illegible] семья [illegible] имѣетъ [illegible], располо- [illegible] въ разныхъ мѣстахъ, подземныхъ [illegible] и перекочевываетъ [illegible], смотря по времени года и [illegible] скота. Притомъ [illegible] жилища не скучиваются, но располагаются или въ одиночку [illegible] въ небольшомъ числѣ.

[illegible] неприхотливо жилье горнаго [illegible] его [illegible] и домашняя обстановка. Посуда [illegible], корыта

¹) Пастухи нерѣдко выкапываютъ для себя [illegible] можно спасаться [illegible] и спать ночью.

²) Лёссъ такъ [illegible] держится, что мы [illegible] отъ продолжи- [illegible] дождей [illegible], которые все-таки не [illegible].

³) Надъ [illegible] дѣлается небольшая, [illegible] покрышка для [illegible] отъ дождя.

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

ЛЁССОВЫЯ ЖИЛИЩА МАЧИНЦЕВЪ ВЪ ГОРАХЪ КЭРIЙСКИХЪ.

и кадушки) вся деревянная, притомъ грубой работы; лишь для почетныхъ гостей имѣется въ каждой семьѣ одна или двѣ фарфоровыя китайскія чашки. Затѣмъ чугунный котелъ для варки пищи, кунганъ (мѣдный кувшинъ) для чая, сита (волосяныя, изъ льна, кисеи или шелка), небольшая желѣзная лопата для выгребанія угольевъ и золы изъ печки, ночникъ (въ формѣ башмака), въ которомъ горитъ сало или баранье масло, наконецъ неизмѣнный кэтмень (родъ лопаты)—вотъ полный инвентарь лёссовой сакли. Даже сундуковъ для складыванія лишняго добра здѣсь нѣтъ. Ихъ замѣняютъ, какъ выше сказано, ниши въ лёссовыхъ стѣнахъ жилищъ, и только у болѣе достаточныхъ возлѣ одной изъ тѣхъ же стѣнъ устраивается большой деревянный рундукъ съ крышкою.

Садятся мачинцы или прямо на полъ, гдѣ постилается тогда войлокъ, или на нары для спанья, наконецъ на особыя подмостки изъ досокъ, также покрытыхъ войлокомъ, иногда ковромъ, если случится почетный гость. Для спанья у всѣхъ имѣются круглыя подушки; покрываются ночью большею частію своею же одеждою. У жителей оазисовъ или городскихъ домашняя обстановка лишь немного лучшая, даже у людей достаточныхъ.

Главное занятіе горныхъ мачинцевъ—скотоводство, всего болѣе разведеніе барановъ и въ меньшемъ числѣ козъ; рогатаго скота (коровы, яки) здѣсь мало, ибо онъ выпалъ въ послѣдніе годы; немного также и лошадей; ословъ же довольно; они, какъ и въ оазисахъ, составляютъ вьючное верховое животное. Занятія,

Бараны, въ большомъ весьма количествѣ содержимые горными мачинцами, двухъ породъ: съ грубою шерстью, называемые *кыльчакъ*, и съ тонкимъ руномъ—*гырдэ́* [1]). Послѣдніе встрѣчены были нами лишь въ Кэрійскомъ хребтѣ къ западу отъ р. Нура; первые же исключительно приводились намъ на продажу въ хребтѣ Русскомъ, гдѣ тонкорунныя овцы составляютъ, какъ говорятъ, рѣдкость. Впрочемъ, быть можетъ, тонкорунныхъ овецъ и тамъ довольно, но отъ насъ это скрывали; или такія овцы разводятся лишь въ Кэрійскомъ хребтѣ и сосѣднемъ ему Каранга-тагѣ, потому что здѣсь лучше пастбища.

Оба названные вида достигаютъ только средняго роста и имѣютъ маленькій продолговатый курдюкъ [2]); рога у нихъ походятъ на арга-

[1]) *Кыльчакъ* считается породою изъ Хотана; *гырдэ*—спеціально мачинскою горною породою.

[2]) Крупныхъ барановъ съ большимъ курдюкомъ мы не встрѣчали отъ Лобъ-нора или, вѣрнѣе, отъ поселенія Чархалыкъ; горные мачинцы ихъ не держатъ, ибо, по словамъ тѣхъ же мачинцевъ, такимъ баранамъ трудно лазить по горамъ; притомъ въ гористой мѣстности они часто израниваютъ свои курдюки и въ ранахъ заводятся лѣтомъ черви.

линные. Преобладающій цвѣтъ шерсти у того и другого вида бѣлый, хотя нерѣдко морда и уши, или вся голова, иногда же и шея окрашены въ черный цвѣтъ; изрѣдка встрѣчаются совершенно черные экземпляры.

У тонкорунныхъ барановъ (гырдэ) шерсть довольно длинная, нѣжная и спирально завитая. Однако изъ нея приготовляютъ лишь хорошіе войлоки и матерію чакмень; на тонкую пряжу и тонкую ткань эта шерсть почти не употребляется, такъ какъ ее трудно скручивать въ нитки по объясненію туземцевъ. Зато въ большомъ ходу мѣхъ этихъ барановъ: изъ него дѣлаютъ шубы, шапки и подбой для теплыхъ халатовъ. Шкура цѣнится когда шерсть выросла только на половину, что бываетъ въ іюлѣ послѣ весенней стрижки [1]); вторичная стрижка производится въ сентябрѣ. Въ горахъ хорошая бѣлая шкура стоитъ 5 теньге, черная же вдвое болѣе. Изъ грубой шерсти другой породы барановъ (кыльчакъ) дѣлаютъ войлоки и также чакмень; изъ шкуръ шьютъ шубы, которыя носятъ люди побѣднѣе. Мясо мачинскихъ барановъ обѣихъ породъ на вкусъ грубо; очень жирными они также не бываютъ. Продаютъ этихъ барановъ на золотые пріиски, а также на базарахъ въ большихъ оазисахъ.

Козы, содержимыя мачинцами, доставляютъ отличный пухъ, изъ котораго приготовляются въ Хотанѣ извѣстныя кашмирскія шали и матерія дака. Обстригаютъ козью шерсть очень коротко, затѣмъ отдѣляютъ пушистый подшерстокъ, варятъ его для очищенія отъ грязи и пускаютъ въ работу. По словамъ туземцевъ, много козъ, также какъ и рогатаго скота, истреблено недавнимъ падежомъ, такъ что козлиный пухъ и производства изъ него стали гораздо дороже.

Лошадей у горныхъ мачинцевъ, мы видѣли довольно хорошихъ— сильныхъ и статныхъ, хотя и не крупнаго роста; только лошади эти малочисленны и притомъ почти исключительно кобылы, ибо кромѣ недавняго истребленія описываемыхъ животныхъ китайцами, эти послѣдніе и теперь постоянно отбираютъ, конечно даромъ, жеребцовъ или мериновъ для собственной верховой ѣзды.

Помимо скотоводства, горные мачинцы занимаются земледѣліемъ, въ удобныхъ для того мѣстахъ. Сѣютъ болѣе всего ячмень, затѣмъ пшеницу, рѣже горохъ. Вымолоченный хлѣбъ, кромѣ расходоваго, ссы-

[1]) Шерсть у барановъ гыдрэ мягкая и завитая только въ горахъ, гдѣ животныхъ моютъ постоянные лѣтніе дожди; въ ниже лежащихъ оазисахъ шерсть тѣхъ же барановъ сильно и скоро портится отъ жары и пыли; даже завитки развиваются. Такъ случилось съ баранами, купленными нами въ горахъ для ѣды и пригнанными въ оазисъ Чира.

пается въ ямы на тѣхъ же поляхъ; здѣсь складывается въ кучу и солома, которую, въ защиту отъ бурь, покрываютъ сверху слоемъ земли. Земледѣльческія деревни, какъ уже было говорено, расположены на рѣчкахъ въ окраинѣ предгорій и пониже отсюда. Система орошенія и обработка полей та же, что во всѣхъ оазисахъ. Лишній хлѣбъ сбывается на золотые пріиски. Тихомолкомъ и сами мачинцы занимаются разработкою золота, которымъ, какъ говорятъ, весьма богаты ихъ горы.

Обрабатывающая промышленность у описываемыхъ мачинцевъ, какъ въ горахъ, такъ и въ оазисахъ-деревняхъ ограничивается приготовленіемъ необходимыхъ для домашняго обихода предметовъ одежды, частью, быть можетъ, и утвари. Баранью шерсть сучатъ здѣсь съ помощью палокъ и веретенъ, хлопчатую бумагу (въ деревняхъ) прядутъ на прялкахъ. Изъ того и другого, какъ мужчины, такъ и женщины ткутъ мàту и грубое сукно; кромѣ того, мужчины катаютъ изъ шерсти войлоки. Оба пола сами шьютъ для себя одежду и обувь, за исключеніемъ щегольской. Въ городахъ и большихъ оазисахъ, населенныхъ мачинцами, имѣются портные, сапожники, ткачи, кузнецы, серебреники, шорники и др. ремесленники. Всѣ они работаютъ у себя по домамъ, нерѣдко прямо на улицѣ — въ одиночку или съ небольшимъ числомъ работниковъ. Фабрикъ и заводовъ здѣсь нѣтъ вовсе; обрабатывающая промышленность всюду кустарная.

Торговыхъ мѣстъ въ Кэрійскихъ горахъ (да и въ Русскомъ хребтѣ) нигдѣ нѣтъ. Сюда только пріѣзжаютъ по временамъ купцы изъ Кэріи, Чиры и Хотана. Они привозятъ на продажу матерію, табакъ, чай, мыло и другія мелочи; сами же покупаютъ овчины, шерсть, масло, баррановъ и тайкомъ золото. Кромѣ того, горные мачинцы иногда ѣздятъ сами за покупками въ ближайшіе оазисы-города.

По своему характеру мачинцы какъ горные, такъ и живущіе въ оазисахъ, представляютъ смѣсь качествъ хорошихъ и дурныхъ, съ значительнымъ, впрочемъ, преобладаніемъ послѣднихъ надъ первыми. Прежде всего бросается здѣсь въ глаза ужасная болтливость народа, относительно которой мужчины, кажется, даже перещеголяли женщинъ. Затѣмъ всѣ мачинцы большіе трусы и гуляки. Пѣсни, музыка [1]) и танцы составляютъ любимѣйшія утѣхи даже въ самыхъ дикихъ горахъ. «Счас- Характеръ и обычаи.

[1]) Музыкальные инструменты горныхъ мачинцевъ (частью тѣже, что и у другихъ туркестанцевъ): *Дапъ*— бубенъ съ кольцами внутри. *Дутàръ* — родъ балалайки съ двумя струнами изъ кишекъ или шелковыми; играютъ на немъ пальцами. *Ситэръ* — также въ родѣ балалайки; 6—7 мѣдныхъ струнъ; играютъ смычкомъ. *Робàбъ*—у котораго 6 струнъ

тіе, что этотъ народъ не знаетъ водки, а то бы совсѣмъ съ пути сбился», говорили наши казаки, мѣтко опредѣляя разгульный характеръ мачинцевъ. Притомъ эти послѣдніе вообще скупы, жадны на деньги и достаточно лѣнивы; наконецъ, какъ всѣ вообще азіатцы, развратны. Впрочемъ, горные мачинцы все-таки нравственнѣе, чѣмъ жители большихъ оазисовъ и городовъ. Съ другой стороны, въ характерѣ описываемаго народа похвальную черту составляетъ любовь къ дѣтямъ и вообще родственниковъ между собою. При нуждѣ они всегда помогаютъ другъ другу. Родители и старшіе весьма здѣсь уважаются. Воровство составляетъ рѣдкое преступленіе. Пьянство неизвѣстно, но табакъ курятъ всѣ мужчины, въ большихъ оазисахъ нерѣдко и женщины. Тамъ же сильно распространено куреніе одуряющей *нашй* [1]), но горные жители не знаютъ этой отравы.

Относительно умственныхъ способностей, трудно похвалить мачинцевъ. Хотя они достаточно хитры и плутоваты, но мало показываютъ смётки во всемъ, что только выходитъ изъ узкихъ рамокъ ихъ обыденныхъ понятій и обыденной обстановки. Нельзя сказать, чтобы горные мачинцы были народъ вялый, но женщины здѣсь вообще бойчѣе мужчинъ, да и трудолюбивѣе ихъ. На женщинахъ лежатъ всѣ заботы по домашнему хозяйству и по воспитанію дѣтей. Послѣднихъ мачинки кормятъ грудью очень долго — до двухъ, даже до трехъ лѣтъ, когда ребенокъ уже самъ ходитъ и хорошо говоритъ.

Согласно магометанскому закону, многоженство у мачинцевъ допускается, но имъ пользуются только люди богатые. Обыкновенно держатъ одну жену, рѣже двѣ—три; за то ихъ часто мѣняютъ, ибо разводъ весьма свободенъ. Нерѣдко можно здѣсь встрѣтить женщинъ за шестымъ или седьмымъ мужемъ; за двумя же или тремя мужьями перебывала почти каждая мачинка. Замужъ дѣвушки выходятъ между 12—15 лѣтнимъ возрастомъ; мужчины также женятся, начиная лѣтъ отъ пятнадцати. Разведенные супруги могутъ завтра же вступать въ новые браки. Родство, даже двоюродное, не считается препятствіемъ, такъ что дядя можетъ жениться на племянницѣ, или племянникъ на теткѣ, не говоря уже о двоюродныхъ сестрахъ и братьяхъ. Только

(3 мѣдныхъ и 3 изъ кишекъ); играютъ при помощи небольшой деревяшки. *Калунъ*— въ родѣ большой цитры; много струнъ желѣзныхъ и мѣдныхъ; играютъ съ костяжкою, надѣваемою на большой палецъ. Кромѣ того, у городскихъ мачинцевъ имѣются: *Сурна*— въ родѣ флейты изъ мѣди. *Гыджакъ*—въ родѣ скрипки; играютъ на немъ смычкомъ. Маленькія *трубочки* изъ тростника въ родѣ свирѣли.

[1]) *Нашá* (гашишъ,—по тюркски *бангъ*) приготовляется изъ сѣмянной пыли конопли.

[illegible]

[illegible] в старом [illegible]
[illegible] преступления [illegible]
[illegible] распространено [illegible]

[illegible] не может [illegible]

[illegible]

[illegible] работе [illegible]
12-[illegible] мужчины [illegible]
[illegible] группы могут [illegible]
[illegible] бывают [illegible], не [illegible]
[illegible] преступлений [illegible]
[illegible] в [illegible] центрах [illegible]

[illegible]

Фотограф. съ нат. В. И. Роборовскаго

ТАНЦЫ МАЧИНЦЕВЪ ВЪ ГОРАХЪ КЭРІЙСКИХЪ.

самые близкіе родные, именно братья и сестры отъ однихъ родителей, не могутъ вступать въ браки между собою. Обрядъ бракосочетанія тотъ же, что и у другихъ мусульманъ; особаго угощенія не полагается, такъ что свадьбы стоятъ дешево.

Похоронные обряды также обще-мусульманскіе. Отличіе въ томъ, что послѣ похоронъ близкіе родственники покойника должны жить 40 дней на его могилѣ. Однако обычай этотъ, за малыми исключеніями, соблюдается только отчасти. Затѣмъ, въ четвергъ каждой недѣли, тѣ же родственники посѣщаютъ могилу усопшаго, молятся ему и просятъ помогать въ здѣшней жизни. Приносятъ тогда съ собою пищу (всего чаще масляныя лепешки) и оставляютъ ее на могилѣ; этою пищею обыкновенно пользуются бѣдные.

При своей склонности къ разгульной жизни мачинцы весьма любятъ ходить въ гости одинъ къ другому и устраивать общія веселья. Такъ всюду, даже въ горахъ; въ оазисахъ рабочіе берутъ нерѣдко съ собою въ поле тотъ или другой музыкальный инструментъ и обыкновенно поютъ пѣсни во время работы. Главнымъ предметомъ пѣснопѣній служитъ любовь. Наиболѣе распространенная пѣсня называется *назугу̀мъ*. Вотъ ея переводъ, не совсѣмъ впрочемъ гладкій: «О милая моя! твои черные волосы спустились на виски. Безъ спроса цѣловать тебя нельзя. Какъ бы мнѣ не убиться, если цѣловать себя не позволишь. О тебѣ ли, милая моя, сталъ я страшно тосковать. Всюду ты мнѣ мерещишься, такъ и хочется броситься къ тебѣ. Мы оба ровесники, будто выросли вмѣстѣ. Если мы соединимся, составимъ распустившійся цвѣтокъ. Поймаю сѣткою сокола, парящаго въ воздухѣ. Милая моя, черноглазая, проглочу тебя съ водою. Былъ бы золотой браслетъ, надѣлъ бы его себѣ на руку. Груди моей милой буду, какъ лѣкарство, прижимать къ своему сердцу. Не видалъ бы ея раньше, не отдалъ бы ей душу, сохранилъ для себя. Я говорилъ душѣ—«разлучись», не разлучается; отвѣчаетъ же мнѣ: «эй, юноша, можно ли соединившіяся души разлучить». Я слышалъ—ты безжалостная, привязалъ къ своему сердцу камень. За тебя, безжалостную, чуть свѣтъ пла̀чу кровью».

Языкъ и грамотность.

Языкъ мачинцевъ тотъ же тюркскій, который господствуетъ во всемъ Восточномъ Туркестанѣ; вѣроятно онъ имѣетъ свои особенности, но подмѣтить ихъ, при личномъ незнакомствѣ съ вышеназваннымъ языкомъ, мы не могли. Переводчикъ же нашъ вездѣ свободно съ мачинцами объяснялся, хотя, по его увѣренію, попадались слова «не подходящія» къ кульджинскимъ. Кромѣ того мы замѣтили, что скороговорки какъ на Лобъ-норѣ здѣсь нѣтъ. Впослѣдствіи, уже въ Хотанѣ, говорили намъ,

что языкъ мачинцевъ, помимо мелкой собственной разницы по оазисамъ, много отличается отъ говора кашгарскаго и аксуйскаго, т. е. отъ языка ардбюль. Грамотность у горныхъ мачинцевъ мало развита. Лишь болѣе достаточные посылаютъ своихъ дѣтей учиться въ школы, которыя заведены (иногда по двѣ-три) во всѣхъ подгорныхъ деревняхъ, не говоря уже объ оазисахъ и городахъ. Тамъ почти всѣ грамотны. Въ Кэріи, Хотанѣ и мазарѣ Имамъ-Джаферъ-Садыкъ устроены высшія духовныя училища (медрессе), въ которыхъ преподаютъ также персидскій и арабскій языки. Въ эти училища поступаютъ юноши и взрослые; выпускаютъ ихъ на должности муллъ. Въ каждомъ изъ названныхъ училищъ отъ 50—150 учениковъ. Кромѣ того, въ Кэріи, Хотанѣ, да и въ другихъ городахъ Вост. Туркестана китайцами заведены школы для туземныхъ мальчиковъ, которыхъ воспитываютъ и обучаютъ на казенный счетъ по китайски. Цѣль этого учрежденія—имѣть хорошихъ переводчиковъ и на мелкихъ административныхъ должностяхъ лицъ, знающихъ китайскій языкъ. Родителей такихъ мальчиковъ освобождаютъ отъ уплаты податей, но все-таки, какъ намъ мачинцы говорили, они неохотно отдаютъ своихъ дѣтей, ибо китайцы сильно ихъ развращаютъ.

религія и суевѣріе,

Всѣ мачинцы—магометане секты суннитовъ. По преданію, они обращены въ магометанство въ 390 году геджры (въ началѣ XI вѣка нашей эры) четырьмя арабскими имамами, запечатлѣвшими насильственною смертью свое здѣсь поприще. Гробницы (мазаръ) этихъ имамовъ находятся неподалеку отъ Полу, въ деревнѣ *Чахаръ-имамъ*, гдѣ и понынѣ живутъ въ качествѣ охранителей (шейховъ) святыхъ гробницъ потомки тѣхъ же имамовъ [1]); сюда стекается немало богомольцевъ. Часть мачинцевъ, нежелавшихъ принять магометанство, ушла къ востоку, неизвѣстно куда. Ранѣе появленія проповѣдниковъ новой вѣры, тѣ же мачинцы были, какъ они сами говорятъ, огнепоклонники и идолопоклонники (буддисты?); много имѣлось тогда у нихъ волшебниковъ. Въ колдовство мачинцы вѣрятъ понынѣ, какъ равно и въ злого духа, котораго называютъ *пари*. Мѣстопребываніемъ его считаютъ пещеры, темные углы жилищъ и мрачныя мѣста вообще. Сильная болѣзнь и сумасшествіе признаются исходящими отъ злого духа. Для изгнанія его

[1]) Мазаръ Чахаръ-имамъ (т. е. четыре имама) лежитъ на р. Аксу въ 23 верстахъ къ западо-сѣверо-западу отъ Полу. По старымъ спискамъ здѣсь считалось 90 дворовъ шейховъ; нынѣ это число еще больше. Они весьма уважаются мачинцами и, какъ мы слышали, достаточно сохранили свой арабскій типъ, несмотря на то, что женятся на мачинкахъ. Своихъ женщинъ выдаютъ за мачинцевъ лишь изрѣдка; словомъ, стараются замкнуться, какъ полусцы.

поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ саклѣ больнаго зажигаютъ сначала ночникъ, который ставятъ въ нишѣ лёссовой стѣны; въ то же время темные углы завѣшиваются цвѣтными тряпками; затѣмъ на эти тряпки, на ночникъ и кругомъ по стѣнамъ брызгаютъ сахарною водою; наконецъ снимаютъ съ паціента панталоны, зажигаютъ ихъ и, обмахнувъ сначала больного, а потомъ вокругъ стѣнъ, выбрасываютъ эти панталоны на дворъ; во время всей церемоніи громко молятся, поютъ, кричатъ, бьютъ въ бубенъ и, вообще, стараются произвести какъ можно больше шуму. О другихъ суевѣріяхъ мачинцевъ мы мало могли узнать положительнаго. Видѣли только (еще въ Черченѣ), что беременная женщина пролѣзла трижды, взадъ и впередъ, подъ нашего верблюда, что считается здѣсь симпатіею для благополучныхъ родовъ; говорили намъ также не одинъ разъ, что если человѣкъ съѣстъ, хотя бы свареные или изжареные, ослиные мозги, то съ ума сойдетъ; еще слышали мы нѣкоторыя повѣрья, но неудобныя для описанія.

Относительно религіи мачинцы далеко не фанатики; даже намазъ въ горахъ совершается лишь изрѣдка. Въ оазисахъ и городахъ моленія дѣлаются аккуратнѣе, потому что тамъ больше духовенства, заинтересованнаго въ подобномъ дѣлѣ.

Изъ болѣзней у горныхъ мачинцевъ всего чаще бываетъ простуда, выражающаяся лихорадкою, болью зубовъ (флюсомъ), иногда горячкою; затѣмъ обыкновенныя язвы на головѣ [1]) и боль живота. Глазныхъ болѣзней здѣсь мало, какъ равно и сифилиса. То и другое царствуетъ въ большихъ оазисахъ, гдѣ также мы видали зобатыхъ. Въ горахъ таковыхъ нѣтъ вовсе, но очень много, какъ говорятъ, въ Яркендѣ. По словамъ горныхъ мачинцевъ, въ 1873 году у нихъ свирѣпствовала болѣзнь (вѣроятно эпидемическая заушница), заключавшаяся въ опухоли железъ (гланды) позади щекъ; больной умиралъ черезъ четверо сутокъ отъ удушья. Болѣзни.

Лѣченіе болѣзней у тѣхъ же мачинцевъ производится собственными, нерѣдко шарлатанскими средствами. Такъ, язвы на головѣ посыпаютъ пепломъ сожженой особеннымъ образомъ змѣи; или вдуваютъ въ носъ больного порошокъ изъ бѣлаго сахара, растертаго съ юфтовою кожею и мелко нарѣзаннымъ конскимъ волосомъ. Раны мажутъ кислымъ молокомъ; сифилисъ лечатъ тѣмъ же молокомъ, но главнымъ образомъ окуриваніемъ больного ртутью и другими ядовитыми снадобьями. Этимъ

[1]) Мачинцы думаютъ, что эти язвы происходятъ отъ бритья головы; на тѣлѣ ихъ не бываетъ.

впрочемъ занимаются уже въ городахъ, гдѣ есть спеціальные доктора. Отъ боли головы и живота горные мачинцы пьютъ разныя мѣстныя травы. Когда послѣ родовъ у женщины болятъ ноги, на нихъ прикладываютъ согрѣтый свѣжій пометъ черной коровы. При родахъ и послѣ нихъ большую помощь оказываетъ, какъ думаютъ мачинцы, принимаемый внутрь порошекъ изъ пантовъ (кровяныхъ маральихъ роговъ). Тотъ же порошокъ служитъ для укрѣпленія здоровья и вообще играетъ немаловажную роль въ мачинской медицинѣ, какъ равно и въ медицинѣ китайцевъ.

Администрація и подати.

Мачинцами, живущими въ Кэрійскомъ хребтѣ, управляетъ тагъ-хакимъ (горный начальникъ), имѣющій свое пребываніе въ д. Чахаръ. Мачинцы Русскаго хребта подчинены прямо Муса-беку кэрійскому, который вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдаетъ всѣми горными мачинцами кэрійскаго отдѣла; городскіе же и оазисные подчинены кэрійскому хакиму (уѣздному начальнику) Акъ-беку. Меньшими административными чинами изъ туземцевъ состоятъ, какъ и въ другихъ частяхъ Вост. Туркестана, минъ-беки и юзъ-баши (въ родѣ нашихъ волостныхъ и сельскихъ старшинъ); въ городахъ же—падша-шабъ-бекъ (начальникъ полиціи, царь ночи), его помощникъ, начальники кварталовъ и десятники; городничіе назначаются изъ китайцевъ. Всѣ туземныя власти никакого казеннаго содержанія не получаютъ, пользуются же поборами (обыкновенно произвольными) съ народа.

Что касается до податей и повинностей, то онѣ для мачинцевъ нынѣ такъ же тяжелы, какъ и для всего осѣдлаго населенія Вост. Туркестана. Какъ горные мачинцы, такъ и оазисные платятъ: съ земли, которую обрабатываютъ, натурою (зерномъ, соломою и дровами), иногда деньгами по разцѣнкѣ; со скота при его продажѣ, а въ горахъ, какъ насъ увѣряли, даже при убоѣ для собственной ѣды или если издохнетъ скотина [1]); наконецъ исполняютъ натуральныя повинности высылкою рабочихъ, доставкою перевозочныхъ средствъ и матеріаловъ для казенныхъ сооруженій. Кромѣ того китайцы дѣлаютъ произвольные поборы (мэй-лянъ) въ видѣ вознагражденія за почетные подарки [2]). Сюда же слѣдуетъ прибавить безконечныя взятки со стороны переводчиковъ, которые служатъ главными посредниками между туземцами и китайскими властями.

[1]) Не знаю на сколько вѣрно, но горные мачинцы говорили намъ, что со скота своего они платятъ подать не ежегодно съ извѣстнаго числа головъ, а лишь въ томъ случаѣ, если эта голова какимъ-нибудь образомъ выключится изъ хозяйскаго стада, т. е. будетъ продана, съѣдена или сама издохнетъ.

[2]) Каковыми иногда бываютъ наши ситцевые платки и разныя другія мелочи.

Нашъ путь вдоль Кэрійскихъ горъ.

Простоявъ пять сутокъ въ колоніи Полу и убѣдившись, что пройдти отсюда въ Тибетъ ущельемъ р. Курабъ невозможно, мы двинулись вдоль сѣвернаго подножія Кэрійскаго хребта. Безъ малаго цѣлый мѣсяцъ употребленъ былъ на эту экскурсію, но ея результаты далеко не оправдали нашихъ ожиданій. Въ сжатомъ очеркѣ эти результаты изложены на предъидущихъ страницахъ. Теперь приходится расказать вкратцѣ о самомъ путешествіи.

Весь путь нашъ лежалъ въ верхнемъ поясѣ предгорій на средней абс. высотѣ отъ 10—11, мѣстами до 12 тысячъ футовъ, словомъ, возлѣ самой подошвы главнаго хребта, который высился громадною недоступною стѣною. Мѣстность же нашего слѣдованія представляла собою холмы или горы, увалы, пади, лога [1]) и глубоко врѣзанныя въ почву рѣчныя ущелья. Послѣднія, въ особенности на болѣе значительныхъ рѣчкахъ, сильно затрудняли движеніе нашего каравана. Притомъ почти безпрерывные дожди многократно увеличивали трудности пути, ибо кромѣ постоянной мокроты и сырости, въ которой мы пребывали, вьюки становились болѣе тяжелыми, крутые спуски скользкими, вода въ рѣчкахъ сильно прибывала, единственное же здѣшнее топливо—аргалъ, будучи измоченнымъ, не горѣлъ. Тѣ же дожди постоянно мѣшали экскурсіямъ и съемкѣ, а иногда удерживали насъ на одномъ мѣстѣ по нѣсколько сутокъ. Вообще, описываемый эпизодъ нашего путешествія былъ на столько затруднителенъ и неблагопріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ, что въ теченіе 28 сутокъ мы прошли только 135 верстъ.

Подъ стать ко всѣмъ невзгодамъ, со стороны труднаго характера мѣстности и отвратительной погоды, оказались и наши караванныя животныя, т. е. лошади, нанятыя въ Кэріи. Никогда неходившіе подъ вьюкомъ, эти кони то брыкались во время завьючиванія, то ложились со вьюкомъ на землю, то во время пути бѣгали въ стороны щипать траву, то наконецъ, не привыкши лазить по горамъ, нерѣдко обрывались съ кручи. Нѣсколько лучше шли только тѣ кони, которыхъ вели подъ уздцы, но для всего каравана набрать вожаковъ было невозможно. И безъ того казаки большею частью шли теперь пѣшкомъ; ихъ же верховыя лошади, для облегченія собственно вьючныхъ, были также завьючены. Притомъ нѣсколько человѣкъ туземцевъ, отправившихся изъ Кэріи вмѣстѣ съ нанятыми лошадьми, вскорѣ совсѣмъ раскисли отъ холода и непогоды; пришлось отпустить ихъ назадъ и замѣнить новыми рабочими, но и эти, пробывъ нѣсколько дней на дождѣ, оказались не лучше

[1]) Западнѣе р. Нура все это крупнѣетъ размѣрами.

прежнихъ. Еще счастіе наше, что мѣстные жители доставляли намъ изъ подгорныхъ деревень въ небольшомъ количествѣ дрова, такъ что можно было сварить чай и пищу, иначе пришлось бы вовсе отказаться отъ намѣченнаго пути за неимѣніемъ топлива.

Всего болѣе трудны были, какъ вышеупомянуто, переходы ущелій, которыя сопровождаютъ здѣсь теченіе каждой горной рѣчки, а при наиболѣе значительныхъ изъ этихъ рѣчекъ достигаютъ страшной глубины футовъ на тысячу или около того. Правда, боковые скаты такихъ ущелій внѣ высокихъ горъ большею частью луговые, но они вездѣ очень круты и весьма часто совершенно недоступны; тамъ же, гдѣ эти бока принимаютъ нѣсколько пологій откосъ, спускъ и подъемъ по тропинкамъ, вьющимся зигзагами [1]), нерѣдко весьма опасны, въ особенности для навьюченныхъ животныхъ. Не одинъ разъ наши лошади скатывались съ крутизны, и одна изъ нихъ при такомъ паденіи убилась до смерти. На днѣ описываемыхъ ущелій также далеко не все обстояло благополучно. Здѣсь обыкновенно мчится горный потокъ, переходъ черезъ который вбродъ, даже при убылой водѣ, не безопасенъ, ибо дно завалено большими, мѣстами огромными, валунами, и теченіе крайне быстрое. Если же вода на прибыли, что обыкновенно происходитъ при не слишкомъ сильномъ дождѣ, часовъ съ трехъ пополудни и до утра слѣдующаго дня, тогда переправа совершенно невозможна. Нерѣдко такая высокая вода приходитъ съ горъ вдругъ валомъ, и случается, что уноситъ цѣлыми десятками застигнутый врасплохъ скотъ туземцевъ. Дикую, грандіозную картину представляетъ въ это время подобный потокъ. Грязныя желтовато-сѣрыя волны, съ грохотомъ бѣшено мчатся внизъ, наскакиваютъ одна на другую и на берегъ, разсыпаются брызгами или пѣною, растираютъ въ песокъ мелкую гальку и катятъ громадные валуны. Намъ случалось видѣть вынесенныя изъ горъ въ ущелья, вѣроятно, при исключительной прибыли воды, каменныя глыбы, страшно сказать, до десяти кубическихъ саженъ по объему. По грудамъ всюду наметанныхъ крупныхъ валуновъ можно заключить, какое гигантское разрушеніе творитъ здѣсь вода, та самая, которая, пробѣжавъ нѣсколько десятковъ верстъ внизъ, мирно орошаетъ хлѣбное поле или фруктовый садъ туземца.

Кстати болѣе подробно перечислить тѣ рѣчки, которыя вытекаютъ съ сѣвернаго склона Кэрійскаго хребта и черезъ которыя намъ

[1]) Всѣ эти тропинки проложены пастухами; по нимъ ходятъ и ѣздятъ верхомъ туземцы; настоящей же дороги здѣсь нѣтъ.

пришлось переходить: *Араллыкъ*—лѣвый притокъ Кураба. *Кара-су* правый притокъ *Акъ-су*; послѣдняя течетъ въ глубокомъ ущельи; въ окраинѣ предгорій на ней лежитъ мазаръ и деревня Чахаръ-имамъ. Два безъименные лѣвые притока [1]) той же Аксу. *Ашкэ-эмэ* (течетъ въ глубокомъ ущельи) съ двумя лѣвыми безъименными притоками. *Лалунъ*, съ правымъ безъименнымъ притокомъ, впадаетъ въ *Далунъ* или *Нура*; послѣдняя течетъ въ глубокомъ ущельи. *Кызилъ-су* съ правымъ безъименнымъ притокомъ и *Ханъ-ютъ*; обѣ текутъ въ глубокихъ ущельяхъ и впадаютъ слѣва въ Нура. Двойной безъименный правый притокъ р. *Улуксай* (течетъ въ глубокомъ ущельи). *Юлчунъ-дарья*, съ правымъ и лѣвымъ безъименными притоками, впадаетъ слѣва также въ Улуксай. Безъименная рѣчка—правый притокъ *Генджи-дарья*, которая течетъ въ глубокомъ ущельи. *Сырекъ-булунъ* (въ глубокомъ ущельи) съ правымъ безъименнымъ притокомъ и съ лѣвымъ—*Отуркыръ*. *Улукъ-ачикъ* впадаетъ справа въ р. *Кара-ташъ* (течетъ въ глубокомъ ущельи), и по принятіи справа же Сырекъ-булуна съ Отуркыромъ называется *Ашидарья*.

Всѣ невзгоды нашего труднаго теперь пути не окупались хотя бы посредственною научною добычею. Птицъ въ горахъ было мало, и онѣ большею частью уже линяли, слѣдовательно негодились для чучелъ; немногіе звѣри днемъ держались въ недоступномъ верхнемъ поясѣ горъ; цвѣтущихъ растеній, несмотря на лучшую для нихъ пору года, встрѣчалось также очень мало. При томъ, какъ было упомянуто, непрерывные дожди безъ конца мѣшали нашимъ экскурсіямъ; даже скудную добычу мѣстной флоры и кое-какихъ птицъ невозможно было просушить хотя бы немного [2]). Въ палаткахъ нашихъ стояла постоянная мокрота; одежда, багажъ, вьюки также не просыхали; часовые по ночамъ промокали до костей, по утрамъ же приходилось кутаться въ шубы, ибо вверхъ отъ 12—13,000 футовъ, взамѣнъ дождя, постоянно выпадалъ снѣгъ. Крайне трудно было дѣлать и съемку даже въ томъ случаѣ, когда дождь стихалъ на короткій срокъ. Въ это время со стороны пустыни обыкновенно являлась довольно густая пыль; высокія же горы оставались по прежнему закутанными въ облакахъ. Если случайно открывались эти горы, то со дна глубокихъ ущелій иногда нельзя было видѣть и засѣчь нужныя вершины, или, разъ засѣкши ихъ, при-

[1]) По всему вѣроятію, рѣчки, обозначеныя у меня «безъименными», имѣютъ мѣстныя названія, но мы ихъ не узнали.

[2]) Не только пропускная бумага взятая для сушки растеній, но даже обыкновенная писчая въ дневникахъ до того отсырѣла, что чернила расплывались.

ходилось тотчасъ терять изъ виду; черезъ нѣсколько же дней, когда снова урывкомъ разъяснивало, обыкновенно невозможно было узнать прежнія засѣчки, ибо панорама горъ измѣнялась съ каждымъ нашимъ переходомъ. Болѣе успѣшнымъ занятіемъ могло бы быть изученіе мѣстныхъ жителей, которые при томъ были къ намъ достаточно расположены, но этому также явились помѣхи — разъ по неимѣнію толковаго переводчика, затѣмъ вслѣдствіе скрытности самихъ туземцевъ, а главное потому, что параллельно нашему пути въ подгорныхъ деревняхъ ѣхали два китайскихъ чиновника, посланные спеціально для соглядатайства за нами. Эти китайцы приказывали туземцамъ возможно больше сторониться насъ. Тѣмъ не менѣе почти все, что написано выше о горныхъ мачинцахъ, развѣдано было при настоящей лѣтней экскурсіи.

На всѣхъ нашихъ переходахъ мы встрѣчали жителей; большія стада барановъ попадались очень часто, но лошадей и рогатаго скота было немного; въ глубокихъ ущельяхъ до абс. высоты 10,000 футовъ [1]), даже маленькіе клочки земли, пригодные для обработки, были засѣяны ячменемъ. Туземцы всюду помѣщались въ лёссовыхъ жилищахъ, изрѣдка и въ естественныхъ пещерахъ прочно сцементированной наносной (галька и валуны) почвы. На р. Аши-дарья мнѣ удалось посѣтить такое жилище. Оно состояло изъ большой полусферической выемки въ вертикальномъ обрывѣ наноса. Огромный камень въ нѣсколько сотъ пудовъ вѣсомъ висѣлъ, держась лишь въ верхней своей половинѣ, какъ разъ надъ срединою жилья. Ежеминутно онъ могъ упасть, равно какъ и другіе также крупные (2—3 пуда) валуны, но объ этомъ никто изъ жильцовъ не заботился. Хозяйка объяснила мнѣ, что ихъ семья живетъ здѣсь благополучно уже 14 лѣтъ, и хотя за это время иногда падали съ потолка крупные камни, но никого не задѣвали; на маленькіе же камешки, которые валятся довольно часто, не обращается вниманія.

23-го іюля мы достигли урочища *Улукъ-ачикъ* [2]), которое сдѣлалось крайнимъ западнымъ пунктомъ нашего движенія вдоль Кэрійскихъ горъ. Хотя до р. Юрунъ-кашъ (Хотанской) оставалось, по распроснымъ свѣдѣніямъ, немного болѣе 30 верстъ, но идти туда не было настоятельной необходимости: общее направленіе Кэрійскаго хребта уже было опредѣлено, его топографическій характеръ, флора и фауна достаточно обслѣдованы; при томъ дознано, что проходовъ въ Тибетъ здѣсь нѣтъ.

[1]) Какъ, напр., на р. Нура.

[2]) Лежитъ при абс. высотѣ 11,200 футовъ, на маленькой рѣчкѣ того же имени, впадающей справа въ р. Кара-ташъ.

Между тѣмъ наши караванныя лошади въ конецъ измучились, и почти половина изъ нихъ были вовсе негодны для дальнѣйшаго пути. Отправить до вышеназванной рѣки разъѣздъ также было неудобно, ибо при постоянно дождливой погодѣ, каждая горная рѣчка могла задержать посланныхъ. Въ виду всего этого рѣшено было спуститься изъ горъ на кэрійско-хотанскую дорогу въ оазисъ Чира, привести туда изъ Кэріи верблюдовъ съ оставшимся багажемъ и двинуться къ Хотану.

Постоянные дожди.

Но прежде чѣмъ окончательно разстаться съ Кэрійскими горами, вернемся еще разъ къ тому неожиданному явленію, которое мы здѣсь встрѣтили, именно къ обильнымъ лѣтнимъ дождямъ. Эти дожди начались въ горахъ еще съ половины іюня, а можетъ быть и ранѣе; всего же болѣе усилились въ іюлѣ. Въ названномъ мѣсяцѣ дождь падалъ въ продолженіе всѣхъ 25 сутокъ (съ 29 іюня по 24 іюля) нашего пребыванія въ высокой области Кэрійскаго хребта [1]); да при томъ въ первыя 20 сутокъ стихалъ лишь изрѣдка на короткое время нѣсколькихъ часовъ; затѣмъ вновь лилъ иногда по цѣлымъ суткамъ безъ всякаго перерыва. Вверхъ отъ 12—13,000 футовъ, взамѣнъ дождя, падалъ снѣгъ. Къ сторонѣ таримской впадины, дождевой раіонъ захватывалъ всю полосу предгорій главнаго хребта и спускался даже ниже ея, приблизительно до 6,000 футовъ абс. высоты, а перемежками, вѣроятно, еще болѣе.

Помимо тучъ, приносимыхъ изъ Тибета, обилію дождей въ Кэрійскихъ горахъ способствовало то обстоятельство, что выпадавшая на лёссовую почву влага быстро опять испарялась, въ разрѣженномъ воздухѣ здѣшнихъ высотъ [2]), въ особенности если проглядывало солнце; сосѣднія же снѣговыя горы вновь охлаждали эти испаренія и превращали ихъ въ облака, падавшія новымъ дождемъ. Этимъ объясняется замѣченное нами явленіе, что сильный дождь иногда приносился слабымъ сѣверо-восточнымъ или сѣвернымъ вѣтромъ, слѣдовательно со стороны крайне сухой таримской пустыни. Выпавшая тамъ на окраинѣ дождеваго раіона влага быстро испарялась, а затѣмъ вновь выдѣлялась, лишь только происходило охлажденіе съ поднятіемъ сравнительно теплаго воздушнаго тока въ горы на бо̀льшую абс. высоту.

Въ той горной области, гдѣ мы въ іюлѣ находились, во время описываемыхъ дождей преобладали затишья; вѣтры же, дувшіе съ раз-

[1]) Собственно въ Кэрійскихъ горахъ, отъ колоніи Полу до ур. Улукъ-ачикъ, мы провели 29 сутокъ.

[2]) То же явленіе замѣчено было нами раньше и въ Тибетѣ.

ныхъ сторонъ горизонта [1]), достигали лишь средней силы. Грозъ не было ни одной [2]). Градъ очень мелкій, скорѣе снѣжная крупа, падалъ лишь дважды вмѣстѣ съ дождемъ. Небо постоянно было облачное, за исключеніемъ лишь четырехъ разъ, когда ночью или съ утра разъяснивало на короткое время. Въ зависимости отъ дождей и облачности температура постоянно была очень низка для этого времени года: въ 1 часъ дня термометръ иногда показывалъ лишь +7.2° и ни разу не поднимался выше +16,7°. Однако вслѣдствіе той же облачности ночныхъ морозовъ не было до абс. высоты въ 11,000 футовъ; но они случались вверхъ отъ 12,000 футовъ. Когда стихалъ дождь, то воздухъ лишь на самое короткое время оставался свободнымъ отъ пыли; обыкновенно же она быстро являлась изъ сосѣдней пустыни. Затѣмъ вновь начинавшійся дождь падалъ сначала совершенно грязными каплями.

По словамъ мѣстныхъ жителей, лѣтніе дожди идутъ у нихъ ежегодно и продолжаются до половины, иногда до конца августа.

При бѣгломъ даже взглядѣ на карту Азіи, можно догадаться, что эти дожди приносятся не иначе какъ съ Индѣйскаго океана тѣмъ самымъ юго-западнымъ лѣтнимъ муссономъ, вліяніе котораго прослѣжено было мною въ сѣв.-вост. Тибетѣ, на верхнемъ теченіи Желтой рѣки и въ бассейнѣ озера Куку-нора. Здѣсь, или немного восточнѣе, названный муссонъ находитъ свою восточную границу; тогда какъ сѣверный его предѣлъ, вѣроятно, опредѣляется стѣною высокихъ нерѣдко снѣговыхъ хребтовъ средняго Куэнъ-люня, окаймляющихъ богатое водою сѣверо-тибетское плато, къ сторонѣ котловинъ—Цайдама, Гаса и частью таримской [3]).

Переходъ въ оазисъ Чира.

Передневавъ въ урочищѣ Улукъ-ачикъ на абс. высотѣ 11,200 футовъ, мы пошли отсюда въ оазисъ Чира. На первомъ переходѣ,

[1]) При трехъ, какъ обыкновенно, ежедневныхъ метеорологическихъ наблюденіяхъ, въ продолженіе 25 дождевыхъ іюльскихъ сутокъ, нами наблюдалось: затишье—57 разъ, а вѣтры: С.—2 раза, СВ—8, В—0, ЮВ—2, Ю—3, ЮЗ—2, З—1, СЗ—0.

[2]) Совершенно противоположно тому, что наблюдалось нами въ 1884 году при іюльскихъ же дождяхъ въ сѣв.-восточномъ Тибетѣ.

[3]) Въ одномъ изъ засѣданій Парижской Академіи Наукъ (Comptes rendus des séances de l'Académie des Sciences de Paris — 28 decembre 1885) нашъ извѣстный географъ, М. И. Венюковъ, представилъ интересную записку о приблизительныхъ границахъ лѣтняго юго-западнаго индѣйскаго муссона на основаніи добытыхъ при моихъ путешествіяхъ данныхъ. По мнѣнію г. Венюкова, названный муссонъ захватываетъ обширную часть Центральной Азіи – отъ истоковъ Аму-дарьи и Тарима, приблизительно до меридіана г. Лань-чжоу на Желтой рѣкѣ; къ сѣверу же, на плато Тибета, ограничивается ломаною линіею вдоль 37° сѣв. шир., опускаясь черезъ Хотанъ и Кэрію до 36-й параллели, а на восточной своей окраинѣ поднимаясь почти до 40° сѣв. шир.

внизъ по р. Кара-ташъ, встрѣтились разработки золота, которыя тянутся верстъ на 8—10, какъ то видно было по старымъ и новымъ шахтамъ. Рабочихъ лѣтомъ остается здѣсь менѣе сотни человѣкъ; осенью же, послѣ уборки хлѣба въ сосѣднихъ оазисахъ, число этихъ рабочихъ возрастаетъ, какъ говорятъ, до нѣсколькихъ сотъ. На одномъ изъ пріисковъ, по имени *Капсаланъ,* мы видѣли самый способъ работы. Золотоносная почва выкапывается въ береговыхъ обрывахъ рѣки неглубокими (отъ 2—3 саженъ) вертикальными, или наклонными и недлинными (также лишь въ нѣсколько саженъ) горизонтальными шахтами. Почву эту таскаютъ даже дѣти лѣтъ десяти въ небольшихъ кожаныхъ мѣшкахъ къ рѣкѣ, гдѣ производится промывка. Для этого отъ быстро текущей воды, отводится маленькая канавка, куда воду можно пускать по произволу. На дно такой канавки насыпаютъ сначала тонкій слой лёссовой глины [1]) и сверхъ нея отъ 5—10 пудовъ золотоносной почвы; затѣмъ пускаютъ воду и деревянными граблями, а также чекменемъ взмѣшиваютъ насыпанную почву такъ, чтобы вода уносила крупную гальку и щебень; мелкіе же камешки, песокъ и золото остаются на днѣ канавки. Спустя немного, эту послѣднюю плотно закладываютъ въ вершинѣ и вода сразу пропадаетъ. Тогда собираютъ со дна въ большую деревянную, конической формы чашку, уцѣлѣвшій остатокъ почвы и легонько промываютъ его въ рѣкѣ. Земля и щебень уносятся водою; крупинки же золота остаются въ воронкообразномъ углубленіи на днѣ чашки; самородковъ, какъ говорятъ, не бываетъ. Вообще описываемый пріискъ считается болѣе бѣднымъ, чѣмъ Соргакъ и Копà, лежащіе въ Русскомъ хребтѣ.

Отъ Капсалана мы спустились до 7,500 футовъ абс. выс. двумя небольшими переходами внизъ по той же р. Кара-ташъ, которая, какъ было упомянуто, послѣ впаденія въ нее справа р. Сырекъ-булунъ, принимаетъ названіе Аши-дарья. Теперь стало совершенно сухо и тепло, даже жарко; мы могли наконецъ просушить свои скудныя лѣтнія коллекціи и весь багажъ.

На 8,000 фут. абс. выс. предгорья главнаго хребта кончились; ихъ замѣнила волнистая и покатая отъ горъ безплодная равнина. Въ наносной здѣсь почвѣ рѣка Аши-дарья вырыла себѣ ущелье шириною мѣстами въ $^1|_2$ версты или немного менѣе. Бока этого ущелья обставлены отвѣсными, саженъ отъ 50—70 вышиною, обрывами, въ которыхъ иногда на большомъ протяженіи видны толстые (саженъ 10—15)

[1]) Для того чтобы лучше удержать крупинки золота.

слои краснаго известняка. По дну самаго ущелья, кромѣ рѣки, которая при средней водѣ имѣла отъ 6—7 саженъ ширины и глубину въ 2—4 фута [1]), часто встрѣчаются ключи; на нихъ въ изобиліи растетъ *касатикъ*; много также и *дырисуна*. Тамъ гдѣ почва ущелья удобна для обработки, засѣяны поля ячменя (еще не вполнѣ выколосился) и пшеницы (только начинала цвѣсти). Сакли мачинцевъ, то въ одиночку, то по двѣ-три вмѣстѣ, встрѣчались по дну того же ущелья довольно часто. Появились здѣсь также ненайденныя въ Кэрійскихъ горахъ растенія: *хармыкъ* внизъ отъ 9,000 футовъ; *Lycium, бударгана, Cynomorium* — внизъ отъ 8,500 футовъ; *Myricaria*, *тополь, ива* (два послѣднія саженыя)—отъ 8,000 футовъ; *туракъ* и *тамарискъ*—отъ 7,800 футовъ; почти отъ этой же высоты начали попадаться сады, въ которыхъ абрикосы были теперь, т. е. въ концѣ іюля, еще зелены, тогда какъ въ Кэріи они поспѣли въ первой трети іюня. Впрочемъ, хорошіе сады, въ которыхъ ростутъ также персики, грецкіе орѣхи и айва, стали встрѣчаться намъ лишь отъ 7,000 футовъ по р. Генджи-дарья [2]), на которую мы перешли съ Аши-дарьи, для обхода глубокаго и недоступнаго ущелья этой послѣдней вдоль Тэкеликъ-тага.

По Генджи-дарья населеніе стало еще гуще. Здѣсь же въ деревнѣ *Чахаръ* живетъ управитель (тагъ-хакимъ) всѣхъ мачинцевъ Кэрійскихъ горъ. Жители встрѣчали насъ по пути весьма привѣтливо; угощали фруктами и ѣдою. Жара теперь началась сильная—до $30,1^0$ въ тѣни; сухость воздуха была очень велика; атмосфера стояла пыльная; начали перепадать и бури. Пшеница на абс. выс. 6,500 футовъ уже поспѣла, тогда какъ за два дня передъ тѣмъ, на 8,000 фут., вблизи обильныхъ дождями горъ, только еще цвѣла. Изъ растеній вновь появились: отъ 7,000 фут. — *облепиха* и *джида*; *джантакъ* (Alhagi camelorum) — отъ 6,500 фут. абс. выс. Футовъ на 500 еще ниже, населеніе по Генджи-дарья, какъ кажется, прекращается до выхода названной рѣки въ оазисъ Гулакма.

Въ одной изъ послѣднихъ на той же Генджи-дарья деревень, именно *Чёрюшъ*, мы дневали. Стоянка вышла здѣсь превосходная, въ абрикосовомъ саду. Деревья были усыпаны совершенно зрѣлыми плодами,

[1]) Къ вечеру вода прибывала.

[2]) Здѣсь въ деревнѣ *Эмбаръ* мы видѣли дерево грецкаго орѣха и другое—айвы, имѣвшія каждое, при вышинѣ въ 10—12 саженъ, по двѣ сажени въ окружности ствола у корня. Немного выше его, оба дерева раздѣлялись—айва на два, орѣхъ на три ствола, каждый по 2 — 3 фута въ діаметрѣ. Мѣстные старики говорили намъ, что оба описываемыя дерева 85-лѣтняго возраста.

которыми мы объѣдались далеко не въ мѣру. Недавнія трудности горнаго пути теперь уже были забыты, словно все это случилось Богъ знаетъ какъ давно.

Отъ д. Чёрюшъ пришлось опять перейдти на р. Аши-дарья, которая по прежнему течетъ въ глубокой рытвинѣ, сглаживающейся лишь верстъ за 12 отъ оазиса Чира. Вода въ нижнемъ теченіи названной рѣки бываетъ только лѣтомъ, какъ и въ другихъ рѣчкахъ, стекающихъ съ Кэрійскихъ горъ. Мѣстность по нашему теперь пути представляла пустыню (почва—щебень и песокъ) безъ всякой растительности. Лишь не доходя верстъ десяти до Чира встрѣтилась на берегу Аши-дарья станція (лянгеръ) *Авäкъ*, гдѣ расположено нѣсколько сакель и при одной изъ нихъ разведенъ отличный фруктовый садъ. На слѣдующій день (2 августа) раннимъ утромъ пришли мы и въ самый оазисъ Чира.

Этотъ послѣдній лежитъ на кэрійско-хотанской дорогѣ при абс. выс. въ 4,500 футовъ. Число жилыхъ сакель простирается до тысячи или немного болѣе. Кромѣ мачинцевъ—главнаго населенія, въ западной окраинѣ того же оазиса живутъ такъ называемые *кулъ* [1]), т. е. рабы. По преданію, они были приведены въ древности военноплѣнными изъ Балту (Балтистана) и сдѣлались рабами. Съ водвореніемъ магометанства въ Восточн. Туркестанѣ, потомки этихъ балту получили свободу и теперь совершенно слились съ мачинцами, хотя не утратили своего стариннаго прозвища. Между жителями Чира мы видѣли довольно много зобатыхъ. Женщины здѣсь носятъ покрывала. Однажды въ недѣлю бываетъ базаръ. Описываемый оазисъ славится своими садами; фрукты въ нихъ отличные [2]). Шелководство также процвѣтаетъ, но шелкъ здѣсь только разматываютъ; ткани же изъ него дѣлаютъ въ Хотанѣ. Недостатокъ воды весною значительно тормазитъ хлѣбопашество; рисъ даже вовсе не засѣвается.

По приходѣ въ Чира мы устроили свой бивуакъ въ западной части оазиса въ тѣни абрикосовыхъ деревьевъ. Лѣтняя наша экскурсія теперь была окончена. Въ продолженіе ея, т. е. въ іюнѣ и іюлѣ, мы обошли 450 верстъ. За наемныхъ лошадей пришлось заплатить около 900 рублей на наши деньги.

Послѣ однихъ сутокъ отдыха гг. Роборовскій и Козловъ съ переводчикомъ и двумя казаками отправлены были въ Кэрію за нашимъ Посылка за складомъ въ Кэрію.

¹) Намъ говорили, что тѣ же кулъ живутъ и возлѣ Яркенда.

²) Однако яблоковъ очень мало; намъ говорили, что они худо растутъ при здѣшней жарѣ. Въ тѣхъ же садахъ мы видѣли *японскую софору* (Sophora japonica), называемую по тюркски *тхуммекъ*.

тамъ складомъ и верблюдами. Я же остался съ прочими казаками въ Чира и занялся пополненіемъ лѣтнихъ замѣтокъ, а также писаніемъ краткаго отчета о путешествіи нынѣшняго года. Этотъ отчетъ, вмѣстѣ съ письмами на родину, посланъ былъ (для дальнѣйшей отправки) въ Кашгаръ нашему консулу Н. Ф. Петровскому, много и обязательно содѣйствовавшему намъ въ Восточномъ Туркестанѣ.

Жара, которую мы встрѣтили вскорѣ по выходѣ изъ горъ, теперь еще увеличилась, хотя все-таки въ самомъ оазисѣ не было наблюдаемо болѣе $+35,3^0$ въ тѣни и $+68,5^0$ въ песчаной почвѣ. Утомительно дѣйствовала на организмъ высокая температура еще потому, что она стояла день въ день, да и ночи не давали прохлады. Притомъ купаться было негдѣ, ибо вся вода изъ Аши-дарья расходилась по арыкамъ; случалось даже, что ея не хватало мѣстнымъ жителямъ. Послѣдніе, несмотря на свой кроткій характеръ, иногда вступали изъ-за той же воды между собою въ драку; только драки эти, по выраженію казаковъ, были «не настоящія». Теперь, т. е. въ началѣ августа, персики въ Чира большею частью поспѣли, дыни также; винограда и арбузовъ было еще мало. Дешевизна фруктовъ здѣсь поразительная. Такъ на одну теньгу, т. е. на нашъ гривенникъ, мы покупали 220 отличныхъ персиковъ, и одну также теньгу платили за чарыкъ ($18^3|_4$ фунтовъ) винограда; дыни и въ особенности арбузы продавались нѣсколько дороже.

Черезъ восемь сутокъ вернулись наши посланцы, ѣздившіе въ Кэрію. Съ ними прибыли въ исправности верблюды, казаки и остававшійся на лѣто багажъ. Компасная съемка пройденнаго пути была сдѣлана г. Роборовскимъ. Разстояніе отъ Чира до Кэріи оказалось 85 верстъ. Спеціально колеснаго пути здѣсь нѣтъ; но на колесахъ можно проѣхать довольно удобно; изрѣдка проходятъ туземныя арбы. Мѣстность достаточно оживлена, благодаря тому, что рѣки, сбѣгающія съ ледниковъ Кэрійскаго хребта и теряющіяся въ почвѣ по выходѣ изъ горъ, вновь появляются въ видѣ ключей у подошвы покатой отъ горъ безплодной равнины. Эти ключи доставляютъ воду въ оазисы, хотя главная масса воды для орошенія полей приносится самими же рѣчками при большой лѣтней водѣ. Встрѣченные по пути отъ Чира оазисы были: *Гулакма* и *Домаку* съ промежуточными деревнями *Лайсу* и *Пунакъ*; во всѣхъ этихъ поселеніяхъ около 800 дворовъ; вода доставляется сюда рѣчками—Генджи-дарья, Улуксай и Нура. Далѣе по той же дорогѣ лежатъ станціи—*Кара-кыръ* [1]) и *Я-лангеръ*, а немного въ сто-

[1]) Въ двухъ или трехъ верстахъ отсюда къ сѣверу находится мазаръ *Баба-затэатамъ*.

ронѣ, къ сѣверу, оазисъ *Шивалъ* на р. Кара-су. Верстахъ въ восьми или девяти отсюда начинается *Кэрійскій* оазисъ, который подъ различными названіями (Шамбиръ-базаръ, Фундра и др.) тянется верстъ на 20 слишкомъ отъ запада къ востоку и весь орошается водою Кэрійской рѣки. Въ промежуткахъ названныхъ оазисовъ дорогу сопровождаютъ на нѣсколько верстъ въ ширину (мѣстами больше, мѣстами меньше) заросли тростника, рѣже тамариска [1]), питаемыя подземною водою. Далѣе къ сѣверу залегаютъ сыпучіе пески сплошною, какъ и прежде, массою.

[1]) Встрѣчаются также и туграковыя деревья.

ГЛАВА XII.

Посѣщеніе Хотана. Путь на Аксу и далѣе за Тянъ-шань.

Идемъ опять съ верблюдами.—Оазисъ Сампула.—Наблюденіе осенняго пролета птицъ.—Климатъ августа.—Переходъ въ Хотанъ.—Свѣдѣнія объ этомъ оазисѣ.—Крутыя мѣры относительно китайцевъ.—Дальнѣйшее движеніе.—Рѣка Юрунъ-кашъ.—Оазисъ Тавекъ-кэль.—Описаніе Хотанской рѣки.—Нашъ здѣсь путь.—Тигръ и его привычки.—Климатъ сентября.—Вновь на Таримѣ.—Слѣдованіе по оазису Аксу.—Оазисъ Учь-Турфанъ.—Подъемъ на Тянъ-шань.—Переходъ границы.

Идемъ опять съ верблюдами.

Съ прибытіемъ въ оазисъ Чира верблюдовъ, багажа и казаковъ, остававшихся лѣтомъ на складѣ, экспедиція наша опять собралась воедино. Вмѣстѣ съ тѣмъ близился самый конецъ путешествія, такъ какъ, согласно давнишняго плана, мы должны были теперь идти въ Хотанъ, затѣмъ внизъ по Хотанской рѣкѣ на Аксу и далѣе за Тянъ-шань въ родные предѣлы.

Несмотря на продолжительный отдыхъ въ окрестностяхъ оазиса Ой-тугракъ, наши верблюды мало поправились [1]); нѣсколько штукъ издохли; семеро плохихъ были проданы. Всего теперь у насъ осталось 39 верблюдовъ, но уже не тѣхъ гигантовъ, съ которыми мы пошли изъ Кяхты; наоборотъ—слабосильныхъ и полубольныхъ, словомъ, такихъ, которые могли еще протащить облегченные вьюки по ровной мѣстности до Тянъ-шаня, но не перевалить черезъ названный хребетъ. Въ виду этого, я отправилъ черезъ Кашгаръ въ Семирѣчье тамошнему военному губернатору А. Я. Фриде, письмо съ просьбою выслать намъ въ Аксу въ половинѣ октября 40 свѣжихъ верблюдовъ.

[1]) Вѣроятно, вслѣдствіе жары и докучливыхъ насѣкомыхъ. Болѣе пригоднаго пастбища не нашлось, или его показать не хотѣли. Возлѣ же д. Ачанъ, гдѣ первоначально были оставлены наши верблюды, кормъ для нихъ оказался вреднымъ.

Пересортировка вьюковъ и разныя мелочи по снаряженію задержали насъ въ Чира еще на нѣсколько дней. Да и спѣшить особенно не слѣдовало, ибо по Хотанской рѣкѣ, какъ туземцы единогласно увѣряли, идти почти невозможно ранѣе сентября, когда спадетъ окончательно лѣтняя вода, полегчаютъ жары и уменьшатся тучи комаровъ. Наконецъ 16 августа мы тронулись въ путь. Почти всѣ верблюды шли подъ вьюкомъ; для казаковъ же наняты были до Хотана верховыя лошади.

Мѣстность отъ Чира на протяженіи 40 слишкомъ верстъ до большаго оазиса Сампула представляетъ пустыню, кое-гдѣ поросшую тамарискомъ и совершенно безводную. Здѣсь Тэкеликъ-тагъ заслоняетъ собою снѣга Кэрійскаго хребта, вода съ котораго течетъ или въ Аши-дарью, или въ Юрунъ-кашъ. Дорога сильно песчана; по ней хотя и можно проѣхать на колесахъ, но съ большимъ трудомъ. Кое-гдѣ дорога эта обозначена вѣхами; на разстояніи же 3—4, мѣстами—2 верстъ, словомъ, какъ попало, поставлены сдѣланныя изъ сырцоваго кирпича небольшія (сажени 4 въ основаніи каждой стороны фундамента и сажени 3 вышиною) пирамиды, называемыя туземцами *потай*. Эти потай служатъ здѣсь мѣрою разстояній взамѣнъ таша. Кромѣ того, недалеко одинъ отъ другого имѣются станціонные дворы (лянгеръ) [1]), состоящіе изъ 1—2 сакель и колодца. Въ этихъ колодцахъ (иногда до 50 фут. глубиною), воды мало и она дурного вкуса. Впрочемъ, говорятъ, что въ большіе дожди вода иногда временно прибѣгаетъ съ Тэкеликъ-тага, какъ напр. въ лянгерѣ *Бэшъ-туггракъ*. На мѣстѣ же лянгера *Яильганъ*, по словамъ туземцевъ, лѣтъ 35 тому назадъ стояла деревня изъ 35 дворовъ; при ней были пашни и сады. Вода приходила лѣтомъ съ Тэкеликъ-тага; нынѣ эта вода не добѣгаетъ, ибо русло рѣчки занесено пескомъ.

Вправо отъ нашего пути, сплошные сыпучіе пески тянулись невдалекѣ. На окраинѣ этихъ песковъ, въ 6—7 верстахъ къ сѣверу отъ лянгера Бэшъ-туггракъ, находятся, какъ говорятъ, слѣды древняго города *Шаристанъ*, о которомъ было упомянуто въ X главѣ настоящей книги [2]). Преданіе гласитъ, что этотъ городъ, основанный Сія-вушъ-ханомъ, былъ весьма обширенъ и имѣлъ 24 воротъ; при каждыхъ изъ нихъ стоялъ караулъ въ тысячу человѣкъ. Въ серединѣ города

[1]) Въ слѣдующемъ отъ Чира порядкѣ: *Хальпетъ* (отъ базара въ Чира) 6½ верстъ, *Акинъ*—5; *Эйшма*—9; *Бэшъ-туггракъ*—6½; *Яильганъ*—6½; *Акъ-лянгеръ*—6; *Долъ* (уже въ оазисѣ Сампула)—7 верстъ.

[2]) Стр. 366. Собственно о Шаристанѣ узнали мы въ оазисѣ Сампула, уже пройдя Бэшъ-туггракъ.

лежалъ огромный прудъ. Вода проведена была, вѣроятно, изъ р. Юрунъ-кашъ, орошающей и понынѣ недалеко (15 верстъ) отсюда находящійся оазисъ Сампула. Жители Шаристана были мачинъ, на половину огнепоклонники, на половину вѣры Ноя. Время разоренія этого города, какъ кажется, неизвѣстно.

Оазисъ Сампула.

Вышеупомянутый оазисъ Сампула̀, куда мы пришли, миновавъ пустынную къ западу отъ Чира полосу, лежитъ, при абс. высотѣ 4,500 футовъ, на лѣвомъ берегу р. Юрунъ-кашъ и весь орошается ея водою. Эта вода отведена отъ названной рѣки четырьмя большими арыками, которые выкопаны, вѣроятно, очень давно и нынѣ уже превратились въ настоящія рѣчки. Крайняя изъ нихъ къ востоку называется *Кара-усу* и составляетъ въ административномъ отношеніи границу описываемаго оазиса, принадлежащаго Кэрійскому округу, съ оазисомъ *Юрунъ-кашъ*, который подчиненъ Хотану.

По своей величинѣ оазисъ Сампула самый обширный изъ всѣхъ до сихъ поръ нами видѣнныхъ. Онъ состоитъ изъ 15 волостей (кэнтъ), управляемыхъ каждая особымъ минъ-баши; всѣ они подчинены одному хакиму. Отдѣльныя волости имѣютъ слѣдующія названія: *Долъ*, *Лобъ*, *Рахманъ-пуръ*, *Хангуй*, *Гапа*, *Нава*, *Джама*, *Чавагъ*, *Акчи*, *Гиджа*, *Кико*, *Бизлія*, собственно *Сампула*, составляющая резиденцію мѣстнаго хакима и заключающая въ себѣ еще двѣ волости—*Алтынъ* и *Буя*. Общее число жителей во всѣхъ волостяхъ простирается, какъ намъ сообщали, до 5,500 семействъ. Все это мачинцы, за исключеніемъ лишь волостей Лобъ и Хангуй [1]). Въ первой изъ нихъ, считающей 275 дворовъ, живутъ потомки бѣглецовъ разореннаго города Лобъ [2]); вторая, имѣющая 130 дворовъ, населена, по мѣстному преданію, потомками богатыря Рустемъ-дагестана. Тѣ и другіе нынѣ не отличаются отъ прочихъ оазисныхъ мачинцевъ, въ особенности лобцы. Между жителями Хангуй еще попадаются, даже нерѣдко, мужчины съ свѣтлыми волосами; случайно мы видѣли здѣсь даже женщину блондинку; но все-таки черный цвѣтъ волосъ преобладаетъ.

Легенда о происхожденіи жителей Хангуй слѣдующая: «У Рустемъ-дагестана былъ сынъ, котораго онъ оставилъ въ нынѣшнемъ Вост. Туркестанѣ маленькимъ вмѣстѣ съ матерью, отправляясь куда-то въ дальній походъ. Прошли годы, ребенокъ выросъ, сдѣлался юношею и занимался

[1]) Первая лежитъ въ восточной части оазиса Сампула; вторая занимаетъ сѣверо-восточный его уголъ.

[2]) См. стр. 301 настоящей книги.

посѣвомъ дынь, которыми продовольствовался самъ и кормилъ мать. Возвратившись послѣ долгаго отсутствія, Рустемъ-дагестанъ не могъ разыскать оставленныхъ жену и сына. Лишь случай помогъ этому. Именно, названный герой, при одномъ изъ своихъ поисковъ, встрѣтилъ незнакомаго юношу, съ которымъ вздумалъ ратоборствовать, одолѣлъ его и хотѣлъ уже убить, какъ услышалъ мольбу побѣжденнаго: «пощади сына Рустемъ-дагестана». Обрадованный отецъ призналъ такимъ образомъ своего сына, отъ котораго впослѣдствіи пошло многочисленное потомство, основавшееся на мѣстѣ столь счастливой встрѣчи. Мѣсто это сначала называлось Маганъ, позднѣе же переименовано въ Хангуй.

По приходѣ нашемъ въ Сампула случилась довольно непріятная исторія, въ которой главными виновниками несомнѣнно были китайцы; пострадавшимъ же явился мѣстный хакимъ. Вотъ какъ произошло все дѣло.

Не доходя 7 верстъ до описываемаго оазиса, мы свернули отъ станціи Акъ-лянгеръ съ большой дороги вправо, чтобы идти въ поселеніе Хангуй, гдѣ, какъ намъ давно уже говорили, живутъ рыжеволосые потомки Рустемъ-дагестана. Вскорѣ насъ встрѣтили аксакалъ и другіе старшины названной деревни и предложили дастаръ-ханъ (угощеніе) изъ фруктовъ. Немного погодя пріѣхалъ хакимъ всего Сампула и вызвался быть нашимъ вожакомъ. Съ нимъ мы прошли сначала нѣсколько верстъ по дорогѣ между разбросанными саклями; затѣмъ вдругъ круто свернули вправо и двинулись напрямикъ по указанію того же хакима. Этотъ послѣдній вскорѣ уѣхалъ впередъ, оставивъ вмѣсто себя новаго проводника, съ которымъ намъ пришлось идти не только по пустырямъ, но и черезъ поля туземцевъ, засѣянныя кукурузою или клеверомъ. Позади нашего каравана оставался широкій поясъ истоптаннаго хлѣба; прекратить такое безобразіе нельзя было, ибо не находилось годнаго мѣста для бивуака, жара же стояла страшная. Строго допрошенный вожакъ, а съ нимъ и выѣхавшіе на встрѣчу старшины откровенно теперь намъ объяснили, что дѣло это не случайное, но умышленное со стороны хакима, получившаго въ свою очередь приказаніе отъ китайцевъ всѣми силами дискредитировать насъ въ глазахъ туземцевъ. А чѣмъ же больше можно оскорбить земледѣльца-азіата, какъ не порчею его излюбленнаго поля? Наконецъ уже на окраинѣ деревни Хангуй встрѣтилось удобное для бивуака мѣстечко и мы остановились. Сюда былъ тотчасъ вытребованъ виновный хакимъ. Онъ началъ отговариваться своею ошибкою и незнаніемъ мѣстности, что, конечно, былъ чистѣйшій вздоръ. Въ виду необходимости дѣйствовать въ подобномъ случаѣ круто

и показать какъ туземцамъ, такъ и китайцамъ, что мы можемъ за себя постоять, я приказалъ арестовать хакима и его помощника минъ-баши, умышленно сотворившихъ съ нами подобную исторію. Обоихъ ихъ казаки привязали веревками къ деревьямъ возлѣ нашего бивуака; къ арестованнымъ приставленъ былъ часовой съ ружьемъ. Въ то же время велѣно было нашему переводчику и одному изъ мѣстныхъ старшинъ собрать у хозяевъ истоптанныхъ полей свѣдѣнія объ ихъ убыткахъ. Часа черезъ два свѣдѣнія эти были доставлены и потерпѣвшимъ заплачено. Между тѣмъ вѣсть, что хакимъ сидитъ на привязи, быстро облетѣла ближайшія деревни, и толпы туземцевъ украдкою тамъ и сямъ выглядывали на такое необычайное зрѣлище, большею частью радуясь злополучію своего управителя, всею душею, какъ говорятъ, преданнаго китайцамъ. Я хотѣлъ продержать арестованныхъ до слѣдующаго утра и заставить ихъ вывести насъ обратно отсюда; но передъ вечеромъ пришли мѣстные старшины и многіе почетные туземцы съ просьбою простить «виновнаго» (ихъ собственное выраженіе) хакима. Послѣдній былъ посрамленъ уже достаточно, поэтому получилъ освобожденіе съ надлежащимъ внушеніемъ передъ собравшеюся толпою. Тутъ же явились и два китайца, присланные хотанскимъ амбанемъ «узнать о нашемъ здоровьи»; но эти посланцы, въ виду явнаго криводушія, съ китайской стороны намъ оказываемаго, не были мною приняты.

Кстати еще о китайцахъ. Прежніе нелѣпые слухи, которые они впереди насъ распускали, не только не унимались, но даже возрастали. Такъ, въ Сампулѣ ходилъ теперь приказъ о томъ, чтобы не продавать намъ если пожелаемъ ни малѣйшаго клочка земли, хотя бы въ одинъ квадратный аршинъ. Китайцы увѣряли туземцевъ, что мы посадимъ на такомъ клочкѣ иву, которая станетъ расти необычайно быстро и вскорѣ оттѣнитъ своими вѣтвями большое пространство. Тогда, по словамъ китайцевъ, русскіе никого не станутъ пускать подъ эту тѣнь и всю ея площадь объявятъ своею собственностью. Затѣмъ по прежнему шелъ слухъ, что въ большихъ ящикахъ, гдѣ везлись наши коллекціи, спрятаны солдаты, которые, для экономіи мѣста и продовольствія, замурованы въ большія яйца, какъ цыплята. Невѣжественная толпа, конечно, вѣрила подобнымъ нелѣпостямъ и въ большихъ оазисахъ замѣтно сдержаннѣе выражала намъ свои симпатіи; тѣмъ болѣе, что туземцамъ воспрещено было тѣми же китайцами безъ нужды показываться намъ на глаза. Когда послѣ исторіи съ хакимомъ мы перешли на прежнюю большую дорогу, то по пути почти никого изъ жителей не встрѣчали;

даже базаръ, бывшій въ тотъ день въ поселеніи Лобъ, оказался временно пустымъ.

Наблюденіе осенняго пролета птицъ.

Въ виду сильныхъ жаровъ, которые еще день въ день стояли, и невозможности при такой погодѣ идти внизъ по Хотанской рѣкѣ, мы рѣшили провести цѣлую недѣлю въ восточной окраинѣ оазиса Сампула на болотистомъ урочищѣ *Кутасъ*, гдѣ можно было съ удобствомъ наблюдать усилившійся теперь осенній пролетъ птицъ. Вышеназванное урочище лежитъ недалеко къ югу отъ большой кэрійско-хотанской дороги и представляетъ собою довольно обширную солончаковую площадь, обильно поросшую тростникомъ, мѣстами же покрытую болотами, образуемыми, какъ и при всѣхъ почти оазисахъ, стокомъ воды, ихъ орошающей. Только болота этого рода совершенно не походятъ на наши, ибо перегноя въ нихъ нѣтъ вовсе; взамѣнъ его лежитъ тонкій слой размокшей и липкой лёссовой почвы. Водянымъ и голенастымъ птицамъ здѣсь мало поживы; но онѣ при своихъ перелетахъ поневолѣ временно останавливаются на такихъ мѣстахъ, за неимѣніемъ лучшихъ. Кромѣ *тростника* (Phragmites communis), который всюду теперь жали туземцы для зимняго корма скота, на томъ же урочищѣ росли: стелящійся по влажной солончаковой глинѣ колючій *Crypsis aculeata, ситовникъ* (Scirpus uniglumis), *жабикъ* (Juncus bufonius), *сизозеленка* (Glaux maritima), *одуванчикъ* (Taraxacum sp.), *Triglochin palustre*, словомъ, обыкновенные представители здѣшней болотной флоры.

Обращаясь собственно къ осеннему пролету птицъ, слѣдуетъ сказать, что общіе выводы относительно этого пролета уже изложены въ концѣ IX главы настоящей книги. Теперь можно дополнить ихъ лишь нѣкоторыми частностями, которыя, для избѣжанія разрозненности, будутъ обнимать наши наблюденія за всю осень 1885 года. Начну съ того, что еще въ концѣ іюля, въ Кэрійскихъ горахъ встрѣчены были нами нѣсколько пролетныхъ *удодовъ* (Upupa epops) [1]; отлетъ ихъ изъ котловины Тарима, вѣроятно, происходилъ во второй половинѣ августа и въ началѣ сентября. Въ первыхъ двухъ третяхъ августа въ пролетѣ замѣчено было только 6 видовъ: *славка* (Sylvia minuscula), которая часто попадалась по зарослямъ тамариска, обыкновенно была и на Хотанской рѣкѣ въ сентябрѣ; *бѣлая плисица* (Motacilla personata), осенній пролетъ которой продолжался до половины, а единичными экзем-

[1] Ранѣе того, еще въ первой половинѣ іюля, мы дважды встрѣтили (о чемъ было упомянуто въ предъидущей главѣ) въ тѣхъ же Кэрійскихъ горахъ, вѣроятно, случайно отлетавшихъ на югъ *кроншнеповъ* (Numenius arquatus?).

плярами до конца сентября, встрѣчалась также часто; *деревенская ласточка* (Hirundo rustica), отлетъ которой, вѣроятно, происходилъ во второй половинѣ августа и въ началѣ сентября, но какъ-то былъ мало замѣтенъ; *береговикъ сѣрый* (Actitis hypoleucus), *полуночникъ* (Caprimulgus europaeus) и *каменный дроздъ* (Petrocincla saxatilis)—встрѣчались изрѣдка единичными экземплярами.

Въ послѣдней трети августа пролетъ усилился. Въ особенности теперь летѣли голенастыя, а въ концѣ мѣсяца (съ 26 числа) разныя *утки* (Anas boschas, A. acuta, A. querquedula, и др.), стайки которыхъ большею частью пролетали прямо на югъ, мало останавливаясь на болотахъ возлѣ Сампула и Хотана; валовой утиный пролетъ происходилъ въ первой половинѣ сентября. Всего, кромѣ утокъ, которыхъ при высокомъ ихъ полетѣ трудно было распознать, въ послѣдней трети августа наблюдалось въ пролетѣ 16 видовъ птицъ, а именно: *песочникъ Темминка* (Tringa Temminckii), единичный экземпляръ котораго еще въ концѣ іюля былъ встрѣченъ въ Кэрійскихъ горахъ; два вида *ржанокъ* (Charadrius xanthocheilus, Eudromias crassirostris); четыре вида *куликовъ-улитовъ* (Totanus glottis, T. glareola, T. fuscus, T. stagnatilis), *зуекъ приморскій* (Aegialitis cantianus), два вида *бекасовъ* (Scolopax gallinago, S. stenura), *турухтанъ* (Machetes pugnax), *бѣлый аистъ* (Ciconia Boyciana), *чепура-волчекъ* (Ardeola minuta), *стрижъ башенный* (Cypselus murarius), *черногорлый чекканъ* (Saxicola atrigularis) и *сарычъ* (Buteo vulgaris). За исключеніемъ утокъ, впрочемъ, также не особенно многочисленныхъ, изъ другихъ вышепоименованныхъ птицъ нѣсколько чаще встрѣчались лишь—зуекъ приморскій, улитъ большой, улитъ болотный, турухтанъ, бекасъ и черногорлый чекканъ.

Та же бѣдность птичьяго пролета продолжалась и черезъ весь сентябрь, проведенный нами до 7 числа въ Хотанскомъ оазисѣ, а затѣмъ въ пути внизъ по рр. Юрунъ-кашъ и Хотанской. Въ первой трети названнаго мѣсяца въ пролетѣ наблюдались: *сѣрая* и *бѣлая цапли* (Ardea cinerea, A. alba), первая на болотѣ возлѣ Хотана въ достаточномъ числѣ, послѣдняя тамъ же лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ; *сукаленъ чернохвостый* (Limosa melanura), однажды стадомъ болѣе сотни экземпляровъ; *водяная курочка* (Ortygometra Bailloni), *камнешарка сѣверная* (Strepsilas interpres) и *орланъ долгохвостый* (Haliaëtus Macei)—въ незначительномъ количествѣ. Во второй трети сентября по р. Юрунъ-кашъ на отлетѣ замѣчены: *черногорлый дроздъ* (Turdus atrigularis), въ большомъ числѣ также зимующій въ котловинѣ Тарима; нѣсколько маленькихъ стаекъ *обыкновенныхъ скворцовъ* (Sturnus vulgaris), часто

здѣсь гнѣздящихся; *черный аистъ* (Ciconia nigra) въ одиночку и парами, но немного; *бакланъ* (Phalacrocorax carbo), *лысуха* (Fulica atra) и *сѣрый гусь* (Anser cinereus) [1])—три послѣдніе вида лишь по нѣсколько экземпляровъ. Наконецъ въ послѣдней трети сентября на Хотанской рѣкѣ встрѣтились единичными экземплярами, вѣроятно запоздавшіе: *лѣсная щеврица* (Anthus arboreus), *серебристая чайка* (Larus argentatus?) и *скопа* (Pandion haliaëtus).

Рѣка Хотанская неудобна для осенняго по ней пролета птицъ разъ потому, что въ бо̀льшей части своего теченія въ это время года совершенно безводна; затѣмъ не имѣетъ по берегамъ озеръ или болотъ; наконецъ въ тугpаковыхъ здѣсь лѣсахъ и въ джангалахъ нѣтъ ягодъ и очень мало насѣкомыхъ (кромѣ комаровъ, а лѣтомъ оводовъ) для пищи мелкихъ пташекъ. На Яркендской же рѣкѣ, обильной водою и болѣе подходящей по своему направленію для пролетныхъ изъ котловины Тарима птицъ, мы застали еще 7 октября валовой пролетъ *сѣрыхъ гусей*, частью *утокъ* и *баклановъ*; встрѣчались еще въ это время здѣсь и *чайки* (Larus ichthyaëtus, L. argentatus?). Пролетаютъ ли осенью въ достаточномъ числѣ вверхъ по той же рѣкѣ мелкія пташки—не знаю. Вѣрнѣе, что главный ихъ путь лежитъ еще западнѣе.

Теперь уже близился конецъ августа, который сполна былъ проведенъ нами въ раіонѣ отъ оазиса Чира до Хотана включительно на одинаковой абс. высотѣ въ 4,500 футовъ. Климатъ августа.

Описываемый мѣсяцъ, средняя температура котораго вышла $+24,1^0$, прежде всего характеризовался сильными и постоянными жарами, доходившими до $+35,3^0$ въ тѣни въ 1 часъ пополудни. Песчаная же почва въ оазисѣ Чира нагрѣвалась въ это время до $+68,5^0$ [2]). Подальше отъ оазисовъ въ сплошныхъ сыпучихъ пескахъ нагрѣваніе какъ воздуха, такъ и самаго песка, вѣроятно, было еще сильнѣе. Ночи также постоянно стояли жаркія, душныя, ибо небо какъ днемъ, такъ и ночью оставалось весьма часто облачнымъ или пасмурнымъ. Ясно-пыльныхъ дней считалось въ августѣ 8; пасныхъ также 8 и облачныхъ 15. Такая усиленная облачность, вѣроятно, происходила отъ того, что дождевой періодъ въ сосѣднемъ Тибетѣ въ августѣ еще продолжался, и къ пустынѣ выносились обрывки тибетскихъ тучъ. Однако здѣсь въ продолженіе

[1]) Въ теченіе августа и сентября мы только однажды встрѣтили стайку сѣрыхъ гусей изъ 5 экземпляровъ; журавлей за всю осень 1885 г. не видали ни разу.

[2]) Это была наивысшая температура, замѣченная нами въ почвѣ Центральной Азіи, послѣ того какъ 27 іюля 1871 года въ Ордосѣ мы наблюдали въ 2 часа пополудни $+70,0^0$ на поверхности голой глины, немного покатой къ солнцу.

всего описываемаго мѣсяца лишь трижды крапалъ дождь. Та же облачность умѣряла температуру, которая, конечно, была бы еще выше при непокрытомъ небѣ.

Грозъ въ теченіе августа не было ни одной. Бурь также не было, но дважды вѣтеръ достигалъ средней силы и поднималъ въ воздухъ тучи пыли. Впрочемъ, даже умѣренный вѣтеръ взметалъ эту пыль, которая болѣе или менѣе густо постоянно наполняла атмосферу [1]). Сами вѣтры (слабые или умѣренные) дули почти исключительно съ запада; затишья случались очень часто [2]).

Лишь въ концѣ описываемаго мѣсяца температура немного понизилась—днемъ до $+23,8^0$, ночью до $+18,3^0$. Однако наступленіе осени совершенно не было замѣтно и листья на деревьяхъ еще нисколько не пожелтѣли. Культурная же растительность въ это время (въ Хотанѣ) находилась въ слѣд. состояніи: виноградъ, арбузы, дыни поспѣли; персики отходили; гранаты, яблоки и груши еще не созрѣли; рисъ былъ зеленъ; кукуруза и хлопокъ поспѣвали.

Переходъ въ Хотанъ.

Проведя недѣлю въ ур. Кутасъ, мы направились отсюда въ Хотанъ, до котораго оставалось только 20 верстъ. Весь этотъ путь лежалъ сплошными оазисами — сначала Сампула, а потомъ Юрунъ-кашъ. Наружный ихъ видъ былъ тотъ же, что и для всѣхъ здѣшнихъ оазисовъ: глиняныя сакли, мало замѣтныя въ сплошной зелени, глиняные же возлѣ нихъ заборы, арыки, обсаженные деревьями, сады, огороды, наконецъ миніатюрныя поля, засѣянныя теперь исключительно кукурузою, изрѣдка хлопкомъ. Ячмень и пшеница сжаты были еще въ рединѣ лѣта. На мѣстѣ перваго вторично засѣвается кукуруза; на пшеничномъ же полѣ сѣютъ просо или рѣдьку. Задержкою весеннихъ посѣвовъ служитъ здѣсь неимѣніе воды, которая въ достаточномъ количествѣ является лишь съ половины мая. Урожай, по словамъ туземцевъ, бываетъ для пшеницы и ячменя самъ 10—16, для кукурузы самъ 20—30. Однако цифры эти, вѣроятно, уменьшены противъ дѣйствительности. Возлѣ жилыхъ сакель нерѣдко устроены небольшіе цвѣтники, иногда же бесѣдки изъ тыквы; кромѣ того цвѣты (бархатцы, астры) садятъ на крышахъ сакель, по заборамъ, надъ воротами, даже на глиняныхъ стойкахъ мелочныхъ лавокъ. Благодатный лёссъ всюду доставляетъ пригодную для

[1]) Вслѣдствіе атмосферной пыли не только Кэрійскихъ горъ, но даже близкаго къ нашему пути Тэкелика-тага не было ни разу видно въ продолженіе всего августа.

[2]) Распредѣляя по сторонамъ горизонта трижды въ день наблюдавшіеся августовскіе вѣтры, получимъ: С.—0; СВ.—0; В.—1; ЮВ.—0; Ю.—1; ЮЗ.—2; З.—21; СЗ.—3; затишье—65.

того почву. Невысокіе глиняные заборы обыкновенно огораживаютъ лишь сакли и сады; поля же, хотя бы возлѣ большихъ проѣзжихъ дорогъ, остаются открытыми. Помимо кукурузы на нихъ мѣстами мы видѣли теперь зрѣлые арбузы и дыни, которыхъ однако никто здѣсь не воруетъ. Но изрѣдка попадались намъ сакли, гдѣ глиняный заборъ сверху былъ густо убранъ колючими вѣтками джиды. На вопросъ: къ чему это?—туземцы объясняли, что подобную защиту дѣлаютъ хозяева, имѣющіе красивыхъ молодыхъ женъ, на вѣрность которыхъ особенно не могутъ полагаться.

Перейдя р. Кара-усу, мы вступили въ предѣлы Хотанскаго округа, именно въ оазисъ Юрунъ-кашъ, лежащій, какъ и Сампула, на правой сторонѣ рѣки того же имени. Юрунъ-кашъ считается городомъ, и здѣсь имѣется довольно большой базаръ, черезъ который намъ пришлось проходить. Тянется этотъ базаръ почти на версту вдоль большой кэрійско-хотанской дороги; устройство его одинаково, какъ и въ другихъ здѣшнихъ оазисахъ. Именно, по обѣ стороны дороги или улицы, шириною не болѣе какъ $1^1|_2$—2, рѣже 3 сажени, тянутся два ряда тѣсно скученныхъ маленькихъ глиняныхъ сакель или, вѣрнѣе, конуръ—это лавки. Впереди каждой изъ нихъ подъ небольшимъ навѣсомъ возвышается изъ лёссовой же глины небольшой прилавокъ, на которомъ собственно и продаются товары. Иногда базары бываютъ осѣнены деревьями; тамъ же, гдѣ деревьевъ нѣтъ, дѣлается на всю ширину продольной улицы покрышка изъ тростниковыхъ рогожъ, положенныхъ на поперечныя жерди; кромѣ того, въ жаркое время базаръ поливается водою.

Торговля на такихъ базарахъ, даже большихъ, какъ, напр., въ Хотанѣ (въ магометанскомъ городѣ), до крайности мелочная: въ одной лавченкѣ сидитъ продавецъ съ десяткомъ дынь и арбузовъ, маленькою кучкою персиковъ или какихъ-либо овощей; въ другой высыпано на мѣшкахъ по пуду, или того менѣе, пшеницы, риса, кукурузы, нѣсколько пригоршней какихъ-то сѣмянъ, связка чесноку, сушеные абрикосы, шептала и изюмъ; въ третьей продаются пирожки, пельмени, супъ, жареное мясо, все это тутъ же и стряпаютъ; въ четвертой выставлено нѣсколько фунтовъ бѣлаго сахара, рядомъ съ которымъ лежатъ — стручковый перецъ, табакъ и зажигательныя спички; въ пятой разложена кучка желѣзнаго хлама и при немъ работаетъ кузнецъ; въ шестой продаютъ и тутъ же шьютъ сапоги; въ седьмой виситъ баранья туша; въ восьмой торгуютъ мѣховыми шапками, халатами и другой одеждой, какъ мужскою, такъ и женскою; въ девятой разложены русскіе красные

товары—ситцы, кумачъ, плисъ, тесемки и т. п. [1]); въ десятой продаются серебряные браслеты, серьги, кольца, гребенки, зеркальца, румяна, пудра и др. принадлежности женскаго туалета; въ одиннадцатой сидитъ цырюльникъ, совершающій публично свои операціи—подстриганіе усовъ и бороды, а также бритье головы или волосъ въ ноздряхъ и ушахъ; въ двѣнадцатой продаютъ глиняную посуду и сухія тыквы для воды; словомъ, до послѣдней лавченки все въ томъ же родѣ. Кромѣ того, по базару снуютъ разносчики съ разными мелочами (булки, фрукты, спички и т. п.) и выкрикиваютъ о своихъ товарахъ; другіе же предлагаютъ за 2—3 пула покурить готовый кальянъ. Торгуютъ въ Вост. Туркестанѣ не одни мужчины, но нерѣдко и женщины. Цѣнъ большихъ здѣсь не запрашиваютъ, не то что у китайцевъ. Толкотня всегда на базарахъ невообразимая. Для туземцевъ они представляютъ настоящій клубъ, гдѣ передаются всѣ новости. Многіе приходятъ даже издалека исключительно затѣмъ, чтобы поболтать и узнать что нибудь новенькое.

Рѣка Юрунъ-кашъ [2]), которая отдѣляетъ оазисъ того же имени отъ собственно Хотана или Ильчи и черезъ которую намъ пришлось теперь (29 августа) перейдти, была уже при малой водѣ. Поперечникъ всего русла, занятаго галькою и булыжникомъ, здѣсь около версты. Сама рѣка имѣла саженъ 15 въ ширину, глубину брода въ 2 фута, воду свѣтлую и теченіе быстрое; мѣстами та же рѣка съуживалась еще вдвое, мѣстами образовывала довольно глубокіе омуты. На каменномъ руслѣ видны были, сложенныя изъ булыжника длинныя и до 5 футовъ вышины, стѣны, вѣроятно, для урегулированія высокой лѣтней воды. Послѣдняя бываетъ здѣсь съ начала или съ половины мая, до половины или до конца августа. Тогда описываемая рѣка быстро мчится нѣсколькими широкими рукавами, и глубина даже на бродахъ достигаетъ 4 футовъ; вода дѣлается мутною. Переправа совершается по прежнему въ бродъ съ помощью туземныхъ перевозчиковъ, которые залѣзаютъ въ воду и поддерживаютъ переправляющихся лошадей или ословъ. Случается, что быстрина уноситъ этихъ провожатыхъ, и они съ трудомъ выплываютъ на берегъ. Зимою же, какъ намъ сообщали, Хотанская рѣка мѣстами промерзаетъ до дна.

На переправѣ насъ встрѣтилъ китайскій чиновникъ, посланный мѣстнымъ окружнымъ начальникомъ. По другую же сторону Юрунъ-

[1]) На базарахъ нами видѣнныхъ эти товары всего обильнѣе.

[2]) Чаще ее называютъ здѣсь Хотанскою рѣкою, хотя это имя принадлежитъ собственно рѣкѣ, образовавшейся изъ соединенія Юрунъ-каша и Кара-каша, верстахъ во 100 ниже Хотанскаго оазиса.

каша насъ привѣтствовали уже не лицемѣрно, но съ радушіемъ, десятка два-три сартовъ изъ числа нашихъ подданныхъ, торгующихъ въ Хотанѣ. Они предложили намъ обильный дастаръ-ханъ и повели въ заранѣе приготовленное помѣщеніе, откуда, впрочемъ, мы должны были вскорѣ перекочевать на открытый берегъ Юрунъ-каша [1]).

Теперь о Хотанѣ.

Сведѣнія объ этомъ оазисѣ.

Этотъ обширный оазисъ, знаменитый еще въ грубокой древности по своему торговому и политическому значенію, лежитъ на абс. выс. 4,400 футовъ и орошается водою двухъ рѣкъ—Юрунъ-кашъ и Каракашъ, соединяющихся верстъ за сотню ниже въ одну рѣку, называемую *Хотанъ-дарья* [2]). Кромѣ деревенскихъ поселеній, тотъ же оазисъ состоитъ изъ трехъ городовъ: собственно *Хотана*, или *Ильчи*, *Юрунъ-каша* и *Кара-каша*. Первый изъ нихъ, наиболѣе обширный, служащій мѣстопребываніемъ администраціи всего округа, лежитъ на лѣвомъ берегу р. Юрунъ-кашъ; второй, наименьшій, расположенъ насупротивъ его, на правомъ берегу той же рѣки; наконецъ третій находится въ западной части описываемаго оазиса на лѣвомъ берегу р. Кара-кашъ. Во всѣхъ трехъ городахъ туземцы считаютъ до 15,000 дворовъ—цифра, мнѣ кажется, значительно преувеличенная. Невозможно было также добыть достовѣрныхъ свѣдѣній и относительно числа населенія всего Хотанскаго оазиса. Насъ увѣряли, что количество этого населенія нынѣ достигаетъ 650,000 душъ обоего пола [3]). Другіе же туземцы говорили, что при переписи во времена Якубъ-бека, въ Хотанскомъ оазисѣ было насчитано 237,000 человѣкъ. Послѣдняя цифра, вѣроятно, ближе къ истинѣ, но меньше дѣйствительности. Мнѣ кажется, что нынѣшнее населеніе всего Хотанскаго оазиса можно опредѣлить около 300,000 душъ обоего пола [4]).

[1]) О причинѣ этого будетъ расказано немного ниже.

[2]) Тѣмъ же именемъ, какъ было выше упомянуто, туземцы нерѣдко называютъ и р. Юрунъ-кашъ.

[3]) Изъ этого общаго числа 350,000 приходится будто-бы на Кара-кашъ и 300,000 на остальныя двѣ части Хотанскаго оазиса.

[4]) Къ такому выводу приводятъ слѣд. соображенія: Площадь всего Хотанскаго оазиса, отъ р. Кара-су на востокѣ до Зава-кургана на западѣ, можно приблизительно положить до 600 квадр. верстъ, слѣдовательно около 60,000 нашихъ десятинъ земли. Если изъ этого числа вычесть $1/6$ на пустыри и площади, занятыя городами, то въ остаткѣ получится 50,000 десятинъ культивированной почвы. Теперь нужно знать, что населеніе въ описываемомъ оазисѣ скучено до крайности. Средній посѣвъ каждой семьи, кромѣ немногихъ богатыхъ, туземцы опредѣляли намъ въ 5 чарыковъ хлѣба, т. е. менѣе нашей полудесятины (жатва двойная, урожай очень хорошій); столько же можно положить на саклю и садъ. По этому расчету круглымъ числомъ въ Хотанѣ приходится на семью не болѣе какъ по одной десятинѣ земли. Тогда на всей площади оазиса получимъ 50,000 семействъ; къ нимъ нужно прибавить (уменьшенныя противъ показаній туземцевъ цифры)

Главный элементъ населенія составляютъ мачинцы; въ небольшомъ числѣ встрѣчаются здѣсь ардбюль, а также пришлые афганцы, индусы, андижане и др. Монголовъ и вообще буддистовъ нѣтъ; все магометане-сунниты.

Въ нравственномъ отношеніи здѣшнихъ жителей нельзя похвалить. Хотя они и не лѣнивы, какъ кэрійцы, но, какъ мы слышали, весьма развратны и продажны; при томъ скупы, жадны на деньги, а въ городахъ не рѣдко выжиги и проходимцы; также гуляки, какъ вообще всѣ мачинцы. Существуетъ даже мѣстная поговорка, которая въ переводѣ означаетъ: «кэрійцу слѣдуетъ (за лѣнь) нагайка, хотанцу (для веселья) нужна водка». Впрочемъ, этотъ продуктъ здѣсь вовсе неизвѣстенъ, хотя отчасти замѣняется куреніемъ наши. Вѣра магометанская, по тѣмъ же отзывамъ, въ Хотанѣ весьма слаба; желающихъ учиться въ медрессе мало. Нѣсколько лучшими считаются жители Кара-каша. Они, какъ намъ говорили, очень дружны между собою и гораздо честнѣе собственно хотанцевъ, при томъ красивѣе ихъ; очень любятъ драки и слывутъ здѣсь храбрецами. Изъ болѣзней у обитателей Хотанскаго оазиса весьма обыкновенны—сифилисъ и опухоль горла, нерѣдко смертельная. Кромѣ того, у здѣшнихъ жителей часто болятъ зубы и почти у всѣхъ они гніютъ отъ 40-лѣтняго возраста. Причиною этого, вѣроятно, постоянная ѣда изюму и другихъ сладкихъ сушеныхъ фруктовъ.

При большой скученности населенія и, въ общемъ, крайней его бѣдности, дешевизна рабочихъ рукъ въ Хотанѣ невообразимая. Обыденная плата годовому рабочему на готовомъ содержаніи всего 32 теньге, т. е. 3 р. 20 коп. на наши деньги; женщины же идутъ въ работницы изъ за куска хлѣба и одежды. Продажа въ рабство, какъ намъ говорили, практикуется въ довольно большихъ размѣрахъ. Покупаютъ дѣтей у бѣдныхъ болѣе достаточные изъ туземцевъ; кромѣ того пріѣзжіе купцы и китайцы. Мальчикъ 5—12 лѣтъ стоитъ отъ 50—200 теньге; дѣвочка того же возраста—втрое и вчетверо дешевле, если только она не особенно красива.

5,000 семействъ безземельныхъ, живущихъ въ работникахъ, и 10,000 семействъ—приблизительное населеніе трехъ городовъ. Въ общемъ итогѣ получится 65,000 семействъ. Если же положить по 1½ десятины земли на семью каждаго земледѣльца, то выйдетъ немного болѣе 33,000 семействъ деревенскаго населенія, а съ прибавкою сюда тѣхъ же 15,000 семействъ безземельн. рабочихъ и населенія городовъ—въ итогѣ будемъ имѣть 48,000 семействъ. Взявши среднюю цифру изъ обоихъ выводовъ, получимъ 56,000 семействъ. Теперь, если на каждую семью положить по 6 душъ, то окажется 336,000; если же по 5—тогда будетъ 280,000. Средняя изъ обѣихъ этихъ цифръ дастъ съ небольшимъ 300,000 душъ обоего пола—какъ наиболѣе вѣроятное (за неимѣніемъ лучшихъ данныхъ) количество населенія для всего Хотанскаго оазиса.

Самый городъ Хотанъ, рѣже называемый Ильчи, лежитъ, какъ вышесказано, на лѣвомъ берегу р. Юрунъ-кашъ и состоитъ изъ тѣсно скученныхъ сакель и узкихъ улицъ между ними. Замѣчательныхъ архитектурныхъ построекъ здѣсь нѣтъ, какъ и въ другихъ городахъ Восточнаго Туркестана. Нѣтъ также городской стѣны, но виденъ старый валъ, которымъ былъ обнесенъ прежній болѣе обширный городъ. Нынѣшній раздѣляется на четыре части: *гуджанъ*—южная, *сударвазъ*—восточная, *казылыкъ*—западная и *хэйдка* или *игда*—сѣверная. На восточной сторонѣ города находится разваливающееся укрѣпленіе временъ Якубъ-бека, а на западной, немного въ отдаленіи, выстроена китайцами крѣпость, такъ называемый *Янги-шаръ* [1]). Этотъ Янги-шаръ состоитъ изъ глиняной зубчатой стѣны квадратной формы со рвомъ и оборонительною стѣною впереди. Вышина главной ограды (на глазъ) около 35 футовъ; длина каждаго фаса—саженъ 200; по угламъ, а также на протяженіи фасовъ, выстроены фланкирующія башни; воротъ (изъ жженаго кирпича) четверо—по однимъ въ срединѣ каждаго фаса крѣпости. Внутри ея помѣщаются казармы, новый базаръ и начальникъ Хотанскаго округа со своими чиновниками.

Земледѣліе въ Хотанскомъ оазисѣ весьма развито [2]). Сѣютъ здѣсь всего болѣе кукурузу, въ меньшемъ количествѣ рисъ, пшеницу, ячмень и др. хлѣба. Однако мѣстной жатвы не хватаетъ для годового продовольствія населенія, такъ что хлѣбъ доставляется еще изъ другихъ оазисовъ, всего болѣе рисъ изъ Аксу и Куча. Частью поэтому, частью вслѣдствіе спекуляцій кулаковъ, какъ хлѣбъ, такъ и вообще жизненные продукты въ Хотанѣ гораздо дороже, чѣмъ, напр., въ Чира, или даже въ сосѣднемъ Сампула [3]). Хлопка въ томъ же Хотанѣ сѣютъ немного;

[1]) Такіе Янги-шаръ построены нынѣ китайцами во всѣхъ главныхъ городахъ Восточнаго Туркестана.

[2]) Годная для обработки земля здѣсь очень дорога. Насъ увѣряли, что площадка, на которой можно засѣять одинъ чарыкъ ($18^3/_4$ фунтовъ) пшеницы, стоитъ около 230 теньге. На нашей десятинѣ, при здѣшнемъ разрѣженномъ посѣвѣ, уложится 12 чарыковъ пшеницы; слѣдовательно цѣна такой десятины въ Хотанѣ будетъ около 2,700 теньге, т. е. 270 нашихъ серебряныхъ рублей.

[3]) Вотъ цѣны жизненныхъ продуктовъ въ Хотанѣ, во время нашего тамъ пребыванія: кукуруза 1 чарыкъ ($18^3/_4$ фунт.)—4 теньге; рисъ 1 чар.—9 т.; пшеница 1 чар.—$4^1/_2$ т.; ячмень 1 чар.—$3^1/_2$ т.; мука пшеничная (не просѣянная) 1 чар.—$5^1/_2$ т.; мука кукурузная (не просѣянная) 1 чар.—$4^1/_2$ т.; мясо баранье 1 гинъ ($1^1/_2$ ф.)—1 т.; сало баранье 1 гинъ—$1^1/_2$ т.; яйца куриныя за сотню—$6^1/_2$ т.; курица—1—2 т.; утка—2—3 т.; урюкъ (абрикосы) сухія 1 чарыкъ—7 т.; шептала (персики сухія) 1 чар.—5 т.; орѣхи грецкіе 1 чар.—6 т.; изюмъ 1 чар.—6 т.; кишмишъ 1 чар.—12 т.; арбузы за десятокъ—3—$3^1/_2$ т.; дыни дес.—3—$3^1/_2$ т.; гранаты дес.—1 т.; яблоки дес.—1 т.; персики за сотню—1 т.; виноградъ свѣжій 1 чар.—$1^1/_2$—2 т.; урюкъ свѣжій (уже не было) за сотню—$^1/_2$ т.; морковь 1 чар.—0,7—0,8 т.; лукъ 1 чар.—$^1/_2$ т.; огурцы длинные за сотню—

притомъ здѣшній хлопокъ, какъ намъ говорили, не отличается добротою—волокно у него мелкое, грубое и синеватаго цвѣта; объясняютъ это дѣйствіемъ воды. Привозный хлопокъ доставляется изъ Куча, Аксу и Кашгара. Въ садахъ описываемаго оазиса фрукты растутъ хорошо. Помимо абрикосовъ, персиковъ и пр., здѣсь достаточно гранатъ и много хорошаго винограда, котораго различаютъ пять сортовъ. Его ѣдятъ въ свѣжемъ видѣ, несравненно же болѣе сушатъ; дѣлаютъ также изрѣдка вино, но плохого, какъ мы слышали, качества. Шелководство въ Хотанѣ процвѣтаетъ болѣе, нежели въ другихъ мѣстностяхъ Вост. Туркестана, не исключая и Яркенда. Изъ шелка приготовляютъ здѣсь разныя ткани—шаи, дарая, машрупъ (полушелковая), ковры и др. Кромѣ того въ Хотанѣ развито шерстяное производство (войлоки, ковры, дакà и пр.), а также выдѣлка мѣдной посуды и туземныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Однако обрабатывающая промышленность только кустарная; лишь для тканья шелка нѣкоторые держатъ рабочихъ, иногда десятка два или болѣе. Горная промышленность незначительна и ограничивается небольшими разработками золота да нефрита въ Карангатагѣ.

Что касается до хотанской торговли, то она, какъ и для всего Вост. Туркестана, производится главнымъ образомъ съ Россіею и черезъ Ладакъ съ Индіею; съ Внутреннимъ Китаемъ торговля ничтожна. Предметами вывоза изъ Хотана всего болѣе служатъ главныя произведенія мачинской земли [1])—золото, нефритъ, шелкъ, бараньи мѣха и ковры. Золото почти исключительно направляется въ Индію; туда же везутъ шелкъ, козій пухъ (въ Кашмиръ), бараньи мѣха и ковры. Въ Китай, помимо золота, увозимаго наворовавшими чиновниками, частью и купцами, идетъ почти исключительно нефритъ. Наконецъ въ Россію вывозятъ: шелкъ сырецъ и въ издѣліяхъ, ковры, войлоки и бараньи мѣха. Предметами ввоза въ Хотанъ служатъ преимущественно русскіе мануфактурные товары, которые нынѣ преобладаютъ на рынкахъ Вост. Туркестана: ситцы, платки, коленкоръ, кумачъ, плисъ, тикъ, демикотонъ, ластикъ и др.; затѣмъ сахаръ и зажигательныя спички; въ меньшемъ количествѣ отъ насъ сюда доставляютъ: сукно, шерстяныя матеріи, галантерейныя мелочи, желѣзныя издѣлія, а также желѣзо, сталь, олово, краски и стеариновыя свѣчи. Изъ Индіи везутъ—чай [2]),

3 т.; клеверъ 100 маленькихъ сноповъ—6 т.; табакъ 1 гинъ—2 т.; дрова 1 вьюкъ осла: малый—2 т., большой—5 т.; баранъ—15—30 т.; коза—10—25 т.; корова - 80—100 т.; быкъ (рабочій)—150—200 т.; лошадь - 150—1,000 т.; оселъ—150—200 т.

[1]) Т. е. Кэрійскаго отдѣла и Хотанскаго округа.

[2]) Нынѣ ввозъ англо-индійскаго чая въ В. Туркестанъ, какъ кажется, воспрещенъ.

краски, лекарства, желтый сахаръ и мануфактурные товары, но послѣдніе менѣе нежели наши раскупаются въ Вост. Туркестанѣ; ходко продаются лишь—индійская кисея, парча и отчасти ситцы. Изъ Внутренняго Китая въ Вост. Туркестанъ, а слѣдовательно и въ Хотанъ, доставляютъ: чай, посуду (фарфоровую и деревянную) и нѣкоторыя матеріи; затѣмъ мелочи китайской кухни и принадлежности китайскаго одѣянія уже спеціально для китайцевъ.

Русскіе товары идутъ въ Хотанъ черезъ Кашгаръ и въ небольшомъ количествѣ черезъ Аксу; китайскіе—черезъ Хами, Турфанъ и Аксу; наконецъ индійскіе направляются, единственнымъ для всего Вост. Туркестана путемъ, черезъ Ладакъ и Яркендъ [1]). Торговля, какъ и во всемъ Вост. Туркестанѣ, производится всего болѣе въ кредитъ или промѣномъ товаровъ. Кромѣ небольшаго числа туземцевъ, торговцы въ Хотанѣ—бухарцы, афганцы, индусы, кашмирцы, но всего болѣе нашихъ подданныхъ сартовъ (андижанъ) [2]). Послѣдніе держатъ въ своихъ рукахъ главную торговлю въ Вост. Туркестанѣ. Положеніе этихъ торговцевъ значительно улучшилось съ учрежденіемъ въ 1882 году русскаго консульства въ Кашгарѣ.

Крутыя мѣры относительно китайцевъ.

Придя въ Хотанъ, мы расположились, какъ вышеупомянуто, въ заранѣе приготовленномъ торговцами-сартами помѣщеніи. Это былъ отличный садъ, просторный и тѣнистый. Однако пробыть въ немъ пришлось лишь нѣсколько часовъ, опять-таки вслѣдствіе вражды со стороны китайцевъ. Не успѣли мы еще развьючить своихъ верблюдовъ, какъ уже явились двое китайскихъ солдатъ и съ свойственною имъ наглостью полѣзли смотрѣть наши вещи. Конечно, они были выгнаны и уѣхали съ ругательствомъ. Во избѣжаніе повторенія подобной исторіи, я послалъ своего переводчика Абдула въ китайскій ямынъ (управленіе), заявить о случившемся и просить не пускать къ намъ солдатъ. Съ Абдуломъ отправились двое нашихъ хотанскихъ торговыхъ аксакала [3]). Посланные проѣхали въ китайскій городъ, т. е. Янги-шаръ, исполнили тамъ свое порученіе и возвращались обратно, когда въ воротахъ того же Янги-шара на нихъ совершенно неожиданно напала толпа китайскихъ сол-

[1]) По распроснымъ свѣдѣніямъ дорога изъ Хотана въ Ладакъ черезъ Каранга-тагъ нынѣ также недоступна, какъ и черезъ Кэрійскій проходъ (по р. Курабъ).

[2]) Андижанъ въ Хотанѣ, какъ намъ говорили, бываетъ отъ 100—200 человѣкъ; другихъ вышепоименованныхъ національностей отъ 30—50 человѣкъ каждой.

[3]) Такъ называются недавно поставленные въ пяти главныхъ городахъ (Кашгаръ, Янги-гиссаръ, Учь-Турфанъ, Аксу и Хотанъ) Восточнаго Туркестана выборные торговые старшины, вѣдающіе, въ зависимости отъ нашего кашгарскаго консульства, дѣлами русскихъ подданныхъ—торговцевъ.

датъ. Будучи безоружными, наши посланцы не могли сопротивляться и были порядкомъ отколочены; при чемъ солдаты грозили тѣмъ же и каждому изъ насъ. Абдулъ вернулся въ ямынъ; оба аксакала прискакали на бивуакъ и, подъ впечатлѣніемъ испуга, не могли сначала толкомъ расказать, тѣмъ болѣе безъ переводчика, въ чемъ дѣло. Спустя немного пріѣхалъ Абдулъ въ сопровожденіи китайскаго чиновника, котораго прислалъ ко мнѣ амбань (окружной начальникъ) съ увѣреніемъ, что виновные будутъ наказаны. Вѣрить искренности такого заявленія мы не могли, по всѣмъ прежнимъ опытамъ китайскихъ, относительно насъ, подвоховъ. Поэтому я объявилъ присланному чиновнику, что оставлю дѣло лишь въ такомъ случаѣ, если виновные будутъ наказаны на нашихъ глазахъ или при насъ будутъ просить прощенія у переводчика и у обоихъ аксакаловъ. Въ то же время, считая небезопаснымъ свой бивуакъ отъ нападенія дерзкихъ, распущенныхъ солдатъ, которые при скученности городскихъ построекъ, могли повести на насъ аттаку весьма удобно, мы перекочевали на открытый берегъ Юрунъ-каша, гдѣ на просторѣ были достаточно гарантированы берданками отъ подобныхъ покушеній.

Для того же, чтобы парализировать впечатлѣніе, произведенное на туземцевъ случившимся скандаломъ, я отправилъ съ новаго бивуака, подъ начальствомъ поручика Роборовскаго, десять казаковъ, г. Козлова и переводчика Абдула въ городъ «прогуляться» передъ глазами китайцевъ. Посланные были вооружены винтовками, съ примкнутыми къ нимъ штыками и несли съ собою каждый по сотнѣ патроновъ. Роборовскому поручено отъ меня было: пройдти черезъ весь мусульманскій городъ въ китайскій, отдохнуть немного тамъ и вернуться обратно; въ случаѣ же нападенія со стороны китайскихъ солдатъ—стрѣлять въ нихъ. Страннымъ, невѣроятнымъ можетъ казаться издали, въ особенности по европейскимъ понятіямъ, подобный поступокъ; но въ Азіи, тѣмъ болѣе имѣя дѣло съ китайцами, малѣйшая уступчивость несомнѣнно приведетъ къ печальнымъ результатамъ; тогда какъ смѣлость, настойчивость и дерзость изъ десяти разъ на девять выручатъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Такъ было и на этотъ разъ.

Стройно, при одобрительныхъ возгласахъ со стороны туземцевъ [1]), собравшихся въ этотъ день на базаръ, прошелъ нашъ маленькій отрядъ

[1]) Происходили даже комическія сцены. Напр., одна старуха, увидя нашъ отрядъ, обратилась къ нему съ такою рѣчью: «Русскіе—молодцы! побейте поганыхъ китайцевъ, я вамъ за это всѣхъ своихъ куръ подарю».

въ китайскую крѣпость. Тамъ былъ сдѣланъ привалъ, казаки поѣли купленныхъ арбузовъ и тѣмъ же путемъ съ пѣснями вернулись обратно. Не только какого-либо сопротивленія или нападенія не было сдѣлано [1]), но даже ни одинъ изъ встрѣчавшихся по пути китайцевъ не обмолвился дурнымъ словомъ, безъ чего подобныя встрѣчи рѣдко когда здѣсь обходятся.

На другой день къ намъ опять пріѣхалъ, въ сопровожденіи туземныхъ властей, чиновникъ отъ китайскаго амбаня и опять сталъ упрашивать позабыть случившееся. При этомъ онъ объяснялъ, что солдаты не подчинены амбаню, вѣдающему лишь гражданское управленіе своего округа, что эти солдаты сильно распущены и даже иногда дѣлаютъ дерзости самому амбаню, что тотъ послалъ въ Яркендъ и Кашгаръ крупнымъ воинскимъ властямъ донесеніе о случившемся, что солдаты непремѣнно будутъ наказаны и т. д. Я опять требовалъ, чтобы виновные были теперь же наказаны, или публично просили прощенія у пострадавшихъ. Чиновникъ уѣхалъ вмѣстѣ со своею свитою. На слѣдующій день повторилась та же исторія; только теперь ходатаями явились еще оба нашихъ аксакала, несомнѣнно по внушенію самаго амбаня. Послѣдній, равно какъ и ближайшіе начальники солдатъ, всего вѣрнѣе, не знали ранѣе о намѣреніяхъ своихъ подчиненныхъ, но были виноваты въ томъ, что распускали про насъ нелѣпые слухи, запрещали туземцамъ продавать намъ съѣстное, словомъ, вредили изподтишка. Солдаты, конечно, про это знали и думали наглою дерзостью угодить своему начальству. На этотъ разъ, при новомъ отказѣ съ моей стороны войдти въ какія-бы то ни было личныя сношенія съ амбанемъ, посланный чиновникъ передалъ еще просьбу своего начальника— дозволить пріѣхать къ нему для переговоровъ хотя моему помощнику. Исполнить такую просьбу я согласился, тѣмъ болѣе, что всѣ эти переговоры до крайности надоѣли. На завтра утромъ г. Роборовскій, въ сопровожденіи переводчика и конвоя изъ десяти казаковъ, отправился въ китайскій городъ. Амбань встрѣтилъ моего товарища съ большою церемоніею и съ первыхъ словъ сталъ просить покончить непріятную исторію, увѣряя, что солдаты не минуютъ наказанія. Тогда г. Роборовскій объяснилъ амбаню, согласно моего порученія, что, вѣря теперь на слово относительно наказанія виновныхъ солдатъ, я готовъ помириться, но лишь въ томъ случаѣ, если амбань первый сдѣлаетъ мнѣ визитъ, ко-

[1]) Въ воротахъ крѣпости выставлена была маленькая мѣдная пушка, безъ лафета, лежала она просто на табуретѣ; тутъ же въ китайской караульнѣ стояло нѣсколько фитильныхъ ружей съ зажженными фитилями. Вѣроятно все это было приготовлено противъ нашего отряда.

торый и будетъ считаться какъ бы извиненіемъ съ его стороны. Важно это было не для меня лично, но для устраненія среди туземцевъ возможныхъ неблагопріятныхъ для насъ толковъ, которыми, конечно, воспользовались бы китайцы. Хитрый амбань не далъ на подобное предложеніе прямого отвѣта, но съ большимъ почетомъ проводилъ г. Роборовскаго. Лишь только этотъ послѣдній возвратился въ нашъ лагерь, какъ опять прибылъ прежній чиновникъ и привезъ мнѣ отъ амбаня визитную карточку. Такое криводушіе окончательно меня возмутило и чиновникъ былъ прогнанъ съ надлежащимъ внушеніемъ. Весь этотъ день никто изъ китайцевъ къ намъ не показывался; на слѣдующее же утро наконецъ пріѣхалъ самъ амбань со свитою изъ чиновниковъ и мѣстныхъ мусульманскихъ властей. Свиданіе наше продолжалось съ $^1|_2$ часа. Амбань оказался довольно простымъ человѣкомъ и, какъ кажется, мало образованнымъ даже по китайски. Передъ вечеромъ я отдалъ визитъ, въ сопровожденіи г. Роборовскаго и казачьяго конвоя. Встрѣча и проводы были со всѣми китайскими церемоніями. Амбань на другой день опять пріѣхалъ къ намъ въ лагерь и разсыпался въ любезностяхъ; словомъ, отношенія наши приняли наружно дружескій видъ.

Дальнѣйшее движеніе.

Во время вышеизложенныхъ передрягъ мы продолжали свои сборы на дальнѣйшую дорогу и теперь были готовы къ выступленію. При помощи двухъ нашихъ аксакаловъ закуплено было необходимое продовольствіе, а также наняты въ подмогу къ верблюдамъ вьючные ослы и верховыя лошади [1]) до Аксу. Утромъ 5-го сентября мы двинулись въ путь. Хотанскій амбань выѣхалъ насъ проводить, но въ воротахъ Янги-шара его верховая лошадь испугалась салютныхъ выстрѣловъ и сбросила сѣдока; амбань ушибъ себѣ ногу и долженъ былъ вернуться; вмѣсто его провожатыми были нѣсколько китайскихъ чиновниковъ.

Въ первый день мы прошли только 10 верстъ до урочища *Ишакъ-сэйте*, лежащаго въ сѣверной окраинѣ того же Хотанскаго оазиса, между деревнями Кошъ-куль и Лаксуй. Остановились мы здѣсь и даже дневали, чтобы сдѣлать астрономическое опредѣленіе долготы, чему до сего времени мѣшала пыльная или облачная погода отъ самаго Лобъ-нора. Теперь счастіе въ этомъ отношеніи намъ улыбнулось и какъ разъ въ столь важномъ пунктѣ какъ Хотанъ. По произведенному наблюденію, ур. Ишакъ-сэйте, находящееся въ $9^1|_3$ вер-

[1]) Съ платою по 50 теньге за вьючнаго осла и по 100 теньге за верховую лошадь.

стахъ къ сѣверу (съ небольшимъ уклоненіемъ на западъ) отъ хотанскаго Янги-шара, лежитъ подъ $37^{0},12',2$ сѣв. широты и подъ $79^{0},56',4$, вост. долготы отъ Гринвича.

На болотахъ, образуемыхъ въ томъ же урочищѣ стокомъ воды изъ Хотанскаго оазиса, держалось довольно много пролетныхъ *утокъ, сѣрыхъ цапель, куликовъ-сукаленей* (Limosa melanura), частью *цапель бѣлыхъ*, *турухтановъ* и *бекасовъ*. Поохотились мы на этихъ птицъ отлично. Не смотря на сентябрь, жара днемъ еще доходила до $+30,0^{0}$ въ тѣни.

Въ четырехъ верстахъ отъ ур. Ишакъ-сэйте мы прошли небольшую деревню *Янги-арыкъ* и окончательно распрощались съ Хотаномъ. Тотчасъ справа и слѣва явились сыпучіе пески, которые залегаютъ сплошною массою до самаго Тарима, на 380 верстъ въ поперечникѣ. Въ этихъ пескахъ р. Юрунъ-кашъ, получившая по соединеніи съ Кара-кашемъ названіе Хотанъ-дарьи, т. е. Хотанской рѣки, прокладываетъ себѣ почти меридіанальный путь къ сѣверу, и дѣлаетъ возможнымъ вьючное движеніе. Путь собственно по р. Юрунъ-кашъ, о которой будетъ подробно расказано въ слѣдующей рубрикѣ, лежитъ по обѣ ея стороны, ибо лѣтомъ при большой водѣ переправа въ бродъ невозможна. Тропинка лѣваго берега, гдѣ мы теперь шли, очень хорошо проторена и, до оазиса Тавекъ-кэль, возможна для колесной ѣзды. Здѣсь даже устроены были при Якубъ-бекѣ станціи (лянгеры) [1]) на обоихъ берегахъ Юрунъ-каша. Нынѣ эти станціи заброшены, равно какъ и многія другія постройки (караванъ-сараи, казармы для войскъ и пр.) того времени. Китайцы стараются даже ихъ разрушать, чтобы въ конецъ изгладить память о своемъ заклятомъ врагѣ. Однако простой народъ теперь добромъ поминаетъ Якубъ-бека, ибо при немъ имѣлъ все-таки лучшую жизнь, чѣмъ нынѣ.

Во время слѣдованія внизъ по Юрунъ-кашу намъ часто встрѣчались небольшія партіи вьючныхъословъ, которые возятъ верстъ за 70 въ Хотанъ на продажу дрова, а также тростникъ и пухъ растенія куга или палочника (Typha sp.). Этотъ пухъ употребляется, въ смѣси съ известью [2]), для штукатурки, какъ говорятъ, очень прочной.

Совершенно неожиданно на томъ же Юрунъ-кашѣ насъ постигло несчастіе. Именно, незадолго передъ тѣмъ г. Роборовскій, садясь на верховую лошадь, сильно ушибся и теперь этотъ ушибъ принялъ серьезный

[1]) Такіе же лянгеры устроены были Якубъ-бекомъ, какъ говорятъ, и по Хотанской рѣкѣ, но мы ихъ тамъ не видали.

[2]) На одну часть (по вѣсу) куги кладутъ 20 частей извести.

характеръ: открылись частыя кровоизліянія и боль сдѣлалась нестерпимою. Поневолѣ мы должны были остановиться и дневали трое сутокъ. Въ это время я послалъ переводчика въ оазисъ Тавекъ-кэль за арбою, ибо г. Роборовскій совсѣмъ не могъ сидѣть верхомъ. На двухколесной же арбѣ онъ кое-какъ ѣхалъ и такимъ способомъ дотащились мы до выше названнаго оазиса.

Рѣка Юрунъ-кашъ.

Рѣка Юрунъ-кашъ, черезъ которую мы перешли еще въ Хотанѣ и внизъ по которой теперь слѣдовали, вытекаетъ на плато Тибета изъ высокой, какъ говорили намъ туземцы, снѣговой группы, дающей на восточной своей окраинѣ начало Кэрійской рѣкѣ. Пробѣжавъ недолго по тибетскому плато, Юрунъ-кашъ прорываетъ окрайнія къ таримской котловинѣ горы дикимъ ущельемъ, совершенно, какъ мы слышали, недоступнымъ; затѣмъ ударяется въ западный уголъ Тэкеликъ-тага, дѣлаетъ черезъ это небольшую излучину къ западу и, выбѣжавъ наконецъ изъ горъ, орошаетъ оазисы—Хотанъ, Юрунъ-кашъ и Сампула. Здѣсь вода описываемой рѣки теряется въ огромномъ количествѣ, такъ что, ниже названныхъ оазисовъ, Юрунъ-кашъ представляетъ собою небольшую мелководную рѣчку, которая зимою промерзаетъ до дна, а весною и осенью иногда даже пересыхаетъ. Лишь въ періодъ лѣтнихъ тибетскихъ дождей, та же рѣка увеличивается вдесятеро или болѣе въ своихъ размѣрахъ и не оскудѣваетъ водою на всемъ своемъ протяженіи.

Въ раіонѣ горнаго теченія, равно какъ и далѣе до выхода изъ Хотанскаго оазиса, русло Юрунъ-каша покрыто валунами и галькою. Ниже Хотана, гдѣ описываемая рѣка вступаетъ въ сыпучіе пески, тамъ и русло ея становится песчанымъ, часто зыбучимъ, какъ у рѣки Черченской. Ширина плёса здѣсь мѣстами болѣе версты, мѣстами же вдвое ўже. Лѣтомъ, какъ говорятъ, по всему этому плёсу бѣжитъ вода. Во время нашего прохода, т. е. въ первой половинѣ сентября, р. Юрунъ-кашъ ниже Хотана имѣла не болѣе 10—15 саженъ ширины при глубинѣ $^1|_2$—1 фута; лишь кое-гдѣ, обыкновенно подъ береговыми обрывами, попадались небольшіе омуты, вырытые высокою лѣтнею водою. Тогда вода эта, какъ говорятъ, бываетъ весьма мутною и бѣжитъ очень быстро; теперь теченіе было также довольно быстрое, но вода свѣтлая. Отъ лянгера Ямапъ-бюкъ большой арыкъ отводитъ много воды Юрунъ-каша въ оазисъ Тавекъ-кэль; иногда осенью, какъ говорятъ, вся вода уходитъ отъ рѣки по этому арыку.

По обѣ стороны Юрунъ-каша тянутся, какъ выше сказано, сыпучіе пески, оставляя для рѣки долину не болѣе 2—3 верстъ шириною. Въ мѣстности ближайшей къ Хотану, по этой долинѣ растутъ (да и то

мало) лишь мелкіе кустарники [1]), но далѣе внизъ по рѣкѣ эти кустарники становятся выше и гуще. Между ними попадаются: *тамарискъ* двухъ видовъ (Tamarix laxa, T. elongata), *колючка* (Halimodendron argenteum), *джантакъ, солодка* и *кендырь*; по заливнымъ, непоросшимъ травою песчанымъ плёсамъ, торчитъ отдѣльными прутиками *мирикарія* (Myricaria platyphylla); изъ травъ въ изобиліи растетъ *тростникъ*, а на болѣе влажныхъ мѣстахъ близъ Тавекъ-кэля появляется наша *тростеполевица* (Calamagrostis Epigejos). Песчано-лёссовая почва описываемой долины вообще пригодна для обработки; но вѣроятно какія-либо обстоятельства тому мѣшаютъ. Деревья туграка начинаютъ попадаться возлѣ лянгера Яманъ-бюкъ [2]); настоящіе же туграковые лѣса потянулись лишь за оазисомъ Тавекъ-кэль. Однако въ ближайшихъ его окрестностяхъ все-таки много рубятъ названныхъ деревьевъ и возятъ ихъ на быкахъ въ Хотанъ для построекъ.

Ниже Тавекъ-кэля Юрунъ-кашъ съуживаетъ свой плёсъ сначала на 200—300 шаговъ (иногда еще менѣе), а потомъ расширяетъ его на полверсты или около того. Сама рѣка текла здѣсь, во время нашего прохода, извилистою лентою саженъ въ десять шириною, мѣстами вдвое ў̀же, при глубинѣ въ полфута, рѣже на цѣлый футъ; кое-гдѣ попадались омутки. Общее впечатлѣніе было таково, что вотъ-вотъ рѣка пересохнетъ, что и дѣйствительно временно случается осенью и весною; зимою же, какъ говорятъ, мѣстами образуются довольно широкія накипи льда. Лѣтняя вода здѣсь также высока и затопляетъ не только весь плёсъ, но нерѣдко выходитъ и на низкіе берега. Въ это время вверхъ по Юрунъ-кашу поднимается приходящая съ Тарима рыба, ловлею которой занимаются нѣкоторые хотанцы. Къ осени, со спадомъ воды, эта рыба уходитъ обратно; лишь въ омутахъ остается немного гольцовъ, два вида которыхъ—*Nemachilus yarkandensis* [3]), *N. bombifrons n. sp.* были нами добыты.

Течетъ Юрунъ-кашъ въ своемъ низовьѣ весьма извилисто, поэтому дорога, обходящая излучины рѣки, также извилиста; мѣстами она размыта водою, такъ что приходится идти безъ тропы по кустарнымъ и туграковымъ зарослямъ. Зимою, когда вода и зыбучій песокъ замерзаютъ, можно проходить напрямикъ какъ по плёсу Юрунъ-каша, такъ и Хо-

[1]) Болѣе крупные кусты всѣ вырублены.

[2]) Выше этого лянгера тугракъ истребленъ.

[3]) Этотъ видъ добытъ былъ нами также и въ оазисѣ Сампула; еще нашли мы тамъ одинъ видъ *маринки* (Schizothorax malacorrhynchus n. sp.), который, по всему вѣроятію, водится и въ Юрунъ-кашѣ.

танъ-дарьи. Тогда путь отъ Аксу до Хотана сокращается на пять сутокъ. Караваны ходятъ здѣсь часто.

Кромѣ вышепоименованныхъ кустарниковъ и тугракового лѣса внизъ отъ Тавекъ-кэля, въ долинѣ описываемой рѣки, появляются—*Halostachys caspia* и кое-гдѣ *облепиха* (Hippophaë rhamnoides var. stenocarpa); по кустамъ иногда здѣсь вьется *Cynanchum acutum*; изъ травъ всего болѣе *тростника*, растущаго вразсыпную между кустами и тугракомъ; на заливныхъ влажныхъ мѣстахъ выдаются густыя заросли *тростеполевицы* и маленькой *куги* (Typha stenophylla). Всюду на лучшихъ пастбищахъ, какъ здѣсь, такъ и выше Тавекъ-кэля, мы встрѣчали хотанскихъ пастуховъ, прикочевавшихъ изъ горъ со стадами барановъ. Сыпучіе пески по прежнему стоятъ грядою справа и слѣва нижняго Юрунъ-каша, оставляя рѣчную долину версты на три-четыре шириною.

Оазисъ Тавекъ-кэль.

Оазисъ *Тавекъ-кэль* [1]), о которомъ не разъ уже было упомянуто, составляетъ послѣднее, вплоть до Тарима, жилое мѣсто по хотано-аксуйскому пути. Этотъ оазисъ лежитъ при 4,100 фут. абс. выс., на правомъ берегу рѣки Юрунъ-кашъ, и вытянутъ вдоль ея верстъ на десять. Сюда же относится и небольшая деревня *Исламъ-абатъ*, расположенная на лѣвомъ берегу той же рѣки, въ $2^1|_2$ верстахъ къ сѣверу отъ описываемаго оазиса. Южный его край отстоитъ отъ хотанскаго Янги-шара на 75 верстъ.

По свѣдѣніямъ, добытымъ на мѣстѣ, Тавекъ-кэль основанъ въ 1839 году еще при прежнемъ владычествѣ китайцевъ въ Восточномъ Туркестанѣ. Поселенцы—*мачинцы* и въ небольшомъ числѣ *дуланы* [2]) изъ Аксу—приведены были сюда по назначенію властей въ количествѣ отъ 1,000—1,200 семействъ. Въ періодъ неурядицъ, сопровождавшихъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ уничтоженіе китайскаго владычества, а затѣмъ временно опять наступившихъ по смерти Якубъ-бека, много жителей Тавекъ-кэля ушли обратно восвояси. Теперь осталось лишь около 500 семействъ, изъ которыхъ десятая часть дуланы. Земли, годной для обработки здѣсь много, но воды, за исключеніемъ лѣта, мало; зимою же вовсе не бываетъ. Это обстоятельство и послужило одною изъ главныхъ причинъ ухода поселенцевъ.

Занятіе обитателей Тавекъ-кэля — земледѣліе; много держатъ они также и барановъ. Небольшой базаръ бываетъ здѣсь однажды въ не-

[1]) Нѣкоторые называли *Тавекъ-куль*.

[2]) Народъ монгольской расы, поселившійся въ началѣ прошлаго вѣка въ Восточн. Туркестанѣ при господствѣ здѣсь чжунгаръ.

дѣлю. Въ административномъ отношеніи описываемый оазисъ подчиненъ Хотану.

Не смотря на половину сентября, дневные жары, при довольно прохладныхъ ночахъ, достигали еще до $+ 28,2^0$ въ тѣни и стояли день въ день. Однако осень начала о себѣ заявлять среди растительности. Теперь кендырь уже былъ золотисто-желтый; изрѣдка встрѣчались пожелтѣвшая солодка и молодой тугракъ; метелки тростеполевицы также были желтыя; начиналъ желтѣть и тростникъ. Остальная флора еще зеленѣла (тамарискъ изрѣдка даже цвѣлъ), не исключая и фруктовыхъ деревьевъ. Плоды съ послѣднихъ были сняты; лишь кое-гдѣ висѣлъ на лозахъ виноградъ. Изъ хлѣбовъ кукуруза почти вся стояла въ полѣ; хлопокъ поспѣвалъ, но еще много было и зеленыхъ коробокъ. Сильно вредятъ посѣвамъ Тавекъ-кэля кабаны, которые днемъ держатся въ джангалахъ, а ночью приходятъ въ оазисъ, гдѣ поѣдаютъ въ особенности кукурузу, арбузы и дыни. Туземцы караулятъ свои поля, но ничего не могутъ сдѣлать, ибо наглый звѣрь является украдкою, да притомъ мало боится ночныхъ сторожей. Мы пробовали искать днемъ тѣхъ же кабановъ, но не видали ни одного, только сильно устали; ночью же караулить не пришлось.

На небольшихъ, хотя мѣстами довольно глубокихъ, болотистыхъ озеркахъ возлѣ Тавекъ-кэля держались въ небольшомъ числѣ пролетныя утки и бекасы; изъ другихъ пролетныхъ птицъ встрѣчены были лишь бѣлыя плисицы и черногорлые чекканы. Въ тѣхъ же озеркахъ по омутамъ мы видѣли довольно крупную рыбу, но не могли ее добыть. Фазаны (Phasianus insignis) также найдены были возлѣ Тавекъ-кэля, однако въ маломъ числѣ; молодые, несмотря на осень, выросли еще только въ половину старыхъ.

Фрукты въ описываемомъ оазисѣ прекрасные, какъ виноградъ, такъ и персики, которыми мы опять объѣдались. За чарыкъ ($18^3|_4$ фунт.) винограда платили одну теньгу; столько же и за 24 десятка крупныхъ персиковъ. Закупили мы здѣсь также дополнительное продовольствіе, барановъ и зерновой хлѣбъ лошадямъ.

Первоначально рѣшено было пробыть въ Тавекъ-кэлѣ нѣсколько сутокъ, до выздоровленія г. Роборовскаго. Однако сильная его натура быстро переломила болѣзнь и мы могли, послѣ одной только дневки, пойдти дальше. На всякій случай была взята наемная арба; но далѣе 14 верстъ проѣхать въ ней оказалось невозможнымъ. Тогда выздоравливающій кое-какъ усѣлся верхомъ и черезъ два небольшихъ перехода мы вышли на Хотанъ-дарью.

Описаніе Хотанской рѣки.

Эта послѣдняя получаетъ свое названіе послѣ соединенія между собою рр. Юрунъ-кашъ и Кара-кашъ, при урочищѣ *Кошъ-лашъ*. Западная вѣтвь, т. е. Кара-кашъ, приходитъ въ таримскую котловину также съ тибетскаго плато, орошаетъ соименный оазисъ, находящійся въ непосредственной связи съ оазисомъ хотанскимъ, и затѣмъ, до вышеупомянутаго сліянія, пробѣгаетъ сыпучими песками. Здѣсь новая рѣка имѣетъ тотъ же характеръ и тѣ же почти размѣры, какъ Юрунъ-кашъ, по которому мы теперь шли. Длина всей Хотанъ-дарьи 260 верстъ; направленіе къ сѣверу почти меридіанальное; средній наклонъ русла немного болѣе 3 футовъ на версту; окрестности — песчаная пустыня. Главную характеристику рѣки, покрайней мѣрѣ бо́льшей ея части, составляетъ, странно сказать, безводіе за исключеніемъ только лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Въ общемъ Хотанъ-дарья весьма походитъ на описанный выше Юрунъ-кашъ. Въ частностяхъ же нѣсколько различается, даже по собственнымъ урочищамъ, а именно: отъ Кошъ-лаша до Мазаръ-тага, отсюда до Беделикъ-утака и наконецъ до устья. Начнемъ съ перваго.

По соединеніи Кара-каша съ Юрунъ-кашемъ новая рѣка не увеличивается противъ послѣдняго въ своихъ размѣрахъ и, по прежнему, держитъ плёсъ отъ $^1|_2$—1 версты въ поперечникѣ. По этому песчаному, часто зыбучему плёсу, русло Хотанъ-дарья во время малой воды, каковая была здѣсь при насъ, извивалась узкою рѣчкою отъ 5—6, мѣстами до 10 саженъ шириною при глубинѣ въ $^1|_2$ фута, иногда и того менѣе; кое-гдѣ подъ невысокими берегами плёса стояли вырытые еще лѣтнею водою небольшіе, но изрѣдка глубокіе омуты. Такъ было на протяженіи 52 верстъ до Мазаръ-тага—невысокаго и узкаго горнаго хребта, упирающагося въ лѣвый берегъ той же Хотанъ-дарьи [1]). Ниже этихъ горъ описываемая рѣка еще болѣе уменьшилась и, наконецъ верстъ черезъ 25, совершенно изсякла. Подобное явленіе каждогодно обусловливаютъ однѣ и тѣ же причины, для Юрунъ-каша и Кара-каша: главная — прекращеніе лѣтнихъ дождей въ области истоковъ названныхъ рѣкъ; второстепенная—разводъ воды въ оазисахъ для осенней поливки пахатной земли. Съ окончаніемъ такой поливки въ октябрѣ, вода уцѣлѣвшей части Хотанъ-дарьи (равно какъ въ Юрунъ-кашѣ и Кара-кашѣ) немного, какъ говорятъ, прибываетъ и, вѣроятно, дальше пробѣгаетъ къ сѣверу, быть можетъ до ур. Беделикъ-утакъ. Зимою прибылой сюда

[1]) Объ этомъ хребтѣ будетъ расказано въ слѣд. рубрикѣ.

воды нѣтъ, остается только ледъ; весною до лѣтняго половодья также почти сухо.

Ширина долины, описываемой части Хотанъ-дарьи, вмѣстѣ съ плёсомъ рѣки около 4—5 верстъ. Растительность здѣсь та же, что и отъ самаго Тавекъ-кэля: кустарныя заросли и туграковые лѣса, то погуще вблизи рѣки, то рѣдкіе и совсѣмъ корявые вдали отъ нея. Почва всюду одна и та же: песокъ съ примѣсью солончаковаго лёсса, рыхлая какъ зола, тамъ гдѣ не смочена просачивающеюся отъ рѣки водою. Нога человѣка въ такой почвѣ глубоко проваливается, въ особенности гдѣ много норъ *песчанокъ* (Gerbillus Przewalskii n. sp.). Травяной растительности, на окраинахъ описываемой долины нѣтъ вовсе, за исключеніемъ лишь низкаго, рѣдкими кустиками разсаженнаго и твердаго какъ лучина тростника; изъ кустарниковъ же здѣсь изобиленъ *тамарискъ* и кое-гдѣ попадается *сугакъ* (Lycium sp.). Нѣсколько лучше становится возлѣ самой рѣки, гдѣ она (обыкновенно на излучинахъ) лѣтомъ заливаетъ свои берега или даетъ почвѣ подземную воду. Здѣсь и тугракъ растетъ хольнѣе, а молодыя его деревья выглядываютъ совсѣмъ приличными. Изъ кустарниковъ же, кромѣ двухъ видовъ *тамариска*, (Tamarix laxa, T. elongata) встрѣчаются: *кендырь*, *джантакъ*, *солодка*; рѣже *облепиха*, *лоза* (Salix microstachya?) и *Halostachys caspia*. Высокій густой *тростникъ* и мѣстами *тростеполевица* образуютъ подобія луговъ, а по туграковымъ деревьямъ часто высоко вьется *Cynanchum acutum;* наконецъ изрѣдка попадаются *Sphaerophysa salsula* и *Karelinia caspica*. По заливнымъ, песчано-глинистымъ, непоросшимъ травою площадкамъ на плесѣ самой рѣки, вразсыпную торчатъ одинокіе стебли *мирикаріи* (Myricaria platyphylla), лѣтомъ украшенные метелками розовыхъ цвѣтовъ. Словомъ, здѣсь вода вызываетъ хотя бѣдную, но, за неимѣніемъ лучшаго, все-таки отрадную для путника растительную жизнь.

Внизъ отъ Мазаръ-тага до урочища *Беделикъ-утакъ*, на протяженіи 130 верстъ, Хотанъ-дарья почти безъ извилинъ направляется къ сѣверу и значительно расширяетъ, мѣстами версты на двѣ, свой плёсъ. Однако лѣтомъ при половодьи, вѣроятно, не вся эта площадь бываетъ покрыта водою; но послѣдняя течетъ бо̀льшимъ или меньшимъ числомъ рукавовъ, часто измѣняющихъ свое направленіе, вслѣдствіе песчаныхъ заносовъ во время весеннихъ бурь. Собственно говоря, Хотанъ-дарья, въ особенности въ своемъ низовьѣ, каждое лѣто должна вновь прочищать себѣ путь къ Тариму. При нашемъ здѣсь слѣдованіи, русло рѣки, хотя и безводное, все-таки ясно было обозначено до самаго Беделикъ-утака. Это русло вилось по плёсу отъ одного берега къ другому и, при

ширинѣ отъ 5—10 саженъ, вырыто было въ пескѣ лишь на 1—2, рѣже на 3 фута.

Какъ и прежде, Хотанъ-дарья въ описываемомъ раіонѣ нерѣдко подмываетъ свои берега, возвышающіеся на 4—5 футовъ и поросшіе тугракомъ и кустарниками. Между послѣдними уже нѣтъ колючки и Halostachys caspia; взамѣнъ ихъ обильнѣе становится *облепиха*, появляются *джида* (деревомъ) и вьющійся *ломоносъ*. Кое-гдѣ рѣка образуетъ острова, то лѣсные, то безлѣсные. На послѣднихъ, кромѣ рѣдкаго тростника и тростеполевицы, вразсыпную растутъ—*Halogeton arachnoideus*, *Inula? sp.* и *сульхиръ* (Agriophyllum arenarium?), развивающійся, благодаря подземной влагѣ, кустомъ въ 3—4 фута вышиною.

Болотъ или озеръ по всей долинѣ Хотанъ-дарьи нигдѣ нѣтъ, хотя бы самыхъ небольшихъ.

Отъ южнаго края ур. Беделикъ-утакъ [1]), замѣтное русло Хотанъ-дарьи теряется въ песчаномъ плёсѣ. При томъ рѣка образуетъ своими прежними плёсами довольно частые, иногда большіе лѣсистые острова. Вслѣдствіе этого поперечникъ между окрайними песками долины становится шире. Впрочемъ, на Хотанской рѣкѣ кайма сыпучихъ песковъ не такъ рѣзко обозначена, какъ на Черченъ-дарьѣ, и тураковыя деревья иногда довольно далеко заходятъ въ тѣ же пески. Направленіе Хотанъ-дарьи въ раіонѣ ея низовья по прежнему сѣверное. Вода бываетъ здѣсь лишь въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Съ Таримомъ наша рѣка соединяется при урочищѣ *Торлыкъ*, вестахъ въ 20 ниже сліянія рр. Яркендской и Аксуйской.

Осѣдлыхъ жителей по Хотанъ-дарьѣ нигдѣ нѣтъ; не видали мы здѣсь даже и пастуховъ со стадами. Хотано-аксуйскій путь, какъ выше было говорено, направляется осенью, зимою, да вѣроятно и весною, по сухому плёсу описываемой рѣки; лѣтомъ же по береговой тропинкѣ. Однако въ лѣтній періодъ здѣсь почти не ходятъ, ибо тогда жара въ этой мѣстности нестерпимая и лѣса кишатъ мошками, комарами, оводами, клещами, скорпіонами и тарантулами—адъ для путника настоящій. Говорятъ, что даже звѣри въ это время укочевываютъ въ пески, чтобы избавиться отъ невыносимыхъ насѣкомыхъ.

Животная жизнь на Хотанской рѣкѣ (какъ и во всей котловинѣ Тарима) бѣдна разнообразіемъ видовъ. Изъ млекопитающихъ здѣсь держатся: *маралъ*, *тигръ*, *дикая кошка*, *кабанъ*, *лисица*, *волкъ*, *хара-сульта* (рѣдко), *заяцъ* (Lepus n. sp.?), *степная крыса* (Nesokia brachyura n. sp.), *песчанка* (Gerbillus Przewalskii n. sp.) и *мышь* (Mus Wagneri). Изъ осѣд-

[1]) Это урочище тянется по Хотанъ-дарьѣ верстъ на 20.

лыхъ птицъ найдены: *фазанъ* (Phasianus insignis), *саксаульная сойка* (Podoces Biddulphi), *саксаульный воробей* (Passer Stoliczkae), *дятелъ* (Picus leptorrhynchus), *Rhopophilus deserti* и *черная ворона* (Corvus sp.); изъ птицъ пролетныхъ нѣсколько чаще встрѣчались намъ лишь—*славка* (Sylvia minuscula), *черногорлый чеканъ* (Saxicola atrigularis) и *черногорлый дроздъ* (Turdus atrigularis). Изъ пресмыкающихся найдены были два вида *ящерицъ* (Phrynocephalus axillaris, Eremias velox?) и одинъ видъ *змѣи* (Tropidonotus hydrus). Рыбы вовсе не было даже по уцѣлѣвшимъ отъ лѣтней воды омуткамъ.

Окрестности той же Хотанской рѣки представляютъ собою песчаную пустыню, протянувшуюся къ западу до рѣки Яркендской, а къ востоку до Лобъ-нора и нижняго Тарима. Въ этой пустынѣ, какъ уже было говорено въ X главѣ настоящей книги [1]), встрѣчаются остатки древнихъ городовъ и оазисовъ. По Хотанъ-дарьѣ такіе остатки чаще попадаются на восточной ея сторонѣ и еще болѣе по сосѣдней Кэрійской рѣкѣ, прежнее русло которой тянется отсюда на разстояніи 5—6 дней пѣшей ходьбы. Мѣстами, какъ говорятъ, встрѣчаются уцѣлѣвшія сакли, съ провалившимися отъ тяжести нанесеннаго песка потолками; изрѣдка попадаются даже древнія кумирни, съ глиняными, иногда вызолоченными идолами; случается также находить золото и серебро,—послѣднее въ плоскихъ слиткахъ, формою своею похожихъ на верблюжью лапу; наконецъ, говорятъ, что въ трехъ дняхъ пути къ востоку отъ лежащаго на низовьѣ Хотанъ-дарьи урочища Янгузъ-кумъ стоитъ въ пескахъ цѣлый городъ *Талесманъ*, а въ двухъ дняхъ пути къ востоку отъ урочища той же рѣки Кызиль-кумъ находится обширное ключевое и поросшее тростникомъ болото *Яшиль-куль*, которое случайно будто-бы отыскалъ заблудившійся охотникъ, но вторично затѣмъ найдти уже не могъ [2]). Эти свѣдѣнія, конечно, большею частью вымышленныя, или, въ лучшемъ случаѣ, порядкомъ преувеличенныя, доставляются искателями воображаемыхъ богатствъ, ежегодно отправляющимися зимою въ пески изъ Хотана, Кэріи и др. оазисовъ. Ходятъ иногда до сотни человѣкъ или даже болѣе. Оріентируются, какъ было въ X главѣ говорено, втыкая по временамъ шесты на болѣе возвышеныхъ песчаныхъ холмахъ. Въ самыхъ пескахъ, по словамъ тѣхъ же искателей, растутъ кое-гдѣ

[1]) Стр. 356.

[2]) Не по этому ли преданію изображается на географическихъ картахъ къ западу отъ верхней Хотанъ-дарьи большое озеро *Яшиль-куль*, котораго въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ, да и быть не можетъ при неимѣніи въ большей части года воды въ самой Хотанской рѣкѣ.

тураковыя деревья (вѣроятно есть кустарники) и нерѣдко встрѣчаются котловины, въ которыхъ можно достать воду неглубоко. Изъ животныхъ попадаются довольно часто дикіе верблюды, обыкновенно небольшими партіями отъ 5—7 головъ.

Нашъ здѣсь путь.

Выйдя на Хотанъ-дарью, мы направились внизъ по ней береговою тропинкою то довольно наѣзженною, то чуть замѣтною—гдѣ эта тропинка вновь проложена для обхода береговыхъ размывовъ при высокой лѣтней водѣ. Тоже самое встрѣчалось и на Юрунъ-кашѣ внизъ отъ Тавекъ-кэля. Вообще отъ названнаго оазиса до восточнаго мыса горъ Мазаръ-тагъ, или немного далѣе, идти съ караваномъ было затруднительно, разъ по самому характеру мѣстности, а во вторыхъ—по случаю непрекращавшихся дневныхъ жаровъ. Послѣдніе, не смотря на вторую половину сентября, день въ день стояли около 25^0 и выше въ тѣни; при ясномъ теперь небѣ солнце жгло какъ огонь въ здѣшнемъ крайне сухомъ воздухѣ. Ради такой жары множество еще было комаровъ, невыносимо во время дня насъ донимавшихъ, и клещей, которые кучами впивались въ голые пахи верблюдовъ. Можно себѣ представить каково бываетъ здѣсь лѣтомъ для проходящихъ путниковъ. Не даромъ одинъ изъ нихъ излилъ свою скорбь въ надписи, видѣнной нами на обтесанномъ стволѣ туграка. Эта надпись категорически гласила: «кто пойдетъ здѣсь лѣтомъ въ первый разъ—сдѣлаетъ это по незнанію; если вторично отправится—будетъ дуракъ; если же въ третій разъ захочетъ идти—то долженъ быть названъ кафиромъ и свиньей». Къ счастью, перепадавшіе уже теперь небольшіе ночные морозы давали возможность хорошо отдохнуть ночью, хотя съ другой стороны, слишкомъ рѣзкіе переходы къ высокой дневной температурѣ, могли невыгодно отзываться на здоровьѣ.

Мѣстами, какъ и на нижнемъ Юрунъ-кашѣ, попадались намъ слѣды весеннихъ пожаровъ, которые, вѣроятно, производятъ пастухи для лучшаго роста новой травы; вмѣстѣ съ посохшею ветошью иногда горятъ кустарники и туракъ. Однако теперь пастуховъ здѣсь еще не было; только кое-гдѣ встрѣчали мы одиночныхъ охотниковъ, которые приходятъ сюда за маралами и для ловли въ капканы лисицъ или волковъ. Другіе же спеціально занимаются ловлею хищныхъ птицъ—ястребовъ и соколовъ. Для этого на открытомъ песчаномъ плёсѣ рѣки дѣлается изъ невысокаго тростника небольшая (3—4 фута въ діаметрѣ) круглая загородка; тростникъ втыкается въ почву не часто и притомъ нѣсколько наклонно внутрь круга. Затѣмъ снаружи обтягивается тонкая сѣть, прикрѣпленная къ землѣ; верхнее же отверстіе остается открытымъ. Въ средину такой ловушки привязывается для приманки бѣлый го-

лубь [1]), которому насыпается здѣсь же и кормъ. Голодный пролетный хищникъ, замѣтивъ приманнаго голубя, бросается на него сверху и запутывается въ сѣткѣ. Охотникъ ставитъ нѣсколько такихъ ловушекъ и въ теченіе дня раза два-три ихъ осматриваетъ. На Хотанъ-дарьѣ подобнымъ способомъ всего больше ловятъ ястребовъ тетеревятниковъ (Astur palumbarius); возлѣ же Хотанскаго оазиса, чаще, какъ говорятъ, попадаются сокола. Тѣхъ и другихъ обучаютъ, послѣ поимки, для охоты на зайцевъ и продаютъ любителямъ. Вообще охота этого рода еще достаточно развита въ Вост. Туркестанѣ. Большихъ ловчихъ птицъ, именно беркутовъ ловятъ на пролетѣ въ горахъ въ капканы, обвернутые войлокомъ, чтобы не повредить ногу хищника; приманкою служитъ кусокъ мяса. Посредствомъ беркутовъ добываютъ хара-сультъ, лисицъ, даже кабановъ, волковъ и дикихъ кошекъ.

Черезъ три небольшихъ перехода внизъ по Хотанъ-дарьѣ мы достигли того мѣста, гдѣ въ восточный берегъ описываемой рѣки упирается обрывистымъ мысомъ невысокій хребетъ или, правильнѣе, горная гряда, извѣстная туземцамъ подъ именемъ *Мазаръ-тагъ*. Эта гряда въ восточной своей окраинѣ имѣетъ не болѣе $1\frac{1}{2}$—2 верстъ въ ширину, при высотѣ около 500 футовъ надъ окрестностями и состоитъ изъ двухъ параллельныхъ, рѣзко по цвѣту между собою отличающихся слоевъ: южный — красная глина съ частыми прослойками гипса, сѣверный — бѣлый алебастръ. Въ тѣхъ же горахъ, верстахъ въ 25 отъ Хотанъ-дарьи, добываютъ, какъ намъ говорили, кремень, который возятъ на продажу въ Хотанъ. Описываемая двухцвѣтная гряда уходитъ изъ глазъ въ песчаную пустыню, заворачивая притомъ къ сѣверо-западу, и, повышаясь немного въ срединѣ, тянется, по словамъ туземцевъ, до укрѣпленія Маралъ-баши на рѣкѣ Кашгарской. Растительности въ Мазаръ-тагѣ нѣтъ вовсе; притомъ горы эти снизу до половины засыпаны пескомъ; обнаженная же ихъ часть, въ особенности красная глина, сильно разрушается. На мысѣ, который упирается въ Хотанскую рѣку, видны остатки двухъ мазаровъ — древняго и болѣе новаго, выстроеннаго при Якубъ-бекѣ; послѣдній разрушенъ китайцами. Старый же мазаръ, по преданію, построенъ какимъ-то арабскимъ витяземъ, который, воюя на Хотанской рѣкѣ съ мачинцами, ежедневно пріѣзжалъ сюда для ночевки. Видъ отъ обоихъ мазаровъ на безпредѣльную песчаную пустыню крайне оригинальный, и мѣсто здѣсь самое подходящее для отшельнической жизни аскета.

[1]) Бѣлый для того, чтобы былъ замѣтнѣе издали.

Погода по прежнему продолжала стоять ясная, тихая и днемъ жаркая. Однако за десять дней нашего пути отъ Тавекъ-кэля, въ особенности послѣ нѣсколькихъ ночныхъ морозовъ (до—4,1°), случившихся въ двадцатыхъ числахъ сентября, растительность быстро пожелтѣла, за исключеніемъ только облепихи да кос-гдѣ Cynanchum acutum. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончился нашъ тощій ботаническій сборъ нынѣшняго года. Въ гербаріи этомъ едва набралось 256 видовъ растеній и было бы еще меньше, безъ лѣтней экскурсіи въ Кэрійскихъ горахъ. Бѣдна оказалась и нынѣшняя зоологическая коллекція, копившаяся лишь по крохамъ отъ самаго Лобъ-нора.

Въ 25 верстахъ ниже Мазаръ-тага, Хотанская рѣка, еще струившаяся до сихъ поръ малымъ ручейкомъ, окончательно пересохла. Теперь до самаго Тарима намъ не предстояло видѣть текучей воды; пользоваться же водою для питья приходилось изъ глубокихъ лужъ, оставшихся кое-гдѣ подъ берегами послѣ лѣтняго разлива; въ низовьѣ Хотанъ-дарьи даже эти лужи стали очень рѣдки. За то теперь мы имѣли отличную дорогу по сухому, широкому плёсу рѣки и поэтому могли идти быстрѣе. Съемку также можно было дѣлать бусолью; тогда какъ при слѣдованіи ломаною береговою тропинкою, по туграковымъ зарослямъ, работа эта производилась компасомъ.

Въ окрестностяхъ Мазаръ-тага и далѣе внизъ по Хотанъ-дарьѣ часто попадались намъ слѣды мараловъ, а также тигровъ и, рѣже, кабановъ. Нечего говорить, съ какимъ увлеченіемъ старались мы убить котораго либо изъ этихъ звѣрей, въ особенности тигра; но увы! даже выстрѣлить по немъ не пришлось. Между тѣмъ, нерѣдко по ночамъ, названный звѣрь шлялся вокругъ нашего бивуака; случалось, что и днемъ мы находили совершенно свѣжія его лежбища. Маралы, у которыхъ въ это время была течка [1]), также попадались при поискахъ въ туграковыхъ лѣсахъ, но подкрасться къ чуткому звѣрю рѣшительно было невозможно, вслѣдствіе хрупотни, которая сопровождала каждый шагъ охотника, по хламу и валежнику здѣшнихъ зарослей. У водопоевъ, обыкновенно, испещренныхъ слѣдами тѣхъ же мараловъ, мы не одинъ разъ караулили звѣря, но также напрасно. Наконецъ, какъ единственное и повидимому самое надежное средство, производили иногда облавы: въ загонщики посылались казаки; въ стрѣлки, кромѣ меня, г. Роборовскаго и г. Козлова, поочередно также становились нѣсколько казаковъ.

[1]) Замѣчательно, что призывного голоса самца-марала, издаваемаго имъ въ это время, мы не слыхали ни разу на Хотанъ-дарьѣ.

Однако и тутъ не было удачи. Тигра ни разу не выгнали, а маралы хотя и попадались въ загонахъ, но или проскакивали въ стороны, или пробѣгали гущиною незамѣтно для стрѣлковъ; впрочемъ, раза два-три казаки стрѣляли по этому звѣрю, но далеко и безуспѣшно. Словомъ, не мало потратили мы времени и труда для охоты за звѣрями во время пути по Хотанъ-дарьѣ, но убили одного только кабана.

Изъ птицъ иногда случалось добывать фазановъ, которыхъ здѣсь хотя и довольно, но они держатся въ разбродъ. Тамъ, гдѣ воды близко нѣтъ, эти смѣтливыя птицы выкапываютъ ямки въ сыромъ пескѣ и такимъ способомъ, устраиваютъ для себя водопой. На томъ же сыромъ пескѣ по плёсу Хотанъ-дарьи внизъ отъ ур. Беделикъ-утакъ, намъ нерѣдко встрѣчались довольно обширныя (иногда до сотни квадр. саженъ) площадки, поверхность которыхъ сплошь была изрыта мелкими *жучками* (Heterocercus dilutissimus Reitter n. sp.), вѣроятно кладущими здѣсь свои яйца.

Въ послѣднихъ числахъ сентября неотступная дневная жара, длившаяся въ продолженіе почти всего этого мѣсяца, прекратилась; послѣ небольшой бури атмосфера сдѣлалась облачною и наполнилась густою пылью. Идти теперь было прохладно, но уже не далеко оставалось и до Тарима. Незадолго до сворота хотанской дороги къ переправѣ черезъ эту рѣку насъ встрѣтилъ торговый аксакалъ изъ Аксу и съ нимъ двое киргизъ, вожатыхъ отъ новыхъ верблюдовъ, высланныхъ для нашего каравана къ названному городу изъ предѣловъ Семирѣченской области.

Тигръ и его привычки.

Разставаясь теперь съ Хотанскою рѣкою, а вскорѣ и со всѣмъ бассейномъ Тарима, не лишнимъ будетъ подробнѣе расказать о самомъ замѣчательномъ звѣрѣ здѣшней мѣстности, о которомъ вскользь упоминалось на предъидущихъ страницахъ. Рѣчь идетъ о тигрѣ.

Эта «царственная кошка», въ раіонѣ нашихъ путешествій по Центральной Азіи, найдена была лишь въ Чжунгаріи и Вост. Туркестанѣ. Въ первой, тигры довольно обыкновенны по долинѣ р. Или; за тѣмъ спорадически попадаются въ тростниковыхъ заросляхъ къ сѣверу отъ Тянъ-шаня, какъ напр. возлѣ г. Шихо, или на болотѣ Мукуртай и въ другихъ мѣстахъ; но вообще въ Чжунгаріи тигровъ немного. Несравненно обильнѣе этотъ звѣрь въ Вост. Туркестанѣ, гдѣ обширные джангалы представляютъ ему надежное убѣжище; теплый же климатъ, обиліе кабановъ и домашняго скота обезпечиваютъ привольную жизнь. Возлѣ большихъ оазисовъ, какъ напр.: Хотанъ, Чира, Кэрія и др., въ окрестностяхъ которыхъ густыя заросли большею частью истреблены, описываемый звѣрь почти не встрѣчается. Всего же болѣе тигровъ въ таримской котловинѣ, по самому Тариму, за тѣмъ на Лобъ-норѣ, а также

по рѣкамъ: Хотанской, Яркендской и Кашгарской. Ростомъ здѣшній тигръ, называемый туземцами *джуль-барсъ*, не уступаетъ своему индійскому собрату. Мѣхъ же звѣря представляетъ средину между короткою шерстью тигра тропическихъ странъ и довольно длиннымъ густымъ волосомъ экземпляровъ изъ Амурскаго края.

Подобно бо̀льшей части хищныхъ звѣрей, тигръ, какъ извѣстно, избираетъ ночь для своей дѣятельности. Днемъ онъ лежитъ въ джангалѣ и только въ исключительныхъ случаяхъ, при сильномъ голодѣ, или въ удаленности отъ жилья человѣческаго, выходитъ на добычу. Обыкновенно же отправляется на свои поиски при закатѣ солнца и рыщетъ всю ночь до утра. Ходитъ весьма осторожно—прутика не сломаетъ, въ густомъ тростникѣ пробирается какъ змѣя, голову держитъ внизъ, обнюхивая почву [1]), и лишь изрѣдка настораживается, осматриваясь по сторонамъ. Замѣтивъ добычу, артистически подкрадывается къ ней и дѣлаетъ огромный (до семи саженъ, по увѣренію туземцевъ) прыжокъ, иногда другой поменьше и третій еще короче; болѣе трехъ прыжковъ не бываетъ, ибо звѣрь устаетъ, по объясненію лобъ-норцевъ. Не пойманную сразу добычу, что, впрочемъ, случается рѣдко, тигръ не преслѣдуетъ. Не знаю насколько вѣрно, но лобъ-норскіе охотники увѣряли насъ, что тигръ иногда подражаетъ голосу марала, зовущаго свою самку, и такимъ образомъ старается обмануть осторожнаго звѣря.

Любимую пищу того же тигра составляютъ кабаны [2]); за тѣмъ коровы и бараны мѣстныхъ жителей. Если скотъ загнанъ на ночь въ глиняную или тростниковую загородь, то описываемый звѣрь нерѣдко забирается туда и вытаскиваетъ свою добычу. Кромѣ того, тигръ изрѣдка ловитъ мараловъ, а при голодѣ—зайцевъ, даже молодыхъ гусей и утокъ; слышали мы также, что въ желудкѣ экземпляровъ, убиваемыхъ лѣтомъ, случалось находить рыбьи кости. Съ пойманною добычею тигръ нерѣдко сначала играетъ подбрасывая ея вверхъ и въ стороны, какъ то дѣлаютъ домашнія кошки. Если добыча слишкомъ велика, напр. лошадь или быкъ, то звѣрь оставляетъ ее на мѣстѣ излова; въ противномъ случаѣ утаскиваетъ и прячетъ въ гущинѣ. За исключеніемъ сильнаго голода, тигръ не приступаетъ тотчасъ же къ ѣдѣ, но даетъ трупу остынуть. Приходитъ его ѣсть или на закатѣ солнца (вдали отъ жилья) или гораздо чаще

[1]) Лобъ-норцы увѣряли насъ, что тигръ имѣетъ довольно хорошее обоняніе.

[2]) Не будь въ Вост. Туркестанѣ тигровъ, кабаны бы размножились здѣсь до крайности; такъ что туземцы-магометане остаются довольны присутствіемъ въ ихъ странѣ тигровъ, сильно истребляющихъ «поганыхъ» свиней.

ночью; къ остаткамъ возвращается и въ слѣдующія ночи, если ихъ не успѣютъ дочиста съѣсть волки; падали вовсе не трогаетъ.

По общимъ отзывамъ туземцевъ Вост. Туркестана, на людей тигръ здѣсь не нападаетъ даже при голодѣ; встрѣтивъ же человѣка, обыкновенно дѣлаетъ видъ, будто его не замѣчаетъ и потихоньку отходитъ въ сторону. Будучи раненымъ, звѣрь бросается на стрѣлка, схватываетъ его за что попало зубами и теребитъ лапами. Лобъ-норскіе охотники говорятъ, что тигръ вообще мало выносливъ на рану и иногда бываетъ убитъ одною пулею ихъ малоколиберныхъ фитильныхъ ружей. Однако эти охотники лишь въ исключительныхъ случаяхъ стрѣляютъ описываемаго звѣря, да и то обыкновенно изъ безопасной засадки или если случится загнать его въ воду. Всего же чаще здѣсь отравляютъ тигра (челебухою) на задавленной имъ скотинѣ.

Голосъ царственнаго звѣря — отрывистый, довольно громкій непріятный звукъ, иногда повторяемый нѣсколько разъ сряду. Впрочемъ, тигръ издаетъ свой голосъ рѣдко, обыкновенно разсердившись, напр., когда ушла добыча. Время течки того же звѣря бываетъ осенью. Раннею весною тигрица щенитъ отъ 2—4, рѣже до 6 котятъ; въ послѣднемъ случаѣ, какъ замѣчаютъ туземцы, сама мать съѣдаетъ двухъ своихъ дѣтенышей. Молодые остаются при матери пока порядочно подростутъ и научатся сами ловить добычу.

Мнѣ лично при многократныхъ охотахъ за тиграми какъ въ Вост. Туркестанѣ, такъ и въ Уссурійскомъ краѣ ни разу не удалось даже выстрѣлить по этому звѣрю. Отыскать его днемъ безъ большой облавы— дѣло рѣдкаго случая. Тѣмъ болѣе, что тигръ, о которомъ, какъ извѣстно, безъ числа расказываются всякіе страхи, въ дѣйствительности весьма боится охотника и обыкновенно старается уйдти незамѣченнымъ. Приходилось мнѣ также нѣсколько разъ караулить описываемаго звѣря ночью, но опять таки безуспѣшно. Хотя подобный способъ охоты болѣе вѣрный, но и болѣе опасный, ибо даже въ лунную ночь невозможно быть увѣреннымъ въ мѣткости выстрѣла.

Вотъ нѣсколько случаевъ, сообщенныхъ намъ лобъ-норскими охотниками объ ихъ охотахъ за тигромъ.

Однажды этотъ звѣрь задавилъ на Лобъ-норѣ корову. Возлѣ нея тотчасъ были настороженны четыре лука со стрѣлами. Ночью, когда тигръ пришелъ къ своей добычѣ, одна изъ стрѣлъ попала въ переднюю часть его тѣла и увязла тамъ. Звѣрь убѣжалъ. Утромъ слѣдующаго дня мѣстный охотникъ случайно набрелъ на слѣдъ раненаго тигра и отправился его отыскивать. Пройдя немного, онъ увидѣлъ звѣря, лежав-

шаго въ тростникѣ. Не успѣлъ еще стрѣлокъ поставить свое фитильное ружье на сошки, какъ тигръ бросился къ нему и схватилъ за лѣвую руку. По счастью, стрѣла, сидѣвшая въ ранѣ, случайно уперлась въ грудь несчастнаго своимъ свободнымъ концемъ и черезъ это, вѣроятно, причинила звѣрю столь сильную боль, что онъ тотчасъ оставилъ охотника, даже не переломивъ ему руки. Больной пролежалъ съ полмѣсяца и выздоровѣлъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ деревнѣ Ахтарма на Таримѣ тигръ повадился каждую ночь таскать барановъ изъ загона. Наглость звѣря дошла до того, что однажды онъ забрался въ загонъ уже утромъ, когда скотъ еще не былъ выпущенъ, задавилъ барана и, вѣроятно, отъ голода, принялся тотчасъ его ѣсть. Двое таримцевъ съ ружьями прибѣжали къ загону. Тигръ, увидавъ людей, кинулся на нихъ, схватилъ одного за голову и оторвалъ ее. Другой охотникъ тѣмъ временемъ успѣлъ скрыться.

Однажды таримцы положили отраву въ задавленную тигромъ корову. Звѣрь ночью съѣлъ отравленное мясо и ушелъ. Двое охотниковъ — отецъ съ сыномъ пошли утромъ его слѣдить. Близко набрели они на одурѣвшаго, однако еще живаго тигра, но не успѣли выстрѣлить, ибо онъ бросился на охотниковъ, схватилъ ближайшаго, именно отца, зубами и обнялъ лапами. Видя неминуемую гибель своего родителя, сынъ со всего размаха ударилъ звѣря по спинѣ длиннымъ и увѣсистымъ ружьемъ. Получивъ сильный ударъ и ранѣе того ошеломленный отравою, тигръ оставилъ жертву и скрылся въ тростникѣ, гдѣ вскорѣ издохъ. Измятый же охотникъ, не смотря на сильныя раны, выздоровѣлъ, хотя и болѣлъ довольно долго.

Иногда лобъ-норцы устраиваютъ на тигра облавы. Однажды при такой облавѣ шесть человѣкъ стрѣлковъ размѣстились на узкой прогалинѣ между тростникомъ. Сначала всѣ храбрились, но когда дѣло стало близиться къ развязкѣ, то, по собственному потомъ признанію, сильно трусили. Одинъ изъ тѣхъ же стрѣлковъ убоялся до того, что, не смотря на холодъ, (дѣло было зимою) снялъ свой халатъ и повѣсилъ его повиднѣе на тростникъ расчитывая, что тигръ бросится на этотъ халатъ вмѣсто человѣка. Нѣсколько загонщиковъ были посланы кричать съ противоположной стороны тростниковой площадки. Спугнутый тигръ неслышно (былъ вѣтеръ) подошелъ къ самымъ охотникамъ, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ висѣлъ халатъ, и въ одинъ махъ перепрыгнулъ прогалину, занятую стрѣлками. Никто изъ нихъ стрѣлять, конечно, не успѣлъ; халатъ же во время прыжка звѣря свалился

на землю. Увидавъ это фланговые охотники, не знавшіе о подобномъ ухищреніи своего товарища, думали, что тигръ смялъ его подъ себя и съ испугомъ прибѣжали на помощь. Окончилась эта исторія общимъ хохотомъ; тигръ же ушелъ благополучно.

Однажды лобъ-норцы застали тигра въ тростникѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою, такъ что звѣрю, куда бы онъ ни направился, приходилось плыть. Нѣсколько охотниковъ засѣли на противоположной сторонѣ воды; другіе пугнули тигра, который, нужно замѣтить, очень хорошо плаваетъ. Звѣрь какъ разъ поплылъ на стрѣлковъ. Послѣдніе, увидавъ это, до того испугались, что вовсе не думали стрѣлять; одинъ же спрятался въ воду вмѣстѣ со своимъ ружьемъ. Тигръ переплылъ проливъ и ушелъ въ тростникъ. Въ другой разъ осенью лобъ-норцы загнали тигра въ холодную воду, изморили его тамъ на лодкахъ и убили.

По словамъ тѣхъ же лобъ-норцевъ, весною и осенью, когда проваливается ледъ, тигръ весьма боится по немъ ходить, держится гдѣ-либо въ одномъ мѣстѣ, питаясь кабанами, если они есть, а то и голодая до полнаго замерзанія или вскрытія воды.

Климатъ сентября.

Незамѣтно, какъ и многіе другіе мѣсяцы нашего путешествія, минулъ сентябрь, проведенный нами на рр. Юрунъ-кашъ и Хотанской отъ оазиса Хотанъ до ур. Беделикъ-утакъ, на абс. выс. отъ 4,400—3,300 футовъ. Исключительную для здѣшнихъ мѣстъ особенность этого мѣсяца составляла совершенно ясная погода, длившаяся 16 сутокъ сряду—съ 12—28 числа. Пыли въ воздухѣ въ это время не было, небо надъ нами разстилалось голубое, солнце ярко свѣтило, и также ярко блестѣли ночью звѣзды. Ничего подобнаго мы не видали за все время своего пребыванія въ бассейнѣ Тарима. Такое чудо обусловливалось, во первыхъ, продолжительнымъ затишьемъ, во время котораго вся пыль осѣла изъ воздуха, а во вторыхъ, прекращеніемъ тибетскихъ дождей, ради чего неоткуда было взяться облакамъ; впрочемъ, послѣднія и лѣтомъ вѣроятно не далеко заходятъ отъ окрайнихъ горъ въ глубь песчаной пустыни.

Ясная атмосфера и затишья породили сильные дневные жары, продолжавшіеся почти черезъ весь сентябрь и достигавшіе $+32,0^0$ въ тѣни въ 1 часъ дня въ началѣ и $+28,9^0$ въ концѣ описываемаго мѣсяца; до 28-го числа, съ котораго опять заоблачнѣло и сдѣлалось прохладнѣе, ни разу не замѣчалось въ тотъ же часъ наблюденій ниже $+23,2^0$ въ тѣни. Однако нестолько велика была жара сама по себѣ, какъ сильно жгло солнце въ здѣшнемъ страшно сухомъ воздухѣ. Въ

то же время, при сильномъ ночномъ лучеиспусканіи, температура по закатѣ солнца быстро падала. Первый ночной морозъ (—0,8°) случился 17-го сентября; затѣмъ 21-го числа тотъ же морозъ достигалъ —4,1°; всего морозныхъ ночей въ описываемомъ мѣсяцѣ было 6. Вообще контрасты дневной и ночной температуры въ сентябрѣ были очень велики: такъ, 17 числа при морозѣ —0,8° на восходѣ солнца, въ 1 часъ дня было +25,6° въ тѣни; или 21-го числа —4,0° на восходѣ солнца и +24,3° въ тѣни въ 1 часъ пополудни; въ этотъ же день рыхлая голая почва въ лѣсу (правда, въ укрытой площадкѣ) нагрѣлась еще до +56,0°.

Температура воды въ рр. Юрунъ-кашъ и Хотанской, вслѣдствіе ихъ мелководія и того же жгучаго дѣйствія солнечныхъ лучей, была въ сентябрѣ сравнительно очень высока: +24,8°—7-го числа, +22,9°—16-го и +23,2°—23-го числа [1]). Словомъ, сентябрь, средняя температура котораго вышла +15,3°, нисколько не былъ похожъ относительно погоды на осенній мѣсяцъ, но болѣе походилъ на іюль нашихъ странъ.

Облачныхъ и пасныхъ дней въ сентябрѣ считалось только 9, да и то въ началѣ и концѣ мѣсяца. Дождя или грозы не было вовсе, но по берегу Хотанъ-дарьи въ ясныя холодныя ночи иногда выпадала обильная роса. Затишья въ сентябрѣ сильно преобладали [2]), вѣтры же дули слабые съ различныхъ сторонъ горизонта; лишь дважды (8 и 28 чиселъ) западный вѣтеръ достигалъ значительной силы. Послѣ такой маленькой бури на нѣсколько дней сряду было облачно и густая пыль стояла въ воздухѣ.

Вновь на Таримѣ.

Отъ урочища Зиль, въ низовьѣ Хотанъ-дарьи, путь на Аксу сворачиваетъ къ сѣверо-западу на переправу черезъ Таримъ. Сюда пошли мы со своимъ караваномъ. Разстояніе отъ сворота до переправы равняется 24 верстамъ. Мѣстность эта поросла тугракомъ и лишь въ срединѣ вдвигаются неширокимъ (версты 1½ въ поперечникѣ) клиномъ сыпучіе пески, которые до тѣхъ поръ тянутся по южную сторону дороги. Верстахъ въ четырехъ не доходя Тарима лежитъ небольшой сухой рукавъ, отдѣляющійся отъ Яркендской рѣки. Въ этомъ рукавѣ вода бываетъ только лѣтомъ; самъ онъ поросъ тугракомъ и мало замѣтенъ. Урочище, въ видѣ острова, образуемаго указаннымъ рукавомъ и Таримомъ, называется *Гасъ-кумы*. Здѣсь сразу растительность становится

[1]) Въ этотъ день мы еще купались въ омуткахъ Хотанъ-дарьи.

[2]) При трехъ ежедневныхъ наблюденіяхъ, для сентября относительно вѣтровъ получилось: С.—2; СВ.—4; В.—1; ЮВ.—3; Ю.—2; ЮЗ.—0; З.—3; СЗ.—1; затишье—74.

обильнѣе и лучше, въ особенности тураковыя деревья. Теперь изсохшіе на нихъ листья имѣли совершенно золотой цвѣтъ; вообще вся флора была въ полномъ осеннемъ уборѣ.

7 октября мы вышли на берегъ Тарима и тотчасъ же переправились въ нѣсколько пріемовъ на другую его сторону на плашкоутѣ, выстроенномъ еще при Якубъ-бекѣ. Переправа эта находится какъ разъ возлѣ того мѣста, гдѣ рр. Яркендская и Аксуйская сливаются между собою. Первая притекаетъ отъ юго-запада съ ледниковъ Мусъ-тага; вторая—отъ сѣверо-запада съ ледниковъ Тянъ-шаня. Хотя Аксуйская рѣка гораздо короче Яркендской, но при устьѣ многоводнѣе и идетъ двумя рукавами по плёсу въ $^1|_2$ версты или болѣе шириною. Яркендская же рѣка здѣсь не имѣетъ такого широкаго плёса, за то, какъ говорятъ, глубже. Соединившись при абс. выс. 3,100 футовъ, обѣ названныя рѣки образуютъ *Таримъ*, который однако зовется здѣсь туземцами Аксу-дарья, по имени болѣе крупной изъ слившихся рѣкъ. Вода въ нихъ осенью была мутная, такъ же какъ и въ новорожденномъ Таримѣ. Ширина этого послѣдняго на мѣстѣ нашей переправы, при малой водѣ, каковая стояла въ то время, равнялась 80 саженямъ. Яркендъ-дарья имѣла около 30 саженъ ширины; Аксу-дарья приходила, какъ выше сказано, двумя рукавами, каждый почти такихъ же размѣровъ, какъ и Яркендская рѣка.

Самъ Таримъ не идетъ здѣсь корытообразнымъ русломъ, какъ въ нижнемъ своемъ теченіи. Вышина береговъ этой рѣки въ окрестностяхъ переправы не болѣе, чаще менѣе, одной сажени надъ малою водою; притомъ берега безпрестанно обваливаются и подмываются. Maximum глубины Тарима на той же переправѣ былъ $5^1|_4$ футовъ; среднимъ числомъ описываемая рѣка имѣла воды на 3—4 фута, и эта глубина наименьшая, по словамъ мѣстныхъ перевозчиковъ. Скорость теченія равнялась 160 футамъ въ минуту близъ сѣвернаго берега [1]); температура воды тамъ же, въ 1 часъ пополудни 7 и 8 октября, колебалась отъ $+11{,}9^0$—$+11{,}2^0$. Къ площади, занятой текучею водою, примыкалъ на лѣвомъ берегу Тарима топкій (изъ песка и намывнаго лёсса) плёсъ около 140 саженъ шириною. Весь этотъ плёсъ, равно какъ и низкія части береговъ заливаются лѣтнею водою, которая въ іюнѣ прибываетъ, какъ намъ говорили, болѣе чѣмъ на сажень противъ своего низкаго уровня.

[1]) Возлѣ южнаго берега эта скорость, вѣроятно, была немного больше; но тамъ измѣрить намъ не удалось.

Сопоставляя вышеприведенныя цифры размѣровъ Тарима при его колыбели съ того же рода данными, добытыми мною при первомъ (въ 1876—1877 гг.) посѣщеніи низовья этой рѣки, гдѣ она всюду имѣетъ отъ 2—3 саженъ глубины, позволительно теперь съ большимъ вѣроятіемъ сказать, что по всему Тариму вплоть до Лобъ-нора *возможно*, даже при малой водѣ, *плаваніе рѣчными пароходами,* сидящими не глубже 3 футовъ. Опасаться широкихъ мелководныхъ разливовъ въ непромѣренной части того же Тарима отъ вышеописанной переправы до устья Угенъ-дарьи нѣтъ резона, ибо даже въ подобномъ случаѣ описываемая рѣка, для избѣжанія своего засоренія пескомъ, изобильно приносимымъ какъ водою, такъ и весенними бурями, должна имѣть и поддерживать собственное русло, какъ это дѣлаетъ тотъ же Таримъ въ оз. Кара-буранъ, частью и въ Лобъ-норѣ. Затѣмъ Яркендъ-дарья, судя по ея глубинѣ и размѣрамъ при устьѣ, а также по распроснымъ даннымъ, вѣроятно, доступна для тѣхъ же мелкосидящяхъ пароходовъ, вверхъ отъ Тарима до впаденія Кашгарской рѣки, а при большой лѣтней водѣ, быть можетъ, и дальше. По Аксуйской рѣкѣ пароходы могутъ плавать лишь до ближайшихъ окрестностей г. Аксу. Наконецъ, лѣвый притокъ нижняго Тарима, р. Конче-дарья также судоходна отъ своего устья до г. Курля, быть можетъ и до оз. Багарашъ, откуда эта рѣка вытекаетъ.

Берега какъ самаго Тарима, такъ равно рр. Яркендской и Аксуйской, при ихъ сліяніи, поросли, благодаря богатому орошенію, сравнительно лучшею растительностью, чѣмъ на бѣдной водою Хотанъ-дарьѣ; даже тугракъ выглядываетъ здѣсь болѣе стройнымъ и красивымъ деревомъ; изъ другихъ древесныхъ породъ попадается только *джида*. Кустарники же — *облепиха*, *кендырь*, *джантакъ*, *солодка*, *тамарискъ* и *колючка* — растутъ здѣсь въ изобиліи и часто образуютъ непроходимыя заросли. По заливнымъ берегамъ Тарима мѣстами встрѣчаются площади, густо поросшія маленькою *кугой* (Typha stenophylla) и *тростеполевицею* (Calamagrostis Epigejos). Въ общемъ однако флора весьма бѣдная. Бѣдна также и фауна. Осѣдлые звѣри и птицы тѣ же, что на сосѣдней Хотанъ-дарьѣ. Для пролетныхъ птицъ, главнымъ образомъ водяныхъ и голенастыхъ, Яркендская рѣка, какъ раньше было говорено, служитъ большимъ путемъ весною и осенью. При насъ теперь еще много здѣсь летѣло *сѣрыхъ гусей*, *утокъ* и *баклановъ*. По словамъ туземцевъ, весною птицъ летитъ еще больше, отчасти вѣроятно и потому, что тогда пролетъ идетъ гораздо быстрѣе. Рыбы въ новорожденномъ Таримѣ много, какъ и во всей этой рѣкѣ. Туземцы, переправлявшіе насъ, называли

лобъ-норскіе виды—*тазекъ-балыкъ* и *минлай-балыкъ*; еще упоминали о какой то *лягамъ-балыкъ*, достигающей 60—70 фунтовъ вѣсу. Сами мы добыли на переправѣ *маринку* (Schizothorax chrysochlorus n. sp.) и *гольца* (Nemachilus yarkandensis); кромѣ того въ сосѣдней Аксуйской рѣкѣ, впрочемъ нѣсколько выше ея устья, пойманы были еще два вида *маринки* (Schizothorax latifrons n. sp., Sch. malacorrhynchus n. sp.), другой видъ *гольца* (Nemachilus Strauchi) и *губачъ* (Diplophysa scleroptera, n. sp.).

Возлѣ самаго таримскаго перевоза живутъ только 4 семейства дуланъ; внизъ по рѣкѣ кочуютъ пастухи со скотомъ. Затѣмъ въ разстояніи немного большемъ сотни верстъ отъ той же переправы лежитъ, какъ намъ говорили, на лѣвомъ берегу Тарима селеніе *Таллыкъ-булунъ*, въ которомъ около сотни дворовъ. Жители здѣсь занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Вверхъ по Яркендской рѣкѣ въ ея низовьѣ также встрѣчаются лишь пастухи. Дороги въ Яркендъ здѣсь нѣтъ; иногда только ходятъ безпаспортные.

Замерзаетъ верхній Таримъ, по словамъ туземцевъ, въ началѣ декабря и стоитъ подъ льдомъ немного меньше трехъ мѣсяцевъ. Сыпучіе пески тянутся по правому берегу этой рѣки, не прерываясь во всю длину ея теченія; на лѣвомъ берегу тѣ же пески несравненно меньше и не сплошные. Широкая долина, сопровождающая весь Таримъ, покрыта туграковыми и кустарными зарослями; мѣстами изобильны здѣсь также болота и озера.

Слѣдованіе по оазису Аксу.

Проведя двое сутокъ возлѣ таримской переправы, мы пошли въ оазисъ Аксу. Дорога, возможная, хотя съ трудомъ, и для колесной ѣзды, направляется вверхъ по лѣвому берегу Аксуйской рѣки, на разстояніи отъ нея нѣсколькихъ верстъ. Въ немного бо̀льшемъ отдаленіи справа отъ насъ, т. е. съ востока, виднѣлись сыпучіе пески, которые тянутся довольно далеко къ сѣверо-западу вдоль культурной полосы Аксуйскаго оазиса, а также и внизъ по Тариму. Мѣстность, гдѣ мы шли была поросши туграком и кустарниками, тѣми же, что и на Таримѣ; прибавился лишь *Halostachys caspia*, котораго нѣтъ на низовьѣ Хотанской рѣки. Кое-гдѣ видны были слѣды старинныхъ пашенъ. Вообще лёссовая почва въ раіонѣ ближайшемъ къ Тариму удобна для обработки; нѣсколько подальше она становится сильно солончаковою, и мѣстность принимаетъ совершенно цайдамскій характеръ; нѣтъ только хармыка. На правомъ берегу Аксуйской рѣки въ значительномъ, впрочемъ, отъ нея удаленіи, поселенія тянутся, какъ намъ говорили, вплоть до Яркендъ-дарьи. По нашему же пути южная окраина культурной полосы лежала отъ таримской переправы на разстояніи 27 верстъ. Здѣсь при д. *Мата̀нъ* мы вошли въ

оазисъ Аксуйскій, одинъ изъ самыхъ обширныхъ и богатыхъ во всемъ Восточномъ Туркестанѣ.

Цифру населенія этого оазиса, при неоднократныхъ о томъ распросахъ, туземцы опредѣляли намъ въ 56,000 семействъ [1]). По народностямъ, согласно тѣхъ же свѣдѣній, всего болѣе—*ардбюль*; затѣмъ слѣдуютъ выходцы изъ Кокана, или, какъ ихъ называютъ, старинные *сарты* (до 10,000 семействъ), *дуланы* (5 аймаковъ, всего около 1,000 семействъ), осѣдлые *киргизы* (немного), *хурасанъ* [2]) (очень мало, самые красивые), и наконецъ, какіе-то *матанъ* [3]) (до 600 семействъ). Живутъ въ Аксуйскомъ оазисѣ просторно; земля здѣсь очень плодородна и ея много, какъ равно много воды для орошенія полей [4]). На нихъ засѣваютъ рисъ, пшеницу, ячмень, кукурузу, ленъ (мало), кунжутъ, горохъ, вообще хлѣба, свойственные и другимъ здѣшнимъ оазисамъ; посѣвъ бываетъ двойной въ теченіе одного лѣта; урожай очень хорошій. Садоводство также процвѣтаетъ; шелководство только начинается.

Въ сѣверной окраинѣ описываемаго оазиса лежитъ его административный центръ—городъ *Аксу*. Сюда мы теперь и направились. Отъ д. Матанъ потянулось сплошное населеніе по обоимъ берегамъ Аксударьи, въ которую вскорѣ впадаетъ справа довольно большая *Таушканъ-дарья*. Плёсъ главной рѣки, т. е. Аксуйской, здѣсь около версты въ поперечникѣ; русло же воды не шире 40—50 саженъ; бродовъ, вѣроятно, нѣтъ. Туземцы, какъ было видно, живутъ зажиточно. Сакли выстроены изъ пластовъ лёсса въ видѣ большихъ кирпичей, или, рѣже, изъ необожженнаго кирпича. При всѣхъ сакляхъ сады; фрукты въ нихъ очень хорошіе. Мы въ изобиліи покупали яблоки, груши, персики, виноградъ, арбузы и дыни. Погода стояла превосходная. Не смотря на половину октября и на ночные морозы до $-10{,}0^0$, днемъ температура поднималась до $+20{,}2^0$ въ тѣни; на поляхъ мѣстами еще стоялъ несжатый рисъ; съ фруктовыхъ деревьевъ только начинали осыпаться листья; ива же и тополь еще совершенно были зелены. Появились и птицы, старые знакомцы—*сѣрыя вороны*, *сороки*, а также въ большомъ числѣ прилетѣвшіе сюда на зимовку—*грачи*, *галки*, *голуби-клинтухи;* не мало

[1]) По Риттеру («Вост. Туркестанъ», стр. 176) населеніе того же оазиса показано въ 20,000 семействъ; по Куропаткину («Кашгарія», стр. 40) въ 30,000 семействъ.

[2]) Какъ уже было говорено въ X главѣ, названія ардбюль и хурасанъ теперь не употребляются; ихъ замѣнили, какъ и для всего Вост. Туркестана, названія его обитателей по оазисамъ или городамъ.

[3]) Пришли сюда давно въ числѣ только 7 семействъ изъ какого-то на югѣ лежащаго города Матынъ—такъ объяснили намъ туземцы.

[4]) Мѣстные жители говорятъ, что Аксуйская рѣка, послѣ смерти Якубъ-бека стала меньше давать воды.

было и *скворцовъ*, но *фазаны* (Phasianus insignis) попадались пока лишь изрѣдка.

Вслѣдствіе опять наступившей ясной погоды, отъ д. Матанъ, слѣдовательно верстъ за двѣсти, стала намъ видна, хотя еще въ туманныхъ очертаніяхъ, самая высокая вершина всего Тянъ-шаня—*Ханъ-тенгри*. Черезъ два небольшихъ перехода эта громада обрисовалась совершенно ясно обширнымъ снѣговымъ куполомъ. Къ востоку и западу отъ него (какъ казалось въ перспективѣ), сбѣгали снѣговыя гряды, заканчивающіяся также высокими снѣговыми вершинами.

Мѣстные жители по прежнему дружелюбно встрѣчали насъ, хотя и не съ такой откровенной сердечностью какъ въ Мачинской землѣ. Китайцы же опять стали вредить изподтишка, распуская среди населенія нелѣпые о насъ слухи, запрещая туземцамъ ходить къ намъ, или продавать съѣстные припасы и пр. Всего же нахальнѣе оказывались китайскіе солдаты (исключая дунганъ), которыхъ приходилось встрѣчать по пути. Одинъ изъ такихъ солдатъ безъ всякой уважительной причины осмѣлился даже броситься на нашего казака; виновный былъ тутъ же наказанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я написалъ начальнику китайскихъ войскъ въ Аксу письмо объ этомъ происшествіи и просилъ прекратить своеволіе солдатъ; въ противномъ случаѣ грозилъ стрѣлять негодяевъ. Черезъ сутки явился китайскій чиновникъ съ словеснымъ объясненіемъ отъ того же войскового начальника, что онъ принялъ самыя строгія мѣры и очень радъ (воображаю какъ!) нашей расправѣ съ озорникомъ-солдатомъ.

На послѣднемъ бивуакѣ передъ Аксу насъ встрѣтили торгующіе въ этомъ городѣ русскіе подданные сарты и предложили обильный дастарханъ [1]). Въ слѣдующій день мы вышли на большую кашгаро-аксуйскую колесную дорогу и сдѣлали по ней почти весь свой переходъ. Аксу-дарья отошла здѣсь нѣсколько къ западу. Не смотря на близость большого города, населеніе все-таки живетъ просторно. Мѣстность носитъ названіе *Яръ-баши*, по причинѣ высокаго (отъ 10—12 саженъ) лёссоваго обрыва, который рѣзко ограничиваетъ здѣсь культурную долину Аксуйской рѣки и, вѣроятно, нѣкогда служилъ ея берегомъ. Восточнѣе указаннаго обрыва разстилается высокая равнина совершенно безплодная. Верстахъ въ десяти не доходя самаго г. Аксу лежатъ два глиняныя укрѣпленія, выстроенныя китайцами. Бо́льшее изъ нихъ, находящееся возлѣ самой кашгарской дороги, по западную ея сторону, имѣетъ, какъ обыкновенно у китайцевъ, квадратную форму, зубчатую стѣну и фланки-

[1]) Разныя мѣстныя кушанья, фрукты и даже чай изъ тульскаго самовара.

рующія башни по угламъ, а также въ срединѣ фасовъ. Длина каждаго изъ нихъ на глазъ около 600 шаговъ; вышина стѣны 3—3½ сажени. Впереди главной ограды, шагахъ въ 40—50, тянется оборонительная стѣнка около сажени вышиною; передъ нею выкопанъ ровъ (сажени 4—5 въ ширину при глубинѣ около сажени), который, вѣроятно, можетъ наполняться водою. Напротивъ этого укрѣпленія въ разстояніи около версты, лежитъ другое, гораздо меньшее, такъ называемый *импанъ* (въ родѣ оборонительной казармы). Въ обоихъ укрѣпленіяхъ помѣщались китайскіе солдаты, которыхъ въ это время въ Аксу было, какъ намъ говорили, около тысячи человѣкъ.

Городъ Аксу, куда мы пришли 16 октября и устроились бивуакомъ на Учь-турфанской дорогѣ, расположенъ, при абс. выс. 3,300 футовъ, возлѣ того же отвѣснаго обрыва Яръ-баши, о которомъ было упомянуто выше. Вода сюда доставляется рѣчкою, быть можетъ даже арыкомъ *Танакакъ-су*; Аксу-дарья (главное ея русло) лежитъ верстахъ въ 15 западнѣе. Кромѣ стариннаго мусульманскаго города, въ Аксу находятся еще два небольшіе, обнесенные высокими стѣнами, города китайскихъ: *Арсукъ*, или *Янги-шаръ* и *Китай-шари* [1]). Населеніе мусульманскаго города, какъ намъ говорили, простирается до 10,000 семействъ. Базаровъ четыре, въ томъ числѣ одинъ китайскій; главный торгъ бываетъ по пятницамъ. Число нашихъ купцовъ-сартовъ измѣняется отъ 100—300 человѣкъ. Изъ мануфактурныхъ произведеній Аксу славятся—кожевенныя издѣлія (сапоги, узды, сѣдла и пр.) и мѣдная посуда; вывозятъ также отсюда продукты земледѣлія, какъ напр., рисъ въ Хотанъ и къ намъ въ г. Караколъ. Торговля описываемаго города довольно обширная. Черезъ Тянъ-шаньскіе перевалы Мусартъ и Бедель сюда приходятъ русскіе товары; изъ Хами, черезъ г. Куча—китайскіе; мѣстные же—привозятся изъ Хотана, частью изъ Яркенда и Кашгара. Наконецъ описываемый городъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что составляетъ нынѣ мѣстопребываніе китайскаго *даотая*, завѣдывающаго четырьмя восточными округами (Карашаръ, Куча, Аксу и Учь-турфанъ) въ Вост. Туркестанѣ.

Въ Аксу мы только передневали, сдѣлали кое-какія покупки и продали, кругомъ по десяти рублей, 37 уцѣлѣвшихъ своихъ верблюдовъ, прошедшихъ подъ вьюкомъ 7,000 верстъ. Взамѣнъ были завьючены 40 новыхъ верблюдовъ, высланныхъ намъ изъ Семирѣчья. Теперь кончилась и моя съемка, ибо дальнѣйшая дорога до г. Каракола (315 верстъ) была снята еще въ 1877 году капитаномъ Сунаргуловымъ.

[1]) *Шаръ* или *шари* (т. е. городъ)—одинаково произносятъ туземцы.

Выступивъ изъ Аксу, мы сдѣлали небольшой переходъ по мѣстности, по прежнему просторно населенной, и остановились дневать на берегу Аксу-дарья, гдѣ въ густыхъ заросляхъ облепихи встрѣтилось много *фазановъ* (Phasianus insignis), а также зимующихъ *горихвостокъ* (Ruticilla erythrogastra); здѣсь же впервые былъ найденъ обыкновенный въ нашемъ Туркестанѣ *испанскій воробей* (Passer salicarius); кромѣ того попадались зимующіе *черные дрозды* (Merula maxima), *корольки* (Regulus flavicapillus), *кряковныя утки* и другія птицы.

Аксуйская рѣка была пройдена нами вбродъ [1]), имѣвшій теперь, при самой малой водѣ, около 3¹|₂ футовъ глубины; ширина главнаго русла простиралась до 25 саженъ; теченіе очень быстрое, вода свѣтлая. Лѣтомъ рѣка, какъ говорятъ, заливаетъ весь свой плёсъ, усѣянный мелкою галькою и имѣющій здѣсь около версты въ поперечникѣ; переправа тогда производится на паромѣ.

На западной сторонѣ Аксу-дарья опять потянулись деревни, сначала по обѣ стороны Учь-турфанской колесной дороги, затѣмъ лишь слѣва отъ нея; справа же раскинулся пустырь. Такъ продолжалось до р. *Таушканъ-дарья*, которую мы перешли вбродъ [2]). Глубина его была 3 фута, ширина рѣчного русла около 25 саженъ, теченіе быстрое, вода свѣтлая; лѣтомъ перевозятъ здѣсь на паромѣ. За Таушканъ-дарьей населеніе появилось опять по обѣ стороны дороги, пройдя по которой 7 верстъ, мы вступили при д. *Танъ-агачъ* [3]) въ предѣлы оазиса *Учь-Турфанъ*.

Этотъ небольшой оазисъ лежитъ въ плодородной долинѣ Таушканъ-дарьи [4]) и составляетъ собственно продолженіе оазиса Аксуйскаго какъ по своему общему характеру, такъ и по составу населенія. Количество послѣдняго, согласно распросныхъ свѣдѣній, не велико—всего 3,600 семействъ [5]). Тѣмъ не менѣе Учь-Турфанскій оазисъ выдѣленъ нынѣ китайцами въ особый округъ второй степени. Его управитель со своими чиновниками помѣщается въ небольшомъ городишкѣ того же имени, Оазисъ Учь-Турфанъ.

[1]) Кромѣ того, мы перешли три или четыре небольшихъ рукава той же рѣки, лежащіе по восточную ея сторону.

[2]) Ранѣе этого нужно перейдти рукавъ той же рѣки. Немного не доходя этого рукава, мы проходили черезъ довольно порядочную деревню *Аралъ*, въ которой накануне былъ базаръ; теперь же всѣ глиняныя конуры, служащія лавками, стояли запертыми.

[3]) Здѣсь китайская застава, на которой осматриваютъ паспорты.

[4]) Вытекаетъ въ Тянъ-шанѣ близъ озера Чатырь-куль; въ верховьи называется *Аксай*.

[5]) Не знаю насколько вѣрно, но какъ здѣсь, такъ равно въ Аксу и Хотанѣ намъ говорили, что среди мѣстнаго населенія число женщинъ значительно превосходитъ число мужчинъ.

лежащемъ на разстояніи 80 верстъ отъ Аксу. Дорога въ предѣлахъ описываемаго оазиса по прежнему отличная колесная и даже сплошь обсаженная таломъ. Устроена она при Якубъ-бекѣ. Отъ его временъ возлѣ той же дороги сохранился, нынѣ заброшенный, глиняный фортъ *Ачь-тагъ*, рядомъ съ которымъ мы ночевали. Фортъ этотъ лежитъ у подножія трехъ изолированныхъ, совершенно безплодныхъ горокъ, поднимающихся (на глазъ) футовъ на 700 надъ окрестною мѣстностью. По пути намъ теперь довольно часто встрѣчались дуланы, монгольскій типъ которыхъ въ особенности хорошо сохранился у женщинъ. Мужчины, какъ этого племени, такъ и другихъ, живущихъ въ Учь-Турфанскомъ оазисѣ, получили отъ мѣстнаго китайскаго начальника приказаніе носить косы, и мы у многихъ видѣли уже довольно длинные волосы на головѣ.

Погода, несмотря на послѣднюю треть октября, стояла отличная,— постоянно ясная [1]) и днемъ теплая; ночью же перепадали небольшіе (до—5,8°) морозы. Днемъ на пригрѣвѣ солнца летали бабочки, мухи и мошки; на болотахъ еще довольно много было цвѣтущихъ одуванчиковъ, попадался и цвѣтущій касатикъ; тутъ же держались зимующія кряковныя утки, а по залитымъ рисовымъ полямъ вездѣ копались грачи — совершенно какъ у насъ весною.

Городишко Учь-Турфанъ, посѣщенный нами 23 октября, лежитъ на абсол. высотѣ 4,400 футовъ и состоитъ изъ китайской крѣпости, на восточной сторонѣ которой скучено до сотни туземныхъ сакель; здѣсь же и лавки; торговля, впрочемъ, ничтожная. Крѣпость, какъ обыкновенно, глиняная, квадратнаго очертанія; высота зубчатой стѣны около 3½ саженъ; длина каждаго фаса шаговъ 400—500; въ срединѣ и по угламъ этихъ фасовъ (кажется, только на двухъ) стоятъ фланкирующія башни; впереди оборонительная стѣнка со рвомъ шириною отъ 3—4 саженъ при глубинѣ около одной сажени. Описываемая крѣпость (если только можно употребить здѣсь это названіе) расположена какъ разъ возлѣ командующей надъ нею скалистой (большею частію съ отвѣсными боками) гряды, футовъ 500—600 (на глазъ) вышиною. На высшей точкѣ западной части этой гряды, въ разстояніи 800 или 1,000 шаговъ отъ самой крѣпости, устроена крошечная, вѣроятно неимѣющая воды, цитадель. Сюда проложена дорога и, какъ кажется, колесная. Гарнизонъ Учь-Турфана во время нашего прохода состоялъ, какъ говорили туземцы, изъ 500 человѣкъ; наполовину этого числа были сол-

[1]) Хотя пыль достаточно наполняла атмосферу.

даты изъ дунганъ. Они гораздо приличнѣе и вѣжливѣе солдатъ собственно китайскихъ; при томъ весьма русскимъ симпатизируютъ.

Со стороны-же китайцевъ опять пришлось намъ испытать непріятности. Учь-Турфанскій амбань не только запретилъ въ городѣ продавать намъ что-либо, но даже поставилъ для этой цѣли на базарѣ караульныхъ. Кромѣ того, посадилъ подъ арестъ, и впослѣдствіи тяжело наказалъ, встрѣчавшаго насъ торговаго аксакала. Наконецъ, лишь только мы устроили свой бивуакъ (пройдя версты двѣ за крѣпость), какъ начали сюда являться китайскіе солдаты и вести себя весьма нахально. Нѣсколькимъ прошло это даромъ, такъ какъ мы не желали затѣвать ссоры; но подобное миролюбіе только подбодрило наглецовъ. Одинъ изъ нихъ прямо залѣзъ въ нашъ багажъ и, не смотря на приглашеніе переводчика, не хотѣлъ уходить, сталъ даже ругаться. Тогда я приказалъ казакамъ наказать негодяя, который затѣмъ съ крикомъ побѣжалъ въ крѣпость. На всякій случай мы приготовили винтовки, и ночью казаки держали усиленный караулъ. Однако солдаты изъ крѣпости больше не показывались.

Утромъ слѣдующаго дня караванъ нашъ двинулся къ западу, по дорогѣ, которая ведетъ въ Кашгаръ. Верстахъ въ 15 отъ города, Учь-Турфанскій оазисъ оканчивается. Немного раньше этого Каракольскій путь сворачиваетъ вправо и мы опять перешли на лѣвый берегъ Таушканъ-дарьи, которая здѣсь называется *Аксай*, а также *Учь-Турфанъ-дарья*. Кашгарская дорога направляется довольно долго по ея долинѣ и при ур. Акчи сворачиваетъ на юго-западъ черезъ горы въ Кашгаръ. По этой дорогѣ можно пройдти на верблюдахъ и даже проѣхать, но съ трудомъ, какъ говорятъ, въ двухколесной арбѣ.

Справа и слѣва Таушканъ-дарьи горы теперь значительно къ ней придвинулись. Перейдя названную рѣку, мы направились въ ущелье *Уй-талъ*, по которому лежитъ дорога на перевалъ *Бедель*. Мѣстность до этого ущелья, на протяженіи около 30 верстъ нашего пути, представляла безводную и безплодную, довольно круто отъ горъ покатую галечную равнину. Здѣсь вразсыпную торчатъ кустики *Reaumuria*, *Ephedra*, *Eurotia?*, *Sympegma?*, изрѣдка *Artemisia*; по сухимъ русламъ дождевыхъ потоковъ, гдѣ названная растительность гуще, къ ней прибавляются *Caragana* и *Clematis*. Устье ущелья Уй-талъ, куда крутымъ спускомъ выходитъ отъ вышеописанной равнины Бедельская дорога, врѣзано въ почву футовъ на 200—300; бока этихъ обрывовъ отвѣсны и состоятъ изъ конгломерата. По быстро текущей тутъ рѣчкѣ недолго тянутся густыя заросли *облепихи*, *лозы*, *шиповника* и *барбариса*. Много встрѣ-

Подъемъ на Тянъ-шань.

тили мы здѣсь горныхъ куропатокъ или *кекликовъ* (Caccabis chukar) и *желтоносыхъ клушицъ* (Pyrrhocorax alpinus); попадались также зимующіе *черные дрозды* (Merula maxima), *Carpodacus rubicilla* и *Carpodacus rhodochlamys*. Окрестныя горы были совершенно безплодны. Не смотря на то, что мѣстность повысилась до 7 т. футовъ, дневное тепло еще доходило до $+15{,}0^0$ въ тѣни.

Разстояніе отъ устья ущелья Уй-талъ до вершины перевала Бедель равняется 36 верстамъ. Дорога здѣсь довольно хороша для верховой ѣзды; не особенно трудна и для верблюдовъ, хотя иногда идетъ по карнизамъ и камнямъ. Впрочемъ, такихъ трудныхъ мѣстъ сравнительно немного и сгруппированы они въ среднемъ поясѣ ущелья. Бока его обставлены высокими, крутыми горными склонами, которые изборождены скалами, состоящими изъ известняка и глинистаго сланца; ближе къ перевалу встрѣчается слюдистый сланецъ. Маленькое подобіе лѣса изъ породъ вышепоименованныхъ найдено было нами лишь при устьѣ описываемаго ущелья. Далѣе вверхъ, до абс. высоты въ $9^1|_2$ или 10 т. футовъ, какъ по дну этого ущелья, такъ и по боковымъ скатамъ горъ, всего болѣе на ихъ сѣверныхъ склонахъ, растутъ вразсыпную: *карагана* (Caragana jubata, Caragana sp.), *барбарисъ, шиповникъ, сабельникъ, кустарная полынь, жимолость* и *бѣлолозникъ*?; въ поясѣ отъ 8—9 т. фут. также вразсыпную попадается, исключительно на сѣверныхъ горныхъ склонахъ, *стелющійся можжевельникъ*. Изъ травъ мы замѣтили нѣсколько видовъ *полыни* и другихъ *сложноцвѣтныхъ*, *ревень* и разные *злаки*. Послѣдніе, впрочемъ, появляются въ обиліи лишь тысячъ отъ десяти футовъ абс. высоты. Здѣсь пастбища, въ особенности по логамъ, довольно хороши. Въ верхнемъ горномъ поясѣ показались и присущія ему птицы: *уллары* (Megaloperdix himalayanus), *грифы, бекасъ-отшельникъ* (Scolopax solitaria), *оляпка*, *горный вьюрокъ*, *воронъ* и др.— всѣ однако въ маломъ количествѣ. Изъ звѣрей мы встрѣтили только горныхъ *козловъ* (Capra sp.); кромѣ того, судя по норамъ, здѣсь много *тарабагановъ*.

Не смотря на конецъ октября, снѣгу по описываемому ущелью и на окрестныхъ горныхъ склонахъ не было; лишь въ маломъ количествѣ лежалъ снѣгъ на вершинахъ, ближайшихъ къ перевалу. Ледъ по р. Уй-талъ показался отъ 8 т. футовъ; больше его стало лишь отъ 10 т. фут. абс. высоты.

Жителей въ томъ же ущельи нѣтъ. Только въ 9 верстахъ отъ входа въ него расположенъ маленькій глиняный редутикъ, или, какъ здѣсь называютъ «курганъ», *Ибрай*, запирающій дорогу. Онъ обнесенъ

неширокимъ рвомъ; воротъ имѣетъ двое. Въ эти узкія ворота наши завьюченные ящиками (съ коллекціями) верблюды пройдти не могли. Тогда караульные изъ туземцевъ предложили намъ расширить проходъ въ глиняной стѣнѣ и сами участвовали въ этой работѣ, приговаривая: «все равно, скоро русскимъ ломать здѣшнюю китайщину придется». Помимо названнаго кургана, далѣе по ущелью лежали еще два, но меньшихъ размѣровъ и притомъ теперь заброшенные; кромѣ того, мы видѣли нѣсколько старинныхъ заваловъ изъ камней. По пути встрѣчались намъ небольшіе караваны на верблюдахъ и лошадяхъ. Одни изъ нихъ шли изъ Каракола, другіе изъ Токмака, третьи изъ Кульджи. Вообще движеніе черезъ Бедель довольно бойкое и производится круглый годъ, хотя иногда затрудняется снѣгомъ. Помимо различныхъ провозимыхъ товаровъ, изъ нашихъ предѣловъ много гонятъ здѣсь скота (барановъ и лошадей) въ Аксу, Кашгаръ и даже въ Хотанъ.

Переходъ границы.

Переночевавъ невдалекѣ отъ перевала, мы начали утромъ 29-го октября свое восхожденіе на Бедель. Съ южной стороны подъемъ здѣсь двойной; сначала тропинка идетъ версты полторы каменистымъ ущельемъ; за тѣмъ зигзагами, около версты длиною, поднимается на кручъ, гдѣ на площадкѣ стоитъ глиняный курганъ (фортъ) нынѣ заброшенный. Отъ этого кургана та же тропинка идетъ около версты полого, потомъ дѣлается круче и снова зигзагами, на протяженіи менѣе версты, но болѣе крутыми, чѣмъ прежде, восходитъ на самый перевалъ. Его абс. высота, по нашему барометрическому опредѣленію, 13,700 футовъ. Вѣчнаго снѣга здѣсь нѣтъ. Однако въ укрытыхъ ущельяхъ сѣвернаго склона окрестныхъ горъ, на указанной высотѣ, зимній снѣгъ вполнѣ не растаиваетъ [1]). Быть можетъ онъ лежитъ постоянно и на сѣверномъ склонѣ Беделя. При нашемъ здѣсь проходѣ снѣгъ лежалъ, на протяженіи слишкомъ двухъ верстъ спуска, на 2—3 фута глубины и былъ сверху покрытъ ледяною корою. Вьючнымъ верблюдамъ идти было крайне трудно, въ особенности на косогорахъ. Не смотря на то, что на подобныхъ мѣстахъ каждое животное сводили поодиночкѣ, и притомъ двое казаковъ поддерживали его веревками, одинъ верблюдъ все-таки скатился въ пропасть саженъ 30 глубиною. По счастью тамъ былъ надутъ глубокій снѣгъ, такъ что упавшій верблюдъ остался цѣлъ, даже не поломалъ вьючныхъ ящиковъ. Всего для подъема на описываемый

[1]) Во время нашего прохода на сѣверныхъ склонахъ верхняго пояса горъ, окрестныхъ Беделю, лежалъ снѣгъ, недавно выпавшій; черезъ это невозможно было хорошо распознать снѣгъ нерастаивающій.

перевалъ въ четыре версты длиною и на спускъ съ него въ двѣ версты нами употреблено было семь часовъ времени.

Переходомъ черезъ Бедель, гдѣ, какъ извѣстно, пролегаетъ теперь пограничная черта Россіи съ Китаемъ, закончилось нынѣшнее наше путешествіе въ Центральной Азіи. Въ тотъ же день я отдалъ по своему маленькому отряду слѣдующій, прощальный приказъ:

«Сегодня для насъ знаменательный день: мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Болѣе двухъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ мы начали изъ Кяхты свое путешествіе. Мы пускались тогда въ глубь азіатскихъ пустынь, имѣя съ собою лишь одного союзника—отвагу; все остальное стояло противъ насъ: и природа и люди. Вспомните—мы ходили то по сыпучимъ пескамъ Ала-шаня и Тарима, то по болотамъ Цайдама и Тибета, то по громаднымъ горнымъ хребтамъ, перевалы черезъ которые лежатъ на заоблачной высотѣ. Мы жили два года, какъ дикари, подъ открытымъ небомъ, въ палаткахъ или юртахъ, и переносили то 40 градусные морозы, то еще бо̀льшіе жары, то ужасныя бури пустыни. Ко всему этому по временамъ добавлялось недружелюбіе, иногда даже открытая вражда туземцевъ: вспомните, какъ на насъ дважды нападали тангуты въ Тибетѣ, какъ постоянно обманывали монголы Цайдама, какъ лицемѣрно-враждебно вездѣ относились къ намъ китайцы. Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроеннаго населенія, ничто не могло остановить насъ. Мы выполнили свою задачу до конца—прошли и изслѣдовали тѣ мѣстности Центральной Азіи, въ бо̀льшей части которыхъ еще не ступала нога европейца. Честь и слава вамъ, товарищи! О вашихъ подвигахъ я повѣдаю всему свѣту. Теперь же обнимаю каждаго изъ васъ и благодарю за службу вѣрную — отъ имени Государя Императора, насъ пославшаго, отъ имени науки, которой мы служили, и отъ имени родины, которую мы прославили...»

ГЛАВА XIII.

Очеркъ современнаго положенія Центральной Азіи.

Причины малолюдія этой страны.—Общая характеристика здѣшнихъ народовъ.—Ихъ малые задатки къ прогрессу.—Непрочность китайскаго владычества.—Престижъ Россіи.—О войскахъ китайскихъ.—Наши отношенія къ Китаю.

Причины малолюдія этой страны.

На обширномъ пространствѣ Центральной Азіи, раскинувшейся отъ окрайнихъ сибирскихъ горъ на сѣверѣ до Гималаи на югѣ, отъ меридіональнаго хребта Большой Хинганъ и пограничныхъ къ сторонѣ Гоби и Тибета хребтовъ Собственнаго Китая до Памира, западнаго Тянъшаня и Тарабагатая на западѣ, всего на площади около 120,000 кв. геогр. миль, нынѣ обитаютъ, какъ извѣстно три главныя народности: монголы на сѣверѣ, тангуты или тибетцы на югѣ и туркестанцы на западѣ; спорадически еще живутъ здѣсь по оазисамъ китайцы и дунганы, а на западной окраинѣ кое-гдѣ кочуютъ киргизы. Общее число всѣхъ этихъ народовъ, вѣроятно, не превосходитъ восьми-девяти милліоновъ [1])—цифра ничтожная сравнительно съ обширностью описываемой страны. Но ея физическія свойства роковымъ образомъ опредѣляютъ такое малолюдіе. За исключеніемъ немногочисленныхъ оазисовъ, вкрапленныхъ островками у подножія гигантскихъ горныхъ хребтовъ, здѣсь нѣтъ другихъ мѣстъ для осѣдлой культурной жизни. Даже для номадовъ съ ихъ стадами Центральная Азія даетъ сравнительно мало привольныхъ пастбищъ, и то только на своей сѣверной да восточной окраинахъ. Все остальное, приблизительно $^4|_5$ общаго пространства вышенамѣченной площади, запо-

[1]) По слѣдующему приблизительному расчету: Монголія 3—4 милл., Тибетъ $1^1/_2$—2 милл., Восточный Туркестанъ 2 милл., Чжунгарія $^1/_2$ милл., оазисы восточнаго Тянъшаня и вдоль сѣверной подошвы Нанъ-шаня—1 милл. Точныхъ свѣдѣній о количествѣ населенія этихъ странъ не имѣется.

лонила пустыня [1]), въ которой лишь кое-гдѣ ютится неприхотливый номадъ. Многія же части этой пустыни, каковы: нагорье сѣвернаго Тибета, болота Цайдама, сыпучіе пески Тарима, Ала-шаня и Чжунгаріи, галечныя, или глинистыя площади центральной Гоби и обширные солончаки въ другихъ ея частяхъ, вовсе непригодны для человѣка.

Но если Центральная Азія часто представляетъ на цѣлыя сотни, даже тысячи квадратныхъ миль, абсолютную пустыню, за то въ мѣстахъ хотя мало-мальски возможныхъ для обитанія она населена отъ временъ глубокой древности. Весьма выгодныя условія для скотоводства, какъ-то: сухой климатъ, отсутствіе снѣга зимой и докучныхъ насѣкомыхъ лѣтомъ, обиліе соли въ почвѣ, кормная, хотя съ виду невзрачная трава, мѣстами и хорошія пастбища, наконецъ сравнительно ничтожный здѣсь уходъ за скотомъ,—все это еще въ глубокой древности манило человѣка-дикаря отдаться пастушескому быту и въ лѣнивой, но достаточно обезпеченной жизни номада искать возможнаго удовлетворенія своихъ неприхотливыхъ стремленій. Тѣмъ болѣе, что среди такихъ условій и обстановки жизни не требовалось ни особенной энергіи, ни особенныхъ индивидуальныхъ качествъ. «Борьба за существованіе» являлась здѣсь болѣе пассивною, чѣмъ активною, и притомъ укладывалась въ неширокія рамки однообразной обстановки быта и однообразныхъ физическихъ условій природы. Вотъ почему въ пустыняхъ Центральной Азіи, не смотря на баснословное мѣстами обиліе звѣрей, которыхъ въ древности несомнѣнно было здѣсь еще больше, человѣкъ миновалъ первую ступень своего общественнаго развитія, не сдѣлался охотникомъ, какъ въ сосѣднихъ лѣсахъ Сибири, но обзавелся стадами домашняго скота и въ зависимость отъ него поставилъ все свое существованіе. Охота явилась затѣмъ какъ подспорье, или какъ развлеченіе, не болѣе. Конечно, въ началѣ занимались лучшія степныя мѣстности, а затѣмъ по мѣрѣ размноженія стадъ, равно какъ и самихъ номадовъ,—въ видѣ ли ихъ естественнаго прироста, или прилива новыхъ племенъ,—кочевая жизнь захватывала все большіе раіонъ, не пренебрегала даже скудными уголками пустыни и расплывалась по ней во всѣ стороны. Но въ тѣ далекія отъ насъ времена, какъ и теперь, особенно расплодиться кочевникамъ было невозможно, ибо не доставало корма для ихъ многочисленныхъ стадъ. Періодическія высе-

[1]) Необходимо строго различать термины «степь» и «пустыня», которыми такъ часто злоупотребляютъ. Гоби лишь на сѣверной и восточной окраинахъ представляетъ собою степь; вся остальная ея площадь, со включеніемъ бассейна Тарима и Чжунгаріи—пустыня. Нагорье Тибета, за небольшими исключеніями, также пустыня, хотя иного характера, чѣмъ Гоби.

ленія къ западу, повальныя болѣзни скота и войны, кончавшіяся безпощаднымъ истребленіемъ побѣжденныхъ,—вотъ тѣ факторы, которые по временамъ возникали какъ роковая необходимость и приводили къ возможной для существованія нормѣ кочевое населеніе степей и пустынь Центральной Азіи. Здѣсь и теперь всѣ мѣста, годныя для пастбищъ, заняты; подножный кормъ ежегодно поѣдается стадами кочевниковъ и дикими звѣрями до послѣдняго клочка; скудное населеніе обширныхъ пространствъ не можетъ значительно увеличиться безъ ущерба для благосостоянія многочисленныхъ стадъ, а слѣдовательно и самихъ номадовъ.

Съ другой стороны, въ тѣхъ крохотныхъ клочкахъ-оазисахъ, которые разбросаны по Центральной Азіи у подножія двухъ главныхъ ея хребтовъ, Тянъ-шаня и Куэнъ-люня, и представляютъ собою единственные уголки, годные для осѣдлой жизни, съ глубокой древности все уже переполнено; каждый орошаемый клочекъ земли занятъ, ни одно ведро воды не льется даромъ; населеніе давнымъ-давно стало въ уровень съ производительностью почвы; прибавить лишнихъ ртовъ нельзя. Возможны только, какъ и было въ дѣйствительности, періодическія истребленія, а затѣмъ размноженіе вновь или занятіе опорожненныхъ мѣстъ пришельцами.

Такимъ образомъ, Центральная Азія, не смотря на свою громадную площадь, представляетъ весьма мало мѣстностей, годныхъ не только для осѣдлой, но и для кочевой жизни. Скудная цифра здѣшняго населенія не можетъ увеличиться значительно, ибо пустыня останется непригодною для человѣка навсегда.

Общая характеристика здѣшнихъ народовъ.

Народы, обитающіе въ той же Центральной Азіи, не смотря на различіе расъ, языка, религіи и образа жизни, представляютъ, какъ и другіе азіатцы, много общаго относительно своего характера, умственныхъ и нравственныхъ качествъ. На всей духовной сторонѣ человѣческой природы здѣсь лежитъ одинаковая печать вялости, нравственной разнузданности и косности. Исключительныя условія исторической жизни, въ которой вѣковое рабство являлось главнѣйшимъ стимуломъ общественнаго строя, выработали у азіатцевъ въ большинствѣ случаевъ отвратительное лицемѣріе и крайній эгоизмъ. Не менѣе выдающимися чертами характера служатъ также лѣнь и апатія. Не говоря уже про номадовъ, вся жизнь которыхъ состоитъ изъ полнаго ничего-недѣланія, даже у жителей осѣдлыхъ лѣнь проглядываетъ во всемъ, что только не касается удовлетворенія насущныхъ потребностей жизни. «Время не деньги»—этотъ извращенный американскій девизъ проходитъ сплошь не только по Центральной, но и по всей Азіи вообще. Отъ предѣловъ Сибири и Туркестана

до глубины Тибета мы постоянно слышали у туземцевъ слова «по тише» и «по-маленьку», а никакъ не «поживѣе» или «поскорѣй». «Хорошіе люди никогда не торопятся; это дѣлаютъ только люди дурные, какъ воры или разбойники при своихъ похожденіяхъ», не одинъ разъ говаривали намъ монголы и тангуты. Сообразно такому складу понятій, вездѣ среди азіатцевъ большимъ уваженіемъ пользуется апатичность и тупая лѣнь, въ особенности богатаго человѣка [1]). Таковы въ огромномъ большинствѣ случаевъ монгольскіе или тангутскіе князья и ламы, киргизскіе біи, богатые купцы среди сартовъ и китайцевъ. Вообще азіатецъ въ своемъ житейскомъ идеалѣ стремится достигнуть невозможнаго—соединить благоденствіе съ отсутствіемъ энергичнаго труда. Номады частью приблизились къ разрѣшенію такой задачи тѣмъ, что жертвуютъ въ пользу лѣни удобствами жизни.

Изъ той же лѣности и пассивности характера вытекаетъ отсутствіе стремленія къ прогрессу и крайній консерватизмъ всѣхъ вообще азіатцевъ. Въ глазахъ ихъ свобода не имѣетъ ровно никакой цѣны. Извѣстно, что въ Китаѣ даже нѣтъ слова для выраженія понятія «гражданская свобода». Замѣчательно, что и народныя вспышки въ Азіи проявляются обыкновенно лишь противъ отдѣльныхъ личностей, такъ или иначе навлекшихъ на себя негодованіе массы, но не противъ самаго принципа деспотизма. Дикій азіатецъ инстинктивно сознаетъ, что для его грубой натуры истинная свобода была бы гибелью, ибо у народовъ, неподготовленныхъ къ высокой государственной жизни, другими словами—варварскихъ, общественныя вольности легко могутъ превратиться въ анархію.

Рельефную также черту характера азіатцевъ составляетъ, какъ выше упомянуто, ихъ нравственная распущенность, которая еще сильнѣе проявляется здѣсь у народовъ осѣдлыхъ. Да и вообще лишь на чувственной мѣркѣ основаны въ Азіи всѣ отношенія между мужчиной и женщиной; эта послѣдняя—товаръ или рабочій скотъ, не болѣе. Семейная жизнь построена на крайнемъ деспотизмѣ мужа относительно жены и дѣтей. Грубое удовлетвореніе физическихъ желаній и страстей—главная задача жизни каждаго азіатца. Въ основѣ характера этотъ человѣкъ—эгоистъ чрезъ край; свое «я» у него всегда на первомъ планѣ; высшія чувства чести, долга, нравственности здѣсь неизвѣстны; наоборотъ, лицемѣріе и хитрость считаются лучшими достоинствами человѣка.

[1]) Такъ, напримѣръ, пѣшеходъ всегда въ презрѣніи у азіатца. По его понятіямъ, такой человѣкъ настолько бѣденъ или дурно воспитанъ, что заставляетъ себя трудиться пѣшею ходьбой.

Въ прирожденныхъ умственныхъ способностяхъ, преимущественно въ здравомъ смыслѣ, нельзя отказать азіатцамъ, тѣмъ болѣе осѣдлымъ жителямъ Центральной Азіи. Номады, въ особенности монголы, въ этомъ отношеніи стоятъ гораздо ниже; притомъ ихъ мыслительныя способности во многомъ имѣютъ чисто ребяческій характеръ. Но опять-таки, даже при хорошихъ умственныхъ средствахъ, азіатецъ употребляетъ свои дарованія почти исключительно на мелкія житейскія дѣла, такъ что человѣкъ способный дѣлается здѣсь почти всегда только ловкимъ проходимцемъ. Стремленія къ наукѣ, жажды чистаго знанія у азіатца нѣтъ и въ поминѣ. Да и сама наука представляетъ здѣсь, какъ извѣстно, преждевременно заморенный зародышъ, у котораго развился лишь одинъ отпрыскъ — религіозныя доктрины. Онѣ-то и породили абсолютный фанатизмъ магометанъ и аскетическое ханжество буддистовъ. Въ Китаѣ же, при исключительныхъ условіяхъ многовѣковой жизни этого государства, практически выработался широкій атеизмъ. За то на лучшей сравнительно почвѣ китайскаго здравомыслія, еще во глубинѣ вѣковъ, появились нѣкоторые зачатки науки, но необновляемые иноземными сношеніями и, какъ результатомъ ихъ, приливомъ новыхъ знаній и опыта—остановились на полупути своего развитія, или чаще остались лишь въ зародышѣ и улеглись въ мертвыя, разъ зауроченныя формы.

Отмѣтивъ затѣмъ мимолетность впечатлѣній при отсутствіи сосредоточенности вообще и прирожденную трусость, какъ характерныя черты каждаго изъ азіатцевъ, можно заключить довольно длинный перечень отрицательныхъ качествъ народовъ Центральной Азіи.

Гораздо сокращеннѣе получится реестръ похвальныхъ проявленій умственнаго и нравственнаго склада азіатцевъ. При этомъ необходимо опять отличать жителей осѣдлыхъ отъ номадовъ. Если первые превосходятъ послѣднихъ умственными способностями, то въ свою очередь кочевники, въ особенности монголы, имѣютъ больше добрыхъ сердечныхъ качествъ. Такъ, у номадовъ семейная жизнь зиждется на болѣе искреннемъ чувствѣ супруговъ, и отношенія отца къ дѣтямъ много мягче, чѣмъ у жителей осѣдлыхъ. Номадъ вообще гораздо откровеннѣе и добродушнѣе; гостепріимство считается здѣсь священною обязанностью. Воровство у кочевниковъ составляетъ рѣдкое преступленіе, а честность въ исполненіи даннаго обѣщанія строго соблюдается даже у разбойниковъ тангутовъ. Проституція, эта язва цивилизованнаго общества, у номадовъ вовсе неизвѣстна. Въ большинствѣ случаевъ богатый помогаетъ здѣсь бѣдному, да и разница въ бытѣ того и другого не слишкомъ велика при невозможности излишняго комфорта.

У осѣдлыхъ жителей Центральной Азіи, помимо гораздо лучшихъ прирожденныхъ умственныхъ способностей, чѣмъ у номадовъ, мирныя домовитыя склонности составляютъ весьма замѣтную черту характера. Такое качество, при полномъ отсутствіи пьянства, обусловливаетъ сравнительную рѣдкость не только крупныхъ преступленій, но даже зауряднихъ дракъ. Воровство здѣсь также мало распространено, въ особенности среди деревенскаго населенія, которое, какъ и у насъ, гораздо нравственнѣе городского. Словно муравей копается осѣдлый азіатецъ на своемъ миніатюрномъ полѣ или въ саду; кропотливая работа, не требующая излишняго напряженія физическихъ силъ, какъ разъ по сердцу этому человѣку. Онъ довольствуется сравнительно малымъ, не предъявляетъ жизни особыхъ требованій и счастливъ по своему, лишь бы оставаться въ покоѣ. Какъ у номадовъ, такъ и здѣсь старѣйшіе пользуются полнымъ уваженіемъ; ихъ совѣты рѣшаютъ общественныя дѣла. Вообще у азіатцевъ широкій деспотизмъ правителей уживается рядомъ съ выборнымъ началомъ общиннаго строя.

Ихъ малые задатки къ прогрессу.

Если взвѣсить данныя pro и contra вопроса о томъ—способны ли народы Центральной Азіи къ прогрессу въ смыслѣ воспріятія и усвоенія европейской цивилизаціи, то, мнѣ кажется, всего скорѣе можно придти къ отрицательному отвѣту. Обратившись сперва къ номадамъ, не трудно замѣтить, что всѣ условія ихъ жизни, способностей и характера сложились какъ разъ наперекоръ прогрессу. Дикая природа пустыни, нигдѣ недающая простора дѣятельности человѣка, наоборотъ, всюду приводящая его лишь къ пассивной выносливости, выработала и закрѣпила вполнѣ пассивный характеръ своего обитателя. Никогда и нигдѣ отъ него не требуется здѣсь активной энергіи: выносить постоянно холода, жары, бури и другія климатическія невзгоды можно лишь пассивно; ѣздить по цѣлымъ мѣсяцамъ шагомъ на верблюдѣ, терпѣть при этомъ голодъ и жажду, можно также лишь пассивно; созерцать всю жизнь одну и ту же безплодную пустыню нужно пассивно и т. д. При такихъ условіяхъ жизни энергичный характеръ не только не пригоденъ, но послужитъ даже во вредъ индивидууму—онъ скоро сломится, скоро погибнетъ въ неподходящей для него борьбѣ. Какъ для всякой грубой работы, здѣсь нуженъ не острый рѣзецъ, а тупое прочное долбило.

Невозможно также при столь неблагопріятной обстановкѣ выработаться и умственнымъ способностямъ человѣка. Нѣтъ къ тому достаточныхъ мотивовъ, нѣтъ почвы для упражненія, а слѣдовательно и для развитія ума. Вотъ почему номадъ отъ вѣка былъ и есть

по своимъ понятіямъ и способностямъ, въ лучшемъ случаѣ, ребенокъ, по большей же части чуть не идіотъ. Въ сферѣ разъ заурoченной дѣятельности онъ проявляетъ инстинктивную сметку, но внѣ будничной обстановки, въ большинствѣ случаевъ, теряетъ и эту ничтожную способность.

Съ другой стороны, у номадовъ нѣтъ стимуловъ, понуждающихъ къ воспрятію такъ-называемыхъ «благъ цивилизаціи» и въ самомъ строѣ ихъ общественнаго быта. Кочевникъ почти безъ всякаго личнаго труда достаточно обезпеченъ стадами, которыя даютъ все необходимое для его неприхотливой жизни. Произволъ правителей, каковы князья, ханы и другія административныя личности, здѣсь менѣе чувствителенъ, чѣмъ роковой деспотизмъ горькой нужды и тяжелаго труда, неотразимо тяготѣющихъ надъ рабочими массами государствъ европейскихъ. Что же касается высокихъ даровъ науки и истиннаго знанія, то вѣдь эти блага составляютъ достояніе сравнительно немногихъ даже въ странахъ самыхъ образованныхъ. Для массы они не могутъ быть доступны; ей перепадаютъ лишь крохи со стола избранниковъ.

Вообще позволительно не только сомнѣваться въ возможности для номадовъ перехода въ цивилизованную жизнь по какимъ бы то ни было рецептамъ, но вѣрнѣе даже утверждать полную непригодность этихъ племенъ къ такой метаморфозѣ. Какъ баранъ не можетъ быть выдрессированъ на подобіе лягавой собаки, такъ и кочевникъ, умственно тупой, лѣнивый и апатичный, не способенъ, по самому складу своей природы, передѣлаться въ энергическаго цивилизованнаго человѣка. Въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ изъ него выйдетъ развѣ ворона въ павлиныхъ перьяхъ, не болѣе. Да и къ чему номаду лѣзть въ омутъ цивилизованной жизни, если и теперь въ своихъ пустыняхъ онъ обитаетъ счастливо по своему? Никому онъ не мѣшаетъ, ни отъ кого ничего не требуетъ, живетъ исключительно въ себѣ и для себя. Подъ общій уровень той мѣрки, которая называется европейскою цивилизацiей, не къ чему, не для чего, да и невозможно подвести всѣ безъ исключенія народы. Каждому изъ нихъ свое мѣсто, свой удѣлъ на общей аренѣ человѣческой жизни. Какъ въ природѣ мы видимъ, что высшіе организмы не исключаютъ совмѣстнаго существованія организмовъ низшихъ, такъ и въ человѣческой семьѣ имѣютъ неотъемлемое право на самостоятельную жизнь и старшіе, и младшіе братья. Излишняя опека первыхъ надъ послѣдними едва ли поведетъ къ добру; извѣстно, что «у многихъ нянекъ дитя нерѣдко выходитъ уродомъ». Гораздо скорѣе цивилизація, вмѣсто ожидаемыхъ благъ, принесетъ номадамъ однѣ бѣды — убьетъ

ихъ нравственно и не воскреситъ умственно. Живой тому примѣръ можно теперь видѣть въ Центральной Азіи, какъ на нашей, такъ и на китайской окраинахъ Монголіи. Тамъ и здѣсь монголы по своему характеру далеко не походятъ на обитателей болѣе удаленныхъ частей Гоби. Они заимствуютъ отъ своихъ сосѣдей прежде всего дурныя стороны жизни, безвозвратно теряютъ свою простоту и добродушіе, но всецѣло сохраняютъ прежнюю лѣнь и другіе пороки, такъ что въ концѣ-концовъ превращаются въ никуда негодныхъ выродковъ; личности же болѣе способныя обыкновенно дѣлаются полными негодяями.

Обращаясь затѣмъ къ осѣдлымъ жителямъ Центральной Азіи, общая характеристика которыхъ, какъ уже было выше замѣчено, въ значительной степени приложима и къ другимъ культурнымъ народамъ того же материка, слѣдуетъ помнить, что по многимъ даннымъ исторіи, націи, какъ и индивидуумы, переживаютъ сходныя стадіи развитія отъ начала до конца своего существованія. И какъ въ единичномъ организмѣ извѣстный возрастъ опредѣляетъ бо̀льшую или меньшую напряженность различныхъ его функцій, такъ и въ организмѣ соціальномъ, въ зависимости отъ хода его развитія и отъ внѣшнихъ условій существованія, проявляются и вырабатываются тѣ или другія способности и склонности, опредѣляющія собою историческую жизнь народа. Правда, не всегда и не вездѣ такой законъ идетъ обычнымъ чередомъ. Набѣгающія извнѣ случайности или внутренніе недостатки и уклоненія нерѣдко видоизмѣняютъ, сокращаютъ или даже вовсе устраняютъ извѣстный циклъ народнаго развитія, такъ же какъ и патологическія измѣненія нарушаютъ обычный ходъ индивидуальнаго организма. Но несомнѣнно, что возвращеніе къ пережитымъ стадіямъ развитія невозможно какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для цѣлыхъ націй.

При оцѣнкѣ съ такой точки зрѣнія общественнаго строя и характера культурныхъ народовъ Центральной Азіи, съ достаточнымъ вѣроятіемъ можно сказать, что они весьма мало имѣютъ шансовъ вступить когда-либо на путь европейской цивилизаціи. Непроходимая пропасть лежитъ между внутреннимъ міромъ европейца и азіатца; они во всемъ чужды другъ другу и едва ли когда могутъ сдѣлаться родными братьями. Притомъ для переработки въ новую жизнь нужны не дряхлыя, а свѣжія, непочатыя силы. Ихъ-то и нѣтъ не только у описываемыхъ, но и у всѣхъ азіатскихъ народовъ вообще. Какъ отжившій свое старикъ неудержимо близится къ концу, понемногу превращаясь въ ребенка, такъ и культурные народы Азіи, одряхлѣвшіе умственно и нравственно,

могутъ такъ или иначе продолжать свое пассивное существованіе, но имъ уже не возродиться [1]).

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ находится только Японія, какъ государство морское. Но и тамъ еще неизвѣстно какіе плоды принесетъ недавній крутой скачекъ по пути реформъ и примутся ли какъ слѣдуетъ чужеземныя новшества. Китай же, многовѣковая замкнутость котораго нынѣ такъ безцеремонно нарушена европейцами, едва ли легко поддастся нововведеніямъ, чуждымъ для него по своему духу и по своей почвѣ. Правда, въ Китаѣ теперь вводятся европейскія усовершенствованія въ области военной техники и военнаго устройства вообще, но вѣдь это касается лишь измѣненія одной стороны государственной жизни, вызваннаго притомъ настоятельною необходимостью самозащиты. Для пересадки же сюда другихъ отраслей европейской культуры и цивилизаціи нужна будетъ такая всеобщая ломка, какую едва ли выдержать отжившему свое китайскому народу. Завѣты старины, обычаи, понятія, общественный строй—словомъ, все, что дорого для этого народа и выработано многими вѣками его исторической жизни, все должно быть круто измѣнено. Терять придется слишкомъ много, притомъ испытанное и дорогое; получать же взамѣнъ новое, чужое, да еще «варварское», по понятіямъ тѣхъ же китайцевъ. Кромѣ того, многіе аттрибуты европейской цивилизаціи сами по себѣ явятся болѣзненнымъ, разлагающимъ элементомъ въ самобытномъ складѣ Китайскаго государства. Не говоря уже про неминуемый подрывъ суроваго семейнаго строя, какъ главной основы государственной жизни Китая, введеніе сюда машиннаго производства породитъ многіе милліоны нищихъ, лишенныхъ нынѣшней ручной своей работы; желѣзныя дороги отнимутъ хлѣбъ у милліоновъ возницъ и носильщиковъ и т. д. Конечно, найдутся новыя занятія по разнымъ отраслямъ техническаго производства, но они едва ли принесутъ достаточно работы для стольких рукъ. Въ результатѣ все-таки получится многочисленный пролетаріатъ, болѣе опасный, чѣмъ въ Западной Европѣ, такъ какъ въ Китаѣ населеніе переполнило страну и стало въ уровень съ возможною для нея производительностью. Единственный исходъ для подобнаго пролетаріата будетъ

[1]) Вотъ что говоритъ Спенсеръ: «Когда нѣсколько обществъ, происшедшихъ одно отъ другого, вели постоянно одинъ и тотъ же образъ жизни, то въ послѣднемъ результатѣ этого ряда обществъ получается типъ до такой степени прочно установившійся въ своемъ циклѣ развитія, зрѣлости и упадка, что для него становятся невозможными какіе бы то ни было новые метаморфозы, такъ какъ всякій метаморфозъ наталкивается здѣсь на слишкомъ сильное сопротивленіе со стороны унаслѣдованныхъ стремленій къ извѣстному опредѣленному строю». «*Основанія соціологіи*», русскій переводъ, томъ II, стр. 633.

эмиграція, но куда? Вѣдь тогда явится вопросъ о выселеніи многихъ милліоновъ такого народа, который не ассимилируется съ туземцами и гдѣ бы ни осѣлся, непремѣнно заведетъ новый Китай.

Такимъ образомъ для Китая является неразрѣшимая дилемма: или очертя голову броситься на переустройку самого себя сверху донизу, или оставаться при прежнихъ традиціяхъ, парируя по возможности напоръ европейцевъ. Первое представляетъ мало шансовъ успѣха; послѣдній почти неотразимъ. Но какъ золотая середина между тѣмъ и другимъ стоитъ уже не разъ испытанная тѣмъ же Китаемъ и современною Турціей система лавированія между подводныхъ скалъ политики и умѣлое пользованіе взаимнымъ недружелюбіемъ опасныхъ для себя націй [1]). Тѣмъ болѣе, что хитрости и криводушію не стать учиться китайцамъ. Пуская пыль въ глаза своимъ либерализмомъ, гдѣ это нужно, поддѣлываясь подъ тонъ той или другой, но выгодной для себя внѣшней политики, притворяясь другомъ съ сильнымъ и хорохорясь съ слабымъ, словомъ, умѣло эксплуатируя и враговъ и друзей, втихомолку же подсмѣиваясь надъ тѣми и другими, Китай можетъ еще долго существовать самобытно. Безъ конца станетъ онъ тянуть одну и ту же лицемѣрную политику и, всего вѣрнѣе, въ будущемъ изобразитъ для Европы новаго «больного человѣка».

Обращаясь еще разъ къ причинамъ, служащимъ тормазами для развитія цивилизаціи какъ у народовъ Центральной Азіи, такъ и во многихъ другихъ частяхъ этого материка, слѣдуетъ указать на двѣ господствующія здѣсь религіи — буддизмъ и магометанство. Ихъ тлетворное дѣйствіе на массы пустило слишкомъ глубокіе корни и воздвигло слишкомъ прочныя преграды для успѣшной пропаганды христіанства.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на основные принципы обѣихъ названныхъ религій. Буддизмъ, какъ извѣстно, проповѣдуетъ ученіе о суетности и эфемерности всего существующаго; говоритъ, что міръ — иллюзія, а жизнь тяжелое бремя; что несчастіе лежитъ въ самомъ фактѣ существованія; что истинно только одно — нирвана, абсолютное ничто, такое состояніе, которое не имѣетъ отношенія ни ко времени, ни къ пространству, гдѣ исчезаетъ всякая индивидуальность. Высшая задача жизни каждаго человѣка, по ученію буддистовъ, стремиться къ уничтоженію всѣхъ личныхъ желаній, чувствованій, идеаловъ, словомъ, приготовляться къ нирванѣ, къ небытію.

[1]) Извѣстно выраженіе Ли-Хунъ-Чжана, вице-короля Чжилійской провинціи и нынѣ самаго популярнаго человѣка въ Китаѣ: «Ядъ нужно уничтожать противоядіемъ, а иностранцевъ соперниками—иностранцами, натравливая ихъ другъ на друга».

Магометанство своимъ основнымъ положеніемъ «нѣтъ Бога, кромѣ Бога», хотя и заявило высокій принципъ единаго божества, какъ абсолютной причины всего существующаго, но въ то же время, поддѣлываясь подъ складъ характера и понятій своихъ послѣдователей, развило поблажку чувственной сторонѣ человѣка и ловко эксплуатировало его эгоизмъ ученіемъ о предопредѣленіи судьбы. При этомъ оно поставило непреложнымъ догматомъ насильственное обращеніе иновѣрцевъ.

Такимъ образомъ обѣ религіи по существу своихъ ученій прямо противоположны. Буддизмъ дѣлаетъ аскетизмъ высшею заслугой земной жизни человѣка, а въ будущемъ, какъ награду, обѣщаетъ полное личное уничтоженіе. Магометанство, наоборотъ, проповѣдуетъ предназначеніе для каждаго въ жизни настоящей; въ будущей же представляетъ наполненный гуріями рай, гдѣ чувственныя наслажденія будутъ литься рѣкою. Буддистъ индифферентенъ относительно иновѣрцевъ; онъ дѣйствуетъ только примѣромъ и убѣжденіемъ. Магометанство повелѣваетъ огнемъ и мечомъ обращать на поклоненіе пророку. Отсюда вытекаетъ и различное историческое дѣйствіе обѣихъ религій: магометане, движимые фанатизмомъ, нѣкогда покорили почти весь историческій міръ; буддисты во имя своихъ вѣрованій ни разу не выступали на поприще исторіи. Одна религія требуетъ меча и насилія; другая—кроткая, но въ то же время едва ли не болѣе опасная, въ смыслѣ подрыва энергіи, труда и лучшихъ стремленій человѣка. Слѣдовательно, хотя и разными путями, но равно тормазящее прогрессъ дѣйствіе обѣихъ религій сходно: буддизмъ прямо является разлагающимъ элементомъ государственной жизни; магометанство, правда, цементируетъ слои общества, даже различныя народности, но внѣ своихъ доктринъ исключаетъ всякое умственное развитіе.

Перейдемъ теперь на болѣе реальную почву.

Непрочность китайскаго владычества.

Всѣ три части Центральной Азіи,—Монголія, Восточный Туркестанъ съ Чжунгаріей и Тибетъ, нынѣ, какъ извѣстно, подчинены Китаю. Помимо войскъ и административныхъ чиновниковъ, китайцы являются здѣсь, какъ колонисты-земледѣльцы и какъ торговцы. Однако число тѣхъ и другихъ сравнительно невелико, за исключеніемъ лишь оазисовъ вдоль сѣверной подошвы Нанъ-шаня, принадлежащихъ впрочемъ къ собственно китайской провинціи Гань-су. Въ предѣлахъ же инородческой Центральной Азіи осѣдлое китайское населеніе въ значительномъ количествѣ встрѣчается лишь на юго-восточной окраинѣ Монголіи; затѣмъ начинаетъ нынѣ прибывать въ оазисы сѣверной подошвы восточнаго Тянъ-шаня, въ особенности въ Кульджинскій край; кромѣ того,

китайскіе земледѣльцы попадаются въ небольшомъ числѣ въ западной Чжунгаріи, близъ городовъ Чугучака и Булунь-тохоя, въ сѣверо-западной Монголіи близъ города Улясутая, а также въ окрестностяхъ города Урги. Торговцы китайскіе встрѣчаются всюду по Центральной Азіи и въ нѣсколько меньшемъ числѣ въ недавно покоренномъ Восточномъ Туркестанѣ. Общее число всѣхъ китайцевъ, нынѣ пребывающихъ въ Центральной Азіи, можно положить лишь гадательно около 200 тысячъ, если не принимать въ расчетъ вышеупомянутыхъ при-Нанъ-шаньскихъ оазисовъ, довольно густо населенныхъ какъ природными китайцами, такъ отчасти и дунганами.

Нынѣшнее водвореніе китайскаго владычества въ Центральной Азіи совершилось, какъ извѣстно, при царствующей теперь въ Китаѣ манчжурской династіи Цзинь. Монголія подчинена была въ концѣ XVII вѣка. Ей сохранено прежнее удѣльное устройство; только владѣтельные князья поставлены подъ строгій надзоръ китайскихъ (манчжурскихъ) сановниковъ, назначаемыхъ изъ Пекина [1]). Здѣсь, въ палатѣ внѣшнихъ сношеній (*Ли-фань-юань*) сосредоточиваются всѣ дѣла, касающіяся названной страны. Нѣкоторыя ея части, ближайшія къ Собственному Китаю, передѣланы нѣсколько на китайскій образецъ [2]). Законы внутренняго управленія монгольскихъ княжествъ (хошуновъ, аймаковъ) изданы китайцами въ особомъ уложеніи. Общія дѣла каждаго княжества рѣшаются на ежегодныхъ сеймахъ. Податей Китаю монголы не платятъ; только обязаны содержать мѣстную администрацію и отбывать почтовую гоньбу. Кромѣ того, они наряжаютъ своихъ людей въ пограничные караулы, а въ случаѣ войны должны выставлять извѣстный контингентъ коннаго войска.

Для упроченія своей власти надъ полудикими номадами Монголіи, китайцы успѣшно практикуютъ систему задабриванья здѣшнихъ владѣтельныхъ князей и высшаго духовенства. Для первыхъ, смотря по ихъ степени, назначены постоянные, притомъ довольно значительные, оклады жалованья; кромѣ того, монгольскіе князья, при обязательныхъ, однажды въ три-четыре года, поѣздкахъ ко двору въ Пекинъ съ подарками (лошади, верблюды) въ видѣ дани, всегда получаютъ отъ Богдохана подарки гораздо болѣе цѣнные; наконецъ, за нѣкоторыхъ изъ важныхъ монгольскихъ князей выдаютъ иногда замужъ принцессъ императорскаго дома. Духовенство въ Монголіи, составляющее большую силу, какъ по

[1]) Такіе сановники съ бо̀льшими или меньшими полномочіями находятся въ городахъ: Ургѣ, Улясутаѣ, Кобдо, Калганѣ, Куку-хото и Сининѣ.

[2]) Таковы области *Ченъ-ду-фу*, *Цахаръ* и *Гуй-хуа-ченъ* въ юго-восточной Монголіи.

своему числу, такъ и по безграничному вліянію на народъ, задабривается китайцами широкимъ обезпеченіемъ его правъ и привилегій, а также искательствомъ, нерѣдко униженнымъ, китайскихъ сановниковъ предъ высшими представителями здѣшней буддистской іерархіи.

Затѣмъ о народѣ монгольскомъ китайцы не прилагаютъ ровно никакихъ заботъ; наоборотъ, въ высшей степени его эксплуатируютъ совмѣстно съ тѣми же князьями и ламами. Въ особенности сильно отозвались на благосостояніи монголовъ грабежи дунганъ, усмиреніе китайцами того же дунганскаго возстанія и недавнія приготовленія къ войнѣ съ нами изъ-за Кульджинскаго края. Помимо истребованнаго для послѣдней цѣли контингента войскъ, хотя и небольшого, но тѣмъ не менѣе обязаннаго снарядиться на свой счетъ, китайцы сильно разорили номадовъ произвольными налогами, какъ скотомъ, такъ и деньгами; передвиженіемъ солдатъ, для которыхъ доставлялись подводы, а иногда и продовольствіе; транспортировкою черезъ пустыню войсковыхъ тяжестей и частыми переѣздами различныхъ чиновниковъ [1]). Кромѣ того, на Монголію въ послѣднее десятилѣтіе обрушались различныя естественныя невзгоды—то засухи лѣтомъ, то слишкомъ холодныя и снѣжныя зимы, результатомъ чего являлись падежи скота въ большихъ размѣрахъ. Вообще номады много теперь обѣднѣли, какъ по этой причинѣ, такъ и вслѣдствіе произвола и усиленнаго угнетенія со стороны китайцевъ. Народная масса въ Монголіи весьма противъ нихъ раздражена, но до поры до времени ей приходится сдерживать и таить свою ненависть.

Надъ Тибетомъ китайцы устроили свой протекторатъ еще съ XIII вѣка нашей эры, расширили его со времени вступленія на престолъ нынѣшней династіи и упрочили съ конца прошлаго столѣтія. Съ этихъ поръ въ Лхассу назначается одинъ или два китайскіе (манджурскіе) резидента, которые завѣдуютъ гражданскими дѣлами всей страны. Кромѣ того, они наблюдаютъ за дѣйствіями Далай-ламы и его собрата Тешу-ламы, или Банчинъ-ирембучи, имѣющаго мѣстопребываніе въ городѣ Шигатзе и, какъ извѣстно, представляющаго второе высшее лицо буддитской іерархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Тешу-лама управляетъ собственною провинціей Цанъ, тогда какъ Далай-ламѣ непосредственно принадлежитъ провинція Уй и въ то же время онъ считается политическимъ главой всего Тибета. На западѣ этого послѣдняго лежитъ слабо населенная кочевниками про-

[1]) Китайскіе чиновники, проѣзжая по Монголіи, не только не платятъ прогоновъ за забираемыхъ лошадей и верблюдовъ, но на каждой станціи, смотря по рангу чиновника, монголы обязаны ему доставлять одного или нѣсколько барановъ, взамѣнъ которыхъ обыкновенно взносятся деньги.

винція Нари-Кхорсумъ, администрація которой назначается изъ Лхассы, а на востокѣ—провинція Кхамъ съ главнымъ городомъ Ча-му-то, гдѣ имѣетъ мѣстопребываніе *хутухта* (важное духовное лицо), завѣдующій управленіемъ этой провинціи въ зависимости отъ Далай-ламы. Весь же Тибетъ сѣверный представляетъ дикую безлюдную пустыню.

Вмѣстѣ съ резидентами въ Тибетѣ содержится небольшой отрядъ китайскихъ войскъ, расположенныхъ въ Лхассѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Однако главная опора китайскаго владычества въ Тибетѣ зиждется на хитрости и умѣломъ пользованіи престижемъ Далай-ламы. Его избраніе, хотя и не гласно, вполнѣ въ китайскихъ рукахъ; утвержденіе же офиціально дѣлается Богдоханомъ. Податей Китаю тибетцы не платятъ, но свое подчиненіе выражаютъ торжественнымъ посольствомъ, которое назначается однажды въ три года или въ пять лѣтъ и отвозитъ въ Пекинъ подарки Богдохану; въ отвѣтъ получаетъ также подарки, обыкновенно болѣе цѣнные. При мирныхъ склонностяхъ тибетскаго народа, китайцы могутъ разсчитывать на довольно прочную здѣсь для себя власть, въ особенности зорко поддерживая изолированность какъ всей страны, такъ и самого Далай-ламы отъ пытливыхъ поползновеній европейцевъ.

Совершенно въ иныхъ условіяхъ находится китайское владычество въ сопредѣльномъ намъ Восточномъ Туркестанѣ, покоренномъ китайцами вмѣстѣ съ Чжунгаріей въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія. Обѣ названныя страны образовали тогда два округа [1]), составившіе одно намѣстничество, во главѣ котораго стоялъ облеченный высшею гражданскою и военною властью китайскій (манджурскій) намѣстникъ, имѣвшій мѣстопребываніе въ городѣ Кульджѣ. Крупную администрацію края составляли также китайскіе чиновники. Ближайшее же управленіе населеніемъ оставлено было въ Восточномъ Туркестанѣ за туземными беками, изъ которыхъ главные назначались китайскими властями и утверждались въ своемъ званіи изъ Пекина. Чжунгарія получила военное устройство. Кочевое населеніе въ горахъ управлялось собственными біями, въ зависимости отъ китайцевъ.

Послѣ передрягъ и безурядицъ, предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ завоеванію, даже почти поголовнаго избіенія чжунгаръ китайцами, страна отдохнула и оправилась въ мирный періодъ до 1825 года. Съ этого времени опять начинаются, именно въ Восточномъ Туркестанѣ, столь знакомыя ему смуты, внесенныя попытками *ходжей* [2]) вернуть

[1]) Тянъ-шань-нанъ-лу (Восточный Туркестанъ) и Тянъ-шань-пе-лу (Чжунгарія).

[2]) Бывшихъ владѣтелей Восточнаго Туркестана, ведущихъ свой родъ отъ Магомета.

прежнюю свою власть и изгнать китайцевъ. Эти смуты, съ перемѣннымъ счастіемъ, какъ для китайцевъ, такъ и для мусульманскихъ претендентовъ, но всегда съ большими бѣдами для народа, тянулись до начала шестидесятыхъ годовъ, когда наконецъ возстаніе дунганъ сокрушило китайскую власть въ бо̀льшей части застѣнныхъ владѣній западнаго Китая. Китайцы уничтожены были тогда и въ Восточномъ Туркестанѣ, въ которомъ по обыкновенію наступаютъ междуусобія. Затѣмъ возникаетъ царство Якубъ-бека, державшееся исключительно личными дарованіями и сильнымъ характеромъ этого послѣдняго. Послѣ его смерти, въ 1877 году, тотчасъ начинается борьба законнаго наслѣдника кашгарскаго престола, старшаго сына Якубъ-бека, Бикъ-кулы-бека, съ правителемъ Аксу, Хакимъ-ханъ-тюрей, и правителемъ Хотана, Ніязъ-бекомъ. Между тѣмъ китайцы, не задолго предъ тѣмъ возвратившіе подъ свою власть отложившіяся части провинціи Гань-су, затѣмъ взявшіе города Манасъ и Урумчи, два главные пункта при-Тянъ-шаньскихъ дунганъ, пользуясь междуусобицей въ Восточномъ Туркестанѣ, безпрепятственно занимаютъ эту страну, вплоть до Кашгара. Оставшійся побѣдителемъ своихъ соперниковъ, Бикъ-кулы-бекъ вынужденъ былъ бѣжать въ наши предѣлы, и эфемерное царство, созданное Якубъ-бекомъ, рушилось.

Занявъ такъ неожиданно удачно Восточный Туркестанъ, китайцы образовали изъ него по прежнему особую область, которая, вмѣстѣ съ двумя другими, Или и Тарабагатаемъ, къ сѣверу отъ Тянъ-шаня и частью бывшей Гань-су (по восточн. Тянъ-шаню), составила, такъ называемую, *Новую Линію* (Шинъ-чжангъ). Затѣмъ по указу Богдохана, въ концѣ 1884 года, образована изъ при-Тянъ-шаньскихъ земель новая, девятнадцатая по счету провинція подъ именемъ *Гань-су-Синь-цзянь-шень* или просто *Синь-цзянь*, съ главнымъ административнымъ центромъ въ городѣ Урумчи. Въ составъ этой провинціи вошли: Восточный Туркестанъ, области Или и Тарабагатай, а также округа: Карашарскій, Урумчинскій, Баркульскій и Хамійскій [1]). Обѣ сѣверныя области, то-есть Или и Тарабагатай, осѣдлое населеніе которыхъ составляютъ таранчи, сарты, китайцы, манчжуры и дунганы, а кочевое — киргизы, торгоуты, чахары и остатки чжунгаръ, имѣютъ огранизацію военной колоніи. Въ Восточномъ Туркестанѣ въ 1884 г. введено гражданское управленіе по образцу внутреннихъ областей Китая. Вся страна раздѣлена на восемь округовъ,

[1]) Управителемъ новаго края нынѣ состоитъ сановникъ Лю-чжо-шай (Лю-дзинътанъ).

изъ коихъ четыре восточные—Карашаръ, Куча, Аксу и Учь-Турфанъ образуютъ одну область; другую же составляютъ четыре округа западные — Кашгаръ, Янги-Гиссаръ, Яркендъ и Хотанъ. Управленіе этими областями ввѣрено даотаямъ [1]) Одинъ изъ нихъ, начальствующій надъ восточными округами, имѣетъ мѣстопребываніе въ Аксу; другой, которому подчинены округа западные, живетъ въ Кашгарѣ. Этотъ послѣдній вѣдаетъ также и внѣшнюю торговлю Восточнаго Туркестана.

Начальниками округовъ и уѣздовъ состоятъ также китайскіе чиновники, въ зависимости отъ которыхъ находится мѣстная мусульманская администрація. Болѣе значительные ея представители — хакимъ-беки (уѣздные начальники) нынѣ систематически отстраняются отъ своихъ должностей; такъ что посредниками между китайскими властями и народомъ являются лишь мелкіе, не получающіе отъ казны никакого содержанія, туземные чиновники и переводчики изъ окитаившихся мусульманъ. Тѣ и другіе, совмѣстно съ невѣжественными, погрязшими въ наживѣ китайскими чиновниками—огульно отъ низшихъ степеней до высшихъ—отстранили даже тѣнь правды и закона отъ управляемаго ими народа. Хотя для него оставленъ мусульманскій судъ по шаріату, но это только мертвая буква, маска, прикрывающая абсолютный произволъ и ужаснѣйшія беззаконія.

Не лучше и податное устройство края. Въ то время какъ кочующіе въ горахъ киргизы, для обезпеченія ихъ сомнительной вѣрности, освобождены вовсе отъ платы податей въ пользу китайцевъ и отбываютъ лишь небольшія натуральныя повинности, осѣдлое земледѣльческое населеніе Восточнаго Туркестана несетъ всю тяжесть поземельныхъ налоговъ. Эти налоги уплачиваются натурою, иногда деньгами по разцѣнкѣ, не сообразно каждогодному урожаю, но по разъ установленной, притомъ весьма высокой, нормѣ съ извѣстнаго количества земли, обрабатывается ли она или нѣтъ, все равно. Лица, неимѣющія недвижимой собственности, равно какъ и торговцы, ничего въ казну не платятъ. Земледѣльческій же классъ, сверхъ вышеупомянутой подати, отбываетъ натуральныя повинности высылкою людей на казенныя работы, доставкою перевозочныхъ средствъ, нарядомъ джигитовъ (разсыльныхъ) на службу и пр. При этомъ, какъ и при сборѣ податей, притѣсненія и взяточничество чиновниковъ или переводчиковъ многократно увеличиваютъ тяжесть самихъ повинностей. Наконецъ, единственный косвенный налогъ, существовавшій въ Восточномъ Туркестанѣ, такъ на-

[1]) Имъ присвоены нѣкоторыя, впрочемъ болѣе номинальныя, права надъ войсками.

зываемый баджъ, въ размѣрѣ 10% съ цѣны продаваемаго скота, китайцы распространили въ 1885 году почти на всѣ предметы, продаваемые на базарахъ. Такимъ образомъ, наложена новая тяжесть на земледѣльческій классъ, который и безъ того уже отдавалъ по крайней мѣрѣ 50% своего дохода на подати, взятки и разныя другія вымогательства. Ко всему этому необходимо прибавить презрительное отношеніе китайцевъ къ туземцамъ, нигдѣ и никогда нескрываемое. Словомъ, въ Восточномъ Туркестанѣ китайцы, какъ нарочно, сами отстраняютъ всякую возможность успокоенія народа, слѣдовательно, и упроченія своей здѣсь власти. Помимо причинъ вышеизложенныхъ, ненависть религіозная и, вѣроятно, тайные происки бывшихъ претендентовъ, также не мало вооружаютъ народъ противъ его угнетателей. Недовольство всѣхъ классовъ общества растетъ постоянно, и нуженъ лишь небольшой благопріятный поводъ, чтобы накопившаяся злоба разрѣшилась всеобщимъ взрывомъ.

Такимъ образомъ, положеніе китайцевъ, какъ въ Монголіи, такъ и въ особенности въ Восточномъ Туркестанѣ, весьма шаткое. Не умѣя привязать къ себѣ чуждыя народности мирнымъ путемъ культуры и ассимилированія, китайцы должны опирать свою власть исключительно на хитрой, черезъ край эгоистичной политикѣ, и на силѣ военной. Объ этой послѣдней будетъ расказано ниже, а теперь поведемъ рѣчь о нашемъ положеніи въ той же Центральной Азіи.

Престижъ Россіи.

При всѣхъ четырехъ здѣсь путешествіяхъ мнѣ постоянно приходилось быть свидѣтелемъ большой симпатіи и уваженія, какими пользуется имя русское среди туземцевъ, за исключеніемъ лишь Тибета, гдѣ насъ мало знаютъ. За то среди другихъ народностей Центральной Азіи, ихъ стремленія къ Россіи достигаютъ весьма высокой степени. Номады-монголы, дунганы, то-есть китайскіе магометане, и жители Восточнаго Туркестана, въ особенности послѣдніе, питаютъ сильную надежду сдѣлаться подданными Бѣлаго Царя, имя котораго наравнѣ съ именемъ Далай-ламы, является въ глазахъ азіатскихъ массъ въ ореолѣ чарующаго могущества. Съ чаяніемъ власти русской у тѣхъ же азіатцевъ сохраняется твердое убѣжденіе, что тогда для нихъ наступитъ лучшая и болѣе обезпеченная жизнь [1]).

Замѣчательно и весьма важно, что вѣдь никто и никогда не агитировалъ въ нашу пользу среди народовъ Центральной Азіи; къ такому

[1]) Фактическимъ тому подтвержденіемъ служитъ недавнее выселеніе таранчей въ наши предѣлы изъ уступленнаго нами китайцамъ Кульджинскаго края.

результату привелъ самый ходъ событій. Невыносимый гнетъ китайской власти, съ одной стороны, а съ другой, постоянные слухи о гуманномъ обращеніи съ инородцами нашихъ азіатскихъ окраинъ, вотъ что создало намъ доброе имя въ глубинѣ азіатскихъ пустынь. Въ особенности много помогло намъ въ этомъ отношеніи покореніе Туркестана и водвореніе возможной законности въ странахъ, еще такъ недавно бывшихъ ареною самаго широкаго деспотизма своихъ правителей. Понятно, что и жители Туркестана китайскаго, родственные нашимъ туркестанцамъ по происхожденію, языку и религіи, но въ конецъ угнетаемые китайцами, не безъ основанія стремятся къ лучшей участи. Затѣмъ монголы, въ особенности сѣверные, давно уже знающіе русскихъ со стороны Сибирской границы, тяготѣютъ къ Россіи опять-таки вслѣдствіе беззаконія и произвола при китайскомъ господствѣ. Наконецъ, дунганы, спорадически разбросанные по оазисамъ Центральной Азіи и такъ еще недавно испытавшіе всю безпощадность китайскаго звѣрства, да и нынѣ сильно угнетаемые, ждутъ русскихъ, какъ своихъ избавителей отъ тѣхъ же китайцевъ.

Вотъ нѣкоторые факты въ подтвержденіе вышесказаннаго.

Выше было говорено о безотрадномъ положеніи Восточнаго Туркестана подъ китайскимъ владычествомъ. Вопіющія несправедливости, шпіонство, взяточничество, тяжелыя подати, произволъ чиновниковъ, словомъ, полное отсутствіе законности въ администраціи и судѣ, составляютъ характерныя черты здѣшняго китайскаго управленія. Ни личность, ни имущество туземцевъ не обезпечены; каждый боится за завтрашній день. Невѣжественные китайскіе чиновники, совмѣстно съ переводчиками изъ окитаившихся мусульманъ, даютъ полный разгулъ своему безчеловѣчію, жадности и скотскимъ страстямъ. Затѣмъ пребываніе китайскихъ войскъ въ краѣ служитъ не для успокоенія его, но является неиссякаемымъ источникомъ грабежей и всевозможныхъ притѣсненій мѣстнаго населенія. Мы сами бывали свидѣтелями возмущающихъ сценъ произвола, какъ, напримѣръ, отбиранія у туземцевъ не только китайскими чиновниками, но даже ихъ слугами, послѣдняго скота, или какого-либо другого имущества, насилованія женъ и дочерей чуть не на глазахъ ихъ родныхъ, тѣлеснаго наказанія женщинъ, открытаго грабежа солдатъ и пр. Въ то же время все земледѣльческое населеніе страны обложено непомѣрными податями, которыя взыскиваются безпощадно.

Понятно, что, какъ ни кротки по своему характеру жители Восточнаго Туркестана, они все-таки не могутъ мириться съ подобнымъ по-

ложеніемъ. Ненавистью къ китайцамъ пропитаны здѣсь всѣ слои населенія, даже женщины, которыя не одинъ разъ укоряли при насъ мужей и братьевъ въ ихъ трусости относительно своихъ мучителей. Элементы возстанія собраны въ Восточномъ Туркестанѣ черезъ край, но, какъ неоднократно говорили намъ сами туземцы, «у нихъ нѣтъ головы, общаго руководителя». Въ прежнія времена такія личности являлись обыкновенно изъ сосѣдняго Коканскаго ханства, но тамъ нынѣ водворена власть русская. Притомъ же разъединенность оазисовъ Восточнаго Туркестана, какъ относительно ихъ географическаго положенія, такъ и политической жизни, представляетъ несчастнымъ туземцамъ въ перспективѣ даже самаго лучшаго исхода возстанія, то-есть при полномъ уничтоженіи китайской власти,—мало отрадную картину деспотическаго господства разныхъ политическихъ проходимцевъ и неминуемыя междоусобія, словомъ, тѣ же бѣдствія, только съ иною приправою. Но среди этого безотраднаго хаоса въ настоящемъ и будущемъ пробивается для злосчастныхъ страдальцевъ свѣтлый лучъ надежды на Россію, тѣмъ болѣе, что у всѣхъ передъ глазами живой примѣръ нашего Туркестана, гдѣ власть русская въ самый короткій срокъ явилась залогомъ спокойствія и благоденствія. Вотъ почему жители Восточнаго Туркестана постоянно мечтаютъ о томъ чтобы сдѣлаться русскими подданными. Въ недавнее путешествіе я убѣждался въ этомъ на каждомъ шагу. Всюду, несмотря на китайскія запрещенія, обитатели оазисовъ Восточнаго Туркестана старались намъ услужить чѣмъ бы то ни было, всюду встрѣчали насъ какъ дорогихъ, желанныхъ гостей. При этомъ открыто высказывали свою ненависть къ китайцамъ и искреннее желаніе стать подъ скипетръ Бѣлаго Царя. Мѣстами, какъ было уже говорено, доходило до того, что мусульманскіе старшины просили меня отдать имъ приказаніе нынѣ же начать истребленіе китайцевъ. Про наше путешествіе тѣ же мусульмане говорили, что «теперь насъ Бѣлый Царь принимаетъ», и смотрѣли на это событіе какъ на подтвержденіе сильно распространеннаго въ Восточномъ Туркестанѣ предсказанія какого-то святого, что въ недалекомъ будущемъ страну эту покорятъ русскіе. «Вамъ стоитъ только дунуть, и китайцевъ здѣсь не будетъ», убѣждали насъ туземцы. «Русскимъ даже мало воевать придется», добавляли они: «мы возстанемъ поголовно и сами истребимъ своихъ угнетателей, лишь бы послѣ того насъ не бросили на произволъ судьбы» [1]).

[1]) Такое опасеніе закрадывается въ виду уступки нами Кульджи китайцамъ. Эти послѣдніе ловко эксплуатируютъ фактъ своего безкровнаго пріобрѣтенія, увѣряя тузем-

Кочевое населеніе (кара-киргизы и кипчаки) Восточнаго Туркестана, обитающее въ городахъ, окружающихъ съ запада таримскую котловину, болѣе индифферентно, по словамъ лицъ спеціально съ этимъ населеніемъ знакомыхъ, къ китайскому владычеству, ибо освобождено отъ платы податей и вообще живетъ гораздо вольнѣе; но и это населеніе едва ли будетъ дѣятельно защищать китайцевъ. Гораздо вѣрнѣе, что, въ случаѣ войны, оно воспользуется возможностью пограбить кого бы то ни было и, уступая силѣ, достаточно равнодушно отнесется къ перемѣнѣ подданства китайскаго на такую же зависимость хотя бы отъ Россіи [1]).

Подобно жителямъ Восточнаго Туркестана, дунганы [2]), спорадически обитающіе, какъ въ оазисахъ Центральной Азіи, такъ и въ провинціяхъ Собственнаго Китая, въ особенности въ Гань-су и Шенъ-си [3]), одушевлены ненавистью къ китайцамъ, вопервыхъ, вслѣдствіе своей религіозной розни, а затѣмъ, вслѣдствіе беззаконій и притѣсненій китайской администраціи [4]). Въ особенности сильна эта ненависть среди дунганъ при-Тянъ-шаньскихъ (Шихо, Манасъ, Урумчи и др.) и при-Нанъ-шаньскихъ (Су-чжоу, Гань-чжоу и др.) оазисовъ, какъ равно и во всей провинціи Гань-су. Путешествуя здѣсь неоднократно въ окрестностяхъ города Синина, гдѣ скучены магометане, мы постоянно слышали отъ нихъ горькія жалобы на невыносимый гнетъ китайской власти. Избавиться отъ нея нынѣ самимъ дунганамъ, ослабленнымъ недавнею продолжительною борьбой и мѣстами поголовнымъ избіеніемъ, рѣшительно

цевъ Центральной Азіи, будто русскіе такъ бѣдны и жадны на деньги, что продаютъ обратно свои завоеванія.

[1]) Конечно для необузданныхъ кочевниковъ прочная русская власть будетъ непріятнѣе слабой китайской. До сихъ поръ наши кара-киргизы, кочующіе въ Тянъ-шанѣ, воспоминая о прежнихъ своихъ похожденіяхъ, подгулявши поютъ: «О, русскій богатырь, связалъ ты наши руки; развяжи ихъ хотя на время».

[2]) О происхожденіи дунганъ или, какъ ихъ называютъ китайцы хой-хой, въ точности неизвѣстно. Иные оріенталисты производятъ ихъ отъ уйгуровъ, нѣкогда властвовавшихъ въ значительной части Центральной Азіи; сами же дунганы нерѣдко считаютъ себя потомками арабовъ. Всѣ дунганы магометане. Языкъ у нихъ китайскій. По наружному типу нынѣ мало отличаются отъ китайцевъ, но гораздо энергичнѣе и честнѣе этихъ послѣднихъ, вообще лучше какъ люди.

[3]) Кромѣ того, магометанъ довольно много въ Шанъ-си, Чжи-ли, Юнани и частью Сычуанѣ. Въ самомъ Пекинѣ ихъ считается до 20,000 семействъ. Спорадически магометане разбросаны также и по восточнымъ провинціямъ Китая. Общее число всѣхъ этихъ магометанъ неизвѣстно. Полагаютъ, что въ одномъ Сѣверномъ Китаѣ ихъ до четырехъ милліоновъ.

[4]) Въ особенности послѣ подавленія недавней магометанской инсуррекціи. Ранѣе ея положеніе магометанъ въ Китаѣ было гораздо лучше. Тѣмъ не менѣе въ послѣдніе три вѣка они трижды производили крупныя возстанія: при паденіи Миньской династіи, затѣмъ сто лѣтъ спустя и, наконецъ, еще черезъ сто лѣтъ, уже въ наши времена.

невозможно безъ посторонней помощи. Всякая попытка въ этомъ родѣ приведетъ еще къ худшимъ бѣдствіямъ. Вотъ почему дунганы смотрятъ на сосѣднюю Россію, какъ на возможную свою избавительницу, или по крайней мѣрѣ союзницу въ борьбѣ противъ китайцевъ. Можно ручаться, что въ случаѣ войны нашей съ Китаемъ мы найдемъ самыхъ надежныхъ сподвижниковъ въ дунганахъ. Уже и теперь они неоднократно насъ спрашивали: «скоро ли русскіе станутъ воевать съ Китаемъ?» а затѣмъ добавляли: «пусть къ намъ придетъ хотя одна сотня русскихъ, сію же минуту мы возстанемъ поголовно противъ китайцевъ». Тѣ же самыя рѣчи слышали мы и отъ солдатъ-магометанъ, составляющихъ значительную часть китайскихъ войскъ въ Восточномъ Туркестанѣ. Весьма вѣроятно, что подобная къ намъ симпатія, быть можетъ только въ меньшей степени, существуетъ и въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая среди тамошнихъ магометанъ. Хотя положеніе ихъ лучше, но все же религіозный фанатизмъ и сочувствіе къ страданіямъ своихъ западныхъ собратій дѣлаютъ этихъ магометанъ скрытыми, до поры до времени, врагами китайцевъ.

Монголы, въ особенности сѣверные, достаточно знакомые съ русскими, какъ съ сосѣдями по границѣ, въ свою очередь также очень недолюбливаютъ китайцевъ и, наоборотъ, весьма къ намъ расположены. Этому причиной главнымъ образомъ то обстоятельство, что китайцы, подчинивъ себѣ Монголію, для упроченія здѣсь своего владычества, стараются, какъ было выше говорено, привлечь на свою сторону различными льготами владѣтельныхъ князей и высшее духовенство, вовсе не заботясь объ остальномъ народѣ. На немъ слѣдовательно лежитъ двойное ярмо произвола собственныхъ правителей и китайскихъ властей, съ добавленіемъ къ тому и другому всевозможныхъ поборовъ духовенства. Правда, относительно этого послѣдняго номады, какъ истые буддисты, особыхъ жалобъ не заявляютъ; но далеко не такъ равнодушно смотрятъ они на китайское владычество и на китайскія беззаконія. Тѣмъ болѣе, что у монголовъ еще не угасли воспоминанія о прежней самостоятельной жизни и прежнихъ подвигахъ [1]); безпокойный духъ кочевника также манитъ его къ новизнѣ. Съ другой стороны номады инстинктивно сознаютъ, что самостоятельная жизнь, какъ отдѣльнаго государства, нынѣ для нихъ невозможна, и что необходимо подчиниться кому-либо изъ сильныхъ сосѣдей. Но испытавъ уже всѣ бѣдствія китайскаго влады-

[1]) Въ такомъ духѣ легенды нерѣдко можно слышать въ Монголіи, и между прочимъ расказъ о предстоящемъ воскресеніи Чингисъ-хана.

чества и выбирая изъ двухъ золъ меньшее, монголы тяготѣютъ къ Россіи, ибо надѣются найти подъ скипетромъ Бѣлаго Царя, о которомъ слышатъ, какъ о полу-богѣ, болѣе милосердное и справедливое управленіе. Таково по крайней мѣрѣ настроеніе сѣверныхъ монголовъ, то-есть халхасцевъ [1]). Монголы же южные—алашаньцы, суниты, уроты, тумыты, чахары и др., какъ болѣе окитаившіеся и болѣе отъ нашихъ предѣловъ удаленные, мнѣ кажется, отнесутся одинаково равнодушно, какъ къ намъ, такъ и къ китайцамъ и, въ случаѣ нашего столкновенія съ Китаемъ, будутъ на той сторонѣ, которая возьметъ перевѣсъ.

О войскахъ китайскихъ.

Теперь поговоримъ о войскахъ китайскихъ, которыя во время путешествій мнѣ приходилось многократно видѣть не на парадахъ или смотрахъ, но въ будничной обстановкѣ ихъ повседневной жизни, слѣдовательно, безъ всякихъ прикрасъ и подмалевокъ.

Начну съ того, что свѣдѣнія, которыя получаются на счетъ китайской арміи и въ большинствѣ случаевъ толкуютъ о ея быстрыхъ успѣхахъ въ военномъ образованіи, болѣе или менѣе преувеличены [2]). Незнаніе китайскаго языка спеціалистами военнаго дѣла, замкнутость самихъ китайцевъ, ихъ большое умѣнье «втирать очки въ глаза» ненавистнымъ чужеземцамъ, наконецъ, въ лучшемъ случаѣ, процѣживаніе доставляемыхъ о китайской арміи свѣдѣній сквозь фильтръ европейскихъ инструкторовъ, прямо заинтересованныхъ и навѣрное небезпристрастныхъ въ этомъ дѣлѣ, вотъ тѣ данныя, на которыхъ можно основать такое мнѣніе. Правда, въ Китаѣ нынѣ устроены, подъ руководствомъ европейцевъ, пушечные, оружейные и пороховые заводы, сооружены береговыя укрѣпленія, заведенъ паровой и даже броненосный флотъ; но все это въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяетъ даже посредственнымъ требованіямъ [3]). Притомъ же, исключительное развитіе техниче-

[1]) Во время нашего перехода черезъ пустыню Гоби изъ Ала-шаня на Ургу осенью 1880 года, когда китайцы готовились воевать съ нами изъ-за Кульджи, монголы-халхасцы постоянно намъ говорили, что они никогда не станутъ драться съ русскими, наоборотъ, по объявленіи войны, перейдутъ на нашу сторону. Иные даже собирались перекочевать на сѣверъ отъ Урги, расчитывая, что мы скоро займемъ этотъ священный монгольскій городъ.

[2]) Да притомъ весьма сбивчивы, а иногда прямо одно другому противорѣчивы. Причина этого много заключается въ томъ, что всѣ военныя реформы въ Китаѣ не имѣютъ цѣльнаго характера, общаго плана. То или другое рѣшеніе всегда зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей и вліяній ихъ партій. Въ результатѣ получается достаточно хорошихъ проектовъ, но мало толковаго ихъ исполненія на дѣлѣ.

[3]) Въ издаваемомъ въ Берлинѣ *Ежегодникѣ* полковника Лебеля (*Jahresberichte über die Veränderungen und Fortschritte im Militärwesen*) за 1885 годъ читаемъ: «Китайская выдѣлка артиллерійскихъ снарядовъ весьма неудовлетворительна. Береговыя укрѣпленія (на р. Минъ и противъ Келунга) оказались въ послѣднюю войну съ французами никуда

ской стороны военнаго дѣла еще не обусловливаетъ прогресса боевыхъ качествъ самого солдата. Между тѣмъ, именно на этомъ фундаментѣ зиждется, какъ извѣстно, весь духъ арміи, ея бо̀льшая или меньшая способность бороться со врагомъ. Въ прирожденной храбрости воина, его выносливости и дисциплинѣ таится корень побѣды. Всего этого очень мало или часто вовсе нѣтъ у солдата китайскаго [1]), ибо каждый китаецъ труслив по самой своей природѣ, привязанъ болѣе всего на свѣтѣ къ спокойной жизни у домашняго очага, физически менѣе крѣпокъ, чѣмъ европеецъ, и, при крайнемъ эгоизмѣ, мало способенъ прочно дисциплинироваться. При томъ, солдаты въ армію китайскую поступаютъ или по наслѣдству, или набираются вербовкою [2]), иногда даже насильственною, обыкновенно изъ подонковъ общества; слѣдовательно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ и какъ люди не представляютъ никакихъ нравственныхъ гарантій [3]).

негодными. Флотъ китайскій во время тонкинской экспедиціи еще менѣе арміи удовлетворялъ возлагавшимся на него ожиданіямъ». Тѣмъ цѣннѣе эти свѣдѣнія, что они исходятъ отъ нѣмцевъ, составляющихъ, какъ извѣстно, нынѣ главный контингентъ иноземныхъ инструкторовъ китайской арміи.

[1]) Китайскій солдатъ задоренъ и иногда равнодушенъ къ смерти, но не храбръ въ смыслѣ активнаго проявленія этого качества.

[2]) Извѣстно, что армія китайская состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: манчжурскихъ войскъ и войскъ національныхъ. Первыя состоятъ изъ потомковъ тѣхъ завоевателей (манчжуровъ съ примѣсью монголовъ и китайцевъ), которые въ половинѣ XVII столѣтія возвели на престолъ Китая нынѣ царствующую династію Цзинъ. Въ награду имъ были отведены земли въ Пекинѣ и другихъ мѣстахъ (нынѣ въ десяти провинціяхъ) имперіи; военное званіе сдѣлано наслѣдственнымъ, не исключая и низшихъ офицерскихъ должностей. Эти поселенныя манчжурскія войска, составляющія до сего времени опору престола, раздѣляются на 8 знаменъ или корпусовъ подъ командою собственныхъ начальниковъ и выставляютъ на службу, по списочному составу (въ дѣйствительности гораздо менѣе), 230,000 человѣкъ. Національная китайская армія состоитъ изъ войскъ Зеленаго знамени (*лу-инъ*) и отдѣльно вербовочныхъ частей (*юнъ*). Тѣ и другія набираются изъ природныхъ китайцевъ; послѣднія—всегда вербовкою за деньги, нерѣдко насильственною. Сообразно раздѣленію имперіи на 18 провинцій, войска Зеленаго знамени раздѣляются на 18 корпусовъ и находятся въ полномъ подчиненіи мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ или губернаторамъ. Въ мирное время несутъ полицейскую и почтовую службу. Списочный ихъ составъ—650,000; въ дѣйствительности, по всему вѣроятію, гораздо меньше.

Спеціально вербовочныя части (юнъ) набираются лишь въ случаѣ нужды. Онѣ составляютъ нововведеніе со временъ возстанія тайпинговъ. Нынѣшнюю численность этихъ войскъ полагаютъ въ 100,000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ провинціальными войсками Зеленаго знамени вербовочныя части (юнъ) доставляютъ главный контингентъ для реорганизуемыхъ китайскихъ отрядовъ. Наконецъ, къ арміи китайской относятся контингенты монгольской кавалеріи и другихъ инородцевъ. Въ этихъ иррегулярныхъ войскахъ считается болѣе 200,000 человѣкъ; на дѣлѣ же едва ли наберется и десятая часть такой цифры.

[3]) Народная поговорка въ Китаѣ гласитъ: «изъ хорошаго желѣза не дѣлаютъ гвоздей; изъ честныхъ людей не дѣлаютъ солдатъ».

Не въ лучшемъ свѣтѣ являются китайскіе офицеры какъ низшихъ, такъ и высшихъ степеней. Тѣ и другіе не имѣютъ никакого образованія [1]), въ большинствѣ случаевъ круглые невѣжды [2]), да притомъ, какъ начальники, они способны только растлѣвать, а не улучшать нравственную сторону своихъ подчиненныхъ. Поголовное куреніе опіума, обворовываніе казны и солдатъ, развратная жизнь, полное равнодушіе къ своему дѣлу, вотъ тѣ качества, которыя характеризуютъ какъ младшихъ, такъ и старшихъ военачальниковъ китайской арміи. При этомъ нужно замѣтить, что на высшія военныя должности часто назначаются лица изъ гражданскихъ чиновниковъ [3]). Что же касается европейскихъ инструкторовъ, въ послѣднее время усердно наполняющихъ китайскую армію, конечно, прежде всего ради личныхъ выгодъ, то ихъ усилія, въ виду вышеуказанныхъ причинъ, едва ли увѣнчаются прочными результатами [4]). Тѣмъ болѣе, что китайцы терпятъ до поры до времени

[1]) Котораго, собственно говоря, и нѣтъ въ Китаѣ. Классическія военныя сочиненія, составляющія до сихъ поръ основу китайскаго военнаго искусства, написаны еще въ глубокой древности, старѣйшее около тридцати вѣковъ тому назадъ. Наибольшимъ авторитетомъ пользуется сочиненіе Сунъ-дзе. Въ немъ, рядомъ со здравыми истинами военнаго дѣла, встрѣчаются наивнѣйшіе совѣты, какъ напримѣръ: «Завлеки противника въ постыдные поступки». «Поддерживай сношеніе со всѣми развратниками его стана». «Распространи въ лагерѣ непріятеля мотивы сладострастной музыки, чтобы смягчить сердца». «Смотри ртомъ, говори глазами». «Безпощадно казни тѣхъ, кто выдастъ планъ войны, и тѣхъ, кому эта тайна станетъ извѣстна; послѣдніе не виноваты, но они могутъ сдѣлаться виноватыми» и т. п. Вообще, по китайскимъ понятіямъ, въ военномъ дѣлѣ слѣдуетъ гораздо болѣе расчитывать на хитрость и обманъ, чѣмъ на самыя военныя дѣйствія, поэтому полководецъ прежде всего долженъ быть дипломатомъ. Впрочемъ, теперь переведено съ нѣмецкаго языка на китайскій нѣсколько военныхъ руководствъ, по всему вѣроятію, игнорируемыхъ китайцами; притомъ, для пониманія этихъ сочиненій нужна соотвѣтственная подготовка, а ея-то и нѣтъ.

[2]) Для полученія права на занятіе офицерскихъ должностей, молодые люди, записавшіеся въ кандидаты и снарядившіеся на свой счетъ, испытываются въ стрѣльбѣ изъ лука, фехтованіи саблей и поднятіи тяжестей; другихъ знаній не требуется. Выдержавшіе трижды (въ своемъ округѣ, въ уѣздномъ городѣ и наконецъ въ провинціальномъ) подобный экзаменъ, получаютъ искомое званіе. Наиболѣе отличившіеся отправляются однажды въ три года въ Пекинъ, и тамъ, въ присутствіи Богдохана, производятъ подобное же состязаніе, открывающее имъ штабныя мѣста. Для морскихъ офицеровъ, вмѣсто знакомства съ предметами ихъ спеціальности, требуется искусная стрѣльба изъ лука. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, для образованія офицеровъ по Европейскому образцу заведены: военная школа въ Пекинѣ, а въ Тяньцзинѣ—школа морская, военное училище и военная Академія (съ 1886 г.). Эти заведенія содержатся на счетъ китайскаго правительства и страдаютъ недостаткомъ преподавателей, что конечно невыгодно отзывается на успѣхахъ учениковъ.

[3]) Дѣлается это въ тѣхъ видахъ, что для полученія гражданскихъ чиновъ въ Китаѣ необходимъ извѣстный образовательный цензъ; тогда какъ для званія офицера нужна лишь ловкость и сила физическая. Отсюда китайцы заключаютъ, что гражданскіе чиновники больше читали и знаютъ о войнахъ, чѣмъ малообразованные офицеры.

[4]) Когда знаменитый побѣдитель тайпинговъ, англичанинъ Гордонъ, недавно убитый въ Хартумѣ, былъ снова вызванъ въ восьмидесятыхъ годахъ въ Пекинъ для поданія

подобныхъ инструкторовъ только какъ необходимое зло и съ исключительною цѣлью обезпеченія своей самобытности отъ тѣхъ же иностранцевъ.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что политическія соображенія нынѣшняго манчжурскаго правительства, лишь силою и хитростью держащагося на престолѣ Китая, не позволяютъ ему широко развить національное войско и чрезъ то создать опасный противовѣсъ своему владычеству [1]). Наконецъ, извѣстно также, что военное званіе въ Китаѣ презирается всѣми классами общества.

Такимъ образомъ, три главные факторa—прирожденная негодность самого народа къ военному дѣлу, преданія старины и эгоистическія виды правительства—ставятъ въ Китаѣ новую великую стѣну для преуспѣянія арміи [2]). Разрушить столь вѣскія препоны, тѣмъ болѣе въ короткій срокъ, не только трудно, но даже и невозможно. Прогрессъ вездѣ съ трудомъ прокладываетъ себѣ путь, а въ Китаѣ ему, всего вѣроятнѣе, и вовсе не протолкаться. Народная жизнь здѣсь слишкомъ

совѣтовъ относительно войны съ нами изъ-за Кульджи, то послѣ тринадцатилѣтняго отсутствія изъ Китая онъ сильно разочаровался въ его преуспѣяніи, особенно въ правдивости того, что читалъ и слышалъ на этотъ счетъ. Въ дѣйствительности Гордонъ встрѣтилъ «тотъ же старый Китай, только покрытый тонкимъ слоемъ лака».

[1]) Въ такихъ видахъ былъ распущенъ отрядъ (около 5,000 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько сотъ иностранцевъ) Гордона, тотчасъ по усмиреніи возстанія тайпинговъ въ 1867 году. Въ 1871 году наиболѣе дѣльные китайскіе генералы Ли-хунъ-чанъ и Цзо-цзунъ-танъ предлагали, взамѣнъ разбросанныхъ по странѣ территоріальныхъ корпусовъ, сосредоточить возлѣ Пекина одну сильную армію, но правительство побоялось этого и сохранило прежнее распредѣленіе войскъ.

[2]) Въ настоящее время солидной реорганизаціи подвергся лишь такъ-называемый «Образцовый корпусъ» Ли-хунъ-чана, который расположенъ лагерями отъ г. Тяньцзина до берега моря. Въ этомъ корпусѣ вводится прусскій уставъ. Пѣхота вооружена ружьями новѣйшихъ системъ. Артиллерія, горная и полевая, состоитъ изъ заряжающихся съ казны Крупповскихъ орудій. Кавалерія, за исключеніемъ вооруженія, находится въ первобытномъ состояніи, отъ нея требуются лишь акробатическіе фокусы. Инженерныхъ войскъ нѣтъ вовсе.

Другія, нереорганизованныя, но получившія новое вооруженіе (ружья Винчестера, Ремингтона, Энфильда, Снайдера, Маузера, Альбини, Гокчиса, Шаспо и др.) части китайской арміи расположены въ Пекинѣ, въ Манчжуріи, въ важныхъ приморскихъ и другихъ пунктахъ имперіи, частью при-Тянь-шаньскомъ краѣ. Общая численность всѣхъ этихъ войскъ неизвѣстна. Во всякомъ случаѣ, ихъ несравненно меньше, чѣмъ войскъ старыхъ, въ которыхъ прежнее обученіе и вооруженіе не измѣнены. Притомъ и въ новыхъ войскахъ старые обычаи не забываются, такъ что стрѣльба изъ луковъ продолжаетъ быть обязательною. Случается, что начальники частей обучаютъ своихъ солдатъ внутри казармъ обращенію съ новыми ружьями, а на показъ народу выводятъ съ луками и пиками.

Военный китайскій флотъ предъ началомъ Тонкинской кампаніи состоялъ изъ 49 паровыхъ судовъ съ 286 орудіями. Однако на морѣ китайцы оказались еще хуже, чѣмъ при сухопутныхъ дѣйствіяхъ.

прочно и исключительно сложилась въ теченіе сорока вѣковъ. Выхоленные ростки европейской цивилизаціи не примутся какъ слѣдуетъ на столь закорузлой почвѣ. Прогрессъ же военный, какъ часть общаго развитія всего государственнаго организма, можетъ прочно идти лишь не особенно опережая другія стороны народной жизни, иначе онъ будетъ лишенъ силы внутренней. Вотъ почему Китай, при современномъ своемъ состояніи, да вѣроятно и впредь еще надолго, не можетъ создать армію подобную арміямъ государствъ европейскихъ. Нѣтъ для этого пригоднаго матеріала, нѣтъ оживляющаго духа. Пусть сколько угодно доставятъ европейцы китайцамъ оружія, пусть няньчатся безъ передышки съ китайскими солдатами, пусть даже дадутъ имъ своихъ командировъ—все-таки армія китайская, даже въ лучшемъ случаѣ, будетъ искусственно-созданный, механически-связанный и непрочный организмъ. Въ минуты тяжелыхъ испытаній серьезной войны, такая армія скоро расклеится и никогда не побѣдитъ сильнаго духомъ соперника [1]).

После этихъ общихъ соображеній посмотримъ на пограничныя намъ китайскія войска, находящіяся на Новой Линіи, то-есть въ Восточномъ Туркестанѣ и Чжунгаріи [2]).

[1]) Правда, побѣдить Китай теперь труднѣе, чѣмъ прежде. Но все-таки недавняя война въ Тонкинѣ показала, какъ мало способны даже реорганизованныя китайскія войска къ толковымъ военнымъ дѣйствіямъ. Хотя французы потерпѣли въ продолженіе кампаніи нѣсколько неудачъ, но эти неудачи зависѣли всего болѣе отъ плохого выбора театра войны и отъ промаховъ со стороны самихъ французовъ. Прежде всего—Тонкинъ самое невыгодное и безцѣльное мѣсто для военныхъ операцій противъ Китая, ибо удаленъ на двѣ тысячи верстъ отъ Пекина, гдѣ только и можетъ быть нанесенъ серьезный ударъ сильному своею пассивностью непріятелю. Затѣмъ, Тонкинъ страна крайне невыгодная для военныхъ дѣйствій, такъ какъ въ лучшихъ своихъ мѣстахъ густо покрытъ, подобно Собственному Китаю, деревнями и фермами, въ промежуткахъ между которыми лежатъ поля, изрѣзанныя оросительными канавами. Мѣстность на каждомъ шагу даетъ превосходныя оборонительныя позиціи и маскируетъ расположеніе непріятеля. Хорошія рекогносцировки въ лабиринтѣ сплошного населенія были почти невозможны. Лазутчики изъ туземцевъ, по всему вѣроятію, болѣе служили своимъ, чѣмъ французамъ. Переводчиковъ для сношеній съ жителями было мало, да притомъ одна внѣшность европейца уже изолировала его среди туземцевъ. Климатъ страны—убійственный. Наконецъ, французскій дессантъ состоялъ лишь изъ 25,000 человѣкъ, въ добавокъ посланныхъ не сразу и не обильно снабженныхъ боевыми припасами. При всемъ томъ что же вышло? Хотя французы въ нѣсколькихъ мелкихъ стычкахъ, а затѣмъ въ болѣе значительномъ дѣлѣ подъ Лангъ-Сономъ понесли неудачи, но китайцы не съумѣли воспользоваться своею побѣдой и своимъ громаднымъ численнымъ превосходствомъ (въ Тонкинѣ дѣйствовало 70,000 китайскихъ войскъ, кромѣ анамитовъ и Черныхъ Флаговъ); нѣкоторый успѣхъ кампаніи все-таки остался за французами. Возможно-ли что либо подобное, еслибы такой маленькій дессантъ, имѣвшій притомъ базу на другомъ концѣ свѣта, высадился въ какомъ-нибудь даже небольшомъ государствѣ Европы? Разумѣется, онъ былъ бы раздавленъ какъ мышенокъ.

[2]) Въ Монголіи, близъ нашей границы, китайцы содержатъ лишь небольшіе отряды въ Ургѣ, Улясутаѣ и Кобдо; на пограничные караулы наряжаются монголы. Наоборотъ

Эта армія представляетъ наглядный образецъ истиннаго состоянія китайскихъ войскъ и ихъ прирожденныхъ качествъ, немаскируемыхъ исключительною опекой (возможною лишь надъ небольшими сравнительно частями и притомъ въ мирное время), въ какой нынѣ находится «образцовый корпусъ» Ли-хунъ-чана. Если же воины китайскіе, о которыхъ теперь пойдетъ рѣчь, подавили возстаніе дунганъ и завоевали Восточный Туркестанъ, то эти успѣхи обусловливались прежде всего неумѣлыми и разрозненными дѣйствіями инсургентовъ, а затѣмъ междуусобіями, возникшими въ Кашгаріи по смерти Якубъ-бека. Въ томъ и другомъ случаяхъ побѣдные лавры доставались китайцамъ слишкомъ дешево, [1]) благодаря стеченію выгодныхъ обстоятельствъ и малой годности противника къ настоящей войнѣ.

Расположенныя на Новой Линіи и по восточно-Тянъ-шаньскимъ оазисамъ, словомъ, въ провинціи Синъ-цзянь, войска китайскія раздѣляются, какъ и въ Собственномъ Китаѣ, на: 1) знаменныя манчжурскія, которыхъ впрочемъ немного; 2) войска Зеленаго знамени *(лу-инъ);* 3) вербовочныя *(юнъ),* и 4) милицію инородцевъ [2]). Численность всѣхъ этихъ войскъ съ точностью узнать невозможно. По многимъ же даннымъ, общая ихъ цифра въ 1885 году не превосходила 15—17 тыс. человѣкъ. Изъ этого числа 4—5 тыс. расположены были въ Восточномъ Туркестанѣ; около 4,000 находились въ Илійской провинціи, главнымъ образомъ въ долинѣ рѣки Или; около 3,000 стояли въ провинціи Тарабагатай; наконецъ, быть-можетъ 4—5,000 раскиданы были по оазисамъ восточнаго Тянъ-шаня отъ Манаса и Урумчи до Хами включительно [3]). Главнокомандующимъ этою арміей состоялъ, и нынѣ состоитъ, намѣстникъ при-Тянъ-шаньскаго края, сановникъ Лю-чжо-шай или Лю-дзинъ-танъ; помощникомъ его считается Илійскій цзянъ-цзюнъ [4]).

Боевую и административную единицу въ описываемыхъ войскахъ, какъ и во всей китайской арміи, составляетъ *лянза* (въ манчжурскихъ

въ Манчжуріи, въ сосѣдствѣ нашего Амурскаго края, численность китайскихъ войскъ значительна, и ихъ главнымъ опорнымъ пунктомъ служитъ городъ Гиринъ на рѣкѣ Сунгари.

[1]) Въ китайской арміи строго воспрещается всѣмъ чинамъ переписываться во время войны съ кѣмъ бы то ни было на родинѣ. Вслѣдствіе этого, равно какъ и отсутствія какого-либо другого контроля, военачальники могутъ сообщить Пекинскому правительству только то, чтò признаютъ удобнымъ, и нерѣдко доносятъ о небывалыхъ своихъ побѣдахъ. Такъ было и при нынѣшнемъ занятіи китайцами Восточнаго Туркестана.

[2]) По роду оружія тѣ же войска раздѣляются: на пѣхоту (*бу-дуй*), кавалерію (*ма-дуй*) и артиллерію (*пау-бинъ*).

[3]) Такое распредѣленіе китайскихъ войскъ въ общемъ мало измѣнилось и нынѣ.

[4]) Въ Или и Тарабагатаѣ, въ рукахъ командующихъ войсками (цзянъ-цзюна и амбаня) сосредоточено также и гражданское управленіе края.

войскахъ *чи*), которая по списочному составу должна имѣть въ пѣхотѣ 500, а въ кавалеріи 250 человѣкъ. Въ наличности же рѣдко когда наберется и половина штатнаго числа людей. Каждая лянза находится подъ командой ингуаня и носитъ его имя; раздѣляется на пять ротъ, а въ кавалеріи на столько же сотенъ; тѣ и другія расчитываются на взводы и по десяткамъ. Изъ офицеровъ въ лянзѣ, кромѣ ингуаня, состоитъ его помощникъ и пять ротныхъ или эскадронныхъ командировъ съ ихъ помощниками; кромѣ того, нѣсколько чиновниковъ для письменныхъ занятій. Въ болѣе крупныя постоянныя боевыя единицы лянзы не соединяются. Въ случаѣ же надобности бо́льшее или меньшее число лянзъ подчиняются одному командиру, который носитъ званіе тунъ-линъ, если командуетъ нѣсколькими лянзами, и зунгъ-тунъ, если подъ его командой находятся болѣе двадцати лянзъ, или всѣ войска отдѣльной области. Артиллерія не формируетъ батарей, хотя и существуютъ артиллерійскія лянзы. Въ случаѣ надобности орудія придаются къ лянзамъ пѣхотнымъ или коннымъ.

Командиръ лянзы вмѣстѣ съ тѣмъ и полный ея хозяинъ. Получая отъ казны деньги по списочному составу людей, онъ всегда содержитъ ихъ въ наличности гораздо меньше; экономію же такого учета кладетъ себѣ въ карманъ [1]). Помимо того, значительная часть содержанія, даже наличныхъ солдатъ, расхищается ихъ начальниками, отъ высшихъ до низшихъ чиновъ включительно.

Кромѣ лянзъ, состоящихъ изъ природныхъ китайцевъ, а также изъ дунганъ [2]), въ Восточномъ Туркестанѣ сформированы двѣ лянзы янги-мусульманъ [3]) и двѣ киргизскія лянзы. Въ Илійской области и въ Тарабагатаѣ на службу также призваны сибо, солоны и калмыки разныхъ родовъ. Въ регулярныхъ войскахъ они образуютъ нѣкоторыя строевыя части. Собственно же составляютъ милицію, которая содержитъ караулы на нашей границѣ, возитъ казенную почту, конвоируетъ транспорты и работаетъ на казенныхъ пашняхъ [4]).

Сроковъ службы въ вербовочныхъ китайскихъ войскахъ не полагается. Въ мирное время солдатъ воленъ оставить свою профессію, но

[1]) Само правительство знаетъ объ этомъ и потому иногда даетъ полному генералу командованіе лянзой въ видѣ пенсіи.

[2]) Кромѣ того, дунганы изъ застѣннаго Китая иногда встрѣчаются въ лянзахъ изъ природныхъ китайцевъ.

[3]) То есть изъ китайцевъ, обращенныхъ силой въ магометанство и служившихъ въ войскахъ Якубъ-бека. При наступленіи китайскихъ отрядовъ къ Кашгару эти янги-мусульмане вновь измѣнили и, захвативъ Кашгарскую крѣпость, Янги-шаръ, передали ее въ руки своихъ соотечественниковъ.

[4]) Для воздѣлыванія пашенъ нерѣдко назначаются и солдаты регулярныхъ войскъ.

не иначе какъ съ согласія командира лянзы; въ военное время отставки нѣтъ. Инородцы обязаны службой съ двадцатилѣтняго возраста до глубокой старости. Производство въ оберъ-офицерскіе чины зависитъ не только отъ главнокомандующаго, но даже и отъ областныхъ начальниковъ войскъ. Утвержденіе въ чинѣ получается изъ Пекина. Никакого образовательнаго ценза при этомъ не требуется. Обыкновенно въ офицеры попадаютъ всего скорѣе любимцы начальниковъ, не исключая и ихъ личныхъ слугъ. Увольненіе отъ службы китайскіе офицеры могутъ получить также лишь съ согласія своего начальства. Пенсій при отставкѣ не полагается.

Жалованье нижнихъ чиновъ различно, смотря по роду войскъ, къ которому они принадлежатъ: въ пѣхотѣ рядовой получаетъ ежемѣсячно отъ 2—4 ланъ [1]), въ кавалеріи отъ 3—6 ланъ [2]); милиціонерамъ отпускается вдвое менѣе. Сверхъ жалованья, нижнимъ чинамъ выдается натурой казенное продовольствіе. Послѣднее состоитъ изъ дачи муки и дровъ, иногда риса и, въ рѣдкихъ случаяхъ, мяса; въ кавалеріи, гдѣ лошади отъ казны [3]), отпускается солома или клеверъ и кукуруза или ячмень. Фуражъ этотъ иногда замѣняется деньгами. Иногда же самъ ингуань продовольствуетъ строевыхъ кавалерійскихъ лошадей, съ вычетомъ за фуражъ изъ солдатскаго жалованья. Ротной варки пищи въ лянзахъ нѣтъ; солдаты обыкновенно продовольствуются маленькими артелями, а женатые въ своихъ семействахъ. Содержаніе офицеровъ, въ особенности старшихъ, довольно значительно. Такъ, напримѣръ, командиръ лянзы получаетъ 100—120 ланъ въ мѣсяцъ; ротный командиръ 20—40 ланъ, субалтернъ-офицеръ 15—25 ланъ ежемѣсячно. Кромѣ того, офицеры получаютъ, какъ и нижніе чины, дачи натурой. Содержаніе войскамъ Новой Линіи высылается изъ Пекина неисправно; поэтому голодные солдаты грабятъ жителей и нерѣдко производятъ вооруженные бунты.

Въ главныхъ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ областей имѣются продовольственные склады, которыми завѣдуютъ особые чиновники. Пополненіе этихъ складовъ производится хлѣбомъ съ казенныхъ пашенъ и отъ мѣстныхъ жителей, какъ податная ихъ повинность. Для перевозки войсковыхъ тяжестей заведены казенные верблюды и лошади. Первые возятъ вьюкомъ, вторыя запрягаются въ арбы (большія двухколесныя телѣги). Кромѣ того, въ случаѣ нужды перевозныя средства добыва-

[1]) Т. е. отъ 4—8 нашихъ серебряныхъ рублей.

[2]) Впрочемъ, въ кавалеріи быть-можетъ включены сюда и фуражныя деньги.

[3]) Кромѣ лянзъ изъ калмыковъ и киргизовъ, которые служатъ на своихъ лошадяхъ.

ются реквизиціей отъ мѣстныхъ жителей или по подряду. При лянзахъ также имѣются въ небольшомъ числѣ конныя арбы и вьючные верблюды для перевозки солдатскихъ вещей, патроновъ и пр. Госпиталей или лазаретовъ, равно какъ и штатныхъ врачей, въ войскахъ нѣтъ. Лишь въ главномъ пунктѣ каждой области находится одинъ врачъ и въ его завѣдываніи небольшая аптека. Больные внѣ этихъ пунктовъ лѣчатся сами какъ знаютъ. Во время войны не организуется никакихъ санитарныхъ учрежденій.

Обмундированіе китайскихъ солдатъ выдается имъ отъ казны [1]) и, за небольшими исключеніями, одинаково во всѣхъ родахъ войскъ. Оно состоитъ изъ цвѣтной курмы, на маперъ женской кофты, бязевыхъ или плисовыхъ панталонъ и такихъ же наколѣнниковъ. Спереди и сзади курмы пришито по большому бѣлому кругу съ надписями той части, къ которой солдатъ принадлежитъ. Подъ курму надѣвается длинный, разрѣзанный съ боковъ, халатъ. Обувью служатъ китайскіе съ войлочными, рѣже съ кожаными, подошвами башмаки; къ нимъ обыкновенно придѣлываются голенища изъ полушелковой матеріи или плиса. На головѣ повязывается пестрый платокъ, подъ которымъ спрятана длинная коса. Не рѣдко эта коса болтается на спинѣ и придаетъ безусому и безбородому солдату, каковы всѣ китайскіе воины, видъ совершенной бабы. Форменная одежда офицеровъ состоитъ также изъ курмы (суконной или шелковой), но безъ бѣлыхъ круговъ; головнымъ уборомъ служитъ черная войлочная шляпа, наверху которой прикрѣпляется цвѣтной шарикъ по чину, а также хвостовыя перья голубого фазана или павлина. Какъ офицеры, такъ и солдаты, во время лѣтнихъ жаровъ, употребляютъ вѣера.

Вооруженіе тѣхъ же китайскихъ войскъ на Новой Линіи находится въ самомъ первобытномъ состояніи. До сихъ поръ еще здѣсь можно встрѣтить у инородческой милиціи луки и стрѣлы, фитильныя и кремневыя ружья. Строевыя части, какъ пѣхота, такъ и кавалерія, имѣютъ разнообразное вооруженіе, среди котораго преобладаетъ семилинейное нарѣзное ударное ружье англійской, американской, а иногда и тульской фабрикаціи. Скорострѣлки, преимущественно Спенсера, рѣже Генри Мартини и другихъ системъ, составляютъ лишь незначительный процентъ общаго вооруженія. Притомъ огнестрѣльнымъ оружіемъ снабжены далеко не всѣ строевые чины даже въ пѣхотѣ; многіе изъ нихъ носятъ сабли, бердыши, трезубцы, желѣзныя вилы и пики. Послѣднія длиною

[1]) Милиціонеры имѣютъ собственную національную одежду.

до трехъ саженъ, дѣлаются изъ склеенныхъ пластинокъ бамбука и всегда снабжены вблизи верхняго конца значкомъ изъ большого куска цвѣтной матеріи. Этотъ значекъ служитъ для украшенія фронта и кромѣ того, по наивному объясненію китайцевъ, «имъ можно во время сраженія запутывать непріятеля и брать его живьемъ». Лучше другихъ вооружены, обмундированы, да и вообще содержатся лишь небольшіе отряды, составляющіе личный конвой командующихъ войсками. Офицеры никакого вооруженія на себѣ не носятъ; только выѣзжая верхомъ, они имѣютъ сабли, прикрѣпленныя съ лѣвой стороны сѣдла, какъ у всѣхъ китайскихъ кавалеристовъ.

Обращеніе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, не исключая и скорострѣлокъ, до невѣроятности небрежное. Сплошь и рядомъ стволы до того загрязнены нагаромъ и ржавчиной, что трудно замѣтить нарѣзы; притомъ эти стволы не рѣдко погнуты, запирающій механизмъ испорченъ, мушки потеряны, прицѣлы поломаны. Мало того, солдаты по собственному усмотрѣнію урѣзаютъ приклады и стволы, такъ что послѣдніе остаются вовсе безъ прицѣльныхъ мушекъ. Въ походахъ ружья привѣшиваются съ боку сѣдла или складываются на арбы, какъ дрова; въ казармахъ валяются гдѣ попало. На нихъ солдаты носятъ воду вмѣсто коромысла, а въ дорогѣ изъ тѣхъ же ружей иногда устраиваютъ кладки для перехода канавъ. Патроны носятся солдатами въ кожаныхъ сумкахъ черезъ плечо или на поясѣ. Для нескорострѣльныхъ ружей пороховые заряды помѣщаютъ въ бумажкахъ отдѣльно отъ пуль; послѣднія часто бываютъ не по калибру ствола, больше или меньше его. Для скорострѣлокъ патроны доставляются изъ Внутренняго Китая, оттуда же привозится и порохъ, изъ котораго заряды для нескорострѣльныхъ ружей приготовляются въ лянзахъ. Патронныхъ ящиковъ при войскахъ нѣтъ. Въ случаѣ нужды патроны возятся на арбахъ или вьюкомъ.

Ни оружейныхъ, ни какихъ-либо другихъ спеціально военныхъ заводовъ въ районѣ Новой Линіи нѣтъ. Только въ пунктахъ пребыванія областныхъ начальниковъ войскъ (въ Дорбулджинѣ [1]), Суйдунѣ [2]) и Кашгарѣ) имѣются небольшія мастерскія для починки огнестрѣльнаго оружія [3]) и для выдѣлки холоднаго; здѣсь приготовляютъ частью и порохъ, но плохого качества. Въ тѣхъ же пунктахъ устроены склады патроновъ, пороха и ручного оружія. Въ этихъ складахъ, какъ говорятъ, помимо ударныхъ ружей, достаточно и скорострѣлокъ; но, по всему

[1]) Укрѣпленіе въ 60 верстахъ къ востоку отъ города Чугучака.

[2]) Городъ и укрѣпленіе въ 38 верстахъ къ западу отъ Кульджи.

[3]) При *лянзахъ* оружейныхъ мастеровъ нѣтъ.

вѣроятію, какъ тѣ, такъ и другія большею частью испорчены отъ неумѣлаго и небрежнаго обращенія. Тѣмъ болѣе, что всѣ эти склады помѣщаются прямо въ сараяхъ или сакляхъ, а не въ нарочно приспособленныхъ для того зданіяхъ. Содержаніе оружія въ особыхъ складахъ, помимо все-таки бо̀льшаго его сбереженія, чѣмъ на рукахъ солдатъ, дѣлается еще изъ опасенія солдатскихъ бунтовъ за неплатежъ жалованья.

Не въ лучшемъ положеніи находится и артиллерія въ войскахъ Новой Линіи. Хотя подробностей насчетъ количества имѣющихся орудій, какъ старыхъ, такъ и скорозарядныхъ, узнать невозможно, ибо эти свѣдѣнія, какъ и самыя орудія, китайцы содержатъ подъ большимъ секретомъ, или лгутъ и хвастаютъ немилосердно; но все-таки по тѣмъ даннымъ, которыя удалось, болѣе или менѣе случайно, добыть нашимъ офицерамъ, можно заключить о незавидномъ состояніи и ничтожномъ значеніи артиллеріи въ описываемыхъ войскахъ. Вся эта артиллерія, равно какъ и снаряды къ ней, доставлены сюда изъ внутренняго Китая.

Какъ выше было замѣчено, орудія не формируютъ батарей, но придаются къ лянзамъ по усмотрѣнію начальства [1]). Прислуга къ этимъ орудіямъ назначается изъ тѣхъ же лянзъ, или изъ такъ-называемыхъ лянзъ артиллерійскихъ. Въ крѣпостяхъ и импанахъ [2]) орудій на стѣнахъ не имѣется; всѣ орудія, равно какъ и снаряды къ нимъ, спрятаны въ глинобитныхъ сараяхъ внутри тѣхъ же крѣпостей. По добытымъ свѣдѣніямъ, общее количество орудій не велико, а скорозарядныхъ, преимущественно горныхъ стальныхъ, едва ли болѣе нѣсколькихъ десятковъ во всѣхъ войскахъ Новой Линіи. Притомъ эти орудія, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя удавалось видѣть нашимъ офицерамъ, въ большинствѣ случаевъ содержатся небрежно, какъ и ручное оружіе. Помимо нерѣдко попорченныхъ, вѣроятно, вслѣдствіе дальней перевозки, лафетовъ, самыя тѣла орудій иногда покрыты слоемъ ржавчины не только снаружи, но и внутри по нарѣзамъ канала. Снарядовъ при всѣхъ вообще орудіяхъ, вѣроятно, также немного, вслѣдствіе затрудненій при дальней доставкѣ этихъ снарядовъ. Запряжка орудій производится лошадьми или мулами. Зарядныхъ артиллерійскихъ ящиковъ, какъ кажется, очень мало; ихъ замѣняютъ двухколесныя арбы, или вьючная перевозка. Если прибавить ко всему этому отсутствіе теоретическаго обученія артиллерійскому дѣлу, какъ равно и практической стрѣльбы, то можно утверждать, что самыя

[1]) Лишь въ крѣпости Дорбудджинѣ, близъ Чугучака, есть сформированная мѣстнымъ амбанемъ батарея изъ пяти мѣдныхъ, нарѣзныхъ, съ дула заряжающихся орудій, приблизительно четырехфунтоваго калибра.

[2]) Оборонительныя казармы, о нихъ будетъ сказано ниже.

лучшія орудія въ рукахъ китайцевъ будутъ мало вредоносны для непріятеля.

Кромѣ артиллерійскихъ орудій, въ описываемыхъ войскахъ сохранились въ большомъ числѣ старинныя крѣпостныя, гладкостѣнныя фитильныя ружья, такъ называемыя тайфуры, которыя содержатся какъ въ импанахъ, такъ и при строевыхъ частяхъ. Стволъ этого ружья длиной въ сажень; калибръ болѣе дюйма; пуля свинцовая или чугунная; вмѣсто приклада небольшая ручка. Для стрѣльбы дульная часть ружья кладется на подставку, или на плечо солдата, присѣдающаго на колѣни и придерживающаго стволъ за лямки; другой солдатъ прицѣливаетъ и поджигаетъ фитилемъ порохъ на полкѣ. Выстрѣлъ получается громкій, но мѣткость и дальность боя никуда негодныя. Въ походѣ тайфуры возятся на вьюкахъ или на арбахъ. Для прислуги и прикрытія къ каждой изъ нихъ назначается отъ 5—10 солдатъ.

Какъ безобразно вооруженіе китайскихъ войскъ въ Новой Линіи, настолько же, если не болѣе, безобразно ихъ обученіе. Истиннаго понятія хотя бы элементарныхъ требованій военнаго дѣла здѣсь нѣтъ рѣшительно ни у кого изъ офицеровъ, не исключая и высшихъ начальниковъ. Понятно, что при такомъ условіи, солдату невозможно научиться чему-либо по своей спеціальности. Въ результатѣ, изъ массы китайскихъ воиновъ получается лишь нѣчто похожее на войско, но никакъ не армія въ европейскомъ смыслѣ этого слова.

Строевыя ученья производятся въ лянзахъ довольно рѣдко, главнымъ образомъ осенью и весною. Обязательнаго военнаго устава повидимому нѣтъ; все зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія командира лянзы или начальника войскъ области. Въ общемъ существуютъ лишь два строя—развернутый и каре. Притомъ главное вниманіе обращается на различные акробатическіе фокусы не только отдѣльныхъ солдатъ, но и цѣлыхъ частей, какъ, напримѣръ, рубка саблями въ тактъ музыки, подпрыгиваніе и присѣданіе шеренгами при дѣйствіи тѣми же саблями, движеніе шереножнаго строя по различнымъ фигурамъ и пр. О разсыпаніи стрѣлковъ и употребленіи штыка въ бою китайцы не имѣютъ понятія; нѣтъ у нихъ также маршировки и хожденія въ ногу. Притомъ во фронтѣ солдаты разговариваютъ, сморкаются, иногда даже закуриваютъ трубки. Обучающій командиръ лянзы помѣщается передъ фронтомъ, или чаще на вышкѣ импана. Офицеры обыкновенно въ строю не участвуютъ, но находятся при начальникѣ лянзы, или стоятъ въ сторонѣ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ бамбуковыя палки, которыми тутъ же дуютъ непонятливыхъ или провинившихся солдатъ. Въ

строю всегда множество знаменъ и значковъ. Боевая стрѣльба частями не производится; крайне рѣдко люди стрѣляютъ въ одиночку по мишенямъ. Все искусство обученія стрѣлковому дѣлу состоитъ лишь въ томъ, чтобы солдатъ умѣлъ какъ можно скорѣе зарядить и выстрѣлить, не заботясь о прицѣливаніи; поэтому стрѣльба холостыми зарядами въ большомъ ходу. Рѣдкій изъ офицеровъ умѣетъ самъ выстрѣлить. Объ обращеніи же съ ружьемъ, объ его чисткѣ, разборкѣ и пр., какъ солдаты, такъ и офицеры, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Европейскихъ инструкторовъ при войскахъ Новой Линіи нѣтъ вовсе.

Нерѣдко производятся здѣсь смотры и парады. На нихъ, равно какъ и на ученья, солдаты иногда вовсе не идутъ, требуя предварительно уплаты заслуженнаго жалованья. Бываетъ, что, при необходимости сдѣлать парадъ по случаю пріѣзда почетнаго лица, начальникъ войскъ выдаетъ своимъ солдатамъ за этотъ день суточныя деньги, какъ заработную плату.

Въ кавалеріи солдаты ѣздятъ хорошо и умѣло обращаются съ лошадьми; но обученіе, основанное опять-таки на акробатическихъ штукахъ и стрѣльбѣ съ коня, дѣлаетъ этотъ родъ оружія никуда негоднымъ. Притомъ развѣдочная и сторожевая служба кавалеріи неизвѣстны. Артиллерійскихъ ученій, а тѣмъ болѣе стрѣльбы изъ орудій снарядами, вовсе не производится.

Караульная служба въ тѣхъ же войскахъ въ полномъ пренебреженіи. Караулы выставляются повидимому лишь къ воротамъ крѣпостей и импановъ. Къ нимъ назначаются отъ лянзъ части обыкновенно на продолжительное время; поэтому солдаты переселяются въ караульный домъ со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, даже съ женами и дѣтьми по сосѣдству. Днемъ постовъ не выставляютъ; въ это время караульные солдаты занимаются кто чѣмъ хочетъ; часовые дежурятъ лишь ночью.

При походныхъ движеніяхъ никакого порядка не соблюдается. Офицеры обыкновенно уѣзжаютъ впередъ на мѣсто ночлега. Солдаты же идутъ въ разбродъ и какъ попало — кто верхомъ, кто пѣшкомъ, кто босой или безъ верхняго платья; по пути заходятъ въ жилыя мѣста и грабятъ тамъ. Продовольствіе солдатамъ во время похода всегда берется у мѣстныхъ жителей реквизиціей. Для носки вещей въ походѣ солдатамъ выдаются, вмѣсто ранцевъ, холщевые мѣшки. Однако солдатскія вещи обыкновенно перевозятся въ обозѣ. Сами же солдаты далеко не всегда несутъ на себѣ даже оружіе; нерѣдко и оно везется на арбахъ. Если же ружья имѣются на рукахъ солдатъ, то они во время пути стрѣляютъ во встрѣчныхъ птицъ и звѣрей, или прямо на воздухъ. При

всемъ томъ слѣдуетъ сказать, что китайскій солдатъ вообще хорошій ходокъ, да и относительно пищи въ походѣ не прихотливъ.

Тѣ укрѣпленія, о которыхъ подъ названіемъ *импановъ* было не разъ упомянуто выше, представляютъ глинобитныя крѣпостцы квадратной формы, саженъ въ 30—60 по длинѣ фасовъ, съ зубчатою стѣной въ 2—3 сажени вышины, съ фланкирующими башнями по угламъ и иногда неглубокимъ рвомъ впереди. Въ одномъ изъ фасовъ продѣлываются ворота, прикрытыя снаружи небольшою стѣнкой. Внутри импана построены для солдатъ казармы, которыя представляютъ длинный рядъ глиняныхъ, подъ общею камышевою крышей, каморокъ, примкнутыхъ къ крѣпостной стѣнѣ, или расположенныхъ отдѣльно отъ нея. Въ каждой каморкѣ помѣщаются 5—10 солдатъ. Нагрѣваніе производится топкой глиняныхъ наръ, которыя служатъ для спанья; полъ земляной, окна рѣшетчатыя, заклеенныя просаленною бумагой; иногда же вмѣсто оконъ имѣется лишь отверстіе въ потолкѣ. Вообще описываемыя жилища грязны и холодны. Женатые солдаты живутъ въ тѣхъ же казармахъ, но отдѣльно со своими семействами. Помѣщенія командира лянзы и офицеровъ мало чѣмъ отличаются отъ солдатскихъ; они строятся также внутри импана, только особо отъ казармы нижнихъ чиновъ.

Каждый импанъ служитъ помѣщеніемъ обыкновенно для одной лянзы, съ ея лошадьми, запасомъ продовольствія, топлива, фуража и пр. Приспособлены импаны лишь для ружейнаго огня, да и то плохо относительно фланкированія или взаимной обороны. Цѣль такихъ сооруженій заключается, по объясненію китайцевъ, въ обезпеченіи лучшаго надзора за солдатами. Отчасти это и правда. Главнымъ же образомъ импаны строятся ради трусости китайскихъ войскъ и ихъ любимой привычки воевать изъ-за закрытій.

Импаны встрѣчаются во всѣхъ трехъ провинціяхъ Новой Линіи, чаще по сосѣдству нашей границы, какъ напримѣръ, въ Дорбулджинѣ, на Боро-тола, въ Суйдунѣ и въ западной части Восточнаго Туркестана. Возводятся они частію мѣстными жителями по наряду, изрѣдка по найму; частью самими же китайскими солдатами, которые вообще весьма привычны къ землянымъ работамъ.

Болѣе прочныя укрѣпленія подъ названіемъ *янги-шари* (то-есть новый городъ) выстроены китайцами (часто доставались имъ отъ инсургентовъ) въ большихъ городахъ Новой Линіи. Въ этихъ янги-шари помѣщаются, кромѣ войскъ [1]), всѣ китайскія военныя и гражданскія

[1]) Казармы солдатъ внутри янги-шари также иногда обнесены импаномъ.

власти округа, склады продовольствія, обмундированія, оружейныя, артиллерійскія и военныя мастерскія, если таковыя имѣются; здѣсь же находится базаръ (китайскій или даже туземный), и живутъ торговцы со своими семействами. По размѣрамъ, янги-шари бываютъ различны — среднимъ числомъ отъ 100 — 200 саженъ въ поперечникѣ, иногда же и болѣе [1]). Стѣны ихъ сбиты изъ глины и имѣютъ 4—6 саженъ вышины, при значительной толщинѣ, съ оборонительною стѣнкой наверху. Форма янги-шари, какъ у импановъ, квадратная, рѣже многоугольная. По угламъ и на протяженіи фасовъ—фланкирующія башни; впереди ровъ иногда съ вододѣйствіемъ и оборонительною стѣнкой. Въ крѣпость ведутъ трое или четверо воротъ, прикрытыхъ полукруглыми траверсами; на ночь эти ворота, какъ и въ импанахъ, запираются. Для артиллерійской обороны янги-шари мало пригодны, ибо, за исключеніемъ немногихъ башенъ, не имѣютъ на стѣнахъ хорошаго помѣщенія даже для горныхъ орудій, не только что для полевыхъ или крѣпостныхъ. Соображая по своему, китайцы больше расчитываютъ на защиту этихъ крѣпостей ружейнымъ огнемъ и ручнымъ метаніемъ въ непріятеля камней, которые для такой цѣли въ изобиліи собраны на стѣнахъ. Другіе крупные недостатки янги-шари заключаются въ томъ, что они нерѣдко расположены у подножія командующихъ высотъ, а внутри не имѣютъ блиндированныхъ построекъ; затѣмъ городскія зданія и сады часто подходятъ къ самымъ крѣпостнымъ стѣнамъ, такъ что подступы къ нимъ весьма облегчены съ близкаго разстоянія. Словомъ, эти крѣпости не удовлетворяютъ даже слабымъ требованіямъ современнаго военнаго искусства.

Если обратимся теперь ко внутренней, моральной сторонѣ китайскихъ войскъ Новой Линіи, то увидимъ еще болѣе печальныя явленія. Причины тому, съ одной стороны, малая пригодность для военнаго дѣла самого солдата, его трусость и низкій нравственный уровень, а съ другой—въ крайней степени неудовлетворительный составъ офицеровъ, не исключая и высшихъ начальниковъ. Помимо полнаго невѣжества тѣхъ и другихъ въ дѣлѣ своей спеціальности, какъ солдатамъ, такъ и офицерамъ равно чужды здѣсь понятія чести и долга [2]). Никакихъ нравственныхъ узъ и никакого нравственнаго авторитета начальниковъ надъ

[1]) Такъ, напримѣръ, кашгарскій янги-шари, какъ кажется, наибольшій изо всѣхъ, имѣетъ слишкомъ полторы версты въ окружности; по своей формѣ онъ представляетъ неправильный пятиугольникъ.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ наказаніе провинившемуся солдату назначается посылка его въ передовые ряды во время сраженія.

подчиненными въ арміи не существуетъ. Каждый офицеръ, отъ низшихъ до высшихъ чиновъ, прежде всего воръ и грабитель въ глазахъ солдата, котораго онъ дѣйствительно обираетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Офицеры, за ними же и солдаты, поголовно преданы куренію опіума, а этотъ бичъ, какъ извѣстно, убиваетъ физическую и нравственную стороны человѣка. Никакого присмотра за солдатомъ, не говоря про его воспитаніе, въ войскахъ не существуетъ. Кромѣ рѣдкихъ ученій, нижніе чины занимаются цѣлый день чѣмъ угодно, даже мелочной торговлей по базарамъ, и лишь на ночь обязаны являться въ свои казармы, гдѣ тотчасъ приступаютъ къ куренію опіума. Офицеры также цѣлый день, какъ говорится, бьютъ баклуши; на ночь же накуриваются опіума и спятъ нерѣдко до полудня.

Отношенія офицеровъ между собою и къ солдатамъ самыя ненормальныя: то слишкомъ фамиліарныя, то слишкомъ этикетныя и требовательныя [1]). Въ результатѣ получается полное отсутствіе истинной дисциплины, не смотря на то, что даже младшіе офицеры имѣютъ право подвергать солдатъ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ; начальникъ же войскъ въ области или командиръ нѣсколькихъ лянзъ (тунъ-линъ) могутъ предавать нижнихъ чиновъ смертной казни. Но всѣ эти строгости, нерегулируемыя закономъ, наоборотъ, примѣняемыя вполнѣ произвольно [2]), приводятъ лишь къ частому дезертирству и вооруженнымъ бунтамъ солдатъ.

[1]) Офицеры нерѣдко проводятъ время вмѣстѣ съ солдатами какъ въ казармахъ, такъ и внѣ ихъ; причемъ иногда подвергаются грубымъ выходкамъ и даже оскорбленіямъ со стороны солдатъ. Эти послѣдніе, по какому-то нелѣпому обычаю, совершенно игнорируютъ офицеровъ, не принадлежащихъ къ ихъ лянзѣ, и даже высшихъ начальниковъ, которымъ прямо не подчинены. Иногда же, въ особенности на чужихъ глазахъ, китайскіе офицеры свысока, даже презрительно относятся къ своимъ солдатамъ. Таковы же отношенія командировъ отдѣльныхъ частей къ подчиненнымъ имъ офицерамъ: при постороннихъ людяхъ эти офицеры не смѣютъ сѣсть предъ своимъ начальникомъ, даже прислуживаютъ ему за столомъ или подаютъ чай и трубки, какъ наши деньщики; когда же показная сторона миновала, эти самые офицеры держатъ себя за панибрата со своимъ повелителемъ.

[2]) Воинскаго устава о наказаніяхъ и военныхъ судовъ въ войскахъ китайскихъ нѣтъ. За общія преступленія солдаты судятся гражданскимъ судомъ; за военныя — по усмотрѣнію начальства. Наказанія практикуются слишкомъ жестокія: тысяча или, какъ говорятъ, даже двѣ тысячи и болѣе ударовъ бамбуковою палкой, ножные кандалы, шейныя колодки, смертная казнь. Для офицеровъ наказанія заключаются въ арестѣ, денежномъ вычетѣ изъ содержанія, смѣщеніи на низшую должность, наконецъ, въ битьѣ бамбуковыми палками съ разжалованіемъ или безъ онаго. Все это можетъ быть исполнено властью главнокомандующаго, или даже начальствующаго войсками области съ донесеніемъ въ пекинское военное министерство. Генералы подвергаются наказаніямъ только по конфирмаціи богдохана.

Своей ненависти къ офицерамъ и другимъ начальникамъ китайскіе солдаты вовсе не скрываютъ. Ради этого командиры войскъ окружаютъ себя конвоемъ изъ преданныхъ людей. Словомъ, во всѣхъ отрасляхъ военнаго быта царитъ страшная безурядица и полнѣйшій произволъ, приправляемые нерѣдко круглымъ невѣжествомъ даже главныхъ начальниковъ войскъ [1]). Спеціальныя ихъ познанія въ дѣлѣ военномъ, какъ уже не разъ было говорено, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Можно поручиться, что самъ главнокомандующій китайскою арміей на Новой Линіи гораздо менѣе понимаетъ современныя требованія войны, чѣмъ любой изъ нашихъ субалтернъ-офицеровъ.

Такова, конечно въ самыхъ общихъ, крупныхъ чертахъ, характеристика ближайшей къ намъ китайской арміи. Ея полнѣйшее безобразіе въ дѣлѣ военномъ нерѣдко поразительно. Приведенные факты добыты и провѣрены какъ личными нашими наблюденіями, такъ и изслѣдованіями другихъ русскихъ офицеровъ. Повторяю, что данная характеристика въ бóльшей или меньшей степени можетъ быть приложима ко всему китайскому воинству, ибо извѣстно каждому, что «яблоко отъ яблони не далеко упадетъ».

Наши отношенія къ Китаю.

Сопоставляя все вышеизложенное о непрочности китайской власти среди сосѣднихъ намъ народовъ Центральной Азіи, о большой симпатіи этихъ народовъ къ русскимъ, о неудовлетворительности военныхъ силъ Китая, можно, повидимому, прійдти къ заключенію, что наше положеніе въ Азіи, по крайней мѣрѣ относительно Китая, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ дѣйствительности же совсѣмъ наоборотъ. Начиная съ перваго нашего посольства въ Китай въ 1653 году и до отказа китайцевъ утвердить недавній Ливадійскій договоръ, всѣ наши отношенія къ Срединной Имперіи зиждутся на сохраненіи столь восхваляемой двухсотлѣтней дружбы, въ сущности же на нашемъ двухвѣковомъ заискиваніи предъ Китаемъ. Отрадныя исключенія за весь этотъ долгій періодъ составляютъ лишь энергическія дѣйствія графа Рагузинскаго, заключившаго въ 1727 году договоръ, которымъ положено начало кяхтинской торговлѣ, да такія же дѣйствія во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія графовъ Муравьева и Игнатьева, сказавшіяся пріобрѣтеніемъ нами Амурскаго края. Въ этотъ послѣдній періодъ китайцы было пріуныли, въ особенности послѣ трепки, которую имъ задали въ 1860 году англо-французы. Притомъ тогда не была

[1]) Такъ, напримѣръ, командующій нынѣ войсками въ Восточномъ Туркестанѣ, сановникъ Дунгъ, вовсе безграмотный.

еще подавлена въ Китаѣ грозная инсуррекція тайпинговъ, и вскорѣ вспыхнуло возстаніе дунганъ. Казалось, что для нынѣшней Манчжурской династіи, возсѣдающей съ 1644 года на престолѣ Китая, пробилъ роковой часъ, но не тутъ-то было. Вѣрный своей традиціонной политикѣ пассивнаго выжиданія и сопротивленія, Китай понемногу справился съ инсургентами какъ на югѣ, такъ и на западѣ имперіи, обзавелся военными снабженіями изъ Европы и потребовалъ отъ насъ обѣщаннаго возвращенія Кульджинскаго края. Послѣ долгихъ переговоровъ край этотъ былъ нами уступленъ обратно. Столь дешевый успѣхъ еще болѣе подзадорилъ китайцевъ. Признавая, какъ и всѣ азіатцы, лишь неотразимую силу и того ради принимая нашу уступчивость за боязнь и безсиліе, китайцы, особенно въ послѣдніе годы, сдѣлались через-чуръ заносчивы и высокомѣрны даже въ пограничныхъ съ нами сношеніяхъ. Я не говорю уже про Амурскій край, сопредѣльный враждебной намъ Манчжуріи,—тамъ наглыя выходки китайцевъ по временамъ совершенно невыносимы. Но даже со стороны Монголіи и при-Тянъ-шаньскихъ земель, гдѣ власть китайская чуть держится,—и тамъ китайцы съ невообразимымъ нахальствомъ, а главное безнаказанно, сплошь и къ ряду оскорбляютъ какъ нашихъ пограничныхъ начальниковъ, такъ и нашихъ консуловъ, не соблюдаютъ условій трактатовъ, тормазятъ нашу торговлю и пр. и пр. Сосѣдніе той же границѣ инородцы, какъ наши, такъ и китайскіе, все это видятъ и знаютъ. Престижъ нашъ, уже достаточно поколебленный уступкой Кульджи, падаетъ съ каждымъ годомъ въ мѣстностяхъ пограничныхъ; наоборотъ, помимо даже желанія со стороны туземцевъ, въ ихъ глазахъ выростаетъ значеніе власти китайской. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Китая, быть-можетъ не безъ посторонняго вліянія, какъ кажется, уже не скрываютъ желанія помѣряться съ нами на полѣ бранномъ и заранѣе намѣчаютъ результаты китайскихъ побѣдъ. Словомъ, пресловутая двухсотлѣтняя дружба, не смотря на все наше стараніе продлить ее, хотя бы цѣной уступокъ и поблажекъ, все-таки виситъ на волоскѣ, который не сегодня завтра можетъ порваться.

Затѣмъ нужно помнить, что Китай никогда не имѣлъ и нынѣ вовсе не имѣетъ искренняго желанія вступить въ близкія сношенія съ иностранцами. Наоборотъ, избавиться отъ «заморскихъ дьяволовъ» и жить по прежнему изолированно вотъ завѣтная мечта всего китайскаго народа и его правительства. Отчасти это и резонно, если вспомнить какимъ несправедливостямъ и нападкамъ подвергается Китай со стороны европейцевъ, начиная отъ привиллегированнаго здѣсь положенія всѣхъ

иностранцевъ вообще и затѣмъ миссіонеровъ, которые, уклоняясь отъ истинныхъ принциповъ своей пропаганды, создаютъ государство въ государствѣ, до торговой эксплуатаціи и насильственнаго ввоза опіума [1]), отравляющаго цвѣтъ китайскаго населенія. На насъ, собственно говоря, ни въ чемъ подобномъ Китай не можетъ жаловаться. Мы всегда были слишкомъ уступчивыми и добрыми для него сосѣдями. Даже занятіе нами Амурскаго края не было особенною наглостью съ нашей стороны, ибо край этотъ фактически никогда китайцамъ не принадлежалъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ выше сказано, Китай и относительно насъ держится самой неблагодарной, если можно такъ выразиться, политики. Хотя договорами [2]), заключенными въ текущемъ полустолѣтіи, мы значительно расширили свои торговыя права и дипломатическія сношенія со Срединною Имперіей, получили разрѣшеніе содержать своего представителя въ Пекинѣ [3]), а консуловъ въ открытыхъ европейцамъ портахъ и въ нѣкоторыхъ городахъ, ближайшихъ къ нашей сухопутной границѣ, тѣмъ не менѣе практическіе результаты такихъ успѣховъ весьма не велики. Попрежнему китайцы смотрятъ на насъ свысока, попрежнему тормазятъ нашу торговлю, попрежнему придираются ко всякому удобному случаю, чтобы нарушить то или другое условіе трактатовъ. Каждый изъ безпристрастныхъ людей, имѣющихъ дѣло въ Китаѣ или по нашей тамъ границѣ, можетъ это засвидѣтельствовать. Да и въ самой прочности существующихъ трактатовъ позволительно сомнѣваться, ибо въ Китаѣ, при огульной ненависти къ европейцамъ всего населенія и при нерѣдкой смѣнѣ господства въ правительственныхъ сферахъ той или другой партіи, каждый договоръ болѣе чѣмъ гдѣ-либо имѣетъ обязательность лишь настолько, насколько онъ гарантированъ матеріальною силой договаривающагося. По вѣрному мнѣнію профессора Мартенса [4]), международное право не можетъ быть приложимо въ сношеніяхъ съ полудикими народами [5]). Имъ нужна видимая сила, которую

[1]) На 12 милліоновъ фунтовъ стерлингъ ежегодно.

[2]) Кульджинскимъ, Айгунскимъ, Тяньцзинскимъ, Пекинскимъ и Петербургскимъ.

[3]) Ранѣе дипломатическія сношенія между нами и Китаемъ обыкновенно производились особыми посольствами. Такія посольства съ нашей стороны рѣдко достигали своей цѣли, но всегда болѣе или менѣе испытывали гордое, даже презрительное отношеніе къ нимъ китайскихъ властей. Доходило до того, что Пекинское правительство, видя настойчивость нашего посла, требовало взамѣнъ его прислать «болѣе благоразумнаго человѣка».

[4]) Высказанному въ его замѣчательныхъ брошюрахъ: «*Россія и Китай*», «*Россія и Англія въ Средней Азіи*».

[5]) А развѣ къ нимъ нельзя причислить китайцевъ? Страна, которая окаменѣла въ своихъ вѣковыхъ преданіяхъ и чужда всякому прогрессу, ибо почитаніе старины возведено здѣсь чуть не въ религіозный культъ, гдѣ наука представляетъ собою мумію, гдѣ

только и признаютъ и уважаютъ онѣ. Такъ и для Китая. Осязательно чувствуя громадную силу морскихъ державъ, онъ поджимаетъ предъ ними хвостъ и, наоборотъ, видя нашу уступчивость, ощетинивается въ эту сторону. Къ тому же преобладающее въ Пекинѣ вліяніе иностранцевъ и вѣроятныя интриги нѣкоторыхъ изъ нихъ еще болѣе парализуютъ наше положеніе въ Небесной Имперіи.

Иные говорятъ, что Китай косвеннымъ образомъ услуживаетъ намъ, сдерживая подъ своею властью народности Центральной Азіи, но такой взглядъ едва ли вѣренъ. Номады-монголы въ нынѣшнія времена не могутъ быть хотя сколько-нибудь намъ опасны; владычество же китайцевъ надъ магометанскимъ населеніемъ Центральной Азіи ведетъ, какъ было выше объяснено, не къ успокоенію этого населенія, а наоборотъ, къ новымъ съ его стороны возстаніямъ. Эти возстанія, въ особенности при удачномъ ихъ исходѣ, могутъ до извѣстной степени мутить и магометанъ въ сопредѣльныхъ нашихъ владѣніяхъ.

Немногимъ лучше и относительно нашей торговли съ Китаемъ, по крайней мѣрѣ при настоящемъ ея положеніи. Хотя до половины нынѣшняго столѣтія мы почти не имѣли здѣсь торговыхъ соперниковъ и болѣе чѣмъ полтора вѣка ведемъ кяхтинскую торговлю, тѣмъ не менѣе весь годичный торговый нашъ оборотъ съ Небесною Имперіей (по привозу и вывозу) достигаетъ *лишь* $24\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей [1]. Между тѣмъ сравнительно недавно возникшая морская торговля западныхъ державъ съ Китаемъ такъ быстро возрастаетъ, въ особенности для Великобританіи, что ежегодный оборотъ этой торговли уже представляетъ почтенную цифру въ 1,100—1,200 милліоновъ франковъ. Ясно, что конкуренція здѣсь для насъ теперь немыслима, и что весь приморскій Китай никогда не можетъ сдѣлаться нашимъ рынкомъ [2]). Но въ за-стѣнныхъ владѣніяхъ Китая и даже въ собственныхъ сѣверо-западныхъ его провинціяхъ Гань-су и Шанъ-си, гдѣ торговля издавна направляется къ Монголіи и Тибету, мы имѣемъ возможность развить и упрочить наши

нравственность, жизнь семейная и общественная зиждутся на принципахъ, выработанныхъ задолго до начала нашей эры, гдѣ народъ не знаетъ никакой религіи и совершенно безсердеченъ, гдѣ матеріальныя выгоды составляютъ единый кумиръ всѣхъ и каждаго, гдѣ, наконецъ, чужеземецъ со своими новшествами, безъ разбора хороши ли они или худы, является заклятымъ врагомъ—такая страна безъ особенной натяжки можетъ быть названа полудикою.

[1]) За 1884 годъ.

[2]) Изъ числа 22,970 судовъ (17,300 пароходовъ и 5,670 парусныхъ), посѣтившихъ въ 1880 году открытые европейцамъ китайскіе порты и перевезшихъ около 16 милліоновъ тоннъ груза, нашихъ судовъ было только 41, съ грузомъ около 50 тысячъ тоннъ.

торговыя операціи. Со временемъ, быть можетъ, представятся удобныя обстоятельства забраться и поглубже въ Собственный Китай.

Во всякомъ случаѣ лучшее будущее нашей китайской торговли возможно лишь тогда, когда хотя отчасти устранятся тѣ причины, которыя служатъ великими для нея тормазами. Къ такимъ причинамъ, дѣйствующимъ извнѣ, помимо непосильной конкурренціи морскихъ державъ, двигающихъ громадными капиталами и наводняющихъ открытые китайскіе порты своими дешевыми товарами, слѣдуетъ причислить прежде всего недобросовѣстное отношеніе самихъ китайцевъ къ торговымъ съ нами трактатамъ и тѣ притѣсненія, которымъ подвергаются отъ китайской администраціи наши торговцы со стороны сухопутной границы. Такъ, Манчжурія для нашей торговли фактически вовсе заперта, не смотря на то что еще Айгунскій трактатъ 1858 года выговорилъ намъ свободное плаваніе по рѣкѣ Сунгари. Въ Монголіи же, помимо транзитной чайной торговли, исключительно направляющейся въ Кяхту, наша торговля съ номадами крайне затрудняется торговыми здѣсь компаніями китайскихъ (преимущественно шанъ-сійскихъ) купцовъ. Эти компаніи имѣютъ каждая опредѣленный районъ, и помимо поставки болѣе дешевыхъ, приноровленныхъ ко вкусу и потребностямъ монгола товаровъ, находятся въ стачкѣ съ мѣстною китайскою администраціей, такъ что почти исключаютъ возможность конкурренціи съ нашей стороны. Наконецъ, въ Восточномъ Туркестанѣ, гдѣ китайская торговля ничтожна, а наша всего болѣе развита, благодаря давнишнему тяготѣнію этой страны къ бывшему Коканскому ханству, то-есть къ нынѣшней Ферганской области, китайцы самымъ безсовѣстнымъ образомъ сплошь и рядомъ тѣснятъ русскую торговлю и даже совершаютъ насилія надъ нашими подданными. Нѣсколько улучшилось подобное положеніе лишь съ учрежденіемъ русскаго консульства въ Кашгарѣ. Вообще для преуспѣянія нашей торговли въ за-стѣнномъ Китаѣ, помимо уже имѣющихся здѣсь консульствъ—въ Ургѣ, Чугучакѣ, Кульджѣ и Кашгарѣ—слѣдовало бы учредить и новыя въ важныхъ для торговыхъ операцій пунктахъ.

Затѣмъ, не мало найдется и съ нашей стороны причинъ, стѣсняющихъ развитіе русской торговли какъ въ Центральной Азіи, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Китая. Такими причинами являются: отсутствіе крупныхъ капиталовъ, недостатокъ солидныхъ торговыхъ фирмъ и широкой иниціативы въ этомъ дѣлѣ вообще. Кромѣ того, малое развитіе нашей колонизаціи по китайской границѣ, отсутствіе здѣсь фабричнаго производства и неудовлетворительное состояніе путей сообщенія—все

это вмѣстѣ взятое представляетъ весьма тяжеловѣсную сумму неблагопріятныхъ условій, при которыхъ торговое дѣло едва ли можетъ установиться какъ слѣдуетъ. А между тѣмъ, даже и теперь, нѣкоторые наши товары, какъ юфть, плисъ, сукно и желѣзо въ разныхъ видахъ, находятъ для себя хорошій сбытъ въ Монголіи [1]); частью тѣ же товары, кромѣ того, ситцы, разныя бумажныя и шерстяныя матеріи, мѣдныя издѣлія, сахаръ и пр., ходко продаются въ Восточномъ Туркестанѣ [2]). Кромѣ того, значительнымъ предметомъ сбыта въ Собственный Китай изъ нашей Сибири могло бы быть тамошнее сырье, какъ лѣсъ [3]), скотъ [4]) и пр.

Конечно, вопросъ о развитіи нашей торговли съ Китаемъ потребуетъ многосторонняго обсужденія спеціалистовъ, но напередъ можно сказать, что постановка этого дѣла на болѣе широкихъ и прочныхъ, чѣмъ теперь, основаніяхъ немыслима безъ кореннаго измѣненія нашихъ отношеній къ Срединной Имперіи. Къ сожалѣнію, выгодное разрѣшеніе многихъ здѣсь неудобствъ мирнымъ путемъ едва ли удастся. Повторяю, каждому изъ нашихъ пограничныхъ дѣятелей извѣстно, что высокомѣріе и наглость китайцевъ растутъ съ каждымъ годомъ. Возможно даже, что Китай, отуманенный недавними успѣхами въ борьбѣ съ дунганами, частью въ Тонкинѣ и возвращеніемъ Кульджи, притомъ подстрекаемый нашими недругами, самъ объявитъ намъ войну при первомъ удобномъ случаѣ. Часъ такого событія, быть можетъ, не за горами. Особенно его опасаться нѣтъ резона, ни со стороны нашихъ шансовъ побѣды, ни со стороны подрыва нашего положенія въ Азіи вообще, а въ Китаѣ

[1]) Здѣсь наша торговля почти исключительно мѣновая. Она производится по всей сѣверной Монголіи, какъ равно и въ тамошнихъ городахъ—Ургѣ, Улясутаѣ и Кобдо. Оборотъ этой торговли по привозу и вывозу простирается свыше двухъ милліоновъ рублей. Китайская торговля въ той же Монголіи производится на десятки милліоновъ рублей.

[2]) Торговля здѣсь находится въ рукахъ нашихъ подданныхъ, уроженцевъ Ферганы и другихъ частей русскаго Туркестана; эти люди извѣстны въ Восточномъ Туркестанѣ, какъ уже говорено было, подъ общимъ именемъ Андижанъ. Оборотъ всей торговли, по привозу и вывозу, простирался въ 1882 году, по донесенію нашего кашгарскаго консула, до 2.200,000 р.

[3]) Въ настоящее время лѣсъ изъ окрестностей Урги, въ видѣ досокъ и брусьевъ, перевозится въ Калганъ вьюкомъ на обратныхъ верблюдахъ или на обратныхъ же подводахъ. Доставка каждаго пуда дерева обходится (при вьючной перевозкѣ) около одного рубля на наши деньги. Всего отправляется ежегодно на сумму отъ 30—40 тысячъ рублей. Сколько могли бы мы сбывать моремъ въ Китай и Японію лѣснаго матеріала изъ громадныхъ лѣсовъ Амурскаго края?

[4]) Китай, вовсе неимѣющій пастбищъ и скотоводства, весьма нуждается въ скотѣ, который нынѣ получается главнымъ образомъ изъ Монголіи, даже изъ окрестностей Улясутая и Кобдо. Тѣмъ же путемъ могъ бы быть доставляемъ въ сѣверный Китай дешевый скотъ нашихъ киргизскихъ степей.

въ особенности. Какъ ни дурна война сама по себѣ, но худой миръ также не сладокъ; это испытываетъ теперь вся Европа. Относительно же Китая можно быть увѣреннымъ, что его политика къ намъ не перемѣнится, по крайней мѣрѣ прочнымъ образомъ, безъ фактическаго заявленія силы съ нашей стороны. Волей-неволей намъ придется свести здѣсь давніе счеты и осязательно доказать своему заносчивому сосѣду, что русскій духъ и русская отвага равно сильны—какъ въ сердцѣ Великой Россіи, такъ и на далекомъ востокѣ Азіи.

Конецъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка: сверху	снизу.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
94	—	11	*Oxythropis acyphylla*	*Oxytropis aciphila*
127	—	16	(Pyrgilauda barbata и др.)	(Pyrgilauda barbata)
136	19	—	*кендыръ* (Apocinum venetum)	кендырь (Apocynum venetem)
»	20	—	(Licium ruthenicum)	(Lycium ruthenicum)
241	—	5	(Juncus maritimus)	(Scirpus maritimus)
244	—	10	(Juncus maritimus)	(Scirpus maritimus)
300	26	—	*Іаиннасъ*	*Гаиннасъ*
313	3	—	музыкальнымъ	музыкальныхъ
333	—	8	книмъ	къ нимъ
367	2	—	шестяная	шерстяная
406	—	15	*Maleolenia africana*	*Malcolmia africana*
412	12	—	Tanacetum fruticosulum	Tanacetum fruticosum

Bayerische Staatsbibliothek München

I.

Гравировалъ Клас. Воен. Худ. Михайловъ.

КАРТА
МАРШРУТНО-ГЛАЗОМѢРНОЙ СЪЕМКИ
ЧЕТВЕРТАГО (1884, 1885 Г.Г.) ПУТЕШЕСТВІЯ
Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО
ВЪ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ
Масштабъ 50 верстъ въ Англійскомъ дюймѣ.

50 40 30 20 10 0 50 100 150 верстъ

ОТЧЕТНАЯ КАРТА
ЧЕТЫРЕХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО
ПО
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ
ПУТЕШЕСТВІЯ:
I Монгольское — 1871, 72, 73 год. 11,100 верстъ карав. пути
II Лобъ-норское и Чжунгарское 1876, 77 — 3980
III 1е Тибетское — 1879, 80 — 7180
IV 2е Тибетское — 1884, 85 — 7325
Масштабъ 100 верстъ въ дюймѣ
Верстъ
ТАШУНЬСКІЙ ГОБИ
АРБАГАТАЙ
ЦЗУНЪ-СУНИТЪ
АЛА-ШАНЬ

65 руб

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Prževalʹskij, Nikolaj Michajlovič,

Ot Kjachty na istoki Želtoj rěki Četvertoe putešestvie v central'noj Azii. Izslědovanie sěvernoj okrainy Tibeta i put' čerez Lob-Nor po bassejnu Tarima. N. M. Prževal'skago. S 3 Kartami, 29 fototipijami i 3 politipažami. Izdanie Imperatorskago Russkago Geografičeskago Obščestva

S.-Peterburg 1888

4 Geo.u. 139 b

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11485675-1